СОЧИНЕНІЯ ГРИГОРОВИЧА

Printed in Russia

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

XI.

АКРОБАТЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

(повѣсть.)

...„Служеніе общественной пользѣ! Благотворительность! То и другое святое дѣло, если только руководятъ имъ искреннее чувство и убѣжденіе...“

Аббатъ Ламенэ.

„Глядишь, сѣютъ рожь, а выходитъ ложь“.

Русская поговорка.

I.

Въ одной изъ улицъ Петербурга находится большое каменное зданіе, сооруженное въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія; вы отсюда уже видите характеръ архитектуры: наверху неизбѣжный треугольный фронтонъ; ниже рядъ толстыхъ колоннъ, заслоняющихъ свѣтъ въ средней части бель-этажа; еще ниже—совсѣмъ уже ни на что не нужный выступъ съ пятью арками; въ средней аркѣ помѣщается подъѣздъ. Къ нему, въ послѣднее время, придѣлали крытый желѣзомъ наметъ на чугунныхъ столбахъ.

Многіе годы домъ окрашивался краской цвѣта крутого желтка; цвѣтъ былъ тогда въ модѣ. Но съ тѣхъ поръ произошли значительныя перемѣны: нравы умягчились, вмѣстѣ съ ними умягчился вкусъ, и домъ перекрасили въ одноцвѣтный жидко-сѣромолочный цвѣтъ, не выключая колоннъ и фронтона. Не измѣнилось одно только: мостовая. Извѣстно, что въ нашихъ городахъ вообще экипажи не столько катятся, сколько подскакиваютъ, и возницы не столько правятъ вожжами, сколько дергаютъ; но здѣсь

уже просто, какъ говорится, вышибало изъ сидѣнья и часто ломались оси.

При домѣ находился, однакоже, экзекуторъ; но жалованье получалъ онъ маленькое, дѣтей имѣлъ кучу и по необходимости посвящалъ бо́льшую часть времени собственнымъ двумъ дачамъ на Черной рѣчкѣ; къ дачамъ прилегалъ хозяйственно устроенный огородъ, снабжавшій окрестныхъ жителей прекрасной и даже недорогой клубникой. Служебныя его обязанности, главнымъ образомъ, сосредоточивались на квартирѣ начальника, которая помѣщалась въ бель-этажѣ, — и съ этой стороны, надо отдать справедливость экзекутору, онъ былъ безупреченъ: камины и печи никогда не дымили, полы натирались до зеркальности, мебель и ковры всегда тщательно выбивались, дверныя ручки и ключи поворачивались какъ въ маслѣ, все блистало чистотою и показывало примѣрное усердіе. Послѣднее качество заслуживало тѣмъ больше вниманія, что экзекуторъ никогда почти не встрѣчалъ начальника, ни разу не удостоился отъ него похвалы.

Начальникъ былъ человѣкъ превосходный, съ мягкой душой и великодушнымъ сердцемъ; но онъ стоялъ на такой высотѣ, откуда можно было видѣть только крупные предметы. Постоянно озабоченный самыми сложными и разнообразными вопросами, постоянно устремляя взоръ на дальніе горизонты, онъ проходилъ обыкновенно мимо, изрѣдка кивая головою, часто даже не отдавая себѣ отчета въ томъ, кому кивалъ и кто ему кланялся. Онъ врядъ ли даже подозрѣвалъ о существованіи экзекутора. Еще труднѣе было ему замѣтить неисправность мостовой, такъ какъ на всѣхъ его экипажахъ шины постоянно перетягивались толстымъ обводомъ изъ гуттаперчи.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, часу въ десятомъ утра, парадная дверь описаннаго зданія внезапно отворилась; на порогѣ ея показался швейцаръ. Онъ былъ пока запросто: парадная форма и перевязь замѣнялись длиннополымъ синимъ сюртукомъ и бѣлымъ галстукомъ; но галунъ на фуражкѣ и гербовыя пуговицы на сюртукѣ достаточно указывали его званіе. Изъ-за швейцара просунулся бочкомъ румяный, какъ амуръ, курьеръ, съ бляхой на груди, крутыми завитками на головѣ и толстымъ туловищемъ на коротких ножкахъ.

Курьеръ закурилъ папироску; швейцаръ попросилъ у

него огня; но, въ ту же минуту, изъ-за угла показалась крытая коляска и прямо покатила къ подъѣзду.

— Воскресенскій! шепнулъ курьеръ, поспѣшно бросая папиросу и затаптывая ее подошвой.

— Вижу! отозвался швейцаръ, повторяя то же движеніе.

Не давъ экипажу окончательно остановиться, оба съ озабоченными лицами ринулись впередъ, отстегнули фартукъ коляски и принялись бережно, почтительно высаживать длиннаго согбеннаго господина, который, какъ только сталъ на ноги и выпрямился, оказался совсѣмъ еще не дряхлымъ человѣкомъ, — лѣтъ пятидесяти, не больше, — но уже значительно посѣдѣвшимъ. Волосы его не столько, впрочемъ, были бѣлы, сколько отличались мутно-зеленоватымъ отливомъ; золотые очки, низко сидѣвшіе на переносицѣ, открывали пару выпуклыхъ близорукихъ бѣловатыхъ зрачковъ, которые мигали и щурились, какъ глаза совы, неожиданно выставленной на солнце. Несмотря на іюль мѣсяцъ, онъ былъ въ тепломъ ватномъ пальто и резиновыхъ калошахъ, надѣтыхъ на огромныя плоскія ступни съ наростами подлѣ большого пальца въ видѣ луковицъ. Малокровіе, заставлявшее его зябнуть въ то время, какъ другіе не знали куда дѣваться отъ жары, достаточно, впрочемъ, подтверждалось мутно-золотушнымъ цвѣтомъ худощаваго лица, обтянутаго дряблой, разслабленной кожей. Въ цѣломъ, пріѣзжій имѣлъ видъ чего-то мягкаго, разварного, замшеваго и унылаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было въ немъ также что-то вкрадчивое, подползающее, невольно, со стороны, внушавшее чувство осторожности.

— Аѳанасьевъ, медленно проговорилъ онъ, обратясь къ курьеру, — возьми портфель изъ коляски; возьмешь также заодно ящикъ, завернутый въ бумагу; но только осторожнѣй; не толкни какъ-нибудь; то и другое снесешь въ пріемную...

— Слушаю, ваше превосходительство!

Пока курьеръ хлопоталъ въ колескѣ, пріѣзжій, сопровождаемый швейцаромъ, продолжавшимъ бережливо поддерживать его подъ локоть, успѣлъ пройти въ прихожую,—просторную, высокую комнату на сводахъ; вся нижняя часть стѣнъ въ промежуткахъ, оставшихся свободными отъ дверей и оконъ, была обита лакированнымъ деревомъ съ безчисленнымъ множествомъ вѣшалокъ; подъ

выступающимъ карнизомъ выдвигался рядъ стульевъ съ прямыми спинками; передъ однимъ изъ оконъ находился столъ съ чернильницей и толстыми книгами, гдѣ расписывались пріѣзжающіе и отмѣчались адресы. Прихожая освѣщалась, съ одной стороны, окнами на улицу, съ другой—широкой парадной лѣстницей.

— Позвольте васъ почистить, ваше превосходительство. Вы изволили запылиться, озабоченно произнесъ швейцаръ, подбѣгая со щеткой, которая какъ бы скрывалась наготовѣ въ его рукавѣ и вдругъ оттуда выскочила.—Теперь сухо, ваше превосходительство; изволили съ дачи пріѣхать—мудрено ли запылиться? добавилъ онъ съ подобострастной фамильярностью служителей, обращающихся къ важнымъ лицамъ, давно знакомымъ и близко стоящимъ къ высшему начальству.

Отдавая себя въ руки швейцара, г. Воскресенскій ограничился тѣмъ, что поправилъ очки и снялъ шляпу, которую живо подхватилъ другой курьеръ, выскочившій изъ боковой двери.

Въ вицмундирѣ, изъ-подъ борта котораго скромно выглядывалъ уголъ звѣзды, г. Воскресенскій показался еще худощавѣе и тщедушнѣе; унылое лицо его замѣтно, однакоже, выказало здѣсь больше живости, самыя движенія стали бодрѣе; даже кончики фалдъ на вицмундирѣ какъ бы сами собой затрепетали, напоминая перо рыбы, неожиданно опущенной въ воду. Онъ, очевидно, чувствовалъ себя здѣсь на своей почвѣ.

Лицо г. Воскресенскаго, освобожденное отъ шляпы, близко напомнило старую лисицу. Всѣ черты стягивались къ заостренному холодному хрящику носа, который, казалось, не столько вдыхалъ воздухъ, сколько постоянно что-то обнюхивалъ; къ сходству прибавляли также большія уши, торчавшія навылетъ и кончавшіяся остряками на верхней части. Впечатлѣніе смягчалось нѣсколько сѣдиною волосъ, спускавшихся вдоль щекъ жидкими плоскими прядями; въ нихъ точно такъ же было что-то разслабленное, какъ бы страдавшее отъ недостатка питанія на ихъ почвѣ. То же самое можно было сказать о глазахъ съ ихъ бѣловатыми выпуклыми зрачками, окаймленными красными опухшими вѣками; они также казались утомленными и разслабленными, также смотрѣли внизъ, отвѣчая на видъ тихому голосу и мягкимъ движеніямъ ихъ владѣльца.

— Никого еще нѣтъ?—спросилъ онъ, указывая глазами на парадную лѣстницу.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство! отвѣчали въ одно время и съ одинаковой поспѣшностью швейцаръ и курьеръ.

— Кто сегодня дежурный?

— Господинъ Стрекозинъ.

Г. Воскресенскій направился къ парадной лѣстницѣ, открывавшейся свѣтлымъ пятномъ между двумя колоннами, отполированными подъ мраморъ; освѣщаясь справа окнами второго этажа, лѣстница послѣ первой площадки дѣлилась на двѣ части, подымавшіяся параллельно одна другой; онѣ приводили на верхнюю площадку, украшенную такими же колоннами, какъ при входѣ; ковровая полоса краснаго цвѣта, перехваченная у каждой ступени мѣднымъ вылощеннымъ прутомъ, занимала середину лѣстницы и прекращалась у входа въ большую свѣтлую залу, украшенную лѣпной работой.

Войдя въ нее, г. Воскресенскій тотчасъ же взялъ влѣво, отыскалъ ручку незамѣтной двери и отворилъ ее такъ же спокойно, какъ у себя дома; миновавъ большую столовую, онъ перешелъ въ буфетную, обставленную высокими шкапами; сквозь стекла виднѣлись серебро и всякаго рода посуда.

Боковая часть стѣны забрана была изразцами и тутъ же выставлялась плита, подлѣ которой стоялъ кухонный мужикъ въ красной рубашкѣ и бѣломъ передникѣ; противъ плиты, передъ окномъ, раскидывался длинный липовый столъ; на немъ красовался серебряный подносъ, уснащенный чайнымъ приборомъ, корзиной съ хлѣбомъ, масломъ и яйцами, глядѣвшими изъ-подъ салфетки съ вытканнымъ гербомъ на углу. Передъ подносомъ хлопоталъ величественнаго вида буфетчикъ во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и вязаныхъ перчаткахъ; обстриженъ онъ былъ подъ гребенку; лицо его, круглое, какъ пузырь, и выбритое подъ атласъ, сіяло важностью и довольствомъ.

Оно проявило всѣ признаки радостнаго оживленія, какъ только въ дверяхъ показался г. Воскресенскій.

— Ахъ, ваше превосходительство, какъ рано изволили пожаловать! воскликнулъ онъ, раскланиваясь.

— Что, какъ его сіятельство? Всталъ? проговорилъ г. Воскресенскій, снисходительно кивая головою.

— Только что перешли въ уборную; не прикажете ли чаю, ваше превосходительство?

— Нѣтъ, спасибо... А что подѣлываетъ мой крестникъ, какъ учится? освѣдомился неожиданно г. Воскресенскій, выказывая участіе, котораго, впрочемъ, не чувствовалъ.

— Благодарю васъ покорно; перешелъ во второй классъ гимназіи... Все васъ надо благодарить, ваше превосходительство...

— Ну, полно, полно...

— Помилуйте, какъ же! Не вы ли изволили опредѣлить его на казенный счетъ? Намъ никогда бы этого не добиться, потому, какъ вамъ извѣстно, его сіятельство въ это не входятъ...

— Очень радъ, очень радъ, перебилъ г. Воскресенскій,— я всегда радъ, когда могу сдѣлать доброе дѣло...

— Всѣмъ намъ это очень хорошо извѣстно... Мы это чувствуемъ, произнесъ буфетчикъ, перемѣняя нѣсколько свободный тонъ на почтительный и даже расчувствованный.

Въ эту минуту изъ отдаленныхъ комнатъ послышался звонокъ.

Буфетчикъ ухватился обѣими руками за подлосъ и съ торопливой заботливостью спросилъ, проходя мимо:

— Прикажете сейчасъ доложить?

— Пожалуй... впрочемъ, я не тороплюсь... Во всякомъ случаѣ, я буду тамъ въ пріемной, заключилъ г. Воскресенскій, выходя изъ буфетной.

Минуту спустя онъ снова очутился у входа въ бѣлую залу. Отсюда открывалась цѣлая перспектива парадныхъ комнатъ, которыя оканчивались пріемной. Войдя въ нее, онъ подошелъ къ столу, на которомъ уже лежалъ его портфель и свертокъ, обернутый бумагой и припечатанный сургучомъ. Сорвавъ печати, г. Воскресенскій выложилъ на столъ деревянный рѣзной сигарный ящикъ съ застежками изъ кованаго желѣза и еще дамскій несессеръ, украшенный инкрустаціями изъ цвѣтного дерева. Не отдавая большого вниманія этимъ предметамъ, онъ равнодушнымъ взглядомъ окинулъ стѣны пріемной и, заложивъ руку за фалды вицмундира, принялся медленно расхаживать по всей амфиладѣ парадныхъ комнатъ, обставленныхъ тяжеловѣсною мебелью тридцатыхъ годовъ; она была обита штофомъ разнаго цвѣта, согласно съ цвѣтомъ

стѣнъ. Тамъ, гдѣ не было ковровъ, паркетъ вездѣ лоснился, отражая блескъ оконъ и зеркалъ, расположенныхъ въ простѣнкахъ.

Несмотря на смертную скуку, распространяемую этими комнатами,—скуку, которую не только не выкупали, но еще усиливали размѣры архитектурныхъ линій, вышина стѣнъ и оконъ, пестрота большихъ казенныхъ фарфоровыхъ вазъ въ углахъ, массивные канделябры и часы на каминахъ,—онѣ, тѣмъ не менѣе, производили внушительное дѣйствіе; невольное чувство заставляло осматриваться, понижать голосъ и не стучать каблуками.

По привычкѣ, вѣроятно, проходить эти залы, г. Воскресенскій не ощущалъ, повидимому, ничего подобнаго. Онъ, правда, не столько шагалъ, сколько скользилъ на мягкихъ своихъ подошвахъ; плоскія его ступни съ выдающимися луковицами у большого пальца двигались смѣло, упирались въ ковры и паркетъ съ примѣтной самоувѣренностью. Постарѣлый видъ сапоговъ, вицмундиръ съ истертымъ бархатнымъ воротникомъ, галстукъ, небрежно повязанный, подтверждали также его безцеремонное отношеніе ко всему окружающему.

Если улыбка самодовольствія показывалась иногда на блѣдныхъ губахъ его, если самый взглядъ измѣнялъ обычному тусклому выраженію, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ былъ здѣсь наединѣ съ самимъ собою; ему, наконецъ, не къ чему было стѣсняться, не зачѣмъ было себя насиловать: смиренный взглядъ, мягкія движенія, тихій голосъ давно уже сдѣлали свое дѣло, давно упрочили ему извѣстность человѣка въ высшей степени благонамѣреннаго, снисходительнаго, услужливаго, не считая репутаціи человѣка высокой нравственности и глубокаго благочестія, пріобрѣтенной имъ въ кругу знатныхъ благотворительныхъ старухъ, гдѣ онъ преимущественно вращался.

Общественное положеніе г. Воскресенскаго было дѣломъ рукъ его; онъ могъ имъ не гордиться. Твердая поступь, равнодушіе къ окружающей обстановкѣ, самодовольная улыбка выражали здѣсь сознаніе удовлетвореннаго тщеславія, увѣренность достигнутой цѣли.

Приговоръ тщеславнымъ людямъ такъ же вообще несправедливъ, какъ приговоръ самому тщеславію, считающемуся предосудительнымъ чувствомъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, все основано на оттѣнкахъ; отличіе оттѣнковъ основывается,

въ свою очередь, на руководящемъ двигателѣ, на поводѣ или мотивѣ, какъ теперь выражаются. Однимъ тщеславіе помогаетъ исполнять великія общественныя задачи; другимъ служитъ орудіемъ для достиженія личныхъ цѣлей. Тамъ, гдѣ первые прорываются ядромъ, вылетѣвшимъ изъ пушки, и пролетаютъ со свистомъ большое пространство, другіе тихо, незамѣтно проскользаютъ и, какъ холера, дѣйствуютъ въ болѣе тѣсномъ горизонтѣ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, требуется расходъ извѣстной силы, требуется присутствіе внутренняго подъема, излишекъ чего-то такого, что вообще не сплошь и рядомъ встрѣчается въ людяхъ; нуженъ особый темпераментъ, нужно больше фосфора въ костяхъ, больше желѣза въ крови. Противъ даровъ природы ничего не подѣлаешь. Они такъ могущественны, что, доставшись случайно посредственности, выдвигаютъ ее часто скорѣе истинныхъ способностей и даже таланта. Въ данномъ случаѣ, посредственные люди дѣйствуютъ почти одинаково. Намѣтивъ себѣ извѣстную цѣль, они сначала бываютъ осмотрительны, какъ кошки, выносливы, какъ ломовая лошадь, терпѣливы, какъ башмакъ, готовы подставлять спину подъ удары. Сила воли, направленная на одну точку, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ дѣлать свое дѣло: она долбитъ и просверливаетъ, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями. Пробиваясь постепенно въ глубь съ тѣмъ же упорствомъ, какъ червь точитъ дубъ, они, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше стѣсняются въ способахъ дѣйствій,—въ случаѣ надобности, готовы вырѣзать бирюльки изъ костей родной матери. Наконецъ, дубъ просверленъ во всю длину, свѣтъ показался, — цѣль достигнута! Постоянная борьба противъ препятствій, необходимость пролѣзать сквозь гнилушки, встрѣча съ другими червяками, которыхъ надо было загрызть, чтобы прочистить себѣ дорогу, — все это, конечно, не прошло имъ даромъ, уходило ихъ физически, часто износило до ворса; но, взамѣнъ этого, все это настолько же помогло имъ укрѣпиться духомъ, закалило въ нихъ настойчивость и усилило жадность, развило смѣлость и, вмѣстѣ съ нею, непреодолимое желаніе выместить на плечахъ другихъ пройденныя испытанія. Дальнѣйшія дѣйствія зависятъ уже отъ личнаго характера. Одни, вооружившись внезапно дерзостью и нахальствомъ, плотно врѣзываютъ свои каблуки на ступенькахъ, по мѣрѣ того, какъ выше восходятъ; другіе продолжаютъ подвигаться

на замшевыхъ подошвахъ, тщательно скрывая, подъ видомъ кротости, преданности и смиренія, настоящія свои чувства. У первыхъ самодовольство выражается явно, сіяетъ въ глазахъ и румянитъ щеки; у вторыхъ оно проявляется едва замѣтно, въ смиренной улыбкѣ, мягкихъ движеніяхъ, тихомъ, вкрадчивомъ голосѣ. Послѣдніе всегда опаснѣе; это тѣ самыя лица, о которыхъ говорятъ обыкновенно: „не клади пальца въ ротъ—откуситъ!“

II.

Такъ какъ представился теперь удобный случай, не лишнимъ было бы короче познакомить читателя съ г. Воскресенскимъ.

Онъ былъ изъ духовнаго званія. Благодаря сердобольной помѣщицѣ того села, гдѣ жилъ его отецъ, онъ миновалъ семинарію и поступилъ въ уѣздное училище. Учился онъ плохо; его, безъ сомнѣнія, клали бы на скамью и сѣкли каждую субботу, если бъ не выручали, съ одной стороны, крайне тщедушный видъ, но, главнымъ образомъ, хорошія отмѣтки въ благонравіи. Этимъ почти и ограничиваются свѣдѣнія о его дѣтствѣ. Неизвѣстно даже, кончилъ ли онъ или нѣтъ курсъ ученья. Несомнѣнно только, что девятнадцати лѣтъ онъ находился въ провинціи и пробивался своими средствами, переписывая по найму бумаги въ канцеляріи гражданскаго губернатора.

Губернаторъ былъ старъ и брюзгливъ, дѣтей не было,—супруга его тосковала. Подобно бо́льшей части тоскующихъ женъ, губернаторша сначала ѣздила по монастырямъ, но вскорѣ утомилась и предпочла искать удовлетворенія на почвѣ благотворительности; послѣднее, къ тому же, выставляло ее на видъ независимо отъ положенія мужа,—чего страстно добиваются многія, даже счастливыя жены, — и способствовало распространенію ея популярности въ губерніи.

Въ рвеніи своемъ она рѣдко обращала вниманіе на то, что безпрестанно отымала у мужа полезныхъ дѣятелей его канцеляріи; стоило опредѣлить кого-нибудь, — смотришь, онъ уже бѣгаетъ по дѣламъ губернаторши. „Ты, душенька, опять лишила насъ чуть ли не лучшаго писца!.. Не помню, какъ его зовутъ, но только у него прекрасный почеркъ и правитель канцеляріи весьма имъ дорожилъ“ ..— „А, знаю,—Воскресенскій, блѣдный такой... Найдешь себѣ

другого!.. Онъ мнѣ очень нуженъ",—возразила, не стѣсняясь, губернаторша.

Воскресенскій оказался дѣйствительно полезнымъ. Не считая хорошаго почерка, онъ отличался примѣрнымъ усердіемъ и аккуратностью. Куда бы ни шла губернаторша, онъ всегда былъ у нея на глазахъ: когда давались ему порученія, они исполнялись съ точностью и быстротою, которыя могли бы обратить на него вниманіе самого Аракчеева. Вскорѣ открылись еще другія качества. Благодаря ему, губернаторша стала вдругъ яснѣе видѣть въ дѣлахъ благотворительности, руководимыхъ ею: она узнала, гдѣ кроются злоупотребленія, провѣдала о томъ, кто болѣе или менѣе надеженъ, кого слѣдовало удалить, кого оставить пока подъ присмотромъ. Воскресенскій никогда, собственно, не наговаривалъ; смиренно держась въ сторонѣ, онъ ждалъ всегда настоятельныхъ вопросовъ, видимо стѣснялся тѣмъ, что долженъ былъ высказать; чаще всего онъ сожалѣлъ, старался даже оправдывать: въ концѣ концовъ выходило такъ, однакожъ, что лицо, о которомъ говорилось, всегда было кругомъ виновато. Онъ не замедлилъ выказать такую же дѣятельность при исполненіи личныхъ порученій по дому губернаторши и ея хозяйству: покупалъ, заказывалъ, чинилъ, подкрашивалъ и подклеивалъ, — словомъ, гораздъ былъ на всѣ руки. Послѣднее невольно приблизило его къ губернатору. Желая вознаградить чѣмъ-нибудь усердіе молодого человѣка, онъ далъ ему одно изъ тѣхъ мѣстъ, которое, обезпечивая его въ матеріальномъ отношеніи, не мѣшало ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, заниматься женинными порученіями.

Мало-по-малу Воскресенскій, — котораго больше звали теперь Иваномъ Ивановичемъ, — сдѣлался у губернатора чѣмъ-то въ родѣ „домашняго человѣка". Способъ этотъ переходить къ частнымъ порученіямъ начальника и здѣсь преимущественно выказывать преданность и усердіе, сдѣлался для Воскресенскаго правиломъ всей его жизни. Онъ съ первыхъ шаговъ понялъ, что такимъ способомъ всего успѣшнѣе проходятъ въ люди. Откуда взялось вдругъ тщеславіе у бѣднаго провинціальнаго писаря? Гдѣ заразился онъ желаніемъ выскочить изъ скромнаго своего положенія? Отвѣчать на это такъ же трудно, какъ указать вообще на источникъ человѣческихъ свойствъ и способностей: фактъ тотъ, что чѣмъ больше онѣ прирождены у

человѣка, тѣмъ всегда надежнѣе ихъ развитіе и, впослѣдствіи, упорнѣе ихъ дѣйствіе.

„Дорогой другъ, — неоднократно писала губернаторша брату, занимавшему въ Петербургѣ важный административный постъ,—мы только и слышимъ отъ васъ жалобы: людей нѣтъ! Une vraie disette!.. Охотно вѣримъ. Въ Петербургѣ ихъ точно труднѣе найти; всему виною, конечно, испорченность нравовъ; но люди есть! Ихъ только надо искать въ глуши, въ нашей доброй провинціи, сохранившей пока еще—Dieu merci!—свои чистыя патріархальныя преданія. Мы уже не разъ писали тебѣ, что на этотъ счетъ не можемъ жаловаться; между прочимъ, мы нашли истинно драгоцѣннаго человѣка,—une perle! Способности, усердіе, честность, преданность — rien n'y manque!"

Бывая въ Петербургѣ, губернаторша расхваливала всякій разъ своего protégé съ такимъ увлеченіемъ, что братъ полюбопытствовалъ, наконецъ, взглянуть на „сокровище". Особеннаго желанія у него не было; оно вырвалось вскользь, мимоходомъ, скорѣе чтобы сдѣлать удовольствіе сестрѣ. Но этого уже было достаточно. Мѣсяцъ спустя, Воскресенскій явился въ Петербургъ къ сановнику съ письмомъ отъ сестры и зятя.

Сановникъ былъ нѣсколько озадаченъ неожиданнымъ появленіемъ „сокровища". Онъ совершенно забылъ о его существованіи и въ первое время рѣшительно не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлать и куда его дѣть.

На каждое открывшееся мѣсто были десятки кандидатовъ, не считая тѣхъ, о комъ настоятельно просили лица, которымъ отказать не только было трудно, но самому не было расчета. Въ Петербургѣ оставалось тогда одно свободное мѣсто: Исаакіевская площадь, но и ту уже думали занять садомъ. Въ желаніи скорѣе угодить сестрѣ, сановникъ поспѣшилъ отрекомендовать „сокровище" одной знатной дамѣ, игравшей въ Петербургѣ ту же роль по части благотворительности, какою сестра его забавлялась въ провинціи.

Ивану Иванычу на роду, видно, было написано испытывать покровительство прекраснаго пола. Онъ самъ, впрочемъ, охотнѣе склонялся въ эту сторону; здѣсь почва была мягче и легче было ее обрабатывать.

Онъ и здѣсь точно такъ же успѣлъ вскорѣ показать себя и сдѣлаться необходимымъ. Подходы были все тѣ же: смиреніе и преданность; къ нимъ присоединилась

еще практичность, бывшая у него въ зародышѣ; но Петербургъ ее спрыснулъ и она развилась съ замѣчательной быстротою.

До появленія Воскресенскаго, пріюты, дешевыя столовыя, благотворительныя лотереи, богадѣльни и комитеты, находившіеся подъ покровительствомъ знатной дамы, шли изъ рукъ вонъ плохо. Горе заключалось не въ недостаткѣ дѣятелей: ихъ было сколько угодно; всѣ дамы, имѣвшія поводъ быть недовольными мужьями, осиротѣвшія вдовы, застарѣлыя тоскующія дѣвицы, всѣ наперерывъ стремились помогать общеполезному и благотворительному дѣлу; къ нимъ примыкалъ цѣлый легіонъ живой, воспріимчивой молодежи: но, сколько могъ замѣтить Иванъ Иванычъ, женскій полъ больше суетился и путалъ, молодые люди больше искали случая зацѣпить крестикъ или украситься камеръ-юнкерскимъ мундиромъ. „C'est désespérant!!“—повторяла знатная дама, признаваясь, что начинаетъ уже, наконецъ, падать духомъ.

Духъ этотъ возстановилъ Воскресенскій, указавъ ей, смиренно и безъ шуму, на злоупотребленія и способы ихъ исправить. Безъ малѣйшаго намека съ его стороны, по самому ходу дѣла и для выгоды послѣдняго, знатная дама нашла необходимымъ сдѣлать, какъ говорится, подложеніе своему помощнику, то-есть опредѣлила его на службу и выхлопотала ему теплое мѣсто. Она не ошиблась въ расчетѣ. Желая доказать свою признательность, Воскресенскій явился къ ней съ проектомъ о дозволеніи носить красныя панталоны лицамъ купеческаго званія въ обмѣнъ за пособія (въ проектѣ сказано было: посильныя пособія) въ пользу общества, имѣвшаго цѣлью *распространеніе нравственныхъ правилъ въ низменныхъ классахъ петербургскаго населенія и преимущественно между ломовыми извозчиками.*

Проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Онъ давалъ дѣйствительно такія выгоды и преимущества, которыя легко могли подорвать существованіе множества другихъ благотворительныхъ и общеполезныхъ учрежденій. Предсѣдательницы самыхъ враждебныхъ лагерей, на этотъ разъ, соединились и единодушно возстали. Каждая, тѣмъ не менѣе, какъ только прошла буря, поспѣшила сблизиться съ составителемъ знаменитаго проекта. Онъ сдѣлался вскорѣ между дамами предметомъ зависти; каждая старалась притянуть его на свою сторону. Угождая всѣмъ,

по мѣрѣ возможности, онъ, въ то же время, старался быть полезнымъ на службѣ. Чины и кресты шли своимъ чередомъ; онъ добивался того и другого, но служба собственно не составляла прямой его цѣли: она была только средствомъ для пріобрѣтенія извѣстнаго положенія; послѣднее было необходимо, потому что давало возможность существеннѣе приносить пользу вліятельнымъ благотворительницамъ, которыя, въ свою очередь, существеннѣе помогали дѣлать карьеру. Въ дамскихъ кружкахъ популярность Ивана Иваныча росла съ каждымъ годомъ. Никакое новое общество,—если только оно возникало подъ знаменемъ милосердія, пользы и добра ближнему, — не могло обойтись безъ Воскресенскаго; участіе его служило гарантіей процвѣтанію. Многія общества возникли потому только, что основная мысль, проектъ и, наконецъ, самый уставъ принадлежали Ивану Иванычу.

Всѣмъ было, напримѣръ, очень хорошо извѣстно, что баронессѣ Букъ, трудившейся спеціально надъ устройствомъ карьеры безчисленныхъ ея родственниковъ и занимавшейся благотворительностью только для удобства свѣтскихъ сношеній, никогда не удалось бы устроить *общество для снабженія дешевыми игрушками дѣтей болгарскихъ семействъ, лишившихся родителей во время послѣдней войны,* если бъ такой мысли не внушилъ ей Иванъ Иванычъ и не нашелъ денегъ для приведенія ея въ исполненіе. Никогда княгинѣ Зинзивѣевой не устроить бы *комиссіи для предварительныхъ мѣръ противъ распространенія золотухи и родимчика между дѣтьми бѣднаго сельскаго населенія,* если бъ не придумалъ этого Воскресенскій и также не нашелъ для этого денегъ.

Деньги доставлялись жертвователями; но жертвователей доставлялъ Иванъ Иванычъ, и, въ этомъ отношеніи, ему уже положительно цѣны не было. Всѣмъ извѣстно, съ какой трудностью достаются деньги; легче, кажется, взять пучокъ пуху и перекинуть его черезъ большую рѣку, чѣмъ заставить кого-нибудь добровольно вынуть бумажникъ и—здорово живешь—предложить крупный кушъ. Въ этомъ Иванъ Иванычъ не встрѣчалъ, повидимому, большого затрудненія. Жертвователи какъ бы сами собою къ нему напрашивались.

Нельзя сказать, чтобы онъ обладалъ выдающимся краснорѣчіемъ. Когда онъ говорилъ въ комитетахъ, половины его рѣчи обыкновенно не было слышно; другая половина

не представляла ничего особенно цицероновскаго; чаще всего было смертельно скучно. Когда же онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ нужныхъ ему людей съ-глазу-на-глазъ, выходили совсѣмъ другіе результаты; онъ точно владѣлъ тогда чарующей силой убѣдительности. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался на служебномъ поприщѣ и, съ другой стороны, росло его вліяніе въ дамскихъ комитетахъ и на поприщѣ благотворительности, число жертвователей замѣтно возрастало. Къ нему постепенно стали являться купцы всѣхъ разрядовъ, промышленники, дѣятели всякаго рода, даже банкиры,—словомъ, всѣ тѣ, кто, не довольствуясь имѣть деньги, искалъ еще чего-нибудь изъ благъ земныхъ.

Здѣсь, кстати, надо замѣтить, что Иванъ Иванычъ самъ по себѣ былъ безкорыстенъ. Руководителемъ его сближеній съ богатыми людьми, безцеремоннымъ обираніемъ у нихъ денегъ, служила только тщеславная цѣль возвышенія и проникновенія путемъ благотворительности, общественной пользы, добрыхъ намѣреній, любви къ человѣчеству. У него, какъ у всякаго истиннаго мастера, вскорѣ образовались ученики; изъ нихъ возникла цѣлая школа новыхъ дѣятелей, нерѣдко злоупотреблявшихъ своимъ положеніемъ. Самъ же Иванъ Иванычъ оставался съ этой стороны безупречнымъ. Онъ довольствовался своимъ жалованьемъ и жилъ весьма скромно. Но самое это безкорыстіе незамѣтно помогало ему приближаться къ намѣченной цѣли; оно трогало женскія сердца, увеличивало число поклонниковъ и всѣмъ имъ служило оружіемъ для защиты Ивана Иваныча противъ враговъ и завистниковъ.

Начальство Воскресенскаго посматривало иногда недоброжелательно на его успѣхи.

— Воля ваша, Воскресенскій слишкомъ уже, кажется, злоупотребляетъ вашей снисходительностью! говорили начальнику,—день-деньской трется между юбками и не выходитъ изъ дамскихъ благотворительныхъ засѣданій и комитетовъ...

— Что жъ дѣлать?

— Какъ что? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, служить и, въ то же время, заниматься десятками дѣлъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ служебнымъ обязанностямъ; положимъ, ему тамъ выгоднѣе; его гложетъ тщеславіе, онъ ищетъ популярности и находитъ ее... но это не резонъ. Вопросъ такъ ставится: „Любишь, душенька, полу-

чать жалованье и казенную квартиру?"—„Люблю!"—„Въ такомъ случаѣ одно изъ двухъ: выбирай службу или благотворительность!.."

— Но онъ мнѣ нуженъ, возражалъ начальникъ.

— Въ чемъ же?

— Находчивъ! ворчливо заключалъ начальникъ, вертясь на своемъ креслѣ и какъ бы желая отъ него оторваться, но не имѣя на это силы.

И онъ былъ правъ. Въ критическіе моменты не разъ выручала его находчивость Воскресенскаго. Въ цѣломъ министерствѣ не было человѣка, болѣе способнаго отыскать съ такою быстротою какую угодно справку, сочинить за одинъ присѣстъ докладную записку о чемъ угодно и кому угодно.

И, наконецъ, если бъ вздумалось кому-нибудь существенно придраться къ Ивану Иванычу и пожелать сдвинуть его съ мѣста, теперь не такъ уже легко было это сдѣлать.

Съ одной стороны, пришлось бы поднять на ноги чуть ли не половину женскаго населенія столицы, съ другой—пришлось бы воевать съ графиней Можайской, которая, сама по себѣ, опаснѣе была всѣхъ остальныхъ. Съ нѣкоторыхъ поръ она явно покровительствовала Ивану Иванычу. Покровительство выразилось тѣмъ, что Воскресенскій вскорѣ оставилъ занимаемое имъ мѣсто и нашелъ другое, болѣе видное, подъ начальствомъ брата графини.

Онъ былъ представленъ графинѣ въ началѣ своей благотворительной дѣятельности, вскорѣ послѣ шума, надѣланнаго проектомъ *о красныхъ панталонахъ*. Графиня остановила на немъ проницательные глаза и сказала: „Прекрасно; смотрите, только не пересаливайте!"... Слова эти врѣзались ему въ память; онъ, въ самомъ дѣлѣ, сталъ съ тѣхъ поръ осторожнѣе. Ближайшему знакомству помогли,—какъ было въ его молодости при губернаторшѣ,—услуги, доказавшія графинѣ его преданность.

Графиня осталась въ дѣвушкахъ и пережила свою шестидесятилѣтнюю весну. Въ женскомъ персоналѣ знатнаго общества не было существа болѣе своеобразнаго; избѣгая лицъ своего пола, она исключительно почти вращалась въ кругу мужчинъ, выбирая тѣхъ, кто былъ умнѣе и сильнѣе. Не стѣсняясь никакимъ положеніемъ, она каждому рѣзко и смѣло высказывала въ глаза всю правду; ее слу-

шали, потому что каждый за себя опасался. Къ рѣзкости ума присоединялась проницательность, часто приносившая пользу тому, кто умѣлъ ей понравиться. Крайне деспотическая и тщеславная, она, въ то же время, презирала интригу, и, въ общей сложности, въ ней было больше склонности къ добру, чѣмъ могло казаться съ перваго взгляда. Но добро, которое она могла дѣлать съ ея состояніемъ, мало-по-малу стало ограничиваться совѣтами и пожеланіями; съ лѣтами въ ней развилась скупость и страсть къ деньгамъ. Слыша неоднократно отъ баронессы Букъ, насколько Воскресенскій распространенъ былъ въ кругу денежныхъ людей и самъ былъ свѣдущъ въ финансовыхъ операціяхъ, графиня пожелала короче съ нимъ познакомиться. Двѣ-три удачныя покупки и перепродажи цѣнныхъ бумагъ пріобрѣли ему ея расположеніе. Со свойственной ему осторожностью, онъ, надо замѣтить, никогда лично не дѣйствовалъ; онъ обращался къ тѣмъ, кто былъ надежнѣе и ловчѣе, шепталъ только на ухо, для кого предстояло дѣйствовать, и дѣло всегда увѣнчивалось успѣхомъ. Такъ постепенно вошелъ онъ въ довѣріе графини и подъ конецъ сдѣлался ея совѣтчикомъ.

Случай окончательно помогъ ему въ этомъ.

Графиня уѣзжала за границу заказывать приданое для племянницы. Наканунѣ отъѣзда она пригласила Ивана Иваныча.

— У меня къ вамъ просьба...

— Приказывайте, ваше сіятельство, наклоняя голову и смиренно опуская глаза, проговорилъ Иванъ Иванычъ.

— Вы знаете, я завтра уѣзжаю; у меня накопилось двадцать восемь тысячъ; я не хотѣла бы брать ихъ съ собою: опасно и, притомъ, если возьму, непремѣнно истрачу... Мы, женщины, только это и умѣемъ дѣлать...

„Знаю, голубушка, какъ ты это умѣешь; меня еще, пожалуй, научишь“... подумалъ Воскресенскій, продолжая сохранять почтительную позу.

— Прошу васъ, Иванъ Иванычъ, возьмите отъ меня эти деньги и сберегите ихъ до моего возвращенія... или сдѣлайте изъ нихъ что-нибудь...

— До глубины души тронутъ довѣріемъ вашего сіятельства, но не скрою отъ васъ: вы изволите возлагать на меня трудную обязанность... Чужія деньги... это... это... И вообще... продолжалъ Воскресенскій, принимая строго-озабоченный видъ,—вообще денежныя дѣла у насъ те-

перь такъ шатки, такъ невѣрны... биржа въ постоянномъ колебаніи...

— Все это можетъ быть, только, вы знаете, я не люблю отказовъ...

— Если вы непремѣнно этого желаете... не смѣю противиться...

Воскресенскій принялъ пакетъ, сосчиталъ деньги и, уложивъ ихъ въ карманъ, явился на другой день провожать графиню.

Но графиня передъ отъѣздомъ разсчитала расходныя свои деньги до такой степени въ обрѣзъ, что, спустя двѣ недѣли, принуждена была написать Воскресенскому о высылкѣ еще трехъ тысячъ. За этимъ письмомъ Воскресенскій получилъ другое, съ такимъ же требованіемъ.

Возвратясь въ Петербургъ уже къ осени, графиня немедленно попросила къ себѣ Воскресенскаго.

— Мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Иванъ Иванычъ, сказала она, пристально, тѣмъ не менѣе, глазами авгура посматривая на собесѣдника, казавшагося печальнымъ и разстроеннымъ,—право, совѣстно... Я, впрочемъ, говорила вамъ: мы, женщины, умѣемъ только мотать... И ужъ этотъ Парижъ! Это просто ужасно!..

— Да, графиня, да... это ужасно, произнесъ Иванъ Иванычъ съ выраженіемъ сосредоточенной грусти.

— Не тяните, пожалуйста, говорите прямо: что вы сдѣлали?

— Немного, графиня... я едва...

— Я это предчувствовала! перебила графиня, сдвигая брови.

— Я имѣлъ честь докладывать вамъ передъ отъѣздомъ о томъ, какъ вообще шатки наши денежныя дѣла, какъ мало можно теперь полагаться на биржу...

— Ахъ, какъ тянетъ, какъ тянетъ! воскликнула графиня, судорожно перебирая сухими пальцами.—Ну!..

Воскресенскій поднялъ глаза, едва примѣтно улыбнулся и произнесъ, подавая пакетъ:

— Здѣсь все, что удалось мнѣ сохранить и сдѣлать изъ вашихъ денегъ...

Въ пакетѣ оказалась тридцать одна тысяча.

Съ этого дня къ Воскресенскому перешло управленіе по всѣмъ дѣламъ не только графини, но и графа.

Послѣднее было легче, такъ какъ графъ, въ противоположность сестрѣ, меньше жилъ на землѣ, чѣмъ виталъ

на высотахъ, куда занесли его отчасти особенныя обстоятельства, отчасти куда онъ самъ себя вознесъ, искренно вѣруя въ величіе своего призванія. Чѣмъ очевиднѣе доказывала служебная карьера, что графъ, получивъ въ наслѣдство отъ матери ея доброе сердце и мягкій нравъ, не наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ отца его блестящихъ способностей, тѣмъ упорнѣе было его стремленіе къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ, клонившихся ко благу отечества и преуспѣванію его силъ извнѣ и во внутреннемъ строѣ.

Не проходило года безъ того, чтобъ графъ не подавалъ какого-нибудь проекта, имѣвшаго ближайшею цѣлью спасти ту или другую часть государства. Но потому ли, что въ проектахъ приводились по бо́льшей части идеальныя мысли, не отвѣчавшія сухимъ условіямъ практическаго вѣка, потому ли, что въ самомъ способѣ изложенія мыслей заключалось меньше ясности, чѣмъ красоты слога, проекты графа оставались безъ всякаго примѣненія и всегда складывались въ архивъ.

Ошибочно было бы думать, что лица, пользующіяся высокимъ почетомъ въ свѣтѣ, пользуются тѣмъ же почетомъ въ кругу служебныхъ дѣятелей; имъ здѣсь точно такъ же кланяются и выказываютъ знаки вниманія, но только до той минуты, пока они не начнутъ излагать своихъ соображеній; какъ только дѣло доходитъ до соображеній, почтительное выраженіе на лицахъ мгновенно смѣняется тоскою и унынiемъ, взглядъ слушателя становится разсѣяннымъ и начинаетъ какъ бы искать чего-то на сторонѣ; на губахъ появляется та же снисходительная улыбка, съ какою прислушиваются обыкновенно къ невинному дѣтскому лепету. Словомъ, положеніе здѣсь совсѣмъ не то, что въ свѣтѣ.

Странно было то также, что умственный взоръ графа, задумчиво всегда устремлявшійся къ дальнѣйшимъ горизонтамъ, приводилъ его чаще всего къ самымъ мелочнымъ вопросамъ жизни. Умъ у него былъ изобрѣтательный, но свойства ума приводили къ изобрѣтеніямъ, которыя начинались всегда какъ-то съ хвоста, доходили до туловища и никогда не кончались головою; они никогда не стояли плотно на ногахъ, но больше ходили на рукахъ, а ноги были кверху; въ основѣ преобладала всегда добрая мысль, но ее всегда портилъ оттѣнокъ чего-то недодѣланнаго и дѣтскаго. Вдругъ неожиданно возникла мысль:

облегчить тяжесть ломовыхъ лошадей или содѣйствовать къ уничтоженію таракановъ и клоповъ въ избахъ бѣдныхъ поселянъ. Онъ самъ очень хорошо сознавалъ, что все это была мелочь; но серьезныя его предложенія не встрѣчали сочувствія и не принимались; умъ, между тѣмъ, постоянно возбуждавшійся желаніемъ добра и пользы отечеству, настоятельно требовалъ дѣятельности.

Въ этотъ самый періодъ разочарованія, Воскресенскій особенно пришелся по вкусу графа. Не прошло года, графъ сидѣлъ въ благотворительности, какъ птица сидитъ въ клѣткѣ. Онъ нашелъ въ ней утѣшенія, которыхъ тщетно искалъ въ государственной службѣ; она открыла передъ нимъ новые горизонты, давала новую пищу не только головѣ, но и сердцу. Въ тотъ же годъ основано было нѣсколько новыхъ комиссій для различнаго рода содѣйствій и развитія. Покровительство графа вскорѣ распространилось и на другія общеполезныя благотворительныя учрежденія, школы, училища, богадѣльни. Дамы покровительницы и предсѣдательницы, подстрекаемыя Иваномъ Ивановичемъ, всюду встрѣчали графа съ распростертыми объятіями. Портретъ его, изданный по подпискѣ между служащими, которымъ Воскресенскій шепнулъ на ухо, не замедлилъ украсить на видномъ мѣстѣ стѣны множества заведеній. Графъ былъ, наконецъ, оцѣненъ и, главное, понятъ. Въ усердіи своемъ онъ, прежде всего, обратилъ зоркій взоръ на экономовъ; имъ въ первое время житья не стало. Графъ неожиданно налеталъ во время обѣда, и Боже сохрани, если сиротская каша отзывалась тухлымъ! „Вонъ, сейчасъ вонъ! Вонъ безъ разсужденій!“ Взамѣнъ этого онъ не зналъ, какъ обласкать и куда посадить великодушныхъ людей, являвшихся къ нему съ пожертвованіями на общественную пользу. Онъ награждалъ ихъ широкою рукой, охотно всегда удовлетворяя ихъ просьбамъ, которыя подносились обыкновенно Воскресенскимъ при докладѣ.

Увлеченіе графа въ пользу благотворительности не приносило малѣйшаго вреда административной машинѣ, находившейся подъ его управленіемъ. Дѣла шли своимъ чередомъ. Машина, заведенная его предшественникомъ, продолжала неустанно работать, выпуская ежедневно сотни нумеровъ бумаги, исписанной самымъ отборнымъ почеркомъ. Съ этой стороны графъ былъ совершенно покоенъ. Его несравненно больше озабочивалъ новый проектъ.

Иниціатива проекта принадлежала Ивану Ивановичу, но обработка деталей всецѣло принадлежала графу. Уже само названіе: „О всеобщемъ, всестороннемъ распространеніи благотворительности въ Россійскомъ государствѣ“, достаточно указывало на важность проекта.

Суть его заключалась въ устройствѣ обширнаго *центральнаго образцоваго учрежденія*, управленію котораго должны были подчиниться всѣ общеполезныя и благотворительныя общества не только обѣихъ столицъ, но самыхъ отдаленныхъ угловъ провинціи. Центромъ учрежденія былъ образцовый пріютъ для взрослыхъ и малолѣтнихъ неимущаго населенія. Вокругъ группировались три разряда школъ и мастерскихъ по степенямъ возраста, музеумъ для образованія изящнаго вкуса, складъ и магазины для сбыта предметовъ производства, но съ тѣмъ, чтобы выручаемыя деньги шли частью на покрытіе расходовъ, частью служили основаніемъ эмеритальной кассы для тѣхъ изъ воспитанниковъ, которые выкажутъ особое благонравіе. Въ нижнемъ этажѣ помѣщались службы, кухня, столовая и складъ для бѣлья и одежды; одинъ изъ флигелей второго этажа на солнечной сторонѣ предназначался для пріема грудныхъ дѣтей и кормилицъ, другой для классныхъ комнатъ и спаленъ мужского дѣтскаго отдѣленія. Средній дворъ предполагалось покрыть стекляннымъ куполомъ для защиты дѣтей и ихъ воспитателей отъ дурной погоды во всякое время года. Здѣсь устраивался дѣтскій садъ, имѣвшій двоякую цѣль: въ серединѣ помѣщались всѣ новѣйшія приспособленія, игры, гимнастика, содѣйствующія физическому развитію; по стѣнамъ развѣшивались картины и печатныя правила такого содержанія, которое непосредственно должно было улучшать нравственныя чувства питомцевъ. Уголъ зданія оканчивался церковью и помѣщеніемъ для причта; противоположный уголъ отдавался канцеляріи; рядомъ была зала совѣта. Отсюда уже „живительными благотворительными лучами“,—такъ сказано было въ проектѣ,—должны были расходиться во всѣ стороны распоряженія и предписанія, которыми предполагалось руководить дѣйствіями всѣхъ остальныхъ благотворительныхъ обществъ имперіи.

Расходъ по исполненію проекта отвѣчалъ величавости его размѣровъ. Но деньги стали являться какъ бы по волшебству. Особенно великодушно выказали себя въ настоящемъ случаѣ купцы хлѣбородныхъ губерній, сибиряки

и евреи. Между послѣдними нашлись такіе, которые не удовольствовались единовременнымъ вкладомъ, но обязались еще поддерживать новое учрежденіе ежегодными взносами. Одинъ купецъ, обращавшійся письменно къ Ивану Ивановичу по какому-то дѣлу, сразу пожертвовалъ пятьдесятъ тысячъ.

Иванъ Ивановичъ, знавшій по опыту, что всякое чувство, — не включая великодушія, — требуетъ для своего проявленія извѣстной степени возбужденія, исподволь подготовлялъ для такихъ случаевъ особыхъ спеціалистовъ. Въ числѣ ихъ, какъ самый способный, считался нѣкто Блиновъ, человѣкъ мелкаго купеческаго состоянія, но съ юности одержимый страстью къ вицмундирной формѣ, чинамъ и знакамъ отличія. Поощряя Блинова, выводя его въ люди, Иванъ Ивановичъ не столько вознаграждалъ его заслуги, сколько воодушевлялся желаніемъ выставить Блинова, какъ живой примѣръ того, куда можетъ привести истинное усердіе человѣка простого званія. Появленіе Блинова въ кругу купечества производило магическое дѣйствіе. Стоило ему, по методѣ Ивана Ивановича, отвести въ сторону любого, шепнуть нѣсколько словъ, смотришь: тамъ, гдѣ ничѣмъ въ мірѣ нельзя было выманить алтына, тысячи вылетали, какъ стая испуганныхъ воробьевъ. Искусство Блинова часто приводило къ тому, что купецъ пожертвуетъ, да еще въ придачу задастъ на свой счетъ роскошный завтракъ или обѣдъ при открытіи учрежденія, или соберетъ подписку для поднесенія ему же, Блинову, цѣннаго подарка или жетона съ его шифромъ, выведеннымъ брильянтами. Разъ даже жертвователями предложена была стипендія имени Блинова. Словомъ, денегъ нашлось въ достаточномъ количествѣ. Городъ, — великодушный, какъ всегда, когда умѣютъ подойти къ нему близко, начавъ издалека, на что Иванъ Иванычъ былъ такой мастеръ, — пожертвовалъ съ своей стороны землю на Выборгской.

Затѣмъ образовались два совѣта: одинъ—*строительный*, другой — *наблюдательно-административный*, уже подъ предсѣдательствомъ графа.

Въ скоромъ времени послѣдовала закладка, сопровождавшаяся, какъ водится, завтракомъ, на которомъ сказано было нѣсколько короткихъ, но глубоко-прочувствованныхъ рѣчей.

Благодаря неусыпной дѣятельности Ивана Иваныча, ко-

тому, во всемъ этомъ, какъ самъ онъ говорилъ, ничего не нужно было, „кромѣ того, чтобы удостоиться быть выбраннымъ въ церковные старосты“, зданіе черезъ годъ стояло уже подъ крышей. Спустя еще годъ, оно было совершенно готово. Оставалось только покончить съ украшеніями церкви; они, главнымъ образомъ, и задерживали открытіе. Но въ этомъ нельзя было винить Воскресенскаго. Вина всецѣло падала на архитектора, человѣка прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, стараго и, притомъ, задавшагося несчастной мыслью выстроить церковь въ греко-византійскомъ стилѣ, требовавшемъ весьма кропотливой детальной раскраски.

Переговорить объ этомъ обстоятельствѣ имѣлось, между прочимъ, въ виду у Ивана Иваныча, когда онъ утромъ ѣхалъ къ графу съ докладомъ.

III.

— Ваше превосходительство, его сіятельство просятъ васъ пожаловать въ уборную! почтительно проговорилъ камердинеръ, отворяя обѣ половинки двери въ кабинетъ графа.

Воскресенскій взялъ безъ торопливости со стола портфель и сигарный ящикъ и направился черезъ кабинетъ къ маленькой лакированной двери; она провела его въ просторную комнату, обитую ситцемъ, на образецъ палатки; мягкій синій коверъ покрывалъ полъ; свѣтъ въ нижней части оконъ смягчался голубою тафтою; большія складныя ширмы, обитыя тѣмъ же ситцемъ, какъ стѣны и потолокъ, заслоняли кровать и туалетныя принадлежности, распускавшія запахъ одеколона.

Въ большихъ стеганыхъ креслахъ, передъ столомъ съ знакомымъ чайнымъ приборомъ, сидѣлъ графъ. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, но онъ прекрасно еще сохранился; статный, свѣжій, въ высшей степени представительный, онъ въ молодости осуществлялъ типъ красавца-мужчины. Лучшимъ украшеніемъ его круглаго, гладко выбритаго лица была, однакоже, безспорно, его добрая, сіяющая улыбка; она справедливо заслужила ему прозвище *именинника*. Графъ не могъ только сохранить волосъ; они замѣнялись чернымъ парикомъ, приправленнымъ на старый фасонъ съ завитками у висковъ и хохликомъ на маковкѣ. Графъ былъ въ бѣломъ галстукѣ, едва отдѣлявшемся на его бѣлой полной шеѣ, и въ длинномъ до пятъ коричневомъ сюртукѣ,

представлявшемъ нѣчто среднее между пальто и халатомъ.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! Какая сегодня погода?

Въ прежнее время Иванъ Иванычъ непремѣнно бы отвѣтилъ: „Какая будетъ угодна вашему сіятельству“, но теперь сказалъ только, что погода прекрасная.

— Садитесь, проговорилъ графъ, пожимая кончикъ руки Воскресенскаго двумя потными бѣлыми пальцами съ короткими квадратными ногтями.

При всемъ довѣріи и уваженіи къ вошедшему, графъ никогда не могъ преодолѣть себя и жать полною ладонью руку Воскресенскаго; влажная и холодная во всякое время, она дѣйствительно дѣлала такое впечатлѣніе, какъ будто въ ладонь вскакивала лягушка.

— Что это у васъ? спросилъ графъ, указывая глазами на сигарный ящикъ.

— Дѣти старшаго отдѣленія сиротскаго пріюта просятъ ваше сіятельство осчастливить ихъ принятіемъ ихъ посильнаго труда, произнесъ Воскресенскій, улыбаясь невинности дѣтской затѣи.—Представить себѣ нельзя, съ какимъ усердіемъ, съ какимъ увлеченіемъ они работали!

— Неужели они сами это сдѣлали? сказалъ графъ, разсматривая ящикъ.

— Сами, ваше сіятельство; сами составили рисунокъ, сами рѣзали, сами выпиливали шарньеры, сами дѣлали замокъ...

— Искусно! проговорилъ графъ,— даже стиль есть...

— Самая затѣя, самая мысль преподнести ихъ трудъ вашему сіятельству принадлежитъ имъ...

— Ну, ужъ признайтесь, мысль вы подали...

— Могу увѣрить васъ...

— Не отказывайтесь, знаю, что вы!..

Несмотря на мягкость нрава, графъ, надо замѣтить, былъ сильно упрямъ, — свойство, которому онъ присвоилъ значеніе твердости характера,—въ чемъ не отличался, впрочемъ, отъ множества смертныхъ, обманывающихъ себя точно такъ же, принимая синицу за ястреба.

Увидѣвъ толстый портфель въ рукахъ Воскресенскаго, графъ произнесъ съ испуганнымъ видомъ: „уфъ!“—и погрузился въ глубину кресла. Иванъ Иванычъ поспѣшилъ его успокоить, сказавъ, что такъ какъ сегодня пріемный день, онъ ни за что бы не рѣшился обременять графа особенно труднымъ докладомъ; онъ умышленно явился рано, съ

тѣмъ, чтобы облегчить графу, насколько возможно, хлопотливое утро. Ему необходимо было, однакоже, воспользоваться свободнымъ временемъ, чтобы поговорить насчетъ постройки *образцоваго центральнаго пріюта*.

— Да, да. Ну, что, какъ тамъ у насъ идетъ? Двигается ли, наконецъ? спросилъ графъ, снова оживляясь и озабоченно надвигая брови.

— Все идетъ прекрасно, ваше сіятельство, одно задерживаетъ: церковь! Зиновьевъ вполнѣ прекрасный человѣкъ... даже съ талантомъ... Одна бѣда съ нимъ: крайне копотливъ! Затѣялъ тогда этотъ византійскій стиль...

— Не говорите; стиль этотъ прекрасенъ для православнаго храма!

— Чего же лучше, ваше сіятельство! воскликнулъ Иванъ Иванычъ,—только съ нимъ соединяется множество украшеній. Позолота и раскраска требуютъ много времени... Къ тому же, прибавилъ онъ вкрадчиво, — надо взять въ расчетъ лѣта Зиновьева...

— Лѣта не мѣшаютъ дѣлу, перебилъ графъ.—Скажите ему, чтобъ онъ ко мнѣ явился.

— Я уже предупредилъ его; онъ сегодня будетъ у вашего сіятельства.

— Надо, однакоже, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ... надо объ этомъ серьезно подумать... Такъ невозможно!...

— Очень затруднительно, ваше сіятельство, — сказалъ Воскресенскій, дѣлая безнадежный жестъ.

— Затрудненій не должно быть въ такомъ важномъ дѣлѣ! оживляясь, заговорилъ графъ.—Я очень цѣню Зиновьева; жаль было бы его лишиться: почтенный человѣкъ! Много трудился, много работалъ! Надо будетъ какъ-нибудь его урезонить, уговорить... Можно будетъ, наконецъ, дать ему помощниковъ... Это лучше всего!... Есть ли у васъ кто-нибудь на примѣтѣ, Иванъ Иванычъ?

При такомъ вопросѣ Воскресенскій только улыбнулся.

— Стоитъ только пожелать вашему сіятельству...—проговорилъ онъ съ видомъ покорности.

Графъ покачалъ головою.

— У васъ есть еще что-нибудь? спросилъ онъ, какъ только Иванъ Иванычъ снова взялся за портфель.

— Да; я хотѣлъ представить вамъ небольшую докладную записку насчетъ молодого графа...

— Ахъ, да, ну что, какъ онъ теперь? Занимается ли у васъ сколько-нибудь?

Дѣло шло о единственномъ сынѣ графа, девятнадцатилѣтнемъ юношѣ, посланномъ отцу въ наказаніе за невѣдомыя прегрѣшенія.

Со дня его рожденія, причинившаго кончину матери, до десятилѣтняго возраста, ребенокъ безпокоилъ отца нескончаемыми болѣзнями, несмотря на тщательный уходъ швейцарскихъ и англійскихъ боннъ и нянюшекъ. Съ десятилѣтняго возраста, когда пришлось отдать графчика въ мужскія руки, гувернеры не переставали надоѣдать графу сообщеніями о томъ, что сынъ его имѣетъ положительное отвращеніе къ занятіямъ; виною всему, по ихъ мнѣнію, было болѣзненное дѣтство, остановившее нормальное развитіе умственныхъ способностей. Пріисканъ былъ нѣмецъ, патентованный педагогъ. Мальчику минулъ тогда пятнадцатый годъ, и онъ началъ какъ будто подавать надежды. Разъ какъ-то, проспавъ позже обыкновеннаго, педагогъ нигдѣ не могъ найти своего воспитанника. Онъ былъ остороженъ и не поднялъ тревоги; испугъ его превратился въ негодованіе, когда воспитанникъ, возвратясь уже къ обѣду, спокойно объявилъ, что воспользовался его сномъ, чтобы съѣздить на скачки вмѣстѣ съ двоюродными братьями. Графчикъ прибавилъ, что если педагогъ пожалуется отцу, пѣсня его будетъ спѣта—ему откажутъ; если же онъ согласится дать ему полную свободу дѣйствій, молодой человѣкъ обѣщалъ показать такія чудеса прилежанія, послѣ которыхъ для отца и тётки сдѣлается обязательнымъ устроить карьеру педагога. Наставникъ вспыхнулъ и на другой же день отказался отъ должности.

Графъ-отецъ, поглощенный своими проектами, принужденный проводить дни въ комитетахъ, комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, положительно не имѣлъ времени заниматься сыномъ. Ему не разъ случалось подниматься въ спальню молодого графа и крестить рядъ подушекъ, прикрытыхъ одѣяломъ, въ то время, какъ тотъ, который долженъ былъ лежать въ постели, находился за тридевять земель отъ своего ложа. Графъ-отецъ очнулся настоящимъ образомъ тогда только, когда пришлось платить за сына первый долгъ. Слѣдуя совѣту сестры, онъ опредѣлилъ его на службу; но и здѣсь опять ничего не вышло. Графчикъ успѣлъ уже попасть въ тотъ заколдованный кругъ золотой молодежи, географія котораго извѣстна: къ сѣверу ресторанъ Дюссо; къ югу ресторанъ Бореля; къ западу Большой театръ и балетъ; къ востоку загородный ресто-

ранъ Дорота съ кокотками и цыганками. Служба была здѣсь другого рода, также, повидимому, не легкая. Доказательствомъ могла служить заблаговременно истощенная фигурка графчика; когда онъ стоялъ на ногахъ, казалось всегда, что онъ держится только на однѣхъ панталонахъ; особенно поражало лицо его, состоявшее изъ мелкихъ незамѣтныхъ чертъ, покрытыхъ зеленоватой блѣдностью и морщинками, какъ у ребенка, одержимаго собачьей старостью. Лицо это окончательно принимало жалкій видъ, когда графчикъ входилъ здороваться съ тетушкой, встрѣчавшей его всегда однимъ и тѣмъ же вопросомъ: „Здоровы ли твои кокотки?“ Слова эти повергали всегда юношу въ крайнее смущеніе.

Рѣшительно уже не зная, что̀ дѣлать съ сыномъ, графъ-отецъ рѣшился переговорить съ Воскресенскимъ, какъ человѣкомъ вполнѣ преданнымъ, вѣрнымъ и притомъ практическимъ. Иванъ Иванычъ предложилъ перевести молодого человѣка на службу въ другой департаментъ и подъ личное его наблюденіе. Онъ ни въ чемъ не ручался, но обѣщалъ приложить стараніе и надѣялся.

Вотъ объ этомъ-то молодомъ человѣкѣ пришлось теперь вести рѣчь.

— Признаюсь, всякій разъ, какъ дѣло касается моего сына, я могу вамъ откровенно сказать: мною невольно овладѣваетъ безпокойство,—произнесъ графъ.

— Молодъ еще, ваше сіятельство, молодъ! Въ этомъ вся бѣда, смѣю васъ увѣрить. Молодому человѣку, прежде всего, слѣдуетъ дать занятіе, которое было бы ему сочувственно.

— Я самъ такъ думалъ. Вы прекрасно это сказали, Иванъ Иванычъ; именно: сочувственно!

— Я придумалъ назначеніе для молодого графа...

— Ба!—радостно воскликнулъ графъ.

— Если вамъ угодно будетъ выслушать эту докладную записку...

— Очень радъ, мой милый, очень радъ.

Графъ скрестилъ свои бѣлые пальцы и уложилъ руки на грудь.

Иванъ Иванычъ кашлянулъ въ свою мокрую ладонь и прочелъ внушительнымъ голосомъ: „Съ присоединеніемъ кавказскихъ областей къ общему строю Россійскаго государства, ежедневно открываются въ этомъ краѣ новыя неисчислимыя природныя богатства. Въ числѣ таковыхъ

нельзя упускать изъ вида обширныхъ лѣсовъ пробковаго дерева, драгоцѣннаго особенно въ томъ отношеніи, что оно произрастаетъ въ странѣ винодѣлія, встрѣчающей главное препятствіе для перевоза вина въ Россію — въ недостаткѣ пробки. Развивая у себя дома эту полезную отрасль и тѣмъ способствуя кавказскимъ винодѣламъ сбывать вина во всѣ части государства, достигаются двѣ цѣли: 1) сокращается крайне убыточный расходъ мѣстныхъ производителей, вынужденныхъ затрачивать значительныя суммы для добыванія пробки изъ-за границы; 2) возможность наложить тогда усиленный тарифъ на ввозъ заграничной пробки и тѣмъ усилить государственные доходы. Посему полезно было бы, для начала, командировать довѣренное лицо, хотя бы на югъ Франціи, спеціально съ цѣлью изученія на мѣстѣ пробочнаго производства и, по доставленіи имъ необходимыхъ о томъ свѣдѣній, командировать его, снабдивъ надлежащими инструкціями, на Кавказъ, для водворенія уже въ этой части Россіи новой, столь полезной отрасли...“

— И вы думаете послать сына?—спросилъ удивленный графъ.

— Всенепремѣнно, ваше сіятельство, если только вамъ угодно будетъ на это согласиться, прибавилъ скромно Иванъ Иванычъ.

— И вы полагаете, онъ будетъ способенъ?

— Не сомнѣваюсь. Молодому графу будутъ даны всевозможныя инструкціи и указанія. Ручаюсь вамъ, такая поѣздка будетъ ему столько же полезна въ нравственномъ, сколько въ умственномъ отношеніи; молодой человѣкъ освѣжится, провѣтрится; она разовьетъ въ немъ сознаніе труда и пользы...

— Мысль прекрасная,—разсѣянно проговорилъ графъ.— Дѣйствительно, куда ни посмотришь, у насъ вездѣ непочатый край! Тотъ грекъ... какъ бишь его?.. забылъ его имя... правду сказалъ: стоитъ только у насъ плюнуть на землю, чтобы выросла пальма... Что же касается сына, подхватилъ онъ,—мнѣ приходитъ такая мысль: не повредитъ ли эта поѣздка, — если только она состоится, — не повредитъ ли она другому кому-нибудь? Обдумайте это хорошенько: другой, можетъ-быть, былъ бы полезнѣе...

— Другого мы можемъ потомъ послать на Кавказъ уже для водворенія производства, возразилъ, всегда находчивый, Иванъ Иванычъ. — Наконецъ, ваше сіятельство, у

меня все это уже обдумано... У меня нѣтъ праздныхъ молодыхъ людей: каждый при своемъ дѣлѣ.

— Хорошо, мы объ этомъ еще поговоримъ; надо подумать. Куда же вы, Иванъ Иванычъ? подхватилъ онъ, увидя, что собесѣдникъ приподымается съ мѣста.—Развѣ у васъ есть еще какое-нибудь дѣло?

— Ничего особеннаго, ваше сіятельство, въ настоящую минуту. До пріема я хотѣлъ только зайти къ графинѣ. Послѣ сейчасъ же надо будетъ отправиться къ купцу Галкину; огромное состояніе: надо захватить, пока еще не скончался...

— Какъ такъ?

— Говорятъ, умираетъ; лучшее время для пожертвованія; невозможно упустить случая...

Графъ не возражалъ, зная, насколько практичность Ивана Иваныча была плодотворна для цѣлей добра и пользы.

Послѣ его ухода онъ долго еще сидѣлъ въ креслѣ и попеременно то задумывался, когда вспоминалъ о сынѣ, то снова начиналъ улыбаться, когда припоминалъ о новыхъ природныхъ богатствахъ, открывавшихся на почвѣ отечества.

IV.

Иванъ Иванычъ, между тѣмъ, направлялся на половину графини. Онъ на секунду остановился только въ пріемной, чтобы захватить мозаическій рабочій несессеръ.

Лакей, дежурившій у двери графини, сказалъ ему, что графиня не одна; къ ней только что пріѣхала г-жа Шилохвостова.

Сдѣлавъ нетерпѣливый жестъ, Иванъ Иванычъ передалъ несессеръ лакею, прося сохранить до отъѣзда гостьи, и велѣлъ доложить о себѣ. Минуту спустя, его просили войти.

Наружность графини невольно останавливала вниманіе. Лицо ея, смуглое, какъ у цыганки, освѣщалось блескомъ маленькихъ черныхъ глазъ, бросавшихъ искры изъ-подъ густыхъ, черныхъ, какъ смоль, бровей. Ни одной сѣдинки не было въ ея волосахъ, круто зачесанныхъ и прикрытыхъ оренбургской косынкой; длинная, какъ доска, и такая же почти плоская, какъ доска, со стороны спины и груди, она держалась прямо, какъ стрѣла, готовая тотчасъ сорваться съ тетивы и вылетѣть. Маленькая ея го-

ловка гордо поворачивалась на длинной крученой шеѣ, по которой проходили синеватыя вены. Ея смѣлый, энергическій видъ не даромъ внушалъ безпокойство тѣмъ, кто къ ней приближался.

Иванъ Иванычъ засталъ ее сидѣвшею на диванѣ съ вязаньемъ въ рукахъ; спицы судорожно двигались между ея пальцами, такими же сухими, какъ у отшельника.

Безпорядокъ на большомъ столѣ, передъ диваномъ, свидѣтельствовалъ, что здѣсь точно такъ же всѣмъ управляли нетерпѣливыя, судорожныя движенія. Ворохи бумагъ съ надписью: *отчетъ и докладъ*, клубки съ шерстью, брошюры и книжки духовнаго содержанія, свертки разной величины, просфоры, планы часовенъ, нумера газеты: *Душеспасительный Вѣстникъ*, *Правила нравственности*, издаваемыя съ нѣкоторыхъ поръ для народа подъ руководствомъ Воскресенскаго, — все это хаотически перепутывалось, оставляя только въ серединѣ небольшое мѣсто для чернильницы и письменныхъ принадлежностей.

Наискосокъ, въ креслахъ, сидѣла дама коротенькаго вида, но такого объема въ ширину, что одна только часть ея тѣла умѣщалась на стулѣ; другая часть поневолѣ должна была оставаться на отвѣсѣ. Госпожа Шилохвостова была въ лиловомъ платьѣ и шляпкѣ такого же цвѣта, украшенной расплюснутой птицей. Подъ шляпкой выставлялись крутыя калмыцкія щеки, коротенькое остріе раздвоеннаго на концѣ носа и выше выскакивали два зрачка, въ которыхъ подвижность усиливалась какимъ-то пожирающимъ выраженіемъ. Лицо было сильно набѣлено, щеки и губы подкрашены, брови подведены, отъ шеи и ушей сыпалась пудра.

При видѣ Ивана Иваныча, графиня кивнула головою и указала на стулъ. Госпожа Шилохвостова ограничилась легкимъ наклоненіемъ шляпки.

— Мое почтеніе-съ, холодно проговорилъ онъ, умышленно дѣлая удареніе на послѣднемъ звукѣ.

Воскресенскій основательно не долюбливалъ г-жу Шилохвостову и справедливо называлъ ее *занозой*. Она поминутно становилась ему поперекъ дороги; одержимая бѣсомъ юркости, она просовывала кончикъ носа всюду, гдѣ ее не спрашивали, пролѣзала во всѣ благотворительные комитеты, сплетничала, интриговала, отбивала жертвователей, вербовала въ свой кружокъ подчиненныхъ мужа, заставляла ихъ ѣздить къ купцамъ и явно протежировала

тѣмъ изъ нихъ, кто чаще доставлялъ ей случай хвастать собранными ею деньгами въ пользу вдовъ и сиротъ. Неизвѣстно, какая мысль руководила госпожей Шилохвостовой, но въ послѣднее время графиня сдѣлалась цѣлью ея ухищреній. Иванъ Иванычъ насторожилъ вниманіе; онъ зналъ, что къ графинѣ не такъ-то легко было подойти; но, съ другой стороны, графиня имѣла также свои причуды: несмотря на ея умъ, она была чувствительна къ лести, тщеславна, способна къ увлеченіямъ всякаго рода. Наблюдая ходы своей соперницы, онъ не безъ основанія къ ней присматривался.

Такъ, напримѣръ, зимою графиня подошла какъ-то къ окну и сказала: „Какъ холодно сегодня, и посмотрите, однакожъ, сколько воробьевъ на улицѣ!“ Госпожа Шилохвостова, стоявшая подлѣ, вдругъ жадно ухватила руку графини, глаза ея прищурились отъ накопившихся слезъ, и тутъ же, обратясь къ присутствующимъ, она громко и восторженно стала увѣрять, что графиня сейчасъ высказала сожалѣніе о бѣдныхъ беззащитныхъ воробьяхъ, вынужденныхъ искать пищи въ такой ужасный холодъ; она никого не пропускала безъ того, чтобы не повторить разсказа и всякій разъ съ новымъ варіантомъ. „Скажите, повторяла она,—скажите, чье сердце, кромѣ ея, можетъ совмѣстить въ себѣ столько добра и милосердія? Ее даже сокрушаютъ бѣдствія несчастныхъ птичекъ!“ Сутки спустя, по городу ходила уже цѣлая поэма, въ которой главными лицами были стаи замерзающихъ воробьевъ и графиня, старавшаяся обогрѣть ихъ на груди своей.

Вскорѣ послѣ воробьиной исторіи графиня лишилась сестры; она вышла въ глубокомъ траурѣ поклониться праху покойницы. Госпожа Шилохвостова, присутствовавшая на церемоніи и стоявшая какъ можно ближе къ гробу съ заплаканными глазами, не пропускала ни одного движенія графини; едва окончилась служба, она поспѣшила передать свои впечатлѣнія. „Я стояла противъ графини, повѣствовала она, прикладывая платокъ къ глазамъ,— одно глубокое религіозное чувство можетъ такъ поддерживать духъ и энергію!.. Она подошла къ гробу: на лицѣ ни одной слезинки, ни одного движенія! Вся она была тамъ! тамъ!..“ и вдругъ, какъ бы передумавъ, тутъ же прибавила, обратясь къ двоюродной сестрѣ графини: „Я стояла подлѣ, она подошла... Я въ жизни не видала ничего подобнаго: вся она была одна слеза, одно рыданіе!..“

Всѣ эти разсказы доходили, разными путями, куда слѣдуетъ, возбуждая, съ одной стороны, смѣхъ, но, съ другой стороны, вселяя нѣкоторое безпокойство въ душу Ивана Иваныча.

Въ настоящее утро госпожа Шилохвостова явилась съ новой выдумкой: рисункомъ для ковра, который, какъ увѣряла она, страстно рвался вышить пріютъ молодыхъ арестантокъ; движимыя единодушнымъ трогательнымъ чувствомъ признательности къ графинѣ, онѣ желали покрыть этимъ ковромъ полъ часовни, гдѣ была погребена ея сестрица. Г-жа Шилохвостова являлась уже четвертый разъ съ тѣмъ же предметомъ; въ первый разъ требовалось узнать, нравится ли вообще рисунокъ ковра въ цѣломъ и деталяхъ; во второй разъ надо было освѣдомиться, какой цвѣтъ лучше подходитъ къ фону главной средней розассѣ; въ третій—узнать, что̀ помѣстить въ розассѣ: гербъ графовъ Можайскихъ, или же ограничиться только вензелемъ. Показывая рисунокъ въ четвертый разъ, г-жа Шилохвостова желала окончательно выяснить и утвердить цвѣтъ бордюра: сдѣлать ли его синимъ,—преобладающимъ цвѣтомъ въ гербѣ,—или же оставить чернымъ, какъ прежде предполагалось.

— Иванъ Иванычъ вошелъ весьма кстати, сказала графиня,—онъ скажетъ намъ свое мнѣніе.

— Къ сожалѣнію, я не свѣдущъ въ дѣлахъ такого рода, скромно возразилъ Воскресенскій.

— Ну, такъ остановитесь окончательно на синемъ бортѣ, продолжала графиня, — черный бортъ ужъ что-то слишкомъ мраченъ. Смерть призываетъ насъ къ другой, лучшей жизни; не знаю, откуда взяли окружать ее трауромъ... И такъ, до свиданія, chère Анна Матвѣевна, завершила она неожиданно и протянула собесѣдницѣ руку.

Госпожа Шилохвостова страстно обхватила протянутые къ ней пальцы обѣими ладонями и поднялась съ мѣста, при чемъ кресло крякнуло, какъ бы радуясь освобожденію отъ удручающаго давленія. Кивнувъ головою Ивану Иванычу, она прошла три шага, снова повернулась лицомъ къ графинѣ, произвела новый расплывчатый реверансъ и вышла.

Иванъ Иванычъ надѣялся, что ему скажутъ: „Фу, какая несносная! Какъ надоѣла!“—но надежды его не оправдались. Обратясь къ нему, графиня спросила только:

— Что новаго?

— Ничего рѣшительно, ваше сіятельство, отвѣтилъ тономъ сожалѣнія Иванъ Иванычъ,—застой совершенный; я былъ сейчасъ у графа и явился къ вамъ единственно съ тѣмъ, чтобы освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ... Позволилъ себѣ также принести вамъ маленькую бездѣлицу.

— Что такое?

— Старшее отдѣленіе сиротскаго пріюта проситъ васъ осчастливить его принятіемъ знака усердія и высокой признательности... Дѣти сложились, — даже трогательно было видѣть ихъ единодушіе!—и сдѣлали вамъ баульчикъ для укладки шерсти.

— Гдѣ же онъ? Это очень интересно...

Иванъ Иванычъ бросился къ двери и, минуту спустя, поднесъ ящикъ, деликатно поддерживая его обѣими ладонями.

— Очень мило, сказала она, — очень благодарна! Эти дѣти меня рѣшительно балуютъ; надо мнѣ также побаловать ихъ чѣмъ-нибудь. Я пошлю имъ конфетъ.

— Бога ради, ваше сіятельство, не посылайте! оживленно заговорилъ Воскресенскій.— Простите мнѣ великодушно, но этого ни подъ какимъ видомъ не надо дѣлать; послѣдствія были бы самыя вредныя. Всѣ старанія мои направлены къ тому именно, чтобы держать дѣтей въ обстановкѣ той среды, изъ которой они вышли; единственною ихъ роскошью должны быть религіозное и нравственное питаніе; конфеты—произведеніе роскоши; онѣ ее напоминаютъ; онѣ разовьютъ въ дѣтяхъ желанія и вкусы, несоотвѣтствующіе ихъ положенію...

— Опасность, мнѣ кажется, преувеличена... Но, съ извѣстной точки зрѣнія, вы, можетъ-быть, правы! Дѣтямъ людей низшихъ классовъ, дѣйствительно, опасно развивать вкусы; мы видимъ, къ сожалѣнію, къ чему приводитъ насъ баловство въ низменныхъ слояхъ общества!.. Мнѣ, все-таки, хотѣлось бы чѣмъ-нибудь поблагодарить дѣтей за ихъ подарокъ.

— Я велю раздать имъ книжечки нашихъ *правилъ о благонравіи;* увѣряю васъ, они будутъ очень довольны.

— Нѣтъ, книжечки эти ужъ много разъ имъ давали...

— Дѣйствительно... Тогда, если позволите, я прикажу раздать имъ булочекъ...

— Прекрасно, сказала графиня. — Смотрите только, чтобы всѣмъ досталось; никто бы обдѣленъ не былъ.

— Самъ буду наблюдать, ваше сіятельство; каждому будетъ по булочкѣ.

— Благодарю васъ; вы добрый и хорошій человѣкъ, Иванъ Иванычъ!

При этихъ словахъ, высказанныхъ въ первый разъ съ такимъ убѣжденіемъ, Воскресенскій приподнялся съ мѣста, устремилъ на собесѣдницу бѣловатые зрачки, стараясь придать имъ растроганный видъ, и произнесъ колеблющимся голосомъ:

— Мнѣ... мнѣ надо благодарить васъ... Вся цѣль моя заслужить благорасположеніе ваше! Мнѣ, собственно, какъ вамъ хорошо извѣстно, ничего не надо... Я ничего не ищу; задача моей жизни — дѣлать добро по мѣрѣ силъ моихъ и приносить пользу...

— Знаю, знаю... начала было графиня, но взглянула украдкой на часы, бросила на столъ вязанье и прибавила, поспѣшно вставая съ дивана,— я съ вами заговорилась!.. Мнѣ надо еще переодѣться и поспѣть на станцію петергофской дороги... Прощайте! Надѣюсь, до скораго свиданія!..

Склонивъ голову и опустивъ глаза къ полу, Воскресенскій сохранилъ такое положеніе до той минуты, пока графиня не вышла изъ комнаты.

V.

Пріемная, между тѣмъ, начинала проявлять нѣкоторое оживленіе. Дверь графскаго кабинета была еще закрыта, но уже подлѣ нея стоялъ толстенькій курьеръ; другой курьеръ занялъ мѣсто у входа въ пріемную. Передъ однимъ изъ зеркалъ охорашивался дежурный чиновникъ Стрекозинъ, весь вылощенный, съ проборомъ, такъ старательно прохваченнымъ отъ лба до затылка, что гребень въ нѣкоторыхъ мѣстахъ задѣлъ даже кожу. При малѣйшемъ шорохѣ онъ ловко перевертывался на каблукѣ, придавая своему красному лицу выраженіе любезности и привѣтливости, обязательное для чиновниковъ, состоящихъ на дежурствѣ у начальника.

Вскорѣ появился третій курьеръ вмѣстѣ съ лакеемъ во фракѣ и бѣломъ галстукѣ; оба принялись устанавливать передъ окномъ ломберный столъ. Узнавъ, что сюда приказано поставить для осмотра его сіятельства церковную утварь, предназначаемую для церкви новаго центральнаго пріюта, Стрекозинъ торопливо вставилъ въ правый глазъ стеклышко; такая предусмотрительность не была лишней,

потому что, минуту спустя, курьеръ и лакей внесли корзину съ утварью. Къ сожалѣнію, Стрекозину не пришлось удовлетворить своему любопытству; обязанность выказывать любезность всѣмъ входившимъ въ пріемную заставила его немедленно обратиться къ показавшемуся тутъ же архитектору Зиновьеву, старичку небольшого роста, но еще плотному и живому. Старость выказывалась безчисленными мелкими морщинками, собранными вокругъ глазъ, оттѣненныхъ желтизною кожи, и тѣмъ еще, что, вмѣсто волосъ, на темени оставалось подобіе пуха, колеблемаго какъ ковыль на вѣтрѣ; признаки оживленія сохранились въ свѣтлыхъ голубоватыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ умно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скромно, откровенно и честно. Въ этомъ взглядѣ и вообще на всемъ лицѣ, несмотря на его морщины, преобладало выраженіе добродушія, можно даже сказать, чего-то дѣтскаго и невиннаго, если бъ послѣднее не служило, по большей части, синонимомъ простоты. Широкій лобъ Зиновьева, его взглядъ и полныя губы, часто сжимаемыя горькой улыбкой, ясно показывали, что то, что̀ казалось дѣтскимъ и простодушнымъ, ничего не имѣло общаго съ ограниченностью; то и другое проистекало скорѣе изъ свойствъ чистой, прекрасной души; отъ всего его существа вѣяло чѣмъ-то прямымъ и честнымъ; свойства эти до такой степени были присущи его природѣ, что ихъ не могли ослабить ни лѣта, ни жизненный опытъ.

Раскланявшись съ дежурнымъ чиновникомъ, Зиновьевъ заботливо принялся разставлять принесенную утварь. Она доставила ему въ послѣднее время не мало хлопотъ. Онъ не считалъ трудности при составленіи самыхъ рисунковъ, требовавшихъ кропотливаго изученія образцовъ отъ девятаго до двѣнадцатаго столѣтія; работа была ему по сердцу, увлекала его и онъ трудился съ усердіемъ. Главнымъ образомъ нестерпимо было возиться послѣ того, какъ рисунки были уже окончательно утверждены и самые предметы стали постепенно изготовляться. Ихъ то и дѣло требовали для просмотра, и каждый изъ участниковъ считалъ непремѣннымъ своимъ долгомъ сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе. Иванъ Ивановичъ говорилъ: „Прекрасно“, но тутъ же прибавлялъ, прикасаясь всегда къ каждой вещи: „Тутъ вотъ какъ будто... что-то такое“... Графъ то одобрялъ, то находилъ также, „что тутъ... какъ будто что-то такое“... и, не договаривая, желалъ исправленія.

Графиня, въ общемъ, была довольна, но въ послѣднее время стала находить, что стиль слишкомъ кудрявъ и мало „какъ будто“ отвѣтствуетъ строгости назначенія. Хуже всего было то, что всякій разъ волей-неволей приходилось передѣлывать и, чаще всего, портить то, что давно было утверждено при представленіи рисунковъ. Теперь, кажется, все было сдѣлано; но нѣтъ, — Воскресенскій снова предувѣдомлялъ о желаніи графа взглянуть еще разъ на утварь: дѣлать нечего, — надо было исполнить приказаніе.

Въ то время, какъ старый архитекторъ хлопоталъ у стола, въ пріемную вошелъ, оглядываясь на всѣ стороны и какъ бы чего-то отыскивая, рослый купецъ съ медалью на лентѣ; за нимъ робко выступила тощая дама въ траурномъ платьѣ такого вида, какъ будто его заодно съ владѣлицей вытащили изъ воды, не успѣвъ еще хорошенько просушить. Спустя нѣсколько времени, показалась группа изъ восьми лицъ мужского пола; тутъ были рослые и маленькіе, старые и среднихъ лѣтъ, лысые и приглаженные, и такіе, у которыхъ волосы торчали, какъ иглы у ежа; всѣ были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; нѣкоторые выказывали на видныхъ мѣстахъ орденскіе знаки.

Стрекозинъ, перевертываясь волчкомъ на каблукахъ, любезно подходилъ къ каждому, записывая карандашомъ на бумагѣ фамилію.

— Какъ прикажете записать? освѣдомился онъ, подходя къ мужской группѣ.

— Депутація изъ Москвы, проговорилъ лысый господинъ, наклоняясь такъ близко, что уже не слышно было послѣднихъ словъ.

— Васъ, сударыня, какъ прикажете? обратился онъ къ траурной дамѣ.

— Сюсюкова...

— Какъ-съ?

— Сю-сю-кова... Я насчетъ мужа...

— Васъ, сударь? спросилъ онъ, подходя къ купцу.

— Купецъ первой гильдіи Жигулевъ... я отъ Ивана Иваныча...

Это послѣднее сообщеніе было уже, казалось, слишкомъ достаточно для Стрекозина; онъ привѣтливо улыбнулся и отошелъ въ сторону.

Въ ту же минуту показался самъ Иванъ Иванычъ.

Стрекозинъ мгновенно выпустилъ стеклышко изъ глаза и, отступая на цыпочкахъ, какъ актеръ во время вызова, далъ ему почтительно дорогу.

Отвѣтивъ ему мимоходомъ ласковымъ поклономъ, Воскресенскій подошелъ къ купцу, пожалъ ему руку, сказалъ въ упоръ тихимъ голосомъ нѣсколько словъ, послѣ чего направился было къ Зиновьеву, но былъ остановленъ подбѣжавшимъ курьеромъ, который шепнулъ ему что-то подъ самое ухо.

— Скажи имъ: сейчасъ, проговорилъ Иванъ Иванычъ.

Медленнымъ шагомъ послѣдовалъ онъ за курьеромъ и вышелъ изъ пріемной.

Иванъ Иванычъ остановился у спуска парадной лѣстницы, на которой торопливо шагали два господина,— одинъ тощій, бѣлокурый и приглаженный; другой коротенькій, коренастый и черный, какъ армянинъ; оба были въ бѣлыхъ галстукахъ и во фракахъ, украшенныхъ крестиками въ петлицѣ. Первый былъ живописецъ Лисичкинъ, второй архитекторъ Бабковъ. Слѣдомъ два лакея вносили картину, тщательно обернутую простынею, а ниже выступалъ курьеръ, державшій въ рукахъ огромную папку.

— Хорошо! хорошо! съ ласковымъ укоромъ обратился къ нимъ Воскресенскій.

— Никакимъ образомъ не было возможно... Задержалъ позолотчикъ, проговорилъ Лисичкинъ сладенькимъ, масляннымъ голосомъ.

— Меня извозчикъ задержалъ, чортъ бы его побралъ! отозвался, какъ изъ бочки, коренастый Бабковъ.

Успокоивъ ихъ извѣстіемъ, что графъ еще не выходилъ и будетъ время сдѣлать все какъ слѣдуетъ, Иванъ Иванычъ отдалъ приказаніе нести картину и папку боковыми переходами, минуя парадныя комнаты, до маленькой столовой, примыкавшей къ задней части кабинета. Онъ провелъ тѣмъ же путемъ живописца и архитектора. Путь этотъ давно былъ имъ избранъ для тѣхъ, кому онъ особенно покровительствовалъ.

Бабковъ и Лисичкинъ, каждый въ своемъ родѣ, могли служить образчиками въ той категоріи художниковъ, которыхъ называютъ *практиками*, но не въ рабочемъ смыслѣ, а въ смыслѣ ловкихъ, практическихъ свойствъ ихъ характера. Пронырливыя отъ природы и, кромѣ того, съ самолюбивой закваской, лица этого рода, еще въ юныхъ

годахъ, не примиряются съ положеніемъ товарищей, которые, — при той же бездарности и отсутствіи истиннаго призванія,—упрямо продолжаютъ работать, обрекая себя добровольно скромной карьерѣ. Они не уживаются съ сознаніемъ своего ничтожества. Оно терзаетъ ихъ и растравляетъ въ нихъ чувство мѣщанскаго самолюбія. Художество не далось, — нечего себя дольше обманывать; сколько тутъ ни бейся, ни до чего, очевидно, не дойдешь, ничего не возьмешь. Между тѣмъ дойти, взять, выйти въ свѣтъ смертельно хочется! Какъ тутъ быть? Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, хоть воспользоваться художественной профессіей? Можно. Не перечесть, сколько уже разъ служила эта профессія для добыванія видныхъ мѣстъ, чиновъ и знаковъ отличія. На это, пожалуй, могутъ возражать: „Къ чему художнику видное мѣсто? Какое мѣсто лучше мастерской, гдѣ представляется полная свобода благороднаго труда и творчества? Къ чему ему чины и орденскіе знаки? Его знаки отличія—его произведенія; его чины — ихъ прогрессивное совершенство!..“ Все это справедливо, но только для художниковъ съ истиннымъ призваніемъ и талантомъ. Но сами скажите, развѣ много такихъ?

Бабковъ и Лисичкинъ, дѣйствуя независимо, отдѣльно одинъ отъ другого, повинуясь только собственному нюху, пришли, тѣмъ не менѣе, къ одной цѣли. Оба незамѣтно подмостились къ Ивану Иванычу, и каждый лѣзъ изъ кожи, стараясь угодить ему, зная, что за нимъ усердіе не пропадаетъ. Бабковъ, искавшій, прежде всего, выгодныхъ казенныхъ построекъ, даромъ доставлялъ планы для подвѣдомственныхъ Ивану Иванычу богадѣленъ и душеспасительныхъ школъ, строилъ, воздвигалъ дымовыя трубы, проводилъ водосточныя канавы, подбивалъ молодежь безвозмездно рисовать и чертить; Лисичкинъ, болѣе самолюбивый, подбирался, какъ кошка къ сырому мясу, къ почетному званію и кресту на шею; съ этою цѣлью спѣшилъ онъ украшать стѣны пріютовъ и богадѣленъ портретами предсѣдателей и великодушныхъ жертвователей, самъ жертвовалъ образа своей работы, исполнялъ порученія, давалъ совѣты и хотя въ послѣднемъ часто выказывалъ рѣзкость и самоувѣренность, не отвѣчавшія его менѣе чѣмъ скромному значенію, какъ художника, но дѣлалъ это, убѣдившись изъ опыта, что смѣлость и дерзость иногда города берутъ.

Воскресенскій былъ поэтъ въ своемъ родѣ. Стиховъ онъ не писалъ, но склоненъ былъ къ увлеченіямъ и даже не лишенъ былъ творческой способности. Онъ постоянно находился подъ обаяніемъ какой-нибудь личности или нѣсколькихъ лицъ, которыхъ самъ же выдумывалъ, снабжая ихъ вдругъ всѣми возможными качествами. Чѣмъ ничтожнѣе была личность, но чѣмъ болѣе усматривалось въ ней смиренія и преданности, тѣмъ вѣрнѣе могла она разсчитывать попасть въ число любимцевъ Ивана Иваныча. Любимца всюду выставляли впередъ, расхваливали на всѣхъ перекресткахъ, рекомендовали и опредѣляли, хотя бы для этого требовалось придраться къ другому лицу и спихнуть его съ мѣста. Иванъ Иванычъ не преслѣдовалъ при этомъ никакой корыстной цѣли: онъ дѣйствовалъ искренно: въ увлеченіяхъ его было что-то отеческое, вытекавшее изъ потребности выводить маленькихъ Воскресенскихъ и имъ покровительствовать. Такими любимцами въ послѣднее время были Бабковъ и Лисичкинъ. Мимо тѣхъ услугъ, какими можно было отъ нихъ пользоваться, Иванъ Иванычъ чувствовалъ къ нимъ какое-то внутреннее влеченіе.

Онъ любилъ обоихъ за то также, что съ ними не требовалось большихъ расходовъ краснорѣчія. Несмотря на внѣшнюю разность типовъ Бабкова и Лисичкина, у обоихъ были совершенно схожіе глаза сѣраго оттѣнка, такъ уже устроенные, что они понимали съ полуслова, читали на лицахъ едва уловимые знаки, хватали на лету намеки. Въ усердіи они старались опередить одинъ другого. Отсюда между ними происходило маленькое соперничество, заставлявшее архитектора называть живописца „лукавымъ блондиномъ“ и живописца называть архитектора „хитрымъ мужикомъ“, что, впрочемъ, не мѣшало имъ быть почти неразлучными. Когда работа доставалась одному, онъ непремѣнно старался привлечь къ ней другого.

Связь ихъ не нарушалась даже несходствомъ характеровъ. Бабковъ отличался грубостью, которой ловко пользовался, придавая ей видъ простоты и беззаботности русской прямой натуры. „Вы меня великодушно простите,— любилъ онъ повторять при разговорѣ съ вліятельными особами, — я человѣкъ не придворный; никакихъ этихъ тонкостей не вѣдаю; я простой русскій мужикъ, простой ломоть ржаного хлѣба... да! Но правду за то, правду всегда скажу!“ Никто, конечно, не справлялся, въ какомъ

колодезѣ скрывалась эта правда: тѣмъ не менѣе, множество лицъ попадало на удочку. Когда касалось сомнительнаго вопроса, не разъ приходилось слышать сожалѣніе, что нѣтъ при этомъ Бабкова: „Жаль, онъ человѣкъ простой, но прямъ, и сказалъ бы намъ правду!“ Лисичкинъ бралъ на другой крючокъ; онъ весь былъ елей, медъ и сахаръ; мягко говорилъ, нѣжно пожималъ руки, цѣловался въ-засосъ, скромно сторонился, попадая, однакожъ, какъ разъ въ лучъ зрѣнія тѣхъ, въ комъ нуждался, и, подобравшись украдкой, подмасливъ и подсластивъ какъ слѣдуетъ, вдругъ неожиданно врѣзывался винтомъ и уже тогда проявлялъ ту дерзость и самоувѣренность, о которыхъ говорилось выше.

Роль Бабкова и Лисичкина была незавидна въ кругу настоящихъ художниковъ. Всѣ очень хорошо знали, что, какъ художники, они ровно ничего не стоили, рисовали хуже школьниковъ и были бездарны, какъ кукушки. О первомъ говорили, что онъ „скорѣе плотно набиваетъ карманъ, чѣмъ плотно строитъ“; второго окрестили „гнилымъ яйцомъ, снесеннымъ случайно въ подолъ русскаго искусства“. Обоихъ одинаково приписывали къ разряду штукарей и пройдохъ.

Устроивъ двухъ пріятелей въ маленькой столовой, Воскресенскій прошелъ въ кабинетъ, гдѣ уже засталъ графа готовящимся выйти въ пріемную.

— Пока тамъ собираются, ваше сіятельство, сказалъ Иванъ Иванычъ, указывая на дверь пріемной,—не угодно ли вамъ будетъ на секунду пожаловать рядомъ, въ маленькую столовую; я привелъ туда архитектора Бабкова, который доставилъ планы конюшенъ и флигеля въ Синекуровѣ (такъ прозывалось главное имѣніе графа); желалось мнѣ также показать портретъ вашъ, прежде чѣмъ его поставятъ на мѣсто...

— Это куда же?

— Въ новый центральный пріютъ; портретъ писалъ художникъ нашъ, Лисичкинъ.

— Какой Лисичкинъ?

— Тотъ самый, который пожертвовалъ иконостасъ своей работы для церкви новаго пріюта.

— А! знаю! Очень радъ буду его видѣть, сказалъ графъ, направляясь къ маленькой столовой.

Иконостасъ, о которомъ упоминалъ Воскресенскій, былъ однимъ изъ наказаній строителя церкви, Зиновьева. Онъ

ахнулъ, когда увидалъ его, и чуть не заплакалъ, получивъ приказаніе поставить его. „Что же это такое?—твердилъ онъ упавшимъ голосомъ и жалобно скрещивая руки при видѣ рутинныхъ и дѣтски-намалеванныхъ изображеній, вмѣсто тѣхъ строгихъ образовъ древне-греческаго характера, которыми мечталъ онъ украсить церковь, любимое свое дѣтище.—Боже мой, что же это такое?“ повторялъ онъ, потирая въ недоумѣніи лобъ. Выраженія эти были, къ сожалѣнію, переданы Лисичкину, который съ тѣхъ поръ сталъ искоса поглядывать на стараго архитектора.

— Здравствуйте, господа! привѣтливо воскликнулъ графъ, выходя къ художникамъ.

Бабковъ, державшій папку наготовѣ, вытянулся по-солдатски; Лисичкинъ, стоявшій подлѣ портрета, представлявшаго графа въ полномъ парадномъ мундирѣ, растаялъ, какъ кусокъ масла, опущенный въ горячую воду.

Графъ остался доволенъ сходствомъ, пожалѣлъ только, что всѣ портреты писаны заочно, съ фотографій, отличаются недостаткомъ чего-то сѣраго въ общемъ тонѣ и вообще страдаютъ отсутствіемъ чего-то живого.

Такого замѣчанія именно и ждалъ Лисичкинъ.

— Я, ваше сіятельство, съ тѣмъ и взялъ на себя смѣлость представить вамъ портретъ, что надѣялся... надѣялся удостоиться хотя бы одного сеанса... всего на полчаса какіе-нибудь!.. Вотъ тутъ бы и еще здѣсь слѣдовало пройти еще разъ, подхватилъ онъ, прикасаясь пальцами къ полотну такъ нѣжно, какъ бы боясь что-нибудь испортить.—Одинъ только сеансъ, ваше сіятельство! добавилъ онъ робко-умоляющимъ голосомъ.

— Очень радъ! Я пришлю сказать, когда будетъ можно, ласково возразилъ графъ.—У васъ что? обратился онъ къ Бабкову.

— Планы конюшенъ и флигеля, которые вамъ угодно было приказать составить, хрипло отвѣчалъ Бабковъ, принимаясь развертывать папку.

— Прекрасно; но, прежде чѣмъ рѣшить что-нибудь, надо было бы посовѣтоваться съ графиней...

— Ея сіятельство только что уѣхала, замѣтилъ Иванъ Иванычъ.

— Тогда отложимъ лучше до завтра... къ тому же, мнѣ теперь недосугъ; меня ждутъ въ пріемной.

— Я пригласилъ этихъ господъ еще съ тѣмъ, ваше

сіятельство, вкрадчиво началъ Воскресенскій,—что такъ какъ вамъ угодно было приказать архитектору Зиновьеву представить сегодня церковную утварь, то г. Лисичкинъ и г. Бабковъ, оба, какъ опытные художники, могли бы дать полезныя указанія...

— Прекрасно сдѣлали! Очень радъ буду видѣть васъ еще разъ. Теперь прощайте! заключилъ графъ, возвращаясь въ кабинетъ.

Свиданіе было непродолжительно, но привело къ тому, что было заранѣе разсчитано: Лисичкинъ добился сеанса, который доставлялъ ему случай видѣть графа съ-глазуна-глазъ; Бабковъ достигъ той же цѣли. Обоимъ открывалась возможность врѣзать лишній разъ ихъ черты въ памяти графа. Сознавая важность услуги, какъ тотъ, такъ и другой не переставали благодарить Воскресенскаго во все время, какъ онъ велъ ихъ въ пріемную.

Пока Иванъ Иванычъ занялся бесѣдой съ тѣми и другими лицами, Бабковъ и Лисичкинъ подошли къ Зиновьеву.

— Боже мой, кого я вижу! Здравствуйте, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ, здравствуйте! заговорилъ Лисичкинъ такимъ голосомъ, какъ будто не ожидалъ встрѣчи съ любимымъ человѣкомъ и былъ искренно ею обрадованъ.

Въ избыткѣ чувствъ онъ уже наклонился, выражая желаніе облобызать старика, но подумалъ о неудобствѣ мѣста и воздержался.

— Какъ здоровеньки, батенька? Давненько не видались! сказалъ Бабковъ, протягивая руку.

Изъявленіе дружескихъ чувствъ нѣсколько удивило Зиновьева. Съ Лисичкинымъ онъ познакомился, когда пришлось ставить его иконостасъ,—обстоятельство это не способствовало ихъ сближенію; съ Бабковымъ онъ встрѣчался также весьма рѣдко. Все это не помѣшало ему любезно раскланяться и подвести ихъ къ столу съ утварью.

— Прелесть!.. Ну, просто прелесть! воскликнулъ Лисичкинъ, расплываясь отъ восхищенія прежде еще, чѣмъ успѣлъ осмотрѣть что-нибудь.—Откуда только, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ, откуда взяли вы эти чудные типы?..

— Откуда? Вотъ откуда! брякнулъ Бабковъ, хлопая себя по лбу.—Я правду говорю!..

— Конечно, подхватилъ живописецъ, — но, Боже мой,

сколько изслѣдованій... Одно это кадило: сласть просто! восторгался Лисичкинъ, косясь, однакожъ, на дверь кабинета.

— Талантъ, голубчикъ! Я не люблю кривляться; прямо говорю: талантъ! Видѣлъ ли ты рисунки его реставрацій?

— Видѣлъ, подхватилъ Лисичкинъ,—чудеса просто! А видѣлъ ли ты у Алексѣя Максимыча его рисунки итальянскихъ мозаикъ? Если не видалъ, попроси взглянуть! Истинное сокровище! Скажите, неужели они до сихъ поръ не изданы?

— Пока еще нѣтъ, скромно отозвался Зиновьевъ.—Помилуйте, кому они нужны? Чѣмъ можно было, я воспользовался для церкви и пріюта; многое подходило къ стилю... Остальное до сихъ поръ такъ лежитъ.

— О чемъ это вы тутъ бесѣдуете? тихо, какъ бы подкравшись, спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Восхищаемся, проговорилъ „лукавый блондинъ“ съ видомъ простодушія.

— Стоимъ да похваливаемъ! сказалъ „хитрый мужикъ“, казавшійся въ эту минуту болѣе чѣмъ когда-нибудь простымъ „добрымъ малымъ“.

Сѣрые зрачки его встрѣтились съ глазами Лисичкина; оба украдкой обмѣнялись взглядомъ, перевели глаза на Воскресенскаго и какъ бы случайно попали прямо въ его лучъ зрѣнія. Обмѣнъ этихъ взглядовъ прошелъ незамѣтно для Зиновьева, который въ это время благодарилъ Ивана Иваныча, присоединившаго свои одобренія къ похваламъ художниковъ.

— Все это отлично, господа, сказалъ Воскресенскій,— но были ли вы въ самой церкви, для которой предназначается эта утварь,—я разумѣю: видѣли ли вы ее теперь, въ послѣднее время?

— Къ сожалѣнію, съ тѣхъ поръ не былъ, какъ Алексѣй Максимычъ такъ обязательно ставилъ мой иконостасъ, отозвался Лисичкинъ, изъ памяти котораго изгладилось, повидимому, неудовольствіе, возникшее тогда между нимъ и старымъ архитекторомъ.

— Я также давно не былъ! подхватилъ добродушно Бабковъ.—Сто разъ собирался, да все дѣла, батенька! А вотъ что: благо всѣ здѣсь налицо, взяли бы, да и поѣхали!..

— Очень буду радъ, пробормоталъ Зиновьевъ.

— Вы поѣдете съ нами, Иванъ Иванычъ?

— Съ удовольствіемъ, только сегодня и завтра мнѣ невозможно...

— Я попросилъ бы васъ, господа, повременить еще нѣсколько дней, принужденно выговорилъ Зиновьевъ, — теперь снимаютъ внутри лѣса; самое неблагопріятное время! Ужъ показывать, такъ показывать товаръ лицомъ, какъ говорится. Позвольте: сегодня у насъ вторникъ; не угодно ли будетъ въ субботу?

— А, ну, въ субботу, такъ въ субботу! По рукамъ, значитъ! Вамъ можно, Иванъ Иванычъ?

— Можно.

— И мнѣ также, радостно сказалъ Лисичкинъ.

Здѣсь снова, и опять незамѣтно для Зиновьева, произошелъ обмѣнъ взглядовъ между Воскресенскимъ и двумя его пріятелями.

Бабковъ и Лисичкинъ уже протягивали руки Зиновьеву, но въ эту минуту курьеръ отворилъ обѣ половинки двери въ кабинетъ, и оба быстро откинулись въ сторону. Между присутствующими прошло жужжаніе, точно всполошился рой большихъ осеннихъ мухъ; шумъ этотъ тотчасъ же упалъ, какъ будто всѣ мухи разомъ вылетѣли въ окно. Наступило мертвое молчаніе.

Съ привѣтливой улыбкой на устахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ, показался графъ.

Все замерло. Слышалось только, какъ хлопала маркиза въ одномъ изъ оконъ.

Иванъ Иванычъ, скользя на своихъ мягкихъ подошвахъ, приблизился къ графу; съ другой стороны подлетѣлъ дежурный чиновникъ Стрекозинъ, весь превращаясь въ слухъ и зрѣніе.

Графъ подошелъ прежде всего къ депутаціи. Изъ группы выступилъ кудрявый съ просѣдью господинъ.

— Имѣемъ честь представиться, началъ онъ колеблющимся голосомъ,—депутація изъ Москвы къ вашему сіятельству отъ... отъ... *общества призрѣнія сиротъ китобоевъ, погибшихъ на Мурманскомъ берегу*... Просимъ ваше сіятельство сдѣлать честь обществу принять его подъ ваше покровительство...

— И предсѣдательство, шепнули сзади, но такъ громко, что всѣ услышали.

— И предсѣдательство, оторопѣвъ, добавилъ ораторъ.

— Прекрасная мысль! Очень радъ, господа; всегда со-

чувствую всякому доброму, полезному дѣлу, съ любезностью сказалъ графъ. — Давно общество основано?

— Основывается только что, ваше сіятельство...

— Прекрасно! Я только не понимаю, почему же именно въ Москвѣ? Не удобнѣе ли было бы гдѣ-нибудь у моря; напримѣръ, хоть въ Архангельскѣ?

— Въ Москвѣ, ваше сіятельство, предполагается только устройство центральной администраціи... Оттуда уже...

— Ну, это другое дѣло!.. Поблагодарите отъ меня общество, господа; передайте, что я съ своей стороны готовъ... всегда готовъ содѣйствовать всякому доброму, полезному дѣлу...

Ораторъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, согнувшись, подалъ уставъ общества. Графъ обратился къ Стрекозину, котораго, въ разсѣянности, назвалъ Ласточкинымъ, и приказалъ принять уставъ.

Члены депутаціи попятились назадъ съ поклонами.

Графъ приблизился къ купцу, который, издали еще, топтался на мѣстѣ, какъ гусакъ; по лицу его струились крупныя капли пота; глаза его, выпученные какъ у лягушки, умилительно моргали.

Иванъ Иванычъ слегка наклонился къ уху графа:

— Купецъ Жигулевъ... благодаритъ за награду...

— Поздравляю! привѣтственно сказалъ графъ, — отъ души поздравляю!..

Глаза Жигулева неожиданно зажмурились, жирное лицо задрожало, и онъ проговорилъ, задыхаясь на каждомъ словѣ:

— Ваше сіятельство... осчастливьте!.. Сегодня у меня жена именинница... Осчастливьте... позвольте поцѣловать вашу ручку...

— Полно, старикъ, полно! ласково проговорилъ графъ, трепля его по плечу и всякій разъ быстро отдергивая руку, какъ только Жигулевъ порывался влѣпить въ нее поцѣлуй.

Послѣ этого онъ прошелъ къ траурной дамѣ. Но та отъ волненія рѣшительно не могла произнести слова и только утирала слезы и совала впередъ просьбу, дрожавшую въ ея рукѣ.

— Успокойтесь, сударыня, сказалъ графъ, — я сдѣлаю все, все, что будетъ только возможно... Ласточкинъ!—обозвалъ онъ снова Стрекозина, — возьмите у дамы просьбу и потомъ мнѣ передайте... Еще разъ прошу васъ, сударыня: успокойтесь!

При видѣ Зиновьева и разставленной на столѣ церковной утвари, улыбающееся лицо графа сдѣлалось нѣсколько строже.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ съ несвойственной ему сухостью.

Онъ медленно подошелъ къ столу, между тѣмъ какъ Лисичкинъ и Бабковъ, выступая за нимъ на цыпочкахъ, жались подлѣ Ивана Иваныча.

— Все ли, наконецъ, у васъ готово? Давно пора, мой милый!.. Господа, обратился графъ къ двумъ художникамъ,—вы здѣсь весьма кстати: интересно было бы знать ваше мнѣніе... Что вы на это скажете?

— Прекрасно! съ нѣжностью, но нерѣшительно какъ-то сказалъ Лисичкинъ.

— Отлично! глухо отозвался Бабковъ.

— Тонко... деликатно! подхватилъ Лисичкинъ, — но тутъ же замялся, какъ бы стѣсняясь дальше выразить свое мнѣніе.

— Никакихъ, стало-быть, замѣчаній? спросилъ графъ.

— Гм...

— Никакихъ, ваше сіятельство... все здѣсь одинаково прекрасно. Конечно, во всемъ можно всегда найти недостатки... но зачѣмъ же это?

— Говорите, не стѣсняйтесь, прошу васъ! сказалъ Зиновьевъ.

— Зачѣмъ же? помилуйте!.. Все такъ прелестно!

— Коли пошло на правду, одно скажу: все хорошо; позолота только, сдается мнѣ, не совсѣмъ того...

— О, нѣтъ! я не скажу этого, вмѣшался Лисичкинъ, украдкой переглядываясь съ Иваномъ Иванычемъ. — Позолота прекрасная... Возьмемъ, напримѣръ, хоть это кадило: чудо! Тутъ только... вотъ... какъ будто... мнѣ кажется...

— Что жъ вы тутъ находите? спросилъ Зиновьевъ, краснѣя.

— О, ничего рѣшительно! Прелесть!.. Вотъ развѣ можно было бы... чуть-чуть... такъ, едва примѣтно... выгнуть эту линію... закруглить, такъ сказать... замѣтилъ Лисичкинъ, производя надъ кадиломъ неопредѣленныя движенія пальцами.

— Теперь уже поздно передѣлывать! прервалъ графъ,— мы и безъ того запоздали!.. Вы знаете, мой почтеннѣйшій, я всегда отдавалъ справедливость вашимъ трудамъ

и таланту, обратился онъ къ Зиновьеву, — но долженъ сказать, однакожъ: вы затягиваете окончаніе дѣла до невозможности! Шутка: цѣлыхъ три года тянется постройка церкви, и теперь еще конца нѣтъ! Вы сами обѣщали мнѣ быть готовымъ къ веснѣ; теперь середина лѣта... Такъ, право, невозможно! И добро бы задерживало что-нибудь существенное! Въ деньгахъ никогда, кажется, не было недостатка...

— Я только что хотѣлъ просить васъ о новомъ кредитѣ, началъ было Зиновьевъ, но графъ перебилъ его опять съ такою рѣзкостью, какую рѣдко выказывалъ.

— Это дѣло не мое, а Ивана Иваныча; обратитесь къ нему. Иванъ Иванычъ, переговорите съ господиномъ Зиновьевымъ! заключилъ графъ, раскачиваясь на всѣ стороны и проходя въ кабинетъ въ сопровожденіи дежурнаго чиновника, который несъ за нимъ просьбу и уставъ.

Лицо графа, на минуту нахмуренное, приняло снова свое сіяющее, привѣтливое выраженіе; взявъ бумаги отъ Стрекозина, онъ любезно объявилъ ему, что на весь день освобождаетъ его отъ дежурства, но видя, что Стрекозинъ не трогался съ мѣста и странно какъ-то моргалъ глазами и ухмылялся, графъ спросилъ съ улыбкой:

— Что съ вами, мой милый?

— Я потому, графъ... застѣнчиво возразилъ Стрекозинъ.—Вамъ угодно было два раза назвать меня Ласточкинымъ...

— Какъ такъ?

— Моя фамилія: Стрекозинъ...

— Знаю.

— А вы изволите все время называть меня Ласточкинымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Извините меня, пожалуйста; это я въ разсѣянности, смѣясь сказалъ графъ. — Отчего вы тогда же меня не предупредили?

— Въ данный моментъ не смѣлъ противорѣчить вашему сіятельству! промолвилъ Стрекозинъ, посматривая заискивающими глазами на графа, который неожиданно разразился добродушнымъ смѣхомъ.

Не желая прервать его, Стрекозинъ попятился къ двери. Когда онъ вернулся въ пріемную, тамъ никого уже не было.

VI.

— Боже мой, какая жара! Ужъ не въ Африкѣ ли мы? почти вслухъ сказалъ Алексѣй Максимычъ Зиновьевъ, выходя на Невскій проспектъ.

До настоящей минуты онъ шелъ тѣневой стороной улицъ и, кромѣ того, мало на что обращалъ вниманіе, находясь подъ впечатлѣніемъ графскаго пріема; онъ былъ имъ совершенно озадаченъ.

Здѣсь, на Невскомъ, солнце уже такъ припекало, что нельзя было оставаться къ нему нечувствительнымъ. Къ жарѣ, усиливающейся отъ раскаленныхъ плитъ, примѣшивался пряный, банный запахъ согрѣтой Мойки; съ другой стороны тянуло запахомъ газа, исходившимъ изъ канавы, въ которой чинили трубы; нѣсколько дальше понесло смолою отъ новой торцовой настилки; словомъ, охватывало той удушливой атмосферой, которая, въ жаркое время, носится облакомъ надъ городомъ, виднѣется еще издали, вызывая всегда радостное восклицаніе дачника: „Вотъ, однакожъ, отъ чего мы освободились!“

Если не считать дворниковъ, баловавшихся поливкой мостовой, и рѣдкихъ пѣшеходовъ, Невскій проспектъ, заслонявшійся въ глубинѣ пыльной рыжеватой мглою, былъ почти пустъ. Этому способствовалъ отчасти полдень и отдыхъ рабочихъ. Мѣстами цѣлая артель мостовщиковъ храпѣла, развалясь на солнцѣ; мѣстами попадались извозчичьи лошади, стоявшія съ понуренными головами и шевелившія ушами, между тѣмъ какъ ихъ возницы, раскинувъ на дрожкахъ, крѣпко спали съ открытымъ ртомъ и багровымъ, мокрымъ лицомъ, облѣпленнымъ мухами. Съ разныхъ концовъ крышъ и въ разныхъ направленіяхъ висѣли веревки съ клѣтками для маляровъ; многіе дома стояли наполовину окрашенными; цѣлые участки тротуара были забрызганы мѣломъ. Елки, посаженныя въ кадки у входа въ ресторанъ Доминика, совсѣмъ уже успѣли пересохнуть; стоявшіе тутъ же маленькіе мраморные столики отдавали жаромъ; къ нимъ жутко было прикоснуться. Вообще говоря, Невскій проспектъ не имѣлъ въ это время ничего привлекательнаго; онъ возбуждалъ желаніе убѣжать отъ него какъ можно дальше.

То же самое, вѣроятно, думалъ и Алексѣй Максимычъ: онъ поминутно отиралъ лицо платкомъ и снималъ шляпу, чтобы ею опахнуться. Онъ радостно достигъ Михайлов-

ской улицы, радостно сѣлъ въ вагонъ конки, и еще съ большею радостью освѣтилось доброе лицо старика, когда вагонъ, дребезжа своими стеклами, покатилъ къ Царицыну лугу.

„Желалъ бы я знать, отчего вдругъ такая немилость?“ мысленно разсуждалъ онъ, возвращаясь къ предмету прерванныхъ размышленій.—„Бывало, всегда такой обходительный, любезный... Никогда не видалъ его такимъ, какъ сегодня! Желалъ бы знать также, чего увиваются эти два господина? Ну, Воскресенскій, — тотъ ведетъ дѣло, всѣмъ ворочаетъ, видитъ здѣсь расчетъ какой-нибудь... Но эти-то что?.. Эхъ-хе! Разъ въ жизни посчастливилось встрѣтить настоящую, милую работу... Мечталъ о ней, наконецъ добился; любилъ ее и лелѣялъ, какъ дѣтище; всю душу положилъ, какъ говорится... Хоть бы спокойно дали достроить, — нѣтъ! что ни день, ставятъ новыя рогатки; вмѣшиваются, портятъ, заставляя принимать, напримѣръ, такія работы, какъ тотъ иконостасъ! Охъ, ужъ мнѣ этотъ иконостасъ! Суетятъ, торопятъ... Въ концѣ-концовъ, больше горя, чѣмъ радости! Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра! Примѣръ годится моему Сережѣ; онъ же такой горячій! „Талантъ, говоритъ, талантъ и трудъ все, дѣдушка, побѣждаютъ!“ Твоими бы устами медъ пить, голубчикъ. Бѣдный мальчикъ! Пускай, однакожъ, остается, Христосъ съ нимъ, при такой вѣрѣ; она нужна въ молодости; жизнь въ свое время всему научитъ!“

На Карповскомъ мосту Алексѣй Максимычъ торопливо вылѣзъ изъ вагона, спустился съ моста и пошелъ правымъ берегомъ рѣчки. Съ этой стороны дачи тѣснятся только при самомъ началѣ; дальше онѣ рѣдѣютъ, замѣняясь мало-по-малу заборами и садами. Мѣстами, у самаго берега, почти изъ воды подымалась группа старыхъ ветелъ и ольхи, и тѣнь отъ нихъ, сливаясь съ тѣнью ближайшаго сада, покрывала дорогу. Старикъ снималъ тогда шляпу и съ видимымъ удовольствіемъ начиналъ вдыхать воздухъ. Онъ вообще казался теперь менѣе озабоченнымъ, чѣмъ былъ въ вагонѣ; впечатлѣнія утра, повидимому, сглаживались, давая мѣсто болѣе спокойнымъ, свѣтлымъ мыслямъ. Всякій разъ, какъ на пути встрѣчалась живописная группа деревъ или рѣчка дѣлала поворотъ, открывая неожиданно новый картинный эффектъ свѣта, Алексѣй Максимычъ замедлялъ шагъ и на лицѣ его проступало замѣтное оживленіе. Разъ даже, не удо-

вольствовавшись нѣмымъ созерцаніемъ, онъ громко воскликнулъ:

— Эхъ, жаль, нѣтъ моей Марусеньки! Какую славную акварель она бы здѣсь написала!..

Онъ ускоренно зашагалъ по деревяннымъ мосткамъ, замѣнявшимъ тротуаръ, и, немного погодя, вышелъ въ дальній конецъ Песочнаго переулка, гдѣ нанималъ дачу.

Домъ стоялъ въ глубинѣ сада, отдѣлявшагося отъ переулка высокимъ заборомъ изъ барочныхъ досокъ, просверленныхъ дырьями. Подойдя ближе, Алексѣй Максимычъ сталъ прислушиваться къ голосамъ, раздававшимся изъ сада; голоса были ему хорошо знакомы; но съ первой минуты понялъ онъ, что въ домѣ происходитъ что-то особенное. Онъ убѣдился въ этомъ, какъ только открылъ калитку.

Посреди небольшого дворика дачи стояла незнакомая ему оборванная, босоногая дѣвочка, лѣтъ шести, и подлѣ нея также незнакомый и оборванный мальчикъ, меньшаго возраста; лица ихъ были пухлы отъ слезъ; на щекѣ мальчика виднѣлись слѣды крови, которую старалась обмыть Маруся, дѣвушка лѣтъ девятнадцати, стройная, красивая, съ чудесными волосами каштановаго цвѣта; стоя на колѣняхъ передъ мальчикомъ, она обмывала ему лицо, между тѣмъ какъ чашку съ водою усердно поддерживали двѣ дѣвочки, лѣтъ по десяти, обѣ бѣлокурыя, въ ситцевыхъ цвѣтныхъ платьяхъ и бѣлыхъ передникахъ. Группу завершалъ юноша, лѣтъ двадцати, рослый, широкоплечій, кудрявый, съ пушкомъ вокругъ щекъ и на верхней губѣ. Онъ казался чѣмъ-то взволнованъ; щеки его пылали, брови судорожно передвигались, пальцы сжимались въ кулакъ. Всѣ присутствующіе были чѣмъ-то сильно возбуждены; всѣ говорили и кричали въ одно время.

При видѣ старика, бѣлокурыя дѣвочки торопливо поставили чашку на песокъ и со всѣхъ ногъ бросились ему навстрѣчу; не успѣлъ онъ очнуться, какъ уже почувствовалъ себя въ ихъ рукахъ.

— Дѣдушка, я разскажу тебѣ... Это ужасно! ужасно! едва переводя духъ отъ волненія, заговорила младшая изъ нихъ, Катя.

— Послушай только, дѣдушка, что̀ я разскажу тебѣ! Ты только послушай; это ужасно! кричала съ другой стороны вторая дѣвочка, Соня.

— Постойте же, дѣточки, пустите... нельзя же такъ,

отбивался Алексѣй Максимычъ, цѣлуя ихъ въ то же время. — Начнете вмѣстѣ разсказывать, я ничего не пойму... я даже слушать не стану, если такъ... Вотъ, смотрите: и шляпу, новую шляпу на землю сбросили... Шалуньи, право!.. Спасибо, Маруся, подхватилъ онъ, подставляя голову красивой дѣвушкѣ, которая надѣла ему шляпу, стараясь отстранить Катю и Соню. — Ничего не хочу знать. Буду слушать только Марусю... Слышите ли? Только Марусю... Разсказывай, душенька, что̀ у васъ здѣсь такое... Только постой, не на солнцѣ... Подойдемте подъ навѣсъ; тамъ будетъ удобнѣе...

Онъ мимоходомъ взглянулъ на юношу; тотъ старался, видимо, овладѣть собою; но краска разливалась по лицу его, и чѣмъ больше онъ бодрился, тѣмъ больше выказывалъ неловкости.

Алексѣй Максимычъ усѣлся на соломенный стулъ, придвинутый Марусей; Катя и Соня мгновенно завладѣли его руками. Юноша подошелъ ближе, расправляя ладонью растрепавшіеся кудри на головѣ.

— Ну, Марусенька, разсказывай... Постой, впрочемъ, зачѣмъ же оставили вы этихъ ребятишекъ на солнцѣ? Катя, Соня, ведите ихъ скорѣе сюда!.. Вотъ такъ!.. Не плачь, дѣвочка, тебѣ ничего худого не сдѣлаютъ; не плачь, душенька; ну, Маруся, разсказывай; во-первыхъ, что̀ это за дѣти?

— Дѣти бѣднаго огородника, — торопливо вмѣшалась Соня.

— Они сегодня ничего не ѣли,—перебила Катя.

— Дѣточки, что-жъ это въ самомъ дѣлѣ? Такъ, право, нельзя,—съ упрекомъ въ голосѣ сказалъ старикъ.

Онъ хотѣлъ показать при этомъ строгое лицо, но это ему не удалось, и онъ засмѣялся.

— Дѣдушка! добрый, добрый дѣдушка!—закричали обѣ дѣвочки, бросаясь обнимать и цѣловать старика съ такою восторженностью, что шляпа его чуть было снова не слетѣла на-земь.

Наконецъ, онѣ успокоились.

— Видишь ли, дѣдушка,—начала Маруся, усаживаясь подлѣ и поправляя ему скосившійся галстукъ, — всѣ мы сидѣли здѣсь на дворѣ; я шила, Сережа давалъ сестрамъ урокъ изъ русской исторіи; вдругъ здѣсь, сейчасъ за калиткой, раздается дѣтскій пронзительный крикъ. Мы выбѣжали. На мосткахъ два ребенка, вотъ эти самые. Дѣ-

вочка заливается-плачетъ, мальчикъ кричитъ; смотримъ, изъ носу его льетъ кровь, все лицо перепачкано кровью... Спрашиваемъ: что случилось? Дѣвочка тутъ же разсказала, что за минуту передъ тѣмъ проходилъ мимо какой-то мальчикъ; поровнявшись съ ея братомъ, онъ вдругъ размахнулся и ударилъ его по лицу, послѣ чего побѣжалъ въ лавочку въ концѣ переулка... мы привели дѣтей къ себѣ... Но... но Сережа ужасно разгорячился, — подхватила Маруся, замѣтно смущаясь на этомъ мѣстѣ своего разсказа.

— Короче сказать, дѣдушка,—вмѣшался Сережа, успѣвшій въ это время остыть и оправиться,—мнѣ захотѣлось наказать этого негодяя...

— Рыцарь! рыцарь, нечего сказать! — полушутливо, полусерьезно замѣтилъ старикъ.

— Рыцарь не рыцарь, но пропустить безнаказанно поступокъ болвана, который бьетъ ребенка по лицу, мнѣ не хотѣлось, и я подождалъ у калитки, пока онъ не вернется назадъ... Я, дѣйствительно, думалъ увидѣть мальчишку и хотѣлъ надрать ему уши, но смотрю: передо мною вдругъ выступилъ съ салатникомъ, наполненнымъ огурцами, цѣлый верзила... Меня это окончательно взорвало. Тутъ дѣвочка закричала: это онъ, онъ! Я забылся, бросился впередъ... огурцы, конечно, полетѣли во всѣ стороны... Я уже потомъ не помню хорошенько... Знаю только, что ему славно досталось... Ручаюсь, онъ не станетъ впередъ потѣшаться на дѣтскихъ лицахъ!

— Какой Сережа храбрый, да, дѣдушка, да? — восторженно воскликнула Катя.

— И добрый, да, дѣдушка? добрый? да? — подхватила Соня.

— О, удивительно! Что и говорить! — возразилъ Алексѣй Максимычъ, разводя руками.—Ну, а что, если бъ да этотъ самый дѣтина оказался вдругъ сильнѣе Сережи? Что, если бъ началась свалка и вмѣшалась полиція? Тогда что?—прибавилъ онъ, посматривая на юношу.—Какъ бы все это красиво отозвалось на молодомъ человѣкѣ, который готовитъ программу на золотую медаль... Неправда ли, какъ это было бы красиво, Маруся?.. Скажи сама. Ты у насъ одна здѣсь благоразумная...

Въ отвѣтъ на это Маруся окинула живымъ взглядомъ дѣдушку; встрѣтивъ знакомую добрую улыбку на лицѣ

его, она сказала, что, будь она на мѣстѣ Сережи, она, по всей вѣроятности, сдѣлала бы то же самое.

— Заранѣе предвидѣлъ, что ты такъ отвѣтишь; непремѣнно заступится, ужъ это само собою, какъ водится!— проговорилъ старикъ, совсѣмъ уже развеселившись.

Еще въ началѣ прошлой зимы Зиновьевъ сталъ замѣчать, что молодые люди, выросшіе почти вмѣстѣ, начали обмѣниваться особенными взглядами, искали укромныхъ уголковъ и тамъ по цѣлымъ часамъ о чемъ-то съ жаромъ бесѣдовали; онъ не показалъ никакого виду, но въ ту же зиму, подъ предлогомъ усиленныхъ занятій Сережи въ Академіи Художествъ и отдаленности отъ нея своей квартиры, нанялъ ему на Васильевскомъ островѣ меблированную комнату. Сережа съ тѣхъ поръ приходилъ только къ обѣду и проводилъ у дѣдушки часть вечера.

Веселые возгласы знакомыхъ голосовъ ни на минуту не умолкали въ саду. Къ нимъ вскорѣ присоединилось звяканье посуды, возвѣстившее, что семья сѣла обѣдать. У Зиновьева немного было прислуги. Не считая кухарки, прислуга ограничивалась старой Марьей, или Марьянушкой, какъ ее обыкновенно всѣ звали. Лѣтъ двадцать тому назадъ поступила она къ старому архитектору простой прислужницей, потомъ мало-по-малу завладѣла хозяйствомъ, потомъ выходила и выняньчила одного за другимъ всѣхъ дѣтей и теперь уже была чѣмъ-то среднимъ между экономкой, членомъ семьи и старымъ другомъ дома. На вопросъ Алексѣя Максимыча, куда дѣвали бѣдныхъ дѣвочку и мальчика, Марьянушка объявила, что она въ точности исполнила желаніе Маруси: дѣти были умыты, накормлены, каждому дано, сверхъ того, по вотрушкѣ, и оба играютъ теперь въ кухнѣ съ котятами.

— Ужъ какъ же и уплетали, мои голубчики! Посмотрѣли бы вы только!—присовокупила Марьянушка, весело на всѣхъ поглядывая.—Я спрашивала у дѣвочки: со вчерашняго дня, говоритъ, ничего не ѣли...

— Благо сыты теперь, давай ихъ сюда! — подхватилъ Алексѣй Максимычъ, освобождая себя отъ салфетки, которую обыкновенно закладывалъ концами за галстукъ.

Всѣ торопливо встали изъ-за стола.

Такая поспѣшность объяснилась превосходнымъ планомъ прогулки, которую придумалъ дѣдушка во время обѣда. Вмѣсто того, чтобы отправиться безъ цѣли, какъ это обыкновенно дѣлалось, онъ предложилъ итти всѣмъ

вмѣстѣ отыскать огородника и „водворить“, какъ онъ выразился, мальчика и дѣвочку „на мѣсто жительства“. Предложеніе принято было съ восторгомъ. Въ первыя минуты рѣшительно не знали, что̀ дѣлать съ Катей и Соней. Нужно было вмѣшательство Марьянушки, чтобы заставить ихъ терпѣливо досидѣть до конца обѣда.

Былъ уже пятый часъ, когда семья Зиновьева всей гурьбой высыпала за калитку сада. Шествіе было почти что торжественное: его открывали босые мальчикъ и дѣвочка подъ прикрытіемъ Кати и Сони; позади, рядомъ съ Марусей, выступалъ Алексѣй Максимычъ, замѣнившій фракъ холщевымъ пальто и цилиндръ широкополой соломенной шляпой; за ними шелъ Сережа, теперь уже успокоенный, съ бодрымъ и довольнымъ видомъ.

Путь предстоялъ не шуточный. Приходилось обогнуть чуть ли не половину Аптекарскаго острова, перейти малую Невку и выйти на ту часть Петербургской стороны, которая замыкается пустырями и огородами. Но всѣмъ было очень весело, не выключая дѣдушки, изъ памяти котораго окончательно, казалось, исчезли непріятныя впечатлѣнія утра. Увлекаясь воспоминаніями прошлаго, онъ въ сотый разъ и все съ тѣмъ же увлеченіемъ разсказывалъ Марусѣ и Сережѣ о путешествіи, совершенномъ когда-то пѣшкомъ по маленькимъ итальянскимъ городкамъ, расположеннымъ вдоль Адріатическаго моря. Онъ приступалъ уже къ описанію чудесъ Равеннскаго собора,—любимому его предмету,—когда Катя и Соня неожиданно остановились у забора и закричали:

— Здѣсь... здѣсь, дѣдушка!

Позади забора простирались во всѣ стороны нескончаемые ряды зеленѣющихъ грядъ; слѣва только подымалась избушка съ перекосившимся шестомъ бывшей скворечницы; вокругъ грудами валялся навозъ, рогожи, битые черепки. Можно было бы думать, что Петербургъ находится отсюда за тридевять земель, если бъ въ отдаленіи не показывался адмиралтейскій шпицъ, блистая на вечернемъ закатѣ.

Въ ту самую минуту, какъ семья Зиновьева входила въ огородъ, изъ избы показалась тощая, босоногая баба, поправлявшая платокъ на встрепанной головѣ.

— Мама, мама! закричали мальчикъ и дѣвочка.

Баба остановилась; увидавъ дѣтей, она подняла съ земли хворостину и скорыми шагами пошла къ нимъ на-

встрѣчу, повторяя: „Постойте, я вамъ дамъ маму! Пострѣлы этакіе!.."

Маруся, Сережа и дѣдушка заслонили дѣтей; Катя и Соня съ испуганнымъ видомъ прижались къ старшимъ.

— Матушка, погоди! Зачѣмъ же такъ? ласково заговорилъ Алексѣй Максимычъ, удерживая руку бабы.—Выслушай прежде... Дѣти далеко забѣжали, заблудились... ну, вотъ мы ихъ нашли, накормили и привели домой. Скорѣе мы виноваты, что долго ихъ у себя держали... другой разъ лучше присматривай, а то Богъ знаетъ что̀ можетъ случиться...

Суровое выраженіе на лицѣ бабы неожиданно исчезло; хворостина выпала изъ рукъ; она ударилась въ слезы.

Изъ словъ ея выяснилось, что мужъ былъ только работникомъ на огородѣ и вотъ уже вторую недѣлю лежитъ больной; хозяинъ, между тѣмъ, грозитъ прогнать со двора; гроши, какіе были, всѣ ушли на лѣченіе; въ домѣ нѣтъ куска хлѣба и дѣти поневолѣ голодаютъ; сама она бросалась туда-сюда за помощью, но никто даже голоса не подалъ, никто не откликнулся; тутъ кто бы ни былъ—потеряетъ голову.

Во всемъ этомъ не было ничего преувеличеннаго. Когда Алексѣй Максимычъ, оставивъ Марусю съ младшими дѣвочками, вошелъ съ Сережей въ избу, оба ужаснулись окружавшей нищетѣ. Передъ низенькимъ окномъ съ выбитыми стеклами лежалъ больной, едва прикрытый шершавыми лохмотьями тулупа; на лицѣ его, землянистаго цвѣта, отчетливо выступала неподвижная, заострившаяся профиль; обнаженная грудь съ темнымъ углубленнымъ пятномъ посерединѣ тяжело переводила духъ. Въ избѣ было невообразимо жарко; съ перваго шага захватывало духъ и бросало въ потъ.

Алексѣй Максимычъ переглянулся съ Сережей, позвалъ бабу и, остановивъ ее въ дверяхъ, скоро началъ что-то шептать ей, шаря у себя, въ то же время, въ карманѣ. Сережа подошелъ ближе и также украдкой сунулъ ей что-то въ руку. Послѣ того оба вернулись къ своимъ, стараясь на пути успокоить бабу, которая, переставъ уже плакать, порывалась цѣловать ихъ руки. Выбѣжавъ изъ избы, она принялась также цѣловать руки Марусѣ и двумъ дѣвочкамъ. Вопреки увѣщаніямъ Алексѣя Максимыча, настоятельно посылавшаго бабу къ мужу, она проводила семью за калитку, и долго еще слышался надо-

рванный ея голосъ, произносившій всевозможныя благословенія.

Въ первое время обратнаго возвращенія домой всѣ члены семьи шли молча. Алексѣю Максимычу это не понравилось. Ему, во что бы то ни стало, хотѣлось возвратить присутствующимъ прежнюю веселость. Для Кати и Сони не требовалось дѣлать большихъ усилій. Съ первыхъ его словъ обѣ восторженно забили въ ладоши и принялись выдѣлывать прыжки. Выраженія радости вызваны были новой выдумкой дѣдушки; онъ сообщилъ, что если та и другая будутъ слушаться Марусю и хорошо учиться, онъ всякій разъ, послѣ обѣда, каждой дастъ нѣсколько денегъ, и обѣ каждый вечеръ, вмѣстѣ съ Марусей, могутъ посѣщать бѣдную огородницу.

— И ты, дѣдушка, будешь съ нами? спросили дѣвочки, хватая его за руки.

— Нѣтъ, дѣточки, мнѣ будетъ невозможно. Я теперь буду очень, очень занятъ. И Сережа не пойдетъ съ вами; у него также большая работа и ему мѣшать не надо. Кстати, прибавилъ онъ,—какъ идетъ твой проектъ?

— Подвигается, дѣдушка.

— Когда же ты мнѣ его покажешь?

— Когда совсѣмъ окончу.

— Ты все еще упорствуешь?

— Упорствую, дѣдушка! улыбаясь, возразилъ Сережа.— Самъ посуди: покажи я тебѣ проектъ, ты, конечно, начнешь совѣтовать, я, конечно, послушаю твоихъ совѣтовъ; проектъ, разумѣется, выиграетъ, но въ немъ окажется больше твоего, чѣмъ моего, а мнѣ этого не хочется. Каковъ бы онъ ни былъ, пусть лучше все мое будетъ: и мысль, и детали, и вся обработка.

— Ну, а какъ провалишься?

Сережа на минуту задумался, но тутъ же поднялъ голову. Онъ началъ увѣрять, что говоритъ такъ вовсе не изъ самоувѣренности, но видѣлъ, какъ болѣе или менѣе трудились его товарищи, видѣлъ ихъ работу и сравнивалъ ее съ своею; онъ не могъ также не замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ профессора стали обращаться съ нимъ иначе, оказывали ему особенное вниманіе, чего прежде не дѣлали. Воодушевляясь, слово за словомъ, Сережа заговорилъ о возможности получить медаль, поѣхать въ Италію, набраться новыхъ силъ, потомъ вернуться скорѣй, какъ можно скорѣй домой, получить работу и тогда уже, тогда...

— И тогда жениться на Марусѣ! вдругъ неожиданно докончилъ дѣдушка, лукаво, но добродушно поглядывая на юношу.

Основываясь на отрывистыхъ фразахъ, начатыхъ, но недосказанныхъ признаніяхъ Сережи, Алексѣй Максимычъ не сомнѣвался въ любви молодыхъ людей; не сомнѣвался въ томъ даже, что оба рѣшили уже вопросъ и дали другъ другу слово. Въ душѣ онъ этому радовался. Онъ пристальнѣе взглянулъ на племянника и повторилъ:

— Да, и женишься на Марусѣ?

— И женюсь на Марусѣ! рѣшительно отвѣчалъ Сережа, отыскивая глазами дѣвушку, которая вдругъ вспыхнула и закрылась зонтикомъ.

Алексѣй Максимычъ обхватилъ рукою ея станъ, потрепалъ ее по плечу и на ходу поцѣловалъ въ щеку, при чемъ Катя и Соня снова запрыгали какъ козы и начали восторженно бить въ ладоши.

Сумерки уже сгущались и полный, румяный мѣсяцъ выплывалъ между темными деревьями, когда семья Зиновьева остановилась передъ калиткой дачи.

VII.

Алексѣй Максимычъ Зиновьевъ вышелъ изъ Академіи Художествъ въ сороковыхъ годахъ. Удостоенный золотою медалью перваго достоинства, онъ шесть лѣтъ провелъ въ Италіи. Результатомъ поѣздки были: замѣчательная монографія въ рисункахъ палатинской капеллы въ Палермо и множество снимковъ различныхъ церквей и архитектурныхъ деталей. Все это служило вкладомъ для изученія искусства, но ему, собственно въ матеріальномъ отношеніи, ничего не принесло. Правда, для капеллы нашелся за границей издатель; но потому ли, что молодой архитекторъ не умѣлъ заключить условій, потому ли, что печатаніе дѣйствительно обошлось дороже, чѣмъ предполагалось, выгода Зиновьева ограничилась однимъ экземпляромъ, посланнымъ ему издателемъ. Онъ поспѣшилъ продать экземпляръ за половинную цѣну, такъ какъ въ то время крайне нуждался въ деньгахъ. При всей готовности приняться за дѣло, въ теченіе года онъ не могъ достать работы.

Случаи интересныхъ построекъ представлялись не одинъ разъ, но всегда какъ-то такъ выходило, что они проскользали мимо и попадали въ другія руки. Ему оставалось

идти въ помощники и чаще всего къ товарищамъ, которые, сколько ему помнилось, не отличались въ академіи особенными способностями; въ свое время онъ даже многимъ изъ нихъ помогалъ оканчивать программы.

Но жизнь предъявляла свои требованія; онъ соглашался, и, надо прибавить, соглашался безъ раздраженія, потому что врожденное добродушіе и простота сердца не оставляли уголка для зависти и ѣдкаго самолюбія. Но и здѣсь даже рѣдко удавалось довести дѣло до конца и получить за свой трудъ полное вознагражденіе. Главнымъ препятствіемъ были по бо́льшой части подрядчики. Одни доставляли подмоченныя балки, прося принять ихъ за сухія; другіе выставляли двадцать тысячъ кирпичей, подсовывая къ подпискѣ счетъ на двадцать пять тысячъ, и. т. д. Когда онъ передавалъ объ этомъ старшему архитектору, тотъ приходилъ обыкновенно въ негодованіе, но, въ концѣ концовъ, оставлялъ у себя подрядчика и выказывалъ полнѣйшее равнодушіе при желаніи помощника оставить должность.

Какъ ни былъ онъ терпѣливъ, ему, однакожъ, это надоѣло. Онъ принялся тогда дѣлать рисунки для мебельщиковъ и фабрикантовъ. Любимымъ предметомъ Зиновьева былъ греко-византійскій стиль, процвѣтавшій въ восточной Римской имперіи между шестымъ и двѣнадцатымъ столѣтіями; онъ всегда чувствовалъ къ нему склонность; побывавъ въ Италіи, онъ до того имъ увлекся, что, несмотря на скудныя средства, сдѣлалъ поѣздку въ Константинополь, единственно съ цѣлью осмотрѣть храмъ святой Софіи. Вернувшись въ Россію съ запасомъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, онъ постоянно мечталъ воспользоваться ими для украшенія предметовъ церковнаго и гражданскаго употребленія.

Онъ горячо принялся за работу.

Но и здѣсь пришлось вскорѣ разочароваться. Фабриканты и мебельщики исключительно требовали стиля Людовика XVI и рококо. Рисунки Зиновьева,—плодъ долгаго, страстнаго изученія и труда,—оставались у него по бо́льшей части въ папкѣ.

Практическій человѣкъ не сталъ бы, конечно, итти противъ теченія, понялъ бы безполезность борьбы и, вмѣсто того, чтобы убѣждать и спорить, поспѣшилъ бы удовлетворить требованіямъ современнаго вкуса; но практичность

не дана была въ удѣлъ Зиновьеву. Византія, вмѣсто того, чтобы его вывезти, посадила его на мель.

Нужна была случайная выставка въ академіи, нуженъ былъ особый знатокъ и любитель византійскаго искусства, чтобы выручить молодого архитектора.

Рисунки его на академической выставкѣ не только имѣли успѣхъ, но получили значеніе какого-то новаго откровенія. Онъ точно не жилъ до сихъ поръ въ Петербургѣ и вдругъ упалъ съ неба на Васильевскій островъ. О немъ заговорили, вспомнили и просмотрѣли его прежнія работы; въ цѣломъ его направленіи найдена была общая мысль, послѣдовательность, новое стремленіе, которое, при болѣе обширной разработкѣ, должно было привести къ замѣчательнымъ послѣдствіямъ.

Ему предложена была на казенный счетъ новая поѣздка въ Италію, но уже съ цѣлью спеціальнаго изученія того рода искусства, который онъ такъ любилъ и которому такъ фанатически поклонялся. Зиновьевъ, начинавшій уже падать духомъ, воскресъ окончательно. Въ концѣ года онъ уѣхалъ, отмѣтивъ себѣ заранѣе два пункта: Равенну и Венецію. Онъ поселился въ послѣднемъ городѣ.

Въ первые годы академія не могла нарадоваться. Труды Зиновьева получались аккуратно и всякій разъ служили предметомъ величайшихъ похвалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ удивлялись также, что онъ не возвращается. Прошло еще два года; давно кончился срокъ казеннаго порученія: Зиновьевъ продолжалъ посылать въ Петербургъ работы даже послѣ того, какъ остановлено было ему казенное содержаніе, но самъ не трогался съ мѣста. Время отъ времени ему писали изъ Россіи, дѣлали различныя выгодныя предложенія; онъ всякій разъ благодарилъ, обѣщалъ пріѣхать, но, все-таки, оставался; то надо было кончить рисунки для сочиненія, заказаннаго иностраннымъ издателемъ, то случайно открывались незнакомыя сокровища византійскаго искусства, которыми необходимо было пополнить накопившіеся матеріалы. Въ увлеченіи онъ все забывалъ тогда: и неудачи, испытанныя въ Петербургѣ, и выгодныя предложенія, которыя оттуда посылались. Справедливость требуетъ также сказать, что Италія успѣла уже произвести на Зиновьева свое засасывающее, притягательное дѣйствіе.

Послѣднее было не трудно, такъ какъ однимъ изъ свойствъ его природы была способность сильно привязываться; любящее его сердце не только привыкало къ лю-

димъ, по крѣпко сживалось съ неодушевленными предметами, его окружавшими. При одной мысли не видать больше Венеціи онъ опускалъ голову и начиналъ отмахиваться, какъ бы желая скорѣе отогнать отъ себя такую возможность.

Такъ годъ за годомъ протянулось безъ малаго девять лѣтъ.

Зиновьеву было уже тогда подъ сорокъ; сѣдина начинала мѣстами пробиваться на вискахъ и въ бородѣ. Онъ рѣшился, наконецъ, возвратиться въ отечество. Намѣреніе на этотъ разъ было бы, безъ сомнѣнія, исполнено, если бъ снова не задержалъ непредвидѣнный случай. Но на этотъ разъ препятствіемъ были не рисунки и увлеченія красотами византійскаго искусства; дѣло было серьезнѣе: Алексѣй Максимычъ влюбился.

До настоящаго времени у него были только привязанности; ни разу не прекращаясь по его винѣ, онѣ оставляли всегда послѣ себя горечь разочарованія. Онъ всякій разъ давалъ себѣ слово не увлекаться больше, никогда не выдерживалъ и всегда бранилъ себя, когда снова приходилось терпѣть неудачу. Съ любовью произошло другое. Онъ испытывалъ это чувство въ первый разъ, испытывалъ въ такіе годы, когда оно захватываетъ уже не шутя, въ самою глубь сердца.

Предметомъ Алексѣя Максимыча была хорошенькая двадцатилѣтняя нѣмочка, завезенная въ Венецію дюссельдорфскимъ художникомъ. Она жила одиноко, едва перебиваясь на средства, оставленныя любовникомъ, который вскорѣ долженъ былъ вернуться на родину. Его призывало туда,—такъ говорилъ онъ, по крайней мѣрѣ, — наслѣдство; вмѣстѣ съ тѣмъ, у него оставались тамъ картины и представлялся неожиданный случай продать ихъ. Время отъ времени изъ Дюссельдорфа приходили письма; въ нихъ подтверждалось обѣщаніе художника жениться на дѣвушкѣ; но для этого надо было одно изъ двухъ: или получить наслѣдство, или продать картины; то и другое, къ сожалѣнію, замедлялось. Проходили недѣли, стали, наконецъ, проходить мѣсяцы, — художникъ не только не возвращался, но самыя письма его сдѣлались рѣдки.

Зиновьевъ уже не сомнѣвался, что дѣвушка была обманута. Онъ не открывалъ ей, однакожъ, своихъ подозрѣній; его удерживала жалость, а также неувѣренность въ чувствахъ дѣвушки къ покинувшему ее художнику.

Зиновьевъ добивался только ея довѣрія; имъ руководило сначала чувство глубокаго сострадапія къ покинутой; такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось; онъ не подозрѣвалъ, что состраданіе, которое онъ испытывалъ, живетъ бокъ-о-бокъ въ одномъ источникѣ съ любовью, и первое чаще всего служитъ проводникомъ второму. Онъ утромъ вставалъ съ одною лишь мыслью: увидѣть ее какъ можно скорѣе, а вечеромъ, ложась въ постель, думалъ пережить скорѣе ночь, чтобы скорѣе дождаться слѣдующаго утра. Быть съ ней и видѣть ее сдѣлалось его насущной потребностью; онъ безпокоился и волновался, когда ея не было, волновался еще больше, когда былъ съ нею. Такъ прошелъ еще мѣсяцъ.

Зиновьевъ предложилъ ей однажды сдѣлать прогулку на Лидо. Пріѣхавъ туда, они усѣлись дальше отъ того мѣста, гдѣ устроены купальни,—тамъ, гдѣ начинается зелень надъ плоскимъ песчанымъ берегомъ, по которому тихо, точно ласкаясь, накатываются зеленопрозрачныя волны. День былъ чудный; все вокругъ млѣло въ ровномъ серебристомъ сіяніи; въ немъ берегъ сливался съ моремъ и море сливалось съ небомъ; воздухъ не двигался; чувствовалось въ немъ что-то влажное, нѣжащее, какъ бархатъ.

Въ то утро сердце Алексѣя Максимыча было особенно полно, онъ весь былъ настроенъ и нервы до того возбуждены, что если бъ въ эту минуту раздалась гдѣ-нибудь музыка, онъ не могъ бы удержаться и заплакалъ. Онъ приблизился къ дѣвушкѣ и сначала тихо, потомъ съ возраставшей восторженностью передалъ ей все, что̀ давно собирался высказать. Не останавливаясь передъ соображеніями о прошломъ, видя передъ собою только ея несчастіе и увлеченный мыслью о ея спасеніи, не соображая о томъ, что самъ перебивался, самому трудно было бороться съ жизнью, онъ предложилъ на ней жениться.

Дѣвушка слушала его съ возраставшимъ смущеніемъ; при послѣднихъ словахъ она закрыла лицо руками и принялась такъ горько рыдать, что въ первыя двѣ-три минуты Зиновьевъ положительно потерялъ голову; онъ бросился къ ея ногамъ, началъ успокаивать, просилъ простить его. Придя нѣсколько въ себя, дѣвушка обратила къ нему заплаканное лицо и сказала, что не ему просить у нея прощенія, но ему надо простить ее, потому что въ отвѣтъ на его любовь и великодушіе она до сихъ поръ скрывала отъ него главную тайну своего горя. Обли-

ваясь слезами, она открыла ему, что у нея былъ ребенокъ.

— Что жъ такое? воскликнулъ Алексѣй Максимычъ, горячо схватывая ея руку.—Ну... ну, что жъ?.. Я буду ему отцомъ! добавилъ онъ, показывая ей улыбающееся лицо, между тѣмъ какъ изъ глазъ его ручьями текли слезы.

Но чувства, волновавшія его, тутъ же должны были уступить горю,—горю, котораго онъ впослѣдствіи никогда уже больше не испытывалъ въ такой силѣ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій открылось, что дѣвушка цѣнила вполнѣ его чувства, считала его самымъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но при всемъ томъ отказывалась принять его предложеніе, отказывалась отъ счастія. Онъ долженъ былъ самъ понять, могла ли она согласиться, пока оставалась еще надежда возвратить отца ребенку?

Уговаривать, убѣждать было безполезно; Зиновьевъ самъ это почувствовалъ. Призывая на помощь всѣ силы благоразумія, онъ рѣшился тогда же вернуться въ Россію, какъ можно скорѣе. Но что съ ней тогда будетъ? Какъ оставить ее одну на произволъ судьбы? Вопросы эти на минуту поколебали его рѣшимость. Любовь глубоко прошла въ его сердце; кромѣ любви, его постоянно еще влекло къ дѣвушкѣ другое чувство—чувство особенной заботливости и отеческой нѣжности. Послѣднее внушало ему выходъ изъ его положенія. Онъ собралъ всѣ накопленныя деньги, около тысячи рублей, отправился къ знакомому ювелиру и на всю сумму купилъ драгоцѣнный перстень. Въ этомъ видѣ, думалъ онъ, легче будетъ достигнуть цѣли; отъ денегъ она бы отказалась, но въ принятіи перстня, особенно когда онъ дается на память... и только на память!.. не можетъ быть повода къ отказу. Онъ, тѣмъ не менѣе, придумывалъ различныя хитрыя сплетенія и лукавые убѣдительные доводы. Въ критическую минуту онъ рѣшился даже солгать, что перстень достался ему отъ дальней родственницы и онъ рѣшительно не знаетъ, что съ нимъ дѣлать.

Покончивъ благополучно съ этимъ дѣломъ, онъ почувствовалъ значительное облегченіе; онъ могъ теперь ѣхать спокойнѣе, и началъ укладываться.

Алексѣй Максимычъ стоялъ въ раздумьѣ передъ кипами разбросанныхъ рисунковъ, когда неожиданно постучали въ дверь. Въ комнату вошла любимая дѣвушка.

Лицо ея было крайне взволновано. Тяжело переводя духъ, она подала Зиновьеву письмо, прося прочесть его. Художникъ извѣщалъ, что продалъ, наконецъ, картины, подтверждалъ обѣщаніе жениться и просилъ ее немедленно ѣхать въ Дюссельдорфъ, на что и посылалъ при письмѣ деньги.

Два дня послѣ этого, рано утромъ, лица, находившіяся на платформѣ передъ поѣздомъ, готовымъ отправиться изъ Венеціи, поглядывали съ любопытствомъ на окно одного изъ вагоновъ второго класса. Въ этомъ окнѣ, точно въ рамѣ картины, обрисовалось миловидное лицо молодой женщины; примѣтивъ, что на нее обращали вниманіе, она дѣлала очевидныя усилія, чтобы удержаться отъ слезъ; но старанія ея были напрасны: какъ только платокъ, который она поминутно прикладывала къ лицу, опускался, слезы снова струились по щекамъ. Откидываясь за край окна, она поспѣшно тогда протягивала руку стоявшему передъ окномъ на платформѣ господину небольшого роста, съ сѣдиною въ бородѣ и бакенбардахъ; лицо его было блѣдно; на немъ, подъ бровями, рѣзко выдѣлялись красныя, опухшія вѣки. Онъ всякій разъ судорожно какъ-то схватывалъ протянутую ему руку, жадно впивался въ лицо женщины, начиналъ шептать какія-то непонятныя слова и, въ то же время, принимался скоро осѣнять ее крестнымъ знаменіемъ.

Когда раздался свистокъ и тронулся вагонъ, онъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, съ отчаяніемъ простирая руки къ платку, которымъ махали изъ окна. Одинъ изъ служителей бросился было за нимъ; но онъ уже возвращался къ выходной двери, тяжело склонивъ голову и опустивъ руки.

День спустя, Зиновьевъ покинулъ Венецію.

Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ въ чужой городъ. Его почти забыли. Была у него сестра замужемъ за живописцемъ; его зять принадлежалъ къ группѣ дикихъ и необузданныхъ художниковъ. Зиновьевъ и прежде всегда тщательно избѣгалъ его. Жалѣя сестру, онъ помогалъ ей, когда могъ, и этимъ ограничивались ихъ отношенія.

Алексѣй Максимычъ начиналъ уже понемногу устраиваться. Неожиданное извѣстіе въ одинъ мигъ потрясло его до глубины души. Извѣстіе пришло изъ Ростока, маленькаго прусскаго городка, на берегу Балтійскаго моря. Зиновьевъ узналъ изъ письма, что любимая дѣвушка была

безжалостно обманута и брошена съ ребенкомъ; едва жива, она доѣхала до Ростока, гдѣ пріютилась у бѣдной родственницы. Въ настоящее время она лежала безнадежно больная. Припоминая прошлое Зиновьеву, благодаря его за все то, что онъ для нея сдѣлалъ, она теперь обращалась къ нему, какъ къ единственному существу, которому вѣрила; она просила за ребенка, умоляла не оставить его и быть ему отцомъ, какъ самъ онъ обѣщалъ когда-то.

Алексѣй Максимычъ не принадлежалъ къ числу людей рѣшительныхъ; по здѣсь онъ показалъ себя другимъ человѣкомъ. Собравъ всѣ деньги, какія могъ, и взявъ паспортъ, онъ отправился, не теряя минуты. Онъ не смыкалъ глазъ во всю дорогу; передъ нимъ остріемъ стояла одна мысль, онъ боялся одного только: не застать ее больше въ живыхъ. Предчувствія не обманули его; онъ пріѣхалъ въ Ростокъ на второй день послѣ того, какъ ее похоронили. Исполнивъ всѣ формальности касательно ребенка (это была дѣвочка и большихъ затрудненій не встрѣтилось), Зиновьевъ привезъ дѣвочку въ Петербургъ.

VIII.

Ребенку было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Съ помощью Марьянушки, нанимавшейся у него въ кухаркахъ и оказавшейся прекрасной женщиной, Зиновьевъ вышелъ, однакожъ, изъ затрудненій. Не обошлось, конечно, безъ намековъ и болѣе или менѣе фантастическихъ предположеній на его счетъ; но онъ не обратилъ на нихъ вниманія. Съ такимъ же равнодушіемъ отнесся онъ къ окончательному разрыву съ зятемъ; послѣдній бранилъ его теперь на всѣхъ углахъ, выставляя на видъ безсердечность человѣка, который разводитъ незаконныхъ дѣтей и прикармливаетъ ихъ, тогда какъ ближайшимъ родственникамъ часто ѣсть нечего. Декламируя такимъ образомъ, живописецъ не подозрѣвалъ, что часто хлѣбъ, который онъ ѣлъ дома, былъ купленъ на деньги шурина; не подозрѣвалъ онъ также, что для того, чтобы доставать деньги, шуринъ трудился не зная отдыха, между тѣмъ какъ самъ онъ сидѣлъ въ это время въ погребкѣ или лежалъ на проткнутомъ диванѣ, предаваясь сладчайшему отдыху.

Еще менѣе, конечно, приходило ему въ голову, что будетъ время, когда его собственныхъ дѣтей придется

прикармливать и воспитывать тому же Шурину. Все это случилось, правда, не скоро, но случилось однакожъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, скоропостижно умеръ живописецъ; за нимъ скончалась его жена. Послѣ нихъ остались мальчикъ и двѣ дѣвочки. Пользуясь знакомствами, Алексѣй Максимычъ могъ бы, конечно, распредѣлить дѣтей сестры въ разныя благотворительныя учрежденія. Но такая комбинація не пришла ему какъ-то въ голову. Онъ пожалѣлъ дѣтей и взялъ ихъ на свое попеченіе. Сережѣ было тогда девять лѣтъ, Катѣ два года, Соня только что родилась. Наслѣдство послѣ сестры, нечего сказать, было обременительно; тѣмъ не менѣе, если бы, годъ спустя, кто-нибудь предложилъ Зиновьеву облегчить его участь и взять дѣтей, онъ, кажется, въ первый разъ въ жизни вышелъ бы изъ себя и показалъ дверь такому человѣку. Привязчивость его успѣла уже сдѣлать свое дѣло. Одно иногда безпокоило: шумъ и крикъ, когда дѣти разыграются; но являлась Марьянушка, и все снова улаживалось.

Положеніе Зиновьева, какъ архитектора, нельзя было назвать блестящимъ. Онъ, попрежнему, больше рисовалъ, чѣмъ строилъ; но теперь извѣстность его, какъ отличнаго рисовальщика, настолько уже распространилась, что въ этой работѣ не было недостатка. Надо также прибавить, что греко-византійскій стиль, которому онъ такъ горячо поклонялся, начиналъ встрѣчать сочувствіе, мало-по-малу примѣняться, особенно въ предметахъ для церковнаго употребленія. Въ одной изъ главныхъ газетъ явилась даже статья, въ которой прямо указывали на Зиновьева, какъ на главнаго проводника такого вкуса. Заказы стали чаще являться.

Работая по большей части дома, онъ рѣдко встрѣчался съ собратами по архитектурѣ, но даже и при другихъ условіяхъ между ними и Зиновьевымъ не могло произойти тѣснаго сближенія. Ими, главнымъ образомъ, руководили интересъ и практическія соображенія; мало озабочиваясь вопросами искусства, они брались строить безразлично какое угодно зданіе, въ какомъ угодно стилѣ, уподобляясь, впрочемъ, въ этомъ случаѣ большинству соотечественниковъ, которые, часто ни къ чему не подготовленные, берутся, тѣмъ не менѣе, за какую угодно должность и, несмотря на отсутствіе всякихъ способностей, всегда ухитряются извлечь для себя выгоду; дайте имъ чугун-

ный котелъ, резеду, сушеную муху, они и тутъ сумѣютъ выдавить сокъ; дайте имъ затѣмъ рѣшето, яйцо и осиновое полѣно, они и здѣсь непремѣнно что-нибудь для себя выгадаютъ.

Зиновьевъ въ этомъ отношеніи никуда не годился; товарищи совершенно справедливо называли его *блаженнымъ византійцемъ*. Для него художество стояло на первомъ планѣ; вопросы искусства увлекали его и ими замыкался его горизонтъ. Несмотря на огромную начитанность и художественное образованіе, пополненное долгими работами въ Италіи, онъ сталъ бы втупикъ, если бъ ему предложили строить казармы; съ свойственною ему скромностью, онъ поспѣшилъ бы отказаться. Лѣта убѣлили его волосы, но чудомъ какимъ-то сохранили въ немъ юношескую теплоту сердца, чувствительность ко всему прекрасному, способность увлекаться иногда такъ сильно, что Сережа, его юный племянникъ, посматривалъ на него съ удивленіемъ. Такъ бывало особенно, когда старикъ начиналъ развивать свою любимую тему о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бъ на его долю выпалъ когда-нибудь случай строить церковь въ греко-византійскомъ стилѣ. Боже мой, сколько было накоплено матеріала! Сокровища лежали въ папкѣ! Все бы пошло тогда въ дѣло, нашло бы себѣ мѣсто, увидѣло бы свѣтъ! Тутъ одно за другимъ выступали всегда описанія чудныхъ равеннскихъ мозаикъ, красотъ орнаментаціи въ храмѣ св. Софіи, величаваго характера св. Марка въ Венеціи. Разгорячаясь болѣе и болѣе, Алексѣй Максимычъ кончалъ все тѣмъ, что готовъ былъ даромъ,—да, даромъ строить, былъ бы только случай исполнить любимую, завѣтную мечту цѣлой жизни.

Виноватъ ли былъ племянникъ, который, бывъ давно ученикомъ академіи, разболталъ о желаніи дяди; виноватъ ли былъ самъ Алексѣй Максимычъ, не стѣснявшійся передавать мечты свои постороннимъ лицамъ, но мечты эти мало-по-малу распространились. Въ то время, какъ Зиновьевъ меньше всего ожидалъ, желаніе его осуществилось.

За три года до настоящаго времени онъ получилъ любезное приглашеніе пожаловать для переговоровъ къ Ивану Иванычу Воскресенскому. Имя Воскресенскаго въ то время было уже всѣмъ извѣстно. Зиновьевъ не сомнѣвался, что его будутъ просить, — какъ это уже не разъ случалось,—принять даровое участіе въ какой-нибудь ра-

ботѣ съ благотворительной цѣлью. Догадки его отчасти только оправдались; дѣло дѣйствительно шло о благотворительномъ учрежденіи, но заключалось въ сооруженіи при немъ церкви на пожертвованныя деньги. Пока рѣчи еще не могло быть о характерѣ архитектуры; требовались только проектъ, планы и смѣта.

Алексѣй Максимычъ не удовольствовался такимъ требованіемъ; такъ какъ матеріала было у него заготовлено хоть на пять церквей,—стоило только подобрать рисунки и привести ихъ въ извѣстный масштабъ,—онъ присоединилъ къ назначенной работѣ цѣлую коллекцію раскрашенныхъ детальныхъ частей и разрѣзовъ.

Хотя Воскресенскій ровно ничего не понималъ въ искусствѣ, онъ ахнулъ, однакожъ, когда Зиновьевъ раскрылъ передъ нимъ свою папку. Его особенно поразило здѣсь не столько знаніе и воодушевленная, мастерская работа художника, сколько быстрота, съ какою все это было изготовлено.

Всякій разъ, какъ Иванъ Иванычъ встрѣчался съ предметомъ, о которомъ не имѣлъ понятія, — а это случалось весьма часто, — онъ никогда не высказывалъ своего мнѣнія, но выжидалъ всегда, чтобы кто-нибудь другой прежде высказался. Онъ незамѣтно наводилъ разговоръ на незнакомый предметъ, давалъ возможность исчерпать его до дна и тогда уже возвышалъ голосъ. Такъ было и теперь. Узнавъ, что стиль церкви „греко-византійскій“, онъ поощрилъ Зиновьева къ дальнѣйшимъ объясненіямъ. Прислушиваясь къ разсказамъ о красотахъ св. Софіи и величіи Равеннскаго собора, Иванъ Иванычъ старался запомнить самыя характерныя выраженія; они были необходимы ему, такъ какъ, прежде всего, онъ думалъ представить рисунки съ-глазу-на-глазъ графу и графинѣ. Онъ просилъ архитектора оставить ему его работы на одинъ день для „соображеній“, какъ онъ выразился.

Нѣсколько дней спустя рѣшено было, за подписью графа и членовъ совѣта, передать постройку Зиновьеву.

Когда слухъ о томъ распространился между архитекторами, многіе изъ нихъ пришли въ негодованіе; по ихъ мнѣнію, надо было назначить конкурсъ, выбравъ жюри изъ лицъ ихъ же кружка. Другіе, лукаво подмигивая другъ другу, положительно утверждали, что въ такомъ рѣшеніи греко-византійскій стиль былъ рѣшительно ни при чемъ; что даже самый фактъ дешевой смѣты Зиновьева

противъ смѣты, поданной для той же постройки архитекторами, не игралъ здѣсь рѣшительно никакой роли; все это были мелочи, передъ которыми (примѣры были передъ глазами) не остановился бы практическій Иванъ Иванычъ. Все дѣло,—такъ они утверждали,—было гораздо проще; оно заключалось въ наивности *блаженнаго византійца*,—наивности, которую Иванъ Иванычъ могъ эксплоатировать сколько угодно, пока не явится другой, еще болѣе наивный, или такой, который ловко подъѣдетъ къ Ивану Иванычу и самъ проведетъ его. Надо полагать, все это больше говорилось изъ зависти.

Какъ бы тамъ ни было, съ наступленіемъ весны Алексѣю Максимычу открытъ былъ кредитъ, и онъ приступилъ къ постройкѣ.

IX.

Въ субботу утромъ Алексѣй Максимычъ отправился на постройку раньше обыкновеннаго. Онъ торопился вовсе не потому, что въ этотъ день обѣщали пріѣхать Воскресенскій и его ассистенты Бабковъ и Лисичкинъ. Посѣщеніе этихъ лицъ не безпокоило его, но и не радовало. Художниковъ онъ мало зналъ; они, притомъ, не будучи ему сочувственны, не внушали ему уваженія своими работами и мнѣнія ихъ не имѣли въ глазахъ его значенія. Иванъ Иванычъ ничего не понималъ въ искусствѣ; онъ былъ въ немъ, какъ лососина на цвѣточной выставкѣ.

Другая причина привлекала Зиновьева на постройку: внутренность церкви только наканунѣ совсѣмъ освободилась отъ лѣсовъ; онъ успѣлъ уже вчера выяснить себѣ въ общихъ чертахъ, насколько исполненіе отвѣчало задачѣ; но работы кончились поздно; все-таки не было возможности дать себѣ, какъ бы хотѣлось, полнаго, сознательнаго отчета въ художественномъ впечатлѣніи цѣлаго; въ придачу, день наканунѣ былъ пасмурный. Онъ спѣшилъ сегодня, разсчитывая воспользоваться яснымъ солнечнымъ утромъ.

Церковь была пуста, когда вошелъ въ нее Алексѣй Максимычъ; маленькую дубовую дверь въ главномъ порталѣ отворилъ ему сторожъ, старый солдатъ, помѣщавшійся съ женою и дѣтьми въ подвальномъ этажѣ, предназначенномъ для служителей и ихъ семействъ, въ главномъ корпусѣ будущаго центральнаго благотворительнаго учрежденія. Зиновьевъ отпустилъ его, сказавъ, что при-

сутствіе его у двери потребуется не раньше двѣнадцати часовъ, такъ какъ только къ этому времени прибудутъ гости.

Алексѣй Максимычъ остался очень доволенъ тишиною, его окружавшей; она позволяла сосредоточиться и ясно опредѣлить впечатлѣнія.

Занявъ мѣсто у главной входной арки, откуда глазъ свободно обнималъ всю внутренность церкви, старый архитекторъ нѣсколько минутъ простоялъ въ нѣмомъ неподвижномъ оцѣпенѣніи, стараясь сосредоточить свое вниманіе. Сердце его билось; онъ почувствовалъ на лицѣ жаръ отъ охватившаго волненія. Мало-по-малу черты его успокоились, дыханіе стало свободнѣе. Онъ не хотѣлъ себя обманывать: часъ дня и выгодное освѣщеніе, конечно, прибавляли къ хорошему впечатлѣнію; лицо его, тѣмъ не менѣе, оживилось улыбкой; въ груди его встрепенулось давно неиспытанное чувство и подступило ему къ сердцу; ноздри его задвигались, рѣсницы прищурились и что-то ѣдко защекотало его въ углахъ глазъ; не успѣлъ онъ прикоснуться къ нимъ пальцами, какъ двѣ слезинки побѣжали вдоль щекъ, быстро расплываясь въ мелкихъ морщинкахъ.

Было всего девять часовъ утра; косые лучи солнца, перехваченные тонкими колоннами галлереи второго этажа, обдавали внутри зданія всю лѣвую его часть, оставляя другую половину въ полусвѣтѣ, смягченномъ отраженіемъ свѣтлыхъ стѣнъ и пола, собраннаго въ клѣтку изъ бѣлаго и сѣраго камня. Въ этомъ тепломъ отраженіи,—но только темнѣе его тономъ, — круглились боковыя арки и своды, усыпанные золотыми звѣздами по синему полю. Внизу, вокругъ всей церкви, обходилъ поясъ, гладко оштукатуренный подъ порфиръ, красно-бураго цвѣта; отсюда начиналась живопись; стѣны сплошь были ею покрыты; Алексѣй Максимычъ собралъ здѣсь все, что было лучшаго и характернаго въ древне-греческомъ искусствѣ; отдѣльные лики святыхъ, цѣльныя изображенія, сцены изъ священнаго писанія рядами наполняли зданіе, выдѣляя свои очертанія и краски на золотомъ фонѣ, раздѣланномъ подъ мозаическій наборъ; въ верхнихъ рядахъ живопись казалась уже совсѣмъ темною; золото, наоборотъ, свѣтлѣе выказывалось, приближаясь къ потолку, выведенному плоско, съ поперечными балками, расписанными красками и золотомъ, какъ въ древнихъ базиликахъ. Внутренній

видъ церкви особенно оживлялся цвѣтнымъ орнаментомъ, писанномъ также на золотѣ; онъ служилъ рамкой для стѣнной живописи, огибалъ всѣ фризы, арки и ребра сводовъ, упиравшихся на золоченыхъ капителяхъ съ расписанными колоннами.

Въ этомъ блескѣ красокъ и мерцаніи позолоты ничего не было поражающаго пестротою; Алексѣй Максимычъ больше всего этимъ тревожился; онъ могъ теперь успокоиться: мастерское распредѣленіе красокъ и золота нигдѣ не нарушало гармоніи цѣлаго; все соединялось какъ нельзя удачнѣе и производило тотъ свѣтлый, торжественный, но спокойный аккордъ, котораго такъ добивался художникъ.

Вниманіе его перешло тогда къ алтарю—предмету особенной заботливости и попеченія; но тамъ, повидимому, также все отвѣчало мысли строителя; тамъ, въ углубленномъ полукругломъ пространствѣ, нарочно такъ разсчитанномъ, чтобы онъ оставался въ полусвѣтѣ во всякое время дня, величественно выступали строгія изображенія апостоловъ и Спасителя, возсѣдающаго на тронѣ; изображенія эти, колоссальнаго размѣра, писаны были во всю вышину стѣны, какъ въ палатинской капеллѣ въ Палермо, и также на золотомъ фонѣ подъ мозаику; мѣстами, въ глубинѣ, золото принимало цвѣтъ густого янтаря, за которымъ какъ бы поставили свѣчку; мѣстами отраженіе сосѣднихъ стѣнъ выдвигало тотъ или другой ликъ, сообщая углубленнымъ частямъ алтаря тотъ таинственный оттѣнокъ, который еще въ рисункахъ мерещился художнику.

Лицо Алексѣя Максимыча омрачилось тогда только, когда глаза его встрѣтились съ иконостасомъ. Послѣдній дѣйствительно не удался. Но крикливая позолота и живопись слишкомъ уже рѣзко били въ глаза и противорѣчили характеру другихъ частей зданія, чтобы можно было приписать такую ошибку архитектору; такъ, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ подумать каждый благомыслящій человѣкъ. Алексѣй Максимычъ мало, однакожъ, этимъ утѣшался; иконостасъ былъ для него тѣмъ же, чѣмъ было бы для матери бѣльмо или кривая нога у любимаго дѣтища. Но что было ему дѣлать? Въ первоначальномъ проектѣ онъ хотѣлъ его оставить рѣзнымъ въ натуральномъ цвѣтѣ дерева; попечительный совѣтъ не допустилъ до этого, настоятельно требуя позолоты; Иванъ Иванычъ,

передавая волю совѣта, сказалъ, что таково было желаніе купца, пожертвовавшаго деньги; неисполненіе такого желанія легко могло охладить рвеніе другихъ жертвователей. То же самое произошло съ образами. Напрасно, чуть не со слезами на глазахъ, убѣждалъ Зиновьевъ, что этимъ все дѣло будетъ испорчено, что образа эти, своими рутинными формами и кондитерской живописью, нарушатъ гармонію цѣлаго,—попечительный совѣтъ, черезъ посредство Ивана Иваныча, снова поставилъ вопросъ ребромъ: образа Лисичкина были имъ пожертвованы и, во что бы ни стало, необходимо было ихъ принять, чтобы поощрить жертвователя; образа, кромѣ того, какъ жертвованные, въ значительной степени сокращали расходъ; архитектору было, конечно, все равно; имѣя въ виду только красоту и гармонію, онъ готовъ былъ эгоистически принести имъ въ жертву денежные интересы; попечительнымъ совѣтомъ, наоборотъ, управляла широкая общественная задача, заставлявшая каждаго изъ его членовъ смотрѣть на пожертвованныя деньги, какъ на свои собственныя. Алексѣй Максимычъ поневолѣ долженъ былъ покориться. Но не одинъ попечительный совѣтъ отравлялъ ему сладость труда; чего стоила ему эта постоянная борьба противъ Ивана Иваныча, который, хотя мягко и вкрадчиво, но всегда назойливо старался примазать къ постройкѣ разныхъ лицъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ архитектурой и художествомъ. Цѣль Воскресенскаго была весьма понятна: ему хотѣлось доставить этимъ лицамъ случай получить награду впослѣдствіи; но архитектору было не легче отъ этого. Зиновьевъ для своей цѣли горячо желалъ призыва суздальскихъ живописцевъ; Воскресенскій возставалъ противъ такого желанія: согласіе пришло послѣ того, какъ Зиновьеву удалось успокоить Ивана Иваныча, нравственное чувство котораго возмущалось тѣмъ, что всѣ иконописцы горькіе пьяницы и непристойно допускать ихъ къ дѣлу благочестія. Суздальцы дѣйствительно пили мертвую; хлопотъ съ ними было не мало; но они, по крайней мѣрѣ, безусловно повиновались указаніямъ, и живопись ихъ отвѣчала характеру церковной архитектуры. Сколько разъ, въ самое кипучее время, приходилось отрываться отъ дѣла, чтобы исполнять частныя даровыя работы, дѣлать рисунки для ковровъ, окладовъ, хоругвей и т. д.,—и все это только для того, чтобы поладить съ Воскресенскимъ, желавшимъ угодить разнымъ благотво-

рительницамъ, попечительницамъ и предсѣдательницамъ, которыя страстно хотѣли жертвовать, но такъ, однакожъ, чтобы жертвы обходились какъ можно дешевле.

Въ прошломъ году Алексѣя Максимыча постигло горе, которое чуть было совсѣмъ его не сокрушило. Вдова бывшаго товарища по академіи упросила его взять въ число помощниковъ сына; молодой человѣкъ прекрасно учился, отлично зналъ бухгалтерскую часть и, бывъ ея единственной поддержкой, находился теперь безъ мѣста. Зиновьевъ сжалился, обласкалъ молодого человѣка и, примѣтивъ въ немъ старапіе и дѣятельность, мало-по-малу, съ свойственной ему довѣрчивостью, поручилъ ему вести приходорасходныя книги и разсчитываться съ рабочими. Кончилось тѣмъ, что молодой человѣкъ обобралъ его, какъ липку; въ одинъ прекрасный день въ кассѣ недостало, — шутка сказать! — цѣлыхъ двухъ тысячъ. Алексѣй Максимычъ былъ близокъ къ отчаянью. Что было дѣлать? Подать жалобу въ судъ? Довести до свѣдѣнія совѣта? Результатомъ была бы огласка; его довѣрчивость объяснили бы небреженіемъ, нерадѣніемъ къ дѣлу; какъ строитель церкви, онъ рисковалъ возбудить подозрѣнія еще худшаго сорта. Его могли лишить постройки, потому что лица, покровительствуемыя Иваномъ Ивановичемъ, конечно, не попустили бы воспользоваться удобнымъ случаемъ.

Движимый такими мыслями, Зиновьевъ рѣшился оставить дѣло втайнѣ; какъ ни горько было, онъ поспѣшилъ пополнить украденную сумму изъ скопленныхъ трудовыхъ денегъ. Никто ничего не узналъ, кромѣ вдовы и самого вора, который, впрочемъ, перенесъ катастрофу не только равнодушно, но даже съ нѣкоторымъ достоинствомъ; Алексѣй Максимычъ не разъ потомъ встрѣчалъ его гуляющимъ съ папироской и безпечно помахивающимъ тросточкой.

Зиновьевъ не вспомнилъ о врагахъ своихъ, подрядчикахъ, не переставшихъ ему насаливать въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ. Боже мой, что̀ значили эти непріятности передъ тѣми, какія пришлось испытать, особенно въ послѣднее время, когда между нимъ и Воскресенскимъ начались какія-то лицемѣрныя отношенія и, наконецъ, пошло явное недоброжелательство, сопровождавшееся, что ни шагъ, новыми придирками; когда всякая мелочь должна была представляться попечительному совѣту и членамъ на обсужденіе, отъ нихъ переходить къ Воскресенскому, отъ Воскресенскаго переходить на утвержденіе графа, при чемъ каждое

изъ этихъ лицъ, не отвѣчая ни на что точно и опредѣлительно, считало долгомъ замѣтить: „Что тутъ... какъ будто... было что-то... не совсѣмъ такъ... и лучше бы прибавить: а здѣсь, хотя и было ладно, но... казалось какъ будто... надо было что-то убавать...“

Но всѣ эти воспоминанія, случайно вызванныя въ памяти стараго архитектора, промелькнули мимо, не возбуждая въ немъ ни желчи, ни раздраженія. Онъ находилъ себя достаточно вознагражденнымъ уже тѣмъ, что завѣтная мечта столькихъ лѣтъ не осталась праздною мечтою; она осуществилась, получила осязательную, желанную форму, дала удовлетворительный художественный результатъ; Алексѣй Максимычъ недаромъ, стало-быть, прожилъ; труды его не пропали; имя его останется...

Зиновьевъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы придавать своей работѣ преувеличенное значеніе. Онъ трудился много, трудился отъ всего сердца, съ любовью, съ увлеченіемъ, но относился къ своему труду просто, не священнодѣйствуя или не кутаясь въ плащъ глубокомыслія, какъ теперь часто дѣлаютъ художники, приступая къ портрету чиновника или изображенію мужичка, тупо созерцающаго древесный пень.

Не страдая излишкомъ самолюбія, онъ не поддавался самообольщенію. Онъ зналъ очень хорошо, насколько въ построенной имъ церкви неумѣстно было гордиться самобытнымъ творчествомъ. Все здѣсь было не имъ выдумано, давно создавалось вѣками и встрѣчалось на множествѣ памятниковъ греко-византійской эпохи. На долю его выпало только собрать и соединить матеріалы.

Но, рядомъ съ этимъ, они представляли совершеннѣйшіе образцы, и выборомъ ихъ несомнѣнно должны были управлять вкусъ и знаніе; простой смыслъ говорилъ здѣсь о трудностяхъ, которыя надо было превозмочь, чтобы распредѣлить разрозненныя части, связать ихъ общимъ смысломъ, приспособить ихъ къ настоящей задачѣ; здравый разсудокъ указывалъ, что тутъ трудомъ однимъ ничего не возьмешь: нужно было художественное дарованіе, нуженъ былъ талантъ, чтобы слить эти части въ одно цѣлое и привести ихъ въ полное, гармоническое сочетаніе.

Алексѣй Максимычъ могъ бы повторить себѣ то же самое и гордо приподнять голову; онъ ограничивался тѣмъ, что потиралъ руки и мягко, добродушно улыбался; но и того чувства, которое наполняло теперь согрѣтое сердце, доволь-

но было, чтобы вытѣснить тяжелыя воспоминанія всѣхъ неудачъ, разочарованій, обидъ и горькихъ испытаній. Все это прошло, слава Богу; оставалось утѣшаться и радоваться, именно радоваться, потому что передъ глазами сіяло во всемъ блескѣ произведеніе, — плодъ собственной мысли и труда,—а на душѣ было также свѣтло, благодаря чистой совѣсти и честнымъ побужденіямъ.

Въ такомъ счастливомъ настроеніи духа находился старый архитекторъ, когда въ глубинѣ церкви зашумѣла дверь и въ свѣтломъ ея пятнѣ показались сначала Иванъ Иванычъ, а вслѣдъ за нимъ Бабковъ и Лисичкинъ.

Алексѣй Максимычъ пошелъ имъ навстрѣчу.

X.

Не успѣлъ онъ сдѣлать трехъ шаговъ, какъ уже издали послышался разнѣжепно-умиленный голосъ живописца:

— Здравствуйте, дорогой,—дорогой и многоуважаемый Алексѣй Максимычъ. Честь вамъ и слава! Честь и слава... Ахъ, какая прелесть!...

Зиновьевъ привѣтливо раскланялся съ гостями и всѣмъ пожалъ руки; обратясь затѣмъ къ живописцу, онъ только прибавилъ:

— Погодите хвалить; дальше, можетъ-быть, еще и не понравится...

— Нѣтъ, ужъ извините: отсюда уже вижу, какое наслажденіе насъ дальше ожидаетъ!—съ сіяющимъ видомъ заговорилъ Лисичкинъ, придвигаясь вмѣстѣ съ другими къ серединѣ церкви.—Что я говорилъ? Какъ есть—праздникъ для глазъ; сласть просто!

При этомъ онъ даже зачмокалъ губами, какъ бы дѣйствительно ощутилъ сладость во рту.

— Какой блескъ! Сколько характера и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая вездѣ гармонія! — продолжалъ Лисичкинъ, останавливаясь въ восторженномъ экстазѣ, но на самомъ дѣлѣ поглядывая сбоку на свои образа въ иконостасѣ.

Удовлетворивъ себя съ этой стороны, онъ неожиданно принялъ намѣреніе расцѣловать Зиновьева, но сѣрые его глазки встрѣтились съ прищуренными глазами Бабкова, и онъ остановился; восторгъ долженъ былъ, однакожъ, чѣмъ-нибудь выразиться; онъ поспѣшно завладѣлъ рукою старика и, нѣжно пожимая ее между мягкими своими ладонями, снова сталъ обдавать его медомъ и елеемъ.

Бабковъ, между тѣмъ, продолжалъ молчать. Онъ всегда

заимствовалъ „находчивости лукаваго блондина“, умѣвшаго притвориться къ случаю, пригнать къ нему подходящія слова, лицо и даже голосъ: Бабковъ, какъ извѣстно, былъ человѣкъ прямой, основательный: прежде чѣмъ что-нибудь сказать, ему надо было осмотрѣться, взвѣсить, обсудить дѣло. Онъ ограничивался пока тѣмъ, что осклаблялся во весь ротъ, когда встрѣчался глазами съ лицомъ Зиновьева, при чемъ показывалъ рядъ крѣпкихъ зубовъ, которые хотя никогда не чистились, но бѣлѣли между его толстыми губами.

Ивану Ивановичу нечего было высказывать своихъ впечатлѣній. Слѣдя за постройкой и наѣзжая сюда время отъ времени, онъ давно успѣлъ вывести свои заключенія. Онъ былъ, притомъ, умственно и нравственно озабоченъ: въ три часа надо было ѣхать въ засѣданіе, временно предсѣдательствовать и провести весьма сложный вопросъ. Кромѣ того, ему сегодня какъ-то нездоровилось; а тутъ еще эти сырыя стѣны новой, только-что отстроенной церкви, сжатый воздухъ, пропитанный запахомъ извести и красокъ! Несмотря на резиновыя калоши, онъ почувствовалъ холодъ въ ногахъ, едва переступилъ порогъ паперти. Все это, естественно, не могло способствовать хорошему расположенію духа. Бережливо кутаясь въ теплое пальто съ приподнятымъ воротникомъ, углубляя подбородокъ въ шерстяное кашне, онъ съ нахмуреннымъ видомъ слѣдовалъ за художниками, упрашивая ихъ итти впередъ и не стѣсняться его присутствіемъ.

Бесѣда ихъ, повидимому, мало его занимала; уловляя на лету восторженныя восклицанія Лисичкина, онъ направлялъ въ его сторону бѣлые зрачки свои, смотрѣвшіе выше очковъ, и что-то похожее на улыбку появлялось тогда на губахъ его. Остальное время черты Ивана Ивановича сохраняли унылую неподвижность: на вытянутомъ, болѣзненно-золотушномъ лицѣ ничего нельзя было прочесть, кромѣ скуки и того брезгливаго выраженія, какое встрѣчается чаще всего на лицахъ людей, засѣдающихъ въ комитетахъ и вынужденныхъ возвращаться къ вопросамъ, давно разрѣшеннымъ и подписаннымъ.

Осмотръ постройки продолжался около часу.

Воскресенскій присоединился къ общей группѣ, когда художники возвратились къ прежнему мѣсту, на середину церкви.

Въ эту минуту голоса присутствующихъ неожиданно

смолкли. Всѣми овладѣла вдругъ не то неловкость, но скорѣе какое-то колебаніе, точно каждый хотѣлъ сказать что-то, но не рѣшался начать. Воскресенскій, державшійся похвальнаго обычая выслушивать чужія мнѣнія, прежде чѣмъ высказать собственныя, вопросительно посматривалъ на Лисичкина и Бабкова; тѣ, въ свою очередь, поглядывали на Воскресенскаго, выразительно показывая глазами, что прежде желали бы услышать его слово.

Молчаливый, но полный телеграфнаго значенія обмѣнъ этихъ взглядовъ, хотя и прошелъ незамѣтнымъ для Зиновьева, но молчаніе присутствующихъ, видимо, его стѣснило.

— Прекрасно-съ... Очень хорошо-съ, разрѣшился, наконецъ, Иванъ Иванычъ, произнося слова носовымъ голосомъ и умышленно ихъ растягивая, съ тѣмъ, чтобы успѣть обдумать то, что хотѣлъ сказать.—Мнѣ остается присоединиться къ господамъ художникамъ, коллегамъ вашимъ, и повторить вмѣстѣ съ ними: прекрасно-съ...

— Мнѣ остается только радоваться, весело возразилъ Зиновьевъ.

Иванъ Иванычъ медленно снялъ замшевую перчатку съ правой руки и подалъ ее старому архитектору.

— Объ одномъ развѣ пожалѣть можно, прибавилъ онъ, отводя глаза въ другую сторону. — Я, впрочемъ, уже прежде сколько разъ упоминалъ вамъ объ этомъ, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ!..

— Скажите, живо подхватилъ Зиновьевъ,—вы знаете, я всегда исполнялъ ваши желанія и совѣты; время еще есть: можно исправить.

— Нѣтъ, то, что я хотѣлъ сказать, не касается вовсе искусства; я выражаю только сожалѣніе, что все это раньше не поспѣло... Освященіе церкви, вы знаете, назначено было къ Святой; мы теперь въ іюнѣ... и... и все еще не готово!.. Посмотрите-ка, сколько еще остается работы...

Работы оставалось совсѣмъ не много: надо было, при входѣ въ церковь, достлать полъ, который пока забранъ былъ досками; оставалось положить ступени для соединенія алтаря съ церковью и украсить ихъ балюстрадой; послѣдняя была, впрочемъ, совершенно готова и частями сложена по угламъ; на одной изъ нижнихъ боковыхъ арокъ недоставало также расписного орнамента. Но все

это не стоило даже упоминаній и если кого-нибудь надо было винить въ этомъ, во всякомъ случаѣ не архитектора, а скорѣе Воскресенскаго, который въ послѣдніе три мѣсяца всячески старался задерживать окончаніе постройки. Кредитъ Алексѣя Максимыча настолько былъ вдругъ сокращенъ, что онъ едва могъ разсчитаться съ поставщиками матеріала и рабочими.

Какъ ни прискорбно было старому архитектору, онъ терпѣлъ,—терпѣлъ, ободряя себя надеждой, что совѣтъ (Иванъ Иванычъ всегда на него ссылался) и самъ Воскресенскій поймутъ, наконецъ, всю несообразность останавливать работы передъ самымъ ихъ окончаніемъ. Старанія его извѣдать настоящія причины такого распоряженія остались безплодны. Ему постоянно повторяли: „денегъ нѣтъ, подождите!“ И, между тѣмъ, его же теперь обвиняли!

Слова Воскресенскаго задѣли его за самое больное мѣсто. Онъ на этотъ разъ уже не выдержалъ. Сначала сдержанно, но потомъ вдругъ разгорячаясь, такъ что краска выступила на щекахъ, онъ высказалъ Ивану Иванычу все то, что давно накипѣло въ его душѣ.

Какъ только начались эти объясненія, Бабковъ и Лисичкинъ осторожно отошли въ сторону. Показывая видъ, что осматриваютъ детали украшеній, оба начали производить въ воздухѣ фантастическіе пояснительные жесты; они продолжали упражняться пантомимой до тѣхъ поръ, пока не разсудили, что пора поспѣшить на выручку Ивану Иванычу.

Онъ поблагодарилъ ихъ взглядомъ; но глаза его тутъ же опустились и выраженіе смиренія, съ какимъ истинному христіанину подобаетъ выслушивать горечь несправедливыхъ обвиненій, изобразилось въ чертахъ его.

— Вотъ, господа, упавшимъ голосомъ проговорилъ онъ, обращаясь къ подошедшимъ художникамъ,—оказывается, меня теперь винятъ въ томъ, что церковь не поспѣла къ сроку...

— Я не говорю, что вы собственно виноваты, подхватилъ Зиновьевъ, замѣтно смягчаясь, — я повторяю, что такъ какъ все отъ васъ зависѣло и зависитъ, вы могли бы больше содѣйствовать...

— Позвольте, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ, продолжалъ Иванъ Иванычъ тихимъ голосомъ, отвѣчавшимъ кроткому выраженію его лица, — вамъ не угодно

вникнуть въ одно обстоятельство; скажу болѣе: вы его совсѣмъ забываете; если мнѣ было поручено завѣдываніе постройкой, то это потому собственно, что такъ было угодно совѣту... Здѣсь совѣтъ хозяинъ... Власть моя ограничена... На каждомъ шагу встрѣчаются обстоятельства, которымъ я, скорбя душевно, — именно душевно, — долженъ покоряться... Въ дѣлѣ этой постройки (Иванъ Иванычъ печально обвелъ глазами стѣны церкви и подавилъ вздохъ) мною, какъ всегда, впрочемъ, руководило одно чувство: желаніе добра и пользы!.. Хотя мы знакомы не со вчерашняго дня, Алексѣй Максимычъ, но, повидимому, вы меня еще не знаете, подхватилъ онъ, какъ бы растроганно и съ сожалѣніемъ.—Я вамъ помѣшалъ! Я не содѣйствовалъ! И въ чемъ же? Въ достиженіи богоугодной, благочестивой цѣли?!. Позволю себѣ сказать: я бы желалъ видѣть васъ болѣе справедливымъ! Если я позволялъ себѣ иногда торопить васъ; если сегодня еще высказалъ сожалѣніе, что церковь не готова, то и здѣсь, повѣрьте, скорѣе дѣйствовалъ въ видахъ вашего же собственнаго интереса... Графъ чуть ли не каждый день спрашиваетъ и всякій разъ сердится...

— Желалъ бы я посадить его на мое мѣсто; посмотрѣлъ, что бы онъ тутъ сдѣлалъ! воскликнулъ Зиновьевъ, снова начинавшій горячиться.

— Успокойтесь, успокойтесь, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ, вмѣшался Лисичкинъ,—вы должны, вы можете быть спокойны! Вы поставили себѣ памятникъ! Мы сейчасъ говорили объ этомъ: прелесть! Честь вамъ и слава! Честь и слава! подхватилъ онъ, овладѣвая рукою старика и нѣжно пожимая ее между ладонями.

— Полноте, батенька, уговаривалъ со своей стороны Бабковъ,—я человѣкъ простой, никакихъ этихъ закрутасовъ не знаю; прямо скажу: отмѣнно, отмѣнно отличились! Соорудили, такъ сказать, въ честь свою... Какой тутъ графъ? Тутъ вы, батенька!

Иванъ Иванычъ, желавшій прекратить какъ можно скорѣе объясненія, вынулъ часы и прибавилъ, стараясь придать своимъ чертамъ смиренно-грустное выраженіе:

— Именно сожалѣю, что вамъ угодно было объяснить себѣ такимъ образомъ слова мои... Единственнымъ желаніемъ моимъ всегда было... и будетъ—угождать вамъ... Я постарался бы окончательно оправдать себя въ глазахъ вашихъ, но, къ сожалѣнію, долженъ теперь торопиться;

у меня сегодня засѣданіе въ три часа... Остается искренно поблагодарить васъ за удовольствіе, которое вы намъ доставили; говорю *намъ* потому, что господа художники такого же мнѣнія...

— Еще бы! Повторяю: честь и слава Алексѣю Максимычу! Отмѣнно, батенька, спасибо! заговорили въ одно время Бабковъ и Лисичкинъ, подступая къ Зиновьеву, который провожалъ Воскресенскаго.

На паперти Иванъ Иванычъ снова взглянулъ на часы и остановился.

— Передъ уходомъ позвольте мнѣ еще разъ повторить вамъ, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ: вы, я вижу, меня еще не знаете... не знаете! промолвилъ онъ, какъ бы глубоко сожалѣя объ этомъ. — Если бы вы меня лучше знали, повѣрьте, вы были бы ко мнѣ справедливѣе... Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но опять вздохнулъ и, пожелавъ присутствующимъ всего хорошаго, началъ осторожно спускаться по ступенькамъ паперти. Бабковъ и Лисичкинъ хотѣли было поддержать его, но онъ смиренно поблагодарилъ ихъ, прибавивъ: „У меня есть свободное мѣсто, господа; не угодно ли кому-нибудь?“

Какъ живописцу, такъ и Бабкову желательно было воспользоваться предложеніемъ; но они переглянулись и поняли, что тотъ, кто займетъ мѣсто, легко можетъ увлечься случаемъ и измѣнить другому. Не желая, вѣроятно, нарушать прямоты взаимныхъ отношеній, они предпочли отказаться; поблагодаривъ Ивана Иваныча, оба сѣли рядомъ на дрожки и, подхвативъ другъ друга за талію, покатили вслѣдъ за коляской.

XI.

Засѣданіе, назначенное въ три часа и ожидавшее Воскресенскаго, не переставало его озабочивать во все продолженіе дороги. Онъ привыкъ предсѣдательствовать; но дѣло было не въ этомъ: ему предстояло сегодня провести вопросъ, принадлежащій къ числу такъ-называемыхъ *деликатныхъ* и поэтому самому весьма затруднительный.

Въ дѣлахъ общества „Спасительнаго вліянія труда для преждевременно погибшихъ“ обнаружились на-дняхъ большіе безпорядки; требовалось, во что бы то ни стало, принять скорѣе энергическія мѣры и придти ему на помощь. Участіе здѣсь Ивана Иваныча было частью противъ его воли, вынужденно, частью обязательно,—обяза-

тельно въ томъ отношеніи, что помянутое общество было ему не совсѣмъ чужое. Онъ изобрѣлъ его года полтора тому назадъ по просьбѣ княгини Любичъ, двоюродной сестры графини Можайской.

Мысль княгини была прекрасная: ей хотѣлось дать какое-нибудь занятіе и сколько-нибудь развлечь старшую дочь, тосковавшую послѣ потери любимаго мужа. Но вдова скоро утѣшилась, выйдя вторично замужъ, и обязанность предсѣдательницы взяла на себя вторая дочь княгини, госпожа Турманова.

Сначала Воскресенскій принялъ живое участіе въ судьбѣ возникшаго общества: старался руководить свѣтской неопытной предсѣдательницей, сдѣлалъ нѣсколько полезныхъ предложеній, попробовалъ помѣстить двухъ своихъ знакомыхъ — одного въ качествѣ секретаря, другого въ качествѣ кассира; но предсѣдательница слушала его разсѣянно, къ предложеніямъ его отнеслись невнимательно, знакомымъ его отказали, избравъ вмѣсто нихъ какихъ-то вѣтрогоновъ. При самомъ началѣ общество такъ уже складывалось, что, на опытный глазъ Воскресенскаго, не предвѣщало въ будущемъ ничего прочнаго. Его составляли въ большинствѣ свѣтскіе молодые люди и молоденькія дамы,—diables roses, diables bleux, какъ онѣ сами себя прозвали послѣ перваго замаскированнаго бала, даннаго въ пользу общества: на этомъ балѣ одна половина дамъ условилась быть въ розовыхъ платьяхъ, другая половина въ голубыхъ. Въ числѣ женскаго пола находилось также нѣсколько богатыхъ купчихъ и банкирскихъ женъ, давно горѣвшихъ желаніемъ втереться въ кругъ большого свѣта и искавшихъ для этого удобнаго случая; ихъ принимали и терпѣли потому, что онѣ давали много денегъ. Въ цѣломъ своемъ составѣ общество представляло скорѣе свѣтскій кружокъ, въ которомъ сущность дѣла служила только предлогомъ для увеселеній, маскарадовъ, домашнихъ спектаклей, баловъ и базаровъ; главные дѣятели держали себя такъ исключительно, что когда въ число членовъ попадало лицо, не принадлежавшее свѣтскому кругу, оно уподоблялось тяжеловѣсному индюку, случайно забѣжавшему въ клѣтки прыгающихъ и щебечущихъ птичекъ.

Серьезному человѣку, очевидно, не могло быть тутъ мѣста; Иванъ Иванычъ искалъ уже благовиднаго предлога, чтобы отказаться отъ званія члена, когда въ пер-

выхъ числахъ іюня предсѣдательница, госпожа Турманова, неожиданно собралась за границу; ближайшіе ея помощники, секретарь и казначей, уѣхали уже прежде, оставивъ ей на руки кассу и книги. Не зная рѣшительно, что дѣлать съ этимъ добромъ, г-жа Турманова передала его княгинѣ-матери и, ничего не объяснивъ ей основательно, уѣхала въ Баденъ-Баденъ, куда настоятельно призывали ее письма друзей.

Княгиня-мать, не зная также, что̀ дѣлать съ добромъ общества, обратилась за совѣтомъ къ двоюроднымъ сестрѣ и брату, графу и графинѣ Можайскимъ.

Извѣстіе о неожиданномъ отъѣздѣ двоюродной племянницы и ближайшихъ ея помощниковъ, такъ легкомысленно бросившихъ ввѣренное имъ общество на произволъ судьбы, привело графа въ сильное негодованіе. Онъ объявилъ, что такой поступокъ неизбѣжно навлечетъ нареканіе со стороны членовъ общества,—нареканіе тѣмъ менѣе желательное, что коснется лицъ высшаго круга,—и когда же?—когда именно слѣдуетъ поддерживать этотъ кругъ въ видахъ извѣстнаго принципа. „Если къ этому,—строго прибавила графиня,—милые друзья Зизи (такъ звали г-жу Турманову) и сама она что-нибудь напутали въ дѣлахъ этого общества,—предположеніе болѣе чѣмъ вѣроятное,—и если кому-нибудь случайно попадется на глаза эта путаница...“ — но графиня не докончила при видѣ испуга на лицѣ двоюродной сестры; ей не хотѣлось также окончательно разстраивать брата, начинавшаго съ первыхъ ея словъ выказывать знаки возраставшаго неудовольствія.

Рѣшено было тутъ же послать курьера за Воскресенскимъ. „C'est l'homme!“ — воскликнулъ графъ, мгновенно ободряясь. По его мнѣнію, одинъ Иванъ Иванычъ могъ дать совѣтъ, могъ выручить, если бъ въ самомъ дѣлѣ эти вѣтрогоны что-нибудь напутали. Стоило передать Воскресенскому оставленныя бумаги, попросить его просмотрѣть ихъ, взять на себя во время отсутствія Зизи роль предсѣдателя,—не о чемъ было бы больше безпокоиться. Преданность его графу и графинѣ извѣстна; на знаніе дѣла и скромность также можно положиться.

Какъ только пріѣхалъ Воскресенскій и узналъ, въ чемъ дѣло, лицо его приняло печальное выраженіе; ему предлагали то̀ именно, чему онъ давно не сочувствовалъ, отъ чего скромно желалъ удалиться; при видѣ его лица предчувствіе чего-то недобраго невольно закралось въ душу

графа, и онъ не шутя встревожился. Просьба его стала еще настоятельнѣе; къ нему присоединились графиня и двоюродная ея сестра, графиня Любичъ. Всѣ трое принялись уговаривать, придавая просьбѣ характеръ личнаго одолженія. Рѣшимость Ивана Иваныча поколебалась; онъ согласился. Ему тотчасъ же переданы были дѣла и деньги общества.

Первымъ его распоряженіемъ было пригласить двухъ довѣренныхъ лицъ — одного для временнаго исполненія должности бухгалтера, другого временно въ должность секретаря; затѣмъ имъ было поручено ознакомиться подробно съ дѣлами.

Въ тотъ самый день, когда Иванъ Иванычъ возвратился домой на дачу послѣ пріемнаго утра графа, онъ засталъ у себя этихъ двухъ лицъ. Они сообщили, что въ кассѣ общества открылся значительный недочетъ. Тутъ, очевидно, не было никакого злого умысла, никто деньгами, конечно, не воспользовался; всему былъ виноватъ безпорядокъ въ веденіи дѣлъ, потому что такого сумбура, какъ тутъ, имъ никогда еще не приводилось видѣть: казначей, какой-то г. Авениpовъ, выдавая деньги, часто забывалъ ихъ вписывать въ расходъ; въ книгахъ секретаря, барона Фукъ,—тамъ, гдѣ требовалось вписывать журналъ засѣданій,—попадались пробѣлы на цѣлыхъ страницахъ; расписки, — тамъ, гдѣ онѣ встрѣчались, — были бо́льшею частью безъ числа и номера; на многихъ значился расходъ, но не надписано было, за что были выданы деньги,—словомъ, путаница была совершеннѣйшая; въ ней участвовали всѣ рѣшительно, начиная съ самой предсѣдательницы и кончая послѣднимъ членомъ комитета, г. Чиндаласовымъ, тѣмъ самымъ, который, не далѣе какъ нынѣшнею весною, сломалъ себѣ два ребра на царскосельскихъ ска́чкахъ. Въ концѣ концовъ, обнаружился тотъ фактъ, что въ кассѣ невозможно было досчитаться трехъ тысячъ.

Иванъ Иванычъ ожидалъ этого; предчувствія его не обманули.

Дѣло главнымъ образомъ непріятно было въ томъ отношеніи, что оно могло огласиться, могло бросить тѣнь, возбудить недовѣріе къ веденію дѣлъ въ другихъ благотворительныхъ обществахъ, находившихся подъ его управленіемъ и покровительствуемыхъ графомъ. Онъ рѣшился ничего не говорить до поры до времени графу и гра-

финѣ, зная впередъ, что оба подымутъ тревогу: немедленно напишутъ двоюродной племянницѣ; та отвѣтитъ, напишетъ своимъ пріятельницамъ; тѣ разнесутъ вѣсть и кончится все неблаговидной исторіей, къ которой, пожалуй, приплетутъ и его имя. Онъ предпочелъ исправить дѣло домашнимъ образомъ.

Когда, нѣсколько дней спустя, графъ освѣдомился о томъ, въ какомъ положеніи дѣло, Иванъ Иванычъ спокойно возразилъ, что пока ничего не нашелъ особеннаго, кромѣ нѣкоторой путаницы.

— Убѣдительно прошу васъ, Иванъ Иванычъ, не выпускать дѣла изъ рукъ вашихъ, пока оно не будетъ приведено въ строжайшій порядокъ, сказалъ графъ торопливо и озабоченно. — Прошу васъ сдѣлать это въ личное для меня одолженіе... Всѣ мы будемъ вамъ благодарны!

Воскресенскій, успѣвшій уже составить себѣ планъ дѣйствій, поспѣшилъ успокоить графа.

Въ числѣ различныхъ предположеній и проектовъ, сочиняемыхъ Иваномъ Иванычемъ для пользы страждущаго человѣчества, находился одинъ, которому придавалъ онъ особенное значеніе. Многолѣтняя практика привела его къ убѣжденію, что лучшимъ способомъ пріобрѣтать богатыхъ жертвователей и щедрыхъ членовъ для благотворительныхъ обществъ было бы дозволить этимъ обществамъ раздавать красивые серебряные и золотые значки или жетоны въ видѣ кружковъ, или еще лучше звѣздочекъ съ эмалевою надписью на одной сторонѣ, а на другой—какой-нибудь интересной аллегоріей, напримѣръ, фигурой милосердія, держащей въ правой рукѣ рогъ изобилія, между тѣмъ какъ лѣвая рука, не желая знать, что творитъ правая, усиленно прячется за спину. О пошеніи такого знака въ петлицѣ нечего было думать. Достаточно было бы прицѣплять его къ часовой цѣпочкѣ или носить при себѣ въ жилетномъ карманѣ и показывать при встрѣчѣ знакомымъ: „Смотрите, дескать, что у меня есть, что я получилъ!..“

Лелѣя свою мысль и приберегая ее для важнаго случая, Иванъ Иванычъ рѣшился ею пожертвовать въ пользу общества *Спасительнаго вліянія труда для преждевременно погибшихъ*. Онъ дѣлалъ это скрѣпя сердце, движимый не столько врожденнымъ великодушіемъ, сколько желаніемъ лишній разъ доказать свою преданность графу и членамъ его семейства.

Выхлопотать позволеніе издать жетоны было не трудно; несравненно труднѣе было воспользоваться позволеніемъ въ лѣтнее время, когда въ городѣ никого почти не было. Охотники до жетоновъ, конечно, не уйдутъ; придетъ зима,—они сами собою явятся; но пока все это въ будущемъ; въ настоящемъ требовалось сейчасъ же найти тѣ три тысячи, которыхъ недоставало въ кассѣ. Откуда взять эти деньги? Какъ помочь горю?—„Можно“, отвѣтилъ безъ замедленія находчивый умъ Воскресенскаго. По его мнѣнію, оставалось одно средство: заказать немедленно тысячу жетоновъ; каждый обойдется обществу, положимъ, въ пять рублей. Но стóитъ призвать извѣданнаго Блинова, переговорить съ нимъ съ-глазу-на-глазъ, — и отыщется ювелиръ, который, за почетное вознагражденіе, согласится принять заказъ, подпишетъ счетъ въ пять тысячъ, но, въ сущности, исполнитъ его менѣе чѣмъ за половинную цѣну. Такіе примѣры уже неоднократно бывали. Въ результатѣ получатся, слѣдовательно, требуемыя три тысячи. Придетъ зима, жетоны пустятся въ оборотъ; общество не только возвратитъ себѣ истраченную сумму, но даже обогатится современемъ.

Оставалось еще одно затрудненіе: собрать въ іюлѣ мѣсяцѣ достаточное число членовъ общества, чтобы могло состояться засѣданіе. Относительно того, чтобы получить согласіе членовъ, Иванъ Иванычъ не очень безпокоился: онъ считалъ всегда іюль мѣсяцъ самымъ удобнымъ для проведенія трудныхъ вопросовъ; уже одно то, что члены собираются въ небольшомъ количествѣ, въ общемъ ихъ настроеніи чувствуется всегда больше расположенія къ буколикѣ и даже лѣни; споровъ, препирательствъ никогда почти не бываетъ; многіе, обдаваемые потомъ, засыпаютъ при началѣ дебатовъ; другихъ соединяетъ одна общая мысль: какъ бы только скорѣе отдѣлаться. Случалось иногда, что никто не пріѣдетъ, и засѣданіе не могло состояться; но въ настоящемъ случаѣ врядъ ли можно было этого ожидать; всѣ мѣры были заблаговременно приняты. Иванъ Иванычъ, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ томленіе подъ ложечкой и лицо его выражало озабоченность. Онъ ободрился, увидѣвъ нѣсколько каретъ и дрожекъ у подъѣзда дома, гдѣ должно было происходить засѣданіе. У входа въ первую комнату онъ встрѣтился съ поджидавшимъ его Блиновымъ, протянулъ ему руку и, въ то же время, бросилъ взглядъ въ сосѣднюю комнату, двери ко-

торой были открыты. Десятка полтора дамъ и мужчинъ, раздѣлившись на группы, сидѣли и прогуливались по обѣимъ сторонамъ длиннаго стола, покрытаго синимъ сукномъ, съ правильно разложенными на немъ листами бумаги и карандашами; на дальнемъ концѣ довѣренныя лица Ивана Иваныча, исполнявшія должности секретаря и казначея, перебирали бумаги.

Иванъ Иванычъ отодвинулся въ сторону, такъ чтобы не могли его замѣтить, и обратился къ Блинову:

— Ну, что? спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Посчастливилось! нашелъ! возразилъ Блиновъ, представлявшій изъ себя рослаго, плотнаго бѣлокураго мужчину лѣтъ сорока, обстриженнаго à la russe, съ румянымъ лицомъ гостинодворскаго молодца; оно оживлялось небольшими глазками, такими же свѣтлыми и быстрыми, какъ у сокола; онъ былъ въ форменномъ вицмундирѣ; на отворотѣ красовалась пѣпочка, увѣшанная знаками отличія, между которыми виднѣлся персидскій орденъ, полученный за доставку въ Тегеранъ дарового цибика чая.

— Благодарю васъ, благодарю, сказалъ Воскресенскій, продолжая говорить шопотомъ.—Вы съ нимъ основательно переговорили? Соглашается?

— Вполнѣ согласенъ-съ.

— Надо, однакожъ, знать, какія его условія?

— Проситъ выхлопотать гербъ на вывѣску...

Требованіе ювелира затруднило, повидимому, Ивана Иваныча; лобъ его нахмурился; бѣлые зрачки показались надъ краемъ очковъ и задумчиво поглядѣли въ бокъ.

— Можно ли на него вполнѣ положиться? спросилъ онъ.

— Отвѣчаю какъ за себя собственно-съ...

Иванъ Иванычъ снова задумался, какъ бы соображая о чемъ-то; но время не позволяло углубляться въ долгія размышленія.

— Хорошо, скажите ему: я согласенъ! проговорилъ онъ рѣшительно. — Сегодня вечеромъ привезите его ко мнѣ для окончательныхъ переговоровъ; смотрите, сегодня же... дѣло не терпитъ отлагательства...

Въ эту минуту временный секретарь, завидя издали Ивана Иваныча, показался въ дверяхъ.

— Вы очень кстати, сказалъ Воскресенскій, — сколько членовъ комитета?

— Всего пять...

— Ничего, я шестой; собраніе, по уставу, можетъ состояться... Все ли у васъ тамъ готово?

— Все-съ.

— Хорошо, ступайте туда; я сію минуту...

Но тутъ Иванъ Иванычъ былъ неожиданно остановленъ членомъ комитета, госпожей Бальзаминовой, которая, какъ только его увидѣла, бросилась ему навстрѣчу и, томно склонивъ голову, съ мольбою въ глазахъ и на лицѣ, протянула ему обѣ руки.

Госпожа Бальзаминова, лишившаяся мужа десять лѣтъ тому назадъ, не снимала съ тѣхъ поръ траура, убѣдившись, что черный цвѣтъ необыкновенно шелъ къ ея круглому лицу, придавая ему интересную блѣдность; не производя, однакожъ, никакого впечатлѣнія, она поэтому, вѣроятно, казалась всегда чѣмъ-то обиженной и готовой расплакаться; плакать, собственно, было не о чемъ: мужъ оставилъ ей прекрасное состояніе и, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, она пользовалась отличнымъ здоровьемъ; слезливость могла также происходить отъ избытка чувствительности ея сердца: она постоянно болѣла за всѣхъ, отзывалась на всѣ страданія, надрывалась отъ безсилія помочь всему страждущему человѣчеству. Сердце влекло ее разсыпать благодѣянія не только въ Россіи, но и въ Германіи, куда ежегодно отправляла она въ какое-то общество милосердія фунтъ сигарныхъ обрѣзковъ, выпрашиваемыхъ ею у всѣхъ, съ кѣмъ только встрѣчалась; щедротами ея пользовались круглый годъ безразлично всѣ благотворительныя учрежденія Петербурга: комитетъ „призрѣнія слѣпыхъ старухъ“ аккуратно получалъ отъ нея всѣ носовые платки, выходившіе изъ употребленія; въ больницу „Излѣчи мои недуги“ посылала она то корпію въ письменномъ конвертѣ, то скляночку клюквеннаго морса; въ „дѣтскій сиротскій пріютъ“ отправляла всегда къ Рождеству полфунта чаю и на каждаго ребенка по два сухаря и по куску сахара; домъ „трудолюбія“ пользовался отъ нея старыми гарусными подушками, изъ которыхъ можно было сдѣлать подобіе моха на кружкѣ, куда становятся лампы; базары съ благотворительной цѣлью не знали, куда дѣваться отъ ея пожертвованій. Она постоянно хлопотала о помѣщеніи въ то или другое заведеніе какого-нибудь страждущаго или неимущаго; тамъ пристроила свою кухарку, неожиданно лишившуюся зрѣ-

нія, здѣсь пріютила сына кучера въ награду за его усердіе еще при жизни покойнаго мужа.

Она спѣшила теперь къ Ивану Иванычу, имѣя настоятельную просьбу объ опредѣленіи двухъ дѣвочекъ-сироткъ, оставшихся у нея на рукахъ послѣ смерти любимой прачки.

— Милый Иванъ Иванычъ, милый, вы не откажете... проворковала она, пожимая ему руки.

— Все устрою, все... Только вотъ что, Любовь Николаевна: я дѣлаю сегодня одно предложеніе; поддержите его...

— О, еще бы! еще бы! Можете ли вы предложить что-нибудь, на что бы нельзя было согласиться!

— Очень любезно съ вашей стороны... Но, Любовь Николаевна, мы поговоримъ о вашемъ дѣлѣ послѣ засѣданія... Теперь намъ пора...

— Пойдемте, пойдемте!

Они вмѣстѣ вошли въ залу.

Ивана Иваныча тотчасъ же окружили. Раскланиваясь и пожимая руки, онъ, почти не останавливаясь, направился къ высокой худощавой дамѣ съ восточнымъ орлинымъ носомъ и энергическимъ взглядомъ. Это была княгиня Чирикова, также членъ комитета и, кромѣ того, предсѣдательница общества „Снабженія даровыми кормилицами служащихъ семейныхъ лицъ, получающихъ не свыше полуторы тысячи годового оклада". Она извѣстна была всему Петербургу тѣмъ еще, что каждый, кто ей представлялся, получалъ, по три раза въ теченіе зимы, конвертъ со вложеніемъ приглашенія на ея базаръ и билета съ надписью: *цѣна пять рублей*. При ея большомъ состояніи она могла бы дѣйствовать гораздо проще, именно: удѣлять на свое общество двѣ-три тысячи изъ собственнаго кармана; но княгиня почему-то избѣгала этого способа, предпочитая ему тотъ, которымъ руководствовалась.

— Получила ваше приглашеніе и видите: пріѣхала! съ достоинствомъ промолвила княгиня, дѣлая глазами знакъ, приглашавшій собесѣдника отойти нѣсколько въ сторону.— Но... но за это вы, надѣюсь, не откажете въ моей просьбѣ, добавила она, понижая голосъ.

— Приказывайте, княгиня...

— Вы поможете мнѣ устроить одно дѣло..

— Душевно буду радъ...

— Душевно или нѣтъ, но дайте слово...

— Вы, въ свою очередь, не откажете поддержать въ засѣданіи мое предложеніе?

— Заранѣе согласна; только слово, дайте слово.

— Извольте, даю слово! Не угодно ли будетъ занять мѣсто, княгиня? Мы сейчасъ начнемъ... Милостивыя государыни, господа, не угодно ли будетъ занять мѣста? возвысивъ голосъ, проговорилъ Иванъ Иванычъ, любезно указывая присутствующимъ на ряды стульевъ.

Княгиня, г-жа Бальзаминова, знакомый уже намъ Стрекозинъ, его товарищъ, красивый камеръ-юнкеръ, которому отецъ отказалъ въ деньгахъ на поѣздку за границу, и еще нѣкто баронъ Шлиссельбургъ, непремѣнный членъ всѣхъ возможныхъ обществъ, никогда ничего не говорившій, но пріѣзжавшій всегда первымъ и уѣзжавшій послѣднимъ, заняли ближайшія мѣста, какъ члены комитета. Дальше размѣстились остальные члены; между ними рельефно выдвигалась толстая г-жа Шилохвостова, которая уже теперь тяжело дышала отъ жары и также отъ безпокойства, чтобы потъ, струившійся по ея лицу, не причинилъ поврежденій ея румянамъ и пудрѣ.

— Милостивыя государыни, милостивые государи, засѣданіе открыто! проговорилъ Иванъ Иванычъ, придавая лицу скромное выраженіе человѣка, который тяготится видною ролью, но, въ то же время, незамѣтно спряталъ подъ столъ лѣвую руку и выразительно прижалъ указательнымъ пальцемъ колѣно временнаго секретаря, сидѣвшаго подлѣ на углу стола рядомъ съ казначеемъ.

Секретарь всталъ и приступилъ къ чтенію отчета о дѣятельности общества за послѣднее полугодіе. Не отступая отъ данной ему инструкціи, секретарь умышленно растягивалъ каждую фразу и останавливался, покашливая, на каждомъ періодѣ. Инструкція, внушенная заблаговременно секретарю и казначею, имѣла цѣлью продлить засѣданіе до послѣдней возможности. Вопросъ о жетонахъ долженъ былъ явиться къ концу, когда уже не останется сомнѣнія, что члены изнемогаютъ отъ жары и усталости, осовѣютъ отъ тоски и готовы на что угодно, лишь бы только ихъ отпустили.

Чтеніе отчета успѣло уже отчасти произвести свое дѣйствіе; дѣйствіе это примѣтно усилилось при чтеніи казначейскаго отчета. Послѣдній сдѣлалъ извѣстнымъ, между прочимъ, что, хотя въ кассѣ общества, несмотря на излитыя благодѣянія въ теченіе шести мѣсяцевъ, состоитъ на

лицо двадцать одна тысяча (о недостающихъ деньгахъ не было упомянуто), но вообще дѣла общества нельзя назвать вполнѣ блестящими и желательно было бы изыскать средства для ихъ улучшенія.

На этомъ можно бы остановиться и приступить къ дѣлу: большая часть членовъ сидѣла, какъ опущенная въ воду; у всѣхъ почти лица багровѣли и лоснились; на однихъ изображалось томленіе, на другихъ проступали явные знаки нетерпѣнія; но Иванъ Иванычъ этимъ, повидимому, еще не удовольствовался.

— Милостивыя государыни, милостивые государи! провозгласилъ онъ, привставая и упираясь ладонями на край стола, — позвольте мнѣ сдѣлать одно предложеніе: такъ какъ теперь самое жаркое время, всѣ, кромѣ того, живутъ за городомъ и собираться очень трудно...

— Да... да!.. правда!.. Весьма трудно!.. раздалось въ разныхъ концахъ.

— Поэтому самому не угодно ли будетъ воспользоваться минутнымъ перерывомъ, чтобы теперь же сообщить ваши замѣчанія?.. Обсудивъ ихъ, мы могли бы ограничиться сегодняшнимъ засѣданіемъ и не собираться больше до пріѣзда многоуважаемой предсѣдательницы, то-есть до осени... И такъ, не угодно ли будетъ?.. Вы, кажется, имѣете что-то сказать? обратился онъ, почтительно наклоняясь къ княгинѣ, которая выказывала знаки нетерпѣнія.

— Да, Иванъ Иванычъ; но можно мнѣ воспользоваться случаемъ, чтобы спросить объ одномъ дѣлѣ, касающемся моего общества?

— Хотя это будетъ не совсѣмъ правильно, такъ какъ мы здѣсь по дѣламъ другого общества, но я надѣюсь, присутствующіе гг. члены не будутъ противъ этого... тѣмъ болѣе, что у насъ теперь перерывъ... Къ услугамъ вашимъ, княгиня...

— Я хотѣла просить васъ прислать на праздникъ, который я даю въ Лѣтнемъ саду, дѣтей изъ вашего сиротскаго пріюта; они мнѣ нужны для томболы и для продажи...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, княгиня; надо только знать, въ какой именно день назначенъ вашъ праздникъ?

— Онъ будетъ двадцать восьмого іюля.

Въ эту минуту съ той стороны, гдѣ сидѣла г-жа Шило-

хвостова, послышался шорохъ платья и, вслѣдъ затѣмъ, изъ-за ближайшихъ головъ, выдвинулось ея лицо, такое же почти красное, какъ цвѣты мака на ея пастушеской шляпкѣ.

— Я не понимаю, что это значитъ, произнесла она кислосладкимъ голосомъ, — тутъ какое-то недоразумѣніе... Не ошибаетесь ли вы, княгиня?

— Въ чемъ? сухо спросила княгиня, едва поворачивая голову.

Присутствующіе, изъ которыхъ многіе начинали уже чувствовать тяжесть въ глазахъ, приподняли головы; послышался шопотъ, одни отыскивали глазами княгиню, глаза другихъ съ любопытствомъ останавливались на г-жѣ Шилохвостовой.

— Въ томъ, что вашъ праздникъ назначенъ двадцать-восьмого числа! бойко и рѣшительно отвѣтила г-жа Шилохвостова.

— Нѣтъ, не ошибаюсь! еще рѣшительнѣе возразила княгиня, удостоивая наконецъ взглянуть на собесѣдницу, но такъ, однакожъ, какъ бы сама сидѣла на верхушкѣ башни, а собесѣдница копошилась гдѣ-то тамъ внизу.

До сихъ поръ г-жа Шилохвостова старалась сдерживать свои чувства; взглядъ княгини произвелъ дѣйствіе искры, попавшей въ пороховой погребъ.

— Позвольте! воскликнула она визгливымъ, дребезжащимъ голосомъ, — этотъ день мой и также въ Лѣтнемъ саду.

— Не знаю, вашъ ли это день, только онъ мой, и я никому не уступлю его! промолвила княгиня, у которой при этомъ заострилась профиль и судорожно задвигались брови.

— У меня есть разрѣшеніе! крикнула г-жа Шилохвостова.

— У меня также!

— Протекціей, вѣроятно...

— А вы, вѣроятно, интригой! встрепенулась княгиня, какъ птица, заслышавшая выстрѣлъ.

Г-жа Шилохвостова быстро поднялась съ мѣста; она хотѣла что-то возразить, но, вмѣсто словъ, начала отъ волненія икать и захлебываться; грудь ея колыхалась; губы побѣлѣли и странно какъ-то вздрагивали; шляпка ея также вздрагивала, а цвѣты на ней ходили изъ стороны въ сторону, точно ихъ тормошила буря.

Княгиня также встала, но она лучше владѣла собою: никто никогда не видалъ ее болѣе величественной: она точно выросла, точно съ облаковъ смотрѣла на все окружающее.

Иванъ Иванычъ, снѣвшій съ видомъ глубоко опечаленнаго человѣка, также поднялся съ мѣста. Онъ обратился къ княгинѣ, но, не зная, что ей сказать, развелъ только руками и подошелъ къ г-жѣ Шилохвостовой.

— Анна Матвѣевна, успокойтесь... Бога ради! заговорилъ онъ, уныло наклоняя къ ней голову,—умоляю васъ, успокойтесь! Возьмите Таврическій садъ: я вамъ все устрою, только успокойтесь, подхватилъ онъ, стараясь удержать ее,—соберу вамъ всѣ пріюты для аллегри... выхлопочу даровые хоры военной музыки...

— Благодарю васъ... не желаю вашего Таврическаго сада! повторяла г-жа Шилохвостова, бросая вокругъ вызывающіе взгляды и продолжая направляться къ двери. — Здѣсь, я вижу, одна несправедливость и гадости...

— Анна Матвѣевна, Бога ради! Не грѣшно ли вамъ... Таврическій садъ еще лучше Лѣтняго... Все вамъ устрою! убѣждалъ Иванъ Иванычъ, преслѣдуя ее шагъ за шагомъ.

— Да, гадости... гадости!.. послышался голосъ г-жи Шилохвостовой уже за дверью.

Неожиданное столкновеніе между двумя благотворительницами замѣтно оживило собраніе: большинство членовъ поднялось со своихъ мѣстъ и взялось за шляпы.

— Господа, прошу у васъ всего нѣсколько минутъ... Предстоитъ еще одинъ вопросъ, заговорилъ Иванъ Иванычъ, возвращаясь къ княгинѣ, подлѣ которой, съ одной стороны, ворковала г-жа Бальзаминова, съ другой—егозили въ перебивку красивый камеръ-юнкеръ и Стрекозинъ.— Прошу васъ подождать еще минуту, минуту только! подхватилъ онъ, возвышая голосъ и занимая свое предсѣдательское мѣсто. — Милостивыя государыни, милостивые государи, прошу садиться... Засѣданіе продолжается! заключилъ онъ, звоня въ колокольчикъ и, въ то же время, обязательно придвигая лѣвой рукой стулъ княгинѣ.

Всѣ снова усѣлись, но уже нехотя, кто со шляпой въ рукѣ, кто бокомъ, какъ бы выжидая случая улизнуть при первой возможности.

Въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ Иванъ Иванычъ изложилъ мысль о жетонахъ и пользѣ, которую такая операція могла бы принести обществу. Все дѣло

заключалось въ томъ, чтобы присутствующіе здѣсь гг. члены согласились для перваго опыта выпустить хотя бы тысячу такихъ знаковъ и израсходовать на этотъ предметъ извѣстную сумму.

— Прекрасно! Браво! Согласны, согласны! послышалось со всѣхъ концовъ стола и всѣ, въ то же время, стали подыматься съ мѣстъ.

— Еще одну секунду... прошу васъ, одну только! оживленно произнесъ Иванъ Иванычъ, принимая отъ секретаря бумагу и выкладывая ее на столъ подлѣ чернильницы.—Предложеніе, съ которымъ вамъ угодно было согласиться, включено въ журналъ сегодняшняго засѣданія... Остается вамъ только подписать его... Не угодно ли, господа?.. Княгиня, не угодно ли начать? добавилъ онъ, подавая ей перо и выворачивая при этомъ съ особенною какою-то граціей кисть правой руки.

Княгиня подписалась, за нею бросились подписываться другіе. Когда Иванъ Иванычъ, проводивъ княгиню до самой лѣстницы, возвратился въ залу, журналъ былъ уже подписанъ, и члены, торопливо пожимая ему руку, спѣшили къ выходу.

Имъ было очень хорошо: этимъ засѣданіемъ начинался и оканчивался ихъ трудовой день. Но каково было Ивану Иванычу? И безъ того уже утомленный умственно и физически, онъ не могъ уже разсчитывать на спокойствіе у себя: вечеромъ, когда весь чиновный людъ, живущій на дачѣ, наслаждается природой, сидя у открытаго окна и играя въ карты, ему предстояло еще имѣть совѣщаніе съ ювелиромъ, котораго долженъ былъ привезти расторопный Блиновъ.

XII.

Послѣ отъѣзда изъ церкви Воскресенскаго, Лисичкина и Бабкова, Алексѣй Максимычъ Зиновьевъ, противъ ожиданія, остался доволенъ ихъ посѣщеніемъ. Онъ мало думалъ о двухъ художникахъ; ихъ похвалы могли быть искренни,—онъ былъ благодаренъ; оба, правда, слишкомъ восторгались, слишкомъ горячо и часто пожимали ему руки и черезчуръ увивались подлѣ Воскресенскаго, — и это не совсѣмъ ему понравилось. Всѣ мысли его сосредоточивались на Иванѣ Иванычѣ. Онъ не сомнѣвался, что тронулъ въ немъ, наконецъ, чувство справедливости; его старанія оправдаться, кроткій видъ, съ какимъ выслуши-

валъ онъ обвиненія, служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. И чѣмъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ лично досадить Ивану Иванычу? Въ чемъ собственно, говоря по совѣсти, провинился онъ, какъ строитель церкви? Поводомъ преслѣдованій, очевидно, были какія-нибудь недоразумѣнія; всего вѣроятнѣе, встрѣтились недоброжелатели и завистники, которые наговаривали и сплетничали. Чѣмъ больше думалъ объ этомъ Зиновьевъ, тѣмъ больше утѣшалъ себя мыслью, что объясненіе съ Воскресенскимъ усовѣстило послѣдняго, возстановило снова ихъ прежнія отношенія, положило конецъ придиркамъ и преслѣдованіямъ.

На обратномъ пути домой, Алексѣй Максимычъ сталъ даже упрекать себя въ томъ, не далеко ли зашелъ, выражая такъ рѣзко свои неудовольствія Ивану Иванычу, и мысленно побранилъ себя за излишнюю горячность и раздражительность. Подъ вліяніемъ такого чувства онъ собирался даже написать Воскресенскому, но тутъ же отложилъ намѣреніе, подумавъ, что непріятныя впечатлѣнія всего лучше изглаживаются при объясненіяхъ съглазу-на-глазъ; лучшимъ доказательствомъ служитъ ихъ разговоръ въ церкви.

Два дня спустя, Алексѣй Максимычъ поѣхалъ къ нему, но не засталъ его дома и вдвойнѣ пожалѣлъ объ этомъ; онъ думалъ, кстати, обрадовать его пріятнымъ извѣстіемъ: въ теченіе этихъ двухъ дней ему удалось случайно напасть на подрядчика, который, послѣ осмотра остающихся работъ въ церкви, брался ихъ окончить за весьма умѣренную плату, съ тѣмъ даже, чтобы получить расчетъ послѣ того, какъ все будетъ готово. Онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ письменно Ивану Иванычу. На другой день курьеръ привезъ отвѣтъ, удивившій Зиновьева странностью своего содержанія. Въ немъ слова не упоминалось о радостной находкѣ подрядчика; онъ въ короткихъ словахъ передавалъ только чувства человѣка, котораго, вообще говоря, мало озабочиваетъ мірская суетность; коснувшись вскользь объясненія въ церкви, Иванъ Иванычъ убѣдительно просилъ Зиновьева, какъ добраго христіанина, изгладить изъ своей памяти все, что могло показаться ему тогда обиднымъ.

— Вотъ славно! А я уже и забылъ объ этомъ, воскликнулъ Алексѣй Максимычъ,—не помнишь ли ты, Сережка? подхватилъ онъ, шутливо обращаясь къ племяннику.

— Не знаю, дѣдушка, меня тамъ не было. Я думаю, было что-нибудь очень пріятное, потому что съ того дня ты сталъ какъ-то особенно веселъ.

До того дня старикъ дѣйствительно больше старался казаться веселымъ; Сережа и Маруся очень хорошо знали причину затаенной грусти, проступавшей въ чертахъ дѣдушки, вопреки его усиліямъ показывать имъ довольное расположеніе духа; они не понимали только повода, заставившаго внезапно остановить работы въ церкви въ то самое время, когда она совсѣмъ уже приближалась къ концу. Бесѣдуя между собою, оба дѣлали всевозможныя предположенія и, не стѣсняясь, бранили на чемъ свѣтъ стоитъ членовъ совѣта, распорядителей, графа,—словомъ, всѣхъ тѣхъ, отъ кого зависѣла постройка. Теперь надо думать, что дѣло опять пошло на ладъ: дѣдушка уже не довольствовался казаться веселымъ,—онъ былъ веселъ въ самомъ дѣлѣ.

Къ концу недѣли открылся новый поводъ радости. Алексѣю Максимычу посчастливилось отыскать живописца, который соглашался докончить орнаментъ на нижней аркѣ почти на тѣхъ же условіяхъ, какъ подрядчикъ брался кончить каменныя работы. Живописецъ былъ только человѣкъ крайне бѣдный и просилъ впередъ нѣсколько денегъ; но это была такая бездѣлица, о которой говорить не стоило. Иванъ Ивапычъ и за нимъ члены совѣта, конечно, не остановятся передъ выдачей ничтожной суммы, когда имъ будутъ представлены новыя, исключительно-выгодныя условія подрядчика и живописца. Всѣ, безъ сомнѣнія, поспѣшатъ ими воспользоваться. Слава Богу, никто здѣсь не врагъ общественному интересу; напротивъ, онъ служитъ цѣлью совѣта и одинаково воодушевляетъ всѣхъ его членовъ.

Зиновьевъ не могъ только добиться, когда соберется совѣтъ и въ какой именно день можно будетъ представить ему докладъ. Онъ писалъ объ этомъ Воскресенскому, но тотъ отвѣчалъ, что самъ этого не знаетъ, прибавляя, что въ лѣтнее время совѣтъ собирается вообще рѣже и въ тѣхъ только случаяхъ, когда много дѣлъ.

Алексѣй Максимычъ,—терпѣливый по природѣ и сдѣлавшійся въ послѣдніе три года еще терпѣливѣе, благодаря Ивану Иванычу и совѣту, — рѣшился ждать, но, чтобы не терять дорогого времени, продолжалъ хлопотать и работать: ѣздилъ по биржамъ прикидываться къ цѣнѣ

матеріаловъ, придумывалъ различныя удешевленія, приспособленія, составлялъ чертежи, исправлялъ и переписывалъ свою докладную записку,—словомъ, подготовлялъ дѣло такимъ образомъ, чтобы послѣ доклада немедленно приступить къ окончанію постройки.

Простодушная довѣрчивость Зиновьева можетъ казаться преувеличенною для тѣхъ, кому не случалось встрѣчаться съ истинными художественными натурами. Въ нихъ всегда преобладаетъ что-то дѣтское, и свойство это сохраняется независимо отъ лѣтъ и жизненнаго опыта. Впечатлительныя, какъ ртуть, онѣ такъ же скоро остываютъ и съеживаются, такъ же быстро согрѣваются и, не находя простора, стремятся къ верхнимъ градусамъ; лица этого рода живутъ по преимуществу нервами, и всѣ ихъ дѣйствія руководятся воображеніемъ. Самое ничтожное обстоятельство: мелкая непріятность, встрѣча, видъ непріязненнаго лица, слово, сказанное на вѣтеръ, способны не только обдать ихъ холодомъ, но сдѣлать ихъ раздражительными, расположить къ мрачному настроенію ихъ чувства, и наоборотъ: встрѣча, мысль, слово, едва примѣтный лучъ надежды, но при сочувственныхъ условіяхъ, производятъ одушевляющее, какъ бы электрическое дѣйствіе: они мгновенно оживаютъ, глаза радостно блестятъ, рѣчь льется сама собою; на это нѣтъ возраста: молодые и старики,— разумѣя здѣсь, конечно, только настоящихъ артистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Алексѣй Максимычъ, — всѣ дѣти одной семьи, у всѣхъ та же воспріимчивая закваска на дрождяхъ, всѣ состряпаны изъ одного тѣста.

Въ тотъ день, когда отыскался живописецъ, радость Зиновьева выказывалась не только на лицѣ, но и во всѣхъ его движеніяхъ. Возвращаясь на дачу къ обѣду, онъ издали еще принялся махать шляпой надъ головою, какъ только показались бѣлыя платья двухъ бѣжавшихъ навстрѣчу дѣвочекъ; онѣ также махали ему платками и весело вскрикивали; за ними мелькалъ синій зонтикъ Маруси и знакомая шляпа Сережи.

Дѣдушку встрѣчали такимъ образомъ каждый день, и встрѣча сопровождалась всегда такими изъявленіями радости, что посторонній могъ подумать, будто старикъ возвращался послѣ долгой отлучки.

— Обѣдать! обѣдать!—повторялъ Алексѣй Максимычъ, посылая поцѣлуи направо и налѣво. — Я, дѣточки, се-

годня жестоко проголодался; утромъ, въ суетѣ, я не взялъ съ собою сыра и хлѣба и теперь голоденъ, какъ собака...

— Какъ? Неужели?—воскликнула Маруся.—Боже мой, я никогда себѣ не прощу этого...

— Ты нисколько не виновата, — поспѣшилъ успокоить Алексѣй Максимычъ, — я сегодня тихонечко утекъ изъ дому; было рано, вы всѣ еще тогда спали...

Услышавъ на дворѣ голосъ Алексѣя Максимыча, Марьянушка засуетилась; Маруся побѣжала въ кухню. Вскорѣ вся семья сѣла за столъ, накрытый въ бесѣдкѣ.

Давно не было такого веселаго обѣда. Больше всѣхъ способствовалъ этому дѣдушка. Подъ конецъ онъ явился съ новой выдумкой; она случайно пришла ему на умъ во время дороги. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: послѣ обѣда всѣ, огуломъ, должны были отправиться на Малую Невку, къ ближайшей пристани; здѣсь всѣ садились въ лодку; Сережѣ поручался руль. Лодка выѣзжала на возморье и останавливалась у тоней противъ Крестовскаго острова.

Дѣдушка вступалъ въ переговоры съ рыбаками, послѣ чего начиналось бросаніе невода, по одному разу на счастье каждаго члена семейства. Дѣдушка не дѣлалъ никакихъ предположеній насчетъ Маруси и Сережи. „Счастливые въ любви...“—началъ онъ, посмѣиваясь, но тутъ же, оборотясь въ Катѣ и Сонѣ, выразилъ увѣренность, что на долю каждой выпадаетъ неводъ, полный лососокъ, изъ которыхъ въ самой маленькой будетъ, по крайней мѣрѣ, аршинъ длины и двадцать фунтовъ вѣсу.

Алексѣй Максимычъ прекрасно сдѣлалъ, что поберегъ сообщеніе своей выдумки къ концу обѣда, иначе Катя и Соня никому бы не дали покоя и сами, въ нетерпѣніи своемъ, навѣрное, остались бы голодными.

Только что кончился обѣдъ, старикъ послалъ всѣхъ одѣваться, самъ остался въ бесѣдкѣ и закурилъ сигарку.

Услышавъ на дворѣ чужой голосъ, онъ послалъ туда Марьянушку: минуту спустя, она возвратилась, сказавъ, что голосъ принадлежалъ курьеру, и подала ему большой конвертъ, припечатанный крупной красной печатью.

Въ домѣ, между тѣмъ, все суетливо готовилось къ прогулкѣ; Маруся была уже въ шляпкѣ. Застегивая пуговицы на ботинкахъ Сони, она, въ то же время, перекидывалась словами съ Сережей, который смотрѣлъ въ комнату изъ

растворенаго окна, положивъ локти на подоконникъ. Очередь была теперь за Катей, но Катя опять куда-то исчезла.

— Катя! Катя, гдѣ ты? крикнула Маруся.

Но въ ту же секунду голосъ Кати послышался со двора, почти за спиною Сережи. Странный звукъ этого голоса заставилъ его обернуться; при видѣ дѣвочки онъ тотчасъ же понялъ, что въ домѣ что-нибудь случилось: на дѣвочкѣ лица не было; брови ея усиленно подымались, черты изображали испугъ.

— Сережа... тамъ въ бесѣдкѣ... дѣдушка... едва могла произнести она отъ волненія,—съ дѣдушкой что-то сдѣлалось... съ дѣдушкой!..

При послѣднихъ словахъ Сережа бросился къ бесѣдкѣ; онъ прибѣжалъ туда почти въ одно время съ Марусей и двумя дѣвочками.

Съ ужасомъ увидѣли они старика, распростертаго на диванѣ; лицо его было блѣдно, какъ известка; рѣсницы закрытыхъ глазъ судорожно вздрагивали, такое же движеніе проходило, какъ будто, подъ кожей лица; Марусѣ показалось, однакожъ, что движеніе это останавливалось на лѣвой щекѣ и у лѣваго глаза; старикъ, очевидно, не былъ въ обморокѣ; онъ тяжело дышалъ, не переставая водить правой ладонью по лѣвой рукѣ, которая лежала въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Сознаніе, по всему было видно, не оставляло его. Услыша подлѣ себя знакомые голоса, онъ открылъ глаза и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая приподняться; но лѣвая нога измѣнила ему, и онъ снова безсильно опустился, но теперь опустился на руки Сережи, который успѣлъ подхватить его.

Маруся стояла уже передъ нимъ на колѣняхъ, утирая платкомъ его мучительно стянутый лобъ. Онъ хотѣлъ ей улыбнуться, но, вмѣсто улыбки, на губахъ его проскользнуло что-то столь горькое и безотрадное, что Маруся не могла уже удержаться и заплакала.

— Милыя мои... дѣточки, проговорилъ, наконецъ, Алексѣй Максимычъ, оглядывая каждаго своими добрыми глазами.

Несвязность, съ какою произносилъ онъ слова, и самый звукъ его голоса окончательно подрѣзали сердце Маруси; удерживаясь отъ рыданій, подступавшихъ ей къ горлу, она прижала его руку къ груди и горячо начала цѣловать ее.

— Дѣдушка! скажи, что съ тобой?.. Что случилось? заговорила она, наклоняясь испуганно къ его лицу.

— Мнѣ легче... Дурно было сдѣлалось... Теперь гораздо легче... произнесъ онъ, стараясь говорить яснѣе.— Пройдетъ, я чувствую. Такъ вдругъ случилось... неожиданно... Не бойтесь... Главное, мнѣ надо успокоиться... успокоиться надо... это главное...

Встревоженное лицо Марьянушки, которую поспѣшила увѣдомить Катя, показалось въ бесѣдкѣ. Общими силами старика подняли на ноги, перевели въ домъ и уложили въ постель.

Сережа, съ лицомъ, покраснѣвшимъ до корня волосъ, суетился, спѣша въ городъ за докторомъ.

У выходной двери онъ встрѣтился съ Марусей.

— Дѣдушкѣ отказали; онъ не будетъ больше строить церковь, торопливо проговорилъ онъ шопотомъ.

— Неужели?

— Да; на столѣ, въ бесѣдкѣ, лежала бумага, и я успѣлъ просмотрѣть ее... Дѣло рѣшеное: ему отказали!

— Бѣдный, бѣдный дѣдушка! сказала Маруся, закрывая лицо руками.

— Большое несчастье для него... да и для всѣхъ насъ также, можетъ-быть!..

Съ послѣднимъ словомъ онъ надѣлъ шляпу и побѣжалъ къ калиткѣ.

Къ вечеру только удалось ему отыскать и привести доктора.

Пока докторъ былъ у больного, Сережа и Маруся сошлись въ сосѣдней комнатѣ. Она старалась его успокоить, увѣряя, что во время его отсутствія дѣдушка замѣтно оправился. На лѣвой щекѣ было уже меньше онѣмѣнія; онъ не владѣлъ еще вполнѣ лѣвою рукою, но она потеряла свой зловѣщій синеватый цвѣтъ и была несравненно теплѣе; но главное, по ея мнѣнію, заключалось не въ этомъ; ее пугало совсѣмъ другое,—пугало нравственное состояніе больного. Какъ ни старался онъ скрыть передъ ней свое горе, оно высказалось вопреки его усилій. Онъ нѣсколько разъ уговаривалъ ее пойти въ свою комнату: голосъ его и лицо казались совсѣмъ спокойными; она дѣлала видъ, что удалялась, но не успѣвала сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ онъ поворачивался лицомъ къ стѣнѣ и уже слышались его рыданія.

— Я не тревожила его въ такія минуты, прибавила

Маруся.—Мнѣ говорили: плакать лучше, когда большое горе; оно тогда облегчается... Но вѣришь ли, Сережа, всякій разъ, какъ онъ такъ заплачетъ, у меня точно сердце обрывалось... Мнѣ казалось, точно ребенокъ плачетъ... Бѣдный, бѣдный дѣдушка!

Съ каждымъ словомъ лицо Сережи дѣлалось мрачнѣе. Плотно сжатыя губы, нахмуренные лобъ и брови, судорожное движеніе ноздрей показывали, что въ немъ происходила сильная внутренняя работа.

Сообщенія доктора возвратили обоимъ надежду. Не предвидѣлось пока никакой опасности. До настоящаго дня старикъ слишкомъ много волновался и мало-по-малу подготовилъ себя къ тому, что случилось; но и этого бы не было, вѣроятно, если бъ нравственное потрясеніе не произошло тотчасъ же послѣ обѣда: параличъ, къ счастью, едва коснулся верхнихъ оболочекъ; организмъ совершенно въ нормальномъ порядкѣ. Два-три дня спокойствія,—слѣдовъ не останется.

Какъ ни успокоительны были слова жреца науки, Сережа не рѣшился разстаться съ больнымъ и оставался ночевать въ его комнатѣ. Онъ прилегъ на диванѣ, не раздѣваясь, нарочно съ тѣмъ, чтобы быть готовымъ на всякій случай.

Предусмотрительность его была лишней, но онъ не сомкнулъ глазъ во всю ночь. Поступокъ съ дѣдушкой, который былъ для него воплощеніемъ всего добраго и честнаго на свѣтѣ, возмущалъ его до глубины души; кровь подымалась ему въ голову и въ ушахъ звенѣло. Тутъ не только была несправедливость, но чувствовалось что-то злобное и жестокое. Что могъ имъ сдѣлать этотъ простодушный старикъ? Какъ архитекторъ, онъ также не могъ навлечь нареканій: знаніе, опытъ, талантъ,—все было на его сторонѣ. Кто, — не считая его преклонныхъ лѣтъ,— кто больше него трудился, положилъ столько любви въ дѣло, отдалъ ему всего себя съ такимъ увлеченіемъ?! И отнять у него дѣло, — когда же? — когда все уже почти готово! Желаніе воспользоваться чужимъ трудомъ было здѣсь слишкомъ очевидно! И нельзя помѣшать этому! „Нельзя ухватить ихъ всѣхъ за горло и раздавить, какъ клоповъ!“—мысленно восклицалъ онъ, и хотя тутъ же сознавалъ всю нелѣпость такихъ желаній, но, тѣмъ не менѣе, сокрушался своимъ безсиліемъ и ничтожествомъ.

Незнакомая до того горечь подымалась съ самаго дна

его души. Безсонная эта ночь прошла для него не безъ пользы. Сердце его ожесточилось противъ неправды; умъ яснѣе сталъ видѣть между тѣмъ, что должно быть и что происходитъ въ дѣйствительности. Ночь эта осуществила для него цѣлую школу жизни.

Онъ заснулъ тогда уже, какъ начиналось утро.

XIII.

Проснувшись довольно поздно, Сережа крайне былъ изумленъ, увидѣвъ дѣдушку въ бѣломъ галстукѣ и черныхъ панталонахъ.

— Дѣдушка, что съ тобой?.. Куда ты? проговорилъ онъ, вскакивая съ дивана.

— Необходимо сейчасъ же ѣхать... Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ старикъ, надѣвая жилетъ и суетливо принимаясь за фракъ.

Сережа побѣжалъ къ Марусѣ, и оба начали его уговаривать; но все, что они говорили, было напрасно; Алексѣй Максимычъ стоялъ на своемъ, упрямился, выказывалъ даже явные знаки неудовольствія, чего съ нимъ прежде никогда не было. Сережа съ трудомъ могъ достичь того только, что поѣдетъ съ нимъ, будетъ всюду его сопровождать и ждать вездѣ, гдѣ будетъ ему угодно. Пока старикъ прощался съ дѣтьми и Марусей, увѣрия всѣхъ, что чувствуетъ себя теперь какъ нельзя лучше, Сережа побѣжалъ умыться и причесаться, шепнувъ мимоходомъ Марьянушкѣ, чтобы она скорѣе послала кухарку за извозчикомъ.

Алексѣй Максимычъ велѣлъ везти себя прежде всего къ графу.

Когда дрожки остановились передъ подъѣздомъ знакомаго дома, швейцаръ объявилъ, что графъ только что изволилъ выѣхать. Графъ и графиня отправились провожать молодого графа, который уѣзжалъ за границу; оба возвратятся только къ вечеру, потому что кушать поѣдутъ въ Петергофъ, и карету приказано прислать къ послѣднему поѣзду.

Зиновьевъ не показалъ только виду, но извѣстіе это примѣтно его взволновало. Не торгуясь съ извозчикомъ, противъ своего обыкновенія, онъ усѣлся на дрожки рядомъ съ племянникомъ и велѣлъ немедленно ѣхать на Парголовскую дорогу. Сережа догадался, что они отправляются теперь на дачу къ Воскресенскому.

Разстройство дѣдушки было слишкомъ очевидно, чтобы не пугаться дальности дороги, въ такую жару особенно, но племянникъ воздержался, однакожъ, отъ всякаго замѣчанія. Развлекать дѣдушку посторонними разговорами ему также не хотѣлось; онъ сначала было попробовалъ; старикъ дѣлалъ только видъ, что слушаетъ; выраженіе его лица и взглядъ ясно показывали, что мысли блуждали гдѣ-то далеко отъ предмета бесѣды... Коснуться причинъ настоящей поѣздки значило только растревожить окончательно старика; Сережа предпочелъ молчать, ограничиваясь тѣмъ, что подкладывалъ руку за спину сосѣда всякій разъ, какъ на дорогѣ встрѣчался ухабъ или камень.

Дача, занимаемая Воскресенскимъ, имѣла свою исторію. Она состояла изъ большого каменнаго дома и обширнаго стариннаго сада. То и другое подарено было когда-то одной знатной старушкой сиротскому пріюту, который процвѣталъ здѣсь болѣе тридцати лѣтъ. Внезапно кѣмъ-то найдено было, что мѣсто здѣсь низменно и сырой воздухъ отражается крайне вреднымъ образомъ на здоровьѣ сиротъ; за симъ явились болѣе положительныя данныя, сопровождаемыя вѣскими цифровыми выводами о злокачественныхъ свойствахъ мѣста. Выводы эти, весьма красиво означенные на бумагѣ и скрѣпленные подписями, представлены были на разсмотрѣніе комиссіи, которая была *временная*, какъ бо́льшая часть комиссій. Возникъ вопросъ о необходимости отвести другое мѣсто и выстроить на немъ новое зданіе: тутъ же приложена была и смѣта. Цифры выходили крупныя, но человѣколюбивая мысль взяла верхъ надъ экономическими соображеніями. Зданіе было воздвигнуто, сироты водворены, а бывшее ихъ жилище перешло *временно* въ то вѣдомство, гдѣ служилъ Иванъ Иванычъ, и *временно* также, т.-е. во время лѣта, имъ стали пользоваться семейные чиновники. Одинъ изъ нихъ, болѣе предпріимчивый, устроилъ даже въ бывшей столовой гимнастику для дѣтей и катокъ для коньковъ съ рулетками, имѣя въ виду доставить развлеченіе взрослымъ своимъ товарищамъ, ихъ женамъ и знакомымъ, наѣзжавшимъ сюда по праздникамъ. Иногда бывало здѣсь очень весело.

Алексѣю Максимычу больше здѣсь посчастливилось, чѣмъ у графа. Узнавъ, что Иванъ Иванычъ дома, онъ проявилъ вдругъ столько живости, что краска мгновенно выступила на лицѣ его; даже на ушахъ и шеѣ показался какой-то лиловый отблескъ.

— Дѣдушка, успокойся Бога ради!.. Самъ докторъ, помнишь, сказалъ, что вредно тебѣ волноваться, успѣлъ только проговорить племянникъ, слѣзая съ дрожекъ вмѣстѣ со старикомъ.

Алексѣй Максимычъ осторожно отстранилъ его рукою. Сережа остановился, но съ безпокойствомъ сталъ слѣдить за дѣдушкой, который, замѣтно припадая на лѣвую ногу, торопливо зашагалъ къ подъѣзду.

Черты старика снова покрылись блѣдностью, когда онъ вошелъ въ кабинетъ Воскресенскаго.

При видѣ Зиновьева Иванъ Иванычъ поспѣшно всталъ съ мѣста и пошелъ къ нему навстрѣчу съ распростертыми руками; всмотрѣвшись въ лицо вошедшаго, онъ, однакожъ, остановился. Въ первую минуту Зиновьевъ отъ волненія не могъ проговорить слова. Воскресенскій этимъ воспользовался; онъ оглянулся назадъ къ столу, убѣдился, что колокольчикъ на своемъ мѣстѣ, и поспѣшилъ принять печально-разстроенный видъ.

— Понимаю ваше горе, многоуважаемый Алексѣй Максимычъ, понимаю его вполнѣ и... и раздѣляю его, произнесъ онъ удрученнымъ голосомъ. — Обвиненія ваши, если таковыя суждено мнѣ выслушать, будутъ несправедливы... Я не заслужилъ ихъ... Противъ васъ я никогда ничего не имѣлъ и не имѣю, кромѣ истиннаго уваженія... Я тутъ ни при чемъ.

— Кто же, наконецъ, это... это сдѣлалъ? Кто отнялъ у меня... началъ было Зиновьевъ, но не могъ докончить; онъ едва переводилъ дыханіе; нижняя челюсть его и губы дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— Успокойтесь... Прежде всего, прошу васъ успокоиться...

Иванъ Иванычъ указалъ на сосѣдній стулъ и даже придвинулъ его. Но Зиновьевъ какъ будто не замѣтилъ этого.

— Я пришелъ спросить, какія причины заставили поступить со мною такимъ образомъ? подхватилъ онъ, оправляясь.—Въ чемъ меня обвиняютъ?.. Такъ вдругъ нельзя же безъ всякаго повода!..

— Совершенно основательно; но, повторяю вамъ, дорогой Алексѣй Максимычъ, я тутъ ни при чемъ... Я имѣлъ уже честь вамъ докладывать,—даже писалъ вамъ на-дняхъ объ этомъ,—что если я въ этомъ дѣлѣ принимаю участіе, меня занимаетъ въ немъ не столько матеріальная его

сторона, сколько собственно нравственная; меня привлекала человѣколюбивая мысль, сопряженная съ постройкой этого зданія... Причины, о которыхъ вы изволите упоминать, мнѣ неизвѣстны; рѣшеніе вышло изъ совѣта; къ сожалѣнію, въ эти послѣдніе дни мнѣ нездоровилось и я въ немъ не участвовалъ... Когда я сталъ разспрашивать, мнѣ намекали на какія-то, будто бы, злоупотребленія...

— Злоупотребленія!—воскликнулъ Алексѣй Максимычъ, котораго при этомъ обдало холодомъ отъ затылка до самыхъ пятокъ.

— Но никто этому, конечно, не вѣритъ,— поспѣшилъ успокоить Воскресенскій.

— Все равно, все равно, я желаю знать, въ чемъ заключаются эти злоупотребленія...

Иванъ Ивановичъ и самъ не радъ былъ, что коснулся этого вопроса; но дѣлать было нечего,—слово вырвалось, не вернешь назадъ; искоса взглянувъ на столъ, тутъ ли колокольчикъ, онъ какъ бы пріободрился и прибавилъ:

— Въ прошломъ году... у васъ, говорятъ... вышелъ тамъ какой-то недочетъ... какихъ-то денегъ недостало въ кассѣ...

Неожиданность такого сообщенія сразила, казалось, старика.

— Правда,—произнесъ онъ, смѣло глядя въ глаза собесѣднику,—правда, но это мое личное дѣло, оно никого не касается; деньги были сполна тотчасъ же внесены... Какое же кому до этого теперь дѣло?

— Никто же на это и не претендуетъ. Помилуйте! Всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстна ваша честность... Я полагаю, тутъ однѣ только сплетни... и причина вовсе не въ этомъ... Она, всего вѣроятнѣе, заключается въ промедленіи постройки...

— Въ промедленіи!—на этотъ разъ уже просто вскричалъ Алексѣй Максимычъ, — въ промедленіи! Но кто же, какъ не вы, милостивый государь, задерживалъ работу? Въ эти послѣдніе три мѣсяца я гроша отъ васъ не могъ добиться... Просилъ, умолялъ, наконецъ, поневолѣ долженъ былъ остановить постройку...

— Боже мой! Боже мой!—заговорилъ Иванъ Иванычъ, отступая еще шагъ и печально качая головою,—подумайте только, въ чемъ вы меня упрекаете... меня, который только и думалъ, какъ бы угодить вамъ!... Вникните спокойнѣе: развѣ деньги мои и я могу выдавать ихъ когда заблагоразсудится? Точно не знаете вы, что церковь строится на по-

жертвованныя суммы, точно не знаете, что можно располагать ими тогда только, когда онѣ есть въ кассѣ...

— Если это такъ, то тѣмъ несправедливѣе упрекъ, который мнѣ дѣлаютъ! Вы, стало-быть, не объясняли совѣту...

— Я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что меня тогда,—прибавлю: къ сожалѣнію,— не было въ совѣтѣ...

— Но опредѣленія совѣта разсматриваются графомъ... Вы... ваша обязанность была предупредить его насчетъ причины задержки... Онъ могъ, наконецъ, послать за мною, разспросить меня... Рѣшеніемъ управлялъ, слѣдовательно, одинъ произволъ, а можетъ-быть, что-нибудь еще хуже: была подведена какая-нибудь гнусная интрига...

Иванъ Иванычъ всплеснулъ руками и склонилъ голову на-бокъ съ видомъ изнеможенія.

— Не понимаю только, что графъ тутъ дѣлалъ?—продолжалъ Зиновьевъ съ возраставшимъ жаромъ. — Я считалъ его всегда человѣкомъ честнымъ и благороднымъ... Онъ всегда былъ прежде такъ расположенъ ко мнѣ... Его, вѣрно, подвели, обманулъ кто-нибудь... или онъ потерялъ, наконецъ, всякій смыслъ, всякое сознаніе!...

— Графъ такъ мало потерялъ сознанія, — робко вступился Иванъ Иванычъ, — что первою его мыслью, когда все... все это вышло... было представить васъ къ наградѣ...

— Что мнѣ награда! Моя награда—мой трудъ! Я о другомъ никогда не думалъ и ничего не искалъ... Я желаю только, чтобы со мной поступали такъ же честно, какъ я всегда поступалъ съ другими; къ сожалѣнію, я ошибся, полагаясь на людскую честность; старость ничему меня не выучила; вижу, что здѣсь, прежде всего, надо быть кулакомъ и пройдохой... Я всю жизнь слышалъ объ этомъ, но отказывался всегда вѣрить; теперь, на старости, пришлось убѣдиться: хорошо здѣсь только кулакамъ и пройдохамъ!...

— Я не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, позволю вамъ замѣтить, — проговорилъ обиженнымъ тономъ Воскресенскій,—но не раскаиваюсь въ этомъ, нѣтъ, не раскаиваюсь; мною управляли всегда одни чувства: долгъ, желаніе добра ближнему... религія...

— Я, можетъ-быть, не такъ религіозенъ, какъ вы, но не сдѣлаю, милостивый государь, того, что вы сдѣлали,— да, вы! вы!... потому что все дѣло было въ рукахъ вашихъ, и вы бы никогда не допустили того, что произошло, если бъ только захотѣли! Я съ тѣмъ пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ

это прямо въ глаза! Да! Я и другимъ буду то же разсказывать...

— Вы не можете оскорбить меня, господинъ Зиновьевъ,—проговорилъ тихо, но не безъ достоинства Иванъ Иванычъ;—мои дѣйствія и цѣли, слава Богу, извѣстны... Если кто и повѣритъ, предоставляю каждому на его совѣсть... Придетъ время, наконецъ, когда разъяснится, кто тутъ правъ, кто виноватъ... Исторія безпристрастна; она насъ разсудитъ...

— „Вонъ куда хватилъ! Исторія! Будетъ ей до тебя дѣло, какъ же!“—мелькнуло въ головѣ Зиновьева, несмотря на все его разстройство.—Не знаю, что̀ исторія скажетъ,—продолжалъ онъ громко,—но я скажу вамъ, что я не настолько еще ослабъ отъ старости и выжилъ изъ ума, чтобы такъ оставить это дѣло; я пойду къ графу, обращусь къ совѣту, обращусь къ каждому, кто принималъ участіе въ этомъ несправедливомъ поступкѣ... Пока... пока оставлю его на вашей совѣсти... Затѣмъ, милостивый государь мой, прощайте!...

Иванъ Иванычъ молча поклонился; устремляя выше очковъ бѣлые зрачки свои на удалявшагося Зиновьева, онъ слегка улыбнулся, какъ улыбаются взрослые бѣснованію спеленатаго ребенка.

До настоящей минуты Алексѣя Максимыча поддерживали нервный подъемъ и сильное нравственное возбужденіе. Когда онъ вернулся къ племяннику, тотъ поспѣшилъ поддержать его: до такой степени старикъ показался ему вдругъ опустившимся и ослабѣвшимъ. Черты его осунулись, глаза вращались безпокойно и смотрѣли смутно. Племянникъ съ трудомъ усадилъ его въ дрожки и велѣлъ извозчику ѣхать скорѣе домой на дачу. Дорогой онъ долженъ былъ разъ остановиться, чтобы достать воды, потому что дѣдушка внезапно почувствовалъ дурноту.

Пріѣхавъ домой, Сережа распорядился, чтобы старика скорѣе уложили въ постель, а самъ поскакалъ за докторомъ.

Докторскія предсказанія сбылись только на другой день къ вечеру. У Алексѣя Максимыча открылась нервная горячка; къ ней (послѣдняго докторъ не предсказалъ) присоединилось разлитіе желчи. Старшіе члены семьи, — въ томъ числѣ и Марьянушка, — превратились въ тотъ же день въ сидѣлокъ; каждый по нѣскольку часовъ дежурилъ по очереди у постели больного. Въ общемъ раздѣлѣ, на долю Кати и Сони досталась едва ли не самая трудная

обязанность: онѣ должны были молчать и тихо, только на цыпочкахъ, переходить изъ комнаты въ другую. Главнымъ образомъ, обѣимъ было предписано не касаться въ разговорахъ при дѣвушкѣ постройки церкви, не напоминать даже объ этомъ, хотя бы словомъ однимъ.

Сережа, строго наблюдавшій за этимъ, самъ, между тѣмъ, едва удерживался. Узнавъ случайно въ академіи, что достроивать церковь поручили какому-то Бабкову вмѣстѣ съ другимъ, — имени послѣдняго онъ не помнилъ, — онъ такъ горячился и часто выходилъ изъ себя, что каждую минуту можно было ожидать отъ него какой-нибудь неосторожности. Дѣло спасалось только Марусей, которая, какъ только Сережа начиналъ возвышать голосъ, спѣшила прижать ему ладонь къ губамъ. Онъ тогда выбѣгалъ въ садъ; Маруся приближалась къ окну и глазамъ ея представлялся Сережа, ходящій быстрыми шагами и махающій въ воздухѣ кулаками. Такой моціонъ всегда, впрочемъ, хорошо на него дѣйствовалъ: онъ послѣ этого замѣтно успокоивался и возвращался смирнѣе прежняго къ постели больного.

Въ концѣ августа болѣзнь Алексѣя Максимыча настолько уже уступила, что его можно было перевезти на городскую квартиру; въ одномъ лишь не могъ онъ оправиться: къ пему не возвращалась его прежняя веселость.

Чего только ни дѣлали, чтобы развлечь его! Въ день его рожденія (ему минуло шестьдесятъ-три года) Катя и Соня сочинили живыя картины, въ которыхъ явились въ бумажныхъ костюмахъ, ими же сочиненныхъ и раскрашенныхъ; въ одной изъ этихъ картинъ приняла даже участіе Маруся: стоя на табуретѣ, прикрытомъ бумажнымъ облакомъ, она изображала благодѣтельную волшебницу, кротко улыбающуюся Катѣ и Сонѣ, одѣтымъ пастухомъ и пастушкой, между тѣмъ какъ Сережа, сидя за ширмами, бралъ въ это время торжественные аккорды на фортепіано. Въ тотъ же вечеръ Маруся поднесла дѣдушкѣ абажуръ съ изображеніемъ Большого канала въ Венеціи во время карнавала; луна, ряды освѣщенныхъ оконъ, отраженія въ водѣ огоньковъ на гондолахъ, — все это, искусно выскобленное на бумагѣ и подкрашенное красной и желтой краской, придавало живость акварели, которая сама по себѣ была очень мило написана Марусей; но и подарокъ этотъ не достигъ своей цѣли; дѣдушка, правда, долго не отрывалъ отъ него глазъ, но, слѣдя за выра-

женіемъ его лица, можно было думать, что подарокъ производитъ на него скорѣе даже грустное впечатлѣніе.

Иногда Сережа выкладывалъ на большой столъ къ окну папку съ рисунками Алексѣя Максимыча. Старикъ начиналъ ихъ просматривать, вспоминалъ о чемъ-то, но на лицѣ появлялась вскорѣ равнодушная усталость; онъ снова укладывалъ рисунки и закрывалъ папку, какъ бы говоря самому себѣ: „къ чему все это?“

Замѣтная перемѣна его духа къ лучшему произошла послѣ того только, какъ Сережа, рѣшившись, наконецъ, показать ему свою программу, принесъ ее на домъ. Алексѣй Максимычъ въ первый разъ оживился и напомнилъ въ тотъ день прежняго дѣдушку.

И всѣмъ въ этотъ день какъ будто стало веселѣе.

XIV.

Постройка церкви, между тѣмъ, приближалась къ концу.

— Слава Богу! говорилъ графъ, улыбаясь своей пріятной улыбкой всякій разъ, какъ Иванъ Иванычъ докладывалъ ему о новыхъ успѣхахъ работы.

— Слава Богу, ваше сіятельство, повторялъ за нимъ Иванъ Иванычъ, съ выраженіемъ благочестія во взглядѣ.

— Зиновьевъ—прекрасный человѣкъ, но съ нимъ мы бы никогда не кончили, говорилъ графъ.

— Никогда бы не кончили! утверждалъ съ убѣжденіемъ Иванъ Иванычъ.

Графъ никогда больше не разспрашивалъ о старомъ архитекторѣ; онъ искренно пожалѣлъ о немъ въ первое время и даже вздохнулъ, когда Воскресенскій, въ разговорѣ о немъ, молча, но выразительно пошевелилъ влажными своими пальцами по лбу, показывая, что тутъ какъ будто у старика что-то было не совсѣмъ въ порядкѣ; узнавъ отъ того же Воскресенскаго, что Зиновьевъ теперь, кажется, поправился и считаетъ себя вполнѣ вознагражденнымъ за труды тѣмъ, что представленъ къ знаку отличія, графъ окончательно успокоился и пересталъ о немъ разспрашивать. И гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, было ему думать о Зиновьевѣ, когда поневолѣ всякій вечеръ приходилось забывать множество лицъ, являвшихся съ просьбами въ теченіе дня; когда едва было возможно придти въ себя, среди многочисленныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, ежедневно предлагаемыхъ на обсужденіе въ различныхъ комиссіяхъ и засѣданіяхъ?

Хорошо еще, что у графа была сестра, одаренная большой энергіей. Она неожиданно являлась въ кабинетъ, усаживалась противъ брата и не говорила ему, какъ дѣлала большая часть родственниковъ: „Mon cousin или cher Pierre, вы рѣшительно себя убиваете!“ — что, мимоходомъ сказать, доставляло всегда графу большое удовольствіе,—но прямо отрѣзывала: „Довольно! Assez, mon frère!“ — и какъ только братъ начиналъ возражать, прибавляла: „Россія не погибнетъ, если ты оставишь ее на нѣсколько часовъ въ покоѣ“, послѣ чего насильственно увозила его куда-нибудь за городъ, предупредивъ заранѣе, что пріѣдетъ сегодня съ графомъ обѣдать.

Къ многочисленнымъ заботамъ графа прибавились съ нѣкоторыхъ поръ семейныя непріятности. Его снова начиналъ безпокоить сынъ. На пути въ южную Францію, куда отправили молодого человѣка для ознакомленія съ отраслью, обѣщавшей въ будущемъ столь важныя послѣдствія для Кавказскаго края, молодой человѣкъ застрялъ въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ Петербургъ, — назадъ тому два мѣсяца, — отецъ и тётка не получали никакихъ извѣстій; знали только, что онъ въ Парижѣ.

Графъ и графиня обратились тогда къ родственницѣ, княгинѣ Завадской, жившей бо́льшую часть года въ столицѣ Франціи, прося ее отыскать молодого графа и дать о немъ какое-нибудь свѣдѣніе. Княгиня, никогда прежде не писавшая петербургскимъ родственникамъ, пожелала какъ бы за одинъ разъ исправить свою ошибку; отвѣтъ ея, на многихъ страницахъ, могъ бы быть короче, если принять во вниманіе впечатлѣніе, сдѣланное имъ на графиню и особенно на графа.

Прежде всего, княгиня жаловалась, что Флу-Флу (такъ звали въ обществѣ молодого графа за его разварную наружность и неясное произношеніе, происходившее отъ несоразмѣрной толщины языка, неловко какъ-то шлепавшаго во рту) ни разу къ ней не показался, „не плюнулъ даже“. Дальнѣйшія строки увѣдомляли родителей, что Флу-Флу каждый день встрѣчаютъ проѣзжающимъ въ колясклѣ по Елисейскимъ полямъ съ знаменитой Berthe la Blonde, едва ли не опаснѣйшей изъ парижскихъ актрисъ-кокотокъ. Она, говорятъ, совсѣмъ имъ завладѣла; онъ былъ съ ней неразлученъ и всюду являлся: утромъ — на скачкахъ, передъ обѣдомъ—въ tir aux pigeons, вечеромъ—

въ театрѣ, и всегда на видныхъ мѣстахъ; въ послѣдніе дни онъ окончательно себя компрометировалъ, войдя съ ней подъ руку на благотворительный концертъ, куда допускались только дамы извѣстнаго круга...

— Мальчикъ этотъ истинно посланъ мнѣ въ наказаніе! За что только, не знаю! воскликнулъ графъ, опрокидываясь на спинку креселъ.

— Я полагаю, вздыхать и охать теперь напрасно: ни къ чему не послужитъ, — произнесла графиня, сдвигая брови.

— Что̀ дѣлать, право, не знаю!.. Знаю только, что онъ всѣхъ насъ разоритъ и самъ погибнетъ! Прямо идетъ къ этому... Боже мой, Боже мой, за что̀ мнѣ все это?!..

Графиня поднялась на ноги, нѣсколько разъ прошлась по кабинету и тутъ же рѣшила немедленно ѣхать за племянникомъ. Она посмотритъ, какая тамъ такая Berthe la Blonde могла окрутить племянника настолько, чтобы заставить его забыть отца, тётку, приличія и, наконецъ, заставить дѣлать долги! Посмотритъ она, какъ Флу-Флу,— эта тряпица, а не человѣкъ, — не послушаетъ ея, когда она обрѣжетъ ему всѣ рессурсы и принудитъ его возвратиться домой!

Отъѣздъ графини весьма обрадовалъ Ивана Иваныча. Онъ думалъ и такъ, и этакъ, и рѣшительно не зналъ, какъ выпутаться въ глазахъ графа, которому внушилъ поѣздку сына за границу. Графъ нисколько на него не сердился, убѣжденный въ его добромъ намѣреніи, но положеніе, все-таки, было не совсѣмъ ловкое.

Воскресенскій писалъ молодому графу, прося его захватить въ Парижѣ такую-то брошюрку, спеціально трактующую о пробочномъ производствѣ въ Алжирѣ, и прибавляя, что въ этомъ заключается, главнымъ образомъ, суть его поѣздки за границу, но не получилъ никакого отвѣта. Зная энергическій, рѣшительный нравъ графини, онъ не сомнѣвался въ скоромъ возвращеніи ея племянника.

Въ ожиданіи этого, онъ распорядился выпиской помянутой брошюры и поручилъ перевести ее, какъ можно скорѣе, на русскій языкъ: сдѣлавъ въ рукописи кое-какія выправки и измѣненія, онъ замѣтно успокоился. Иванъ Иванычъ не обманывалъ себя въ трудности будущей задачи; онъ предвидѣлъ, сколько будетъ хлопотъ, чтобы поймать молодого графа въ Петербургѣ, залучить его час-

на два къ себѣ въ кабинетъ и заставить его прочесть при себѣ переводъ. Составить потомъ докладную записку о полезномъ трудѣ молодого человѣка... Боже мой! да это была такая бездѣлица, о которой не стоило даже думать...

Какъ только графъ выражалъ безпокойство насчетъ сына, Иванъ Иванычъ всякій разъ спѣшилъ его утѣшить; но уже теперь въ голосѣ его замѣтно было больше увѣренности. Онъ придерживался того убѣжденія, что въ этихъ слухахъ изъ Парижа было много преувеличеннаго; похожденія молодого графа были не что иное, какъ мимолетное и совершенно естественное увлеченіе молодости. Очень жаль, конечно, что молодой графъ не воспользовался поѣздкой въ южную Францію; но собственно практическая сторона дѣла, для котораго онъ былъ посланъ, не имѣетъ большой важности; суть дѣла заключается въ теоретическихъ данныхъ. Все, что касалось этого предмета, находилось въ рукахъ Ивана Иваныча; онъ ни на минуту не сомнѣвался, что молодой человѣкъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, съ примѣрнымъ усердіемъ примется за работу. Вопросъ будетъ подготовленъ, Иванъ Иванычъ лично съ нимъ займется; графу-отцу,— Воскресенскій ручался за это, — останется только, въ концѣ концовъ, радоваться за сына.

— И вы думаете, Иванъ Иванычъ, онъ будетъ въ самомъ дѣлѣ на это способенъ? недовѣрчиво качая головою, спрашивалъ графъ.

— Убѣжденъ, ваше сіятельство! съ твердостью во взглядѣ и голосѣ возражалъ Воскресенскій.

— Благодарю васъ, благодарю!

Графъ протягивалъ руку, но, прикоснувшись къ влажнымъ пальцамъ Ивана Иваныча, напоминавшимъ ему всегда лягушку, не могъ побѣдить себя и, несмотря на растроганныя чувства, тутъ же спѣшно, запрятавъ руку въ карманъ, украдкой утиралъ ее о носовой платокъ.

Въ частныхъ бесѣдахъ своихъ съ графомъ Воскресенскій не упускалъ случая также убѣждать его осмотрѣть зданіе новаго *центральнаго пріюта*; мысль эта всегда встрѣчала живое сочувствіе; графъ обѣщалъ, назначалъ даже день, но всякій разъ по какому-нибудь непредвидѣнному обстоятельству,—больше по недостатку времени,— не могъ исполнить обѣщанія. Воскресенскій приступилъ тогда настоятельнѣе, какъ говорится: сильнѣе нажалъ

клапанъ. Все въ *центральномъ пріютѣ* было готово: открытіе назначено черезъ мѣсяцъ самимъ графомъ; необходимо было показаться, хотя бы съ тѣмъ, чтобы произнести свое послѣднее слово, поощрить участниковъ, которые столько разъ уже собирались и ждали только, какъ бы увидѣть высокаго своего покровителя.

День былъ, наконецъ, безотлагательно назначенъ. Графъ, пригласивъ заблаговременно Ивана Иваныча ѣхать вмѣстѣ, находился въ прекрасномъ расположеніи духа. Примѣтивъ, что Иванъ Иванычъ ежится въ углу кареты, графъ поспѣшилъ закрыть окно, извиняясь, что раньше не подумалъ объ этомъ.

День былъ дѣйствительно сырой и холодный. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ могли служить скорченныя фигуры и синіе носы на лицахъ персонала *центральнаго пріюта*, собравшагося у входа главнаго зданія въ ожиданіи пріѣзда ихъ покровителя. Ожидали, однакожъ, недолго; всѣ, повидимому, тотчасъ же оживились и согрѣлись, какъ только карета графа остановилась у подъѣзда. Тутъ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, находились будущіе наставники, докторъ, фельдшера, сидѣлки, двѣ кормилицы въ голубыхъ кокошникахъ и красныхъ сарафанахъ, нѣсколько сестеръ милосердія и значительная группа служителей, бо́льшею частью съ шевронами на рукавахъ и въ форменной одеждѣ.

У графа былъ всегда достаточный запасъ привѣтливости для тѣхъ, кто заставалъ его въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ здѣсь очаровывалъ всѣхъ безъ исключенія: кому весело кивнулъ, кому сказалъ нѣсколько словъ, кому пожалъ руку.

Онъ шелъ впереди; подлѣ него, сбоку, едва слышными шагами подвигался Иванъ Иванычъ, изрѣдка оборачиваясь, когда шумъ слѣдовавшей толпы становился слышнѣе.

Больше часу продолжался обходъ зданія. Ничего не было пропущено. Графъ остался всѣмъ очень доволенъ. Особенной похвалы удостоился, впрочемъ, дворъ, крытый стекломъ и заключавшій въ себѣ дѣтскій садъ и гимнастику. Графъ внимательно осматривалъ каждый предметъ, разспрашивалъ обо всемъ. Съ большимъ одобреніемъ встрѣчено было также осуществленіе мысли оклейки стѣнъ нравственно-назидательными картинками, сценами изъ отечественной исторіи, долженствовавшими „поднять духъ“, какъ говорилось въ программѣ, и душеспасительными пе-

чатными изреченіями; передъ нѣкоторыми изъ нихъ графъ такъ долго останавливался, что уже подъ конецъ у Ивана Иваныча начали горѣть пятки и подкашиваться ноги.

— Теперь, ваше сіятельство, не угодно ли будетъ въ церковь пожаловать? проговорилъ Воскресенскій, дѣлая за спиною знаки, чтобы скорѣе отворили дверь, сообщавшую церковь со столовой.

Но дверь оказалась уже отворенною. Ивана Иваныча сначала непріятно поразило, что въ дверяхъ никто не встрѣтилъ почетнаго посѣтителя, но неудовольствіе его продолжалось всего секунду. Одобрительная улыбка показалась на лицѣ его при видѣ Лисичкина и Бабкова, стоявшихъ на мѣстахъ своихъ. Послѣдніе только, казалось, ничего не видѣли, ничего не замѣчали: до такой степени каждый увлеченъ былъ своей работой. Стоя на табуретѣ подлѣ одной изъ арокъ съ палитрой и кистями въ лѣвой рукѣ и поддерживая правую руку мушгабелемъ, Лисичкинъ усердно водилъ кистью и, сколько можно было замѣтить, все по одному и тому же мѣсту; на щекѣ, рукахъ и передней части сюртука виднѣлись слѣды красокъ. Бабковъ, пригнувшись къ одной изъ каменныхъ балясинъ надъ ступеньками, соединявшими полъ съ алтаремъ, какъ бы усиливался добиться, насколько все это твердо было установлено; онъ былъ въ холщевой блузѣ, надѣтой сверхъ сюртука, и весь также испачканъ известкой, хотя вокругъ было совершенно чисто и трудно было запачкаться.

Тихо ступая на плоскихъ своихъ подошвахъ, Воскресенскій наклонился къ графу и, улыбаясь, указалъ ему глазами на художниковъ; графъ остановился, приложилъ палецъ къ губамъ и неожиданно кашлянулъ.

— Ахъ! вскричалъ Лисичкинъ, чуть не сваливаясь съ табурета отъ неожиданности.

Онъ не упалъ, однакожъ: съ палитрой въ одной рукѣ, съ мушгабелемъ въ другой, онъ приблизился къ именитому посѣтителю, выказывая на лицѣ смущеніе человѣка, застигнутаго врасплохъ.

— Простите великодушно, ваше сіятельство... Я передъ вами въ такомъ видѣ...

— И меня также... Ужъ не взыщите, проговорилъ Бабковъ, подходя, въ свою очередь, и растопыривая пальцы перепачканныхъ рукъ.

— Напротивъ, вы извините, что прервалъ васъ такъ

неожиданно, сказалъ графъ, любезно улыбаясь, — у васъ, какъ я вижу, прекрасно идетъ дѣло... подвигается...

— Работаемъ, ваше сіятельство, трудимся, съ нѣжностью во всѣхъ чертахъ сказалъ Лисичкинъ.

— Пачкаемся, ваше сіятельство! Надо прямо сказать: пачкаемся!

— Давай Богъ каждому пачкаться такъ, какъ вы, господа, это дѣлаете ради общественной пользы, замѣтилъ графъ, посылая каждому привѣтливый знакъ рукою, — и искренно благодарю васъ! Съ своей стороны, я также постараюсь... И давно уже вы здѣсь занимаетесь?..

— Третій мѣсяцъ...

— Какъ? Развѣ такъ много оставалось работы?

— Довольно-таки, ваше сіятельство! Много было сдѣлано, но многое пришлось переписать заново... Въ одномъ мѣстѣ требовалось смягчить... въ другомъ усилить, тутъ придать вкусу, здѣсь придать теплоты тону, началъ Лисичкинъ, выводя палитрой и муштабелемъ по воздуху нѣжныя, округленныя линіи.

Бабковъ неожиданно перебилъ его.

— Что говорить, ваше сіятельство, — приступалъ онъ къ графу, который любознательно осматривалъ стѣны, — надо правду сказать: были такіе здѣсь грѣшки да прорѣшки... Вы меня великодушно извините; я человѣкъ простой, какъ есть ломоть ржаного хлѣба, но я всегда правду скажу: пришлось-таки здѣсь повозиться... Вотъ теперь извольте сами посмотрѣть: прорѣшекъ-то и нѣтъ; сладили, значитъ!..

— Считаю долгомъ предупредить ваше сіятельство, что здѣсь очень сыро... и легко, очень легко простудиться... Гг. художники привыкли къ этому, но вамъ... считаю долгомъ предупредить васъ,—произнесъ Иванъ Иванычъ, желавшій сократить посѣщеніе церкви, такъ какъ, съ одной стороны, цѣль была достигнута, съ другой — онъ начиналъ чувствовать холодъ въ ногахъ, несмотря на то, что просилъ у графа позволенія остаться въ резиновыхъ калошахъ.

Поблагодаривъ еще разъ художниковъ, графъ вышелъ изъ церкви. Толпа, ожидавшая его въ столовой, снова сомкнувшись за его спиною, сопровождала его до той минуты, пока онъ не сѣлъ въ карету.

Графъ былъ очень доволенъ. Во время пути онъ нѣсколько разъ признательно жалъ руку Ивану Иванычу,

который всякій разъ, отъ избытка чувствъ, моргалъ увлаженными глазами.

XV.

Въ серединѣ ноября Алексѣй Максимычъ получилъ официальное печатное приглашеніе на освященіе церкви и открытіе *центральнаго образцоваго пріюта*, имѣвшаго цѣлью „всеобщее, всестороннее распространеніе благотворительности въ Россійскомъ государствѣ“. Приглашеніе получено было во время вечерняго чая; вся семья находилась въ полномъ составѣ.

Алексѣй Максимычъ аккуратно вложилъ приглашеніе въ конвертъ, снялъ очки и произнесъ съ разстановкой:

— Скоро же это они состряпали!.. Молодцы!.. Посмотримъ... посмотримъ!—подхватилъ онъ, стараясь казаться веселымъ; онъ попробовалъ даже улыбнуться, но улыбка вышла менѣе удачна.

Сережа и Маруся переглянулись.

— Ты, дѣдушка, такъ говоришь, какъ будто собираешься туда ѣхать,—сказалъ племянникъ.

— Поѣду, конечно... благо приглашаютъ... Неучтиво было бы отказаться, — прибавилъ онъ съ добродушной ироніей.

Племянникъ поднялся съ мѣста и началъ ходить по комнатѣ, нетерпѣливо проводя ладонью по волосамъ.

— Нѣтъ, ты не шутишь?.. Ты въ самомъ дѣлѣ собираешься ѣхать? — спросилъ онъ, неожиданно останавливаясь.

— Въ самомъ дѣлѣ поѣду,—спокойно отозвался дѣдушка.

Племянникъ вспыхнулъ.

— Тебѣ, вѣроятно, снова хочется встрѣтиться съ этими прекрасными господами... которые... которые такъ благородно съ тобою поступили!—заговорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ. — Рѣшительно не понимаю тебя!.. Скажи на милость, что влечетъ тебя туда? Что ты будешь тамъ дѣлать? Зачѣмъ? Съ тѣмъ, развѣ, чтобы, какъ я говорю, полюбоваться лишній разъ на милаго г. Воскресенскаго?.. Кстати, одинъ знакомый архитекторъ, имѣвшій съ нимъ дѣло, прозвалъ его „Тартюфомъ изъ Средней Мѣщанской улицы“. Чего тебѣ отъ нихъ надобно? Что ты тамъ потерялъ?

— На твоемъ мѣстѣ, я бы ни за что не поѣхала, дѣдушка,—сказала Маруся.

— Ну, сговорились... Какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, быть,— перебилъ Алексѣй Максимычъ.—Ты, мой дружокъ, полно волноваться; сядь-ка лучше и не горячись... Очень понимаю, что̀ заставляетъ васъ обоихъ такъ говорить. Людей, которыхъ я тамъ встрѣчу, уважаю я не больше вашего; знаю, что они, по большей части, не... нег... нехорошіе люди... (онъ хотѣлъ сказать другое слово, но удержался; рѣзко выражаться было вообще не въ его характерѣ). Скажу вамъ, съ своей стороны: оба вы превратно понимаете причину, которая — не то чтобы заставляла меня туда ѣхать, но располагаетъ къ этому; не ѣхать значило бы прямо показать имъ: какъ, дескать, вы меня глубоко обидѣли, и смотрѣть-то на васъ не хочу! Мнѣ, напротивъ, пріятно показать имъ мое полное равнодушіе къ ихъ поступку; смотрите, дескать: и живъ, и здоровъ, и пришелъ на васъ полюбоваться...

Сережа и Маруся не вѣрили какъ будто въ искренность такого довода. Дѣдушка былъ теперь совершенно здоровъ и, повидимому, окончательно успокоился; но имъ было извѣстно также искусство его скрывать передъ ними свои тяжелыя ощущенія и показывать улыбающееся лицо, когда на душѣ скребли кошки. Кто поручится въ томъ, что горе изгладилось окончательно и не живетъ гдѣ-нибудь въ тайномъ углу его сердца?

Оба всѣми силами старались уговорить его; внутреннее чувство подсказывало имъ, что эта поѣздка не обойдется безъ вредныхъ послѣдствій, безъ новаго потрясенія.

Опасенія ихъ могли быть весьма основательны. Оскорбленное чувство не столько самолюбія, сколько справедливости слишкомъ глубоко проникло въ самую глубь существа стараго архитектора, чтобы успѣть такъ скоро вымереть; больное мѣсто еще оставалось. Алексѣй Максимычъ самъ себя обманывалъ, объясняя племяннику поводъ, располагавшій его къ такой поѣздкѣ; больное мѣсто еще не зажило; оно-то собственно и влекло его...

Въ нравственной и физической природѣ человѣка существуетъ большое сходство ощущеній: къ больному мѣсту тянетъ прикоснуться; есть даже удовольствіе бередить рану. То же самое бываетъ съ горемъ, съ минувшимъ нравственнымъ потрясеніемъ; вопреки разсудку, больное чувство не хочетъ успокоиться: оно рвется къ предмету своего раздраженія. Могила закрыта, все кончено, ничѣмъ

уже не вернешь къ жизни,—нѣтъ, надо бѣжать къ этой могилѣ, надо растравлять воспоминанія, надо прибавить себѣ терзаній: въ этомъ есть также своя отрада...

Когда наступилъ день освященія церкви и открытія *центральнаго образцоваго пріюта*, Алексѣй Максимычъ, несмотря на всѣ свои старанія казаться равнодушнымъ, не могъ ввести въ заблужденіе племянника и Марусю, которые внимательно за нимъ слѣдили. Онъ, очевидно, провелъ почь безъ сна, суетился какъ-то особенно, выказывалъ нетерпѣніе и былъ разсѣяннѣе обыкновеннаго. Сережа и Маруся, каждый съ своей стороны, снова было коснулись вопроса поѣздки; старикъ окончательно заупрямился. Онъ послушалъ ихъ только въ томъ, что теплѣе закутался; въ остальномъ не было никакой возможности уговорить его.

О чемъ онъ думалъ во всю дорогу, рѣшить трудно; во всякомъ случаѣ мысли его не были веселы. Да и все вокругъ не располагало къ веселью. День былъ холодный и пасмурный; тучи стояли неподвижно и низменно; ихъ цвѣтъ предвѣщалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ закружатся въ воздухѣ первыя хлопья снѣга. По городскимъ улицамъ все еще было сносно: ходили и ѣхали люди; но тамъ, въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ-нибудь на концѣ Петровскаго острова, по берегу залива... Боже мой, какъ тамъ теперь должно быть уныло и безотрадно на Петербургской сторонѣ!..

Алексѣя Максимыча опередило нѣсколько экипажей съ разряженными дамами и кавалерами въ мундирахъ; въ открытой коляскѣ, но плотно закутанный въ шубу, проѣхалъ въ треугольной шляпѣ съ бѣлымъ плюмажемъ господинъ, поразившій Зиновьева сходствомъ съ птицей пеликаномъ: такой же длинный и плоскій, прижатый къ подбородку носъ и крошечные глазки, близко поставленные одинъ къ другому... Все это, очевидно, устремлялось туда же, куда направлялся самъ Зиновьевъ.

Подъѣхавъ къ воротамъ громаднаго зданія *центральнаго образцоваго пріюта*, на одномъ концѣ котораго высоко подымалась крыша церкви, Алексѣй Максимычъ долженъ былъ отпустить извозчика: до такой степени дворъ былъ заставленъ экипажами; одни подъѣзжали, другіе устанавливались кричавшими жандармами.

Прихожая, несмотря на ея вышину и размѣры оконъ, показалась Зиновьеву нѣсколько темною. Правда, день

былъ такой, да и стѣны вокругъ казались совсѣмъ черными отъ повѣшенныхъ шубъ и шинелей. Много также шубъ и всякой верхней одежды виднѣлось на рукахъ многочисленныхъ лакеевъ, бо́льшею частью ливрейныхъ; многіе изъ нихъ укладывали свою ношу на скамьи и усаживались на ней съ большимъ комфортомъ; нѣкоторые успѣли уже задремать и клевали носомъ; одинъ у печки, такъ тотъ совсѣмъ уже, какъ говорится, *закатился* и пускалъ такой храпъ, что надо было удивляться, какъ никто не будилъ его. Между лакеями виднѣлись городовые, которые также, казалось, сильно скучали.

Изъ прихожей вела во второй этажъ широкая парадная лѣстница; перила ея, еще не конченныя, покрывались коврами, отчасти присланными графомъ, отчасти взятыми на прокатъ.

Служба въ церкви давно уже началась, но Алексѣй Максимычъ не старался даже войти; густая толпа заслоняла дверь; проходя мимо, можно только было видѣть надъ головами блескъ свѣчей, тускло горѣвшихъ въ воздухѣ, насыщенномъ ладаномъ и человѣческимъ дыханіемъ, къ которому примѣшивался запахъ духовъ; изъ дверей несло жаромъ, какъ изъ жерла раскаленной печки; вмѣстѣ съ нимъ приносилось пѣніе, то умолкавшее и какъ бы заглушаемое густотою атмосферы, то снова поражавшее слухъ и какъ бы подымавшееся въ высоту, когда подхватывали дисканты. Въ столовой, передъ церковью, происходила также порядочная суета; цѣлая половина ея заставлена была сдвинутыми накрытыми столами, вокругъ которыхъ суетились офиціанты. Къ нимъ поминутно выскакивали откуда-то и одновременно два маленькіе чиновника, совершенно похожіе одинъ на другого, точно ихъ выбили по одному штампу; у каждаго на лѣвомъ отворотѣ вицмундира красовался бантъ изъ лентъ одинаковаго цвѣта; они хлопотливо осматривались во всѣ стороны, отдавали какія-то приказанія, наскоро шептались и снова разбѣгались въ разныя стороны, какъ дробинки, внезапно брошенныя на каменный полъ.

Алексѣй Максимычъ прошелъ мимо и сталъ бродить по всѣмъ комнатамъ, двери которыхъ были теперь настежь отворены. Лицо его было скорѣе задумчиво, чѣмъ встревожено печалью. Разъ только оно какъ будто нѣсколько омрачилось, когда глаза его случайно встрѣтили портретъ графа, висѣвшій въ роскошной золотой рамкѣ на стѣнѣ

въ залѣ совѣта. Онъ прочелъ на фонѣ портрета, внизу, имя Лисичкина; имя это напомнило ему то, о чемъ онъ прежде старался не думать.

Онъ собирался уже перейти въ сосѣднюю комнату, когда неожиданно увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя господина небольшого роста, нѣсколько кривобокаго, нѣсколько прихрамывающаго, который любознательно къ нему присматривался, нетерпѣливо моргалъ маленькими, живыми глазками, заострялъ носикъ и вообще показывалъ непреодолимое желаніе вступить въ разговоръ, но не рѣшался начать безъ явнаго поощренія. Онъ былъ во фракѣ и единственнымъ его украшеніемъ былъ кисейный галстукъ сомнительной бѣлизны. Наконецъ, онъ уже не могъ совладать съ собою и, забрасывая впередъ лѣвую ногу, ковыляя, подошелъ къ Зиновьеву.

— Извините меня, милостивый государь, заговорилъ онъ въ ту самую минуту, какъ Алексѣй Максимычъ готовился пройти дальше, — если не ошибаюсь... я, кажется, имѣю честь говорить съ архитекторомъ, г. Зиновьевымъ...

— Точно такъ...

— Вы, вѣроятно, меня не помните, но я уже имѣлъ честь встрѣчать васъ... Разъ даже мы сидѣли рядомъ на лекціи о спиритизмѣ въ Соляномъ городкѣ... Моя фамилія Бериксонъ... Андрей Андреевичъ... Хотя окончаніе на *сонъ*, но я не еврей, смѣю увѣрить! Дѣдъ изъ Курляндіи, отецъ петербуржецъ, мать москвичка!.. Очень, очень радъ встрѣтить васъ, м. г.; вдвойнѣ радъ, чтобы высказать вамъ... Знаю, м. г., знаю, я все знаю! Знаю, какъ съ вами здѣсь поступили... и вполнѣ выражаю вамъ свое сочувствіе... Позвольте пожать вашу руку... Всѣ они, я вамъ скажу...

Тутъ Бериксонъ схватилъ обѣ руки Зиновьева и, пригнувшись къ его уху, шепнулъ какое-то слово.

— Помилуйте, я совсѣмъ не такъ о пихъ думаю, промолвилъ, краснѣя, Зиновьевъ.

— Думайте, какъ хотите, но это такъ!.. Повѣрьте, я ихъ всѣхъ знаю! Этотъ Воскресенскій, это, помилуйте-скажите, просто...

Онъ снова быстро пригнулся къ уху собесѣдника и снова ввернулъ какое-то крѣпкое слово.

— Намъ надо бы, однакожъ, направиться ближе къ церкви, иначе мы опоздаемъ къ выходу изъ нея, замѣтилъ

Алексѣй Максимычъ, которому начинали казаться странными выходки незнакомца.

— Пойдемте, пойдемте! съ живостью воскликнулъ Бериксонъ, захватывая въ поспѣшности одною ногою больше пространства, чѣмъ слѣдовало,—я разскажу вамъ, между тѣмъ, что сдѣлалъ со мною этотъ самый Воскресенскій. Было, знаете, такое предпріятіе: нашли въ одномъ мѣстѣ руду; составилась компанія; меня послали къ нему, какъ довѣрителя; подалъ ему докладную записку. Прекрасно. Проходитъ мѣсяцъ, — нѣтъ отвѣта, другой мѣсяцъ, третій,—помилуйте-скажите,—все ничего! Что жъ бы вы думали онъ сдѣлалъ? Воспользовался нашимъ проектомъ! Кое-что въ немъ поправилъ, да и подай отъ себя въ тѣхъ видахъ, изволите ли видѣть, чтобы казна этимъ дѣломъ воспользовалась... Казна, понимаете, ему наплевать; штука вся въ томъ, чтобы выказать усердіе,—да-съ! Ему, конечно, за это сюда (тутъ онъ далъ щелчокъ по отвороту фрака), а намъ шишъ! Шишъ, м. г., и ничего больше!... Но вѣдь, кажется, служба кончилась и начали выходить изъ церкви...

Прежде всего выскочили изъ толпы два маленькіе чиновника, которыхъ Бериксонъ тотчасъ же указалъ Зиновьеву, назвавъ ихъ *попугайчиками;* онъ объяснилъ, что хлопотливость ихъ особенно возбуждалась въ этотъ день опаснымъ соперничествомъ одного красиваго камеръ-юнкера и чиновника по особымъ порученіямъ, нѣкоего Стрекозина, которымъ тоже хотѣлось выказать свое усердіе въ качествѣ распорядителей. За *попугайчиками* потянулись ряды дѣтей — питомцевъ *центральнаго образцоваго пріюта;* они, по всему было видно, не успѣли еще вкусить отъ благодѣяній новаго учрежденія; лица ихъ были тощи и зеленовато-блѣднаго отлива; обстриженныя гладко подъ гребенку, въ длинныхъ сѣрыхъ кафтанчикахъ, они казались точно наскоро набранными изъ больницъ; въ суетѣ, предшествовавшей торжеству настоящаго дня, многимъ изъ нихъ вѣроятно перемѣшали обувь, потому что нѣкоторыя изъ маленькихъ, очевидно, путались въ огромныхъ сапогахъ, тогда какъ другія пожимали ноги отъ боли въ узкой обуви. Ихъ наскоро устанавливали по обѣимъ сторонамъ выхода; больше другихъ суетились *попугайчики* и регентъ, громадный человѣкъ съ пучкомъ черныхъ волосъ на головѣ и такимъ лицомъ, какъ будто онъ только что кого-то зарѣзалъ.

Изъ дверей церкви вышелъ дьяконъ со святой водой и священникъ; дальше повалили пѣвчіе въ казачьихъ кунтушахъ съ перекинутыми за спину рукавами. За ними вышло нѣсколько лицъ изъ духовенства и выставились шитые мундиры, фраки и разноцвѣтныя дамскія шляпки; впередъ выдвинулся красивый камеръ-юнкеръ, также съ бантомъ на груди; къ нему мгновенно подскочилъ Стрекозинъ; оба поспѣшно начали упрашивать всѣхъ выходившихъ становиться крыльями по сторонамъ выхода.

Наконецъ, дальше показался графъ: его привѣтливая улыбка на устахъ, въ глазахъ, во всѣхъ чертахъ какъ бы свѣтилась надъ головами, которыя наклонялись по мѣрѣ его приближенія.

Графъ велъ подъ руку княгиню Зинзивееву, предсѣдательницу комиссіи „для предварительныхъ мѣръ противъ распространенія золотухи и родимчика между дѣтьми сельскаго населенія“; за нимъ шла графиня подъ руку съ дряхлымъ старикомъ, который едва передвигалъ ноги, изнемогая подъ бременемъ орденскихъ знаковъ. Рядомъ съ графиней,—и нѣсколько пригибаясь къ ней,—шелъ Воскресенскій, державшій въ рукѣ ея шаль. „Взгляните, у него опять новая звѣзда... Помилуйте-скажите, за что же?“ шепнулъ Бериксонъ на ухо Зиновьеву. Иванъ Иванычъ на ходу любезно разговаривалъ съ баронессой Букъ, предсѣдательницей „общества для снабженія дешевыми игрушками дѣтей болгарскаго населенія“ и т. д.: тутъ же подлѣ выступали величественная княгиня Чрикова и рядомъ съ нею томная благотворительница г-жа Бальзаминова. Дальше тѣснились другія пары, между которыми, играя локтями, старалась выскочить впередъ госпожа Шилохвостова; неподалеку выставилась блѣдная тоскующая голова молодого графа, недавно привезеннаго теткой изъ Парижа; онъ былъ въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ.

— Ужъ испекли, готовъ! Съ которыхъ это поръ? шепнулъ опять кривобокій Бериксонъ.—Впрочемъ, прибавилъ онъ какъ бы мимоходомъ,—истинные, подобные ему таланты, не нуждаются въ покровительствѣ!..

Еще дальше, какъ волны, надвигались члены совѣта, попечители, наставники, купцы, среди которыхъ, на аршинъ выше другихъ головою, выставлялся Блиновъ, воспитанникъ Воскресенскаго по части умѣнья возбуждать великодушіе жертвователей. У всѣхъ рѣшительно лица и шеи были красны и влажны, какъ у выходящихъ изъ

бани; всѣмъ пріятно было освѣжиться; удовольствіе это выражалось пріятными улыбками, поклонами, пожатіемъ рукъ, привѣтствіями.

Выйдя на средину столовой, графъ остановился. Въ ту же секунду Иванъ Иванычъ отдѣлился отъ графини и сдѣлалъ головою выразительный знакъ; регентъ сдвинулъ брови, взмахнулъ руками, какъ бы хотѣлъ взлетѣть на воздухъ, и сотня тоненькихъ голосовъ пропѣла кантату, нарочно сочиненную для этого торжественнаго случая.

— Très bien! проговорила княгиня Зинзивеева.

— Ils sont pourtant bien laids, замѣтила графиня.

— Прекрасно, мои милые... прекрасно! поспѣшилъ загладить графъ, кивая головою и дѣтямъ, и регенту.

Послѣ этого, шествіе опять тронулось въ обходъ по всѣмъ заламъ учрежденія.

Алексѣй Максимычъ отошелъ въ сторону, но случилось такъ, что графъ его замѣтилъ и прямо подошелъ къ нему.

— Очень радъ васъ видѣть, г. Зиновьевъ, сказалъ онъ, останавливаясь, между тѣмъ какъ слѣдовавшія за нимъ лица обступали его вокругъ.—Вотъ, продолжалъ онъ, обводя ласковыми глазами присутствующихъ,—вотъ кому мы обязаны прекрасной церковью, которою сейчасъ восхищались; онъ ее выстроилъ, онъ же такъ прекрасно ее и украсилъ! Еще разъ благодарю васъ, благодарю и поздравляю! прибавилъ онъ, намекая на знакъ отличія, къ которому представилъ Зиновьева.

Шествіе пошло дальше. Зиновьевъ увидѣлъ въ толпѣ бѣлокурую голову Лисичкина, но замѣтилъ также, что онъ тщательно старался избѣгать его взгляда; какъ только глаза ихъ случайно встрѣчались, Лисичкинъ изгибался какъ вьюнъ и пропадалъ за сосѣдними спинами. Предъ Алексѣемъ Максимычемъ разъ-другой промелькнула также волосатая голова Бабкова и сверкнули его крупные зубы; но и тотъ также старательно избѣгалъ встрѣчи. Отъ вниманія старика не ускользнуло, однакожъ, что многіе останавливали *лукаваго блондина* и *хитраго мужика* и начинали съ чѣмъ-то поздравлять ихъ; одинъ изъ поздравляющихъ подсунулъ даже пальцы подъ орденъ Лисичкина и нѣсколько разъ приподнялъ его на ладони, какъ бы желая узнать, сколько было въ немъ вѣсу.

Но заднія пары надвигали на переднія и всѣ снова двигались за графомъ по дорогѣ, расчищаемой передъ

нимъ двумя маленькими близнецами и старавшимися сбить ихъ съ выгодной позиціи красивымъ камеръ-юнкеромъ и Стрекозинымъ, которымъ также хотѣлось попасть въ лучъ зрѣнія графа. Онъ уже исчезъ вдали, но въ заднихъ рядахъ все еще напирали; шествію, казалось, конца не было; только съ того мѣста, гдѣ стоялъ Зиновьевъ, показывались теперь уже однѣ спины, шитые воротники и затылки; изрѣдка развѣ выставлялась изъ-за бакенбардъ профиль головы, любезно наклонявшаяся къ сосѣду.

Время отъ времени изъ двигавшейся впередъ толпы отдѣлялось нѣсколько человѣкъ и составлялись у оконъ отдѣльныя группы. Одна изъ такихъ группъ образовалась невдалекѣ отъ Алексѣя Максимыча; въ ней,—какъ объяснилъ ему всесвѣдущій Бериксонъ,—больше всѣхъ заслуживалъ вниманія Блиновъ. Изъ того, что говорилъ теперь Блиновъ, слѣдовало заключить, что покровитель его, Иванъ Иванычъ, на этотъ разъ обманулъ его ожиданія.

— Помилуйте, твердилъ Блиновъ, напирая то на одного изъ своихъ слушателей, то на другого и нисколько не скрывая своего негодованія, только понижая голосъ изъ предосторожности,—помилуйте, я ли не хлопоталъ для этого заведенія? Обѣщано было и то, и сё,—что жъ вышло? Всѣ получили,—я ничего!.. Главное, что́ обидно? Труды и время потеряны! То, что здѣсь было мнѣ обѣщано, я могъ получить изъ другого вѣдомства...

Онъ умолкъ, услышавъ шумъ возвращавшагося шествія.

Столы, между тѣмъ, были уже разставлены по всей столовой; на одномъ изъ нихъ, предназначавшемся для именитыхъ лицъ и дамъ, передъ каждымъ кувертомъ красовался пышный букетъ цвѣтовъ. Два купца,—изъ коихъ одинъ извѣстный уже Жигулевъ,—которыхъ Иванъ Иванычъ уговорилъ устроить завтракъ, съ видимымъ удовольствіемъ глядѣли на приготовленія и поглаживали бороды.

Пробѣжали опять *попугайчики*, шепнули что-то другъ другу и разбѣжались; одинъ устремился къ главному офиціанту, другой къ Ивану Иванычу, предупредить, что все готово.

Но теперь уже торжественное шествіе двигалось какъ-то вяло; на всѣхъ лицахъ проступало утомленіе; многія выражали смертельную скуку. Хотя графъ все еще продолжалъ улыбаться, но видно было, что и онъ также уходился.

Красивый камеръ-юнкеръ, въ перебивку съ однимъ изъ *попугайчиковъ*, шепнулъ что-то Воскресенскому, тотъ наклонился къ графу, графъ кивнулъ головою и повелъ свою даму къ столу, украшенному букетами. Послѣдовалъ новый знакъ со стороны Ивана Иваныча. Регентъ распростеръ руки, и мальчики, выстроенные рядами, хоромъ подхватили предобѣденную молитву. Съ окончаніемъ пѣнія, мѣсто регента заступили два гувернера; одинъ сталъ во главѣ мальчиковъ, другой въ концѣ послѣдняго ряда, и оба повели ихъ куда-то; но дѣти безпрестанно сбивались и никакъ не могли попасть въ ногу, вѣроятно, еще по непривычкѣ ходить по паркету, а, можетъ, и потому также, что мысли ихъ путались при видѣ чудныхъ лососинъ, обложенныхъ раками, которыхъ офиціанты поддерживали въ отдаленіи на серебряныхъ блюдахъ.

Священникъ, между тѣмъ, успѣлъ благословить трапезу. Графъ опустился въ кресло, и все вокругъ зашумѣло, усаживаясь по мѣстамъ.

— Сядемте-ка рядомъ, шепнулъ Бериксонъ Зиновьеву.

— Я завтракать не стану...

— Я также... только, знаете, теперь какъ-то неловко уйти... Сядемте для проформы...

Алексѣй Максимычъ согласился, и они усѣлись на дальнемъ концѣ стола.

Въ первое время все какъ бы успокоилось. Внезапно, со стороны почетнаго стола, все разомъ зашумѣло и всѣ встали. Послышался голосъ графа. Невозможно было издали разобрать его словъ; но въ тотъ же мигъ мужскіе и женскіе голоса слились въ одинъ звукъ; со всѣхъ сторонъ поднялись руки и замахали платки; за первымъ залпомъ послѣдовалъ второй и третій и снова все на минуту успокоилось. Нежданно поднялся Иванъ Иванычъ. Бокалъ дрожалъ въ его рукѣ: большія мясистыя уши его были блѣдны, какъ у мертвеца; бѣлые зрачки его безпокойно задвигались по направленію къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ графъ. Наступило молчаніе.

— Милостивыя государыни, милостивые государи! проговорилъ онъ глухимъ, взволнованнымъ голосомъ,—всѣхъ насъ соединило здѣсь одно чувство,—чувство благодарности, чувство сердечной признательности къ тому, кто поспѣшилъ отвѣтить на душевныя желанія наши, прибавивъ къ существующимъ уже благотворительнымъ учрежденіямъ любезнаго нашего отечества новое убѣжище

для неимущихъ и страждущихъ... Новое учрежденіе есть не что иное, какъ выраженіе высокой души его учредителя... Онъ положилъ въ него свою мысль, свой трудъ, свое сердце!.. Здоровье его сіятельства графа! Ура!.. уррра!!.. а!.. а!..

Стѣны *центральнаго образцоваго пріюта* дрогнули отъ напора крика. Со всѣхъ концовъ снова замахали платками и поднялись руки съ бокалами. Въ одно мгновеніе графъ былъ окруженъ толпою. Изъ-подъ протянутыхъ къ нему рукъ безпрестанно выскакивали головы, часто стукавшіяся другъ о дружку. Купецъ Жигулевъ нечаянно такъ сильно двинулъ подбородкомъ въ глазъ одному изъ попугайчиковъ, что тотъ вскрикнулъ и чуть не выронилъ бокала на сапогъ графа.

Алексѣй Максимычъ не видалъ этого, но ему потомъ говорили, что въ эту торжественную минуту графъ прослезился: онъ дѣйствительно казался растроганнымъ, когда благодарилъ за сдѣланную ему честь, и затѣмъ предложилъ тостъ за здоровье Ивана Иваныча, назвавъ его своимъ усерднымъ помощникомъ.

Тутъ уже пошли одинъ за другимъ разные тосты. Предлагали здоровье предсѣдательницъ и предсѣдателей, членовъ совѣта, великодушныхъ жертвователей, попечителей, наставниковъ и подъ конецъ всѣхъ сочувствующихъ дѣлу благотворительности. Графъ всякій разъ вставалъ и, слегка приподнявъ бокалъ, посылалъ привѣтливый знакъ рукою.

— Графъ, я вамъ скажу, самъ по себѣ добрякъ, шепталъ между тѣмъ Бериксонъ своему сосѣду,—одно жаль: далъ себя оплести Воскресенскому! И хороша, знаете, говядина, а сядетъ на нее скверная муха — все испортитъ!.. Тутъ уже не муха, а цѣлый шмель! Я вѣдь его насквозь знаю!.. Да и всѣ остальные мнѣ хорошо извѣстны... Вотъ, напримѣръ, эту толстуху, которая тамъ пыжится (онъ указалъ глазами на Шилохвостову), также знаю... Когда начиналась война, она вездѣ съ кружкой ко всѣмъ приставала... Разъ даже въ Лѣтнемъ саду видѣлъ ее въ раскрашенной бесѣдкѣ,—знаете, гдѣ разыгрывали томболу для какихъ-то сиротъ... Сама, знаете, вертитъ одной рукой колесомъ и всѣмъ умильно улыбается, а другая-то рука,—смотрю: шлепъ за спиною какую-то дѣвочку изъ самыхъ этихъ дежурныхъ сиротъ... Также, знаете, благотворительница!..

Стукъ ножами и вилками о тарелки и стаканы неожиданно прервалъ Бериксона. За однимъ изъ столовъ поднялся лысый господинъ съ распушенными рыжеватыми бакенами; давъ тишинѣ установиться, онъ обратился лицомъ къ графу и началъ говорить рѣчь.

— Все вретъ, не слушайте! принялся снова нашептывать Бериксонъ.—Я его также хорошо знаю; сегодня говоритъ о милосердіи, вчера распространялся о пользѣ общественныхъ клозетовъ... Говоритъ обо всемъ съ одинаковымъ чувствомъ, и рѣчь всегда одна и та же: только слова переставляетъ... Также, знаете, дѣятель и благотворитель! Кого онъ облаготворилъ—неизвѣстно, но себя облаготворилъ наилучшимъ манеромъ; смотрите-ка, какъ украсился! Ну, и чинъ также... и другимъ также кое-чѣмъ округлилъ себя... Съ послѣднимъ чиномъ случилась даже исторія: получилъ онъ его за балъ.

— Какъ за балъ? невольно вырвалось у Зиновьева.

— Да, за костюмированный балъ, который устроилъ онъ съ француженками для „Общества Полярной звѣзды": говорятъ даже, одну изъ этихъ француженокъ возили почти раздѣтую въ какой-то колесницѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, изволите ли видѣть: Флору, богиню цвѣтовъ, изображала... Представленъ былъ къ слѣдующему чину; въ тотъ годъ это была уже третья награда; первую получилъ изъ тюремнаго вѣдомства, вторую за особенныя заслуги, какъ членъ совѣта попечительства о слѣпыхъ вдовахъ, третью черезъ посредство „Полярной звѣзды"; многіе изъ нихъ такъ дѣлаютъ; у каждаго по нѣсколько такихъ лазеекъ: здѣсь не выгорѣло, тутъ цапнетъ! Я ихъ всѣхъ знаю, этихъ благотворителей, или, вѣрнѣе, акробатовъ благотворительности... И между ними какъ какой-нибудь Чинизелли...

— Чинизелли? спросилъ удивленный Зиновьевъ.

— А Воскресенскій-то! Развѣ онъ не директоръ благотворительнаго цирка?.. А тотъ-то, смотрите, все еще не кончилъ своей рѣчи; все тянетъ свою канитель, не замѣчая, что всѣхъ уже начинаетъ тошнить отъ скуки...

Бериксонъ былъ правъ. Всюду, куда ни обращался взоръ, головы принимали наклоненное положеніе; на лицахъ, смотрѣвшихъ прямо, изображались тоска и уныніе; нѣкоторые изъ присутствующихъ, не церемонясь, разговаривали. Другіе начинали выказывать явные знаки нетерпѣнія. Въ залѣ становилось нестерпимо душно: къ

тому же, сумерки замѣтно надвигались. Голосъ оратора едва ужъ слышался; наконецъ, онъ замолкъ; кое-гдѣ слабо захлопали въ ладоши; но звуки эти мгновенно пропали среди внезапнаго гама голосовъ, шарканья ногъ и шума передвигаемыхъ стульевъ. Все вдругъ задвигалось и заколыхалось.

Случайно ли, или умышленно, но въ общей суетѣ Алексѣй Максимычъ потерялъ всесвѣдущаго Бериксона. Онъ думалъ о томъ только, какъ бы скорѣе выбраться къ выходной двери, заблаговременно поспѣть въ прихожую и отыскать свое пальто. Въ прихожей такъ уже стемнѣло, что едва можно было различать лица. Зиновьевъ разсмотрѣлъ Блинова потому только, что тотъ стоялъ неподалеку отъ него и у самаго окна. Черты Блинова были попрежнему напряжены и выражали разстройство; надѣвая медвѣжью шубу, онъ, въ то же время, горячо о чемъ-то толковалъ двумъ господамъ, стоявшимъ передъ нимъ въ шляпахъ. Зиновьевъ, проходя мимо, разслышалъ только слѣдующія слова:

— Надулъ, надулъ!.. Я бы пальцемъ о палецъ не ударилъ, кабы зналъ прежде... Помилуйте, потерялъ здѣсь то, что могъ получить изъ другого вѣдомства...

Зиновьевъ очень обрадовался, когда успѣлъ, наконецъ, выбраться на свѣжій воздухъ.

Предположенія племянника и Маруси нисколько не оправдались: дѣдушка вернулся домой дѣйствительно не совсѣмъ веселымъ, но затѣмъ не послѣдовало ничего особенно неблагопріятнаго...

XVI.

Два года спустя послѣ освященія церкви и открытія *центральнаго образцоваго пріюта*, подъ осень, въ квартирѣ Зиновьева было необыкновенно весело. Не считая, что это былъ день его рожденія, въ этотъ день праздновалось также возвращеніе Сережи изъ Италіи, гдѣ провелъ онъ годъ послѣ полученія въ академіи, за свою программу, первой золотой медали. Не мало прибавляло къ радости еще то обстоятельство, что Сережа возвращался не съ пустыми руками. Въ Италіи онъ познакомился съ русскимъ богачомъ и по его заказу исполнилъ ему проектъ дома; проектъ понравился, и молодому архитектору поручено было его исполненіе, какъ только онъ вернется въ Петербургъ.

Сережу также ожидала дома пріятная новость: академія купила у дѣдушки весь запасъ его рисунковъ, обязавшись ежегодно выплачивать ему извѣстную сумму.

Но радости и горе никогда по свѣту не ходятъ одиноко. Если ужъ то или другое повернулось лицомъ, такъ ужъ валитъ безо всякаго удержу.

Мѣсяцъ спустя, новая радость посѣтила домъ Алексѣя Максимыча: праздновалась свадьба давно, можно сказать, съ самаго дѣтства полюбившихъ другъ друга Маруси и Сережи. Постороннихъ никого почти не было, но отъ этого не было скучнѣе. Алексѣй Максимычъ такъ расходился подъ вечеръ, что не удовольствовался танцовать съ молодой, но протанцовалъ, выдѣлывая по-старинному маленькія вычурныя па и балансе, двѣ кадрили,—одну съ Катей, другую съ Соней.

Если въ теченіе этихъ послѣднихъ дней ни разу не говорилось о непріятностяхъ, испытанныхъ когда-то дѣдушкой при постройкѣ церкви *центральнаго образцоваго пріюта*, на этомъ вечерѣ подавно никто объ этомъ не вспомнилъ. Въ случаѣ, если бъ кто-нибудь и вздумалъ коснуться этого предмета, онъ встрѣтилъ бы со стороны дѣдушки полнѣйшее равнодушіе. Онъ и прежде, въ трудные дни, не помнилъ зла,—до такихъ ли чувствъ было ему теперь, когда сердце переполнялось столькими радостями?

Ему рѣдко даже приходили на умъ лица, съ которыми имѣлъ онъ дѣло при постройкѣ церкви. Ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ никогда не встрѣчался. Живя постоянно въ семьѣ и окруженный художественными интересами, онъ, безъ всякаго сомнѣнія, совсѣмъ бы забылъ о нихъ, если бъ, проходя однажды по Невскому проспекту мимо Милютиныхъ лавокъ, не встрѣтилъ случайно кривобокаго Бериксона.

— Помилуйте-скажите, воскликнулъ Бериксонъ, обрадовавшись ему, какъ будто они не только вмѣстѣ дѣтей крестили, но родились отъ одной матери,—куда вы тогда пропали?

— Когда? спросилъ удивленный Зиновьевъ

— Да тогда, послѣ этого обѣда! съ такой живостью подхватилъ Бериксонъ, что можно было думать, будто обѣдъ, о которомъ онъ говорилъ, происходилъ наканунѣ.— Очень радъ встрѣтиться... Сейчасъ узналъ новость... Но, можетъ-быть, вы уже слышали?..

— Нѣтъ...

— Тѣмъ лучше! Вообразите: Воскресенскій получилъ новую награду! Представленъ былъ къ ней обществомъ „Распространенія нравственныхъ правилъ въ низменныхъ классахъ петербургскаго населенія и преимущественно между ломовыми извозчиками“... Что вы на это скажете?

Нимало не смущаясь тѣмъ, что собесѣдникъ ничего не возразилъ, Бериксонъ продолжалъ съ возраставшимъ воодушевленіемъ:

— А графъ-то, бѣдный графъ! Представьте: лишился сына! Въ какомъ-то ресторанѣ, въ четыре часа ночи, — хлопъ — и не стало! Памятникъ порученъ архитектору Бабкову... Разумѣется, Воскресенскій подвернулъ его графу. Онъ теперь выводитъ Бабкова; у нихъ общее дѣло: строятъ новый пріютъ для общества „Призрѣнія дѣтей штукатуровъ и кровельщиковъ, лишившихся жизни во время производства работъ“... Тутъ, понимаете, опять сюда попадетъ! (Бериксонъ выразительно щелкнулъ себя по лѣвому отвороту пальто). Ну, а съ живописцемъ, которому тогда протежировалъ, разошелся. Живописцу хотѣлось,—вынь да положь,—сдѣлаться главнымъ преподавателемъ рисованія въ *образцовомъ пріютѣ;* разумѣется, съ тѣмъ опять, чтобы что-нибудь сюда зацѣпить (тутъ Бериксонъ снова пустилъ выразительный щелчокъ въ лѣвый отворотъ пальто). Воскресенскій сначала было опредѣлилъ его, но тутъ же оказалось, что живописецъ совсѣмъ рисовать не умѣетъ! Ну, ему и отказали; онъ принялъ это въ обидную для себя сторону, разсердился и теперь ищетъ другую лазейку... Съ этой толстой... какъ бишь ее?.. да, Шилохвостовой... также случилась исторія; я не успѣлъ еще точно разслѣдовать, въ чемъ дѣло, въ чемъ собственно ее уличили,—знаю только, что уличили!.. Но она дама юркая, вывернется! Какъ-нибудь свои же выручатъ; общій интересъ, знаете! „Благотвори сколько хочешь, забирай сколько можешь, но не доводи до скандала“, — вотъ и вся задача... И они правы, м. г., правы! Примѣръ передъ вами, живой примѣръ, — заговорилъ, воодушевляясь, Бериксонъ, — не имѣвъ возможности дѣйствовать по благотворительной части, я, м. г., какъ родился, такъ и остался; мнѣ за пятьдесятъ лѣтъ,—удостойте меня взглядомъ: у меня ничего нѣтъ; даже медалишки какой-нибудь, и той не имѣю! Будь я благотворитель, не то бы было! Благотворительность, скорбь о народѣ, общественная поль-

за, забота о ближнемъ для иныхъ, доложу вамъ, тотъ же банкъ; клади въ него все, что имѣешь,—получишь самые крупные проценты!..

— Вы, кажется, слишкомъ ужъ строги, произнесъ Алексѣй Максимычъ, съ тѣмъ, чтобы сказать что-нибудь, — не всѣ же такъ... есть исключенія; по-моему, благотворительность...

— Вы какъ ее понимаете, осмѣлюсь спросить?

— Право, не знаю, какъ объяснить вамъ... Дѣлать добро просто...

— Просто! не далъ опять договорить Бериксонъ.—Просто! Это значитъ по-христіанскому: помогай такъ, чтобы правая твоя рука не знала, что совершаетъ лѣвая! Я противъ этого ничего не имѣю; да и кто жъ противъ этого что-нибудь скажетъ? Я говорю о той благотворительности, которая мечется въ глаза и оскорбляетъ въ насъ и нравственное, и религіозное чувство! Помилуйте-скажите, какая тутъ благотворительность, когда одни *жертвуютъ* деньги съ тѣмъ, чтобы получить что-нибудь, а другіе на эти деньги *благотворятъ съ тѣмъ, чтобы также получить*... но уже не что-нибудь, а гораздо больше первыхъ: пролѣзть въ люди, сдѣлать себѣ карьеру, нахватать всякихъ земныхъ благъ, и все это, сударь мой, на счетъ сиротъ, вдовъ и калѣкъ всякаго рода, на счетъ того, изволите ли видѣть, что ихъ очень ужъ глубоко затрогиваетъ общественная польза и народныя скорби? Ну, что же это, помилуйте-скажите, если не фиглярство, не шарлатанство,—хуже этого: не пройдошество и не надувательство? И есть же, помилуйте-скажите, люди, которые имъ вѣрятъ! И все сходитъ имъ съ рукъ, — все рѣшительно! Въ древней Греціи, говорятъ, было такое племя: хіосцами называли; имъ по указу какихъ-то эфоровъ дозволялось пакостить всенародно, такъ же вотъ, какъ и этимъ благотворителямъ... Они пакостятъ, всѣмъ тошно, а имъ ничего, только процвѣтаютъ!..

Но на этомъ мѣстѣ пути Алексѣю Максимычу надо было поворотить влѣво къ Казанскому собору; онъ распрощался съ Бериксономъ и былъ радъ-радешенекъ, когда доплелся домой и очутился въ семьѣ своей.

СОНЪ КАРЕЛИНА.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА «ПЕТЕРБУРГЪ ПРОШЛАГО ВРЕМЕНИ».)

I.

... Ни наканунѣ, ни даже за нѣсколько дней передъ тѣмъ, я вовсе не думалъ о Петербургѣ. Между тѣмъ, едва начинаю припоминать вчерашній сонъ, всѣ мои представленія ближайшимъ образомъ связываются съ этимъ городомъ.

Безъ всякаго предварительнаго перехода я увидѣлъ себя на Сенатской площади, и первое мое впечатлѣніе соединяется съ ощущеніемъ нестерпимаго холода. Я стоялъ на самомъ углу сенатскаго зданія, подлѣ высокаго гранитнаго фундамента, который закругляется въ этомъ мѣстѣ къ Англійской набережной. Тутъ всегда бываетъ вѣтрено, даже въ тихую погоду; но теперь острый вѣтеръ, налетавшій порывами отъ Исаакія къ Невѣ, захватывалъ духъ и невольно заставлялъ ежиться. Лицо щемило отъ мороза.

Низко надвинувъ на глаза мѣховую шапку, стараясь какъ можно глубже уйти въ приподнятый воротникъ шубы, оттаявшій тамъ, гдѣ проходило дыханіе, — я смотрѣлъ на все окружающее съ любопытствомъ, къ которому неотвязчиво примѣшивалось грустное чувство.

По плитамъ тротуара перебѣгали, скользя и пересыпаясь, острыя струи сухого снѣга; набиваясь въ углубленныя части сенатскаго зданія и закручиваясь тамъ воронкой, снѣгъ стремился дальше по вывѣтренной мостовой съ голыми сѣрыми булыжниками, казавшимися мнѣ холоднѣе самого мороза. Все вокругъ было тусклаго, сѣ-

роватаго цвѣта: снѣгъ отвердѣлъ, какъ алебастръ, хрустѣлъ и визжалъ отъ прикосновенія. Никто мимо не проходилъ и не ѣхалъ. Я заключилъ, что было еще рано. Въ такіе зимніе дни никогда, впрочемъ, не свѣтаетъ раньше восьмого часа утра.

Передо мной, въ нѣсколькихъ шагахъ, тянулась гранитная набережная: надъ ней прямо возвышался рыбный садокъ съ большими стеклянными окнами, въ которыя должно было продувать какъ сквозь рѣшето: еще дальше разстилалась снѣжная равнина Невы, освѣщенная небомъ такого же унылаго, непривѣтливаго цвѣта, какъ и все остальное. На отдаленномъ берегу едва-едва обрисовывалось блѣдно-розовымъ длиннымъ пятномъ зданіе перваго кадетскаго корпуса. Слѣва, но гораздо уже дальше, сквозь морозную мглу, обозначались арки Николаевскаго моста. За этими арками, за этимъ мостомъ рѣшительно уже ничего не было видно.

Меня мысленно почему-то перенесло вдругъ въ ту сторону, за этотъ мостъ, за эти арки, въ пространство снѣжныхъ равнинъ, по которымъ свободно ходила теперь мятель. Тамъ, вдалекѣ, мутнымъ пятномъ промелькнулъ Кронштадтъ, затертый вокругъ льдомъ и засыпанный снѣгомъ; далѣе—опять снѣгъ, опять пустыня съ вихрями и суровыми порывами вѣтра; еще дальше—тамъ, въ какой-то безконечности, далеко-далеко — сверкнуло неожиданно открытое море, съ катящимися холодными волнами. Дальше море уже не прерывалось, но оно становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй; надъ моремъ въ небѣ мѣстами открывались голубые просвѣты. Еще дальше—солнечный лучъ скользилъ уже по волнамъ, и все тамъ — и небо, и воды, и дальніе берега—дышало тепломъ и свѣтомъ.

Помню, радостное,—до слезъ радостное,—чувство овладѣло вдругъ мною; какъ птица, хотѣлъ я взмахнуть крыльями и съ крикомъ броситься впередъ. Но солнечная, улыбающаяся даль мгновенно исчезла, и снова очутился я на Сенатской площади, снова съ болѣзненнымъ замираніемъ сердца увидѣлъ передъ собою сѣрый, вывѣтренный булыжникъ мостовой и тусклую, промерзлую набережную Невы, съ садкомъ надъ нею.

Вѣтеръ усиливался и нестерпимо начиналъ рѣзать лицо. Было такъ холодно, такъ нестерпимо было холодно, что, казалось, весь Ледовитый океанъ тронулся съ мѣста, надвинулся и остановился тамъ, гдѣ-то за Васильевскимъ

островомъ. Я окончательно ушелъ въ воротникъ шубы. Минуту спустя, приподнявъ рѣсницы, увидѣлъ я справа памятникъ Петра. Всадникъ и подъ нимъ конь, такъ быстро взбѣжавшій на скалу, казалось, примерзли къ граниту; самая скала показалась мнѣ промерзшею насквозь до глубины своей сердцевины. Внутри памятника, въ пустомъ пространствѣ, прикрытомъ бронзовою оболочкой коня и всадника, долженъ былъ нарасти густой слой игловатаго инея; снаружи, на выступающихъ частяхъ памятника, бронза отливала холоднымъ глянцемъ, отъ котораго озноб проходилъ по членамъ, и только на простертой рукѣ Петра, да еще на лаврахъ, покрывающихъ его голову, бѣлѣлъ снѣгъ, обозначавшійся бѣловатыми пятнами въ сѣромъ, обледенѣломъ воздухѣ.

II.

Не помню, сколько времени простоялъ я на одномъ мѣстѣ (быть-можетъ, всѣ эти впечатлѣнія потребовали только одной секунды), когда вниманіе мое неожиданно было обращено къ Исаакіевской площади. Тамъ что-то двигалось. Въ первую минуту я ничего не могъ различить изъ-за морозной мглы, въ которой тушевались и тонули всѣ предметы; спустя нѣсколько времени, увидѣлъ я толпу, медленно приближавшуюся въ мою сторону.

Сначала все шли мальчики, разставленные попарно, такимъ образомъ, что задняя пара постепенно была выше передней; головы ихъ, безъ шапокъ, туго были перевязаны платками; они, повидимому, ежились въ плохихъ шубенкахъ и неровно передвигали ногами, стараясь при каждомъ шагѣ шевелить пальцами ногъ въ глубинѣ неуклюжихъ саноговъ. Далѣе, также попарно и также съ перевязанными головами, шли совершенно уже зрѣлые люди, иные — съ рѣзкими, угловатыми чертами, другіе — съ опухшими, багровыми и крайне нахмуренными лицами. За ними выступала группа священниковъ и дьяконовъ, бо̀льшею частью плотныхъ, хорошо выкормленыхъ, закутанныхъ въ лисьи шубы съ приподнятыми воротниками: двое были въ камилавкахъ и одинъ изъ нихъ, согбенный старичокъ, шелъ дробнымъ шажкомъ, скрестивъ руки, глубоко запрятанныя въ лиловую муфту.

Помню, — очень хорошо помню, — мнѣ особенно стало жалко лицъ, слѣдовавшихъ за духовенствомъ: ихъ было шесть или семь; они шли одинъ за другимъ, какъ утки

ходятъ на воду; хотя головы ихъ и были покрыты, но они, видимо, коченѣли отъ холода. На рукахъ каждаго красовалась подушка, туго набитая сѣномъ, обтянутая краснымъ трипомъ и обшитая позументомъ, точно жеванымъ; иней, покрывавшій подушки, обивался только посерединѣ, тамъ, гдѣ вздрагивали крестъ или медаль, пришпиленные булавкой. Наконецъ, показался и катафалкъ, везомый четырьмя лошадьми, покрытыми чернымъ суконнымъ чехломъ съ картонными, неровно, — очевидно, наскоро, — вырѣзанными и ярко размалеванными гербами. Лошади шли, мотая головами и пуская изъ ноздрей густыя струи пара; колеса надавливали визжавшій снѣгъ; пучки обдерганныхъ страусовыхъ перьевъ на верхнихъ углахъ катафалка судорожно вздрагивали и вздрагивалъ также гробъ на своихъ посеребренныхъ ножкахъ, также наскоро обточенныхъ и также криво стоявшихъ на платформѣ. Гробъ былъ обитъ чернымъ сукномъ съ серебрянымъ галуномъ; на крышкѣ красовалась треугольная шляпа съ золотымъ жгутомъ и бѣлымъ плюмажемъ, казавшимся снѣжною бахромой; между крышкой и краемъ гроба выглядывала коленкоровая сплойка, вырѣзанная фестонами; вздрагивая, какъ рюшь на чепцѣ старухи, она сбрасывала иней, сыпавшійся на платформу.

Внутри гроба должно было быть теперь страшно холодно; покойникъ, провезенный отъ дома до Сенатской площади, долженъ былъ постепенно остывать и замерзать; на площади, гдѣ морозъ и вѣтеръ были еще сильнѣе, покойникъ, безъ всякаго сомнѣнія, успѣлъ уже совсѣмъ замерзнуть, такъ что въ гробу везли уже собственно мерзлаго генерала, одѣтаго въ парадный мундиръ съ лаковыми сапогами на окоченѣвшихъ ногахъ.

За гробомъ шло нѣсколько человѣкъ до такой степени уже закутанныхъ, что не было возможности разсмотрѣть ихъ лицъ; шествіе замыкалось каретами съ поднятыми до верху стеклами, разукрашенными причудливыми снѣжными узорами.

Пѣвчіе заворачивали уже за уголъ сената, на Англійскую набережную, когда мнѣ пришло въ голову спросить имя штатскаго генерала, котораго хоронили. Оказалось, я зналъ его. Къ удивленію моему, извѣстіе о его кончинѣ не сдѣлало на меня никакого впечатлѣнія. Знакомство наше ограничивалось, впрочемъ, поклонами и улыбками при встрѣчѣ на Невскомъ проспектѣ. Покой-

никъ, между тѣмъ, сколько помнится и сколько я о немъ слышалъ, былъ человѣкъ весьма любезный, съ мягкими глазами, какъ у сетера, искавшими какъ бы постоянно случая сдѣлать вамъ одолженіе. Его очень любило начальство въ силу именно этихъ мягкихъ свойствъ его природы. Онъ занималъ поочередно нѣсколько видныхъ мѣстъ самаго разнообразнаго, противуположнаго характера, и хотя шелъ тихо, безъ треску,—шелъ, какъ говорится, на замшевыхъ подошвахъ,—но подвигался вѣрною, твердою стопой къ повышеніямъ. Въ послѣднее время говорилось даже о какомъ-то новомъ назначеніи, о какой-то комиссіи, гдѣ обходительность и мягкость нрава составляли главное условіе.

„Вотъ тебѣ и комиссія! подумалъ я невольно. И точно: еще версты полторы по морозу мимо Васильевскаго острова, а тамъ — мерзлая яма, вокругъ которой два-три могильщика топчутся теперь въ снѣгу съ заступами, бьютъ рукавицами и, вѣроятно, бранятся отъ нетерпѣнія скорѣе покончить дѣло и получить на водку.—Вотъ тебѣ и комиссія!.. Но это еще что̀! продолжалъ я разсуждать самъ съ собою,—это что̀! А вотъ потомъ, когда обрядъ похоронъ совершится и всѣ разойдутся и разъѣдутся, когда быстро набѣжавшія зимнія петербургскія сумерки превратятся въ глухую ночь; когда человѣкъ этотъ, еще нѣсколько дней тому назадъ такъ мягко говорившій и такъ ласково улыбавшійся въ кругу друзей и знакомыхъ, останется вдругъ одинъ въ гробу и въ этой мерзлой могилѣ,—одинъ въ углу Смоленскаго кладбища, — одинъ, далеко ото всѣхъ, среди почной тьмы и снѣжной пустыни съ гуляющею вокругъ метелью“...

III.

Проводивъ глазами послѣднюю карету, я машинально, безъ всякой цѣли, направился къ собору Исаакія Далматскаго, снова застроеннаго лѣсами, показывающими неусыпную заботливость и дѣятельность комиссіи публичныхъ зданій. Тутъ я замѣтилъ уже нѣкоторое оживленіе. Мимо проѣзжали извозчики съ отмороженными, обвязанными лицами; торопливо проходили, скрипя по снѣгу, скорченные, укутанные люди. Громадныя колонны собора такъ настыли на своихъ бронзовыхъ постаментахъ, между ними ходилъ и гудѣлъ такой нестерпимый вѣтеръ, что, помнится, мною руководила одна только мысль: пройти, пройти мимо, какъ можно скорѣе.

Приближаясь къ Малой Морской, при самомъ входѣ въ нее, я увидѣлъ нѣсколькихъ человѣкъ, стоявшихъ почти посерединѣ улицы. На этомъ мѣстѣ въ мостовой только-что образовался провалъ; это обстоятельство приводило въ суету двухъ городовыхъ, изъ которыхъ одинъ, отличавшійся особенною расторопностью, принадлежалъ, очевидно, къ еврейскому племени. „Господа, господа! Начальство приказываетъ, начальство!“—повторялъ онъ, дѣлая усилія, чтобы умягчить свой голосъ, между тѣмъ какъ кулаки его сжимались и глаза пожирали двухъ дворниковъ, флегматически стоявшихъ въ овчинныхъ тулупахъ. Дѣло, изволите видѣть, состояло въ томъ, что блюстители общественнаго порядка, опасаясь появленія начальства, должны были какъ можно скорѣе поставить надъ проваломъ какой-нибудь предостерегательный значокъ; съ этою цѣлью каждый изъ нихъ по очереди успѣлъ уже обѣгать сосѣдніе дома, выпрашивая у дворниковъ негодную кадку, обломокъ доски, метлу, ящикъ и т. д. Встрѣчая повсюду неудачу, городовые приходили уже въ совершенное недоумѣніе, когда неожиданно изъ ближайшаго дома показался дворникъ, неохотно тащившій сколоченный кое-какъ изъ досокъ ящикъ; на крышкѣ написано было: *Шитъ*, сбоку красовались буквы: „К“ и „Ф“, окруженныя лавровымъ вѣнкомъ, криво и косо выведеннымъ сажей по трафарету. Провалъ мостовой былъ, такимъ образомъ, немедленно покрытъ, и тогда начались споры о фонарѣ, долженствовавшемъ украсить ящикъ, для охраны жителей въ ночное время. „Какъ! даже здѣсь щепочки, мочала и лукошки! подумалъ я, уходя съ головой въ шубу и мысленно уходя въ самого себя, — здѣсь, чуть ли не на самомъ видномъ мѣстѣ столицы, гдѣ ежедневно собирается столько комитетовъ“... При этомъ я невольно оглянулся, но подлѣ меня никого не было; испугавшись, тѣмъ не менѣе, направленія моихъ мыслей, я поспѣшилъ повернуть въ Большую Морскую.

Надо думать, былъ большой праздникъ: всѣ дома Большой Морской украшались шестами съ висѣвшими цвѣтными флагами; самыми яркими и большими показались мнѣ флаги надъ домомъ ламповаго магазина Штанге и передъ фасадомъ другого ламповаго магазина—Кумберга. Съ перваго взгляда могло казаться, что гг. Штанге и Кумбергъ праздновали день своей серебряной свадьбы и Морская сочувственно отзывалась ихъ семейной радости.

Одумавшись, я вспомнилъ, однакожъ, что флаги гг. Штанге и Кумберга всегда спѣшили выставляться съ тѣмъ же великолѣпіемъ при первомъ намекѣ полиціи объ усердіи обывателей въ дѣлѣ украшенія торжественныхъ дней „Сѣверной Пальмиры“, какъ говорилъ когда-то столь преждевременно скончавшійся Булгаринъ.

Но потому ли, что бо́льшая часть этихъ флаговъ успѣла уже полинять отъ частаго употребленія, потому ли, что дома Морской заслоняли вѣтеръ и флаги, вынесенные нѣсколько сырыми, успѣли застыть на морозѣ и висѣли недвижно, потому ли, наконецъ, что пестрота и краски, хотя и полинявшія, рѣзко нарушали гармонію тускло-бѣлесоватаго морознаго утра, — во всей этой торжественности, при двадцати-градусномъ морозѣ, чувствовалась какая-то натяжка, что-то заказное, неестественное, насильственное, напоминавшее улыбку человѣка, которому на самомъ дѣлѣ хочется заплакать.

Искусственно-праздничный видъ домовъ, стѣнныя архитектурныя украшенія, осыпающіяся ежегодно, ежегодно подновляемыя и теперь забитыя снѣгомъ, обмерзлые водосточные желоба, пѣшеходы, кутавшіеся съ усиліемъ въ шубы съ поднятымъ воротникомъ, окруженнымъ инеемъ подлѣ рта, шершавыя клячи, пускавшія паръ изъ ноздрей, сухой снѣгъ и метель, сурово проносившаяся поперекъ Морской изъ Гороховой улицы, — все это невольно переносило мысль къ той части Невы, гдѣ, къ этому времени, пріѣзжіе мезенскіе рыбаки ставятъ обыкновенно свою юрту и гдѣ подлѣ нея можно тогда видѣть нѣсколько тощихъ оленей, такихъ же почти бѣлыхъ, какъ снѣгъ, на которомъ они стоятъ съ понурыми головами.

Вотъ тамъ, въ этой части города, все какъ будто на своемъ мѣстѣ, на своей почвѣ, ничто не нарушаетъ гармоніи и все кажется совершенно естественнымъ и нормальнымъ.

IV.

Старанія придать торжественный видъ Невскому проспекту были еще менѣе удачны. Ширина улицы и вышина домовъ скрадывали размѣры флаговъ; послѣдніе, кромѣ того, поминутно обвертывались вокругъ шестовъ, повинуясь вѣтру, который, налетая прямо отъ московскаго вокзала, гналъ передъ собою тучи снѣгу и наполнялъ воздухъ снѣжною пылью, засыпавшею глаза.

У Полицейскаго моста я долженъ былъ остановиться. Мнѣ пересѣкъ дорогу туго набитый общественный экипажъ, состоявшій изъ просторныхъ открытыхъ саней, сколоченныхъ безъ затѣй, сколоченныхъ топоромъ, выкрашенныхъ помеломъ и запряженныхъ тремя клячами разной масти и различнаго возраста, съ торчавшею шерстью, какъ будто ее сначала намочили, потомъ взбудоражили и, наконецъ, заморозили; сбруя и постромки были также сборныя, случайныя; случайными были также шубенка и шляпа кучера: первая, очевидно, сшитая не по росту, не сходилась на груди и лопнула на плечѣ, выказывая пеструю ситцевую рубашку; вторая, украшенная кончикомъ общипаннаго павлиньяго пера, падала на глаза. Вѣроятно, она была куплена содержателемъ общественнаго экипажа сначала для кучера съ небольшою головой, но такъ какъ онъ тутъ же запилъ и затѣмъ такою же слабостью поперемѣнно одержимы были и другіе кучера, то шляпа стала безразлично переходить къ тому, кто нанимался наканунѣ.

Лицо кучера, сидѣвшаго самымъ невозможнымъ образомъ на провалившихся козлахъ, было, тѣмъ не менѣе, первое веселое лицо, которое встрѣтилось мнѣ въ это утро; выглядывая изъ-подъ неуклюжей шапки, оно ухмылялось навстрѣчу морозу и метели. Подергивая вожжами, но думая, очевидно, о чемъ-то другомъ, кучеръ, казалось, былъ нечувствителенъ къ прорѣхѣ, которая пропекала ему плечо, и не тревожился снѣгомъ, сыпавшимся ему за шею, похожую на древесную кору. Равнодушіе его къ случайностямъ дороги и настоящему предмету его занятій простиралось еще больше къ публикѣ, сидѣвшей за его спиною.

Публика была, однакожъ, многочисленна и заслуживала вниманія. Прежде всего бросался въ глаза положительно замерзшій, сѣдой штурманскій офицеръ; подлѣ въ теплой фуражкѣ съ наушниками и кокардой ежился плохо выкормленный чиновникъ золотушнаго вида, съ лицомъ, туго перевязаннымъ косынкой по случаю флюса, и державшій на рукахъ мальчика съ конфедераткой на головѣ. Рядомъ, въ рыжеватомъ напомаженномъ шиньонѣ, засыпанномъ снѣжною пылью, сидѣла, вѣроятно, его жена, потому что она поминутно и съ самымъ нетерпѣливымъ видомъ обдергивала наушники на конфедераткѣ ребенка. Телеграфистъ, двѣ закутанныя съ головою старушки, господинъ въ енотовой шубѣ, на половину съѣденной молью,

и багровый лабазникъ, подъ сидѣньемъ котораго общественныя сани скрипѣли болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ,—довершали сѣдоковъ.

На подножкѣ задней части экипажа топалъ ногами обутый въ валенки кондукторъ, человѣкъ съ опухлымъ синеватымъ лицомъ, отъ головы до ногъ совершенно оборванный. Кожаная перевязь его сумки, съ настывшими въ ея глубинѣ пятаками, давно лопнула и замѣнена веревочкою, перевязанною узлами. Махая по воздуху рукавицей съ высунутымъ большимъ пальцемъ, онъ охриплымъ голосомъ обращался къ проходящимъ, приглашая ихъ садиться въ сани.

Слѣдя за ними глазами, я вспомнилъ замѣчаніе одного иностранца, удивлявшагося у насъ въ Россіи смѣси какой-то естественной, но простодушной нищеты и рядомъ съ нею—искусственной, но холодной, какъ бы натянутой роскоши. И дѣйствительно, посмотрѣть въ одну сторону: перспектива великолѣпныхъ домовъ, блестящіе экипажи, уносимые стремглавъ дорогими рысаками, зеркальныя окна магазиновъ, ряды газовыхъ фонарей; посмотрѣть въ другую: въ непроглядную глубокую даль разсыпаны повсюду косыя бревенчатыя избы, бросаются въ глаза тощіе, кривые столбики, обдерганныя рогожи, веревочки, перевязанныя узлами, щепочки, мочалки, линялый ситецъ, общипанная овчина и проткнутыя лукошки...

— Здравствуйте! неожиданно произнесъ въ эту минуту подъ самымъ моимъ ухомъ звонкій, металлическій голосъ.

Обернувшись, я увидалъ сначала поднятый бобровый воротникъ; секунду спустя, показался маленькій, какъ пуговица, раскраснѣвшійся и вздернутый носъ и забѣгали быстрые глазки. Это былъ давнишній мой знакомый, нѣкто Иванъ Ивановичъ Пузыревъ.

— Каковъ холодокъ для праздника! Бррр!.. сказалъ онъ, отрѣзывая, по обыкновенію, каждое слово съ непостижимою отчетливостью. — Но это, надѣюсь, не помѣшаетъ намъ быть сегодня у княгини Астраханской?

— А что такое?

— Развѣ васъ не звали? Быть не можетъ! Я знаю, что звали. Сегодня у нея собирается весь обычный кругъ интересныхъ людей; самъ видѣлъ, какъ вамъ писали приглашеніе! Прощайте, однакожъ... Этакъ и носъ отморозишь... Мнѣ надо сюда...

И Пузыревъ быстро юркнулъ налѣво и такъ же быстро зашагалъ по набережной Мойки.

V.

Иванъ Ивановичъ Пузыревъ не ошибся, причисляя себя къ интереснымъ лицамъ Петербурга. Начавъ служебную карьеру безъ связей, безъ средствъ, не отличаясь при этомъ особенными талантами и даже трудолюбіемъ, онъ къ зрѣлому возрасту успѣлъ, какъ говорится, сдѣлать себѣ положеніе, т.-е. заручился крупнымъ чиномъ, виднымъ мѣстомъ и проскочилъ въ такъ-называемое „общество“. Тутъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Мы переживаемъ время, когда достаточно быть хитренькимъ чиновникомъ или лукавымъ офицеромъ, чтобы неожиданно сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Путеводною нитью Пузырева служили другія, также дѣйствительныя, но болѣе рѣдкія свойства. Обиженный со стороны талантовъ, онъ съ избыткомъ былъ надѣленъ дерзостью и нахальствомъ, которыми, какъ ловкій человѣкъ, пользовался искусно, разсчитывая свои ходы. Всѣмъ очень хорошо извѣстно, что за дерзость всего рѣже достается по носу въ русскомъ обществѣ, унаслѣдовавшемъ робость отъ исторіи и не получившемъ находчивости отъ природы. Нѣсколько часовъ спустя, особенно на другой день, вставши утромъ и накушавшись чаю, русскій человѣкъ всегда найдется, какъ отвѣтить на дерзость; придумаетъ, пожалуй, такую штуку, отъ которой у слона подкосятся заднія ноги; но въ первую минуту, въ критическій моментъ, русскій человѣкъ всегда почти опѣшиваетъ. Дѣло, между тѣмъ, сдѣлано: нахалъ вышелъ побѣдителемъ и беззаботно прогуливается по Невскому, засунувъ руки въ карманы и самодовольно поднявъ голову. Такъ какъ никто даже передъ самимъ собою не согласенъ быть жертвой дурака, дерзость незамѣтно устанавливаетъ за человѣкомъ репутацію умника. Такъ было и съ Пузыревымъ.

Въ его умѣ не было ничего педантическаго; онъ не стѣснялъ, а, напротивъ, какъ бы старался всегда облегчать тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался. На лицѣ его постоянно играла улыбка; въ сѣрыхъ, смѣло устремленныхъ глазахъ всегда свѣтилась готовность раздѣлить забаву богатой молодежи и сочувственно отнестись къ любовнымъ похожденіямъ именитыхъ стариковъ, важныхъ и недоступныхъ на видъ, но втайнѣ питающихъ нѣжность къ

французской кокоткѣ. Разъ даже, когда одинъ изъ такихъ старичковъ былъ временно очень нуженъ Пузыреву, онъ, чтобъ окончательно внушить ему довѣріе, самъ содержалъ француженку въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. „Помилуйте, зачѣмъ стѣсняться?—говорили, казалось, сѣрые глаза Пузырева, увѣренно посматривая на старичка,—зачѣмъ? Всѣ въ томъ же положеніи,—всѣ, рѣшительно всѣ!.. Видите, и я также... безъ этого даже невозможно!..“ Онъ, какъ видите, былъ на всѣ руки: гдѣ прыжкомъ, гдѣ бокомъ, а гдѣ и на карачкахъ.

Такимъ зналъ я всегда Ивана Ивановича до той самой минуты, когда встрѣтилъ его у Полицейскаго моста. Но здѣсь память измѣняетъ мнѣ: что̀ дальше грезилось мнѣ на Невскомъ проспектѣ, рѣшительно ничего не помню...

VI.

По мѣрѣ того, какъ память начинаетъ снова овладѣвать впечатлѣніями вчерашняго сна, я вижу себя на освѣщенной парадной лѣстницѣ въ домѣ Астраханскихъ. Сладостное ощущеніе тепла охватываетъ меня всего; я погружаюсь въ него, какъ въ пуховую перину, и слегка вздрагиваю, пока тепло не успѣло еще перейти въ кости.

Помню очень хорошо, въ первую минуту я чувствовалъ себя въ томъ неясномъ, безотчетномъ состояніи, которое предшествуетъ полному пробужденію; помню передъ собою ступени, устланныя доверху мягкимъ краснымъ ковромъ; помню, какъ пріятно было ставить на него ногу, не производя никакого шуму. На поворотахъ лѣстницы стѣны были установлены растеніями и цвѣтами; ихъ запахъ чувствительно распускался въ нагрѣтомъ воздухѣ. Наверху, изъ растворенныхъ дверей, свѣтъ ослѣплялъ глаза; издали слышался говоръ, проходило какъ будто трепетное шуршанье женскихъ платьевъ. Съ каждою ступенькой выше я болѣе и болѣе возвращался къ сознанію, и представленія дѣйствительности дѣлались яснѣе. Я точно до сихъ поръ сидѣлъ съ зажмуренными глазами въ темной холодной глубинѣ и тихо выплывалъ кверху, постепенно обогрѣваемый и ослѣпляемый свѣтомъ.

Въ бѣлой прихожей стояла группа лакеевъ съ завитыми головами, въ туго накрахмаленныхъ галстукахъ; одинъ изъ нихъ, быстро двигая длинными ногами, но съ важностью на лицѣ, прошелъ мимо, придерживая руками

шипѣвшую курительницу. Тутъ же, вдоль стѣнъ, выставлялся рядъ рѣзныхъ стульевъ со сложенными дамскими бурнусами, пуховыми капорами и мантильями, отъ которыхъ даже издали хорошо пахло.

Дверь вела въ комнату малиноваго цвѣта, увѣшанную картинами въ золотыхъ рамахъ и освѣщенную рефракторами; въ мягкомъ полусвѣтѣ выдѣлялась на свѣтломъ коврѣ мебель, разставленная живописными группами.

— Всѣ въ голубой гостиной, мягко произнесъ лакей, котораго можно было бы принять за члена англійскаго парламента, если бы не выдавали его подносъ въ рукахъ и толстыя крутыя икры, обтянутыя черными чулками.

Прежде чѣмъ войти въ голубую гостиную, шумѣвшую какъ растревоженный пчелиный улей, я остановился въ дверяхъ. Блескъ снова ослѣпилъ меня. Зажженная бронзовая люстра, съ фестонами и подвѣсками изъ граненыхъ стеколъ, цѣликомъ повторялась въ зеркалѣ надъ каминомъ; свѣтъ изъ карселей, прикрытыхъ цвѣтными абажурами, разставленныхъ на высокихъ золоченыхъ подставкахъ по угламъ, на столахъ и въ зелени, скользилъ радужными оттѣнками по голубымъ штофнымъ обоямъ и лучами разбѣгался по позолотѣ на стѣнахъ и на мебели.

Хотя вечеръ былъ только для избранныхъ, какъ обѣщали, гостиная была почти полна. Черные фраки со звѣздами, обнаженныя женскія плечи, лоснящіяся какъ атласъ, бѣлые галстуки, цвѣты въ прическахъ, серьги и брошки, шелковые разноцвѣтные шлейфы, черезъ которые отчаянно шагали или въ которыхъ путались ноги мужчинъ,—все это, показываясь бокомъ или фасомъ, рисовалось на диванахъ и въ креслахъ или передвигалось въ разныя стороны.

Помню, на меня особенно пріятно подѣйствовало то обстоятельство, что въ первую минуту никто не замѣтилъ моего прихода.

Я началъ присматриваться и прислушиваться.

Прежде всего мнѣ бросился въ глаза Иванъ Ивановичъ Пузыревъ, сидѣвшій хотя и далеко, но прямо противъ двери, такъ что входившій не могъ его не увидѣть. Расположившись на диванѣ, онъ почтительно что-то сообщалъ двумъ старушкамъ, изъ которыхъ одна,—княгиня Зюзина,—совсѣмъ уже почти умерла; обѣ ноги ея давно уже свѣсились въ могилу и только кончикомъ мизинца цѣплялась она еще за жизнь, чтобы хоть нѣсколько лиш-

нихъ минутъ поболтаться въ придворномъ воздухѣ. Другую старушку видѣлъ я въ прошломъ году, слушавшею, какъ и теперь, съ видомъ напряженнаго тупоумія, иностраннаго проповѣдника, пріѣзжавшаго въ Петербургъ съ похвальною цѣлью объяснить русскимъ дамамъ значеніе Христа и поразившаго меня особенно тѣмъ, что во время проповѣди онъ постоянно держалъ въ рукахъ то сапогъ лѣвой своей ноги, то сапогъ правой.

Замѣчательно, хотя и не ново было для меня, еще то обстоятельство, что Пузыревъ, такъ почтительно бесѣдуя со старушками, смотрѣлъ въ то же время совершенно въ другую сторону. Слѣдя за его взглядомъ, я остановился на величественной наружности государственнаго мужа высшей пробы. Онъ возсѣдалъ въ креслахъ, подлѣ стола съ серебрянымъ самоваромъ, въ русскомъ,—не то дачномъ, не то банномъ стилѣ, нѣчто среднее между вкусомъ казанскаго интерлакена,—и, красиво выгибая локоть, держалъ въ рукѣ чашку; его окружала, сидя и стоя, толпа мужчинъ и женщинъ; тутъ же находилась и хозяйка дома.

Самого князя Астраханскаго увидѣлъ я на другомъ концѣ гостиной.

Никогда я не встрѣчалъ его безъ того, чтобы не полюбоваться его осанкой, его прекраснымъ лицомъ, сохранившимся во всей свѣжести, несмотря на просѣдь волосъ и совершенно бѣлые бакенбарды, спускавшіеся à l'anglaise вдоль его блѣдныхъ, хотя и полныхъ щекъ. Молоденькія дѣвушки охотно влюбляются въ такихъ сѣдовласыхъ красавцевъ; они дѣйствительно какъ бы созданы для лобызанія въ ихъ свѣжія щеки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для представительной роли посланниковъ или министровъ.

Князь Астраханскій не былъ, однакожъ, ни тѣмъ, ни другимъ. Въ Петербургѣ, — и замѣтьте, только въ немъ одномъ,—существуетъ особый родъ высокаго и страннаго служебнаго положенія. Оно замыкается какимъ-то магическимъ кругомъ; достигнувъ такого положенія, нельзя изъ него выйти, какъ изъ дантовскаго ада; его можно бы назвать: *отложи всякое попеченіе*, если бы не было другого названія, болѣе опредѣлительнаго: *почти министръ*.

Министръ и „почти министръ“ стоятъ, повидимому, рядомъ, локоть къ локтю; посмотрѣть: два сросшіеся близнеца. А на самомъ дѣлѣ ихъ раздѣляетъ цѣлый Атлан-

тическій океанъ. Съ одной стороны, рисуется во всей величавой красѣ (иногда вовсе безъ красы) высокая чиновная особа, уполномоченная самостоятельною властью; съ другой — также высокая чиновная особа, но только... только, — какъ бы деликатнѣе выразиться? — лицо безъ всякой власти. То же самое случается съ нулемъ: поставленный налѣво, онъ—ничто; передвинутый направо, за цифру, онъ вдругъ пріобрѣтаетъ значеніе и иногда дѣлается милліономъ.

Личности этого рода съ юныхъ лѣтъ подаютъ обыкновенно самыя блестящія надежды; онѣ возносятся, летятъ, стремятся кверху съ одуряющею быстротой, но вдругъ, вдругъ неожиданно останавливаются, точно надъ головой встрѣтился плотный каменный сводъ, точно вдругъ лопнула толкавшая снизу пружина. И уже съ этой минуты никакая подмазка, никакое подвинчиванье пружины не въ силахъ возстановить прежняго дѣйствія.

Каждый разъ къ Святой и къ Новому году родственники „почти министра“ впадаютъ въ томительное, тоскливое ожиданіе, всѣ ждутъ: „вотъ-вотъ... сейчасъ, сію минуту...“ Ничуть не бывало! Черта заколдованнаго круга не подается, таинственная сила, задержавшая стремительный полетъ, продолжаетъ быть неумолимой. „Почти министру“ остается одно утѣшеніе: въ близкомъ кружкѣ шопотомъ, на ухо называютъ его „правою рукой“...

„Почти министръ“ отличается всегда, подобно князю Астраханскому, представительною наружностью, съ присовокупленіемъ очаровательной любезности и чрезмѣрной кротости нрава. Въ его чертахъ наблюдатель всегда, однакожъ, усмотритъ оттѣнокъ легкой меланхоліи, тихой, задумчивой грусти, — ясно: его не поняли или не хотятъ понять. Послѣднее происходило у князя Астраханскаго не столько, впрочемъ, отъ неудовлетворенности собственнаго тщеславнаго чувства, сколько отъ неудовлетворенныхъ чувствъ его жены и тещи, которыя не переставали раздражаться.

Служебныя обязательства Астраханскаго были, тѣмъ не менѣе, весьма обременительны; ихъ можно было даже раздѣлить на два сезона: лѣтній и зимній. Зимою онъ посѣщалъ, вмѣсто министра, всевозможные комитеты, засѣданія, совѣщанія и т. д.; когда не было важнаго дѣла, собирались собственно больше для виду, но для виду требовался представитель министра. Министръ часто отсут-

ствовалъ, и бѣдный Астраханскій не имѣлъ почти дня свободнаго. Лѣтомъ онъ совсѣмъ уже заступалъ министра.

Какъ только наступалъ май, — этотъ милый май, такъ нетерпѣливо ожидаемый всѣми начальниками, успѣвшими, очень понятно, соскучиться зимою въ своихъ казенныхъ квартирахъ и жаждущими обновить свои силы на водахъ,—весь городъ узналъ изъ газетъ, что князь Астраханскій вступаетъ временно въ должность министра. Должность эта заключалась преимущественно въ пребываніи на казенной дачѣ; другого дѣла и быть, впрочемъ, не могло. Въ то время, какъ извѣстно, Россія, изъ любви къ начальству и по человѣколюбивому желанію продлить его отпускъ, прячетъ свои работы въ карманъ и откладываетъ вдругъ всѣ свои дѣла на цѣлые пять мѣсяцевъ.

Лѣтній этотъ сезонъ особенно всегда нравился княгинѣ Астраханской и ея матушкѣ; онъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждалъ ихъ за неудовлетворенность чувствъ въ остальные мѣсяцы года.

Княгиня вполнѣ, впрочемъ, заслуживала вознагражденія, такъ какъ она собственно была главнымъ двигателемъ въ карьерѣ мужа; съ энергіею, достойною лучшей участи, лучшихъ результатовъ, она болѣе двадцати лѣтъ тащила его на буксирѣ и притащила къ настоящему мѣсту. Далѣе, несмотря на всѣ старанія, она ничего уже не могла сдѣлать. Старанія эти, разсказывали, вели къ тому, что когда княгиня приступала къ мужу съ одной стороны, а ея маменька приступала съ другой, отъ „почти министра“ только пухъ летѣлъ во всѣ стороны и ничего больше.

Но я коснулся здѣсь впечатлѣній дѣйствительности; возвращаюсь къ впечатлѣніямъ вчерашняго сна.

Въ той части гостиной, гдѣ сидѣлъ хозяинъ дома, гости были также многочисленны; они состояли преимущественно изъ мужчинъ, и здѣсь точно такъ же всѣ обступали мужа высокой пробы, но только маленькаго роста, желчнаго, съеженнаго вида и какъ бы одержимаго собачьей старостью.

Въ гостиной была еще третья группа; она занимала дальній уголъ, отдѣлявшійся роялемъ, поставленнымъ наискось, и большою рѣзною жардиньеркой, наполненной цвѣтами и зеленью.

Тамъ, въ яркомъ свѣтѣ, на голубомъ шелковомъ фонѣ стѣнъ, красовались больше молодые люди и барышни. У Астраханскихъ были взрослыя дочери и потому на вечера приглашалась всегда молодежь. На первомъ планѣ рисовался бѣлокурый юноша съ проборомъ по серединѣ головы и мелкими облачками изъ волосъ на сдавленномъ лбу; онъ разсказывалъ что-то группѣ барышень, между тѣмъ какъ сосѣдъ его, офицеръ, откормленный точно къ Рождеству, таращилъ глаза, не открывая рта, и весь сіялъ какою-то безсмысленною веселостью.

Между этими тремя главными группами, занимавшими углы гостиной, проходило множество лицъ обоего пола, не успѣвшихъ еще рѣшить, къ которому изъ двухъ первыхъ кружковъ выгоднѣе было бы присоединиться; нѣкоторымъ смертельно хотѣлось быть и тутъ, и тамъ въ одно и то же время; одно мѣшало: невозможность разорваться.

VII.

Въ числѣ такихъ лицъ, шагахъ въ пяти отъ меня и нѣсколько въ сторонѣ, увидѣлъ я князя Годунова и г. Филомоѳенскаго, только что произведеннаго въ тайные совѣтники. Первый стоялъ ко мнѣ лицомъ, второй затылкомъ, который былъ у него черзвычайно широкъ и четырехугольной формы съ расходящимися ушами, закрученными кверху, какъ у античныхъ сатировъ.

Возвышеніе новаго тайнаго совѣтника имѣло довольно оригинальное основаніе. Оно совершилось въ силу его сравнительной грамотности или, если хотите, въ силу относительной безграмотности тѣхъ лицъ служебнаго кружка, куда судьба бросила г. Филомоѳенскаго. Онъ былъ сначала гдѣ-то учителемъ словесности и, вѣроятно, тогда еще навострился, поправляя сочиненія своихъ учениковъ.

Въ то время, какъ его сослуживцы исписывали десятки листовъ, покрывая ихъ неудобоваримыми періодами, и тщетно выбивались изъ силъ, пригоняя на всевозможные лады слова: который, котораго, которому, о которомъ и т. д., г. Филомоѳенскому требовалось всего часъ времени, чтобы сочинить офиціальную бумагу какого угодно содержанія. Трудность состояла иногда въ томъ, чтобы написать нѣсколько страницъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не сказать, или изложить дѣло въ такомъ порядкѣ, чтобы

совершенно затушевать его оборотами условнаго краснорѣчія. Г. Филомоѳенскій былъ также большой мастеръ сочинять уставы желѣзно-дорожныхъ обществъ, улаживать концессіи, проводить одновременно нѣсколько трудныхъ дѣлъ, которыя до него цѣлыми годами разсматривались въ разныхъ комитетахъ и завязали безнадежно въ разныхъ инстанціяхъ. Но это принадлежитъ уже, такъ сказать, къ его частнымъ занятіямъ.

— Штукарь! — говорили о немъ завистливые сослуживцы.

— Плутъ-архъ!—острили молодые, начинающіе чиновники.

— Чортъ его знаетъ, что онъ такое! Грубъ, какъ сапожникъ, но перо—мастерское перо!—замѣчали про себя начальники.

Находчивость г. Филомоѳенскаго, доходившая до степени Божьяго дара, не мало также способствовала его карьерѣ.

Случалось, начальникъ пріѣзжалъ въ нервномъ разстройствѣ отъ неожиданно заданнаго ему вопроса: „Астрахань... много соли... множество комаровъ... Надо узнать... справиться...“

— Какая Астрахань?... Какіе комары?... Гдѣ соль? — повторялъ озадаченный начальникъ, возвращаясь, смущенный, въ кабинетъ. — Боже мой, къ кому обратиться? Никто ничего не знаетъ! Всѣ только врутъ и путаютъ... Одинъ развѣ Филомоѳенскій... Попросить ко мнѣ скорѣе г. Филомоѳенскаго.

Являлся г. Филомоѳенскій.

— Гм... гм... Астрахань... соль... много комаровъ... Надо справиться, непремѣнно справиться!—произносилъ начальникъ, стараясь не смотрѣть въ глаза собесѣднику и произнося каждое слово отягченнымъ голосомъ человѣка, подавленнаго въ эту минуту соображеніями высшаго свойства, не подходящими къ настоящему вопросу.

На другое утро г. Филомоѳенскій возвращался съ готовымъ, каллиграфически написаннымъ докладомъ, въ которомъ Астрахань, соль и даже комары группировались въ стройной гармонической картинѣ; и не было еще примѣра, чтобы дѣло такимъ образомъ не спасалось.

У него, говорили, такъ ужъ были навострены два писца, что пока одинъ писалъ, оканчивая на первомъ листѣ: „кото...“, другой листъ съ окончаніемъ „рый“ былъ уже

написанъ вторымъ писаремъ. Доклады поспѣвали, такимъ образомъ, какъ бы по волшебству.

Собесѣдникъ Филомоѳенскаго, князь Годуновъ, былъ еще сравнительно молодой, но уже посѣдѣвшій на вискахъ генералъ. Зная его корнетомъ, страстнымъ любителемъ Излеровскаго сада, балета и другихъ увеселительныхъ мѣстъ Петербурга, я въ послѣднее время съ особеннымъ любопытствомъ наблюдалъ при встрѣчахъ его лицо, проникнувшееся вдругъ, безъ всякаго приготовленія, выраженіемъ глубокомыслія, сложныхъ государственныхъ комбинацій и внутренней сосредоточенности. О чемъ онъ думалъ, что онъ соображалъ, этого никто не зналъ. Князь Годуновъ бо̀льшею частью отмалчивался или отвѣчалъ общими мѣстами. Сколько было извѣстно его товарищамъ-сослуживцамъ, главными преобладающими чертами его характера были всегда лукавство и настойчивость; конечно, свойства эти, соединяясь въ извѣстной пропорціи, могутъ осуществлять нѣкоторую силу; но это, все-таки, не объясняло того положенія, которое такъ неожиданно для всѣхъ выдвинуло его на первой планъ. Силу князя Годунова начинали чувствовать не только обыкновенные смертные, но даже такія лица, какъ величавая особа, сидѣвшая подлѣ русскаго самовара, и вліятельный господинъ, одержимый собачьей старостью.

Прислонясь рукою къ спинкѣ кресла, князь Годуновъ слушалъ г. Филомоѳенскаго, повидимому, безъ любопытства, а скорѣе съ видомъ снисхожденія; сѣрые глаза его разсѣянно смотрѣли по сторонамъ и прищуривались. Въ эту минуту,—помню очень хорошо,—меня особенно поразилъ бѣловатый хрящикъ на концѣ его заостреннаго носа; этотъ хрящикъ постоянно двигался, юлилъ, заострялся и какъ бы самъ собою винтилъ воздухъ.

Годуновъ готовился уже оставить собесѣдника, когда неожиданно къ обоимъ подошелъ Стамбуловъ, извѣстный, впрочемъ, больше подъ именемъ: *человѣкъ анекдота*. Онъ со всѣми былъ на *ты*, вѣчно носился съ какимъ-нибудь разсказомъ, выслушаннымъ наканунѣ, любилъ завтракать, еще больше любилъ ужинать въ веселой компаніи, и потому слылъ издавна за добраго, отличнаго малаго.

— Знаете, что̀ случилось вчера съ Линскимъ?—проговорилъ онъ, нѣсколько понижая голосъ, такъ только, чтобы не дошло до угла, гдѣ сидѣли барышни,—не знаете? Слушайте: сидитъ онъ, часовъ въ одиннадцать вечера, въ

квартирѣ Фифи и ждетъ ея возвращенія изъ цирка. Брррр!... — подъѣзжаетъ карета; Фифи является, прихрамывая на правую ногу... „Что съ тобой?“—„Chéri, я свихнула ногу... Ай-ай, свихнула ногу!...“—„Батюшки!“ Кладетъ ее скорѣе въ постель, летитъ стремглавъ за докторомъ, отъ доктора заѣзжаетъ въ кварталъ — выпросить разрѣшеніе подослать соломы подъ окна. Возвращается и, заставъ Фифи въ самомъ разслабленномъ состояніи, нѣжно цѣлуетъ ей руку и, едва переводя духъ, удаляется на цыпочкахъ. Сегодня рано утромъ скачетъ узнать о состояніи ея здоровья... Что-жъ бы вы думали, а? Узнаетъ: Фифи не ночевала дома!... Благодарю, не ожидалъ!—довершилъ Стамбуловъ, вращая своими глазами на выкатѣ; затѣмъ такъ же неожиданно повернулся онъ къ нимъ спиною и началъ пробираться дальше, разсказывая на пути свой анекдотъ.

Меня, между тѣмъ, давно привлекалъ голосъ величественной особы, сидѣвшей у самовара. Не имѣя возможности разслышать его словъ, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ту сторону, но долженъ былъ остановиться, чтобы пропустить хозяина дома, суетливо пробиравшагося къ женѣ. Мнѣ уже не въ первый разъ бросалось въ глаза тревожное выраженіе на лицѣ Астраханскаго; ему не сидѣлось на мѣстѣ, онъ безпрестанно подымался, искалъ глазами жену и, встрѣтивъ ея взглядъ и выразительно приподнятыя брови, снова усаживался. Я наблюдалъ, въ то же время, лицо хозяйки; оно точно такъ же не было спокойно. Я отчасти догадывался о причинѣ ея тревоги: въ тѣ самые часы, какъ у нея былъ вечеръ, съ минуты на минуты ожидали кончины одного изъ близкихъ родственниковъ мужа; она боялась, чтобы извѣстіе о его смерти не пришло неожиданно и не разстроило ея собранія; она занята была мыслью, что если ужъ умирать родственнику, то чтобъ умеръ онъ, по крайней мѣрѣ, послѣ того, какъ всѣ гости разъѣдутся. Но, кромѣ того, очевидно, должны были быть еще и другіе поводы къ безпокойству. „Что съ ней? — пришло мнѣ тогда же въ голову.—Все, кажется, хорошо: вечеръ удался сверхъ ожиданій; не считая полнаго комплекта интересныхъ людей, въ гостиной находились еще двѣ особы первой величины,—чего же еще?“

Но присутствіе этихъ двухъ особъ, какъ оказалось, и было, главнымъ образомъ, причиной волненія; оно выражалось особенно всякій разъ, какъ величественный гость

начиналъ говорить. Гость говорилъ прекрасно,—такъ хорошо, что ему самому, повидимому, пріятно было прислушиваться къ собственнымъ словамъ; и было отъ чего: стройность и правильность рѣчи могли бы удовлетворить самого Греча, составителя россійской грамматики; въ ней явственно можно было разобрать точку, двоеточіе, тире и даже скобки. Къ сожалѣнію, припоминаю и могу записать одну только фразу: „Когда человѣкъ устремляется мысленно въ область невѣдомаго, нравственная природа его невольно, такъ сказать, отдѣляется отъ суетности настоящаго..." Я могъ бы записать, вѣроятно, еще больше, но всякій разъ мѣшала хозяйка дома. Едва величественная особа начинала говорить, на лицѣ княгини Астраханской появлялось то выраженіе тревоги, которое съ самаго начала возбуждало мое любопытство: брови ея приходили въ движеніе, мускулы лица напрягались, глаза строго посматривали вокругъ и, сколько казалось, преимущественно направлялись на лица интересныхъ людей; въ этихъ взглядахъ, какъ въ книжкѣ, можно было прочесть: „Молчите, дураки интересные люди! Смѣйте только открыть вашъ глупый ротъ! Слушайте! Васъ для этого только сегодня и звали!"

Разъ одинъ изъ интересныхъ людей, ученый юристъ, сдѣлалъ было движеніе губами, желая вставить свое замѣчаніе въ рѣчь величавой особы, — хозяйка дома пригвоздила его такимъ взглядомъ, что онъ такъ и замеръ съ открытымъ ртомъ до конца вечера.

Не успѣвала величественная особа закруглить красивый періодъ и остановиться, княгиня Астраханская быстро направляла взглядъ въ другой конецъ гостиной, гдѣ сидѣлъ мужъ, и, приподнявшись съ мѣста, летѣла туда на всѣхъ парусахъ.

Тамъ, смотрѣлъ я, опять происходила исторія другого рода: значительная особа, одержимая собачьей старостью, принадлежала болѣе къ числу мыслителей и не любила говорить; она появлялась въ свѣтъ съ тѣмъ, чтобы найти разсѣяніе и дать отдыхъ мозговой работѣ, которая, говорили, съѣдала его.

Занявъ мѣсто въ группѣ лицъ, окружавшихъ особу, г-жа Астраханская немедленно вмѣшивалась въ разговоръ и на одушевленномъ ея лицѣ, обращавшемся одобрительно къ присутствующимъ, особенно къ интереснымъ субъектамъ, уже читалось слѣдующее: „Говорите же, дураки! Разсказывайте! Ну, живѣе! Какъ, право, глупы иногда эти интерес-

ные люди! Разсказывайте! Васъ для этого только сегодня и звали!"

Къ счастью, въ самую критическую минуту подвертывался иногда „человѣкъ анекдота" и выручалъ хозяйку.

— Знаете что? — произнесъ онъ, появляясь неожиданно. — Юркевичъ сдѣлалъ сейчасъ забавное замѣчаніе: онъ дѣлитъ русскихъ людей нашего столѣтія на три категоріи: въ началѣ столѣтія — ловкіе военные щеголи, въ тридцатыхъ годахъ — пррредапные люди, теперь пошли все добрые люди...

— Правда,—проговорилъ почти шопотомъ подлѣ меня чей-то голосъ, — правда; скажешь: онъ идіотъ совершеннѣйшій, никуда негоденъ, а занимаетъ такое видное, такое отвѣтственное мѣсто,—вамъ сейчасъ же на это отвѣтятъ: „Вотъ вы всегда такъ, всегда рѣзко; положимъ, онъ не орелъ, но онъ человѣкъ добрѣйшей души, кроткой, никому зла не дѣлаетъ, прекрасный семьянинъ, нѣжно любитъ жену и дѣтей..."

— Особенно любитъ хорошій окладъ жалованья, майоратъ въ западныхъ губерніяхъ и теплую казенную квартиру,—неожиданно прибавилъ кто-то также шопотомъ.

VIII.

Помню, уже въ то время что-то похожее на утомленіе начинало овладѣвать мною; я чувствовалъ тяжесть и боль въ головѣ. Любопытство переставало дѣйствовать и возбуждать меня; проходила охота наблюдать и слушать. Вялость, сонливость присоединялись къ утомленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на меня находила смертельная скука и,—помню очень хорошо, — сколько я ни усиливался привести себя въ прежнее состояніе, скука неотразимая, неотвязчивая скука подступала къ сердцу и давила меня въ этой голубой гостиной.

Свѣчи и лампы ярко горѣли, повторяясь въ зеркалахъ; голубой атласъ лоснился на стѣнахъ съ золотыми багетами, утомлявшими зрѣніе; въ воздухѣ, разогрѣтомъ и сжатомъ, ходили, стояли и сидѣли многочисленныя группы; говоръ, смѣхъ и восклицанія не умолкали ни на минуту; но все это прибавляло только головной боли и усиливало скуку. Во всемъ, во всемъ рѣшительно: въ голосѣ этихъ сановниковъ, скорѣе произведенныхъ, чѣмъ сами себя заявившихъ своими заслугами, во взглядахъ, которые смотрѣли разсѣянно, а, между тѣмъ, постоянно чего-то

юрко ожидали и искали, въ смыслѣ того, что говорилось, въ чертахъ лицъ, выражавшихъ благонамѣренность и благодушіе, прикрывающихъ или апатію, или мелкое лукавство, въ движеніяхъ, даже въ самомъ смѣхѣ чувствовалась тяжеловѣсная, удручающая скука.

Здѣсь, очевидно, никто не былъ увѣренъ, зачѣмъ пришелъ, и каждый готовъ былъ уйти хоть сейчасъ же безъ малѣйшаго сожалѣнія. Нигдѣ не говорилось о чемъ-нибудь, вездѣ рѣчь шла о комъ-нибудь и каждый старался болѣе или менѣе выказать при томъ свой умъ насчетъ ближняго. Каждый, казалось, былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, желалъ чего-то, и, что всего удивительнѣе, самыми недовольными были тѣ, которые болѣе другихъ воспользовались земными благами. Каждый слушалъ съ улыбкой, тогда какъ зрачки отражали полное, мертвое равнодушіе и къ собесѣднику, и къ предмету бесѣды. Сколько насъ здѣсь ни было, каждый на самомъ дѣлѣ былъ совершенно чужой другъ другу; ни общая мысль, ни общее чувство никого здѣсь не связывали. Нѣсколько разъ пытался я заговорить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ проходившихъ мимо знакомыхъ, но тоска отъ этого не утихала; ее, напротивъ, какъ бы усиливало внутреннее признаніе, что я безстыдно солгалъ сію минуту, потому что, въ самомъ дѣлѣ, никакого не было желанія обращаться къ тому или другому и, наконецъ, я сказалъ вовсе не то, что думалъ.

Часто приходилось мнѣ испытывать то же самое, но никогда еще, никогда не тяготился я такимъ ощущеніемъ пустоты: пустоты въ самомъ себѣ, пустоты вокругъ меня, пустоты повсюду...

Улыбаясь направо и налѣво съ искусственною натяжкой, помню, я думалъ объ одномъ только: выбраться какъ можно скорѣе отсюда, уйти дальше, какъ можно дальше отъ толпы и шума. Помню, какъ чувство ноющей тоски на минуту смѣнилось досадой, даже злобой, когда шагахъ въ десяти „человѣкъ анекдота“ загородилъ неожиданно выходную дверь и началъ что-то, смѣясь, громко разсказывать слушателямъ. Я рѣшился остановиться и выждать.

Мнѣ особенно не хотѣлось тамъ встрѣтиться съ графомъ Пыщинымъ; съ меня довольно было видѣть его тучную, крутую спину и голый, лоснящійся затылокъ съ двумя жирными красными складками, подпертыми ворот-

никомъ мундира и утыканными коротенькими сѣрыми волосами. „Человѣкъ анекдота“ разсказывалъ, должно-быть, что-то весьма забавное: его сѣрые выпученные глаза самодовольно, въ упоръ поглядывали на слушателей; всѣ смѣялись и болѣе другихъ смѣялся графъ Пыщинъ; при всякомъ порывѣ веселости онъ какъ бы собирался чихнуть, но не могъ одолѣть, и начиналъ усиленно и мелко прыскать, при чемъ страшно багровѣла его шея, приходило въ движеніе его жирное туловище и вздрагивали разсыпчатыя эполеты на его плечахъ. Пыщинъ былъ лучшій другъ „человѣка-анекдота“, постоянный его собутыльникъ, извѣстный игрокъ, нѣсколько разъ потерявшій и нажившій состояніе, извѣстный покровитель кордебалета и предсѣдатель всѣхъ отчаянныхъ пирушекъ и попоекъ.

Я чувствовалъ къ нему болѣе чѣмъ отвращеніе и всегда старался избѣгать его встрѣчъ. Это началось лѣтъ восемь назадъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда я узналъ, что онъ женился на прелестной молодой дѣвушкѣ, которую я встрѣчалъ въ отдаленной степной деревнѣ у ея матери, давно уже теперь скончавшейся. Какимъ образомъ могла она согласиться выйти замужъ за такого человѣка? Кто уговорилъ ее? Какъ случилось, что судьба этой чистой и свѣтлой дѣвушки могла соединиться съ судьбою такого существа, какъ Пыщинъ? Все это было для меня загадкой и помню, какъ тогда еще тяжело поразило меня извѣстіе о такомъ бракѣ. Съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ ея.

Мысли мои невольно обратились къ прошлому, къ воспоминаніямъ о ней. Но не успѣлъ я собрать ихъ, когда, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ сторону, увидѣлъ неожиданно знакомыя черты.

Меня удивило, какъ прежде я ее не примѣтилъ. Она сидѣла особнякомъ, полузаслоненная роялемъ; но съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, милый, знакомый образъ весь обрисовывался въ профилѣ съ головы до ногъ. Да, это была она,—она, та самая стройная Мери, встрѣченная когда-то въ далекой степной деревнѣ!.. Тѣ же пряди сухихъ шелковистыхъ волосъ пепельнаго цвѣта спускались по обѣимъ сторонамъ ея лица и легкимъ пухомъ завивались надъ шеей. Но только куда дѣвались веселость и блистающая свѣжесть молодости! Она была все такъ же очень красива, быть-можетъ, еще красивѣе, чѣмъ зналъ я ее прежде; но крайней мѣрѣ, такою показалась она мнѣ въ настоящую минуту.

На ней было свѣтло-розовое платье съ открытымъ лифомъ; она глубоко сидѣла въ мягкихъ креслахъ, вытянувъ ноги и слегка наклонивъ небольшую голову; обнаженныя ея руки, потерявшія свою дѣтскую худобу и кругливши́яся теперь какъ выточенныя изъ слоновой кости, неподвижно спускались на колѣна, придерживая кончиками пальцевъ полураскрытый черный вѣеръ. Казалось, она мало принимала участія въ томъ, что̀ вокругъ нея происходило. Слегка приподнявъ голову, она раза два сказала нѣсколько словъ мужчинамъ, пробиравшимся бокомъ мимо нея съ извиненіями, но тѣмъ все и ограничивалось; въ эти два-три мгновенія, какъ приходилось ей говорить, глаза ея едва только приподнялись; опуская ихъ снова, она какъ бы продолжала смотрѣть внутрь себя, въ какую-то таинственную глубину, гдѣ скрывалась душа ея; ей, очевидно, охотнѣе было молчать и отдаваться теченію собственныхъ мыслей...

О чемъ она думала? Преждевременная душевная усталость обозначалась въ едва уловимыхъ продольныхъ складкахъ лба; добрыя губы улыбались, но углы рта оставались безучастными къ улыбкѣ; тоскливое утомленіе выражалось даже въ ея опущенныхъ обнаженныхъ плечахъ, сверкавши́хъ молочною бѣлизной и слегка зарумяненныхъ тамъ только, гдѣ плечо прижималось къ спинкѣ кресла.

Были ли то внезапно пробудивши́яся во мнѣ воспоминанія счастливой,—увы!—давно утраченной жизни; были ли такъ чувства и нервы настроены, чтобы живо откликаться всему, что не было похоже на окружающее; наболѣло ли, наконецъ, сердце отъ неудовлетворенной когда-то потребности отдать всего себя этой самой женщинѣ, но при встрѣчѣ съ нею теперь сердце дрогнуло во мнѣ и радостно колыхнулось. Имъ овладѣла вдругъ нѣжность, — да, сладкая, томительная нѣжность, нѣжность прежнихъ лѣтъ,— и вмѣстѣ съ нею сожалѣніе, глубокое, ѣдкое, мучительное сожалѣніе. Менѣе чѣмъ когда-нибудь понималъ я теперь возможность ея замужества. Жгучее горе и лучши́я движенія души путались во мнѣ и попеременно смѣнялись одно другимъ. Проклиная судьбу, я упивался видомъ этой женщины и въ то время, какъ глаза мои жадно ее осматривали, душа какъ бы сама собою отдѣлялась отъ меня и робко, покорно опускалась къ ногамъ ея...

Въ самую эту минуту насъ раздѣлила толпа; туманъ

прошелъ мимо глазъ моихъ; все завертѣлось и закружилось, страшно путаясь передо мною; дыханіе стѣснилось; я чувствовалъ духоту нестерпимую, чувствовалъ потребность освѣжить голову. Смутно различая выходную дверь гостиной, я замѣтилъ, однакожъ, что она была совершенно свободна, и бросился къ ней прямо черезъ толпу.

Очутившись въ сосѣдней, почти пустой комнатѣ, я понялъ необходимость прійти нѣсколько въ себя, прежде чѣмъ выбраться на лѣстницу; голова моя горѣла; я подошелъ къ ближайшему окну и машинально прислонился лицомъ къ холодному стеклу.

Въ окнѣ, сквозь глухую ночь, увидѣлъ я снова Неву, покрытую снѣгомъ; въ глубинѣ, за нею, мрачнымъ, смутнымъ пятномъ чернѣли какія-то зданія. Куранты проиграли на колокольнѣ Петропавловскаго собора и вслѣдъ за тѣмъ глухимъ, протяжнымъ звукомъ пробило три часа ночи...

Я закрылъ глаза... Но тутъ же почувствовалъ я, что полъ началъ какъ будто колебаться подъ моими ногами, почувствовалъ, что снова началъ я уходить въ темный, холодный колодецъ... Я сдѣлалъ невольное движеніе, чтобъ ухватиться руками, хотѣлъ вскрикнуть, вспомнилъ о моей шубѣ, которая оставалась въ швейцарской, но было уже поздно...

IX.

Да, было поздно. Я уже сидѣлъ въ темномъ, тѣсномъ возкѣ, гдѣ, казалось, было еще холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. По правую и по лѣвую руку сидѣли два человѣка; лица ихъ были запрятаны въ мѣховые воротники; при свѣтѣ мелькнувшаго газоваго фонаря я оглянулъ ихъ испуганнымъ взглядомъ, но они ушли еще глубже въ шубы.

Возокъ, между тѣмъ, загремѣлъ по какимъ-то мосткамъ; вдругъ стало еще темнѣе; я чувствовалъ, что мы спустились на Неву и поѣхали быстрѣе. Спутники мои не произносили ни слова; ихъ молчаніе окончательно меня смутило; душа наполнялась предчувствіемъ, чего? — я самъ не зналъ, но оно превращалось почему-то въ мучительное, тоскливое ожиданіе. Я обернулся сначала къ одному, потомъ къ другому, проговорилъ нѣсколько несвязныхъ, торопливыхъ словъ, но они продолжали упорно молчать.

Ужасъ вырасталъ во мнѣ постепенно и охватилъ меня,

наконецъ, всего, какъ желѣзными обручами. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что я нахожусь во власти монхъ спутниковъ: съ каждою секундой я почему-то убѣждался, что нѣтъ даже теперь такой силы, которая могла бы меня у нихъ вырвать.

Помню, мнѣ пришла вдругъ мысль, что будь у меня теперь въ карманѣ состояніе всѣхъ Ротшильдовъ вмѣстѣ, я, не думая секунды, немедленно бы все отдалъ, съ тѣмъ только, чтобъ они меня выпустили изъ этого возка; пускай у меня все возьмутъ, оставятъ въ рубищѣ, обрекутъ на всю жизнь мостить мостовую,—я на все готовъ, лишь бы вырваться изъ возка и получить свободу! Но я тутъ же понялъ всю несообразность такой мысли: у меня ничего не было, кромѣ оробѣвшаго сердца, которое то обрывалось и холодѣло, то звонко начинало стучать въ груди и стѣсняло дыханіе въ пересохнувшемъ горлѣ.

Я собирался крикнуть—и не могъ: но это ни къ чему бы не повело: звукъ моего голоса не могъ быть услышанъ: онъ не могъ проникнуть сквозь стѣны возка, не могъ заглушить визга снѣга и топота лошадей. Да, наконецъ, если бъ и услышали мой голосъ, все равно изъ этого ничего бы не вышло.

„Вотъ,—думалъ я,—когда лошади привезутъ меня,—куда привезутъ, не зналъ я, но, тѣмъ не менѣе, замиралъ отъ ужаса,—когда лошади привезутъ, ихъ, вѣроятно, отправятъ назадъ съ возкомъ, который будетъ пустъ тогда... Потомъ лошадей отпрягутъ, поставятъ въ стойла, а завтра выведутъ ихъ на воздухъ и дадутъ имъ гулять по солнцу... Онѣ будутъ стоять—и не убѣгутъ... Какія глупыя!.. А я... гдѣ я тогда буду?..“ Воображеніе пугливо рисовало передо мною тѣсное пространство между каменными стѣнами: кругомъ тишина, мертвая, какъ въ могильномъ склепѣ, и я одинъ,—одинъ, затерянный въ глубинѣ таинственныхъ коридоровъ, въ глубинѣ каменнаго лабиринта, и нѣтъ человѣка, который бы могъ спасти меня, который бы вступился и подалъ за меня голосъ... Забыли, забыли, какъ будто меня никогда не было, какъ будто я никогда не рождался.

Ужасъ овладѣлъ мною окончательно.

— Куда вы меня везете? крикнулъ я голосомъ отчаянія.—за что?.. Я ничего не сдѣлалъ дурного ни людямъ, ни противъ собственной совѣсти!.. Я высказывалъ свои личныя впечатлѣнія: я откровенно говорилъ о томъ, что

мнѣ не нравилось, что̀ казалось мнѣ ложью, неправдой, лицемѣріемъ...

— Вы могли это думать сколько вамъ было угодно, проговорилъ неожиданно одинъ изъ спутниковъ учтивымъ, ровнымъ голосомъ, отъ котораго похолодѣлъ мозгъ костей моихъ.

— Чувствовать правду и молчать?.. Помилуйте, вѣдь это... это...

— Ужъ это ваше дѣло, милостивый государь! перебилъ второй собесѣдникъ такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не желаетъ продолжать разговора.

Онъ закутался въ шубу и прижался въ уголъ возка.

Среди страшной путаницы мыслей и образовъ, которые меня осаждали, мелькнуло вдругъ въ моемъ встревоженномъ воображеніи поле, обширное русское поле, пересѣченное глянцовитыми рельсами желѣзной дороги, блиставшими на солнцѣ; по рельсамъ глухо и потрясая почву надвигалась паровая машина. Въ ту самую минуту, подлѣ самыхъ рельсъ, замѣтилъ я суетливо бѣжавшаго муравья; я быстро нагнулся, чтобъ отбросить его въ сторону, но муравей забрался уже на рельсы, и не успѣлъ я опомниться, какъ локомотивъ налетѣлъ, гремя и звеня, и маховое колесо прокатилось по рельсамъ... Гдѣ муравей?.. Я поднялъ голову: за локомотивомъ нескончаемо бѣжалъ рядъ вагоновъ; въ открытыхъ окнахъ сидѣли: князь Астраханскій, величественная особа, все еще державшая чайную чашку въ рукѣ, Пузыревъ, Пыщинъ, Филомоесенскій, „человѣкъ анекдота", Годуповъ,—словомъ, всѣ, съ кѣмъ я видѣлся сегодня на вечерѣ. Веселость была на всѣхъ лицахъ; они говорили и смѣялись.

— Чему вы смѣетесь?! вырвалось у меня изъ груди, какъ будто въ этомъ смѣхѣ было для меня что-то оскорбительное.—Отчего вы всѣ такъ веселы?!.. подхватилъ я въ припадкѣ возраставшаго негодованія.

— Оттого, что мы—сила, а вы... вы—муравей! отвѣчалъ чей-то голосъ, и сколько мнѣ показалось, голосъ Пузырева изъ послѣдняго вагона.

Въ самомъ дѣлѣ, они правы. Дѣйствительно, они—сила, а я—я муравей, какъ тотъ муравей, который шелъ по рельсамъ... Маховое колесо черезъ меня точно такъ же прокатило... Я это чувствовалъ; я былъ смятъ, раздавленъ, уничтоженъ...

— Послушайте, заговорилъ я вдругъ съ поспѣшностью,

которая меня самого удивила,—послушайте, прибавилъ я, касаясь шубы моихъ спутниковъ, — имѣли ли вы когда-нибудь передъ собой карту Европы?.. Это только ничтожнѣйшая часть материка земного шара, не правда ли? На этой картѣ, съ лѣвой стороны, небольшой клочокъ земли: это—Великобританія; на ней, въ нижней ея части, точка съ булавочную головку: это — Лондонъ. Эта булавочная головка несравненно бо̀льшаго размѣра, чѣмъ бы ей слѣдовало быть пропорціонально противъ размѣра всей Англіи; она такъ велика для того только, чтобы на картѣ ясно видно было, что здѣсь Лондонъ. Вообразите же теперь, что въ этой точкѣ, едва примѣтной для глаза и обозначающей Лондонъ, живетъ четыре милліона людей! Это доказываетъ только, какой человѣкъ маленькій, какіе всѣ мы маленькіе, какіе всѣ мы ничтожные и какъ ничтожна та сила, которую мы въ себѣ воображаемъ. Мы ничего больше, какъ пыль, да, живая пыль, разсыпанная коегдѣ по землѣ... Пододвинутся льды Сѣвернаго океана, пройдетъ тифонъ, дунетъ вѣтеръ — и все это смететъ и снесетъ, какъ прахъ, и ничего не останется, кромѣ коры земной. Ну, сто̀итъ ли выказывать передъ этимъ свою собственную силу?.. Ксерксъ разорилъ страну, сооружая флотъ противъ враговъ; дунулъ вѣтеръ — и флотъ разлетѣлся въ щепки; благоразумно ли поступилъ Ксерксъ, приказавъ высѣчь море, изъ желанія наказать его за неповиновеніе? Все это—прахъ и ничтожество; въ насъ сила только нами же сочиненная; настоящая сила не въ насъ, а въ чемъ-то другомъ, тамъ, гдѣ-то выше надъ нами. У насъ существенно и драгоцѣнно только одно: сознаніе жизни и чувство свободы, которой вы меня лишаете. Ну, что̀ изъ того, что вы меня взяли и везете, — зачѣмъ, куда? — не знаю, но мнѣ страшно. Вы, конечно, въ эту минуту сильнѣе меня; но все это мелочь; и вы, и я—мы всѣ умремъ и, въ сущности, ничего не перемѣнится. Убудетъ ли что-нибудь изъ того, если вы меня отпустите на свободу? Листъ отъ этого на деревѣ не колыхнется, песчинка не тронется на всей землѣ.

Возокъ, между тѣмъ, продолжалъ скользить по снѣгу; мы начинали куда-то подыматься; кругомъ была тьма кромѣшная. Посреди тишины раздавался только скрипъ полозьевъ и глухой топотъ копытъ. Но вотъ послѣдній этотъ звукъ сталъ явственнѣе; подъ ногами лошадей послышалась мостовая; въ возкѣ стало какъ будто меньше воз-

духу; я ничего не видѣлъ, но понялъ, что мы въѣхали въ тѣсное пространство, тащимся подъ нескончаемыми длинными сводами.

Тутъ почувствовалъ я вдругъ, что силы окончательно меня оставили. Сознаніе полной безнадежности проникло въ мою душу; она какъ будто сжалась и помертвѣла; руки мои тяжело опустились; я безсильно склонилъ голову и закрылъ глаза.

Но впечатлѣніе, которое затѣмъ послѣдовало, слишкомъ сильно, чтобъ я могъ его высказать, не переведя духъ, не отдохнувъ минуту. Припоминая весь вчерашній сонъ, мнѣ даже теперь трудно передать всѣ оттѣнки этого впечатлѣнія.

X.

Открывъ глаза, я въ первую минуту былъ совершенно ослѣпленъ свѣтомъ и невольнымъ движеніемъ закрылъ лицо. Отведя понемногу ладонь и приподнявъ вѣки, я увидѣлъ себя между деревьями молодой, только что распустившейся березовой рощи, охваченной полуденнымъ солнцемъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ я стоялъ, легкая прозрачная тѣнь покрывала траву. Шагахъ въ двадцати передо мною,—тамъ, гдѣ рѣдѣли деревья и кончалась роща, солнце било всею своею силой и освѣщало между стволами небольшую рѣчку, омывавшую корни деревьевъ. За рѣкой начинался лугъ, съ изгибавшимся далѣе плетнемъ; надъ нимъ, какъ облака, круглились яблочныя деревья, обсыпанныя бѣло-розовымъ цвѣтомъ. Вся эта отдаленная часть озарялась точно такъ же лучезарнымъ свѣтомъ, смягченнымъ сквознымъ паромъ, подымавшимся надъ лугомъ и надъ садомъ.

Въ тѣни, гдѣ я стоялъ, трава и мохъ были еще влажны; кругомъ носился еще сладкій, прѣсноватый запахъ прошлогодняго листа; мѣстами онъ темпѣлъ и слоился ворохомъ; по уже то тутъ, то тамъ пробивались надъ нимъ темно-зеленые, точно граненые, листки земляники и выбѣгалъ тонкій, бѣловатый стебель ландыша, наливавшійся свѣжимъ сокомъ, хлынувшимъ изъ подогрѣтаго корня. Сильнѣе всего, впрочемъ, разливался въ воздухѣ крѣпительный запахъ молодой распустившейся березы; пѣжнымъ цвѣтомъ, почти безъ оттѣнка, свѣтилась въ тѣни ея зелень, сквозившая и блиставшая на солнцѣ своимъ пахучимъ лакомъ.

Въ небѣ стояли неподвижно, бѣлѣя, облака съ глубокими голубыми просвѣтами; надъ лугомъ и рощей, въ небесной вышинѣ, немолчно заливались жаворонки; надъ рѣчкой сновали ласточки, а въ отдаленіи, по свѣтлому лугу, важно расхаживалъ сизый, лоснившійся на солнцѣ, грачъ, первый возвѣстникъ весны, первая „хлѣбная птица“, какъ говорятъ поселяне.

Все вокругъ меня и надо мной трепетало жизнью, все ликовало и улыбалось улыбкой кротости и мирнаго счастья. Я стоялъ, я смотрѣлъ, я прислушивался, и весь — и духомъ, и тѣломъ отдавался новому впечатлѣнію. Тягостныя, испытанныя передъ тѣмъ ощущенія совершенно изгладились изъ моей памяти; ихъ вытѣсняло одно чувство— чувство жизни, чувство радости и безмѣрнаго счастья. Въ душѣ какъ будто также пробуждалась весна; самыя свѣтлыя чувства раскрывались въ ней подобно молодой листвѣ; между тѣмъ, по щекамъ сами собою катились слезы,—да, слезы благодарности и нѣжнаго умиленія.

Не знаю, сколько времени простоялъ я на одномъ мѣстѣ, постоянно приходя въ себя и какъ бы умственно и сердечно оттаивая,—помню только, я былъ развлеченъ дѣтскимъ голосомъ, такимъ же свѣтлымъ и чистымъ, какъ все, что̀ меня окружало. Обернувшись къ краю рощи, гдѣ была рѣчка, я увидѣлъ дѣвочку лѣтъ шести; распустивъ по воздуху золотистые свои волосы, перевязанные у темени голубою лентой, и вся сіяя веселостью, она бѣжала, рѣзво подпрыгивая, по тропинкѣ, изгибавшейся по берегу между деревьями. Минуту спустя, между стволами мелькнуло бѣлое платье; ближе, ближе, на тропинкѣ показалась женщина и, въ то же время, послышался мягкій, какъ будто давно знакомый, давно любимый голосъ. Я прислушался, всмотрѣлся и, какъ околдованный, приросъ къ землѣ.

Эта женщина была Мери, — та самая Мери, которая послѣ столькихъ лѣтъ и такъ неожиданно явилась мнѣ на вечерѣ у князя Астраханскаго.

Какъ я сказалъ, тяжелыя впечатлѣнія этого вечера совершенно изгладились изъ моей памяти; все, что тамъ было, ушло въ безконечную даль, путалось и смутно тушевалось; ясно выступалъ изъ нея только образъ Мери, задумчиво сидѣвшей тогда въ креслахъ. Ясно припоминалъ я также свои собственныя чувства,—чувства ѣдкаго сожалѣнія и глубокой нѣжности, пробуждаемыя когда-то ея видомъ. Но сожалѣнія во мнѣ уже теперь не было;

я смотрѣлъ на нее съ нѣжностью, которая воскресала съ удвоенною силой; весь ея образъ проникалъ въ мою душу и наполнялъ ее неслыханнымъ восторгомъ.

Никогда не была она болѣе прелестна, какъ теперь, подъ этимъ сводомъ распускавшейся зелени, съ ея пепельными волосами, просто подобранными зубцами гребня, съ ея гибкимъ станомъ, перехваченнымъ широкимъ бѣлымъ платьемъ, по которому во время ея движеній скользили тѣни, перемежавшіяся съ пятнами солнца, освѣщавшими ей неожиданно то лицо, то руки, то плечи.

Ни въ одной чертѣ ея не строгаго, но ласковаго и добраго лица не было слѣда заботы; тягостныя испытанія жизни исчезли также какъ будто изъ ея памяти; она весело прислушивалась къ голосу дѣвочки, бѣжавшей впереди, и, казалось, всѣ ея мысли сосредоточивались на ней одной.

И казалось мнѣ также, чѣмъ сильнѣе сознавалъ я всю сладость настоящаго ощущенія, тѣмъ болѣе приближался я къ настоящей цѣли такъ давно волновавшихъ меня желаній; вся жизнь была какъ будто цѣлью этой встрѣчи,— да, именно этой встрѣчи въ такое утро и при тѣхъ самыхъ условіяхъ!

Неудовлетворенныя мечты, раздраженіе чувствъ и мыслей, скорбныя разочарованія, тревога ожиданій, внутренняя тоска, — все это оставалось теперь назади, прошло, невозвратимо сгладилось. Я какъ будто жилъ до сихъ поръ, постоянно чего-то съ безпокойствомъ отыскивая, постоянно не находилъ желаемаго, тревожился, падалъ духомъ и вдругъ, вдругъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, нашелъ все, чего душа такъ долго и такъ жадно просила,—нашелъ, наконецъ, счастье!

Такъ могло только быть съ человѣкомъ, который, никѣмъ не замѣченный, упалъ въ волны пространнаго моря; онъ сдѣлалъ все возможное для своего спасенія, но, наконецъ, обезсилѣлъ, и въ то время, какъ началъ опъ уже уходить въ бездну, волна раскрылась, другая счастливая волна его подхватила и вынесла на воздухъ; передъ нимъ вблизи мелькнулъ берегъ, освѣщенный солнцемъ; силы его вдругъ воскресли, онъ борется противъ волнъ и, весь истерзанный, жадно, наконецъ, хватается за край берега.

Этотъ берегъ былъ для меня Мери и весь тотъ свѣтлый уголокъ земли, ее окутавшій.

... Память на минуту измѣняетъ мнѣ... Помню, я былъ

отъ нея уже въ двухъ шагахъ... Она неожиданно повернула ко мнѣ лицо свое: черты ея не выразили удивленія; она какъ будто сама ждала меня и, ласково улыбнувшись, протянула мнѣ обѣ руки.

Крикъ, заглушенный рыданіями, — рыданіями отъ избытка счастья, — вырвался изъ груди моей, я бросился къ ногамъ ея и... и проснулся.

Я лежалъ въ постели: сѣрыя стѣны моей комнаты тускло отражали свѣтъ осенняго начинающагося петербургскаго утра. За окномъ, выходившимъ на дворъ, сыпался мокрый снѣгъ, прилипавшій къ стекламъ; на дворѣ раздавался унылый, однообразный горловой голосъ: „Халаты... халаты хорошіе... халаты!“

Я вмигъ осмыслилъ дѣйствительность, меня окружавшую, тяжело опустился на подушку, закрылъ глаза и произнесъ со вздохомъ: „Господи, зачѣмъ я проснулся?“

НЕ ПО ХОРОШУ МИЛЪ,—ПО МИЛУ ХОРОШЪ.

(этюдъ.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДОКТОРУ Л. Б. БЕРТЕНСОНУ.

„Quisquis amat, valeat;
Pereat, qui nescit amare;
Bis tanto pereat,
Quisquis amare vetat".
Casa Rufus. Pompeia.

„Любящимъ—привѣтъ;
Неумѣющимъ любить—погибель;
Дважды погибель
Запрещающимъ любить".
Античная надпись въ домѣ Руфа въ Помпеѣ.

I.

Уютный мужской кабинетъ освѣщался съ одной стороны большой лампой, прикрытой свѣтлымъ абажуромъ, съ другой, — тушевался въ красноватомъ полусвѣтѣ отъ камина съ горѣвшими угольями. Передъ каминомъ, на турецкомъ диванѣ и сбоку, въ широкихъ кожаныхъ креслахъ, сидѣло четверо мужчинъ. Всѣ четверо были школьные товарищи; у каждаго пробивала уже сѣдина; одинъ изъ нихъ, хозяинъ дома, былъ совершенно бѣлый.

Между ними издавна было такъ условлено: когда одинъ изъ нихъ, служившій на югѣ Россіи, пріѣзжалъ въ Петербургъ, всѣ четверо собирались обыкновенно у владѣльца кабинета, обѣдали у него и проводили вмѣстѣ вечеръ.

Владѣлецъ кабинета, человѣкъ съ достаткомъ, нигдѣ не служилъ; онъ, большею частью, проводилъ половину года

за границей. Изъ остальныхъ трехъ, одинъ занималъ мѣсто товарища прокурора и проживалъ въ одной изъ южныхъ губерній, другой былъ инженеръ, третій служилъ сначала въ министерствѣ просвѣщенія, но вскорѣ вышелъ въ отставку и занялся исключительно литературой.

Въ описываемый вечеръ всѣ были какъ-то особенно разговорчиво настроены: бесѣда отличалась рѣдкимъ воодушевленіемъ, хотя, надо сказать, не отличалась большою послѣдовательностью; по русскому обычаю, всѣ хотѣли говорить въ одно время, никто не давалъ другому докончить рѣчи, спѣша вставить свою мысль или замѣчаніе, отчего самый предметъ бесѣды часто разбѣгался, какъ дробь, брошенная на полъ, и рѣдко оставался исчерпаннымъ. Говорили о событіяхъ дня и года, разбирали по косточкамъ дѣйствія разныхъ лицъ, касались мимоходомъ спеціальныхъ вопросовъ, перескакивали къ отвлеченнымъ предметамъ, не обошлось, конечно, безъ болгаръ и Бисмарка, — но кончилось все-таки тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончается между холостыми мужчинами: бесѣду свели на женщинъ.

— Господа! проговорилъ литераторъ, — прошу слова! Минуту вниманія: вмѣсто того, чтобъ обмѣниваться клочками мыслей и впечатлѣній, касаться часто интереснаго предмета и, помазавъ имъ по губамъ, какъ говорится, переходить къ другому, если бъ мы разъ навсегда приняли добрый старый методъ серапіоновыхъ братьевъ, т.-е. условились въ предметѣ бесѣды, и пускай сначала одинъ что-нибудь разскажетъ, потомъ по очереди другой и т. д. Мы заговорили теперь о женщинахъ, чего же лучше! Предметъ настолько интересенъ, что, кажется, на немъ можно было бы остановиться. Въ немъ — какъ и во всемъ, важны не отвлеченныя разсужденія, которыя обыкновенно не приводятъ ни къ какому результату, важны факты, и чѣмъ фактъ ближе къ разсказчику и пережитъ имъ, тѣмъ онъ, разумѣется, занимательнѣе. Каждому изъ насъ, на вѣку своемъ, приходилось, конечно слышать множество любовныхъ приключеній; кто слышалъ, — кто самъ былъ свидѣтелемъ интересныхъ случаевъ; наконецъ, положивъ руку на сердце, — кто изъ насъ можетъ сказать какъ Пилатъ: „умываю себѣ руки“, — неповиненъ въ увлеченіи женщиной, не переживалъ съ ней ни горя, ни радостей; не знаю, заслуживаетъ ли она въ самомъ дѣлѣ поклоненія и того, чтобъ для ея любви стоило жертвовать своимъ

спокойствіемъ и часто портить свою жизнь... Мы почему-то до сихъ поръ умалчивали объ этомъ, никогда не доходили до полной откровенности... Предлагаю: сдѣлаемъ сегодня первый опытъ. Уговоримся въ очереди, и пускай каждый разскажетъ свою сердечную исторію. Намъ нечего кокетничать годами; кто изъ насъ старше? хозяинъ дома! очередь за тобой... Мы слушаемъ!

Какъ ни близки были присутствующіе между собою, но застигнутый врасплохъ хозяинъ дома нѣсколько смутился...

Минуты двѣ сидѣлъ онъ молча съ опущенной головой, наконецъ, сдѣлалъ рѣшительный жестъ и началъ:

II.

— Заставая меня иногда въ черной хандрѣ или встрѣчая печальнымъ и разсѣяннымъ, вы давно догадывались, что я скрываю въ душѣ какое-нибудь горе. Изъ деликатности вы не разспрашивали: я молчалъ вовсе не потому, что не довѣрялъ вашей скромности. Какъ мы всѣ ни дружны и, кажется, нечего уже намъ церемониться, но бываютъ въ жизни случаи до того уже интимные, до такой степени близкіе, что прячешь ихъ въ самую глубину сердца и бережешь ихъ тамъ, какъ святыню; не говоришь о нихъ впослѣдствіи изъ чувства, быть-можетъ, ложной стыдливости и, наконецъ, молчишь уже такъ себѣ — по привычкѣ.

Тѣ изъ васъ, которые благоразумны, которыми въ подобныхъ случаяхъ (если таковые были) управляли осторожность или эгоизмъ, — непремѣнно скажутъ въ концѣ моего разсказа: „ты самъ во всемъ виноватъ, самъ накликалъ себѣ горе; не надо было, очертя голову, поддаваться первому впечатлѣнію, давать волю воображенію; надобно было подумать о послѣдствіяхъ“... и т. д. Все это совершенно вѣрно; но что же прикажете дѣлать! Во-первыхъ, я неблагоразуменъ, —вы всѣ это знаете, во-вторыхъ, я всю мою жизнь былъ рабомъ моего сердца; другого начальства у меня никогда не было. Наконецъ, если ударъ, который поразилъ меня, былъ жестокъ, ему предшествовало столько счастья, что, натурально, оно не могло долго продолжаться; на свѣтѣ все уравновѣшено...

Все это произошло, надо вамъ сказать, очень давно. Это было въ то время, когда—помните?—онъ (разсказчикъ указалъ на юриста) уѣзжалъ первый разъ на службу, а я первый разъ отправлялся за границу.

Странствуя безъ особенной цѣли, остановился я въ одномъ изъ главныхъ городовъ южной Германіи.

Проходя городскимъ садомъ съ цѣлью сократить путь къ гостиницѣ, я нисколько не удивился, не встрѣтивъ тамъ живой души; было около полудня, и жара стояла нестерпимая.

Почти у выхода, на послѣднемъ поворотѣ, увидѣлъ я женщину, одиноко сидѣвшую на скамейкѣ. Въ первую минуту я не имѣлъ возможности разсмотрѣть ея лица: оно было опущено, и край шляпки закрывалъ его верхнюю половину; одѣта она была не только скромно, но бѣдно: платье темнаго цвѣта, очевидно, давно уже служило; ботинки на вытянутыхъ скрещенныхъ ногахъ также не отличались свѣжестью; перчатки показались мнѣ изношенными. Она сидѣла такъ неподвижно, что можно было подумать,—она заснула.

Я умышленно надавилъ подошвой песокъ дорожки и кашлянулъ. Она подняла голову; по лицу ея промелькнуло выраженіе не то удивленія, не то испуга; но это продолжалось секунду; она тотчасъ же отвернула голову.

Я успѣлъ однакожъ осмотрѣть ея лицо; оно не отличалось особенной красотою, но съ перваго взгляда показалось мнѣ крайне симпатичнымъ. Внезапный поворотъ головы открывалъ передо мною часть тонкой бѣлой шеи, оттѣненной вьющимся пушкомъ, и выше закручивался роскошный пучокъ волосъ чуднаго пепельнаго цвѣта. Красота волосъ и такого именно оттѣнка всегда обаятельно на меня дѣйствовала; въ прежнее время мнѣ трудно было побѣдить соблазнъ; я готовъ былъ надѣлать множество глупостей,—и дѣлалъ ихъ,—чтобы только прикоснуться къ такимъ волосамъ губами.

Не долго думая, я подошелъ къ скамейкѣ, сѣлъ на противуположный конецъ и, обратясь къ незнакомкѣ, спросилъ,—не безпокоитъ ли ее моя сигара.

Она тотчасъ же поняла, что вопросъ мой былъ только предлогомъ вступить въ разговоръ. Не отвѣчая, она сдѣлала нетерпѣливое движеніе и привстала съ мѣста; я поспѣшилъ предупредить ее,—поклонился и вышелъ изъ сада.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я остановился; мнѣ стало вдругъ совѣстно передъ нею. Вамъ покажется это страннымъ; вы скажете: нужда была заботиться о томъ, что̀ можетъ подумать незнакомая женщина, съ которой слова

не было сказано, которая только молчала и отворачивалась; все это такъ; но тутъ примѣшивалось любопытство и кромѣ того, признаюсь вамъ, все въ той женщинѣ: обликъ ея лица, ея волосы, ея поза, въ которой проглядывала естественная женственная грація,—все невольно меня къ ней притягивало.

Я вернулся въ садъ, занялъ прежнее мѣсто,—и помню,—почувствовалъ вдругъ неловкость, не зналъ рѣшительно, съ чего начать.

Я просилъ ее извинить меня въ моей докучливости, просилъ не думать, чтобы меня побуждало къ этому дерзкое чувство, такъ часто заставляющее мужчинъ привязываться къ незнакомой женщинѣ; старался объяснить ей, что въ моемъ любопытствѣ не было ничего оскорбительнаго, что оно вызвано самымъ натуральнымъ образомъ, ея одиночествомъ въ этомъ саду и въ такой часъ,—наконецъ, печальнымъ выраженіемъ ея лица, явно говорившимъ о присутствіи въ ея душѣ тягостнаго чувства.

Во время этихъ объясненій незнакомка окинула меня нѣсколько разъ робкимъ, недовѣрчивымъ взглядомъ. Мнѣ рѣдко приводилось встрѣчать глаза съ такимъ нѣжнымъ очертаніемъ вѣкъ, съ такимъ мягкимъ, бархатнымъ оттѣнкомъ въ темныхъ зрачкахъ, смотрѣвшихъ такъ, что внизу оставалась всегда частичка голубоватаго бѣлка.

Что бы тамъ ни писалось и ни говорилось объ обманчивости женскихъ глазъ, все, что самъ я испыталъ по этой части, никогда не могло вразумить меня; отдавая долю женскому лукавству, притворству и хитрости (а развѣ мы, мужчины, не хитримъ, не лукавимъ и не притворяемся?), я безусловно больше вѣрю въ честность и прямодушіе женщинъ, чѣмъ мужчинъ.

Глаза незнакомки, ея нѣсколько пухлыя губы съ опущенными углами, какъ у огорченнаго ребенка, не могли принадлежать дурной женщинѣ... Дайте мнѣ договорить до конца; вы убѣдитесь, что внутреннее чувство меня не обманывало.

Старанія мои вызвать незнакомку на разговоръ не имѣли никакого успѣха; она молчала, продолжая задумчиво водить кончикомъ зонтика по песку. Я рѣшился на послѣднюю попытку: „была-не-была, подумалъ я,—положеніе мое слишкомъ глупо, пора кончить; согласится—хорошо; не согласится — можетъ-быть, еще лучше...“ Я

подѣлъ ближе и, сколько помнится, обратился къ ней приблизительно съ такими словами:

— Послушайте, сказалъ я, смягчая насколько возможно голосъ и самую форму выраженій,—догадаться не трудно: у васъ на душѣ какая-то печаль... Мнѣ также почему-то сегодня не весело: я совершенно одинъ въ этомъ городѣ, знакомыхъ ни души, скука смертная... Предлагаю вамъ слѣдующее: предупреждаю васъ: въ моемъ предложеніи нѣтъ никакой дурной задней мысли... дѣлаю его вамъ потому только, что вамъ скучно и мнѣ также... Чѣмъ сидѣть здѣсь на жарѣ, пойдемте въ ближайшую улицу: я возьму фіакръ, отправимся куда-нибудь за городъ... Вамъ нечего бояться: даю вамъ слово исполнить малѣйшее ваше желаніе: захотите ѣхать назадъ, мгновенно вернемся... Одно у меня желаніе: чтобы вы не обидѣлись моимъ предложеніемъ... Что жъ, согласны?..

— ...Хорошо... проговорила она, но такимъ подавленнымъ голосомъ, что я едва разслышалъ.

Не оборачиваясь даже въ мою сторону, она встала и пошла прямо къ воротамъ сада. Я предложилъ ей руку, она отказалась взять ее.

Я посадилъ ее въ первый попавшійся фіакръ, назвавъ кучеру одно изъ лучшихъ загородныхъ мѣстъ, о которомъ слышалъ наканунѣ, и мы поѣхали. Я началъ ее благодарить и хотѣлъ пожать ей руку, но она быстро отодвинулась въ уголъ экипажа.

III.

Положеніе мое стало еще глупѣе. Съ каждой минутой я чувствовалъ возраставшую неловкость и начиналъ на себя досадовать. На всѣ мои разспросы она отвѣчала какъ бы нехотя, полусловами и больше отмалчивалась. „Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ согласилась она ѣхать со мною?“ спрашивалъ я себя поминутно.

„И я также хорошъ! продолжалъ я разсуждать мысленно.—Очень было нужно упрямиться и заходить такъ далеко! Вотъ я всегда такъ: всегда увлекусь, всегда отдаюсь первому впечатлѣнію“... Одно удерживало меня предложить ей вернуться назадъ: во время пути я нѣсколько разъ примѣтилъ, какъ губы ея судорожно сжимались, тонкія ноздри приходили въ движеніе, грудь сильнѣе приподымалась и глаза дѣлались влажными. Она дѣйствительно была чѣмъ-то сильно удручена и всячески стара-

лась овладѣть собою. Чувство состраданія взяло во мнѣ верхъ надъ досадой. Мнѣ приходило въ голову, что тамъ, на свободѣ, она наконецъ выскажется, и я терпѣливо сталъ ждать выѣзда изъ города.

Передъ нами открылась довольно унылая мѣстность, пересѣченная шоссе, ослѣпительно сверкавшимъ на солнцѣ между тополями; съ правой стороны подымались холмы, покрытые лѣсомъ; внизу, подъ крутымъ берегомъ, изгибался ручей, который мы только что переѣхали. Остановивъ фіакръ, я высадилъ мою спутницу, и мы машинально направились къ лѣсу. Миновавъ опушку, я пригласилъ ее сѣсть въ тѣни подлѣ берега, и самъ занялъ подлѣ мѣсто.

Не знаю, бывали ли вы когда-нибудь въ такомъ положеніи, но могу васъ увѣрить, ничего не можетъ быть тягостнѣе. Несравненно было бы проще сказать ей: если такъ, если ужъ вы непремѣнно дали клятву молчанія,— сядемъ снова въ фіакръ, я довезу васъ до дому и прощайте! Но у меня недоставало на это рѣшимости; такой поступокъ казался мнѣ непростительно грубымъ противъ женщины, кто бы она ни была.

Съ другой стороны, упорное молчаніе незнакомки начинало дѣйствовать на меня раздражительно. Подъ вліяніемъ ли такого чувства или, скорѣе, вслѣдствіе тоскливыхъ мыслей, которыя сами собою напрашивались,—я началъ говорить въ общихъ фразахъ о положеніи дѣвушки, брошенной на произволъ въ большомъ городѣ... Въ надеждѣ тронуть наконецъ мою незнакомку и вызвать въ ней хоть какое-нибудь оживленіе, я принялся дальше развивать мою мысль и, мало-по-малу увлекаясь, заговорилъ о дурныхъ примѣрахъ въ семьѣ и бѣдности, заставляющей молоденькую дѣвушку иногда противъ воли сдѣлать первый шагъ и потерять себя... Заговорилъ о соблазнахъ всякаго рода, испорченности нравовъ, эгоизмѣ мужчинъ— часто даже ихъ безчеловѣчной жестокости въ иныхъ случаяхъ...

Но тутъ произошло что-то странное, отъ чего я въ первую минуту едва могъ придти въ себя.

Все время какъ я говорилъ, она сидѣла ко мнѣ съ полуоборота, упираясь локтемъ въ траву.

При послѣднихъ моихъ словахъ она вдругъ упала лицомъ въ траву и зарыдала, но зарыдала такимъ рыданьемъ, отъ котораго у меня полоснуло по сердцу.

Я бросился ее успокоивать, умолялъ простить меня,

увѣрялъ и клялся въ добромъ намѣреніи моихъ словъ, умолялъ довѣрить мнѣ ея горе,—ничего не помогало; она продолжала такъ же горько рыдать. Но когда я всталъ передъ ней на колѣна, стараясь приподнять ее, она неожиданно упала мнѣ на руки и, не обращая ко мнѣ лица, вдругъ заговорила.

Сквозь всхлипыванья, которыя разрывали ей грудь, — я могъ только разслышать: „Первый разъ... первый слышу такія слова... никто не говорилъ такъ со мною... Если вы добрый... спасите... спасите меня... не дайте мнѣ погибнуть!..“

Я былъ глубоко растроганъ и тутъ же обѣщалъ исполнить всѣ ея желанія. Послѣ того, какъ она немного успокоилась, я подвелъ ее къ ручью, далъ ей напиться и повелъ подъ руку къ фіакру. Во все время пути тѣло ея судорожно вздрагивало; я чувствовалъ — у меня самого руки и ноги тряслись какъ въ лихорадкѣ.

Въ городѣ она не захотѣла, чтобы я подвезъ ее къ дому; когда я предложилъ ей руку, она снова отказалась взять ее и пошла рядомъ со мною.

Жила она въ отдаленномъ кварталѣ въ верхнемъ этажѣ большого дома, гдѣ нанимала комнату въ семействѣ столяра; комната была крошечная, въ одно окно, смотрѣвшее на черепичныя кровли; вокругъ слышались дѣтскіе плачъ и крики, носился горько-кислый запахъ стирки; бѣдность обстановки била въ глаза: табуретъ вмѣсто стула, низкая узенькая желѣзная кровать, вѣшалка съ юбками и ситцевой кофтой; на комодѣ примѣтилъ я тарелку съ кускомъ ветчины и часть домашняго хлѣба. Сама она показалась мнѣ крайне смущенной, взволнованной, не знала положительно, что̀ сказать. Чтобы скорѣе вывести ее изъ затрудненія,—я предложилъ отправиться обѣдать въ одинъ изъ загородныхъ ресторановъ и вмѣстѣ провести вечеръ.

Тамъ, послѣ обѣда, сидя въ глухой части сада, узналъ я ея исторію.

Исторія самая обыкновенная: отецъ пьяный мастеровой, мачиха, куча босыхъ дѣтей, нищета... Десяти лѣтъ отдали ее въ картонажное заведеніе съ уплатой въ мѣсяцъ по два талера, служившіе обыкновенно поводомъ къ потасовкамъ между отцомъ и мачихой; каждому хотѣлось воспользоваться этими деньгами. Семнадцати лѣтъ она лишилась отца; вскорѣ послѣ того ее переманили на игрушечную фабрику въ тотъ большой городъ, гдѣ я ее встрѣ-

тилъ. Жилось ей очень трудно,—но она была счастлива уже тѣмъ, что избавилась отъ мачихи.

Простодушная откровенность, съ которой она до сихъ поръ говорила, неожиданно измѣнила ей; старанія скрыть свою неловкость были очевидны, и я поспѣшилъ перевести разговоръ на самого себя. Съ умышленною веселостью сталъ я разсказывать разные случаи, встрѣтившіеся мнѣ во время путешествія. Она мгновенно оправилась, но намѣреніе мое остановить ее отъ дальнѣйшаго признанія и желаніе ее развлечь,—не ускользнули отъ ея вниманія. Слушая меня, она первый разъ, можно сказать,—стала внимательно прислушиваться къ моимъ словамъ, смотрѣть мнѣ прямо въ лицо и какъ бы успокоиваться въ моемъ присутствіи.

Въ ея чертахъ и взглядахъ изобразилось при этомъ столько простосердечія, столько хорошаго, добраго чувства, что у меня какъ рукой сняло набѣжавшія было дурныя мысли.

IV.

Дальше кончилось вотъ чѣмъ: вмѣсто того, чтобы прожить въ этомъ городѣ нѣсколько дней, какъ прежде предполагалось,—я прожилъ въ немъ два съ половиной мѣсяца и съ каждымъ днемъ больше и больше привязывался къ этой дѣвушкѣ. Къ такому чувству, надо сказать, сильно также примѣшивалось чувство глубокаго состраданія; оно не давало мнѣ покоя. У меня положительно не хватало сердца оставить ее на произволъ судьбы; въ эти два съ половиной мѣсяца я убѣдился, насколько она въ этомъ дѣлѣ заслуживала сердечнаго участія. Все, что она видѣла и что испытала, какъ бы скользнуло по ней, не прикоснувшись къ ея уму и сердцу; къ удивленію моему, то и другое сохранило что-то дѣтское, простодушное, въ связи съ прирожденной честностью.

Мысль о томъ, что̀ ожидаетъ ее впереди,—что рано или поздно она должна будетъ погибнуть,—не оставляла меня на минуту.

Я по природѣ моей антиподъ Печорину и вообще ненавижу ловеласовъ и Донъ-Жуановъ, у которыхъ вмѣсто сердца трепещетъ какая-то дикая кошка съ вѣчно выпущенными когтями. Съ другой стороны, привязанность моя начинала пугать меня. Чѣмъ дольше будетъ она продолжаться,—думалъ я,—тѣмъ тяжелѣе будетъ разлука. Обез-

печить ее настолько, чтобы спасти на всю жизнь отъ бѣдности, я не могъ; я тогда не владѣлъ еще моимъ состояніемъ; и, наконецъ, какъ ни былъ я увлеченъ, — я понималъ несообразность устроить судьбу женщины, случайно встрѣченной на пути; я началъ тогда самъ себя обманывать увѣреніями, что не устою противъ долгой разлуки; ее увѣрялъ, что скоро вернусь назадъ, скоро снова увидимся. Горчѣе всего было мнѣ видѣть, какъ она, въ дѣтскомъ своемъ простодушіи, — всему искренно вѣрила.

Разлука у дверецъ вагона была тѣмъ не менѣе очень тяжела; сколько я ни крѣпился, я не могъ удержаться отъ слезъ, обнимая ее, — заплакалъ потому, можетъ-быть, что она рыдала навзрыдъ, не стѣсняясь присутствующими.

Въ слѣдующемъ городѣ, при перемѣнѣ поѣзда, я случайно встрѣтился съ нашимъ общимъ товарищемъ Зарубинымъ; онъ также ѣхалъ въ Италію. Помните, что это былъ за славный малый: и сердце хорошее, и умница большой! Мы другъ другу очень обрадовались и поспѣшили занять мѣсто рядомъ въ одномъ вагонѣ.

Подъ впечатлѣніемъ только что испытанной разлуки,— я высказалъ ему обо всемъ случившемся, ничего не утаивая. Оглянувъ меня съ удивленіемъ, онъ слушалъ, сначала недовѣрчиво улыбаясь и пожимая плечами; вскорѣ однакожъ, убѣдясь, что то, что я высказываю, затрогивало меня глубже, чѣмъ ему прежде казалось, онъ сдѣлался внимательнѣе и серьезнѣе.

Мы пріѣхали въ Геную, остановились въ той же гостиницѣ и заняли общій номеръ.

Я не могъ сомкнуть глазъ во всю ночь; тоска невыразимая, капля за каплей, вливалась мнѣ въ душу. Разлука съ нею чувствовалась несравненно острѣе, чѣмъ наканунѣ; теперь только какъ бы вполнѣ сознавалъ я всю силу моей привязанности, сознавалъ весь ужасъ будущей судьбы покинутой дѣвушки. Къ утру безпокойство мое увеличилось до того, что Зарубинъ самъ встревожился и счелъ долгомъ приступить къ совѣтамъ и увѣщаніямъ. Но слова его, полныя дружескаго чувства и самыхъ добрыхъ намѣреній, служили только какъ бы упрекомъ моему безсердечію. Онъ поспѣшилъ повести меня въ городъ. Къ общему нашему удивленію, городъ со всѣми его чудесами искусства, которыя мнѣ такъ давно хотѣлось видѣть,—не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія. Я думалъ только

о ней одной, напрягалъ память, стараясь припомнить только ея черты, глаза и волосы; мысленно слѣдилъ за ея движеніями и не могъ дать себѣ отчета, какъ достало у меня силы оставить ее, и ежеминутно проклиналъ свое благоразуміе.

На третій день я не выдержалъ: тайкомъ убѣжалъ отъ Зарубина, опасаясь его увѣщаній, явился на станцію желѣзной дороги и послалъ ей телеграмму съ извѣщеніемъ, что ѣду въ тотъ же вечеръ и завтра буду снова съ нею.

Возвратясь въ гостиницу, я тотчасъ же все разсказалъ Зарубину; онъ сначала широко развелъ руками, но вдругъ обнялъ меня и проговорилъ:

— Ну... Ну, Богъ съ тобой... Какъ знать, быть-можетъ, я сдѣлалъ бы то же самое!

Во всю дорогу я находился въ лихорадочномъ состояніи. Оно усиливалось, по мѣрѣ того, какъ путь сокращался. Окрестные виды, разговоры сосѣдей, случайности пути,—на секунду не занимали моего любопытства. Я видѣлъ передъ собою только ея лицо и мысленно цѣловалъ съ жадностью ея пепельные волосы...

Приближаясь къ ожидаемому городу, поѣздъ сталъ замедлять ходъ и, наконецъ, въѣхалъ на станцію. Изъ открытаго вагона увидѣлъ я на платформѣ женщину, бѣгущую навстрѣчу и махающую платкомъ. Какъ я выскочилъ изъ вагона, не помню; помню только, я бросился обнимать ее съ бѣшеною горячностью; разсудокъ мой положительно помрачался отъ счастья. Видъ ея пробуждалъ во мнѣ такой внезапный порывъ страсти, какъ будто я любилъ ее и былъ любимъ ею не два мѣсяца, но цѣлые годы и встрѣчался съ нею послѣ долгой, мучительной разлуки. Что она чувствовала, не знаю; передаю вамъ теперь мои собственныя ощущенія.

Съ этого дня мы уже не разставались.

V.

Первою моею мыслью было увезти ее какъ можно скорѣе изъ этого города. Когда я сообщилъ ей объ этомъ, она вся просіяла отъ счастья и бросилась мнѣ на шею. Три дня спустя все было готово къ отъѣзду.

Мнѣ много разъ приводилось слышать разсказы о приморскихъ деревушкахъ въ Нормандіи; мы прямо туда отправились. Осенью рѣшено было ѣхать вмѣстѣ въ Петербургъ.

Въ Майнцѣ надо было, однакожъ, остановиться. Она начала вдругъ кашлять и неожиданно вся какъ-то ослабла. Но испугъ мой не былъ продолжителенъ. Докторъ объявилъ послѣ осмотра, что опасенія мои насчетъ простуды или предполагаемой грудной болѣзни неосновательны; онъ нашелъ, однакожъ, ея комплекцію вообще слабой, надорванной, требовавшей большой осторожности; внезапный упадокъ силъ объяснялъ онъ тѣмъ, что̀ въ послѣднее время она перенесла, должно-быть, сильное нравственное потрясеніе и, какъ натурѣ въ высшей степени нервной и впечатлительной, ей не прошло это даромъ.

Разсказы о нормандскихъ приморскихъ деревушкахъ превзошли мои ожиданія. Я нашелъ все то, что при тогдашнемъ душевномъ настроеніи было всего дороже: нашелъ полную тишину, почти безлюдье, дававшія возможность жить, какъ хотѣлось, не рискуя попасть на докучливыя встрѣчи и нескромные взгляды; нѣсколько буржуазныхъ семействъ, пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ маленькихъ городковъ, составляли все общество. Я былъ въ восторгѣ.

Мы прожили такъ блаженствуя до половины сентября. Къ концу этого срока я не могъ уже представить себѣ возможности жить безъ нея. Мимо физическаго обаянія, которое овладѣвало мною все сильнѣй и сильнѣй, несмотря на полное обладаніе, меня привязывали къ ней прекрасныя свойства характера. Рѣдкій день не радовала меня въ ней новая хорошая черта. Она положительно рождена была для мирной семейной жизни; наконецъ, самая ея природа, нѣжная, чуткая, деликатная, не выдержала бы другого рода существованія.

Припоминая мрачную среду, окружавшую ея дѣтство, и послѣдующую обстановку, я понять не могъ, какимъ образомъ могла она сохранить столько хорошихъ качествъ? Извольте послѣ этого оспаривать могущество природныхъ инстинктовъ! Откуда они берутся, какъ сохраняются вопреки самыхъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, — принадлежитъ къ неразгаданнымъ тайнамъ человѣческой природы.

До того времени, надо вамъ сказать, я не испытывалъ чувства любви, хотя, какъ говоритъ св. Августинъ: „любилъ любить“... Между нами несравненно меньше людей, которые хотятъ и могутъ любить, чѣмъ такихъ, которые хотятъ только, чтобы ихъ любили. Вѣроятно, я при-

надлежу и къ тѣмъ, и къ другимъ потому, что самъ горячо любилъ и чувствовалъ на себѣ все блаженство быть искренно любимымъ. Я видѣлъ, какъ чувство это постепенно въ ней зарождалось и развивалось. Оба мы были какъ потерянные отъ счастья нашей встрѣчи, давшей намъ случай принадлежать другъ другу. Ни мнѣ, ни ей не приходила теперь, конечно, мысль возможности разлуки.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я нанялъ квартиру; я жилъ тогда съ отцомъ и иначе невозможно было устроиться. Время, конечно, я проводилъ съ нею. Надо было видѣть ея счастье, когда вдругъ очутилась она въ безбѣдной обстановкѣ, распорядительницей маленькаго хозяйства. Я уже говорилъ вамъ, она рождена была для семейной сферы. Любовь ея ко мнѣ просвѣчивала въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ;—говорю: просвѣчивала потому, что она не выражалась горячими порывами или страстными рѣчами. Между различными родами любви существуютъ, сколько я замѣтилъ, два главные рода; одинъ можно назвать горизонтальнымъ, другой — вертикальнымъ; ея чувство ко мнѣ принадлежало къ послѣднему, т.-е. оно проходило въ глубину ея существа и оттуда уже распространялось, сообщая теплоту всему окружающему.

Кто знаетъ! быть-можетъ, вмѣсто того, чтобы бесѣдовать, какъ мы теперь это дѣлаемъ, мы сидѣли бы точно такъ же у меня, но съ нами была бы любимая мною женщина... Я тогда же думалъ открыть мою связь отцу и рѣшилъ соединить мою судьбу съ этой дѣвушкой. Предразсудковъ у меня никогда никакихъ не было, да и что за предразсудки, когда дѣло идетъ о счастіи жизни! По всему этому, какъ видите, не суждено было осуществиться! Еще доказательство, какъ жалки мы, когда гордимся нашей волей и похваляемся нашимъ могуществомъ!

Разъ (это было въ серединѣ зимы), она цѣлый день жаловалась на головную боль; на слѣдующій день я замѣтилъ у нея какое-то угнетенное состояніе, боль усилилась, а къ вечеру она горѣла какъ въ огнѣ, лежала въ постели и бредила. Докторъ пока еще ничего не могъ опредѣлить съ точностью; но уже съ первыхъ его словъ мною овладѣло безпокойство. Предчувствіе меня не обмануло: на третій день у нея открылся тифъ.

VI.

Съ этого дня я жилъ, точно одержимый тяжелымъ ударомъ. Мысль потерять ее положительно сводила меня съ ума. „За что? къ чему это?.. зачѣмъ?.. кому это нужно?..“ не переставалъ я повторять, глотая слезы, хотя зналъ, что Промыслу совершенно все равно, и человѣческія терзанія, горести и заботы встрѣчаютъ въ Немъ полнѣйшее равнодушіе. Иногда мною овладѣвалъ паническій страхъ; я спѣшилъ выбѣжать на улицу, но всюду, куда ни уносили меня шаги, всюду встревоженное воображеніе рисовало передо мною отпечатокъ ея изнуреннаго лица, которое какъ бы уже не было ея прежнимъ лицомъ; похудѣвшія ея руки представлялись мнѣ вдругъ похолодѣвшими, и я бѣжалъ домой, задыхаясь отъ мысли, что, быть-можетъ, не застану ее уже въ живыхъ. Всего ужаснѣе были ночи; имъ, казалось, конца не было; я спалъ не раздѣваясь подлѣ ея комнаты, прислушиваясь къ ея дыханію, теряя соображеніе о томъ, какъ протекало время. Разстроенные мои нервы пріобрѣли необыкновенную чуткость; неуловимое для слуха движеніе, звукъ въ сосѣдней комнатѣ,—наполняли меня тревогой, и я чувствовалъ, какъ ознобъ пробѣгалъ въ волосахъ моихъ; я быстро приподымался, подходилъ къ двери, прислушивался... Все было тихо, слышалось только ея слабое дыханіе, и слезы сами собою капали изъ глазъ моихъ. Но возвращался ли я на прежнее мѣсто, прислушивался ли издали къ ея дыханію, или подходилъ къ ея изголовью,—во мнѣ жила одна только мысль: мысль, что, быть-можетъ, не сегодня-завтра ея уже не будетъ у меня, она исчезнетъ, навсегда исчезнетъ; безъ возврата, *безъ возврата!* Какое страшное слово!!.

У меня не оставалось никакой надежды на ея спасеніе. Послѣ одного изъ консиліумовъ (это былъ послѣдній) одинъ изъ докторовъ, котораго я прежде хорошо зналъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, и когда я вдругъ заплакалъ, проговорилъ мягкимъ голосомъ: „Все было испробовано... все... что жъ дѣлать!... вамъ надо успокоиться“...

Послѣдняя ночь особенно врѣзалась въ мою память. Ей стало какъ будто вдругъ легче. Надежда мгновенно возвратилась ко мнѣ. „Развѣ не часто случается докторамъ ошибаться!.. быть-можетъ, произошелъ переломъ бо-

лѣзиц... они не предвидѣли этого...“ мелькнуло у меня въ головѣ, и я опрометью бросился за докторомъ.

Былъ седьмой часъ утра: свѣтъ едва начиналъ проникать морозную мглу, въ которой уныло открывались пустынныя петербургскія улицы. Какъ на зло, не было ни одного извозчика; зову изо всѣхъ силъ, — никакого отклика... Тотъ только, кому приводилось переживать такія минуты, можетъ понять, въ какомъ я былъ тогда отчаяніи. Наконецъ, далеко уже отъ дома напалъ я на сани. Пріѣзжаю, взбѣгаю задыхаясь на лѣстницу, звоню; говорятъ: докторъ всю ночь провелъ у такого-то больного; беру адресъ (это было на другомъ концѣ города), вхожу: говорятъ: докторъ только что уѣхалъ и прямо отправился въ клинику. Скачу на Петербургскую сторону; но меня, безъ умысла, конечно, ложно направили: доктора въ клиникѣ не было... Въ мучительной душевной тревогѣ возвращаюсь на минуту домой, чтобы узнать: что и какъ? но застаю ее... застаю ее уже мертвой!..

Избавлю васъ отъ дальнѣйшаго... проговорилъ разсказчикъ, махнувъ рукою и подавляя вздохъ.

VII.

— Теперь, въ заключеніе моей исторіи, подхватилъ онъ послѣ минуты молчанія,—скажите мнѣ, въ свою очередь, что было бы лучше: послушаться тогда голоса благоразумія, не заходить такъ далеко, оставить эту дѣвушку проживать въ своемъ городѣ, думая, что рано или поздно она утѣшится, или поступить, какъ я сдѣлалъ, дать полную волю своему увлеченью?..

— Послѣднее, конечно, лучше! съ горячностью заговорилъ литераторъ, — въ тысячу разъ лучше!!. Увлеченье твое накликало тебѣ много горя, но рядомъ также, благодаря ему, сколько было пережито счастья! Не долгое время, правда, но ты жилъ полнымъ сердцемъ, любилъ и былъ любимъ, а это чего-нибудь да стóитъ! Ты лучше сдѣлалъ потому еще, что далъ пожить счастьемъ другому существу, обреченному судьбою никогда, можетъ-быть, не знать счастья!.. Прежде чѣмъ увлечься красивой симпатичной женщиной, тебя влекло къ ней чувство сожалѣнія, состраданія, глубокое человѣческое чувство! Довольно было бы одного этого для оправданія твоего увлеченья, даже въ томъ случаѣ, когда женщина, которую ты хотѣлъ спасти, оказалась бы недостойной всего того, что

ты для нея сдѣлалъ!.. Изъ твоей исторіи я вывожу также слѣдующее заключеніе: для отысканія истиннаго счастья съ женщиной не существуетъ, какъ руководство, даже приблизительной теоріи вѣроятности; тутъ можно сказать безошибочно: не знаешь, гдѣ найдешь, — гдѣ потеряешь! Все основано на случайности. При встрѣчѣ съ женщиной, иногда остановишься, скажешь себѣ: какая у нея симпатичная наружность, и проходишь мимо, не подозрѣвая, что прошелъ, можетъ-быть, именно мимо настоящаго своего счастья... Въ жизни все случай! И случай этотъ часто дальновиднѣй и умнѣе нашихъ мудрствованій, предначертаній и обдуманныхъ плановъ...

— Замѣчаніе твое справедливо, вмѣшался инженеръ,— но чего я никогда не могъ понять въ исторіи любви, это—внезапнаго возбужденія страсти. Его увлеченіе (онъ указалъ на хозяина дома) было быстро, но тутъ все-таки чувствуется еще нѣкоторая постепенность: началось съ сожалѣнья, потомъ мало-по-малу втянулся, потомъ полюбилъ, все это понятно. Я говорю о тѣхъ случаяхъ, когда взглянулъ на женщину—и готово: завертѣлся турманомъ и хлопъ объ земь, какъ прострѣленный тетеревъ.

— Увлеченія этого рода, однакожъ, фактъ,—фактъ, не допускающій противорѣчія, сказалъ литераторъ;—примѣры внезапной страсти слишкомъ часто повторяются, чтобы можно было сомнѣваться въ ея возможности. Сколько помнится, въ литературѣ первый разъ изобразилъ ее Шекспиръ въ трагедіи *„Ромео и Юлія“*,— заставляя воскликнуть Ромео при первомъ взглядѣ на Юлію:

„Кто дама та, что подала сейчасъ
Синьору руку?!.
Такъ можетъ поразить
Лишь яхонтъ насъ, сверкающій на кожѣ
Нубіянки!.. Нѣтъ на землѣ дороже
Сокровища!!.“

И когда, въ свою очередь, Юлія, увидавъ Ромео, спрашиваетъ у кормилицы: „кто этотъ кавалеръ?“ и узнавъ, что онъ изъ семейства Монтеки, говоритъ съ грустью:

„Какъ зло судьба сыграла
Со мной,—вселивъ къ врагу любовь въ меня!!..“

— Да, но это въ поэзіи...

— Въ поэзіи!!. Во-первыхъ, любезный другъ, поэзія Шекспира часто вѣрнѣе дѣйствительности, — и это нисколько не парадоксъ, подхватилъ литераторъ. Изобра-

жая то или другое душевное движеніе, онъ сосредоточиваетъ въ немъ такое множество однородныхъ чертъ, что ихъ совокупность составляетъ какъ бы квинтэссенцію изображаемаго чувства; вотъ почему, мнѣ кажется, иное душевное движеніе въ Шекспировской поэзіи сильнѣе насъ поражаетъ и на насъ дѣйствуетъ, чѣмъ если бъ мы встрѣтились съ нимъ въ дѣйствительности; во-вторыхъ: желаешь историческихъ фактовъ? Изволь! Беру наобумъ первый, который приходитъ въ память: герцогиня Берійская,—дочь регента Франціи, — самое балованное, капризное женское существо, когда-либо виданное; кромѣ того, женщина надменная до невозможности, искренно вѣрившая, что въ жилахъ ея течетъ голубая кровь, отличающая ее отъ остальныхъ смертныхъ; высота ея общественнаго положенія казалась ей недосягаемой; все, что ее окружало, преклонялось передъ ней, какъ передъ божествомъ, и обожало ее или притворялось обожающимъ... Вотъ однакожъ что̀ случилось: однажды во время прогулки застигла ее гроза; пошелъ ливень; она бросилась бѣжать, но на пути встрѣтилась лужа; ни направо, ни налѣво — обойти невозможно; перескочить было еще труднѣе. Въ числѣ сопровождавшихъ ее лицъ находился недавно поступившій къ ней въ свиту кавалеръ де-Ріомъ, — бѣдный офицерчикъ, весьма некрасивый собою: бѣлобрысый, съ красноватой кожей, коротенькаго роста и даже, по свидѣтельству лѣтописца герцога Сенъ-Симона, съ прыщами на лицѣ! Не говоря дурного слова, Ріомъ стремительно бросается къ герцогинѣ и, прежде чѣмъ она успѣла опомниться, беретъ ее въ охапку немного ниже таліи и переноситъ черезъ лужу. Съ той минуты герцогиню точно опоили дурманомъ; она признавалась,—прикосновеніе Ріома огнемъ прошло во всемъ ея тѣлѣ; и днемъ и ночью она только имъ бредила; кончилось тѣмъ, что, забывъ гордость и величіе своего сана, она тайно съ нимъ обвѣнчалась, терпѣливо переносила его капризы, покорялась ему, какъ послѣдняя раба. Другой такой же примѣръ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Стендаль, писавшій въ двадцатыхъ — тридцатыхъ годахъ подъ псевдонимомъ „*Бейль*“. Катаясь однажды въ коляскѣ съ хорошенькой женщиной по улицамъ Берлина, — они встрѣтили красиваго молодого лейтенанта, ѣхавшаго верхомъ. При первомъ взглядѣ на него, лицо спутницы Стендаля мгновенно разгорѣлось румянцемъ. Съ этой минуты ею овладѣла за-

думчивость и, вмѣстѣ съ нею, всѣ ея движенія выразили явное нервное безпокойство. Вечеромъ они поѣхали въ театръ. Тутъ, сидя въ ложѣ, она призналась Стендалю, что съ того времени, какъ произошла извѣстная ему встрѣча, она не знаетъ покоя, живетъ точно въ лихорадкѣ, а умъ ея занятъ постоянно однимъ лейтенантомъ. Она между тѣмъ никогда не имѣла случая обмѣняться съ нимъ словомъ.—„Если бъ не робость,—говорила она,—я бы тогда же, какъ только вернулась домой, послала ему приглашенье“... Черты ея во время этихъ объясненій отражали всѣ признаки сильнаго страстнаго возбужденья. На другой день продолжалось то же самое. По прошествіи трехъ дней лейтенантъ, съ которымъ она успѣла познакомиться, выказалъ себя, вѣроятно, настолько глупымъ и ненаходчивымъ, что совершенно пересталъ занимать ее. Мѣсяцъ спустя, она не хотѣла о немъ слышать!..

— Послѣдніе два примѣра мнѣ понятны, сказалъ инженеръ,—дѣло объясняется здѣсь физическимъ влеченіемъ, какъ это было, напримѣръ, у другого кавалера,—кавалера де-Гріе...

— Позволь, позволь... я снова долженъ остановить тебя, перебилъ литераторъ,—если бъ у де-Гріе была къ Манонъ Лескò только чувственность, какъ ты говоришь, книга аббата Превò не заслуживала бы большого вниманія. Де-Гріе дѣйствительно находился подъ физическимъ обаяніемъ своей возлюбленной, но онъ присоединялъ къ этому любовь и прощеніе; прощеніе! понимаешь! Оба эти чувства, такъ прекрасно выраженныя авторомъ, освѣщаютъ всю личность де-Гріе, заставляютъ прощать ему его слабости и ставятъ самую книгу въ число безсмертныхъ литературныхъ произведеній.

VIII.

— Припоминаю теперь другой случай, продолжалъ литераторъ, — онъ въ томъ же родѣ, но болѣе характерный, чѣмъ предыдущіе. Его разсказываетъ свидѣтель, нѣкто Бòдмеръ, нѣмецкій писатель конца восемнадцатаго и начала нынѣшняго столѣтія. Въ одномъ изъ германскихъ дворовъ и, кажется, чуть ли опять не въ Берлинѣ, находилась фрейлина—извѣстная въ то время красавица. Она соединяла съ красотой аристократическое имя, умъ, большое состояніе и блистала молодостью, ей было всего двадцать три года. Во всей Германіи не было въ то время

второго экземпляра такой невѣсты. Въ ухаживателяхъ всякаго рода и настоящихъ влюбленныхъ недостатка не было; представлялись блестящія партіи; лица изъ высшей германской аристократіи добивались ея руки; она безразлично всѣмъ отказывала, говоря, что выйдетъ замужъ только по любви, но до сихъ поръ не понимаетъ этого чувства. Невозмутимость своего сердца приписывала она, не шутя, природному недостатку.

Однажды танцуетъ она на придворномъ балѣ съ какимъ-то кирасиромъ.

Съ этой минуты, разсказывала она потомъ, онъ овладѣлъ ею до такой степени, что все въ ней сосредоточилось въ тотъ вечеръ на одной цѣли: смотрѣть на него и наблюдать надъ тѣмъ, обращаетъ ли онъ на нее вниманіе; въ теченіе часа, онъ сталъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Когда кончились танцы и король удалился въ свои комнаты, кирасиръ ушелъ изъ дворца вмѣстѣ съ другими офицерами. Смертная тоска овладѣла ею, какъ только онъ скрылся изъ ея глазъ. Ничто не могло ее утѣшить и, возвратясь домой, она призналась близкимъ лицамъ, что въ эту ночь дорого заплатила за свою гордость и холодность. Страсть, внезапно ею овладѣвшую, объясняла она дѣйствіемъ высшей какой-то власти. Она не находила словъ, чтобы приблизительно даже высказать, какимъ образомъ одинъ *его видъ* приводилъ въ безпорядокъ все ея существо какъ физическое, такъ и умственное. „Если бъ, говорила она, — съ первыхъ словъ, какъ началось наше знакомство, онъ сдѣлалъ бы мнѣ вопросъ: обожаете ли вы меня?—я не въ силахъ была бы удержаться и отвѣтила бы немедленно: *да!* Въ помыслахъ моихъ не было, чтобъ страсть могла родиться такъ быстро; я серьезно начинала думать, что была опоена какимъ-нибудь зельемъ!“

Послѣдствія были такія, что вскорѣ весь дворъ, весь городъ узнали о ея связи; произошелъ ужаснѣйшій скандалъ. Исторія эта имѣла трагическій конецъ, о которомъ говорила тогда вся Германія. Сама ли она отравилась, или была отравлена любовникомъ,—осталось тайной.

Слѣдуетъ теперь спросить: въ чемъ же собственно заключались чары того кирасира? Чѣмъ могъ онъ вдругъ сокрушить такую невозмутимо-холодную красавицу? Сдѣлавъ себѣ, вѣроятно, тотъ же вопросъ, Бодмеръ,—свидѣтель всей этой исторіи,—прибавляетъ: „что жъ касается этого офицера, онъ отличался тѣмъ только, что ловко

танцовалъ, былъ веселъ, самоувѣренъ,—едва ли даже былъ благороднаго происхожденія и приглашался ко двору только по списку въ качествѣ танцора...“

IX.

— Не менѣе интересный примѣръ такого рода увлеченія представляетъ Байронъ; это происходило, кажется, въ 1817 году, когда онъ проживалъ въ Венеціи. Знакома вамъ его исторія съ Маргаритой Коньй?

Нѣкоторые изъ присутствующихъ что-то припоминали, но не ясно, другимъ исторія была неизвѣстна.

— Трудно, кажется, предположить, продолжалъ литераторъ,—чтобы Байронъ,—этотъ праправнукъ Донъ-Жуана и чуть ли не родной дядя нашего Печорина,—способенъ былъ покориться женщинѣ до такой степени, чтобы быть у нея въ повиновеніи, заставить молчать свое чудовищное самолюбіе, — словомъ, быть подъ башмакомъ. Такъ однакожъ случилось, и самое курьезное въ томъ, что женщина эта была ни больше, ни меньше, какъ самая простая венеціанская мѣщанка-булочница по профессіи; звали ее: Маргарита Коньй. Байронъ встрѣтилъ ее случайно, затащилъ во дворецъ Мончѐниго, который нанималъ для себя и многочисленной своей прислуги — и съ этого дня сдѣлался совершенно ея рабомъ. Неуживчивость и строптивость нрава, надменность и деспотическое чувство, сколько разъ выказанное имъ къ другимъ прекраснѣйшимъ женщинамъ,—все это какъ бы рукой сняло. Онъ исполнялъ безпрекословно малѣйшіе капризы венеціанки, терпѣливо сносилъ ея вспышки и часто грубыя оскорбительныя выходки. Такъ, отправился онъ какъ-то въ гондолѣ на Лидо; неожиданно налетѣла буря, и онъ чуть не погибъ въ лагунахъ. Маргарита оставалась дома. Предвидя опасность, она пришла въ неописанное волненіе: не покидая ни на секунду лѣстницы дворца, спускавшейся въ большой каналъ, она бросала во всѣ стороны растерянные взгляды, то и дѣло посылала проклятія и небу, и самому Байрону. Увидавъ, наконецъ, ожидаемую гондолу съ сидѣвшимъ въ ней благополучно Байрономъ, она дала ему подойти къ лѣстницѣ; не успѣлъ онъ еще поставить ногу на ступень, она какъ тигрица вцѣпилась въ его плащъ и, не обращая вниманія на гондольеровъ и выбѣжавшую прислугу, прокричала бѣшенымъ голосомъ: „Ахъ ты, колченогая собака св. Мадонны! Не нашелъ лучшаго времени,

чтобы ѣхать на Лидо!?..“ Онъ смиренно смолчалъ; кромѣ того, былъ въ восторгѣ отъ ея встрепанныхъ волосъ и возбужденнаго выраженія на лицѣ. Въ одномъ изъ писемъ къ Томасу Медвину онъ такъ выражается, говоря о Маргаритѣ: „долгое время я былъ ею подавленъ; часто сопротивлялся я такому вліянію, но никогда не могъ побѣдить его!..“ Ясно, кажется!

Вы можете мнѣ замѣтить, я привожу слабыя доказательства, такъ какъ до сихъ поръ выставлялъ случаи, въ которыхъ главную роль играли эксцентрическія личности; но что же дѣлать, когда такія личности были всегда на виду, всегда всѣхъ занимали и о нихъ всегда больше говорилось. Нѣтъ никакого сомнѣнія, въ жизни самыхъ обыкновенныхъ, незамѣтныхъ смертныхъ встрѣчаются тѣ же примѣры. Какъ знать! Быть-можетъ, на этой самой улицѣ, въ этомъ домѣ, подлѣ насъ, за этой стѣной, находится женщина или мужчина, подавленные въ настоящую минуту увлеченіемъ такого рода.

X.

Порывы эти объясняются такимъ образомъ: въ то время, какъ въ одномъ изъ тайниковъ нашей природы начинаетъ зарождаться стремленіе одного пола къ другому, въ другомъ тайникѣ,—въ мозгу ли, въ душѣ ли, неизвѣстно,—происходитъ другая работа: туда налетаютъ и тамъ постепенно складываются мечтательные образы, иногда отдѣльныя черты, отвѣчающія инстинктивно нашимъ прирожденнымъ вкусамъ и симпатіямъ. Я не спиритъ, но охотно готовъ вѣрить, что симпатіи эти приходятъ къ намъ не съ вѣтра, но основаны на дальнемъ сродствѣ лицъ... При встрѣчѣ лица эти какъ словно гдѣ-то прежде видѣлись, были знакомы, близки другъ другу... Встрѣчи двухъ симпатичныхъ натуръ, какъ бы созданныхъ одна для другой, — рѣдкость въ дѣйствительной жизни; чаще всего, одному изъ двухъ — мужчинѣ или женщинѣ — выпадаетъ на долю быть жертвой, — жертвой потому, что чѣмъ сильнѣе влеченье, тѣмъ, конечно, чувствительнѣе отсутствіе взаимности. Но все равно, стоило *ей* или *ему* случайно встрѣтить образъ, который самъ собою подготовлялся и назрѣвалъ въ душѣ, чтобы произошло то, насчетъ чего ты выразился: завертѣлся турманомъ и хлопъ объ земь... Красота, надо замѣтить, играетъ здѣсь второстепенную роль. „Не по-хорошу милъ — по-милу хорошъ!“

говоритъ глубокомысленная русская пословица. Можно признать за фактъ, что истинныя красавицы и красавцы меньше всего увлекали: отъ нихъ вѣетъ большею частью холодомъ. Можно думать, природѣ надо было придать имъ такое свойство съ цѣлью ослабить, уравновѣсить вліяніе красоты: и наоборотъ, она сообщаетъ нѣкоторымъ, какъ бы избраннымъ женщинамъ-дурнушкамъ и мужчинамъ въ родѣ Ріома чарующую притягательную силу. Ею объясняется множество случаевъ самыхъ безумныхъ увлеченій, которыя, на первый взглядъ, ставятъ втупикъ и совершенно непонятны. У женщинъ этой категоріи обыкновенная притягательная женственная сила какъ бы удесятеряется: она проникаетъ каждый ихъ суставчикъ, каждый волосокъ и отдѣляетъ отъ нихъ какую-то магнетическую, сладко-одуряющую, чарующую атмосферу. Нѣкоторые мужчины одарены, надо полагать, такимъ же притягательнымъ свойствомъ относительно женщинъ.

Прибавьте теперь къ этому тайную симпатію, и ясно будетъ, какъ отъ одного взгляда можетъ произойти тотъ взрывъ чувствъ, который побѣждаетъ въ насъ иногда и разумъ, и волю.

Внезапность такихъ порывовъ такъ обыкновенна и естественна, что для нихъ существуетъ спеціальный терминъ у каждой почти націи: у французовъ они извѣстны подъ названіемъ: „пистолетнаго выстрѣла“: нѣмцы выражаютъ ихъ словомъ: „пафъ“; итальянцы словами: „amore subito“: и т. д. Одни объясняютъ ихъ дѣйствіе „мгновенной кристаллизаціей чувствъ“: другіе, какъ, напримѣръ, Бальзакъ, „цѣпкостью сродныхъ атомовъ“ и т. д.

XI.

Кстати о Бальзакѣ! Извѣстно ли вамъ, какъ этотъ истинно замѣчательный наблюдатель надъ внутренними движеніями нашей природы самъ сдѣлался жертвой тѣхъ „цѣпкихъ атомовъ“, о которыхъ такъ тонко и мѣтко говорилъ, описывая страсти своихъ героевъ? Вотъ эта исторія: путешествуя въ сороковыхъ годахъ въ Швейцаріи, остановился онъ въ Невшателѣ и занялъ номеръ въ гостиницѣ. Окна его выходили на дворъ, окруженный флигелями той же гостиницы. Утромъ отворяетъ онъ окно въ ту самую минуту, какъ въ окнѣ противоположнаго фасада показывается молодая женщина. Мнѣ памятны выраженія его письма къ сестрѣ, г-жѣ Сюрвиль, которой

описываетъ онъ этотъ эпизодъ. Собраніе его писемъ недавно вышло въ печати, и я на-дняхъ еще прочелъ ихъ; вотъ почти подстрочно, что онъ разсказывалъ сестрѣ: „Странное волненіе овладѣло мною при первомъ взглядѣ на эту даму; всю кровь мою какъ бы притянуло вдругъ къ сердцу; казалось мнѣ: умъ мой помрачается, и я теряю сознаніе...“ Дама эта, узнавъ о сосѣдствѣ Бальзака, захотѣла съ нимъ познакомиться. При свиданіи съ нею онъ, несмотря на большую привычку къ женскому обществу, до того растерялся, что не могъ выговорить слова. Остатокъ дня провелъ онъ въ совершеномъ отчаяньи, помимутно повторяя: „что она должна теперь обо мнѣ думать?!..“

Дама эта была госпожа Ганска, урожденная княжна Ржевуцкая, — сдѣлавшаяся восемнадцать лѣтъ спустя, послѣ кончины мужа,—женою великаго писателя. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ, впечатлѣніе послѣ перваго взгляда не только не ослабло, но еще усилилось; это видно изъ его писемъ къ ней и къ роднымъ. Обвѣнчавшись съ нею, онъ болѣе чѣмъ когда-нибудь находился подъ ея обаяніемъ. Письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ мать о своей женитьбѣ, глубоко трогательно. Я помню его почти отъ слова до слова, потому что все, что касается Бальзака, всегда было близко моему сердцу. Онъ пишетъ:—„Наконецъ я соединенъ съ единственной женщиной, которую страстно любилъ, люблю и буду любить до конца моей жизни. Соединеніе это,—награда отъ Промысла за столько пережитыхъ горестей, мучительныхъ испытаній всякаго рода и мою трудовую жизнь. Женитьба моя доказываетъ вамъ, что долгія страданія не пропадаютъ даромъ у Промысла, и рано или поздно Онъ ихъ вознаграждаетъ...“

Бальзакъ поспѣшилъ выхвалять заботу и справедливость Промысла; за восемнадцать лѣтъ постоянства и горячей любви, Промыслъ далъ ему всего шесть мѣсяцевъ пользоваться счастьемъ. Бальзакъ женился въ мартѣ 1850 года, а скончался въ августѣ того же года.

XII.

Другой варіантъ дѣйствія „пистолетнаго выстрѣла“, или „цѣпкости родственныхъ атомовъ“ произошелъ съ однимъ моимъ знакомымъ, занимающимъ теперь мѣсто консула, но до того времени проводившимъ время въ путешествіяхъ.

Отправлялся онъ разъ моремъ изъ Чивитта-Веккіо въ Неаполь. Пароходъ отходилъ въ шесть часовъ послѣ обѣда. Вечеръ былъ одинъ изъ тѣхъ волшебныхъ вечеровъ, какіе бываютъ на берегахъ Средиземнаго моря въ маѣ мѣсяцѣ: лучезарное небо, легкія пушистыя облачка, гладкое серебристое море съ отраженіями густо-синяго цвѣта подъ лодками и скалами; вездѣ вокругъ блескъ, яркія краски и тепло... Подлѣ парохода продавцы цвѣтовъ и апельсиновъ, стоя въ лодкахъ, шумно и весело предлагали свой товаръ; на палубѣ также шумѣли и суетились; но и здѣсь солнце освѣщало веселыя и оживленныя лица. Было во всемъ этомъ,—говорилъ мой знакомый,—что-то праздничное, располагавшее мысли и душу къ счастью и восторженности.

Въ такомъ настроеніи стоялъ онъ у борта, посматривая на море и гавань, когда вниманіе его привлекла лодка, приближавшаяся къ пароходу; въ ней, между чемоданами и саками, сидѣли мужчина и женщина. Онъ не могъ разсмотрѣть ихъ лицъ; они подплывали съ солнечной стороны, и блескъ моря ослѣплялъ глаза. Наконецъ лодка остановилась у парохода, и мой знакомый, движимый безсознательнымъ любопытствомъ, пошелъ навстрѣчу новымъ пассажирамъ.

На палубѣ показалась женщина. При видѣ ея, — разсказывалъ мой знакомый, — онъ весь вдругъ вспыхнулъ, какъ это бываетъ отъ неожиданнаго испуга. Впечатлѣніе было такъ сильно, что онъ нѣсколько секундъ стоялъ какъ ошеломленный, забывая посторониться, чтобы дать ей дорогу, забывая присутствіе ея спутника, показавшагося за ея спиною. Наружность ея была впрочемъ довольно своеобразна: волосы ея, темно-краснаго цвѣта съ золотистыми отливами, обременяли ея маленькую головку; она сняла шляпку, когда подымалась на трапъ парохода, и непокорныя пряди, распустившись на воздухѣ, принимали на солнцѣ видъ ореола, въ которомъ сверкая играли золотыя нити; блѣдное, нѣсколько продолговатое лицо оживлялось свѣтлыми черными глазами; они щурились отъ свѣта, но весело мигали изъ-подъ черныхъ тонкихъ бровей. Все въ ней дышало жизнью и молодостью; ей не могло быть болѣе восемнадцати лѣтъ. Ощущенія беззаботнаго довольства и счастія, наполнявшія минуту передъ тѣмъ грудь моего знакомаго, разлетѣлись какъ дымъ. Ихъ замѣнило одно чувство: страстное, непреодолимое желаніе

приблизиться къ ней, любоваться ею, слышать ея голосъ. Рядомъ съ этимъ и также внезапно, признавался онъ, пробуждалось въ немъ озлобленіе, даже ревность къ ея спутнику; вскорѣ оказалось — онъ былъ ея мужемъ. Они были женаты всего мѣсяцъ и совершали свадебную прогулку.

Знакомый мой судилъ, по всей вѣроятности, пристрастно, но, по его описанію, дѣйствительно нельзя было безъ досады видѣть сочетаніе милой молоденькой женщины съ такимъ мужемъ.

Онъ представлялъ квинтэссенцію типа нѣмца изъ сѣверныхъ провинцій, нѣмца, заквашеннаго на какой-то холодной кислотѣ съ примѣсью золотухи, рубцы которой виднѣлись на его длинной крученой шеѣ. — „Когда я увидѣлъ эти рубцы, говорилъ мой знакомый, — я готовъ былъ броситься на него и задушить его тутъ же на мѣстѣ“. Къ этимъ физическимъ качествамъ мужъ присоединялъ сорокалѣтній возрастъ, маленькій ростъ, очки на больныхъ глазахъ и красноватое темя, кой-гдѣ прикрытое гладко прилизанными жиденькими волосами шафраннаго оттѣнка.

Комическая ненависть, внезапно овладѣвшая моимъ знакомымъ къ нѣмцу, была подавлена, однакожъ, настоятельнымъ желаніемъ вступить въ разговоръ съ его женою. Но дѣло плохо клеилось; на всѣ попытки завязать бесѣду нѣмецъ упорно отмалчивался; жена нерѣшительно поглядывала на мужа и какъ будто робѣла. Замѣтно было, однакожъ, по ея глазамъ, она иногда какъ бы оживлялась, слушая разсказы незнакомца, который, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше одушевлялся и становился краснорѣчивѣе.

Прошло уже часа два или три, какъ пароходъ отвалилъ отъ берега; ночь обняла небо; въ темно-синемъ мракѣ серебрилась морская гладь; тишину нарушалъ только равномѣрный плескъ пароходнаго винта.

Мужъ, который прежде еще, какъ только сѣло солнце, поспѣшилъ надѣть теплое пальто и завернуть шею въ кашне, началъ теперь жаловаться на свѣжесть. Напрасно жена увѣряла, что ночь тепла и воздухъ мягокъ, какъ бархатъ; онъ объявилъ, что чувствуетъ озноб, боится лихорадки и находитъ благоразумнѣе провести ночь въ каютѣ; онъ приподнялся съ мѣста, церемонно раскланялся и направился къ трюму, давъ впередъ пройти женѣ.

Дѣйствительно ли такъ было, или такъ только пока-

залось моему знакомому, но во взглядѣ, брошенномъ ею на прощанье, онъ прочелъ какъ бы сожалѣнье. Въ порывѣ какой-то безумной надежды, онъ воспользовался минутой и отвѣтилъ ей, прижавъ обѣ ладони къ сердцу. Она быстро отвернулась. Надежды мгновенно исчезли. Расхаживая по палубѣ, онъ предавался самымъ малодушнымъ несообразнымъ мечтамъ, чувствовалъ себя искренно несчастнымъ человѣкомъ, и вдругъ все въ немъ снова ожило и засіяло, когда на поворотѣ, неожиданно, встрѣтился съ нею. Онъ не сомнѣвался, что она вернулась на палубу, движимая любопытствомъ,—кто знаетъ!—быть-можетъ, сочувствіемъ... Легко можетъ быть, онъ не ошибался, къ чему иначе было бы ей возвращаться на палубу и искать съ нимъ встрѣчи! Не нужно быть вовсе кокеткой, чтобы желать нравиться; въ самой честной женщинѣ невольно пробуждается любопытство къ мужчинѣ, когда она замѣтила, что сдѣлала на него благопріятное впечатлѣніе; всѣ женщины въ этомъ случаѣ прозорливы и ясновидящія. Въ порывѣ благодарности, знакомый мой чуть было тутъ же не упалъ къ ея ногамъ.

Онъ не помнилъ рѣшительно, о чемъ говорилъ съ нею въ эти часы, проведенные ночью, сидя рядомъ на палубѣ; помнилъ только, что никогда ни прежде, ни послѣ не любилъ съ такой страстью; помнилъ также, что, кутая ее въ пледъ и почувствовавъ форму ея плечъ, его бросило въ жаръ и холодъ, точно онъ первый разъ въ жизни прикасался къ женщинѣ; онъ совершенно обезумѣлъ отъ страстнаго желанія обладать ею. Она во все время мало говорила, казалась больше удивленной, но ее, очевидно, что-то приковывало къ мѣсту. Она, безъ сомнѣнія, сама невольно покорялась обаянію новаго, невѣдомаго для нея ощущенія; дрожь, пробѣгавшая время отъ времени въ ея тѣлѣ, измѣняла ей. Онъ между тѣмъ, въ разгоряченномъ воображеніи, нѣсколько разъ мысленно порывался въ каюту съ тѣмъ, чтобы убить мужа, тайкомъ выбросить его за бортъ; вѣрилъ совершенно искренно, что рука его при этомъ не дрогнетъ; съ такою же искренностью, не справлялся даже съ ея согласіемъ, мечталъ о томъ, какъ, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Неаполь, спрячетъ ее ото всѣхъ, увезетъ куда-нибудь далеко-далеко... Не шутя даже думалъ отправиться съ нею на какой-нибудь необитаемый островъ.

На этомъ застало ихъ восходящее солнце, и надо было

разстаться. Вскорѣ показался Капри, за нимъ открылся Неаполь; началась на палубѣ обычная суета, предшествующая высадкѣ на берегъ; не успѣлъ пароходъ бросить якорь, какъ уже десятки лодокъ обступили его со всѣхъ сторонъ.

Но тутъ произошелъ случай, о которомъ, даже много лѣтъ спустя, мой знакомый не могъ говорить безъ негодованія; какъ это произошло, онъ не могъ растолковать себѣ. Пока онъ возился въ своей каютѣ, нѣмецъ и жена его словно въ воду канули; вѣроятно, у нихъ все уже было готово, они сѣли въ первую подъѣхавшую лодку и оправились на берегъ. Моему знакомому показалось даже, онъ видѣлъ, какъ они приближались къ пристани. Онъ стремглавъ бросился за ними, понукалъ гребца, обѣщалъ ему денегъ,—все было напрасно. Онъ вышелъ изъ гостиницы, не давъ себѣ времени оправиться, и побѣжалъ ихъ отыскивать. Къ сожалѣнію, въ пылу ночной бесѣды, онъ не подумалъ узнать ея фамилію, не спросилъ, гдѣ они остановятся въ Неаполѣ, куда ѣдутъ, не справился даже, гдѣ мѣсто постояннаго ихъ жительства. До поздняго вечера объѣхалъ онъ всѣ гостиницы, всѣ меблированныя квартиры,—нигдѣ ни слуху, ни духу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, съ утра до поздней ночи, не покидалъ онъ главныхъ улицъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ ними — и встрѣчалъ только толпы незнакомыхъ лицъ. Словомъ, она мелькнула передъ нимъ, какъ въ волшебномъ снѣ, — и такъ же быстро исчезла, — не исчезла только въ его памяти. Онъ говорилъ:—ни одна женщина не произвела на него такого сильнаго впечатлѣнія; до сихъ поръ рѣдкій день, когда онъ не вспоминаетъ ее; стоитъ ему закрыть глаза,—она мгновенно является передъ нимъ какъ живая, съ ея свѣтлыми глазами и золотистымъ ореоломъ вокругъ головы...

Говоря это, онъ всякій разъ принимался расхаживать большими шагами, волновался, и краска выступала на лицѣ его.

XIII.

Если вамъ не довольно этихъ исторій, могу разсказать вамъ еще одну, но уже коротенькую, въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ вашъ покорнѣйшій слуга.

— Какъ?!.. Что?! Можетъ ли быть! Ты намъ никогда ничего о себѣ не разсказывалъ... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Не разсказывалъ, потому что къ случаю не приходилось; теперь,—благо мы на ходу,—извольте. Произошло это также довольно давно, въ молодости, вскорѣ послѣ того, какъ я вышелъ изъ университета, и мы въ первый разъ разъѣхались. Жилъ я тогда въ деревнѣ подъ Москвою, но часто пріѣзжалъ въ городъ повидаться съ однимъ семействомъ, которое считалъ все равно какъ своимъ. Оно доводилось мнѣ даже нѣсколько сродни по матери. Съ дѣтьми этого семейства,—двумя дочерьми и сыномъ,—я былъ связанъ съ самаго дѣтства. Мы продолжали говорить *ты*,—и называть другъ друга по имени, послѣ того даже, какъ дѣвушки выпущены были изъ института. Одна изъ нихъ, — Нина, вскорѣ вышла замужъ. Мужъ и жена пожили годъ и разъѣхались. Единогласно всѣ его обвиняли. Неожиданно получаю отъ Нины письмо; она извѣщала меня, что, послѣ исторіи съ мужемъ, ѣдетъ къ себѣ въ деревню съ тѣмъ, чтобы продать ее, и на вырученныя деньги думаетъ на нѣсколько лѣтъ, по крайней мѣрѣ, переселиться за границу. Въ концѣ письма была приписка; она просила, — если для меня не слишкомъ затруднительно, — пріѣхать въ Москву проститься съ нею. Проѣхать сорокъ верстъ—бездѣлица; отправился утромъ,—въ полдень былъ въ Москвѣ и, сидя съ нею, бесѣдовалъ объ ея нѣсколько рискованныхъ планахъ; родные раздѣляли мое мнѣніе; но она никого не хотѣла слушать, выставляя на видъ свое теперешнее независимое положеніе. Въ тотъ же день мы вмѣстѣ обѣдали въ ея семействѣ.

Вечеромъ, часовъ около восьми, она попросила меня проводить ее къ старой теткѣ, съ которой также хотѣла проститься передъ отъѣздомъ. Тетка жила на другомъ концѣ города; чтобы попасть къ ней, надо было пройти чуть ли не всѣ бульвары.

Солнце уже скрылось, когда мы вышли на улицу; но въ воздухѣ было нестерпимо жарко и душно, какъ въ банѣ. Я забылъ вамъ сказать, все это происходило въ серединѣ іюля. Къ духотѣ присоединялась еще знаменитая московская пыль; ее, какъ вамъ извѣстно, въ теченіе дня приподымаютъ сотни тысячъ экипажей, а къ вечеру она снова садится рыжеватымъ облакомъ, сгущая сумерки и окончательно заслоняя глубину улицъ. Мы не сдѣлали ста шаговъ и принуждены были снять перчатки, прилипавшія къ рукамъ.

Перспектива просидѣть часъ со старой теткой въ душ-

ной комнатѣ, въ которой, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, не отворялись окна и гдѣ теперь положительно должно было быть невыносимо, мало меня соблазняла. Подлѣ дома тетки я упросилъ мою спутницу войти, а самъ сказалъ, что буду ждать ея возвращенія противъ подъѣзда на первой бульварной скамейкѣ.

Замѣтьте, господа, здѣсь наступаетъ главный пунктъ моей исторіи. Имѣйте постоянно въ виду мои отношенія къ Нинѣ съ самаго дѣтскаго возраста и до настоящей минуты. Часто, правда, вмѣстѣ съ ея братомъ, сестрой и другими родными и близкими знакомыми, я любовался ея миловидностью и граціей, но мнѣ въ голову не приходило соблазняться тѣмъ и другимъ, какъ могъ бы это сдѣлать посторонній мужчина; привычка ее видѣть, привязанность моя къ ней, все равно, какъ къ сестрѣ, не имѣли никакого дѣйствія на мое воображеніе. Ожидая ея возвращенія такъ же спокойно, какъ если бъ былъ ея роднымъ братомъ, я мысленно бранилъ ея мужа, который, обладая такой милой женщиной, могъ завести себѣ любовницу; думалъ о пользѣ развода, который давалъ ей возможность вторично выйти замужъ и быть счастливой, сожалѣлъ о ея рѣшимости продать деревню, уѣхать за границу, разстаться со своими, — рѣшимости, очевидно, вызванной чувствомъ перенесеннаго оскорбленія, и т. д.

Часъ спустя, тѣ же самыя мысли служили темой нашей бесѣды, во время нашего возвращенія домой, по крайней мѣрѣ, на добрую половину пути. Она во многомъ соглашалась со мною, иногда спорила, но казалась такой же спокойной, какъ я самъ былъ въ то время. На второй половинѣ пути произошла перемѣна: мысли ея неожиданно приняли грустное направленіе; она сдѣлалась задумчивѣе, молчаливѣе; самый голосъ ея какъ бы упалъ, и дыханіе становилось тяжелѣе. Меня самого начинало тѣснить странное чувство,—не то тоски, не то странной неловкости; въ первый разъ началъ я при ней прѣскивать слова и выраженія. Мы говорили теперь о предстоящей разлукѣ: завтра я долженъ былъ возвратиться къ себѣ въ деревню; она уѣзжала также завтра или день спустя. „Когда-то Богъ приведетъ теперь свидѣться... Какъ, право, играетъ нами судьба! Соединитъ людей; привыкнешь, сроднишься, полюбишь... и вдругъ, возьметъ и такъ же равнодушно оторветъ близкихъ другъ отъ

друга... Прости-прощай!.. Быть-можетъ, съ тѣмъ, чтобы никогда уже больше не встрѣтиться...“

Бесѣдуя такимъ образомъ и почему-то оба замедляя шагъ, мы незамѣтно подошли къ дому ея родителей.

На улицѣ и на бульварѣ было совершенно тихо; вокругъ ни души; въ пыльной туманной мглѣ дальняго горизонта выплывалъ передъ нами багровый шаръ полнаго мѣсяца...

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, остановились и начали прощаться. Я взялъ ея обѣ руки и растроганный, при видѣ слезъ, которыя неожиданно закапали изъ ея глазъ, наклонился, чтобы поцѣловать ее и вдругъ... вдругъ, самъ не знаю, какъ это случилось, мы бросились другъ другу въ объятія и начали цѣловаться уже не какъ братъ съ сестрой, но горячо и сладко, какъ самые страстные любовники...

Два дня спустя, вечеромъ, она выѣхала изъ Москвы и на второй станціи, уже ночью, пересѣла въ тарантасъ, въ которомъ я ждалъ ее весь дрожа отъ нетерпѣнія обхватить ее руками и засыпать поцѣлуями... Мы прямо покатили на южный берегъ Крыма.

И странное дѣло! женщина, которую, повторяю вамъ, привыкъ я видѣть двадцать лѣтъ, съ которой равнодушно просиживалъ иногда наединѣ цѣлые вечера, — сдѣлалась теперь предметомъ ненасытной, бѣшеной страсти. Я любовался каждымъ ея пальчикомъ, какъ будто никогда прежде не видалъ ея руки, приходилъ въ неописанный восторгъ, когда она при мнѣ распускала свои волосы, не могъ представить себѣ родимаго пятнышка на правой сторонѣ ея плеча, безъ того, чтобы тотчасъ же не овладѣло мною желаніе прикоснуться къ нему губами; считалъ блаженствомъ цѣловать ея ноги... Мы не волновались, какъ прежде, смутнымъ желаніемъ обладанія; обладаніе было полное и безграничное; но и тутъ воображеніе не оставляло насъ обоихъ въ покоѣ; мы какъ будто еще чего-то ждали, чего-то отыскивали другъ въ другѣ... словомъ, совершенно безумствовали...

XIV.

— Чѣмъ же все это кончилось? спросилъ хозяинъ дома.

— Увы! чѣмъ обыкновенно кончаются связи, основанныя только на физическомъ влеченьи, подогрѣтомъ юно-

шескимъ воображеніемъ! Внутреннихъ, настоящихъ симпатій между нами не было... Этимъ, можетъ-быть, и объясняется взаимное равнодушіе до той минуты, когда оба внезапно увлеклись другъ другомъ. Она вѣрила въ возможность постояннаго обожанія и деспотически отъ меня его требовала; на меня, какъ теперь, такъ и въ молодости, находили иногда, безъ всякой причины, минуты хандры и нервнаго раздраженія; при первомъ капризѣ съ моей или съ ея стороны,—хорошенько не помню,—вышла сцена; оба не выдержали, и разстались, разстались не какъ любовники, которыхъ ссора крѣпче иногда связываетъ, но окончательно разстались. Тамъ, гдѣ главную роль играетъ воображеніе, — всегда непрочно: покажетъ чудеса въ рѣшетѣ, подойдешь ближе — и нѣтъ ничего!

— Нѣтъ, господа, если ужъ дѣло коснулось воображенія, или, вѣрнѣе, странностей, которыя происходятъ отъ дѣйствія разыгравшагося воображенія, у меня есть исторія... сказалъ инженеръ, при чемъ лица присутствующихъ, сохранявшія до сихъ поръ болѣе или менѣе серьезное или внимательное выраженіе, вдругъ оживились, и глаза у всѣхъ повеселѣли.

Всѣмъ хорошо былъ извѣстенъ характеръ его разсказовъ, приправленныхъ всегда избыткомъ красокъ, парадоксами, размахомъ штриха и эксцентрическими выходками. Такимъ знали его въ юности, такимъ остался онъ въ зрѣломъ возрастѣ. Взгляды, которыми обмѣнялись присутствующіе, не ускользнули отъ разсказчика; но они какъ будто его самого расположили къ веселости. Примостившись ловчѣе между подушками дивана, онъ повелъ плечами, какъ бы охорашиваясь, и началъ такимъ образомъ:

XV.

— Дѣло, изволите ли видѣть, происходило въ сороковыхъ годахъ. Въ глуши Саратовской губерніи, въ собственномъ имѣніи, проживалъ съ дочерью старецъ, по фамиліи Шницель; ему было восемьдесятъ два года. Изъ этого вы можете уже отчасти заключить: дочь не могла быть первой молодости; говорю: „отчасти“, потому что и у старцевъ также рождаются молоденькія дочки, только въ послѣднемъ случаѣ всегда какъ-то невольно приходитъ въ голову... Впрочемъ, не стоитъ на этомъ останавливаться. Нѣсколько лѣтъ назадъ, отцу понравилась почему-то цифра

двадцать восемь, онъ уперся въ ней и ни за что не хотѣлъ спустить или прибавить; въ дѣйствительности, дочери было за тридцать. Упрямство старца было естественно; отъ старости онъ начиналъ терять память, чвакалъ и видимо размягчался.

Родомъ былъ онъ изъ Курляндіи, но для служебной карьеры предпочелъ ей, какъ водится, Россію, и въ молодыхъ годахъ удачно изображалъ типъ русскаго нѣмца; въ глазахъ несокрушимая преданность Россіи, въ душѣ— нѣжная любовь къ Митавѣ и Либавѣ.

Аккуратность, военная выправка, усердіе во всякій мигъ, повиновеніе, когда было угодно, не замедлили выдвинуть его на служебномъ поприщѣ; въ сорокъ лѣтъ онъ былъ полковникомъ, а протекція, въ которой у русскихъ нѣмцевъ никогда нѣтъ недостатка, доставила ему мѣсто полицеймейстера въ одномъ изъ южныхъ городовъ нашего гостепріимнаго отечества.

Высокій ростъ, мундиръ, бряцанье шпоръ, сѣро-голубые глаза, румянецъ и бѣлокурые, тщательно расчесанные и напомаженные, волосы творили чудеса въ началѣ столѣтія, не только въ провинціи, но и въ самой Москвѣ. Стоило щелкнуть шпорами, ловко перевернуться на каблукѣ и прищуриться, покручивая молодцовато усъ, чтобы произвести въ то время трепетъ въ женскомъ сердцѣ. Не прошло года, въ полковника влюбилась по уши тридцатипятилѣтняя вдовушка. Ее, главнымъ образомъ, прельстило бѣлое тѣло на шеѣ полицеймейстера. Бѣлизна и мягкость кожи, свойственная вообще людямъ германской расы, была въ самомъ дѣлѣ до того у него замѣчательна, что даже теперь въ глубокой старости не могли на ней изгладиться двѣ красныя полосы: одна вокругъ таліи, гдѣ стягивался когда-то мундиръ, другая на лбу отъ фуражки, которую носилъ онъ всегда тугою и плотно надвигалъ надъ бровями. Бѣлизна тѣла могла также прельстить вдову, въ силу контраста: она, въ свою очередь, какъ женщина восточнаго происхожденія (родомъ была она изъ Румыніи), отличалась смуглостью. Завистницы ея успѣховъ съ мужчинами находили въ ней даже сходство съ придворнымъ арапомъ, который хотя и вышелъ въ отставку и получилъ пенсію, но по привычкѣ продолжалъ краситься. Кто изъ нихъ, онъ или она сдѣлалъ предложеніе, неизвѣстно, только они сочетались законнымъ бракомъ. Изъ ревности къ мужу, она заставила его немедленно выйти въ отставку,

и деспотически переселила въ деревню. Годъ спустя, у нихъ родилась дочь. Послѣ пятнадцатилѣтняго супружества, румынка въ знойный іюльскій день обкушалась окрошкой со льдомъ и отдала Богу душу.

Вдовецъ сначала занялся было хозяйствомъ, но размягчающая атмосфера степной русской деревни не замедлила проявить свое дѣйствіе даже на курляндца; онъ сталъ мало-по-малу облѣниваться, закисать и, по прошествіи еще пятнадцати лѣтъ, то-есть въ то время, какъ начинается мой разсказъ, — имѣлъ видъ той дряхлой, тощей развалины, которую я вамъ описывалъ. Отъ стараго времени у него осталась только привычка носить военный сюртукъ вмѣсто халата; онъ сохранялся въ немъ точно въ футлярѣ.

Въ послѣднія десять лѣтъ, старецъ, зимою и лѣтомъ, усаживался на то же самое мѣсто, въ то же самое кресло и проводилъ время, насасывая, или, вѣрнѣе, мусля кончикъ дешевой сигары и прищуривая подслѣповатые глаза, прикрытые зеленымъ тафтянымъ зонтикомъ, изъ-подъ котораго высовывалась беззубая челюсть, утыканная рѣдкой, но колючею сѣдиной. Днемъ куда еще ни шло, старецъ иногда даже какъ бы оживлялся; это происходило обыкновенно, когда въ его памяти, покрывавшейся пепломъ,— воскресала искра воспоминаній отдаленной военной карьеры. Въ нихъ главнымъ эпизодомъ являлся неизмѣнно всегда случай, когда разъ, на разводѣ, императоръ Николай, проѣзжая мимо его роты, произнесъ: „здорово, Шницель!“ Этотъ: „здорово, Шницель!“ былъ единственнымъ живымъ воспоминаніемъ за всѣ восемьдесятъ два года существованія. Разсказывая объ этомъ, старецъ всегда выпрямлялся, дергалъ плечомъ и пачиналъ бодриться. Въ другое время, подымался онъ кряхтя съ кресла, выходилъ на середину комнаты, шаркая мягкими подошвами, и принимался, какъ онъ говорилъ: дѣлать гимнастику; она состояла въ томъ, что онъ усиленно сгибалъ колѣна и махалъ руками, какъ плетьми, скрещивая ихъ на груди, какъ дѣлаютъ извозчики, когда хотятъ согрѣться. Къ вечеру старецъ уже окончательно никуда не годился. Его приходилось по частямъ укладывать въ постель: сначала посадятъ, потомъ закинутъ на постель одну ногу, потомъ другую и, наконецъ, опустятъ на подушки,—при чемъ во всемъ домѣ слышалось, какъ онъ жалобно стоналъ, вздыхалъ и охалъ.

Но о старцѣ довольно. Сущность дѣла въ дочери.

XVI.

Я уже сказалъ: ей было за тридцать. Родившись цѣликомъ въ мать, она была не только брюнетка, но всѣмъ видомъ имѣла съ ней ближайшее сходство: коротенькая, круглая, но рыхлая, съ сильно развитою, — какъ говорится: арбузовидною грудью, стѣснявшею ее еще въ восемнадцать лѣтъ, а теперь, въ тридцать, окончательно превратившеюся въ тягостное бремя; смуглый, неровный цвѣтъ лица отливалъ всегда глянцемъ, установившимся, должно-быть, отъ усиленнаго употребленія тресковаго жира въ дѣтствѣ, а впослѣдствіи отъ излишняго употребленія кольдъ-крема. Единственнымъ украшеніемъ ея круглаго лица могли быть черные глаза, но, къ сожалѣнію, въ нихъ было меньше блеску, чѣмъ унынія съ придачей какого-то меланхолическаго изнываніе; такой же безжизненный видъ имѣли ея волосы; они были обильны и черны, какъ крылья ворона, — но это была какая-то глухая чернота: представьте себѣ волосы на головѣ мертваго армянина! Короче сказать: привлекательнаго было въ ней мало, какъ, впрочемъ, большею частью у продуктовъ не молодыхъ родителей; отцу было тогда уже за пятьдесятъ, а мать хотя и была нѣсколько помоложе, но въ послѣдній годъ до родовъ постоянно хворала и жила, можно сказать, почти на одномъ касторовомъ маслѣ. Тоскливое выраженіе на лицѣ матери отъ пріема этого непріятнаго медикамента и перешло, быть-можетъ, по наслѣдству къ дочери. Это могло также происходить у послѣдней отъ горькаго сознанія неудавшейся жизни и также неудавшейся наружности; она въ ней обманывалась только до извѣстной степени. Но страсти, какъ вы знаете, не свой братъ; разсудительность говоритъ одно,— страсти чаще всего глухи, рвутъ и мечутъ зря въ свою сторону!

Страсти зрѣлой дѣвушки—унаслѣдованныя несомнѣнно также отъ матери,—постоянно поддерживались и разжигались чтеніемъ книгъ и журналовъ, которые по привычкѣ продолжали выписывать въ деревню.

Въ то время литература наша была въ самомъ пылу романтизма. Поэты—или, вѣрнѣе сказать, стихотворцы— особенно торжествовали; это былъ положительно ихъ золотой вѣкъ.

Провинціальныя барышни влюблялись въ нихъ не только по первому взгляду, но даже заочно: степень увлеченія опредѣлялась степенью страстности, выраженной въ стихахъ. Поэты представлялись воображенію съ глазами мечтательно устремленными къ небу, съ лавромъ на вдохновленномъ челѣ, лирой при бедрѣ или въ рукахъ и въ плащѣ, едва прикрывающемъ формы, такія же красивыя, какъ у Аполлона Бельведерскаго. Посмертный портретъ Байрона съ открытой грудью на распашку, съ перомъ въ рукѣ и особенно надпись подъ нимъ: „увы!—онъ его (пера) больше не возьметъ!..“ — исторгали слезы. Первые романтическіе симптомы барышни, исторію которой я вамъ разсказываю, — выразились тѣмъ, что она влюбилась (заочно, конечно) въ Бенедиктова и долго не могла утѣшиться, узнавъ случайно, что онъ старый дѣйствительный статскій совѣтникъ и притомъ служитъ въ государственномъ банкѣ. Она постепенно прошла всѣ стадіи поэтическихъ экстазовъ. Не довольствуясь печатными книгами,— она отчетливо, каллиграфически переписывала любимые стихи и цѣлыя поэмы, наполняя ими тетради съ красивыми цвѣтными обертками.

XVII.

Провинціальныя барышни того времени увлекались преимущественно двумя образами: одинъ, болѣе нылкій, или „экзальте“, какъ говорили тогда въ провинціи, — любили воображать себя подхваченными поперекъ таліи могучей рукой всадника (нѣчто среднее между Джіауромъ и Демономъ) или даже перекинутыми черезъ сѣдло лошади, бѣшено скачущей надъ бездной съ бушующимъ внизу потокомъ; кромѣшная ночь обнимаетъ небо и землю; вокругъ гремятъ громы и сверкаютъ молніи, вѣтеръ рветъ и крутитъ бѣлыя одежды несчастной жертвы, а всадникъ, прижимая ее къ груди своей, шепчетъ ей страстно: „Заира, я оторвалъ тебя отъ людей! Ты моя,—моя навѣки!..“ Вообще надо замѣтить, литература наша мало тогда занималась Россіей; запрещено что ли было или съ легкой руки Марлинскаго и нашихъ побѣдъ на Кавказѣ, — Востокъ вошелъ въ моду и сталъ болѣе подходящимъ ко вкусу публики, — но фактъ тотъ, что литераторы любили тогда больше начинать свои повѣсти такимъ образомъ: — „Здравствуй, великая царица Тедмора!“ — „Здравствуй, великій Антаръ—сынъ Раббія! послышался голосъ за за-

навѣской", — чѣмъ обращаться къ отечественнымъ сюжетамъ, находя ихъ слишкомъ обыденными, вульгарными для вдохновеннаго поэта — словомъ, безусловно восторгались Малекъ-Аделемъ — и глубоко презирали Чичикова, который не появлялся еще на сценѣ, — но успѣлъ уже родиться и замышлялъ свои планы.

Другія барышни, болѣе склонныя къ меланхоліи или мечтательности, любили воображать себя Татьяной и проводили время, трепетно ожидая: вотъ-вотъ прозвенитъ въ отдаленіи колокольчикъ и явится Онѣгинъ...

Наша барышня принадлежала къ числу послѣднихъ. Въ ожиданіи Онѣгина, она влюбилась въ дьякона, пріѣзжавшаго съ архіереемъ святить церковь въ сосѣднемъ селѣ. Замѣчательнѣе всего, что наружность дьякона, весьма внушительная сама по себѣ, не была главнымъ поводомъ увлеченія. Подобно тому какъ покойная ея мать соблазнилась бѣлизною тѣла полицеймейстера,—дочь увлеклась волосами обожаемаго предмета; дьяконъ наканунѣ былъ въ банѣ и вымылъ ихъ щелокомъ, отчего они распушились во всѣ стороны и волнами ходили вокругъ его головы, когда онъ кланялся и вскидывалъ въ ту сторону кадиломъ; равнодушная къ остальнымъ красотамъ дьякона, — она унеслась воображеніемъ въ его кудри и долго билась въ нихъ, то замирая отъ упоенія, то изнывая отъ какого-то неудовлетвореннаго томительнаго чувства. Нѣтъ никакой возможности перечесть всѣхъ увлеченій барышни; достаточно сказать,—ихъ было, однакожъ, меньше безсонныхъ лѣтнихъ ночей, когда, горя внутреннимъ жаромъ и согрѣвая своимъ тѣломъ подушки и перину, бросалась она раздѣтая къ открытому окну; или когда, въ лунныя ночи, просиживала она на балконѣ и, млѣя и замирая, прислушивалась къ пѣнію соловья, увы! часто прерываемаго визгомъ влюбленныхъ кошекъ на сосѣдней крышѣ; или когда, ранней пахучей весною, испытывала она ощущенія, выраженныя впослѣдствіи такъ прекрасно Фетомъ:

Пропаду отъ тоски я и лѣни,
Одинокая жизнь не мила...
Въ каждый гвоздикъ душистой сирени
Распѣвая вползаетъ пчела...

Или, наконецъ, когда бродила она по цѣлымъ часамъ въ саду, распустивъ по плечамъ волосы наподобіе русалки, и бросала вокругъ растерянные масляные глаза, трепетно, но тщетно призывая предметъ страстныхъ мечтаній...

XVIII.

Вы, можетъ-быть, придете къ заключенію, что въ барышнѣ, расположенной, такимъ образомъ, духомъ и тѣломъ,—вся эта неудовлетворенность законнаго отвѣта на ея чувства дѣйствовала разрушительно на ея организмъ, разстраивала нервы, увеличивала печень и расширяла коричневые круги вокругъ ея глазъ... Вы жестоко ошибетесь; не могу сказать: „все это способствовало ей къ украшенью“, но уже къ двадцати шести годамъ стала она заплывать и закругляться, какъ молодая дыня, которая назрѣла и лоснилась на солнцѣ отъ избытка соку. Полнота, впрочемъ, не столько ее огорчала, сколько другая игра природы: едва зацвѣтали сирень и черемуха — на лицѣ барышни выступали также признаки весны въ видѣ маленькихъ почекъ...

Послѣднее это обстоятельство, съ упорствомъ повторявшееся каждую весну, не могло, конечно, не усилить печальнаго настроенія духа, которое безъ того уже замѣтно стало въ ней проявляться послѣ того, какъ она мало-помалу охладѣла къ чистой поэзіи и съ пылкостью, ей свойственной, увлеклась чтеніемъ романовъ Ж. Зандъ, начинавшихъ тогда распространяться въ Россіи. Вмѣсто стиховъ она переписывала теперь цѣлыя главы изящной прозы. Лелія особенно ее поразила. — „Кто ты? И отчего душа твоя полна такой печали?!“ Слова эти служили какъ бы отголоскомъ ея собственныхъ чувствъ.

Съ этихъ поръ она стала причесываться, подворачивая волосы по-мужски почти до плечъ, и одѣвалась не иначе, какъ въ черное платье. Экзальтація ея приняла также другое направленіе. Поэтическія мечтанія казались ей теперь чѣмъ-то дѣтскимъ, праздным, неудовлетворительнымъ для развитого ума и тоскующей души. На первый планъ выступили теперь человѣчество, обязательства гражданина, долгъ, страстное желаніе общественной пользы. Не зная, съ чего начать, къ чему обратиться, она, въ порывѣ перваго увлеченія, набросилась на отца и принялась на немъ изощрять чувства долга. Порывы эти въ первое время такъ были сильны, что когда она судорожно подхватывала старика подъ руку и начинала водить его по саду, — ноги его только путались, болтаясь какъ разварныя макароны, и ему отъ слѣпоты казалось, будто его стремительно влекутъ подъ гору. Отъ отца она такъ же

стремительно перешла къ сельской аптекѣ и лѣченію и затѣмъ всѣмъ существомъ своимъ отдалась устройству сельской школы. Сначала дѣло пошло даже изрядно; мальчики и дѣвочки охотно учились. Одно во всемъ этомъ не отвѣчало настроенію ея мыслей, казалось ей даже какъ бы оскорбительнымъ: буквари, по которымъ учились крестьянскія дѣти, аспидныя доски, перья, бумага и проч. — все это покупалось на деньги, добываемыя трудомъ и потомъ крѣпостного мужика... Въ чемъ же состояла тогда ея собственная жертва?.. Мысль эта на время охладила ея рвеніе; она рѣшилась продолжать дѣло не иначе, какъ на свои трудовыя денежныя средства. Съ того же дня, расхаживая ускоренными шагами по саду и поминутно откидывая назадъ волосы, она принялась сочинять повѣсть...

Сначала было очень трудно; выходило всегда какъ-то такъ, что все написанное напоминало ближайшимъ образомъ что-то гдѣ-то читанное. Мнѣ привелось читать въ рукописи это произведеніе. Оно въ числѣ другихъ рукописей было единственнымъ моимъ наслѣдствомъ послѣ тетки, а теткѣ рукописи перешли, также въ видѣ единственнаго наслѣдства, отъ ея свояченицы, бывшей замужемъ за братомъ редактора одного толстаго журнала, пользовавшагося въ то время большой извѣстностью. Разсказъ мой, передаваясь отъ одного близкаго лица другому, связанъ, какъ видите, съ моими фамильными воспоминаніями...

Но перейдемъ къ рукописи.

XIX.

Писанная рукою автора, она поражала каллиграфическими достоинствами; литературныя качества показались мнѣ нѣсколько слабѣе. На первомъ планѣ выступала задумчивая поэтическая дѣвушка, окруженная многочисленной семьею—были даже, помню: семь сестеръ, три брата, дѣдъ, бабушка и двѣ тётки,—но считавшая себя почему-то круглой сиротой и никѣмъ не понятой. Затѣмъ описывалась,—слабо, надо сказать,—поѣздка въ Пятигорскъ и встрѣча съ кавказскимъ героемъ—офицеромъ, сосланнымъ за дуэль. Она въ первый разъ увидѣла его стоящимъ на вершинѣ неприступнаго утеса, съ руками, скрещенными на груди и мрачнымъ, таинственнымъ взоромъ, устремленнымъ куда-то въ даль. Подъ ногами его клубились облака; надъ нимъ, въ необъятной вышинѣ, витали орлы,

„возмущавшіе крикомъ дикую окрестность“. „Гдѣ-то въ сторонѣ прокричалъ филинъ; съ другого конца сверкнула молнія, вышивая дивный узоръ на черномъ плащѣ неба“... *Онъ* и *она* случайно встрѣчаются у источника. Оказалось: онъ также считаетъ себя во всемъ мірѣ одинокимъ, круглымъ сиротою и непонятымъ... Съ этого мѣста, признаться сказать, я пропустилъ нѣсколько страницъ; тутъ, можетъ-быть, была лучшая часть повѣсти; но строчки шли плотно одна къ другой безъ малѣйшаго пробѣла; къ тому же тутъ, сколько я замѣтилъ, вмѣсто дѣйствія подробно описывалась внутренняя душевная и сердечная борьба героевъ, изображался психическій процессъ зарождающейся и развивающейся страсти — а я всегда избѣгаю такія страницы такъ же тщательно, какъ избѣгаю описанія красотъ музыкальныхъ звуковъ. Въ первомъ случаѣ мнѣ больше нравится, когда дѣйствующія лица разговариваютъ, во второмъ—предпочитаю шарманку; то и другое мнѣ какъ-то доступнѣе, яснѣе... Остановившись на восклицаніи: „Царица души моей, я тебя недостоинъ!!..“ произнесенномъ героемъ, мелькнувшимъ на лошади, скакавшей „быстрѣе мысли всадника“,—я прямо перешелъ къ концу повѣсти. Изъ него узналъ я, что герой, раненый на смерть при взятіи какого-то аула и умирающій на колѣняхъ героини, переодѣтой почему-то въ мужское платьѣ,—открываетъ ей тайну своего существованія: онъ былъ не что иное, какъ каторжникъ, бѣжавшій изъ Сибири... Заключительныя строки переносили читателя въ скромную сельскую церковь, гдѣ, часто, въ вечерній часъ, когда „угасало дневное свѣтило“, можно было видѣть молодую прелестную женщину, одѣтую въ черномъ и прикрытую вмѣсто шляпки густымъ вуалемъ, также чернаго цвѣта; тихими, едва слышными шагами проходила она въ дальній уголъ къ образу Богоматери, едва освѣщаемому теплющейся лампадой,—„падала ницъ, простирая руки, и долго, долго молилась за себя и за несчастнаго“...

Какъ я вамъ сказалъ, повѣсть осталась въ рукописи. Почему постигла ее такая жалкая участь, тутъ кроется цѣлая драма. Она-то собственно и составляетъ суть разсказа.

XX.

Въ то время, когда, бывало, сказать съ нѣкоторой смѣлостью: дважды два—четыре, считалось уже у насъ воль-

нодумствомъ,—толстые журналы были рѣдкость: одинъ, два, три—и обчелся. Барышня наша выписывала одинъ изъ нихъ, издававшійся въ Петербургѣ. Онъ пользовался особымъ успѣхомъ между провинціальными барышнями благодаря тому, что въ немъ преимущественно печатались лучшіе современные переводы, оригинальныя повѣсти, романы и стихотворенія; послѣднія занимали въ каждомъ номерѣ едва ли не третью часть; редактору, во-первыхъ, приходилось удовлетворять вкусу публики къ поэзіи, во-вторыхъ, онъ самъ сочувствовалъ стихотворнымъ произведеніямъ, которыя тогда печатались даромъ. Впрочемъ, въ тотъ золотой вѣкъ печати и редакторовъ, прозаики не уступали въ этомъ отношеніи поэтамъ; они также не гнались за гонораромъ, считая себя вполнѣ счастливыми, когда видѣли свои труды напечатанными.

Повѣсть барышни сопровождалась письмомъ, въ которомъ авторъ, сознавая всю смѣлость своего поступка, оправдывался безвыходнымъ положеніемъ молодой дѣвушки, совершенно одинокой, занесенной въ деревенскую глушь, не имѣющей живого существа, съ кѣмъ посовѣтоваться, лишенной всякаго сочувствія, предоставленной самой себѣ; къ кому же было ей обратиться, какъ не къ человѣку, имя котораго, столь извѣстное и любимое всей Россіей,—прибавляла она,—было предметомъ ея всегдашняго поклоненія (какъ многіе читатели того времени, она думала, что бо́льшая часть того, что̀ печатается въ журналахъ, сочинялась самимъ редакторомъ). Съ глубокой вѣрой въ его великодушіе, она смѣла надѣяться, что онъ не откажетъ ей въ участіи и снисходительно отнесется къ первому опыту начинающаго писателя. Въ письмѣ слова не упоминалось о благотворительной цѣли, съ какою сочинялась повѣсть, и также о гонорарѣ.

По прошествіи двухъ недѣль получился отвѣтъ. Редакторъ, скромно умалчивая объ удовольствіи, доставленномъ ему извѣстіемъ, что имя его пользовалось такой популярностью и любовью въ глухихъ мѣстахъ Россіи,—не могъ, какъ литераторъ, котораго, по его словамъ, „самъ Марлинскій благословилъ на литературное поприще“, не могъ горячо не сочувствовать юному начинающему собрату въ образѣ высоко развитой дѣвицы, одаренной къ тому же замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Онъ благодарилъ за присылку повѣсти, въ которой нашелъ много неподдѣльной теплоты въ связи съ тонкимъ чув-

ствомъ, свойственнымъ въ такой степени только чуткому женскому сердцу; онъ обѣщалъ въ скоромъ времени помѣстить повѣсть въ своемъ журналѣ. О гонорарѣ въ его письмѣ также не упоминалось.

Можете сами судить, какое впечатлѣніе произвелъ такой отвѣтъ на барышню! При чтеніи его, у нея, отъ усиленнаго обращенія крови, завертѣлись въ глазахъ зеленые кружки; она едва могла придти въ себя отъ смущенія. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы человѣкъ, котораго представляла она себѣ сіяющимъ въ ореолѣ славы, окруженнымъ сонмомъ поэтовъ, ученыхъ и литераторовъ, поглощеннымъ занятіями самаго сложнаго свойства,—чтобы такой человѣкъ могъ найти время для отвѣта совершенно незнакомой дѣвушкѣ,—и какого отвѣта,—Боже мой, какого отвѣта! Наконецъ, время было здѣсь послѣднимъ дѣломъ! Не въ тысячу ли разъ больше слѣдовало цѣнить отзывчивость души, теплоту сердца и эти милыя, милыя сочувственныя слова, вырвавшіяся какъ бы сами собою отъ избытка чувствъ... Дальше дѣло уже перешло въ область воображенія, которое, со свойственною ему пылкостью, не замедлило обрисовать редактора какимъ-то возвышеннымъ, идеальнымъ существомъ и даже придало ему идеальныя формы, чуть ли не съ крыльями за плечами...

Въ ту же ночь перо барышни, горѣвшей какъ въ лихорадкѣ, судорожно заходило по бумагѣ. Рано утромъ второе это посланіе отправлено было съ нарочнымъ на почту. Содержаніе этого второго письма мнѣ неизвѣстно; но братъ редактора,—мужъ свояченицы моей тетки,—разсказывалъ, что послѣ этого второго письма изъ Саратова,—редакторъ показался ему какъ бы не въ своей тарелкѣ; онъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго и настолько былъ разсѣянъ, что, принимая отъ какого-то литератора рукопись и намѣреваясь положить ее подлѣ себя для просмотра,—сунулъ ее тутъ же подъ столъ въ плетеную корзину, чѣмъ жестоко обидѣлъ автора, пожелавшаго тотчасъ же взять рукопись обратно.

XXI.

Редакторъ, котораго я не только зналъ по разсказамъ родственниковъ, но котораго нѣсколько разъ встрѣчалъ у тётки,—принадлежалъ, надо сказать, къ числу сильныхъ романтиковъ. Въ то время между грамотными въ Россіи,

одни военные генералы, откупщики и дѣйствительные статскіе совѣтники при должности—могли считаться людьми положительными; остальное человѣчество мирно занималось хлѣбопашествомъ, и меньшая его доля восхищалась Бенедиктовымъ и захлебывалась, читая Альманахъ—Владиславлева.

Редакторъ, какъ человѣкъ труда, принужденный проводить большую часть существованія въ кабинетѣ, сидя въ креслахъ на гуттаперчевомъ кружкѣ, мало былъ знакомъ съ дѣйствительною живою жизнію; знакомясь съ нею почти исключительно по романамъ и повѣстямъ, которые приходилось читать съ утра до вечера въ рукописяхъ и по корректурамъ, — онъ, можно сказать, жилъ больше воображеніемъ. По натурѣ своей, онъ былъ однакожъ то, что называется: „сердечкинъ“, то-есть, повторяя выраженіе одного изъ его сотрудниковъ: „постоянно носилъ подъ селезенкой тоскующую горлицу“. И странное дѣло: онъ и журналъ его имѣли двѣ совершенно несхожія судьбы! Журналъ, какъ извѣстно, пользовался большимъ успѣхомъ у прекраснаго пола; онъ же тѣмъ именно и отличался, что, доживъ до сорока-пяти лѣтъ, не имѣлъ съ этой стороны никакого успѣха. Обстоятельство это подъ конецъ сообщило его наружности унылый оттѣнокъ, который, естественнымъ образомъ, усиливался отъ сознанія, что виною всему была его наружность. Дѣйствительно, она не была привлекательна.

Глаза были еще туда-сюда, хотя, частью отъ близорукости, частью отъ усиленнаго напряженія при постоянномъ чтеніи корректуръ и рукописей,—они выкатывались впередъ, образуя что-то въ родѣ куриныхъ яицъ съ круглымъ, нѣсколько тупымъ зрачкомъ, выведеннымъ тусклой сѣрой краской. Мутный, гемороидальный цвѣтъ лица — неизбѣжное слѣдствіе упорнаго сидѣнья на гуттаперчевомъ кружкѣ, да еще въ Петербургѣ,—также могъ быть допущенъ; главный предметъ неудачи заключался въ носѣ. Такіе носы встрѣчались прежде у засѣдателей и секретарей земскихъ судовъ и теперь встрѣчаются только иногда у архіерейскихъ пѣвчихъ; довольно обыкновеннаго вида при началѣ своемъ между бровями, носы этого рода, приближаясь къ оконечности, начинаютъ расширяться во всѣ стороны, припухаютъ и неожиданно закручиваются кверху, открывая по сторонамъ пару ноздрей, въ которыя свободно можно вставить по грецкому орѣху; о цвѣтѣ я уже

не распространяюсь: такіе посы всегда болѣе или менѣе отливаютъ свинцовымъ матомъ, какъ на сливахъ. Ротъ былъ безспорно лучшимъ украшеніемъ редактора; но, по какому-то странному капризу, онъ менѣе всего обращалъ на него вниманія,—можно даже сказать: держалъ его въ черномъ тѣлѣ, воспоминалъ о немъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда приходилось кушать и говорить, а въ остальное время употреблялъ его почти исключительно для плеванья въ мѣдную песочницу, находившуюся постоянно подлѣ письменнаго стола. Такія песочницы были тогда почему-то во всеобщемъ употребленіи.

Неудачи редактора въ отысканіи „подруги по душѣ и влеченію сердца“ — какъ онъ выражался ближайшимъ друзьямъ и родственникамъ — все сильнѣй давали себя чувствовать; несмотря на успѣхъ журнала, сердце изнывало въ одиночествѣ и тосковало отъ недостатка питанія. Часто, въ часы печальнаго настроенія, воображеніе рисовало передъ нимъ молодое, кроткое и любящее существо, не испорченное жизнью столицы, сохранившее въ душѣ чистоту ландыша и невинность фіалки, скромно притаившейся въ тѣни своихъ листьевъ...

Послѣ чтенія второго письма изъ саратовской глуши, мечты его приняли неожиданно другой оборотъ... Онѣ стали какъ бы сближаться съ дѣйствительностью. „А что если... если это?...“ пришло ему невольно въ голову въ то время, какъ онъ задумчиво расхаживалъ по кабинету съ заложенными за спину руками. Онъ тутъ же отбросилъ такую мысль, но тѣмъ не менѣе, на слѣдующій день, написалъ длинное письмо съ адресомъ въ Саратовскую губернію.

Ровно на десятый день утромъ получилъ онъ отвѣтъ.

Съ этого времени (дѣло было въ началѣ зимы) между Петербургомъ и Саратовомъ установилась совершенно правильная, непрерываемая корреспонденція. Къ новому году она составляла уже изрядный томикъ.

XXII.

Въ послѣднихъ письмахъ слова уже не упоминалось о повѣсти, писанной съ благотворительною цѣлью. Говорилось больше о сочувствіи душъ, объ обмѣнѣ мыслей, о неудовлетворенности чувствъ, тоскѣ по идеалу. Въ его письмахъ попадались такія строки: „Женское сердце неизмѣримо, какъ океанъ, въ таинственной глубинѣ котораго скрываются драгоцѣнные перлы“ и также: „...глотаю слезы,—

эти горкія ягоды, растущія на развалинахъ разрушеннаго сердца...“

Съ каждымъ новымъ письмомъ, желаніе высказаться примѣтно расширяло свои предѣлы, обмѣнъ чувствъ требовалъ все больше и больше простора на бумагѣ, самый слогъ, какъ бы подогрѣваемый невидимымъ огнемъ, разливался теперь жгучимъ, пламеннымъ потокомъ. Во всемъ этомъ, воображеніе, какъ всегда впрочемъ, принимало самое лукавое, демонски лицемѣрное участіе; оно рисовало каждому изъ пишущихъ фантастическіе образы и картины, обольщало ихъ волшебнымъ миражемъ, купало въ голубомъ эѳирѣ, возносило на неизмѣримыя вершины, гдѣ опъ—Манфредъ или Ромео, сіяя весь мужественной красою, простиралъ къ ней страстныя объятія; она — Лаура или Беатриче, олицетворенная нѣжность и грація, припадала къ нему на грудь и, обхватить его шею руками, лепетала ему слова вѣчной, неизмѣнной любви...

Къ концу марта, въ письмахъ того и другого выразилась настоятельная потребность въ обмѣнѣ дагеротипныхъ портретовъ. Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой не могли исполнить желанія; редакторъ, какъ житель Петербурга, при первомъ дуновеніи весны, схватилъ неизбѣжный флюсъ и въ такомъ видѣ не рѣшился сниматься; барышня не снялась по той причинѣ, что въ деревнѣ не существовало дагеротипа, а въ губернскій городъ проѣзду не было по случаю разлива рѣкъ...

Въ первыхъ числахъ апрѣля переписка выяснила фактъ несомнѣннаго сродства двухъ душъ, несообразность разлуки и настоятельно требовала ихъ сближенія; съ общаго согласія назначено было свиданіе: десятое мая, два часа пополудни, Москва, гостиница Шевалдышева.

Трудность исполненія задуманнаго плана была на сторонѣ барышни. Ѣхать одной въ такую даль, безъ видимаго повода, было немыслимо. Съ другой стороны, нечего было думать оставить восьмидесятилѣтняго отца одного на попеченіе прислуги. Надо было тѣмъ или другимъ способомъ уговорить старца ѣхать въ Москву. Но возбужденныя страсти внушаютъ иногда геніальныя соображенія. Ольга Карловна (я все забываю называть барышню настоящимъ ея именемъ) горячо принялась убѣждать отца въ томъ, что онъ страдаетъ завалами, и имъ необходимо отправиться въ Москву для совѣщанія съ докторами. „Что?... А?... Какъ??..“ спрашивалъ старецъ, прикладывая

ладонь къ уху.—„У васъ, папенька, завалы!!...“ съ удвоенной энергіей подхватывала Ольга Карловна. Старикъ, начинавшій совсѣмъ уже слѣпнуть подъ зеленымъ своимъ зонтикомъ и въ послѣднее время совсѣмъ уже впавшій въ дѣтство, на все согласился. Въ концѣ апрѣля его перенесли на рукахъ въ тарантасъ, бережно уложили между двумя тюфяками; дочь суетливо сѣла подлѣ; дворовые прокричали: „съ Богомъ!!“ старецъ застоналъ и заохалъ, но звуки эти тотчасъ были заглушены тарантасомъ, который тронулся и покатилъ по двору.

Охотно пропускаю психологическій анализъ тѣхъ нравственныхъ ощущеній, которыя испытывала Ольга Карловна во все время переѣзда изъ Саратова въ Москву; я вообще до нихъ не охотникъ. Ограничусь тѣмъ, что взволнованное состояніе чувствъ и мыслей въ значительной степени усугублялось хотя и привычнымъ, но, въ настоящее время, совершенно неумѣстнымъ дѣйствіемъ весны на ея лицо, видимо украсившееся почками; способствовала ли тому внутренняя тревога, быстрѣе обращавшая кровь, но только почки эти росли и размножались съ такой ужасающей силой, что даже въ Москвѣ, послѣ неоднократнаго омовенія лица сывороткой, вытиранія его кольдъ-кремомъ и обсыпанія пудрой, даже послѣ принятія внутрь пилюль изъ ревеню, ничто не могло остановить ихъ распространенія.

XXIII.

Переѣздъ редактора въ Москву былъ далеко не такъ затруднителенъ (онъ ѣхалъ въ отдѣленіи первоначальнаго заведенія дилижансовъ), хотя, надо сказать, также не былъ избавленъ отъ непріятности своего рода. Флюсъ его уменьшился, но не настолько все-таки, чтобы позволить ему снять черную косынку; она туго обтягивала его щеки и оканчивалась на макушкѣ головы большимъ бантомъ, въ видѣ раскрытыхъ крыльевъ. Утѣшительной стороной могло служить, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что въ послѣдніе два мѣсяца редакторъ первый разъ обратилъ должное вниманіе на свой ротъ: онъ то и дѣло полоскалъ его теперь какимъ-то крѣпкимъ элексиромъ изъ флакона, запрятаннаго въ дорожномъ мѣшкѣ.

Не могу вамъ сказать, въ какой гостиницѣ онъ остановился; наконецъ, это вовсе не интересно. Знаю только, что десятаго мая, часу во второмъ пополудни, въ одномъ

изъ номеровъ гостиницы Шевалдышева, Ольга Карловна сидѣла на диванѣ и, какъ трепетная лань, прислушивалась къ малѣйшему звуку. Какъ только въ коридорѣ раздавались шаги и голоса, лицо ея вспыхивало, оконечности пальцевъ холодѣли и сердце начинало биться, какъ внезапно пойманная птица; знаю—избитое сравненіе, но въ настоящую минуту не пріискиваю лучшаго.

Въ продолженіе послѣдняго этого часа, она сотню разъ вставала съ мѣста, бросала украдкой безпокойный взглядъ въ зеркало, при чемъ всякій разъ начинала ускоренно дышать, опускалась снова на диванъ, судорожно вынимала носовой платокъ и тутъ же снова запрятывала его въ боковой карманъ платья.

Въ одну изъ такихъ минутъ кто-то постучалъ въ дверь.

Въ головѣ ея помутилось, и все пошло колесомъ. Она невольно закрыла глаза и съ передышкой произнесла:

— Войдите...

Дверь отворилась, кто-то шаркнулъ и слегка кашлянулъ.

Открывъ глаза, она увидѣла передъ собой маленькаго тощаго господина съ лицомъ, перевязаннымъ косынкой. Крайняя степень смущенія изображалась въ чертахъ его; высоко приподнявъ брови, раскрывъ глаза во весь свой сѣрый зрачокъ, раскрывъ даже нѣсколько ротъ, онъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, какъ бы стараясь придти въ себя; наконецъ, неувѣренно проговорилъ свою фамилію, прибавивъ:

— Я имѣю честь говорить съ Ольгой Карловной?..

— Да... произнесла она чуть слышно.

Прошло нѣсколько секундъ молчанія; судя по ихъ лицамъ, можно было думать, они только что сообщили другъ другу самую печальную неожиданную новость. Оба были какъ бы въ недоумѣніи и готовы были заплакать.

Ольга Карловна первая овладѣла собою и сказала, указывая на стулъ:

— Очень рада... пожалуйста садитесь...

— Благодарю васъ, возразилъ редакторъ совершенно растерянным голосомъ.

Онъ сѣлъ на край стула, повертѣлъ шляпой и произнесъ, опуская глаза въ землю:

— Вы давно пріѣхали... сударыня?..

— Третьяго дня...

— Дороги въ поляхъ не совсѣмъ еще, должно-быть, просохли... Въ рощахъ, вѣроятно, еще сыро... и зелень также... я думаю, не вездѣ еще распустилась...

— Трава вездѣ, впрочемъ... проговорила было Ольга Карловна, и вдругъ начала дышать ускореннымъ тактомъ и такъ тяжело, что редакторъ невольно привсталъ со стула; но она ничего уже не видѣла: голова ея кружилась, въ глазахъ зеленѣло, грудь спиралась отъ недостатка воздуха... Она судорожно прижала къ лицу платокъ и съ истерическимъ клокотаніемъ въ горлѣ упала на спинку дивана...

Редакторъ заметался по комнатѣ, бросая растерянные взгляды, и наконецъ выбѣжалъ въ коридоръ, призывая прислугу; объяснивъ на-скоро, что въ сосѣднемъ номерѣ барынѣ сдѣлалось дурно и потребовавъ, чтобы прислали ей горничную, — онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и такъ же быстро зашагалъ по улицѣ, продолжая сохранять на лицѣ недоумѣнье вмѣстѣ съ выраженіемъ испуга.

На слѣдующій день Ольга Карловна получила письмо почти такого содержанія:

„Позвольте выразить вамъ, м. г., мое искреннее сожалѣнье о внезапно постигшемъ васъ вчера нездоровьѣ. Смѣю надѣяться, оно останется безъ послѣдствій. Возвратясь отъ васъ, я получилъ депешу изъ Петербурга, требующую немедленно моего отъѣзда. Сожалѣю, что вчера не удалось переговорить съ вами насчетъ прекрасной вашей повѣсти. Я разсчитываю напечатать ее въ іюльской книжкѣ. Примите и т. д.“.

Въ тотъ же день редакторъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Дней пять спустя, послѣ консиліума, на которомъ выяснилось, что у отца Ольги Карловны не было признака заваловъ и всего лучше было бы не тревожить его старыхъ костей, — изъ гостиницы Шевалдышева выѣхалъ знакомый тарантасъ; изъ-подъ кузова его виднѣлся съ одной стороны: зеленый зонтикъ на старческой головѣ съ картузомъ, украшеннымъ военнымъ околышкомъ,— съ другой: нѣсколько опухлое унылое женское лицо съ раскраснѣвшимися отъ недавнихъ слезъ глазами...

Ни въ іюлѣ, ни въ концѣ года, ни даже въ послѣдующее затѣмъ время, повѣсть Ольги Карловны не появилась въ печати; она умерла для свѣта, какъ умерли другъ для друга романтическій редакторъ и мечтательная Ольга Карловна,—двѣ жертвы увлеченья и пылкаго воображенья!..

На этомъ мѣстѣ разсказчикъ остановился, привсталъ и закурилъ новую сигару.

XXIV.

— Я думалъ, ты подъ конецъ смягчишься и хоть изъ состраданья выдашь замужъ свою барышню... смѣясь сказалъ хозяинъ дома.

— Выдать ее замужъ! Вотъ выдумалъ!!.. полунасмѣшливо, полусерьезно воскликнулъ инженеръ; — во-первыхъ, я не могъ бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что разсказанная сейчасъ исторія произошла въ дѣйствительности, и я не считаю себя въ правѣ измѣнять исторической вѣрности; во-вторыхъ, если бъ разсказъ былъ даже сочиненъ мною и въ моей власти было бы располагать судьбой такой барышни, — я и тогда оставилъ бы ее доживать вѣкъ въ старыхъ дѣвахъ!..

Тонъ убѣжденія, съ какимъ сказаны были послѣднія слова, вызвалъ у присутствующихъ невольный хохотъ.

— За что же такая немилость?.. спросили они въ одинъ голосъ, какъ бы сговорившись.

— Вы знаете, я матеріалистъ отъ природы и позитивистъ по убѣжденію, возразилъ инженеръ тѣмъ же увѣреннымъ голосомъ; — мой женскій идеалъ цѣликомъ въ надписи на гробницѣ древней римской женщины: „Она занималась шитьемъ и охраняла домъ!“ Всѣ эти сентиментальные субъекты, вздыхающіе на луну, барышни *экзальте*, романтическія дѣвицы съ истерической подкладкой, надломленныя мечтательныя натуры: дунешь—разлетится пухомъ, и начнетъ капризничать, въ чахотку вгонитъ бронзовую статую! А то, есть еще умницы и ученыя... Нѣтъ, благодарю покорно! „Надо попробовать пожить съ такой умницей, чтобы почувствовать всю сласть жизни съ глупой, но доброй женщиной“, говоритъ мнѣ всегда одинъ пріятель... Если я женюсь когда-нибудь, въ чемъ, впрочемъ, сомнѣваюсь, потому что женитьба, говорятъ, гавань, пристань, а я люблю открытое море,—и такъ, если я женюсь, я хочу, пріѣдя домой, встрѣтить нѣчто солидное въ нравственномъ смыслѣ... ну и въ другомъ также пожалуй; хочу встрѣтить нѣчто разсудительное, благоразумное... А то: придешь домой, вмѣсто жены на столѣ записочка: „Прости меня, душка, я увлеклась и полюбила нашего друга Ивана Иваныча...“ Я зналъ семейство, въ которомъ жена четыре раза такимъ образомъ увлекалась... Нѣтъ, *мерси-боку!!*.. Это выходитъ очень красиво въ романахъ, но въ дѣйствительной жизни спаси

насъ св. Сергій угодникъ и посокъ его святой, какъ говаривала моя бабушка... Нѣтъ, нѣтъ, спаси насъ самъ Господь отъ всѣхъ этихъ „пафовъ“, „пистолетныхъ выстрѣловъ“ и вообще отъ увлеченій. Съ ними, въ результатѣ, только безпокойство и горе. За доказательствами ходить не далеко, они налицо: начиная съ тебя (онъ кивнулъ на хозяина дома) и кончая случаями, о которыхъ ты разсказывалъ (онъ обратился къ литератору), всѣ больше или меньше были жертвами своихъ увлеченій...

— Хорошо, по крайней мѣрѣ, что ты ограничиваешься отдѣльными примѣрами... замѣтилъ, улыбаясь, литераторъ.

— А что?

— А то, что иначе можно было думать, ты не признаешь въ нашей природѣ лучшаго ея свойства...

— Это какимъ образомъ?

— Такимъ образомъ, что свойство увлеченія всегда показываетъ въ душѣ человѣка присутствіе чего-то живого, трепещущаго, присутствіе искры отъ священнаго огня, въ которомъ тайна мірового воодушевленія! съ горячностью подхватилъ литераторъ. — Ты думаешь, я говорю фразы, шучу,—нисколько! Опять повторяю: лучшее! Безъ способности увлекаться, воспламеняться чувствомъ и мыслію, человѣкъ ничего больше—какъ сухарь, тряпка, гнилушка!.. Всѣ великія дѣла, къ какой бы сферѣ они ни принадлежали, всѣ замѣчательныя изобрѣтенія, все, что заставляетъ вѣрить въ успѣхъ человѣчества, одушевляетъ насъ, подымаетъ нашъ духъ; все, чѣмъ можемъ мы гордиться; все, что видимъ мы вокругъ себя благороднаго, доблестнаго, высокаго, все, что когда-нибудь создавала, создаетъ и будетъ создавать творческая способность; наконецъ, — самое это творчество, — все это продуктъ сильнаго душевнаго возбужденія, то-есть увлеченія! Въ исторіи остались и знаменательны тѣ только факты, которые были результатомъ горячаго возбужденія и увлеченія! Блестящую сторону человѣческой исторіи создали только поэты и энтузіасты! Тайна успѣха въ томъ лишь, чтобы поводъ энтузіазма отвѣчалъ потребности дня и часа — иногда минуты! Самодовольное благоразуміе и такъ-называемая разсудительность никогда ничего не производили; они, какъ конторщики, вписываютъ только въ счетъ и подводятъ итоги и цифры. Если бъ свѣтъ ими управлялся, они давно бы заморозили человѣчество, и земля наша давно успѣла бы превратиться, какъ луна, въ мертвое

тѣло!.. „Молодой человѣкъ, вы увлекаетесь...“, или: „Онъ прекрасный человѣкъ,—жаль, увлекается!“ Вотъ что споконъ вѣку самодовольно повторяетъ разсудительность, забывая, что сама она вѣчно жила и будетъ жить на счетъ энтузіастовъ, подбирая рождаемыя ими мысли и согрѣвая руки у костра священнаго огня, который во вѣки вѣковъ поддерживался этими увлекающимися и восторженными...

— Вполнѣ тебѣ сочувствую и во всемъ соглашаюсь съ тобой, вмѣшался юристъ, — но, признаться, мнѣ больше нравилось, когда, сначала, ты говорилъ объ увлеченіи вообще, какъ лучшемъ нашемъ свойствѣ, не входя въ подробности. Увлеченія великихъ людей, которыя дѣлали и будутъ додѣлывать исторію человѣчества, — достойны нашего удивленія и благодарности, но благородные душевные порывы свойственны не только лицамъ, которыхъ отмѣтила исторія; они совершаются точно такъ же, — и, можетъ-быть, еще чаще,—въ скромномъ домашнемъ быту, втихомолку, такъ сказать, и дѣлаютъ такую же честь нашей природѣ, заслуживаютъ не менѣе нашего удивленія! Историческихъ дѣятелей увлекала высокая общественная цѣль, убѣжденіе подымало ихъ духъ, впереди мерещилась слава, человѣкъ жертвовалъ собою въ минуты возбужденныхъ чувствъ и мозга... Легче было увлечься! Здѣсь дѣло проще: и люди смиренные, и сфера темная; здѣсь въ увлеченіи часто также жертвуютъ собою, но исключительнымъ двигателемъ служитъ высокій подъемъ личнаго нравственнаго чувства, избытокъ сердечной любви, милосердія, добродѣтели, и, надо прибавить къ чести человѣческой природы, такіе факты совершаются сплошь и рядомъ.

Мы до сихъ поръ говорили о женщинахъ. Будемъ держаться до конца этого предмета. У меня есть исторія, которую болѣе чѣмъ когда-нибудь кстати разсказать теперь; къ тому же, я еще ничего не разсказывалъ, и очередь за мною.

XXV.

Въ моей исторіи дѣйствуютъ двѣ женщины, но каждая увлечена по-своему, каждая дѣйствуетъ, повинуясь своему собственному нравственному или, если хотите, сердечному влеченію.

Лѣтъ десять тому назадъ (мы, господа, такъ стары, что

поневолѣ должны уже считать десятками лѣтъ наши воспоминанія), я былъ временно назначенъ по важному служебному дѣлу въ одинъ изъ нашихъ главныхъ губернскихъ городовъ. Лица, съ которыми пришлось имѣть дѣло, смотрѣли мнѣ въ глаза, чуть ли не цѣловали рукъ, хотя, по заведенному у насъ порядку, надѣлали мнѣ впослѣдствіи и исподтишка, конечно, множество гадостей. Докладываютъ мнѣ однажды: спрашиваетъ меня какой-то человѣкъ и называютъ его фамилію; она была мнѣ знакома. Вошедшій дѣйствительно оказался сыномъ стараго учителя, приходившаго когда-то давать уроки моимъ младшимъ братьямъ. Сынъ нисколько однакожъ не напоминалъ отца... Боже, что̀ это была за физіономія! Передо мной стоялъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ двадцати-семи—восьми, но до такой степени истасканный, изможденный и гнилой, что противно было смотрѣть. Наружнымъ своимъ видомъ похожъ онъ былъ на тѣхъ попрошаекъ, которыхъ чаще всего можно встрѣтить въ Москвѣ подлѣ харчевенъ, въ обжорномъ ряду или на церковныхъ папертяхъ въ праздничные дни; словомъ, гадость совершенная! Онъ окончательно мнѣ опротивѣлъ, когда, не сказавши еще слова, бросился со всѣхъ ногъ цѣловать мнѣ руку и, когда я ее отдернулъ, припалъ къ плечу, называя меня благодѣтелемъ. Онъ умолялъ меня дать ему какое-нибудь занятіе, опредѣлить его куда-нибудь, и когда я спросилъ: что онъ умѣетъ дѣлать? онъ, какъ истый русскій человѣкъ, готовъ былъ принять безразлично какую угодно должность—хоть ковры вышивать или плотины строить, лишь бы сѣсть на казенное мѣсто и получать жалованье. Подъ конецъ, Хохловъ (такъ его звали) вынулъ изъ-подъ полы оборваннаго сюртучишка засаленную тетрадку и подалъ мнѣ ее, какъ образецъ его почерка. Тетрадка была исписана, сколько мнѣ показалось съ бѣглаго взгляда, дрянными стишонками, но почеркъ былъ безукоризненный, бисеръ просто!

Я уже сказалъ вамъ, что лица, меня окружавшія, нуждаясь во мнѣ въ то время, смотрѣли мнѣ въ глаза. Они не отказали бы тогда, даже если бъ я попросилъ у нихъ мѣсто для Стеньки Разина.

Хохлова опредѣлили писцомъ и дали ему комнату въ казенномъ домѣ. Дня два спустя, приходитъ Хохловъ, снова бросается цѣловать руки, усиленно щуритъ глаза, тщетно стараясь заплакать, вызываетъ на сцену память

отца и какимъ-то фальшиво-расчувствованнымъ, приниженнымъ, лижущимъ голосомъ, проситъ довершить благодѣяніе, проситъ сдѣлать ему „высокую честь“ посѣтить его обиталище, взглянуть, какъ онъ тамъ устроился, и кстати взглянуть на жену.

— Вы женаты?!. невольно вырвалось у меня.

— Уже четвертый годъ-съ... возразилъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ.

— „Боже мой, кто же эта несчастная!?.“ подумалъ я въ ту же минуту. — „Кто бы ни была эта женщина, но что̀ могло заставить ее сдѣлаться женой этой человѣческой гнилушки, этой гадины, къ которой, сказать по правдѣ, — нельзя было прикоснуться безъ отвращенія?!.“ Судите же о моемъ удивленіи, когда, зайдя къ Хохлову на другой день, — увидѣлъ я молоденькую — лѣтъ двадцати-пяти—женщину съ миловиднымъ дѣтскимъ лицомъ, бѣлокурой головкой, гладко причесанной, и красивыми сѣро-голубыми глазами, съ пушистыми рѣсницами, придававшими взгляду необыкновенную мягкость. Она замѣтно была смущена моимъ посѣщеніемъ, но старалась поддержать достоинство и казаться спокойной. Бѣдная обстановка комнаты отличалась чистотою; даже подоконники и полъ были заново вымыты; такъ какъ прислуги у нихъ не было, это была, очевидно, ея работа. Въ то время, какъ мужъ всячески егозилъ передо мною, клапялся всѣмъ туловищемъ и холопствовалъ, порываясь неоднократно припасть къ рукѣ или плечу, она продолжала держать себя вполнѣ прилично; у нея смѣлости только недоставало, чтобы удержать его.

Поздравивъ ее съ новосельемъ и пожелавъ ей всякаго счастья, я вышелъ отъ нихъ, истинно сожалѣя бѣдную женщину.

Вскорѣ послѣ того возвратился я въ Петербургъ.

XXVI.

Прошелъ съ небольшимъ годъ. Воспоминаніе о Хохловѣ совершенно изгладилось изъ моей памяти, когда разъ говорятъ мнѣ въ департаментѣ: васъ какой-то Хохловъ спрашиваетъ. Съ перваго взгляда я едва узналъ его; лицо мало измѣнилось, но одѣтъ онъ былъ совершеннымъ франтомъ: сапоги съ модными носками, пестрый галстукъ съ падающими концами, прическа съ проборомъ посереди головы, на лѣвой рукѣ перчатка кирпичнаго цвѣта... Онъ

разсказалъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, счелъ „священнымъ долгомъ“ выразить мнѣ свое почтеніе и благодарность за оказанныя ему прежде благодѣянія; изъ дальнѣйшихъ его объясненій я узналъ, что онъ отказался отъ прежней должности, такъ какъ ему предложено было весьма выгодное мѣсто конторщика въ одномъ изъ главныхъ банкирскихъ домовъ Одессы. Говорилъ онъ, — надо вамъ замѣтить, — безъ прежняго низкаго кривлянья — не лѣзъ цѣловать руку или плечо, — говорилъ увѣренно, — даже какъ-то разсудительно потряхивалъ головою. Разъ только голосъ его принялъ прежнюю приниженную интонацію, и самыя черты лица какъ бы размякли и жалостливо скорчились, именно, когда я освѣдомился о его женѣ. Онъ отвѣчалъ, что она, благодаря Бога, совершенно здорова и теперь въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ! — укладывается, приготовляясь въ путь. О цѣли своего пріѣзда въ Петербургъ онъ слова не проговорилъ; я, впрочемъ, и не спрашивалъ.

Вскорѣ открылось, что все, что ни разсказывалъ Хохловъ, — было самой чистѣйшей, самой наглой ложью. Одинъ изъ чиновниковъ губернскаго города и того самаго вѣдомства, куда я когда-то былъ посланъ, зашелъ ко мнѣ проѣздомъ въ Петербургъ и передалъ слѣдующее: не задолго послѣ того, какъ Хохлова опредѣлили по моей просьбѣ, — онъ вдругъ запилъ мертвую и началъ выдѣлывать такія безобразія въ казенномъ домѣ, что принуждены были выгнать его вонъ и отказать ему отъ мѣста. Но пьянство ничего еще не значило передъ возмутительнымъ поступкомъ, который совершилъ онъ еще за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ и который обнаружился въ то самое время, какъ рѣшено было его выгнать.

У жены Хохлова была сестра,—молоденькая дѣвушка, жившая гдѣ-то въ услуженьи; Хохловъ обольстилъ ее. Въ домѣ у него ничего не подозрѣвали; болѣе чѣмъ когда-нибудь прикидывался онъ тогда смиречкомъ, ходилъ передъ женою на цыпочкахъ, былъ тише воды, ниже травы. Пьянство началось, когда не стало уже никакой возможности скрывать беременность, и обольщенная дѣвушка, потерявъ окончательно голову, объявила ему, что во всемъ откроется сестрѣ. Въ это самое время Хохлова выгнали изъ казеннаго дома; онъ запилъ еще хуже и, наконецъ, пропалъ куда-то безъ вѣсти.

Жена его осталась безъ крова и куска хлѣба. Къ ужасу

ея положенія, она вскорѣ узнала о несчастіи сестры и, къ довершенію всего, объ участіи въ немъ мужа. Несчастіе сестры было, повидимому, главнымъ ея горемъ; оно пока заглушило въ ней всѣ остальныя чувства. Забывъ совершенно самое себя, свое собственное оскорбленье, свой голодъ, она въ тотъ же день продала остатокъ жалкихъ пожитковъ, наняла въ отдаленной части города комнату у огородника и переселилась туда съ сестрою. Чтобы существовать и вдобавокъ кормить сестру, которую всячески старалась скрывать отъ посторонихъ взглядовъ,—она отъ зари до зари бѣгала по городу, отыскивая работу: гдѣ чинила платья, гдѣ стирала бѣлье, гдѣ мыла посуду и убирала комнаты; случалось ей даже копать гряды, какъ она мнѣ потомъ разсказывала. За сестрою ухаживала она все время, какъ нѣжная мать, не произнося упрека, не вымолвивъ слова, которое могло бы огорчить больную.

Но бѣдной этой женщинѣ опредѣлено было судьбою выпить до дна горькую чашу испытаній. Обольщенная дѣвушка не вынесла родовъ; разрѣшившись отъ бремени дѣвочкой, она въ ужасныхъ мукахъ скончалась на рукахъ сестры...

Я не мастеръ передавать внутреннія душевныя движенія; вы сами поймете, что̀ должна была выстрадать эта женщина, лишившись единственнаго любимаго существа и еще при такихъ скорбныхъ условіяхъ,—и кромѣ того, оставшись при своей бѣдности съ грудным ребенкомъ на рукахъ! Но она перенесла все это мужественно, никому ничего не говоря, безъ жалобъ, безъ ропота. Надо думать, сердце этой простой женщины — женщины безъ образованія и воспитанія,—такъ уже сотворено было, что одновременно съ тѣмъ, когда въ него входило горе съ одной стороны, — съ другой — оно наполнялось двойной долей добра и великодушія.

Послѣднее выражалось, между прочимъ, тѣмъ, что ребенокъ этотъ,—живое напоминаніе всѣхъ ея несчастій,—сдѣлался предметомъ ея обожанія; она перенесла на него всю потребность любви и привязанности; съ нимъ она не только забыла, но какъ бы простила все прошлое. Разсказывая мнѣ потомъ объ этомъ періодѣ своей жизни, ей въ голову не пришло пожаловаться на судьбу, на испытанную тогда трудность въ добываніи средствъ къ существованію. Куда какъ тяжело было однакожъ пере-

биваться, живя однимъ шитьемъ и получая по сорока и тридцати копеекъ въ день!

XXVII.

Тѣмъ временемъ о Хохловѣ не было ни слуху, ни духу; разсказывали, онъ перетащился въ другой большой городъ, и тамъ, падая все ниже и ниже, путаясь съ разными проходимцами и пропойцами, завалился подъ конецъ въ одну изъ тѣхъ почлежныхъ трущобъ, откуда, какъ изъ дантовскаго ада, нѣтъ выхода.

Въ числѣ обывателей этого города проживалъ, между прочимъ, отставной генералъ съ семействомъ; вѣрнѣе было бы сказать,—генеральское семейство,—весьма многочисленное, не столько проживало, сколько перебивалось и колотилось, находя слабое утѣшеніе въ томъ, что помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домикѣ съ покосившимся фронтономъ на мезонинѣ. Была также деревушка, отданная когда-то въ приданое за генеральшей, но ея все равно что не существовало: лѣсъ давно былъ вырубленъ, скотный дворъ проданъ на свозъ фабриканту, фруктовый садъ уступленъ за грошъ мѣдный мельнику; послѣ освобожденія крестьянъ она окончательно перестала давать доходъ. Существеннымъ подспорьемъ была пенсія генерала и еще кой-какія деньжонки, перепадавшія отъ родственниковъ жены. Средства были жиденькія, особенно если принять во вниманіе, что генеральша проводила день, куря папироски, генералъ любилъ щеголять напомаженнымъ, круто завернутымъ, хохломъ и прогуливаться, выбирая преимущественно для прогулки мѣста, гдѣ бабы стирали бѣлье, копали гряды или купались,—а барышни большею частью занимались прической и смотрѣніемъ изъ окопъ на проходящихъ молодыхъ чиновниковъ и офицеровъ.

Одна изъ нихъ, — старшая, — рѣзко отличалась отъ сестеръ; она собственно только по рожденью принадлежала семейству. Взятая еще ребенкомъ тёткой и крестной матерью, бывшей начальницей какого-то сиротскаго дома въ Петербургѣ, она была ею выращена и воспитана. Возвратясь въ семью послѣ кончины крестной, которая оставила на имя племянницы въ банкѣ всѣ свои экономіи — тысячъ пять или шесть, — молодая дѣвушка, съ первыхъ дней, почувствовала себя отчужденной; отъ нея такъ же какъ бы сторонились, называя ее насмѣшливо „графиней“; на самомъ дѣлѣ втихомолку завидо-

вали ея красивой, нѣсколько строгой, наружности, завидовали ея деньгамъ и раздражались ея характеромъ, крайне сосредоточеннымъ и мало сообщительнымъ.

Единственное лицо, съ которымъ она нѣсколько сблизилась, была старая тётка, престарѣлая дѣва, ходившая вся въ черномъ, съ коротко остриженными сѣдыми волосами — существо въ высшей степени своеобразное, не только по внѣшнему виду и нѣкоторымъ выдающимся чертамъ характера, но, главнымъ образомъ, по религіознымъ убѣжденіямъ, которыя привели ее къ полному самопожертвованію въ пользу страждущаго и неимущаго. Не имѣя гроша за душою, но пользуясь въ городѣ обширнѣйшимъ знакомствомъ и общею любовью, она умѣла всегда выманить старое платье, фунтъ сахару, говядины, картофелю и даже денегъ, и тутъ же раздавала все это разнымъ бѣднякамъ. Въ томъ проходила вся ея жизнь. Ей знакомы были въ городѣ всѣ нуждающіяся семейства, всѣ углы и закоулки, гдѣ гнѣздились нищета и болѣзни, отъ которыхъ она искусно лѣчила даровыми медикаментами.

Отъ скуки ли, изъ любопытства ли, или, наконецъ, отъ сочувствія къ дѣятельности тётки, старшая племянница, слушая ея разсказы, не разъ выражала желаніе ей сопутствовать.

— Трудно, милушка, тяжело... И бѣдно-то, и грязно подчасъ—куды грязно, не выдержишь...

— Ничего, тётушка, авось выдержу! возражала племянница.

Не говоря ничего дома, обѣ условились въ днѣ и отправились.

— Ну, что? спросила старуха послѣ первой такой прогулки.

— Не весело, тётушка, твоя правда, но вообще развѣ весело въ жизни... задумчиво возразила племянница.

Прогулки стали повторяться чаще и чаще. Въ семьѣ узнали объ этомъ, но никто не обратилъ вниманія.

XXVIII.

Тётка съ племянницей, посѣщая однажды одну изъ отдаленныхъ трущобъ, набрели на человѣка еще молодого, но до такой уже степени истощеннаго болѣзнями и нищетою, что оставалось удивляться, какимъ образомъ находился онъ здѣсь, а не въ больницѣ или не на кладбищѣ.

„Въ больницу его водили, но не приняли", пояснила хозяйка угловъ; „сказали: дѣло отъ запоя, а тамъ отъ запоя не лѣчатъ..." Она прибавила, что рѣшительно не знаетъ, какъ теперь быть: „на улицу выбросить жалостно какъ словно, да и полиція взыщетъ; съ другой стороны: даромъ кормить и держать также не приходится... самимъ подчасъ куда туго бываетъ!.."

Въ ожиданіи того, чѣмъ рѣшится судьба его, жилецъ, подобно Іову многострадальному, лежалъ чуть ли не на навозѣ, голодный и полураздѣтый. Пока тётка уговаривалась съ хозяйкой насчетъ уплаты за ночлегъ и харчи, племянница разговорилась съ больнымъ. Онъ не столько отвѣчалъ на ея вопросы, сколько жалостно плакалъ, билъ себя въ грудь, называлъ себя грѣшникомъ и все время пытался черезъ силы ухватиться дрожащими руками за край ея накидки и прижать его къ губамъ своимъ.

Человѣкъ этотъ былъ никто другой, какъ Хохловъ.

На другой день тётка и племянница снова посѣтили больного; на третій день—тоже. Каждый разъ ему приносили булокъ, говядины, бульону въ бутылкѣ, бѣлья, ту или другую принадлежность одежды и т. д.

Больной замѣтно сталъ поправляться.

Какъ могло случиться, что Хохловъ переселился въ свѣтлую комнату и пересталъ въ чемъ-нибудь нуждаться—можно объяснить однимъ только: живымъ участіемъ барышни. Впослѣдствіи открылось, какъ она для этой цѣли—и, конечно, тайкомъ отъ родителей и тётки—постепенно продавала браслеты и серьги, доставшіеся ей отъ крестной матери. Что вынудило ее къ такой жертвѣ, чѣмъ заслужилъ это Хохловъ,—это другой вопросъ, разрѣшить который труднѣе. Исторію эту узналъ я потомъ во всѣхъ подробностяхъ. Поступокъ этой дѣвушки можетъ казаться дикимъ, эксцентрическимъ, чѣмъ угодно, но могу васъ увѣрить, въ немъ ничего не было, что могло быть предосудительнымъ для ея чести, могло бросить на нее тѣнь неблаговиднаго подозрѣнья. Не касаясь уже личности Хохлова, довольно припомнить ея характеръ, въ высшей степени спокойный, ея серьезный и сосредоточенный умъ, чтобы убѣдиться, что въ ея увлеченіи было нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ извращенная наклонность или чувственный капризъ. По природѣ своей она всего скорѣе принадлежала къ типу тѣхъ женщинъ, которыя, по преимуществу, могутъ увлечься гуманной идеей или

политическою цѣлью и которыя, увлекшись тѣмъ или другимъ, ни передъ чѣмъ уже не останавливаются, идутъ къ своей цѣли съ полной готовностью жертвовать собою.

Нѣтъ сомнѣнія, Хохловъ, какъ мужчина, игралъ здѣсь совершенно пассивную роль; главнымъ ея двигателемъ было экзальтированное желаніе спасти падшую душу, вызвать къ жизни погибающаго человѣка, — желаніе, быстро овладѣвшее ея умомъ, воображеніемъ, всѣми ея чувствами.

XXIX.

Помните повѣсть Тургенева „Странная исторія"? Въ ней разсказывается, какъ прелестная дѣвушка — дочь губернатора — бѣжала изъ дому съ тѣмъ, чтобы слѣдовать за какимъ-то нищимъ; какъ потомъ встрѣчали ее съ нимъ въ зной на пыльныхъ дорогахъ, какъ, разъ ночью, видѣли ее на постояломъ дворѣ въ то время, когда она, опустившись на колѣна, обмываетъ ему раны... Исторія, разсказанная Тургеневымъ, произошла въ дѣйствительности точно такъ же, какъ та, которую я вамъ разсказываю, правдива отъ начала до конца.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь, причина увлеченія выходила изъ родственнаго источника: удручающая тоска въ окружающей средѣ, потребность изъ нея вырваться во что бы ни стало, сильное возбужденіе душевныхъ и умственныхъ стремленій, обращенныхъ къ мысли быть полезной ближнему съ готовностью принести себя въ жертву для такой цѣли, не допуская даже соображенія о томъ, заслуживаетъ ли цѣль такой жертвы.

Чтобы избѣгнуть скандала, который рано или поздно неминуемо долженъ былъ обнаружиться или, вѣрнѣе, чтобы удобнѣе осуществить свой планъ, она рѣшилась бѣжать вмѣстѣ съ нимъ изъ губернскаго города и увезти его какъ можно дальше.

Вотъ въ это-то самое время Хохловъ и являлся ко мнѣ въ Петербургъ; она ѣздила туда, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы получить изъ банка деньги, оставленныя ей крестной матерью.

Вскорѣ узналъ я, они переѣхали границу и поселились въ Лозаннѣ.

Мнѣ разсказывали потомъ, что три или четыре года спустя послѣ переѣзда ихъ за границу, когда Хохлова разбило параличомъ и у него отнялись ноги, она съ

удвоенной преданностью продолжала ходить за нимъ, терпѣливѣе прежняго сносила его капризы и грубыя выходки, кормила его изъ рукъ своихъ, какъ ребенка, сама его укладывала и одѣвала, словомъ, была для него и матерью, и служанкой вмѣстѣ. Въ хорошую погоду она усаживала его обыкновенно въ кресло, у открытаго окна, обернувъ его ноги пледомъ, а сама садилась подлѣ за работу. Деньги крестной матери давно были истрачены; жили они тѣмъ, что она съ утра до вечера, и часто по ночамъ, трудились надъ починкой старыхъ кружевъ и раскрашивала абажуры для лампъ. Хохловъ умеръ. Не знаю, какая постигла ее судьба, не знаю даже, жива ли она теперь...

Не далѣе, какъ три года тому назадъ, привелось мнѣ видѣть жену Хохлова. Это было въ Петербургѣ. Выходитъ ко мнѣ женщина, держа за руку дѣвочку (дѣвочкѣ было лѣтъ семь-восемь); смотрю: какъ будто что-то знакомое, но, хоть убей, не могу припомнить.

— Вы меня не узнаете? робко проговорила она.

— Нѣтъ... извините, началъ было я, и вдругъ неожиданно вспомнилъ, вспомнилъ не только ее, но всю прежнюю ея обстановку.

Съ трудомъ вѣрилось, однакожъ, чтобъ въ десять лѣтъ можно было до такой степени измѣниться! Вмѣсто миловидной, бѣлокурой головки во вкусѣ Гретхенъ, смотрѣло худощавое, блѣдное лицо, покрытое сплошь тоненькими какъ паутина и мелкими какъ рубленый волосъ морщинками; меньше всего измѣнились глаза: еще секунда, и я навѣрное узналъ бы ее по ихъ кроткому, доброму выраженію, которое тогда, при первомъ свиданьи, врѣзалось мнѣ въ память. Она давно уже переселилась въ Петербургъ, занималась шитьемъ и теперь пришла просить опредѣлить куда-нибудь дѣвочку. (Она не упомянула ни о сестрѣ, ни о мужѣ). Заговоривъ о ребенкѣ, она какъ-то вдругъ оживилась и принялась съ необыкновеннымъ жаромъ разсказывать о замѣчательныхъ способностяхъ дѣвочки, о ея желаніи учиться, о ея прекрасномъ характерѣ; ея голосъ, движенія, глаза, которые во время разсказа сіяли счастьемъ, ясно говорили, что она вся охвачена самой горячей любовью къ дѣвочкѣ; ей, повидимому, недовольно было восхищаться ею на словахъ; она поминутно и съ какою-то лихорадочною восторженностью прикасалась къ ея волосамъ, поправляла ей косынку и трогала ея плечи.

Когда дѣвочка была опредѣлена, Хохлова снова явилась, но уже съ тѣмъ, чтобы благодарить меня. Въ жизнь не забуду этой сцены! Минутъ десять по крайней мѣрѣ собиралась она что-то мнѣ сказать и не могла; сердце ея было слишкомъ переполнено; голосъ ея спирался въ груди и въ горлѣ слышалось какое-то клокотанье; слезы ручьями текли по ея щекамъ. Я слышалъ только: „Дѣвочка моя... я... я... Благодарю васъ...“ Насилу могъ я ее успокоить.

XXX.

Она съ тѣхъ поръ каждый годъ заходитъ сообщить объ успѣхахъ дѣвочки. Отъ нея узналъ я о кончинѣ мужа. Вспоминая о немъ и прежнемъ житьѣ, она говорила совершенно спокойно, безъ малѣйшаго оттѣнка раздраженія; у нея во все время не только не вырвалось упрека, но даже намека не было на пережитое съ нимъ горе и перенесенное оскорбленіе... Признаюсь, господа, заключилъ юристъ, сильно сомнѣваюсь, чтобы часто можно было встрѣтить столько великодушія въ связи съ такимъ самоотверженьемъ, такимъ запасомъ сердечныхъ чувствъ, прибавлю: такою добродѣтелью, сколько, каждая по-своему, выказали эти двѣ женщины, правдивую исторію которыхъ я вамъ передалъ.

— Меня, по крайней мѣрѣ, нисколько это не удивляетъ, проговорилъ хозяинъ дома,—я никогда не сомнѣвался и не разъ высказывалъ вамъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благородствѣ чувствъ и честности сердца, женщина несравненно честнѣе, благороднѣе и великодушнѣе нашего брата! Мы жалуемся на женскую хитрость, забывая, что сами въ ней кругомъ виноваты: не мы ли поставили женщину въ такое положеніе, что хитрость сдѣлалась, можно сказать, единственной ея защитой; безъ нея ей оставалось бы окончательно быть приниженной рабой и пѣшкой! По-моему: да здравствуетъ даже тотъ типъ романтическихъ и мечтательныхъ женщинъ, который такъ не по сердцу нашему другу инженеру! Да здравствуютъ даже и тѣ, которыя заставляютъ насъ страдать, да,—страдать, потому что, страдая, все-таки живешь страстной живой жизнью... Но безусловно злыхъ женщинъ очень мало. Положительно хорошихъ женщинъ неисчислимое большинство противъ дурныхъ, и, въ общей сложности, если на свѣтѣ есть какое-нибудь совершенство, оно выражается честной и доброй женщиной!..

Наконецъ, кто лучше ихъ умѣетъ любить?..

— И въ этомъ ихъ главное преимущество! подхватилъ съ обычной горячностью литераторъ.—Любовь! этотъ лучшій даръ, это высшее чувство человѣка! Обращено ли это чувство къ отечеству, къ общественной пользѣ, къ отдѣльной личности, оно далеко оставляетъ за собою все то, что обыкновенно служитъ двигателемъ въ нашей жизни. „Жизнь безъ любви—горькій сонъ“, говорятъ итальянцы. Я со своей стороны прибавлю слѣдующее: всѣ наши цѣли, мудрствованія, такъ называемыя „дѣла“, тщеславныя стремленія, карьеры и т. д., и т. д.—все это, если взять въ расчетъ не вѣчность, но только нашу коротенькую жизнь, все это не стоитъ въ сущности того, чтобы колотиться, биться, огорчаться или радоваться, какъ мы это дѣлаемъ! На свѣтѣ есть одно настоящее дѣло, которымъ стоитъ серьезно заниматься,—это любовь! Ужъ на что, кажется, бывали на землѣ крѣпкіе люди, кремневыя натуры, и тѣ не выдерживали—покорялись! А остальная мелюзга только хорохорится; она только хвастаетъ своей несокрушимостью, безъ нужды,—потому что никто ей не вѣритъ. Для любви, для нея одной стоитъ рождаться на свѣтъ и прискорбно умирать потому только, что приходится разстаться съ нею и нѣтъ болѣе надежды испытывать ее снова...

На этомъ мѣстѣ увлеченный ораторъ былъ прерванъ звукомъ часовъ, которые пробили часъ ночи.

Товарищи пожали другъ другу руки и стали расходиться, пожелавъ каждому покойной ночи.

Того же и вамъ желаю, читатель.

КАРТИНЫ АНГЛІЙСКИХЪ ЖИВОПИСЦЕВЪ НА ВЫСТАВКАХЪ 1862 ГОДА ВЪ ЛОНДОНѢ.

I.

Когда я въ послѣдній разъ уѣзжалъ въ Лондонъ, вы просили меня имѣть васъ въ виду при возвращеніи и передать вамъ мои артистическія впечатлѣнія въ этомъ городѣ. Не ошибусь, кажется, если скажу, что, напутствуя меня такимъ порученіемъ, вы съ своей стороны имѣли также и меня „въ виду“, зная мою слабость дѣлиться впечатлѣніями, особенно по части художествъ. Извѣстно вамъ лучше чѣмъ кому - нибудь, чего стоило мнѣ выбрасывать изъ моихъ путевыхъ писемъ по Европѣ все, что̀ касалось искусства; говорить о такомъ предметѣ легко и поверхностно не слѣдовало; говорить пространно было бы неумѣстно въ бѣгломъ очеркѣ личныхъ впечатлѣній; и вотъ, принявъ все это къ свѣдѣнію, вы ждали перваго удобнаго случая, чтобы дать мнѣ возможность наговориться всласть о томъ, что̀ всегда преимущественно занимало меня.

Я дѣйствительно поѣхалъ въ Лондонъ съ спеціальною цѣлью. Англійская школа живописи давно занимала мое воображеніе. Въ воспоминаніяхъ моихъ о безчисленномъ множествѣ видѣнныхъ мною картинъ всѣхъ школъ и временъ, англійская живопись была чѣмъ-то въ родѣ пробѣла. За исключеніемъ нѣсколькихъ произведеній Рейнольдса, Лауренса, Доу, Морланда и Бонингтона, я почти ничего не видалъ; но и эти образчики (особенно эскизы Бонингтона) давали предчувствовать замѣчательныхъ самобыт-

ныхъ мастеровъ. Гравюры, литографіи, акватинты и фотографіи съ картинъ англійскихъ художниковъ постоянно поддерживали мое любопытство. Все это дѣйствовало какъ недосказанное слово въ интересной новости, какъ знакомая всѣмъ фраза: „продолженіе слѣдуетъ“, посреди занимательной журнальной статьи, какъ случайно подвернувшійся листъ изъ книги, который такъ вдругъ разожжетъ желаніе прочесть самую книгу, что, кажется, все бы отдалъ, чтобы только достать ее.

До настоящей моей поѣздки я два раза былъ въ Лондонѣ, и оба раза довольно неудачно для художественной цѣли. Въ первый разъ это было нѣсколько лѣтъ послѣ всемірной выставки; когда я пріѣхалъ во второй разъ, манчестерская выставка только-что кончилась. Послѣ выставокъ, картины тотчасъ же возвращаются въ галлереи владѣльцевъ, которые большею частію живутъ въ своихъ замкахъ, куда доступъ довольно труденъ. Познакомившись только съ нѣкоторыми англійскими мастерами, да и то по отдѣльнымъ произведеніямъ, разбросаннымъ въ разныхъ галлереяхъ, я не могъ, слѣдовательно, дать себѣ полный отчетъ въ общемъ характерѣ англійской школы, не могъ вполнѣ оцѣнить ее.

Въ настоящее время Лондонъ вознаградилъ меня за всѣ неудачи. Кромѣ художественнаго отдѣленія въ зданіи международной выставки, явилось еще нѣсколько другихъ выставокъ картинъ, преимущественно современныхъ. Можно сказать съ увѣренностью, никогда еще собственно англійская живопись не была представлена въ такой полнотѣ.

Теперь я видѣлъ почти все, что произвела англійская живопись; мнѣніе мое, какъ вы, я думаю, и ожидаете, вовсе не похоже на то, которое столько разъ навязывали намъ французскіе критики и художники. Мнѣніе ихъ было отчасти схоже съ тѣмъ, которое нѣсколько лѣтъ назадъ ходило у насъ по отношенію къ современной французской школѣ. Все, что производили французскіе художники, безразлично и съ одинаковымъ презрѣніемъ называлось *французятиной*. Съ самодовольствомъ и увѣренностью (которымъ, право, не пріищу основанія) многіе изъ нашихъ художниковъ, не бывавшіе въ чужихъ краяхъ, и даже рѣдко переступавшіе за предѣлы Васильевскаго острова, громко провозглашали, что французскіе живописцы давно сбились съ пути, проложеннаго Пуссеномъ, что они теперь дрянь совершенная, фокусники, фигляры и вдобавокъ

рисовать не умѣютъ. Рисунокъ служилъ главнымъ конькомъ, на которомъ особенно любили выѣзжать наивные Донъ-Кихоты Васильевскаго острова. Справедливо увѣренные, что академія Васильевскаго острова первая въ Европѣ... по величинѣ зданія (никто этого и не оспаривалъ), многіе изъ нашихъ художниковъ не давали и рта открыть, когда рѣчь касалась французовъ; сейчасъ же начиналась брань, исполненная самыхъ живописныхъ и самыхъ пластическихъ выраженій, и сыпались удары кулака въ столъ. Все это было, надо сказать, въ давнопрошедшія, варварскія времена, то-есть лѣтъ пятнадцать назадъ. Въ позднѣйшее время, послѣ того, какъ многіе изъ нашихъ молодыхъ даровитыхъ живописцевъ, не видя въ Римѣ, со стороны товарищей, особенно поучительнаго примѣра, пустились странствовать по Европѣ и побывали въ Парижѣ, дѣло приняло другой оборотъ; нѣкоторые увидѣли, что здѣсь, въ этомъ растлѣнномъ Парижѣ, много такого, чему можетъ поучиться съ успѣхомъ даже русскій художникъ; они смиренно начали ходить за совѣтами къ французскимъ живописцамъ, вопреки раскольникамъ Васильевскаго острова, которые, желая, вѣроятно, доказать правоту своего взгляда на искусство и приложеніе его къ дѣлу, бѣшено трепали себѣ волосы, яростно рвали лацканы форменной своей одежды и продолжали кричать во всеуслышаніе, что все, что̀ не ими произведено на Васильевскомъ островѣ, все дрянь, фокусы, модныя штучки, оскорбляетъ глазъ и чувство недостаткомъ рисунка, стиля, благородства, вдохновенія,— словомъ, все *французятина!*

Мнѣніе французскихъ художниковъ объ англійскихъ было, конечно, скромнѣе и выражалось не такъ живописно, но все-таки въ немъ проглядывало явное недоброжелательство, пристрастіе и, слѣдовательно, оно могло только вводить въ заблужденіе всякаго, кто повѣрилъ бы на слово, не стараясь убѣдиться лично.

Первое впечатлѣніе, при видѣ большого собранія картинъ англійской живописи, принадлежитъ уже само по себѣ къ разряду совершенно новыхъ, неожиданныхъ впечатлѣній; колоритъ, письмо, оригинальность общаго расположенія, невиданная нигдѣ прежде свобода и независимость пріемовъ, типы, полнѣйшее отсутствіе всего условнаго,—все отмѣчаетъ здѣшнія картины другими чертами и оттѣнками отъ произведеній остальныхъ школъ Европы. Послѣ перваго бѣглаго взгляда нельзя уже ошибаться въ

ихъ происхожденіи. Прежде чѣмъ успѣешь познакомиться съ манерой и стилемъ художниковъ, уже безошибочно отличаешь картины англійской школы отъ всѣхъ другихъ. При всемъ безконечномъ разнообразіи талантовъ, англійская живопись отмѣчается чѣмъ-то общимъ, типическихарактеристическимъ, какъ школы Италіи, Испаніи, Голландіи и Фландріи; словомъ, все сразу даетъ здѣсь чувствовать присутствіе искусства въ высшей степени оригинальнаго. Та же печать самобытнаго, которая бьетъ по глазамъ при въѣздѣ въ Англію, отличаетъ здѣсь и самое искусство. Картины французской школы поперемѣнно или напоминаютъ старыхъ итальянскихъ мастеровъ, или вступаютъ въ разрядъ извѣстныхъ временныхъ условныхъ направленій и стилей, или мѣшаются, по общему внѣшнему характеру, съ произведеніями современныхъ художниковъ Бельгіи. Бельгійская школа производитъ такое же впечатлѣніе. Современныя произведенія нѣмецкой живописи или приближаются къ французскимъ и бельгійскимъ, или снова переносятъ насъ, какъ, напримѣръ, картины Овербека, Шнора, Шадова и другихъ, къ первымъ эпохамъ возрожденія искусства въ Германіи и Италіи. Русская школа пока еще не имѣетъ самобытнаго характера; она подражаетъ то Италіи, то Франціи, то Бельгіи. Англійское искусство,—и въ этомъ отличительная черта его,—ни у кого не заимствовалось; оно родилось на своей почвѣ, и развивалось силою собственнаго національнаго генія. Эта самобытность распространяется не только на всю школу, но отмѣчаетъ почти каждую отдѣльную личность въ многочисленномъ кругу англійскихъ художниковъ. Здѣсь каждый свободно отдается влеченію своего таланта, руководствуется только собственнымъ своимъ взглядомъ, подчиняется личному характеру, вкусу, капризу. Каждый дѣлаетъ по-своему, какъ знаетъ. Поэтому-то самому, здѣшнія картины такъ и поражаютъ отсутствіемъ всего условнаго, тождественнаго въ пріемахъ, во взглядѣ на искусство, въ способахъ изображенія природы, то-есть всего того, что̀ бросается въ глаза на картинахъ другихъ школъ и что̀ очевидно можетъ объясняться у послѣднихъ только вліяніемъ школъ и академій.

Дѣло въ томъ, что только самобытные, дѣйствительно великіе природные таланты, которые, между прочимъ сказать, такъ рѣдки, выходили цѣлыми изъ академій и брали въ нихъ только то, что̀ считали для себя полезнымъ.

Большинство художниковъ, смиренно подчиняясь принятымъ формамъ и методѣ, утрачивали свою личность и давали въ результатѣ посредственность. Въ искусствѣ, какъ и на всѣхъ путяхъ, открытыхъ способностямъ человѣка, прежде всего надо быть самимъ собою. *Удовлетворительное*, которымъ часто восхищается толпа, не можетъ еще служить цѣлью художнику; во что бы то ни стало, надо идти далѣе; эти полууспѣхи въ началѣ поприща испортили и погубили больше талантовъ, чѣмъ полная неудача. Легчайшій способъ скоро понравиться—это дѣлать какъ тотъ, который уже нравится, то-есть, подражать послѣднему. Подражаніе еще не бѣда, когда въ основаніи его цѣль усовершенствованія, какъ это было, напримѣръ, у Веласкеса и Мурильйо, которые начали съ того, что подражали итальянцамъ и Вандейку. Академіи, конечно, должны существовать въ каждомъ образованномъ государствѣ; но цѣль ихъ должна ограничиваться исключительно тѣмъ, чтобъ открывать всевозможные способы для общаго образованія и сверхъ того давать матеріальныя средства для учащихся; все, что составляетъ собственно сущность искусства: композиція, колоритъ, воззрѣніе на природу, вкусъ, внутреннее чувство и самый рисунокъ—все это должно быть внѣ вліянія академіи. Какому правилу подчинить, напримѣръ, рисунокъ (средство, которое еще принимается за цѣль), рисунокъ, который такъ же неуловимъ, такъ же безконечно разнообразенъ и вѣчно новъ, какъ сама природа? Профессоръ, который говоритъ: „Рисуйте такъ, какъ я вамъ показываю, или какъ я рисую“, — такъ же нелогиченъ, какъ тотъ, который скажетъ: „Вы должны смотрѣть моими глазами“, вмѣсто того, чтобы сказать: „У васъ свои глаза, передавайте природу такъ, какъ она вамъ представляется“. Пропорціи и формы, при безконечномъ разнообразіи, остаются неизмѣнно тѣми же, какъ создала ихъ природа. Если онѣ не всегда прекрасны, то всегда вѣрны; изображая ихъ такъ, какъ онѣ есть, художникъ не рискуетъ быть неправильнымъ; кто сумѣетъ взять ихъ прекрасными и передастъ ихъ такими, тотъ достигнетъ истинной красоты. Но, слава Богу, пришелъ, кажется, конецъ *условно-прекраснаго и условно-правильнаго*. Академіи, въ томъ видѣ, какъ онѣ до настоящаго времени существовали въ Европѣ, принесли уже свои плоды. Мы видѣли, къ чему повело условно-прекрасное, созданное школою Давида и основанное на математическихъ сухихъ законахъ,

какъ размѣръ фигуры по семи головамъ и т. д. Такое направленіе наводнило Европу картинами правильно-фальшивыми и скучно-правильными. Эти картины были ничего больше, какъ раскрашенные слѣпки съ античныхъ барельефовъ. Но и прежде не было ли то же самое? Гдѣ только была школа и академія, начиная съ римской и кончая болонской, художникъ неизбѣжно подчинялъ свое дарованіе и отдавался весь подъ вліяніе главы школы. Хорошо, когда главою былъ Рафаэль; но умиралъ мастеръ, умѣвшій вдохновлять учениковъ, бывшій ихъ душою, — ученики оставались безличными, шли по указанному пути и скоро впадали въ рутину. Что сдѣлалось въ Римѣ послѣ Рафаэля? Что осталось во Фландріи послѣ Рубенса?

Во Фландріи и Голландіи не было академій, и здѣсь, въ произведеніяхъ художниковъ, мы видимъ гораздо больше разнообразія, свободы, индивидуальности. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Англіи. Но, скажутъ, здѣсь есть академія, здѣсь она была прежде, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ Европы. Совершенно справедливо, только вотъ въ чемъ дѣло: королевская академія, основанная здѣсь въ видахъ поощренія художествъ, до сихъ поръ не имѣла, да и не могла имѣть никакого вліянія на художниковъ. Все равно, какъ будто ея не было. Бо́льшая часть знаменитыхъ художниковъ Англіи никогда не переступали ея порога: Лауренсъ не былъ принятъ въ академію даже тогда, какъ выполнилъ въ своей программѣ все, что отъ него требовалось по академическому *уставу;* Тэрнеръ учился подъ непосредственнымъ надзоромъ Монро (Munro). Академія не можетъ также считать въ числѣ своихъ питомцевъ Мартина, Денби, Стенфильда, Бонингтона, Генсборо. Скульпторъ Флаксманъ, Чентрей и Гибсонъ также не пользовались наставленіями академіи. Флаксманъ учился у своего отца; Чентрей началъ съ того, что былъ рѣзчикомъ на деревѣ въ Шеффильдѣ, а Гибсонъ вначалѣ занимался въ Ливерпулѣ лѣпными украшеніями на кормахъ судовъ. Королевскую академію въ Лондонѣ упрекаютъ въ духѣ исключительности и зависти, который образовалъ изъ нея особый кружокъ, доступный только *для своихъ*; дѣйствія ея, если вѣрить людямъ, близко знакомымъ съ кругомъ художниковъ, ограничиваются поощреніемъ и поддержкою посредственности.

Между живописцами Голландіи и Англіи существуетъ еще та аналогія, что какъ тѣ, такъ и другіе, развивались

и шли самобытнымъ путемъ, оказывая одинаково мало сочувствія къ преданіямъ античнаго искусства, — преданіямъ, которыя, какъ извѣстно, служили вѣчною основой всѣмъ остальнымъ школамъ. Но равнодушіе къ античной красотѣ, конечно, нельзя приписать у англичанъ недостатку изящнаго чувства; еще менѣе, конечно, можно видѣть въ этомъ слѣдствіе невѣжества. Англійскіе художники прошлаго столѣтія, какъ и теперешніе, могутъ безспорно считаться образованнѣйшими людьми между своими собратами въ Европѣ. Они много путешествовали и видѣли; въ ихъ кругу часто являлись люди, сочиненія которыхъ, полныя ясныхъ и глубокихъ взглядовъ на искусство, пользуются европейскою извѣстностью; со временъ Рейнольдса, Англія имѣла всегда достойнѣйшихъ профессоровъ и критиковъ въ дѣлѣ эстетики. Но ни книги, ни лекціи, ни картины высокаго стиля, которыми такъ богаты галлереи Англіи, ни даже драгоцѣнные мраморы Фидія, украшавшіе когда-то фронтонъ Парѳенона и сохраняющіеся теперь подъ сводами британскаго Музеума,— ничто не произвело здѣсь того дѣйствія, какое производилось у другихъ народовъ. Англійскіе художники также мало подчинились античному стилю, какъ если бы не знали его вовсе; за рѣдкими исключеніями, съ каждымъ изъ нихъ произошло то же самое, что̀ было съ Рембрандтомъ. Имѣя случай видѣть образцы древняго искусства и отлично понимая красоту ихъ, онъ не подражалъ имъ потому только, что свойство его генія влекло его къ другому.

За доказательствами ходить не далеко.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія человѣкъ, родившійся художникомъ, человѣкъ, который много учился, много видѣлъ и думалъ,—предпринялъ основать въ Англіи школу живописи. До той поры, въ Англіи, со времени Гольбейна, процвѣтали только иноземные живописцы; если между ними являлись англичане, то это были только блѣдныя отраженія своихъ учителей. Человѣкъ этотъ былъ Рейнольдсъ. Съ высоты своей академической каѳедры онъ началъ преподавать общіе законы искусства, какъ понимали ихъ древніе и какъ потомъ примѣнило ихъ къ себѣ христіанство въ эпоху возрожденія: знаніе его было обширно. Краснорѣчіе ученаго художника не только встрѣтило равнодушіе слушателей, но, что̀ всего замѣчательнѣе, самъ Рейнольдсъ никакъ не могъ примѣнить къ себѣ самому

то, о чемъ такъ горячо проповѣдывалъ. Національное природное чувство шло наперекоръ умственному убѣжденію и постоянно брало верхъ надъ послѣднимъ; каждое его произведеніе жестоко расходилось съ тѣмъ, что говорилось имъ на каѳедрѣ. Онъ восхищался антиками, проповѣдывалъ строгость рисунка и чистоту стиля, а между тѣмъ, въ картинахъ своихъ, старался только о ловкости письма и колоритѣ. Ничего не можетъ быть противоположнѣе его идеѣ объ абсолютномъ, какъ картины его, исполненныя личнаго типа и проникнутыя чисто англійскимъ характеромъ. Словомъ, англійская живопись, несмотря на всевозможныя усилія и попытки привить къ ней иноземные законы искусства, упорно сохранила всю независимость своего національнаго духа.

Вы не ошибетесь, если заключите изо всего сказаннаго, что на выставкахъ Англіи, сравнительно, мало должно встрѣчаться собственно историческихъ картинъ, понимая такое названіе не только въ узкомъ смыслѣ, который разумѣетъ подъ историческою картиной произведенія извѣстнаго масштаба, представляющія сюжетъ священный или историческій и выполненныя академическимъ образомъ; но особенно въ прямомъ, настоящемъ смыслѣ, то-есть, считая историческими картинами тѣ только, которыя по содержанію, формѣ и исполненію принимаютъ характеръ возвышенный, строго-величавый, монументальный.

Начать съ того: здѣсь не было даже возможности развиться религіозной живописи. Самая форма религіи исключаетъ образа и фрески. Кромѣ того, здѣсь не существуетъ того покровительства со стороны государства, которое во Франціи, Германіи, Бельгіи и у насъ предпринимаетъ огромныя работы, заказываетъ храмы, дворцы, публичныя зданія. Поощреніе здѣсь въ рукахъ частныхъ лицъ; оно, правда, весьма значительно; но только при такихъ данныхъ художество поневолѣ должно было подчиниться извѣстнымъ условіямъ. По бо́льшей части, эти частныя лица требовали такихъ произведеній, которыя бы удобно помѣщались въ комнатахъ и кабинетахъ тѣхъ загородныхъ за́мковъ и коттеджей, гдѣ англичанинъ любитъ проводить свою жизнь. Англійскимъ художникамъ, лишеннымъ возможности покрывать живописью обширныя стѣны и холстины, стѣсненнымъ условіями частной жизни, не трудно, впрочемъ, было отказаться отъ большихъ работъ монументальнаго характера. Онѣ не отвѣчали ихъ

собственнымъ прирожденнымъ вкусамъ и наклонностямъ; художество Англіи, такъ недавно еще возникшее, постоянно шло съ вѣкомъ и согласовалось съ тою сферой, которую проходило. Сколько замѣтно, здѣшніе живописцы неохотно приступаютъ къ картинамъ историческимъ; если дѣло въ ихъ власти, они преимущественно обращаются къ недавнимъ событіямъ отечественной исторіи; имъ, очевидно, пріятнѣе имѣть дѣло съ генераломъ Вольфомъ, Нельсономъ, майоромъ Пирсономъ, чѣмъ съ героями древняго міра. Вестъ и Копли (Copley) особенно много писали такихъ картинъ; но оба, несмотря на несомнѣнный талантъ, никогда не выходили въ нихъ изъ характера чисто анекдотическаго, никогда не достигали въ своихъ произведеніяхъ до степени героической эпопеи. Какъ только Вестъ берется за такіе сюжеты, какъ „Христосъ, исцѣляющій прокаженнаго“, „Тайная Вечеря“, — онъ становится ниже всякой критики. Въ этихъ картинахъ, не говоря уже о недостаткѣ стиля, сколько-нибудь отвѣчающаго сюжету, дѣйствующія лица исполнены чего-то аффектированнаго, театральнаго, и похожи на переодѣтыхъ англичанъ. У Рембрандта Христосъ часто снисходитъ до степени простого человѣка, но чрезъ это не охлаждаетъ нашего сочувствія; а Вестъ и Рейнольдсъ сдѣлали изъ Христа только англичанина. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до нашего времени; но въ послѣдніе годы происходитъ разительный переворотъ. Благодаря нѣсколькимъ даровитымъ художникамъ, искусство Англіи выступило на новую, еще невѣдомую дорогу. Во главѣ новаго направленія стоятъ художники Гонтъ, Миллесъ, Коллинсъ и другіе, которые краснорѣчиво доказываютъ, что англійскому генію точно такъ же доступны высшія сферы искусства, и для достиженія этихъ сферъ недоставало только талантовъ своего рода.

Но тамъ, зато, гдѣ строгость и величавость стиля не считаются первою необходимостью, гдѣ главную роль играютъ остроуміе, наблюдательность, поэтическое чувство или сатира, англичане выступаютъ на первый планъ. Съ самыхъ первыхъ своихъ попытокъ, они не знали соперниковъ; никакая школа не представляетъ болѣе глубокаго и ѣдкаго моралиста, какъ Гогартъ, болѣе тонкаго наблюдателя, какъ Вильки, болѣе правдиваго и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическаго художника домашнихъ сценъ, какъ Мюльреди. Избытокъ ума былъ бы здѣсь даже вреденъ,

если бы не выкупался изяществомъ письма, граціей и прелестью композиціи, правдой и поэтическимъ пониманіемъ природы; словомъ, если бы было менѣе истинно-художественныхъ достоинствъ. За этими художниками большинство обратилось къ чистому реализму, или, наоборотъ, принялось черпать содержаніе у Шекспира, въ національныхъ балладахъ и поэмахъ, стараясь открыть себѣ просторное поле для свободнаго фантазированія и идеализаціи. Послѣднее создало даже совершенно особый родъ, которымъ очень богата вообще и прежняя, и теперешняя школа Англіи.

Достойно также замѣчанія, что съ самаго начала англійской живописи, основаніе которой восходитъ не далѣе, какъ къ половинѣ прошлаго столѣтія и было дѣломъ Гогарта и Рейнольдса, англійская школа выступаетъ безъ всякихъ предуготовленій, не ощупываетъ себѣ дороги, но сразу, съ первыхъ своихъ дебютовъ, начинаетъ играть блестящую роль въ исторіи современнаго европейскаго искусства. Съ первыхъ шаговъ ея являются здѣсь художники, какъ Рейнольдсъ, Генсборо и Лауренсъ; пейзажисты и живописцы животныхъ, какъ Тэрнеръ, Констебль, Бонингтонъ, Стенфильдъ и Ландсиръ; послѣ Гогарта, который, по времени, опережаетъ Рейнольдса, являются одинъ за другимъ живописцы домашнихъ сценъ, какъ Вильки, Вебстеръ, Мюльреди, Фростъ, Патонъ, Фритъ и другіе.

Все это можемъ мы легко провѣрить, гуляя по разнымъ художественнымъ выставкамъ Лондона. Ихъ здѣсь пять въ настоящее время, кромѣ международной. На послѣдней картины развѣшаны, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, по времени дѣятельности каждаго художника. Не считаю нужнымъ держаться такого порядка; цѣль моя—не исторія развитія англійской живописи; она гораздо скромнѣе: мнѣ хочется попросту передать вамъ мои личныя впечатлѣнія и описать нѣсколько старыхъ и новыхъ картинъ, которыя особенно меня поразили; но такъ какъ подобныхъ произведеній наберется много, и сверхъ того, по своему характеру, они весьма разнообразны, то необходимо все-таки держаться нѣкотораго порядка; лучше всего, думаю, группировать картины по родамъ живописи. Этимъ способомъ характеристика каждаго художника и самыя произведенія легче удержатся въ памяти.

Не говоря о Гогартѣ, оригинальность котораго слишкомъ уже извѣстна, и который, вдобавокъ, принадлежитъ къ разряду *жанристовъ*, изъ историческихъ живописцевъ меня прежде всего поразила у Рейнольдса эта черта самобытности, о которой я говорилъ вначалѣ и которая такъ отличаетъ англійскихъ художниковъ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось видѣть большія его картины, которыхъ числомъ до двадцати; онѣ украшаютъ замокъ лорда Эгрмонта въ Петвортѣ. Принимая въ соображеніе свойства таланта Рейнольдса, не думаю, чтобъ это были лучшія его произведенія и въ общей сложности заслуживали названія „Ложъ“ и „Сикстинской капеллы“ англійской живописи, какъ называютъ ихъ многіе. Картина его „Три Граціи“ въ Національной галлереѣ невольно возбуждаетъ даже улыбку во всемъ, что̀ касается собственно стиля; это ничего больше, какъ три красивыя рослыя англичанки, закутанныя съ пуританскимъ цѣломудріемъ, и даже съ кисейными шарфами вокругъ шеи. Его „Св. Семейство“, въ той же галлереѣ, скорѣе похоже на сцену изъ семейной жизни, чѣмъ на картину религіознаго содержанія. Рейнольдсъ, очевидно, портретистъ по призванію и здѣсь только надо искать особенностей его таланта.

До него въ Англіи были, одинъ послѣ другого, Гольбейнъ и Вандейкъ, и оба оставили тамъ бездну произведеній: было, кажется, у кого поучиться и чѣмъ позаимствоваться! Рейнольдсъ, дѣйствительно, внимательно изучалъ обоихъ мастеровъ, но дѣлалъ все-таки свое. Если портреты его имѣютъ на первый взглядъ что-то общее съ портретами Вандейка, такъ это только въ типахъ лордовъ и лэди, которые служили моделями тому и другому. Рейнольдсъ—живописецъ англійской аристократіи своего времени, точно такъ же, какъ Вандейкъ былъ живописцемъ аристократіи Карла I, а Лели—живописцемъ двора Карла II. Письмо Рейнольдса бойко и смѣло до невѣроятности: онъ массами бросаетъ краски и пишетъ густо, даже въ полусвѣтахъ. Колоритъ его не имѣетъ ничего общаго съ гармоническимъ серебристымъ колоритомъ Вандейка; онъ часто рѣзокъ, неровенъ, но всегда блестящъ, свѣжъ и силенъ. Смѣю сказать, однакожъ, что при такомъ несходствѣ съ мастерами, каковы Вандейкъ и Гольбейнъ, нѣкоторые портреты Рейнольдса не уронятъ себя, даже при сличеніи съ лучшими портретами работы этихъ

обоихъ мастеровъ; таковы напримѣръ: портретъ во весь ростъ мистриссъ Андерсенъ Пельамъ, актрисы Сидонсъ въ видѣ трагической музы, миссъ Кембль, лорда Гетфильда, мальчика съ книжкой, портретъ миссъ Боуль, болѣе извѣстный подъ именемъ: „Нелли Обрайнъ“. Послѣдній изображаетъ хорошенькую дѣвушку, одѣтую въ широкое бѣлое атласное платье и черную кружевную мантилью, наброшенную на плечи; соломенная широкополая шляпа съ цвѣтами бросаетъ тѣнь на ея лицо, освѣщенное снизу отраженіемъ платья; изъ кружевныхъ рукавовъ, пышныхъ какъ морская пѣна, выходитъ кругленькая обнаженная ручка, которая разсѣянно придерживаетъ мохнатую собачонку, лежащую на колѣняхъ своей госпожи. Это одна изъ тѣхъ впечатлительныхъ, страстно-мечтательныхъ дѣвушекъ, съ воображеніемъ, разгоряченнымъ чтеніемъ поэтовъ и романовъ, тѣхъ дѣвушекъ, которымъ, минутами, тѣсно бываетъ въ домашней прозаической средѣ; она убѣжала въ паркъ, отыскала самое затаенное, глухое мѣсто въ зелени, усѣлась на скамью и вся отдалась своимъ мечтамъ. Нельзя сказать, чтобы эти мечты были мрачнаго свойства; совсѣмъ напротивъ: приподнявъ слегка брови, раскрывъ улыбающіяся губки, наклонивъ голову, она какъ будто прислушивается къ чтенію собственныхъ мыслей и вмѣстѣ съ тѣмъ не пропускаетъ таинственнаго говора природы и трепета осеннихъ листьевъ. Выраженіе ея лица прелестно; вся фигура потоплена золотистымъ полусвѣтомъ, и только кой-гдѣ, на обнаженной рукѣ, на шеѣ и по платью переливаются солнечныя пятна. Портретъ по всей вѣроятности вѣренъ оригиналу; сходство внутренно чувствуется, — такъ сильно здѣсь присутствіе жизни. Но кромѣ матеріальнаго сходства, картина проникнута поэзіей; выраженіе, поза, расположеніе, неожиданный эффектъ полусвѣта, общій мотивъ, — все, очевидно, принадлежитъ художнику, и придаетъ картинѣ характеръ поэтическаго сознанія. Письмо необыкновенно просто, безъ всякихъ фокусовъ; въ самыхъ легкихъ прозрачныхъ полусвѣтахъ тѣла краска наложена густо, и плотна какъ эмаль. Сильная могучая растительность, тронутая мѣстами желтизною осени, служитъ фономъ этому замѣчательному произведенію.

Въ томъ же поэтическомъ родѣ есть на выставкѣ другой портретъ, также молодой дѣвушки, но только художника Юинса (Uwins). Юинсъ только что усадилъ свою

модель, приготовилъ палитру и кисти, какъ вызванъ былъ изъ мастерской по какому-то дѣлу. Во время его отсутствія, модель,—бѣлокурая круглолицая дѣвушка съ большими голубыми глазами, — соскучась сидѣть въ одиночествѣ и желая развлечь себя, покрыла голову войлочною шляпой съ широкими полями, какую носятъ или носили итальянскіе бандиты, и которая висѣла въ мастерской; украсивъ ее сбоку двумя павлиньими перьями, она окутала себѣ шею широкимъ накрахмаленнымъ кружевнымъ воротникомъ изъ какого-то средневѣкового костюма, закуталась въ широкій темный камзолъ, взяла въ руки чётки стараго фасона, и въ такомъ одѣяніи подошла къ зеркалу. Художникъ вошелъ въ эту самую минуту. Контрастъ живописнаго, но мрачнаго одѣянія съ наивнымъ шаловливымъ лицомъ дѣвушки такъ поразилъ Юинса своею фантастическою стороною,—что онъ упросилъ дѣвушку дозволить ему перенести ее въ такомъ видѣ на полотно. Картина вышла безподобная, хотя, надо сказать, по мастерству полутоновъ и силѣ письма, уступаетъ портрету Нелли Обрайнъ.

Впрочемъ, англійскіе художники владѣютъ такимъ мастерствомъ письма и вообще такіе блестящіе колористы, что скоро перестаешь удивляться этимъ свойствамъ и начинаешь смотрѣть на нихъ, какъ на что-то обыкновенное. Какъ бы ни были однакожъ избалованы глаза волшебствомъ кисти и фантасмагоріей красокъ, они все-таки всегда съ восхищеніемъ останавливаются на картинахъ Генсборо. Въ этомъ художникѣ, ученикѣ Рейнольдса, — чувствуется еще сверхъ означенныхъ достоинствъ присутствіе той обаятельной силы, которая достается въ удѣлъ только избраннымъ первоклассным талантамъ. Сравнивая Генсборо съ Рейнольдсомъ, ясно видишь, что первый зачался талантомъ уже во чревѣ матери, тогда какъ второму многое досталось трудомъ неимовѣрнымъ, похвальнымъ упорствомъ, наукой, мышленіемъ, приложеннымъ къ предмету, его занимавшему. У Генсборо больше вдохновенія, чѣмъ у Рейнольдса, больше наивности и поэзіи. Уже первыя попытки Генсборо доказываютъ силу его призванія; онъ предается имъ наперекоръ страху, возбуждаемому строгимъ отцомъ; пренебрегая угрозами, онъ поминутно отрывается отъ школьной скамьи, бѣжитъ въ сосѣдній лѣсъ, и тамъ, безъ всякаго предварительнаго урока, рисуетъ запоемъ все, что попадается на глаза и

поражаетъ его дѣтское воображеніе; старое дерево съ извилистыми сучьями, оборванный пастухъ, корова отражающаяся въ лужѣ, ручей падающій между камнями — все съ одинаковою жадностью набрасывается на бумагу; эти эскизы, лихо и энергически исполненные, заключаютъ въ зародышѣ весь будущій геній художника. Двадцать лѣтъ спустя, всѣ еще восхищались въ его мастерской группою старыхъ деревъ; это былъ первый этюдъ его дѣтскихъ лѣтъ.

Четырнадцати лѣтъ только началъ онъ пользоваться въ Лондонѣ уроками Гравелло и Геймана, друга Гогарта; но если уроки облегчили ему нѣкоторые техническіе пріемы, они не произвели никакого дѣйствія на его природныя свойства. Онъ продолжалъ смотрѣть на природу тѣми же поэтическими глазами, такъ же искренно, какъ прежде; передавалъ онъ свои впечатлѣнія съ тою же свободой и независимостью. Въ продолженіе всей своей жизни Генсборо остается тѣмъ же наивнымъ созерцателемъ природы, какъ былъ въ своемъ любимомъ лѣсу; впослѣдствіи, академическія лекціи, и даже произведенія великихъ мастеровъ ни на волосъ не нарушили его оригинальности. Пробывъ четыре года въ Лондонѣ, онъ возвращается домой и съ новою страстью принимается за этюды съ натуры. Въ 1761 году началъ онъ посылать свои картины на выставки въ Лондонъ, и съ этого времени начинается его извѣстность. Въ 1774 году онъ переѣзжаетъ въ Лондонъ и открываетъ мастерскую въ Пель-Мелѣ. Въ это время Рейнольдсъ достигъ вершины своей славы. Немного времени нужно было Генсборо, чтобы затмить своего учителя. Блескъ его колорита, жизнь, правда, которыми дышали его портреты, привлекали въ его мастерскую толпы богатыхъ и знатныхъ. Но какъ было въ отношеніи къ таланту, такъ было и въ отношеніи права художника; богатство и похвалы не имѣли на него никакого вліянія; онъ остается такимъ же простымъ, скромнымъ, искреннимъ съ самимъ собою; онъ часто бываетъ недоволенъ своими произведеніями и стираетъ ихъ, хотя ими восхищаются заказчики. Герцогиня Девонширская, слывшая въ то время первою красавицей Англіи, захотѣла имѣть свой портретъ, писанный Генсборо; послѣ первыхъ попытокъ, художникъ истребилъ картину, сказавъ, что не въ силахъ совладать съ такимъ сочетаніемъ красоты и граціи.

Изъ портретовъ его, на международной выставкѣ, портретъ молодого Бурталя, извѣстный болѣе подъ именемъ: „The Blue Boy“ (голубой мальчикъ), занимаетъ первое мѣсто не только между портретами англійской школы, но и всѣхъ остальныхъ школъ. По поводу этого „голубого мальчика“ разсказывается исторія, не лишенная поучительности; она доказываетъ всю несостоятельность теоріи, умственныхъ комбинацій и соображеній передъ внушеніями и силою истиннаго таланта. Рейнольдсъ высказалъ однажды съ высоты своей профессорской каѳедры мнѣніе, будто голубой цвѣтъ, принадлежа къ числу холодныхъ, допускаетъ лишь самое умѣренное употребленіе, особенно въ центрѣ картины, гдѣ должны сосредоточиваться самые горячіе, сильные тоны, — Генсборо возымѣлъ намѣреніе протестовать противъ такой аксіомы. Онъ написалъ во весь ростъ портретъ мальчика въ атласной голубой курткѣ, такомъ же жилетѣ, панталонахъ и далъ ему въ правую руку широкую шляпу, украшенную пышнымъ голубымъ перомъ,—и портретъ вышелъ совершенство въ своемъ родѣ. Трудно вообразить бо̀льшую силу колорита, бо̀льшую гармонію въ общемъ. Противопоставивъ главному цвѣту ландшафтъ красновато-бураго тона и давъ сѣрый влажный цвѣтъ тучамъ, которыя клубятся и несутся по волѣ вѣтра, пройдя въ основаніи картины горячею подмалевкой, художникъ уравновѣсилъ такимъ образомъ и привелъ въ гармонію все, что̀ могло быть холоднаго въ голубой краскѣ. Письмо необыкновенно сочно и бойко; но натура передана съ такою поразительною вѣрностью и правдой, что передъ нею исчезаетъ техника. Передъ вами стоитъ совершенно живой мальчикъ: еще секунда,—онъ встряхнетъ кудрями, надѣнетъ шляпу и побѣжитъ изъ полотна. На выставкѣ нѣсколько тысячъ картинъ; не забудьте, что каждая нація выставила здѣсь все, что̀ считала лучшимъ; при всемъ этомъ, впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ портретомъ и еще двумя картинами Гонта, о которыхъ скажу ниже, не можетъ изгладиться; произведенія эти преслѣдовали меня потомъ по всѣмъ галлереямъ Бельгіи и Голландіи; даже теперь, въ моей глуши, они представляются воображенію такъ же живо, какъ будто бы стояли передо мною.

Въ числѣ замѣчательныхъ портретовъ Генсборо находится еще одинъ, изображающій молоденькую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, сидящую на дерновой скамьѣ посреди

плоскаго пейзажа. Она также отдалась мечтамъ, какъ дѣвушка на портретѣ Рейнольдса; но только здѣсь характеръ мечтаній другого рода; томные глаза ея полны выраженія горькой меланхоліи, и стоитъ взглянуть на медальонъ въ ея рукахъ, чтобы понять, что происходитъ въ ея душѣ; здѣсь интересъ выраженія снова уступаетъ очарованію письма и красокъ; нѣтъ силъ оторвать глазъ отъ мягкаго, бѣловато-серебристаго и нѣжно-сквозного розоваго тона, который встрѣчается только на цвѣткахъ персиковаго дерева и яблони, и который могъ быть уловленъ только великимъ колористомъ.

Но Генсборо такъ же силенъ и въ пейзажѣ, и въ жанрѣ. Такихъ картинъ здѣсь много.

Однако, не пойдемъ дальше... Пропустимъ его „Пастуха въ дождливое время“, „Цыганъ, готовящихъ обѣдъ подъ деревомъ“, „Маленькихъ нищихъ“, „Телѣгу, отправляющуюся на рынокъ“ и пр., и пр. Генсборо (род. 1727 г., † 1788 г.)—заслуживаетъ особой серьезной статьи, тогда какъ цѣль наша—передать въ общихъ чертахъ характеристику англійской живописи. Дѣла впереди еще много!

Картина Веньямина Веста (West род. 1738 г., † 1820 г.) „Смерть генерала Вольфа“ подтверждаетъ только то, о чемъ говорилось въ началѣ этого письма. Большіе сюжеты историческаго содержанія не даются, или, по крайней мѣрѣ, не давались англійскимъ живописцамъ. Здѣсь все придумано, вездѣ заданная тема и слѣдовательно аффектація, изысканность. Картины Веста приводятъ на память классическія произведенія Ротари, Анжелики Кауфманъ и другихъ художниковъ въ томъ же сухомъ родѣ, столь прославленныхъ въ концѣ XVIII столѣтія. Если Веста знаютъ въ Европѣ болѣе другихъ художниковъ Англіи, то это потому, что въ его время въ Англіи процвѣтало гравировальное искусство; оно жадно ловило каждое вновь явившееся произведеніе и быстро распространяло его повсюду.

То же почти можно сказать и о художникѣ Джемсѣ Варри (род. 1741 г., † 1806 г.). Знаніе, ловкость кисти, самый колоритъ,—мѣстами чрезвычайно пріятный,—далеко не выкупаютъ условныхъ академическихъ формъ его аллегорическихъ полубоговъ и героевъ. Одна развѣ бѣшеная страстность кисти Рубенса и ослѣпительный блескъ Веронезовыхъ красокъ заставляютъ забывать анахронизмъ и натяжку аллегорій.

Къ тому же разряду принадлежатъ отчасти Гейльтонъ, Гейдонъ, Истлекъ, Гарвей, Говардъ и Дайсъ. Ученая, обдуманная, но холодная композиція даетъ имъ особое мѣсто между живописцами англійской школы, которые, въ общемъ, держатся совсѣмъ другой методы и другого направленія.

Всѣхъ этихъ художниковъ далеко оставляетъ за собою Лауренсъ. Лауренсъ (род. 1769 г., † 1830 г.) писалъ однакожъ только портреты. Не ставя его на одну линію съ Вандейкомъ, можно сказать, что между ними много родственнаго: оба, почти въ равной степени, поэты человѣческой физіономіи; Лауренсъ, точно такъ же, сохраняя поразительное сходство, не рабски копируетъ модель; онъ передаетъ жизнь, душу, внутреннія свойства, присущія оригиналу. Кромѣ того, какъ бы изображаемое лицо ни было обыкновенно, Лауренсъ сумѣетъ всегда придать ему благородство, щеголеватость, что-то привлекательно-художественное. Благородная, изящная природа художника какъ бы просвѣчиваетъ на лицахъ, имъ писанныхъ. Письмо его отвѣчаетъ характеру его произведеній; при всей своей бойкости, кисть Лауренса мягче, нѣжнѣе, чѣмъ у Рейнольдса; въ портретахъ „Двухъ сестеръ Кельмеди“ и „сэръ Гомфри-Деви“ планы лицъ выисканы до тончайшей подробности, между тѣмъ кисть какъ будто не останавливалась и какъ будто все сдѣлано совершенно случайно и мимоходомъ. Надо видѣть, съ какимъ чувствомъ, съ какою граціей и вкусомъ тронуты у него губки женщинъ, ноздри и уши! Часто онъ обходится съ руками неряшливо, сосредоточивая все вниманіе свое на лицѣ; но лица эти всегда дышатъ жизнью и всегда прекрасны, если не по типу, то въ художественномъ отношеніи. Портреты Лауренса рѣдко отличаются яркостью красокъ, какъ у Рейнольдса и Генсборо; у него свой колоритъ, полный свѣта и гармоніи, заключающійся въ искусномъ сочетаніи однородныхъ красокъ; въ немъ большею частью преобладаютъ розово-серебристые переливы, которые возвышаются сильною подмалевкой и темными, хотя совершенно сквозными, тонами фона и аксессуара.

Теперь только, но къ сожалѣнію слишкомъ поздно, приходитъ мнѣ въ голову, что взялся я за очень трудное,— чтобы не сказать, невозможное, дѣло,—обѣщавъ вамъ распредѣлить художниковъ по родамъ живописи. Начать съ того, что множество живописцевъ, въ продолженіе своего

поприща, занимались всѣми возможными родами; но важность еще не въ этомъ; дѣло въ томъ, что самое это распредѣленіе живописи на классы и роды представляетъ что-то весьма смутное, неопредѣленное и крайне сбивчивое. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается отличіе такъ-называемаго историческаго рода? Гдѣ положительная грань, по которой бы можно было сказать, что вотъ тутъ кончается этотъ родъ и прямо начинается другой? Утверждая, что отличіе исторической живописи составляетъ выборъ сюжета, и ставя ее только поэтому выше другихъ родовъ, мы придемъ къ заключенію, что Горацій Коклесъ, Муцій Сцевола и даже самъ Каинъ (ради его обнаженности) имѣютъ несомнѣнно больше правъ быть изображены кистью и рѣзцомъ, чѣмъ остальные смертные до нашего времени включительно, — что было бы весьма несправедливо. Въ чемъ же дѣло? Въ величавости стиля? Въ строгомъ, правильномъ рисункѣ? Но не часто ли встрѣчаемъ мы эти качества въ картинахъ фантастическаго содержанія, сценахъ изъ обыкновенной жизни, наконецъ, въ пейзажахъ? И, наоборотъ, не видимъ ли ихъ въ произведеніяхъ, изображающихъ эпизоды изъ священной и древней исторіи? Куда же дѣвать и къ какой категоріи причислить послѣднія? Какъ объяснить, что иногда простой портретъ Винчи или Рафаэля можно назвать историческою картиной, тогда какъ огромная картина историческаго содержанія будетъ все-таки tableau de genre? Не считая классическаго академическаго стиля, созданнаго Давидомъ, который, благодаря своей натяжкѣ, фальши и мертвой сухости, стоитъ совершенно особо и давно показалъ себя несостоятельнымъ, вопреки усиліямъ разныхъ академій поддержать его, сколько-нибудь логическое распредѣленіе живописи на роды уже потому невозможно, что всѣ эти роды поминутно мѣшаются между собою: сцена изъ домашней жизни принимаетъ масштабъ и характеръ величавости, глубоко потрясаетъ душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность наслаждаться всѣми качествами, которыми располагаетъ искусство. Сюжеты *возвышенные*, оставивъ стиль и строгость, имъ свойственные, превращаются въ хорошенькія картинки; портретъ получаетъ значеніе эпопеи; то, что должно бы составлять эпопею, заключаетъ въ себѣ только собраніе портретовъ, и т. д., словомъ, тамъ, гдѣ живопись имѣетъ главнымъ предметомъ человѣка и его страсти, всѣ подраздѣленія

на роды и классы необходимо сливаются во что-то общее, связанное безконечною постепенностью, которая такъ же неуловима и разнообразна, какъ личности самихъ художниковъ. Эта безконечность лучше всего выражается Рафаэлемъ и Рембрандтомъ; оба писали большія картины историческаго и библейскаго содержанія; оба геніи первой величины; разница, напримѣръ, между фрескою: „Пожаръ въ Борго“ перваго и „Ночнымъ дозоромъ“ послѣдняго опредѣляетъ именно эти безконечные оттѣнки, эту постепенную градацію, о которой мы говорили. Которое изъ этихъ двухъ произведеній, столь знаменитыхъ въ искусствѣ и вмѣстѣ столь несхожихъ, заслуживаетъ названіе историческаго? Которое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ больше художественныхъ достоинствъ и которое лучше? Придется дать извѣстный отвѣтъ ребенка: „Оба лучше!“ Вотъ тутъ и рѣшайте, гдѣ конецъ исторической картины, и гдѣ начало жанра?

Если стѣсняться такими подраздѣленіями, я, право, не знаю, къ какой бы категоріи причислить картину Маклейза (Maclise) „Сцена пира изъ Шекспирова *Макбета*“. Художникъ выбралъ тотъ моментъ изъ третьяго дѣйствія трагедіи, когда Макбетъ, готовясь сѣсть на свое кресло, видитъ его занятымъ тѣнью Банко, только что зарѣзаннаго по его приказанію. Лэди Макбетъ и придворные ничего не замѣчаютъ; тѣнь видима только для одного короля.

— „Всѣ мѣста заняты...“ говоритъ Макбетъ, отступая въ ужасѣ.

Леноксъ: „Вотъ ваше мѣсто, ваше величество“.

Макбетъ: „Гдѣ?..“

Леноксъ: „Здѣсь, государь... Но что съ вами?..“

Макбетъ: „Кто изъ васъ это сдѣлалъ?..“

Вельможи: „Что такое, ваше величество?“

Макбетъ (обращаясь къ тѣни): „Не обвиняй меня... Напрасно, глядя на меня, потрясаешь ты своими окровавленными волосами...“

Россъ: „Вельможи, встанемте! Его величеству дурно!..“

Тѣнь занимаетъ середину картины; прозрачная, какъ бы изъ пара созданная, она тѣмъ не менѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе величавостью своего абриса и строгими линіями своей одежды. Поза короля, отступившаго назадъ и припавшаго рукою къ столу, выраженіе его лица, тревога въ лицѣ лэди Макбетъ, недоумѣніе въ чертахъ осталь-

ныхъ лицъ, показываютъ въ художникѣ глубокое чувство и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье выразить его жестомъ и чертами физіономіи. Историческая вѣрность костюмовъ и даже мельчайшихъ аксессуаровъ всегда играетъ важную роль въ картинахъ англійскихъ живописцевъ; въ этомъ отношеніи они показываютъ себя не только добросовѣстными, но даже учеными, которымъ въ совершенствѣ знакома исторія и археологія. Что касается колорита въ картинѣ Маклейза, онъ блестящъ и ярокъ, но въ общемъ эффектѣ съ перваго взгляда поражаетъ пестротою. Тутъ проходитъ гамма всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и свѣтовъ, начиная отъ свѣта пламени и кончая тѣми фосфорическими отливами, которые встрѣчаются при бенгальскомъ огнѣ; въ тѣневыхъ частяхъ глазъ, съ непривычки, сбивается съ толку неожиданными отраженіями и рефлексіями; все играетъ и переливается, какъ стекла калейдоскопа; полусвѣты серебрятся точно при мѣсяцѣ, въ тѣняхъ играетъ фольга, яркій глянецъ бѣжитъ по волосамъ и кудрямъ, губы рдѣютъ какъ пурпуръ, тѣло лоснится какъ атласъ. Странность колорита отвѣчаетъ странности письма: съ перваго взгляда можно, пожалуй, принять картину за акварель; краски наложены такъ тонко, что, при внимательномъ наблюденіи, вездѣ просвѣчиваетъ холстъ; кое-гдѣ развѣ, въ свѣтахъ, ткань исчезаетъ, чтобы дать мѣсто мазку. Мало-по-малу, однакожъ, въ этой легкости письма начинаешь уловлять большой трудъ, большое вниманіе и наблюдательность; нѣтъ мазка на-авось; все обдумано и глубоко сознательно; каждый мельчайшій, едва примѣтный деталь вѣрно снятъ съ натуры, оконченъ до совершенства, выбранъ со вкусомъ и поставленъ съ толкомъ. Подъ конецъ, забываешь самую пестроту и отдаешься наслажденію частностями, которыя такъ умно обдуманы, изящно переданы.

Множество картинъ англійской школы производятъ съ перваго взгляда то же впечатлѣніе, какъ картина Маклейза; на нихъ нельзя смотрѣть мимоходомъ. Чтобы оцѣнить ихъ добросовѣстно, надо вообще привыкнуть къ англійскому роду живописи, надо къ нему присмотрѣться; по поводу англійскихъ картинъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя сразу рѣшать судьбу произведенія, какъ это часто у насъ дѣлается: подошелъ, прищурилъ глазъ: „скверно!“—и прошелъ мимо. Если не всѣ англійскія картины производятъ обаятельное дѣйствіе гармоніей общаго эф-

фекта, то онѣ часто бываютъ драгоцѣнны по частностямъ, по манерѣ, выраженію, колориту, мысли, намѣреніямъ художника.

Другія произведенія Маклейза изъ поэмы „Лалла-Рукъ“ и „Сна въ лѣтнюю ночь“ находятся въ ближайшемъ сродствѣ съ Макбетомъ и служатъ дополненіемъ для оцѣнки таланта художника.

По внѣшнему впечатлѣнію, картины Лесли (Leslie) ближе всего подходятъ къ картинамъ Маклейза. Тѣ же атласные, фантасмогорическіе переливы свѣта и тѣни, тѣ же прозрачныя и какъ будто растертыя съ перламутромъ краски. Что до меня, я несравненно выше ставлю, однакожъ, письмо Лесли: оно опредѣленнѣе, прочнѣе, гуще и прямо идетъ къ цѣли; оно дастъ любителю, сверхъ всѣхъ условій живописнаго искусства, еще лишній случай наслажденія посредствомъ смачнаго, вкуснаго письма.

Картинъ Лесли множество. Его „Веселыя Виндзорскія кумушки“, „Донъ-Кихотъ, посвящаемый въ рыцари“, „Майскій день во времена королевы Елисаветы“, „Дядя Товій“, и проч., и проч. займутъ всегда видное мѣсто въ любой галлереѣ современной живописи. Нигдѣ, однакожъ, такъ положительно не выразились драгоцѣнныя свойства кисти и колорита Лесли, какъ въ картинѣ его: „Коронованіе королевы Викторіи“. Трудность офиціальнаго сюжета, гдѣ къ условному церемоніалу и этикету требовалось еще присоединить сходство лицъ, не остановила художника; онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ. Несмотря на ту явную невыгоду, что бо́льшая часть фигуръ сохраняютъ вытянутое положеніе, почти параллельны другъ другу, и всѣ почти вдобавокъ въ бѣлыхъ платьяхъ, картина дробится на живописныя группы; въ колоритѣ, несмотря на обиліе однородныхъ цвѣтовъ и рефлексій, нѣтъ однообразія; бѣлыя атласныя платья, кружева, золотое и серебряное шитье, брильянты и жемчугъ, бархатъ и пурпуръ — все это, точно облитое солнцемъ, не оскорбляетъ глаза, но сливается въ одно блестящее гармоническое цѣлое. Посмотрѣли бы вы, что̀ здѣсь за плечи, шейки, ручки! Съ какимъ мастерствомъ и вкусомъ пройдены полусвѣты на нѣкоторыхъ щекахъ и спинкахъ, освѣщенныхъ сбоку, отливающихъ какъ жемчугъ, гладкихъ и полированныхъ, какъ агатъ и мраморъ! Породистое изящество женщинъ англійской аристократіи выказывается здѣсь во всей своей романтической поэзіи; оно видно въ

граціозно изогнутомъ станѣ, длинныхъ лебединыхъ шейкахъ, глазахъ голубыхъ какъ сапфиръ, пунцовыхъ губкахъ, пышныхъ бѣлокурыхъ волосахъ, разсыпанныхъ локонами или подобранныхъ на затылкѣ тучнымъ пучкомъ, проколотымъ насквозь зубцами брильянтоваго гребня.

Въ умѣньи передать женскую красоту или, по крайней мѣрѣ, придать женщинѣ что-то особенно привлекательное, поэтическое, англичане не знаютъ себѣ соперниковъ. Этимъ отличаются даже второстепенные живописцы Британіи. Имѣя постоянно передъ глазами прелестныя модели, которыя въ такомъ изобиліи встрѣчаются въ Англіи, они невольно выработали себѣ тотъ воздушный, полный граціи типъ, приводящій на память образы Дездемоны, Джульеты, Миранды, Офеліи, лэди Мобрей и проч., и проч.

Насколько произведенія Лесли проникнуты чисто англійскимъ характеромъ, настолько удаляются отъ него картины г. Е. М. Варда (Ward). Г. Вардъ избираетъ преимущественно драматическіе, потрясающіе сюжеты; но не въ этомъ еще несходство двухъ художниковъ. Любимою темой Варда служитъ, сколько замѣтно изъ выставленныхъ имъ картинъ, первая французская революція. Кромѣ сюжета, даже въ самой манерѣ его есть что-то общее съ пріемами той современной французской школы, во главѣ которой стоитъ Поль Деларошъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы манера его была дурна; вовсе нѣтъ! Онъ принадлежитъ къ разряду лучшихъ современныхъ художниковъ; мы замѣтили это съ тою единственною цѣлію, чтобъ охарактеризовать родъ его таланта. Изъ картинъ его на выставкѣ: „Шарлота Корде, идущая на казнь“, „Паденіе Кларендона“, „Марія Антуанета, читающая свой смертный приговоръ въ тюрьмѣ“, „Прихожая дворца въ послѣднія минуты Карла II“, каждая заключаетъ въ себѣ большія достоинства. Несомнѣнно, однакожъ, что онѣ во всѣхъ отношеніяхъ уступаютъ мѣсто послѣдней его картинѣ, выставленной особо въ German Gallery (New Bond Street, 168). Она изображаетъ Лудовика XVI и его семейство, въ Темплѣ, въ ноябрѣ 1792 года.

Художникъ выбралъ одинъ изъ тѣхъ спокойныхъ дней, которые такъ рѣдко выпадали на долю несчастному плѣннику. Дѣйствіе происходитъ въ томъ отдѣленіи башни, гдѣ находилась комната королевы. Время около полудня; справа, на ветхомъ диванѣ, лежитъ король: полное лицо его осунулось; оно отражаетъ душевное утомленіе и тре-

вогу, не оставляющія его даже во снѣ; неподалеку, за круглымъ столомъ, сидитъ королева; она занимается починкою платья своего мужа; это историческій фактъ. Дофинъ прекратилъ свои дѣтскія игры; онъ расположился на колѣнахъ принцессы Елисаветы и съ любопытствомъ всматривается въ лицо короля. У края платья королевы покоится маленькая собачонка, привязавшаяся къ Маріи Антуанетѣ во время заключенія; Роше, самый жестокій изъ сторожей, приставленныхъ къ королевской фамиліи, стоитъ въ дверяхъ съ трубкою въ зубахъ и пускаетъ въ комнату длинную струю дыма; это, какъ вѣдомо, было любимымъ его развлеченіемъ; онъ зналъ, что королева не могла выносить табачнаго запаха. За нимъ, въ сосѣдней комнатѣ, сидятъ за картами два человѣка изъ муниципальной стражи; одинъ якобинецъ въ одеждѣ, которую носили тогда такъ-называемые les terribles; другой санкюлотъ, въ куртkѣ и красномъ колпакѣ съ трехцвѣтной кокардой; нѣсколько далѣе тощій муниципальный офицеръ равнодушно глядитъ въ окно. Каждый предметъ, находящійся въ этой печальной комнатѣ, возвышаетъ историческій интересъ; у изголовья короля, на маленькомъ пюпитрѣ, лежитъ исторія Англіи, развернутая на судебномъ слѣдствіи Карла I,—эпизодъ, который въ то время часто перечитывался Лудовикомъ XVI; выше дивана, надъ головой короля виситъ распятіе; въ глубинѣ виденъ глобусъ, по которому король училъ дофина географіи; на задней стѣнѣ вывѣшенъ большой печатный листъ, носящій такое заглавіе: „les droits de l'homme!“

По всему видно, художникъ исполненъ глубокаго сочувствія къ несчастнымъ узникамъ; трудно сильнѣе почувствовать внутреннюю драму въ чужой душѣ и выразить ее болѣе патетически. Письмо вездѣ внимательное, мѣстами, въ головахъ и рукахъ, очень деликатное, и отличается простотою. Вардъ не прибѣгаетъ ни къ какимъ фокусамъ, столь употребительнымъ въ теперешнее время, когда дѣло идетъ о достиженіи предполагаемыхъ эффектовъ; краски и тоны, заранѣе обдуманные на палитрѣ, прямо ложатся на холстъ; мазокъ вездѣ даетъ себя чувствовать. Если можно въ чемъ упрекнуть Варда, такъ развѣ только въ общемъ тонѣ картины, который отзывается чѣмъ-то бѣлесоватымъ, изжелта-сѣрымъ. Впрочемъ то, что̀ кажется недостаткомъ, входило можетъ-быть въ число намѣреній художника: бѣлесовато-желтый колоритъ

не происходитъ ли отъ сѣраго ноябрьскаго дня, который освѣщаетъ унылую тюремную комнату?

Изъ живописцевъ, выставившихъ картины историческаго содержанія въ отдѣленіи международной выставки и приславшихъ также свои произведенія на выставку Королевской Академіи, особенное вниманіе обращаютъ на себя: Копъ: „Отелло во время предсмертнаго своего монолога“ и „Король Лиръ съ Корделіей“; Е. Агнени: „Левъ X, разсматривающій портретъ Лютера“; и еще Галь, Бюкнеръ, Добсонъ, Фого и Кросъ.

Но такъ какъ бо́льшая часть этихъ живописцевъ, по взгляду на искусство и по манерѣ, напоминаютъ болѣе или менѣе Уарда, Лесли или Маклейза, и, слѣдовательно, не отличаются рѣзкою оригинальностью, — упоминаю о нихъ только для памяти. Къ тому же, мнѣ хочется поскорѣе перейти къ художнику, который, можно сказать, есть главный виновникъ моихъ длинныхъ писемъ. Совершенно новый, сильно самобытный и въ высшей степени поэтическій талантъ этого мастера такъ меня озадачилъ, впечатлѣніе было такъ сильно и неожиданно, что сначала мнѣ хотѣлось написать вамъ только о немъ одномъ; потомъ уже, при сравненіи его съ другими, въ памяти моей начали группироваться остальные англійскіе живописцы, старые и молодые, такъ что, мало-по-малу, чтобы не обидѣть одного и не пропустить другого, я рѣшился набросать, хотя эскизно, общую характеристику всей англійской школы.

Имя художника, о которомъ я хочу говорить,—Вильямъ Гольманъ Гонтъ (Hunt).

Исторія изящныхъ художествъ доказываетъ, что въ періоды временного развитія или упадка искусства нѣтъ ничего случайнаго; что то и другое необходимо вяжется съ причинами историческими, политическими, религіозными, отъ которыхъ искусство всегда находится въ тѣсной зависимости; общій законъ, управляющій движеніями и всѣми человѣческими дѣйствіями,—законъ прилива и отлива, по которому возвышеніе смѣняется пониженіемъ, а пониженіе возвышеніемъ, точно такъ же прилагается, конечно, и къ искусству. Гонтъ—явленіе не случайное; совершенно новый путь, проложенный имъ, имѣетъ свое основаніе.

Художники, выставленные мною до сихъ поръ, и тѣ еще, о которыхъ буду говорить далѣе, даютъ поводъ

только къ тому заключенію, что Англія можетъ поспорить съ любой страной Европы числомъ и достоинствомъ своихъ талантовъ по части живописи. Не надо забывать, главное, что здѣсь рѣчь идетъ объ избранныхъ художникахъ Англіи, тѣхъ только, которые давно пользуются громкимъ именемъ въ своемъ отечествѣ, или произведенія которыхъ сдѣлали на меня самого особенно сильное впечатлѣніе; словомъ, здѣсь только представители, корифеи англійской школы. Общая масса живописцевъ Британіи превышаетъ числомъ даже живописцевъ Франціи; уже въ 1838 году, въ одномъ только Лондонѣ, выставлено было болѣе 3,400 современныхъ картинъ; ежегодно въ Лондонѣ бываетъ пять художественныхъ выставокъ: три для картинъ, двѣ для акварелей. Выбросьте художниковъ, означенныхъ въ моихъ письмахъ,—останется болѣе полуторы тысячи, которые, по направленію и техникѣ, не выставляютъ національнаго искусства съ выгодной стороны. Спѣшность, фабрикація и механизмъ—отличительный характеръ ихъ произведеній.

Нѣкоторые критики, справедливо испуганные такимъ направленіемъ въ массѣ художниковъ, старались остановить его; имъ прежде всего хотѣлось доискаться источника зла; одни, какъ, напримѣръ, г. Ши, бывшій президентъ академіи, сваливалъ всю вину на правительство, обвиняя его въ равнодушіи къ успѣхамъ національнаго искусства; другіе объясняли причину упадка недостаткомъ поощренія со стороны общества. Сколько кажется, такія обвиненія несправедливы; правительство или, лучше сказать, лица его составляющія, дѣлаютъ все возможное, чтобы поощрять искусство; они заказываютъ и покупаютъ множество картинъ; стоитъ взглянуть на собраніе современныхъ картинъ королевы Викторіи и принца Альберта, чтобы убѣдиться въ этомъ. Дѣло въ томъ, что потребность поощренія, по множеству художниковъ, превышаетъ даже средства правительства. Что же касается частныхъ лицъ, то можно смѣло сказать, нѣтъ страны, гдѣ бы они столько, сколько въ Англіи, такъ охотно покупали картины и готовы были платить за нихъ такою щедрою рукою. Не даромъ, при такомъ обиліи живописцевъ, такъ рѣдко можно встрѣтить въ Европѣ англійскую картину.

Причину механическаго, ремесленнаго направленія въ массѣ художниковъ надо искать скорѣе въ общемъ промышленномъ направленіи; оно невольно увлекаетъ худож-

никовъ и мало-по-малу превращаетъ ихъ въ ремесленниковъ. Не только здѣсь, но и вездѣ, большинство художниковъ смотритъ на искусство какъ на мастерство, которое, сравнительно съ другими, не такъ еще тяжело, а между тѣмъ довольно выгодно,—хлѣбно, какъ говорится. Большинствомъ этимъ, имѣющимъ въ виду только промыселъ, конечно, долженъ управлять въ одинаковой степени вкусъ минуты. Который-нибудь изъ представителей выставилъ картину; она сдѣлала впечатлѣніе и была куплена за большія деньги;—всѣ хватаются за тотъ же мотивъ, стараются уловить тѣ же пріемы, каждый трактуетъ ихъ спѣшно, ощупью; картина покупается, — чего же больше? Люди, глубоко чувствующіе искусство, точно такъ же вездѣ рѣдки; толпа по бо́льшей части видитъ въ произведеніи художества лишнюю красивую мебель, которая, бывъ вставлена въ золотую рамку и представляя игривый симпатическій сюжетъ, красиво изображенный, пріятно украшаетъ комнату. Бульверъ приводитъ случай, отлично характеризующій взглядъ толпы на живопись: богатый домовладѣлецъ, отдавая въ наемъ бель-этажъ и желая выгоднѣе кончить дѣло, сказалъ будущему своему жильцу: „но это еще не все... Когда въ гостиной, надъ дверьми, повѣсятся пунцовыя штофныя портьеры, а по стѣнамъ размѣстится дюжина картинъ въ великолѣпныхъ рамахъ,—повѣрьте, подобную квартиру не скоро отыщете въ цѣломъ Лондонѣ!“

Художники лѣзутъ изъ кожи, чтобы только попасть во вкусъ этой толпы, угождать ей и снабжать ее картинами въ извѣстный срокъ, какъ можно аккуратнѣе и дешевле.

Какъ противодѣйствіе такому промышленному направленію, явилась новая школа, во главѣ которой находится Гонтъ.

Мысль произвести реформу въ искусствѣ, впрочемъ, нова только въ Англіи; она прежде всего родилась въ Германіи.

Лѣтъ тридцать назадъ, тамъ возникла школа пуристовъ, архаистовъ, такъ-называемыхъ *назарейцевъ*. Во главѣ ея былъ Овербекъ. Примѣръ, данный имъ въ Германіи, встрѣтилъ отголосокъ во Франціи; тамъ также явился между художниками кружокъ, назвавшій себя: „ново-христіанами,—neo-chrétiens“. Въ первомъ пылу увлеченія противъ стремленій современнаго искусства, какъ назарейцы, такъ и ново-христіане, начали съ того, что объявили Рафаэля

барокистомъ. Они допускали только тѣ его картины, которыя писаны были до второй его поѣздки во Флоренцію, то-есть, когда еще онъ держался стиля и манеры Перуджино. Всѣ съ одинаковымъ жаромъ обратились къ сюжетамъ мистическимъ и религіознымъ, принимая за образецъ художниковъ XIV вѣка. Теоретически рѣшено было перенестись въ до-рафаэлевскую эпоху, и такимъ образомъ возвратить искусство къ его христіанскому источнику. Изъ этого не вышло ничего, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. При всемъ своемъ увлеченіи, при всей искренности, при всѣхъ усиліяхъ воображенія, не могли они перескочить четыре съ половиною вѣка назадъ, не могли проникнуться тѣмъ духомъ и жить тѣми идеями, которыя воодушевляли любимыхъ ихъ образцовъ въ XIV столѣтіи. Наивнымъ, искреннимъ, вѣрующимъ нельзя быть по заказу, точно такъ же какъ нельзя сдѣлаться по заказу *византійцемъ*,—не въ обиду будь сказано кружку, возникшему съ недавняго времени въ нашей академіи. Изъ многочисленной фаланги архаистовъ по теоріи, одинъ только Овербекъ написалъ нѣсколько превосходныхъ картинъ. Но слѣдуетъ еще спросить: что могъ бы сдѣлать тотъ же Овербекъ, если бъ онъ въ извѣстной степени поладилъ съ вѣкомъ, воспользовался открытіями современнаго искусства и науки, а не отбросилъ ихъ съ перваго раза какъ языческую одежду, стараясь замѣнить ее готическою хламидой съ прямыми угловатыми складками и типомъ католическаго средневѣковаго аскетизма. Секретъ извѣстнаго успѣха Овербека заключается въ его талантѣ. Одинъ огромный талантъ могъ вынести его цѣлымъ изъ водоворота искусственнаго теоретическаго настроенія, въ которомъ, какъ въ морѣ, одинъ за другимъ, захлебнулись его послѣдователи.

Въ Англіи, точно такъ же, нѣсколько художниковъ, въ негодованіи противъ существующаго направленія, сложились въ особое общество; назвавъ себя „до-рафаэлистами“, они обратились къ „наивному и искреннему въ искусствѣ“. Но здѣсь, сколько видно, дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Здѣсь художники не завлеклись теоріей; никому въ голову не пришла возможность насильственно воплотиться въ людей XIV столѣтія, дѣлать такъ, какъ они дѣлали, и отрѣшиться отъ всего существующаго. Они, напротивъ, имѣли въ виду воспользоваться всѣми существующими усовершенствованіями, но

съ тѣмъ, чтобы дать серьезную, благородную цѣль искусству, низведенному на степень ремесла, съ тѣмъ, чтобы возвысить стиль, очистить рисунокъ, осмыслить содержаніе. Мастера до-рафаэлевскаго періода должны были только служить примѣромъ добросовѣстности, глубокаго уваженія и искренняго чувства, съ какимъ обращались они къ предметамъ, ими изображаемымъ.

Все это, можетъ-быть, и здѣсь не принесло бы результата и ограничилось бы одними намѣреніями, если бы во главѣ новаго кружка не было Гонта. Такой человѣкъ, конечно, долженъ былъ имѣть вѣсъ; имѣя его примѣръ постоянно передъ глазами, послѣдователи не рисковали запутаться въ теоріяхъ. Дорога, открытая имъ, была слишкомъ ясно обозначена.

Въ картинахъ Гонта, прежде всего, поражаетъ сильная поэтическая индивидуальность. Онѣ не имѣютъ ничего общаго ни съ старыми произведеніями XIV вѣка, ни съ новыми. Это, если можно выразиться, совершенно новое искусство, плодъ таланта глубокаго, ума возвышеннаго, человѣка искренно-религіознаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высоко образованнаго, человѣка полнаго огня, жизни и поэзіи. Если онъ изучалъ Геммелинга и Ванъ-Эйка въ Германіи, Орканья, Гоццоли, Липпи, Перуджино, Фра-Анджелика и Рафаэля въ Италіи, преимущественно передъ другими, болѣе современными мастерами, то это потому, что они больше отвѣчали его личному вкусу, быть-можетъ также его религіозному настроенію; онъ любитъ ихъ, но ни одному не подражаетъ. Рисунокъ его такъ же благороденъ и чистъ, какъ у лучшихъ изъ нихъ; но это потому, что самъ онъ превосходный рисовальщикъ. Письмо его также тонко до чрезвычайности; но кисть его утончается съ тою единственною цѣлію, чтобы передавать съ возможною правдой мельчайшіе детали природы, которую онъ изучаетъ нѣжно, съ любовію, можно сказать, съ религіозною страстію.

Опишу вамъ одну изъ его картинъ на международной выставкѣ: „Свѣтъ міра“ („Light of the World“), № 580 по каталогу.

Она занимаетъ въ вышину всего около полутора аршина, въ ширину аршинъ. Мѣсто дѣйствія—заброшенный фруктовый садъ, открытый и не загороженный; на дворѣ стоитъ глухая осень: холодная утренняя заря едва пробивается; свѣтъ отъ нея позволяетъ, однакожъ, ясно раз-

личать слѣва старую каменную стѣну съ затворенною дверью, окованною желѣзомъ. Справо—старое дерево простираетъ къ нему причудливо изогнутыя вѣтви, на которыхъ кой-гдѣ дрожатъ запоздавшіе листья. Вся передняя часть густо заросла репейникомъ, колючимъ терномъ, вьющимися паразитами и длинною волокнистою травою, которую послѣдній вихрь страшно перепуталъ, а послѣдній ливень прибилъ къ землѣ и смѣшалъ съ грязью. Въ безкрайномъ горизонтѣ, сквозь мглу, медленно просвѣчиваетъ заря; въ вышинѣ пока еще царствуетъ ночь и мигаютъ послѣднія звѣзды. По серединѣ картины остановился Спаситель; въ лѣвой рукѣ Его зажженный фонарь; лучи свѣта, проходя въ нижней части фонаря и падая въ траву, мѣстами проливаютъ яркій свѣтъ въ гущу листьевъ, увлаженныхъ росою, и позволяютъ различать упавшіе съ деревъ плоды, успѣвшіе раскиснуть отъ порчи; мѣстами, лучи свѣта вовсе теряются и пропадаютъ. Правою рукой Христосъ стучитъ въ дверь: „Се стою у двери и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь: войду къ нему, и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною.“ (Откров. Св. Іоанна Богослова, глава III, 20).

По всему видно, путь Христа былъ длиненъ; нижняя часть одежды изсѣчена колючками; ноги устали ступать по холодной почвѣ, отвердѣлой отъ мороза; золотой вѣнецъ Его, опутанный терніемъ, тяготитъ Ему голову; но не отъ физической усталости сгибается станъ Его, не это разливаетъ такое утомленіе въ божественныхъ чертахъ. Въ ночномъ Его дозорѣ никто, видно, не отозвался на Его голосъ: всѣ спятъ непробудно или заглушаютъ свой слухъ звономъ стакановъ и дикими криками оргій. Христосъ прямо смотритъ на зрителя задумчивыми, вопрошающими глазами; въ нихъ столько тягостной, неотразимой грусти, что невольно подъ сердце подкатываютъ слезы.

Но картину Гонта можно скорѣе чувствовать, чѣмъ разсказывать словами. Глубокая, задушевная поэзія и чувство проникаютъ здѣсь не только главный мотивъ, но присутствуютъ во всемъ: въ самыхъ мелкихъ деталяхъ, въ моментѣ тусклой осенней зари, въ причудливомъ очертаніи древесныхъ вѣтвей, въ путаной чащѣ травъ и растеній, въ мигающихъ кое-гдѣ звѣздахъ, во всей разстановкѣ аксессуаровъ, которые всѣ настраиваютъ умъ и душу къ одному общему впечатлѣнію. Разсматривая картину ближе, изумляешься вниманію, отчетливости худож-

пика; каждая ничтожнѣйшая часть выслѣжена съ натуры, изучена до тонкости почти невѣроятной. Такъ можетъ писать только человѣкъ, который смотритъ на свое дѣло съ уваженіемъ, какъ на служеніе чему-то дѣйствительно высокому. О колоритѣ, рисункѣ и письмѣ Гонта мы скажемъ ниже. Картина писана въ 1854 году; Гонту, родившемуся въ 1827 году, было, слѣдовательно, тогда всего двадцать-семь лѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого задумалъ онъ другую картину: „Христосъ въ храмѣ между книжниками и учителями". Долго вдумывался онъ и много работалъ, прежде чѣмъ приступилъ къ новому произведенію; долго рылся онъ въ священныхъ и ученыхъ книгахъ, стараясь обнять сюжетъ со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ; въ то же время онъ дѣлалъ этюды и эскизы, но то и другое истреблялось художникомъ; онъ ничѣмъ не былъ доволенъ. Наконецъ, собравъ скудную сумму трудовыхъ денегъ, отправился онъ на Востокъ. Болѣе двухъ лѣтъ скитался онъ по Египту и Палестинѣ, возвращаясь на зиму въ Іерусалимъ. Дня не проходило праздно. Изученіемъ мѣстныхъ типовъ и природы, въ примѣненіи къ задуманной картинѣ, не ограничивались его занятія; обладая большими археологическими познаніями, онъ старался еще, въ виду своей цѣли, воспользоваться существующими данными, чтобы возсоздать по нимъ минувшій Іерусалимъ со всѣмъ, что прежде окружало его. Послѣдствіемъ этого была картина, которую, по всей справедливости, можно назвать самымъ замѣчательнымъ живописнымъ произведеніемъ нашего вѣка.

Сюжетъ, выбранный Гонтомъ, исполнялся нѣсколько тысячъ разъ художниками всѣхъ возможныхъ направленій, временъ и странъ. Гонтъ взглянулъ на него совершенно съ иной, новой точки. Въ техническомъ отношеніи онъ внесъ точно такъ же совершенно новый взглядъ, новые пріемы. Условные, освященные временемъ идеалы, которые, черезъ частое повтореніе, приняли характеръ чего-то рутиннаго, затверженнаго, избитаго, не существуютъ для Гонта; идеалъ его, какъ у Рафаэля, заключается въ немъ самомъ. Не ставя себѣ въ условіе даже идеальную общепринятую античную красоту формъ, онъ представляетъ всю сцену такъ, какъ она *должна была происходить въ дѣйствительности*, и этимъ самымъ достигаетъ того впечатлѣнія, котораго никогда не давали идеализированныя

картины того же содержанія. Но въ искусствѣ мало еще одной жизненной правды; надо, чтобъ она была прочувствована сильною поэтическою душой и выражалась въ соотвѣтствующихъ ей формахъ. Реализмъ Гонта, какъ могутъ думать многіе, которые, при словѣ: реализмъ, безтолково презрительно отворачиваютъ голову, не только не исключаетъ идеала, вдохновенія, высокаго поэтическаго настроенія, а, напротивъ, весь ими проникнутъ. Лучше всего судить объ этомъ по самому произведенію.

Картина, выставленная въ German Gallery, New Bond Street, 168, изображаетъ часть раззолоченнаго Іерусалимскаго храма. Мельчайшіе архитектурные детали воспроизведены здѣсь съ величайшею археологическою точностію; три полукруглыя рѣшетчатыя окна въ глубинѣ галлереи и дверь, чрезъ которую видна внизу часть города, и выше—горы, обдаютъ дѣйствующихъ лицъ яркимъ полуденнымъ свѣтомъ. Полъ устланъ драгоцѣнными коврами; слѣва, противъ Христа, Который недалеко отъ двери, возсѣдаютъ полукругомъ фарисеи; за ними стоятъ молоденькіе прислужники, левиты въ богатыхъ одеждахъ. Фарисеи замѣтно раздѣлились на три группы; каждая выражаетъ извѣстный взглядъ, извѣстное направленіе: впереди сидитъ маститый старецъ, фанатическій представитель старой вѣры; онъ ослѣпъ и отупѣлъ отъ лѣтъ; челюсти его ослабѣли, ротъ полураскрытъ, безцвѣтные зрачки тупо присматриваются. Онъ не удивляется мыслямъ и рѣчамъ дивнаго Отрока; полупонявъ и полуразслышавъ ихъ, онъ явно уже возмущается и выражаетъ свое негодованіе сидящему рядомъ съ нимъ старику, который, сколько замѣтно, совершенно раздѣляетъ его чувства; на лицахъ ихъ какъ будто начертано старовѣрство и закоснѣлость, а немощь и дряхлость сами собою говорятъ, что вѣкъ ихъ кончился. Далѣе, сидитъ третій книжникъ; тонкія черты его смуглаго худощаваго лица, обрамленнаго черными смолистыми волосами, которые вырываются изъ-подъ пестрой шелковой чалмы,—открытый лобъ, черные блестящіе глаза, — все дышитъ жизнію, проникнуто умомъ проницательнымъ; онъ пытливо вслушивается въ слова необыкновеннаго Отрока; каждое слово ему доступно, но каждое слово есть для него новая задача, новый предметъ изумленія. Глубокій смыслъ въ рѣчахъ Отрока понятенъ ему; онъ будетъ Ему противодѣйствовать, будетъ Его преслѣдовать, быть-можетъ, современемъ, будетъ пер-

вымъ, который произнесетъ Ему смертный приговоръ; но пока онъ весь отдался удивленію и любопытству; два-три человѣка, сидящіе рядомъ, очевидно, его адепты. За ними третья группа: здѣсь, за первою минутой любопытства, послѣдовало самое полное увлеченіе; эти, не успѣвая уловлять мыслей, которыя льются потокомъ изъ устъ Отрока, жадно, съ лихорадочнымъ трепетомъ и вытянувъ шеи, вслушиваются въ каждое слово; передъ ними точно разверзлась неожиданно яркая пелена свѣта, которая освѣтила ихъ умъ, зажгла воображеніе и сердце.

Христу отъ двѣнадцати до тринадцати лѣтъ. Онъ представляетъ типъ нервнаго, сухощаваго, но крѣпко сложеннаго отрока; легкая одежда, родъ рубашки съ широкими рукавами, изъ матеріи, исполосованной яркими синими, бѣлыми и красными полосами, и перетянутая подъ ребрами кожанымъ кушакомъ, спускается немного ниже колѣнъ; босыя ноги Его, изъ которыхъ правая выдвинута нѣсколько впередъ, твердо упираются въ помостъ храма; темно-рыжеватые волосы, откинутые назадъ, открываютъ высокій, выпуклый лобъ, который какъ будто свѣтится внутреннимъ какимъ-то свѣтомъ. Черты Его не отличаются особенною красотою, за исключеніемъ рта и глазъ; но все лицо дышитъ воодушевленіемъ необыкновеннымъ; Онъ въ полномъ разгарѣ вдохновенія; каріе глаза Его свѣтятся, лицо пылаетъ, нѣжныя прозрачныя поздри вздрагиваютъ и расширяются,—а губы?.. Боже мой, что это за губы и сколько въ нихъ выраженія! Я въ жизнь не видалъ подобнаго рта ни на картинахъ, ни въ дѣйствительности. Первый разъ, какъ мнѣ случилось подойти къ картинѣ, я былъ съ товарищемъ; взглянувъ на голову Христа, мы въ одинъ голосъ сказали, что только такія губы могутъ произносить слова, которыя перейдутъ столѣтія и будутъ жить вѣчно! Да, Гонтъ великій художникъ! Но этимъ еще не ограничивается его картина. Въ то время, какъ Христосъ такимъ образомъ бесѣдуетъ, Пречистая Дѣва и Іосифъ, тревожно и напрасно искавшіе Его по городу, зашли въ храмъ. Богородица—идеалъ не красоты физической, но нравственной чистоты и женственной нѣжности; Іосифъ—типъ кроткаго, добраго старика. Увидавъ Сына, говорящаго съ такимъ жаромъ съ мудрецами, оба испугались. Мать бросилась къ Сыну и нѣжно обвила Его руками; рука Іосифа прижалась къ рукѣ Маріи. Она, очевидно, не понимаетъ, что̀ дѣлается съ Сыномъ; не по-

нимаетъ Она, отчего пылаютъ Его щеки, усиленно бьется пульсъ, голосъ прерывается... Она только испугана Его волненіемъ и хочетъ увести Его:—„Сынъ! Что ты сдѣлалъ съ нами? Вотъ отецъ Твой и я измучились, искавши Тебя!“ Онъ припалъ къ Ея плечу, нѣжно отдался Ей въ руки, а между тѣмъ не можетъ еще преодолѣть овладѣвшаго Имъ вдохновенія, весь еще горитъ внутреннимъ огнемъ, и мыслями, и взоромъ весь тянется къ кружку слушающихъ Его учителей. Послѣднее такъ замѣчательно выражено, что, кажется, слышишь подлѣ себя голосъ и уловляешь чье-то прерывистое дыханіе... Въ глубинѣ картины, подъ сводомъ галлереи, мотивъ материнскаго чувства и нѣжной заботливости какъ бы продолжается: тамъ идетъ женщина, наклонившая голову къ больному ребенку, который покоится на рукахъ ея; впереди выступаетъ тучный священникъ, а позади плетется мужъ женщины съ овцою, которая предназначается для жертвы. За угломъ двери, на наружныхъ ступеняхъ храма, сидитъ нищій, — единственное равнодушное лицо всей этой воодушевленной сцены; ему все равно, что бы тамъ ни дѣлалось; помыслы его пейдутъ дальше ожиданія динарія и животнаго насыщенія.

Въ картинѣ Гонта, какъ во всякомъ истинно-высокомъ художественномъ произведеніи, дѣло не только въ томъ, что видитъ глазъ и чѣмъ можетъ насладиться чувство изящнаго; въ ней, сквозь видимыя краски и формы, просвѣчиваетъ цѣлый міръ ощущеній, которыя уносятъ душу въ безконечность, далеко за предѣлы дѣйствительности. Картина Гонта—произведеніе замѣчательное еще въ другомъ отношеніи: она явно протестуетъ противъ обвиненій, взводимыхъ на нашъ вѣкъ, и особенно на Англію, обвиненій въ матеріализмѣ, который, будто бы, остановилъ развитіе художества, не даетъ ему хода, изсушилъ источникъ поэтическаго вдохновенія; она доказываетъ, что поэзія и вдохновеніе не только не угасали, но вѣчно жили и вѣчно будутъ жить въ душѣ человѣка. Какъ твореніе послѣднихъ годовъ нашего времени, какъ произведеніе человѣка молодого, питомца современнаго образованія, она краснорѣчиво говоритъ въ пользу развитія, поддерживаетъ вѣру въ безконечность человѣческаго преуспѣванія. Каждый художникъ со смысломъ и дарованіемъ, взглянувъ на картину Гонта, пойметъ, какъ ложна та теорія, которая проповѣдуетъ, что образованіе и развитіе часто

обращаются во вредъ природному таланту, связываютъ крылья воображенію, сковываютъ свободу творчества сухимъ *рефлектерствомъ*, охлаждаютъ порывы вдохновенія и проч., и проч. Художникъ увидитъ здѣсь, напротивъ того, какую страшную силу, какія страшныя преимущества пріобрѣтаетъ талантъ черезъ обширное образованіе; онъ увидитъ, что образованіе не охлаждаетъ, но только осмысливаетъ воображеніе, дастъ ему здравое направленіе, очищаетъ вкусъ, помогаетъ избирать типы, учитъ смотрѣть ясными глазами на природу, учитъ выражать другія чувства и преслѣдовать другіе эффекты.

Столько же новаго высказано у Гонта въ отношеніи къ исполненію. До сихъ поръ, ни одинъ живописецъ не былъ такъ благороденъ, бывъ въ то же время совершенно *натуральнымъ*. Красота рисунка опредѣляется у него формами, существующими въ природѣ, но выбранными съ тактомъ и со вкусомъ; рисунокъ его, не оступая ни на волосъ отъ правды, вездѣ правиленъ, изященъ, какъ въ самой природѣ. Взглядъ этотъ, въ отношеніи собственно къ рисунку, считаю я самымъ правильнымъ. Небрежное и неуважительное обращеніе съ формами природы, умничанье въ рисункѣ подъ предлогомъ облагораживанія линій, доводило всегда, даже великихъ художниковъ, до манерности и слѣдовательно ставило ихъ на ложную дорогу. Къ правильности рисунка Гонтъ присоединяетъ правду письма и колорита; онъ рѣшительно не прибѣгаетъ ни къ одному изъ тѣхъ способовъ, которые сдѣлались какъ словно неизбѣжными условіями живописи; такъ, напримѣръ, умышленно усилить тѣнь, чтобъ ярче выставился свѣтъ, облегчить, вопреки правдѣ, такую-то часть полусвѣта, чтобы дать ей глубину, или закруглить такой-то предметъ, который безъ этого казался бы плоскимъ, и т. д. Въ картинѣ его два свѣта, и яркое полуденное восточное солнце гуляетъ вокругъ; при такомъ освѣщеніи не бываетъ совершенно темныхъ частей; самыя тѣни обвѣяны прозрачнымъ свѣтомъ отраженія. Помню очень хорошо, какъ поражали меня въ путешествіяхъ моихъ по Востоку,—особенно въ Палестинѣ, гдѣ по преимуществу грунтъ замѣняется кремнистою почвой, — какъ поражали меня сквозната и яркость тѣней; жадно отыскиваешь пятно тѣни, чтобы дать хоть на минуту отдыхъ глазу, утомленному блескомъ солнца,—все напрасно: въ самыхъ тѣняхъ играетъ какое-то мерцаніе свѣта, которое еще пуще, ка-

жется, раздражаетъ глазъ. Картина Гонта не представляетъ почти ни одного темнаго пятна; а между тѣмъ все круглится, выступаетъ, углубляется, уходитъ въ даль, и въ общемъ открываетъ золотистую гармонію солнечнаго освѣщенія. Этотъ общій эффектъ достигается одними сквозными, легкими полутонами, усиливающимися или слабѣющими въ безконечной градаціи. Письмомъ своимъ Гонтъ сказалъ также много новаго. Кисть его, вездѣ тонкая, внимательная до чрезвычайности, въ то же время разнообразна, какъ предметы, къ которымъ прикасается. На лицѣ тринадцати-лѣтняго Христа и молоденькихъ левитовъ мазокъ совсѣмъ почти исчезаетъ; онъ уже болѣе замѣтенъ въ лицахъ молодыхъ увлеченныхъ книжниковъ и постепенно расширяется на другихъ, болѣе загрубѣлыхъ лицахъ; морщинистое, дряблое лицо слѣпого фарисея тронуто широкими планами и совсѣмъ иначе написано, чѣмъ кожа его бѣлыхъ, изнѣженныхъ рукъ, сквозь которую просвѣчиваетъ ткань мелкихъ голубыхъ жилокъ; шероховатые и сухіе удары кисти на шерстяныхъ коврахъ тотчасъ же умягчаются и дѣлаются сочнѣе, переходя на атласъ; и наоборотъ, кисть дѣлается суше и рѣзче, когда прикасается къ полированному камню, позолотѣ или металлическому аксессуару.

Въ результатѣ повторяю то, что̀ уже сказалъ выше: я твердо вѣрю, что въ нашъ вѣкъ искусству снова суждено воскреснуть, но только, конечно, въ новой формѣ, болѣе подходящей къ существующимъ воззрѣніямъ. Искусство теперь въ борьбѣ съ разными теоріями; оно себя пробуетъ, бросается то въ ту, то въ другую сторону, ощупываетъ себѣ путь, расчищаетъ дорогу, которую, быть-можетъ, суждено было открыть Гонту. Что новая школа уже началась, новое слово сказано и принесло плоды свои— это фактъ. Нѣтъ нужды, что многіе изъ новыхъ художниковъ обращаются къ методѣ и типамъ мастеровъ стараго времени; это доказываетъ только недовольство существующаго стремленія отыскать новыя формы для осуществленія своего идеала; все дѣло въ движеніи, въ томъ, что уже данъ первый толчокъ къ пробужденію. Это доказываютъ нѣкоторые художники Англіи, какъ напримѣръ Миллесъ, Коллипсъ и другіе, которые пошли по слѣдамъ Гонта.

Но не стану говорить вамъ о ихъ произведеніяхъ, точно такъ же какъ не стану болѣе описывать другихъ картинъ

Гонта: „Клавдій и Изабелла“, „Англійскій берегъ“, и проч. и проч.; это значило бы повторять то, что хотѣлось мнѣ высказать вамъ о новой исторической школѣ Англіи и слѣдовательно понапрасну только утомлять васъ; наконецъ, всего не перескажешь, особенно въ печати.

Надѣюсь, вы простите также, что я пропущу цѣлый рядъ портретистовъ; между ними: Грантъ, Макне, Боксалъ, Уатсопъ, Брантъ, Гордонъ, Пикерсгилъ, Ричмондъ—художники съ замѣчательнымъ талантомъ, каждый въ своемъ родѣ. Но послѣ произведеній вдохновенія и высокой поэзіи, не хочется переходить даже къ талантливой прозѣ.

II.

Постараюсь теперь познакомить васъ съ тѣми живописцами Англіи, которые преимущественно занимались или занимаются изображеніемъ сценъ изъ домашней жизни, и которыхъ правильно или неправильно, но принято уже называть *жанристами*. Въ этомъ родѣ англичане безспорно занимаютъ первое мѣсто между современниками. Многіе изъ нихъ съ успѣхомъ выдержатъ сравненіе съ первоклассныйшими представителями этого рода между старыми мастерами Голландіи; если нѣкоторые изъ первыхъ уступаютъ послѣднимъ въ техническомъ отношеніи, зато они стоятъ неизмѣримо выше по тонкой наблюдательности, по уму и смыслу, и внутреннему содержанію въ своихъ произведеніяхъ.

Начнемъ съ Гогарта, старшаго изъ нихъ (р. 1698, † 1764), перваго основателя, можно сказать, самостоятельной школы живописи въ своемъ отечествѣ. Все, что считается лучшимъ въ твореніяхъ этого замѣчательнаго человѣка, собрано здѣсь съ тою нѣжною заботливостію, которая прилагается англичанами ко всему, что сколько - нибудь возвышаетъ ихъ національную славу. На международной выставкѣ находились тридцать два его произведенія.

Гогартъ, лучше чѣмъ кто-нибудь, подтверждаетъ то, что говорилъ я вамъ о самобытности, которая составляетъ отличительную особенность англійской школы. Съ самаго вступленія своего на поприще искусства, Гогартъ презрѣлъ знакомыми путями; никогда не шелъ онъ по слѣдамъ другихъ, никогда не вращался въ положеннихъ до него предѣлахъ, никогда не прибѣгалъ къ существовавшимъ до него пріемамъ. У него меньше условнаго, меньше мертваго матеріала, чѣмъ у кого-нибудь изъ художниковъ,

имѣющихъ съ нимъ что-нибудь общее. Планы, группировка, характеръ лицъ, характеръ самаго сочиненія, стиль, рисунокъ—все носитъ печать рѣзкой оригинальности, все проистекаетъ прямо изъ собственной его натуры.

Что до меня касается, я нахожу очень натуральнымъ, что большинство скорѣе всегда удивлялось Гогарту, чѣмъ находило въ его произведеніяхъ предметъ непосредственнаго изящнаго наслажденія. Гогартъ не поэтъ, или, по крайней мѣрѣ, поэзія его заключаетъ въ себѣ слишкомъ много мрачнаго, трагическаго, серьезнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ее слишкомъ часто надо отыскивать въ глубокомъ смыслѣ содержанія, а потому она не дѣйствуетъ непосредственно на зрителя. Кромѣ того, и это главная причина его неуспѣха въ массѣ публики, картины Гогарта не блещутъ внѣшними достоинствами; колоритъ его, сѣрый или желтоватый, по большей части тусклъ; въ немъ преобладаютъ далеко не привлекательные буро-коричневые тоны; письмо, за исключеніемъ головъ и нѣкоторыхъ деталей, въ общемъ грубо и жестко; рисунокъ, хотя всегда живъ, вѣренъ природѣ и всегда сразу передаетъ мысль художника, не отличается щегольствомъ и красотою.

Этимъ объясняется, почему съ самаго начала своей карьеры Гогартъ не имѣлъ успѣха. Онъ едва находилъ случай продавать картины свои по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Самъ Орасъ Вальполь, знатокъ тогдашняго времени и первый защитникъ Гогарта въ томъ кругу, который управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавалъ въ его произведеніяхъ художественнаго достоинства. Говоря о Гогартѣ, онъ настаиваетъ, что это скорѣе комическій писатель, употребляющій кисть вмѣсто пера, чѣмъ живописецъ; онъ иначе не называетъ его, какъ литераторомъ.

Въ этомъ замѣчаніи, конечно, много правды. Умъ, сатира, поучительная цѣль, дѣйствительно, выступаютъ какъ преобладающія черты въ бо̀льшей части произведеній Гогарта; сравнительно съ ихъ значеніемъ, краски, письмо, живописность цѣлаго играютъ второстепенную роль. При всемъ томъ, несправедливо считать талантъ Гогарта только аналитическимъ и отрицать въ немъ художественныя стороны. Средства живописнаго искусства такъ многосторонни и разнообразны, что недостатокъ одного часто съ избыткомъ пополняется другимъ: не на каждомъ ли шагу встрѣчаемъ мы даже замѣчательныя произведенія, которыя отличаются однимъ какимъ-нибудь качествомъ? Иное пр-

изведеніе выступаетъ изъ ряда обыкновенныхъ, благодаря одному колориту; въ другомъ—удивляемся мы только стилю и рисунку; въ третьемъ—пошлое содержаніе или полное его отсутствіе выкупается блескомъ кисти, и т. д. Гдѣ же искать полныхъ, совершеннѣйшихъ произведеній искусства, и будто ужъ ихъ такъ много?

Художественная сторона Гогартовскаго таланта заключается въ мастерствѣ композиціи, въ которой все, отъ главнаго лица до послѣдней мелочи, служитъ объясненіемъ основной мысли, а главное, въ необыкновенномъ искусствѣ придавать человѣческой физіономіи то выраженіе, которое сразу безошибочно опредѣляетъ характеръ человѣка. По мастерству композиціи, умѣнью передавать чертами лица внутреннюю драму,—нѣтъ художника, который былъ бы сильнѣе Гогарта; не владѣй онъ тѣмъ и другимъ въ высшей степени, произведенія его, несмотря на весь ихъ умъ и глубину содержанія, дѣйствительно заслуживали бы названіе памфлетовъ или литературныхъ сочиненій; дѣло именно въ томъ, что изображенныя въ нихъ фигуры не бездушныя куклы, не фикціи, а одушевленные, полные жизни люди; переносить дѣйствительную жизнь на полотно, въ мраморъ или на бумагу можетъ только художникъ.

Если мелкіе детали, разсыпанные съ такимъ изобиліемъ въ картинахъ Гогарта, часто требуютъ комментарій,—главная мысль всегда цѣликомъ вытекаетъ изъ выраженія лица его героевъ; сила выраженія не ограничивается у него игрою физіономіи; его дополняетъ еще мимика и движеніе. Никто не вникалъ такъ глубоко въ характеръ своихъ героевъ, никто не умѣлъ выдерживать ихъ такъ вѣрно и съ такою послѣдовательностью. Въ ряду картинъ его, часто служащихъ продолженіемъ одна другой и гдѣ дѣйствуютъ одни и тѣ же герои, взгляните на любое лицо при началѣ его поприща и потомъ при концѣ; это положительно тотъ же человѣкъ; нельзя достаточно надивиться умѣнью прослѣдить и выразить оттѣнки и всѣ измѣненія, которые проведены на одномъ и томъ же лицѣ временемъ и страстями. Каждая физіономія краснорѣчиво повѣствуетъ исторію страстей, волновавшихъ душу человѣка. Но этого еще мало; для достиженія такихъ эффектовъ Гогартъ не прибѣгаетъ къ утрировкѣ чертъ, что было бы очевидно легче, и что поставило бы его скорѣе въ разрядъ карикатуристовъ, чѣмъ художниковъ. Многіе, не видавшіе его

произведеній или знающіе о нихъ только по наслышкѣ, называютъ Гогарта карикатуристомъ. Дать ему сознательно такое названіе, значило бы отказаться отъ пониманія неизмѣримой разницы между фарсеромъ и комикомъ. Жестоко ошибается тотъ, кто думаетъ встрѣтить въ его произведеніяхъ что-либо забавное. Они по бо̀льшей части заключаютъ въ себѣ глубокую, потрясающую жизненную драму; комизмъ служитъ только оболочкой; онъ не столько проявляется во внѣшней формѣ, сколько вытекаетъ изъ смысла произведенія. Комическій и драматическій элементы взаимно сливаются и оттѣняются у Гогарта съ такою же вѣрностью природѣ, какъ у Шекспира. Выборъ сюжета и выборъ эпизодовъ, поясняющихъ главный мотивъ, показываютъ, что Гогартъ скорѣе даже драматургъ, чѣмъ комикъ; юмористическія и комическія черты очевидно служатъ только средствомъ для поясненія основной мысли; наконецъ, въ нихъ часто не столько комизма, сколько ядовитой безпощадной иронiи и сарказма. Переведите любую картину Гогарта въ форму разсказа или драмы; возьмите его „Модный бракъ“, „Жизнь распутнаго“, „Жизнь погибшей женщины“, „Джинъ“, и т. д. Все это, конечно, болѣе потрясетъ васъ, чѣмъ дастъ случай посмѣяться.

Возьмемъ хоть ту сцену изъ „Жизни распутнаго“, гдѣ изображено бракосочетаніе.

Герой, пройдя, какъ говорится, огонь и воду, промотавъ отцовское наслѣдство, ведетъ къ алтарю старую, но богатую невѣсту; картина представляетъ внутренность старой Мерилебонской церкви: она находилась тогда въ предмѣстьи Лондона, и потому преимущественно избиралась для тайныхъ браковъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда одно изъ сочетающихся лицъ стыдилось своего брака; церковь страшно запущена; другой живописецъ нашелъ бы въ этомъ запущеніи цѣлый кладъ; оно открыло бы ему случай придать картинѣ ту живописность, которую такъ жадно ловятъ художники. Для Гогарта этого мало; онъ ищетъ эффектовъ другого рода; самое важное для него— внутренняя, нравственная сторона того эпизода, который онъ изображаетъ; ему, главное, хочется показать всю безнравственность своего героя, все уродство такого брака и все, чего можно ждать отъ него впослѣдствiи. Въ глубинѣ церкви молоденькая дѣвушка, обольщенная распутнымъ, тщетно борется съ прислужниками, которые, заранѣе предупрежденные и подкупленные, толкаютъ ее вонъ, не

трогаясь даже ея беременнымъ положеніемъ. Не довольствуясь выраженіемъ досады въ лицѣ героя, его насмѣшливою, презрительною улыбкой и глазами, которые щурятся по направленію къ хорошенькой прислужницѣ будущей жены, Гогартъ разбиваетъ скрижаль закона, вложенную въ стѣну, проводитъ по ней трещину на томъ мѣстѣ, которое предписываетъ супружескую вѣрность; желая въ той же картинѣ выставить эгоизмъ и холодность въ дѣлѣ милосердія, онъ покрываетъ паутиной отверстіе кружки для бѣдныхъ. Въ послѣдней картинѣ „Модный бракъ", у ногъ умирающей жены лежитъ пустая стклянка съ ярлыкомъ: „лауданумъ"; Гогартъ положилъ еще подлѣ нея „предсмертную рѣчь юрисконсульта Сильверстонга, только - что казненнаго"; изъ этого можно видѣть, что не смерть мужа, а смерть Сильверстонга, которой былъ ея возлюбленнымъ, побудила ее отравиться. Какъ видите, самые детали не имѣютъ здѣсь ничего комическаго; напротивъ, каждый изъ нихъ— трагическая черта.

Эффекты у Гогарта часто основываются на контрастахъ. Въ картинѣ „Долговая тюрьма Флита", изъ „Жизни распутнаго", всѣ группы перваго плана выражаютъ бѣдствіе и горесть. Старая, разоренная жена, отрезвленная отъ безобразной любви къ мужу, въ ярости поднимаетъ на него руку; дѣвушка, которую онъ обольстилъ и которая послѣдовала за нимъ въ тюрьму и столкнулась съ законною супругой, лежитъ въ судорогахъ. Бѣдный ученый старается привести ее въ чувство; его, очевидно, не столько занимаетъ положеніе несчастной, сколько результатъ его опыта надъ нею; онъ страшно суетится, не замѣчая, что изъ кармана его вывалился проектъ „объ уплатѣ государственнаго долга"—трудъ, который, отнявъ у него время заняться собственными дѣлами, привелъ его въ долговую тюрьму. Вдали отъ этихъ группъ, сидитъ ученый алхимикъ, окруженный своими аппаратами: ихъ не приняли даже кредиторы въ уплату долга; онъ весь погруженъ въ свои занятія, и такъ же спокоенъ, какъ у себя въ лабораторіи.

Собственно веселость не встрѣчается у Гогарта даже въ тѣхъ сюжетахъ, которые, повидимому, не даютъ повода къ драматическому мотиву. Какой живописецъ или писатель, начиная съ Калло и Скарона и кончая Польде-Кокомъ, рисуя нравы странствующихъ актеровъ, не старался выставить забавную, комическую сторону быта

этихъ людей? Избирая тотъ же сюжетъ, Гогартъ смотритъ на него съ другой точки зрѣнія. Въ картинѣ его „Странствующіе комедіанты“ (strolling players) сквозь комическіе детали проглядываетъ вся нищета, всѣ горькія нужды, которыя такъ часто скрываются за внѣшнимъ блескомъ и видимою веселостью. Онъ выставляетъ фойе театра, расположеннаго въ жалкомъ сараѣ; богиня ночи (Негритянка) штопаетъ чулки Юноны, которая возсѣдаетъ подлѣ, на тачкѣ, и, поднявъ глаза къ потолку, восторженно декламируетъ роль; неподалеку Флора смотрится въ обломокъ зеркальца и маслитъ волосы остаткомъ сальнаго огарка; Аполлонъ усиливается снять кончикомъ золотого лука пару прорванныхъ носковъ, висящихъ для просушки на облакѣ; ему подсобляетъ крылатый Амуръ; оно точно также не можетъ достать облака, даромъ что взлѣзъ на верхнюю перекладину лѣстницы. Въ правомъ углу, человѣкъ, въ костюмѣ Юпитерова орла, кормитъ кашей своего ребенка; послѣдній, при видѣ страшной наружности своего родителя, испускаетъ пронзительные крики; чашка съ кашей поставлена на корону, въ сосѣдствѣ съ извѣстною вазой и сальными свѣчами, воткнутыми въ комъ мокрой глины.

По мастерству выраженій и по впечатлѣнію, я ничего не знаю сильнѣе его картины „Джинъ“ (Gin-Lane, собственно: „водочный переулокъ“). Въ ней выражены дѣйствія и результаты пристрастія къ этому напитку. Картина изображаетъ улицу въ одномъ изъ тѣхъ кварталовъ, который не безъ причины называютъ „Развалины Сентъ-Джильза“. Тутъ преимущественно гнѣздится нищета; украшеніемъ улицы служатъ только вывѣски таверпъ. На дворѣ холодно; небо облачно; перекосившіяся вывѣски и флаги свидѣтельствуютъ о сильномъ вѣтрѣ. На второмъ планѣ группы оборванныхъ людей жмутся въ кучу, чтобы какъ-нибудь обогрѣться; двое нищихъ, на костыляхъ, дерутся за право, кто первый войдетъ въ кабакъ; тутъ же нѣсколько лицъ, въ сопровожденіи полицейскаго, укладываютъ въ гробъ трупъ женщины, подлѣ котораго плачетъ ребенокъ; на вывѣскѣ таверны, гдѣ складъ водки обозначается рядами бочекъ, — надпись: „Killerman“ (Душегубъ). Справа входъ къ ростовщику; надъ дверью начертано: „Gripe-Pawn-Broker“ (дающій подъ закладъ); здѣсь работникъ закладываетъ свой инструментъ и женщина кухонную посуду. Ближе, каменная крутая лѣстница, подъ

сводомъ которой погребъ; входъ въ него обозначается узаконенною казенною мѣрой для измѣренія крѣпкихъ напитковъ; на ней надпись: „Gin-Royal“; надъ самою дверью этого убѣжища отчаянія другая надпись: „Drunk for a penny, dead drunk for two pence, clean straw for nothing.“ (Пьянъ на копейку, до смерти пьянъ за двѣ копейки; — свѣжая солома даромъ!) Джинъ въ простонародьи называютъ: „strip me naked“ (обери меня до гола). Посрединѣ лѣстницы сидитъ пьяная женщина; отброшенная въ сторону, и желая по инстинктивному чувству самосохраненія удержать равновѣсіе, она выпустила изъ рукъ грудного ребенка, который падаетъ на мостовую внизъ головою; она такъ пьяна, что едва осмысливаетъ свой поступокъ. Въ углу, въ самомъ глухомъ мѣстѣ лѣстницы, на первомъ планѣ картины, жмется человѣкъ, представляющій крайнюю степень, до которой можетъ довести пьянство. Живопись не производила образа страшнѣе. По силѣ впечатлѣнія, но только совсѣмъ другого рода, фигура эта можетъ идти въ параллель развѣ только съ фигурой „Меланхоліи“, въ гравюрѣ того же названія, Альбрехта Дюрера. Но у Дюрера нѣтъ ничего отталкивающаго; напротивъ, красота лица выбрана нарочно съ тѣмъ, чтобы усилить въ зрителѣ чувство безотрадной грусти, разлитой во всей фигурѣ. Цѣль Гогарта совсѣмъ другого рода; у него каждая черта производитъ отталкивающее дѣйствіе; пьяница, которому недостаетъ уже силъ двигаться и который притащился сюда какъ бы съ тѣмъ, чтобъ умереть, едва прикрытъ; изъ безобразныхъ лохмотьевъ высовываются во всѣ стороны старческіе, чахлые, костлявые члены; черты его служатъ олицетвореніемъ всѣхъ порочныхъ наклонностей человѣка, неизбѣжныхъ спутниковъ пьянства; джинъ все взялъ: силу, здоровье, умъ, душу; передъ вами почти бездушный трупъ; потухшіе глаза безсмысленно смотрятъ изъ своихъ впадинъ; волосы вылѣзли, ротъ провалился; испитое лицо свинцоваго цвѣта такъ исхудало и осунулось, что на первый взглядъ кажется какъ бы мертвою головой; только при нѣкоторомъ вниманіи открываются въ немъ признаки жизни, но отъ этого оно дѣлается еще страшнѣе...

Въ этой картинѣ, если хотите, нѣтъ ничего изящнаго; колоритъ, письмо, живописность — все, что заставляетъ насъ не только забывать далеко некрасивыя формы пьяницъ Остада, Теньера и другихъ, а даже восхищаться

ими, несравненно слабѣе у Гогарта. Но зато здѣсь, не говоря уже о внутреннемъ содержаніи произведенія, нельзя довольно надивиться мастерству, съ какимъ передано выраженіе лицъ; оно съ перваго взгляда оставляетъ такое впечатлѣніе, такъ приковываетъ вниманіе, что поневолѣ забываешь о техническихъ красотахъ. Весьма можетъ быть справедливо, что Гогартъ отдавалъ черезчуръ много вниманія моральной сторонѣ своихъ произведеній, что кистью его слишкомъ часто водило исключительное желаніе срывать личину порока и пробуждать совѣсть въ порочныхъ; исправительная цѣль, конечно, менѣе всего идетъ къ предмету живописнаго искусства. Но надо также сказать, что въ этихъ обвиненіяхъ много преувеличеннаго; задняя мысль и цѣль не всегда обращаются у Гогарта неизбѣжно во вредъ чисто-художественнымъ достоинствамъ. Въ доказательство можно привести рядъ картинъ подъ общимъ названіемъ: „Модный бракъ“; онѣ отличаются бо́льшею тонкостію письма; первыя двѣ замѣчательны даже по колориту. Тѣ же качества бросаются въ глаза въ картинѣ, представляющей домашній театръ. Послѣдняя — во всѣхъ отношеніяхъ прелестное произведеніе. Здѣсь дѣти играютъ главную роль; три дѣвочки и одинъ мальчикъ стоятъ на сценѣ и съ комическою, миловидною важностью силятся проговорить свои роли какъ можно лучше; тутъ же, въ первомъ ряду зрителей, сидитъ еще дѣвочка; выраженіе ея лица—верхъ совершенства. Она выпрямилась, вытянулась, и такъ увлечена представленіемъ, что, кажется, вся душа ея переселилась на сцену; восторгъ блещетъ въ каждой чертѣ ея свѣженькаго личика; онъ тѣмъ сильнѣе и живѣе, что на сценѣ такія же дѣти, какъ она сама. Рѣдкая картина Гогарта не представляетъ дѣтей, и всѣ они, по бо́льшей части, прелестны. Что можетъ быть милѣе, напримѣръ, дѣвочки въ „Обѣдѣ на выборахъ“, которая такъ внимательно разсматриваетъ перстень на мизинцѣ важнаго господина, или группы дѣтей въ картинѣ „Негодующій музыкантъ“, которыя сажаютъ обломанныя вѣтви въ кучки песку и дѣлаютъ себѣ садикъ, или двухъ дѣвочекъ въ картинѣ „Утро“, которыя такъ тихо, такъ чинно идутъ въ школу, и которыхъ слѣдъ рисуется по снѣгу? Трудно сыскать также что-нибудь прелестнѣе мальчика, отдѣтаго въ трауръ и участвующаго въ „Похоронахъ потерянной женщины“: онъ въ томъ возрастѣ, когда не сознаютъ еще всего ужаса

смерти; онъ играетъ трещоткой, и во всемъ шествіи одинъ не лицемѣритъ.

Положимъ, Гогартъ ничего не дѣлаетъ случайно, по вдохновенію, какъ обвиняютъ его многіе; положимъ, самыя эти дѣти въ его картинахъ нарочно такъ хороши, чтобъ ярче выставились порочныя лица взрослыхъ людей, ихъ окружающихъ; но развѣ отъ того изображеніе дѣтей теряетъ въ художественномъ отношеніи? Удивляться одному внутреннему содержанію въ произведеніяхъ Гогарта, и отрицать въ нихъ всякое художественное достоинство, отрицать въ Гогартѣ всякое сочувствіе къ красотѣ и природѣ, такъ же несправедливо, какъ обвинять его безусловно въ суровомъ скептицизмѣ и озлобленіи по принципу противъ всего рода человѣческаго.

Въ первомъ случаѣ, кромѣ дѣтей, можно привести тѣ кроткіе, симпатическіе и вполнѣ художественные женскіе образы, которыя такъ часто производитъ кисть его; такова обольщенная дѣвушка, лицо которой проходитъ во всѣхъ картинахъ „Жизни распутнаго“; другая женщина, подруга героини въ картинѣ „Смерть погибшей женщины“ и т. д. Наконецъ, самые эти женскіе образы не поставлены ли здѣсь нарочно съ тѣмъ, чтобы насмѣшка и желчная сатира, такъ часто возбуждаемыя главнымъ сюжетомъ, не переходили въ душѣ зрителя въ ядовитое, безотрадное чувство презрѣнія и ненависти? Эти женскія фигуры поставлены здѣсь очевидно не для контраста, не изъ художественнаго расчета; онѣ здѣсь для того, чтобы распространить на все остальное духъ примиренія и любви, сообщить его зрителю.

Очень сожалѣю, что долженъ здѣсь остановиться. Картины Гогарта, хотя и отлично поддаются описанію, представляютъ однакожъ то неудобство, что онѣ рѣдко выставляютъ отдѣльный эпизодъ; сюжетомъ ихъ бываетъ по большей части цѣлая драма или жизнь человѣка, высказанная цѣлымъ рядомъ картинъ. Кромѣ богатства внутренняго содержанія, драмы эти представляютъ также полную картину англійскихъ нравовъ извѣстнаго времени; въ этомъ отношеніи Гогартъ не уступаетъ Смоллету и Фильдингу. У него ничтожная черта говоритъ иногда болѣе, чѣмъ цѣлыя страницы нравоописательнаго сатирическаго романа. Подробное описаніе картинъ Гогарта, даже только тѣхъ, которыя находились на выставкѣ, едва ли бы умѣстилось въ цѣломъ томѣ. Я уже тѣмъ дово-

ленъ, что хоть сколько-нибудь познакомилъ васъ съ общимъ характеромъ произведеній этого замѣчательнаго художника.

Гогартъ не оставилъ послѣ себя учениковъ; характеръ его таланта слишкомъ индивидуаленъ. Чтобъ идти по стопамъ Гогарта, не довольно было имѣть художественное дарованіе, — надо было имѣть глубину и складъ его ума. Къ тому же, самый этотъ родъ живописи возбуждалъ въ то время мало сочувствія; его считали низкимъ. Художники исключительно посвящали свою кисть миѳологіи, греческимъ и римскимъ героямъ. Не забудьте, что даже много лѣтъ спустя, въ концѣ XVIII столѣтія, во Франціи рѣшено было общимъ голосомъ выключить Грёза изъ академіи, какъ живописца, употребляющаго кисть на изображеніе предметовъ низкихъ и несовмѣстныхъ съ достоинствомъ искусства.

Между 1768 г. (годъ смерти Гогарта) и концомъ XVIII столѣтія, въ Англіи начинаютъ, однакожъ, появляться *жанристы*. На международной выставкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ произведеній Гогарта, находится картина: „Слѣпой нищій и его дочь"; имя художника—Опи (Opie). Тутъ же, неподалеку, выставлено нѣсколько картинъ Райта (Wright): „Дѣвочка и мальчикъ, пускающіе мыльные пузыри", „Дѣти, играющія мячикомъ", „Кузница", и прелестная картина Оуэна (Owen): „Дѣти съ кошкой". Въ этихъ произведеніяхъ, особенно въ „Слѣпомъ нищемъ", несмотря на явное желаніе подойти ближе къ природѣ, къ дѣйствительности, замѣтна еще нѣкоторая робость; художника все еще какъ будто пугаютъ лохмотья во всей ихъ правдивости; онъ смягчаетъ грубость ткани и умышленно облагораживаетъ складки. Еще немножко, нищій и его дочь превратились бы въ классическаго Эдипа, ведомаго Антигоной. Путь къ самому полному реализму былъ уже давно, однакожъ, проложенъ Гогартомъ, Генсборо въ его пейзажахъ, Констеблемъ, Морландомъ и другими пейзажистами прошлаго столѣтія. Но, какъ я уже замѣтилъ, одна изъ отличительныхъ чертъ англійской школы заключается въ томъ, что развитіе и успѣхъ живописи не представляютъ въ ней послѣдовательности: здѣсь самые оригинальные, самые яркіе таланты возникаютъ вдругъ, независимо одинъ отъ другого, совершенно сами собою. Такъ неожиданно за Опи, Райтомъ и Оуэномъ является вдругъ Давидъ Вильки (р. 1785, † 1841).

Собственно какъ живописецъ домашнихъ сценъ, Вильки стоитъ совершенно особо; ни по взгляду на искусство, ни по манерѣ и пріемамъ, онъ не имѣетъ ничего общаго съ предшественниками. Даромъ что картины его ограничиваются по большей части изображеніемъ народныхъ сценъ, представленныхъ со всевозможною *натуральною* правдивостью, онѣ не причисляются уже къ низкому роду; напротивъ, Вильки скоро дѣлается любимцемъ, баловнемъ публики; аристократія гордится имъ, какъ первымъ своимъ художникомъ; появленіе каждой его картины считается національнымъ событіемъ; о ней кричитъ заранѣе весь Лондонъ, и всѣ газеты ею заняты.

Вильки по преимуществу живописецъ домашняго очага, столь дорогого каждому англичанину. Поэзія скромнаго семейнаго быта съ его радостями и горемъ знакома ему въ совершенствѣ; переданная имъ на полотнѣ, она невольно увлекаетъ и трогаетъ зрителя, пробуждаетъ въ немъ самое теплое, сердечное чувство. Вильки точно такъ же юмористъ; но юморъ у него веселый, исполненный наивности и неисчерпаемаго добродушія. Между творцомъ „Погибшей женщины“, „Джина“, „Жизни распутнаго“ и Вильки — такая же разница, какъ между Гольдсмитомъ или Борнсомъ и Шекспиромъ, между Свифтомъ и мрачнымъ Мильтономъ. Комизмъ Вильки, если только онъ проявляется въ картинѣ, никогда не обращается во вредъ его героямъ. Стоитъ взглянуть на нихъ, чтобы сразу почувствовать къ нимъ сердечное влеченіе; точно вступаешь въ кругъ людей добродушно-веселыхъ и привѣтливыхъ. Сюжеты многихъ его картинъ невольно вызываютъ изъ памяти дорогія воспоминанія, испытанныя въ семьѣ родной или чужой, но, все равно, близкой къ сердцу.

На дворѣ густѣютъ сумерки; продрогнувъ на холодномъ вѣтрѣ, нетерпѣливо подъѣзаешь къ знакомому дому; яркій свѣтъ разгорѣвшейся печки освѣщаетъ прихожую; за ближайшею дверью раздаются знакомые голоса и дѣтскія восклицанія; тамъ происходитъ страшная суматоха; вся молодежь многочисленнаго семейства, включая маленькихъ дѣтей, многіе изъ молодыхъ близкихъ сосѣдей и сосѣдокъ, которыхъ, частію, привела сюда сердечная зазноба— все это поднялось на ноги; пока дѣдушка и бабушка отдыхаютъ и пока не подали еще свѣчекъ, всѣ сговорились воспользоваться дорогимъ временемъ и повеселиться; жмурки въ полномъ разгарѣ. Очередь завязать себѣ глаза вы-

пала на долю самому бойкому изъ молодыхъ людей; приподнявъ слегка голову, протянувъ руки, онъ то осторожно пробирается впередъ, то вдругъ стремительно бросается въ отдаленные углы пространной залы; всѣ бѣгутъ отъ него съ крикомъ и прячутся. Кто, застигнутый врасплохъ, вскочилъ на скамью и бережно крадется, придерживаясь руками за стѣну; кто жмется въ уголъ; мѣстами всѣ сбились въ кучку,—и, конечно, не обходится безъ того, чтобы кто-нибудь не пожалъ украдкой чью-нибудь хорошенькую ручку; мѣстами, все несется вразсыпную; дѣти, испуская пронзительные крики, катятся по полу или прячутъ голову въ юбки старшихъ сестеръ; стулъ валится; кошка, дремавшая подъ нимъ, летитъ со всѣхъ ногъ, распушивъ хвостъ; все скачетъ, тискается, несется, опрокидывая одинъ другого,— и надъ всѣмъ этимъ стоитъ неумолкаемый шумъ восклицаній и веселаго смѣха... Такова картина Вильки „Жмурки“. Прелесть подобныхъ сценъ, выраженныхъ умною граціозною композиціей и оживленныхъ красками, не ограничиваетъ собою таланта Вильки; не этимъ однимъ заслужилъ онъ такую любовь и популярность; поэзія и задушевное чувство, заключенныя въ его произведеніяхъ, идутъ параллельно высокимъ художественнымъ достоинствамъ; какъ техникъ, какъ живописецъ, онъ такъ же высокъ, какъ и поэтъ. Превосходныя гравюры Рембаха, очень вѣрно передающія произведенія Вильки, все-таки далеко недостаточны для оцѣнки этого мастера; насколько картины Гогарта выигрываютъ въ гравюрѣ, настолько же гравюра невыгодна для картинъ Вильки, отличающихся высокими качествами письма и колорита. Манера Вильки необыкновенно разнообразна; не изучивъ основательно его произведеній, рискуешь на каждомъ шагу ошибиться.

Нѣкоторыя картины, по колориту, близко напоминаютъ Исаака Остада: тотъ же густой янтарный тонъ, который возвышается сильными тѣнями; письмо, между тѣмъ, такъ же смачно и отчетливо, какъ въ лучшихъ произведеніяхъ Адріана Остада. Въ легчайшемъ прикосновеніи кисти нѣтъ ничего случайнаго; мельчайшая блестка свѣта на лицахъ, рукахъ или аксессуарѣ показываетъ умъ, и сдѣлана не ради эффекта, но чтобы подойти ближе къ натурѣ, чтобы придать тѣлу или физіономіи еще больше жизненной правды и выраженія. Такъ написаны картины „Жмурки“ и „Сельскій праздникъ“ — одно изъ лучшихъ

его произведеній. Неподалеку, подъ № 276, небольшая картинка: „Общинный сторожъ“; на ней представленъ старый, но еще крѣпкій, коренастый служитель общины, ревностный исполнитель своего долга, гроза всѣхъ браконьеровъ околотка; онъ привелъ къ дверямъ сельскаго правленія бѣдное цыганское семейство, захваченное въ сосѣднемъ лѣсу съ охапками валежника; этотъ сторожъ— второй экземпляръ мистера Бумбля, изъ романа „Оливеръ Твистъ“ Диккенса. Стоитъ взглянуть на полное, откормленное лицо его, раскраснѣвшееся отъ скорой ходьбы, внутренняго самодовольствія и частаго употребленія джина и портера, чтобы понять, что отъ такого человѣка нечего ждать пощады; просьбы оборваннаго цыгана, стоящаго тутъ съ блѣднымъ перепуганнымъ лицомъ, слезы его жены и дѣтей не тронутъ блюстителя порядка: онъ вцѣпился въ своихъ жертвъ какъ ястребъ, и не выпуститъ ихъ изъ когтей. Эта небольшая картина, въ которой каждое движеніе, каждая черта трепещетъ жизнію, исполнена опять другимъ образомъ, чѣмъ предыдущія. Свѣтлыя части отливаютъ серебромъ, какъ у Тербурга; краски наложены густо; несмотря на небольшой масштабъ фигуръ, головы и ручки выбраны планами, какъ у Метцю. По манерѣ письма, „Деревенскіе политики“ представляютъ опять другое; точно Теньеръ приложилъ тутъ руку въ лучшія свои минуты; та же быстрая, легкая кисть, и между тѣмъ нѣтъ такой крапинки, которая не оправдывалась бы необходимостью и казалась бы неоконченною.

При всемъ уваженіи моемъ и любви къ старымъ мастерамъ Голландіи, долженъ сказать, однакожъ, что если бы дали мнѣ выбирать между любою таверной Теньера и „Деревенскими политиками“ Вильки, я не задумываясь взялъ бы эту послѣднюю картину. Не уступая тавернамъ Теньера ни по письму, ни по живописности, картина Вильки (дѣйствіе происходитъ здѣсь также въ тавернѣ) беретъ перевѣсъ надъ первыми своею умственною и жизненною стороной. Нельзя не согласиться, что Теньера мало занимаетъ личность его героевъ; въ обширныхъ композиціяхъ они играютъ, большею частію, пассивную роль; поставленныя ли отдѣльно, или связанныя группами, фигуры его, несмотря на всю ихъ правдивость, приняты художникомъ скорѣе какъ единицы, чѣмъ какъ дѣйствующія лица, одушевленныя каждое своимъ характеромъ и темпераментомъ. Глядя на картины Теньера,

можно только собирательно говорить о лицахъ. Скажешь: какъ здѣсь люди веселятся, какъ лихо они пьютъ и курятъ! Любая фигура, оторванная отъ общаго дѣйствія, сама по себѣ ничего не скажетъ въ пользу или во вредъ своей личности; это статисты, разставленные въ картинѣ ради общаго живописнаго эффекта. Въ картинахъ своихъ Теньеръ изображаетъ только внѣшность; въ человѣческой драмѣ онъ видитъ только картинный эффектъ. Изображаетъ ли онъ борьбу, — его болѣе занимаетъ случай поставить интересную комическую группу, чѣмъ самые люди; выставляетъ ли онъ уединенную лабораторію ученаго алхимика или келью философа, его очевидно болѣе увлекаетъ счастливое сочетаніе склянокъ и фоліантовъ, лучъ свѣта, чѣмъ самое лицо, составляющее предметъ картины. У Вильки не такъ; у него фигуры не аксессуаръ, не пятно; оторвите любую фигуру изъ общаго дѣйствія—она будетъ интересна какъ живая личность.

Изъ того, что я сказалъ о сходствѣ пріемовъ и колорита Вильки съ пріемами и колоритомъ Остадовъ, Теньера, Тербурга и Метцю, — не слѣдуетъ заключать, чтобъ онъ подражалъ имъ; нѣтъ такого произведенія Вильки, глядя на которое вы могли бы сказать: „Это напоминаетъ Теньера, Метцю“ и пр. При всемъ разнообразіи своей манеры, Вильки прежде всего похожъ на самого себя. Нѣтъ сомнѣнія, онъ много изучалъ старыхъ мастеровъ Голландіи; но сила природнаго таланта переработала все по-своему и ни на волосъ не утратила своей самобытности. Глядя на его произведенія, нельзя ошибиться въ ихъ англійскомъ происхожденіи; они насквозь проникнуты духомъ національности; перенесите въ картину любой школы послѣднее незамѣтное лицо картины Вильки,— оно будетъ рѣзко отдѣляться своимъ типомъ отъ всего остального; вы безошибочно скажете, что сюда затесался англичанинъ.

Вильки произвелъ очень много. Онъ пробовалъ себя въ разныхъ родахъ. Нельзя не удивляться и внутренно не досадовать, видя такую неувѣренность художника въ своемъ призваніи. Зачѣмъ было ему писать такъ много итальянскихъ и испанскихъ сценъ? Что могло заставить его употребить кисть хоть бы, напримѣръ, на изображеніе этихъ двухъ нимфъ, срывающихъ виноградъ (№ 256)? Припоминая обаятельное дѣйствіе его національныхъ произведеній, поневолѣ скажешь, что онъ тутъ попусту тратилъ время. Всѣ эти картины, если хотите, прекрасно

написаны, отличаются мастерскимъ рисункомъ, блещутъ колоритомъ; многія такъ драгоцѣнны, что владѣльцы рѣшились выставить ихъ только подъ прикрытіемъ стекла; при всемъ томъ, разсматривая ихъ, невольно ищешь глазами, нѣтъ ли еще по близости чего-нибудь въ родѣ „Жмурокъ“, или „Общиннаго сторожа“, или „Деревенскихъ политиковъ“. Не странно ли, что иногда нѣсколько фигуръ, не отличающихся красотою типа, — фигуръ, ежеминутно встрѣчаемыхъ на улицѣ и занимающихся самымъ прозаическимъ ремесломъ или хозяйственнымъ дѣломъ, — пробуждаютъ въ высшей степени любопытство и заставляютъ сладко задумываться, тогда какъ, повидимому, интереснѣйшій эпизодъ и героическія личности, — даже искусно выполненныя, — оставляютъ зрителя совершенно равнодушнымъ?

Впечатлѣніе этого рода приходится испытывать передъ тѣми или другими картинами Вильки. Все дѣло въ томъ, сколько мнѣ кажется, что въ первомъ случаѣ, то-есть въ картинахъ національнаго содержанія, между Вильки и самимъ предметомъ картины существуетъ близкая внутренняя связь, чего не было когда онъ бралъ иноземные или героическіе сюжеты. Послѣдніе поражали воображеніе только своею внѣшнею стороной; только эта внѣшняя сторона и вышла въ картинахъ этого рода. Напрасно старается онъ пополнить ее, придумывая интересныя положенія своимъ лицамъ: они все-таки отзываются сочиненіемъ и никого не трогаютъ. Во второмъ случаѣ, онъ приступаетъ къ своимъ героямъ безо всякой напряженности и насилія воображенія: онъ словно пишетъ портреты близкихъ любимыхъ родственниковъ; съ ними онъ какъ посреди родной семьи; онъ живо сочувствуетъ ихъ интересамъ и обычаю. Не только лица, но ихъ жилища, самые предметы, ихъ окружающіе, вся домашняя обстановка въ совершенствѣ знакомы ему и близки его сердцу. Воодушевляемый любовью къ своимъ героямъ, онъ относится къ нимъ искренно, сердечно; невольно вноситъ онъ въ произведеніе часть самого себя, свое сердце и душу. Только присутствіе того и другого объясняетъ, почему иногда картина, часто лишенная внѣшнихъ блестящихъ красотъ, имѣетъ тѣмъ не менѣе силу приковывать къ себѣ зрителя. Искренность внутренняго чувства, положеннаго художникомъ въ произведеніе, всегда инстинктивно чувствуется и выше всего цѣнится въ произведеніи живописнаго искусства;

его не замѣнятъ ни умъ, ни даже красота внѣшнихъ формъ. На выставкѣ легче всего было судить о впечатлѣніи того или другого произведенія на публику. Толпа часто показываетъ себя невѣждою во всемъ, что̀ касается оцѣнки частностей художественнаго произведенія; но ею управляетъ почти всегда вѣрное чутье. Такъ, на международной выставкѣ можно было безъ всякаго затрудненія любоваться картинами Вильки: „Пилигримы и Пифферари, поющіе гимнъ передъ Мадонной“, „Католическая исповѣдная“, „Принцесса Дорія, обмывающая ноги пилигримовъ“ и проч., и не было почти никакой возможности пробраться къ картинамъ, изображающимъ сцены изъ домашняго англійскаго быта. Приходя на выставку спеціально для англійской школы и всегда стараясь заглянуть на работы Вильки, мнѣ, помнится, только на второй день удалось взглянуть на его картину: „Рекомендательное письмо“. Молодой деревенскій парень пришелъ наниматься въ батраки къ старому фермеру. Старикъ, прочитавъ письмо, погрузился въ кресло, поднялъ очки на лобъ и внимательно разсматриваетъ вошедшаго. Страшная минута! Судьба молодого дѣтины зависитъ отъ этого перваго впечатлѣнія; онъ ясно чувствуетъ это; стараясь выказать себя какъ можно болѣе съ выгодной стороны, онъ пучитъ грудь, хочетъ похвастать своею ловкостью, силою и проворствомъ; но вотъ бѣда: домашняя собака, свирѣпаго вида, словно раздѣляя недовѣріе и заботливость хозяина, подошла къ незнакомцу и пытливо обнюхиваетъ его; неувѣренный въ ея гостепріимныхъ свойствахъ, парень поневолѣ теряетъ присутствіе духа; онъ пятится, опускаетъ голову, отодвигаетъ ногу, жмется,—и увы!—самъ видитъ, какъ много теряетъ своей молодцоватости въ глазахъ будущаго хозяина. Какъ видите, ничего нѣтъ особенно замысловатаго; но все дышитъ здѣсь такою жизнью, такою правдой, что, кажется, видишь передъ собою живыхъ людей; такъ и тянетъ крикнуть старому фермеру: „Наймите же его скорѣе, не томите его больше; онъ, право, славный малый и добрый батракъ!“

Не могу вамъ сказать, кто были ученики Вильки; не знаю даже, были ли они у него. Во всякомъ случаѣ, разсматривая со всевозможнымъ вниманіемъ многочисленныя картины *жанра* на выставкахъ Лондона, я не замѣтилъ ни одной, которая бы въ какомъ-нибудь отношеніи близко напоминала вліяніе этого мастера.

Такое несходство, конечно, приводится мною не въ укоръ современнымъ художникамъ Англіи; совсѣмъ напротивъ: нѣкоторые изъ нихъ такъ высоко стоятъ въ искусствѣ и такъ оригинальны, что имъ нечего подражать и завидовать кому бы то ни было. Изъ этого слѣдуетъ только заключить о страшномъ богатствѣ здѣшнихъ талантовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о ихъ безкопечномъ разнообразіи. Не говорю уже о двухъ современныхъ живописцахъ, Мюльреди и Фритѣ, теперь первыхъ представителяхъ этого рода: находясь въ художественномъ отношеніи почти на одной высотѣ съ Вильки, они не имѣютъ съ нимъ ничего общаго, точно такъ же какъ не похожи другъ на друга; но даже въ произведеніяхъ остальныхъ живописцевъ, занимающихъ болѣе скромное мѣсто или не успѣвшихъ еще прославиться, явно проглядываетъ то же стремленіе дѣлать свое, никому не подражая.

Англійскіе художники привлекаютъ вниманіе еще другою особенностью, повидимому, имъ только свойственною. Стоитъ увидать два-три произведенія извѣстнаго мастера любой европейской школы, чтобъ ознакомиться съ его манерой и потомъ безошибочно отличать его картины между другими; выработавъ себѣ извѣстный типъ и пріемы, почти каждый художникъ считаетъ себя уже достигшимъ крайняго предѣла,—если не искусства, то своей цѣли; при всемъ разнообразіи мотивовъ композиціи, которые у иныхъ точно такъ же укладываются иногда въ извѣстную форму,—манера, стиль, пріемы остаются неизмѣнно тѣ же; одна картина служитъ повтореніемъ другой. Англійскіе живописцы не такъ легко удовлетворяются сами собою. Я уже замѣтилъ эту черту у Вильки; но она бросается въ глаза въ произведеніяхъ всей школы. Часто, остановившись передъ нѣсколькими картинами, вы, при всей вашей опытности, припишете ихъ разнымъ мастерамъ, между тѣмъ какъ онѣ исполнены однимъ и тѣмъ же художникомъ. Отсюда-то и выходитъ это страшное разнообразіе, которое такъ поражаетъ въ собраніи картинъ британской школы.

Такъ, напримѣръ, „Сцены изъ Декамерона“ Пуля (P. F. Poole) положительно не имѣютъ ничего общаго съ его „Царицей цыганокъ“, находящейся на выставкѣ Королевской академіи. Первая представляетъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, сидящихъ группами посреди роскошнаго лѣсистаго пейзажа, на берегу озера; здѣсь краски

наложены густо и смѣло; цвѣта и тоны, составленные какъ бы заранѣе на палитрѣ, прямо перешли на полотно; нигдѣ не замѣтно присутствія столь употребительныхъ фокусовъ; колоритъ такъ же блестящъ и свѣжъ, какъ если бы на полотно высыпанъ былъ цѣлый ларецъ драгоцѣнныхъ камней. Вторая картина изображаетъ сидящую молоденькую цыганку, съ веселымъ лицомъ, сверкающими зубами, придерживающую на мизинцѣ сороку и одѣтую въ восточный фантастическій костюмъ; здѣсь художникъ хотѣлъ, кажется, поспорить тонкостію кисти съ Тербургомъ: тѣло, выполированное какъ слоновая кость, показываетъ трудъ неимовѣрный; на всемъ присутствіе бережной тщательной лесировки; контуръ главной фигуры и аксессуаръ рѣзко выдѣляются на свѣтломъ фонѣ нѣжнаго янтарнаго тона. Третья картина его, „Переходъ въ бродъ“,—опять другое. Тутъ дѣвочка переходитъ ручей съ мальчикомъ, который вскарабкался на ея спину и обхватилъ ручонками ея шею. Контуръ повсюду обвѣянъ словно паромъ; все писано какъ будто пушистою кистью и вдобавокъ сухими красками, безъ капли масла. Краски слиты, спутаны; одинъ цвѣтъ притертъ другимъ. Вся эта путаница сливается, однакожъ, въ общій чрезвычайно гармоническій серебристый тонъ, какой встрѣчается иногда на днѣ морскихъ раковинъ. Головки дѣвочки и мальчика, съ волосами, развѣвающимися по вѣтру, съ щеками, разрумяненными свѣжестію воздуха, тронуты съ необыкновеннымъ вкусомъ. Тонъ влажнаго, сѣро-голубоватаго неба такъ вѣренъ природѣ, такъ далеко уходитъ въ неизмѣримую глубь, что обѣ фигуры совершенно выдѣляются изъ полотна и кажутся живыми.

Одна изъ особенностей англійскихъ жанристовъ,—особенность, которая точно такъ же бросается въ глаза, состоитъ въ томъ, что въ картинахъ ихъ чуть ли не главную роль играютъ всегда дѣти. Въ этомъ случаѣ, живопись идетъ объ руку съ тою литературой Англіи, предметъ которой—описаніе нравовъ. Здѣсь точно такъ же дѣти почти всегда выступаютъ на сцену, нерѣдко даже являются главными героями романа; вспомните только Диккенса, вспомните его Оливера Твиста, маленькаго Павла въ Домби, крошку Доррить, Копперфильда, его Святочные разсказы и проч. Если литература представляетъ болѣе или менѣе вѣрный сколокъ жизни, стремленій, характеровъ и вкусовъ страны, живопись „жанръ“

въ Англіи идетъ въ этомъ отношеніи наперебой съ литературой. Здѣсь точно такъ же любимымъ предметомъ служитъ изображеніе семейнаго быта; отсюда въ картинахъ такое множество дѣтей, которыя изображаются англійскими художниками съ особенною любовью. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ. Недаромъ только въ Англіи встрѣчаешь на афишахъ народныхъ театровъ заключительную строку, которая какъ бы служитъ лучшею приманкой для публики; въ заключеніе пьесы будетъ представлено, говоритъ афиша: „Magical and distant view of the Happy Family!!!...“ то-есть: волшебная картина, изображающая счастливое семейство. Недавно еще въ Лондонѣ, на театрѣ Адельфи, французская труппа давала пантомиму; въ одной сценѣ Пьеро пришлось исполнять роль заботливой матери и кормить ребенка; парижскій актеръ, игравшій Пьеро, думая посмѣшить публику, нѣсколько разъ подносилъ ложку съ кашей ребенку, но съ тѣмъ, чтобъ отправить ее въ собственный ротъ; въ партерѣ тотчасъ же послышалось ворчанье; одинъ матросъ всталъ и прокричалъ громовымъ голосомъ: „Damn son of a ditch!“ (Чортъ тебя побери, собачій сынъ!). „Вонъ, вонъ!“ закричали другіе. Пьеро, справедливо опасаясь града картофелю, побѣжалъ за кулисы. „Что вы дѣлаете? сказалъ ему директоръ,—развѣ вы не видите, публика не хочетъ, чтобы вы смѣялись надъ ребенкомъ и обижали его. Ступайте скорѣе на сцену и показывайте видъ, что кормите его до-сыта!“ Пьеро въ точности исполнилъ совѣтъ, и это мгновенно вызвало страшные аплодисменты.

Этому чувству домашняго очага, которое раздѣляетъ вся нація, а не матеріализму и недостатку чувства изящнаго, какъ думаютъ иные, надо приписать въ Англіи такое множество живописцевъ домашнихъ сценъ и, сравнительно, такое незначительное число историческихъ живописцевъ. На сто картинъ британской школы, по крайней мѣрѣ восемьдесятъ будутъ изображать сцены изъ домашней жизни; изъ ихъ числа вѣрно наберется шестьдесятъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами будутъ дѣти. Въ доказательство этого, мимо картинъ Мюльреди, о которыхъ скажу ниже, приведу наобумъ нѣсколько произведеній самыхъ замѣчательныхъ здѣшнихъ жанристовъ. Уже самое названіе картинъ достаточно покажетъ, въ чемъ дѣло. Смита—„Дѣтскій завтракъ“, Кларка—„Больной ребенокъ“, Смирка—„Играющія дѣти“, Гудала—„Пер-

венецъ-новорожденный", Гала—„Маленькая бабушка", Бостона—„Молитва дѣдушки передъ обѣдомъ", Каррика—„Домъ и его сокровища" (отецъ и дѣдъ только что воротились съ работы; каминъ топится; столъ накрытъ; куча маленькихъ дѣтей бросается навстрѣчу вошедшимъ), Добсона—„Дѣти на ярмаркѣ", Горслея—„Возвращеніе няни", Мочельза—„Мамаши нѣтъ дома", Феда (Faed)—„Катерина Никльби" и „Новая война для стараго солдата" (на послѣдней, старый инвалидъ усѣлся за столъ, окруженный дѣтьми, и играетъ съ ними въ оловянные солдаты), Гука—„Прибой" (группа дѣтей на носу рыбацкой лодки; они выбиваются изъ силъ, чтобы забросить веревку и пристать къ берегу), и т. д.

Несмотря на то, что я назвалъ здѣсь только тѣ произведенія, которыя отмѣчены истинными художественными достоинствами, между ними все-таки ярко выступаютъ картины Вильяма Коллинса и Вебстера. Мимо прелести исполненія, талантъ обоихъ этихъ художниковъ возвышается еще необыкновенною граціей композиціи и присутствіемъ чего-то особенно поэтическаго.

Вильямъ Коллинсъ (р. 1788, † 1847)—такой же превосходный маринистъ и пейзажистъ, какъ живописецъ домашнихъ сценъ. Его картины часто представляютъ соединеніе всѣхъ этихъ трехъ родовъ. Его нельзя назвать чистымъ реалистомъ; ища правды, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старается отыскать въ природѣ только то, что̀ благородно и что̀ оправдывается самымъ тонкимъ вкусомъ; онъ врагъ всякой искусственности и преувеличенія. Какъ колористъ, онъ скорѣе ищетъ гармоніи въ общемъ, чѣмъ желаетъ удивить эффектами или блескомъ красокъ. Какъ поэтъ, онъ преимущественно обращается къ мирнымъ сельскимъ сценамъ; любимый предметъ его—дѣти и природа въ ея спокойствіи. „Морозное утро послѣ бури", „Уженье", „Утреннее купанье", „Игра въ кегли", „Дѣти съ птичьимъ гнѣздомъ", „Продажа любимаго ягненка" (гравирована два раза, и каждый разъ отпечатана въ числѣ 15,000 экземпляровъ, которые были раскуплены немедленно по изданіи въ свѣтъ), „Деревенская учтивость",—вотъ обычные его сюжеты. Послѣдняя представляетъ дорогу посреди тучнаго зеленѣющаго пейзажа, облитаго полуденнымъ солнцемъ; кое-гдѣ, въ глубинѣ, показываются черепичныя кровли фермъ; дорога запирается околицей, подлѣ которой играли дѣти; увидавъ всадника (его

нѣтъ на картинѣ, но тѣнь его и лошади отпечатываются на дорогѣ), дѣти бросились къ околицѣ и отворили ее настежь; мальчикъ лѣтъ восьми, старшій изъ группы, прислонился къ околицѣ, приставилъ ладонь ко лбу, чтобы защитить глаза отъ солнца, и, улыбаясь, смотритъ на подъѣзжающаго, между тѣмъ какъ маленькіе братья и сестры, попрятавшись за его спиной, лукаво выглядываютъ изъ-за своей засады. Трудно представить себѣ что-нибудь милѣе, наивнѣе этихъ дѣтскихъ головокъ. Пейзажъ самъ по себѣ—верхъ совершенства.

Талантъ Т. Вебстера не такъ разностороненъ. Онъ слабѣе Коллинса въ пейзажѣ и не пишетъ морскихъ видовъ; но недостатокъ этотъ выкупается у него тѣмъ, что картины его, между произведеніями многихъ, весьма даровитыхъ художниковъ, невольно останавливаютъ вниманіе своимъ интимно-національнымъ характеромъ. У Вебстера, кромѣ того, больше движенія, чѣмъ у Коллинса. Насколько послѣдній любитъ задумчивость и спокойствіе въ маленькихъ своихъ герояхъ, настолько первый заставляетъ своихъ дѣтей прыгать, скакать и рѣзвиться. Какъ бы сознавая безсиліе свое въ пейзажѣ, онъ обращаетъ большую наблюдательность на мелкіе домашніе аксессуары, которые придаютъ всегда столько живописности самой неказистой избушкѣ. Бочки, посуда, плошки, бутылки, мѣдные тазы, кастрюли, вылуженныя оловомъ, исполнены у него съ такимъ же тщаніемъ, какъ у тончайшихъ голландскихъ мастеровъ. Это можно видѣть въ картинахъ его: „Маленькая продавщица вишенъ“ и „Противные вѣтры“. Послѣдняя удивительно мила: передъ вами внутренность бѣдной рыбацкой лачуги съ окномъ, у котораго старушка вяжетъ чулокъ; посреди старый столъ; на немъ мѣдный тазъ съ водою; его окружаетъ цѣлая гирлянда ребятишекъ; тискаясь одинъ на другого, они дуютъ изо всѣхъ силъ на маленькую деревянную лодочку съ бумажнымъ парусомъ.

Картина „Хоры сельской церкви“ ставитъ Вебстера на ряду съ первоклассныйшими жанристами Европы—Кнаусомъ, Деканомъ, Жерономъ и Лейсонъ. Крестьяне всѣхъ возрастовъ, мужчины и женщины, расположились на темныхъ дубовыхъ хорахъ, кто съ флейтой, кто съ віолончелемъ, кто просто съ нотами въ рукахъ; они поютъ псалмы подъ звуки органа. Но дѣло здѣсь, какъ увидите, не въ сюжетѣ.

Раза три или четыре привелось мнѣ встрѣтить тотъ же сюжетъ, исполненный хорошими живописцами Франціи и Бельгіи. Эти картины, помнится, всегда производили на меня одинаковое впечатлѣніе; изображенныя на нихъ фигуры и лица, силящіяся выводить высокія ноты или выражающія наивное смущеніе, когда голосъ неожиданно обрывается на самомъ патетическомъ мѣстѣ, казались очень забавными—и только. У Вебстера выходитъ иначе: держась натуры, не отступая ни на волосъ отъ правды, не идеализируя ни чертъ лица, ни характера головъ, онъ между тѣмъ придалъ всѣмъ своимъ лицамъ выраженіе такого искренняго, серьезно-религіознаго чувства, что въ голову не придетъ посмѣяться надъ ними. Въ его картинѣ, чѣмъ менѣе иногда интересна наружность, тѣмъ она симпатичнѣе по чувству, на ней выраженному. Беззубый, дряхлый старикъ, у котораго сорвалась нота отъ чрезмѣрнаго усердія, выражаетъ столько смущенія и внутренняго недовольства собою, что его искренно жаль; чувство это раздѣляютъ, повидимому, его сосѣди; только одна молоденькая дѣвушка украдкой повела глаза въ его сторону и едва замѣтно улыбнулась. Нужно много таланта, чтобы заставить, такимъ образомъ, душевное чувство такъ сильно торжествовать надъ внѣшнею формой.

Изъ огромнаго числа англійскихъ жанристовъ особенною извѣстностью пользуются Фритъ и Мюльреди.

Произведенія того и другого, разсыпанныя по разнымъ выставкамъ Лондона, оправдываютъ, какъ нельзя болѣе, такую популярность; вообще говоря, она никогда даромъ не достается. Несмотря на то, что Фритъ и Мюльреди занимаются однимъ и тѣмъ же родомъ и, сверхъ того, оба могутъ быть причислены къ реалистамъ, — въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего общаго. Не говоря о разницѣ въ техническомъ отношеніи, Мюльреди больше поэтъ, тогда какъ Фритъ чисто матеріалистъ, съ легкимъ оттѣнкомъ юмориста. Оба въ одинаковой степени обращаютъ вниманіе на ту сторону искусства, которая, сколько кажется, составляетъ одну изъ главныхъ задачъ современныхъ художниковъ Англіи. Задача эта, какъ вы, я думаю, уже замѣтили, состоитъ въ изученіи человѣческой физіономіи и передачѣ на ней страстей и внутреннихъ душевныхъ движеній. У Фрита и Мюльреди очень часто встрѣчаются самыя простыя, незамысловатыя фигуры, несвязанныя ни съ какимъ драматическимъ дѣйствіемъ; до-

статочно однакожъ всмотрѣться въ нихъ, чтобы тотчасъ же ознакомиться съ нравственнымъ характеромъ этихъ лицъ, сказать, приблизительно, о чемъ можетъ думать такое-то лицо, чего оно ищетъ и чего желаетъ. Такая поразительная сила индивидуальности встрѣчается развѣ только въ портретахъ Рембрандта. Замѣтьте, однакожъ, здѣсь дѣло не въ портретахъ; здѣсь лица принимаютъ то выраженіе, которое преднамѣренно хотѣлъ дать имъ художникъ; здѣсь, слѣдовательно, являются они уже какъ созданіе, а не какъ копія, оживленная талантомъ живописца. Характеръ обоихъ художниковъ всего лучше будетъ виденъ изъ ихъ произведеній.

Небольшая картина Мюльреди „Воспитаніе ребенка“ представляетъ аллею въ отдаленной части парка. Двѣ лэди и хорошенькая, бѣлокурая дѣвочка лѣтъ семи случайно встрѣтились съ группою цыганъ, старухой и двумя мужчинами, которые расположились отдохнуть на краю дороги. Неожиданность этой встрѣчи испугала ребенка. Старая цыганка, со всклоченными сѣдыми волосами и покрытая лохмотьями—совершеннѣйшій типъ вѣдьмы; ея оборванные товарищи также не внушаютъ большого довѣрія. Старшая дама, мать дѣвочки, желая прежде всего побѣдить страхъ въ ней, дала ей монету и велѣла пойти къ цыганамъ и подать имъ милостыню. Дѣвочка повинуется, хотя ей, очевидно, куда какъ жутко оторваться въ эту минуту отъ юбки матери! Раскрывъ глаза, въ которыхъ навертываются слезы, поджавъ нижнюю губку, она робко, какъ-то бочкомъ, выступаетъ впередъ, и боязливо, кончиками тоненькихъ дрожащихъ пальчиковъ, кладетъ монету въ морщинистую ладонь старой цыганки. Борьба между желаніемъ угодить матери и страхомъ выражена на этомъ маленькомъ личикѣ съ такимъ талантомъ, такъ явно выказывается въ самыхъ неуловимыхъ движеніяхъ ребенка, что дальше, кажется, не можетъ идти мимическое чувство въ живописи. Прибавьте къ этому прелесть остальныхъ головъ, дикую энергичность цыганской группы, живописность которой усиливается отъ контраста съ граціозными нѣжными дамами; прибавьте поэтическое расположеніе ландшафта, силу колорита и необычайную тонкость кисти.

Въ послѣднемъ отношеніи трудно, впрочемъ, вообразить что-нибудь совершеннѣе другой картины того же художника: „Купающіяся“. Молоденькая женщина съ рос-

кошными волосами, которые разсыпаются по плечамъ и груди, какъ золотой шелкъ, сидитъ, подогнувъ одну ногу подъ другую, въ глухой чащѣ лѣса, на берегу ручья, окаймленнаго высокимъ берегомъ; мохъ, трава и цвѣты спускаются къ водѣ, сквозь которую просвѣчиваетъ обнаженная розовая ножка и песчаное дно, усыпанное мелкими раковинами. Женщина только что вышла изъ воды; мѣстами, на ея тѣлѣ, нѣжномъ какъ лилія, проступаютъ розовые тоны свѣжести; мѣстами на немъ серебрится влага, какъ на листьяхъ цвѣтка послѣ росы; сквозь тонкую ткань кожи, неуловимыми оттѣнками, сквозятъ кое-гдѣ голубоватыя вены. Нужно много вниманія, чтобъ удостовѣриться, что передъ вами не тончайшая миніатюрная работа на кости, но картина, писанная точно такъ же, какъ и другія, масляными красками, и вдобавокъ, писанная необыкновенно просто, безъ всякихъ притираній, лесировокъ и другихъ фокусовъ. За первою фигурой молоденькая дѣвушка выскакиваетъ изъ воды, съ видомъ испуганной газели; еще дальше, третья принимаетъ одежду отъ женщины, стоящей на уступѣ, съ ребенкомъ на рукахъ. Въ глубинѣ чащи, позолоченной солнцемъ, пасутся ослы; лучезарное небо, слегка умягченное пушистыми облачками, кротко улыбается этой граціозной композиціи, исполненной той простоты и спокойствія, которыя передаются душѣ, оставляя въ ней только мирное эстетическое чувство.

Не могу утерпѣть, чтобы не описать вамъ еще одной картины Мюльреди. Хотя ея нѣтъ на выставкѣ (она составляетъ собственность королевы), но она служитъ самымъ полнымъ выраженіемъ таланта мастера. Картина названа: „Волкъ и ягненокъ“. Роль ягненка исполняетъ здѣсь бѣлокурый, робкій и слабый мальчуганъ, одинъ изъ тѣхъ типовъ, которые обречены въ школѣ, со стороны товарищей, всѣмъ возможнымъ преслѣдованіямъ, толчкамъ и щелчкамъ; сумка съ аспидною доской и тетрадями, войлочная сѣрая шляпа, опутанная чернымъ крепомъ, бѣдная одежда, протертая отъ долгаго употребленія, дорисовываютъ его фигуру. Передъ нимъ, въ торжествующей, наступательной позѣ, остановился его товарищъ, коренастый, приземистый мальчишка, съ грубыми, бойкими чертами лица, низенькимъ лбомъ, вздернутымъ носомъ и вихрами на смуглой головѣ. Это одинъ изъ тѣхъ неукротимыхъ мальчишекъ, которыхъ безпощадно колотятъ дома

и сѣкутъ въ школѣ и которымъ все нипочемъ. Глядя на него, невольно тянетъ предречь ему худой конецъ. Онъ бросилъ на-земь свою мѣховую шапку и классные доспѣхи, чтобъ они не стѣсняли его движеній. Что подало поводъ къ его негодованію? Не жаловался ли на него учителю его противникъ, или не уличилъ ли его въ какой-нибудь плутнѣ? Онъ, впрочемъ, объ этомъ, кажется, мало заботится; онъ радъ только встрѣчѣ, радъ случаю расправить кулаки и испытать силу надъ рохлей и кислякомъ-товарищемъ. Нижняя губа его презрительно выдвинулась впередъ, брови скрещиваются у переносицы, ноздри дрожатъ, зрачки смотрятъ съ угрозой; желтый жилетъ, съ котораго соскочили пуговицы, и встрепанная рубашонка открываютъ коротенькую грудь, выпученную какъ у боксера. Еще секунда — и поднятые кулаки его посыплются на бѣлокураго мальчика. Этотъ послѣдній окончательно растерялся, поджалъ ногу, сталъ бокомъ и боязливо защищается локтемъ. Свидѣтелями этой сцены шершавая собачонка, которая силится своимъ лаемъ призвать когонибудь на помощь, и еще четырехлѣтній ребенокъ, который совсѣмъ замеръ отъ страха: онъ, безъ сомнѣнія, пустился бы въ бѣгство, если бы не мѣшали ему длинный фартукъ и огромная старая женская шляпа, которая въ Англіи часто служитъ покрышкой дѣтямъ простыхъ классовъ. Крикъ ребенка и лай собаки раздались однакожъ не даромъ; старушка, спускающаяся съ лѣстницы, спѣшитъ, кажется, на выручку. Эти два мальчика въ картинѣ осуществляютъ два характера; никакой анализъ не могъ бы опредѣлить съ такою полнотой ихъ типичность, какъ сдѣлали это нѣсколько ударовъ кисти. Картина, кромѣ того, такъ локальна, такъ проникнута духомъ національности, что знакомитъ зрителя съ извѣстною стороной англійскаго быта не хуже Диккенсова романа. Аксессуары безподобны; они такъ же характерны, какъ и самыя лица; они дополняютъ впечатлѣніе: дверь загородки, украшенная мѣдною дощечкой, кусты бузины, покрытые цвѣтомъ и выглядывающіе черезъ заборъ; стѣны, выложенныя тонкимъ кирпичомъ съ голубоватою лазурью, клѣтка съ птицей надъ наружнымъ косякомъ двери, розовыя черепичныя кровли въ отдаленіи, блѣдная зелень тополей, которые рисуются частію на закоптѣлой стѣнѣ, частію на сѣромъ небѣ, туманномъ и влажномъ—все это до такой степени вѣрно характеризуетъ страну, что мель-

чайшій деталь, выброшенный отсюда, разрушилъ бы, кажется, общую гармонію впечатлѣнія.

Теперь перейдемъ къ Фриту. Онъ уступаетъ Мюльреди только развѣ въ этой изящной оконченности письма. Онъ такъ же, какъ Мюльреди, владѣетъ чувствомъ мимики и силою выраженія; каждое лицо въ его картинахъ точно такъ же типъ и говоритъ само за себя. Послѣднее произведеніе Фрита: „Derby day“ считается лучшею его картиной; выставленная въ German Gallery, она въ мое время привлекала весь Лондонъ. Вы знаете, конечно, какое значеніе имѣетъ „Дербіевъ день“ (Эпсомскія скачки) не только для жителей Лондона, но чуть ли не для всѣхъ англичанъ. Въ этотъ день (который, не мѣшаетъ замѣтить, продолжается двое-трое сутокъ), въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Лондона происходятъ скачки. „Derby day“— національный праздникъ. Не только магазины, но и бѣднѣйшія лавчонки заперты; люди, живущіе изо дня въ день, бросаютъ прилавокъ, нанимаютъ на послѣдніе пенсы телѣжки или мѣста въ омнибусахъ и спозаранку несутся въ Эпсомъ. Кто не позаботился заблаговременно объ экипажѣ, тотъ уже ни за какія деньги не достанетъ мѣста въ самый день скачки; билеты на имперіалахъ омнибусовъ продаются втридорога; все занято; гривы лошадей, шляпы кучеровъ и многихъ джентльменовъ увиты лентами; нищій мальчишка, и тотъ въ знакъ торжества навязываетъ себѣ на рукавъ или шляпу какой-нибудь яркій лоскутокъ. Уже въ десятомъ часу утра тысячи экипажей несутся изъ Лондона, сопровождаемые многочисленными кавалькадами. Въ полдень Лондонъ почти опустѣлъ.

Не думайте, однакожъ, чтобы картина Фрита была обязана своимъ успѣхомъ сюжету, столь симпатичному и близкому для каждаго англичанина. Въ Лондонѣ появляются сотни картинъ, изображающихъ скачки, а объ нихъ никто не говоритъ. Фритъ потому воспользовался Эпсомскими скачками, что онѣ открывали широкое поле его наблюдательности, давали возможность выставить множество типовъ и комическихъ нравоописательныхъ сценъ. Наконецъ, въ картинѣ его скачка собственно не играетъ никакой роли; онъ выбралъ минуту, когда лошади только что проскакали, наступилъ антрактъ, и вся масса публики, спѣша воспользоваться минутами свободы, приходитъ въ страшное движеніе.

Въ экипажахъ и на травѣ суетливо развязываютъ узлы и корзины съ провизіей и напитками; бѣдняки, ждавшіе только этой минуты, протискиваются впередъ въ надеждѣ попользоваться остатками отъ завтрака богача. Слѣва, надъ толпою развѣваются пестрые флаги безчисленныхъ бараковъ и палатокъ: это временные игорные дома и рестораны, куда валятъ джентльмены всѣхъ возрастовъ и состояній; нѣсколько ближе, группа спортсменовъ торопливо сводитъ свои счеты; груды гиней и банкнотъ быстро переходятъ изъ кармановъ проигравшихъ пари; кто флегматически покоряется своей судьбѣ, кто выходитъ изъ себя, удваиваетъ ставки и возобновляетъ закладъ; на первомъ планѣ стоитъ, растопыря руки и представляя недоумѣвающую комическую мину, юноша лѣтъ девятнадцати. Ограниченность его умственныхъ способностей бросается въ глаза; увлекаемый тупоумнымъ тщеславіемъ, онъ сунулся-было въ кружокъ извѣстнаго рода джентльменовъ, которые окружаютъ себя внѣшнимъ аристократическимъ блескомъ съ цѣлію приманивать богатыхъ глупцовъ; по всему видно, юноша, подстрекаемый новыми друзьями, кутилъ все утро очертя голову: игралъ въ банкъ, въ рулетку, держалъ заклады, пилъ вино сколько хотѣлось его партнерамъ; отуманенный хмѣлемъ, оглушенный криками, онъ все еще не можетъ взять въ толкъ, какъ люди, часъ еще назадъ бывшіе лучшими друзьями, знать его теперь не хотятъ, и вдобавокъ, какъ это случилось, что въ карманахъ его, набитыхъ утромъ золотомъ и банковыми билетами, — не остается теперь ни полшиллинга! Посреди картины, красивый гаеръ въ трико, обшитомъ блестками, спѣшитъ воспользоваться удобною минутой, чтобы дать свое представленіе; онъ разостлалъ по травѣ коверъ, бросился на одно колѣно и нетерпѣливо бьетъ въ ладоши, призывая маленькаго гаера, своего товарища, который между тѣмъ никакъ не можетъ оторвать глазъ отъ вкуснаго завтрака, соблазнительно разложеннаго въ двухъ шагахъ. Вокругъ завтрака расположилась многочисленная семья скромнаго, но честнаго купца; круглыя лица его и его супруги дышатъ веселостью; они пожираютъ пироги съ ветчиной, яблоки, сандвичи и пьютъ портеръ, не замѣчая высокомѣрно насмѣшливыхъ улыбокъ двухъ подозрительныхъ дамъ, одѣтыхъ съ неимовѣрною роскошью и развалившихся въ богатой коляскѣ; экипажъ, какъ видно, принадлежитъ молодому денди, фамильярно

съ ними бесѣдующему. Но всѣхъ группъ, отдѣльныхъ типовъ и чертъ, подмѣченныхъ художникомъ, описать невозможно.

Замѣчательно, между прочимъ, что въ этой обширной картинѣ нѣтъ признака тѣхъ рутинныхъ пріемовъ въ композиціи, которые всегда даютъ произведенію отпечатокъ чего-то преднамѣреннаго, напряженнаго, натянутаго. Фритъ какъ-будто вовсе не *сочинялъ* своей картины; самыя разнородныя лица и группы вяжутся между собою такъ же натурально, какъ въ самой дѣйствительности; картина какъ-будто цѣликомъ выхвачена прямо съ натуры и перенесена на полотно. Дальнѣйшіе планы представляютъ безкрайную панораму плоской мѣстности, по которой, въ перспективѣ, движется нѣсколько сотенъ тысячъ людей и экипажей. Тамъ точно такъ же, и въ отдѣльныхъ частяхъ, и въ общей массѣ народа, происходитъ страшное движеніе. Надъ всѣмъ этимъ, мѣстами скользятъ тѣни облаковъ, мѣстами проходятъ лучи свѣта; дальніе планы, постепенно затушевываясь пространствомъ, наконецъ незамѣтно сливаются съ горизонтомъ.

Воздушная перспектива въ этой картинѣ, прозрачность неба, кое-гдѣ тронутаго легкими серебристыми облаками,— сдѣлали бы честь первоклассному пейзажисту. Влажнымъ морскимъ воздухомъ вѣетъ на васъ какъ словно изъ безконечной глубины: воздухъ свободно проходитъ между группами, колышетъ флаги, вуали, заворачиваетъ фалды и мантильи. Кромѣ того, что Фритъ блестящій колористъ, онъ еще и превосходный рисовальщикъ. Вы положительно не найдете у него самаго ничтожнаго деталя, который бы не былъ тщательно изученъ и выслѣженъ съ натуры.

Все это, вмѣстѣ взятое, ставитъ Фрита въ рядъ тѣхъ немногихъ художниковъ, которые смотрятъ на свое дѣло съ глубокимъ уваженіемъ, для которыхъ цѣль художественной дѣятельности не спекуляція, а постоянное стремленіе къ усовершенствованію въ любимомъ выше всего искусствѣ. Другія картины Фрита: „Время морского купанья“, „Берегъ подлѣ Рамсгета“, „Увеселенія стараго времени“, отличаются тѣми же достоинствами, какъ и „Скачки“. Я выбралъ для описанія послѣднюю, какъ самую новую изъ его картинъ и, кромѣ того, лучше другихъ поддающуюся описанію.

Эта картина пріобрѣтена частнымъ лицомъ за *восемь-*

десять семь тысячъ франковъ. Выставленная въ German Gallery въ особой комнатѣ, куда входъ полагается по шиллингу, она выручила своему владѣльцу огромный капиталъ. Я забылъ вамъ сказать, что за картину Вильяма Гонта „Христосъ въ храмѣ“ заплачено художнику также частнымъ лицомъ четыре съ половиною тысячи фунтовъ стерлинговъ (112,000 франковъ). Она выставлена особо, и также принесла состояніе своему владѣльцу.

При такихъ условіяхъ, художнику, конечно, можно работать con amore и не торопиться. Но, съ другой стороны, надобно также сказать, что такія баснословныя суммы не даромъ даются. Нужно имѣть много таланта, надо много трудиться, чтобы возбуждать своимъ произведеніемъ любопытство сотенъ тысячъ людей и сдѣлаться популярнымъ въ Англіи, гдѣ болѣе пяти тысячъ живописцевъ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ отличаются болѣе или менѣе значительнымъ дарованіемъ.

Въ числѣ художниковъ, которые, какъ Вильки, Мюльреди и Фритъ, выбираютъ преимущественно національные сюжеты, нельзя не упомянуть А. Саломона. Онъ выставилъ двѣ картины: „Ожиданіе суда присяжныхъ“ и pendant къ ней: „Не виновенъ!“ (Въ этой послѣдней присяжные оправдываютъ обвиненнаго.) Изъ названія ихъ уже видно, въ чемъ дѣло. Саломонъ точно такъ же избралъ себѣ главнымъ предметомъ человѣка, — его физіономію и отраженіе на ней внутреннихъ душевныхъ движеній. Картины его очень умно сочинены и производятъ для глаза пріятное впечатлѣніе.

Затѣмъ, выставляется цѣлый строй произведеній, которыя, не отступая отъ національнаго характера, представляютъ что-то среднее между наивно-поэтическимъ жанромъ во вкусѣ Мюльреди и собственно анекдотическимъ или историческимъ. Особенно хороша въ этомъ родѣ картина Этта: „Отвергнутая любовь герцога Бокингема“. Она представляетъ внутренность роскошной гостиной; вокругъ стола съ золочеными скульптурными ножками, въ креслахъ, обитыхъ драгоцѣннымъ штофомъ, расположилось нѣсколько молоденькихъ лэди. Хорошенькая женщина въ розовомъ атласномъ корсажѣ, кружевныхъ робронахъ, обшитыхъ лентами, въ пудреномъ парикѣ, украшенномъ перьями и жемчугомъ, воздвигаетъ посреди стола башню изъ картъ; она съ лукавымъ видомъ прикидывается, будто вовсе не замѣчаетъ знамени-

таго герцога; тотъ, между тѣмъ, сдвинувъ брови и сжавъ судорожно кулакъ, едва скрываетъ свою досаду. Сосѣдки его шепчутся и втихомолку подсмѣиваются. Въ глубинѣ, въ дверяхъ сосѣдней комнаты, группа вельможъ, играющихъ въ карты. Къ тому же классу надо причислить картины: „Монастырка“ Эльмора; „Дождливый день“ Попа; „Джонъ Бюрьянъ и его слѣпая дочь у воротъ Бедфордской тюрьмы“ Герви; „Письмо эмигранта“ Гемслея; „Сестры милосердія“ Ганаха.

Этотъ послѣдній пишетъ маленькія картины, которыя, по тонкости письма, превышаютъ все, что дѣлается въ этомъ родѣ современными живописцами, не выключая даже знаменитаго Мессонье. Чтобы сдѣлать интересными свои микроскопическія произведенія, Ганахъ не прибѣгаетъ, какъ Мессонье, къ живописнымъ костюмамъ и роскошной обстановкѣ прошлаго столѣтія; онъ беретъ сюжеты свои гдѣ ни попало, лишь бы они были современны. Такова его картина: „Ложа въ театрѣ“. Молодой джентльменъ и лэди облокотились на перекладину ложи, обитую малиновымъ бархатомъ: первый смотритъ въ бинокль, вторая читаетъ газету. Группа облита яркимъ свѣтомъ, который проникаетъ сквознымъ полусвѣтомъ въ самую отдаленную часть ложи. Съ помощію увеличительнаго стекла, можно было бы, кажется, прочесть статью газеты и различить декорацію сцены, отражающуюся на стеклѣ бинокля. Оконченность достигаетъ здѣсь крайнихъ своихъ предѣловъ, и поклонники Міерисовской живописи могутъ признать въ Ганахѣ новаго идола.

Такъ какъ мнѣ хочется прежде всего ознакомить васъ съ общимъ характеромъ англійской школы и выставить тѣ изъ ея особенностей, которыя составляютъ ея отличіе отъ другихъ школъ Европы, я пропущу безъ вниманія всѣ картины, представляющія восточныя, итальянскія и испанскія сцены. Такихъ произведеній очень много; англійскіе художники много путешествуютъ. По поводу этихъ произведеній можно сказать то же, что говорено было о картинахъ Вильки, взятыхъ изъ итальянской жизни. Нельзя не замѣтить, однакожъ, что многія изъ нихъ, какъ напримѣръ испанскія сцены Филипа: „Жена контрабандиста“, „Милостыня“, „Окно темницы“, а также итальянскія сцены Гурльстона, невольно обращаютъ на себя вниманіе блескомъ южнаго колорита и добросовѣстнымъ изученіемъ мѣстныхъ типовъ и природы.

Пробѣгая для памяти листки моихъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на разныхъ выставкахъ Лондона, я пропускаю теперь сряду десятки именъ. Англія такъ богата живописцами, причисленными къ разряду жанристовъ, что одни ихъ имена и названія картинъ заняли бы втрое больше мѣста, чѣмъ эти и безъ того уже длинныя письма. Къ тому же, повторяю, я пишу здѣсь не исторію англійской живописи, но передаю только личныя впечатлѣнія. Я, слѣдовательно, имѣю полное право дѣлать какія мнѣ угодно отступленія, лишь бы въ общемъ цѣль была достигнута; а она состоитъ въ томъ, чтобъ оставить въ вашей памяти тѣ картины, которыя особенно характеризуютъ роды талантовъ и направленіе, господствующее въ живописи Англіи.

Основываясь на этомъ, мнѣ остается еще обратить ваше вниманіе на картину Патона (J. N. Paton): „Ссора Обе-рона и Титаніи“ (№ 389).

Въ этомъ произведеніи такъ сильно отражается духъ шекспировской поэзіи и юморъ Британіи; оно до такой степени пропитано англійскимъ элементомъ, что слѣдуетъ подолѣе надъ нимъ остановиться. Кромѣ достоинствъ своихъ, какъ художественное произведеніе, картина Патона важна потому еще, что характеризуетъ совершенно особый родъ, который, сколько мнѣ извѣстно, процвѣтаетъ теперь въ живописи только въ Англіи.

Вы, конечно, хорошо знаете содержаніе драматической поэмы Шекспира: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“. Художникъ выбралъ второе дѣйствіе: оно совершается въ глухой чащѣ волшебнаго лѣса, куда поочередно являются влюбленные: Елена, Гермія и Тезей, гдѣ совершается репетиція Пирама и Тизбы, гдѣ Оберонъ, царь духовъ, и супруга его, волшебница Титанія, ревнуя другъ друга, такъ горячо спорятъ и ссорятся, что „маленькіе сильфы спѣшатъ отъ страха спрятаться въ чашечки, отставшія отъ желудей“; гдѣ, наконецъ, изощряется вся ловкость и все пронырство лукаваго домашняго духа, потѣшника Обе-рона, который сбиваетъ съ дороги запоздалаго путника, приводитъ въ отчаяніе хозяйку дома, снимая у ней по ночамъ сливки, который, по собственному сознанію, „заставляетъ своротить съ дороги борзаго коня, подражая въ отдаленіи ржанію кобылицы; пробирается въ пивную кружку кумушки въ видѣ печенаго яблока, и когда она подноситъ пиво къ губамъ, обливаетъ ея грудь шипящею

пѣной, или оборачивается скамейкой, даетъ время старушкѣ усѣсться, чтобы въ ту же минуту выскочить изъподъ нея...“

Если смотрѣть на картину Патона издали, глазу представляется только густая чаща лѣса и посреди ея фигуры Оберона и Титаніи, посеребренныя лучомъ мѣсяца. По мѣрѣ приближенія, предметы начинаютъ мало-по-малу выдѣляться и принимаютъ одинъ за другимъ странные фантастическіе образы. Вѣтви превращаются въ руки дріадъ, отягченныя листьями, плодами и цвѣтами; складки и трещины древесной коры, мохъ на старыхъ пняхъ, гуща травъ, чаща листьевъ — все это, какъ въ волшебномъ видѣніи, растетъ и переплетается, образуя длинные, темные и свѣтлые переходы, гроты, своды, глубокія перспективы, арки и углубленія. Не успѣваешь дать себѣ отчета во всемъ этомъ, какъ уже глазъ открываетъ повсюду жизнь и самое кипучее одушевленіе. Еще ближе,— и переносишься словно въ волшебное царство сновъ, въ дремучій боръ, гдѣ переживаешь тотъ таинственный часъ ночи, когда природа, не обезпокоенная человѣкомъ, открываетъ тайну своего существованія...

Весь фантастическій, неосязаемый міръ духовъ, населяющихъ природу, повинуясь Оберону и Титаніи (которыя, какъ я замѣтилъ, занимаютъ середину картины), является здѣсь въ полномъ своемъ составѣ. Все это вмѣстѣ, шумя какъ улей, ползаетъ въ травѣ, цвѣтахъ и листьяхъ, снуетъ и лѣзетъ во всѣ стороны, вертится и кувыркается, сверкая въ воздухѣ, какъ пыль въ лучѣ солнца.

Тутъ воздушный хороводъ виллисъ, въ одеждѣ, сотканной изъ луннаго свѣта, бѣшено кружится съ саламандрами на глянцевитомъ листѣ водяного кувшинчика, распластанномъ надъ водою; тутъ же группа эльфовъ силится окунуть въ воду маленькаго уродливаго гнома, который изнемогаетъ въ борьбѣ и дѣлаетъ самыя уморительныя гримасы, стараясь избавить себя отъ купанья. Нѣсколько далѣе, блудящій огонекъ воздвигся вмѣсто фонаря надъ цвѣткомъ водяной лиліи и освѣщаетъ въ глубинѣ его балъ насѣкомыхъ, пляшущихъ ярую сарабанду, между тѣмъ какъ ландышъ потрясаетъ надъ ними своими бѣлыми колокольчиками, засохшій стволъ травки играетъ роль кларнета, а сверчокъ яростно трещитъ звонкими крылышками, какъ мѣдными тарелками, и будто упра-

вляетъ здѣсь оркестромъ. Старый гномъ, лоснящійся отъ металлической пыли, какъ бы испуганный всею этою кутерьмой и музыкой, боязливо прячется подъ тяжелый листъ лопуха; присѣвъ на корточки, онъ бережно пробуетъ на камнѣ твердость золотой монеты, но и здѣсь ему нѣтъ покоя: десятки крошечныхъ ручонокъ судорожно тянутся къ нему со всѣхъ сторонъ, силясь вырвать у него сокровище. Далѣе, нѣсколько маленькихъ фей, смиренно усѣвшись въ кружокъ и пользуясь лучомъ мѣсяца, который проникъ въ скважину, проѣденную червячкомъ въ цвѣткѣ, занимаются рукодѣльемъ: кто нижетъ ожерелье изъ капель росы, кто усердно развертываетъ почку розана, какъ какой-нибудь кусокъ матеріи, и выкраиваетъ себѣ одѣянье. Крошечная индѣйская пери таинственно шепчется съ сѣвернымъ шаманомъ; карликъ, заботливо укутывая голову бѣлымъ колокольчикомъ павилики и ворчливо укладываясь спать, дуетъ изо всей мочи на пушистый шаръ одуванчика, принимая его, вѣроятно, за свѣчку и боясь, чтобы безъ этой предосторожности не произошло пожара; товарищъ его, взобравшись между тѣмъ на гибкую верхушку длинной травки, яростно борется противъ божьей коровки, червячка и нѣсколькихъ насѣкомыхъ, и, повидимому, заботится болѣе всего о томъ, чтобы въ этой трудной битвѣ не потерять равновѣсія. Сборище какихъ-то странныхъ личностей съ золотыми кольцами въ ноздряхъ, перьями на головѣ и узорами на желтомъ тѣлѣ, укрывшись въ дупло стараго пня, простираются ницъ передъ чудовищнымъ истуканомъ съ бычачьею головой и множествомъ рукъ, распростертыхъ въ разныя стороны. Лучи мѣсяца, изламываясь между вѣтвями и лепестками цвѣтовъ, проникаютъ въ глубокую разсѣлину дерева, гдѣ добрая, миніатюрная волшебница подсобляетъ пауку исправить его паутину, испорченную двумя шаловливыми мухами, которыя, принявъ ее за эластическую сѣтку, прорвали ее, дѣлая свои бѣшеныя эволюціи; неподалеку двѣ хорошенькія нимфы, вытянувшись во всю длину на листѣ лиліи, предаются такому сладкому отдыху, что не замѣчаютъ подкравшихся къ нимъ уродцевъ, которые, надрываясь со смѣху, пачкаютъ имъ лица золотистою пылью какого-то цвѣтка.

Надъ головой Оберона и Титаніи (размѣрами своими она вчетверо больше остальныхъ фигуръ) роится, какъ въ ореолѣ, цѣлый міръ воздушныхъ духовъ ночи, прони-

занныхъ насквозь мѣсяцемъ; выше, между вѣтвями, летитъ сова, сверкая въ темнотѣ фосфорическими зрачками и увѣшанная причудливыми созданіями самаго живого поэтическаго воображенія.

Кромѣ мистическаго круга духовъ, подвластныхъ Оберону и Титаніи, въ этомъ лѣсу кишитъ еще цѣлый міръ мѣстныхъ обитателей, которыхъ поэтъ-художникъ вызвалъ изъ античной греческой миѳологіи, и которые, повидимому, совершенно враждебны первымъ. Обнаженныя дріады, застигнутыя врасплохъ, пугливо прячутся, завертываются въ листья или взбираются на вѣтки, стараясь укрыться отъ преслѣдованій незваныхъ гостей; фавны, сатиры, сильваны — въ страшной суматохѣ; они выбѣгаютъ изо всѣхъ угловъ и, какъ бы пылая мщеніемъ, вездѣ схватываются съ врагами, ставятъ имъ препятствія, борются, ожесточенно преслѣдуютъ маленькихъ обероновскихъ нимфъ, бросаютъ ихъ въ траву, топчутъ козлиными ногами, или бросаютъ въ цвѣты, жадно обнимаютъ и пламенно цѣлуютъ ихъ.

Голова стараго фавна, оживленная какимъ-то чудомъ, между тѣмъ какъ торсъ и ноги закованы въ мраморный столбъ, лукаво поглядываетъ вокругъ и весело, снисходительно, какъ греческое божество, улыбается волшебной вакханаліи, созданной воображеніемъ англійскаго художника.

Написавъ такъ много, я ничего еще почти не сказалъ, сравнительно съ тѣми неисчерпаемыми богатствами вымысла и фантазіи, которыми Патонъ населилъ свою картину. Едва ли описалъ я вамъ даже то, что̀ совершается на первомъ планѣ этого замѣчательнаго произведенія, осуществившаго, какъ нельзя лучше, поэтическую мечту Шекспира. Невозможно глубже проникнуть въ тайны сверхъестественнаго; воображеніе, въ минуты самаго пламеннаго поэтическаго настроенія къ фантастическому, едва ли можетъ уловить то, что̀ Патонъ умѣлъ облечь въ форму и перенести на полотно.

Онъ показалъ себя здѣсь, между прочимъ, удивительнымъ рисовальщикомъ. Нельзя себѣ представить болѣе безконечнаго разнообразія положеній, поворотовъ, движеній и ракурсовъ: фигуры представляются перспективно сверху, снизу, летятъ на зрителя головой впередъ, въ три четверти, вертятся въ воздухѣ, словомъ, являются во всѣхъ позахъ, возможныхъ только существамъ, созданнымъ

изъ пара, свѣта, аромата, и для которыхъ не существуетъ законовъ равновѣсія и тяготѣнія; при всемъ томъ, нѣтъ однакожъ линіи, которая бы оскорбляла анатомическую правду.

Не менѣе удивительна картина по своему письму и колориту; съ перваго взгляда, она производитъ странное впечатлѣніе: безчисленное множество отдѣльныхъ группъ и фигуръ, путаясь въ хаотическомъ безпорядкѣ, представляютъ столько же пятенъ; но стòитъ присмотрѣться ближе и внимательнѣе — и вся эта пестрота незамѣтно, сама собою, исчезнетъ; все войдетъ и сольется въ одинъ общій голубовато-серебристый тонъ, посреди котораго рѣзко выставляются только фигуры Оберона и Титаніи. Когда, мало-по-малу, глазъ успокоится и свыкнется съ непривычными свѣтомъ и тѣнью, составленными изъ лучей мѣсяца, фосфорическаго блеска, безчисленныхъ переливовъ, мерцаній и отраженій, тогда уже съ трудомъ оторвешься отъ картины. Съ каждою секундой, то тутъ, то тамъ, открываешь новыя радужныя и глубокія перспективы, которыя невольно заманиваютъ любопытство, воображеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство эстетическое. Всѣ эти маленькіе эпизоды, о которыхъ старался я дать вамъ приблизительное понятіе; мельчайшіе детали, ихъ окружающіе; цвѣты, зелень, трàвы, насѣкомыя, предметы одушевленные и мертвые, при умѣ, съ какимъ они сочинены и сгруппированы, исполнены такъ изящно, такъ изумительно тонко, что, право, не знаешь, чему больше удивляться: мастерству ли кисти или поэтической фантазіи художника.

Картины этого рода вообще цѣнятся въ Англіи и всегда вызываютъ большое сочувствіе публики. Быть-можетъ, это происходитъ оттого, что художники по большей части черпаютъ свои сюжеты изъ твореній любимыхъ народныхъ поэтовъ, каковы Шекспиръ, Мильтонъ, Спенсеръ и проч., или заимствуютъ содержаніе въ наиболѣе популярныхъ, старыхъ балладахъ и поэмахъ. Во всякомъ случаѣ, какъ въ старой, такъ и въ новой школѣ, является множество произведеній въ этомъ родѣ. Въ прежнюю пору отличался въ немъ Фюзелли (1742—1825), родомъ швейцарецъ и ученикъ Рейнольдса. Не считая Патона, который теперь представитель фантастическаго жанра, изъ современныхъ художниковъ болѣе другихъ пользуются извѣстностью: Севернъ, Антони и Фростъ. Картина послѣдняго „Уна“ такъ прекрасна, что грѣхъ пропустить ее безъ вниманія...

Но дѣлать нечего, надо принять такой грѣхъ на душу, а то, право, не знаю, когда бы пришлось остановиться.

III.

Каждый, сколько-нибудь внимательно занимавшійся исторіей живописи, необходимо долженъ былъ замѣтить, что пейзажный родъ процвѣталъ преимущественно тамъ, гдѣ, казалось бы, всего менѣе можно было ожидать этого. Фактъ тотъ, что гдѣ роскошнѣе природа и теплѣе климатъ, тамъ всего менѣе было замѣчательныхъ пейзажистовъ.

Пейзажная живопись, показавшись въ первый разъ на югѣ въ миніатюрахъ и на фрескахъ, около трехъ столѣтій не дѣлаетъ никакого успѣха; она неизмѣнно остается на степени знака или символа: тоненькій стебелекъ съ нѣсколькими симметрично расположенными листьями представляетъ лѣсъ и замѣняетъ ландшафтъ. Но даже потомъ, въ самое блестящее время для художествъ, когда въ Италіи всѣ роды искусства достигли высшаго своего развитія, никто спеціально не разрабатываетъ пейзажа. Только въ половинѣ XVI столѣтія, въ Венеціи, въ картинахъ Джіорджоне, Скіавоне, Кампаньйолы и особенно Тиціана являются первыя серьезныя попытки. Послѣдній, въ картинѣ: „Убіеніе Св. Петра мученика“, показалъ себя, можно сказать, настоящимъ творцомъ этого рода въ Италіи. Послѣ него пейзажную живопись поддерживаютъ: Доменикино, Альбано и братья Каррачи. Всѣ эти художники занимаются ею однакожъ случайно, мимоходомъ; ландшафтъ у нихъ не болѣе, какъ аксессуаръ.

Пейзажная живопись получаетъ въ Италіи полное свое значеніе тогда только, какъ являются сюда иностранцы: Пуссенъ, Клодъ-Лорренъ (Желе), Дюгѣ (Гаспаръ Пуссенъ) изъ Франціи, и братья Бриль, Ельцгеймеръ, Ботъ, Бергемъ, Винантсъ и другіе мастера изъ Фландріи и Голландіи. Собственно изъ итальянскихъ художниковъ, писавшихъ пейзажъ, можно назвать только Сальватора Розу, Муццiано, Лукателли и Каналето; послѣдній, впрочемъ, болѣе извѣстенъ, какъ живописецъ развалинъ и видовъ Венеціи. Въ Испаніи то же самое; здѣсь можно привести одного Мурильйо; но и у него ландшафтъ имѣетъ второстепенное значеніе; онъ служитъ только фономъ въ его картинахъ. Принимая во вниманіе свидѣтельство старыхъ и новыхъ писателей, говорившихъ о художествѣ древ-

нихъ,—въ Греціи встрѣчается тотъ же фактъ; тамъ разрабатывались въ совершенствѣ всѣ роды искусства, даже карикатура, несмотря на законъ Ѳивъ, требовавшій только подражанія прекрасному и строго взыскивавшій за всякое извращеніе формъ природы; никто, между тѣмъ, не упоминаетъ о существованіи пейзажа, какъ особенной отрасли изящнаго.

Совсѣмъ противоположное этому встрѣчается, между тѣмъ, на сѣверѣ. Стоитъ взглянуть на эстампы Альбрехта Дюрера, какъ напримѣръ: „Св. Губертъ на охотѣ“, чтобы замѣтить, что пейзажный родъ обратилъ на себя и прежде и больше вниманія въ Германіи, чѣмъ въ Италіи. Чѣмъ ближе подвигаешься къ сѣверу, тѣмъ очевиднѣе становится эта особенность. Едва во Фландріи и Голландіи возникаетъ искусство, пейзажная живопись тотчасъ же становится серьезною отраслью; ею занимаются съ любовью, со страстью; она уважается наравнѣ съ другими родами живописи; ей исключительно посвящаютъ себя многіе мелкіе мастера. Въ туманной, плоской Голландіи она пускаетъ такія могучія вѣтви, что скоро дробится на спеціальности: одни пишутъ деревья, другіе—воду, третьи—животныхъ, четвертые—цвѣты, плоды и т. д.

Странный съ перваго взгляда фактъ, что пейзажная живопись принялась сравнительно слабо тамъ, гдѣ природа раскрывается во всей красѣ своей, и, наоборотъ, проявляется во всей силѣ своей посреди тумановъ и унылой мѣстности, объясняется, мнѣ кажется, столько же внѣшними климатическими условіями, сколько свойствами темперамента южнаго и сѣвернаго племени.

У южныхъ народовъ, живущихъ, благодаря климату, всегда на воздухѣ, глазъ на глазъ съ природой, не могло быть такой сильной потребности искусственнаго воспроизведенія ея; какими бы средствами ни владѣла живопись, она никогда не могла бы вполнѣ передать лучезарное сіяніе южнаго голубого неба, прозрачность воздуха, мягкую яркость отдаленныхъ горъ, блескъ красокъ въ соединеніи съ тѣми красотами линій, которыя составляютъ принадлежность южнаго ландшафта; какъ бы ни была хороша картина, она, при сравненіи съ дѣйствительностью, всегда проигрывала бы слишкомъ явно; она всегда была бы неудовлетворительнымъ, жалкимъ подражаніемъ того волшебнаго оригинала, которымъ круглый годъ можно безпрепятственно любоваться. Въ позднѣйшее время, пей-

зажъ не сдѣлался на югѣ отраслью искусства потому также, можетъ-быть, что ему мѣшала отчасти и религія: она слишкомъ исключительно направляла умъ и воображеніе художниковъ къ изображенію духовнаго міра; живость воображенія и пылкость темперамента охотно поддавались такому увлеченію. Природа въ томъ естественномъ видѣ, какъ она представлялась, никого не удовлетворяла; она казалась слишкомъ обыкновенною, матеріальною. Недаромъ считали ее недостойною занять серьезное мѣсто въ искусствѣ, недаромъ низводили ее на степень аксессуара и фона картины.

На сѣверѣ, напротивъ, все способствовало къ процвѣтанію ландшафта въ живописи.

Тамъ климатъ поневолѣ заставляетъ человѣка вести замкнутую жизнь; человѣку дается такой короткій срокъ пользоваться даже тѣми сравнительно бѣдными красотами природы, которыя его окружаютъ, что онъ, весьма естественно, долженъ желать продлить такое наслажденіе. Сидя дома и видя изъ окна столько мѣсяцевъ въ году туманы, снѣгъ или дождикъ, онъ радъ встрѣтить хоть напоминаніе того, чѣмъ такъ скудно и на такое короткое время надѣлила его природа. Какъ же не обрадоваться ему той формѣ искусства, которя идетъ навстрѣчу его желанію, вноситъ въ его жизнь лишнюю радость, вознаграждаетъ за лишеніе, которое ему такъ чувствительно. Пейзажная живопись привилась на сѣверѣ такъ скоро, благодаря, вѣроятно, тому также, что человѣкъ здѣсь, будучи по натурѣ болѣе положительнымъ и созерцательнымъ, охотнѣе всматривался въ предметы внѣшней, вещественной природы и скорѣе удовлетворялся ими, чѣмъ житель юга.

Разница нравственныхъ свойствъ и климатическихъ условій, весьма натурально, должна была ярко отразиться въ пейзажной живописи юга и сѣвера. Стоитъ взглянуть на пейзажъ итальянца и голландца, чтобъ убѣдиться, какъ мало въ нихъ общаго: самое несходство природы сѣвера и юга не бросается такъ рѣзко въ глаза, какъ разница въ чувствѣ, во взглядѣ, въ способахъ художественнаго воспроизведенія природы. Тогда какъ въ Италіи исключительно почти процвѣтаетъ такъ-называемый историческій, идеальный пейзажъ, въ которомъ изображаются избранныя красоты природы, находятъ мѣсто только облагороженныя ея формы, — пейзажъ, въ кото-

ромъ не столько выражается дѣйствительность, сколько ея поэтическое, идеальное представленіе; во Фландріи и Голландіи художники, наоборотъ, стремятся передавать природу въ ея повседневной дѣйствительности. Художниками Голландіи руководятъ въ пейзажѣ тѣ же самыя свойства, которыя отражаются у нихъ въ картинахъ религіознаго содержанія, гдѣ матеріальное чувство беретъ перевѣсъ надъ духовнымъ, гдѣ идеальная красота приносится въ жертву натуральнымъ формамъ. Но матеріальныя свойства голландца приносятъ однакожъ въ пейзажѣ совсѣмъ другіе результаты; то, что мѣшало голландскимъ художникамъ достигнуть въ картинахъ религіознаго содержанія, идеала духовной красоты, которая такъ высоко ставитъ итальянца;—то, что заставило сказать о Рубенсѣ, что онъ улетѣлъ бы на небо, если бы не придерживала его къ землѣ тяжесть голландскаго сыра:—то самое въ пейзажной живописи обращается прямо въ пользу голландскаго живописца и ставитъ его выше всякаго другого. Его реализмъ и положительность не исключаютъ въ его душѣ присутствія тонкаго поэтическаго чувства; прикрѣпляя его къ вещественному міру, они сблизили его, сродними съ природой, развили въ немъ любовь къ ней, помогли короче съ нею ознакомиться, и такимъ образомъ дали ему возможность передавать ее во всей ея поэтической правдѣ.

Чтобы разрѣшить, чей взглядъ на природу вѣрнѣе въ приложеніи его къ пейзажной живописи, и какой пейзажъ, голландскій или итальянскій, ближе достигаетъ своей цѣли, надо прежде всего обратиться къ собственному чувству; вообще говоря, нельзя сказать, чтобы ландшафтъ Пуссена, Дюге или Лоррена сильнѣе дѣйствовалъ на душу и пробуждалъ въ ней такое поэтическое чувство, какъ пейзажи Рюйздаля и Гоббемы.

Все сказанное мною о пейзажной живописи Голландіи и Фландріи совпадаетъ какъ нельзя лучше съ исторіей этого рода искусства въ Англіи. Здѣсь точно такъ же, съ первыхъ шаговъ живописи, пейзажный родъ дѣлается одною изъ самыхъ важнѣйшихъ и любимыхъ отраслей художества; реализмъ точно такъ же проявляется во всей своей силѣ съ самыхъ первыхъ попытокъ.

Такое направленіе тѣмъ удивительнѣе въ Англіи, что тамъ, долго до появленія перваго національнаго пейзажиста, находилось множество знаменитѣйшихъ ландшафтовъ Пуссена и Лоррена; не было художника, который

бы, въ свое время, сотни разъ не имѣлъ ихъ передъ глазами; кромѣ того, въ то самое время, вездѣ, гдѣ только процвѣтала живопись, и преимущественно во Франціи, господствовалъ еще во всей своей силѣ жанръ пейзажа, который былъ въ самомъ крайнемъ противорѣчіи съ реализмомъ.

Художники исключительно держались двухъ методъ. Одни, рабски подражая Пуссену и Лоррену, *сочиняли* свои картины, составляя ихъ, подобно этимъ двумъ мастерамъ, изъ отдѣльныхъ этюдовъ, снятыхъ впрочемъ съ натуры; этюды эти дѣлались по бо̀льшей части не красками, а карандашомъ или сепіей; въ этомъ легко удостовѣриться по рисункамъ Пуссена и Лоррена, сохраняющимся въ музеяхъ Европы и частныхъ коллекціяхъ; въ Англіи, между прочимъ, у герцога Девонширскаго существуетъ знаменитое собраніе этюдовъ и рисунковъ Лоррена; всѣ они сдѣланы сепіей. Для составленія ландшафта выбирались только тѣ деревья, скалы, водопады, облака и зданія, которыя казались наиболѣе красивыми и подходящими къ характеру сочиняемаго ландшафта; затѣмъ все разставлялось, какъ декораціи въ театрѣ; оставалось привести эти отдѣльныя части въ общую гармонію, дать имъ характеръ времени года или освѣтить ихъ такимъ образомъ, чтобъ обозначался часъ дня; все это, то-есть, собственно уже картина, писалось *на память*. Ландшафты такого рода, получившіе названіе классическихъ или историческихъ, потому, вѣроятно, что фигуры на нихъ представляли бо̀льшею частію эпизодъ изъ древней языческой или священной исторіи, могли быть хороши только у такихъ мастеровъ, какъ Лорренъ или Пуссенъ; высокія художественныя достоинства этихъ живописцевъ отражались въ ихъ произведеніяхъ; они придавали имъ какую-то особенную поэтическую величавость. Нельзя не сознаться однакожъ, что метода сама по себѣ была крайне ложная. Это доказывается тѣмъ, что какъ только стали ею руководствоваться послѣдователи Пуссена и Лоррена, она привела ихъ къ самому жалкому результату; избавляя художниковъ отъ труда строго изучать природу и писать прямо съ натуры, она скоро обратила искусство въ механизмъ и рутинерство. Пейзажная живопись сдѣлалась ремесломъ, весьма схожимъ съ трафаретнымъ. Стоило набить руку и заучить извѣстныя формы деревъ, скалъ и мѣстности,— они неизмѣнно являлись у художника во всѣхъ его кар-

тинахъ; въ извѣстномъ случаѣ писались такія-то деревья, въ другомъ—такія-то. Все это оправдывалось тѣмъ, что такъ требовали законы строгой эстетики. „Живописецъ, который подражаетъ другому, какъ бы великъ ни былъ послѣдній, — говоритъ Леонардо да-Винчи, — перестанетъ быть сыномъ природы; онъ превращается въ ея внука". Другая метода,—слѣдствіе первой и установившаяся позже, — состояла въ томъ, чтобы выдумывать ландшафтъ прямо изъ головы, не заботясь даже присматриваться къ дѣйствительности, — словомъ, выдумывать природу. Эта метода привела къ тѣмъ фальшиво-приторнымъ пастушескимъ видамъ и миѳологическимъ садамъ съ голубыми деревьями, которые процвѣтали сначала во Франціи, потомъ во всей Европѣ въ эпоху Людовика XV и XVI.

Ни одинъ изъ этихъ способовъ не принялся въ Англіи. Совѣтъ Стерна: „Не заботьтесь о предписаніяхъ и догматахъ школъ; дѣйствуйте какъ знаете, по собственному побужденію, но только дѣйствуйте прямо на сердце!" какъ будто взятъ былъ за девизъ англійскими пейзажистами. Ландшафты Пуссена и Лоррена, даромъ что всегда высоко цѣнились въ Англіи и жадно пріобрѣтались охотниками, не имѣли здѣсь, какъ я замѣтилъ, никакого вліянія; они такъ же мало подѣйствовали на здѣшнихъ историческихъ живописцевъ, какъ итальянскія картины высокаго стиля; въ обоихъ случаяхъ національное чувство не даетъ побѣдить себя чужеземному вліянію. Классическій пейзажъ производитъ только двухъ послѣдователей: Томсона и Уильсона,—отчасти также Фильдинга. На выставкѣ, гдѣ старались представить всю школу во всей ея полнотѣ, находятся образчики ихъ кисти; одно названіе ихъ произведеній: „Развалины въ окрестностяхъ Тиволи", „Истребленіе дѣтей Ніобеи" (фигуры Мортимера), „Аполлонъ и времена года",—достаточно доказываютъ, что тутъ нѣтъ ничего національнаго. Но ими и оканчивается этотъ родъ. Генсборо (1727—1788), основатель національнаго пейзажа въ Англіи, наноситъ классическому ландшафту первый и послѣдній смертный ударъ.

Благодаря ли внутреннему сходству во вкусахъ и стремленіяхъ англичанъ и голландцевъ, благодаря ли чувству той врожденной независимости, составляющей черту англичанъ, но только начиная съ Генсборо—англійскіе пейзажисты, точно такъ же, какъ Рюйздаль и Гоббема, признаютъ одного только профессора—природу. Они съ пер-

ваго шага становятся на настоящую дорогу, вокругъ которой, со времени голландцевъ, болѣе ста лѣтъ бродили остальные пейзажисты Европы. Замѣчательно, что здѣсь съ ландшафтною живописью было то же, что́ съ исторической: она не проходитъ періоды постепеннаго возрастанія, но сразу, безъ пріуготовленій и колебаній, становится на ту высокую степень полнаго развитія, до которой развѣ только теперь, въ позднѣйшее время, доросла она въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и Франціи. Сравните любой ландшафтъ Генсборо съ картинами любого современнаго первокласснаго художника Европы: вы увидите, что въ послѣднихъ не сказано ничего новаго, не сдѣлано никакого усовершенствованія ни въ какомъ отношеніи. Правда и поэзія соединяются у Генсборо съ тою страшною свободой исполненія, которую и теперь еще ищутъ многіе художники, которая и теперь въ иныхъ школахъ кажется новостью. Въ то время, какъ во Франціи условный классическій пейзажъ былъ во всей своей силѣ, и первымъ пейзажистомъ считался давно забытый Мишалонъ (Michalon), Англія имѣла уже пейзажистовъ, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи искусства.

Этихъ художниковъ слѣдуетъ считать настоящими основателями той школы, той манеры въ пейзажѣ, которыя усвоились теперь въ Европѣ. „При видѣ англійскихъ пейзажей на манчестерской выставкѣ, говоритъ Бланъ въ книгѣ своей „Les Trésors de l'art à Manchester“, я убѣдился окончательно, кому обязаны наши теперешніе художники перевороту, сдѣланному ими въ пейзажѣ; кто первый содѣйствовалъ тому, чтобы выгнать у насъ со сцены сентиментальные виды и ультра-миѳологическіе сады; одинъ Констебль сдѣлалъ въ этомъ отношеніи цѣлую революцію. Отъ него собственно происходятъ Дюпре и Тройнъ; не менѣе обязаны мы Тэрнеру, Стенфильду, Бонингтону“ и пр. То же самое говорятъ Планшъ, Бюргеръ, Вилло и другіе иностранные критики, касавшіеся живописи въ Англіи.

Переворотъ, сдѣланный англійскими пейзажистами, въ самомъ дѣлѣ очень важенъ. Не ухитряясь сортировать природу или отыскивать въ ней только красивѣйшія явленія, но считая въ ней все достойнымъ изученія, они первые научили смотрѣть на нее настоящими глазами. Въ ихъ картинахъ, въ первый разъ, знакомишься съ тою широкою, свободною манерой исполненія, которая ближе

всего подходитъ къ истинѣ. Они нисколько не виноваты, что реализмъ, основанный ими и привившійся такъ скоро, принялъ впослѣдствіи грубую, узкую форму, которая справедливо подвергается гоненіямъ отъ пуристовъ. Англійскіе художники, тѣ по крайней мѣрѣ, которые во главѣ школы, проповѣдуя реализмъ, не думали посягать на эстетическій принципъ. Картины Гонта, какъ послѣднее выраженіе господствующаго реальнаго направленія, служатъ, кажется, яснымъ тому доказательствомъ: пейзажисты всегда держались того же направленія. Изображая природу во всей ея истинѣ, они прежде всего старались передать *впечатлѣніе*, которое оставляетъ въ душѣ такая-то мѣстность, предметъ или моментальное явленіе природы. Достигнуть такой цѣли можно тогда только, когда художникъ сильно почувствуетъ то, что̀ должно перейти на полотно; ничтожнѣйшій предметъ, пройдя такимъ образомъ сквозь личное задушевное чувство художника и обогрѣтый имъ, уже лишается своей грубой матеріальной наготы; онъ получаетъ смыслъ, просвѣчиваетъ чѣмъ-то жизненнымъ и дѣлается интереснымъ. Что̀ особеннаго, напримѣръ, въ картинѣ Генсборо: „Gottage Door“ (дверь коттеджа)? Она представляетъ бѣдную хижину, запрятанную въ зелени; на ея порогѣ семейство; оно вышло подышать вечернимъ воздухомъ и полюбоваться яснымъ закатомъ, который блещетъ между старыми пнями и вѣтвями деревъ; а нельзя между тѣмъ оторваться отъ картины. Поэтическое чувство, вложенное въ нее художникомъ, мгновенно передается душѣ зрителя и дѣйствуетъ сильнѣе красоть природы, разсыпанныхъ въ другихъ картинахъ, но не согрѣтыхъ душою художника.

Не считая картинъ въ Національной галлереѣ и въ другихъ собраніяхъ Лондона, на одной международной выставкѣ, въ отдѣленіи англійскаго художества, можно встрѣтить нѣсколько десятковъ такихъ ландшафтовъ, которыхъ, увидавъ разъ, никогда уже потомъ не забудешь. Бо́льшая часть подписана чаще всего одними и тѣми же именами: Констебль, Тэрнеръ, Кромъ, Стенфильдъ, Бонингтонъ, Мореландъ. Художники эти такъ же популярны въ своемъ родѣ и занимаютъ въ національномъ искусствѣ такое же почетное мѣсто, какъ Вильки, Коллинсъ, Гонтъ, Вебстеръ, Мюльреди, Фритъ.

Къ сожалѣнію, пейзажный родъ всего труднѣе поддается описанію. Что̀ сказать о картинахъ, которыя раз-

нятся одна отъ другой оттѣнками свѣта, едва уловимыми для глазъ, и характеръ которыхъ опредѣляется болѣе или менѣе схожими деревьями, скалами, водою, изгибами мѣстности, такъ или иначе расположенными? То, что̀ сразу объясняется и дѣлается понятнымъ для глаза, невольно ускользаетъ при описаніи. Ничего болѣе нельзя сдѣлать, какъ только выказать особенности, отличающія одинъ талантъ передъ другимъ. Этимъ способомъ выскажется само собою направленіе и выступитъ общій характеръ англійской школы по пейзажной части.

Если попрежнему держаться хронологическаго порядка, то непосредственно за Генсборо надо назвать Мореланда (1764—1804). Картины его: „Морской берегъ“, „Цыгане въ лѣсу“ и другія, которыя привелось мнѣ видѣть, пользуются въ Англіи большою извѣстностью. Популярность Мореланда основывается прежде всего на томъ, мнѣ кажется, что, въ свое время, онъ дѣятельнѣе другихъ началъ писать во вкусѣ, созданномъ Генсборо и вошедшемъ тогда въ моду. Онъ не перенялъ у великаго мастера только внѣшнюю сторону его таланта. Генсборо писалъ широко и бойко; Мореландъ довелъ бойкость до такой степени, гдѣ она переходитъ за извѣстную черту и дѣлается уже недостаткомъ. Картины его похожи скорѣе на эскизы, писанные съ натуры, чѣмъ на строго выполненныя произведенія; но это еще не бѣда; мало ли эскизовъ, которые въ художественномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо выше картинъ совершенно оконченныхъ! Съ бойкостью Мореланда можно еще примириться; она выкупается необыкновенною свѣжестью колорита и чѣмъ-то огненнымъ, страстнымъ въ пріемѣ. Дѣло въ томъ, что картины его представляютъ всегда такіе мотивы, которые, особенно въ ландшафтахъ, всего менѣе способны оставлять выгодное впечатлѣніе на зрителя. Природа у него постоянно въ напряженномъ состояніи: деревья крутятся и гнутся подъ напоромъ вѣтра; вихрь вьется по полянѣ, поднимая цѣлую тучу листьевъ; все въ тревогѣ, въ безпокойствѣ, даже самыя фигуры; передъ картинами Мореланда всегда ждешь чего-то: ждешь, не сломится ли то дерево, не сорветъ ли шапку съ этого всадника, не унесетъ ли вихремъ соломы съ кровли; отходишь отъ нихъ съ неудовлетвореннымъ чувствомъ, и въ этомъ ихъ главный недостатокъ; цѣль живописнаго искусства, и тѣмъ болѣе въ пейзажѣ, тогда только вполнѣ достигнута, когда,

дѣйствуя эстетически, оно пробуждаетъ въ душѣ спокойное созерцательное ощущеніе.

Рядомъ съ произведеніями Мореланда висятъ ландшафты Крома. Съ этимъ художникомъ англійская публика познакомилась только въ настоящее время; даже любители говорили о немъ по наслышкѣ. Кромъ, между тѣмъ, засталъ еще въ живыхъ Генсборо и былъ современникомъ Мореланда. Старый Кромъ (Old Chrome), какъ его теперь прозвали, по всей вѣроятности, даже не подозрѣвалъ въ себѣ присутствія огромнаго таланта. Человѣкъ смиренный, отецъ многочисленнаго семейства, онъ проживалъ въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей Англіи, не помышляя о славѣ и Лондонѣ, и довольствуясь продажей своихъ картинъ мѣстнымъ фермерамъ и мелкимъ домовладѣльцамъ. Жизнь и нравъ его какъ нельзя болѣе отражаются въ его произведеніяхъ. Представляя самую простую неэффектную мѣстность: „Опушка лѣса“, „Группа деревьевъ“, „Большой дубъ“, „Старая пристань въ Ярмутѣ“, картины его проникнуты сильнымъ чувствомъ природы. Мотивъ освѣщенія всегда одинъ и тотъ же: яркій блескъ зари тихаго лѣтняго вечера. Картины Крома тѣмъ именно останавливаютъ на себѣ вниманіе, что сразу дѣйствуютъ на душу, пробуждая въ ней цѣлый міръ сладчайшихъ воспоминаній. Тихіе, свѣтлые лѣтніе вечера, которые болѣе или менѣе заставали каждаго изъ насъ въ мечтательномъ настроеніи, воскресаютъ въ памяти при видѣ ландшафтовъ Крома; они какъ бы сосредоточены въ этихъ ландшафтахъ: такъ вѣрно передано и схвачено общее впечатлѣніе мотива. Письмо его бойкое, доходящее иногда даже до дерзости, какъ у Мореланда, не вредитъ такому эффекту; напротивъ, не давая развлекаться деталями, оно еще сильнѣе сосредоточиваетъ вниманіе на общемъ ансамблѣ. Сочность кисти даже идетъ какъ-то къ широкимъ изгибамъ мѣстности въ его картинахъ; она согласуется съ большими массами раскидистыхъ деревъ, стоящихъ въ величайшемъ покоѣ и какъ бы нѣжащихся въ пурпурѣ заката. Съ первыхъ дней выставки, весь Лондонъ заговорилъ о Кромѣ, какъ о значительномъ художникѣ. Отнынѣ ему опредѣлено и отведено одно изъ почетныхъ мѣстъ въ національной школѣ.

Затѣмъ слѣдуютъ по порядку: Насмита—„Ландшафтъ“, „Прудъ со шлюзами“; Гофланда—„Ричмондскій холмъ“; Шалона—„Гастингсъ“, „Деревня“; Стенфильда—„Старая

Голландія", „Ричмондъ", и т. д. Имена этихъ живописцевъ отмѣчены въ моихъ замѣткахъ особымъ знакомъ, — лучшее доказательство, что произведенія эти произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Изъ нихъ лучше всѣхъ, по-моему, Стенфильдъ. Онъ въ высшей степени обладаетъ способностью неизгладимо запечатлѣть въ памяти зрителя тѣ моменты природы, которые вздумаетъ набросать на полотнѣ кистью. Поэтическое чувство лежитъ въ основаніи всѣхъ его твореній; онъ не приноситъ ему въ жертву техники, даромъ, что Стенфильду легче было бы извинить неряшество кисти, чѣмъ всякому другому. Онъ началъ свое поприще съ того, что былъ декораторомъ. Поэзія въ его картинахъ скорѣе даетъ себя чувствовать въ прелести деталей, чѣмъ выходитъ изъ общаго состава картины. Талантъ Стенфильда обнимаетъ всѣ роды живописи, гдѣ только играетъ главную роль природа. Морскіе виды его не уступаютъ его ландшафтамъ. Картина: „Барка, уносимая бурей", по своей силѣ и поэтической правдѣ, можетъ стать на ряду только съ „Морскимъ видомъ" Калькота, который считается въ Англіи первымъ морскимъ живописцемъ, а это много значитъ, потому что изъ числа англійскихъ живописцевъ можно привести цѣлый десятокъ превосходнѣйшихъ маринистовъ.

Приходится, однакожъ, умолчать о нихъ, точно такъ же, какъ пришлось только мелькомъ упомянуть о Стенфильдѣ и Калькотѣ. Намъ еще предстоитъ поговорить о трехъ художникахъ: каждый изъ нихъ отдѣльно выражаетъ особое направленіе; взятые вмѣстѣ, они сосредоточиваютъ въ себѣ общій характеръ пейзажной живописи Британіи. Художники эти: Констебль, Тэрнеръ и Бонингтонъ.

По крайнему моему разумѣнію, Констебль выше изъ всѣхъ. Какъ пейзажистъ, онъ во многихъ отношеніяхъ выше Генсборо. Сила его, какъ у всякаго геніальнаго художника, мгновенно охватываетъ зрителя и покоряетъ его въ свою пользу; она сразу сказывается въ его произведеніяхъ; она дѣйствуетъ особеннымъ какимъ-то обаяніемъ, чѣмъ-то влекущимъ къ произведенію, сначала даже мимо качествъ письма, колорита и красоты въ общемъ составѣ картины. На выставкѣ множество его произведеній: „Сализбюрійскіе луга", „Долина въ Генмингельскомъ паркѣ", „Телѣга съ сѣномъ", „Гемстедскій берегъ", „Просѣка", „Шлюзъ", „Ферма въ долинѣ"; но положительно

не знаешь, какой изъ нихъ отдать преимущество. Каждая вызываетъ удивленіе. Остановишься передъ первой,— думаешь, что ничего ужъ не можетъ быть совершеннѣе; подходишь рядомъ къ другой,—думаешь то же самое.

Въ общемъ своемъ характерѣ, ландшафты Констебля не имѣютъ ничего сочиненнаго, придуманнаго, а между тѣмъ они, очевидно, не рабская копія съ натуры. Изъ всего видно, что художникъ выбиралъ мѣстность не потому только, что она красива и представляетъ выгодный мотивъ для картины, но потому, что прежде всего она отвѣчала личному его чувству, его внутреннимъ наклонностямъ, тронула его сердце. Производя свои пейзажи, Констебль какъ будто смотритъ на природу глазами, увлажненными слезами нѣжнаго, умиленнаго чувства; въ нихъ душа художника какъ бы заодно работаетъ съ кистью; такова, напримѣръ, картина его: „Просѣка“.

Между высокими деревьями, опутанными снизу кустарникомъ и плющемъ, проходитъ колеистая дорога, поперекъ исполосованная тѣнями и свѣтомъ. По ней поднимается стадо; собака остановилась и задумчиво смотритъ вдаль; пастухъ, между тѣмъ, плашмя улегшись на траву, пьетъ изъ ручья съ помощью ладони; въ глубинѣ хмелевой садъ, а дальше зеленѣющіе холмы, увѣнчанные розовыми черепичными крышами фермъ. Во всемъ этомъ столько тишины, столько наивнаго кроткаго чувства, что сердце невольно располагается къ мирной сельской жизни. Другой ландшафтъ: „Ферма въ долинѣ“, по-моему, еще сильнѣе удовлетворяетъ этому чувству. При всей своей правдивости и чистотѣ, это такой поэтическій уголокъ земли, который могъ бы, кажется, примирить самаго закоснѣлаго мизантропа съ жизнію. Одна изъ самыхъ удивительныхъ картинъ Констебля,— „Шлюзъ“, № 320; она изображаетъ выложенную дерномъ канаву, наполненную водой и перехваченную на первомъ планѣ массивнымъ старымъ шлюзомъ. Темныя перекладины съ висящею желѣзною цѣпью рѣзко отдѣляются, вмѣстѣ съ стоящею на плотинѣ фигурою человѣка, на сѣромъ горизонтѣ; надъ ними одиноко возвышается столѣтній вязъ. Ничего, кажется, не можетъ быть проще, и, однако, картина эта справедливо считается однимъ изъ лучшихъ произведеній мастера. Сколько бы вы ни ѣздили по Англіи, она сразу приведетъ вамъ почему-то на память всѣ впечатлѣнія, когда-либо навѣянныя страною.

Въ общемъ своемъ дѣйствіи, картины Констебля пробуждаютъ мысль о тѣхъ блестящихъ серебристыхъ дняхъ ранней весны, когда, къ полудню, небо неожиданно покрывается первыми дождевыми тучами, когда тѣни отъ нихъ, захватывая мѣстами поля, холмы и луга, рѣзко выдаютъ яркость зелени, свойственную этому времени года. Природа Англіи, ея влажная атмосфера, туманъ, сквозь который просвѣчиваетъ солнце, зелень, сверкающая послѣ дождя, сѣрыя тучи, несомыя порывами морского вѣтра,— все это находитъ себѣ въ Констеблѣ лучшаго переводчика. Бѐнистеръ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ любителей живописи и современникъ Констебля, не даромъ говорилъ: „Глядя на картины Констебля, чувствую всегда свѣжесть воздуха на моемъ лицѣ“; не даромъ повторялъ за нимъ Фузелли, со свойственнымъ ему юморомъ: „Картины Констебля заставляютъ меня всегда спохватиться: со мной ли зонтикъ?“ Картины его не всегда, однакожъ, изображаютъ дождливое, ненастное время. Сколько у него и лучезарныхъ дней, и вечеровъ! Произведенія его поражаютъ чѣмъ-то новымъ, неожиданнымъ даже между ландшафтами его соотечественниковъ. Онъ былъ совершенно искрененъ, когда говорилъ въ своихъ письмахъ: „Садясь съ палитрою и кистью передъ природой, я прежде всего стараюсь забыть, что я когда-нибудь видѣлъ какое-нибудь произведеніе живописи“. Въ изображеніи тучъ и вообще неба Констебль положительно оставляетъ за собою все, что̀ было сдѣлано по этой части въ живописи. Небо играетъ у него важную роль; оно даетъ всегда главный тонъ, главный аккордъ въ картинѣ; оно всегда поддерживаетъ силу общаго впечатлѣнія; по тучамъ и цвѣту ихъ, вы сразу заключите о силѣ и направленіи вѣтра, о времени года; кромѣ того, облака какъ бы для того здѣсь. чтобъ еще больше расширить просторъ и дать еще больше глубины воздушной перспективѣ. „Я сдѣлалъ съ величайшимъ тщаніемъ пятьдесятъ большихъ этюдовъ неба“, писалъ онъ въ 1822 г. другу своему Лесли. Эти этюды сохранены; они писаны масляными красками на листахъ масляной бумаги; на оборотѣ они исписаны замѣтками касательно направленія вѣтра, времени года, положенія солнца. Деревья, растительность, вода, земля, камни изучались имъ внимательно. Не было художника, который бы такъ любилъ природу, какъ Констебль. Біографы его приводятъ, какъ фактъ, что стоило написать изъ деревни:

„Пріѣзжай, я открылъ вдоль рѣчки три великолѣпныя старыя дерева“, — Констебль бросалъ мгновенно мастерскую и стремглавъ бѣжалъ изъ Лондона. Констебль рѣдко, едва замѣтно, останавливается на деталяхъ; въ этомъ отношеніи манера его схожа съ манерой Генсборо и Крома. Нѣтъ, однакожъ, такого дерева и растенія, которыя не выказывали бы съ перваго взгляда своего характера. Все писано сочно, жирно, исполнено той точности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и той неотчетливости, которая замѣтна въ самой природѣ, гдѣ рѣзкость контура всегда пропадаетъ и какъ бы таетъ въ воздухѣ и блескѣ свѣта. Многимъ не нравится эта сочность письма, которою, сколько помню, особенно отличается между нашими художниками покойный Лебедевъ; много упрекали въ этомъ Констебля при его жизни; онъ отвѣчалъ всегда, что пишетъ такъ не изъ принципа, не по принятой методѣ, а потому, что способъ этотъ кажется ему самымъ удобнымъ передавать природу такъ, какъ онъ ее чувствуетъ.

Картины Констебля такъ несхожи характеромъ своимъ съ произведеніями Тэрнера, что переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ поражаетъ такъ же неожиданно, какъ иногда въ театрѣ перемѣна декораціи: мирный сельскій видъ, представлявшійся сначала, величественныя деревья и пространные луга, отъ которыхъ вѣяло запахомъ скошеннаго сѣна и зелени, освѣженной дождемъ, — вдругъ исчезли, чтобы дать мѣсто волшебнымъ, фантастически неопредѣленнымъ перспективамъ, облитымъ яркимъ свѣтомъ, въ которомъ переливаются столбы сѣвернаго сіянія и играютъ радуги.

Первый разъ, какъ я увидалъ картины Тэрнера, онѣ не то чтобы мнѣ не понравились: сила таланта инстинктивно давала себя въ нихъ чувствовать и невольно влекла къ нимъ; но я не могъ дать себѣ яснаго отчета въ своемъ ощущеніи и внутренно раздражался, чувствуя, что тамъ есть что-то такое, что̀ я не совершенно понимаю, что̀ мнѣ недоступно. Припоминая все, что̀ приводилось читать о Тэрнерѣ, я не могъ объяснить себѣ восторженныхъ похвалъ его соотечественниковъ. Мало-по-малу, однакожъ, по мѣрѣ того, какъ я заживался въ Англіи, картины Тэрнера замѣтно производили на меня другое дѣйствіе. Неправдоподобность, которая съ перваго раза особенно поражала, перестала удивлять меня. Не скажу, чтобы время, давшее мнѣ возможность присмотрѣться къ

произведеніямъ Тэрнера, сдѣлало меня его поклонникомъ; какъ прежде, такъ и теперь похвалы англичанъ кажутся мнѣ преувеличенными; никакъ не могу согласиться, чтобы Тэрнеръ былъ „величайшимъ пейзажистомъ, когда-либо существовавшимъ“, или, какъ называетъ его г. Роскинъ въ своихъ запискахъ, чтобъ онъ „былъ пророкомъ, посланнымъ отъ Бога, чтобъ открыть тайны вселенной...“ Но, съ другой стороны, еще менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ Планша и Мерсе, которые называютъ его ни болѣе, ни менѣе, какъ пустымъ фантазеромъ. Несправедливость ихъ основывается на томъ, что они вѣроятно судили о картинахъ Тэрнера по эстампамъ; но главное: и тотъ, и другой не знакомы, вѣроятно, съ природой Англіи. Лица, не бывавшія на южныхъ моряхъ и на Востокѣ, всегда какъ-то недовѣрчиво смотрятъ на картины, гдѣ вода ярко-голубого или зеленаго цвѣта, гдѣ скалы и зданія, охваченныя закатомъ, горятъ какъ бы облѣпленныя фольгой. Чтобы вѣрно судить о произведеніи искусства, и тѣмъ болѣе пейзажа, необходимо всегда имѣть въ виду характеръ страны и природы, которыя служили ему моделью. Если принять это за общее правило, оно особенно можетъ быть примѣнимо къ произведеніямъ англійской живописи: здѣсь художники болѣе чѣмъ гдѣнибудь вдохновляются тѣмъ, что ихъ окружаетъ. Знакомство съ климатомъ Британіи объясняетъ отчасти ту сторону произведеній Тэрнера, тѣ ихъ эффекты, которые съ перваго взгляда кажутся такими странными, почти невозможными. Гдѣ, какъ не здѣсь, близость океана и частая перемѣна вѣтровъ подвергаетъ атмосферу такимъ быстрымъ, такимъ причудливымъ превращеніямъ?

То мѣстность облекается густымъ туманомъ, въ которомъ деревья и зданія, теряя свою опредѣленность, представляются островами, плавающими въ пространствѣ; немного погодя, туманъ, поднявшись выше, открываетъ ландшафтъ, разливая въ немъ мягкій серебристый тонъ, въ которомъ отчетливо рисуются очертанія, и особенно ярко блещетъ влажная зелень; еще минута—все снова помутилось: мелкій дождикъ сѣется съ неба, и все окуталось какъ дымкой; думаешь: конца ему не будетъ! ничуть не бывало; откуда ни возьмись, скользнулъ вдругъ лучъ солнца, и въ то время, какъ съ одной стороны сгущается сизый мракъ и косыми полосами льетъ дождикъ,—съ другой играютъ блестящія радуги и ослѣпительно блещутъ

колеи, налитыя водой; а выше клубятся облака, открывая лучезарно движущіяся перспективы съ голубымъ дномъ. Туманъ въ небѣ, когда оно свободно отъ тучъ, производитъ здѣсь одинъ изъ самыхъ сильныхъ эффектовъ: окрашенный солнцемъ и сквозя какъ янтарь, рѣдко разливается ровнымъ сводомъ; приводимый въ движеніе вѣтромъ, онъ медленно переливается, принимая самыя фантастическія, самыя причудливыя формы. Вѣтеръ здѣсь никогда не оставляетъ въ покоѣ облаковъ; онъ безпощадно гонитъ ихъ, рветъ, треплетъ и комкаетъ. Солнце сквозь дождь, радуга въ сумракѣ, влажный серебристый тонъ и блестящій неожиданный ударъ свѣта, смѣняясь безпрерывно, даютъ здѣсь тотъ странный видъ природѣ, который, для непривычнаго глаза, такъ рѣзко поражаетъ въ ландшафтахъ британской школы и болѣе всего у Тэрнера.

Упрекнуть его можно развѣ въ томъ, что онъ усиливалъ то, что и безъ этого уже кажется необыкновеннымъ. Быть-можетъ, онъ повиновался въ этомъ отчасти врожденному инстинкту, влекущему людей его націи къ фантастическому. Не даромъ выставляютъ въ Англіи, какъ величайшую черту его генія, способность приподнимать передъ зрителемъ завѣсу „таинственной, мистической природы“. При всей разноголосицѣ мнѣній, при всей разности вкусовъ, нельзя не сойтись въ одномъ относительно Тэрнера: именно, что въ талантѣ его присутствуетъ какой-то пламень, какая-то энергія, которыми въ такой мѣрѣ, какъ у него, такъ щедро надѣляются только избранныя, особо отмѣченныя личности. Все, къ чему ни прикасается кисть его, мгновенно вырастаетъ и расширяется. Онъ мало заботится о томъ, что представляется простому глазу; повидимому, ему нѣтъ даже дѣла, какую природу онъ пишетъ: природу ли Италіи или Сѣвера. Ему нуженъ прежде всего просторъ, въ которомъ бы въ безконечность неслись и клубились тучи, росли горы и убѣгали линіи, разстилалось море и яростно плескались и пѣнились волны. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ обойти нѣсколько десятковъ его картинъ, выставленныхъ постоянно въ Національной галлереѣ.

Между его многочисленными произведеніями на выставкѣ, два особенно характеризуютъ его взглядъ и манеру исполненія: „Италія“ и „Гастингсъ“. Въ первой картинѣ ни одинъ туристъ и тѣмъ менѣе итальянецъ не встрѣтитъ напоминанія о родинѣ Данта и Рафаэля; ее

даже нельзя назвать идеальнымъ представленіемъ итальянской природы; такой пейзажъ можетъ возникнуть только въ воображеніи, возбужденномъ гашишемъ, представиться во снѣ, въ степномъ миражѣ, или существовать въ царствѣ воздушныхъ духовъ и волшебницъ; горы, какого-то страннаго, хотя величаваго очертанія, отливаютъ всѣми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней; небо горитъ и кипитъ какъ плавленное золото; деревья и зелень сверкаютъ скорѣе какъ изумруды, чѣмъ какъ листья; все это, между тѣмъ, такъ широко и пространно, такъ заманиваетъ глазъ и воображеніе, — и, вмѣстѣ съ тѣмъ, писано съ такимъ изумительнымъ мастерствомъ, съ такимъ могуществомъ и силой, что невольно засматриваешься по часамъ. Второй пейзажъ характеризуетъ первую манеру мастера, когда онъ болѣе держался правды, когда искалъ поэзіи въ дѣйствительности. Въ Англіи каждый день встрѣчаешь эти облака сизо-перловаго цвѣта, несомыя вѣтромъ; сплошь и рядомъ открываются въ нихъ, какъ на картинѣ Тэрнера, эти провалы, въ которыхъ солнце, разливаясь полосою по дальнему морю, трогаетъ блестящими точками паруса; плоскій песчаный берегъ и городъ Гастингсъ пересѣчены радугой; на первомъ планѣ большія рыбачьи лодки съ трепещущими парусами,—все это такъ же полно жизни и вѣрно, какъ въ самой природѣ. Потомъ уже, во второй половинѣ своего поприща, Тэрнеръ началъ искать въ природѣ особенныхъ эффектовъ и обнаружилъ стремленіе къ сверхъестественному, фантастическому. Хотя въ твореніяхъ искусства надо прежде всего умѣть открыть хорошую сторону и насладиться ею прежде, чѣмъ требовать отъ художника того, чего бы хотѣлось, однако нельзя, глядя на картины Тэрнера, воздержаться отъ сожалѣнія: зачѣмъ принялъ онъ послѣднее направленіе! Сравнивая картины, написанныя подъ непосредственнымъ вліяніемъ природы, съ тѣми, въ которыхъ фантазія беретъ перевѣсъ надъ дѣйствительностью, нельзя не сознаться, что талантъ его принялъ впослѣдствіи ложное, какое-то лихорадочное направленіе. Онъ точно увлеченъ былъ къ концу своей жизни какимъ-то головокруженіемъ. Не довольствуясь красотою и поэзіей природы, но усиливаясь изображать безконечность, онъ какъ будто былъ ослѣпленъ лучами ея свѣта и потерялся въ ней...

Вмѣстѣ съ Тэрнеромъ слѣдуетъ упомянуть о Робертсѣ, Голландѣ, Денби и Мартинѣ. Всѣ четверо писали и пи-

шутъ картины, въ которыхъ фантазія точно такъ же играетъ преимущественно первую роль. Съ именемъ Мартина (р. 1789, † 1854) вы больше знакомы; гравюра и акватинта давно распространили по Европѣ его композиціи: „Пиръ Бальтазара“, „Разрушеніе Ниневіи“, „Послѣдній день Вавилона“, „Потопъ“, „Паденіе перваго человѣка“, „Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце“, и пр., и пр. Я называю его картины композиціями, потому что Мартинъ, собственно какъ живописецъ, не заслуживаетъ никакого вниманія. Онъ прямой послѣдователь Тэрнера только въ фантастическомъ родѣ. Картина Тэрнера, помѣщенная на выставкѣ, подъ названіемъ: „Седьмая Египетская язва“, какъ будто опредѣлила призваніе Мартина. Одаренный пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ, направленнымъ къ чудесному, къ громадному, онъ употребилъ свой талантъ на изображеніе сверхъестественнаго, небывалаго: дѣйствительность существуетъ для него еще менѣе, чѣмъ для Тэрнера въ послѣднее время. Картины его, средняго размѣра, представляютъ обыкновенно, какъ, напримѣръ, въ „Бальтазаровомъ пирѣ“, безконечныя перспективы причудливыхъ зданій, колоннадъ, арокъ, лѣстницъ, переходовъ, террасъ. Посреди всего этого, при сверканіи молніи и сверхъестественныхъ лучахъ свѣта, прорывающихъ тучи, движутся какъ муравьи десятки тысячъ людей. Въ „Потопѣ“ фантазія художника окончательно переноситъ зрителя за предѣлы возможнаго; глазъ и воображеніе теряются въ путаницѣ тучъ, разверстыхъ со всѣхъ сторонъ и объятыхъ фосфорическимъ пламенемъ; внизу переливаются въ безконечность громадныя волны, въ которыхъ тонутъ цѣлые народы...

Къ сожалѣнію, все, что при такой обстановкѣ должно было бы составлять одно изъ главныхъ условій картинъ Мартина, то-есть, колоритъ и мастерская техника, такъ у него неудовлетворительны, что весь эффектъ композиціи окончательно пропадаетъ; его картины во сто разъ больше выигрываютъ въ эстампахъ.

Какъ бы въ вознагражденіе за буро-желтый тонъ на композиціяхъ Мартина, по близости выставленъ цѣлый рядъ картинъ Бонингтона, одного изъ первѣйшихъ колористовъ Англіи. Бонингтонъ (р. 1801, † 1828) принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ художниковъ, которые прокладываютъ новые пути въ искусствѣ. Болѣе невыгодной обстановки для развитія его таланта не могло быть.

Шестнадцати лѣтъ отправили его въ Парижъ и опредѣлили въ мастерскую Гросса, ученика Давида. Съ первыхъ уроковъ чувствуетъ онъ непреодолимое отвращеніе къ классическимъ римлянамъ, которыхъ заставляетъ его рисовать Гроссъ. Англійская self-dependence, чувство независимости, инстинктивныя побужденія врожденнаго таланта, не даютъ ему ужиться въ академической атмосферѣ. Онъ оставляетъ мастерскую Гросса; съ этого дня, единственнымъ его учителемъ дѣлается природа. Онъ началъ съ акварелей, и первый, можно сказать, распространилъ этотъ родъ живописи во Франціи. Первыя картины его, виды Нормандіи, въ 1822 году на выставкѣ Парижа, произвели революцію въ кругу художниковъ. Въ послѣднее время всѣ чувствовали пресыщеніе отъ классицизма; романтизмъ носился уже въ воздухѣ; его возбудилъ Жерико своею картиной: „Плотъ послѣ крушенія корабля Медуза“. Но пейзажисты все еще какъ будто робѣли; картины Бонингтона развязали всѣмъ руки.

Эти виды Нормандіи были первыми *натуральными* ландшафтами на почвѣ Франціи. Въ нихъ, въ первый разъ, открывалась правда и поэзія въ правдѣ. Пренебрегая академическими уставами, Бонингтонъ первый научилъ французскихъ художниковъ изображать природу безъ прикрасъ, во всей ея дѣйствительности, какъ понимали ее Генсборо и Констебль. Онъ первый отбросилъ условные пріемы письма и познакомилъ съ тою широкою, сочною манерой, которая, кромѣ того, что ближе подходитъ къ правдѣ, даетъ художнику полную возможность выказывать свою индивидуальность. Картины Констебля, выставленныя въ Парижѣ въ 1824 году, довершили переворотъ, начатый его молодымъ соотечественникомъ. Бонингтонъ умеръ двадцати семи лѣтъ отъ роду. Онъ произвелъ, однакожъ, такъ много, что, не считая картинъ, находящихся во множествѣ въ частныхъ коллекціяхъ, на одной выставкѣ собрано ихъ болѣе десяти. Любой изъ нихъ довольно, чтобъ обезсмертить художника.

Послѣ колорита, отличительная черта его произведеній—правда, та правда, которая, какъ у Констебля, пробуждаетъ въ душѣ поэтическія ощущенія. Я не знаю ничего проще картинъ Бонингтона. То, что называютъ обыкновенно *сюжетомъ*, для него не существуетъ. Составить картину, расположить въ ней предметы такимъ образомъ, чтобъ они выражали какую-нибудь идею — это у

него послѣдняя забота. Передъ его картинами мысль рождается сама собою, какъ передъ лицомъ природы. Сила его заключается въ таинственномъ дарѣ привлекать симпатію и пробуждать участіе къ предметамъ, мимо которыхъ, въ натурѣ, пройдешь безо всякаго вниманія. Онъ довольствуется первымъ встрѣчнымъ мотивомъ; старая лодка, вытащенная на песчаный берегъ, заросшій лопухомъ; топкій дворъ, покрытый дождевыми лужами, въ которыхъ отражается развѣшанное на веревкѣ тряпьё и гдѣ барахтаются утки; узенькая улица съ перекосившимися старыми домами; полоска земли на краю моря, и надъ нею лучезарное воздушное пространство безъ облаковъ; сарай съ провалившеюся кровлей; скалистый обрывъ, въ который бьютъ волны и пѣна,—достаточны ему, чтобы написать картину, которую потомъ жадно будутъ вырывать другъ у друга охотники. Подъ кистью его, быстрою и какъ бы одушевленною, все получаетъ значеніе; камень, бочка, обломокъ крыши—принимаютъ печать чего-то жизненнаго, смотрятъ какъ-то умно и типично. Какъ колористъ, Бонингтонъ положительно не имѣетъ соперниковъ. По блеску и тонкой гармоніи красокъ, его „Турокъ“, „Венеція“, „Процессія монаховъ“, — убиваютъ все, что сколько-нибудь приближается къ этому роду. Краска какъ будто капаетъ съ его кисти: густо вездѣ наложенная и отливающая какъ серебро, она, при всей густотѣ своего слоя, какъ бы совершенно улетучивается; ея нигдѣ не видно; разсматривая небо въ картинахъ Бонингтона, глазъ встрѣчаетъ только пространство, мерцаніе свѣта, въ которомъ струями переливается паръ и ходитъ воздухъ. Какая прелесть его морскіе виды: „Видъ въ Нормандіи“ и „Морской берегъ въ сѣверной Франціи“. Передъ ними такъ свободно дышится, что на минуту совершенно забываешься.

Произведенія Генсборо, Констебля, Тэрнера и Бонингтона знакомятъ васъ съ характеромъ и стремленіями остальныхъ пейзажистовъ и маринистовъ Англіи, во главѣ которыхъ находятся теперь Мюллеръ, Оксъ, Даніель, Дайсъ, Антони, Линель и другіе. Картина послѣдняго особенно осталась въ моей памяти: солнце только что сѣло за холмы, разливая по небу багровое зарево; оно отсвѣчиваетъ на скатахъ и поляхъ, покрытыхъ жнивьемъ; въ этомъ золотисто-пурпуровомъ полусвѣтѣ нѣсколько женщинъ и мужчинъ убираютъ послѣдніе снопы; безъ

темныхъ пятенъ и сильныхъ ударовъ свѣта, но только постепенными градаціями неуловимо-тонкихъ тоновъ полусвѣта и отраженій,—Линель успѣлъ придать фигурамъ такую рельефность, что онѣ кажутся Богъ знаетъ насколько отдаленными отъ послѣднихъ холмовъ въ глубинѣ картины; общее впечатлѣніе прелестно.

Но всѣхъ великолѣпныхъ ландшафтовъ здѣсь не пересчитаешь. Ихъ даже несравненно больше, чѣмъ картинъ жанра. Изъ этого я заключаю, что пейзажъ — самый любимый родъ живописи въ Англіи. Это объясняется тѣмъ, что вообще нѣтъ страны, гдѣ бы такъ любили природу, какъ въ Англіи. Надо видѣть, какимъ уваженіемъ пользуется здѣсь растительность; ничтожнѣйшее деревцо, брошенное случайно на лужайку, холится и бережется своимъ владѣльцемъ, будь онъ самый простой пахарь, съ отеческою нѣжностью; онъ ни за что не прикоснется топоромъ къ вѣткѣ, подъ предлогомъ, что она скосилась на сторону или лѣзетъ на его крышу; натуральная красота инстинктивно тѣшитъ его. Парки вельможъ, гдѣ все точно такъ же произрастаетъ на свободѣ, гдѣ ничего нѣтъ подстриженнаго, *исправленнаго*, какъ бываетъ въ паркахъ Франціи и Германіи, распространили мало-по-малу этотъ вкусъ и вмѣстѣ съ нимъ уваженіе къ естественнымъ прелестямъ растительности. Внутреннее влеченіе къ природѣ безъ вычуръ, но во всей ея первобытной наивной простотѣ, разумѣется, должно было холодно встрѣтить сочиненный, придуманный ландшафтъ классической школы и возбудить отвращеніе къ искусственнымъ ландшафтамъ во вкусѣ Буше, Ланкре и Патера; отъ національнаго искусства оно прежде всего требовало отвѣта національному чувству. Требованіе это имѣло своимъ послѣдствіемъ именно ту свободу, ту непринужденную естественность и правду, которыя даютъ такую оригинальную печать ландшафтамъ англійской школы.

Насколько національныя стремленія выразились въ пейзажѣ, настолько способствовали они здѣсь развитію той отрасли живописнаго искусства, которая, въ такой мѣрѣ, существуетъ только въ Англіи; я говорю о живописи животныхъ. Нигдѣ любовь къ нимъ не простирается такъ далеко, какъ въ Англіи. Не только улучшеніе породъ, но улучшеніе жизни животныхъ давно обратило на себя вниманіе общества. Конюшня, птичій и скотный дворъ— столько же здѣсь важные предметы хозяйства, сколько

любимое развлеченіе и удовольствіе. Жизнь англичанъ такъ уже сложилась, что все въ ней сближаетъ человѣка съ природой; бо́льшая часть года, проводимая внѣ городовъ, въ за́мкахъ, коттеджахъ, тѣсный семейный кругъ, сосредоточеніе у домашняго очага — все это, располагая искать развлеченій въ длинныхъ прогулкахъ, въ охотѣ по лѣсамъ и полямъ, сильно содѣйствуетъ такому сближенію; сочувствіе къ животнымъ необходимо вяжется съ любовью къ природѣ. Теперь французы уже перестали смѣяться надъ страстью своихъ сосѣдей къ лошадямъ и собакамъ. Страсть эта, говорили они, доходитъ до того, что британцы совершенно оправдываютъ поступокъ Магомета, который рѣшился скорѣе отрѣзать рукавъ своей одежды, чѣмъ разбудить заснувшую на немъ кошку. Французы сами стали теперь какъ будто раздѣлять эту страсть англичанъ. Неизвѣстно только, изъ какого источника выходитъ ихъ любовь къ животнымъ: изъ гуманнаго ли чувства или утилитарнаго.

Страсть къ животнымъ возбудила въ Англіи желаніе видѣть ихъ воспроизведенными искусствомъ. Нашлись живописцы, которые спеціально посвятили свой талантъ изображенію животныхъ. Между ними Ландсиръ довелъ этотъ родъ живописи до степени высокаго художества. Гравюра, литографія, акватинта, распространяя повсюду его произведенія, сдѣлали имя его извѣстнымъ въ Европѣ. Но гравюра даетъ слабое понятіе о талантѣ Ландсира; при всей своей отчетливости, она не уловляетъ всей тонкости выраженія; она не передаетъ, наконецъ, прелести письма и колорита, которыми такъ блещутъ его произведенія.

Художники, писавшіе до сихъ поръ животныхъ, не выключая Розы Бонеръ, Жадена, Тройона, смотрѣли на нихъ только съ точки зрѣнія живописнаго эффекта; они прежде всего заботятся о вѣрности внѣшняго матеріальнаго типа животныхъ; они превосходно передаютъ ихъ наружную форму, цвѣтъ рубашки, характеръ шерсти, отливъ кожи и т. д. Ландсиръ, сверхъ того, даетъ своимъ героямъ душу, языкъ, страсти,—словомъ, личность. На картинахъ его, физіономія животнаго, даже взглядъ его, говоритъ иногда больше, чѣмъ его наружность. Онъ какъ будто читаетъ въ ихъ задумчивыхъ зрачкахъ, вопросительно устремленныхъ на природу и на человѣка, проникаетъ ихъ помыслы, уловляетъ ихъ побужденія и желанія. Кто

видѣлъ его картины, того не удивитъ разсказъ, будто бы какая-то женщина залилась слезами, разсматривая его картину: „Утка, у которой только что зарѣзали селезня“. Очень сожалѣю, что не было на выставкѣ картины его: „Отправка пастуховъ съ горъ въ нижнія долины“; это, говорятъ, лучшее его произведеніе. Впрочемъ, здѣсь было чѣмъ вознаградить себя за такую потерю. Картина, изображающая принца Альберта, который, прямо съ охоты, окруженный стаей собакъ, входитъ на террасу, гдѣ ожидаютъ его королева и дѣти, и другая — „Животныя на кузницѣ“—сами по себѣ два совершенства во всѣхъ отношеніяхъ: какая грація, какой колоритъ, сколько правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какое искусное, мастерское письмо! Композиція послѣдней чрезвычайно проста: она представляетъ внутренность закопченой кузницы; на этомъ темномъ фонѣ стоитъ лошадь сѣро-молочнаго цвѣта съ могучими формами. на которыхъ тщательно вычищенная шерсть отливаетъ атласомъ: она повернула голову и довѣрчиво смотритъ на кузнеца, ухватившаго ея заднюю ногу; подлѣ стоитъ осленокъ самаго упрямаго, строптиваго вида; пунцовый цвѣтокъ, воткнутый ему за ухо какою-нибудь шаловливою деревенскою дѣвушкой, придаетъ его физіономіи невыразимо-комическое выраженіе; худощавая собака, изъ породы шавокъ, слѣдитъ за движеніями кузнеца и взглядомъ ловитъ отлетающіе струпья отъ копыта, которое счищаетъ ея хозяинъ; надъ дверью въ клѣткѣ изъ хвороста щелкаетъ скворецъ; въ умныхъ глазахъ его едва замѣтнымъ бликомъ отражается небесная лазурь. Картина эта, исполненная самыхъ тонкихъ милыхъ деталей, показываетъ въ Ландсирѣ такого же великаго живописца, какъ и поэта. Здѣсь есть нѣсколько картинъ, которыя могли бы поставить Ландсира въ число превосходныхъ пейзажистовъ и жанристовъ.

Не считая Ансделя, Купера, Девида, Ланса, художниковъ съ замѣчательнымъ талантомъ, въ англійской школѣ множество еще другихъ болѣе или менѣе даровитыхъ живописцевъ, которые преимущественно пишутъ только животныхъ.

Мнѣ еще остается сказать вамъ объ акварeляхъ. Вы знаете, что этотъ родъ играетъ въ Англіи почти такую же важную роль, какъ масляная живопись. Въ Лондонѣ ежегодно бываютъ двѣ большія выставки, состоящія спеціально изъ однѣхъ акварелей; въ зданіи международной

выставки имъ посвящено большое отдѣленіе. Этотъ родъ называютъ здѣсь по всей справедливости національнымъ; онъ вошелъ въ употребленіе съ первыхъ годовъ, какъ началось здѣсь художество. Водяными красками писали Генсборо, Рейнольдсъ, Констебль, Тэрнеръ, Бонингтонъ— словомъ, всѣ великіе мастера Британіи. Число акварелистовъ такъ теперь значительно, что они составляютъ двѣ большія корпораціи, представляющія какъ бы двѣ отдѣльныя школы. Живопись водяными красками доведена здѣсь до такого высокаго совершенства, что многіе художники съ успѣхомъ примѣняютъ ее къ изображенію большихъ сюжетовъ, требующихъ строгаго стиля. Сила свѣта и тѣни, блескъ колорита, энергія и густота тоновъ, строгость рисунка, широта письма, — все дѣлаетъ здѣсь изъ акварели не игрушку, не альбомное украшеніе, но серьезную отрасль искусства.

Акварели представляютъ здѣсь чуть ли еще не больше разнообразія, чѣмъ масляныя картины; вы переходите всѣ жанры, начиная отъ историческихъ библейскихъ сюжетовъ и кончая плодами и цвѣтами. Разнообразіе въ пріемахъ исполненія свидѣтельствуетъ, что акварелистами управляетъ принципъ совершенной независимости и личной свободы. Видно, что каждый дѣлаетъ по-своему, какъ знаетъ, не стѣсняясь никакими правилами, никакими соображеніями своихъ предшественниковъ или современниковъ; въ виду одно только: чтобъ у каждаго художника выходило такъ, какъ ему кажется удобнѣе и лучше. Одни, какъ Люисъ, Гагъ, Корбульдъ и Варренъ, — первый въ своихъ восточныхъ акварелях, послѣдніе три въ историческихъ сюжетахъ, — пишутъ тонко, отчетливо, почти миніатюрно, примѣшивая въ свѣтлыхъ частяхъ гуашъ. Другіе, какъ напримѣръ, Катермоль и Гопгамъ, не только не употребляютъ бѣлилъ, но пишутъ какъ будто одною чуть-чуть подкрашенною водою: до того легки и прозрачны ихъ картины. Третьи, какъ Фильдингъ въ своихъ морскихъ видахъ, весьма схожихъ съ такими же картинами Бонингтона, и Праутъ (Prout) въ своихъ ландшафтахъ, — пишутъ сочно, но окончено, и только однѣми соковыми красками; словомъ, здѣсь все найдете, всѣ манеры, всѣ извѣстные и незнакомые способы, всѣ стили и жанры. Многія изъ этихъ акварелей поражаютъ громадностью своихъ размѣровъ.

Принимая въ соображеніе трудность акварельнаго искус-

ства, гдѣ все должно быть сдѣлано сразу, гдѣ малѣйшій промахъ остается неизгладимымъ, неисправимымъ пятномъ, и сравнивая его съ масляною живописью, нельзя не пожалѣть, что такое множество блестящихъ талантовъ довѣряютъ свой трудъ бумагѣ и краскамъ, которыя такъ непрочны, такъ скоро истребляются временемъ.

Послѣ всего сказаннаго здѣсь объ англійской живописи, вы согласитесь, вѣроятно, что она заслуживаетъ больше вниманія противъ того, какъ вы думали прежде и какъ старались увѣрить васъ въ этомъ французскіе критики. Уже со времени Манчестерской выставки дѣло, какъ видно, приняло другой оборотъ; Планшъ, Бланъ, Мерсе и другіе слѣдались гораздо снисходительнѣе; международная выставка окончательно перемѣнила ихъ мнѣніе. Жаль, что у насъ вообще мало читаютъ и пишутъ объ искусствѣ. Нѣмецкіе писатели, Бюргеръ и Вагенъ, давно отдали полную справедливость англійскому искусству. Но если бы вы даже не захотѣли принять къ свѣдѣнію всѣхъ этихъ критиковъ, и заподозрили меня въ пристрастіи къ англійскимъ живописцамъ, — вы все-таки должны будете заключить, что мнѣніе, будто англійское искусство маловажно и что сами англичане скудно надѣлены артистическимъ чувствомъ, — не имѣетъ положительно никакого основанія. Дѣло выходитъ не изъ моихъ описаній и личнаго вкуса, — но изъ самихъ фактовъ. Рейнольдсъ, Гогартъ, Гепсборо, Констебль, Вильки, изъ старыхъ,—Лауренсъ, Гонтъ, Мюльреди, Фритъ, Бонингтонъ и множество другихъ изъ молодого поколѣнія — достаточно, кажется, свидѣтельствуютъ, что ни въ одной школѣ, и въ такое короткое время, не было такого множества первоклассныхъ талантовъ.

Эти имена обличаютъ всю несостоятельность аргумента, который хватался обыкновенно за климатъ и темпераментъ, какъ главныя препятствія, мѣшающія будто бы развитію искусства на сѣверѣ; они доказываютъ, вмѣстѣ съ голландцами и фламандцами, что климатъ и темпераментъ, способствуя, конечно, болѣе или менѣе процвѣтанію преимущественно одного рода передъ другимъ, — нисколько не мѣшаютъ вообще успѣхамъ художества, — не мѣшаютъ даже высказаться той сторонѣ его, которая, въ туманахъ и снѣгахъ, всего менѣе, кажется, могла бы найти мѣсто, — именно силѣ колорита и блеску красокъ.

Пройдя въ памяти все то, что уже сдѣлало здѣсь искус-

ство, можно утвердительно сказать, что все ручается здѣсь за будущее преуспѣваніе искусства.

Жизненная обстановка, сосредоточенность и разумное спокойствіе ума и нравовъ, атлетическое сложеніе англосаксонской расы, возбуждающее даже въ образованномъ кругу уваженіе къ породѣ и физической силѣ,—все доказываетъ, что въ настоящее время англичане ближе къ природѣ, ближе къ идеалу красоты, чѣмъ другіе народы. Если, при красотѣ формъ, наружный типъ британца блѣдненъ и не такъ выразителенъ, какъ у итальянца,—взамѣнъ этого на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь женщины, которыя своею величавою, энергическою или нѣжною красотою могли бы служить моделью для Фидія и Праксителя; на каждомъ шагу встрѣчаются юноши, приводящіе на память Антиноя и молодого Бахуса. А дѣти!—дѣти такъ хороши, какъ ангелы на картинахъ Фра-Анджелико, Перуджино и Рафаэля. Соединеніе этой изящной красоты формъ, очертаній, свѣжести и блеска кожи, съ выраженіемъ поэтической задумчивости въ ихъ голубыхъ глазахъ, отѣненныхъ шелковистыми рѣсницами, производитъ ту идеально-поэтическую комбинацію, которую уловили отчасти Лауренсъ въ портретѣ молодого Ламбтона, Рейнольдсъ въ лицѣ Нелли Обрайнъ, Генсборо въ молоденькой дѣвушкѣ съ бѣлымъ платьемъ, и т. п. Рѣдкое сочетаніе совершеннѣйшихъ формъ природы, безъ сомнѣнія, сильно должно способствовать англійскимъ художникамъ приблизиться къ тому высокому идеалу, къ которому уже многіе,—и Гонтъ между прочимъ,—начали прокладывать дорогу.

Твердость въ стремленіи къ своей цѣли, стойкость и послѣдовательность въ убѣжденіяхъ,—столь свойственныя національному характеру,—въ соединеніи у художниковъ съ врожденнымъ талантомъ и благородствомъ стремленій, очищенныхъ высокимъ просвѣщеніемъ, — все это поддерживаетъ увѣренность въ блестящемъ будущемъ, которое предстоитъ искусству въ Британіи.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ КЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
НА ВСЕМІРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ
1867 года.

На всемірной Лондонской выставкѣ 1851 г. былъ первый разъ поднятъ вопросъ о необходимости художественнаго образованія между промышленными классами общества.

Вопросъ былъ поднятъ англичанами. Главнымъ поводомъ служило слишкомъ явное преимущество тѣхъ отраслей французскаго производства, значеніе которыхъ возвышается отъ степени сближенія ихъ съ художествомъ.

На чемъ же основывались эти преимущества? Отчего столько времени пользовалась ими Франція, а не другое государство?

Никто не сомнѣвался, что генію каждой націи свойственны особые оттѣнки, и вкусъ есть уже, такъ сказать, патентованное свойство французовъ; но каждый, даже не занимавшійся вопросомъ художества, зналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что одного вкуса еще недостаточно для достиженія такихъ результатовъ; вкусъ есть только одна изъ многочисленныхъ сторонъ вообще художественнаго чувства.

Туть дѣло, очевидно, заключалось въ особомъ умѣньи французовъ возбуждать природныя свойства націи, постоянно ихъ развивать и поддерживать.

Все это было совершенно справедливо; но справедливо было и то также, что изящныя отрасли французской промышленности, не встрѣтившія соперниковъ на выставкѣ 1851 г., были сами по себѣ далеко не безупречны; опѣ

были лучше другихъ только сравнительно. Въ этомъ сознавались сами французы, вообще мало расположенные произносить себѣ приговоры. Многіе выставочные отчеты за 1851 г., писанные французскими экспертами, указывали даже на признаки явнаго упадка. Они говорили, что если не примутъ въ скоромъ времени существенныхъ мѣръ для улучшенія художественной промышленности, государство можетъ легко лишиться той части своей производительности, которая въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій составляла одну изъ самыхъ важныхъ группъ въ ея исторіи труда и торговли.

Изъ этого само собою слѣдовало, что все, что могло служить къ усовершенствованію этихъ важныхъ отраслей, далеко еще не было такъ совершенно и во Франціи. Въ чемъ же заключались эти недостатки? Ихъ надобно, конечно, искать въ худомъ состояніи художественнаго образованія промышленнаго класса.

Во Франціи въ послѣднее полустолѣтіе оно дѣйствительно находилось въ томъ положеніи, что имъ не могли пользоваться настоящимъ образомъ даже тѣ классы общества, которые спеціально посвящали свой трудъ изящному производству. Ихъ знакомили не столько съ художествомъ, сколько съ какою-нибудь изъ его отраслей; узкая эта доля, передаваясь по наслѣдству отъ отца къ сыну, отъ мастера къ ученику, и ограничиваясь спеціальною частью, весьма натурально, ограничивала общія понятія производителя, стѣсняла просторъ творческой способности и мало-по-малу превращала его въ механическаго рутиннаго труженика. Система спеціальнаго обученія приводила къ усовершенствованію мелочныхъ частей, деталей, во вредъ цѣлому, общему созданію предмета; недостатокъ этотъ отражался даже на лучшихъ произведеніяхъ французскаго производства, украшавшихъ выставку 1851 года. Черта эта, между тѣмъ, не встрѣчается, не говоря уже въ древнемъ искусствѣ того же характера, но, напримѣръ, въ XV и XVI вѣкахъ, въ эпоху возрожденія и процвѣтанія всего художественнаго, когда лица, занимавшіяся производствомъ изящнаго, обнимали, болѣе или менѣе, всѣ стороны художественнаго образованія; она не встрѣчается даже во французскомъ изящномъ производствѣ XVII и XVIII-го столѣтій.

Всѣ эти доводы возбудили горячія пренія о томъ, какъ поправить дѣло. Вопросъ систематическаго художествен-

наго образованія явился уже какъ слѣдствіе этихъ преній; онъ не замедлилъ сгруппировать вокругъ себя множество лицъ всякаго рода; во главѣ ихъ сталъ принцъ Альбертъ и г. Коль, теперешній директоръ Кенсингтонскаго музеума.

Попавъ въ руки личностей въ высшей степени энергическихъ и дѣятельныхъ — личностей, одушевленныхъ, сверхъ того, высокою патріотическою мыслью, — вопросъ скоро разработался, окрѣпъ и принялъ самые обширные масштабы.

Собственно говоря, сознаніе основной мысли давно существовало; во Франціи въ разное время было даже сдѣлано много попытокъ практическаго приложенія; но все это, по тѣмъ или другимъ причинамъ, принимало видъ частнаго, случайнаго факта, касалось или отдѣльныхъ лицъ, или спеціальныхъ кружковъ, разъединенныхъ съ общей обширной семьей работающаго промышленнаго сословія.

Заслуга англичанъ, поднявшихъ дѣло, состояла въ томъ, что они сдѣлали изъ частнаго вопроса, обращавшагося сначала только къ выгодамъ промышленности, вопросъ широкаго общественнаго значенія.

Новая программа не ограничивалась тѣмъ классомъ, который посвящаетъ себя отраслямъ художественнаго производства; она заключала въ себѣ цѣлую систему художественнаго воспитанія; оно должно было распространяться на всѣ сословія англійскаго общества, должно было проникать въ самыя глухія части Великобританскаго государства; мысль была при этомъ такая, что кто знаетъ— этимъ способомъ можно будетъ вызвать къ дѣятельности такія личности, которыя, отъ недостатка случая, или отъ невозможности достать тутъ же, подъ рукою, способы къ развитію,—не подозрѣваютъ въ себѣ признака дарованія. Недостатокъ этихъ случаевъ лишаетъ, безъ сомнѣнія, общество многочисленныхъ полезныхъ дѣятелей!

Не касаясь глубокой человѣчности такой мысли, она была удивительно практична, потому что основывалась на свойствахъ человѣческой природы, которой вообще присуще чувство художества.

За доказательствами ходить недалеко; они краснорѣчиво подтверждаются, пожалуй, хоть самой исторіей промышленнаго производства; связь его съ художествомъ единовременна не только всякаго рода производительности

въ томъ правильномъ видѣ, какъ она теперь является, но и началу производства предметовъ, выражающихъ первѣйшія потребности человѣка.

Не прикасаясь къ драгоцѣннымъ остаткамъ разнаго рода издѣлій у древнихъ, стоитъ обратить вниманіе на образцы дикихъ племенъ, лишенныхъ первыхъ элементовъ цивилизаціи; не ясно ли они доказываютъ, какъ сильно человѣкомъ управляетъ потребность украшать издѣлія рукъ своихъ? Потребность эта есть именно то врожденное чувство къ художеству, которое, во что бы ни стало и на чемъ бы ни было, ищетъ только случая высказаться. На послѣдней выставкѣ, въ отдѣлѣ парка, въ коллекціи, устроенной миссіонерами, находилось множество издѣлій, принадлежащихъ дикимъ племенамъ Австраліи и жителямъ Тихаго океана; не только предметы религіознаго назначенія, предметы любви и поклоненія, исполненіе которыхъ требовало особеннаго усердія руки и усилія воображенія, но даже предметы самаго обиходнаго употребленія покрыты были тончайшими рѣзными или плетеными узорами самой прихотливой орнаментаціи. На той же выставкѣ, въ русскомъ отдѣлѣ, помѣщались костюмы орочанъ, жителей Чукотскаго мыса, якутовъ, обитателей тѣхъ полярныхъ странъ, гдѣ самая матеріальная обстановка поставляетъ величайшія препятствія для какого бы то ни было развитія, гдѣ солнце на нѣсколько недѣль замѣняется свѣтомъ жирника; одежда ихъ, между тѣмъ, покрыта была узорами часто такой счастливой комбинаціи, что ихъ съ жадностью срисовывали современные орнаментисты.

Естественная эта потребность не удовлетворяться предметомъ первой необходимости, перваго вида, но стараться придать ему форму, украсить его рисункомъ, сдѣлать его красивымъ по своему понятію — все это само собою положило начало связи художества съ промышленностью; развитіе послѣдней, которое идетъ всегда съ развитіемъ общества, ясно уже указало на выгоды такой связи и сильнѣе ее упрочило.

Ткани, оружіе, гончарное дѣло, мебель, утварь всякаго рода — все это у всѣхъ народовъ и во всѣ времена знаменательно подтверждаетъ силу прирожденнаго художественнаго чувства; все это имѣло успѣхъ, получало сбытъ, конечно, не столько въ силу матеріальнаго качества, сколько въ силу внѣшняго вида предметовъ, красоты ри-

сунка, формы, сочетанія красокъ, изящества отдѣлки — словомъ, насколько трогало художественное чувство.

Но вопросъ приложенія художества къ выгодамъ промышленности былъ въ первое время на второмъ планѣ. Задача состояла пока въ томъ, какимъ образомъ воспользоваться этимъ врожденнымъ чувствомъ, какимъ образомъ развить его и направить.

Для этого однѣхъ школъ было недостаточно. Не считая, что школьное образованіе большею частью налагаетъ свою печать и часто дѣйствуетъ во вредъ развитію оригинальныхъ, самобытныхъ способностей, въ школѣ, какъ бы она ни была хороша, есть всегда что-то сухое, рутинное; школа, наконецъ, есть уже нѣкоторымъ образомъ вторая ступень; надо сначала тронуть чувство къ художеству и разбудить его. Съ такою цѣлью лучше всего поставить общество непосредственно лицомъ къ лицу съ художествомъ, дать ему живое представленіе изящнаго во всѣхъ его видахъ, формахъ, проявленіяхъ. Достигнуть этого можно только распространеніемъ въ государствѣ музеумовъ; ихъ слѣдовало такъ устроить, чтобы они служили самой популярной, самой любимой прогулкой для лицъ всѣхъ званій и положеній. Рисовальныя и техническія школы сами по себѣ; онѣ явятся по мѣрѣ надобности; но прежде всего—видъ изящнаго; этимъ способомъ дѣйствительнѣе можно будетъ коснуться художественнаго нерва, успѣшнѣе можно будетъ подѣйствовать въ пользу его побужденія, чѣмъ школьное систематическое обученіе.

Лучшее доказательство, какъ много было въ этой программѣ существенно живого, заключается въ томъ, что оно возбудило всеобщее сочувствіе и получило вдругъ огромную популярность. Мимо ея очевидной практичности, она отвѣчала духу времени, отвѣчала самымъ живымъ стремленіямъ вѣка, одна изъ задачъ котораго въ томъ, чтобы обобщать знаніе, дѣлать его доступнымъ для всѣхъ и тѣмъ призвать къ жизни всѣхъ членовъ общества. Популярность программы способствовала къ ея быстрому распространенію и даже примѣненію. Многія государства Европы тогда же поспѣшили ею воспользоваться; въ Англіи значительныя суммы были составлены для приведенія ея въ дѣйствіе.

Каждая часть программы нашла своихъ горячихъ приверженцевъ. Частныя лица съ одной стороны, правительство съ другой, принялись наперерывъ распространять

способы художественнаго воспитанія, учреждать школы, основывать спеціальныя образовательныя коллекціи по всѣмъ отраслямъ художественнаго и техническаго знанія, открывать курсы или чтенія для вольнослушателей и т. д.

Все, что было до сихъ поръ сдѣлано Англіей для достиженія предпринятой цѣли, изложено будетъ ниже. Относительно результатовъ, имѣвшихъ вліяніе только на промышленность, достаточно сказать, что послѣдняя съ выставки 1851 года сдѣлала такой огромный шагъ въ томъ именно, чего ей недоставало, то-есть въ художествѣ, что во многихъ своихъ отрасляхъ сравнялась съ французскою; успѣхъ былъ такъ быстръ, такъ очевиденъ, что началъ тревожить французовъ еще на выставкѣ 1862 г.

Успѣхи, также весьма значительные, хотя и не столь явные, выказаны были затѣмъ, и благодаря той же заботливости распространять художественное образованіе, въ Германіи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи и Даніи. На послѣдней выставкѣ 1867 года успѣхъ Австріи былъ предметомъ всеобщаго удивленія; по отзыву всѣхъ экспертовъ, лицъ посвященныхъ въ дѣло, и, наконецъ, самихъ экспонентовъ, успѣху точно такъ же обязаны спеціальнымъ музеумамъ и школамъ, такъ недавно еще учрежденнымъ въ Австріи.

Цѣль настоящей статьи заключается въ томъ, чтобы изложить главнѣйшіе способы художественнаго образованія, принятые во Франціи и Англіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать, насколько отразились они въ промышленности и были ей полезны собственно въ артистическомъ отношеніи.

Выставка 1867 г. во многомъ облегчила такой трудъ.

Половина одной изъ эллиптическихъ галлерей внутри зданія исключительно была посвящена предмету художественнаго образованія. Устройство этого отдѣла, столь важнаго по смыслу своему, принадлежитъ къ большимъ заслугамъ выставки 1867 года, и, надо сказать, изученію его много способствовала система классификаціи, принятая императорскою комиссіею; соединеніе предметовъ однороднаго характера по группамъ, или классамъ, и распредѣленіе послѣднихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ что одинъ и тотъ же классъ каждой націи шелъ другъ подлѣ друга — все это давало возможность основательно сосредоточиться на предметѣ изученія, позволяло тутъ же, на мѣстѣ, сличать одно съ другимъ и дѣлать самые полные выводы сравнительно успѣха.

Система расположенія представляла еще другія выгоды для изученія предмета, который насъ теперь занимаетъ. Отдѣлъ художественнаго образованія въ каждомъ государствѣ шелъ параллельно третьей группѣ, заключавшей въ себѣ почти всѣ отрасли артистическаго производства.

Первая половина представляла въ рисункахъ, слѣпкахъ, моделяхъ всякаго рода всевозможныя методы преподаванія въ рисовальныхъ спеціальныхъ школахъ; тутъ вы проходили всю гамму чертежнаго дѣла отъ первыхъ элементарныхъ листовъ начинающаго ученика до мастерскихъ композицій, созданныхъ часто тѣмъ же ученикомъ въ послѣдующее время; не было такой пластической формы, такого стиля и орнамента, который бы не явился здѣсь тысячу разъ перечерченнымъ, тысячу разъ переработаннымъ заботливою рукою, искавшею новыхъ комбинацій, новыхъ примѣненій; вы присутствовали при первомъ зародышѣ мысли, выраженной карандашомъ, и находили далѣе ту же мысль, окончательно уже созрѣвшую, развитую, готовую служить для ткани, для отпечатка на бумагѣ, утвари, мебели и т. д. Изученіе искусства во всѣхъ его видахъ, распространеніе художественнаго знанія и приспособленіе его къ дѣлу промышленнаго производства, являлось здѣсь главною основною задачею. Тутъ находилась также цѣлая библіотека книгъ всякаго рода, спеціальныхъ альбомовъ, брошюръ, изданныхъ съ тѣмъ, чтобы дополнить знаніе и досказать ту пропаганду, которая начата рисунками и моделями.

Противоположная половина галлереи открывала, между тѣмъ, на огромное пространство глубокія перспективы, увѣшанныя роскошными коврами и тканями, уставленныя группами произведеній золотого и серебрянаго дѣла, мозаикой, бронзой, ювелирными издѣліями, мебелью, эмалью— словомъ, всѣми тѣми предметами, усовершенствованіе которыхъ въ полной зависимости отъ степени художественнаго образованія производителя.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, вамъ представлялось начало: вы видѣли приготовленіе, процессъ постепеннаго развитія; съ другой, вы поставлены были лицомъ къ лицу съ приложеніемъ подготовки и ея прямымъ, конечнымъ результатомъ.

Между европейскими государствами, Франціи принадлежитъ, по всей справедливости, старшинство въ дѣлѣ *систематическаго* усовершенствованія художественныхъ

отраслей промышленности. Мы начнемъ нашъ обзоръ съ ея отдѣла, который, къ тому же, и самый обширный.

ФРАНЦІЯ.

Мы уже имѣли случай замѣтить всю неосновательность мысли, что многія отрасли французской промышленности обязаны артистическимъ своимъ достоинствомъ врожденному вкусу производителей. Такъ думаютъ особенно у насъ, гдѣ вообще дѣло художественнаго образованія пока еще въ зародышѣ, а большинству—надо правду сказать—даже и во снѣ не грезилось. Слово: вкусъ рѣшаетъ всѣ затрудненія; но легче, конечно, произнести его, чѣмъ разсудить, что вкусъ, какъ и всякое свойство человѣка, производительно тогда лишь, когда подвергается старательному развитію.

Много лѣтъ назадъ, когда дороги во Франціи были такъ же непроходимы, плохи, какъ теперь отъ Саратова до Арзамаса и отъ Арзамаса во многія еще стороны, отрасли изящной промышленности обращали уже тамъ на себя заботливое вниманіе общества и правительства; вопросъ художественнаго образованія, разсматриваемый какъ средство, которое вноситъ новый элементъ силы въ промышленность, улучшаетъ вкусъ ея издѣлій и тѣмъ возвышаетъ ихъ значеніе, былъ уже тогда живымъ вопросомъ.

Кольберъ, министръ Людовика XIV имѣлъ постоянно въ виду такую мысль; онъ не пропускалъ случая приводить ее въ дѣйствіе; зорко слѣдя въ своемъ отечествѣ за успѣхомъ, онъ являлся горячимъ покровителемъ вездѣ, гдѣ только замѣчалъ возникновенія полезной отрасли. Едва начинается въ Руанѣ фаянсовое производство, Кольберъ посылаетъ мѣстному губернатору предписаніе, отмѣченное 1663 годомъ: „оказать самое сильное покровительство фаянсовой фабрикаціи Руана, возбудить соревнованіе между фабрикантами, *снабдить ихъ лучшими рисунками* и пригласить ихъ работать для королевскаго дома“ *). Мало того, все съ тою же мыслью возбужденія, Кольберъ пользуется особенно счастливой минутой и склоняетъ короля замѣнить на время золотую и серебряную посуду дворцоваго стола фаянсовой посудой руанскаго производства. „Le roy—пишетъ Сенъ-Симонъ—délibéra de se mettre en fayence“. Съ этой минуты весь дворъ, вся аристократія

*) Рѣчь Потье, при открытіи въ Руанѣ керамическаго музеума.

принялись заказывать посуду въ Руанѣ; производство, принявъ самые обширные размѣры, само собою должно было улучшиться въ виду своихъ роскошныхъ потребителей. То же сдѣлалъ Кольберъ въ отношеніи къ производству кожаныхъ тисненыхъ обоевъ, которое возникло тогда во Франціи по примѣру Фландріи. Въ этихъ лаконическихъ предписаніяхъ великаго министра заключается вся тайна неожиданнаго развитія и быстраго усовершенствованія многихъ отраслей французской промышленности.

Въ томъ же духѣ, какъ Кольберъ, но уже независимо отъ правительства, дѣйствуютъ многія частныя лица. Въ томъ же XVII-мъ столѣтіи, любитель художествъ, г. де-Шармуа, основываетъ въ Парижѣ „общество друзей искусства".

Цѣлью общества, принявшаго впослѣдствіи названіе академіи, было—собирать въ одинъ центръ лучшихъ художниковъ, возбуждать ихъ къ труду, потомъ общими силами распространять ихъ работы и такимъ образомъ приносить двоякую пользу: снабжать хорошими рисунками промышленниковъ, вносить вкусъ въ производство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивать вкусъ въ самихъ потребителяхъ.

Мысль г. де-Шармуа не могла, конечно, не принести полезныхъ результатовъ. Частная ассоціація академіи положила во Франціи первое основаніе систематическаго художественнаго образованія. По ея примѣру, въ серединѣ XVII столѣтія возникаютъ, одно за другимъ, такія же общества въ главныхъ городахъ государства, въ Бордо (1676 г.), въ Нанси (1702 г.), въ Руанѣ (1741 г.), въ Реймсѣ (1748 г.), въ Тулузѣ (1750 г.). Марсель, Амьенъ, Ліонъ, Дижонъ соперничаютъ, устраивая у себя такія же учрежденія. Однимъ словомъ, уже въ 1770 г. считалось въ провинціальныхъ городахъ Франціи *десять* академій, въ которыхъ рисовальное искусство преподавалось совершенно свободно — сколько даже кажется, судя по отчетамъ, — еще полнѣе, еще практичнѣе, чѣмъ въ коммунальныхъ школахъ настоящаго времени. Чтобы усилить дѣйствіе академій, было тогда же придумано устраивать при нихъ ежегодно публичныя художественныя выставки. Провинціальныя эти учрежденія были въ высшей степени полезны, какъ самому искусству во Франціи, такъ и промышленности; они умножили хорошихъ рисовальщиковъ и самымъ незамѣтнымъ образомъ развивали оттѣнки мѣстнаго локальнаго художества; оттѣнки эти, съ умноженіемъ

художниковъ, переходили также незамѣтно въ издѣлія фабричнаго производства.

Развитіе этихъ мѣстныхъ оттѣнковъ было весьма важно: оно образовало множество типовъ, которые отмѣчаютъ всѣ роды французскихъ произведеній и даютъ имъ столько разнообразія и художественнаго значенія. Такъ, напримѣръ, рѣзкій отпечатокъ въ характерѣ, рисункѣ, раскраскѣ, формѣ, отличаетъ фаянсовое, фарфоровое и вообще гончарное производство Руана, Марселя, Невера, Мустье, Севра, Авиньона и т. д.; ту же разницу встрѣчаешь въ тканяхъ и мебели; то, что производилось въ Парижѣ, отличается рѣзкими особенностями противъ того, что въ ту же эпоху исполнялось въ Нормандіи, и послѣднее не похоже на предметы, выходившіе изъ Лиможа и Ліона.

Частныя академіи исчезли во время первой французской революціи; дѣйствіе ихъ, между тѣмъ, было такъ осязательно-полезно, онѣ заявили себя такъ ярко, какъ двигатели къ развитію промышленности и, слѣдовательно, національнаго богатства, что вопросъ о ихъ возобновленіи возникъ, какъ только Франція пришла снова въ нормальный порядокъ.

Одною изъ первыхъ заботъ директоріи было учрежденіе въ разныхъ частяхъ государства рисовальныхъ школъ, спеціально предназначенныхъ для усовершенствованія промышленности; вскорѣ самыя эти школы найдены были недостаточными для образовательной цѣли; въ 1803 году рѣшено было образовать художественные музеумы во всѣхъ городахъ, гдѣ находились лицеи. „Дабы—сказано въ офиціальной запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ Бенезе (Bénézech), адресованной въ центральную парижскую художественную администрацію — дабы открыть на всѣхъ пунктахъ государства центры просвѣщенія“. Во время консульства рѣшено было умножить рисовальныя школы въ самыхъ населенныхъ и промышленныхъ центрахъ Франціи.

Заботливыя распоряженія правительства встрѣтили значительную поддержку со стороны самого общества; вездѣ возникали новыя общества любителей, подобныя тѣмъ, какія были прежде; открывались частныя школы, устраивались мастерскія, гдѣ часто художественный вопросъ былъ на первомъ планѣ.

Надо замѣтить, что всѣ эти старанія развивать вкусъ и чувство изящнаго обращались къ обществу, которое

уже самой природой надѣлено вкусомъ и вообще большою воспріимчивостью: не считая этого, Франція принадлежитъ къ націямъ, въ памяти которыхъ никогда не изглаживались преданія искусства. Благодаря своей исторической жизни, страна представляетъ цѣлый музей великолѣпныхъ памятниковъ по всѣмъ родамъ художества: все это само собою уже способствовало къ развитію въ націи художественнаго инстинкта, пріучило ее смотрѣть на искусство какъ на необходимый, естественный элементъ въ жизни.

Не имѣя въ мысляхъ разсказывать здѣсь исторію художества во Франціи, мы должны, однакожъ, прибавить, для поясненія нашей мысли, что Франція уже въ XIII-мъ столѣтіи имѣла отрасли искусства, которыя стояли уже тогда на высокой степени развитія. Степень ранней художественной подготовки доказывается лучше всего тѣмъ, что уже въ 1245 г. могли находиться въ Парижѣ такіе художники, какъ, напримѣръ, Пьеръ Монтро, строитель Святой часовни въ Парижѣ. Высокое изящество зданія— само собою; главное дѣло въ томъ, что сюда вошли расписныя стекла, ткани, утварь, поливныя кафли, рѣзьба изъ кости и дерева, и еще многія другія отрасли, которыя совершенствомъ своимъ доказываютъ, какъ уже обширно было во Франціи художественное развитіе въ то время, когда въ другихъ государствахъ едва складывалась гражданская жизнь. Въ XV-мъ столѣтіи въ Руанѣ существовало болѣе ста мастерскихъ золотого и серебрянаго дѣла; онѣ еще тогда требовали особеннаго штемпеля для предохраненія своихъ произведеній отъ поддѣлки. На такой же степени стояла фабрикація гончарнаго дѣла, шелковыхъ тканей, протканныхъ серебромъ и золотомъ. Привилегіи, которыми онѣ пользуются со стороны Франциска I, Генриха II и Генриха IV, свидѣтельствуютъ о ихъ значеніи.

Издѣлія французской промышленности, имѣющія теперь такой сбытъ, благодаря ихъ красотѣ и вкусу, пользовались уже большою репутаціею и разбирались на рынкахъ Европы еще до итальянскаго вліянія во Франціи; послѣднее дало французскому искусству болѣе обширное развитіе, но было вредно его самобытному характеру.

Художественное образованіе, возобновленное во время директоріи, не переставало усиливаться. Въ 1827 году г. Монфоконъ основываетъ въ Авиньонѣ „Общество дру-

зей искусства“: въ городѣ существовала рисовальная школа; общество беретъ ее подъ свое покровительство, выписываетъ лучшихъ профессоровъ, орнаментистовъ и платитъ имъ отъ себя жалованье; оно учреждаетъ при школѣ ткацкую мастерскую, которая даетъ вскорѣ самые блистательные результаты.

Распространеніе художественнаго образованія получило новую силу послѣ переворота 1830 года. Множество частныхъ лицъ, проживавшихъ въ провинціи и занимавшихся собираніемъ коллекцій, пробужденныя новыми началами конституціи, дававшей имъ право прямого участія въ интересахъ національныхъ, обратили свое знаніе и свои коллекціи на общественную пользу. Общества разнаго рода, имѣющія цѣлью поддержать чувство художества и распространенія вкуса, музеумы, частныя выставки, школы открываются одни за другими съ Страсбургѣ, Марселѣ, Нимѣ, Бордо и т. д. Имѣя одну общую цѣль, руководимыя болѣе или менѣе однимъ направленіемъ, провинціальныя эти общества весьма схожи между собою: всѣ имѣютъ характеръ совершенно частныхъ учрежденій, поддерживаются добровольными денежными взносами и сборами съ постоянныхъ выставокъ и входомъ въ музеумы; единственная ихъ точка соприкосновенія съ правительствомъ заключается въ томъ, что послѣднее ежегодно выдаетъ имъ на поддержку извѣстную денежную сумму.

Факты, здѣсь выставленные, ясно говорятъ, кажется, что если вкусъ и расположеніе къ искусству врождены французамъ, то и другое попало, какъ говорится, на благодарную почву; способности не пропали даромъ; ихъ поняли и ими умѣли воспользоваться. Мы видѣли, сколько заботливости, сколько жертвъ и усердія приложено было, чтобы возбуждать и поддерживать то, что дано было природою.

Въ настоящее время вопросъ художественнаго образованія принялъ во Франціи еще болѣе обширные размѣры; онъ окончательно пришелъ въ ясность, установился и сталъ популярнымъ; къ такимъ результатамъ привелъ шагъ, сдѣланный вообще просвѣщеніемъ; много также помогла тому иниціатива, взятая такъ энергически Англіей въ 1851 году. Теперь общество и правительство соперничаютъ другъ передъ другомъ, стараясь умножать и обогащать музеумы, распространяя вездѣ школы, открывая повсюду артистическія выставки. Въ этомъ направле-

ніи, которому сочувствуетъ все образованное общество, которому аплодируетъ вся пресса, чувствуется даже что-то лихорадочное, спѣшное, чувствуется какъ-будто опасеніе быть въ этомъ отношеніи опереженными другими націями. Успѣхи Англіи—успѣхи, которые дѣлаются очевиднѣе съ каждой новой выставкой, пугаютъ Францію. Тревога поднялась еще въ 1862 году. Вотъ, между прочимъ, замѣтки, встрѣчаемыя въ отчетахъ выставки 1862 года: „...съ выставки 1851 г., и даже той, которая была въ 1855 г., мало протекло времени, а между тѣмъ успѣхъ неисчислимый сдѣланъ Европой. Хотя собственно мы и не остановились въ этомъ движеніи впередъ, мы не можемъ, не должны скрывать, что намъ трудно уже сохранять наши прежнія преимущества; мало того, будемъ откровенны: преимущества эти замѣтно даже слабѣютъ. Несмотря на успѣхи нашихъ фабрикантовъ, мы считаемъ долгомъ сказать имъ, что пораженіе возможно, что оно уже предчувствуется въ неотдаленномъ будущемъ; имъ необходимо теперь же собрать всѣ свои силы и начать дѣйствовать энергически; преимущества, которыми пользовалась до сихъ поръ наша промышленность, сохраняются только въ силу постояннаго усовершенствованія. Промышленность Англіи особенно, столь еще слабая въ артистическомъ отношеніи на выставкѣ 1851 года, сдѣлала въ десять лѣтъ такіе невѣроятные успѣхи, что если она будетъ продолжать такъ развиваться, мы въ скоромъ времени легко можемъ быть опережены!.." *)

„Гдѣ способы, чтобы остановить начинающуюся борьбу? Центральная наша школа доставляетъ инженеровъ во всѣ большіе заводы; школы рисованія даютъ художниковъ всѣмъ нашимъ фабрикантамъ. Существуютъ въ Парижѣ консерваторія искусствъ и ремеслъ, консерваторія музыки и декламаціи; почему бы не устроить консерваторіи-музеума для развитія художественнаго знанія въ примѣненіи къ издѣліямъ промышленнаго производства? Рисовальныя школы существуютъ, конечно, во всѣхъ нашихъ большихъ городахъ; но сколько еще остается важныхъ промышленныхъ центровъ, лишенныхъ такихъ учрежденій! Въ самихъ школахъ, если взглянуть внимательно, какъ мало еще понимаютъ науку рисованія въ ея непосредственномъ примѣненіи къ издѣліямъ промышленности! Есть ли одна,

*) Отчетъ членовъ французской комиссіи на выставкѣ 1862 г. Статья г. Проспера Меримé.

напримѣръ, гдѣ бы преподавали гармонію красокъ, или теорію сочетанія цвѣтовъ?..“ *)

Нельзя не отдать здѣсь справедливости національному чувству французовъ и ихъ воспріимчивости; замѣчанія эти произвели зажигательное дѣйствіе; они тотчасъ же были подхвачены всѣми мыслящими лицами прессы, и общество принялось исправлять дѣло съ свойственною ему горячностью.

Намъ нѣтъ никакой возможности перечислять здѣсь все, что сдѣлано было въ эти пять лѣтъ по части художественнаго образованія; такой трудъ былъ бы даже совершенно безполезенъ. Въ общихъ результатахъ мы ограничимся цифрами, а въ частностяхъ назовемъ только тѣ учрежденія, тѣ способы образованія, которые оказались особенно полезными.

Мы сказали, что однихъ провинціальныхъ музеумовъ находилось *двадцать* уже во время консульства. Въ 1864 году, декретомъ 15-го августа, Наполеонъ III, желая раздать провинціальнымъ музеумамъ картины изъ запасныхъ галлерей Лувра, принужденъ былъ сдѣлать *сто-десять* долей. Число музеумовъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ; въ 1866 году открыто три: въ Нантѣ, Лиллѣ, Канѣ; въ 1867 году открыто два: въ С.-Жерменѣ и Версалѣ. Просвѣтительное дѣйствіе учрежденій этого рода подкрѣпляется въ каждомъ городѣ временными выставками не только живописныхъ произведеній, но также предметовъ стараго и новаго производства по всѣмъ родамъ художества въ приложеніи его къ промышленности. Каждый, владѣющій чѣмъ-нибудь изящнымъ, спѣшитъ украсить имъ выставку и увеличиваетъ такимъ образомъ сумму артистическихъ впечатлѣній посѣтителя. Выставки и музеумы стараются преимущественно обставить такими предметами, которые ближе отвѣчаютъ спеціальности мѣстнаго производства. Съ такою цѣлью, насколько позволяетъ бюджетъ, общества, завѣдывающія музеумами, стараются пріобрѣтать всѣ тѣ образцы современнаго производства, которые отличаются изяществомъ, заключаютъ въ себѣ какое-нибудь новое усовершенствованіе. Покупки эти дѣлаются часто на счетъ частныхъ лицъ по складчинѣ. На выставкѣ 1867 года не было такого отдѣла, гдѣ бы не встрѣчались предметы, заботливо пріобрѣтенные такимъ

*) Отчетъ члена комиссіи по выставкѣ 1862 года г. Феликса Обри.

образомъ для провинціальныхъ музеумовъ. Въ одинъ музей города Лилля куплено было на 30,000 франковъ. Какъ музеумы, такъ и выставки устраиваются большею частію обществами любителей; городъ и правительство ограничиваются тѣмъ обыкновенно, что даютъ или строятъ зданіе, или ежегодно вносятъ извѣстную сумму денегъ, или посылаютъ подарки. Многія изъ этихъ обществъ управляютъ мѣстными школами рисованія, когда школы основаны на суммы частныхъ лицъ.

На выставкѣ 1867 г. въ группѣ II, классѣ восьмомъ, исключительно посвященномъ вопросу художественнаго образованія, мимо матеріальныхъ образцовъ, выставленныхъ школами, находилось множество отчетовъ по министерству просвѣщенія и промышленности; множество документовъ, брошюръ, изданныхъ также частными лицами съ цѣлью показать, въ какомъ положеніи находятся рисовальныя школы во Франціи, какіе даютъ онѣ результаты и какимъ методамъ преподаванія слѣдуютъ.

Печатные эти матеріалы намъ показываютъ, что во Франціи рисованіе преподается безъ различія во всѣхъ школахъ государства, которыхъ числомъ *21,000. Двѣсти-тридцать-девять* школъ, столько же въ Парижѣ, сколько и въ провинціи, спеціально посвящены изученію искусства во всѣхъ его видахъ и приложеніяхъ. Независимо отъ этого, какъ въ провинціи, такъ и въ Парижѣ, открыто ежедневно множество курсовъ рисованія, гдѣ преподается черченіе, рисованіе съ живой модели, композиція орнаментовъ и лѣпленіе. Посѣщеніе этихъ курсовъ, предназначающихся собственно для рабочаго ремесленнаго класса — безвозмездно въ тѣхъ только случаяхъ, когда они основаны правительствомъ и находятся подъ его управленіемъ; въ противномъ случаѣ, взимается плата отъ 2-хъ до 3-хъ франковъ въ мѣсяцъ съ человѣка. Смотря по результатамъ этихъ учрежденій, они пользуются поддержкой со стороны города и правительства. Такъ, вечерняя школа рисованія г. Лекенъ-сына (Lequin), посѣщаемая, среднимъ числомъ, двумя стами лицами, пользуется отъ города освѣщеніемъ; сверхъ-того, городъ выдаетъ ежегодно 3,000 франковъ на поддержку.

Чтобы курсы дѣйствительно достигали своей цѣли, т. е. были вполнѣ доступны рабочимъ, они происходятъ только вечеромъ, отъ 7 час. до десяти.

„Школа спеціальнаго рисованья въ приложеніи къ

искусствамъ и промышленности", основанная г. Беллокомъ въ Парижѣ, такъ называемая „l'Ecole de médecine" и посѣщаемая, среднимъ числомъ, тремя стами лицами ежедневно, располагаетъ бюджетомъ въ *50,000* фр. Школа на тѣхъ же основаніяхъ, но только для женщинъ, существуетъ въ Парижѣ, въ улицѣ Дюпюитрѣнъ.

Въ Парижѣ собственно спеціальныхъ курсовъ и школъ, столько же частныхъ, сколько правительственныхъ, находится *сорокъ-четыре**); изъ нихъ двѣнадцать безплатныхъ (шесть для мужчинъ, шесть для женщинъ); мы не считаемъ здѣсь академію художествъ, центральную школу для искусства и мануфактурнаго производства и консерваторію художествъ и ремеслъ. Первая исключительно касается чистаго искусства; вторая, основанная въ 1829 году, дѣйствуетъ только косвенно на развитіе ремесленнаго класса; она назначается для образованія руководителей въ разныхъ отрасляхъ промышленности, но преимущественно заводчиковъ, управляющихъ фабриками и т. д. Здѣсь скорѣе уже оканчиваютъ ученіе, начатое въ другихъ, болѣе элементарныхъ заведеніяхъ. Дѣйствіе третьей, вслѣдствіе постепенно измѣнявшейся программы, еще слабѣе относительно изученія искусства въ приложеніи его къ промышленности.

Лучшія школы, по близкому достиженію такой цѣли, находятся въ провинціи: двѣ въ Ліонѣ и одна въ департаментѣ Саоны-и-Луары, при нормальномъ училищѣ въ Клюни.

Ліонское „Училище искусствъ" имѣетъ цѣлью приготовлять рисовальщиковъ для тканей; несмотря на такую спеціальность, метода преподаванія самая обширная; она направлена къ тому, чтобы прежде всего ознакомить съ духомъ художества, развить вообще вкусъ и чувство изящнаго.

Надо замѣтить, многія техническія училища рисованія во Франціи держатся до сихъ поръ системы раздѣленія труда; курсъ оканчивается спеціальностью ученика; одинъ рисуетъ только цвѣты, другой — фигуры, третій — орнаменты, даже извѣстный родъ орнаментовъ и т. д. При такомъ началѣ спеціальность очевидно вырабатывается; но самое занятіе принимаетъ характеръ исключительности и сухости; взглядъ ученика невольно суживается, трудъ дѣлается механическимъ и мелочнымъ. Общее художе-

*) Catalogue des écoles de dessin à l'exposition de 1867, par N. Guichard.

ственное образованіе, принятое въ ліонскомъ „Училищѣ искусствъ“, необходимо должно служить основой всякой артистической карьеры. Она расширяетъ кругозоръ ученика и также развиваетъ въ немъ способность свободнаго творчества; въ этой способности заключается вся тайна безконечнаго разнообразія художества, та одушевленная индивидуальная сторона, которая притягательно дѣйствуетъ въ произведеніяхъ искусства и выше всего въ нихъ цѣнится.

Ліонское „Училище искусствъ“ посѣщается безвозмездно; но доступъ въ него особенно облегченъ для дѣтей только мѣстныхъ фабрикантовъ, которыя посвящаютъ себя ткацкимъ фабрикамъ; при школѣ находится музей—обширное собраніе образцовъ древняго и новаго искусства; находится также музей естественной исторіи и отлично составленная библіотека.

Вторая ліонская школа „De la Martinière“, прозванная такъ въ память основателя ея, генералъ-майора Мартена, не уступаетъ первой ни въ разумной практической методѣ обученія, ни въ способахъ, доставляемыхъ воспитанникамъ. Здѣсь все направлено къ тому, чтобы съ самыхъ первыхъ уроковъ изученіе происходило съ предметовъ осязательныхъ, пластическихъ. Гипсовый слѣпокъ, геометрическая фигура, выточенная изъ дерева или составленная изъ проволоки, замѣняетъ плоскій оригиналъ; ученикъ такимъ образомъ не проводитъ штриха безотчетно и умъ его, постоянно направленный къ обсужденію модели, работаетъ заодно съ рукою. По прошествіи двухъ лѣтъ, ему предоставляется уже нѣкоторая свобода продолжать занятія сообразно съ его наклонностями; цѣль та, конечно, чтобы школьное ученіе не подѣйствовало во вредъ развитію индивидуальнаго чувства. Способы училища Ла - Мартиньеръ весьма значительные; при немъ находится замѣчательный музеумъ образцовъ по всѣмъ родамъ художества въ примѣненіи къ издѣліямъ промышленнаго производства; здѣсь также не потеряна изъ виду и мѣстная промышленность; при музеумѣ находится замѣчательное собраніе тканей, которое представляетъ въ хронологическомъ порядкѣ всю исторію ткацкаго дѣла.

Школу Мартиньеръ посѣщаетъ ежегодно до *500* человѣкъ.

Вечерніе курсы рисованія открыты также въ Ліонѣ при высшихъ двухъ училищахъ для мужчинъ и женщинъ.

Въ той постоянной заботливости поддерживать школы, открытыя для мѣстныхъ производителей, расширять способы художественнаго знанія посредствомъ музеумовъ, заключается весь секретъ столь давняго и всемірнаго успѣха ліонскаго производства; тутъ, само собою разумѣется, дѣло не въ матеріальномъ достоинствѣ тканей; другія фабрики ткутъ такъ же плотно и шелкъ такъ же хорошъ; красота рисунка, въ соединеніи съ разнообразіемъ вѣчно-новыхъ мотивовъ, выборъ красокъ и гармоническое ихъ сочетаніе, вкусъ композиціи въ частяхъ и цѣломъ объясняютъ здѣсь вопросъ успѣха. Разсматривая ниже отдѣлъ ліонскихъ тканей на выставкѣ 1867 г., мы яснѣе увидимъ тѣ результаты, которые приноситъ обширное артистическое образованіе въ приложеніи къ спеціальной отрасли.

Но обратимся снова къ школамъ.

Въ „нормальномъ училищѣ спеціальнаго образованія“, учрежденномъ въ Клюни и имѣющемъ цѣлью приготовлять учителей для лицеевъ, коллегій, нормальныхъ и коммунальныхъ школъ — все направлено къ тому, чтобы дать какъ можно больше развитія художественному образованію. Не далѣе какъ въ 1866 году, министромъ просвѣщенія собрана была комиссія для составленія описи новымъ коллекціямъ, моделямъ и слѣпкамъ, которыми слѣдовало бы пополнить существующія уже коллекціи музеума. Опись эта, составленная съ большимъ знаніемъ дѣла, у насъ передъ глазами; она заключаетъ въ себѣ болѣе тысячи предметовъ, обнимающихъ всѣ стили, всѣ типы, характеризующіе лучшія эпохи въ исторіи искусства. Въ томъ же году министръ просвѣщенія поручилъ другой комиссіи подвергнуть испытанію новую элементарную методу рисованія г. Генрикса, которая, утверждали, давала въ Брюсселѣ самые лучшіе результаты.

Какъ только испытаніе, продолжавшееся августъ и сентябрь и происходившее въ одно время въ четырехъ лицеяхъ Парижа, убѣдило, что метода Генрикса дѣйствительно полезна, она была тотчасъ же введена въ Клюни.

Метода Генрикса въ самомъ дѣлѣ весьма проста и практична. Механическая часть рисованія, съ которой обыкновенно начинаютъ, соединена здѣсь непосредственно съ умственной работой ученика. Метода такъ обдумана, что ученикъ поневолѣ долженъ отдавать себѣ самый строгій отчетъ въ каждомъ штрихѣ, въ каждой линіи, которую проводитъ.

Урокъ состоитъ въ томъ, что учитель чертитъ на грунтованной доскѣ, поставленной на высокомъ мольбертѣ, фигуры, которыя ученикъ за нимъ повторяетъ; начинается съ построенія квадрата, который постепенно разбивается на правильныя части прямыми и дугообразными линіями. Эта сѣтка кривыхъ и прямыхъ линій, которую ученикъ повторяетъ за учителемъ, но которую обязанъ не дѣлать въ томъ же масштабѣ, а необходимо долженъ по произволу уменьшать или увеличивать, служитъ главной основой первому курсу; въ ней рука учителя изображаетъ сначала самые несложные орнаменты; очеркъ орнамента, заключенный въ сѣткѣ правильно расположенныхъ линій, весьма естественно, легче уловляется ученикомъ; слѣдя глазомъ за всѣми точками, гдѣ орнаментъ на доскѣ учителя пересѣкается съ внутренними линіями квадрата, онъ устанавливаетъ эти точки на своемъ собственномъ чертежѣ, размѣряетъ глазомъ пространство между ними, соединяетъ ихъ линіей и такимъ образомъ выводитъ мало-по-малу весь орнаментъ. Ученику вмѣняется въ обязанность повторять дома каждый урокъ, перенося его на бумагу и соблюдая, чтобы каждый разъ масштабъ рисунка былъ не одинаковъ. Орнаменты постепенно усложняются; на второмъ курсѣ въ квадратѣ появляются вазы, аканто-вые листья, ордера колоннъ и т. д. На третьемъ курсѣ переходятъ уже къ человѣческой фигурѣ.

Метода Генрикса такъ существенно практична, что послѣ двадцати двухъ уроковъ бо̀льшая часть учениковъ въ состояніи была исполнять отъ руки весьма сложные рисунки. Такъ видно изъ отчета г. Бенуа̀-Дюпорталя, назначеннаго министромъ для испытанія методы въ лицеѣ Бонапарта. Ученики эти, числомъ до пятидесяти, состояли большею частію изъ ремесленниковъ, никогда прежде не бравшихъ карандаша въ руки; изъ нихъ одинъ только учился рисовать. Отчеты другихъ лицъ по тому же предмету подтверждаютъ такой же точно успѣхъ*).

Мимо этихъ главныхъ училищъ, въ центрѣ самаго Парижа, существуетъ еще множество другихъ, направленныхъ все къ одной и той же цѣли: учить рисованію и распространять художественное знаніе.

Такъ, мы ничего не сказали о курсахъ рисованія поли-

*) Rapport sur les résultats des éxpériences auxquelles à été soumise la méthode Hendrickx par M. M. Benoit-Duportal, Sébastien Cornu, Armand Dumaresq-Rais. Ministère de l'instruction publique.

технической ассоціаціи *), которые ежегодно посѣщаются среднимъ числомъ тысячью-шестьюстами рабочими; не упомянули о спеціальной школѣ рисованія для женскаго пола, которая находится подъ управленіемъ извѣстной художницы Роза Бонёръ, школѣ, гдѣ безвозмездно обучаются всѣмъ родамъ рисованія въ приложеніи къ промышленному производству; пропустили центральную архитектурную школу и еще многія и многія другія учрежденія того же назначенія.

Но лица, состоящія во главѣ прогрессивнаго движенія, находятъ, однакожъ, что по вопросу художественнаго образованія еще много остается сдѣлать во Франціи. Лица эти, пораженныя на Лондонской выставкѣ успѣхами, обнаруженными многими иностранными державами въ тѣхъ именно отрасляхъ, которыя до тѣхъ поръ составляли славу и богатство Франціи, напуганныя, съ другой стороны, тѣмъ, что многія отрасли французскаго производства выказали признаки упадка — приняли твердую патріотическую рѣшимость поспѣшить предупредить такое положеніе дѣла. Въ 1864 году собранъ былъ совѣтъ; опредѣлено было положить основаніе учрежденію, прямая цѣль котораго была бы поддержкой артистическихъ издѣлій, живое возбужденіе художниковъ къ участію въ отрасляхъ фабричнаго производства, поощреніе всѣхъ тѣхъ, кто посвящаетъ свое дарованіе въ пользу успѣха промышленнаго труда.

Безъ всякаго содѣйствія со стороны правительства, только иниціативой частныхъ лицъ, составилось такимъ образомъ въ Парижѣ „центральное общество искусствъ въ приложеніи къ промышленному производству“. Благодаря воспріимчивости французовъ—и надо сказать, патріотическому чувству, которое воодушевляло главныхъ двигателей—общество приняло вскорѣ размѣры, которые превзошли даже ожиданія. Въ теченіе года составилась одними пожертвованіями спеціальная художественная библіотека въ 5000 томовъ и музей, который наполнилъ цѣлую залу; то и другое открыто безвозмездно и ежедневно съ 10 часовъ утра до 10 часовъ вечера въ квартирѣ, нанимаемой обществомъ, на сумму, собираемую по подпискѣ; каждому предоставляется полная свобода срисовывать вещи, пользоваться книгами и эстампами. Въ 1865 году открыты были вечернія чтенія, въ которыхъ приняли участіе всѣ замѣчательные спеціалисты Франціи по части изящныхъ

*) Центральное училище искусствъ и ремеселъ, въ улицѣ Ториньи·

искусствъ. Въ томъ же году общество устроило обширную выставку предметовъ изящнаго, хранившихся въ частныхъ собраніяхъ. Настойчиво преслѣдуя свою цѣль, общество воспользовалось выставкой, чтобы привести въ исполненіе одну изъ задачъ своихъ.

Извѣстно, что до сихъ поръ во Франціи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ государствахъ, предметы современнаго производства—все равно къ какому бы роду они ни принадлежали—отмѣчались при поступленіи на выставки именемъ фабриканта и рѣдко именемъ тѣхъ, кто былъ настоящимъ ихъ исполнителемъ; часто цѣлая группа предметовъ самаго разнообразнаго содержанія, но по характеру своему принадлежащая къ извѣстному классу производства, отмѣчались общимъ именемъ фирмы, между тѣмъ какъ участіе фирмы заключалось въ томъ лишь, что она давала только первый матеріалъ и деньги, требуя отъ настоящаго производителя полнаго отреченія отъ своего имени и даже права на него впослѣдствіи—словомъ, создатель предмета, настоящій его исполнитель, оставался большею частію въ тѣни, и вся честь, всѣ награды получались фирмой или заказчикомъ.

Общество первый разъ энергически протестовало противъ такой возмутительной несправедливости; въ каталогѣ выставки, на предметахъ современнаго производства, выставлено было не только имя художника, но имена всѣхъ тѣхъ, кто сколько-нибудь принималъ участіе въ исполненіи предмета.

Полезное это учрежденіе годъ отъ году распространяетъ свое дѣйствіе. Въ настоящее время „центральное общество искусствъ въ приложеніи къ промышленному производству“ основываетъ „коллегію изящныхъ искусствъ въ ихъ примѣненіи къ промышленности“. Послѣдняя имѣетъ предметомъ преподаваніе художества во всѣхъ его видахъ и приложеніяхъ, распространеніе классическаго воспитанія, возбужденіе умственнаго развитія художника рядомъ съ развитіемъ практическимъ и техническимъ. Коллегія будетъ заключать въ себѣ коллекцію всѣхъ родовъ искусства, разставленную въ научномъ строго-хронологическомъ порядкѣ, коллекцію растеній, физическій и химическій кабинеты, кабинетъ естественной исторіи, мастерскія скульптуры, рѣзьбы изъ кости и дерева, эмали, гончарнаго дѣла и т. д.

Въ настоящее время общество уже приступило къ по-

стройкѣ зданія на углу улицы Монтрель; мѣсто подарено городомъ.

Умственно обнимая все, что̀ сдѣлано было Франціей со времени Кольбера для развитія художественнаго чувства націи, припоминая, сверхъ того, что Франція, принадлежа къ націямъ, имѣющимъ художественныя преданія, была уже нѣкоторымъ образомъ подготовлена къ развитію; принимая въ соображеніе все, что̀ дѣлается для этой цѣли въ настоящее время, припоминая всѣ школы, всѣ публичные музеумы въ Парижѣ и провинціальныхъ городахъ, всѣ лекціи, курсы, частныя художественныя общества и выставки, находишь весьма естественными тѣ оттѣнки вкуса и изящества, которыми отмѣчены издѣлія французскаго производства.

Много также, весьма много этому способствовалъ и теперь способствуетъ другой двигатель,—это мастерскія.

Артистическія отрасли промышленности во Франціи, вслѣдствіе ихъ давняго и постояннаго успѣха, играютъ въ общемъ мнѣніи такую же видную роль, какъ и отрасли чистаго искусства; роль эта завоевана въ теченіе вѣковъ рядомъ произведеній, которыя часто, несмотря на ихъ обиходное матеріальное назначеніе, отличались чертами высшаго художественнаго совершенства. Такъ, посуда Генриха II, оловянныя издѣлія Франциска Бріо, шандалы и тарелки, расписанные эмальерами Лимузеномъ и Ремономъ, въ строго-художественномъ смыслѣ несравненно выше многихъ тысячъ картинъ и статуй. Величайшіе художники Италіи нисколько не считали несовмѣстнымъ съ ихъ достоинствомъ принимать участіе въ издѣліяхъ фабричнаго производства. Не распространяясь далеко, стоитъ упомянуть Рафаэля, который писалъ картоны для ковровъ и дѣлалъ рисунки орнаментовъ для скульптурныхъ деревянныхъ дверей и поливныхъ кафлей въ галлереѣ ложъ; драгоцѣнныя ткани, золотая и серебряная утварь, посуда, оружіе, мебель, ювелирное дѣло—словомъ, всѣ тѣ отрасли артистическаго производства, которыя въ свое время не имѣли въ Италіи соперниковъ, обязаны были успѣху своему только въ силу дѣятельной поддержки со стороны великихъ мастеровъ искусства. Такой примѣръ благодѣтеленъ былъ для Франціи при столкновеніи ея съ Италіей; мѣстные художники всегда, впрочемъ, расположены были слѣдовать такому направленію. Здѣсь безпрестанно встрѣчаются скульпторы и живописцы,

художники съ положительнымъ талантомъ, съ именемъ давно извѣстнымъ, которые посвящаютъ свое дарованіе предметамъ промышленнаго производства. Въ примѣръ можно взять мимоходомъ хоть вѣера, выставленные г. Александромъ; мы встрѣчаемъ тутъ имена всѣхъ знаменитыхъ современныхъ живописцевъ Франціи: Кутюръ, Барѝнъ, Франсѐ, Жиро и даже—кто бы повѣрилъ?—классическій и строгій Энгръ расписалъ вѣеръ!

Сначала художникъ смотритъ на такой трудъ, какъ на развлеченіе; его занимаетъ мысль одушевить силою художества предметъ матеріальнаго назначенія, дать ему смыслъ, сдѣлать его привлекательнымъ. Кстати надо замѣтить, масса художниковъ во Франціи чрезвычайно развита: художественное чувство, благодаря развитости, распространяется не только на предметъ дѣятельности каждаго, но распространяется вообще на все, что носитъ печать художественности. Войдите въ Европѣ въ любую мастерскую—это цѣлый музей; причину этого вовсе не надо искать въ излишнихъ средствахъ, получаемыхъ будто бы французскими художниками; совсѣмъ нѣтъ; причина въ неодолимомъ влеченіи къ предметамъ искусства, въ потребности имѣть ихъ, жить съ ними—словомъ, въ высокой степени развитости артистическаго чувства. Начавъ заниматься ради развлеченія сочиненіемъ лѣпныхъ эскизовъ, или рисунковъ для промышленныхъ издѣлій, художникъ часто пристращается къ такой работѣ; его нерѣдко встрѣчаетъ успѣхъ неожиданный; предметъ, шутя имъ созданный, часто прибавляетъ къ его имени лишнюю славу, лишнія выгоды; онъ весь горячо отдается новому поприщу.

Весьма многіе изъ нихъ, избравъ себѣ какую-нибудь спеціальность, ограничиваются сочиненіемъ рисунковъ или лѣпленіемъ моделей; другіе, работавшіе точно такъ же сначала для фабрикантовъ, идутъ далѣе; близко ознакомясь съ практикой и овладѣвъ ея тайнами, они находятъ болѣе выгоднымъ оставить за собою все дѣло—какъ созданіе, такъ и самое исполненіе; тѣ и другіе мало-помалу оставляютъ фабриканта, открываютъ собственныя мастерскія, которыя можно раздѣлить на столько же спеціальностей, на сколько существуетъ приложенія художества къ предметамъ промышленнаго производства.

Вотъ эти-то мастерскія, разсыпанныя по всей Франціи, управляемыя бо́льшею частію лицами образованными и

даровитыми, отлично ознакомленными съ теоріей искусства и практическимъ исполненіемъ—и суть главные центры, гдѣ вырабатываются юные таланты, откуда выходятъ всѣ тѣ прелестные предметы, отмѣченные истинною печатью изящества, вкуса и оригинальности, которыми, надо правду сказать, такъ справедливо обольщается образованное европейское общество. Польза школъ рисованія несомнѣнна; но ученикъ, кончившій курсъ въ одной изъ нихъ и поступившій потомъ въ такую мастерскую, сдѣлаетъ здѣсь въ полгода больше успѣха, чѣмъ во всѣ годы пребыванія своего въ школѣ; въ мастерской онъ съ перваго дня вступаетъ уже въ сферу чисто-художественной дѣятельности; съ перваго дня онъ съ-глазу-на-глазъ присутствуетъ при зарожденіи художественной мысли, видитъ какъ она постепенно выясняется, принимаетъ форму и одушевляется; видитъ потомъ весь процессъ матеріальнаго ея выполненія въ бронзѣ, камнѣ, деревѣ, на ткацкомъ станкѣ, въ горнѣ, на кружалѣ и т. д. Не считая того, что образъ жизни въ такой художественной мастерской возбуждаетъ къ дѣятельности и соревнованію, самый кругъ товарищей, преданныхъ одному дѣлу, живущихъ для одной цѣли, дѣйствуетъ здѣсь несравненно сильнѣе въ пользу развитія, чѣмъ затверженные теоретическіе уроки школьнаго профессора.

Выставка 1867 года даетъ мѣру этихъ мастерскихъ, представляя цѣлый рядъ рисунковъ, моделей, предметовъ по всѣмъ возможнымъ родамъ искусства.

Одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ, безспорно, мастерской серебряныхъ дѣлъ *г. Фаньера*.

Не далѣе, какъ пять лѣтъ назадъ, онъ исключительно работалъ для фабрикантовъ; произведенія его, въ теченіе десяти лѣтъ, являясь не подъ его именемъ, заслуживали на всѣхъ выставкахъ высшія награды гг. Фроманъ-Мерису, Одіо и т. д. Теперь г. Фаньеръ выставилъ уже самъ отъ себя, и прекрасно сдѣлалъ; высшія награды по серебряному дѣлу, какъ и слѣдовало ожидать, получены имъ, къ великому сокрушенію лицъ, пожинавшихъ столько лѣтъ чужіе лавры. Онъ, его братъ и нѣсколько учениковъ составляютъ всю мастерскую; они сами сочиняютъ свои вещи, сами ихъ лѣпятъ, формуютъ, отливаютъ и чеканятъ.

Отличительная особенность произведеній г. Фаньера заключается въ полномъ отсутствіи какого-нибудь при-

знака фабричности; послѣдняя эта черта проявляется, къ сожалѣнію, слишкомъ часто въ современныхъ произведеніяхъ даже чистаго художества. Витрина г. Фаньера, несмотря на свои скромные размѣры, несмотря на скромное совершенно обиходное назначеніе заключавшихся въ ней предметовъ, содержала въ себѣ выставку самыхъ изящныхъ, самыхъ тонкихъ предметовъ. Обставленные съ одной стороны блестящими серебряными массами, выставленными гг. *Одіо* и *Кристофлемъ*, съ другой—декоративными издѣліями церковной утвари, вещи г. Фаньера останавливали вниманіе точно такъ же, какъ видъ благороднаго лица посреди чопорныхъ напыщенныхъ физіономій, разрумяненныхъ красавицъ, украшенныхъ сомнительными каменьями. Произведенія г. Фаньера сочинены весьма просто; главная забота художника обращена на красоту формы, пропорціональность частей между собою и гармонію въ цѣломъ; въ такомъ духѣ сочинены, напримѣръ, часы; прямой цоколь изъ лаписа, убранный по угламъ и въ серединѣ серебряной гирляндой, перевязанной орнаментаціей во вкусѣ Жана-Гужонъ; съ боковъ мелкія фигуры изъ серебра; верхъ увѣнчанъ фигурою Амура съ факеломъ; въ посадкѣ Амура и двухъ женскихъ фигуръ, въ ихъ поворотѣ и драпировкахъ, присутствуетъ что-то мощное, солидное, что, вмѣстѣ съ изяществомъ и широтою исполненія, отымаетъ у цѣлаго тотъ характеръ меркантильнаго игрушечнаго типа, который, къ сожалѣнію, встрѣчается слишкомъ часто въ произведеніяхъ такого рода.

То же отсутствіе мелочности и фабричности встрѣчается въ двухъ щитахъ обронной работы; одинъ исполненъ изъ стали, другой изъ желѣза; оба пройдены тѣмъ мастерскимъ, широкимъ, но опредѣленнымъ чеканомъ, которымъ владѣли только итальянскіе орфевры лучшаго времени возрожденія. Коснувшись чекана, мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи г. Фаньеръ далеко оставляетъ за собою всѣхъ своихъ собратовъ не только во французскомъ отдѣлѣ, но и всѣхъ остальныхъ; чеканъ у него не есть что-то механическое, не есть только средство придать пріятность и игру металлическому предмету; повинуясь здѣсь рукѣ сознательно-образованнаго художника, чеканъ досказываетъ мысль и часто служитъ ей выраженіемъ; никогда не замельчаясь до сухости, до приторности, онъ переходитъ всю гамму чеканнаго зерна, смотря по тому,

обращается ли онъ къ драпировкѣ, орнаменту, растенію, тѣлу мужественному или женскому; чеканъ у Фаньера играетъ роль краски, колорита; онъ одушевляетъ предметъ, даетъ ему фибръ, что-то животрепещущее. Замѣчательная черта въ талантѣ г. Фаньера заключается въ томъ, что фантазія его, при всей своей поэтической игривости, никогда не переходитъ линіи, за предѣломъ которой предметъ, ею созданный, перестаетъ быть практическимъ и годнымъ къ употребленію; онъ, какъ никто, постигаетъ мудреную задачу *художества въ приложеніи къ предмету промышленнаго производства;* подходя къ витринѣ г. Фаньера, почти каждый день въ теченіе семи мѣсяцевъ,—витринѣ, гдѣ къ вещамъ, выставленнымъ съ начала выставки, появлялись новыя, я на всемъ замѣчалъ свойства красоты въ приложеніи къ удобству при употребленіи предмета; одинокая женская фигура изъ серебра, съ волосами, разсыпанными по спинѣ, съ развѣвающеюся воздушною драпировкою надъ головою — фигура, которою всѣ любовались какъ вещью въ высшей степени изящною—будетъ служить у г. Фаньера ручкой для крышки вазы; полный амурчикъ съ ямочками на мягкомъ тѣлѣ, взобравшійся какъ бы случайно въ завитокъ орнамента, посаженъ здѣсь очевидно съ тѣмъ, чтобы придать силу орнаменту, который служитъ рукояткой умывальнику; по бокамъ призовой вазы выскакиваютъ туловища бѣшеныхъ коней съ развѣвающимися гривами, въ которыя вцѣпились амуры, прикрѣпленные спиною къ поясу вазы; присутствіе этихъ прелестныхъ одушевленныхъ группъ служитъ здѣсь главнымъ украшеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оправдывается необходимостью; поднять такую тяжелую вазу было бы невозможно, не имѣя подъ руками крѣпкой поддержки, и т. д.

Лучшее и самое полное произведеніе г. Фаньера и всей выставки по отдѣлу золотого и серебрянаго дѣла, есть столовый сервизъ, заказанный однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ; онъ заключается изъ множества предметовъ, и каждый, въ своемъ родѣ, вполнѣ артистическое произведеніе: солонка въ видѣ двухъ раковинъ, поддерживаемыхъ тритонами съ крутящимися рыбьими хвостами, и прелестной фигурой миѳологическаго божества по срединѣ; супница и кубки, обвитые фризомъ изящнѣйшей орнаментаціи, съ красиво изогнутыми крышками, увѣнчанными фигурками дѣтей, изображающихъ типы разныхъ

народностей; подставки для хрустальныхъ сосудовъ, переплетенныя всѣми возможными трàвами и плодами, между которыми, смотря по характеру растеній, рельефно вычеканены болотныя птицы, звѣри, рыбы, улитки; канделябры въ видѣ греческихъ термовъ, увитыхъ внизу плодами и поддерживающихъ надъ головою пышные букеты орнаментовъ для свѣчъ, — словомъ, положительно не знаешь, чему здѣсь отдать преимущество: искусству ли руки, вкусу, или разнообразію творческой способности. Тайна такого соединенія качествъ — мимо, конечно, врожденнаго таланта — очевидно заключается не только въ изученіи мастеровъ, сдѣлавшихъ себѣ громкое имя на поприщѣ золотого и серебрянаго дѣла, но въ изученіи вообще искусства во всѣхъ его пластическихъ проявленіяхъ. Признакъ таланта въ томъ, что, изучая мастеровъ, г. Фаньеръ умѣлъ остаться все-таки самимъ собою, хотя произведенія его и носятъ общій отпечатокъ французскаго стиля, перенятаго Ж. Гужономъ у итальянцевъ и потомъ имъ присвоеннаго: тонкая шея, длинные члены фонтенблоской нимфы, служащіе отпечаткомъ стиля Ж. Гужона, встрѣчаются у г. Фаньера; но въ цѣломъ ансамблѣ его произведеній, въ ихъ сочиненіи, въ поворотѣ фигуръ, орнаментаціи, техническихъ пріемахъ, приспособленіяхъ, оригинальность бросается въ глаза; тутъ виденъ талантъ серьезный, обдуманный, виденъ художникъ, который не довольствуется плавать въ тихой водѣ первыхъ успѣховъ, но постоянно борется, стараясь пробраться далѣе и далѣе, къ источнику высокой красоты.

Стремленіе къ изученію, къ черпанію новыхъ матеріаловъ въ древнемъ искусствѣ, разработка стилей всѣхъ эпохъ и народовъ, вообще отмѣчаютъ всю художественно-промышленную дѣятельность послѣднихъ годовъ; на выставкѣ черта эта останавливала каждаго, кто сколько-нибудь давалъ себѣ трудъ смотрѣть внимательно; черта эта такъ осязательно на всемъ присутствуетъ, что даетъ какъ бы предчувствіе новой эпохи возрожденія искусства, основанной на подражаніи старыхъ типовъ; пока возрожденіе еще не вполнѣ высказалось; пока нѣтъ еще стиля и типа нашего вѣка; но общее это движеніе почти всѣхъ дѣятелей къ изученію минувшаго, общее обращеніе къ классическому и восточному художеству уже несомнѣнно; подражаніе заставляетъ учиться и разыскивать; разыскиваніе очищаетъ вкусъ, открываетъ новыя комбинаціи,

новыя формы и приводитъ постепенно къ новымъ выраженіямъ въ согласіи съ условіями современныхъ требованій.

Говоря о золотомъ и серебряномъ мастерствѣ французскаго отдѣла, мы не можемъ пропустить г. *Кристофля*.

Онъ болѣе другихъ служитъ яркимъ подтвержденіемъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, годъ отъ году сильнѣе развивается въ современномъ обществѣ художественная потребность, и какъ трудно идти противъ нея человѣку, который разсчитываетъ на имя, на репутацію. Еще въ недавнее время серебряное производство г. Кристофля (мы не считаемъ здѣсь его издѣлій изъ рюольца, мельхіора, гальванопластики) состояло исключительно изъ предметовъ чисто декоративнаго значенія и самаго фабричнаго характера. Г. Кристофль не оставилъ своего прежняго производства; большая часть его выставки занята массами серебра, между которыми красуется парадный столовый приборъ, заказанный ему ратушей города Парижа; тутъ цѣнность металла играетъ главную роль; по рядомъ съ ними и на самомъ видномъ мѣстѣ тотъ же г. Кристофль выставляетъ самую разнообразную группу предметовъ самаго артистическаго содержанія: это собственно художественный отдѣлъ его выставки, отдѣлъ, который стоилъ ему много денегъ, много времени, много заботъ, и все это ради того только, что нельзя было сдѣлать иначе; такой значительный серебряникъ, какъ Кристофль, волей-неволей долженъ быть современнымъ, долженъ отдать дань артистическому направленію общества.

Въ послѣднія пять-шесть лѣтъ снова вошелъ въ большую моду вкусъ времени Людовика XVI; г. Кристофль выставляетъ, между прочимъ, въ этомъ вкусѣ столъ и туалетъ изъ лаписа, отдѣланные гирляндами изъ серебра и золота и медальонами тончайшей работы и прекраснаго рисунка. Послѣ войны съ Китаемъ и разгрома лѣтней резиденціи китайскаго императора, распространился вкусъ къ вещамъ изъ эмали съ подвижными металлическими перегородками (émaux cloisonnés), и вообще къ тонкимъ типическимъ издѣліямъ Востока; г. Кристофль выставилъ цѣлый рядъ предметовъ, украшенныхъ эмалью съ перегородками, покрытыхъ инкрустаціей изъ серебра по черной бронзѣ, изъ золота по матовому серебру. Узоры Востока и разнообразіе его техническихъ способовъ примѣнены здѣсь къ вещамъ, отвѣчающимъ требованіямъ европей-

ской жизни; тутъ вы найдете чайные приборы, сервизы, флаконы, чернильницы, печати, въ которыхъ узоры, краски и техническіе пріемы Востока соединены съ европейскими формами; результаты часто весьма удачны и дѣлаютъ величайшую честь рисовальщикамъ.

Мы видѣли также у него нѣсколько сервизовъ, кубковъ и вазъ въ стилѣ возрожденія. Мимо изящества рисунка, вкуса и матеріальнаго выполненія, тутъ останавливаютъ вниманіе совершенно новые техническіе пріемы весьма удачнаго примѣненія; такъ, напримѣръ, чтобы придать больше мягкости, больше теплоты серебрянымъ произведеніямъ, покрытымъ избыткомъ рельефныхъ изображеній, которыя даютъ обыкновенно много отраженій и тѣмъ вредятъ красотѣ линій и цѣлому, г. Кристофль сначала золотитъ предметъ, потомъ мало-по-малу снимаетъ позолоту пемзовымъ порошкомъ, оставляя отъ нея легкій матовый оттѣнокъ только тамъ, гдѣ встрѣчаются углубленныя части орнаментаціи; не считая, что этимъ способомъ сглаживается вся рѣзкость угловъ и контуровъ, выступающія части, оттѣняясь золотымъ матовымъ тономъ, выступаютъ рельефнѣе, весь предметъ получаетъ колеръ, дѣлается живописнѣе.

Къ предметамъ изящнымъ г. Кристофль присоединяетъ множество вещей, которыя также хороши по формѣ и рисунку, но въ которыхъ особенно важны новые способы производства. Такъ, напримѣръ, чайный сервизъ, въ которомъ гильошировка произведена электромагнитнымъ способомъ; бронзовыя вещи, на которыхъ узоры и цѣлые сюжеты изъ серебра исполнены гальванопластическимъ способомъ: узоръ вырѣзывается вглубь или вытравливается въ бронзѣ крѣпкой водкой; предметъ затѣмъ опускается въ гальванопластическую ванну съ растворомъ серебра, которое осаживается въ углубленныя части и ихъ наполняетъ; неровности серебряной осадки потомъ шлифуются, такъ что узоръ оказывается въ одномъ горизонтѣ съ бронзовою поверхностью предмета; словомъ, здѣсь также виденъ производитель умный, дѣятельный, не удовлетворяющійся рутиной, но старающійся идти съ вѣкомъ, пользующійся всѣми новѣйшими открытіями науки, стремящійся изучать все, что можетъ сколько-нибудь внести улучшенія въ его производства и не щадящій для такой цѣли огромныхъ денежныхъ пожертвованій.

Мы ничего не скажемъ о гг. *Одіо* и *Фроманъ-Мерисъ;*

первый чисто только фабрикантъ; второй, лишившись Фаньера, который исполнялъ прежде лучшія его вещи и награждалъ его медалями на всѣхъ выставкахъ, не выдерживаетъ никакой параллели съ бывшимъ своимъ работникомъ. У Фроманъ-Мёрйса одна только изящная вещь, это — ваза изъ горнаго хрусталя, въ которой рисунокъ врѣзанъ вглубь, обложенъ тонкимъ золотомъ и потомъ залитъ сквозною цвѣтною эмалью. Рисунокъ, впрочемъ, цѣликомъ взятъ съ одной луврской вазы времени Франциска I-го.

Цѣль нашей статьи, какъ мы замѣтили сначала, заключается въ томъ, чтобы выставлять на видъ только то, что носитъ отпечатокъ таланта, своеобразности и новизны и въ общемъ отражаетъ направленіе того художественнаго возрожденія, приближеніе котораго явно чувствуется въ европейскомъ искусствѣ.

Разсматривая выставку съ этой стороны, мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія на обширный отдѣлъ, заключавшій въ себѣ металлическіе предметы для церковнаго назначенія.

Давно ли предметы эти, производимые въ томъ же количествѣ, не имѣли никакого стиля, типа, характера; все, на чемъ въ теченіе многихъ вѣковъ сосредоточивались почти всѣ отрасли художества, что составляло любимый предметъ занятія цѣлыхъ поколѣній художниковъ, постепенно, годъ за годомъ, съ Людовика XVI, начало падать и подъ конецъ, при Наполеонѣ I, пришло въ совершенно безцвѣтное состояніе; теперь неожиданно, въ какія-нибудь послѣднія пять-шесть лѣтъ, та же отрасль принимаетъ совершенно другой видъ. Здѣсь, уже рѣшительно можно сказать, такой переворотъ сдѣлался, благодаря новому пути, на который вступило современное направленіе. Изученіе археологіи, съ одной стороны, съ другой вкусъ къ художеству, развиваемый все болѣе и болѣе музеумами, школами, выставками, коллекціями, могли только содѣйствовать такому рѣзкому перевороту къ улучшенію въ артистическомъ смыслѣ. Одинъ изъ главныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ по части церковной утвари, г. *Пусьелыгъ-Рюзанъ* (Poussielgue-Rusand), ясно это высказываетъ въ своей запискѣ, поданной комитету экспертовъ *): „...промышленность этого рода находилась у насъ въ большомъ

*) Manufacture d'orfévrerie d'Eglise de Poussielgue-Rusand. Paris, chez le Clerc. 1867.

упадкѣ; но возрожденіе вкуса къ средневѣковому стилю въ предметахъ религіозныхъ дало ей неожиданно необыкновенное возбужденіе; удовлетворенію этого вкуса особенно помогло распространеніе музеумовъ и школъ, гдѣ мы, какъ только началась потребность, нашли готовые образцы для подражанія, нашли также художниковъ, достаточно приготовленныхъ для выполненія новой задачи".

Выставка г. Пусьельгъ-Рюзанъ—цѣлый музей, въ которомъ встрѣчаются чуть ли не всѣ типы, которые въ теченіе XIII, XIV и XV вѣковъ разрабатывались въ Лиможѣ, центрѣ этого рода производства во Франціи въ средніе вѣка; типы эти, престолы, скиніи, реликваріумы, сосуды, оклады Евангелія, кадила, жезлы, не есть, однакожъ, рабскія копіи, всѣ эти предметы на выставкѣ г. Пусьельгъ-Рюзанъ есть произведенія лучшихъ рисовальщиковъ-орнаментистовъ Франціи; тутъ встрѣчались имена лицъ, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ искусства, какъ-то: Віоле-ле-Дюка, Босвильвальда, Бальтара и т. д.

Отсутствіе рабскаго подражанія замѣтно также въ стремленіи воспользоваться всѣми новѣйшими техническими улучшеніями и внести ихъ въ производство; золоченіе и серебреніе посредствомъ гальванопластики, накладки на металлическій фонъ узора изъ другого металла электромагнитнымъ способомъ, не могутъ, конечно, повредить ни красотѣ формъ, ни общему характеру.

Выставка другого фабриканта, г. *Арманъ-Калья* (Armand-Caillat), заключала предметы—если возможно—еще болѣе тонкаго артистическаго достоинства. Между ними не встрѣчалось, какъ у перваго, большихъ, почти монументальныхъ вещей, какъ, напримѣръ, напрестольнаго свѣтильника, исполненнаго для амьенскаго собора, или престола, заказаннаго причтомъ авиньонскаго собора,—престола въ строго-романскомъ стилѣ, украшеннаго большими фигурами ангеловъ и рядомъ святыхъ въ нишахъ фасада и боковъ (рисунокъ г. Віоле-ле-Дюка); все здѣсь ограничивалось бо̀льшею частію сосудами, крестами и мелкою церковною утварью; но предметы эти отличались удивительнымъ тщаніемъ въ обработкѣ и большимъ вкусомъ въ употребленіи эмали; бо̀льшая часть выставленныхъ вещей украшена ею. Эмальеръ, г. *Жефруа*, выставившій отъ своего имени цѣлый рядъ эмальерныхъ образцовъ, удостоившихся золотой медали, въ послѣднія пять лѣтъ былъ по-

стоянным сотрудникомъ г. Арманъ-Калья. Послѣдній въ брошюрѣ своей о церковномъ металлическомъ производствѣ въ Ліонѣ, служащей предисловіемъ къ каталогу его выставки, называетъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ отъ первыхъ рисовальщиковъ до послѣднихъ чеканщиковъ, и это обстоятельство даетъ намъ лишній случай замѣтить, какъ высоко стоитъ художественное образованіе въ Ліонѣ, потому что всѣ эти лица—ліонцы, воспитанники мѣстныхъ школъ рисованія.

Другіе фабриканты той же отрасли, гг. *Тріулье*, *Крейшуеръ*, *Башеле* и другіе менѣе важные, хотя и слѣдуютъ тому же направленію, но уже производятъ то, что̀ называется ходовой товаръ. Здѣсь, кстати, заканчивая о мастерствѣ золотого и серебрянаго дѣла, нельзя пропустить г. *Русселя;* онъ производитъ только самые общеупотребительные предметы: папиросочницы, табакерки, кольца, солонки и проч.; но спеціальность его въ томъ, чтобы украшать эти предметы узорами, наведенными чернью; издали — для русскаго особенно—точно родное производство; но надо правду сказать, отложивъ всякое патріотическое пристрастіе, сходство обманываетъ только издали. Мы не знаемъ, насколько собственно чернь г. Руссе́ля прочнѣе нашей; дѣло здѣсь идетъ только о рисункѣ, и въ этомъ отношеніи онъ несравненно выше всего, что̀ у насъ производится по этой части въ настоящее время; у насъ чернь давно остановилась на копировкѣ мотивовъ, заимствованныхъ въ свое время съ голландскихъ гравюръ на деревѣ, также вычурныхъ орнаментовъ рококо̀, вошедшихъ въ употребленіе при Елисаветѣ Петровнѣ и съ тѣхъ поръ повторяющихся словно по трафарету; мы не видимъ важной заслуги въ томъ, что у насъ многіе фабриканты замѣнили прежніе узоры вѣчнымъ видомъ каменнаго моста въ Москвѣ и церковью Василія Блаженнаго; и то, и другое вовсе нейдетъ къ папиросочницамъ и не вяжется съ назначеніемъ портмонэ. Рисунки чернью г. Руссе́ля отличаются большимъ разнообразіемъ и показываютъ участіе рисовальщика съ большимъ вкусомъ; если хотите, тутъ, какъ вообще въ современномъ искусствѣ, мало новаго; но важно уже то, что г. Руссе́ль, или его рисовальщикъ обратились къ лучшимъ образцамъ; имъ, очевидно, знакомы и орнаментные мотивы, разсыпанные въ такомъ изобиліи на оружіи Востока, и гравюры на деревѣ, исполненныя во времена Дюрера для ювелировъ, а также итальянскихъ

янскія ньели XV и XVI столѣтій. Правда, впрочемъ, музеумы и способы художественнаго образованія во Франціи даютъ имъ полную возможность пользоваться всѣми этими матеріалами; мы же ничего подобнаго не имѣемъ; такъ, напримѣръ, во всей Тулѣ, центрѣ производства черни, напрасны были бы всѣ усилія отыскать самый бѣдный клочокъ какой-нибудь орнаментной гравюры; о хорошихъ стальныхъ образцахъ работы чернью, конечно, не можетъ быть тамъ и помину.

Хотя въ меньшей мѣрѣ противъ предметовъ церковной утвари и произведеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ, но также замѣтно было большое участіе образованныхъ художниковъ въ сочиненіи ювелирныхъ вещей французскаго отдѣла. Онъ былъ представленъ весьма роскошно на Парижской выставкѣ. Здѣсь, благодаря спеціальности, избранной почти каждымъ ювелиромъ, выдавалось еще рельефнѣе артистическое направленіе современнаго французскаго производства. Одинъ, какъ напр. *Рувена* (Rouvenat),—слѣдуетъ только образцамъ Востока; другой, какъ напр. *Фонтене*, — заимствуетъ свои модели въ луврскомъ собраніи ювелирнаго производства древняго Египта; задача третьяго — передавать съ возможно бо́льшею точностью стиль помпеянскій и т. д.; вездѣ явная борьба художественнаго элемента противъ употребленія камня безъ оправы,—явное усиліе возвысить матеріальную цѣнность вещи красотою формы, изяществомъ работы.

Въ общемъ характерѣ, въ современномъ ювелирномъ дѣлѣ во Франціи, замѣтно большое употребленіе сквозной эмали, декоративнаго элемента, которымъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ владѣли въ XVI столѣтіи ювелиры Флоренціи и также сѣверной Италіи.

Истиннымъ художникомъ во французскомъ отдѣлѣ показалъ себя г. *Богранъ*, выставившій, между прочимъ, небольшіе, кабинетные столовые часы изъ золота. Произведеніе это, покрытое сверху до низу мѣстами матовою эмалью, мѣстами сквозною, украшено миніатюрными аллегорическими фигурками, также эмальированными; общій рисунокъ, детали, узоры принадлежатъ замѣчательно даровитому художнику; къ этому надо присоединить техническую отдѣлку; она напоминаетъ пріемы, встрѣчаемые развѣ только на фигуркахъ миніатюрной золотой скульптуры лучшей греческой эпохи; такія фигурки можно встрѣтить, между прочимъ, въ керченскомъ отдѣлѣ Император-

скаго Эрмитажа; работа тонка до невозможности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вездѣ чувствуется прикосновеніе руки художника,—оттѣнокъ, сохраняющій предмету что-то живое, воодушевленное, въ высшей степени артистическое. Небольшое это произведеніе г. Богданя, скромно стоящее между грудами сокровищъ всякаго рода, удостоилось первой золотой медали; она была высшею наградою, данною ювелирному отдѣлу.

Такое же точно художественное направленіе встрѣчается въ галлереѣ, опредѣленной для французскихъ шелковыхъ тканей.

Намъ часто приводилось слышать на самой выставкѣ отзывы о томъ, напримѣръ, что въ ліонскомъ отдѣлѣ туалетныя матеріи несравненно слабѣе обойныхъ и вообще декоративныхъ, что онѣ годъ отъ году замѣтно теряютъ свое артистическое значеніе; мнѣніе это дѣйствительно подтверждалось на выставкѣ. Но винить въ этомъ слѣдуетъ только капризную прихотливость современной моды; какъ извѣстно, ею управляютъ не фабриканты, и еще менѣе рисовальщики: тѣ и другіе, поневолѣ, должны подчиняться требованіямъ вкуса, или, вѣрнѣе, безвкусія современнаго туалета. Разсматривая ткани ліонскаго отдѣла, опытный глазъ, привыкшій къ трудностямъ рисовальнаго дѣла, ясно видитъ, однакожъ, какихъ неимовѣрныхъ стараній стоило рисовальщику, чтобы держаться заданной темѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обойти сколько возможно безвкусіе и придать ткани характеръ и привлекательный видъ. Задача, исполненная буквально, механически, привела бы только къ уродству; здѣсь все въ тонкихъ, едва уловимыхъ оттѣнкахъ; болѣе или менѣе выгнутая линія узора, едва замѣтное облегченіе тона въ общемъ фонѣ, или деталѣ, рѣшаютъ все дѣло. Артистическое образованіе рисовальщика даетъ себя чувствовать вездѣ, гдѣ только художнику представлялась свобода дѣйствія. Часто мотивомъ ткани бываетъ одинъ какой-нибудь цвѣтокъ, листъ или орнаментъ; надо видѣть, съ какою точностью изучены тогда эти мелочи; сколько знанія, сколько художественной подготовки надо было, чтобы извлечь изъ скромнаго матеріала такую выгоду для цѣлаго живописнаго эффекта!

Артистическое образованіе ліонскихъ рисовальщиковъ выражается вполнѣ въ тканяхъ обойныхъ, декоративныхъ, также предназначающихся для облаченія священнослужителей—словомъ, тамъ, гдѣ художникъ связанъ только

назначеніемъ ткани и, слѣдовательно, общимъ его характеромъ, но гдѣ предоставляется ему полная независимость во всемъ, что касается созданія детальнаго рисунка. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются цѣлыя витрины образцовъ, которые такъ же краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о характерѣ современнаго художественнаго направленія, какъ и другія отрасли изящной промышленности.

Нѣкоторые экспоненты, какъ напримѣръ, гг. *Жирдъ*, *Генри* и *Тассинари*, цѣликомъ берутъ мотивы изъ древней орнаментаціи — все равно, какому бы стилю они ни принадлежали; забота ихъ въ томъ только, чтобы мотивъ отвѣчалъ назначенію ткани, и надо сказать, выборъ ихъ большею частью выказываетъ образованный вкусъ. Такъ, въ тканяхъ для церковнаго облаченія, исполненныхъ этими экспонентами, вы проходите чуть ли не всю исторію матерій этого рода, употреблявшихся во Франціи въ средніе вѣка и въ эпоху возрожденія въ Италіи. Гг. *Лами* и *Жирдъ* выставили, напримѣръ, ризу матоваго малиноваго цвѣта, протканную мелкимъ золотымъ узоромъ, обведенную широкой каймой съ изображеніемъ апостоловъ; послѣдніе вытканы цвѣтнымъ шелкомъ: произведеніе это одно изъ совершеннѣйшихъ созданій ткацкаго дѣла въ артистическомъ смыслѣ. Во время обхода экспертовъ, экспоненты эти, осыпанные похвалами, объявили, что вся заслуга принадлежитъ ліонскому музеуму; тамъ, въ коллекціи тканей, встрѣтили они образецъ, которому буквально послѣдовали; тамъ же нашли они и эстампы апостоловъ, гравированные Антоніемъ Раймонди съ рисунковъ Рафаэля. Къ той же группѣ экспонентовъ слѣдуетъ причислить гг. *Рондле* и *Менажъ;* ткани ихъ, если можно, отличаются еще бо́льшею строгостью выбора; оба занимаются также золотошвейнымъ дѣломъ; какъ тутъ, такъ и въ тканяхъ собственно, они преимущественно держатся стилей византійскаго и романскаго.

Другіе, какъ напримѣръ г. *Гранъ*, ушли еще далѣе; въ издѣліяхъ его, наполнявшихъ цѣлую витрину и представлявшихъ блистательную выставку, не находилось ни одного рабскаго подражанія. Вы могли опредѣлить съ перваго взгляда стиль той или другой ткани: здѣсь ренессансъ, тутъ Венеція XV-го столѣтія съ индо-персидскими травами по чешуйчатому золотому полю; подлѣ Генуя XVII-го вѣка съ ея роскошной декоративной орнаментаціей, выведенной пунцовымъ бархатомъ по серебру;

но вмѣстѣ съ тѣмъ, на всемъ этомъ явный слѣдъ новыхъ комбинацій, слѣдъ изысканій и художественнаго труда, стараніе воспользоваться существующимъ, чтобы сказать что-нибудь новое, индивидуальное. Въ такомъ духѣ сочинены оконныя занавѣси и портьеры гостиной и столовой для дома г. Паива; первыя—въ японскомъ стилѣ, краснобураго цвѣта съ черною каймою, украшенною орнаментными цвѣтами, птицами и бабочками съ золотымъ обводомъ; вторыя—во вкусѣ возрожденія: матоваго лиловаго отлива съ орнаментаціей, вытканной поперемѣнно серебромъ и бѣлымъ шелкомъ; къ той же категоріи принадлежатъ оконныя занавѣси въ стилѣ Людовика XVI-го, вытканныя цвѣтнымъ шелкомъ и заказанныя императрицею французовъ; ткани эти принадлежатъ, безспорно, къ лучшимъ произведеніямъ артистическихъ шелковыхъ издѣлій всей выставки.

Параллельно галлереѣ, заключавшей принадлежности одежды, шла галлерея, отведенная для мебели и вообще декоративнаго дѣла. Тутъ, между прочимъ, помѣщались и эмальеры.

Встрѣчая эмальерное дѣло все чаще и чаще примѣненнымъ къ предметамъ разнаго рода современнаго артистическаго производства, мы говорили, что искусство это, заброшенное почти два вѣка въ Европѣ, снова начинаетъ входить въ большое употребленіе. Отдѣлъ, посвященный эмальерамъ, приводитъ къ убѣжденію, что для искусства этого настало совершенное возрожденіе. Въ самый короткій промежутокъ времени, въ какія-нибудь послѣднія шесть-семь лѣтъ, когда двинулись вдругъ всѣ роды художества въ примѣненіи къ промышленности, эмальерное дѣло успѣло пройти всѣ періоды своей разработки, успѣло снова усвоить себѣ всѣ способы и формы и дать самые блистательные результаты. Успѣхи этого дѣла тѣмъ очевиднѣе, что въ немъ эмаль является уже не только какъ элементъ украшенія для золота, бронзы, ювелирнаго дѣла и т. д. — словомъ, не какъ деталь, но выступаетъ какъ искусство самобытное, оригинальное. Въ послѣднемъ отношеніи особенно важны произведенія, украшенныя такъ-называемою эмалью писанною, эмалью живописцевъ. Этотъ родъ самый художественный, потому что здѣсь эмаль принимается, ни болѣе, ни менѣе, какъ краска, и художникъ располагаетъ ею по волѣ своей фантазіи, исполняя мотивы, узоры, цѣлыя композиціи своего собственнаго или

чужого сочиненія. Здѣсь не мѣсто распространяться о всѣхъ примѣненіяхъ, способахъ, оттѣнкахъ, которые прибавляютъ къ разнообразію эффектовъ живописной эмали; достаточно сказать, что произведенія художниковъ, каковы гг. *Поплэнъ*, *Мейеръ* и г-жа *Апуаль* (послѣдняя работаетъ почти исключительно для севрской фабрики, открывшей отдѣленіе эмалеваго производства), соединяютъ въ себѣ всѣ пріемы и усовершенствованія, внесенные въ искусство мастерами, каковы Лимузенъ, Куртъ, Ремонъ, и другими знаменитыми французскими эмальерами XVI-го столѣтія.

Портреты и фигуры г. Попле́на, отличающіеся строгимъ рисункомъ, писанные обыкновенно сѣрымъ или блѣдно-тѣльнымъ тономъ, покрытые блестящими одеждами изъ цвѣтной прозрачной эмали, сквозь которую играетъ золотая или серебряная подслойка, — часто гравированная, окруженные роскошными аксессуарами, расписанными золотомъ сверхъ эмали; чаши, кубки и медальоны съ сюжетами, писанные г. Мейеромъ и г-жею Апуаль всѣми родами эмали, свидѣтельствуютъ, что художники эти глубоко изучили всѣ тайны искусства и владѣютъ имъ уже какъ мастера самостоятельные.

Г. Лепекъ также ни у кого не заимствуетъ своихъ рисунковъ; его флаконы, кубки, шкатулки для драгоцѣнныхъ камней покрыты сюжетами его собственнаго сочиненія; но произведенія его, хотя и писанныя опытною и даровитою рукою, не производятъ, однакожъ, вполнѣ удовлетворительнаго впечатлѣнія. Дѣло въ томъ, что г. Лепе́къ не умѣлъ остановиться на той границѣ, которую поставляетъ всякое искусство; прелесть письма эмалью, какъ искусства самобытнаго, но имѣющаго, однакожъ, назначеніе декоративное, заключается въ извѣстной широтѣ пріема, которая прямо должна опредѣлять его назначеніе. Г. Лепе́къ пишетъ такъ тонко, что типъ эмали собственно у него исчезаетъ; она имѣетъ видъ миньятюрной живописи, исполненной металлическими красками по фарфору. Ошибка эта—не остановиться во-время, перейти за черту одного искусства и войти въ область другого—часто встрѣчается въ современномъ производствѣ, и это, можно сказать, его отличительная черта, какъ искусства, начинающаго снова возрождаться и приподыматься на ноги.

Въ эпохи сильнаго художественнаго возбужденія, когда во главѣ художественнаго движенія были великіе зрѣлые

мастера, никогда, напримѣръ, ткань не усиливалась изображать картину (она подчинялась условнымъ краскамъ и не переходила декоративнаго назначенія), деревянная скульптура не подражала бронзѣ, какъ мы видѣли здѣсь въ мебельномъ отдѣлѣ; бронзовая рѣшетка не изображала рюстическаго сплетенія изъ древесныхъ вѣтвей, и т. д.— словомъ, не было такого стремленія къ фокусному, фальшивому производству; каждый матеріалъ говорилъ самъ за себя, потому что нѣтъ такого матеріала, который бы не былъ пригоденъ для выполненія великаго произведенія; все дѣло въ умѣньи имъ распорядиться и воспользоваться соотвѣтственно его назначенію.

О г. *Жефруа* мы уже упоминали, какъ о сотрудникѣ г. Арманъ-Калья, говоря о церковной утвари. Онъ спеціально занимается работами по способамъ эмальеровъ Востока и Лиможа, то-есть украшаетъ (заливаетъ) эмалью узоры и фигуры, выведенные на металлической доскѣ, или подвижными перегородками, припаянными на ребро (émaux cloisonnés), или постоянными перегородками, выдолбленными въ металлѣ, или отлитыми заодно съ доскою (émaux champlevés). Произведенія его отличаются большою гармоніей красокъ; онъ употребляетъ, по примѣру старыхъ эмальеровъ Кёльна и Лиможа, обыкновенно три или четыре краски, не болѣе. Къ концу выставки онъ исполнилъ сосудъ, украшенный эмалью другого рода: сосудъ серебряный, съ узоромъ, прорѣзаннымъ à jour, какъ кружево; все, что вырѣзано, плотно залито цвѣтною прозрачною эмалью, которая потомъ отшлифована, такъ что контуръ металлическаго узора и эмаль, залитая въ промежуткахъ, находятся на одной плоскости. Трудно представить себѣ, какого обаянія достигаетъ по колориту и гармоніи это маленькое произведеніе.

Остальные эмальеры, гг. *Дотень*, *Шарло* и *Робильяръ* занимаются всѣми родами эмальернаго дѣла, но произведенія ихъ уже значительною степенью ниже первыхъ; въ нихъ слишкомъ уже явно проглядываетъ подражательная сторона въ соединеніи съ фабричностью. Такъ г. Робильяръ производитъ почти исключительно одни пастиши, то-есть рабскія поддѣлки подъ старыхъ мастеровъ, преимущественно въ характерѣ П. Ремона.

Бронзовый французскій отдѣлъ одинъ изъ самыхъ обширныхъ и блестящихъ на выставкѣ. Отливка изъ бронзы, особенно тамъ, гдѣ касается предметовъ меблировки и

мелкихъ художественныхъ произведеній, всегда играла важную роль въ отрасляхъ французской изящной промышленности; она, какъ живопись, какъ скульптура, имѣла въ разныя эпохи своихъ великихъ мастеровъ, имена которыхъ пользуются европейскою извѣстностью. Но здѣсь, на выставкѣ 1867 года, встрѣчалась та же особенность, которая отличала всѣ остальныя отрасли Франціи и многихъ другихъ государствъ: творческая способность какъ будто пріостановилась на время; она какъ словно собирается съ новыми силами и пока пріуготовляетъ себя изученіемъ того, что̀ создалось во времена прошедшія. Бронзовое производство связано непосредственно во всѣхъ частяхъ своихъ съ творчествомъ. Здѣсь все, отъ первой модели до второстепенныхъ работъ, какъ-то: чекана, соединенія частей, отливки въ цѣлое, бронзировки и позолоты, требуетъ полнаго художественнаго сознанія; тутъ вездѣ нужны талантъ, большая спеціальная подготовка, знаніе, вкусъ.

Французская выставка занимала длинную галлерею, гдѣ, въ обѣ стороны и по серединѣ, возвышались безконечные ряды предметовъ отливного и чеканнаго искусства; тутъ бронза, мѣдь, желѣзо, чугунъ, цинкъ, металлическія сочетанія всякаго рода; тысячи и тысячи предметовъ самыхъ разнообразныхъ формъ и назначеній, и между тѣмъ, куда ни обратишься, всюду встрѣчаешь одни лишь повторенія, копіи, одни компиляціи мотивовъ, давно исполнившихъ свою карьеру, давно знакомыхъ всему просвѣщенному обществу.

Но эта черта, бросающая, повидимому, тѣнь на воспріимчивость творческой способности, составляетъ именно оригинальную особенность современнаго производства, которое все, цѣликомъ, во всѣхъ своихъ отрасляхъ, жадно вдругъ обратилось къ давно забытымъ образцамъ стараго искусства.

Откуда, напримѣръ, неожиданно взялась цѣлая группа произведеній изъ желѣза, отлитыхъ и выкованныхъ до художественной тонкости г. *Мораномъ?* Изящная работа изъ желѣза, такъ высоко цѣнимая въ средніе вѣка въ Италіи, въ Испаніи и потомъ во Франціи, не появлялась уже болѣе со времени Людовика XIII; она была въ такой модѣ, что самъ король, какъ извѣстно, былъ отличнымъ художникомъ по слесарной части.

Что̀ заставило г. *Барбедьена* начать въ обширныхъ раз-

мѣрахъ и для самаго обиходнаго употребленія производство бронзовыхъ вещей, украшенныхъ эмалью, крытыхъ различными составами въ подражаніе тону или, какъ говорится, патинѣ бронзы античной и флорентинской? Г. Барбедьенъ, одинъ изъ главныхъ бронзовщиковъ во Франціи, недавно еще былъ издателемъ книгъ; онъ попалъ на новое свое поприще, купивъ случайно открытіе г. Колà (Colas), заключающееся въ томъ, чтобы механическимъ способомъ воспроизводить въ уменьшенномъ видѣ всякое скульптурное произведеніе; онъ примѣнилъ его къ бронзѣ и, понявъ духъ современнаго направленія, принялся исключительно отливать небольшія античныя статуи, вазы, свѣтильники, бюсты, шандалы, находящіеся въ собраніяхъ Лувра, Пурталеса, музея Борбонико въ Неаполѣ и т. д.; попавъ, какъ говорится, въ жилу общественной потребности, онъ нажилъ себѣ большое состояніе, но, надо сказать, много способствовалъ къ распространенію вкуса къ бронзовымъ издѣліямъ художественнаго характера, хотя и обиходнаго назначенія. Другой, весьма также замѣчательный бронзовщикъ, г. *Леролъ*, производившій до настоящаго времени самые ходовые торговые предметы, неожиданно измѣнилъ своему направленію. Онъ явился на выставкѣ 1867 года съ произведеніями, отформованными и отлитыми съ бронзъ, сочиненныхъ лучшими рисовальщиками-орнаментистами временъ Людовика XIII, XIV и XV, каковы: Ле-Потръ, Беренъ, Дюсерсò и т. д.; отливая ихъ изъ чистой желтой мѣди, онъ въ то же время оставляетъ ихъ безъ позолоты, что окончательно приближаетъ произведенія его къ подлинникамъ и сохраняетъ имъ печать художественности.

За г. Леролемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ производителей бронзовыхъ издѣлій, о которыхъ упоминать было бы слишкомъ долго; всѣ они, большею частью, держатся или стараются держаться того же направленія, какъ вышеупомянутые ихъ собраты по производству. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что бронзовая отрасль, принявшая во Франціи такіе обширные размѣры, ограничивается почти исключительно мелкимъ производствомъ. Въ настоящее время г. *Тьебо* и еще гг. *Броксенъ* и *Лене* занимаются отливкою колоссальныхъ монументальныхъ произведеній. Но фактъ этотъ вовсе не служитъ подтвержденіемъ упадка производства; напротивъ, онъ есть доказательство его распространенія; колоссальныя произведенія могло заказывать

только правительство, имѣющее въ своемъ распоряженіи площади и публичныя зданія. Гг. Тьебо, Брокенъ и Леné удовлетворяютъ вполнѣ заказамъ такого рода; иначе, конечно, ихъ было бы больше. Страшное размноженіе такихъ производителей, которые обратили свою дѣятельность на болѣе мелкое, текучее производство, объясняетъ увеличеніе потребителей со стороны общества, то-есть частныхъ лицъ, у которыхъ рождается потребность на бронзу.

Замѣтимъ также мимоходомъ, что, несмотря на видимый успѣхъ бронзоваго производства, оно, собственно какъ торговая отрасль, начинаетъ все-таки въ послѣдніе годы, сравнительно, ослабѣвать во Франціи: вывозъ бронзовыхъ издѣлій, который въ 1862 г. простирался на 50.000,000 франк., въ 1866 г. понизился менѣе чѣмъ на 30.000,000 франк. Причина этого, какъ объясняютъ спеціалисты, заключается частью въ плохомъ состояніи торговыхъ дѣлъ вообще, но главное въ томъ, что многія государства, покупавшія еще такъ недавно во Франціи бронзовыя издѣлія, въ эти послѣдніе годы не только развили у себя это производство, но стали даже сами ввозить во Францію; сами французы жестоко жалуются на ввозъ издѣлій этого рода изъ Пруссіи, Бельгіи и особенно Австріи; въ Австріи, въ самый короткій промежутокъ времени, развились двадцать одна фабрика, гдѣ исключительно работаютъ мелкіе бронзовые предметы артистическаго достоинства.

Несмотря на такое положеніе дѣла, бронзовому производству Франціи все-таки можно еще позавидовать. Въ одномъ Парижѣ насчитываютъ болѣе 15,000 лицъ, занимающихся бронзовымъ дѣломъ; изъ нихъ, конечно, только три или четыре тысячи лицъ, на которыхъ можетъ разсчитывать художественное производство, и нѣсколько сотъ лицъ даровитыхъ и настоящихъ артистовъ; но самыя эти дарованія были, по всей вѣроятности, первыми возбудителями общественнаго вкуса къ образцамъ, имѣющимъ изящное значеніе; они первые способствовали ихъ распространенію; движеніе, начатое размноженіемъ повсюду музеумовъ, принято было художниками съ воодушевленіемъ; оно передалось обществу, такъ что первымъ осталось только на время удовлетворить общей потребности. Оно такъ сильно, что выражается на выставкѣ даже въ чугунной отливкѣ. Выставка г. *Дюрена*, главнаго производителя по этой части, наполнена только вещами, отфор-

мованными на образцахъ художественныхъ; большія фигуры произведены большею частью лучшими современными французскими скульпторами; мелкія, состоящія изъ барельефовъ, блюдъ, чашъ и т. д., взяты съ моделей Челлини, Бріо и т. д.

Новизну въ этомъ отдѣлѣ надо искать не столько въ формахъ, сколько въ матеріальныхъ успѣхахъ. Въ послѣднемъ отношеніи видны неимовѣрныя усилія промышленности удешевить предметы, сохраняя имъ въ то же время, однакожъ, по возможности, привлекательный, изящный видъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти новыя металлическія комбинаціи, всѣ эти сплавы съ примѣсью цинка и олова, стремящіеся подражать бронзѣ, уступаютъ послѣдней въ значеніи какъ матеріалу, особенно способному воспроизводить во всей чистотѣ строго-художественные типы. Тутъ, очевидно, главнымъ руководителемъ служитъ скорѣе торговая спекуляція, чѣмъ дѣло искусства; но, съ другой стороны, удешевленіе предмета, все-таки изящнаго по формѣ, съ точки зрѣнія распространенія красоты, есть немаловажная услуга.

Въ этой категоріи встрѣчаются произведенія, достойныя вниманія во всѣхъ отношеніяхъ; таковы у экспонентовъ гг. *Бло*, *Друара*, *Лефевра* и *Робенъ*. Модели выбраны большею частью со вкусомъ; самыя вещи часто носятъ слѣды внимательной обработки, тонкой позолоты или раскраски, передающей подлинный образецъ въ совершенствѣ.

Отливка изъ цинка началась весьма недавно. Литейный заводъ „de la vieille montagne“, желая распространить кругъ своихъ коммерческихъ дѣйствій, соединился, лѣтъ двадцать назадъ, съ другимъ весьма даровитымъ бронзовымъ фабрикантомъ г. *Бро д'Анлюръ*, основавшимъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ центрѣ Парижа литейную для цинка. Новая эта промышленность, благодаря своей дешевизнѣ, принялась весьма успѣшно: теперь она такъ распространилась, что осуществляетъ весьма значительную отрасль спеціальнаго производства во Франціи.

Но гдѣ особенно выразилось современное настроеніе къ художеству, такъ это въ отдѣлахъ мебели и керамики, или гончарнаго дѣла. И то, и другое, какъ отрасли, въ которыхъ главную роль играютъ рисунокъ и форма, уже по существу своему находятся въ тѣснѣйшемъ сродствѣ съ художествомъ. Франція въ теченіе нѣсколькихъ сто-

лѣтій сохраняла монополію производства артистической мебели; еще до итальянскаго вліянія, въ разныя эпохи развитія готики, мебельное мастерство достигаетъ во Франціи высокой степени художественнаго значенія. Судя по образцамъ, уцѣлѣвшимъ до сихъ поръ въ церквахъ и монастыряхъ и хранящимся въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ, видно, что дѣломъ этимъ часто занимались величайшіе мастера-рисовальщики и мастера-скульпторы. Италія въ XVI столѣтіи внесла свои элементы; они вошли, но не изгладили мѣстныхъ типовъ: такова, напримѣръ, мебель, производившаяся во всей южной Франціи въ XVI и XVII столѣтіяхъ; центромъ производства былъ Ліонъ; мебель на сѣверѣ сохраняла въ то же время характеръ романскій въ соединеніи съ готическимъ. Съ XVII вѣка является цѣлое поколѣніе замѣчательныхъ рисовальщиковъ по мебельной части, каковы: Жанъ-ле-Потръ, Дюсерсò, Берènъ, Буль и т. д. Одинъ изъ величайшихъ скульпторовъ Франціи, Жанъ-Гужòнъ, отмѣтилъ цѣлый періодъ мебельнаго производства. Нигдѣ типы мебели не представляютъ столько разнообразія, какъ во Франціи; тутъ всѣ виды готики, всѣ оттѣнки и варіанты стиля возрожденія, образцы, украшенные рѣзьбою времени Людовика XVI, со включеніемъ роскошной металлической инкрустаціи по искусственной черепахѣ, внесенной въ меблировку Булемъ; затѣмъ идутъ рококò и рокайль, тощій, но граціозный вкусъ Людовика XVI; потомъ неожиданное возвращеніе греческаго и помпейскаго вкуса во время консульства; наконецъ, все успокоивается, дѣлается гладкимъ, плоскимъ, лакированнымъ и такъ продолжается до настоящаго времени.

Мебельный отдѣлъ, какъ мы замѣтили выше, свидѣтельствуетъ самымъ знаменательнымъ образомъ о томъ движеніи, которое въ послѣдніе годы возбуждено въ промышленности распространеніемъ музеумовъ. Въ отдѣлѣ болѣе шести сотъ предметовъ мебельнаго производства; изъ нихъ трудно указать на одинъ экземпляръ, который бы напомнилъ типъ послѣднихъ тридцати годовъ. Весь отдѣлъ состоитъ изъ подстрочныхъ копій, поддѣлокъ или образцовъ, приближающихся болѣе или менѣе къ типамъ извѣстныхъ эпохъ процвѣтанія искусства. Встрѣчались также попытки внести новыя приспособленія; но, надо сказать, попытки эти бòльшею частью не совсѣмъ удачны.

Такъ, напримѣръ, г. *Мазарозъ-Рибалье* выставилъ боль-

шой орѣховый буфетъ, въ которомъ не только мелкая орнаментація, но самый карнизъ и главные фризы выполнены изъ зеленоватой бронзы; украшенія эти, уже по рисунку довольно тяжелыя для глаза, вышли въ металлѣ еще тяжелѣе; они придали мебели совершенно безполезную существенную тяжесть, не прибавляя ровно ничего къ ея красотѣ; въ цѣломъ, буфетъ представлялъ ту безпокойную дисгармонію, которая всегда бываетъ при сочетаніи не въ мѣру на одномъ предметѣ разнородныхъ матеріаловъ; металлъ, въ такой пропорціи, очевидно не вяжется съ деревомъ; не служа ему нисколько украшеніемъ, подобно фигурной, узорчатой или плоской оковкѣ, или инкрустаціи, металлъ только давитъ дерево и совершенно его поглощаетъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, еще неудачнѣе попытка г. *Диля* (Diehl), покрывшаго всю переднюю часть своего шкапа огромнымъ литымъ бронзовымъ рельефомъ, изображающимъ побѣжденнаго Атиллу.

Къ тому же разряду слѣдуетъ причислить библіотеку г. *Беліо*, украшенную фаянсовыми расписными рельефами фабрики г. Барбизѐ, и монументальный шкапъ г. *Депора*, въ которомъ обрамка только изъ дуба, а все остальное,— дверцы, переднія части ящиковъ, верхній фризъ, — изъ бѣлаго массивнаго скульптурнаго камня; такое неудачное примѣненіе особенно жаль видѣть въ послѣдней мебели, потому что скульптурная работа, въ чистѣйшемъ вкусѣ итальянскаго возрожденія, исполнена съ замѣчательнымъ совершенствомъ.

Въ меньшей мѣрѣ и въ другомъ родѣ упрека заслуживаетъ также и знаменитый шкапъ г. *Фурдинуа*, купленный кенсингтонскимъ музеумомъ за 75,000 франковъ. Здѣсь дѣло не въ употребленіи разнородныхъ, неудобно вяжущихся матеріаловъ; ошибка въ мелочности, можно даже сказать, въ миніатюрности рѣзного и скульптурнаго исполненія; и то, и другое, относительно величины шкапа, далеко переходитъ за предѣлы, опредѣленные назначеніемъ предмета. Мебель, какъ бы она ни была артистична, прежде всего должна оставаться мебелью, должна отвѣчать своей прямой цѣли; въ этомъ именно и заключается смыслъ каждаго артистическаго произведенія; шкапъ господина Фурдинуа, отличный по формѣ и рисунку, покрытъ скульптурными украшеніями, до того утонченно выполненными, что такъ и кажется, они обломаются отъ перваго прикосновенія; здѣсь рѣзьба перешла уже въ юве-

лирную работу изъ дерева; употреблять такую мебель невозможно; ее слѣдуетъ заключить подъ стеклянный футляръ и хранить какъ экземпляръ человѣческаго труда и терпѣнія; кенсингтонскій музей купилъ ее, какъ образецъ особеннаго способа врѣзыванія одного дерева въ другое, или инкрустаціи; вся скульптурная часть состоитъ изъ орѣховаго и пальмоваго дерева, врѣзаннаго въ доски чернаго дерева, и потомъ, уже на мѣстѣ, послѣ скрѣпленія частей мебели,—выполненная рѣзцомъ и окончанная до тонкости кружевной работы.

Изъ новыхъ примѣненій, самое счастливое встрѣчается у гг. *Лемуанъ*, *Варнемюнде* и *Сормани;* первые украшаютъ свою мебель (бо̀льшею частію изъ чернаго дерева, въ стилѣ Людовика XIII) медальонами, писанными на мѣди эмалью, или въ сѣромъ тонѣ, или цвѣтною съ золотою и серебряною подслойкою во вкусѣ Поплена; г. Сормани, вмѣсто эмали, употребляетъ иногда вставки изъ фарфора, писанныя одноцвѣтнымъ тономъ (en camaieu).

Мебель г. *Муниъ*, обыкновенно дубовая, отличается весьма изящной орнаментаціей, рѣзанной бо̀льшею частію въ плоскомъ деревѣ и потомъ, въ углубленныхъ частяхъ рисунка, пройденной слегка матовымъ золотомъ.

За нимъ слѣдуетъ г. *Гуссингеръ* со своими столами, стульями и шкапчиками изъ крашенаго чернаго грушеваго дерева, покрытыми инкрустаціей изъ слоновой кости, во вкусѣ мебели миланской и флорентинской XVII столѣтія. Здѣсь невольно приходится удивляться дешевизнѣ, соединяющейся такъ рѣдко съ изяществомъ и прочностью работы; шкапчикъ двѣнадцати вершковъ вышины и восьми вершковъ ширины, самой красивой формы и рисунка, сто̀итъ всего двѣсти франковъ,—дешевле, чѣмъ самая простая этажерка или табуретъ у г. Тура въ Петербургѣ.

Въ общей сложности, французскій мебельный отдѣлъ показываетъ особенный успѣхъ въ скульптурномъ отношеніи; отдавая полную справедливость рисовальщикамъ-орнаментистамъ, нельзя не сказать, что они мало внесли новаго въ произведенія, отмѣченныя ихъ именемъ; все, что входитъ въ составъ ихъ дѣятельности, болѣе или менѣе заимствовано, или цѣликомъ взято съ образцовъ уже существующихъ; скульпторы и рѣзчики, между тѣмъ, на каждомъ шагу останавливаютъ вниманіе искусствомъ лѣпленія и мастерствомъ рѣзца. Въ самыя блистательныя

эпохи процвѣтанія художества, лучше не лѣпили и не рѣзали изъ дерева. Осматривая предметы, выставленные гг. *Леми*, *Герс*, *Кнехтомъ*, *Шармуа* и *Рого*, отличающіеся особенно по скульптурной части, проходишь всѣ пріемы, всѣ оттѣнки рѣзьбы на деревѣ, отъ декоративной манеры, гдѣ дерево, широко захваченное рѣзцомъ, закручивается въ волюту, ниспадаетъ гроздьями плодовъ, выступаетъ мощными мускулами фигуръ, до тончайшаго прикосновенія рѣзца въ листкѣ цвѣтка, крыльяхъ птицы, изгибахъ самой прихотливой, самой фантастической орнаментаціи.

Согласно общему мнѣнію экспертовъ, гончарное дѣло сдѣлало, даже безъ сравненія, еще больше успѣховъ, чѣмъ мебельное. Въ главныхъ чертахъ своихъ, оно точно такъ же обратилось къ подражанію старыхъ образцовъ; но здѣсь подражаніе привело къ существенно важнымъ результатамъ: современное керамическое искусство, въ усиліяхъ своихъ приблизиться къ минувшимъ образцамъ, обновило не только формы и вообще внѣшній видъ своихъ произведеній, но мало-по-малу дослѣдилось до употребленія всѣхъ тѣхъ техническихъ способовъ производства, которые считались еще такъ недавно тайнами Востока и давнопрошедшаго времени. Въ этомъ отношеніи, какъ увидимъ ниже, особенныя заслуги оказало фаянсовое производство. Производство фарфоровыхъ издѣлій во французскомъ отдѣлѣ осталось за Севромъ; но надо сказать, фабрикѣ этой день ото дня труднѣе бороться противъ многихъ частныхъ заводовъ. Севръ, покровительствуемый императоромъ, располагая значительными средствами, имѣетъ возможность приглашать лучшихъ артистовъ; но какъ всѣ учрежденія официальныя, государственныя, — Севръ выказываетъ меньше существенныхъ успѣховъ, чѣмъ можно и слѣдуетъ, по всей справедливости, отъ него требовать; причину отчасти объяснить возможно; какъ только артисты, кто бы они ни были, вступаютъ въ кругъ обязательный, служебный, опредѣляются на казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ,— словомъ, устраиваются, они уже, такъ сказать, подписываютъ свою разводную съ служеніемъ искусству; послѣднее прежде всего требуетъ совершенной независимости и свободной инициативы. Художественная воспріимчивость, постоянно возбуждаемая соревнованіемъ въ кругу собратовъ, невольно умаляется и ослабѣваетъ тамъ, гдѣ лич-

ность должна исчезать, стушевываться въ пользу проявленія высшаго начальства и прославленія самого учрежденія.

Севрская фабрика прислала на выставку много прекрасныхъ произведеній; но произведенія эти не новы, по крайней мѣрѣ относительно формы, и положительно слабѣе старыхъ образцовъ той же фабрики во всемъ, что касается собственно живописи. Тутъ находились вазы съ букетами цвѣтовъ и плодами, такъ замѣчательно исполненными, что могли бы быть подписанными именами фанъ-Гюзума и де-Геема; встрѣчались миніатюрно исполненныя копіи съ картинъ Лувра и т. д.; но самая эта утонченность письма и вѣрность воспроизведенія и есть именно совершенно ложное пониманіе живописнаго искусства въ примѣненіи къ гончарному производству. То же самое, точь-въ-точь, встрѣчается и на нашемъ фарфоровомъ Императорскомъ заводѣ въ С.-Петербургѣ. Вѣрное воспроизведеніе природы составляетъ неотъемлемую принадлежность живописнаго искусства; любуясь картиной, намъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ придти въ голову превратить ее въ подносъ или столъ; подносъ и столъ въ такомъ случаѣ были бы нелѣпость, безсмыслица, потому что не могли бы исполнять своего прямого назначенія; живопись на предметѣ артистическаго промышленнаго производства имѣетъ смыслъ тогда лишь, когда служитъ къ украшенію предмета въ декоративномъ смыслѣ, не мѣшая ему оставаться самимъ собою.

Въ пониманіи этого дѣла несравненно дальше Севра ушли многіе частные производители, каковы, напримѣръ, гг. *Лонге*, *Декъ*, *фабрика въ Бургъ-ла-ренъ* и другіе.

Произведенія ихъ точно такъ же украшены цвѣтами, животными, растеніями; но здѣсь цвѣтокъ, бабочка, растеніе и т. д. не есть рабская копія съ натуры, а цвѣтокъ—имѣетъ орнаментный характеръ; цвѣтокъ—орнаментъ, бабочка—орнаментъ, листъ—орнаментъ, и т. д.; словомъ, здѣсь цѣль не произвести картину, а достигнуть только живописнаго декоративнаго эффекта. Все это, сверхъ того, писано не тѣмъ копотливымъ пунктиромъ, который скученъ даже въ живописи, но писано той свободной широкой манерой, которая такъ хорошо вяжется съ предметомъ общеупотребительнаго назначенія.

Послѣдніе фабриканты, впрочемъ, съ замѣтнымъ усердіемъ изучали образцы восточнаго производства, которое

было и будетъ лучшимъ руководителемъ въ пониманіи орнаментнаго, декоративнаго искусства.

Между новостями на Севрской выставкѣ, слѣдуетъ упомянуть объ особомъ способѣ окраски фарфора, который, сколько кажется, принадлежитъ къ числу послѣднихъ изобрѣтеній: мы видѣли нѣсколько вещей, окрашенныхъ такимъ образомъ, что одинъ слой краски, обожженный въ огнѣ, покрывается вторымъ, другого колера, такъ что первый, просвѣчивая сквозь второй, даетъ въ общемъ при дневномъ свѣтѣ буро-коричневый тонъ, но при вечернемъ освѣщеніи нижняя краска беретъ перевѣсъ, и предметъ окрашивается пурпуровымъ отблескомъ. Изобрѣтеніе это принадлежитъ болѣе къ техническимъ усовершенствованіямъ, чѣмъ касается художества. Въ числѣ художественныхъ улучшеній слѣдуетъ упомянуть о способѣ украшать фарфоръ,—способѣ, встрѣчаемомъ, впрочемъ, на вазахъ и чашахъ стариннаго китайскаго и японскаго производства; фарфоровая масса, неокрашенная или окрашенная въ одноцвѣтный тонъ и приведенная въ жидкое состояніе, употребляется какъ густая краска для изображенія на фарфоровыхъ вещахъ орнаментовъ, гирляндъ, фигуръ, обрамокъ для медальоновъ и т. д.; рисунокъ, выходя такимъ образомъ нѣсколько рельефно, мѣстами зацѣпляетъ блестки свѣта, мѣстами бросаетъ тѣнь и даетъ предмету большую игру, когда послѣдній покрывается глазурью. Не знаю, принадлежитъ ли этотъ новый способъ украшенія Севрской фабрикѣ, но приложеніе встрѣчалось въ столь же совершенномъ видѣ на многочисленныхъ произведеніяхъ г. *Руссо* и г. *Жибюса*; оба эти фабриканта весьма замѣчательны.

Задача г. Руссо въ томъ, чтобы производить только тонкія артистическія вещи по образцамъ лучшихъ итальянскихъ моделей XVI вѣка и также фаянсовыхъ издѣлій, извѣстныхъ подъ названіемъ: Генриха II (faiences d'Oiron); каждая его вещь дѣйствительно носитъ отпечатокъ мысли и представляетъ почтенный результатъ неутомимаго изученія; ему знакомы всѣ способы какъ древняго производства на Востокѣ и Западѣ, такъ и новѣйшаго времени. Весьма замѣчательны у него, между прочимъ, медальоны съ изображеніемъ сюжетовъ, взятыхъ большею частью съ помпеянскихъ фрескъ, античныхъ камей и столь характерныхъ итальянскихъ медалей XV вѣка; изображенія эти, писанныя густымъ одноцвѣтнымъ фарфоромъ по фарфоровой,

уже обожженной доскѣ другого тона, обыкновенно матоваго, синяго, коричневаго, голубоватаго и т. д., замѣчательны по рисунку и мастерству давать большой рельефъ на плоской поверхности; многіе медальоны такъ мелки и вмѣстѣ съ тѣмъ изящны, что могли бы съ успѣхомъ замѣнить камеи. Г. Руссо производитъ также сервизы изъ бѣлаго фаянса, съ рисунками самаго оригинальнаго, живописнаго характера; тутъ въ безпорядкѣ разбросаны плоды, овощи, цвѣты, бабочки и т. д.; очеркъ этихъ изображеній произведенъ отпечаткомъ; остальное все писано красками отъ руки и съ замѣчательнымъ декоративнымъ вкусомъ; такой сервизъ на двѣнадцать человѣкъ стоитъ, сообразно съ его артистическимъ достоинствомъ, баснословно дешево: двѣсти франковъ; но расчетъ г. Руссо вѣренъ: онъ разсчитываетъ на массу сбыта; во время выставки онъ получилъ столько заказовъ, что на много лѣтъ обезпечена дѣятельность его фабрики.

Отличительная черта произведеній г. Жибюса заключается въ совершенствѣ фигуръ, которыми они украшены; фигуры состоятъ большею частью изъ дѣтей, маленькихъ фавновъ и сатировъ; онѣ отформованы обыкновенно изъ фарфора одноцвѣтной массы, но другого цвѣта, чѣмъ туловище вазы, и украшаютъ ея бока; ваза всегда бѣлаго цвѣта, покрыта легкою, но блестящею, маслистою глазурью, дающею ей видъ pâte tendre; форма изъ самаго простого рисунка, но всегда изящная по линіямъ и пропорціямъ.

Выставка фарфоровыхъ издѣлій гг. *Ренэ и Бойе* была истиннымъ благодѣяніемъ для множества лицъ, которыя, имѣя больше денегъ, чѣмъ знанія въ керамическомъ дѣлѣ, пріобрѣтали ихъ прежде за самый несомнѣнный фарфоръ севрскаго производства. Бирюзовый цвѣтъ и синій, такъ называемый „bleu de roy"—секретъ которыхъ, говорили, и дѣйствительно одно время былъ утраченъ, удается гг. Бойе и Ренэ такъ совершенно, что при сличеніи образцовъ ихъ производства со старыми, положительно не усматривается различія: для большаго сходства и марки поставлены тѣ же, что на старыхъ экземплярахъ. Тарелки съ медальонами, изображающими портреты дамъ временъ Людовика XV и регентства, окруженныя обрамкою изъ матоваго золота съ узорами въ видѣ жемчуга, чашки pâte tendre съ тонкими арабесками, расписанными сквозною эмалью—все это встрѣчается здѣсь въ изобиліи.

Изъ экспонентовъ, производство которыхъ было лучше

другихъ по мастерству дѣлать печатные оттиски по фарфору и фаянсу, болѣе всѣхъ отличился г. *Прево* (Prévost); произведенія г. *Бріаншёнъ* не щеголяютъ изящной формой, но замѣчательны они по блестящей глазури съ металлическимъ отливомъ; г. Бріаншёнъ не достигъ еще пурпуроваго отлива, отличавшаго сицилійско-арабскія блюда XV вѣка и также произведенія знаменитаго итальянскаго керамиста Орація Фонтана: онъ даетъ своимъ вещамъ только розовый тонъ, отливающій золотомъ, серебромъ и перламутромъ: но и это уже заслуга немаловажная.

Металлическій отливъ встрѣчается также на двухъ блюдахъ г. *Лонгѣ*: но мы переходимъ съ этимъ экспонентомъ уже въ отдѣлъ фаянса: онъ былъ такъ замѣчателенъ, что пользовался чуть ли не самою большою популярностью на выставкѣ.

Благодаря возрастающему вкусу къ старинѣ въ эти послѣднія двадцать лѣтъ, фаянсовое производство, вытѣсненное на дальній планъ фарфоромъ, снова вошло въ большую моду; здѣсь, разумѣется, говорится только о произведеніяхъ, имѣющихъ стиль и рисунокъ; мода играетъ здѣсь, конечно, свою роль; но ей далеко не все принадлежитъ: въ настоящемъ случаѣ, главную долю надо отдать художественному чувству, которое предпочитаетъ фаянсъ потому, что произведенія этого рода, по свойству своей массы, всегда на видъ мягче тономъ, очертанія на нихъ выходятъ не такъ рѣзко и наконецъ, главное, благодаря тому же свойству фаянса, краски, поглощаясь несравненно больше, чѣмъ на фарфорѣ, получаютъ при выходѣ изъ огня матовый тонъ самаго пріятнаго гармоническаго свойства; даже худо расписанный фаянсъ не деретъ глаза: фарфоръ требуетъ мастерского письма; иначе онъ производитъ всегда крикливый, яркій и грубый эффектъ. Повторяемъ, мы касаемся здѣсь только производства артистическаго, а не обиходнаго.

Отдѣлъ фаянса такъ обширенъ, что нѣтъ возможности перечислить всѣхъ экспонентовъ; мы ограничимся тѣми только, которые выходятъ изъ ряда и стоятъ на первомъ планѣ.

Имя г. *Пуля* (Pull) извѣстно уже двадцать лѣтъ; онъ, можно сказать, первый предугадалъ направленіе настоящаго вкуса и началъ съ формовки въ Луврѣ самыхъ замѣчательныхъ образцовъ Палисси. Кромѣ того, что г. Пуль достигаетъ въ подражаніи такого совершенства, что при-

водитъ часто въ затрудненіе знатоковъ, онъ ввелъ въ свое производство большія усовершенствованія; такъ, напримѣръ, синяя эмаль г. Пуля содержитъ въ себѣ больше густоты колера и блеска, чѣмъ даже у Палисси и всѣхъ остальныхъ гончаровъ; многія вещи его, какъ напр. большой каминъ во вкусѣ возрожденія, рельефъ съ Рафаэля: La belle jardinière, большой канделябръ во флорентинскомъ стилѣ, показываютъ высокое мастерство въ управленіи горномъ, въ формовкѣ большихъ фаянсовыхъ вещей и эмальировкѣ. Надо замѣтить, г. Пуль и его жена составляютъ вдвоемъ весь персоналъ фабрики; мужъ формуетъ и обжигаетъ, жена эмальируетъ. Г. Пуль, работая только для музеевъ и любителей, производитъ весьма мало, и этимъ объясняется высокая цѣна его произведеній.

Совершенно тому же направленію слѣдуетъ г. *Барбизе*, но съ тою разницею, что произведенія послѣдняго исполняются въ большомъ масштабѣ и носятъ болѣе фабричный отпечатокъ; слѣдуетъ прибавить также, что и въ цѣнѣ вещей огромная разница: онѣ вдвое дешевле, чѣмъ у г. Пуля.

Г. *Ависсо* (Avisseau) тоже подражаетъ Палисси, но только не подстрочно, какъ Пуль и Барбизе; подобно Палисси, онъ формуетъ съ натуры рыбъ, насѣкомыхъ, растенія, переноситъ отформованные предметы на блюда и потомъ расписываетъ ихъ цвѣтною эмалью самаго блестящаго свойства. Выставленная имъ плетеная изъ хвороста корзина съ рыбой, угремъ и овощами—верхъ совершенства эмальернаго дѣла по фаянсу; никогда самъ Палисси не доходитъ до такой утонченной правдивости.

Г. *Жáнь* тоже керамистъ съ большимъ талантомъ; задача его — воскресить старое фаянсовое производство Мустье, Руана, Авиньона и т. д.; онъ прибавляетъ къ нимъ все, что можетъ улучшить производство относительно живописи. Онъ выставилъ также множество оригинальныхъ вещей, между которыми колоссальные расписные бюсты, фонтаны, сервизы, въ которыхъ морскія божества, нимфы и тритóны поддерживаютъ раковины, дѣлаютъ величайшую честь производителю.

Другой экспонентъ, г. *Дек*, идетъ тѣмъ же путемъ; онъ, если возможно, еще достойнѣе вниманія, потому что выставленныя имъ произведенія представляютъ больше разнообразія, больше заботливости къ усовершенствованію.

Говоря о копированіи съ натуры красками на произве-

деніяхъ Севра, мы должны бы были упомянуть о томъ, какъ понимаютъ этотъ родъ письма живописцы-орнаментисты, употребляемые г. Декомъ; такіе мастерскіе пріемы письма встрѣчаются только на произведеніяхъ лучшихъ эпохъ восточнаго производства; здѣсь краски, смѣло наложенныя, какъ бы текутъ съ кисти, заливаютъ одна въ другую, запекаются на выступѣ листа или ребрѣ узора, и все это, между тѣмъ, художественно разсчитано; все способствуетъ къ тому, чтобы въ цѣломъ произвести тотъ смачный, вкусный живописный эффектъ, который, одинъ, отличаетъ руку художественную, руку незнакомую съ рутиной и свободно повинующуюся волѣ образованнаго чувства. Цвѣтная эмаль г. Дека удивительна; въ этомъ отношеніи никто не можетъ съ нимъ соперничать; на старыхъ китайскихъ и японскихъ вазахъ существовали цвѣта, которыхъ до сихъ поръ никто не могъ произвести кромѣ г. Дека; изразцы его, бо́льшаго размѣра, по блеску красокъ, могутъ только стать на ряду съ персидскими старыми произведеніями того же назначенія. Формы произведеній г. Дека заимствованы большею частію у Востока; такъ у него множество моделей, снятыхъ цѣликомъ съ металлическихъ арабскихъ чашъ и кубковъ, украшенныхъ изреченіями изъ Корана и мелкой орнаментаціей; г. Декъ покрываетъ ихъ обыкновенно легкою цвѣтною глазурью, въ огнѣ она удобнѣе затекаетъ въ углубленныя части узора и при выходѣ изъ горна производитъ въ цѣломъ удивительно живописный эффектъ.

Въ техническомъ отношеніи Декъ пошелъ также дальше другихъ; онъ выставилъ, между прочимъ, въ персидскомъ вкусѣ, чашу, величина которой разрѣшила вопросъ о возможности обжигать колоссальныя фаянсовыя вещи, такъ чтобы онѣ въ горнѣ не распадались и не теряли своей формы.

Было бы недобросовѣстно не упомянуть о гг. *де-Бомонѣ* и *Парвильѣ*. Каждый, независимо одинъ отъ другого, весьма много способствовалъ къ тому, чтобы поддержать артистическій вкусъ во Франціи; оба, въ разное время, долго странствовали по Востоку, собирая на мѣстѣ матеріалы, самыя формы съ замѣчательныхъ памятниковъ, рисуя все, что могло служить для ихъ цѣли. Г. де-Бомонъ обратился преимущественно къ производству фаянсовой артистической посуды; благодаря мастерской своей раскраскѣ и формамъ, она получила высшую награду на выставкѣ 1862 года;

на послѣдней выставкѣ онъ прибавилъ къ прежнимъ своимъ издѣліямъ плиты, жардиньерки, образцы балконныхъ рѣшетокъ изъ искусственнаго камня, который превосходно поддается самому прихотливому рѣзцу и держитъ цвѣтную глазурь, обожженную въ огнѣ.

Спеціальность г. Парвильé состоитъ въ производствѣ изразцовъ, узоръ которыхъ рельефно вытѣсняется въ формѣ, потомъ раскрашивается эмалью и обжигается въ огнѣ. Рисунки г. Парвильѣ превосходны; они цѣликомъ сняты съ арабскихъ и персидскихъ памятниковъ лучшаго періода. Г. Парвильѣ производитъ также большія монументальныя части зданій, фризы, капители, колонны и т. д. Онъ отливаетъ ихъ изъ твердой бетоновой массы въ формы, привезенныя имъ съ Востока; расписанные блестящею цвѣтною эмалью, образцы эти—драгоцѣнная находка для архитектуры нашего времени, которая жадно ищетъ обновленія.

Мы еще ничего не сказали о замѣчательныхъ производителяхъ гг. *Жефруа* и *Герренъ*, но пора остановиться.

Вообще, довольно, кажется, было сказано о французскомъ отдѣленіи выставки, чтобы сдѣлать себѣ приблизительно вѣрное понятіе о состояніи во Франціи художественной промышленности, о направленіи послѣдней и также о степени образованія, къ которому пришелъ работающій классъ французскаго современнаго общества.

Намъ, по крайней мѣрѣ, невольно и часто приходилось удивляться этой обширной массѣ лицъ, такъ хорошо приготовленной для всякаго художественнаго труда, — лицъ, проникнутыхъ чувствомъ изящнаго, развитыхъ по вкусу, развитыхъ, наконецъ, умственно настолько, чтобы, часто при талантѣ несомнѣнномъ, такъ охотно, такъ ревностно отдавать свой трудъ, свое знаніе издѣліямъ промышленнаго производства.

Но тутъ снова повторить слѣдуетъ: присутствіе сознанія, встрѣчаемое здѣсь въ трудѣ художника и даже ремесленника, чувство вкуса и артистическаго отпечатка на произведеніяхъ, не есть знакъ особенно одаренной природы француза; у него есть воспріимчивость, есть дѣятельность и склонность къ искусству, вызванная художественными преданіями, — это правда; но главное дѣло заключается въ тѣхъ способахъ развитія, которые встрѣчаетъ здѣсь человѣкъ при вступленіи на поприще; дѣло въ тѣхъ безчисленныхъ школахъ, въ тѣхъ музеумахъ, которыми Франція такъ заботливо запасалась еще въ давнее время

и о размноженіи которыхъ такъ еще теперь заботливо старается.

АНГЛІЯ.

Мы видѣли въ началѣ этой статьи, какое участіе приняла Англія въ вопросѣ общенароднаго художественнаго образованія; мы видѣли также, съ какой энергіей приступила она къ осуществленію такой мысли.

Но кенсингтонскій музей составлялъ только часть той обширной программы, которая разрабатывалась въ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ принца Альберта.

Справедливость требуетъ сказать, что цѣль программы, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, совпадала съ цѣлями такъ-называемаго „воспитательнаго комитета“, давно существовавшаго въ Англіи; разница заключалась въ обширности новаго плана, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ правъ и разработки деталей; но и этого уже было много, если принять во вниманіе запасъ энергіи членовъ новаго комитета; едва только дѣло подготовилось настолько, чтобы начать свои дѣйствія, — яснымъ оказалось, что оно не можетъ удовлетвориться прежней рамкой; сюда входило слишкомъ много новыхъ элементовъ, возникшихъ при разработкѣ деталей. Общій составъ плана невольно также вызвалъ необходимость самостоятельнаго образа дѣйствій.

Такимъ образомъ, въ 1853 г. образовалось, можно сказать, само собою, совершенно спеціальное учрежденіе; оно получило названіе „департамента искусствъ“ (art departement); государство приняло его подъ свое покровительство, а парламентъ, со своей стороны, обязался ежегодно выдавать ему значительную денежную сумму.

Главныя основныя пружины дѣйствія департамента заключаются: во-1-хъ, въ раздачѣ вспомогательныхъ денежныхъ пособій, премій, субсидій всякаго рода, во всѣ школы, которыя, преподавая рисовальное искусство, согласны подчиняться извѣстному наблюденію со стороны департамента; въ чемъ заключаются эти наблюденія, объяснено будетъ ниже; во-2-хъ, въ управленіи, по особой программѣ, центральною школою, основанною департаментомъ при кенсингтонскомъ музеумѣ,—школою, преимущественное назначеніе которой въ томъ, чтобы приготовлять спеціальныхъ учителей по всѣмъ родамъ художества; въ-3-хъ, въ правѣ выдавать дипломы разныхъ сте-

пеней на званіе учителя тѣмъ изъ питомцевъ своей школы, которые, во время курса и при выпускномъ экзаменѣ, обнаружили особенныя способности какъ рисовальщики-преподаватели.

Благодаря отлично обдуманной системѣ, въ которую приведенъ былъ каждый изъ этихъ способовъ дѣйствій,— департаментъ искусствъ имѣлъ возможность обнять всѣ стороны художественнаго образованія въ государствѣ.

Средства денежнаго вознагражденія открывали ему самый вѣрный, самый дѣйствительный способъ поощренія; воспитывая спеціальныхъ учителей, департаментъ способствовалъ ежегодно къ умноженію числа хорошихъ преподавателей и, слѣдовательно, содѣйствовалъ распространенію изученія изящнаго; право выдавать дипломы было также весьма важнымъ преимуществомъ: въ глазахъ каждаго учащагося, дипломъ опредѣлялъ будущую его карьеру; онъ зналъ, что если будетъ трудиться, — трудъ его не пропадетъ даромъ и дастъ ему вѣрное положеніе; съ другой стороны, дипломъ въ рукахъ учителя служилъ вѣрной гарантіей для школы, которая нуждалась въ руководителѣ по части рисованія. Наконецъ, въ вѣдѣніи департамента находился еще кенсингтонскій музей, — самое обширное художественное образовательное учрежденіе въ Европѣ; дѣйствія музеума распространялись столько же на классъ учителей и рабочихъ, сколько вообще на все общество; къ этому слѣдуетъ еще причислить множество другихъ музеумовъ или выставокъ, постоянныхъ и передвижныхъ, также лекцій для вольнослушателей, популярныхъ чтеній, курсовъ и т. д.

Сущность стремленій департамента лучше всего выразилась въ нѣсколькихъ словахъ, произнесенныхъ при открытіи кенсингтонскаго музеума секретаремъ комитета г. Колемъ: „...Если бъ, для усовершенствованія въ артистическомъ смыслѣ фабричнаго производства Англіи, — предстояло выбирать два пути: развивать вообще художественное чувство въ цѣломъ обществѣ, или заботиться преимущественно объ образованіи ремесленнаго класса,— я убѣжденъ, цѣль была бы скорѣе достигнута въ первомъ случаѣ; масса общества, т.-е. число потребителей, неисчислимо значительнѣе производительнаго класса; предположите, что главная масса общества, — не скажу образована художественно,—но настолько подготовлена, чтобы сочувствовать изящному; такое условіе уже невольно бу-

детъ имѣть самое сильное вліяніе на усовершенствованіе производства; промышленность страны всегда повинуется извѣстной логикѣ: она стремится удовлетворить потребности массы: главный вопросъ заключается, слѣдовательно, въ образованіи послѣдней"...

Эти слова содержатъ въ себѣ главную мысль, главныя стремленія департамента искусствъ.

Разсмотримъ теперь, какъ выполняется такая многосложная и трудная задача.

Чтобы соприкасаться съ общимъ движеніемъ художественнаго образованія въ государствѣ и войти въ тѣсныя сношенія съ учрежденіями, идущими къ такой же цѣли, департаментъ предлагаетъ денежныя пособія и учителей своихъ всюду, гдѣ только возникаетъ новая школа искусства, или высказывается желаніе учредить классъ рисованія.

Мы сказали выше,—такое участіе департамента не безусловно; условія эти слѣдующія: 1) Въ городѣ, или округѣ, гдѣ предполагается основать рисовальную школу, должно существовать не менѣе пяти училищъ, свидѣтельствующихъ о желаніи пользоваться рисовальными классами; каждое училище должно быть въ состояніи вносить за такое пользованіе пять фунтовъ стерлинговъ ежегодно (около 35 р. с.). 2) Учителя этихъ школъ,—все равно, какой бы предметъ они ни преподавали, — обязуются слѣдить за курсомъ рисованья наравнѣ съ учениками (послѣднее обусловлено мыслію распространять во что бы ни стало художественное образованіе). 3) Спеціальное помѣщеніе должно быть предназначено для рисовальныхъ классовъ. 4) Въ случаѣ, если денежные взносы школъ по пяти фунтовъ, и сверхъ того сборъ съ вольнослушателей, недостаточно обезпечиваютъ учителя рисованія, мѣстный комитетъ обязуется сообщить департаменту о средствахъ, которыя можетъ найти учитель въ частныхъ урокахъ.

Условія эти ясно свидѣтельствуютъ, что департаментъ распространяетъ свое покровительство не иначе, какъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ; онъ хочетъ быть увѣренъ, что новая школа рисованія заключаетъ въ себѣ всѣ элементы для существованія и развитія, что учитель, высланный имъ, будетъ вполнѣ обезпеченъ.

Если мѣстный учебный комитетъ принимаетъ условія департамента и можетъ доказать самымъ несомнѣннымъ образомъ возможность ихъ исполненія, департаментъ при-

знаетъ тогда официально существованіе новой школы; онъ выбираетъ учителя, кончившаго полный курсъ въ кенсингтонскомъ училищѣ; онъ не приневоливаетъ взять именно этого учителя, но только предлагаетъ его мѣстному комитету.

Потребовавъ, какъ мы видѣли, вѣрное обезпеченіе учителя, департаментъ считаетъ справедливымъ подчинить послѣдняго условной программѣ, съ тѣмъ, конечно, чтобы дать въ свою очередь гарантію мѣстному комитету.

Программа эта весьма обширна. Курсъ элементарный заключаетъ въ себѣ: линейную перспективу, геометрическое черченіе, рисовку несложныхъ орнаментовъ съ гипсовыхъ моделей, рисовку фигуры съ литографированныхъ образцовъ, первыя основныя правила акварельной живописи; курсъ высшій: рисованье съ рельефныхъ гипсовыхъ образцовъ, живопись, орнаментацію во всѣхъ ея приложеніяхъ, цвѣты, ландшафтъ; затѣмъ слѣдуетъ еще дополнительный классъ, въ немъ проходятъ: анатомію, сочиненіе живописныхъ и скульптурныхъ мотивовъ, лѣпленіе, архитектуру и черченіе машинъ. Сверхъ курсовъ, учитель обязывается давать три раза въ недѣлю, по вечерамъ, уроки ремесленникамъ съ платою въ недѣлю по шести пенсовъ (около 15 к. с.) съ человѣка.

Учитель, въ общей сложности, получаетъ: 1) половину дохода художественнаго класса; 2) по десяти фунт. ст. въ годъ за каждый дипломъ, выданный ему какъ свидѣтельство его дѣятельности и прилежанія; 3) денежныя преміи, выдаваемыя ему департаментомъ, пропорціонально числу наградъ, полученныхъ его учениками на конкурсахъ.

Главнымъ двигателемъ рвенія учителей и учениковъ служатъ экзамены и конкурсы, назначаемые департаментомъ; экзамены повторяются какъ можно чаще нарочно съ тѣмъ, чтобы рвеніе тѣхъ и другихъ постоянно возбуждалось и поддерживалось; цѣль достигается тѣмъ дѣйствительнѣе, что съ экзаменами соединяются существенныя выгоды учителя, ученика и самой школы.

Инспекторъ и экзаменаторы являются всегда неожиданно; подвергнувъ учениковъ экзамену, они осматриваютъ ихъ рисунки и назначаютъ премію лучшимъ изъ нихъ; каждая премія приноситъ собственно учителю два или три фунта ст. награжденія. Конкурсы назначаются между экзаменами; въ каждую школу посылается изъ департамента списокъ задачъ художественнаго содержанія, кото-

рыя предлагаются на конкурсъ. Послѣ окончанія тѣхъ экзаменовъ, о которыхъ говорено выше, инспекторы приступаютъ къ осмотру конкурсныхъ задачъ. Отличившіеся ученики награждаются медалью; каждая медаль доставляетъ школѣ премію въ десять шиллинговъ. Она выдается не деньгами, но художественнымъ предметомъ приблизительно той же цѣнности, какъ напр.: гравюрой, книгой, моделью, гипсовымъ слѣпкомъ и т. д. Этимъ способомъ школа ежегодно увеличиваетъ составъ своихъ художественныхъ коллекцій и обогащаетъ свою библіотеку. Каждый ученикъ, награжденный медалью, получаетъ названіе „prize student“ (ученикъ съ медалью);—но главная награда заключается въ освобожденіи его отъ годичной платы за ученье.

Дѣйствіе конкурсовъ на этомъ не останавливается: рисунки, за которые присуждены награды, препровождаются въ департаментъ; тамъ они подвергаются новому осмотру. Лучшимъ ученикамъ присуждается вторая медаль высшаго достоинства, а школа, давшая образованіе такому ученику, пользуется премій уже въ десять фунтовъ стерлинговъ. Сумма эта снова идетъ на пополненіе художественныхъ коллекцій заведенія.

Мѣстными этими школами, разсыпанными въ государствѣ, и центральнымъ кенсингтонскимъ училищемъ еще не ограничивается кругъ дѣйствій департамента; къ нимъ надо присоединить множество другихъ учрежденій, дѣйствіе которыхъ также весьма важно. Они направлены къ тому, чтобы осуществить мысль, высказанную г. Колемъ въ его вступительной рѣчи; здѣсь дѣло уже въ распространеніи художественнаго чувства и вкуса между всѣми классами англійскаго общества.

Предмѣстье Лондона, извѣстное подъ названіемъ: „South Kensington“, содержитъ въ себѣ цѣлую группу художественно-образовательныхъ учрежденій, которыя служатъ центромъ и какъ бы типомъ всему тому, что предполагается сдѣлать въ Англіи. Тутъ находятся: администрація департамента, нормальное кенсингтонское училище, кенсингтонскій музей, консерваторія ремеслъ и искусствъ, библіотека, лавки всѣхъ возможныхъ рисовальныхъ принадлежностей, которыя продаются департаментомъ по возможно дешевымъ цѣнамъ всѣмъ школамъ и учащимся въ государствѣ; здѣсь также устроены обширныя залы для публичныхъ лекцій и конференцій.

Что особенно характеризуетъ учрежденія Англіи,—это, что при всей своей сложности, при всей видимой точности и систематичности административнаго устройства, — въ нихъ нѣтъ ничего мертвеннаго и, такъ сказать, машиннаго; здѣсь все, напротивъ, проникнуто воодушевленіемъ; все движется и приноситъ непосредственно самые живые результаты. Дѣло, сколько кажется, можетъ только объясниться живымъ участіемъ каждаго лица къ предмету его занятій; способность такого участія заключается столько же въ степени общаго образованія, сколько въ патріотическомъ чувствѣ, которое такъ сильно въ Англіи и служитъ ей всегда могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ успѣха.

Самый кенсингтонскій музей не есть, напримѣръ, болѣе или менѣе мертвое соединеніе коллекцій, составленныхъ годъ за годъ, согласно установленной однажды программѣ; коллекціи музея пополняются ежедневно; онѣ составлены и расположены такъ умно, такъ практично, что служатъ полезной школой учащимся и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянно поддерживаютъ любопытство въ массѣ зрителей. Принимая въ соображеніе годъ основанія музеума,—онъ моложе всѣхъ главныхъ музеумовъ на Западѣ; но для исторіи искусства и его изученія онъ, между тѣмъ, безспорно, теперь самый полный и драгоцѣнный.

Къ сокровищамъ, составляющимъ собственность музея, слѣдуетъ еще присоединить все, что временно поступаетъ въ него отъ частныхъ лицъ; онъ до такой степени популяренъ въ Англіи, цѣль его такъ очевидно благотворна, что успѣху его дѣйствій сочувствуютъ всѣ классы государства; каждое лицо, обладающее художественными предметами, считаетъ долгомъ своимъ предложить временно музеуму все, что́ можетъ прибавить къ его богатствамъ и способствовать его цѣлямъ. Что цѣли эти съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе достигаются, доказывается, между прочимъ, постепенно возрастающимъ числомъ посѣтителей изъ простого класса; желая окончательно уничтожить всѣ препятствія, мѣшавшія народу ходить въ музей, администрація уже нѣсколько лѣтъ освѣщаетъ его вечеромъ; это происходитъ въ тѣ именно часы, когда кончаются въ городѣ работы. Въ 1861 г. вечернихъ посѣтителей, принадлежащихъ, собственно, къ рабочему сословію Лондона, было 604,650 человѣкъ; цифра эта постепенно возрастаетъ въ значительной пропорціи.

Мысль развить въ государствѣ артистическій вкусъ при-

водится въ исполненіе, мимо музеума, еще другими учрежденіями; но и здѣсь, точно такъ же, главнымъ центромъ служитъ департаментъ искусствъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о подвижныхъ художественныхъ выставкахъ. Время отъ времени, отдѣльные художественные предметы, которые могутъ быть взяты изъ коллекцій Кенсингтона, не нарушая ихъ гармоніи, соединяются группами, укладываются и отправляются въ болѣе глухія части Британіи, лишенныя средствъ къ образованію въ томъ духѣ, какъ этого желаетъ департаментъ. Въ составленіи этихъ коллекцій принимаютъ точно такъ же участіе частные любители; они дополняютъ ихъ предметами изъ своихъ собраній. Выставки эти, обогащенныя иногда множествомъ замѣчательныхъ произведеній по всѣмъ родамъ искусства, начинаютъ переходить изъ города въ городъ, и такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣлаются достояніемъ цѣлаго округа.

Первая путешествующая выставка, въ первую свою поѣздку, имѣла болѣе 200,000 посѣтителей. Мѣстныя школы, какъ заключающія въ себѣ персоналъ, болѣе ознакомленный съ предметомъ художества, извлекаютъ, конечно, больше всего пользы изъ такихъ выставокъ; но, мимо своего существеннаго результата для класса учащагося, выставки имѣютъ также отличное нравственное вліяніе на духъ мѣстнаго общества; невольно распространяя вокругъ себя артистическую атмосферу, онѣ располагаютъ мысль къ искусству, возбуждаютъ къ нему сочувствіе, рождаютъ къ нему уваженіе.

Другой, весьма дѣйствительный двигатель для распространенія художественнаго образованія заключается въ способѣ изустнаго преподаванія, которое, какъ извѣстно, такъ общеупотребительно въ Англіи. Съ перваго года своего существованія, департаментъ открылъ въ залахъ кенсингтонскаго музея цѣлый рядъ публичныхъ чтеній, курсовъ, лекцій, конференцій; они исключительно имѣли предметомъ изящное во всѣхъ его видахъ и приложеніяхъ. Эти курсы или *lectures*, какъ ихъ называютъ въ Англіи, имѣютъ по преимуществу характеръ популярный; они нарочно такъ составляются, чтобы быть вполнѣ доступными ремесленному классу.

Общество и здѣсь явилось однимъ изъ главныхъ помощниковъ департамента; его примѣромъ не замедлили воспользоваться всѣ провинціальныя учрежденія, цѣлью ко-

торыхъ была пропаганда искусства. Каждое лицо, знакомое съ предметомъ искусства, поспѣшило предложить свои услуги; къ нимъ (особенно въ отдаленныхъ провинціальныхъ кружкахъ) присоединилось множество дамъ и дѣвушекъ. Онѣ ревностно начали изучать искусство съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность принять дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ.

Художественное образованіе встрѣтило также большую поддержку со стороны прессы. Въ Англіи она такъ же задорна, какъ и вездѣ, но въ настоящемъ случаѣ она не замедлила присоединиться къ другимъ умственнымъ силамъ Англіи. Печатая постоянно всѣ новости, касающіяся области художества, давая мѣсто на своихъ страницахъ отчетамъ о музеумахъ и школахъ, перепечатывая замѣчательныя лекціи, издавая съ пояснительными рисунками и въ самой популярной формѣ извлеченія изъ художественныхъ сочиненій,—пресса сдѣлала даже быть-можетъ больше для поддержки дѣйствій департамента, чѣмъ могло бы быть сдѣлано безъ ея участія соединенными силами государства и частныхъ лицъ.

Намъ остается теперь указать на послѣдствія этихъ совокупныхъ усилій, стремившихся такъ единодушно къ общей цѣли.

Послѣдствія всего лучше могутъ быть выражены слѣдующими цифрами:

Изъ отчетовъ департамента за 1865 годъ видно, что уже въ этомъ году находилось налицо *158* школъ, которыя прибавили къ своей программѣ спеціальные классы для преподаванія искусства; число учениковъ доходило до *6,835*. Собственно спеціальныхъ художественныхъ школъ было въ томъ же году: *92*; постоянныхъ воспитанниковъ, изучавшихъ весь полный курсъ, было: *16,621*. Сверхъ своихъ постоянныхъ учениковъ, спеціальныя школы посѣщались вольноприходящими, которымъ преподавался элементарный курсъ рисованія; послѣднихъ было: *89,967*.

Прибавивъ къ этому число учениковъ нормальной кенсингтонской школы лицъ свободно обучавшихся въ залахъ разныхъ музеумовъ и на выставкахъ, почерпавшихъ художественное знаніе на лекціяхъ, курсахъ и чтеніяхъ, мы можемъ составить себѣ приблизительно понятіе о числѣ лицъ, пользующихся въ Англіи изученіемъ художества. И все это сдѣлалось въ какихъ-нибудь 16—17 лѣтъ.

Постоянно увеличивающееся число ремесленниковъ при посѣщеніи школъ, ихъ усердіе, явные результаты успѣха, мало-по-малу обратили направленіе каждой школы къ болѣе тщательной обработкѣ той части искусства, которая ближе касается къ предмету мѣстной производительности. Такъ, въ школахъ Лидса и Манчестера преимущественно обращаютъ вниманіе на композицію рисунковъ для тканей всякаго рода; въ Шеффильдѣ преподается орнаментація въ приложеніи къ издѣліямъ изъ серебра и ювелирному производству; въ Бирмингамѣ съ особенною заботливостью изучаютъ все, что̀ можетъ служить къ улучшенію формъ въ механическомъ и оружейномъ дѣлѣ, въ Стафордширѣ,—центрѣ гончарнаго производства,—рисунокъ особенно изучается въ его примѣненіи къ изящному улучшенію керамики; въ Нью-Кестлѣ рисованіе преимущественно направлено къ усовершенствованію литейнаго дѣла и т. д. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ, благодаря заботливой поддержкѣ общества, комитета департамента и частію правительства, можно такимъ образомъ прослѣдить, годъ за годъ, за успѣхомъ промышленности въ дѣлѣ вкуса и артистическаго улучшенія.

Всѣ роды поощренія, данные рисовальному искусству, и постепенно возрастающее значеніе художества въ приложеніи къ издѣліямъ промышленности, развили въ Англіи особый классъ лицъ, полу-ремесленниковъ, полу-художниковъ, о которыхъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ не было тамъ и помину; мы говоримъ о рисовальщикахъ и лѣпщикахъ, составляющихъ образцы и модели для фабрикъ. Въ послѣднее время, они болѣе и болѣе замѣтно начинаютъ вытѣснять рисовальщиковъ Франціи, которые держали своего рода монополію въ англійскомъ производствѣ.

Переходить послѣ всего сказаннаго къ матеріальнымъ результатамъ всѣхъ этихъ усилій, т. е. доказывать успѣхъ англійскихъ произведеній,—было бы здѣсь совершенно излишне. Успѣхъ этотъ слишкомъ ярко выразился на выставкѣ 1867 г.; говорить о немъ послѣ всѣхъ безчисленныхъ заявленій европейской прессы, значило бы только повторять общія мѣста.

Замѣтимъ, однакожъ, мимоходомъ, что преобладающая черта артистической промышленности въ Англіи—мимо ея усовершенствованія,—заключается, такъ же, какъ и во Франціи, въ разработкѣ типовъ времени возрожденія и

среднихъ вѣковъ. Гончарное дѣло, мебель, ткани, хрусталь, расписныя стекла—словомъ, все, что носитъ отпечатокъ художества, выказываетъ явное стремленіе къ неутомимому изученію образцовъ стараго искусства.

Этому, какъ мы уже выше замѣтили, способствовало особенно распространеніе музеумовъ и вообще усиленное изученіе художества.

Тѣ же причины и тѣ же слѣдствія отмѣчаютъ вообще болѣе или менѣе всю современную промышленность на Западѣ. Отдѣлы артистическаго производства въ Пруссіи, Бельгіи, Австріи и Даніи свидѣтельствуютъ, что въ этихъ государствахъ точно такъ же начинаютъ дѣятельно заботиться о распространеніи художественнаго образованія между ремесленными классами. Способы, принимаемые для осуществленія такой цѣли, не представляютъ никакой разницы противъ тѣхъ, которые введены во Франціи и въ Англіи.

Справедливость требуетъ сказать, что Австрія въ этомъ отношеніи ушла однакожъ далеко впередъ. Художественно-промышленный музей, основанный въ Вѣнѣ въ 1864 г. подъ покровительствомъ императора, можетъ по составу своему считаться однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ; третьяго года въ Пештѣ основанъ также музей и нормальная рисовальная школа по образцу кенсингтонской. На выставкѣ 1867 г., въ австрійскомъ отдѣлѣ, экспоненты, какъ напр. г. *Гаасъ* (по ткацкому дѣлу), г. *Клейнъ* (по мелкимъ бронзовымъ издѣліямъ) и еще многіе другіе, получившіе высшія награды, заявили комиссіи экспертовъ, что успѣхомъ своимъ они положительно обязаны только музеуму; ему обязаны они множествомъ новыхъ образцовъ и моделей, которые неожиданно указали имъ новый путь къ усовершенствованію.

Въ заключеніе намъ остается пожелать, чтобы и у насъ началось существенное дѣйствіе въ пользу того же движенія къ успѣху. Московскій художественно-промышленный музей уже основанъ; существуютъ также двѣ рисовальныя школы: Строгановская въ Москвѣ и рисовальная въ Петербургѣ; но это только начало дѣла и такъ сказать—первыя попытки, первые шаги... Очевидно, нельзя этимъ довольствоваться; во что бы ни стало, намъ слѣдуетъ итти впередъ.

Оглавленіе XI тома.

стр.

Акробаты благотворительности. Повѣсть 5

Сонъ Карелина. Отрывокъ изъ романа „Петербургъ прошлаго времени“ 133

Не по хорошу милъ,—по милу хорошъ. Этюдъ 165

Картины англійскихъ живописцевъ на выставкахъ 1862 года въ Лондонѣ 226

Художественное образованіе въ приложеніи къ промышленности на всемірной Парижской выставкѣ 1867 года . . 322

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

ВЪ 12 ТОМАХЪ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

XII.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Сановникъ Арарàтовъ вышелъ изъ клуба въ недовольномъ расположеніи духа. Онъ обыкновенно обѣдалъ у себя дома и всегда почти съ гостями. Каждому изъ нихъ, за два дня, посылалась съ курьеромъ коротенькая полуофиціальная записочка, извѣщавшая о днѣ и часѣ обѣда съ присовокупленіемъ, въ чемъ слѣдуетъ быть одѣтымъ: во фракѣ или запросто въ сюртукѣ. Одни приглашались такимъ образомъ для поддержки связей, другіе изъ чувства покровительства или скорѣе снисхожденія, такъ какъ слишкомъ уже явно и долго добивались такой чести;— третьи, наконецъ, удостоивались приглашенія потому лишь, что одному скучно было обѣдать и самый аппетитъ въ такомъ случаѣ слабѣе какъ-то возбуждался. Послѣ обѣда немедленно садились за карты.

Противъ этого послѣдняго развлеченія, давно и повсемѣстно замѣнившаго у насъ бесѣду, могутъ возставать, конечно, только праздные и легкомысленные люди. Въ настоящее время, дѣловыя лица, — къ числу которыхъ принадлежалъ Арарàтовъ,—насилуютъ свой умъ слишкомъ ужъ напряженно, слишкомъ отверженно; они положительно слишкомъ подавлены, черезчуръ удручены заботами о пользѣ дорогого отечества, чтобы утомлять себя еще словопреніемъ и бездѣльной болтовней; не естественно ли предпочесть партію въ виптъ, одаренную, какъ доказано

новѣйшими научными изслѣдованіями, дивнымъ свойствомъ сообщать мозгу полезное отдохновеніе.

Во всѣхъ случаяхъ, впрочемъ, сановникъ Араратовъ, упитывая гастрономически своихъ гостей и охотно уплачивая повару по двадцати рублей съ персоны, чувствовалъ къ нимъ безразлично полнѣйшее равнодушіе; онъ пожалѣлъ бы дать два рубля доктору за излѣченіе хотя бы одной изъ этихъ персонъ отъ разстройства въ желудкѣ. Извѣстіе о внезапной кончинѣ кого-нибудь изъ нихъ встрѣчало въ немъ, правда, тягостное чувство; но это происходило больше оттого, что оно, во-первыхъ, приводило ему на память мысль о смерти, которую старался онъ всегда отгонять отъ себя; во-вторыхъ, заставляло его измѣнять на время привычному ходу жизни,—заставляло ѣздить на панихиды, присутствовать на похоронахъ, иногда въ холодное или сырое время, и т. д.

Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что лица, приглашаемыя сановникомъ, вполнѣ раздѣляли въ свою очередь такія же точно чувства къ гостепріимному хозяину.

Араратовъ рѣшился обѣдать въ клубѣ потому собственно, что въ этотъ день, именно 24 декабря, изъ круга его знакомыхъ, всѣ безъ исключенія, придерживались старинаго, быть-можетъ, весьма почтеннаго, но тѣмъ не менѣе, по мнѣнію Араратова, крайне ограниченнаго, узкаго, рутиннаго обычая — непремѣнно обѣдать въ своихъ семействахъ, въ семьяхъ родственниковъ и вообще самыхъ близкихъ друзей и знакомыхъ.

Онъ остался, какъ мы говорили, весьма недоволенъ клубомъ. Начать съ того, тамъ, какъ нарочно, собралась все какая-то мелюзга; обѣдъ былъ также изъ рукъ вонъ плохъ; къ закускѣ подавался какой-то форшмакъ изъ печенокъ налимовъ съ поджаренымъ лукомъ, который до сихъ поръ производилъ изжогу подъ ложечкой. Относясь всегда крайне заботливо къ процессу собственнаго пищеваренія, онъ просидѣлъ тамъ одинъ часъ, сыгралъ отъ нечего дѣлать партію въ винтъ, выигралъ что-то и радъ былъ наконецъ, когда могъ выйти на свѣжій воздухъ.

Отправивъ домой кучера, ждавшаго съ каретой у подъѣзда, Араратовъ пошелъ пѣшкомъ.

Но суета, происходившая на улицахъ, ярко освѣщенныхъ не только фонарями, но плошками и окнами магазиновъ, которые въ этотъ вечеръ остаются открытыми

дольше обыкновеннаго, мало, повидимому, способствовала пріятному развлеченію сановника. Это не было то оживленіе, какое замѣчается на петербургскихъ улицахъ въ полдень, въ дни дворцоваго торжества, выхода или парада, или вечеромъ, послѣ того какъ кончаются театральныя представленія и всѣ спѣшатъ, желая поспѣть къ сроку на балъ или раутъ; или въ дни бенефиса какой-нибудь сценической знаменитости, когда то и дѣло попадаются суетливыя личности, озабоченныя мыслью занять гдѣ-нибудь денегъ съ тѣмъ, чтобы въ тотъ же вечеръ поднести бенефиціантк ѣ брильянтовую брошку, фермуаръ, серебряный сервизъ и т. д.; нѣтъ, суеты и движенія было, можетъ-быть, еще больше, только она отличалась болѣе сдержаннымъ, мирнымъ характеромъ; самый поводъ къ оживленію былъ другого рода: суетились болѣе или менѣе изъ-за того, чтобы успѣть сдѣлать необходимыя покупки къ елкѣ или пріобрѣсти подарки къ слѣдующему дню.

На тротуарѣ, передъ игрушечными магазинами и кондитерскими, было особенно тѣсно. Араратовъ останавливался, выпрямлялся во весь ростъ, выжидалъ, чтобы путь очистился, при чемъ брюзгливо выдвигалъ нижнюю губу и прищуривался; или же обходилъ мѣсто, поглядывая сверху внизъ на толпу своими сѣрыми стальными зрачками. Въ обоихъ случаяхъ, осанка его не утрачивала ни на секунду своей торжественной величавости; лицо, съ правильно ниспадавшими сѣдыми бакенами, сохраняло обычную, сосредоточенную строгость.

При встрѣчѣ съ нимъ, нѣкоторые сторонились, давая ему дорогу, другіе оглядывались и невольно замѣчали по сосѣдству: „Смотри-ка, старикъ,—а какой еще молодчина, какой важный!“ Онъ же не обращалъ ни на кого вниманія, ни на людей, ни на блестящія окна магазиновъ, предметъ праздпаго любопытства. Наконецъ, все это ему наскучило; время отъ времени, къ тому же, подымался острый вѣтерокъ, морозъ усиливался и начиналъ пощипывать носъ и щеки.

Араратовъ повернулъ въ сосѣднюю улицу и прямо направился къ своему дому.

Невдалекѣ отъ подъѣзда услышалъ онъ за собой плачъ ребенка и чей-то надорванный голосъ. Онъ машинально замедлилъ шагъ и такъ же машинально оглянулся черезъ плечо.

При свѣтѣ фонарей и ближайшихъ оконъ, освѣщенныхъ

изнутри зажженными елками, увидѣлъ онъ оборванную женщину, державшую на груди ребенка, закутаннаго въ тряпье; свободной рукой тащила она мальчика лѣтъ пяти; шершавыя лохмотья и неуклюжая взъерошенная шапка, падавшая на глаза мальчика, придавали ему близкое сходство съ медвѣжонкомъ; ребенокъ упирался и плакалъ навзрыдъ, засовывая пальцы рукъ въ ротъ, отчего и получались тѣ странные звуки, которые заставили сановника оглянуться.

— Баринъ-батюшка, заговорила женщина, обнадеженная движеніемъ господина,—подайте на хлѣбъ... Хоть малость какую... Подайте для праздника...

Араратовъ отвернулся, ускоряя шагъ.

— Баринъ-батюшка,—не оставьте меня, бѣдную... приставала женщина, — сиротъ хоть пожалѣйте... Сутки не ѣвши... Будемъ за васъ Бога молить...

Араратовъ былъ извѣстенъ своей благотворительностью. Въ теченіе каждой зимы, чуть ли не ежедневно, посылали ему билеты на всевозможныя человѣколюбивыя предпріятія, — концерты, спектакли, базары, чтенія, балы, маскарады и проч.; онъ рѣдко отвѣчалъ на нихъ отказомъ; когда свѣтскія благотворительницы являлись къ нему на домъ, онъ вручалъ имъ денежный конвертъ съ такой любезностью, что онѣ уходили всегда въ восторгѣ. Араратовъ не любилъ только видѣть нищету и бѣдность; оборванные люди, грязныя лица и руки, грубыя черты, хриплые голоса,—производили всегда отталкивающее дѣйствіе на его чувствительные нервы. Признавая нищету неизбѣжнымъ зломъ человѣческаго общества, онъ въ то же время относилъ появленіе нищихъ на улицахъ столицы къ безпорядку, недосмотру, нерадѣнію полицейскаго управленія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ благоустроенномъ городѣ нищіе приставали къ прохожимъ, дерзко ихъ останавливали, надоѣдали имъ своимъ попрошайничествомъ!

Женщина съ дѣтьми служила какъ бы подтвержденіемъ, насколько справедливъ былъ такой взглядъ.

— Батюшка-баринъ, продолжала она приставать съ удвоенной настойчивостью, заходя то съ одного бока, то съ другого, — пожалѣйте хоть ребятъ малыхъ... У меня дома такихъ трое еще осталось... голодные сидятъ... Взмилуйся хоть для Христова праздника...

Араратовъ потерялъ наконецъ терпѣніе.

— Если ты не отстанешь, произнесъ онъ на ходу и въ полъ-оборота, — я сейчасъ позову городового!

Но потому ли, что по близости не оказалось въ эту минуту хранителя общественнаго порядка, потому ли, что женщина была въ самомъ дѣлѣ доведена до крайности, угроза сердитаго барина не остановила ее. Она продолжала умолять его, просила дать хоть пятачокъ на хлѣбъ.

Прохожіе начинали останавливаться; этого только недоставало!

Араратовъ досадливымъ движеніемъ отпахнулъ край собольей шубки и опустилъ руку въ боковой карманъ панталонъ; онъ вспомнилъ, что послѣ партіи въ клубѣ сунулъ туда второпяхъ нѣсколько ассигнацій; нащупавъ одну изъ нихъ, онъ, не оборачиваясь, подалъ ее женщинѣ, заботясь о томъ только, чтобы не коснуться какъ-нибудь ея грязныхъ, быть-можетъ, даже больныхъ пальцевъ.

Минуту спустя очутился онъ на подъѣздѣ своего дома.

Въ прихожей встрѣтилъ его старый швейцаръ, выбѣжавшій изъ боковой двери, которую второпяхъ забылъ закрыть.

— Что у тебя тамъ за свѣтъ?.. спросилъ Араратовъ, указывая въ ту сторону глазами.

Швейцаръ испуганно метнулся было къ незапертой своей двери, но одумался на ходу и, мгновенно вернувшись къ барину, приступилъ къ сниманію съ него шубки.

— Что тамъ за свѣтъ, я спрашиваю? нетерпѣливо повторилъ Араратовъ.

— Ел... елка... для дѣтей... проговорилъ швейцаръ, очевидно, стараясь выраженіемъ лица и голосомъ оправдать невинность своей затѣи.

Не давая отвѣту швейцара бо̀льшаго вниманія, какъ если бъ муха прожужжала о своихъ мушиныхъ интересахъ, Араратовъ сталъ подыматься по широкой лѣстницѣ, установленной тропическими растеніями.

Достигнувъ верхней площадки, онъ прошелъ, не останавливаясь и не поворачивая головы, мимо лакея во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и двухъ остолбенѣвшихъ курьеровъ. Въ домѣ его заведено было, чтобы прислуга ему не кланялась. — „Что я тебѣ сватъ или пріятель, что ты мнѣ кланяешься!“ строго замѣтилъ онъ еще на-дняхъ вновь поступившему лакею, отвѣсившему низкій поклонъ.

Съ верхняго поворота лѣстницы открывался рядъ па-

радныхъ комнатъ; онѣ освѣщались теперь только съ улицы. Иногда, отраженіе отъ фонарей на проѣзжавшихъ мимо каретахъ, пробѣгая красноватымъ пятномъ по стѣнамъ, выдвигало часть зеркала или бронзоваго канделябра и, быстро мелькнувъ съ противуположнаго конца по потолку, внезапно освѣщало золоченыя украшенія люстры; но это продолжалось секунду; ровный полусвѣтъ водворялся снова, и въ немъ явственно обрисовывалась только высокая фигура самого хозяина, медленно переходившая изъ одной комнаты въ другую.

Онъ вошелъ въ уборную, гдѣ ожидалъ его камердинеръ. На стульяхъ, передъ горѣвшимъ каминомъ, разложены были въ послѣдовательномъ порядкѣ обычные предметы домашняго туалета.

Камердинеръ зналъ до тонкости привычки своего господина, не терпѣвшаго лакейскихъ мудрствованій и требовавшаго во всемъ механическаго, но быстраго исполненія: ни одна складка не должна была безпокоить тѣла; каждой части одежды слѣдовало предварительно быть тщательно осмотрѣнной, пригнанной, приготовленной такимъ образомъ, чтобы нигдѣ не задерживаться, не мѣшать ей входить какъ по маслу, не стѣснять движеній. Если что-нибудь было не такъ,—Араратовъ поворачивалъ только голову, слегка подымалъ брови,—и этого уже было совершенно достаточно для того, чтобы камердинеръ сто разъ проклялъ себя внутренно за свою оплошность.

На этотъ разъ операція переодѣванія прошла благополучно.

— Сказать швейцару, чтобъ заперъ парадный подъѣздъ, произнесъ Араратовъ,—никого не принимать; потушить вездѣ огонь... Можешь идти; ты мнѣ пока не нуженъ!.. заключилъ онъ, проходя въ кабинетъ.

Самыя затѣйливыя театральныя превращенія ничего рѣшительно не значатъ передъ тѣмъ, какое совершилось съ камердинеромъ, какъ только очутился онъ наединѣ; его круглое, гладко выбритое лицо, сохранявшее озабоченное, сосредоточенно-дѣловитое выраженіе,—проявило вдругъ признаки самой необузданной радости. До настоящей минуты, онъ сокрушался мыслью, что придется по обыкновенію ждать въ уборной, пока барину вздумается лечь въ постель, между тѣмъ, какъ въ это самое время, въ нижнемъ этажѣ, въ отведенномъ ему помѣщеніи, собираются теперь гости и трое его дѣтей заперты въ даль-

ней комнатѣ и мучительно томятся въ ожиданіи елки. Камердинеръ и жена его такъ уже условились, чтобы до возвращенія отца елка не зажигалась ни подъ какимъ видомъ. И вдругъ такъ неожиданно: „Ты мнѣ пока не нуженъ!!..“

Онъ скоро-наскоро подбавилъ угля въ каминъ, потушилъ свѣчи, убралъ платье и кубаремъ сбѣжалъ по боковой лѣстницѣ.

II.

— Ну, слава Богу,—ждемъ не дождемся! встрѣтила его жена.—Всѣ уже собрались... тетушка Леоканида Захаровна также здѣсь... Скорѣй ступай!

— Сейчасъ, сейчасъ!.. отвѣтилъ онъ, подавляя одышку и суетливо входя въ довольно просторную комнату, посреди которой, на столѣ, покрытомъ салфеткой, возвышалась убранная, но не зажженная елка.

Нѣсколько стульевъ вдоль стѣнъ заняты были сидѣвшими гостями; на почетномъ мѣстѣ, посреди дивана, воссѣдала тетушка Леоканида Захаровна, — кастелянша въ домѣ графини Завадской,—дама величественнаго вида, въ кружевномъ чепцѣ и шали; рядомъ съ нею пріютился дядюшка Никаноръ Савельичъ, — совсѣмъ уже бѣлый какъ лунь старецъ,—служившій тридцать пять лѣтъ старшимъ курьеромъ въ министерствѣ финансовъ. Передъ ними, на столикѣ красовались тарелки съ симметрически разложенными кусочками пастилы, финиками и яблоками. Такими же лакомствами пользовались остальные гости, — но уже съ подноса, который любезно подставлялъ молодой лакей въ бѣломъ галстукѣ,—тотъ самый, что съ двумя курьерами встрѣчалъ Араратова на верхней площадкѣ лѣстницы.

Дверь сосѣдней комнаты была заперта; за нею раздавались тоненькіе дѣтскіе голоса; они немедленно превратились въ восторженные визги, какъ только въ первой комнатѣ послышался голосъ вошедшаго камердинера.

Послѣ привѣтствій и неизбѣжныхъ троекратныхъ лобызаній въ щеки тетушки и бакенбарды дяди, — приступлено было тотчасъ же къ зажиганію елки. Одинъ изъ гостей,—извѣстный весельчакъ и затѣйщикъ, предложилъ было произвести нѣсколько ударовъ въ мѣдный тазъ, прежде чѣмъ распахнуть дверь, скрывавшую дѣтей, — но предложеніе было отвергнуто; шумъ, — Боже оборони! — могъ быть услышанъ въ кабинетѣ барина! Обиженный

нѣсколько, весельчакъ ограничился тогда энергическимъ хлопаньемъ въ ладоши, и быстро схвативъ со стола пару ложекъ, готовился барабанить ими по краю тарелки,—но и тутъ долженъ былъ остановиться: камердинеръ и жена его успѣли уже распахнуть дверь, изъ которой стремительно выбѣжали дѣти, — двѣ хорошенькія дѣвочки и мальчикъ-карапузикъ лѣтъ четырехъ, съ большой круглой головой и глазами на выкатѣ, — вылитый портретъ отца. Въ противуположность сестрамъ, которыя весело запрыгали вокругъ елки, карапузикъ остановился съ разинутымъ ртомъ и растопыренными коротенькими ручонками. Величайшихъ трудовъ стоило отцу, чтобы заставить его поцѣловать тетушку и дядю.

Во время этой церемоніи весельчакъ подхватилъ двухъ дѣвочекъ и началъ-было ходить съ приплясомъ вокругъ елки; но и это не совсѣмъ ему удалось: не успѣлъ онъ выкинуть двухъ колѣнцевъ, какъ одна изъ его подошвъ встрѣтила обрѣзокъ яблочной кожицы, и онъ съ грохотомъ покатился; дѣвочки вскрикнули и отскочили въ сторону; ближайшія лица не успѣли подхватить весельчака, какъ уже ноги его до половины туловища скрылись подъ столомъ съ елкой, чудомъ какимъ-то сохранившей равновѣсіе. Къ счастью, все окончилось благополучно; весельчака поставили на ноги; онъ отряхнулся, подражая собакѣ, выскочившей изъ воды; новая эта выходка возстановила общую веселость.

Почти въ то же время показался молодой лакей съ подносомъ, уснащеннымъ чайными чашками, между которыми привлекательно круглился графинчикъ съ ромомъ; за нимъ вошла хозяйка дома съ корзиной, наполненной печеньемъ.

Комната въ скоромъ времени представила оживленную картину: дѣти, надѣленныя игрушками и лакомствами, шумно играли въ одной половинѣ, между тѣмъ какъ въ другой,—гдѣ уже къ разогрѣтому воздуху чувствительно примѣшивался запахъ рома,—шла одушевленная бесѣда, припарвляемая взрывами хохота, всякій разъ, когда весельчакъ изображалъ, какъ гуляетъ франтъ съ тросточкой по Невскому проспекту, какъ на зарѣ мычитъ корова, или разсказывалъ какой-нибудь анекдотъ игриваго свойства.

III.

Въ то время какъ въ квартирѣ камердинера всѣмъ было такъ привольно и весело, за стѣною этого самаго дома, въ сосѣднемъ переулкѣ происходила сцена совсѣмъ другого рода.

При свѣтѣ ближайшаго фонаря, легко было узнать ту самую женщину съ дѣтьми, которая часъ тому назадъ приставала къ сановнику. Она стояла неподалеку отъ воротъ его дома и, то приближалась къ нимъ,—при чемъ, всякій разъ, боязливо оглядывалась по сторонамъ,—то вдругъ круто поворачивала назадъ и торопливо удалялась. Ее, очевидно, что-то сильно озабочивало; это выражалось, между прочимъ, ея невниманіемъ къ мальчику, который часто начиналъ плакать, жалуясь на холодъ; раза два она нетерпѣливо даже дернула его за руку, страшая бросить одного на улицѣ, если онъ хоть разъ еще пискнетъ.

Такое расположеніе духа овладѣло ею не вдругъ. Въ первую минуту, когда строгій баринъ сунулъ ей въ ладонь бумажку, — она чуть не вскрикнула отъ радости; ей вдругъ почему-то представилось, что баринъ, не досмотрѣвъ въ сердцахъ, — подалъ ей трехрублевую ассигнацію; ее бросило въ жаръ отъ неожиданнаго счастья; прежде чѣмъ въ немъ убѣдиться и изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ щедрой подачки, — она быстрыми шагами направилась въ ближайшій, болѣе темный и тихій переулокъ; поровнявшись съ первымъ фонаремъ, она обернулась спиною къ тротуару и, дѣлая видъ, какъ будто поправляетъ ребенка, спавшаго на груди, осторожно принялась развертывать ассигнацію; сердце ея билось въ эту минуту очень сильно. Глаза ея, жадно слѣдившіе за движеніями пальцевъ, раскрылись еще шире, когда, вмѣсто ожидаемыхъ трехъ рублей, увидѣла она бумажку, покрытую красноватыми и синими полосами...

Ей случалось видѣть сторублевыя ассигнаціи въ то время, когда жила она въ услуженіи у стараго чиновника; но этому было уже десять лѣтъ назадъ. Выйдя вскорѣ послѣ того замужъ за портного, который напился въ самый день свадьбы и съ тѣхъ поръ уже рѣдко отрезвлялся, она не видала другихъ денегъ кромѣ мелочи; — да и ту приходилось часто получать съ прибавкою колотушекъ. Оставшись послѣ смерти мужа съ цѣлой оравой дѣтей

(она не обманула Арарàтова: дома дѣйствительно было еще трое, изъ которыхъ одинъ лежалъ больной),—ей поневолѣ пришлось пробавляться подаяніемъ; съ дѣтьми никто не соглашался взять ее въ услуженіе.

Первою ея мыслью послѣ того, какъ осмотрѣла она бумажку — было, что сердитый баринъ, должно-быть, посмѣялся надъ нею... „А ну какъ бумажка-то въ самомъ дѣлѣ настоящая, и баринъ далъ ее только по ошибкѣ?..“ пришло ей тотчасъ же въ голову. Справиться объ этомъ было очень легко: стоило зайти въ первую встрѣчную лавочку. Не сдѣлавъ, однакожъ, пяти шаговъ, она снова остановилась. Она подумала, что если деньги настоящія,— никто не повѣритъ тому, какъ онѣ ей достались; ее на вѣрняка остановятъ, пошлютъ за полиціей, и Богъ вѣсть, что тогда будетъ,—не раздѣлаешься!—„Нѣтъ, лучше ужъ убраться скорѣе домой на Выборгскую, въ свой уголъ, дождаться завтрашняго дня“,—продолжала она разсуждать сама съ собою,—„авось найдется добрый человѣкъ, не обманетъ, скажетъ правду, научитъ, гдѣ и какъ вѣрнѣе размѣнять деньги...“ Ей живо представилось все, что можно будетъ сдѣлать: завтра же переѣдетъ она на другую квартиру, накормитъ дѣтей, больного свезетъ къ доктору, купитъ ребятишкамъ теплую одежонку; себѣ также надо кое-что приспособить: тулупчикъ совсѣмъ износился; вотъ также и обувь: валенки на ногахъ стали разваливаться... Но мечты эти не были продолжительны; онѣ скоро смѣнились горькимъ сознаніемъ, что и тамъ, на Выборгской, произойдетъ то же самое: и тамъ точно такъ же никто не повѣритъ ея разсказу; начнутся разспросы, пересказы, — мало ли завистниковъ чужому счастью!— толки, безъ сомнѣнія, дойдутъ до городового, тотъ сейчасъ же поведетъ ее въ кварталъ. Ее теперь уже, можетъ-быть, разыскиваютъ; строгій баринъ, какъ увидалъ свою ошибку, навѣрное послалъ объявить объ этомъ въ полицію...

Простоявъ неподвижно нѣсколько секундъ, она бережно сложила бумажку, перенесла ее въ лѣвую руку, державшую ребенка, — и свободною рукой совершенно неожиданно нѣсколько разъ перекрестилась. Рѣшившись, повидимому, на что-то, она ускореннымъ шагомъ обогнула уголъ переулка, вышла на большую улицу и съ озабоченнымъ видомъ стала оглядывать домъ съ большимъ подъѣздомъ, въ который вошелъ строгій баринъ.

Съ этой стороны фасадъ дома рѣзко отличался отъ фасада сосѣднихъ домовъ, служившихъ ему продолженіемъ: почти изъ каждаго окна выходилъ свѣтъ, мѣстами весело мигали безчисленные огоньки елокъ, за стеклами вездѣ замѣтно было движеніе, отвѣчавшее оживленію тротуаровъ и улицы. Домъ строгаго барина, съ его большими темными окнами, запертымъ подъѣздомъ, производилъ впечатлѣніе чего-то угрюмаго, покинутаго, бездушнаго. Нищая вернулась въ переулокъ. Убѣдившись, что первыя ворота за угломъ принадлежали темному дому, она въ нерѣшительности остановилась передъ ними. Дежурный дворникъ, однакожъ, отсутствовалъ, и калитка была отперта. Нищая перекрестилась еще разъ и вошла.

Дворъ былъ пустъ, хотя и казался оживленнѣе фасада: въ нижнемъ этажѣ рѣзко выдѣлялись три ярко освѣщенныя окна; въ одномъ изъ нихъ зажженная елка бросала полосу свѣта, проходившую по снѣгу черезъ весь дворъ; за стеклами виднѣлись двигающіеся люди, слышались восклицанія, по временамъ глухо раздавался хохотъ. Ближе выдѣлялось еще нѣсколько освѣщенныхъ оконъ; лампа, привѣшенная къ потолку, бросала яркій свѣтъ на бѣлый длинный столъ, и въ полусвѣтѣ, на задней стѣнѣ, вытягивался рядъ блестящихъ кастрюль.

При входѣ на дворъ, нищая остановилась, услышавъ громкій говоръ нѣсколькихъ голосовъ; онъ раздавался за небольшимъ окномъ, освѣщавшимъ снѣжную мостовую почти у ногъ женщины; не успѣла она осмотрѣться, какъ низенькая дверь подлѣ окна отворилась — густой клубъ пара взвился на воздухъ, — и вслѣдъ за тѣмъ, точно изъ земли, сталъ вырастать человѣкъ въ шершавой бараньей шубѣ и такой же шапкѣ.

— Ты зачѣмъ!?.. Чего тебѣ?.. крикнулъ онъ, торопливо взбираясь на ступеньки, соединявшія низенькую дверь съ мостовой.

— Батюшка... начала-было женщина.

— Вонъ! безстыжіе твои глаза! Вонъ ступай!!.. подхватилъ онъ, становясь передъ нею и принимаясь размахивать руками.

— Постой, батюшка... дай слово сказать...

— Какъ же, стану я тебя слушать! Проваливай! Проваливай!!.. Ты, пострѣлъ, чего заоралъ? обратился онъ неожиданно къ мальчику, который вдругъ заплакалъ, припавъ къ юбкѣ матери.

Дворникъ готовился уже ухватить женщину за шиворотъ и вытолкать ее вонъ,—но въ эту минуту маленькая дверь снова распахнулась, выпустивъ новый клубъ пара, и на порогѣ ея показались два человѣка.

— Что тутъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Батюшка! торопливо заговорила нищая, дѣлая шагъ впередъ,—послушай меня... Пришла я не за какимъ худымъ дѣломъ!.. Баринъ, который здѣсь живетъ... Да... Шла я такъ-то по улицѣ, повстрѣчался онъ мнѣ, я попросила на хлѣбъ... Онъ подалъ мнѣ... подалъ, да, должно-быть, обознался,—темно было,—далъ мнѣ бумажку въ сотню рублей...

Оба человѣка, изъ коихъ одинъ былъ въ синей поддевкѣ, надѣтой на красную рубашку,—поднялись по ступенькамъ и подошли къ женщинѣ.

— Ты, тетка, смотри не ври,—здѣсь врать не приходится; какъ разъ угодишь—знаешь куда!.. Толкомъ разсказывай, какая-такая бумажка? Покажь-ка ее...

— Покажу, батюшка, дай въ комнату войти... Мальчикъ-то озябъ больно... Боюсь я, баринъ вашъ догадался, что обознался, въ кварталъ далъ знать...

— Охъ, врешь, тетка... Сдается мнѣ,—врешь! замѣтилъ второй мужикъ.

— Вѣстимо вретъ! проворчала баранья шуба.

— Батюшки! вѣрите вы святому кресту... Вотъ! торопливо заговорила женщина, принимаясь креститься,—нонѣ праздникъ святой... возьму ли грѣхъ такой на душу... Я за тѣмъ пришла къ барину вашему, хочу деньги отдать...

— Что́ за притча!.. проговорила поддевка,—надо-быть, правду говоритъ... Пойдемъ, коли-такъ... Ступай за мной!.. добавилъ онъ, направляясь къ кухнѣ.

Тамъ нашли они молодого лакея, который возился подлѣ чашекъ, и еще поваренка. Человѣкъ въ поддевкѣ, оказавшійся старшимъ дворникомъ, передалъ въ коротких словахъ разсказъ женщины и просилъ доложить о случившемся „генералову камердинеру“.

Минуту спустя, въ кухню суетливо вошелъ знакомый камердинеръ; за нимъ выступала жена его; за ея плечами показались, съ одной стороны: раскраснѣвшееся лицо весельчака; съ другой—розовые банты на чепцѣ тетушки; за ними мелькнуло еще нѣсколько головъ. Любопытство изображалось на всѣхъ лицахъ; задніе гости не успѣли

еще протискаться въ кухню, какъ уже камердинеръ, недовѣрчиво поглядывая на нищую, приступилъ къ разспросамъ.

Робко, запинаясь почти на каждомъ словѣ, она повторила свой разсказъ, прерываемый возгласами удивленья и замѣчаніями присутствующихъ.

На приглашеніе камердинера показать бумажку, — она тотчасъ же согласилась, но ни за что не рѣшалась выпустить ее изъ рукъ и крѣпко держалась за одинъ изъ ея угловъ двумя пальцами.

— Отдамъ ее только самому барину, — только ему одному, повторяла она,—можетъ, тогда милость его будетъ—дастъ что-нибудь... У меня, батюшка, еще трое такихъ дома осталось... голодныя сидятъ... прибавила она глухимъ голосомъ.

— Дѣлать нечего... сказалъ камердинеръ, обратясь неожиданно къ молодому лакею. — Ваня, подымитесь наверхъ; баринъ разсердится, но случай такой особенный... Доложите ему...

IV.

Сановникъ Арарàтовъ давно между тѣмъ успѣлъ устроиться въ своемъ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ передъ каминомъ съ горѣвшими угольями.

Высокая лампа, прикрытая зеленымъ зонтикомъ и поставленная на край длиннаго письменнаго стола, позволяла читать, сидя въ креслахъ и вытянувъ ноги къ камину; она въ то же время освѣщала ближнюю часть стола съ разложенными аккуратно кипами бумагъ. Все отличалось здѣсь изумительнымъ порядкомъ: ни одинъ уголъ бумаги или книги не выступалъ противъ другого; самые карандаши, мельчайшія письменныя принадлежности, лежали правильными, симметрическими рядами съ каждой стороны совершенно гладкихъ столовыхъ часовъ изъ чернаго мрамора, возвышавшихся противъ серебряной чернильницы строгаго, прямолинейнаго характера. Множество бумагъ было заложено въ синія обертки съ каллиграфически выведенными надписями: „*къ Докладу*“,—„*къ Рѣшенію*“,—„*къ Подписанію*“, и т. д.

Свѣтъ на столѣ и кругъ свѣта отъ лампы на потолкѣ, соединяясь съ зеленоватымъ отраженіемъ зонтика, сообщали ближайшей части длиннаго кабинета мягкій полусвѣтъ, въ которомъ обозначались по стѣнамъ сплошные

шкапы съ книгами; дальше, — отъ стола и камина до уборной, — свѣтъ постепенно ослабѣвалъ, тушевался сумерками и подъ конецъ превращался въ глухой сумракъ.

Вокругъ было совершенно тихо: слышалось только, какъ иногда обваливался уголь въ каминѣ или раздавался жесткій шелестъ листа изъ офиціальнаго доклада, который просматривалъ Арарàтовъ.

Докладъ требовалъ, надо полагать, усиленнаго умственнаго напряженія; послѣ каждой почти страницы, Арарàтовъ отрывалъ глаза отъ бумаги, опускалъ голову на ладонь и задумывался. Одно время, голова его какъ-то особенно долго не приподымалась, — даже глаза зажмурились...

И вдругъ, — вдругъ увидѣлъ онъ себя перенесеннымъ въ необозримое степное пространство... Надъ нимъ, низконизко, изъ конца въ конецъ, стелется сумрачное какъ копоть небо. Далеко, на самой уже окраинѣ, вырѣзывался багровый дискъ угасающаго солнца; красноватый его отблескъ, скользя по степнымъ неровностямъ, убѣгалъ все дальше и дальше, какъ мелкая зыбь океанскаго отлива; съ противуположной стороны стени все гуще и гуще между тѣмъ нарастала и надвигалась ночь. Все, наконецъ, заволоклось непроглядной темнотою. Но не такъ еще страшна была эта ночь, какъ страшна казалась Арарàтову мертвая тишина, его окружавшая; внутренній голосъ подсказывалъ ему, что не только тамъ, за дальнимъ горизонтомъ, но за цѣлыя тысячи и тысячи верстъ кругомъ, не было даже надежды встрѣтить живое существо, встрѣтить человѣка, который могъ бы придти ему на помощь, избавить его отъ нестерпимой тоски одиночества, которая имъ вдругъ овладѣла... Хоть бы откликъ какой, хоть бы звукъ чего-нибудь одушевленнаго... Но нѣтъ! Вокругъ пустыня, и онъ одинъ посреди нея,—совершенно одинъ... Въ ужасѣ, Арарàтовъ бросился бѣжать,—но въ ту самую минуту листы доклада выпали изъ его рукъ на коверъ, и онъ проснулся.

Подобравъ наскоро листы и положивъ ихъ на столъ, онъ сталъ ходить по кабинету ускореннымъ шагами.

Онъ близко напоминалъ теперь человѣка, который только что освободился отъ вздорнаго, докучливаго посѣтителя и хочетъ подавить въ себѣ такую непріятность. „Всему виной скверный клубный обѣдъ и этотъ форшмакъ...“ старался увѣрить себя Арарàтовъ. Онъ созна-

валъ очень хорошо, что обѣдъ и форшмакъ нисколько тутъ не виноваты, и то, что ему пригрезилось, и тяжелое чувство, которое затѣмъ послѣдовало, не имѣютъ съ ними ничего общаго; но его гордости и высокомѣрію легче было, повидимому, подчиниться дѣйствію скернаго обѣда, чѣмъ признать надъ собою вліяніе безтолковаго сна и отдать себя подъ власть малодушному чувству. Усилія побѣдить его были однакожъ напрасны; оно ни за что не хотѣло отпустить его,—точно присосалось къ нему.

Онъ подошелъ къ окну и отдернулъ портьеру.

Широкая и длинная улица, открывавшаяся передъ его домомъ, сохраняла свою прежнюю праздничную наружность; тротуары были переполнены народомъ; вездѣ развѣвались пестрые флаги; во всѣ концы неслись кареты и сани; свѣтъ фонарей, плошекъ и оконъ, между которыми, то тутъ, то тамъ, въ разныхъ этажахъ, горѣли елки,—придавалъ всему какой-то особенно привѣтливый, веселый видъ, рѣдко встрѣчаемый въ Петербургѣ.

Но улица, съ ея движеньемъ, не вызвала даже улыбки на лицѣ Араратова; оно какъ будто стало еще угрюмѣе. Веселость, впрочемъ, всегда производила на него отрицательное дѣйствіе; онъ относился къ ней какъ къ чему-то ограниченному, недостойному серьезнаго дѣлового ума; онъ никогда не смѣялся—исключая развѣ тѣхъ случаевъ, когда смѣялись очень ужъ высокопоставленныя лица и волей-неволей требовалось оправдать ихъ веселость и выказать ей нѣкоторое сочувствіе.

Онъ и теперь попробовалъ-было взглянуть на все происходившее передъ глазами съ видомъ обычнаго пренебреженья; — попытка однакожъ не удалась; сдвинутыя брови, судорожно сжатыя губы, ясно указывали на безполезность подавить внутреннее чувство горечи и сознанье одиночества, которыя такъ непрошенно вторглись въ его жизнь.

Онъ опустилъ портьеру, прошелся нѣсколько разъ по кабинету, думая отогнать навязавшуюся мысль; — но нѣтъ!—мысль объ одиночествѣ не только не проходила,—но, напротивъ, еще съ большимъ упорствомъ къ нему привязывалась.

Онъ готовился снова опуститься въ кресло и завладѣлъ уже недочитаннымъ докладомъ, — когда кто-то неожиданно постучался за его спиной въ боковую дверь кабинета.

— Кто тамъ? произнесъ онъ, сдвигая брови и удивленно оборачиваясь въ ту сторону.

Дверь пріотворилась и на порогѣ показалась оторопѣлая фигура во фракѣ и бѣломъ галстукѣ молодого лакея.

— Чего тебѣ? рѣзко спросилъ Араратовъ, — я приказывалъ никого не принимать; развѣ ты не слышалъ?..

— Тамъ... ваше превосходительство... съ задняго крыльца... пришла женщина... могъ только произнести оторопѣвшій слуга.

— Женщина!.. Какая женщина?..

— Нищенка... должно-быть... съ дѣтьми... ваше превосходительство...

„Вотъ помогай имъ послѣ этого! Какая неслыханная дерзость!!..“ мелькнуло въ головѣ Араратова, не сомнѣвавшагося на секунду, что дѣло шло о той назойливой женщинѣ, которая приставала къ нему на улицѣ.

— Что же ты стоишь, обратился онъ къ лакею,—сказать швейцару, чтобы ее тотчасъ же вонъ выпроводили;— ступай!

Выходка нищей, на минуту и противъ воли сановника, остановила его мысль на этомъ предметѣ. — „Помогать этимъ людямъ—то же, что поощрять ихъ къ попрошайничеству и тунеядству! и сколько хитрости: подсмотрѣть, гдѣ я живу; подмѣтить входъ съ задняго крыльца... Какая наконецъ дерзость: ворваться куда же, — ко мнѣ! въ мой домъ!!..“

Араратовъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ своихъ размышленій новымъ стукомъ и въ ту же дверь.

— Войди! чуть не крикнулъ онъ,—что тамъ еще?..

— Ваше превосходительство... женщина не хочетъ никакъ уходить... Мы ее не разъ отгоняли... Она говоритъ: изволили вы ей дать какія-то деньги... она говоритъ: ихъ возвратить надобно...

„Возвратить деньги... мнѣ? Что за вздоръ!.. Нѣтъ, это однако уже слишкомъ!.. И наконецъ... наконецъ становится любопытнымъ...“ заключилъ про себя Араратовъ. Обратясь къ лакею, онъ спросилъ его, точно выстрѣливая изъ пистолета:

— Гдѣ эта женщина?..

— Въ кухнѣ, ваше превосходительство...

— Сейчасъ же привести ее по задней лѣстницѣ въ буфетную!..

Араратовъ отличался умѣньемъ сдерживать порывы негодованія, считая ихъ нарушающими достоинство въ извѣстномъ положеніи; — но въ настоящую минуту, то, что могло быть свидѣтелемъ его раздраженія, — и люди его, и эта женщина,—не стоили, конечно, того, чтобы передъ ними стѣсняться. Онъ чувствовалъ себя къ тому же, въ этотъ вечеръ, почему-то особенно нервнымъ и возбужденнымъ. Онъ направился въ буфетную, какъ только пришли доложить, что приказаніе его исполнено.

Араратовъ не ошибся: передъ нимъ стояла женщина, встрѣченная имъ на улицѣ. Она, какъ и тогда, поддерживала на груди закутаннаго въ тряпье ребенка; другой ребенокъ,—тотъ, который похожъ былъ на медвѣженка,—крѣпко теперь ухватившись за юбки матери, пытливо, не моргнувъ глазомъ, выглядывалъ изъ-за нихъ на появившагося внезапно господина.

— Что это, ты, матушка,—шутить что ли вздумала?! возвысивъ голосъ, проговорилъ Араратовъ, не взглянувъ даже на двухъ лакеевъ и курьера, стоявшихъ на вытяжкѣ подлѣ задней двери.—Чего тебѣ еще надо?—Какъ ты осмѣлилась наконецъ?..

— Ваше сіятельное превосходительство... заговорила окончательно растерявшаяся женщина,—пришла я... Пришла... Вотъ изволите видѣть... вы тогда, стало быть, не изволили досмотрѣть... по ошибкѣ, ваше сіятельство, подали... вотъ самую... эту бумажку... самую... заключила она, протягивая дрожавшею рукой сторублевую ассигнацію.

— Такъ что жъ? ты хочешь, чтобы я назадъ ее у тебя взялъ! произнесъ Араратовъ болѣе удивленно, чѣмъ строго,—разъ она тебѣ дана,—можешь взять ее...

Лицо женщины вытянулось, глаза и ротъ раскрылись; прошло нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ могла она опомниться.

— Какъ, ваше сіятельство?!. всю бумажку?.. всѣ деньги мнѣ жалуете?!. вскрикнула она, вперяя изумленный взглядъ въ стоявшаго передъ ней строгаго барина; и прежде чѣмъ успѣлъ онъ сказать слово, подхватила рукою грудного ребенка и захлебываясь отъ слезъ — стала опускаться на колѣна.

— Перестань, перестань, матушка! Я этого не люблю,—слышишь: — не люблю! нетерпѣливо сказалъ Араратовъ, пятясь назадъ.—Уведите ее! повелительно обратился онъ

къ слугамъ, которые бросились подымать ее и въ поспѣшности стукнулись головами.

V.

Но и этотъ случай, несмотря на свою неожиданность, не могъ развлечь Арарàтова, не въ силахъ былъ заставить его забыть впечатлѣнія минувшаго сна. Оно тотчасъ же возвратилось, какъ только вошелъ онъ въ кабинетъ и занялъ прежнее мѣсто передъ каминомъ.

Его тяготило теперь не столько чувство одиночества,— сколько желаніе доискаться основной причины, выяснить себѣ самый фактъ,—именно фактъ, потому что, несмотря на свою гордость, не могъ онъ отрицать, что фактъ его полнаго одиночества дѣйствительно существуетъ. Онъ испытывалъ его уже не первый разъ, но сколько себя помнилъ, никогда еще не пробуждало оно въ немъ сцѣпленія такихъ странныхъ мыслей. Онъ думалъ между прочимъ, что если бъ вдругъ произошло съ нимъ несчастье, — все можетъ случиться! — если бъ, напримѣръ, сталъ онъ умирать,—и этой непріятности рано или поздно дождешься! — нашелся ли бы кто-нибудь изъ тысячи его знакомыхъ, кто истинно пожалѣлъ бы о немъ... нѣтъ, не пожалѣлъ... зачѣмъ же это!.. онъ не нуждался, слава Богу, ни въ чьемъ сожалѣньи! — но хотя бы принялъ въ немъ искреннее участье. Ему, конечно, будетъ выказано тогда со всѣхъ сторонъ самое лестное вниманіе; сотни лицъ ежедневно будутъ записываться въ швейцарской; но, нѣтъ сомнѣнія, всѣ явятся,—кто по обязанности, кто изъ приличія... Вопросъ весь въ томъ между тѣмъ: будетъ ли хоть одинъ въ самомъ дѣлѣ близкій, такой близкій, который подошелъ бы къ нему съ чувствомъ вѣрнаго испытаннаго друга?.. — „Нѣтъ, такого не будетъ!“ подсказалъ Арарàтову внутренній голосъ.

— „Отчего же такъ однакожъ? Отчего?..“ чуть не сорвалось у него съ языка; но чувство собственнаго значенія снова удержало его во-время отъ восклицанія; онъ ограничился мысленнымъ предложеніемъ такого вопроса. — „И въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ размышлять самъ съ собою, — не все ли было сдѣлано, — начиная даже съ юности, — чтобы сближаться съ людьми, пріобрѣсть ихъ сочувствіе,—даже признательность?!. Съ этой цѣлью, старанія его всегда были направлены къ тому, чтобы предупреждать желанія, беречь пуще глаза чужое самолю-

біе; быть безупречнымъ въ благодушіи, — въ томъ, что называютъ французы: „la bienveillance“, т. е.— быть всегда снисходительнымъ, стараться даже оправдывать то, что по личному убѣжденію вполнѣ отвратительно; — искать всегда случая быть полезнымъ, — изобрѣтать даже такіе случаи въ минуты надобности; изощрять себя въ способахъ быть необходимымъ,—стараясь сохранить при этомъ собственное достоинство, но въ такой мѣрѣ однакожъ, чтобы оно не имѣло вида высокомѣрія въ глазахъ лицъ сильно проникнутыхъ тѣмъ же чувствомъ; короче сказать, дѣлать все, что слѣдуетъ, что издавна принято и установлено законами свѣта для пріобрѣтенія общаго расположенія и уваженія“.

„Не только не измѣнилъ онъ образа своихъ дѣйствій послѣ того, какъ, укрѣпившись на высотахъ іерархической лѣстницы, могъ дать имъ болѣе безцеремонное направленіе,—но счелъ еще нужнымъ расширить свою программу, присоединивъ къ ней столь рѣдкія въ наше время щедрость и великодушіе. Сколько было передѣлано добрыхъ дѣлъ, сколько благодѣяній, сколько существенныхъ услугъ, сколько лицъ, которымъ оказана была помощь, — лицъ, которыя стали на ноги благодаря тому только, что были имъ опредѣлены въ должность... Дальше, заручившись властью и окончательно разбогатѣвъ, онъ дѣйствіями своими, казалось бы, долженъ былъ пріобрѣсти еще больше правъ на общественную и личную признательность: продолжая трудиться съ тѣмъ же рвеніемъ на пользу общества и отечества, онъ покровительствовалъ изящнымъ искусствамъ (покупая то и дѣло у Кнопа и Юпкера различныя бронзовыя и фарфоровыя украшенія), поощрялъ литературу (годичный его счетъ у Глазунова доходилъ часто до двухсотъ рублей, а счетъ у Вольфа и Мелье втрое иногда превышалъ такую сумму); — поддерживалъ художества (статуй и картинъ у него, правда, не было, но зато всѣ столы въ парадныхъ комнатахъ буквально были покрыты всевозможными фотографическими альбомами и иллюстрированными изданіями въ богатѣйшихъ переплетахъ); онъ поощрялъ въ то же время вкусы другого рода: нанялъ превосходнаго повара, давалъ утонченные гастрономическіе обѣды и завтраки, словомъ,—одинъ только Богъ вѣдаетъ, чего не дѣлалъ онъ для людей, для общества... И что же? Къ чему привело все это въ концѣ концовъ?!. Въ результатѣ, одна горечь неудовле-

твореннаго чувства, холодное безучастіе вокругъ,—наконецъ, полное одиночество, не взирая на богатство и высокое общественное положеніе,—одиночество совершенно такое, какъ тамъ, въ той пустынѣ, которая только что ему пригрезилась..."

Онъ опустилъ голову на ладонь и задумался.

Такъ прошло нѣсколько минутъ... И вдругъ, ему снова стало что-то мерещиться... Вниманіе его было теперь привлечено въ отдаленную темную половину кабинета...

Тамъ, въ ея глубинѣ, на самой серединѣ, между поломъ и потолкомъ, показалось бѣлесоватое пятно свѣта,—точно клубъ пара, освѣщенный сзади, или мерцающій свѣтъ луны, заслоненный подвижнымъ паволокомъ. Свѣтъ быстро однакожъ выросталъ, надвигался и, постепенно усиливаясь, распускалъ вокругъ себя волнистыя фосфорическія окраины; въ серединѣ свѣтлаго мерцанья, касавшагося уже теперь своими краями потолка, пола и боковыхъ стѣнъ, выяснялся между тѣмъ прозрачный, какъ кристаллъ, и весь сіяющій неземной красотой, человѣческій обликъ... Въ глаза его точно вставлены были два крупные алмаза; они горѣли сверхъестественнымъ блескомъ, и лучи отъ нихъ вдругъ озарили весь кабинетъ, нигдѣ не оставляя темнаго пятнышка; даже въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны были бросать сильную тѣнь,—и тамъ все внезапно посвѣтлѣло и сдѣлалось какъ бы прозрачнымъ... Въ то же время Араратову послышался голосъ; онъ былъ ему совсѣмъ незнакомъ. Каждый звукъ отдѣлялся отчетливо и ясно; голосъ звучалъ равномѣрно, безстрастно, напоминая накатъ морскихъ волнъ на ровный плоскій берегъ.

Араратовъ хотѣлъ что-то сказать, приподнялъ голову, но ослѣпленный лучами свѣта, — опустилъ ее снова. Онъ попробовалъ отвернуться, но и это не помогло: свѣтъ билъ уже отовсюду, все заливалъ, все пронизывалъ, — и казалось Араратову, проникалъ даже въ него самого и въ глубину его души—не оставляя и въ ней точно такъ же темнаго уголка. Араратовъ чувствовалъ себя точно прикованнымъ, лишеннымъ силъ и воли; у него сохранилось ровно настолько сознанія, чтобы понять безполезность борьбы противъ этихъ безпощадныхъ лучей, передъ которыми все разступалось, все какъ бы таяло, которые безпрепятственно всюду проникали, не стѣсняясь, повидимому, никакими земными условіями, не признавая никакихъ установленныхъ законовъ.

Передъ Араратовымъ, между тѣмъ, все глубже и шире раскрывалось свѣтовое пространство. Въ немъ показались сначала миріады темныхъ подвижныхъ точекъ; размножаясь съ неимовѣрною быстротой, онѣ сходились столбами, — то опускаясь, то подымаясь, — какъ мошки въ знойный вечеръ,—и вдругъ,—словно сговорившись, стали отдѣляться, увеличиваться въ объемѣ и складываться въ то же время въ какія-то смутныя, неуловимыя для глаза очертанія.

Не успѣлъ Араратовъ одуматься, какъ уже въ томъ, что казалось неопредѣленнымъ, обрисовались человѣческіе образы и цѣлыя группы лицъ, спѣшившихъ, повидимому, установиться въ извѣстномъ порядкѣ, — какъ актеры передъ поднятіемъ занавѣса во время параднаго спектакля.

Араратовъ съ перваго взгляда узналъ не только всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ когда-либо встрѣчался въ жизни, но увидѣлъ между ними самого себя,—и что̀ особенно его изумило,—увидѣлъ себя повтореннымъ во всѣхъ возрастахъ и въ одно и то же время въ разныхъ группахъ... Еще секунда,—и передъ нимъ,—такъ же отчетливо, какъ на стеклахъ волшебнаго фонаря, развернулась полная картина его прошлаго...

Смущенье его увеличивалось особенно тѣмъ, что все, что̀ происходило теперь передъ нимъ,—и главное,—онъ самъ съ его завѣтными мыслями и чувствами,—представлялись совсѣмъ не въ томъ видѣ, который знакомъ былъ свѣту и которому, подъ конецъ, онъ самъ начиналъ вѣрить,—но съ оборотной стороны, съ той изнанки, которую пряталъ онъ такъ же старательно, какъ скряга прячетъ свои сокровища. Каждый мигъ изъ его прошлаго открывалъ новыя черты и каждая, въ свою очередь, обнаруживала, что Араратовъ лицевой стороны служилъ только внѣшней оболочкой совсѣмъ другому Араратову, не имѣвшему съ первымъ почти никакого сходства.

Услужливый, скромный, простосердечный юноша, какимъ въ свое время казался Араратовъ,—превращался теперь въ юношу, который тогда уже холодно обдумывалъ каждый ходъ будущей своей карьеры, у котораго тогда уже тщеславіе было единственнымъ руководителемъ, а эгоизмъ единственнымъ чувствомъ... Араратовъ очевидно также самъ себя обманывалъ, когда, мысленно разсуждая нѣсколько минутъ передъ тѣмъ,—величался своими вели-

кодушіемъ и щедростью; въ этомъ могли убѣдить теперь толпы убогихъ и бѣдныхъ, выступившія неожиданно въ глубинѣ свѣтлаго пространства, и самъ Араратовъ, проходившій мимо съ такимъ видомъ, какъ будто не замѣчалъ ихъ,—не удостоивая ихъ даже взглядомъ... съ противоположной стороны, между тѣмъ, какъ разъ показались новыя лица; они принадлежали къ извѣстному кругу великосвѣтскихъ, вліятельныхъ благотворительницъ; но здѣсь опять нельзя было узнать Араратова; важность походки исчезла; ее замѣнили мягкія, скромныя движенія; почтительно склонивъ голову, любезно улыбаясь,—спѣшилъ онъ къ нимъ, раскрывая еще издали свой бумажникъ...

Опять новыя лица: передъ Араратовымъ группа просителей; въ ихъ числѣ,—ему это очень хорошо извѣстно,—находятся весьма полезные труженики; онъ высокомѣрно, дерзко всѣмъ отказываетъ... Просители исчезаютъ... Вмѣсто нихъ неожиданно открывается рабочій кабинетъ Араратова съ длиннымъ столомъ, покрытымъ сукномъ и заваленнымъ бумагами. Подъ сукномъ,—такимъ же теперь прозрачнымъ, какъ все остальное, — бросается въ глаза списокъ съ названіемъ различныхъ вакансій на казенныя должности; до настоящей минуты этотъ списокъ былъ для всѣхъ тайной; но тайны сквозятъ теперь, какъ стекло; Араратовъ не можетъ уже скрыть, что берегъ этотъ списокъ на тѣ случаи, когда требовалось опредѣлять знакомыхъ ему тунеядцевъ и этимъ угождать лицамъ, которыя, въ свой чередъ, могли быть ему полезны.

Новая картина: похороны. Скромны дроги и гробъ и еще скромнѣе проводы; гробъ провожаетъ одиноко бѣдно одѣтая женщина; Араратовъ узнаетъ въ ней кухарку молодой дѣвушки, которую онъ соблазнилъ и сдѣлалъ матерью. Связь эта сохранялась въ глубочайшей тайнѣ; гордость и самолюбіе Араратова возмущались при одной мысли, что кто-нибудь можетъ заподозрить его въ такой слабости и притомъ къ женщинѣ столь темнаго, низкаго происхожденія; на него уже непріятно дѣйствовало то обстоятельство, что она не умѣла держаться въ благоразумныхъ къ нему отношеніяхъ, не довольствовалась его посѣщеніями, но перешла границы и къ нему привязалась. Изъ предосторожности, чтобы такое чувство, усиливаясь въ ней постепенно, не вызвало сценъ, способныхъ его выдать, Араратовъ рѣшилъ прекратить свою связь,—какъ вдругъ дѣвушка объявила ему о своей беременно-

сти. Онъ немедленно послалъ ей денегъ и съ того же дня прекратилъ свои посѣщенія. Строжайшія мѣры были приняты, чтобы доступъ ея къ нему былъ невозможенъ; письма ея оставались безъ отвѣта. Онъ успокоился только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ того, какъ она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ и тутъ же скончалась родами. Видъ печальной колесницы и гроба привели на память Араратову весь этотъ случай; онъ не могъ уже скрыть теперь, какъ въ былое время, насколько обрадовался тогда счастливой развязкѣ, съ какой поспѣшностью послалъ денегъ на похороны и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, счелъ несовмѣстнымъ въ его положеніи слѣдовать одиноко за гробомъ, по петербургскимъ улицамъ, встрѣчать взгляды любопытныхъ, рисковать, можетъ-быть, натолкнуться на знакомыхъ...

Картины изъ жизни Араратова, проходя такимъ образомъ, иногда быстро мелькали, иногда задерживались, и даже ярче освѣщались. Такъ особенно долго держались и явственно выступали тѣ случаи, когда онъ выказывалъ свои патріотическія чувства, говорилъ о преданности своей къ отечественнымъ интересамъ. Всепроникающій свѣтъ лучей, открывавшій изнанку чувствъ и мыслей, показывалъ, что Араратовъ и здѣсь точно такъ же лгалъ и лицемѣрилъ. На самомъ дѣлѣ, онъ преданъ былъ только собственнымъ интересамъ и занятъ былъ исключительно только самимъ собою. Его эгоизмъ не допускалъ даже мысли стѣснять себя связью съ чѣмъ бы то ни было,— хотя бы даже съ отечествомъ. Составляя проекты о его пользѣ, онъ всегда думалъ въ то же время, какъ бы скорѣе дожить до мая мѣсяца, взять отпускъ, набраться свѣжихъ силъ въ Виши или въ Карлсбадѣ, уѣхать потомъ въ Парижъ, и тамъ, показывая строго-озабоченный видъ при встрѣчѣ съ соотечественниками,—украдкой, тайкомъ услаждать себя матеріальными плодами утонченной цивилизаціи;—послѣ чего досадливо вспоминать о необходимости возвратиться въ отечество и снова заняться измышленіемъ проектовъ о его пользахъ.

Рядомъ съ болѣе или менѣе видными событіями прошлаго, выдвигались вдругъ иногда мелкіе, ничтожные случаи. Такъ освѣтилась неожиданно сцена, когда Араратовъ, бывъ уже сановникомъ, пріѣхалъ на станцію желѣзной дороги и, забывъ на минуту важность своего званія, разнесъ, съ дерзостью выскочки, смотрителя станціи.

явившагося передъ нимъ въ фуражкѣ. Когда почтительно объяснили Араратову, что при формѣ фуражка не сымается,—онъ не только не успокоился, но раздраженно потребовалъ, чтобы смотритель былъ немедленно лишенъ мѣста за непочтительность; послѣ того, какъ ему робко доложили, что смотритель бѣденъ и обремененъ семьею,—Араратовъ только фыркнулъ въ отвѣтъ и досадливо отвернулся.

Но какія бы ни появлялись картины и сцены, куда бы ни проникали лучи свѣта въ прошлое Араратова, онъ всюду показывался не тѣмъ, какимъ ему хотѣлось, чтобы его видѣли; вездѣ обнаруживалась только забота о себѣ самомъ, мелочность, высокомѣріе, эгоизмъ и лицемѣріе—и посреди всего этого ни одного искренняго движенія, ни одной теплой, задушевной черты.

VI.

— Да, ни одного искренняго движенія, ни одной теплой, задушевной черты! явственно раздалось въ ушахъ Араратова.

Ему снова послышался тотъ равномѣрный голосъ, который умолкъ было на нѣкоторое время.

— Гордость и самообольщеніе вскружили тебѣ голову, продолжалъ голосъ;—ослѣпленный мелкимъ, легко доставшимся успѣхомъ, ты вдругъ поднялъ голову и самодовольно прищурился, не замѣтивъ даже, что не отсталъ въ пошлости отъ тѣхъ, кто, запявъ извѣстное служебное положеніе,—начинаютъ сейчасъ же считать себя и умнѣе, и значительнѣе тѣхъ, которые этимъ не пользуются... Имъ, увѣреннымъ въ себѣ, въ своемъ превосходствѣ, рисующимся величаво или глубокомысленно, говорящимъ рѣзко или внушительно, имъ на умъ не приходитъ, что гдѣ бы они ни были, вездѣ сыщутся острые, наблюдательные глаза, отъ которыхъ ничто не ускользаетъ, которыхъ не подкупаетъ внѣшній обликъ величія и глубокомыслія.

Такъ и съ тобой было. Лукавство и лицемѣріе помогли тебѣ въ твоихъ тщеславныхъ цѣляхъ, но что касается людей, ты могъ бы меньше стараться; ни то, ни другое не принесло ожидаемыхъ результатовъ: никто почти не обманулся. Тѣ самые, на простоту и довѣрчивость которыхъ ты такъ самонадѣянно разсчитывалъ, которые терпѣливо сносили твое надменно-дерзкое обращеніе и сги-

бались передъ тобою,—скорѣе другихъ тебя поняли; одни раньше, другіе нѣсколько позже, но всѣмъ равно стала знакома черствость твоего сердца, каменное равнодушіе ко всему, что̀ не ты, не твой личный интересъ. Въ то самое время, когда, опьяненный мнимымъ своимъ величіемъ, не допускалъ ты мысли о своей непогрѣшимости, тебя разбирали по косточкамъ, тѣшились надъ твоимъ высокомѣріемъ, основаннымъ, — какъ увѣряли, — всего на нѣсколькихъ стахъ номерахъ исходящихъ бумагъ, которыя, какъ что-то мертвое, вышедшее изъ сухого, разсчетливаго мозга и безъ участія сердца, — скорѣе тормозили дѣло, чѣмъ давали ему жизнь. Единственно, что оставилъ ты людямъ—это твой взглядъ на нихъ какъ *на средство*; ты не замедлилъ сдѣлаться для нихъ тѣмъ же *средствомъ*,— и съ той минуты, пересталъ существовать для нихъ, — какъ перестаетъ существовать для людей все то, что не связано съ ними живой общечеловѣческой жизнью...

Нѣсколько минутъ тому назадъ ты жаловался на людей, обвинялъ ихъ въ неблагодарности, въ холодномъ безучастіи. Не правильнѣе ли было бы сознаться, усмиривъ гордость, что люди тутъ ни при чемъ; что самъ ты во всемъ единственный виновникъ: и въ той горечи неудовлетвореннаго чувства, и въ тоскѣ одиночества, противъ которой такъ усиленно борется твое высокомѣріе — и въ томъ также, что сегодня, въ этотъ самый вечеръ, когда отъ послѣдняго бѣдняка до перваго богача, когда отъ чердаковъ и подваловъ до золоченыхъ палатъ, — всѣ болѣе или менѣе радостны, всѣхъ болѣе или менѣе соединяетъ семейное чувство и сердце болѣе или менѣе смягчено любовью,—когда въ нихъ говоритъ теперь лучшее, что̀ есть у нихъ,— ты, не взирая на высоту своего положенія и богатства, — ты, какъ отверженный, проводишь одиноко этотъ вечеръ, и сердце твое, вмѣсто радости, полно тоски и горечи...

Не намекъ ли это на то, что ты обманулся въ томъ, чему себя отдалъ, чего добивался съ такой жадностью; что въ жизни человѣка есть еще что-то такое, что было тобой просмотрѣно,—или вѣрнѣе,—что само отъ тебя отвернулось, не найдя мѣста въ твоемъ сердцѣ, переполненномъ, — еще смолоду и черезъ край, — честолюбіемъ и спесью...

Вотъ, хоть бы сегодня, когда пришла эта женщина возвратить тебѣ деньги,—нашлось ли въ тебѣ что-нибудь

кромѣ брюзгливаго, презрительнаго удивленья?.. Пробудись въ тебѣ, между тѣмъ, въ эту минуту, чувство истиннаго состраданья или милосердія, — хотя бы проблескъ одного изъ этихъ чувствъ, — и уже это немногое больше бы значило всѣхъ твоихъ хвастливыхъ пожертвованій... Но и этого немногаго не нашлось у тебя... Ты спѣшилъ отдать ей деньги; — но отдѣли правду отъ неправды, то что̀ есть, отъ того что̀ кажется, — въ твоей поспѣшности не участіе было, нѣтъ! Было только желаніе скорѣе выпроводить эту несчастную, оскорблявшую своимъ видомъ твой утонченный вкусъ, казавшуюся непотребнымъ пятномъ посреди роскоши твоего дома... Надменно, брюзгливо, какъ на прахъ подъ ногами, смотрѣлъ ты на бѣдное, голодное существо,—между тѣмъ какъ этотъ прахъ, эта самая женщина, стоявшая передъ тобою въ смущеніи, съ бившимся сердцемъ, со слезами на глазахъ, растроганная до глубины души, не смѣвшая даже высказать вполнѣ своей благодарности, въ силу этихъ самыхъ чувствъ, была, какъ человѣкъ, — неизмѣримо выше тебя передъ лицомъ истины, для которой не существуетъ земныхъ мелочныхъ отличій.

VII.

Араратовъ судорожно вздрогнулъ и весь блѣдный быстро поднялся съ мѣста. Онъ похожъ былъ на человѣка, который неожиданно упалъ въ воду и такъ же неожиданно изъ нея вынырнулъ; но это продолжалось не долго; онъ выпрямился, оглянулся вокругъ и окончательно овладѣлъ собою, увидѣвъ, что все было на своемъ мѣстѣ и въ обычномъ порядкѣ.

Онъ прошелся нѣсколько разъ изъ конца въ конецъ кабинета, отирая платкомъ влажный лобъ и потряхивая головой, какъ бы стараясь отогнать докучливую муху, и машинально подойдя къ окну, распахнулъ портьеру.

Улица почти уже стихла; горѣли только обычные фонари; изрѣдка проѣзжалъ извозчикъ или карета; въ двухъ мѣстахъ мерцали еще догоравшія елки.

Тишина улицы сообщилась, казалось, Араратову. Онъ прошелся еще разъ или два, вступилъ въ уборную, позвонилъ камердинера, далъ себя раздѣть, не проронивъ, по обыкновенію, слова,—и легъ въ постель.

Долго, однакожъ, не могъ онъ заснуть; онъ ложился на одинъ бокъ, переваливался на другой, укладывался на

спину, — ничего не помогало. Онъ не помнилъ, чтобы когда-нибудь происходило съ нимъ что-либо подобное. Нѣсколько разъ старался онъ привести себѣ на память клубный обѣдъ и этотъ скверный форшмакъ, но тутъ же отгонялъ такую мысль, какъ что-то несообразное, и переходилъ къ другимъ воспоминаніямъ... Онъ, наконецъ, сталъ забываться, провалился какъ будто куда-то и заснулъ.

На слѣдующее утро, Араратовъ сидѣлъ въ обычный часъ въ кабинетѣ и только-что успѣлъ откушать чай, какъ вошелъ къ нему его домашній докторъ.

Докторъ этотъ,— извѣстный психіатръ,— былъ маленькій худощавый человѣкъ съ большой, несоотвѣтственно росту, головой и лицомъ восточнаго отпечатка, оживленнымъ, быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ; было также что-то острое, саркастическое въ его тонкихъ подвижныхъ губахъ.

— Какъ изволили почивать, ваше превосходительство? спросилъ онъ, усаживаясь на указанное ему кресло.

— Скверно, докторъ, очень скверно... Почти вовсе не спалъ... возразилъ Араратовъ.

— Утомлены были вчера?..

— Нисколько!

Докторъ пытливо взглянулъ на сановника, взялъ его руку и принялся щупать пульсъ.

— Да, не совсѣмъ-то ровенъ... проговорилъ онъ, украдкой и сбоку какъ-то скользнувъ глазами по лицу сановника, — не были ли вы вчера чѣмъ-нибудь встревожены?.. Можетъ-быть, непріятность какая-нибудь?..

Араратовъ выпрямился; черты его приняли строгое выраженіе.

— Непріятность!.. Гм?.. Какая же можетъ быть непріятность?.. Чѣмъ могли меня встревожить?.. проговорилъ онъ.

Глаза доктора слегка прищурились; на тонкихъ его губахъ пробѣжала едва замѣтная улыбка.

— Я полагаю, подхватилъ Араратовъ, — вина вся въ томъ, что вчера, противъ моего обыкновенія, я обѣдалъ въ клубѣ... къ закускѣ поданъ былъ какой-то скверный форшмакъ изъ печенокъ налимовъ съ поджареннымъ лукомъ, и я имѣлъ неосторожность его отвѣдать... добавилъ онъ, пытливо, въ свою очередь, хотя съ меньшей увѣренностью и какъ бы мимоходомъ, взглянувъ на доктора.

Но докторъ пригнулся уже къ столу и что-то наскоро прописывалъ. Послѣ чего онъ всталъ, раскланялся и вышелъ.

Садясь въ карету, докторъ окинулъ взглядомъ окна въ домѣ Араратова, тряхнулъ головой какъ бы въ подтвержденіе тому, въ чемъ давно не сомнѣвался, и проговорилъ съ усмѣшкой:

— Нѣтъ, у этого болѣзнь, которую не поправишь никакими медикаментами... Неизлѣчимъ!! заключилъ докторъ, приказавъ кучеру ѣхать къ другому, болѣе надежному, паціенту.

МОЙ ДЯДЯ БАНДУ́РИНЪ.

(РАЗСКАЗЪ.)

Собесѣдникъ, за которымъ была очередь, докурилъ свою папироску и началъ такимъ образомъ:

— Былъ у меня дядя, — царствіе ему небесное!.. (Послѣднее прибавляю единственно потому,—что такъ уже принято, когда говорятъ о покойникахъ; на самомъ дѣлѣ, сомнѣваюсь, чтобы ему когда-нибудь удалось перейти даже границы чистилища). Дядя этотъ, надо вамъ сказать, былъ въ своемъ родѣ большой чудакъ; не будь этого,—не стоило бы о немъ разсказывать, и его біографія, — подобно біографіи большинства смертныхъ,—могла бы ограничиться простой замѣткой: родился тогда-то, скончался тогда-то.

Мимо чудачества и своеобразныхъ личныхъ свойствъ, дядя заслуживаетъ, кажется, тѣмъ меньше забвенія, что въ немъ отражаются многія характерныя черты, присущія его времени; наконецъ, то еще, что люди стараго сорта теперь большая рѣдкость:—порода вывелась. Они отвѣчали своей атмосферѣ точно такъ же, какъ формы мамонтовъ, ихтіозавровъ, мастодонтовъ и проч. отвѣчали первобытной атмосферѣ земного шара. Стоитъ ли сожалѣть о нихъ?—Право, не знаю. Ихъ жалко развѣ со стороны физической силы, крѣпкаго желудка и значительнаго,—сравнительно съ теперешнимъ,—подъема духа. Матеріалъ хорошій,—говорить нечего;—къ сожалѣнію, онъ расходовался бо́льшею частью праздно, безцѣльно—какъ сила холостого выстрѣла.

Лишившись при рожденіи матери и вскорѣ отца,—дядя мой, Аѳанасій Ѳедоровичъ Бандýринъ, росъ въ деревнѣ у слѣпой бабушки, любившей безъ памяти единственнаго своего внука. Признаки раннихъ способностей начали въ немъ высказываться особенно въ отношеніи дѣвичьей. Бабушка, ничего не видѣвшая отъ слѣпоты, не препятствовала ихъ развитію; не мѣшалъ также этому, должно-быть, дядька,—преклонный французъ, служившій барабанщикомъ въ арміи Наполеона, раненый подъ Москвою и съ тѣхъ временъ переходившій изъ одной дворянской семьи въ другую, въ качествѣ гувернера. Нѣжныя чувства, питаемыя едва ли не съ дѣтскаго возраста, поглотили бы, безъ сомнѣнія, юношу, если бъ, въ свое время, не вступился братъ его матери; онъ опредѣлилъ его юнкеромъ въ армейскій кавалерійскій полкъ. Экзамена тогда не требовалось; къ тому же было не безъ протекцій.

Спустя два года, онъ былъ произведенъ въ офицеры. Но не успѣлъ онъ примѣниться къ новой формѣ, какъ вынужденъ былъ перемѣнить службу.

Полковой командиръ, пропуская мимо себя эскадронъ на ученьи,—замѣтилъ:

— Корнетъ Бандуринъ,—отчего у васъ мундиръ сидитъ какъ на вѣшалкѣ?..

— Почемъ я знаю, — спросите у портного! возразилъ корнетъ, почтительно прикладывая руку къ козырьку.

Послѣдовалъ арестъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей съ начальствомъ, корнетъ Бандуринъ оставилъ полкъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ опредѣлился въ другой полкъ. Но и тамъ не посчастливилось. Полковой командиръ назначилъ его временно исполнять должность адъютанта и поручилъ ему завѣдывать канцеляріей. На третій день, Бандуринъ явился къ нему, объясняя съ горячностью, что комната, отведенная для канцеляріи, никуда не годится: окно выходитъ на дворъ, гдѣ помѣщаются семейные люди; куры и пѣтухи, содержимые въ изобиліи солдатскими женами, свободно влетаютъ въ окна, бродятъ по столамъ и портятъ бумаги.

— Я замѣтилъ, у васъ всегда что-нибудь... такое; всегда какая-нибудь причуда!.. сказалъ, посмѣиваясь, полковникъ.

Корнетъ Бандуринъ не возражалъ; приложился почтительно къ козырьку и вышелъ.

На слѣдующее утро, онъ разложилъ на канцелярскій столъ нѣсколько приказовъ,—послѣ чего, открылъ настежь окна, давъ курамъ полную свободу оставить на бумагахъ слѣды ихъ присутствія.

— Что это? спросилъ изумленный полковникъ, развертывая вечеромъ одинъ изъ приказовъ, поданныхъ ему Бандуринымъ,—что это значитъ, милостивый государь?!. добавилъ онъ, внезапно вспыхнувъ

— Я вамъ говорилъ: куры... началъ было корнетъ, вспыхивая въ свою очередь.

— Подъ арестъ, милостивый государь! Подъ арестъ!!. закричалъ внѣ себя полковникъ.

Корнетъ почтительно приложилъ руку къ козырьку, щелкнулъ шпорами и отправился по назначенію.

Отсидѣвъ свой срокъ, онъ вышелъ въ отставку, заѣхалъ навѣстить слѣпую бабушку, къ которой относился всегда съ величайшей почтительностью, и переселился въ Петербургъ.

Я увидѣлъ его первый разъ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Онъ служилъ тогда въ N* гвардейскомъ кавалерійскомъ полку. Нашей родственной связи, точно такъ же какъ разницѣ нашихъ лѣтъ, онъ, повидимому, не придавалъ большого значенія. Но почему-то я вдругъ ему понравился,—пришелся по сердцу,—какъ говорится. Съ перваго знакомства, онъ предложилъ мнѣ помѣститься у него на все время, какъ буду кончать курсъ въ университетѣ.

Присматриваясь къ нему ближе, долженъ сказать: извѣстность строптивости, пріобрѣтенная имъ въ двухъ армейскихъ полкахъ,—была совершенно основательна; но долженъ также сказать:—она имѣла мало отношенія къ его сердечнымъ качествамъ; сердце было доброе; главнымъ образомъ,—оно было способно къ быстрому воспламененію и увлеченіямъ всякаго рода. Строптивость была только слѣдствіемъ чрезмѣрной раздражительности и вспыльчивости; свойства эти отпечатывались даже ясно на его лицѣ; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно было взглянуть на низкій упрямый лобъ, какъ бы приплюснутый сверху шапкой черныхъ волосъ, взбудораженныхъ вихрами; на подвижныя брови, изъ-подъ которыхъ мигали, сквозь стекла золотыхъ очковъ, два маленькіе безпокойные зрачка, — на вырѣзанныя угломъ ноздри, на остальныя черты нѣсколько калмыцкаго лица,—сейчасъ

можно было понять, что передъ вами человѣкъ,—быть-можетъ незлобнаго нрава,—но во всякомъ случаѣ непокладистаго характера.

Примѣниться къ нему дѣйствительно было не легко. Разсчитывать на расположеніе его духа было такъ же неосновательно, какъ ждать постоянной погоды сидя на берегу Ладожскаго озера. Иногда думаешь: сейчасъ вспыхнетъ и полѣзетъ на стѣны; ничуть не бывало:—насупитъ брови, судорожно передернетъ плечомъ и отойдетъ въ сторону; въ другой разъ, при самомъ хорошемъ настроеніи,—чуть-чуть что̀ не по немъ, отъ самаго невиннаго противорѣчія,—онъ внезапно раздражался и вспыхивалъ. Невольно, бывало, припомнишь тѣхъ начиненныхъ порохомъ искусственныхъ лебедей, которыхъ спускаютъ на прудъ во время фейерверка; смотришь: плыветъ себѣ спокойно, не зазубривая даже поверхности воды—и вдругъ, страшный взрывъ, летятъ изъ него во всѣ стороны огненные звѣзды и бураки, шумно лопающіеся въ воздухѣ. Къ счастью, эти взрывы у дяди не были продолжительны; они обыкновенно оставались безъ послѣдствій;—но въ первую минуту надо было остерегаться; можно было думать,—онъ разнесетъ все вдребезги.

Разъ, въ Павловскѣ, какой-то толстякъ грузно опустился на скамью съ сидѣвшимъ на другомъ концѣ Аѳанасіемъ Ѳедоровичемъ; спинка скамьи слегка толкнула его въ лопатку; другой не обратилъ бы вниманія; но толстякъ не извинился; этого было достаточно: дядя вскочилъ, какъ ужаленный, быстро наклонился къ лицу толстяка и крикнулъ что̀ было мочи:

— Вы невѣжа, милостивый государь! Невѣжа! Невѣжа!..

Насилу могли его успокоить и оттащить въ сторону.

Въ другой разъ натолкнулся онъ въ банкѣ на старичка, князя Луцкаго, съ которымъ былъ на шапочномъ знакомствѣ.

Старичокъ учтиво раскланялся и подалъ руку; но покажись почему-то Аѳанасію Ѳедоровичу, что тотъ вмѣсто всей ладони подалъ ему только два пальца.

— Милостивый государь! закричалъ онъ, немедленно отдергивая свою руку, отступая шагъ и багровѣя,—не воображайте себѣ, чтобы я очень нуждался въ вашей рукѣ! Обойдусь безъ нея!! Вы думаете,—вы князь,—и достаточно подать два пальца... Я такой же русскій дворянинъ, какъ вы,—можетъ-быть еще почище!..

Разсказывали потомъ, старикъ отъ перепуга трое сутокъ пролежалъ въ постели.

Въ скоромъ времени, какъ я переселился къ нему, мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ такой вспышки. Мы встрѣтились на Невскомъ проспектѣ. Дядя находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. При встрѣчѣ съ дамами онъ охорашивался, бодрился, подергивалъ плечомъ,—любезно сторонился, давая имъ дорогу.

— Послушай, братецъ, сказалъ онъ, подхватывая меня подъ руку, — весь день сегодня думаю я о Неаполѣ... Должно-быть чудо что такое!.. Идешь, протянешь руку къ дереву и самъ, своими руками, сорвешь лимонъ! Да не такой, какіе продаются у Елисѣева,—настоящій, сочный, свѣжій... Приставишь къ носу:—пфа!.. Чудо!.. Непремѣнно хочу купить видъ этого Неаполя... Зайдемъ въ картинный магазинъ, — благо пойдемъ мимо. Ты художникъ,—поможешь мнѣ выбрать...

Почему я сталъ вдругъ въ его глазахъ художникомъ,—опредѣлить трудно; еще мудренѣе было разрѣшить, какимъ таинственными путями дошелъ онъ до Неаполя, могъ даже вспомнить о его существованіи. Его свѣдѣнія не только по части географіи, но вообще были, надо признаться, весьма ограничены; по части грамотности онъ также не былъ силенъ. Онъ началъ было по рекомендаціи читать какой-то романъ Булгарина, но раздражился противъ неразборчивой печати, бросилъ его подъ столъ и съ тѣхъ поръ не бралъ книги въ руки; „Сѣверную Пчелу“ онъ также не выписывалъ; литераторовъ почему-то не любилъ, называлъ „щелкоперами“, но почему-то также, неизвѣстно, почтительно относился къ ученымъ, величая ихъ безразлично „философами“; предметы науки вызывали даже иногда его любознательность.

— Скажи, братецъ, пожалуйста, обращался онъ ко мнѣ, отрываясь неожиданно отъ задумчивости,—я давно собираюсь спросить; ты человѣкъ ученый, долженъ все знать; что это за слово: чай? Откуда оно?..

— Я полагаю изъ Китая... говорилъ я.

— Ну, вотъ и вздоръ! возражалъ онъ, какъ бы затѣмъ и сдѣлавъ вопросъ, чтобы отнестись недовѣрчиво къ отвѣту и найти случай противорѣчить.

— Зачѣмъ же тогда спрашиваете, замѣчалъ я.

— Потому спрашиваю, чтобы узнать, чему васъ учатъ. Въ библіи ясно сказано: всякому предмету Богъ далъ свое

названіе... А онъ: Китай! Гм!—Китай!!. добавилъ онъ, пожимая плечомъ.

Или неожиданно, послѣ продолжительнаго молчанія, въ теченіе котораго хмурилъ брови и задумчиво курилъ трубку, обращался съ такимъ вопросомъ:

— Скажи, братецъ, пожалуйста, очень интересно знать: Сократъ былъ французъ?

— Нѣтъ, грекъ.

— Увѣренъ въ этомъ?

— Увѣренъ.

— Опъ такъ же, какъ теперь греки носятъ,—ходилъ въ фустанелахъ?

— Не думаю...

— Гм! не думаешь... Желалъ бы только знать, чему васъ тамъ учатъ въ этихъ университетахъ! закончилъ онъ ворчливо.

Но это мимоходомъ. Мы вошли въ магазинъ. Не считая хозяина, почтеннаго старца, и его двухъ сыновей, въ магазинѣ находилось два покупателя.

Дядя раскланялся, брякнулъ шпорами и, обращаясь съ изысканной любезностью къ хозяину, просилъ показать ему видъ Неаполя. Когда требованіе его было исполнено, онъ долго разсматривалъ эстампъ, отставивъ его чуть ли не на аршинъ отъ глазъ. Повторивъ умиленно нѣсколько разъ: „Какая прелесть!“—онъ, наконецъ, спросилъ цѣну. Она, сколько помнится, не превышала двухъ-трехъ рублей.

— Вотъ, проговорилъ дядя,—у насъ все такъ: въ Неаполѣ такую картину навѣрное можно купить за какія-нибудь двадцать копеекъ,—у насъ непремѣнно плати рублями.

— Помилуйте, г. офицеръ, сказалъ крайне мягко и учтиво хозяинъ,—такихъ цѣнъ нигдѣ нѣтъ; намъ самимъ этотъ эстампъ обходится съ доставкой и комиссіей около двухъ рублей...

— Че-е-во?.. перебилъ дядя, дѣлая неожиданно шагъ назадъ.

Я взглянулъ на него: брови его судорожно сжались, ноздри расширились и задрожали, шея побагровѣла.

Отступивъ еще шагъ, онъ протянулъ по направленію къ хозяину руку съ дрожавшимъ указательнымъ пальцемъ и раздраженно проговорилъ:

— Мнѣ не нравится эта физіономія!

Присутствующіе перепугались и побросались въ стороны. Я взялъ его за руку.

— Отстань! крикнулъ онъ, продолжая держать указательный палецъ на прежней высотѣ и повторяя:—Мнѣ не нравится эта физіономія, да-съ, не нравится!!.

Величайшихъ трудовъ стоило мнѣ вывести его изъ магазина.

На улицѣ онъ скоро успокоился и уже довольно разсудительно отвѣчалъ на мои увѣщанія:

— Нельзя же, братецъ, нельзя!... Это чортъ знаетъ что такое! Насъ, русскихъ, грабятъ да еще обижаются, когда имъ замѣчаютъ! Наплевать мнѣ три рубля; дѣло не въ томъ; надо ихъ учить; понялъ ты меня? Учить надо!..

Разъ поѣхалъ я навѣстить его въ деревню, подъ Петербургомъ, куда въ лѣтнее время полкъ отправлялся на „травяное продовольствіе“. Въ полку находился ротмистръ Шеичъ, выбранный на это время хозяиномъ офицерской артели. Шеичъ вздумалъ подшутить надъ дядей. Поводомъ этому служило то, что дядя часто повторялъ въ кругу товарищей:

— Я никакихъ этихъ вашихъ соусовъ и французскихъ фрикасе не признаю, да и толку въ нихъ не понимаю... я человѣкъ русскій: добрый кусокъ говядины, честный ломоть кулебяки и благородная бутылка краснаго вина,— вотъ мое дѣло! Въ чемъ другомъ, но въ этомъ толкъ знаю; бурдашкой какой-нибудь меня не проведешь: дудки!

Шеичъ смѣшалъ нѣсколько сортовъ краснаго вина, наполнилъ ими бутылку, засмолилъ ее и поставилъ на столъ за нѣсколько минутъ до обѣда; когда всѣ усѣлись, онъ подмигнулъ товарищамъ и обратился къ дядѣ, прося его сказать свое мнѣніе насчетъ вина, взятаго, говорилъ онъ, на пробу для артели...

— Изволь, братецъ, изволь! отвѣчалъ тотъ, очевидно польщенный.—Въ чемъ другомъ, но въ этомъ толкъ знаю... Наливай!

Приставивъ стаканъ къ губамъ, онъ долго моргалъ, щелкалъ языкомъ и, наконецъ, проговорилъ:

— Доброе вино! Честное вино! Благород...

Дружный хохотъ не далъ ему докончить. Догадавшись въ чемъ дѣло и кто былъ виновникомъ шутки, онъ пустилъ стаканомъ въ стѣну, схватилъ ножъ и бросился на Шеича; послѣднему было бы плохо, если бы во-время не удержали освирѣпѣвшаго Аоанасія Ѳедоровича.

На слѣдующій день дядя вызвалъ Шеича на дуэль; Шеичъ явился къ дядѣ съ секундантами и началъ извиняться; дядя первый подалъ ему руку и совершенно успокоился; не слѣдовало только потомъ напоминать о случившемся.

Въ то же лѣто и въ той же деревнѣ произошла другая исторія, начавшаяся подъ худшими условіями, но кончившаяся такъ же миролюбиво.

Послѣ попойки, дядя, въ сопровожденіи двухъ-трехъ также подгулявшихъ товарищей, выбѣжалъ на улицу въ однѣхъ рейтузахъ и рубашкѣ, съ предложеніемъ уничтожить бараки, только что построенные нѣкоторыми офицерами.

— Никогда этого прежде не бывало! кричалъ онъ, неистово размахивая руками,—жили всѣ въ крестьянскихъ избахъ... завелись теперь какія-то нѣженки, бабы... Салоны начали разводить... Вали ихъ ребята, вали!!

Онъ разлетѣлся къ первому бараку, вышибъ окно и принялъ геройскую, побѣдоносную позу.

Баракъ этотъ принадлежалъ офицеру Севастьянову—человѣку аккуратному, щепетильному и вдобавокъ желчному. Онъ только что собирался заснуть и улегся было подъ окномъ, когда слуха его коснулись возгласы Бандурина и въ то же время вышибленное окно повалилось ему на ноги.

Севастьяновъ запахнулъ халатъ, уперся локтями въ перекладину окна и устремилъ глаза на Бандурина, продолжавшаго сохранять героическую позу.

— Послушай, Аѳанасій Ѳедоровичъ... сдержаннымъ голосомъ проговорилъ Севастьяновъ,—ты, Аѳанасій Ѳедоровичъ,—человѣкъ добрый... да, добрый... Но позволь тебѣ сказать, Аѳанасій Ѳедоровичъ: ты, Аѳанасій Ѳедоровичъ... ты, Аѳанасій Ѳедоровичъ... ты глупый человѣкъ!!.

Услышавъ такія слова, соучастники дяди, какъ ни были пьяны, подумали: вотъ будетъ исторія!

Они ошиблись.

Торжествующая поза Аѳанасія Ѳедоровича какъ бы вдругъ лишилась своего нерва; руки, съ засученными по локоть рукавами рубашки, опустились, голова склонилась на грудь; онъ медленно повернулся и съ пристыженнымъ видомъ зашагалъ къ своей избѣ. Тамъ закутался онъ съ головою въ простыню и сутки цѣлыя не показывался на улицѣ. Послѣдствіемъ должна была произойти дуэль.

Когда все было готово и противники стали другъ передъ другомъ, дядя бросилъ съ сердцемъ на-земь свой пистолетъ и крикнулъ Севастьянову:

— Ты правъ! Я первый тебя обидѣлъ, стрѣляй!

Севастьяновъ мгновенно опустилъ пистолетъ, объясняя, въ свою очередь, что, застигнутый врасплохъ, самъ тогда глупо разгорячился; онъ бралъ назадъ свои слова и просилъ извинить его.

— Баста! сказалъ дядя, — кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! и протянулъ ему руку.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

При всемъ сумбурѣ и строптивости его нрава, у него, какъ я уже замѣтилъ, было далеко не злобное сердце: мало того, въ немъ проявлялись даже чувства, которыхъ нельзя было ожидать. Такъ, въ дуплѣ неуклюжаго коренастаго дерева, иногда малиновка свиваетъ гнѣздо свое. Чувства эти чаще всего выражались въ его отношеніяхъ къ бабушкѣ. Аккуратно, каждый мѣсяцъ, поручалось мнѣ писать ей подъ его диктовку.

— Садись! говорилъ онъ,—напиши-ка моей почтенной старушкѣ; ты знаешь, я, братецъ, по этой части не мастеръ...

Содержаніе письма всякій разъ повергало его въ величайшее затрудненіе; ему надобно было долго ходить по комнатѣ, тереть лобъ, выкуривать нѣсколько трубокъ, прежде чѣмъ добраться до какой-нибудь подходящей мысли.

— Знаешь ли что? Напиши ей что-нибудь о Тальони! неожиданно пришло ему въ голову.

Тальони была тогда въ Петербургѣ.

Черезъ мѣсяцъ получился отвѣтъ. Вѣсть о танцовщицѣ замѣтно тревожила старушку; она заботливо предупреждала внука остерегаться, говоря, что всѣ эти танцорки чрезвычайно опасныя женщины...

Прочитавъ письмо, дядя схватился за бока и разразился такимъ хохотомъ, что, я думалъ, у него лопнетъ въ горлѣ какая-нибудь артерія.

— Садись! сказалъ онъ, — надо скорѣй успокоить старушку; скажи ей: Тальони бояться, молъ, нечего; не изъ такихъ, не разоритъ; она, скажи, такая барыня, что можетъ купить весь нашъ уѣздъ...

Долго потомъ любилъ онъ разсказывать анекдотъ о бабушкѣ, и всякій разъ схватывался за бока и хохоталъ, пока не охрипалъ совершенно.

Характеру дяди могло не сочувствовать начальство, но товарищи его любили. Ему охотно прощали его эксцентрическія выходки, зная, что въ нихъ не было преднамѣреннаго задора, желанія обидѣть,—но все происходило отъ чрезмѣрной вспыльчивости и, въ сущности, опъ вполнѣ заслуживалъ названія добраго-малаго; всегда былъ готовъ услужить товарищу, принять участіе въ попойкѣ, поставить карту, хотя предпочиталъ всему этому проводить свободное время у себя дома и задумчиво курить трубку. Единственный упрекъ, который дѣлали ему товарищи, заключался въ таинственности, какою окружалъ онъ свои любовныя похожденія. Онъ, дѣйствительно, не любилъ говорить о нихъ, несмотря на то, что дѣло, безъ исключенія, касалось субъектовъ, для которыхъ извѣстность не только была опасна, но положительно выгодна.

Таинственность похожденій основывалась, вѣроятно, на томъ, что они въ рѣдкихъ случаяхъ служили мимоходнымъ развлеченіемъ. Стоило Аѳанасію Ѳедоровичу встрѣтить предметъ по вкусу, онъ мгновенно воспламенялся, ревниво скрывалъ его отъ посторонпихъ взглядовъ и, главнымъ образомъ, старался добиться взаимности. Такъ какъ послѣднее встрѣчалось весьма рѣдко, — похожденія отличались непродолжительностью.

Заставая дядю быстро шагающимъ по комнатѣ и бойко, весело насвистывающимъ сигналы, я могъ теперь безошибочно сказать: „опять какая-нибудь новая встрѣча, опять новое увлеченіе!“ Спустя нѣкоторое время, онъ былъ погруженъ въ мрачное раздумье и меланхолически пускалъ струи табачнаго дыма. Послѣднее, несомнѣнно, обозначало сильное разочарованіе и разлуку.

Неудачи дяди тѣмъ болѣе были удивительны, что его вкусъ относительно женщинъ былъ далеко не взыскателенъ; получивъ первоначальное основаніе въ дѣвичьей бабушки, вкусъ этотъ съ тѣхъ поръ окончательно только успѣлъ развиться и окрѣпнуть. Самый взглядъ на красоту отличался у него скромностью; онъ выражался всегда тремя восклицаніями:

„Какія плечи! Какія ноги! Какая свѣжесть!!“ при чемъ, въ маленькихъ черныхъ зрачкахъ, смотрѣвшихъ сквозь стекла золотыхъ очковъ, зажигалась искра, ноздри сильнѣе вдыхали воздухъ, и крупныя черты его круглаго лица обмасливались.

Несмотря на частыя неудачи и разочарованія, заста-

влявшія его ломать чубуки и стулья, дядя никогда не рѣшался обращаться къ женщинамъ другой среды. Благодаря родственнымъ связямъ, онъ имѣлъ доступъ въ такъ-называемый „свѣтъ“, но тщательно избѣгалъ его. Свѣтскія дамы, увѣрялъ онъ, тѣмъ скучны, что мимо церемонности, постоянно стѣсняютъ учеными разговорами.

Существованіе дяди, какъ въ полку, такъ и внѣ его, протекало довольно удовлетворительно; съ одной стороны—полкъ и товарищи, съ другой—холостая жизнь, со свойственной ей свободой и широтой дѣйствій. Но увлекающіяся и влюбчивыя натуры никогда не могутъ за себя ручаться, какъ это бываетъ съ людьми холоднаго, спокойно-разсудительнаго темперамента.

Случайная встрѣча — и все пошло у дяди, какъ говорится, вверхъ тормашкой!

Аѳанасію Ѳедоровичу было безъ малаго уже подъ сорокъ, когда онъ неожиданно влюбился безъ памяти въ двоюродную сестру, только-что назначенную фрейлиной.

Онъ встрѣтилъ ее у старой вліятельной родственницы, пріѣхавшей изъ Москвы съ тѣмъ, чтобы опредѣлить ко двору племянницу; къ родственницѣ онъ заѣхалъ потому, что иначе поступить было черезчуръ ужъ грубо. Онъ засталъ ее въ то время, когда она готовилась вести новую фрейлину на первый придворный выходъ. Не будь этого случая, тѣмъ бы, навѣрное, и кончилось. Но фрейлина вышла въ кокошникѣ, въ русскомъ форменномъ платьѣ съ лифомъ, обнажавшимъ божественныя плечи и пару голыхъ рукъ, бѣлизны ослѣпительной. У дяди зарябило въ глазахъ... Впечатлѣніе настолько было сильно, что, рискуя подвергнуться ученымъ разговорамъ,—онъ повторилъ свой визитъ на слѣдующій день, явился затѣмъ на третій, и такъ далѣе до того дня, когда, окончательно околдованный,—рѣшился сдѣлать предложеніе.

Получивъ согласіе, онъ со свойственнымъ ему пыломъ принялся хлопотать о разрѣшеніи вступить въ законный бракъ. Доходило до того, что, въ случаѣ неудачи, онъ грозилъ всадить въ себя пулю.

Исторія романтической любви (романтизмъ былъ тогда въ Петербургѣ въ большой модѣ),—переходя отъ родныхъ къ знакомымъ, дошла наконецъ до высшаго начальства; оно приняло въ ней участіе. Митрополитъ смягчился; бракъ, наконецъ, былъ разрѣшенъ.

Вопреки предубѣжденія противъ большого свѣта и жен-

щинъ этого круга, Аѳанасій Ѳедоровичъ неизбѣжно долженъ былъ влюбиться въ двоюродную сестру.

Она, какъ бы по заказу, соединяла всѣ внѣшнія качества, которыми дядя воспламенялся, встрѣчая ихъ въ отдѣльности у другихъ женщинъ: высокій ростъ, сильно развитый станъ, прекрасные каштановые волосы, маленькая стройная ножка; глаза были также выразительны; они смотрѣли нѣсколько надменно-холодно; но холодность взгляда отвѣчала, впрочемъ, всей ея фигурѣ, державшейся прямо, горделиво, съ натянутой величавостью. Послѣднее могло быть внушено званіемъ фрейлины, которое положительно кружило ей голову.

Ничего не могу сказать объ истинныхъ ея чувствахъ къ дядѣ. Думаю, однакожъ, она согласилась быть его женой не столько по сочувствію души и влеченію сердца, сколько по совѣту родныхъ, желавшихъ ее устроить, видѣвшихъ въ этомъ бракѣ весьма выгодную партію для дѣвушки почти безъ состоянія, переживавшей притомъ двадцать-пятую весну. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось. Женихъ ни въ какомъ случаѣ не могъ прельстить ее красотою. Единственное его физическое отличіе заключалось въ молодецкой кавалерійской осанкѣ и коротенькихъ усикахъ, тщательно закрученныхъ „à la joli garçon“; крупныя черты его лица съ калмыцкимъ пошибомъ и маленькіе черные зрачки, страстно пожиравшіе невѣсту черезъ стекла золотыхъ очковъ, — не представляли ничего достойнаго вниманія для женщины даже менѣе взыскательной. Еще меньше можно было плѣниться его остроуміемъ и пріемами свѣтской утонченности.

Свадебный обрядъ былъ великолѣпенъ: масса духовенства, хоръ придворныхъ пѣвчихъ, зажженыя свѣчи на всѣхъ люстрахъ и паникадилахъ; почти весь свѣтъ налицо: дамы въ роскошныхъ туалетахъ, мужчины въ парадныхъ мундирахъ и фракахъ, украшенныхъ орденскими лентами и звѣздами. Дядя, въ своемъ блестящемъ мундирѣ, постоянно охорашивался и сіялъ отъ счастія; невѣста поражала всѣхъ своей красотою, хотя многіе и находили ее, для случая, слишкомъ ужъ величественной и недостаточно смущенной.

Чего бы, казалось, лучше; къ хорошему состоянію (у дяди было нѣсколько деревень) прибавилась писаная красавица-жена, связи; все такъ сложилось, что лучшаго желать было нечего; результатъ вышелъ однакожъ самый печальный.

Нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы, я уѣхалъ въ Москву.

Возвратясь назадъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, я вышелъ изъ дому съ тѣмъ, чтобы навѣстить новобрачныхъ; на Полицейскомъ мосту я неожиданно встрѣтился съ дядей. Онъ разсѣянно какъ-то подалъ мнѣ руку, поздоровался безъ обычной привѣтливости; я поспѣшилъ объяснить, что сегодня пріѣхалъ и потому только не успѣлъ навѣстить его.

— И хорошо сдѣлалъ! отрѣзалъ онъ вдругъ.

— Какъ?.. Отчего?..

— Скука, братъ, скука! подхватилъ онъ, подавляя вздохъ.

— Я васъ не понимаю, дядюшка...

— Зайди, такъ поймешь!.. Жена прекрасная женщина, продолжалъ онъ, хмуря брови,—нѣсколько холодна... Да, гм!.. Главное этихъ родственниковъ что-то ужъ очень много... Завелся церемонный салонъ; визиты да визиты, только и знаешь... Вечеромъ еще скучнѣй: поставятъ на столъ гостиной лампу съ этимъ, знаешь, стекляннымъ шаромъ... Всѣ вокругъ разсядутся... Сидишь себѣ, какъ сычъ какой-нибудь, хлопаешь глазами! Конечно, это на первыхъ порахъ... терпишь... Но смерть, братецъ, скучно. Приходи сегодня обѣдать...

Я согласился и готовился уже съ нимъ проститься; онъ ухватилъ меня за рукавъ и, наклонившись, прибавилъ съ замѣтнымъ раздраженіемъ: — „Надѣнь фракъ! Такой ужъ обычай... И курить нельзя... Говорю тебѣ, скука! Приходи же, не забудь... Ты вообще разсѣянъ...“

Почему я сталъ вдругъ разсѣяннымъ въ его глазахъ, опять остается тайной; упрекъ, по всей вѣроятности, вырвался у него безсознательно, подъ вліяніемъ сквернаго расположенія духа.

Несравненно справедливѣе былъ его упрекъ въ скукѣ, испытываемой въ его домѣ. Я убѣдился въ этомъ во время обѣда и слѣдовавшаго затѣмъ вечера.

Красивая моя тетушка держала себя величаво-натянуто. Лицо ея оживлялось любезной улыбкой тогда только, когда она обращалась къ лысому, какъ чайникъ, камергеру, молодому русскому дипломату, казавшемуся менѣе русскимъ, чѣмъ два тутъ же находившіеся секретаря иностранныхъ посольствъ, и еще родственницѣ, старой фрейлинѣ, давно сложенной за дряхлостью лѣтъ въ Таврическій дворецъ.

На мужа она рѣшительно не обращала никакого вниманія. Не принимая участія въ разговорѣ, онъ сидѣлъ, не зная положительно, что̀ съ собой дѣлать; невпопадъ хмурился и невпопадъ также улыбался. Бесѣда, вращавшаяся исключительно въ сферѣ придворныхъ и свѣтскихъ интересовъ, происходила на прекрасномъ французскомъ языкѣ, которымъ такъ справедливо гордятся тѣ изъ нашихъ соотечественниковъ, которымъ нечѣмъ больше гордиться. Сама тетушка принадлежала очевидно къ числу дамъ, охотно произносящихъ слово „la culotte“, говоря о ливреѣ выѣзднаго лакея, и содрогающихся отъ нарушенія всѣхъ приличій, когда въ ихъ присутствіи произнесутъ слово *штаны*. Во все время обѣда сказано было по какому-то случаю старымъ камергеромъ одно только русское слово, именно: *капуста*... Молодой русскій дипломатъ началъ вдругъ корчиться, точно его схватили ко̀лики: зажмуривая глаза, онъ заговорилъ скороговоркой: „Oh! la capusta! la capusta!!.. Non, voyez vous, la capusta!!.. это ужасно! Mon Dieu, mon Dieu, la capusta!“ закончилъ дипломатъ, фамилія котораго, между прочимъ, была: Бурдюковъ, и родомъ былъ онъ изъ Саратова, гдѣ отецъ его содержалъ откупъ.

Вечеромъ сиротское положеніе дяди усилилось въ значительной степени.

Входившіе гости, — бо̀льшая часть изъ придворныхъ и иностранцевъ, — съ замѣтной торопливостью жали ему руку и стремительно неслись къ хозяйкѣ дома, уступившей почетное мѣсто таврической фрейлинѣ и женѣ иностраннаго посланника. Разговоръ, не выходившій изъ обычной сферы, неожиданно перешелъ къ воспоминаніямъ о какой-то недавно скончавшейся старой княгинѣ, при чемъ лысый камергеръ билъ себя въ грудь, выразительно прикладывалъ руку къ сердцу и восклицалъ:—„Oui, elle avait de ça, la vieille princesse,—elle avait de ça!..“ между тѣмъ, какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, этого-то именно, т. е. сердца, и не было у покойной княгини.

Время отъ времени я поглядывалъ на дядю. Онъ продолжалъ усиленно улыбаться: но брови его какъ бы сами собою недоброжелательно двигались, лицо и шея багровѣли, онъ вообще имѣлъ такой видъ, какъ будто черезъ силу себя сдерживалъ.

Цѣльные характеры, выкроенные изъ одного куска, или выпеченные изъ одного тѣста,—встрѣчаются какъ исклю-

ченье. Всегда почти найдется какая-нибудь вставка изъ другого болѣе крѣпкаго или слабаго матеріала. Такъ было и у дяди. Вставкой у него была слабость къ прекрасному полу. Она едва ли не занимала въ немъ преобладающее мѣсто. Звуками лиръ усмирялись, говорятъ, бѣшеные порывы Саула: у дяди нервы были крѣпче,— но сердце несомнѣнно было слабѣе. Если чрезмѣрныя раздраженіе и вспыльчивость, справедливо заслужившія ему извѣстность строптиваго, непокладистаго человѣка, противились вліянію приворожившей его женщины,—они во всякомъ случаѣ теряли въ значительной степени свою силу. Аѳанасій Ѳедоровичъ очевидно находился еще подъ обаяніемъ женины красоты, надѣялся вѣроятно побѣдить ея холодность,—добивался, чего-добраго, взаимности.

Только этимъ объяснялъ я себѣ его терпѣніе и необычную покорность.

Самое удобное время для исчезновенія изъ свѣтской гостиной, когда въ ней скучно, — это та минута, когда лакеи входятъ съ подносомъ и подаютъ чай. Я воспользовался ею, проскользнулъ въ дверь и сбѣжалъ съ лѣстницы.

Меня особенно занимала мысль о томъ, что происходитъ, когда дядя и тетушка остаются вдвоемъ, какая тогда у него физіономія, что онъ ей говоритъ, какъ она ему отвѣчаетъ, чѣмъ вообще знаменуется ихъ пребываніе съ-глазу-на-глазъ. Дѣло было ясно: они не только не сходились характерами, но представляли слишкомъ рѣзкую противоположность во всемъ, чтобы такъ могло продолжаться; въ недалекомъ будущемъ неминуемо должна была произойти катастрофа, послѣ которой останется только необходимость какъ можно скорѣе разъѣхаться.

Не знаю, сообщала ли кому-нибудь тетушка свои впечатлѣнія. Но дядя, въ этомъ отношеніи,— со мною, по крайней мѣрѣ,—не стѣснялся.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что такое! повторялъ онъ, насупивая брови,—это... это какая-то маркграфиня Бранденбургская (съ нѣкоторыхъ поръ онъ такъ называлъ жену), — и то не такъ, и это не такъ... фу, чортъ возьми, надоѣло мнѣ, наконецъ, это кривлянье! Главное дѣло — всѣ эти родственники, иностранные эти секретаришки и дипломаты... Вечеромъ, какъ поставятъ лампу съ этимъ, знаешь, —стекляннымъ шаромъ и всѣ разсядутся,—просто, братъ, одурь беретъ! я не глупѣе ихъ—

чортъ возьми! а сидишь, какъ какой-нибудь остолопъ между ними... Мало имъ, братецъ, переливать изъ пустого въ порожнее во время обѣда и вечеромъ; нѣтъ, — выдумали теперь собираться въ четыре часа и чай пить... „Five o'clock!“ англичанъ корчатъ, — очень пристало! „Five o'clock!“ повторялъ онъ, подражая неудачно англійскому выговору,—но всегда раздраженно,—что̀ выходило всегда еще смѣшнѣе.

Иной разъ, когда мы шли по улицѣ, онъ, посреди сильной вспышки, неожиданно прерывалъ самого себя, останавливался и говорилъ мнѣ голосомъ миролюбиваго упрека:

— Ты, братецъ, рѣшительно ничего не видишь...

— А что̀, дядя? спрашивалъ я.

— Не видѣлъ, какая мимо насъ сейчасъ прошла женщина,—чудеса! Понимаешь: чудеса!!.

Въ другой разъ онъ останавливался, но уже нетерпѣливо, раздраженно замѣчалъ мнѣ:

— Нѣтъ, братъ, съ тобой, я вижу, рѣшительно невозможно гулять! Ты совершенно ослѣпъ!.. Сейчасъ мимо насъ прошла чистая красавица: какіе глаза, какая свѣжесть... Ты рѣшительно ничего не замѣчаешь!..

Подъ предлогомъ усиленныхъ служебныхъ занятій въ весеннее время, приготовленій къ майскому параду и затѣмъ къ выходу въ лагерь, — онъ сталъ являться домой только къ обѣду и исчезалъ, какъ только подавали лампы съ ненавистнымъ ему стекляннымъ шаромъ. Его по преимуществу можно было тогда встрѣтить въ театрѣ, когда давали балетъ; въ другіе вечера—въ циркахъ Гверры или Лежара.

Носились даже слухи, что онъ подарилъ одной изъ наѣздницъ лошадь, которую по этому случаю назвали „Русской“; такъ въ афишахъ и печаталось: „Le Russe“.

Передъ отъѣздомъ въ деревню, я зашелъ къ нему проститься и засталъ его въ значительно повеселѣвшемъ настроеніи. Въ послѣднее время онъ всегда почти былъ молчаливъ и мраченъ; по цѣлымъ часамъ, не сходя съ креселъ и покуривая трубку, постоянно о чемъ-то притупленно думалъ; въ чемъ состояли его мысли,—этого не разрѣшилъ бы, я думаю, никакой Эдипъ. И вдругъ такая перемѣна! Что̀ бы это значило? Мы разговорились. Онъ на этотъ разъ словомъ не упомянулъ о женѣ; но взамѣнъ, съ восхищеньемъ заговорилъ о какой-то Антоніи

Кіарини изъ цирка Лежара. Онъ съ жаромъ утверждалъ, что: „судить о красотѣ формъ и женственной граціи можетъ только тотъ, кто видѣлъ Антонію, танцующую безъ балансира,—понимаешь ли, братецъ:—безъ балансира!! на туго-натянутомъ канатѣ!!.“

Возвратясь въ Петербургъ осенью, я зашелъ къ дядѣ. Къ удивленію моему, узналъ я слѣдующее: квартира была сдана три мѣсяца тому назадъ князю N; тетушка нѣсколько дней передъ тѣмъ уѣхала въ Подольскую губернію; дядя вскорѣ переселился въ Офицерскую улицу, недалеко отъ Большого театра.

Сообщая мнѣ эти новости, швейцаръ украдкой поглядывалъ на меня, какъ бы желая прочесть на моемъ лицѣ знаки удивленія; но я не доставилъ ему этого удовольствія; спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ я на улицу и только, повернувъ за уголъ, въ значительной мѣрѣ прибавилъ шагу. Что случилось? Легко было предвидѣть, что тѣмъ непремѣнно должно было кончиться; но что̀ именно произошло, что̀ было поводомъ къ развязкѣ,—сильно пробуждало мое любопытство.

Я поспѣшилъ къ дядѣ.

Онъ встрѣтилъ меня очень радушно, трижды звонко облобызалъ, казался весьма довольнымъ моимъ приходомъ, но старался, — по всему было видно, — обходить все, что имѣло отношеніе къ исторіи его съ тетушкой,— точно ея никогда не было. Съ первыхъ словъ я въ немъ замѣтилъ, однакожъ, какую-то необычную суетливость; онъ какъ будто собирался что-то сказать, но стѣснялся, не договаривалъ, ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ; наконецъ, подошелъ ко мнѣ, пустилъ струю дыма изъ длиннаго чубука съ толстымъ янтарнымъ набалдашникомъ и вдругъ проговорилъ, косясь въ окно:

— Ты еще не знаешь Марьи Семеновны... Пойдемъ, я тебя познакомлю...

Прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться, онъ торопливо повелъ меня черезъ свои комнаты, объясняя по пути, что для удобства нанялъ сосѣднюю квартиру, служившую продолженіемъ его собственной; стоило только въ послѣдней проломать дверь,—на что̀ хозяинъ охотно согласился.

Мы вошли въ небольшую комнату, обитую кретономъ голубого цвѣта съ яркими букетами; въ углу стояло большое трюмо въ золотой рамѣ; мебель была обита малиновымъ трипомъ; на полу мягкій желтый коверъ съ пе-

стрыми разводами; типъ комнаты молодой новобрачной купеческой дочки съ Калашниковой пристани; сходство дополнялось различной формы и цвѣта коробками съ конфетами, золоченой плетеной корзинкой съ яблоками и другими бездѣлушками, между которыми особенно бросалась въ глаза раковина на бронзовой ножкѣ, обвитой мѣдными, точно жеванными листьями.

— Какъ видишь, — никакихъ здѣсь этихъ салонныхъ претензій, сказалъ дядя съ видимымъ удовольствіемъ, — все просто, но замѣть: уютно!

Онъ остановился и голосомъ, которому старался придать нѣжность, проговорилъ:

— Маша!.. Манечка!.. гдѣ ты?.. Ступай сюда,—я гостя привелъ...

На порогѣ показалась молоденькая, румяная и пухленькая женщина, отличавшаяся необыкновенной бѣлизной тѣла, то, что называется: кровь съ молокомъ,—даже со сливками, можно было прибавить. Изъ-подъ густыхъ соболихъ бровей смотрѣли хорошенькіе глаза кроткаго, смиреннаго выраженія. Въ цѣломъ рисовался чистокровный русскій ярославскій образецъ женщины; его дополняли русые волосы, раздѣленные проборомъ и заплетенные въ косу, спускавшуюся по-русски вдоль спины. Не отвѣчалъ только русскому деревенскому типу шелковый красный капотъ съ голубыми бархатными отворотами; ей очевидно было въ немъ неловко.

— Рекомендую: мой племянникъ! произнесъ дядя съ сіявшимъ отъ удовольствія лицомъ,—она, прибавилъ онъ, нѣжно трепля ее по плечу, — мой лучшій другъ: Марья Семеновна!

Онъ нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ, при чемъ она стыдливо опустила глаза; затѣмъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону и, желая вѣроятно оправдать ея молчаливость, шепнулъ на ухо:

— Она, понимаешь, въ такомъ теперь... гм!.. въ такомъ интереспомъ положеніи!.. Гм! Ты будешь, конечно, у меня крестить...

Изъ дальнѣйшихъ объясненій, происходившихъ уже въ кабинетѣ, съ-глазу-на-глазъ, я могъ убѣдиться, что дядя въ полномъ восторгѣ отъ своей возлюбленной. Съ горячностью принялся онъ выхвалять ея качества, не замѣчая, что поминутно сбивался въ опредѣленіяхъ, перескакивая внезапно отъ прекрасныхъ свойствъ души и ангельской

кротости характера, къ красотѣ плечъ, отъ дѣтской наивности и доброты сердца, — выражавшихся между прочимъ трогательной любовью къ двумъ только-что подареннымъ ей канарейкамъ, — къ густотѣ косы и здоровой свѣжести, отъ которой, по словамъ его: — „Пахло земляникой". Ясно было, онъ чувствовалъ здѣсь себя легче, чѣмъ въ салонѣ съ дипломатами и церемонными свѣтскими дамами. Онъ цѣлый день, не стѣсняясь, могъ теперь расхаживать изъ одной половины въ другую въ своемъ желтомъ халатѣ, подпоясанномъ фуляромъ, и съ трубкой въ зубахъ.

Разрывъ съ тетушкой не прошелъ ему даромъ; покровительство со стороны высшаго начальства, сулившее ему сначала аксельбанты, — пріостановилось. Дядя былъ доволенъ уже тѣмъ, что его оставили въ покоѣ, не мѣшали служить въ томъ же полку, съ тѣми же товарищами.

Въ теченіе двухъ лѣтъ у дяди крестили два раза. Крестины сопровождались всегда весьма торжественно; приглашалось почетное духовенство, приглашались особенно близкіе товарищи, давался обѣдъ съ великолѣпной кулебякой, пили за здоровье новорожденнаго и отправлялись съ бокалами въ рукахъ на вторую половину поздравить родильницу.

Послѣ рожденія второго ребенка, я сталъ, однакожъ, замѣчать въ дядѣ нѣкоторую перемѣну. Подъемъ счастливаго расположенія духа показывался рѣже; подобно тому какъ было въ послѣднее время при женѣ, я заставалъ его часто сидящаго одиноко у окна и задумчиво пускающаго кольца дыма изъ длиннаго чубука.

— Знаешь ли что?.. сказалъ онъ мнѣ разъ, — надо, братецъ, подумать, да, и серьезно подумать... Хочется мнѣ обезпечить Марью Семеновну...

— Какимъ образомъ?

— А такимъ образомъ, изволишь ли видѣть: хочется мнѣ и ее, и дѣтей устроить... Мой товарищъ Викуловъ, — ты его знаешь, — предлагаетъ обмѣнять его домъ въ Подьяческой на одну мою новгородскую деревню. Я давно хотѣлъ отъ нея отдѣлаться; пользы немного: ежегодно управляющій привозитъ боченокъ морошки, — вотъ и весь доходъ... Домъ Викулова я осматривалъ: внизу мелочная лавка, на углу полпивная, во второмъ этажѣ жильцы; чистаго дохода полторы тысячи; домъ почти новый, ремонта

не потребуетъ. Хочу записать его на имя Марьи Семеновны и дѣтей... Что ты на это скажешь?

— Скажу:—хорошо дѣлаете.

— Да, — ну а потомъ... думаю пристроить Марью Семеновну...

— Какъ такъ? спросилъ я, уже не понимая.

— Да такъ, возразилъ онъ, притупленно какъ-то глядя на бокъ, — хочу выдать ее замужъ... Главное дѣло, надо найти хорошаго, достойнаго человѣка... Такъ, согласись,— нельзя... Притомъ характеръ измѣнился; Богъ знаетъ, что приходитъ ей иногда въ голову; представь: стала вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ревновать меня къ кормилицѣ... Съ этими женщинами, это просто бѣда!..

Надо думать, дядя успѣлъ уже намекнуть о своемъ намѣреніи Марьѣ Семеновнѣ. Входя съ нимъ на ея половину, мы заставали ее иногда съ заплаканными глазами.

Дядя всякій разъ цѣловалъ ее въ лобъ, трепалъ по плечу, шелъ къ дѣтямъ, возвращался, держа ихъ на рукахъ, старался казаться веселымъ; словомъ, поступалъ такъ, что можно было думать, намѣреніе разлучиться съ Марьей Семеновной было только на словахъ, высказано было подъ вліяніемъ какой-нибудь непріятности, въ минуту недовольнаго расположенія духа.

Намѣреніе однакожъ созрѣвало и упрочивалось. Дядя былъ упрямъ и настойчивъ; случалось мысли засѣсть ему въ голову,—она деспотически охватывала весь мозгъ, не оставляя въ немъ свободнаго уголка для чего-нибудь другого.

Къ какимъ способамъ прибѣгалъ онъ для разыскиванья хорошихъ и достойныхъ людей, — мнѣ неизвѣстно; знаю, что въ теченіе перваго года явилось два претендента; оба были молодые люди; одинъ служилъ въ управѣ благочинія; другой, постарше, занималъ сверхштатное мѣсто въ думѣ.

Обоимъ не посчастливилось однакожъ получить руку Марьи Семеновны. Дѣло произошло такимъ образомъ: первымъ явился чиновникъ изъ управы. Дядя принялъ его съ изысканной любезностью, приказалъ тотчасъ же подать трубку, усадилъ въ кресло, долго разспрашивалъ о службѣ, повелъ потомъ на вторую половину и представилъ Марьѣ Семеновнѣ, которая залилась слезами. Дядя внушительно кашлянулъ, потрепалъ ее для одобренія по

плечу и скромно удалился. Такъ продолжалось нѣсколько дней сряду.

Марья Семеновна переставала плакать, женихъ ежедневно являлся въ урочный часъ, дѣло мало-по-малу начинало ладиться, какъ вдругъ въ комнату вошелъ дядя, съ лицомъ, выражавшимъ признаки крайняго раздраженія. Былъ ли онъ чѣмъ-нибудь особенно раздосадованъ, или внезапно овладѣло имъ чувство ревности къ предмету, съ которымъ предстояло разстаться, только онъ прямо налетѣлъ на сидѣвшаго чиновника съ вопросомъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете, милостивый государь?

Чиновникъ и Марья Семеновна въ недоумѣніи вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Я васъ спрашиваю, милостивый государь, что вы здѣсь дѣлаете? повторилъ дядя съ возраставшей раздражительностью, — что вамъ здѣсь нужно?.. Зачѣмъ вы здѣсь?!.

— Я... я... помилуйте... пролепеталъ женихъ.

— Нечего тутъ миловать! закричалъ дядя, не обращая уже вниманія на Манечку, которая рыдая прятала голову въ подушку дивана, — нечего миловать! извольте сейчасъ же убираться вонъ! Вонъ, говорю вамъ! Вонъ! чтобы ноги вашей не было! Вонъ!!. продолжалъ онъ кричать, преслѣдуя жениха, который, ни живъ, ни мертвъ — бѣжалъ въ прихожую.

Почти то же самое повторилось съ женихомъ, занимавшимъ сверхштатное мѣсто. Разница была въ томъ, что такъ какъ послѣдній выказалъ нѣкоторое сопротивленіе, раздражаніе дяди превратилось уже въ бѣшенство. Онъ ухватилъ его за шиворотъ и, потрясая свободной рукой чубукомъ,—гналъ его яростно до второго поворота лѣстницы, не переставая кричать:

— Вонъ его, мерзавца... Вонъ! Я тебѣ дамъ жениха! Гони его въ-три-шеи! Вонъ! — разобью вдребезги!!.

Исторіи эти кончались обыкновенно тѣмъ, что, возвратясь на свою половину, опрокинувъ ногою нѣсколько стульевъ и выкуривъ нѣсколько трубокъ, онъ поспѣшно одѣвался и ѣхалъ въ англійскій магазинъ. Купивъ дорогой кусокъ матеріи на платье, запасшись въ Гостиномъ дворѣ цѣлымъ ворохомъ игрушекъ для дѣтей и подарковъ для всей женской прислуги,—онъ входилъ къ Марьѣ Семеновнѣ, цѣловалъ ее въ лобъ и вечеромъ увозилъ ее и дѣтей въ циркъ.

Въ концѣ года совершился обмѣнъ новгородской деревни, и купчая на домъ была передана Марьѣ Семеновнѣ. Дядя переселился туда со всей семьей, устроилъ также двѣ половины, но уже съ этого времени замѣтно рѣже сталъ туда являться. Самыя посѣщенія его приняли другой характеръ; онъ приходилъ скорѣе въ качествѣ покровителя, заботливаго опекуна, вмѣняя себѣ въ обязанность сажать дѣтей на колѣна, трепать ихъ по щекѣ, надѣлять ихъ конфетами, — а въ дни рожденья и именинъ матери, дарить ей кусокъ шелковой матеріи яркаго цвѣта и виднаго рисунка.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ общество гвардейскихъ офицеровъ дѣлилось на три главныя группы, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой.

Къ первой принадлежали такъ называемые: *„шаркуны и ферлакуры“*, усердно посѣщавшіе свѣтъ, строго исполнявшіе его требованія; они являлись на всѣ придворные и частные балы, старательно танцовали, имѣя въ виду обратить на себя вниманіе, „попасть въ лучъ зрѣнія“, какъ тогда говорилось, — вытанцовать богатую невѣсту или аксельбанты,— чему не разъ бывали примѣры.

Вторую группу — самую многочисленную, составляли офицеры, любившіе службу и полкъ безъ задней мысли, жившіе въ казармахъ или на частной квартирѣ, любившіе пуншъ съ бѣлымъ аракомъ, готовые во всякіе часы дня и ночи заложить банкъ и время отъ времени задать такую пирушку, чтобы чертямъ было тошно, — пирушку съ приправой пѣсенниковъ и подъ конецъ полнымъ размахомъ веселья съ катившимися на полъ бутылками, летѣвшими въ стѣну селедками и стаканами. Въ иныхъ квартирахъ находилась „адская комната“; въ нее дозволялось проникнуть не иначе, какъ осушивъ залпомъ безъ передыху на порогѣ кубокъ, вмѣщавшій бутылку шампанскаго. Во всякое время можно было здѣсь слышать сѣтованія противъ тогдашнихъ молодыхъ людей, какъ статскихъ, такъ и военныхъ; ихъ величали: сосульками, кисляками, разварной спаржей, черносливцами. Въ примѣръ добраго стараго времени часто приводился покойный ротмистръ Карцевъ: осушить бывало одну за другой три бутылки, приставитъ къ губамъ горло послѣдней и дунетъ въ него съ такой силой, что дно отлетаетъ! У этого Карцева, разсказывали, была такая сила и онъ такъ ею пользовался, что отъ каждаго его кулака „пахло покойникомъ“.

Житье въ петербургскихъ квартирахъ зимою представляло несравненно больше развлеченій, чѣмъ за городомъ. Въ иной вечеръ, когда не было возможности заложить банчикъ и уже достаточно было выпито,—владѣлецъ квартиры предлагалъ *„маленькое невинное развлеченіе“*, получившее почему-то названіе: *„Марино-Фальеро“*. Оно состояло въ истязаніи маленькаго сѣденькаго чиновника по фамиліи Фусиковъ, — но охотнѣе откликавшагося на имя „Фусикъ“, данное ему офицерами. Несмотря на то, что этотъ Фусикъ проходилъ всякій разъ рядъ самыхъ горькихъ испытаній, онъ неизбѣжно являлся, какъ только узнавалъ, что на той или другой квартирѣ собрались гг. офицеры. Фусика втаскивали иногда по складной лѣстницѣ на верхушку высокой круглой печки и держали пари о томъ, кто скорѣй сшибетъ его оттуда съ одного раза подушкой. Фусикъ кричалъ благимъ матомъ, подушки летѣли и вмѣстѣ съ ними летѣла иногда злосчастная жертва, которую подхватывали на руки, но уже съ тѣмъ, чтобы начать подбрасывать его къ потолку. Предлагали затѣмъ другой варьянтъ: Фусика запирали зимою въ пустую комнату, предварительно отвинтивъ въ окнѣ форточку; подлѣ двери ставились стулья, и веселая компанія усаживалась слушать, какъ будетъ замерзать Фусикъ.

Чудомъ какимъ-то, этотъ Фусикъ оставался всегда живъ; еще удивительнѣе то, что на слѣдующій день онъ опять являлся.

Въ другой разъ, бралась тройка; одинъ изъ товарищей, переодѣтый кучеромъ, садился на козла; остальные, запасшись мѣдными пятаками, усаживались въ сани, и тройка выѣзжала на улицу. То тутъ, то тамъ раздавался рѣзкій ударъ въ оконное стекло, разлетавшееся вдребезги, къ великому недоумѣнію мирныхъ обитателей столицы. Иногда, выѣхавъ на площадь,—сани останавливались; глаза сѣдоковъ высматривали пѣшехода. Когда онъ появлялся, къ нему обращались, прося его, убѣдительнымъ голосомъ, пристегнуть полость саней подъ тѣмъ предлогомъ, что везутъ трудно-больного, и нѣтъ возможности самимъ выйти; пѣшеходъ спѣшилъ обыкновенно на помощь; но едва успѣвалъ онъ наклониться къ санямъ, его быстро хватали и такъ же быстро опускали головой внизъ подъ полость, — послѣ чего тройка пускалась во весь махъ; ее останавливали въ какомъ-нибудь глухомъ мѣстѣ на Выборгской, гдѣ съ величайши-

ми извиненіями высаживали прямо въ сугробъ услужливаго незнакомца.

Такія похожденія не могли, конечно, пройти незамѣченными; полиція зорко начала слѣдить, и кончилось бы весьма плохо, если бъ участники своевременно не выключили Марино-Фальеро изъ числа „невинныхъ развлеченій".

Третью группу офицеровъ составляли театралы—люди, для которыхъ земной и духовный міръ замыкался зданіемъ Большого театра, когда въ немъ шелъ балетъ.

На всемъ свѣтѣ, какъ извѣстно,—и во всѣ времена,—ухаживали и ухаживаютъ за танцовщицами; у насъ ухаживанье отличалось всегда особымъ оттѣнкомъ: оно соединялось всегда съ чѣмъ-то серьезнымъ, тѣсно связаннымъ съ обязательствами священнаго супружескаго долга. Человѣкъ заводившій себѣ „*обже*", какъ тогда говорилось, не довольствовался посѣщеніями; онъ переносилъ въ квартиру возлюбленной халатъ, туфли, пожитки, даже денщика или камердинера. Ежегодно, какъ по часамъ, въ извѣстный срокъ появлялась купель, приглашался батюшка и происходилъ обрядъ крещенія. Въ кухнѣ въ это время шла усиленная стряпня; за окно выставлялись на холодъ галантиръ и красное желе въ фестонной формѣ; въ уборной гладили юбки и сильно пахло утюгомъ и жареной рыбой. Лица присутствующихъ выражали сосредоточенное умиленіе; часто приходилось слышать, что тотъ или другой тайно сочетался законнымъ бракомъ. Надо полагать, семейственность въ законной формѣ уже вообще свойственна русской природѣ.

Но перейдемъ къ дядѣ.

Роль заботливаго опекуна и покровителя на второй половинѣ квартиры объяснилась мнѣ вскорѣ новымъ увлеченьемъ. Къ счастію, пока, предметомъ его не была женщина. Циркъ и балетъ всегда были его любимыми зрѣлищами,—чтобы не сказать занятіемъ. Посѣщая въ послѣднее время все чаще и чаще балетныя представленія и каждый вечеръ сближаясь съ присяжными балетоманами, онъ вскорѣ сдѣлался необходимымъ членомъ ихъ кружка. Тутъ были и статскіе, и военные молодые люди, и такіе, которые, подобно дядѣ, переваливали уже за сорокъ лѣтъ. Многіе изъ нихъ давно обзавелись семействомъ и жили въ одной квартирѣ съ избранницей сердца; другіе жили отдѣльно, ограничиваясь,—какъ уже сказано,—

перенесеніемъ къ предмету обожанія халата, туфель и денщика; третьи, наконецъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, ухаживали за театральными воспитанницами.

Ухаживанія эти отличались такой энергіей, что, по распоряженію начальства, кареты и фургоны, увозившіе воспитанницъ изъ театра, должны были сопровождаться жандармами. Проводивъ, хотя бы издали, воспитанницъ до Театральной улицы, извѣстной въ то время подъ именемъ *„улицы любви“*, ухаживатели отправлялись доканчивать вечеръ къ пріятелямъ, успѣвшимъ уже свить себѣ гнѣздо,—часто, впрочемъ, по примѣру кукушекъ, которыя, какъ всѣ знаютъ, кладутъ яйца въ гнѣзда, свитыя прежде другими пернатыми. Вечеръ и часть ночи проходили въ толкахъ о театральныхъ дѣлахъ (положенъ былъ штрафъ на того, кто коснется чего-нибудь другого), обсуждались несправедливости дирекціи, спорили о томъ, кто лучше танцовалъ сегодня, пѣли сложенную тогда пѣсню съ финальнымъ куплетомъ: „Да здравствуетъ Марья Петровна, да здравствуетъ ручка и ножка ея!“

Всѣ эти лица, независимо отъ ихъ возраста и общественнаго положенія, жили дружно, какъ одна семья, связанная общимъ интересомъ. Тогда еще танцовщицы Андреянова и Смирнова были въ школѣ, и кружокъ не успѣлъ раздѣлиться на двѣ сильно враждующія партіи.

Я ни на минуту не сомнѣвался, что близость къ балету приведетъ легко влюбчиваго дядю къ сближенію другого рода, т. е. что онъ отдѣлаетъ квартиру для той или другой жрицы Терпсихоры и непремѣнно перенесетъ туда халатъ, чубуки и туфли. Тѣмъ бы, вѣроятно, и кончилось, если бъ въ самомъ началѣ балетнаго увлеченія не произошли въ театральномъ мірѣ, одна за другою, двѣ исторіи, надѣлавшія тогда много шуму.

Въ тѣ патріархальныя времена, за кулисами Большого театра, во время представленій, можно было всегда встрѣтить сбитенщика. Такъ велось изстари—и начальство, несмотря на ревнивыя свои отношенія къ кулисамъ, — не хотѣло нарушать преданій. Одинъ изъ театраловъ-ухаживателей, извѣстный сорви-голова и повѣса, держалъ пари, что проведетъ за кулисами цѣлый вечеръ во время балета. Подкупивъ сбитенщика, поддѣлавъ усы и бороду, вооружившись его доспѣхами, онъ дѣйствительно достигъ своей цѣли. Пари было выиграно. Поощренный удачей, онъ вскорѣ придумалъ новую штуку.

Къ концу балета ухитрился онъ какъ-то забраться въ пустую театральную карету и забился подъ сидѣнье съ тѣмъ, чтобы дождаться окончанія спектакля и дать время классной дамѣ и воспитанницамъ занять свои мѣста; воодушевленный мыслью поразить пріятелей смѣлостью своей выходки, онъ думалъ доѣхать такимъ образомъ до воротъ театральной школы и высадиться послѣ того, какъ освободится карета; случилось, однакожъ, на половинѣ пути ему начало сводить ногу судорогой; сколько онъ ни крѣпился, но боль взяла свое; онъ началъ стонать. Въ каретѣ произошелъ страшный переполохъ: воспитанницы попрыгали изъ оконъ, а классная дама покатилась въ истерикѣ. Налетѣла полиція, злосчастный ухаживатель (онъ, къ сожалѣнію, былъ офицеръ) очутился въ ту же ночь на гауптвахтѣ, а черезъ мѣсяцъ былъ переведенъ изъ гвардіи въ оренбургскій гарнизонъ.

Второе происшествіе было болѣе романтично, — но въ немъ пострадали лучшій пріятель дяди, два его товарища и, наконецъ, самъ дядя. Оно состояло въ томъ, что изъ театральнаго училища увезена была воспитанница Кохъ. Похититель отправленъ былъ на Кавказъ, а три его сообщника,—и въ томъ числѣ Аѳанасій Ѳедоровичъ,—посажены были на полгода на гауптвахту.

Высидѣвъ срокъ, дядя уѣхалъ въ Москву и въ скоромъ времени вышелъ въ отставку.

Отношенія его къ балету, послѣ возвращенія въ Петербургъ, возобновились снова и такъ же ревностно, но вмѣстѣ съ тѣмъ приняли новый характеръ; онъ какъ бы разъ навсегда отказался преслѣдовать въ балетѣ личныя, корыстныя цѣли. Объясненія его по этому случаю не лишены были оригинальности.

— Видишь ли, братецъ, говорилъ онъ мнѣ, — я убѣдился: —танцовщицы наши милы до чрезвычайности... Понимаешь:—до чрезвычайности!!. Но въ общей сложности, этотъ народецъ такъ ужъ Богомъ сотворенъ, что стоитъ пожать ручку,—смотришь:—припасай повивальную бабку!.. Нѣтъ, спасибо! У меня пара своихъ поросятъ; съ меня этого довольно!!.. Понимаешь, что я говорю: — довольно!..

Предусмотрительный взглядъ дяди выразился на практикѣ тѣмъ, что онъ мало-по-малу въ кругу балетомановъ сталъ держаться той же роли, какою руководился на второй половинѣ своей квартиры, т. е. сдѣлался чѣмъ-то въ

родѣ заботливаго опекуна и покровителя. Онъ считалъ первымъ долгомъ отпраздновать обѣдомъ счастливыхъ любовниковъ, сочетавшихся узами взаимнаго соглашенія; трижды цѣловалъ съ чувствомъ виновника торжества; выпивалъ бокалъ за здоровье молодой и непремѣнно подносилъ ей несессеръ; присутствующихъ подругъ обдѣлялъ букетами. И все это дѣлалось имъ безъ малѣйшей шутливости, безъ веселыхъ выходокъ, но совершенно серьезно, точно совершалось дѣло величайшей важности.

Отеческое чувство, отличавшее его теперешнія отношенія къ женскому балетному персоналу, особенно горячо выражалось къ судьбѣ тѣхъ изъ нихъ, которымъ не посчастливилось пристроиться.

Случилось мнѣ какъ-то встрѣтить его въ Большой Морской. Я давно не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи: маленькіе черные зрачки учащенно мигали подъ золотыми очками, ноздри усиленно вдыхали воздухъ, лицо и ожирѣвшая шея багровѣли; весь онъ былъ внѣ себя и, казалось, съ трудомъ сдерживалъ негодованіе.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Со мною то, проговорилъ онъ, дѣлая энергическій жестъ,—что всю эту вашу теперешнюю молодежь слѣдовало бы запрятать туда, куда воронъ костей не заноситъ!.. Дрянь! Кисляки! Негодяи!!. Всѣхъ въ одинъ мѣшокъ и въ Мойку!.. Всѣхъ бы загнать въ Глухой переулокъ, поставить на другомъ концѣ добрую пушку—и жарь въ нихъ картечью,—жарь безъ всякаго милосердія!..

— За что такъ?

— За что?

Онъ остановился и, глядя на меня по обыкновенію прямо въ упоръ, спросилъ неожиданно:

— Знаешь ли ты танцовщицу Ашеньку Голованову?

— Нѣтъ, не знаю...

— Сожалѣю, братецъ, весьма сожалѣю... Ты долженъ по крайней мѣрѣ знать, мы живемъ теперь въ такое время, когда не въ модѣ уважать родителей... Ашенька Голованова,—у нея бабушка-матросиха въ Кронштадтѣ,—Ашенька Голованова не можетъ безъ слезъ говорить объ этой бабушкѣ... По одному этому можешь судить, что это за сердце, и... и... какая душа у этой дѣвушки!.. И что жъ? Несмотря на это, никто ее не беретъ! Да, никто!!. Я устроилъ ей маленькое приданое, далъ денегъ на квартиру... Но дѣло не въ этомъ; дѣло въ томъ, что никто

не цѣнитъ... круглая сирота... Да, всѣхъ этихъ франтовъ въ Глухой бы переулокъ и жарь въ нихъ картечью, жарь безъ всякаго состраданья!!.

Аѳанасій Ѳедоровичъ замѣтно, однакожъ, начиналъ старѣть. Хуже всего было то, что онъ не хотѣлъ съ этимъ согласиться и всячески старался противодѣйствовать разрушительному дѣйствію времени. Въ такихъ случаяхъ результатъ извѣстенъ: чѣмъ больше прикладывается стараній, тѣмъ хуже выходитъ. Улучшенная часть, не отвѣчая гармоніи цѣлаго, измѣннически подчеркиваетъ несостоятельность другихъ частей. Старичокъ такъ себѣ,—ничего: старичокъ какъ старичокъ; но онъ завился барашкомъ, подкрасилъ дряблыя щеки, пучитъ слезливые глазки, стараясь придать имъ интересную выразительность, конечно, онъ мгновенно превратился въ карикатуру. Что можетъ быть, напримѣръ, печальнѣе видѣть даму съ головой, близко напоминающей печеное яблоко или перезрѣлую дыню, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, думающую еще о красотѣ своей ноги, выставляющую ее при всякомъ случаѣ: „На-те, молъ, любуйтесь!“ Взглянешь на ногу, переведешь глаза на лицо,—оно покажется еще непригляднѣе.

Дядю, по справедливости, слѣдовало причислить къ такой категоріи.

Онъ красилъ волосы, не замѣчая, что ихъ чернота и блескъ рѣзко отдѣлялись отъ отвислыхъ морщинистыхъ щекъ; продолжая тщательно закручивать усики à la joli garçon, ему въ голову не приходило, что они имѣли сходство изящнаго цвѣточка на грубой глиняной тарелкѣ, съ какой имѣло сходство его круглое лицо. Больше всего его раздражалъ и выводилъ изъ себя носъ, начинавшій сильно припухать и покрываться сѣтью мелкихъ багровыхъ жилокъ. Съ нимъ онъ уже ничего не могъ сдѣлать; не отрѣзать же его! Единственные предметы, не возбуждавшіе его раздраженія, были: молодецкая кавалерійская осанка, сохранившаяся почти въ первобытной красѣ, и также перехватъ на таліи,—хотя на послѣдній онъ иногда недоброжелательно косился, благодаря росту живота, по которому, въ минуты досады, билъ кулакомъ, приговаривая: „Ты, дуракъ, куда лѣзешь!“

Что же дѣлать? Вращаясь постоянно въ кругу прекраснаго пола, онъ по привычкѣ продолжалъ охорашиваться, все еще искалъ сочувствія, не прочь былъ даже, можетъ быть, мечтать о взаимности.

Съ тою неожиданностью, съ какой отличались всѣ его дѣйствія, онъ вдругъ пересталъ посѣщать балетъ.

Пріятели, привыкнувшіе видѣть его постоянно въ первомъ ряду креселъ, подумали сначала, что онъ боленъ; всѣ поспѣшили навѣстить его; узнавъ, что онъ въ вожделѣнномъ здравіи и рѣдко даже бываетъ дома, они положительно терялись въ догадкахъ.

Одному мнѣ хорошо была знакома причина его внезапнаго охлажденія къ балету.

На Невскомъ, въ Пассажѣ, только что тогда отстроенномъ, находилась небольшая сцена; на ней по очереди давали представленія акробаты, фокусники, показывались туманныя и живыя картины, появлялись иногда мандолинисты, гитаристы и, наконецъ, къ новому году прибылъ откуда-то хоръ русскихъ пѣсенниковъ. Примадонной въ немъ была дѣвушка, племянница содержателя хора. Ничего въ ней рѣшительно не было особенно привлекательнаго; но дядя соблазнился, повидимому, тѣмъ, что она одѣвалась въ коротенькій бархатный кафтанчикъ, носила штаны, запрятанные въ высокіе сапожки, и надѣвала на голову поярковую съ павлиньимъ перомъ шляпу, заламывая ее какъ-то залихватски набекрень.

Какъ водится, посыпались подарки, пошли обѣды, на которыхъ угощался весь хоръ, катанье на тройкахъ, ложи въ театрахъ. Но сколько дядя ни водилъ круговъ вокругъ пѣвицы, сколько ни распускалъ хвостъ наподобіе индѣйскаго пѣтуха,—дѣло впередъ не двигалось. Дядя съ каждымъ днемъ становился угрюмѣе; иной разъ опасно было къ нему приступиться. Въ немъ точно пробудился прежній ротмистръ, способный разразиться и разнести все вдребезги. Не взирая на неудачу, онъ, тѣмъ не менѣе, упрямо продолжалъ преслѣдовать свою цѣль.

Узнавъ, что хоръ отправляется въ Москву, онъ нанялъ два дилижанса первоначальнаго заведенія и предложилъ везти хоръ на свой счетъ, въ чемъ, конечно, не встрѣтилъ препятствія.

Я въ это время находился въ отсутствіи; но лица, которыя его провожали и видѣли, какъ онъ садился съ пѣвицей въ отдѣльное купе, увѣряли меня, что давно не видали его такимъ веселымъ и бодрымъ. Имъ больше никогда не пришлось его видѣть. Мнѣ также.

Недѣли двѣ спустя, я узналъ, что во время переѣзда

дядя схватилъ жабу; она перешла въ воспаленіе легкихъ,—и онъ отдалъ Богу душу.

Тетушка, давно переселившаяся въ Ниццу, надѣла трауръ потому только, увѣряли меня, что молодой французъ, состоявшій при ней въ качествѣ секретаря, энергически на этомъ настаивалъ, увѣряя, что черный цвѣтъ ей къ лицу; она вскорѣ вышла за него замужъ; спустя нѣкоторое время пронесся слухъ, что какъ только получены были деньги, выдѣленныя ей послѣ дяди, секретарь куда-то неожиданно скрылся.

Марья Семеновна сочеталась законнымъ бракомъ съ мелкимъ чиновникомъ, какимъ-то Авениромъ Матвѣичемъ, и пользовалась бы невозмутимымъ счастьемъ, если бы время отъ времени не выходило непріятностей изъ-за того, что мужъ распоряжался доходами дома слишкомъ ужъ безцеремонно, проигрывая ихъ часто въ Благородномъ собраніи.

Дѣти ея,—два мальчика, обезпеченные еще при жизни дяди довольно крупной суммой,—и опредѣленные: одинъ въ академію художествъ, другой въ театральное училище,—не оправдали ожиданій матери, думавшей, что, какъ ни говори, отрасли благородной крови должны непремѣнно чѣмъ-нибудь отличиться. Изъ нихъ ровно ничего не вышло. Оба не кончили курса ученья, оба самымъ безпутнымъ образомъ промотали отцовское наслѣдство.

Старшій долго трепался по разнымъ провинціальнымъ труппамъ и пропалъ безъ вѣсти. Второй завелъ-было фотографію, но обанкрутился; принялся дѣлать папиросы,—опять не пошло; сталъ содержать извозчиковъ,—и окончательно сѣлъ на мель. Теперь такъ себѣ скитается, прибѣгая въ трудныя минуты къ матери; но дѣлаетъ это съ большой осторожностью: долго бродитъ подлѣ ея дома, высматривая удобную минуту; стоитъ только показаться къ воротамъ Авениру Михайловичу,—злосчастный неудачникъ мгновенно, безъ оглядки, улепетываетъ въ сосѣдній переулокъ...

ЗАМШЕВЫЕ ЛЮДИ.

(ЗАНОЗА.)

(КОМЕДІЯ ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Павлиновъ, вдовецъ, служившій на видномъ мѣстѣ. Старикъ 60 лѣтъ. Олицетворенныя добродушіе и слабость характера съ подкладкой дѣтскаго самообольщенія и вѣры въ высокое призваніе; представительная наружность, — но по первому взгляду, можно заключить, что пороху не выдумалъ. Лицо дышитъ кротостью, и на губахъ постоянная улыбка, заслужившая ему названіе: *„именинника“*.

Графиня Анна Алексѣевна, его сестра. Старая дѣва строптиваго характера, застывшая въ величіи, какъ колъ во льду; деспотическая, пристрастная, склонная къ лести.

Коко, сынъ графа. Юноша 20 лѣтъ, какъ бы родившійся не послѣ 9 мѣсяцевъ, а послѣ пяти; износившійся, измотавшійся преждевременно до ворса.

Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, родной братъ Павлиновыхъ, 55 лѣтъ, но полный еще жизни и огня; прямой, откровенный; что на душѣ, то и на языкѣ; часто неокла̀дистъ, рѣзокъ, но послѣднее выкупаетъ остроумiемъ.

Мери Кирсанова, племянница графовъ Павлиновыхъ; дѣвушка 20 лѣтъ, эмансипированная, но въ хорошемъ смыслѣ.

Владиміръ Кирсановъ, ея братъ, молодой человѣкъ, 24 лѣтъ, умный, съ честными побужденіями, но безъ воли и скучающій.

Липецкій, товарищъ Кирсанова, 26 лѣтъ: живой, умный, не безъ остроумія; честное, горячее сердце: отсутствіе той практичности, которая требуется для успѣшной служебной карьеры.

Иванъ Иванычъ Подточинъ. Худосочная наружность въ золотыхъ очкахъ, 40 лѣтъ; выступаетъ робко, нерѣшительно; говоритъ тихо, вкрадчиво; при людяхъ видъ смиренный, покорный; наединѣ, зрачки смотрятъ сверхъ очковъ и выражаютъ лукавство и хитрость.

Анатолій Ѳедоровичъ Ягозинъ. 27 лѣтъ; прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы въ школѣ пройдохъ; нахалъ и трусъ; руководящая мысль одна: пролѣзть въ люди, пріобрѣсти состояніе, сдѣлать карьеру.

Княгиня Лукоянова, дальная родственница Павлиновыхъ.

Волованновъ, ея племянникъ. Подъ 30 лѣтъ; одѣтъ по послѣдней модѣ; въ головѣ катаются шарики и шумятъ мухи; постоянно не знаетъ, куда дѣваться и что съ собой дѣлать.

Софья Семеновна Шилохвостова, 40 лѣтъ; бойкая дама.

Баронесса Фукъ.

Жигулевъ }
Севрюгинъ } купцы.

Бабковъ, скульпторъ.

Депутація изъ Москвы.

Господинъ N.

Дама въ траурѣ.

Камердинеръ графа.

Курьеръ 1-й, курьеръ 2-й.

Благотворители.—Благотворительницы.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Дѣйствіе первое.

Большая пріемная комната. Въ глубинѣ дверь на парадную лѣстницу и большое окно на улицу; слѣва отъ зрителя двѣ двери: ближайшая на половину графа; дальняя на половину графини; справа двѣ двери: ближайшая въ буфетную, дальняя на половину Кирсанова и молодого графа. Между послѣдними дверьми столъ; вдоль стѣнъ диваны, кресла, стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Камердинеръ графа, 1-й и 2-й курьеръ.

Камердинеръ по серединѣ сцены между двумя курьерами, готовыми вцѣпиться другъ въ друга; въ рукахъ камердинера подносъ съ чайнымъ приборомъ.

1-й курьеръ (*запальчиво 2-му курьеру*).

Зависть взяла!..

2-й курьеръ (*горячась*).

Совѣсти нѣтъ, вотъ что! Какой уговоръ былъ?.. Какой?!..

1-й курьеръ.

Контрактъ что ли подписывали?!..

2-й курьеръ.

Контрактъ!.. Совѣсть-то гдѣ...

Камердинеръ.

Господа!.. Господа!.. Никаноръ Аѳанасьевичъ... Петраркъ Иванычъ...

2-й курьеръ (*камердинеру*).

Помилуйте, Гаврила Ивановичъ, уговоръ былъ ѣздить въ очередь; третій разъ отвозить конверты тайкомъ... Вчера отвозилъ купцу Тузову; мы его достаточно знаемъ: завсегда на такой случай двѣ красненькія... (*1-му курьеру*). Гдѣ онѣ деньги-то?.. Опять прикарманилъ... Ахъ ты, жидовина!..

Камердинеръ.

Господа, господа!.. Полно вамъ... И нашли гдѣ ссориться! Помилуйте—скажите: у самыхъ дверей его сіятельства...

1-й курьеръ.

Я ничего, Гаврила Иванычъ... Все онъ...

2-й курьеръ.

Все онъ!.. Ахъ ты!..

Камердинеръ.

Господа, полно вамъ... Господа... (*Увидавъ входящаго Подточина, шопотомъ.*) Подточинъ!! (*Поспѣшно ставитъ на столъ подносъ; курьеры отскакиваютъ и становятся на вытяжку.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Подточинъ, *съ портфелемъ подъ мышкой.*

(*За нимъ лакей вноситъ ръзной стулъ и такой же ларчикъ.*)

Подточинъ (*лакею*).

Поставь сюда, любезный... Такъ!.. (*Лакей уходитъ.*)

Камердинеръ (*подобострастно*).

Рано, сударь, изволили пожаловать...

Подточинъ.

Какъ сегодня его сіятельство?.. Всталъ?..

Камердинеръ.

Только что изволили пройти въ уборную... Не прикажете ли подать чаю?..

Подточинъ.

Нѣтъ, спасибо... Кстати: что подѣлываетъ мой крестникъ?

Камердинеръ.

Благодарю васъ покорно; сильно было золотуха выступила; теперь, слава Богу, прошло...

Подточинъ.

Ну, а старшій сынъ; хорошо ли учится?..

Камердинеръ.

Перешелъ во 2-й классъ... Все васъ, сударь, надо благодарить...

Подточинъ.

Ну, полно... полно...

Камердинеръ.

Какъ же, помилуйте... Не вы ли изволили опредѣлить его на счетъ общества?—Экзамента даже не потребовали!.. Все вы, сударь; намъ никогда бы этого не добиться... потому какъ его сіятельство въ это не входятъ...

Подточинъ.

Очень радъ, очень радъ!.. Всегда радъ, когда могу помочь доброму дѣлу.

Камердинеръ.

Намъ это очень хорошо извѣстно. (*Въ кабинетѣ графа раздается звонокъ; камердинеръ беретъ со стола чайный приборъ. Обращаясь къ Подточину*): Прикажете доложить?..

Подточинъ.

Пожалуй!.. Впрочемъ, нѣтъ; я не тороплюсь... Я пока зайду къ графинѣ...

Камердинеръ.

Онѣ только что изволили чай откушать... (*Уходитъ къ графу.*)

Подточинъ.

Ну и прекрасно! (*Кладетъ на столъ портфель; вынувъ изъ него конверты, передаетъ ихъ курьерамъ.*) Это на Выборгскую въ сиротскій пріютъ; подождать отвѣта; это сейчасъ же къ Калинкину мосту въ призрѣніе нищихъ... (*Подточинъ уходитъ въ дверь къ графинѣ; курьеры суетливо исчезаютъ въ парадную дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Кирсановъ и **Липецкій** (*выходятъ изъ второй двери съ правой стороны отъ зрителя*).

Кирсановъ.

Намъ будетъ здѣсь гораздо покойнѣе; дядя никогда не выходитъ раньше 11 часовъ; тетушка также; живя здѣсь въ домѣ,—я хорошо знаю его обычаи. Въ ту минуту, какъ ты вошелъ ко мнѣ,—ты самъ видѣлъ,—у меня сидѣли двоюродный братъ Коко и его другъ Волова́новъ;—невозможно было сказать двухъ словъ... Мы здѣсь совершенно свободны. Объясни мнѣ ясно и подробно, какъ могла произойти твоя неудача... Я, по крайней мѣрѣ, ничего не понимаю... Если ты,—Липецкій,—ты, считавшійся у насъ всегда первымъ,—ты,—магистръ правъ, не можешь получить мѣсто,—я не знаю, кого имъ еще нужно...

(*Изъ кабинета графа проходитъ съ поклономъ камердинеръ въ буфетную дверь.*)—Далъ ли онъ тебѣ, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь основательный отвѣтъ, — или такъ, напрямикъ отрѣзалъ и былъ дерзокъ, какъ вообще всѣ выскочки?..

Липецкій (*весело*).

Напротивъ, онъ былъ очаровательно любезенъ... Но все равно, вижу: съ этой стороны, надо, какъ говорится,— отложить попеченіе...

Кирсановъ.

Ты думаешь?

Липецкій (*такъ же весело съ оттѣнкомъ юмора*).

Увѣренъ. Начать съ того, — я, кажется, пришелъ не во-время; его ли ждали, онъ ли ждалъ кого-нибудь, или былъ очень занятъ — какъ вообще всѣ въ Петербургѣ... Но въ его пріемѣ, въ его словахъ, было что-то до такой степени странное... чтобы не сказать, забавное...

Кирсановъ (*перебивая*).

Что же онъ сказалъ?

Липецкій (*смѣясь*).

„Скажу вамъ откровенно", говоритъ, — „пожалуйста, не сердитесь, — есть такое обстоятельство... Оно, если хотите, ничтожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ удобно... Оно можетъ неблагопріятно повліять..."—„Что жъ такое?" спрашиваю.—„Вы знаете, говоритъ онъ,—въ этихъ случаяхъ весьма важно первое впечатлѣніе... Откровенно скажу вамъ, не повредила бы вамъ въ его глазахъ ваша живость..."—Я удивился: „какъ живость?" спрашиваю.— „Живость вашего темперамента, говоритъ;—считаю долгомъ предупредить васъ, онъ имѣетъ предубѣжденіе противъ живыхъ людей... Что жъ дѣлать!.. У этихъ лицъ есть также свои слабости! Потомъ, говоритъ, есть еще другое обстоятельство".—„Что?" спрашиваю.—„Да вотъ, говоритъ, вашъ голосъ..."

Кирсановъ.

Какъ голосъ?..

Липецкій (*смѣясь*).

Я самъ сначала не понялъ.—„У васъ, говоритъ, такой смѣлый, рѣзкій голосъ; онъ также этого не любитъ; смѣлый голосъ дѣйствуетъ на него всегда раздражительно; оно и понятно; сами разсудите: съ утра до вечера засѣданія, комитеты, аудіенціи, совѣщанія, доклады, пред-

ставленія,—поневолѣ нервы раздражатся... пожалуй и это было бы еще ничего, если бъ...“

Кирсановъ *(разводя руками).*

Какъ, развѣ еще что?.. Боже мой...

Липецкій.

„Извините, говоритъ, но надо смотрѣть на вещи настоящимъ образомъ; у всякаго человѣка есть свои слабости; ну, а этимъ лицамъ онѣ подавно извинительны. Я, говоритъ, желаю вамъ успѣха и потому только рѣшаюсь предупредить: когда вы говорите, вы дѣлаете рѣзкія движенія и смотрите какъ-то въ упоръ...“

Кирсановъ *(пожимая плечами).*

Чортъ знаетъ что̀ такое!..

Липецкій.

Ты погоди.—„Да, говорю, правда; что жъ и это также не годится?..“—„Ничего, говоритъ, рѣшительно ничего... Только... только вотъ этого-то онъ особенно и не выноситъ! Состоя, понимаете, темперамента сырого, онъ прежде всего ищетъ въ человѣкѣ спокойствія; предупреждаю васъ: когда будете представляться, подходите тихо, говорите, понижая голосъ, говорите коротко, сжато и вообще какъ можно меньше; старайтесь стоять спокойнѣе... если даже можно съ опущенными глазами... покажите видъ, что вы испугались... это всегда хорошо дѣйствуетъ на старшихъ... Что жъ дѣлать! говоритъ, не намъ передѣлывать свѣтъ,—надо умѣть жить со свѣтомъ!..“ Понимаешь, могу ли послѣ этого имѣть какую-нибудь надежду?!..

Кирсановъ.

Дѣйствительно, свѣтъ не передѣлаешь!—Надо себя передѣлать... Кому есть на то охота и прибавлю: кто на это способенъ...

Липецкій.

На этотъ счетъ, мы оба, кажется, одинаково не годимся...

Кирсановъ.

Тебѣ, впрочемъ, съ-полугòря; ты независимъ, обезпеченъ, можешь спокойно продолжать свою ученую карьеру...

Липецкій.

Конечно... Но мнѣ хотѣлось бы во что ни стало добиться до офиціальнаго положенія... У меня есть на это особыя соображенія.

Кирсановъ.

Догадываюсь...

Липецкій (*оживленно*).

Догадываешься?..

Кирсановъ.

Да.—Ты любишь мою сестру и боишься...

Липецкій.

Ты это знаешь?

Кирсановъ.

Догадывался:—теперь убѣжденъ въ этомъ.

Липецкій.

И что жъ?.. Не сердишься?..

Кирсановъ.

Мнѣ сердиться!.. Вотъ тебѣ отвѣтъ (*обнимаетъ и цѣлуетъ Липецкаго*); но опасенія твои насчетъ препятствій со стороны дяди и тетки, мнѣ кажется, преувеличены...

Липецкій.

Не думаю; я ихъ мало знаю, но хорошо понялъ; для нихъ только служащій человѣкъ нѣчто существенное; остальное человѣчество великодушно только пользуется правомъ на существованіе.

Кирсановъ.

Въ этомъ смыслѣ ты правъ, пожалуй... Они, напримѣръ, до сихъ поръ сожалѣютъ, что ихъ сестра — моя покойная мать, вышла замужъ за безчиновнаго помѣщика. Ты, впрочемъ, уже выигралъ въ ихъ глазахъ, записавшись членомъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій, которымъ они покровительствуютъ; шагъ къ примиренію нѣкоторымъ образомъ сдѣланъ. Прими, однакожъ, къ свѣдѣнію: сестра и я давно вышли изъ опеки; ни она, ни я—не пойдемъ въ грубой формѣ напроломъ упрямству дяди и тетки; мы въ самомъ дѣлѣ имъ многимъ обязаны; но всему есть границы; мы найдемъ способы ихъ урезонить...

Липецкій.

Спасибо тебѣ отъ души за все, за все... Не знаю, какъ благодарить тебя...

Кирсановъ.

Пока еще не за что. Здѣсь главное дѣло тетушка. Отъ тебя скрывать нечего: сварлива, горда, тщеславна,—даромъ что не выскочка! Дядя,—благодушный добрякъ,—смотритъ ея глазами, управляется ея волей, какъ младенецъ,—и оба управляются Подточинымъ... Въ послѣднее время онъ до такой степени влѣзъ къ нимъ въ душу, до такой степени сталъ пользоваться ихъ довѣріемъ, что я

и сестра рѣшились во что бы то ни стало избавить отъ него дядю и тетку. Мы написали объ этомъ дядѣ, графу Ѳедору Алексѣевичу... ты долженъ его знать?..

Липецкій.

Нѣтъ,—но помню; много также слышалъ отъ отца; они вмѣстѣ служили; были подъ Севастополемъ.

Кирсановъ.

Онъ почему-то здѣсь не ужился и уже три года какъ переселился на южный берегъ Крыма. Мы написали ему, убѣдительно прося пріѣхать, и теперь ждемъ его съ часу на часъ. Онъ навѣрное тебѣ понравится. Я увѣренъ, онъ и въ твоемъ сердечномъ дѣлѣ будетъ полезенъ... (*За дверью графини слышенъ ея голосъ.*) Голосъ тетушки! Іерихонская труба! Вѣрно опять что-нибудь не по ней...

Липецкій.

Прощай... Спасибо тебѣ еще разъ за все, за все... (*Направляется къ двери на парадную лѣстницу.*)

Кирсановъ.

Не сюда... Ты прямо навстрѣчу урагану... Пройди коридоромъ въ мои комнаты; все равно выйдешь на парадную лѣстницу... Прощай, вечеромъ къ тебѣ.

Липецкій (*уходя*).

Жду непремѣнно...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кирсановъ, Графиня, Мери (*въ шляпкѣ*), **Подточинъ.** *За ними* **курьеръ.**

Графиня (*Кирсанову*).

Ты здѣсь! я только что за тобой посылала... (*Курьеру.*) Ступай! (*Курьеръ уходитъ.*) (*Кирсанову.*) Получена депеша отъ управляющаго: горитъ нашъ стеклянный заводъ!.. Преступная небрежность! Сейчасъ писала губернатору; строжайшее слѣдствіе, строжайшее!.. Но не въ этомъ дѣло: дѣло теперь въ томъ, чтобы братъ ничего не зналъ объ этомъ!..

Подточинъ.

Боже упаси! Такое извѣстіе крайне растревожитъ и огорчитъ графа...

Графиня.

Прекрасно сказано: именно огорчитъ и растревожитъ... (*Кирсанову и Мери*), — и такъ слышите: дядѣ ни слова объ этомъ.

Кирсановъ.

Хорошо, тетушка; только...

Графиня (*нетерпѣливо*).

Что еще?

Кирсановъ.

Постоянно скрывая отъ дяди все, что близко касается его интересовъ, подъ предлогомъ, что то его огорчитъ, это его разстроитъ,—мы этимъ способомъ...

Графиня (*строго*).

Прошу безъ наставленій; я знаю, что дѣлаю... Подумай лучше записаться членомъ новаго благотворительнаго учрежденія, которое придумалъ Иванъ Иванычъ...

Подточинъ (*Кирсанову*).

Оно имѣетъ цѣлью содѣйствовать распространенію нравственныхъ правилъ между ломовыми извозчиками.

Графиня.

Прекрасная цѣль!

Подточинъ (*Кирсанову вкрадчиво*).

Благотворительность, конечно, не служба... Не какое-нибудь сложное служебное занятіе. Это дѣло сердца...

Кирсановъ.

Не скажите; она даетъ иногда очень выгодное положенье...

Графиня.

Пожалуйста безъ ироніи; она здѣсь неумѣстна; ты, къ тому же, слишкомъ еще молодъ, чтобы критиковать что-нибудь... Пойдемте къ брату, Иванъ Иванычъ... (*увидавъ на столѣ рѣзной ларчикъ*). Что это?..

Подточинъ (*подобострастно*).

Старшее отдѣленіе сиротскаго пріюта проситъ ваше сіятельство осчастливить его принять знакъ усердія и душевной признательности... Дѣти сложились,—даже трогательно было видѣть! Сложились и сами сдѣлали вамъ баульчикъ для укладки шерсти...

Графиня.

Очень мило. Очень имъ благодарна! Эти дѣти меня рѣшительно балуютъ. Мнѣ надо также побаловать ихъ; я пошлю имъ конфетъ.

Подточинъ (*притворно оживляясь*).

Простите мнѣ великодушно, ваше сіятельство,—но не дѣлайте этого! Убѣдительно прошу:—не дѣлайте!!. Послѣдствія, смѣю думать,—были бы весьма вредныя... Старанія мои направлены именно къ тому, чтобы держать

дѣтей бѣдныхъ родителей въ самой скромной обстановкѣ; единственной ихъ роскошью должно быть нравственное питаніе: конфеты—произведеніе роскоши; онѣ разовьютъ въ дѣтяхъ вкусы и желанія, не соотвѣтствующія ихъ положенію...

Графиня.

Вы правы. Дѣтямъ бѣдныхъ классовъ дѣйствительно опасно развивать вкусы; мы видимъ слишкомъ часто, къ чему приводитъ баловство и потворство... Мнѣ все-таки хотѣлось бы чѣмъ-нибудь поблагодарить ихъ...

Подточинъ.

Я велю раздать имъ книжечки нашихъ правилъ о благонравіи... Они будутъ очень довольны...

Графиня.

Нѣтъ, книжечки эти ужъ много разъ имъ давали...

Подточинъ.

Тогда, если позволите, я прикажу дать имъ булочекъ.

Графиня.

Прекрасно. Смотрите только, чтобы соблюдалась самая строгая справедливость...

Подточинъ.

Лично буду наблюдать, ваше сіятельство: каждому будетъ по булочкѣ.

Графиня.

Благодарю васъ. Пойдемте къ брату. (*Уходитъ въ кабинетъ графа; Подточинъ кланяется Мери и Кирсанову и уходитъ за нею.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Кирсановъ, Мери.

Мери (*указываетъ на уходящаго Подточина*).

Что ты на это скажешь?

Кирсановъ.

Скажу, что этотъ лицемѣръ съ каждымъ днемъ дѣлается мнѣ противнѣе. Жду—не дождусь пріѣзда дяди Ѳедора Алексѣевича...

Мери.

Ты разсчитываешь, онъ долженъ пріѣхать сегодня.

Кирсановъ.

Да, судя по депешѣ... Но отчего ты въ шляпкѣ и такъ рано?

Мери.

Рано? Скоро четверть одиннадцатаго. Я успѣла уже сдѣлать длинную прогулку; я только что вернулась съ Васильевскаго острова.

Кирсановъ.

Это зачѣмъ?

Мери.

Ужасная исторія. Молодая женщина, моихъ лѣтъ, въ злѣйшей чахоткѣ, съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ... Каждая минута была дорога; я скорѣе одѣлась и отправилась...

Кирсановъ.

Какъ? Одна?

Мери.

Это гораздо удобнѣе; меня всегда стѣсняетъ, когда за мной выступаетъ скучающая фигура слуги... На Николаевскомъ мосту мнѣ встрѣтился Липецкій...

Кирсановъ.

И вы вмѣстѣ продолжали путь?

Мери.

Да; ты, кажется, этимъ недоволенъ?..

Кирсановъ.

Конечно, неосторожность; васъ могли встрѣтить... Меня удивляетъ Липецкій...

Мери.

Не вини его; онъ хотѣлъ уйти,—я сама его просила довести меня до мѣста... Одной было какъ-то жутко... (*Поспѣшно, какъ бы стараясь замять впечатлѣніе.*) Представить себѣ не можешь, какую нашли мы печальную картину... Какъ разъ посчастливилось придти вовремя. Теперь, слава Богу, все уладилось. Липецкій сейчасъ же написалъ знакомому доктору и сейчасъ же отправился по какому-то своему дѣлу... Я возвратилась домой одна. Вхожу въ ту самую минуту, когда тетушка послала за тобой и выходила сюда... Я потому и не успѣла снять шляпки... Ну полно, не сердись... Я замѣчаю, ты сегодня въ какомъ-то недовольномъ настроеніи...

Кирсановъ.

Да; меня разсердила новая неудача Липецкаго; онъ сейчасъ былъ здѣсь и разсказалъ...

Мери (*съ живостью*).

Что случилось?

Кирсановъ.

Ничего особеннаго (*пристально на нее глядя*). То дѣло, по которому онъ уѣхалъ сегодня съ Васильевскаго острова, — ему не удалось. Возмутительно, что такому человѣку трудно достать мѣсто... Но отчего ты вдругъ покраснѣла?..

Мери.

Покраснѣла!.. Тебѣ такъ кажется...

Кирсановъ (*взявъ ее за руки и цѣлуя ее въ голову*).

Ахъ, Мери, Мери,—не думалъ я, что у тебя будутъ когда-нибудь отъ меня секреты. Неужели ты могла предполагать, я не замѣтилъ, что между тобой и Липецкимъ давно существуетъ симпатія, — больше чѣмъ симпатія... Это началось еще зимою, съ того времени, какъ вы чаще стали здѣсь встрѣчаться...

Мери.

Правда; но пойми хорошенько. Могла ли я говорить объ этомъ,—даже съ тобой,—прежде чѣмъ не увѣрилась въ чувствахъ самого Липецкаго... Только теперь могу сказать тебѣ: да,—я люблю его... Но вѣдь и ты его любишь...

Кирсановъ.

Да, люблю; люблю, кажется, еще больше съ сегодняшняго дня, когда узналъ, что онъ оцѣнилъ тебя и ты его любишь; лучшаго мужа я не могъ бы тебѣ придумать... Немножко идеалистъ, романтикъ...

Мери.

Ты считаешь это недостаткомъ?

Кирсановъ.

Нѣтъ, но я желалъ бы ему больше практичности...

Мери.

Практичности? Такое желаніе съ твоей стороны удивительно... Не ты ли постоянно и съ такимъ негодованіемъ отзываешься всегда о практическихъ людяхъ...

Кирсановъ.

Да; но то, что приходится видѣть, заставляетъ сожалѣть, что самъ лишенъ этой способности...

Мери.

Володя, ты ли это говоришь?..

Кирсановъ.

Серьезно сожалѣю; практичность, очевидно, выгоднѣе личныхъ качествъ. Липецкій это доказываетъ. Ты, вѣ-

роятно, уже догадываешься, почему онъ такъ усердно хлопочетъ поступить на службу?

Мери.

Да; но это напрасно; дядя и тетушка могутъ имѣть свои планы. Тетушка, — я тебѣ говорила, — стала даже дѣлать намеки, подчеркивать, что у меня нѣтъ состоянія, что я должна искать въ мужѣ человѣка съ положеніемъ и такъ далѣе... Но мнѣ двадцать лѣтъ; я, кажется, сама могу располагать своей судьбой... Ты вѣдь на моей сторонѣ,—съ меня этого довольно.

Кирсановъ.

Разумѣется; но, главнымъ образомъ, надо положиться на дядю Ѳедора Алексѣевича... Ты знаешь, какъ смотрятъ на меня дядя и тетка! Они, можетъ-быть, правы. Я себя не обманываю. Я принадлежу къ той категоріи молодыхъ людей, у которыхъ молодого только наружность... И это вовсе не потому, чтобы мы, — хоть бы я, напримѣръ, — раньше начали жить и утомились жизнью;—вовсе нѣтъ! Мы ужъ родились какими-то разварными, кислыми, безсильными, — точно хилые плоды отъ дерева, которое отдало весь свой сокъ прежнимъ обильнымъ урожаямъ... Многіе между нами одарены способностями, отлично учились, одарены умомъ, который все понимаетъ, одарены сердцемъ, которое возмущается неправдой,—и все это не приводитъ ни къ какому результату, — никому и ничему не служитъ: умъ ничего не производитъ, благородныя чувства остаются при себѣ... И все это потому, что недостаетъ чего-то внутри насъ самихъ;—недостаетъ внутренней силы, внутренняго подъема, способныхъ соединить хорошія качества и привести ихъ въ дѣйствіе; словомъ, мы лишены той энергіи, которой, говорятъ, такъ отличались наши отцы и дѣды... Мною, напримѣръ, все больше и больше овладѣваютъ какая-то ноющая тоска, равнодушіе ко всему, безнадежность... Я не вижу цѣли передъ собой; все, что ни дѣлаю,—дѣлаю по обязанности, безъ увлеченія, со скукой... Не я одинъ; насъ много! Право, не стоило нашему обществу прожить тысячу лѣтъ, чтобы достичь такого результата... О! насколько въ этомъ отношеніи вы, женщины новаго поколѣнія, лучше насъ!!..

Мери.

Ты увлекаешься, Володя...

Кирсановъ.

Желалъ бы; но и на это даже нѣтъ силы... Говорю по

убѣжденію! Промыселъ послалъ васъ какъ бы нарочно съ тѣмъ, чтобы обновить наше черносливное поколѣніе... (*Голоса изъ кабинета.*) Слышишь!.. Я ухожу; не могу переносить вида этого Подточина...

Мери.

Ты нервенъ, какъ женщина...

Кирсановъ.

Скажи лучше: какъ теперешній юноша... Я надѣюсь, однакожъ, много будетъ лучше, — только бы скорѣй пріѣхалъ дядя изъ Крыма... (*Уходятъ каждый на свою половину.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ, Графиня, Подточинъ.

Графъ.

Прекрасно, прекрасно, Иванъ Иванычъ (*съ умиленнымъ чувствомъ*): „О всеобщемъ, всестороннемъ распространеніи благотворительности въ Россійскомъ государствѣ“. Въ самыхъ словахъ слышится даже какая-то музыкальность... Я давно стараюсь пріискать названіе новому нашему учрежденію, — вы предупредили меня... Не говорю уже о самомъ проектѣ... Онъ могъ зародиться не здѣсь (*указывая на голову*), но тутъ, только тутъ (*указывая на сердце*). (*Увидавъ рѣзной стулъ.*) Что это?..

Подточинъ.

Сироты старшаго ремесленнаго отдѣленія просятъ ваше сіятельство осчастливить ихъ принятіемъ посильнаго труда... Трогательно было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ...

Графъ.

Неужто они сами это сдѣлали?..

Подточинъ.

Сами, ваше сіятельство! Сами составили рисунокъ, сами рѣзали...

Графъ.

Браво! Искусно!.. Даже стиль есть!..

Подточинъ.

Самая мысль преподнести вамъ ихъ трудъ принадлежитъ имъ...

Графиня.

Ну ужъ, признайтесь, Иванъ Иванычъ, мысль вы подали.

Подточинъ.

Могу васъ увѣрить!..

Графиня.

Не отказывайтесь, пожалуйста; ваша скромность намъ хорошо извѣстна.

Подточинъ.

Благодарю васъ, ваше сіятельство. У меня только одно желаніе: заслужить довѣріе ваше... Другія цѣли меня не прельщаютъ... Скажу безъ лести,—я чуждъ этого чувства. Въ той малой долѣ пользы, которую приношу, горжусь единственно тѣмъ лишь, что служу (*графинѣ*) вамъ... (*графу*) вамъ, имя котораго уже, такъ-сказать, принадлежитъ исторіи...

Графъ (*расчувствованно*).

Охо-хо!.. Да, да... Вы намедни вѣрно замѣтили, Иванъ Иванычъ: да, заслуги могутъ не признаваться людьми, но останутся навсегда запечатлѣнными въ памяти исторіи...

Подточинъ (*искусственно умиляясь*).

Васъ ли забыть, ваше сіятельство? Васъ ли неоднократно, такъ-сказать, спасавшаго отечественные интересы...

Графъ.

Преданность увлекаетъ васъ, добрѣйшій Иванъ Иванычъ; я дѣйствительно желалъ, готовился спасать...

Подточинъ.

Это совершенно все равно, ваше сіятельство...

Графъ.

Отчасти я согласенъ; во всякомъ дѣлѣ главное: готовность и преданность, преданность и готовность! Вотъ также характеръ... Нужна во всемъ твердость... Но перейдемъ къ нашему проекту, который, повторяю (*указывая на сердце*), здѣсь только могъ зародиться... Сядемте однакожъ... (*Подточинъ бѣжитъ за стульями; всѣ садятся.*)

Подточинъ.

Я занялся только разработкой проекта, основная мысль всецѣло принадлежитъ вамъ; мысль есть главное...

Графъ.

Нѣтъ,—и мысль ваша!..

Графиня.

Ваша! ваша! Полноте скромничать, Иванъ Иванычъ! И вы совершенно правы; нельзя допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы каждый, кому вздумается дѣлать добро, заводилъ свое общество, и общество это дѣйствовало, какъ ему заблагоразсудится. Это произволъ! Произволъ, котораго нельзя допустить въ благоустроенномъ...

Графъ *(робко перебивая)*.

Нельзя однакожъ запретить, ma chère...

Графиня.

Слѣдуетъ! Давно слѣдуетъ!!.. Дошли до того, что, подъ предлогомъ спасать нищихъ, даютъ балы съ французскими кокотками, которыхъ возятъ по заламъ въ колесницахъ подъ видомъ миѳологическихъ богинь...

Графъ.

Гм... да... Дѣйствительно, это ужъ черезчуръ... Пересолили, какъ говорится... Этого, точно, допускать не слѣдуетъ...

Графиня.

Не только не допускать, но остановить, запретить слѣдуетъ; давно пора соединить въ одну твердую руку,—какъ прекрасно сказано въ проектѣ Ивана Иваныча, — всѣ эти частныя благотворительныя учрежденія и дать имъ одно общее, строго-нравственное направленіе...

Графъ.

Одно безпокоитъ меня... Все это прекрасно, но гдѣ возьмемъ мы столько денегъ, чтобы соорудить зданіе для нашего центральнаго учрежденія?.. Пока, денегъ мало еще собрано... Вы говорили: всего девяносто тысячъ?..

Подточинъ.

Такъ точно...

Графиня.

Да, это вопросъ—и вопросъ не послѣдней важности...

Подточинъ.

На этотъ счетъ не извольте безпокоиться; я имѣлъ уже честь вамъ докладывать: деньги найдутся... Можно сказать: уже нашлись...

Графъ и графиня *(вмѣстѣ)*.

Ба! Что вы говорите!.. Какъ же это?..

Подточинъ.

Изволите ли видѣть: полгода тому назадъ скончался въ Нижнемъ купецъ Пузовъ, оставивъ по завѣщанію нѣсколько милліоновъ и въ томъ числѣ сто тысячъ съ тѣмъ, чтобы душеприказчикъ его, купецъ Жигулёвъ, употребилъ ихъ на благотворительную цѣль по своему усмотрѣнію; Жигулевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и я съ нимъ видѣлся; онъ готовъ подписать значительную сумму... Ну, разумѣется... съ тѣмъ, конечно... Желаетъ получить что-нибудь...

Графъ.

Никогда по великодушному влеченію сердца; всегда по разсчету...

Подточинъ.

Человѣчество!.. ваше сіятельство...

Графиня.

Иванъ Ивановичъ совершенно правъ! Если бъ въ прошломъ году разрѣшено было носить красные панталоны съ золотымъ лампасомъ,—какъ предлагалъ Иванъ Иванычъ, мы имѣли бы теперь средства для расширенія моего сиротскаго пріюта; къ сожалѣнію, проектъ не прошелъ...

Графъ.

Потачка тщеславію...

Подточинъ.

Человѣчество... ваше сіятельство...

Графиня.

Желательно было бы знать, кто же теперь не тщеславенъ. Болѣзнь времени! Никто не хочетъ оставаться тѣмъ, что онъ есть. На-дняхъ въ пріютъ косноязычныхъ пришелъ сапожникъ; смотрительница назвала его сапожникомъ, онъ такъ обидѣлся, что поднялъ цѣлую исторію... Къ счастью, недалеко было полицейское управленіе... Но дѣло не въ этомъ... То, что вы сказали намъ объ этомъ купцѣ, крайне радостно... Какъ бишь его?..

Подточинъ.

Жигулевъ, ваше сіятельство...

Графиня.

Вы, Иванъ Иванычъ, положительно чародѣй...

Графъ.

Магъ и волшебникъ!!. Вашу руку, Иванъ Иванычъ, — вашу руку... Помните, я обѣщалъ вамъ... Поспѣшу исполнить обѣщаніе... (*Подточинъ прикладываетъ ладони къ груди.*) Въ ожиданіи этого, съ сегодняшняго дня, вы займете въ Обществѣ распространенія нравственности мѣсто предсѣдателя...

Графиня.

Прекрасно! Прекрасно!..

Подточинъ (*испуганно*).

Ваше сіятельство, пощадите! я никогда не мечталъ о такомъ высокомъ положеніи... Убѣдительно прошу васъ назначить лицо болѣе достойное...

Графъ.

Я никого не знаю достойнѣе васъ... И наконецъ, это

мое желаніе... Вы знаете, — я твердъ и непоколебимъ въ моихъ намѣреніяхъ...

Подточинъ (*подобострастно*).

Боже мой!.. А я, — я только что думалъ просить васъ, какъ милости... отстранить меня отъ видныхъ должностей... Онѣ тяготятъ меня... Подумаютъ, — я изъ корыстныхъ цѣлей, изъ тщеславія... я именно хотѣлъ просить васъ позволить мнѣ служить вамъ... такъ, безо всего... изъ одной лишь преданности...

Графъ (*графинѣ*).

Чистая душа! (*Подточину.*) Нѣтъ! Нѣтъ! преданность сама собой!.. Я хочу, чтобы всѣ знали, какъ я цѣню васъ... я желаю, чтобы вы предсѣдательствовали...

Подточинъ.

Не смѣю противорѣчить... Осмѣлюсь только объ одномъ просить васъ...

Графъ.

Говорите; согласенъ, заранѣе на все согласенъ...

Подточинъ (*вкрадчиво*).

Не бывъ приготовленъ къ новой должности... не имѣя достаточной опытности, прошу какъ милости и не столько для себя собственно, сколько для пользы самаго дѣла, прошу васъ не отказать мнѣ въ совѣтахъ вашихъ... руководить мною... Безъ вашего руководства я какъ нива безъ огорода, какъ сирота, какъ невинный младенецъ...

Графъ (*указывая сестрѣ на Подточина и умиленно*).

Какая скромность!..

Графиня.

Да, качество не нашего времени...

Графъ.

Будьте на этотъ счетъ покойны. Теперь надо вамъ пріискать секретаря; кого бы вы думали?

Подточинъ (*нерѣшительно*).

Быть-можетъ, вамъ угодно г. Липецкаго...

Графъ.

Что жъ, пожалуй.

Графиня (*перебивая*).

Ни за что!

Графъ.

Ты почему-то предубѣждена противъ него...

Графиня (*высокомѣрно*).

Я предубѣждена...

Графъ.

Я не то хотѣлъ сказать. Ты... Я впрочемъ понимаю: тебѣ не нравится, что онъ нигдѣ не служитъ...

Графиня.

Это само собою; но я замѣтила: у него какая-то бойкость, которая мнѣ не нравится; какія-то свои особыя мысли... Ужасная самонадѣянность...

Графъ.

Я также это примѣтилъ. Именно: много самонадѣянности... Умъ, конечно, хорошо, просвѣщеніе также прекрасная вещь... Къ сожалѣнію, то и другое имѣетъ свою оборотную сторону; они развиваютъ въ молодежи излишнюю самоувѣренность... Возьмите тогда нашего племянника...

Графиня *(рѣзко)*.

Владиміръ, ты знаешь, — тряпка!.. (*Лакей въ парадной двери.*)

Лакей *(докладывая)*.

Госпожа Шилохвостова!

Графиня.

Всегда некстати!.. Гдѣ она, въ каретѣ?

Лакей.

Никакъ нѣтъ; прошли въ ваши комнаты черезъ подъѣздъ.

Графиня.

Дѣлать нечего; скажи: сейчасъ!.. (*Лакей уходитъ; графиня направляется на свою половину.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Графъ и **Подточинъ**.

Графъ.

Сестра справедливо замѣтила: племянникъ, къ сожалѣнію,—тряпка...

Подточинъ *(нерѣшительно)*.

Гм... Ягозинъ, можетъ быть... Я не смѣлъ предлагать его, какъ ближайшаго моего помощника.

Графъ.

Прекрасно... Въ вице-предсѣдатели возьмемъ брата Ѳедора Алексѣевича; вы его еще не знаете... Онъ давно сидѣлъ сложа руки; пора припрячь его къ дѣлу... Мы ждемъ его съ часу на часъ... (*Смотритъ на часы, Подточинъ встаетъ.*) Постойте, Иванъ Иванычъ, прежде чѣмъ ѣхать въ засѣданіе, я хотѣлъ бы узнать... Не слыхали

ли вы,—что вообще думаютъ... какого мнѣнія вообще объ обязательномъ распространеніи плуга?..

Подточинъ.

Сколько слышно,—большинство противъ.

Графъ.

Я также...

Подточинъ.

Надо вамъ замѣтить: существуетъ однакожъ партія за плуги...

Графъ.

Да, мнѣ говорили...

Подточинъ.

И сильная партія; въ ней участвуютъ князь Хивинскій, графъ Барнауловъ, князь Уссурійскій...

Графъ.

Какъ! и Уссурійскій?!.

Подточинъ.

Точно такъ... (*Входитъ графиня; она въ шляпкѣ и мантильѣ.*)

Графиня.

Я сейчасъ отправляюсь съ Шилохвостовой... Но вѣдь ты также ѣдешь въ засѣданіе...

Графъ.

Да. (*Подточинъ отходитъ къ столу и дѣлаетъ видъ, будто разбираетъ бумаги.*)

Графиня (*понижая голосъ*).

Вопросъ объ этихъ плугахъ?

Графъ.

Да; я именно сейчасъ разсуждалъ объ этомъ. Существуютъ двѣ партіи...

Графиня.

Слышала; ты будешь конечно *за*, а не *противъ*.

Графъ.

Но большинство противъ...

Графиня.

Какое тебѣ дѣло до большинства! за плуги стоитъ между прочимъ Уссурійскій; пойдешь противъ, онъ повредитъ тебѣ въ другомъ дѣлѣ...

Графъ (*обращаясь къ Подточину, который прислушивался*).

Иванъ Иванычъ, я обдумалъ; я буду стоять за плуги...

Подточинъ.

Вы всегда вѣрно угадываете, ваше сіятельство...

Графъ.

Вы куда, Иванъ Иванычъ?..

Подточинъ.

Необходимо съѣздить къ купцу Шестипалову; огромное состоянье; надо захватить, пока не скончался...

Графъ.

Какъ такъ?

Подточинъ.

Говорятъ: при смерти; самое лучшее время для пожертвованій; жаль пропустить случай...

Графъ.

Не задерживаю васъ; вы эти дѣла лучше насъ знаете... До завтра, мой милый, до завтра... (*Подточинъ уходитъ, кланяясь, какъ актеры, когда ихъ вызываютъ на сцену.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Графъ и **Графиня.**

Графъ (*указывая глазами на уходящаго Подточина*).

Удивительный человѣкъ!.. Неусыпная дѣятельность!

Графиня.

Сколько энергіи! Какая преданность!..

Графъ.

И сколько благороднаго чувства!

Графиня.

Ты куда послѣ засѣданія?

Графъ.

Я туда на минуту; подамъ только мое мнѣніе о плугахъ...

Графиня.

Послѣ?

Графъ.

Послѣ?—Въ комиссію для разработки въ Россіи...

Графиня (*перебивая*).

Оставь на нѣсколько часовъ Россію въ покоѣ, она отъ этого не погибнетъ...

Графъ (*обиженно*).

Ты, ma chère, всегда такъ рѣзко...

Графиня.

Ты хотѣлъ заѣхать къ князю Бакланову, попросить, чтобы ускорили Ивану Ивановичу обѣщанную награду.

Графъ.

Его теперь не застанешь; я поѣду въ 4 часа.

Графиня.

Хорошо; поѣдемъ вмѣстѣ. Пока ты будешь просить князя,—я съ тою же цѣлью зайду къ княгинѣ; она имѣетъ вліяніе на мужа... Прощай! (*Уходитъ на парадную лѣстницу.*)

Графъ.

Да... эти женщины... Да, поневолѣ приходится уступать! (*Уходитъ въ кабинетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Жигулевъ, камердинеръ, два курьера.

(*Минуту сцена пуста. Изъ двери буфетной 1-й курьеръ таинственно вводитъ Жигулева, который суетъ ему въ руку ассигнацію.*)

1-й курьеръ (*поспѣшно пряча деньги*).

Напрасно изволите безпокоиться, ваше степенство. Обождите малую минуту... я послушаю у двери, и если никого нѣтъ у графа, доложу объ васъ...

Жигулевъ.

Скажите ему, батюшка: купецъ Жигулевъ по собственному дѣлу... (*Въ ту минуту, какъ курьеръ пробирается къ двери кабинета, изъ буфетной показывается камердинеръ.*)

Камердинеръ (*курьеру*).

Нѣтъ ужъ позвольте, Никаноръ Аѳанасьевичъ, — позвольте! Это вамъ не показано, чтобы водить господъ просителей заднимъ ходомъ черезъ буфетную. Это, съ позволенія сказать, вы напрасно... Хоть бы меня спросили...

Жигулевъ (*испуганно*).

Виноватъ, батюшка... Я ихъ просилъ... Впрочемъ, я съ моей стороны, съ превеликимъ удовольствіемъ... (*Вынимаетъ ассигнацію и даетъ ее камердинеру.*)

Камердинеръ (*быстро запрятывая деньги*).

Напрасно, сударь, изволите безпокоиться... (*Изъ двери буфетной 2-й курьеръ высовываетъ голову, выдвигается впередъ и кланяется.*)

Жигулевъ (*2-му курьеру*).

Я съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ и вамъ. (*Даетъ деньги.*)

2-й курьеръ (*пряча деньги*).

Напрасно, сударь, изволите безпокоиться...

Камердинеръ (*ласково*).

Вамъ, сударь, что же собственно?

Жигулевъ.

Дѣло такое, изволите ли видѣть (*отводя его въ сторону*); есть надобность повидать графа... Но желательно, чтобы этакъ... безъ свидѣтелевъ...

Камердинеръ.

Устроить можно; только время теперь не то; оставьте мнѣ вашъ адресъ, я васъ извѣщу, и тогда пожалуйте... Пожалуйте по той же лѣстницѣ, какъ сегодня; меня только спросите... ихъ (*мигая на курьеровъ*) не надо...

Жигулевъ.

Теперь развѣ нельзя?.. Я бы со своей стороны опять готовъ.

Камердинеръ (*курьерамъ*).

Какъ же не сказали вы его степенству, что графа нѣтъ дома... Эхъ вы!...

1-й и 2-й курьеры (*вмѣстѣ*).

Мы этого не знали... Мы были въ кухнѣ...

Камердинеръ.

Эхъ вы! Суетесь, а сами не знаете... (*Слышенъ шумъ подъѣхавшей кареты.*) Не графъ ли? (*Подбѣгаетъ къ окну.*)— Графъ, только не нашъ! Изъ Крыма который... Ваше степенство, теперь не до того... Пожалуйте, пожалуйте (*поспѣшно провожая его въ буфетную*) сюда... Сюда-съ!.. (*Курьерамъ*) Ступайте скорѣе къ молодымъ господамъ, скажите: дяденька изъ Крыма пріѣхали!.. (*Спѣшитъ къ двери, на секунду останавливается и говоритъ публикѣ*) Вотъ не было печали!!.. Я его хорошо знаю... не чета пашему графу... Съ этимъ держись только!!..

(*Занавѣсъ.*)

Дѣйствіе второе.

(Та же декорація.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Мери и Кирсановъ.

Мери (*указывая на дверь графини*).

Какъ онъ долго...

Кирсановъ.

Дай ему время поговорить! Цѣлые три года не видѣлся съ братомъ и сестрой. Довольно того, что онъ велѣлъ

принести чемоданы въ мои комнаты и будетъ жить съ нами!

Мери.

Добрый дядя! Замѣтилъ ты, какъ онъ намъ обрадовался!

Кирсановъ.

Еще бы не замѣтить! Къ сожалѣнію, мало было времени; не успѣлъ онъ переодѣться, какъ пріѣхали дядя и тетушка...

Мери.

Уходя къ нимъ, онъ сказалъ: хочу еще разъ хорошенько обнять васъ и поговорить съ вами; отъ нихъ сейчасъ къ вамъ; подождите здѣсь...

Кирсановъ.

Я увѣренъ, онъ не засидится... (*Входитъ графъ Θ. А.*)— Не правъ ли я!.. (*Мери и Кирсановъ бѣгутъ къ нему навстрѣчу.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Кирсановъ, Мери и **Графъ Θ. А.**

Графъ Θ. А. (*обнимая ихъ и цѣлуя*).

Ну, здравствуйте! Еще разъ здравствуйте!! Какъ ты выросла, Мери! и выросла, и похорошѣла!.. И ты, Володя, какой сталъ молодецъ!.. Тамъ (*указывая на дверь графини*), слава Богу, все благополучно; оба здоровы; это главное... Но я не видѣлъ еще Кокò... Братъ и сестра что-то имъ недовольны... Что онъ дѣлаетъ?

Кирсановъ.

Мнѣ, дядя, неловко о немъ говорить... я и сестра живемъ здѣсь у его отца...

Графъ Θ. А.

Понимаю; но однакожъ?..

Мери.

Говорятъ, дѣлаетъ долги...

Графъ Θ. А.

Занятіе своего рода; надо же что-нибудь дѣлать!.. Сядемъ теперь и потолкуемъ; разсказывайте!

Мери.

Мы тебѣ писали.

Графъ Θ. А. (*перебивая*).

Другъ мой, между письмами и живымъ словомъ та же разница, что между мертвымъ и живымъ человѣкомъ!.. Я отчасти уже вижу, въ чемъ дѣло. Меня не удивляетъ,

что братъ дался въ руки какому-то пройдохѣ; въ наше, такъ-называемое, „практическое время“, добродушіе то же, что кухонная посуда: полезно только въ домашнемъ хозяйствѣ! Братъ служилъ сорокъ лѣтъ; неожиданно и совершенно случайно поднялся на извѣстную высоту; съ этой минуты, какъ водится, онъ увлекся самъ собою, увѣровалъ въ свои силы. Намъ нечего церемониться и лукавить; мы здѣсь свои и можемъ говорить откровенно. Силы брата выразились, къ сожалѣнію, тѣмъ, что каждое его распоряженіе было воспрещеніемъ чего-нибудь; распоряженія, къ счастію, спасались худымъ исполненіемъ: его секретаремъ былъ тогда Семипалатинскій. Этимъ все сказано! Въ одинъ прекрасный день, братъ такъ же неожиданно скатился съ высоты... Въ такихъ случаяхъ, неизбѣжное послѣдствіе: болѣзнь утраченной власти! За симъ пошло, какъ водится, усердное нашептываніе: „Васъ не поняли!“ — „Васъ не оцѣнили!..“ и т. д. Люди любятъ, чтобы ихъ обманывали! Вымышленная легенда всегда соблазнительнѣе голаго факта... У этого Подточина, должно быть, однакожъ, хорошій нюхъ! Онъ ловко воспользовался положеніемъ. Увѣрить брата въ томъ, что Россія въ немъ нуждается, было не трудно; такое убѣжденіе всегда было его слабостью! Гораздо было труднѣе найти ему дѣятельность, и съ этой стороны Подточинъ представляется мнѣ чѣмъ-то въ родѣ Христофора Колумба... Америки онъ не открылъ, но открылъ островъ благотворительности; добродушіе брата довершило остальное... Все это для меня ясно, какъ дважды два—четыре. Несравненно удивительнѣе, что сестра дала себя опутать.

Мери.

Тетушка, кажется, еще больше увлечена, чѣмъ дядя...

Графъ Ѳ. А.

Молодецъ Подточинъ! Право, молодецъ! Онъ начинаетъ меня занимать; по всему видно, малый бойкаго свойства...

Кирсановъ.

Совсѣмъ напротивъ; ты удивишься, когда съ нимъ встрѣтишься: кроткій, мягкій, весь на замшевыхъ подошвахъ.

Графъ Ѳ. А.

Гм! Вотъ какъ!.. Стало-быть опаснѣе, чѣмъ я думалъ? Отъ нахала можно еще отдѣлаться; щелкнешь — отскочитъ; въ этихъ есть что-то липкое, — никакъ не отде-

решь! Эти замшевые люди, говорятъ, теперь въ большомъ ходу?..

Кирсановъ.

Ты представить себѣ не можешь, до какой степени онъ вошелъ въ довѣріе дяди и тетушки.

Графъ Ѳ. А.

Очень себѣ представляю: эти люди, какъ заноза: первое время незамѣтно; пріятно даже какъ будто щекочетъ; потомъ вдругъ опухоль... а тамъ, смотришь, и воспаленіе.

Кирсановъ.

Благотворительность, конечно, тутъ только предлогъ.

Графъ Ѳ. А.

Одинъ изъ удобныхъ предлоговъ, чтобы дѣлать карьеру и выходить въ люди... Хотя этимъ способомъ чаще всего выходятъ въ свиньи, и я охотно присоединяю къ ихъ числу вашего Подточина; тѣмъ не менѣе, на мои глаза, онъ интересный типъ...

Мери.

Что ты, дядя...

Графъ Ѳ. А.

Да, моя милая,—интересный! Такой типъ—продуктъ нашего времени. Эти мелкіе люди, одержимые бѣсомъ тщеславія, люди, которыхъ грызетъ скромность положенія и заставляетъ ихъ искать выхода къ свѣту, — растутъ вокругъ насъ, какъ грибы въ сырое, дождливое время; къ нимъ нельзя даже относиться слишкомъ враждебно. Требуется для этого извѣстная упорная сила, требуется энергія, излишекъ чего-то такого, что вообще рѣдко у насъ встрѣчается... Досадно, конечно, когда посредственность заслоняетъ путь истиннымъ дарованіямъ,—но послѣднихъ мало — и они по бо́льшей части скромны; первыхъ — легіонъ, и они всегда почти нахальны и дерзки; — побѣда должна оставаться за ними; надо съ этимъ примириться.

Мери.

Нѣтъ, дядя, я никогда съ этимъ не примирюсь.

Кирсановъ.

Я также...

Графъ Ѳ. А.

Подточина я знаю только по вашимъ письмамъ; объ остальномъ догадываюсь... Повторяю, меня больше всего удивляетъ сестра! Помню, она и прежде занималась благотворительностью...

Кирсановъ.

Да; но вскорѣ оказалось: женскій персоналъ больше суетился и путалъ; молодые люди и другіе благотворители искали случая зацѣпить что-нибудь...

Графъ Ѳ. А.

Это ужъ какъ водится!

Кирсановъ.

Начались сплетни, ссоры; тетушка постоянно раздражалась, восклицая: „c'est désespérant!"—и, наконецъ, рѣшилась все бросить. Это случилось въ то время, какъ дядя лишился мѣста. Явился Подточинъ, — все приняло другой оборотъ. Частью лестью, частью видомъ смиренія и преданности, вошелъ онъ въ довѣріе къ тетушкѣ, потомъ принялся за дядю... Остальное тебѣ уже извѣстно.

Графъ Ѳ. А.

Опять скажу: ловкій человѣкъ! Но не вижу собственно, въ чемъ тутъ, какъ вы пишете, опасность для сестры и брата?

Кирсановъ.

Опасность въ томъ, что, по поводу благотворительности, онъ втягиваетъ дядю и тетку въ сомнительныя денежныя операціи, сводитъ ихъ съ разными темными дѣльцами, выпрашиваетъ у нихъ награды и протекціи... Словомъ, мы боимся, чтобы это не кончилось какой-нибудь гадкой исторіей...

Мери.

Они на все смотрятъ его глазами... Дерзость его дошла до того, что онъ сталъ мѣшаться въ наши семейныя дѣла...

Графъ Ѳ. А.

Ну, это мы еще посмотримъ!..

Кирсановъ.

Мы писали тебѣ: онъ сталъ внушать тетушкѣ мысль уговорить Мери выйти замужъ за его секретаря Ягозина... Вотъ до чего дошла его дерзость!.. Мери, между тѣмъ, ты знаешь...

Графъ Ѳ. А.

Знаю... Но поздравлять еще не стану, пока не познакомите вы меня съ вашимъ другомъ Липецкимъ... Я зналъ его отца; вмѣстѣ служили...

Мери.

Онъ вѣрно былъ хорошій человѣкъ?

Графъ Ѳ. А.

Превосходный!..

Мери.

Сынъ такой же; могу тебя увѣрить.

Графъ Ѳ. А.

Вотъ какъ!.. ты, стало-быть...

Мери (*съ живостью*).

Да, дядя...

Графъ Ѳ. А.

Ахъ ты, милая, милая (*цѣлуетъ*). Не могу того же сказать о тебѣ, Володя! Посмотри мнѣ прямо въ глаза; скажи на милость: чего же ты смотрѣлъ? Если ты видѣлъ опасность для дяди и тетки,—какъ же ты не вмѣшался, допустилъ до этого.

Кирсановъ.

Невозможно было, дядя...

Графъ Ѳ. А.

Невозможно?!—Полно, братецъ! „Не могу"—никогда ничего не сдѣлало, „попробую" производило чудеса, „сдѣлаю!" имѣло всегда отличный результатъ! Надо всегда мочь—и чтобы мочь,—быть всегда смѣлымъ, мой милый! Смѣлость — единственное оружіе противъ лжи и нахальства! Прослышешь человѣкомъ неуживчиваго характера, что̀ за бѣда? Такъ всегда бываетъ съ тѣми, кто не дастъ себѣ наступить на ногу; останется утѣшеніе, что никогда не протягивалъ руки тамъ, гдѣ надо было поднять ногу, чтобы дать добраго киселя! Смѣлость, замѣть себѣ, важна особенно у насъ, гдѣ почва для торжества дерзости отлично приготовлена. Дерзость и нахальство — сила, которую надо побѣждать, чтобы не быть побѣжденнымъ! Передъ ними пасуютъ у насъ часто самые умные и лучшіе люди. Тамъ, гдѣ слѣдуетъ щелкнуть нахала по носу, нами овладѣваетъ столбнякъ; мы смущаемся, опѣшиваемъ; возвратясь домой, вымещаемъ желчь, сломавъ собственный стулъ, обвязываемъ себѣ голову полотенцемъ съ уксусомъ и, наконецъ, тревожно засыпаемъ... На другой день,—замѣть: только на другой день, выпивъ три стакана насахареннаго чая, надумавшись хорошенько, мы изобрѣтаемъ отвѣтъ... Правда, такой отвѣтъ, отъ котораго слонъ упалъ бы на заднія ноги,—но, увы! поздно! Опоздали, какъ впрочемъ всегда и во всемъ...

Мери.

Слушая тебя, дядя, я отъ всего сердца радуюсь; ты все такой же веселый...

Кирсановъ.

И такой же живой...

Графъ Θ. А.

Охъ, не хвали! Ты вѣдь здѣшній, долженъ знать: въ глазахъ лицъ сосредоточенно дѣловыхъ и глубокомысленныхъ, какими полонъ Петербургъ, живость служитъ вѣрнѣйшимъ знакомъ легкомыслія и безпокойнаго характера... Ну, да что объ этомъ! По-моему вашъ Подточинъ не такъ еще страшенъ какъ вамъ кажется... Но мы успѣемъ еще поговорить объ этомъ... Теперь пойдемте и накормите меня завтракомъ; послѣ буфетовъ на желѣзныхъ дорогахъ не мудрено проголодаться!.. (*Уходятъ на половину Кирсанова.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ. Графиня (*выходятъ изъ половины графини*).

Графъ.

Поведеніе Коко начинаетъ серьезно меня безпокоить... При тебѣ, кажется, я сказалъ брату: необходимо принять энергическія мѣры!.. Я возмущенъ его поведеніемъ... Желалъ бы я знать, куда онъ пропадаетъ, гдѣ проводитъ время?.. Такой образъ жизни очевидно невозможенъ!..

Графиня.

Очень рада, что ты, наконецъ, такъ смотришь... Коко, дѣйствительно, перешелъ границы... (*Подходитъ къ столу и звонитъ.*)

Графъ.

Что ты дѣлаешь?

Графиня (*обращаясь къ брату*).

Сейчасъ... (*входящему лакею*) Попроси сюда графа Николая Борисовича; скажи: я и графъ ждемъ его. (*Лакей уходитъ.*)

Графъ.

Какъ ты это... всегда вдругъ, ma chère!.. Не основательнѣе ли было бы сначала обдумать: что и какъ и потомъ уже... Не лучше ли отложить это объясненіе до вечера...

Графиня.

Это почему?

Графъ.

Съ утра чувствую себя сегодня какъ-то не совсѣмъ...

Графиня.

Голова?

Графъ.

Да, и голова и... и вообще какъ-то...

Графиня.

Если такъ, предоставь мнѣ; я съ нимъ объяснюсь...

Графъ (*радостно*).

Отлично! Я чувствую, что вышелъ бы изъ себя; ты знаешь, мнѣ это вредно... Прошу только: будь съ нимъ строже... какъ можно строже... Онъ вполнѣ...

Графиня.

Положись на меня...

Графъ.

Да; онъ вполнѣ... вполнѣ... (*Поспѣшно уходитъ къ себѣ въ кабинетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графиня *одна.*

Всегда такъ! Малѣйшее усиліе,—сейчасъ голова и нездоровье!.. Сама виновата: старанія скрывать отъ него непріятности сдѣлали его ужаснымъ эгоистомъ! (*Выходитъ Коко съ пахитоской во рту.*)

ЯВЛЕНІЕ V.

Графиня, Коко.

Графиня (*строго*).

Могъ бы, кажется, оставить свою сигарку дома... Ты знаешь, я не люблю, кто куритъ...

Коко.

Это пахитоска...

Графиня.

Все равно; ты здѣсь не у своихъ кокотокъ!

Коко (*бросаетъ пахитоску*).

Вы за этимъ меня звали?..

Графиня.

Мнѣ надо переговорить съ тобой... Сядь...

Коко.

Благодарю васъ; я не усталъ.

Графиня (*нетерпѣливо*).

Сядь, говорю тебѣ!

Коко (*садясь*).

Ахъ, тетушка, какъ все это скучно!..

Графиня.

Скучно или нѣтъ, ты меня выслушаешь. Съ нѣкоторыхъ

поръ твое поведеніе огорчаетъ всѣхъ насъ: и отца, и меня; оно переходитъ границы...

Коко.

Что жъ я дѣлаю?

Графиня *(строго).*

Не перебивай! Скажи, пожалуйста,—но говори правду,— что̀ это еще за новая исторія у тебя съ какой-то плясуньей?..

Коко (*обиженно*).

Она, во-первыхъ, не плясунья... Никакой нѣтъ плясуньи... Она изъ первыхъ сюжетовъ...

Графиня.

Это совершенно все равно... Ты, говорятъ, проводишь у нея всѣ дни и... и... Дѣлаешь ей безумные подарки... На-дняхъ подарилъ карету...

Коко.

Что жъ, когда она вывихнула ногу...

Графиня.

Глупые отвѣты побереги для себя! Вывихнула ногу! Скажите, пожалуйста! Не думаешь ли ты, что мое состояніе и твоего отца для того существуетъ, чтобы потакать твоему безпутству, тратить его на разныхъ негодяекъ...

Коко (*вскакивая*).

Не называйте ее такъ!.. Я никому не позволю... Вы ея не знаете... Она превосходная женщина... во сто разъ выше всѣхъ тѣхъ, которыя...

Графиня.

Это по всему видно; изъ-за нея ты не стѣсняешься огорчать отца, дѣлаешь долги...

Коко (*садясь*).

Отецъ ничего не знаетъ; вы отъ него все скрываете...

Графиня.

И ты этимъ пользуешься! — деликатно, нечего сказать! Я только и дѣлаю, что уплачиваю твои векселя; но предупреждаю: я больше не намѣрена тратить деньги отца и мои собственныя...

Коко.

Я сказалъ вамъ, что больше не стану подписывать векселей... Остается только еще одинъ... И тогда...

Графиня.

Какъ еще?

Коко.

Послѣдній...

Графиня.

Ни за что! Раздѣлывайся, какъ знаешь...

Коко.

Я вижу, тетушка, съ вами невозможно говорить серьезно.

Графиня (*вставая*).

Какъ?.. Что?.. Нѣтъ, онъ положительно невозможенъ! (*Уходитъ на свою половину.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Коко *одинъ.*

Невозможенъ! Всегда такъ, когда о чемъ-нибудь просишь. Желалъ бы я знать, къ чему на свѣтѣ существуютъ эти тетушки?!. Откуда, однакожъ, узнала она исторію съ каретой... (*Перемѣняя вдругъ тонъ.*) Ну да, подарилъ карету! Такъ что жъ? Еще подарю... и никому нѣтъ никакого дѣла!.. Фу, какъ мнѣ все это надоѣло!.. Какая скука!!. (*Волововановъ и Ягозинъ, вылянувъ изъ двери, откуда вышелъ Коко, являются на сцену.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Коко, Волововановъ, Ягозинъ.

Волововановъ.

Какъ ты долго! Мы потеряли терпѣніе! Результатъ совѣщанія?

Коко.

Пшикъ!

Волововановъ.

Не будь я Сергѣй Волововановъ, если я этого не предвидѣлъ! Вотъ и Ягозинъ подтвердитъ. Ягозинъ, правду я говорю?

Ягозинъ.

Правду...

Волововановъ.

Для утѣшенія я бы предложилъ маленькій проектецъ: пригласить знакомыхъ дамъ, обѣдать съ ними у Кюба, затѣмъ тройки и цыгане..

Коко.

Я не поѣду...

Волововановъ.

Такъ и есть! я это предвидѣлъ! Развѣ вы, Ягозинъ, не знаете (*указывая на Коко*)—влюбленъ! влюбленъ... вотъ! (*указывая на горло*).

Ягозинъ.

Знаю; знаю даже въ кого... Я не думалъ, чтобы это было до такой степени серьезно, чтобы отказываться отъ невинныхъ удовольствій... Впрочемъ, все зависитъ отъ предмета... Надо правду сказать: мамзель Фифи это... это такой предметъ...

Коко (*оживленно*).

Не правда ли! Она совсѣмъ не какъ другія!.. Это ангелъ!..

Волововановъ.

Вначалѣ онѣ, братъ, всѣ ангелы... (*всматривается въ панталоны Ягозина*) Ягозинъ, кто вамъ шилъ панталоны?

Ягозинъ.

Ripetti.

Волововановъ.

Очень симпатичны... очень... Жакетъ также отъ него?

Ягозинъ.

Да,—а что?

Волововановъ.

Вотъ ужъ это — совсѣмъ не то! Жакетки, любезный другъ, слѣдуетъ шить только у Франсуа; онъ одинъ настоящимъ образомъ понялъ жакетку. (*Проводя пальцами по жакеткѣ Ягозина*) Все это, напримѣръ, у васъ лишнее; линія отъ верхней пуговицы до нижняго угла должна идти совершенно прямо, энергично, безъ всякаго сентиментальнаго выгиба... Повѣрьте, все въ платьѣ! Что бы мы были безъ платья? Коко, правду я говорю?

Коко.

Мнѣ совершенно все равно!..

Волововановъ.

Понятно! У тебя теперь и здѣсь, и тутъ (*показываетъ на сердце и голову*) не тѣмъ теперь занято... Да... О чемъ, бишь, я хотѣлъ сказать... Какъ глупо! Собираешься что-то сказать—и вдругъ... вдругъ (*вспоминая*). Да, тебя, значитъ, ужъ нечего спрашивать, поѣдешь ли ты на балъ къ княгинѣ Закаспійской...

Коко.

Конечно нѣтъ!

Волововановъ.

Такъ и есть!.. Впрочемъ, я тебѣ сочувствую! Скука, смертельная мука! Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя отдѣлаться: родственница, и притомъ тетка разсердится... Вы, Ягозинъ, поѣдете?..

Ягозинъ.

Непремѣнно. Я очень вамъ благодаренъ.

Волововановъ.

Ты еще не знаешь, Коко: Ягозинъ дѣлается рѣшительно свѣтскимъ человѣкомъ! Онъ просилъ меня представить его теткѣ; его потомъ представятъ другимъ; пойдутъ въ ходъ тогда визитныя карточки, посѣщенія въ театральныя ложи... Вотъ только на обѣды пока приглашать не будутъ. — (*Ягозину*) Но это не замедлитъ; я вамъ это устрою!

Ягозинъ.

Буду весьма благодаренъ.

Волововановъ.

Не за что, любезнѣйшій,—скоро соскучитесь!.. Обѣды еще туда-сюда; можно сейчасъ удрать; но балы, балы,— вотъ она настоящая-то скучища! Главное: эти разговоры! Теперешнія молодыя дамы и барышни не то, что были прежде; выдумали какого-то Шопенгауера... Также вотъ славянскій вопросъ. На-дняхъ, на вечерѣ у графини Миличъ, подхожу къ группѣ барышень, хочу поздороваться съ кузиной, — толкуютъ о какомъ-то самостоятельномъ мышленіи или о чемъ-то въ этомъ родѣ... Покорно васъ благодарю! Я далъ себѣ слово ѣздить на балы только къ ужину,—и то, когда знаю, что будетъ хорошій. Вотъ и завтра также: велю себя разбудить въ 12 часовъ и поѣду; потому только и поѣду, что знаю, за ужиномъ будетъ земляника; я ее очень люблю: ночью она замѣчательно освѣжаетъ... (*Изъ двери на половину Кирсанова выходятъ Липецкій и Кирсановъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Волововановъ, Коко, Ягозинъ, Липецкій, Кирсановъ.

Волововановъ (*комически торжественнымъ тономъ*).

Тсс... Господа! Солидность и серьезность! Передъ нами: мой другъ Кирсановъ и мой другъ Липецкій... Люди серьезные и строгіе критики...

Кирсановъ.

Какъ тебѣ, братецъ, не надоѣстъ! Вѣчно одно и то же; пора бы перестать; тебѣ вѣдь за тридцать!..

Волововановъ (*Ягозину и Коко*).

Что я вамъ говорилъ! Сейчасъ строгость и нравоученіе!.. Тебѣ, впрочемъ, юному меланхолику, такъ и подо-

баетъ... Меланхолія теперь въ модѣ. Нашъ милый Коко тѣмъ же заразился; взгляните: лицо задумчиво, глаза опущены... Но онъ влюбленъ,—ему это извинительно.

Коко.

Что ты все врешь...

Волововановъ.

Прости, душа моя, съ языка сорвалось.

Коко.

Совралось...

Волововановъ.

Сострилъ! Господа, Коко сострилъ! Каковъ Коко?.. Къ тебѣ теперь обращаюсь, Липецкій; скажи-ка, ты отчего серьезенъ? Чего тебѣ-то недостаетъ: свѣжъ, красивъ, здоровъ, молодъ; притомъ есть, чѣмъ веселиться (*бьетъ себя по карману*), серьезность совсѣмъ даже не къ лицу тебѣ... Ягозинъ, правду я говорю?

Ягозинъ (*нерѣшительно*).

Да... Мнѣ самому такъ кажется...

Липецкій (*Ягозину*).

Почему вы такъ думаете? Вы меня мало знаете; я, напротивъ, очень веселаго нрава.

Ягозинъ.

Ученый и веселый. Какъ-то странно...

Липецкій.

Ученый, по-вашему, долженъ быть непремѣнно унылаго вида, въ синихъ очкахъ на больныхъ глазахъ. Наконецъ, я не знаю, съ чего взяли, что я ученый. Я пока только ученикъ! съ меня и этого довольно.

Волововановъ.

Разсказывай, разсказывай! Всѣ говорятъ, тебѣ предстоитъ блестящая ученая карьера.

Ягозинъ.

Я также это слышалъ.

Липецкій.

Вы также?! Тѣ, которые такъ говорятъ, ошибаются; чтобы сдѣлать карьеру, надо имѣть спеціальный талантъ, особыя способности; онѣ у меня совершенно отсутствуютъ.

Волововановъ (*Липецкому*).

Постой, серьезный человѣкъ, у тебя галстукъ сбился на сторону. (*Исправляетъ Липецкому галстукъ.*) Во-первыхъ, позволь тебѣ сказать: онъ цвѣтомъ своимъ не отвѣчаетъ цвѣту жилета и въ дисгармоніи съ цвѣтомъ панталонъ; во-вторыхъ, онъ повязанъ,—извини,—какъ у стараго про-

фессора: жестко, безъ вкуса, безъ чувства... Покупай галстуки только у Мативѣ:—восторгъ! идеалъ!—скажешь спасибо!.. Да?.. что, бишь, я хотѣлъ сказать... какъ глупо... Да, ты говорилъ, нѣтъ способностей... У меня также не Богъ знаетъ какія, но тетушка поворожила,—вотъ тебѣ и карьера...

Липецкій.

Доказательство, что истинные таланты не нуждаются въ покровительствѣ.

Волововновъ.

Ха-ха-ха. Зло, но остроумно, и я тебѣ прощаю... Ягозинъ, что вы на это скажете? Каковъ скромникъ, не можетъ, говоритъ, сдѣлать карьеры!

Ягозинъ (*Липецкому*).

Признаюсь, меня это крайне удивляетъ. Способности, конечно, не лишнее. Но можно и безъ нихъ; стоитъ только нѣсколько...

Липецкій (*иронически*).

Представьте, вотъ у меня именно этого-то „нѣсколько“ и не хватаетъ. У меня, напримѣръ, живой, веселый нравъ,—слѣдуетъ прикинуться смиреннымъ и кроткимъ.

Ягозинъ (*въ сторону*).

Косвенный намекъ.

Липецкій (*продолжая*).

Видишь у человѣка курносый носъ, надо увѣрять его, что у него носъ греческій, и т. д. Но это мелочь; мало ли что надо для прокладки дороги! Стараться крестить дѣтей у камердинеровъ вліятельныхъ особъ; ухаживать за дѣтьми жены начальника. Сейчасъ скажутъ: „онъ любитъ дѣтей, у него добрая душа“, а тамъ, цапъ—и подобрать, что было намѣчено.

Ягозинъ (*въ сторону*).

Откуда онъ узналъ...

Волововновъ.

Каковъ критикъ! Каковъ! Держись только!..

Ягозинъ (*Липецкому*).

Вамъ хорошо такъ говорить; вы имѣете независимое состояніе.

Липецкій (*Ягозину*).

Вамъ также, кажется, не на что жаловаться; мнѣ говорили, вы служите въ пяти мѣстахъ.

Ягозинъ.

У меня одно мѣсто; остальныя больше частныя занятія.

Кирсановъ.

— И всюду получаете жалованье.

Ягозинъ.

Я и не жалуюсь.

Волововъ.

Бросимъ, господа, пустые разговоры. Коко, поди сюда. Займемся серьезнымъ дѣломъ. Теперь два часа. Что дѣлать? Куда дѣваться? *(Липецкому)* Къ тебѣ я уже не обращаюсь; ты не нашъ и никогда имъ не былъ...

Кирсановъ.

Можешь и меня также сюда причислить.

Волововъ *(Кирсанову)*.

Съ тобой я даже не говорю; давно, братецъ, рукой махнулъ!.. Коко, ты къ своему ангелу не можешь теперь ѣхать; онъ на репетиціи. Тра-деля-бумъ, бумъ *(дѣлаетъ нѣсколько батмоновъ)*. Что вы, дѣточки, скажете насчетъ кабачка?

Коко.

Это можно.

Ягозинъ.

Развѣ вы голодны?

Волововъ.

Ягозинъ, вашъ вопросъ меня огорчаетъ! Въ кабачки отправляются, мой милый, не столько для собственнаго питанія, сколько для питанія веселыхъ собесѣдницъ: главное: для препровожденія времени. Не грустно ли, право, думать, что въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, некуда положительно дѣваться между двумя и пятью часами! Правду я говорю? Коко, пойдемъ! Пойдемте, Ягозинъ! Прощайте, серьезные люди, еще увидимся. *(Липецкому и Кирсанову)* Что? Раздумали? И вы съ нами?

Кирсановъ.

Нѣтъ, мы только вмѣстѣ до моей комнаты! *(Поспѣшно уходитъ.)* *(Липецкій слѣдуетъ за уходящими Коко, Воловановымъ и Ягозинымъ, но, увидавъ выходящую изъ двери графини Мери, останавливается.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Липецкій, Мери *(она въ шляпкѣ)*.

Липецкій.

Марья Михайловна! Я былъ сейчасъ здѣсь съ вашимъ братомъ. Увидѣлъ васъ и остался. Какъ я радъ, что встрѣ-

тился съ вами! Мнѣ рѣдко выпадаетъ такое счастье! Но вы куда-то собрались. Не смѣю васъ задерживать.

Мери.

Я собиралась снова навѣстить ту бѣдную женщину, къ которой вы меня тогда провожали... Я была у нея также вчера; ей гораздо лучше; ребенокъ также началъ поправляться.

Липецкій.

Слушаю васъ и думаю: какое у васъ золотое сердце! Въ васъ больше искренняго чувства добра, больше милосердія, чѣмъ во всѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ съ ихъ комитетами и засѣданіями!..

Мери *(весело)*.

Не хвалите! Меня еще сегодня упрекали въ черствости и строптивости характера...

Липецкій.

Васъ въ этомъ упрекали?!..

Мери.

Да. Упреки, можетъ-быть, нѣсколько преувеличены, но отчасти справедливы... Вы меня еще мало знаете; у меня множество недостатковъ.

Липецкій (*весело*).

Не вѣрится что-то, Марья Михайловна... Какіе же это такіе?..

Мери.

Я, напримѣръ, очень горда...

Липецкій.

Ну, это еще не Богъ знаетъ какой порокъ...

Мери.

Не говорите; для дѣвушки безъ состоянія, гордость — несчастье; надо умѣть покоряться, а я совсѣмъ не умѣю...

Липецкій.

Условія вашей жизни могутъ перемѣниться. Вы можете встрѣтить человѣка, который васъ полюбитъ; навѣрное его встрѣтите!.. Вамъ не будетъ тогда повода покоряться; гордость пройдетъ сама собою... останется ваше доброе сердце... *(Одушевляясь)* Марья Михайловна, случаи встрѣчи съ вами такъ рѣдки! Позвольте воспользоваться сегодняшнимъ. Позвольте повторить то, что я говорилъ вашему брату?.. Зачѣмъ ходить окольными путями... Вы, можетъ-быть, уже догадываетесь... Братъ говорилъ вамъ...

Мери.

Я также не хочу съ вами лукавить;—это также не въ

моемъ характерѣ. Да, братъ говорилъ мнѣ... Благодарю васъ, Алексѣй Петровичъ!

Липецкій.

Одно только слово... Скажите одно слово...

Мери.

Погодите, Алексѣй Петровичъ, я вижу: братъ не все объяснилъ вамъ.

Липецкій.

Что такое... Говорите, ради Бога.

Мери (*стѣсняясь*).

У васъ, говорятъ, хорошее состояніе; вы знаете, — у меня ничего нѣтъ...

Липецкій.

Такъ что жъ?.. Васъ это стѣсняетъ?

Мери.

Стѣсняетъ.

Липецкій (*обиженно*).

Такія соображенія — результатъ гордости... Вы правы: вы горды, Марья Михайловна! Позвольте однакожъ замѣтить: существуетъ разница между денежными состояніями—огромная разница! Есть состоянія трудовыя, кровныя, лично пріобрѣтенныя... я понимаю, они могутъ дать мѣсто деликатнымъ соображеніямъ; гордость честной женщины можетъ возбуждаться тѣмъ, что она пользуется трудовыми деньгами мужа.

Мери.

Я такъ всегда думала.

Липецкій.

Несомнѣнно; я также такъ думалъ. Но поймите: между такимъ состояніемъ и моимъ — нѣтъ ничего общаго; мое досталось мнѣ совершенно случайно; я лично ничего къ нему не прибавилъ; не ставьте же его мнѣ въ вину, не дѣлайте его препятствіемъ... Это было бы несправедливо, и гордость ваша перешла бы здѣсь границы!.. Она превратилась бы въ недоброе чувство... Ваше сердце не можетъ принять въ немъ участія...

Мери (*глядя ему въ глаза*).

Вы въ этомъ увѣрены?

Липецкій.

Убѣжденъ!

Мери (*медленно протягиваетъ ему руку*).

Вотъ вамъ моя рука...

Липецкій (*восторженно*).

Какое счастье! Какое счастье!! (*Хочетъ взять ея руку, но въ эту минуту показывается графиня, и онъ отступаетъ шагъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Мери, Липецкій, Графиня.

Графиня (*холодно кивая Липецкому*).

Здравствуйте, господинъ Липецкій... Вы вѣрно ждете здѣсь кого-нибудь?..

Липецкій.

Нѣтъ, графиня, я вошелъ сюда съ вашимъ племянникомъ Владиміромъ... Онъ только что...

Графиня (*перебивая*).

А!.. (*Липецкій кланяется и уходитъ на половину Кирсанова.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Графиня, Мери.

Графиня.

Что это у тебя за à parte?.. Ужъ не назначаешь ли ему здѣсь свиданія?..

Мери (*вспыхнувъ*).

Я, тетушка, свиданій никому не назначаю!.. Вамъ господинъ Липецкій сейчасъ объяснялъ, какъ онъ вошелъ сюда...

Графиня.

Все равно; я застала васъ здѣсь вдвоемъ и нахожу это неприличнымъ!..

Мери.

Не знаю, въ чемъ...

Графиня.

Ты не знаешь, но я знаю! Липецкій можетъ приходить сколько ему угодно къ твоему брату,—здѣсь ему рѣшительно нечего дѣлать! Большое мнѣніе о себѣ, неумѣстная какая-то важность... ни на чемъ все это не основано... Ничтожество какое-то...

Мери.

Онъ магистръ правъ...

Графиня.

Еще что?.. Скажите, какой важный постъ!

Мери.

Лучшій постъ тотъ, когда человѣка всѣ уважаютъ и любятъ.

Графиня (*строго*).

Что? Это что за отвѣтъ! Ты забываешься.

Мери.

Нисколько; я только сказала свое мнѣніе. Позвольте мнѣ уйти.

Графиня.

Останься. Съ нѣкоторыхъ поръ я замѣчаю, у тебя какая-то рѣзкость... Не отъ этого ли господина ты ее заимствуешь?.. Пора бы, кажется, помнить, что ты племянница графовъ Павлиновыхъ.

Мери.

Очень хорошо помню; но у насъ есть также свое имя: я и братъ дорожимъ имъ не меньше... У всякаго своя гордость...

Графиня.

Лишнее, матушка, когда нѣтъ состоянія...

Мери.

Бѣдность презрительна безъ гордости; она помогаетъ переносить бѣдность съ достоинствомъ! Бѣдность меня и брата не пугаетъ; ее во всякомъ случаѣ легче переносить, чѣмъ упреки...

Графиня.

Прекрасно!.. (*Направляется къ двери графа и останавливается. Указывая на Мери*) Вотъ она, благодарность!.. (*Уходитъ.*)

Мери (*смотря вслѣдъ графини*).

Какая терпимость для благотворительницы—и сколько теплаго родственнаго чувства!..

Занавѣсъ.

Дѣйствіе третье.

Та же декорація.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Ѳ. А., Липецкій, Кирсановъ (*выходятъ изъ половины Кирсанова*).

Графъ Ѳ. А.

Очень радъ, Липецкій, что познакомился съ вами... Повторяю: бросьте вашу химеру! Сдѣлавшись чиновникомъ, вы прибавите только каплю воды въ Ладожское озеро. Скажу вамъ, мой милый,—вы даже опоздали! Въ Петербургѣ оставалось одно свободное мѣсто: Исаакіевская пло-

щадь, но и ту заняли садомъ. Вообще, здѣсь легче схватить двадцать насморковъ и столько же флюсовъ, чѣмъ найти мѣсто... безъ протекціи, конечно... И это очень понятно: сюда стекаются всѣ жадности не только наши, но и чужеземныя; спросите любого: всякому что-нибудь очень нужно; каждый чего-нибудь добивается, что-нибудь ищетъ... Всмотритесь: всѣ даже ходятъ съ открытыми ртами,—стараясь зацѣпить что-нибудь зубами... У васъ нѣтъ этой жадности; у васъ, наконецъ, не тотъ темпераментъ, который требуется; вы то же, что̀ вашъ покойный отецъ: такой же прямой, живой и упорный... Кстати, вы удѣлили бы сколько-нибудь вашей живости моему племяннику и вашему другу Володѣ; его точно вываривали въ молокѣ съ шалфеемъ...

Липецкій.

Если бъ было въ моей власти, я скорѣе убавилъ бы ему скромности...

Графъ Ѳ. А.

Отлично! Въ наше время скромность дѣйствительно выводится изъ употребленія; она хуже робости; надъ робкими только смѣются,—скромныхъ презираютъ!

Кирсановъ.

Не понимаю, изъ чего вы хлопочете; я вовсе и не робокъ, и не скроменъ. (*Графу Ѳ. А.*) Я тебѣ говорилъ: мнѣ просто скучно.

Графъ Ѳ. А.

Начни писать оперу;—отличное средство противъ скуки: теперь всѣ такъ: какъ только подступитъ тоска,—садятся сочинять оперу; скука мгновенно избавляетъ человѣка и сообщается другимъ... Но все это вздоръ; перейдемъ къ дѣлу. Я еще не могу повѣрить: вы говорили: готовится юбилей?.. У насъ дѣйствительно въ этомъ существенный недостатокъ...

Кирсановъ.

Срамъ просто! Подточинъ самъ и черезъ своихъ помощниковъ вездѣ собираетъ подписку на юбилей дяди.

Графъ Ѳ. А.

Онъ, очевидно, опоздалъ! Давно бы пора! Благотворительная дѣятельность брата длится уже три года...

Липецкій.

Исторія съ печатаніемъ портрета графа, по-моему, еще хуже. Тутъ уже покоя никому не даютъ. Купцамъ просто-напросто говорятъ: подписывайся!.. (*Входитъ Мери.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ Ѳ. А., Кирсановъ, Липецкій, Мери.

Графъ Ѳ. А.

А, вотъ и Мери... *(Ей)* Мы бесѣдуемъ о нашихъ открытіяхъ; не узнала ли ты чего-нибудь новаго?

Мери (*цѣлуясь съ дядей и братомъ и здороваясь съ Липецкимъ*).

Узнала, дядя; представьте: Подточинъ выдумалъ поднести тетушкѣ, отъ имени сиротскаго пріюта, серебряную группу; госпожа Сандаурова видѣла рисунокъ и мнѣ разсказала: въ серединѣ фигура милосердія, вокругъ группы дѣтей, всѣ на колѣняхъ и поддерживаютъ свитокъ съ надписью: „Ты намъ какъ мать и какъ отецъ, — прими отъ преданныхъ сердецъ!“

Графъ Ѳ. А.

Ого! Подточинъ, какъ видно, еще и поэтъ!

Мери.

Хорошъ поэтъ! Заставляетъ всѣхъ подписывать деньги на эту группу. Госпожа Сандаурова разсказываетъ, какой-то купецъ (ему что-то обѣщалъ Подточинъ),—подписалъ пятьсотъ рублей...

Графъ Ѳ. А.

Ну, друзья мои, въ эту недѣлю, какъ я здѣсь, — мы славно поработали! обыкновенно, когда у насъ три человѣка сойдутся вмѣстѣ,—они сейчасъ же раздѣлятся на двѣ партіи, и одинъ изъ нихъ будетъ непремѣнно принадлежать обѣимъ партіямъ! Мы дѣйствовали единодушно,—и въ этомъ случаѣ представляемъ трогательное явленіе...

Мери.

Ты, дядя, больше всѣхъ насъ сдѣлалъ; ты сдѣлалъ просто чудо: Подточинъ отъ тебя въ восхищеньи! Не только онъ, но даже его секретарь, — этотъ гадкій Ягозинъ... Я вошла къ тетушкѣ, въ то самое время, какъ оба восторженно о тебѣ говорили...

Графъ Ѳ. А.

Интереснѣе было бы послушать, что они говорятъ обо мнѣ безъ тетушки!

Мери.

Но это еще не все; я узнала, Подточинъ составляетъ какой-то проектъ для Коко...

Графъ Ѳ. А. (*Кирсанову*).

Надо переговорить съ тобой. (*Отводитъ его въ сторону.*

Мери говоритъ съ Липецкимъ.) Кстати о Коко; не знаешь ли, куда онъ дѣлся? Я второй день его не вижу; посылалъ спросить: вернулся сегодня въ шесть часовъ утра...

Кирсановъ.

Я ему не сопутствую.

Графъ Θ. А.

И хорошо дѣлаешь. Бѣдный братъ! Заботится о воспитаніи сотенъ чужихъ дѣтей, — своего одного не могъ воспитать.. Это, впрочемъ, бываетъ! *(Липецкому)* Липецкій, до свиданія! Мы идемъ здороваться къ брату. Надѣюсь, скоро увидимся! Мери, ты съ нами?..

Мери.

Иду, дядя! *(Графъ Θ. А., Кирсановъ и Мери идутъ къ графу; Липецкій уходитъ на половину Кирсанова.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Подточинъ, *за нимъ* **курьеръ.**

Подточинъ.

Ты вѣроятно не досмотрѣлъ; господинъ Ягозинъ долженъ быть здѣсь; поди справься,—нѣтъ ли его у молодого графа... *(Курьеръ уходитъ.)* Досадно, право! *(смотритъ на часы)*—все есть у молодого человѣка: ловокъ, умѣетъ нравиться, дворянской фамиліи,—предубѣжденье, конечно, но все-таки имѣетъ свое дѣйствіе! — Словомъ, все есть, чтобы сдѣлать карьеру; одного недостаетъ: нѣтъ выдержки! Ужъ если намѣтилъ себѣ точку, такъ и иди къ ней; у него этого нѣтъ, — нѣтъ настойчивости! До сихъ поръ, впрочемъ, не могу жаловаться: былъ благодаренъ, слушался... Слушался, можетъ-быть, изъ разсчета, но въ этомъ строго винить нельзя; младенецъ сосетъ грудь и разсчитываетъ, какъ бы побольше молока... *(Входитъ Ягозинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Подточинъ, Ягозинъ.

Ягозинъ.

Вы уже здѣсь, Иванъ Иванычъ! я думалъ, приду первымъ...

Подточинъ.

Всегда слѣдуетъ приходить первымъ...

Ягозинъ.

Почему такъ?

Подточинъ (*наставительно*).

А потому, чтобы каждый и во всѣхъ случаяхъ могъ видѣть ваше усердіе. Оно еще нужнѣе теперь, послѣ того какъ пріѣхалъ братъ графа. Онъ человѣкъ... человѣкъ... прекрасный... но... но умный...

Ягозинъ.

Онъ мнѣ не нравится!

Подточинъ (*оглядываясь*).

Эхъ! сколько разъ говорено: нельзя такъ рѣшительно выражать свое мнѣніе! Никого нельзя бранить... громко конечно и особенно тѣхъ, въ комъ можешь нуждаться! Ни одна мысль не сходится съ мыслью другого; ваше мнѣніе можетъ не понравиться и какъ разъ повредитъ вамъ. Хвалить — другое дѣло; хвалите сколько угодно! Вѣрьте мнѣ, только скромностью и смиреньемъ...

Ягозинъ.

Достигаются цѣли...

Подточинъ.

Вы сказали! Съ пріѣздомъ графа вамъ надо быть осторожнѣе, если хотите придти къ желанному результату; кто же можетъ лучше помочь вамъ? Умѣйте только подойти, умѣйте понравиться... Вы ужасно самонадѣянны; мнѣ все кажется: не высоко ли вы взяли...

Ягозинъ.

Желалъ бы я знать, чѣмъ Кирсановы выше Ягозиныхъ?! У нея ничего нѣтъ,—у меня больше. Вотъ развѣ со стороны связей...

Подточинъ.

Шутку сказали: связи! Въ этомъ все дѣло! Васъ станутъ поддерживать, введутъ въ общество, — карьера готова. Но тутъ еще вопросъ: будетъ ли она согласна? Со стороны графа и графини, я уже нѣсколько подготовилъ... Но повторяю: имѣете ли поводъ думать о ея согласіи? Теперь замужъ силой не выдаютъ! Вы знаете, она горда, своенравна... къ тому же до меня дошли слухи: тутъ часто вертится этотъ Липецкій...

Ягозинъ.

Мнѣ даже говорили: онъ провожаетъ ее рано утромъ, когда она навѣщаетъ бѣдныхъ; онъ ее компрометируетъ...

Подточинъ.

Да отчасти...

Ягозинъ *(долгимъ испытующимъ взглядомъ посматривая на Подточина).*

Ну, а если бъ она... Если бъ... Она въ самомъ дѣлѣ была компрометирована?..

Подточинъ *(обмѣниваясь съ Ягозинымъ такимъ же взглядомъ).*

...Ну это... это ужъ ваше дѣло... *(Лакей, выходя изъ парадной двери.)*

Лакей.

Господинъ Ягозинъ, васъ молодой графъ къ себѣ проситъ...

Ягозинъ.

Скажите: сію минуту. *(Лакей уходитъ. Подточину)* Право, не знаю, что̀ дѣлать съ этимъ идіотомъ; совсѣмъ размягчился...

Подточинъ.

Опять!.. Нельзя ли придержать языкъ; онъ вашъ пріятель...

Ягозинъ.

Это не мѣшаетъ ему быть идіотомъ... Сейчасъ вернусь, Иванъ Иванычъ;—я сегодня дежурный. *(Уходитъ.)*

Подточинъ *(провожая его глазами).*

Молодъ, но уменъ; будь только поосторожнѣе, — далеко бы пошелъ! *(Входитъ графъ Θ. А.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Подточинъ, Графъ Θ. А.

Графъ Θ. А.

А! господинъ Подточинъ! Не ожидалъ такой ранней встрѣчи.

Подточинъ.

Съ моей стороны, ваше сіятельство, я... повѣрьте...

Графъ Θ. А.

Съ меня довольно было прожить здѣсь недѣлю, чтобы оцѣнить вашу дѣятельность... Уже одна мысль о всеобщемъ, всестороннемъ распространеніи благотворительности...

Подточинъ *(почтительно).*

Мысль принадлежитъ его сіятельству, братцу вашему; я только ее обработалъ! Пока еще это только проектъ; онъ долженъ будетъ обсуждаться въ комитетахъ и засѣданіяхъ...

Графъ Θ. А.

Не говорите мнѣ, пожалуйста, о комитетахъ и засѣданіяхъ; я самъ служилъ когда-то и знаю имъ цѣну: нѣсколько человѣкъ, которые лично заинтересованы, нѣсколько человѣкъ, которые притворяются, что интересуются дѣломъ,—остальные скучаютъ до зубной боли. Все дѣлаетъ обыкновенно одинъ человѣкъ, и успѣхъ всякаго дѣла есть результатъ его личнаго усилія. Я очень хорошо знаю: вы одни все сдѣлали...

Подточинъ.

Я столько обязанъ графу и графинѣ...

Графъ Θ. А.

Полноте, г. Подточинъ! Всѣмъ извѣстна ваша скромность! Я нахожу, что братъ и сестра вамъ многимъ обязаны и оба, по своему положенію, могли бы сдѣлать для васъ несравненно больше... (*Подточинъ разводитъ руками и грустно улыбается.*) Вы молчите, — я васъ понимаю... Мы вообще равнодушны и холодны къ заслугамъ, настолько же, насколько горячи и рѣшительны въ приговорахъ и осужденіяхъ! Примѣръ у васъ передъ глазами! На второй день моего пріѣзда братъ показываетъ мнѣ проектъ для зданія будущаго учрежденія о всеобщемъ распространеніи благотворительности; не разобравъ еще дѣла, я сейчасъ же, по первому пункту, вступилъ въ горячій споръ, напалъ на него и на васъ...

Подточинъ.

На меня?! За что же? Чѣмъ я заслужилъ...

Графъ Θ. А.

Да, напалъ,—и какъ еще! Но обсудилъ—и вижу: дѣйствительно, вы правы: главное помѣщеніе въ зданіи несомнѣнно должно быть отведено директору. Это кажется страннымъ только съ перваго взгляда; но надо вникнуть: что̀ главное въ каждомъ общественномъ учрежденіи? — Порядокъ! — На комъ отвѣтственность за порядокъ? Кто за него отвѣчаетъ? — Директоръ! — За нимъ служащіе, — слѣдовательно канцелярія... (*Входитъ лакей.*)

Лакей.

Иванъ Иванычъ,—его сіятельство васъ проситъ.

Подточинъ (*Графу Θ. А.*).

Извините, ваше сіятельство...

Графъ Θ. А.

Прошу васъ; служба прежде всего. (*Подточинъ кланяется и уходитъ; въ эту самую минуту изъ полови-*

ны Кирсанова показывается Ягозинъ.) А, господинъ Ягозинъ!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ Θ. А., Ягозинъ.

Ягозинъ (*низко кланяясь*).

Ваше сіятельство...

Графъ Θ. А.

Вы, кажется, отъ племянника? Что онъ подѣлываетъ?

Ягозинъ.

Сейчасъ только-что вышелъ отъ него Альфредъ.

Графъ Θ. А.

Альфредъ? Кто это?

Ягозинъ.

Его куаферъ.

Графъ Θ. А.

Коко парикъ себѣ заказываетъ?

Ягозинъ.

Нѣтъ, Альфредъ приходитъ его причесывать.

Графъ Θ. А.

Причесывать! Помилуйте, у Коко едва ли восемнадцать волосъ на всей головѣ!

Ягозинъ.

Альфредъ является больше по привычкѣ... Для того больше, чтобы разсказывать забавные анекдоты... Впрочемъ, теперь у Николая Борисовича мадамъ Биби...

Графъ Θ. А.

Это что еще?

Ягозинъ.

Старая француженка; она приходитъ по утрамъ обтачивать ему ногти на рукахъ... Также, впрочемъ, больше для разсказовъ... Такъ многіе теперь дѣлаютъ,—кому, конечно, средства позволяютъ; тѣмъ, у кого ихъ нѣтъ, приходится трудиться, бороться за существованіе...

Графъ Θ. А.

Скажите лучше: бороться за наслажденія...

Ягозинъ.

Прежде чѣмъ наслаждаться, ваше сіятельство, надо упрочить свое положеніе; главное: найти для этого способъ; не всѣмъ дано счастье, какъ напримѣръ, Ивану Ивановичу...

Графъ Θ. А.

Прежде всего, думаю, надо имѣть умъ! Извѣстную также долю ловкости, хитрости, пронырливости.

Ягозинъ (*оживленно*).

О! въ этомъ отношеніи Иванъ Иванычъ!.. (*Внезапно останавливаясь.*) Простите, у меня невольно сорвалось съ языка... Я хотѣлъ сказать: Иванъ Иванычъ пошелъ бы еще дальше, если бъ, при его умѣ, у него было бы больше... какъ бы выразиться... больше такту... Получивъ образованіе въ семинаріи...

Графъ Ѳ. А.

Въ семинаріи?.. Я не зналъ этого...

Ягозинъ.

Какъ же, помилуйте!.. Я отлично знаю, какъ онъ началъ, гдѣ служилъ, какъ потомъ занялся благотворительностью...

Графъ Ѳ. А.

Скажите, пожалуйста! Я до сихъ поръ думалъ, вы воспитывались съ нимъ въ одной школѣ,—въ разное время, конечно, — онъ на пятнадцать лѣтъ старше васъ; я думалъ даже вы нѣсколько сродни...

Ягозинъ.

Я? Помилуйте, ваше сіятельство! Наша фамилія довольно извѣстна...

Графъ Ѳ. А.

Да, я знаю;—Ягозиныхъ много...

Ягозинъ.

Мы, собственно калужскіе; есть другіе Ягозины, — тѣ костромскіе... Есть еще Ягозины... тѣ ужъ не знаю откуда... Между мною и г. Подточинымъ общаго только служба. Не могу скрыть: я ему нѣкоторымъ образомъ обязанъ; онъ представилъ меня графу... Онъ вообще прекрасный человѣкъ, хотя... хотя въ принципѣ я ему не сочувствую. Онъ это хорошо знаетъ... Съ нѣкоторыхъ поръ замѣтно отъ меня сторонится.

Графъ Ѳ. А.

Завидуетъ, вѣроятно, вашимъ способностямъ...

Ягозинъ.

Кто его знаетъ! Человѣкъ скрытный и самолюбивый... Съ этой стороны я былъ всегда съ нимъ остороженъ: всегда во всемъ отдавалъ ему преимущество; на службѣ всегда такъ: какъ только начальнику покажется, что подчиненный способнѣе его,—ищи себѣ занятій въ другомъ мѣстѣ... (*Два курьера вносятъ столикъ, на которомъ закрыта группа.*)

Курьеръ (*Ягозину*).

Отъ художника Бабкова... Куда прикажете?

Ягозинъ.

Ставьте сюда... (*Указывая налѣво отъ парадной двери; курьеры уходятъ.*)

Графъ Ѳ. А.

Я забылъ; у васъ сегодня пріемный день... Прощайте! (*Уходитъ.*)

Ягозинъ (*провожая его съ поклонами*).

Имѣю честь, ваше сіятельство... (*Въ парадныхъ дверяхъ сталкивается съ Бабковымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ягозинъ, Бабковъ.

Бабковъ (*развязно*).

Какъ здоровеньки, батенька? Давно не видались! Хороши вы, однакожъ! Былъ три раза въ вашей канцеляріи и никого не засталъ...

Ягозинъ.

Напрасно жалуетесь... Теперь у насъ очень хорошо...

Бабковъ.

Ну ужъ хорошо; нечего сказать!

Ягозинъ.

Вы бы лѣтомъ пришли...

Бабковъ.

А что?

Ягозинъ.

Тогда рѣшительно никого не бываетъ!.. Вы явились показать графу вашу работу?

Бабковъ.

Да, батенька; поддержите...

Ягозинъ.

Ну, конечно... А я забылъ васъ поздравить! Вы получили, говорятъ, отличное мѣсто: тысячу пятьсотъ жалованья и квартиру... Вѣроятно приметесь теперь за работу, удивите насъ какой-нибудь статуей...

Бабковъ.

Чего-съ? Ну, нѣтъ, батенька, благодарю покорно! Теперь могу, кажется, ничего не дѣлать!.. (*Въ парадной двери показывается купецъ Севрюгинъ; Ягозинъ бѣжитъ ему навстрѣчу и выводитъ его на авансцену; Бабковъ отходитъ къ столу, на которомъ его группа.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ягозинъ, Севрюгинъ, Бабковъ (*у стола*).

Ягозинъ.

Вы зачѣмъ?

Севрюгинъ.

Хочу графу жаловаться...

Ягозинъ.

На меня?

Севрюгинъ.

А то на кого же?

Ягозинъ (*оглядываясь на всѣ стороны*).

Полноте; что вы?.. я вамъ сказалъ: къ новому году все отдамъ! все до послѣдней копейки!..

Севрюгинъ.

Второй годъ такъ водите; когда ни приду, — все нѣтъ, да нѣтъ! За вами не угоняешься... Очень ужъ надоѣло!.. Пожалуюсь, — авось отдадите... (*Въ дверяхъ показывается депутація изъ шести лицъ; Ягозинъ постепенно идетъ къ нимъ навстрѣчу. Севрюгинъ отходитъ къ двери, ведущей въ буфетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Члены депутаціи, Ягозинъ, Севрюгинъ, Бабковъ (*у стола*), **дама въ траурѣ.**

Ягозинъ (*депутаціи*).

Сюда, господа, сюда... (*Ставитъ вошедшихъ лицъ по сосѣдству съ Севрюгинымъ.*) Сюда пожалуйте... Какъ прикажете записать?..

1-й депутатъ.

Депутація изъ Москвы...

Ягозинъ (*записывая*).

Сію минуту доложу... (*Уходитъ къ графу. Изъ парадной двери выходитъ дама въ траурѣ, съ просьбой въ рукѣ. Она робко подаетъ просьбу Бабкову.*)

Бабковъ.

Ошибаетесь, сударыня; не ко мнѣ.

Дама въ траурѣ.

Ахъ, извините...

Бабковъ.

Ничего, помилуйте... Это бываетъ! (*Дама отходитъ къ депутаціи. Дверь изъ кабинета графа раскрывается; изъ*

нея выходятъ: графъ, Подточинъ и Ягозинъ. Присутствующіе выпрямляются и кланяются.)

ЯВЛЕНІЕ X.

Присутствующіе, Графъ, Подточинъ.

Графъ.

Здравствуйте, господа!..

Ягозинъ (*заходя съ праваго бока графа, указываетъ ему глазами на Севрюгина и вполголоса*).

Тотъ самый купецъ, ваше сіятельство, о которомъ я сейчасъ вамъ докладывалъ... Очень робокъ, не смѣетъ просить васъ...

Графъ (*Ягозину*).

Напрасно; такихъ людей я уважаю; всегда радъ... (*Подходитъ къ Севрюгину, который низко кланяется.*) Благодарю, мой милый... я всегда радъ... Принимаю съ удовольствіемъ вашу хлѣбъ-соль и въ среду непремѣнно буду у васъ... (*Севрюгинъ, озадаченный, хочетъ что-то сказать, но графъ отходитъ къ депутаціи. Ягозинъ, проходя мимо Севрюгина, говоритъ ему быстро и вполголоса.*)

Ягозинъ.

Что взяли... Въ другой разъ завтракомъ въ пріютѣ не отдѣлаетесь... закачу вамъ обѣдъ въ тысячу! (*Быстро идетъ за графомъ. Севрюгинъ, пораженный, скрывается за депутаціей и прокрадывается въ парадную дверь.*)

Графъ (*къ депутатамъ*).

Изъ Москвы?..

1-й депутатъ.

Такъ точно, ваше сіятельство... Имѣемъ честь представиться... Депутація отъ общества призрѣнія сиротъ... Сиротъ китолововъ, погибшихъ на Мурманскомъ берегу... Просимъ, ваше сіятельство, сдѣлать честь обществу, принять его подъ ваше покровительство...

2-й депутатъ (*шопотомъ за спиною 1-го депутата*).

И предсѣдательство...

1-й депутатъ (*спохватившись*).

И предсѣдательство...

Графъ.

Очень радъ, господа! Прекрасная мысль! Всегда сочув-

ствую всякому доброму, полезному дѣлу... Давно общество основано?

1-й депутатъ.

Основывается только, ваше сіятельство.

Графъ.

Прекрасно. Я только не понимаю, почему именно въ Москвѣ? Не удобнѣе было бы гдѣ-нибудь подлѣ моря... напримѣръ, въ Архангельскѣ...

1-й депутатъ.

Въ Москвѣ, ваше сіятельство, предполагается только устройство центральной администраціи. Оттуда уже...

Графъ.

А! Ну это другое дѣло! Поблагодарите отъ меня Общество, господа! (*Всѣ низко кланяются.*) Передайте, что я со своей стороны готовъ, всегда готовъ содѣйствовать всякому доброму и полезному дѣлу... (*1-й депутатъ подноситъ ему тетрадку.*) Что это?

1-й депутатъ.

Уставъ, ваше сіятельство.

Графъ.

Прекрасно! (*Обращаясь къ Ягозину.*) Стрекозинъ, примите... (*Депутація удаляется. Графъ подходитъ къ дамѣ въ траурѣ.*) Вамъ что угодно, сударыня?..

Дама въ траурѣ.

Я... Я... Ахъ, Боже мой!.. Я... (*заливается слезами*).

Графъ.

Успокойтесь, сударыня...

Дама въ траурѣ.

Ахъ, что со мной... Я... Я... (*слезы*).

Графъ.

Прошу васъ успокоиться; я сдѣлаю все, что будетъ возможно... Стрекозинъ, возьмите у дамы просьбу и потомъ мнѣ передайте... Еще разъ прошу васъ, сударыня: успокойтесь... (*Дама закрываетъ платкомъ глаза, низко присѣдаетъ и спѣшно уходитъ. Бабковъ, во время этой сцены, выдвинулъ съ помощью курьеровъ свою группу и снялъ съ нея покрывало. Графъ, обращаясь къ нему*) Здравствуйте, мой почтеннѣйшій! Здравствуйте! Ваша работа?

Бабковъ.

Такъ точно, ваше сіятельство.

Подточинъ (*выдвигаясь изъ-за спины графа*).

Проектъ группы для поднесенія княгинѣ Можайской —

предсѣдательницѣ общества для снабженія носовыми платками сиротъ, страдающихъ насморкомъ...

Графъ (*разсматривая группу*).

Прекрасно! И мысль хороша: на якорѣ гнѣздо съ птенцами и мать, подающая имъ червячка... Очень мило!.. Мнѣ кажется только: не длиненъ ли носикъ у матери... Что вы скажете, Иванъ Иванычъ?

Подточинъ (*вертя пальцами передъ группой*).

Дѣйствительно... Какъ будто...

Бабковъ.

Если что... то можно еще исправить...

Графъ.

О, нѣтъ, зачѣмъ, мой милый... (*Ягозину, который юлитъ подлѣ группы*) Вы хотите что-то сказать?..

Ягозинъ.

Я хотѣлъ только замѣтить,—ваше сіятельство... Вотъ тутъ... какъ будто...

Бабковъ.

Что же вы находите?

Ягозинъ.

Нѣтъ... я такъ... Вотъ, развѣ здѣсь можно бы... едва примѣтно... смягчить только...

Графъ.

Оставьте, господинъ художникъ самъ знаетъ, что надо исправить...

Бабковъ.

Нѣтъ, отчего же, ваше сіятельство, пусть дѣлаютъ замѣчанія; я всегда радъ слушать правду-матку.—Извините меня... я человѣкъ простой... никакихъ этихъ свѣтскихъ закрутасъ не знаю,—простой,—вотъ какъ ломоть ржаного хлѣба,—но правду всегда люблю...

Графъ.

Я также люблю правду и правдивыхъ людей!.. Еще разъ благодарю васъ... Прекрасно, мой милый, прекрасно... До свиданья! (*Бабковъ уходитъ.*) (*Обращаясь къ Ягозину.*) Можете идти... (*Ягозинъ мнется на мѣстѣ и ухмыляется*) Что вы, мой милый?

Ягозинъ.

Я потому, ваше сіятельство... Вамъ угодно было два раза назвать меня Стрекозинымъ...

Графъ.

Какъ такъ?

Ягозинъ.

Моя фамилія: Ягозѝнъ!

Графъ.

Извините, пожалуйста... Это я въ разсѣянности... Отчего же вы меня тогда не остановили?

Ягозинъ.

Въ данный моментъ не смѣлъ противурѣчить вашему сіятельству...

Графъ.

Ну, извините... Извините, пожалуйста!.. *(Ягозинъ кланяется и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Графъ, Подточинъ.

Графъ *(провожая глазами Ягозина и обращаясь къ Подточину).*

Наивный молодой человѣкъ!..

Подточинъ.

И нравственности прекрасной, ваше сіятельство...

Графъ *(задумчиво).*

Да, нравственность! нравственность! Охо-хо!.. Кстати, скажите, Иванъ Иванычъ, вы обѣщали что-то придумать для сына... *(Входитъ графиня.)* А, вотъ и сестра!..

ЯВЛЕНІЕ XII.

Графъ, Подточинъ, Графиня.

Графиня *(она въ шляпкѣ и въ мантильѣ).*

Ты не забылъ, надѣюсь, въ шесть часовъ мы ѣдемъ въ Царское-Село; я шла предупредить тебя...

Графъ.

Знаю, знаю... Но теперь еще и пяти нѣтъ. Иванъ Иванычъ только что собирался сообщить насчетъ Коко. Онъ что-то придумалъ.

Графиня.

Иванъ Иванычъ всегда съ хорошими вѣстями. *(Подточинъ низко кланяется.)* Сядемъ, однакожъ...

Графъ.

Сядемте;—дѣло серьезное, надо сѣсть. *(Всѣ садятся.)* Признаюсь, всякій разъ, когда касается сына, мною невольно овладѣваетъ безпокойство...

Графиня.

Ты самъ сказалъ: пора принять мѣры, энергическія мѣры, и дѣйствительно пора! Съ его именемъ, состояньемъ, заботами о немъ, съ его протекціей,—ничего изъ него не вышло! Учиться нигдѣ не хотѣлъ, служить также... У него въ головѣ только пустяки да кокотки...

Графъ.

Да... да! Не далѣе какъ вчера, мнѣ говорятъ: онъ занемогъ; отправляюсь къ нему, подхожу къ постели,—думаю: спитъ. Осторожно нагибаюсь, цѣлую—и что жъ? Поцѣловалъ подушки! Онъ искусно положилъ ихъ вмѣсто себя, а самъ,—какъ я узналъ,—сутки домой не возвращался...

Графиня *(строго)*.

Assez, mon frère!..

Подточинъ.

Молодъ еще, ваше сіятельство,—молодъ! Въ этомъ вся причина,—смѣю васъ увѣрить! Молодому человѣку всего важнѣе занятіе, которое было бы ему сочувственно...

Графъ.

Мы все испробовали... и все-таки...

Графиня *(перебивая)*.

Дай же сказать Ивану Иванычу.

Подточинъ *(продолжая)*.

Такое именно занятіе нашелъ я для молодого графа...

Графъ.

Весьма интересно... Я самъ прежде думалъ...

Графиня *(досадливо)*.

Ты все перебиваешь; дай же сказать! Говорите, Иванъ Иванычъ.

Подточинъ *(графу)*.

Изволите ли видѣть: зная, какъ дороги для васъ интересы отечества, я старался соединить ихъ съ интересами молодого графа. Изволите ли видѣть, ваше сіятельство: съ тѣхъ поръ, какъ Кавказъ сталъ нашимъ, тамъ постоянно открываются неисчислимыя богатства; въ числѣ таковыхъ обращаютъ на себя вниманіе обширные лѣса пробковаго дерева. Они тѣмъ болѣе драгоцѣнны въ странѣ винодѣлія, что главное препятствіе для вывоза кавказскаго вина *(графъ прикладываетъ лѣвую ладонь къ уху въ видѣ трубы)* заключается въ недостаткѣ пробки; отрасль пробочнаго производства совершенно неизвѣстна на Кавказѣ; приходится выписывать изъ-за границы... Крайне полезно было бы, для начала, командировать довѣренное

лицо, сначала на югъ Франціи, спеціально съ цѣлью изученія на мѣстѣ производства пробки... Затѣмъ командировать такое лицо на Кавказъ, собственно уже для водворенія тамъ столь полезной отрасли...

Графъ *(удивленно).*

И вы думаете послать сына?

Подточинъ.

Почему же нѣтъ, ваше сіятельство?..

Графиня.

Удалить его на время было бы недурно; но одного отпустить,—особенно за границу,—невозможно...

Подточинъ.

Можно найти такое лицо, ваше сіятельство...

Графъ.

И вы полагаете, онъ будетъ способенъ, принесетъ пользу?..

Подточинъ.

Несомнѣнно, ваше сіятельство! Молодому графу будутъ даны всевозможныя инструкціи и указанія... Наконецъ, дѣло не въ этомъ... Я убѣжденъ: поѣздка крайне будетъ полезна молодому графу: теплый, благорастворенный климатъ, перемѣна воздуха...

Графиня.

Мысль не дурна. *(брату)* что ты на это скажешь?

Графъ *(разсѣянно).*

По-моему тоже... Дѣйствительно, куда у насъ ни посмотришь,—вездѣ непочатой край богатства! Тотъ грекъ... какъ-бишь его?.. забылъ его имя!—правду сказалъ: стоитъ у насъ плюнуть на землю — сейчасъ вырастетъ пальма!.. Мнѣ приходитъ, однакожъ, на мысль: не повредитъ ли такое назначеніе,—если оно состоится,—не повредитъ ли оно другому кому-нибудь... Другой, можетъ-быть, былъ бы полезнѣе сына.

Подточинъ *(находчиво).*

Другого можно будетъ тогда послать на Кавказъ, уже, такъ сказать, для водворенія производства на мѣстѣ!..

Графъ.

Спасибо, Иванъ Иванычъ, спасибо! Мы объ этомъ еще поговоримъ... Я все еще подъ впечатлѣніемъ этихъ нашихъ природныхъ богатствъ... Вы говорите, лѣса эти обширны?..

Графиня *(смотря на часы).*

Assez, mon frère... Пора ѣхать... *(Вставая.)* Прощайте, Иванъ Иванычъ...

Графъ *(вставая).*

Прощайте!.. Надѣюсь, до завтра... *(Уходитъ съ графиней на парадную лѣстницу. Подточинъ, проводивъ ихъ до двери, возвращается назадъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Подточинъ *(одинъ).*

Предложеніе, очевидно, понравилось!.. Что жъ, надо потѣшить! Они для меня старались,—я также, кажется... Положимъ, для себя собственно... Но не все ли равно: выходило какъ бы для нихъ, и они были довольны! Конечно, ихъ удивитъ, когда узнаютъ, что я, секретно отъ нихъ, выхлопоталъ себѣ назначеніе изъ другого вѣдомства; удивитъ также, что я вдругъ ихъ оставлю... Но позвольте: возможно ли предупреждать въ данномъ случаѣ? Всякій себя бережетъ. На нихъ нельзя положиться: люди балованные, непостоянные... Теперь у нихъ благотворительность, тамъ опять что-нибудь... *(Пауза.)* Главная причина: пріѣзжій этотъ графъ. Безъ него я, можетъ быть, еще бы повременилъ; при немъ,—нечего и думать! Хорошо еще, я догадался... *(Пауза.)* До поры до времени слѣдуетъ только выждать, не показывать виду. Займусь, какъ ни въ чемъ не бывало, сегодняшнимъ предложеніемъ; поручу достать книжки о пробочномъ производствѣ, дамъ ихъ перевести на русскій языкъ... Графчикъ, разумѣется, читать не станетъ... Другіе, тоже, я думаю, не заглянутъ; но это и не требуется! Была бы въ рукахъ записка составлена,—и докладъ написанъ!.. Докладъ главное! Не первый разъ такъ дѣло дѣлается!!..

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

(Та же декорація).

Съ правой стороны отъ зрителя — длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; на немъ разложены вокругъ листы бумаги; въ серединѣ чернильница и колокольчикъ. Столъ со всѣхъ сторонъ окруженъ стульями.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подточинъ и **Ягозинъ** *(выходятъ изъ парадной двери. За ними курьеръ; послѣдній останавливается въ дверяхъ).*

Подточинъ *(курьеру).*

Доложи обо мнѣ графу. *(Курьеръ уходитъ въ кабинетъ*

графа.) (Обращаясь къ Ягозину) Вы думаете, братъ графа принялъ должность предсѣдателя ревизіонной комиссіи единственно съ тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ отказаться отъ сегодняшняго засѣданія?..

Ягозинъ.

Да, конечно... Зная, что вы предсѣдательствуете—онъ, изъ гордости, не захотѣлъ въ немъ участвовать... Онъ, вообще, вдругъ какъ-то перемѣнился...

Подточинъ *(озабоченно).*

Да, да, — перемѣнился... Совѣтую быть осторожнѣе... *(Курьеръ выходитъ отъ графа.)*

Курьеръ.

Васъ графъ проситъ. *(Подточинъ уходитъ къ графу; курьеръ уходитъ въ парадную дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Ягозинъ *(одинъ).*

Вчера, напримѣръ, я вспылилъ и толкнулъ курьера; онъ вошелъ, увидѣлъ и говоритъ: „Вы, говоритъ, преждевременно дерзки; подождали бы, когда васъ произведутъ въ генералы!“ Я смолчалъ, но подумалъ: лучше извинюсь, и говорю: погорячился, ваше сіятельство, — мы всѣ, Ягозины, — наша калужская отрасль, — всѣ вспыльчивы; это одинъ изъ нашихъ существенныхъ недостатковъ! Боялся повредить себѣ, конечно, только ради его племянницы... Придетъ время, думаю, онъ меня поддержитъ... Во всемъ этомъ меня, главнымъ образомъ, одно безпокоитъ: какъ сладить съ Шилохвостовой;—узнаетъ,—все погибло!.. *(досадливо)* Надо же было затѣвать этотъ глупый романъ! Тогда, впрочемъ, трудно было сдѣлать иначе: въ то время, какъ Иванъ Иванычъ хлопоталъ съ одной стороны, она суетилась съ другой, и надо сказать: я ей нѣкоторымъ образомъ обязанъ... Вотъ теперь и расхлебывай! Какой-то писатель правду сказалъ: горе, когда любишь женщину и она тебя не любитъ, но во сто разъ хуже, когда не любишь женщину, а она тебя обожаетъ!! Батюшки, вотъ и она... Легка на поминѣ... *(Идетъ къ ней навстрѣчу.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

Ягозинъ и Шилохвостова.

Шилохвостова *(оглядываясь и быстро подходя къ Ягозину).*

Анатоль... вы одни... Наконецъ-то!

Ягозинъ.

Здравствуйте, Анна Семеновна...

Шилохвостова.

Что, здравствуйте! Наконецъ-то можно съ вами объясниться! Что это значитъ: вы теперь по цѣлымъ днямъ глазъ не кажете? Вчера обѣщали, я васъ ждала, вы не пришли... Что вы хотите этимъ сказать? Вы играете чувствами женщины, которая всѣмъ для васъ пожертвовала...

Ягозинъ.

Умоляю васъ: успокойтесь...

Шилохвостова.

Теперь, успокойтесь! Вы не говорили этого, когда,—помните!—въ бесѣдкѣ, убѣждали меня... Я... я тогда была чиста, какъ младенецъ...

Ягозинъ.

У васъ уже было двое дѣтей...

Шилохвостова.

Да, но я говорю о своемъ сердцѣ; я никого не любила; вы очень хорошо знаете, я вышла замужъ по недоразумѣнію; я хотѣла выйти не иначе, какъ за военнаго; родители увѣрили меня, что мой женихъ не чиновникъ, а сановникъ, и я рѣшилась... Вы забыли ваши клятвы, забыли все, что тогда обѣщали...

Ягозинъ.

Зачѣмъ вы все это говорите... Я самъ въ отчаяніи... Клянусь, минуты не было свободной... Зачѣмъ же принимать такъ къ сердцу...

Шилохвостова.

У васъ нѣтъ его,—вамъ легко говорить... Но поймите наконецъ,—*(съ увлеченіемъ)* пойми, что я должна чувствовать! *(Оглядывается, припадаетъ неожиданно головой къ плечу Ягозина и произноситъ томнымъ голосомъ)*: Анатолій, скажи мнѣ, за что ты ко мнѣ охладѣлъ?..

Ягозинъ *(испуганно оглядываясь на всѣ стороны).*

Что вы дѣлаете... Ради Бога... Насъ могутъ увидѣть... Вы меня губите!..

Шилохвостова *(отскакивая и неожиданно перемѣняя тонъ).*

Я васъ люблю... Васъ! О! ни слова больше,—этимъ все сказано!—Весь чудовищный эгоизмъ мужчины!!.. Но знайте, я женщина рѣшительная,—я на все пойду...

Ягозинъ *(испуганный).*

Вы меня не поняли, — я не то хотѣлъ сказать... Вы очень хорошо знаете мои чувства... знаете, какъ я вамъ преданъ...

Шилохвостова *(смягчаясь и подходя къ нему).*

И любишь?..

Ягозинъ.

Конечно... Еще бы...

Шилохвостова *(съ нѣжностью).*

О, милый, милый, прости мою горячность... Но такое ужъ у меня сердце!.. Ты правъ, надо быть осторожнѣй... Я тебя еще увижу сегодня во время засѣданія... Прощай; я только на минуту зайду къ графинѣ... Прощай! *(Уходитъ и останавливается.)* Анатоль!.. *(Ягозинъ оглядывается, она посылаетъ ему поцѣлуй и быстро исчезаетъ въ дверь къ графинѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ягозинъ *(одинъ).*

Извольте послѣ этого имѣть дѣло съ женщинами! Ищешь поддержки, находишь бушующія страсти и въ концѣ концовъ,—перспективу испортить свое положенье... *(Смотритъ на часы.)* Остается еще полчаса до засѣданія... Пойду пока покурить... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ Ѳ. А., Кирсановъ и Липецкій.

Графъ Ѳ. А.

Повѣрьте: все дѣло въ петербургской скукѣ. Тѣ, которые не служатъ и не играютъ въ карты, поневолѣ должны къ чему-нибудь прицѣпиться! Отсюда благотворительность съ ея безчисленными видами и продѣлками; отсюда борьба изъ-за самолюбія, желаніе выскочить въ люди, заставить говорить о себѣ, и т. д.—Вотъ хоть бы сегодняшнее засѣданіе... Что это еще за общество?..

Кирсановъ.

Общество для распространенія нравственныхъ правилъ между ломовыми извозчиками...

Липецкій.

Его выдумалъ Подточинъ для княгини Любичъ; ей хотѣлось дать какое-нибудь занятіе и развлечь старшую дочь, тосковавшую послѣ потери мужа...

Графъ Ѳ. А.

Черта истиннаго человѣколюбія! (*Перемѣняя тонъ, Липецкому и Кирсанову*) Но у насъ времени не много; сейчасъ начнутъ собираться; помните же: за нѣсколько минутъ до начала засѣданія, — мы исчезаемъ, спускаемся внизъ и принимаемся за ревизію кассы... (*Входитъ Волованов и прямо идетъ къ графу Ѳ. А.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ Ѳ. А., Кирсановъ, Липецкій и Волованов.

Волованов.

Наконецъ-то, графъ, имѣю удовольствіе... Захожу къ вамъ три дня сряду и никогда не могъ застать дома... (*Графъ здоровается, Волованов жметъ руки присутствующимъ.*)

Кирсановъ (*тихо Липецкому*).

Еще бы, дядя не велѣлъ его пускать...

Волованов (*продолжая*).

Впрочемъ, Петербургъ такой ужъ городъ: никогда никого не застанешь!.. Липецкій, правду я говорю?.. Кстати: тебѣ передали мою карточку? (*Липецкій киваетъ головой.*) Тебя не было вчера въ балетѣ... (*Всматривается въ панталоны Липецкаго*). Постой: немного узко въ колѣняхъ... теперь носятъ шире... Васъ, графъ, также вчера не было... Очень жаль! Ашинька Карпова, какъ нарочно, была восхитительна... Она дѣлаетъ изумительные успѣхи! Какіе пуэнты, какая элевація!.. Она въ пантоминѣ превзойдетъ Цукки... Вотъ кому слѣдуетъ давать первыя роли... Но вездѣ интриги... Моі j'аі упиралъ на это... Но ничего не подѣлаешь... Липецкій подтвердитъ это... Онъ также любитель балета...

Липецкій (*графу Ѳ. А. и Кирсанову*).

Никогда не бываю!..

(*Волованов, увидавъ вошедшаго господина N,—поспѣшно идетъ къ нему.*)

Графъ Ѳ. А. (*указывая глазами на удаляющагося Волованова*).

Этотъ также благотворитель?

Липецкій и Кирсановъ (*вмѣстѣ*).

Участвуетъ во всѣхъ обществахъ...

Графъ Ѳ. А.

Господи, сколько въ Россіи лишнихъ людей!.. (*Изъ па-*

радной двери выходятъ нѣсколько лицъ мужского пола. Графъ Θ. А., Кирсановъ, Липецкій идутъ къ нимъ навстрѣчу и здороваются. Волововановъ подхватываетъ господина N подъ руку и выводитъ на авансцену.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Господинъ N, Волововановъ, Графъ Θ. А., Кирсановъ, Липецкій и вошедшія лица *(въ глубинѣ сцены).*

Волововановъ.

Былъ у васъ, но не засталъ дома... Спѣшилъ васъ поздравить...

Господинъ N. *(желчно).*

Что это,—вы въ насмѣшку мнѣ говорите?..

Волововановъ.

Что вы? Помилуйте...

Господинъ N.

Развѣ вы не знаете?..

Волововановъ.

Ничего не знаю...

Господинъ N.

Мнѣ слѣдовало получить сюда *(показываетъ на шею)*,— и получилъ... сюда... *(указывая на обшлагъ)*. Говорятъ, по ошибкѣ... Но такія ошибки только у насъ случаются... *(Припадая къ уху Волованова и понижая голосъ)* Да-съ,— батюшка, — да-съ! вотъ отчего революціи-то происходятъ въ государствахъ! Да-съ!!. *(Отходитъ къ группѣ графа Θ. А., Кирсанова и Липецкаго, которые приближаются къ авансценѣ. Волововановъ подходитъ къ вошедшимъ лицамъ, которыя размѣщаются вокругъ стола.)*

Графъ Θ. А.

Но вѣдь теперь запрещено одному и тому же лицу занимать одновременно нѣсколько мѣстъ...

Господинъ N.

Позвольте замѣтить: казенныхъ! въ частныхъ обществахъ практикуется сплошь и рядомъ; не удастся получить награду въ призрѣніи нищихъ, сорветъ въ сиротскомъ пріютѣ.

Липецкій.

Совершенно вѣрно. Ягозинъ, мимо разныхъ благотворительныхъ учрежденій, состоитъ еще членомъ въ повомъ обществѣ страхованія отъ ушибовъ.

Кирсановъ.

Принимаетъ участіе въ совѣтѣ газоваго освѣщенія...

Господинъ N. *(озлобленно).*

Позвольте дополнить: не далѣе какъ въ началѣ года получилъ награду въ обществѣ пособія для сиротъ китолововъ въ Чуйкой губѣ.

Графъ Θ. А. *(не замѣчая подходящаго Волованова).*

Это, однакожъ, чортъ знаетъ что такое!

Волованновъ *(неожиданно приближаясь).*

Именно, чортъ знаетъ что такое! *(Обращаясь къ господину N)* О комъ говорятъ?

Господинъ N.

О Ягозинѣ.

Волованновъ.

Славный малый! Правду я говорю? какая дѣятельность!.. Директоръ общества для очищенія русла Сѣверной Двины отъ него въ восторгѣ..

Липецкій.

Развѣ Ягозинъ тамъ служитъ?

Волованновъ.

Конечно. Отличное мѣсто; онъ самъ говоритъ: 1,500 рублей жалованья и положительно нечего дѣлать... У него нѣтъ состоянья; надо же ему жить...

Графъ Θ. А.

Признаться,—не вижу въ этомъ особенной надобности!

Волованновъ.

Ха, ха, ха... Впрочемъ, я знаю Ягозина потому только, что иногда вмѣстѣ завтракаемъ...

Кирсановъ.

Завтраки скрѣпляютъ дружбу.

Липецкій.

Обѣды ее поддерживаютъ.

Графъ Θ. А.

Ужины окончательно сводятъ людей... Спаржа вообще смягчаетъ нравы... *(Входитъ княгиня Лукоянова, за нею входитъ Ягозинъ.)* Ну вотъ и княгиня!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же Княгиня Лукоянова. *(При входѣ княгини всѣ кланяются. Волованновъ бѣжитъ за стуломъ.)*

Княгиня Лукоянова.

Здравствуйте... *(Графу Θ. А.)* Здравствуйте... Засѣданіе

еще не начиналось?.. Отчего, скажите, у насъ всегда всѣ запаздываютъ?

Графъ Ѳ. А.

Оттого, вѣроятно, что у насъ дни короче, а дѣла больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ...

Княгиня Лукоянова (*Воловановy и Ягозину, которые суетливо подставляютъ ей стулья*).

Нѣтъ, благодарю, я не устала! Сегодня мнѣ счастье: сдѣлала пять визитовъ и никого не застала дома... (*Входитъ баронесса Фукъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и Баронесса.

Баронесса.

Здравствуйте! (*Всѣмъ жметъ руку*). Представьте мое несчастье: сдѣлала три визита, и, какъ нарочно, — всѣ были дома!..

Графъ Ѳ. А.

Искренность свѣтскихъ отношеній...

Княгиня Лукоянова.

У васъ нельзя безъ колкаго замѣчанія... Хорошъ, однакожъ: обѣщалъ быть въ середу и не пріѣхалъ.

Баронесса.

Мнѣ оставилъ только карточку... Надѣюсь, однакожъ, встрѣтить васъ вечеромъ у Пузыревыхъ...

Княгиня Лукоянова (*баронессѣ*).

Развѣ вы у нихъ бываете? Вы вѣдь ихъ не любите.

Баронесса.

Если видѣть только тѣхъ, кого любишь,—пришлось бы жить отшельницей... (*Выходитъ Подточинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Подточинъ.

Княгиня Лукоянова (*обращаясь къ Подточину*).

Иванъ Иванычъ. (*Подточинъ спѣшитъ къ княгинѣ, раскланиваясь на всѣ стороны присутствующимъ.*) Надо сказать вамъ нѣсколько словъ. (*Встаетъ и отходитъ съ Подточинымъ. Баронесса, увидавъ входящую Шилохвостову,—идетъ къ ней навстрѣчу. Графъ Ѳ. А., Липецкій и Кирсановъ, обмѣнявшись взглядами,—незамѣтно уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же *(кромѣ графа Θ. А., Кирсанова и Липецкаго).* **Шилохвостова.** *За нею входятъ еще нѣсколько лицъ.*

Княгиня Лукоянова *(Подточину).*

Видите: пріѣхала! Но зато, вы должны исполнить мою просьбу...

Подточинъ *(подобострастно).*

Приказывайте, княгиня... Душевно радъ...

Княгиня Лукоянова.

Душевно или нѣтъ, все равно, только сдѣлайте... Послѣ смерти моего повара—остались двѣ дѣвочки... Надо ихъ опредѣлить...

Подточинъ.

Все, что вамъ будетъ угодно... *(Отходитъ съ графиней къ столу, вокругъ котораго собралось уже много лицъ).*

Баронесса *(выходя съ Шилохвостовой на авансцену съ противоположной стороны).*

Грѣхъ, конечно, радоваться чужому горю, но не хочу скрывать: то, что вы сообщили, меня радуетъ! Графиня Павлинова держится такъ надменно, такъ неприступно!— Эта исторія съ ея племянницей убавитъ ей спеси... Жалѣю дѣвушку, но радуюсь за тетку... Но сами вы,—сами не видѣли этого?..

Шилохвостова.

Нѣтъ, но другіе видѣли... *(Таинственно)* Рано утромъ, когда весь городъ еще спитъ, въ глухомъ кварталѣ, встрѣтили ее... съ кѣмъ бы вы думали?—съ Липецкимъ...

Волововановъ *(подходя).*

Извините, что прерываю вашу милую бесѣду... Но я хотѣлъ сообщить вамъ новость...

Баронесса.

Мы только что о ней говорили... Мнѣ сейчасъ сообщила Софья Семеновна...

Шилохвостова.

Не я, нѣтъ... Я только передавала то, что слышала...

Баронесса *(Воловановову таинственно).*

Молодая дѣвушка... съ большими связями... Утромъ, на зарѣ прогуливается съ однимъ молодымъ человѣкомъ...

Волововановъ.

Позвольте... Позвольте... Дѣйствительно... Не далѣе какъ

третьяго дня, возвращаясь съ ужина, часу въ четвертомъ, я встрѣтилъ въ Морской женщину подъ вуалью... Она шла съ молодымъ человѣкомъ...

Шилохвостова.

Прибавьте: съ вашимъ знакомымъ, не Липецкимъ ли?

Волововановъ.

Можетъ-быть, но въ темнотѣ разобрать было трудно... *(У стола Подточинъ звонитъ; всѣ усаживаются. Шилохвостова, Баронесса и Волововановъ шепчутся съ другими дамами, и Волововановъ, при началѣ засѣданія, тихонько крадется и исчезаетъ въ дверь на половину Кирсанова).*

ЯВЛЕНІЕ XII.

Присутствующіе, *кромѣ Волованова.*

Подточинъ *(привставъ).*

Милостивыя государыни, милостивые государи! Имѣя въ виду, что теперь дни праздничные, каждому болѣе или менѣе пріятно отдохнуть отъ дѣлъ и потому собираться весьма трудно...

Голоса.

Да... Да... Правда!.. Весьма трудно!..

Подточинъ.

Потому самому я хотѣлъ начать съ предложенія: ускорить, насколько возможно, нынѣшнее засѣданіе...

Голоса.

Прекрасно... Превосходно!—лучше нельзя придумать!

Подточинъ.

Вамъ извѣстно, что дѣла общества, котораго мы имѣемъ честь быть членами, — хотя и находятся въ благопріятныхъ условіяхъ,—но все-таки не настолько, какъ бы это было желательно... Вы убѣдитесь въ этомъ изъ годового отчета, который сейчасъ прочтетъ нашъ сочленъ и секретарь, Анатолій Ѳедоровичъ Ягозинъ. *(Ягозинъ встаетъ съ толстой тетрадью въ рукахъ.)* Отчетъ этотъ, долженъ васъ предупредить, довольно длиненъ...

Голоса.

Не надо отчета... Мы вѣримъ! Продолжайте, пожалуйста!.. Предложеніе!..

Подточинъ *(звонитъ).*

Предложеніе заключается въ слѣдующемъ: многолѣтняя опытность приводитъ къ убѣжденію,—что лучшій способъ привлекать великодушныхъ жертвователей для благотворительныхъ цѣлей,—заключается въ томъ, чтобы самъ

жертвователь былъ чѣмъ-нибудь лично заинтересованъ. Въ настоящемъ случаѣ, крайне было бы полезно дозволить раздавать красивые золотые,—даже просто золоченые жетоны, или значки, которые можно бы, если не носить въ петлицѣ,—о чемъ можно пожалѣть!—то прицѣплять ихъ къ часовой цѣпочкѣ; на одной сторонѣ жетона — имя жертвователя, на другой — какая-нибудь аллегорія...

Господинъ N *(вставая).*

Позвольте, однакожъ... Желательно было бы обсудить...

Голоса.

Нечего обсуждать... Мысль прекрасная...

Подточинъ *(звоня).*

Позвольте докончить: я полагаю, никто не можетъ сомнѣваться въ пользѣ, которую помянутые жетоны могли бы принести обществу?

Голоса.

Конечно!.. Несомнѣнно!..

Подточинъ.

Дѣло въ томъ теперь, чтобы присутствующіе гг. члены согласились для перваго опыта выпустить хотя бы триста такихъ значковъ и израсходовать на этотъ предметъ извѣстную сумму...

Голоса.

Прекрасно! Браво! Согласны! Согласны!..

Подточинъ.

Еще одну секунду... Прошу васъ: одну только... *(Дѣлаетъ знаки Ягозину, чтобы онъ подалъ ему журналъ засѣданія.)* Предложеніе, съ которымъ вамъ угодно было согласиться, уже включено въ журналъ сегодняшняго засѣданія... Остается только подписать его... Не угодно ли... *(Подаетъ листъ княгинѣ Лукояновой.)* Не угодно ли начать, княгиня...

Княгиня Лукоянова *(подписывая).*

Я желала бы воспользоваться свободной минутой, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ, касающемся собственно моего общества...

Подточинъ *(любезничая).*

Хотя это не совсѣмъ правильно, такъ какъ мы здѣсь по дѣлу другого общества, но надѣюсь, никто не будетъ противъ... Тѣмъ болѣе, что наше дѣло почти кончено... Къ услугамъ вашимъ, княгиня... *(Нѣкоторые изъ членовъ уходятъ.)*

Княгиня Лукоянова.

Я хотѣла просить васъ — прислать на мой праздникъ въ Лѣтнемъ саду дѣтей изъ сиротскаго пріюта; они мнѣ нужны для тамболы и продажи... Прошу только самыхъ хорошенькихъ...

Подточинъ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ; надо только знать, въ какой именно день назначенъ вашъ праздникъ...

Княгиня Лукоянова.

Двадцать восьмого іюля.

Шилохвостова.

Я не понимаю, что это значитъ? Тутъ какое-то недоразумѣніе... Не ошибаетесь ли вы, княгиня!..

Княгиня Лукоянова *(сухо).*

Въ чемъ?

Шилохвостова *(бойко).*

Въ томъ, что вашъ праздникъ назначенъ двадцать восьмого числа...

Княгиня Лукоянова *(рѣзко).*

Нѣтъ, не ошибаюсь!..

Шилохвостова *(вспыльчиво).*

Позвольте,—этотъ день мой,—и также въ Лѣтнемъ саду!

Княгиня Лукоянова.

Не знаю, вашъ ли это день, но онъ мой, и я никому его не уступлю!

Шилохвостова.

У меня есть разрѣшеніе...

Княгиня Лукоянова.

У меня также!..

Шилохвостова.

Протекціей, вѣроятно...

Княгиня Лукоянова.

А вы, вѣрно, интригой!.. Вы и здѣсь,—я сейчасъ слышала,— не упустили случая... разсказать какую-то гадкую исторію... *(Быстро уходитъ къ графинѣ. Остальные безсловесные члены уходятъ; Подточинъ идетъ за княгиней и возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, *кромѣ княгини Лукояновой.*

Шилохвостова *(въ сильномъ волненіи).*

Я... Ахъ, Боже мой... Что это... Я... я.

Подточинъ *(подбѣгая къ Шилохвостовой).*

Софья Семеновна... Умоляю васъ: успокойтесь... Возьмите Таврическій садъ! Я вамъ все устрою... Соберу красивѣйшихъ сиротъ... выхлопочу даровые хоры музыки...

Шилохвостова.

Благодарю васъ! Не желаю вашего Таврическаго сада! Я вижу, здѣсь однѣ только несправедливости и мерзости!..

Ягозинъ *(въ сторону).*

Сатанинскій темпераментъ! Извольте съ ней сладить! *(Къ Ягозину подходитъ курьеръ и шепчетъ ему на ухо; Ягозинъ спѣшитъ къ Подточину и отводитъ его въ сторону.)* Иванъ Иванычъ, два слова: *(тихо)* — сейчасъ узналъ: братъ графа внизу ревизуетъ кассу...

Подточинъ *(смущенный).*

Какъ?.. Такъ вотъ онъ зачѣмъ отказался отъ засѣданія!!.. *(Быстро удаляется.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, *безъ Подточина.*

Баронесса *(Шилохвостовой).*

Софья Семеновна... Я не узнаю васъ! Вы ли это?.. Гдѣ же твердость вашего характера... Стоитъ ли этого... Оставьте эту гордячку... Пойдемте...

ЯВЛЕНІЕ XV.

Графиня, Княгиня Лукоянова, Баронесса, Шилохвостова, Ягозинъ *(у стола).*

Графиня *(баронессѣ).*

Прошу васъ на два слова... Княгиня сейчасъ передала мнѣ: вы сообщили ей какую-то исторію насчетъ моей племянницы...

Баронесса.

Весьма сожалѣю объ этомъ... Вамъ засвидѣтельствуетъ княгиня... Здѣсь многіе разсказывали... Сама я нисколько не вѣрю... *(Входятъ графъ Ѳ. А. и Кирсановъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же. Графъ Ѳ. А., Кирсановъ.

Графъ Ѳ. А. *(услышавъ послѣднія слова баронессы).*

Еще бы! Повѣришь такой нелѣпости! Сейчасъ Воловановъ нарочно прибѣжалъ сообщить намъ о томъ, что здѣсь разсказывали...

Княгиня Лукоянова.

Онъ, вѣроятно, съ добрымъ намѣреніемъ...

Графъ Ѳ. А.

Вѣроятно; но не въ этомъ дѣло! Дѣло въ изобрѣтателѣ клеветы, и мы его отыщемъ. *(Видя, что княгиня Лукоянова и баронесса собираются уйти)* Прошу васъ, погодите... Одну минуту... *(Баронессѣ)* Волововановъ говорилъ намъ: вы передали ему эту исторію; откуда вы ее слышали?

Баронесса.

Что это; допросъ?

Графъ Ѳ. А.

Нѣтъ, только просьба... Вы сами, конечно, возмущены тѣмъ, что можно безнаказанно клеветать.

Баронесса.

Еще бы... Но я нисколько этому не вѣрю... Все это ничего больше, какъ сплетни...

Графъ Ѳ. А.

Поэтому-то, мы убѣдительно просимъ васъ сказать: отъ кого услышали вы эту исторію...

Шилохвостова *(въ сторону).*

Ахъ, Боже мой... ахъ... *(Подаетъ знаки Ягозину, чтобы онъ подошелъ къ ней; Ягозинъ дѣлаетъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и постепенно крадется къ выходной двери.)*

Баронесса.

Особа, которая разсказывала мнѣ,—сама слышала... Она также ничему не вѣритъ...

Графиня, графъ Ѳ. А., Кирсановъ *(вмѣстѣ).*

Все равно... отъ нея мы узнаемъ дальше...

Баронесса.

Мнѣ разсказала это... Софья Семеновна...

Шилохвостова *(торопливо).*

Я только повторяла... повторяла... Ахъ, что со мной?. *(отыскивая глазами Ягозина и шопотомъ)* Анатолій... Ѳедоровичъ... Ахъ, Боже мой... *(Ягозинъ у двери и готовъ исчезнуть, но Липецкій внезапно загораживаетъ ему дорогу.)*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Липецкій.

Липецкій *(взволнованный. Даетъ знакъ Кирсанову, чтобы онъ не выпускалъ Ягозина).*

Извините меня, графиня, и вы, графъ... *(Графу)* Я не могъ исполнить вашей просьбы, не могъ дольше ждать...

Я все вамъ объясню. Я главный виновникъ! я далъ поводъ этимъ гадкимъ пересудамъ... Я сообщилъ племянницѣ графини, Марьѣ Михайловнѣ, о положеніи несчастной женщины съ ребенкомъ, взялся провожать ее,—это было всего разъ... Я конечно скрылъ отъ Марьи Михайловны настоящую исторію несчастной женщины,—она не была замужемъ! Обольститель бросилъ ее съ ребенкомъ безъ всякаго состраданія; ея слезы, просьбы—все было напрасно...

Ягозинъ *(въ сторону).*

Что онъ говоритъ...

Графиня, княгиня и баронесса *(вмѣстѣ).*

Вы не узнали его имени?..

Липецкій *(смущенно).*

Узналъ...

Графъ Θ. А. *(перебивая).*

Я также знаю... Онъ здѣсь,—это г. Ягозинъ!..

Шилохвостова *(растерявшись).*

Какъ?.. что?.. Анатоль!.. Мнѣ дурно!.. Дурно!.. *(Внезапно оправляясь.)* Позвольте... Когда такъ... я все скажу *(указывая на Ягозина)*, — вотъ, кто первый распустилъ сплетню про вашу племянницу!..

Княгиня Лукоянова.
Какія гадости!..

Графиня.
И въ моемъ домѣ!..

Баронесса.
Вотъ не ожидала!..

(вмѣстѣ).

(Всѣ три отходятъ. Княгиня Лукоянова и баронесса прощаются и удаляются).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, *кромѣ Княгини Лукояновой и Баронессы.*

Графъ Θ. А. *(быстро подходитъ къ Ягозину).*

Догадываюсь, что дало вамъ поводъ выдумать эту гнусную исторію; поводъ еще гнуснѣе сплетни... Извольте выйти вонъ!..

Ягозинъ *(испуганно).*

Позвольте объясниться...

Графъ Θ. А.

Вонъ!—безъ объясненій,—вонъ! говорю я вамъ!.. *(Ягозинъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, *безъ Ягозина.*

Кирсановъ.

Я такъ не оставлю и съ нимъ еще раздѣлаюсь!..

Липецкій *(въ сторону).*

Я также...

Графъ Ѳ. А. *(Кирсанову).*

Оставь, съ такими людьми не связываются; ихъ только вонъ выталкиваютъ!.. *(Шилохвостовой)* Очень сожалѣю, госпожа Шилохвостова... Но вы понимаете, послѣ того, что случилось...

Шилохвостова *(окончательно растерявшись).*

Я право не знаю, что со мною... Я такъ разстроена... Такъ... Ахъ, Боже мой... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, *кромѣ Шилохвостовой.*

Графъ Ѳ. А. *(графинѣ).*

Сестра, мнѣ необходимо переговорить съ тобой... Липецкій и Володя—оставьте насъ! Бросьте эту глупую исторію; надѣюсь, все благополучно кончится... *(Липецкій и Кирсановъ удаляются.)*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Графиня, Графъ Ѳ. А.

Графиня *(подходитъ къ графу Ѳ. А. и раздраженно).*

Вотъ вамъ результаты вашей хваленой женской эмансипаціи! Отъ утренней бѣготни на какіе-то курсы недалеко до раннихъ прогулокъ и назначенія свиданій...

Графъ Ѳ. А.

Какъ?!. Ты обвиняешь племянницу?..

Графиня.

Кого же по-твоему? Эти только болтали! Но кто далъ поводъ? Сколько ни старалась,—не могла вывести у нея мѣщанскую безтактность ея покойнаго отца! Не трудно, казалось, было понять, что живетъ въ домѣ графовъ Павлиновыхъ...

Графъ Ѳ. А.

Тщеславіе отложимъ въ сторону: оно вредитъ пищеваренію и мѣшаетъ спокойно спать; прежде всего, надо ви-

нить тѣхъ, кто принималъ у себя въ домѣ господъ Ягозиныхъ и имъ покровительствовалъ...

Графиня.

И господъ Липецкихъ, которымъ ты покровительствуешь...

Графъ Ѳ. А. (*горячо*).

Господинъ Липецкій настолько же благородный и честный человѣкъ,—насколько Ягозинъ гадокъ и низокъ...

Графиня.

Assez, mon frère...

Графъ Ѳ. А.

Нѣтъ, позволь, дай досказать: Ягозина вамъ преподнесъ господинъ Подточинъ...

Графиня (*перебивая*).

Онъ въ немъ обманулся; всѣ хорошіе люди обманываются; онъ будетъ глубоко огорченъ, когда узнаетъ... Надо скорѣй предупредить его, чтобы онъ не проговорился брату; ты, со своей стороны, предупреди Володю... И самъ какъ-нибудь...

Графъ Ѳ. А.

Нѣтъ ужъ извини, я этого не сдѣлаю! Намъ нечего здѣсь задаваться свѣтской практикой: говорить то, чего не думаешь, и притворяться безусловно вѣрующимъ, когда лгутъ другіе... Будемъ говорить на чистоту! Твоя метода скрывать отъ брата малѣйшую непріятность, подъ предлогомъ, что то его огорчитъ,—это его разстроитъ,—ничего больше, какъ обманъ, и если бъ ты не была его сестрою,—можно было бы приписать тебѣ лукавую цѣль. Благодаря такой милой методѣ, братъ сидитъ по горло. въ невѣдѣніи счастливомъ, ослѣпъ къ правдѣ, превратился въ какого-то младенца, въ блаженнаго, способнаго довѣриться любому проходимцу...

Графиня.

Это еще что такое?..

Графъ Ѳ. А.

А то, что я намѣренъ сейчасъ же открыть ему глаза... и тебѣ также. (*Входитъ графъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Графиня, Графъ Ѳ. А., Графъ.

Графъ (*въ самомъ благодушномъ настроеніи*).

Ба!—братъ и сестра! Опять о чемъ-нибудь спорятъ.

Графиня (*быстро подходя къ нему*).

Нѣтъ... такъ... я спѣшила предложить тебѣ прокатиться. Карета готова.

Графъ.

Что жъ... очень радъ.

Графъ Ѳ. А.

Я спѣшилъ къ тебѣ съ другимъ предложеніемъ: удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ и выслушать.

Графъ.

Что жъ, и этому радъ.

Графиня.

Да нѣтъ же, нѣтъ!.. Успѣешь въ другое время.

Графъ Ѳ. А.

Нѣтъ, дѣло спѣшное и болѣе важное, чѣмъ прогулка... Сядьте на минуту. Мнѣ необходимо поговорить съ вами насчетъ Подточина.

Графъ (*садясь*).

Очень радъ;—прекрасный человѣкъ!

Графиня (*садясь*).

Превосходный!

Графъ Ѳ. А.

Онъ васъ обоихъ обманываетъ!!

Графъ и Графиня (*вмѣстѣ*).

Что?.. Какъ?!.

Графъ Ѳ. А.

Берусь вамъ это доказать.

Графиня (*вставая*).

Обидно даже слушать.

Графъ (*приподымаясь*).

Мнѣ также.

Графъ Ѳ. А.

А если я докажу вамъ сейчасъ, здѣсь, не сходя съ мѣста,—и докажу самымъ очевиднымъ образомъ, что вы оба обмануты.

Графъ (*опускаясь въ кресло*).

Я и тогда не повѣрю!

Графиня (*садясь снова*).

Любопытно, какъ ты это докажешь.

Графъ Ѳ. А.

Сейчасъ. (*Графу*) Скажи мнѣ: сколько у тебя собрано денегъ для новаго твоего центральнаго учрежденія и т. д.; ты сказывалъ, помнится, девяносто тысячъ...

Графъ (*указывая сестрѣ на Графа Ѳ. А. и посмѣиваясь*).

Сестра, каковъ! Нашъ-то философъ, а? О деньгахъ заговорилъ. А?

Графъ Ѳ. А.

Философовъ сколько тебѣ угодно, но во всякомъ случаѣ не изъ тѣхъ, съ кѣмъ дѣлается дурно отъ счастья, когда ихъ производятъ въ статскіе совѣтники!.. Скажи-ка лучше, сколько собрано денегъ: девяносто тысячъ?..

Графъ.

Да.

Графъ Ѳ. А.

И всѣ эти деньги на лицо здѣсь у тебя въ кассѣ?

Графъ.

Что за вопросъ? Разумѣется...

Графъ Ѳ. А.

Отчего же между ними недостаетъ двадцати семи тысячъ? Куда онѣ дѣлись?

Графъ.

Не можетъ быть!

Графиня.

Такія подозрѣнія даже оскорбительны.

Графъ Ѳ. А.

Дѣло не въ подозрѣніи, а въ фактѣ! Не далѣе, какъ четверть часа тому назадъ, въ то время какъ здѣсь происходило засѣданіе, я обревизовалъ кассу въ присутствіи Володи и Липецкаго...

Графъ (*вспыльчиво*).

По какому же праву?

Графъ Ѳ. А.

По тому праву, что въ общемъ собраніи, согласно твоему же предложенію, насъ единогласно выбрали членами ревизіонной комиссіи... (*Входитъ курьеръ.*)

Курьеръ.

Господинъ Подточинъ...

Графъ Ѳ. А.

Какъ нельзя кстати!.. Справьтесь у него... Я пока здѣсь лишній. (*Уходитъ.*)

Графъ (*курьеру*).

Проси! (*Курьеръ уходитъ; обращаясь къ графинѣ*) Я не могу придти въ себя...

Графиня.

Не волнуйся... Тебѣ это вредно... Все это пустяки. (*Входитъ Подточинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Графъ, Графиня, Подточинъ (*у него убитый видъ*).

Подточинъ.

Простите, ваше сіятельство, что я въ такой часъ безпокою... Но я испыталъ сегодня оскорбленіе, которое... Послѣ котораго считаю себя недостойнымъ служить у васъ...

Графъ.

Что такое?.. Что съ вами?

Графиня.

Какое оскорбленіе?.. Садитесь, пожалуйста, Иванъ Иванычъ...

Подточинъ (*сохраняя придавленную позу*).

Графъ, братецъ вашъ, не сказавъ мнѣ слова, совершенно неожиданно обревизовалъ кассу... Такое недовѣріе... Но я не столько о себѣ... Главное дѣло въ томъ, что все это произошло прежде, чѣмъ я успѣлъ предупредить васъ... Но могъ ли я это сдѣлать?!. Зная, съ одной стороны, какъ глубоко изволите вы принимать къ сердцу все, что касается новаго благотворительнаго вашего учрежденія; охраняя, съ другой стороны, спокойствіе ваше, легко ли мнѣ было рѣшиться огорчить васъ извѣстіемъ, что изъ девяноста тысячъ часть уже израсходована...

Графъ.

Какъ же это такъ?!.

Графиня.

Такъ это правда?

Подточинъ.

Правда, ваше сіятельство! Преданность увлекла меня!.. Съ каждымъ днемъ я откладывалъ доложить графу... ждалъ удобнаго случая... Теперь вдругъ все открылось...

Графиня.

Братъ говорилъ: недостаетъ двадцати семи тысячъ...

Подточинъ.

Совершенно такъ, ваше сіятельство! Но съ этимъ сейчасъ же сложилась мысль о злоупотребленіи — и вотъ въ чемъ собственно оскорбленіе! Все, между тѣмъ, объясняется просто, самимъ ходомъ дѣла. (*Графу*) Извольте

вспомнить: какъ только образовался капиталъ въ девяносто тысячъ, въ засѣданіи, которымъ вы лично изволили руководить, выбрана была сначала совѣщательная комиссія, потомъ, тутъ же, выбранъ былъ наблюдательный комитетъ изъ шести членовъ: секретаря и его помощника, бухгалтера и его помощника, кассира и его помощника, письмоводителя и также его помощника... Многіе изъ нихъ были люди труда, семейные и безъ средствъ...

Графъ.

Помню... У одного изъ нихъ было трое дѣтей.

Подточинъ.

Шестеро, ваше сіятельство, шестеро! Снисходя къ ихъ положенію, вамъ, въ великодушіи вашемъ, угодно было предложить собранію назначить имъ содержаніе... Образовалась, такимъ образомъ, маленькая канцелярія. Сейчасъ же пошли расходы, — это неизбѣжно: потребовались письменныя принадлежности, приходо-расходныя книги, столы, мебель всякаго рода, лампы для вечернихъ засѣданій... Потомъ наградныя деньги... Прошелъ годъ, — и нѣтъ двадцати семи тысячъ; долго ли?.. Преданный высоко-человѣколюбивому учрежденію, связанному съ вашимъ именемъ, созданному вами, я, вѣрьте мнѣ, всегда радъ служить ему... Но, воля ваша, послѣ нанесеннаго сегодня оскорбленія... прошу, ваше сіятельство, меня уволить...

Графъ.

Васъ уволить! — ни за что на свѣтѣ!.. Я вижу теперь ясно... ясно все вижу...

Графиня.

Братъ, со свойственной ему горячностью, увлекся по обыкновенію... Онъ не думалъ оскорблять васъ... Вы не должны на него сердиться, добрѣйшій Иванъ Иванычъ.

Подточинъ.

У меня и въ мысляхъ этого не было! Братецъ вашъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ самое благое намѣреніе.

Графъ (*умиленно*).

Онъ же его оправдываетъ!!.

Графиня.

Мы никогда не сомнѣвались въ вашихъ чувствахъ, Иванъ Иванычъ...

Подточинъ.

Благодарю васъ, ваше сіятельство; вы облегчаете тяжесть моего удрученнаго сердца!.. Что же касается этихъ двадцати семи тысячъ, — не извольте безпокоиться. Вы-

соко-человѣколюбивая мысль ваша такъ всѣмъ сочувственна, что стоитъ замолвить слово гг. членамъ, деньги эти будутъ тотчасъ же пополнены. Наконецъ, я уже говорилъ съ однимъ сибирякомъ; онъ обѣщалъ немедленно внести всю сумму.

Графъ (*восторженно*).

И вы хотите, чтобы мы съ вами разстались!! Нѣтъ! дорогой Иванъ Иванычъ,—нѣтъ!!.

Графиня.

Вашу руку, Иванъ Иванычъ!

Графъ.

А я хочу попросту, по нашему доброму русскому обычаю, обнять васъ... (*Обнимаетъ.*)

Графиня.

Еще одно слово, Иванъ Иванычъ: вы не сердитесь на брата?

Подточинъ.

Могу ли сохранять въ душѣ чувство непріязни къ тому, кто хоть сколько-нибудь вамъ близокъ... (*Цѣлуетъ руку графини и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Графъ, Графиня.

Графиня.

Вотъ что-было надѣлалъ братъ со своей неумѣренной горячностью: чуть не лишилъ насъ прекраснѣйшаго человѣка!..

Графъ.

Именно, прекраснѣйшаго!!. Преданность и благородство! Благородство и преданность!. (*Входитъ графъ Ѳ. А.*)

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же, Графъ Ѳ. А.

Графъ Ѳ. А. (*съ живостью*).

Ну, что, убѣдились?

Графиня (*отходя въ сторону*).

Стыдись, братъ!..

Графъ Ѳ. А. (*изумленный*).

Какъ?..

Графъ.

Не совѣстно ли тебѣ?

Графъ Ѳ. А.

Я васъ не понимаю.

Графъ.

Чего понимать! Ты огорчилъ прекраснаго человѣка.

Графиня.

Мало того: ты оскорбилъ его...

Графъ Ѳ. А.

Я оскорбилъ его?..

Графиня.

Да... И онъ на тебя даже не сердится! (*Уходитъ къ себѣ.*)

Графъ Ѳ. А.

Какое великодушіе!

Графъ.

Именно великодушіе! Поди-ка, поищи другую такую личность! Это чистая душа! Ты въ немъ обманулся... Да и во мнѣ также: меня, братъ, не такъ-то легко провести, какъ тебѣ кажется! (*Уходитъ на свою половину.*)

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

Графъ Ѳ. А. (*одинъ*).

Оно по всему видно!.. Ну, вотъ и отлично! Я же виноватъ остался! Дѣлать нечего,—надо обратиться къ сильнымъ средствамъ... Заноза глубоко засѣла!.. Но благо кончикъ занозы у меня въ рукахъ, я крѣпче нажму и, надѣюсь,—вытащу!..

(*Занавѣсъ*).

Дѣйствіе пятое.

(Та же декорація).

ЯВЛЕНІЕ I.

Камердинеръ, Жигулевъ.

Камердинеръ (*осторожно вводя Жигулева изъ буфетной двери*).

Пожалуйте... пожалуйте-съ; у графа теперь никого нѣтъ... Сейчасъ доложу...

Жигулевъ.

Благодарю васъ... (*Даетъ ему ассигнацію.*) Позвольте...

Камердинеръ (*быстро запрятывая деньги*).

Совсѣмъ напрасно изволите себя безпокоить... (*Входитъ графъ Ѳ. А.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Камердинеръ, Жигулевъ, Графъ Ѳ. А.

Камердинеръ *(смущенный).*

Я... ваше сіятельство... Вотъ они... Имъ была надобность повидать графа...

Графъ Ѳ. А.

Отчего же не прямо по парадной лѣстницѣ?.. Что за таинственность!?.. *(Строго взглянувъ на камердинера, обращается къ Жигулеву)* Позвольте узнать?..

Жигулевъ.

Купецъ Жигулевъ...

Графъ Ѳ. А.

Какъ же, слышалъ... *(Камердинеру)* Ступай!.. *(Камердинеръ уходитъ.)* Графъ, котораго вы желаете, не совсѣмъ здоровъ. Я родной его братъ; можно передать мнѣ все, что хотѣли ему сказать. Отчасти догадываюсь; вѣроятно, насчетъ пожертвованныхъ вами денегъ?..

Жигулевъ.

Такъ точно, ваше сіятельство... *(таинственно)* Есть, изволите ли видѣть, одинъ такой человѣчекъ...

Графъ Ѳ. А.

Не стѣсняйтесь пожалуйста; говорите прямо.

Жигулевъ.

Даны, изволите ли видѣть, деньги: десять тысячъ... Мы хотя завсегда съ великимъ нашимъ удовольствіемъ... Но такой уговоръ былъ: отъ графа, въ скоромъ времени, выйдетъ награда... Теперича годъ этому будетъ; сумнѣніе беретъ: нѣтъ ли тутъ какой фальши... потому такіе сюжеты намъ не впервые... Думается: можетъ самому графу объ этомъ ничего неизвѣстно...

Графъ Ѳ. А.

Братъ, дѣйствительно, ничего не зналъ; вчера только ему объ этомъ передали; онъ приказалъ немедленно возвратить вамъ деньги...

Жигулевъ.

Помилуйте, ваше сіятельство, — за что же такъ? Мнѣ денегъ не жалко...

Графъ Ѳ. А. *(перебивая).*

Понятно! Я слышалъ, деньги не ваши, купца Кузова, у котораго вы были душеприказчикомъ...

Жигулевъ.

Все единственно; моя воля была давать или отказать...

Я далъ, мнѣ было обѣщано... Все дѣло въ проволочкѣ... Очень уже это обидно...

Графъ Ѳ. А.

Какъ такъ?

Жигулевъ.

Главная причина: время потеряно! То, что здѣсь было обѣщано,—давно можно было получить въ другомъ мѣстѣ...

Графъ Ѳ. А. *(звонитъ, входитъ курьеръ, обращаясь къ Жигулеву).*

Очень сожалѣю. Деньги будутъ вамъ завтра возвращены; такъ угодно брату!.. *(Входитъ Мери.)* Извините, г. Жигулевъ; у меня теперь есть дѣло... *(Жигулевъ направляется къ буфету.)* Не сюда; пройдите по парадной лѣстницѣ! *(Курьеру)* Проводи господина Жигулева...

ЯВЛЕНІЕ III.

Графъ Ѳ. А., Мери.

Графъ Ѳ. А. *(Мери).*

Жаль, опоздала! Увидѣла бы образчикъ великодушнаго жертвователя! Но, что съ тобой? Глаза красные; ты плакала?.. Что случилось?..

Мери.

Мнѣ надо поговорить съ тобой; ты всегда былъ ко мнѣ и брату такъ добръ. Ты на меня не разсердишься.

Графъ Ѳ. А.

Вотъ вопросъ! Конечно нѣтъ! И по двумъ причинамъ: во-первыхъ, по убѣжденію, что ты, конечно, не можешь сдѣлать ничего предосудительнаго, во-вторыхъ, еще проще, потому, что люблю тебя. *(Цѣлуетъ ее, Мери обнимаетъ его.)*

Мери.

Потому только и рѣшаюсь тебѣ высказать: братъ и я— не можемъ больше оставаться въ домѣ дяди и тетушки...

Графъ Ѳ. А. *(перебивая).*

Не далѣе какъ сегодня утромъ, твой братъ мнѣ все это уже передалъ: онъ найметъ квартиру, вы будете жить вмѣстѣ; онъ служитъ и получаетъ жалованье, ты ему помогаешь, давая уроки... Послѣднее особенно похвально! Если бъ даже король Людовикъ-Филиппъ не давалъ уроковъ, я и тогда не видѣлъ бы въ этомъ ничего предосудительнаго для племянницы графовъ Павлиновыхъ; напротивъ, очень было бы хорошо внести трудъ въ наши фамильныя преданія, столько вѣковъ прославленныя неумѣньемъ и лѣнью! Вообще, намѣреніе ваше было бы

очень мило, если бъ поводъ къ нему: какая-то глупая сплетня и ворчливость старой тетки—не отзывались чѣмъ-то ребяческимъ! Я думалъ, вы оба больше благоразумны! Наконецъ, какъ бы ни ворчлива была тетка, вы выбрали неудобное время для вашего проекта... Вы должны бы понять, что она и безъ того огорчена теперь и встревожена...

Мери.

Мнѣ все еще не вѣрилось... Такъ это правда? Коко исчезъ въ самомъ дѣлѣ?..

Графъ Ѳ. А.

Бѣды бы тутъ большой не было! Но онъ исчезъ съ тѣмъ, чтобы жениться на какой-то танцовщицѣ... И тутъ еще нечего было бы особенно сокрушаться,—вездѣ есть хорошія женщины, — но женщина-то эта, говорятъ, ужасная дрянь!.. Вчера вечеромъ прибѣжалъ Волованов и сообщилъ намъ эту новость! Вчера и сегодня приняты были всѣ мѣры, посланы всюду депеши, предупреждена полиція. До сихъ поръ еще неизвѣстно, въ какую сторону онъ отправился...

Мери.

Какое горе для дяди и тетушки!..

Графъ Ѳ. А.

Братъ ничего еще не знаетъ; но сестра дѣйствительно въ горѣ; и вотъ почему вы должны отложить ваше рѣшеніе...

Мери.

Ты правъ, дядя! Прости меня... Я поступила сгоряча и необдуманно. *(Входитъ Кирсановъ.)* Но вотъ и братъ; онъ что-нибудь узналъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графъ Ѳ. А., Мери, Кирсановъ.

Графъ Ѳ. А.

Что новаго?

Кирсановъ.

До сихъ поръ никакихъ извѣстій...

Графъ Ѳ. А.

Гдѣ ты былъ цѣлое утро? Я нѣсколько разъ заходилъ къ тебѣ узнать также о результатѣ нашихъ посланій къ господамъ членамъ новаго благотворительнаго учрежденія брата...

Кирсановъ.

Вчера еще всѣ письма были разосланы; сегодня со всѣхъ сторонъ получены отвѣты; всѣ точно сговорились: не только всѣ отказываются принять участіе въ уплатѣ двадцати семи тысячъ,—но отказываются даже отъ членства...

Графъ Ѳ. А.

Да здравствуетъ единодушіе! Примите къ свѣдѣнію: когда требуется сдѣлать провѣрку въ искренности между словами и дѣйствіемъ, — всегда обращайтесь къ карману ближняго;—лучшій пробный камень для такой операціи! Убѣдительно прошу тебя и Мери собрать всѣ эти отвѣты и беречь ихъ до поры до времени... Вотъ еще что: напиши сейчасъ Липецкому, скажи, что онъ мнѣ очень нуженъ...

Кирсановъ.

Я не видѣлъ его со дня засѣданія.

Мери.

Не боленъ ли онъ?

Кирсановъ.

Нѣтъ; вечеромъ, въ самый день засѣданія, онъ на минутку заѣзжалъ къ себѣ на квартиру, уложилъ въ сакъ-вояжъ самыя необходимыя вещи и уѣхалъ; куда уѣхалъ,— никто не знаетъ!

Мери.

Уѣхалъ... Не сказавъ намъ ни слова...

Графъ Ѳ. А.

Съ сакъ-вояжемъ далеко не уѣзжаютъ.

Кирсановъ.

Я начинаю думать: не поѣхалъ ли онъ за Ягозинымъ, который, я узналъ, взялъ въ тотъ же день отпускъ подъ какимъ-то предлогомъ, — и уѣхалъ! Липецкій такъ былъ возмущенъ этой сплетней, такъ кипятился...

Мери.

Какъ же ты не уговорилъ его...

Кирсановъ.

Какъ же, уговоришь такую горячку! Тебѣ, впрочемъ, не о чемъ очень безпокоиться; онъ придерется къ тому только, что Ягозинъ вмѣшалъ его въ эту сплетню; ты, конечно, не будешь даже упомянута...

Мери *(взволнованно).*

Что мнѣ до этого!.. И не знать, гдѣ онъ!.. Куда телеграфировать... *(Графу Ѳ. А.)* Дядя, прости меня... ты видишь... видишь...

Графъ Θ. А.

Вижу, но прощать рѣшительно нечего... *(Входитъ Липецкій.)*

Мери *(бросаясь къ нему навстрѣчу)*

Липецкій!!.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Липецкій.

Липецкій *(бросаясь навстрѣчу Мери, но внезапно останавливаясь).*

Марья Михайловна!.. Извините, графъ, — я такъ смущенъ...

Графъ Θ. А. *(поспѣшно становясь между Мери и Липецкимъ).*

Здравствуйте... Гдѣ вы были?

Кирсановъ.

Я искалъ тебя вездѣ... Откуда ты?

Липецкій.

О, это цѣлая Одиссея... Сейчасъ разскажу... Разскажу, быть-можетъ, нѣсколько несвязно... *(глядя на Мери)* я взволнованъ такимъ неожиданнымъ счастьемъ... Но вы не взыщете... Прежде всего сообщу вамъ хорошую новость: я привезъ вашего племянника...

Графъ Θ. А., Мери, Кирсановъ *(вмѣстѣ).*

Коко?!.

Липецкій.

Да...

Графъ Θ. А.

Женатымъ?

Липецкій.

Нѣтъ; къ счастью, я поспѣлъ вò-время.

Графъ Θ. А. *(протягиваетъ руку Липецкому).*

Мери и Кирсановъ *(вмѣстѣ).*

Какая радость для дяди и тетушки!..

Графъ Θ. А.

Думаю... *(указывая на Липецкаго)* и для него также... Разсказывайте, разсказывайте...

Липецкій.

Послѣ того, что здѣсь случилось въ день засѣданія, —

я пошелъ искать Ягозина и нигдѣ не могъ найти его; случайно встрѣчаю его сослуживца,—стараго моего товарища; отъ него узнаю: Ягозинъ наскоро выхлопоталъ отпускъ и на другой же день съ курьерскимъ поѣздомъ уѣзжаетъ по Николаевской желѣзной дорогѣ... Я туда. Смотрю: Ягозинъ взялъ уже билетъ и пробирается къ платформѣ; десять минутъ спустя, я усаживался въ сосѣдній вагонъ съ тѣмъ, чтобы на первой же большой станціи встрѣтить Ягозина и съ нимъ объясниться. Не понимаю, какъ это могло случиться, — но его на поѣздѣ уже не оказалось... я обѣжалъ вагоны всѣхъ классовъ, бросился искать на станціи,—нигдѣ нѣтъ,—онъ точно испарился...

Кирсановъ.

Онъ вѣрно тебя примѣтилъ и догадался...

Липецкій.

Должно-быть! Пока я бѣгалъ на станціи, раздается третій звонокъ,—я на платформу,—уже поздно, поѣздъ тронулся... Какъ быть?.. Отправляюсь ночевать въ Новгородъ. Занимаю комнату. Въ гостиницѣ давно уже все спитъ. Въ сосѣднемъ только номерѣ, за дверью идетъ оживленный разговоръ: ссорятся мужчина и женщина... Прислушиваюсь: знакомый голосъ... Подхожу къ двери и говорю: „Господа, считаю долгомъ предупредить: здѣсь слышно каждое ваше слово“...—„Липецкій, вы?“ вскрикиваетъ знакомый голосъ. — „Да“, говорю. Секунду спустя выбѣгаетъ вашъ племянникъ... Безъ всякихъ предварительныхъ объясненій, объявляетъ онъ мнѣ съ отчаяніемъ, что госпожа Фифи отказывается ѣхать съ нимъ за десять верстъ въ деревню, гдѣ все уже приготовлено для вѣнчанья, требуетъ, чтобы вѣнчаніе происходило въ городѣ, проситъ меня убѣдить ее, ведетъ меня къ ней въ номеръ... Избавляю васъ отъ деталей... Не жалѣя, конечно, красокъ, я немедленно развернулъ передъ ними ужасающую картину, — результатъ ихъ побѣга: намѣреніе ихъ открыто, полиція предупреждена, телеграфы и телефоны въ дѣйствіи,—ихъ вездѣ ищутъ... Мамзель Фифи въ слезы, посыпались упреки. „Она никогда не намѣревалась выходить замужъ; онъ уговорилъ ее“ и такъ далѣе... Онъ остался, какъ водится, кругомъ виноватъ! Кончилось тѣмъ, что утромъ, съ первымъ поѣздомъ, мы втроемъ сѣли въ вагонъ и благополучно вернулись въ Петербургъ. Она поспѣшно отправилась домой,—я, вмѣстѣ съ вашимъ племянникомъ,—пріѣхалъ сюда...

Графъ Θ. А. *(пожимая руки Липецкому).*

Ну, спасибо, Липецкій, спасибо! Братъ и сестра, не менѣе меня, будутъ вамъ благодарны... Вы сами не подозрѣваете, какую услугу оказали вашимъ похожденіемъ! Случись эта глупая женитьба, мнѣ поневолѣ пришлось бы отложить на время намѣреніе открыть глаза брату и сестрѣ насчетъ Подточина; вы развязали мнѣ руки! Сегодня начну приступъ и открою огонь изо всѣхъ орудій!.. *(Кирсанову)* Собери, какъ я тебѣ говорилъ, всѣ отвѣты господъ членовъ на наши письма... Останься пока дома... Липецкій, не уходите также; вы мнѣ будете нужны. Теперь, пока, я съ вами прощаюсь... До скораго свиданія!.. *(Липецкій и Кирсановъ уходятъ на половину послѣдняго: Мери уходитъ на парадную лѣстницу. Въ то время какъ графъ Θ. А. направляется къ двери графини, она выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Графъ Θ. А., Графиня.

Графиня *(озабоченно).*

Нѣтъ ли какихъ извѣстій?

Графъ Θ. А.

Самая лучшая новость: Коко нашелся, возвращенъ, сидитъ у себя въ комнатѣ...

Графиня.

И не...

Графъ Θ. А.

Не успѣлъ увѣнчать своей глупости! И все это благодаря Липецкому, который отыскалъ его, уговорилъ, привезъ домой... Это сдѣлалъ тотъ самый Липецкій, котораго ты...

Графиня.

Упреки?..

Графъ Θ. А.

Нѣтъ; свидѣтельствую только фактъ.

Графиня.

Надо подумать, какія мѣры теперь принять противъ этого повѣсы... Такъ оставить нельзя... Отъ него можно всего ожидать...

Графъ Θ. А.

Я пока радуюсь уже тому, что удалось спасти его отъ дурацкой женитьбы... Случись иначе, у меня, какъ я сей-

часъ говорилъ, не достало бы духу сегодня выпотрошить передъ вами вашего любимца Подточина...

Графиня.

Вы-по-тро-шить! Откуда ты берешь свои выраженья! фи! Сохрани при себѣ твое желанье; мы лучше тебя знаемъ Подточина...

Графъ Ѳ. А.

Безъ сомнѣнія! Честнѣйшій и преданнѣйшій человѣкъ!..

Графиня.

Конечно!.. *(Входитъ графъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Графъ.

Графъ *(благодушно улыбаясь).*

Опять спорятъ! Когда же вы, наконецъ, угомонитесь?..

Графъ Ѳ. А.

Мы не спорили,—напротивъ, никогда не были такъ согласны: говорили о Подточинѣ и я только-что произнесъ: честнѣйшій и преданнѣйшій человѣкъ!

Графъ.

Наконецъ-то убѣдился...

Графъ Ѳ. А.

До такой степени убѣдился въ чистотѣ нравственныхъ чувствъ Подточина, что совѣтовалъ бы вамъ водить его какъ можно чаще по вашимъ пріютамъ для очищенія въ нихъ воздуха!..

Графиня.

Оставь, пожалуйста, свои шутки; онѣ здѣсь неумѣстны.

Графъ.

Ты, братъ, я вижу, неизлѣчимъ! У тебя положительно какой-то зубъ противъ Подточина...

Графъ Ѳ. А.

Не зубъ, а если хочешь знать,—цѣлая челюсть! *(Перемѣняя тонъ.)* Извѣстно ли вамъ, напримѣръ, что, скрытно отъ васъ, онъ хлопочетъ о назначеніи своемъ куда-то на югъ Россіи?..

Графиня.

Это вздоръ... сплетни...

Графъ *(съ горячностью).*

Эта чистая, безкорыстная душа!.. Всѣ служатъ изъ чего-нибудь... Онъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, отказывался отъ всякой видной должности... Просилъ снять съ него...

Графъ Ѳ. А.

И въ то же самое время злоупотреблялъ вашимъ довѣріемъ, прикрывалъ свои продѣлки вашимъ именемъ...

Графъ.

Мое имя, добрый другъ, надѣюсь, выше пересудовъ!

Графиня.

Пересуды не слушаютъ,—ихъ презираютъ!

Графъ Ѳ. А. *(сестрѣ).*

Сколько извѣстно, ты вѣдь не жена цесаря! Чарующія свойства этого фификуса мнѣ неизвѣстны; знаю только, что подъ предлогомъ благотворительности, онъ вымогаетъ деньги, гдѣ только можетъ, обѣщаетъ протекціи, награды, концессіи, и все это дѣлается отъ вашего имени. Объ этомъ начинаютъ говорить въ городѣ, распространяются неблаговидныя легенды, — хуже того: — надъ вами начинаютъ смѣяться...

Графъ.

Смѣяться надо мною?.. Я, который...

Графиня.

Дай ему договорить...

Графъ.

Помилуй, ma chère, ты не даешь мнѣ рта открыть...

Графиня.

Ты все перебиваешь...

Графъ.

Это, наконецъ, несносно... Я, слава Богу, — давно вышелъ изъ пеленокъ... Это, наконецъ... это... деспотизмъ!.. я... я...

Графиня.

Assez, mon frère!..

Графъ Ѳ. А.

Да, къ сожалѣнію начинаютъ смѣяться... Что это, напримѣръ, за юбилей, который выдумалъ Подточинъ?

Графъ.

Юбилей! Какой юбилей?..

Графъ Ѳ. А.

Твой юбилей, за три года твоего усерднаго участія въ карьерѣ Подточина, — виноватъ: участія въ благотворительности... Открыта уже подписка между вашими членами...

Графъ.

Не можетъ быть!

Графъ Ѳ. А.

Справься у купцовъ! Подточинъ, говорятъ, съ ними

меньше всего церемонится. Рядомъ съ этимъ, онъ открылъ другую подписку (*сестрѣ*) для подпесенія тебѣ серебряной группы отъ сиротскаго пріюта... (*Графъ встаетъ.*) Постой, усердіе Подточина на этомъ еще не остановилось; пущена въ ходъ третья подписка... Дѣло идетъ о напечатаніи твоей біографіи и твоего портрета для украшенія имъ стѣнъ пріютовъ и раздачи сиротамъ въ видѣ высшей награды...

Графъ.

Сейчасъ послать!.. Остановить...

Графъ Θ. А. (*усаживая Графа и Графиню*).

Успокойтесь, все уже сдѣлано. (*Графинѣ*) Твоя группа также не узритъ свѣта... Но это еще не все...

Графъ.

Говори... Ты знаешь: я твердъ; меня не такъ-то легко... Ты, стало-быть, сомнѣваешься въ его честности?..

Графъ Θ. А.

Если честность подвергается простудѣ, — Подточинъ страдаетъ жесточайшимъ насморкомъ! (*Перемѣняя тонъ*) Какъ объяснишь ты, что человѣкъ безъ всякаго дарованія, безъ образованія, безъ служебныхъ заслугъ,—словомъ—полнѣйшее ничтожество,—какъ такой человѣкъ выползаетъ вдругъ въ люди и дѣлаетъ своего рода карьеру?..

Графъ.

Подточинъ уменъ и очень способенъ...

Графъ Θ. А.

Ты находишь?—Я нахожу: мы до того измельчали, что уже довольно одного лукавства, чтобы прослыть чуть ли не великимъ человѣкомъ!.. Вашъ Подточинъ ничего больше, какъ пройдоха!.. Благодаря ему,—намъ надо еще будетъ свести денежные счеты...

Графиня.

Счеты?.. Какіе счеты?..

Графъ (*въ сторону*).

У меня голова кружится...

Графъ Θ. А.

Не далѣе какъ завтра утромъ приходится уплатить десять тысячъ купцу Жигулеву...

Графиня.

Десять тысячъ!.. Это еще что такое?

Графъ.

Жигулевъ... Жигулевъ... я что-то слышалъ это имя... отъ Подточина.

Графъ Ѳ. А.

Онъ забылъ прибавить, что̀ Жигулеву обѣщано было за эти деньги отъ твоего имени...

Графъ.

Опять мое имя?

Графъ Ѳ. А.

Вездѣ и всюду! Обѣщанное Жигулевъ не получилъ и пошелъ всюду разглашать, что его обманули. Завтра онъ получитъ свои деньги и успокоится. Теперь вамъ надо еще подумать объ уплатѣ двадцати семи тысячъ!..

Графъ, Графиня (*вмѣстѣ*).

Двадцати семи тысячъ!..

Графъ Ѳ. А.

А какъ же! Тѣхъ, которыя изъ капитала новаго твоего центральнаго учрежденія о всеобщемъ распространеніи и т. д. — истрачены были на канцелярію и письменныя принадлежности...

Графиня.

Эти деньги жертвуетъ одинъ сибирскій купецъ...

Графъ.

Онъ самъ вызвался ихъ пожертвовать и очень радъ...

Графъ Ѳ. А.

Мало того: онъ въ восхищеньи отъ ожиданія получить за эти деньги то̀, что обѣщалъ ему отъ твоего имени Подточинъ. Я видѣлся съ этимъ великодушнымъ жертвователемъ и разочаровалъ его;—восторгъ немедленно охладѣлъ; онъ спряталъ пожертвованіе въ карманъ...

Графиня.

Но господа члены... Всѣ члены готовы были внести эти деньги...

Графъ.

Готовы единодушно...

Графъ Ѳ. А.

Что касается единодушія,—оно безпримѣрно! (*Звонитъ: входитъ курьеръ.*) Скажи Владиміру Михайловичу, чтобы прислалъ съ тобой письма... Онъ знаетъ какія!.. (*Курьеръ уходитъ.*) Сомнѣваясь нѣсколько въ искренности господъ членовъ-благотворителей, увѣренный, съ другой стороны, что Подточинъ пустилъ эту штуку для отвода глазъ,—я разослалъ всѣмъ членамъ письма, предлагая внести по частямъ истраченную сумму... Мери и Володя весь вечеръ третьяго дня и цѣлый день вчера писали и разсылали... Повторяю: единодушіе изумительное... (*Входитъ курьеръ*

съ подносомъ, на которомъ груда писемъ.) Можете убѣдиться! Всѣ отказываются не только внести деньги, но отказываются отъ участія въ новомъ твоемъ центральномъ и т. д.

Графъ (*пораженный*).

Отказываются! Но не сами ли они выражали готовность участвовать... Кому послѣ этого вѣрить! На кого положиться...

Графъ Θ. А.

Всего менѣе, конечно, на Подточина.

Графъ.

Я въ немъ обманулся... Боже мой, какое вѣроломство! сколько лицемѣрія...

Графиня.

И какая неблагодарность! Братъ былъ его благодѣтель!!

Графъ Θ. А.

Давно сказано, моя голубушка: каждое благодѣяніе даетъ въ результатѣ одного неблагодарнаго и девяносто девять недовольныхъ!

Графъ.

Признаюсь: я и прежде... начиналъ нѣсколько сомнѣваться... Не показывалъ только виду; могли думать: я не твердъ въ своемъ мнѣніи... Не хотѣлъ также противорѣчить сестрѣ... Наконецъ, онъ мнѣ былъ необходимъ...

Графъ Θ. А.

Необходимъ?

Графъ.

Былъ находчивъ въ важныхъ случаяхъ!!.. Я не ожидалъ, однакожъ! Сестра такъ горячо его хвалила...

Графиня.

Теперь говорю:—это негодяй!

Графъ.

Ты всегда такъ рѣзко, ma chère... Зачѣмъ же?

Графъ Θ. А.

Справедливо! Зачѣмъ такъ рѣшительно! Нельзя сказать, чтобы Подточинъ былъ отъявленный негодяй, — нѣтъ, онъ даже, если хотите, такъ себѣ... жаль только, немножко... подлецъ! Это случается! Скажите-ка теперь, правъ ли я, что никогда не довѣрялъ этимъ замшевымъ людямъ, подползающимъ безъ шума, говорящимъ робко, съ виду покорнымъ и преданнымъ!—Я всегда былъ того мнѣнія, что живые, бойкіе люди въ тысячу разъ лучше; они уже потому лучше, что скорѣй узнаешь, по крайней

мѣрѣ, съ кѣмъ имѣешь дѣло;—лучше потому также, что они вообще болѣе даровиты, и можно ожидать отъ нихъ больше пользы! Съ ними, правда, живется труднѣе, они не такъ податливы, знаютъ себѣ цѣну, больше самостоятельны, не такъ охотно льстятъ и не подползаютъ,—словомъ, имѣютъ все то, за что вы ихъ такъ не любите...

Графиня (*иронически*).

Ты забываешь одно только—нравственность!

Графъ.

Я только что хотѣлъ сказать; именно: нравственность...

Графъ Ѳ. А.

На нее, друзья мои, нельзя безусловно полагаться; безупречность поведенія не всегда говоритъ въ пользу человѣка; она часто бываетъ слѣдствіемъ тонкаго расчета...

Графъ.

Ты, можетъ-быть, правъ.

Графиня.

Ты уже согласился...

Графъ (*обиженно*).

Я не такъ скоро мѣняю мнѣніе, какъ тебѣ угодно думать... Во всякомъ случаѣ нельзя такъ оставить... Я возмущенъ его неблагодарностью... Четыре дня тому назадъ, я еще просилъ ускорить ему назначенье...

Графиня.

Я въ тотъ же день ѣздила къ кузинѣ просить за него...

Графъ Ѳ. А.

Старанія ваши увѣнчались полнымъ успѣхомъ! Подточинъ получилъ назначенье, — но не то, о которомъ вы хлопотали, а то, о которомъ я говорилъ вамъ. Преданность, благотворительность, проектъ новаго твоего учрежденія и прочее—служили только предлогомъ. (*Входятъ княгиня Лукоянова и Волововановъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же. Княгиня Лукоянова и **Волововановъ.**

Княгиня.

Мы безъ доклада... Взяла скорѣй племянника, котораго напрасно обвиняютъ, и къ вамъ...

Волововановъ (*обращаясь поочередно къ Графу и Графинѣ*).

Увѣряю васъ, cousin,—клянусь, кузиночка,—я не принималъ никакого участія, — jamais! Напротивъ: moi j'ai упиралъ на то, чтобы Коко этого не дѣлалъ. Я хорошо

ее знаю... Она отлично танцуетъ... и пуэнты, и грація... и все, что хотите... но...

Графъ (*въ то время, какъ графиня дѣлаетъ знаки Волованову*).

Что такое?.. Что ты говоришь... Я ничего не понимаю...

Воловановъ (*не замѣчая пантомимы Графини*).

Говорю, если Коко убѣжалъ съ ней въ Новгородъ...

Графъ (*пораженный*).

Коко... съ ней въ Новгородъ...

Княгиня Лукоянова (*указывая на Волованова*).

Онъ прибѣжалъ ко мнѣ и говоритъ: тетушка, Коко поѣхалъ вѣнчаться съ танцовщицей; надо спасти его...

Графъ (*падая въ кресло*).

Охъ... Батюшки...

Графиня (*бросаясь къ Графу*).

Боже мой! онъ не привыкъ къ такимъ потрясеньямъ... (*Суетится подлѣ Графа.*)

Графъ Θ. А. и Графиня (*вмѣстѣ*).

Съ чего вы взяли... Что за вздоръ... Кто могъ разсказать вамъ... Ничего этого не было... (*Графу.*) И ты повѣрилъ!.. Коко преспокойно здѣсь у себя дома...

Княгиня Лукоянова.

Ахъ, какъ я рада... Я-было за васъ встревожилась и поспѣшила...

Воловановъ.

Я также... тетушка, правду я говорю!.. Какая клевета... c'est infect!.. Сейчасъ бѣгу къ нему... Еще увидимся. (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, *безъ Волованова.*

Графъ Θ. А. (*Графиня и княгиня отходятъ въ глубину сцены и живо разговариваютъ*).

Все, что говорили здѣсь, правда, но не тревожься; Коко не успѣлъ сдѣлать глупость... Липецкій захватилъ его вовремя и привезъ домой..

Графъ.

Спасибо... ты меня облегчилъ...

Княгиня Лукоянова (*графинѣ и приближаясь къ ней*).

Ты знаешь, я никогда ему не довѣряла... Ты сколько разъ на меня за это сердилась... Но, признаюсь, не ожидала такой черной неблагодарности...

Графъ Ѳ. А.

О комъ вы говорите?

Княгиня Лукоянова.

О Подточинѣ... Вы знаете, онъ оставляетъ насъ...

Графиня.

Скажи лучше: мы его оставляемъ...

Графъ Ѳ. А.

И отставляемъ!.. (*Входятъ Волововановъ и Кирсановъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Волововановъ и Кирсановъ.

Волововановъ.

Вѣдь выдумаютъ же, право! Cousin Коко преспокойно сидитъ себѣ передъ туалетнымъ столомъ... Володя, правду я говорю? Куаферъ Альфредъ разсказываетъ ему разные анекдоты... Принесъ ему, по обыкновенію, цѣлую коллекцію духовъ и галстуковъ... Эти французы удивительны! Что̀ тамъ ни говори: насчетъ вкуса, il n'y à qu'eux! Первые въ свѣтѣ!.. правду я говорю?

Курьеръ (*входя*).

Господинъ Подточинъ... (*Общее изумленье.*)

Княгиня Лукоянова.

Я не хочу съ нимъ встрѣчаться... Прощай... я пройду черезъ твою половину... Серженька!

Волововановъ.

Лечу... ma tante, лечу... Еще увидимся!.. (*Убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, *безъ княгини Лукояновой и Волововановa.*

Графъ Ѳ. А. (*слѣдя глазами за Волововановымъ*).

Боже мой, сколько лишнихъ людей въ Россіи... Что же насчетъ Подточина?

Графиня.

Я не хочу его видѣть...

Графъ.

Я также...

Графъ Θ. А.

Вотъ это напрасно! Ему можетъ-быть необходимо передать вамъ что-нибудь важное. (*Курьеру*) Проси! (*Кирсанову тихо*) Веди сюда Липецкаго и попроси сестру... (*Кирсановъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

Графъ, Графиня, Графъ Θ. А., Подточинъ.

Подточинъ (*кланяется поочередно каждому изъ присутствующихъ; видъ его болѣе самоувѣренный, чѣмъ прежде*).

Ваше сіятельство... я пришелъ благодарить васъ...

Графиня (*рѣзко*).

Вы получили то, чего желали...

Подточинъ.

Получилъ, ваше сіятельство... Являюсь выразить вамъ мою глубокую признательность...

Графъ (*который долго сдерживался*).

Вы, милостивый государь, злоупотребили моимъ довѣріемъ...

Подточинъ.

Слухъ этотъ распускаютъ мои недоброжелатели... Вашему сіятельству угодно было когда-то высказать глубокую мысль.—Я никогда ея не забуду, вы сказали: „люди, какъ рыбы,—большія поѣдаютъ маленькихъ“...

Графъ.

Да, я сказалъ это...

Подточинъ.

Мысль эта постоянно мною руководила... была, такъ сказать, моей путеводной звѣздой. Я былъ безъ связей, безъ покровительства; опасенія сдѣлаться жертвой заставили меня искать случаевъ спастись отъ такой участи... Кто себѣ врагъ!.. Что же касается злоупотребленій,—совѣсть моя покойна. Если и были упущенія, то развѣ случайныя... Человѣку суждено ошибаться... Какъ прежде, такъ и на будущее время, я всей душой преданъ вамъ и высокой мысли, которую вы преслѣдуете...

Графъ.

И бросаете дѣло...

Графиня.

Когда достигли своей цѣли!

Графъ Θ. А. (*иронически*).

Къ чему терять время на благотворительность, когда можно его употребить съ пользой для себя собственно...

Подточинъ.

Благотворительностью занимаются много людей, своимъ дѣломъ занимаешься только самъ... Всякій за себя, ваше сіятельство!

Графъ (*горячась*).

Это эгоизмъ, милостивый государь; вы недавно еще говорили совсѣмъ другое...

Подточинъ.

Преданность моя къ вамъ удерживала меня отъ излишней откровенности... Я боялся огорчать васъ...

Графиня (*съ негодованіемъ*).

Скажите лучше,—вы насъ обманывали...

Графъ (*горячо*).

Вы лицемѣръ,—милостивый государь!!.

Подточинъ.

Я вижу... вы вооружены... Остается мнѣ удалиться... Ухожу съ горькимъ чувствомъ: — вы, ваше сіятельство, меня не поняли!!. (*Кланяется и уходитъ.*)

Графъ Θ. А. (*въ сторону*).

Заноза вытащена, — и слава Богу! (*Брату и сестрѣ*) Это напоминаетъ мнѣ слѣдующее: пришелъ одинъ господинъ въ ресторанъ, сломалъ зеркало, разбилъ два графина, надѣлалъ всякихъ гадостей и, когда пришла полиція, торжественно воскликнулъ: уйдемъ отсюда, — насъ здѣсь не поняли!

Графъ.

Тебѣ все смѣшно!.. Несмотря на твердость характера,— все еще не могу придти въ себя... Что за время, въ которое мы живемъ! Что за человѣкъ этотъ Подточинъ!!.

Графъ Θ. А.

Человѣкъ самый обыкновенный: маленькія способности къ интрижкѣ, движимыя тщеславіемъ мелкаго разбора: этимъ людямъ имя:—легіонъ! Они плодятся какъ тараканы; что касается времени,—время такое, когда всякій восхищенъ собою и не доволенъ своимъ состояньемъ... Таковъ, напримѣръ, твой сынъ Коко...

Графъ.

Не говори о немъ,—я не хочу его видѣть!.. (*Входятъ Мери, Липецкій и Кирсановъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Графъ, Графиня, Графъ Ѳ. А., Мери, Липецкій, Кирсановъ.

Графъ Ѳ. А. (*указывая на Липецкаго*).

А вотъ такой, который не восхищенъ собой и доволенъ своимъ состояньемъ! Сестра, надѣюсь, ты теперь откажешься отъ несправедливаго предубѣжденья и протянешь ему руку...

Графиня (*протягивая руку, которую Липецкій цѣлуетъ*).

Отчего же нѣтъ; очень охотно!

Графъ.

Протянуть ему руку мало послѣ того, что̀ онъ для насъ сдѣлалъ... Липецкій, дайте обнять васъ... (*Обнимаетъ.*)

Графъ Ѳ. А.

Ну вотъ и безподобно!.. Мери, что ты тамъ стоишь сиротою... Тебя недостаетъ для дополненія семейной картины. (*Мери подходитъ.*) Теперь вотъ что, друзья мои: послѣ комедіи—романъ: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ существуетъ молодой человѣкъ, влюбленный въ молодую дѣвушку, и молодая дѣвушка, которая,—если не ошибаюсь,—тѣмъ же ему отвѣчаетъ... (*Обращаясь къ графу*) Что̀ ты на это скажешь?

Графъ.

Сестра намекала мнѣ... Хотя, я самъ начиналъ догадываться... Что я скажу? (*Глядя на Графиню*) Скажу... скажу... (*Графинѣ*) Что она скажетъ!

Графиня.

Я согласна! (*Мери*) Поставила-таки на своемъ!..

Липецкій (*цѣлуя руку графини*).

Какъ благодарить васъ!.. (*Мери*) О, какъ люблю васъ и какъ давно хотѣлъ это сказать вашимъ роднымъ...

Мери (*протягивая ему руку*).

Я также...

Графъ (*вынимая носовой платокъ*).

Я твердъ,—но сегодня нервенъ... Они меня растрогали...

Графиня.

Assez, mon frère.

Кирсановъ (*Мери*).

Поздравляю тебя ото всего сердца (*Липецкому*) и тебя также!..

Графъ Ѳ. А.

Позвольте, что жъ это такое? Меня никто не благодаритъ и не поздравляетъ... Я обиженъ... (*Мери и Липецкій бросаются обнимать его.*) Отлично! Я доволенъ! (*Мери и Липецкому*) Примите же теперь мое сердечное пожеланіе... Оно не совсѣмъ удобно въ присутствіи брата и сестры, но я человѣкъ откровенный...

Графъ и Графиня (*вмѣстѣ*).

Говори!.. Говори!..

Графъ Ѳ. А. (*къ Мери и Липецкому*).

Избѣгайте замшевыхъ людей въ родѣ Подточина,—и не бойтесь людей смѣлыхъ и умныхъ; послѣдніе, вѣрьте мнѣ, гораздо надежнѣе!!.

Занавѣсъ.

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ.

(повѣсть).

(Посвящается графу Сергѣю Дмитріевичу Шереметеву).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Есть одиночество—въ глуши,
Вдали людей, вблизи природы—
Полно задумчивой свободы
Оно цѣлебно для души;
Въ немъ утихаютъ сердца бури,
Въ немъ думы, какъ цвѣты полей,
Какъ звѣзды въ тьмѣ ночной лазури,
Сіяютъ чище и свѣтлѣй.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Все жаждетъ, истомясь отъ зною;
Все вопіетъ: дождя, дождя!
И рады всѣ, что солнце мглою
Покрылось, сумракъ наводя.

Полонскій.

I.

Уже нѣсколько времени какъ отцвѣла черемуха и пришла очередь цвѣсти липамъ.

Аллея стариннаго сада, насаженнаго еще дѣдомъ теперешнихъ владѣльцевъ,—цвѣла полнымъ цвѣтомъ. Сверху се донимало жаркимъ полуденнымъ солнцемъ; внизу только, подъ ея тѣснымъ, густолиственнымъ сводомъ, можно было укрыться отъ зноя; но и здѣсь не легко дышалось въ тучномъ, прѣсно-медовомъ запахѣ линъ, которыя цвѣли въ этотъ годъ съ особенной силой. Аллея раздѣляла садъ на двѣ половины: справа и слѣва, въ одну сторону и въ другую,—шли ряды яблонь, и тутъ же, въ сторонѣ, тѣснились кусты малины, смородины, крыжовника и гряды

клубники. Здѣсь солнцу былъ полный просторъ жарить своими лучами; надо было прищуриваться, обращая глаза въ эту сторону. Воздухъ не двигалъ ни однимъ листикомъ; все вокругъ какъ бы замерло, куда-то завалилось, попряталось отъ зноя; однѣ пчелы цѣлыми роями неугомонно гудѣли подъ липами, да слышалось время отъ времени, какъ гдѣ-то подлѣ лопался отъ жары стручокъ, пострѣливая пересушенными своими зернами.

На одномъ концѣ аллеи находилась калитка, продѣланная въ плетневой загороди; она отворялась на дорогу, огибавшую крутой берегъ небольшой рѣчки; дальше зеленѣли луга; еще дальше,—высились холмы, покрытые пашнями и лѣсомъ. Другой конецъ аллеи примыкалъ къ двухъэтажному помѣстительному деревянному дому, построенному безъ архитектурныхъ затѣй, какъ строили въ началѣ столѣтія коренные помѣщики, проводившіе свой вѣкъ въ деревнѣ. Изъ середины нижняго этажа, прямо противъ аллеи, почти касаясь первыхъ ея деревъ, выступалъ широкій балконъ, прикрытый отъ солнца холстяной маркизой съ разводами изъ кумачу.

II.

На балконѣ, въ креслахъ, плетеныхъ изъ жимолости, сидѣла хозяйка дома,—женщина лѣтъ тридцати, можетъ-быть нѣсколько даже старше, — но замѣчательно сохранившаяся; о такихъ женщинахъ говорятъ обыкновенно: онѣ моложе своихъ дѣтей. Свѣтлорусые волосы, гладко причесанные, открывали небольшой, но чистый, бѣлый лобъ; спокойно, мягко смотрѣли изъ-подъ него прекрасные темно-сѣрые глаза; они были единственной ея красою, — по крайней мѣрѣ, больше всего, съ перваго раза, обращали на себя вниманіе.

Но стоило всмотрѣться въ остальныя ея черты, остановить взглядъ на полныхъ губахъ съ ихъ хорошей, доброй улыбкой, познакомиться съ ней ближе, чтобы убѣдиться, какъ часто внѣшняя красота уступаетъ передъ обаяніемъ женственности; отъ всего ея существа вѣяло такимъ обаяніемъ;—вѣяло чѣмъ-то здоровымъ и свѣжимъ; глядя на ея пышное расцвѣтаніе, казалось, она призвана была къ жизни съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, передавать другимъ здоровую жизнь, распространять вокругъ себя безмятежное, довольное чувство.

На ней была бѣлая блуза, обшитая русскими кружевами

и подпоясанная темной лентой; широкіе рукава открывали до локтя прелестныя руки; подъ нѣжной бѣлизной кожи просвѣчивали голубоватыя вены; украшеніемъ пальцевъ служило только обручальное кольцо. Подлѣ нея, на кругломъ столѣ, нестрѣлъ ворохъ самаго разнообразнаго тряпья, изъ-подъ котораго выглядывалъ старомодный баульчикъ съ клубками, ножницами и другими принадлежностями шитья; въ сторонѣ виднѣлись тщательно сложенные одинъ надъ другимъ крошечные чепчики, надѣваемые обыкновенно на новорожденныхъ; яркіе цвѣта, ленты, пышные, преувеличенные банты, давали тотчасъ же знать о ихъ назначеніи для крестьянскихъ дѣтей. У ногъ барыни стояла большая корзина, наполненная до верху такимъ же тряпьемъ.

Барыня эта, Александра Васильевна (по мужу Кирсанова), владѣла Лужниками (такъ звали деревню) по наслѣдству послѣ тетки, у которой воспитывалась. Она родилась здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, росла въ немъ, вышла тамъ замужъ, ролила въ немъ всѣхъ своихъ дѣтей. Въ теченіе десяти лѣтъ замужества, она всякій годъ, зимою, уѣзжала—много на недѣлю—въ Москву или въ Петербургъ, чтобы повидаться съ сестрою. Послѣдняя, шестилѣтнимъ ребенкомъ, взята была другой теткой, увезена ею въ Петербургъ и воспитывалась въ институтѣ; зослѣ выхода изъ него, вышла вскорѣ замужъ и осталась жить въ столицѣ.

Александра Васильевна была не одна на балконѣ.

По ту сторону стола, и также въ плетеныхъ креслахъ, сидѣлъ ея мужъ, рослый, видный мужчина съ открытымъ, прямодушнымъ лицомъ, на которомъ загаръ оставилъ бѣлыми только верхнюю часть лба и шею. Онъ былъ остриженъ коротко подъ гребенку; въ его полной бородѣ и усахъ начиналъ проскакивать кой-гдѣ серебряный волосъ. Между мужемъ и женою совершенно справедливо, казалось, раздѣлены были два свойства: ей дана была женственность; ему—энергія и сила воли; то и другое скорѣе, впрочемъ, въ немъ чувствовалось, чѣмъ выражалось особенно выдающимися чертами.

Онъ былъ въ парусинной жакеткѣ, такомъ же жилетѣ и панталонахъ, запрятанныхъ въ высокіе сапоги.

Изъ-подъ его стула выглядывала голова собаки съ бѣловатыми глазами, безпокойно моргающими изъ-подъ взбудораженныхъ клочковъ шерсти; голова лежала на лапахъ

и тутъ же, сбоку, виднѣлся вытянутый отъ жары красный языкъ съ капавшей слюною. Трудно было вообразить что-нибудь уродливѣе этого шершаваго пса, лишеннаго всякой породы, исполненнаго, кромѣ того, множества недостатковъ. Но песъ этотъ былъ любимцемъ всѣхъ дѣтей, и Боже упаси было бы отнестись къ нему сколько-нибудь строго!

Года два тому назадъ, дѣти, во время прогулки, стрѣтивъ случайно толпу мальчишекъ, собиравшихся топить щенка, бросились на выручку, спасли жертву и, горячо споря о томъ, кому ее нести въ домъ, явились съ нею къ роднымъ. Отецъ, въ виду уродства спасеннаго, хотѣлъ было прозвать его „Квазимодо“, но поднялся страшный крикъ; щенку дано было названіе „Милюши“; съ тѣхъ поръ дѣтей и Милюшу связывала неразрывная дружба.

Въ двухъ шагахъ отъ собаки, на полу, лежала, разметавъ руки и ноги, холщевая кукла домашней работы, т. е. просто сшитая изъ тряпья, съ бисерными крапинами вмѣсто глазъ, и между ними небольшимъ нитянымъ захватомъ, изображавшимъ носъ.

III.

Мужъ и жена, бесѣдуя подъ шумокъ пчелинаго жужжанья, часто прерывали разговоръ; она — откладывала свою работу, чтобы опахнуть себя платкомъ; онъ — закуривалъ свѣжую папироску. Въ одну изъ такихъ минутъ, ея глаза, неожиданно встрѣтивъ куклу, быстро обвели балконъ.

— Куда дѣлась Катя?.. произнесла она мягкимъ голосомъ, отвѣчавшимъ ея наружности.

Мужъ приподнялъ голову и, посмѣиваясь, указалъ глазами на ближайшую часть фруктоваго сада, гдѣ тѣнь отъ липъ начинала захватывать гряды, заросшія кустами клубники.

Тамъ выдѣлялась бѣлая накрахмаленная и приподнятая дѣтская юбка, надъ нею голубой бантъ, ниже соломенная шляпка, а еще ниже, у самой зелени, затылокъ русой головки.

— Катя, что ты тамъ дѣлаешь, проговорила мать, слегка приподымаясь, — ты, кажется, изволишь кушать ягоды?..

— Нѣтъ, мамочка, я только ихъ цѣлую... отвѣчалъ тонкій голосокъ.

— Хорошо, поцѣлуй еще одну ягоду и ступай сюда...

Край юбки мгновенно опустился, бантъ исчезъ и вмѣсто нихъ показалось раскраснѣвшееся, потное лицо хорошенькой дѣвочки лѣтъ трехъ. Она подбѣжала къ лѣстницѣ балкона и стала торопливо подыматься, согласно методу дѣтей ея возраста, т. е. дѣйствуя старательно только правой ногой, а лѣвую слегка волоча за нею.

— Посмотри на что ты похожа! сказала мать, отирая ей лицо и края губъ, между тѣмъ какъ отецъ протягивалъ уже руки, чтобы посадить ее на колѣна. Онъ провелъ ладонью снизу вверхъ по волосамъ дѣвочки и звонко поцѣловалъ ее въ лобъ.

Собака тотчасъ же выскочила изъ-подъ стула и задвигала хвостомъ.

Почти въ ту же минуту, въ темномъ отверстіи балконной двери обрисовалась маленькая сухопарая старушка,— изъ тѣхъ, что называютъ: „стопочками“; на ней былъ высокій, туго накрахмаленный чепецъ и ситцевый, коричневаго цвѣта капотъ съ бѣлыми крапинами; лицо ея состояло изъ однѣхъ мелкихъ морщинокъ и веснушекъ. Несмотря на то, что ей было далеко за шестьдесятъ (она выкормила хозяйку дома и теперь няньчила ея дѣтей, не допуская къ нимъ прикасаться остальной прислугѣ), она держалась прямо какъ стрѣлочка, и всѣ ея движенія отличались суетливой быстротой.

Она вошла такъ неожиданно, что мужъ и жена невольно повернулись въ ея сторону.

— Что тебѣ, Прокофьевна? спросилъ Кирсановъ.

— Къ вамъ, отцы мои, хошь бы вы вступились, заговорила старушка, потрясая чепцомъ,—время ли теперь сидѣть за книжками! Вишь жара какая, птица не летитъ; куры — и тѣ попрятались; а они: та-та-та, ра-ра-ра, сидятъ, сердечные, уроки твердятъ... Отъ нихъ только сохнутъ!..

— Поговори поди съ Ольгой Петровной...

— Что мнѣ Ольга Петровна! Она имъ тетка! Вамъ надо вступиться!..

— Нельзя же имъ цѣлый день бѣгать; надо и поучиться... проговорила Александра Васильевна.

Старуха живо обратилась къ ней:

— Ты, мать моя, живя здѣсь у тетушки, пока замужъ не вышла, не Богъ вѣсть сколько сидѣла за книжками-то;—ума у тебя не убавило, хуже не стала: вишь какая

здоровая да румяная... Тьфу! тьфу! чтобы не сглазить! перебила себя старуха, плюя трижды черезъ плечо.—Сестрица твоя, Надежда-то Васильевна, въ петербургскомъ институтѣ воспитывалась, всѣ науки произошла,—что-жъ, лучше что ли? подхватила она:—тощая, худая,—смотрѣть жалко! Да!.. Ты вонъ четверыхъ родила и выкормила—и нуждушки нѣтъ! Она, сестрица-то твоя, двухъ всего родила и то каждый разъ чуть не помирала родами-то... Богъ только спасъ!.. Ты, вонъ, у насъ вездѣ поспѣла, и по хозяйству, и сшить что, и больныхъ лѣчишь; сама другой разъ больному-то рану обмоешь... Сестрица-то, даромъ въ институтѣ науки произошла, — покажи-ка ей рану-то: небось только ахнетъ да глазки свои зажмуритъ! Вотъ она наука-то! Чему вы оба смѣетесь! Правду я говорю; послали бы лучше наверхъ за дѣтьми... Совсѣмъ вѣдь заморили...

— Ну, будь по-твоему, Прокофьевна, ступай, скажи сестрѣ, чтобы дѣтей отпустила... Катю возьми съ собой...

— Вотъ за это спасибо! Обоимъ въ ножки поклонюсь... Пойдемъ, моя сахарная! живо подхватила старушка, взявъ на руки дѣвочку. — Ты куда, паршивецъ! Куда? обратилась она къ собакѣ, которая, двигая хвостомъ, пошла было за нею. — Иванъ Петровичъ, не пускай его, придержи; прибѣжитъ къ дѣтямъ—блохъ только напуститъ!..

Собака, какъ бы сознавая справедливость обвиненія, улеглась снова подъ стулъ хозяина.

IV.

Разговоръ между мужемъ и женою, прерванный на минуту появленіемъ няни, продолжался.

— Когда же ты думаешь поднять образа? спросила Александра Васильевна.

— Думаю, завтра; вся деревня носъ повѣсила; и есть отъ чего: сегодня ровно три недѣли какъ ни капли дождя, — все пересохло! Сѣно тощее; овесъ — если еще три-четыре такихъ дня—совсѣмъ пропалъ!..

— Ты говорилъ: рожь превосходна; она за все вознаградитъ...

— Словно ты не знаешь, что не хлѣбъ насъ кормитъ! Случись неурожай—хлѣбъ можно еще добыть; подвезутъ съ той или другой стороны; безъ корму — нѣтъ скота, нѣтъ удобренія и, слѣдовательно, будущій годъ и хлѣбу плохо. Помнишь шесть лѣтъ тому назадъ, когда родилась

Лиза, пришлось продавать скотъ; лошадь отдавали за три рубля, корову за рубль,—и то слава Богу!.. Едва поправились—опять тѣмъ же грозитъ!

— Не тревожь себя заранѣе; авось еще Богъ взмилуется, сказала жена своимъ ровнымъ, мягкимъ голосомъ.

— Да, авось! Авось! возразилъ онъ, подавляя вздохъ,— вотъ этотъ самый авось и заставляетъ тревожиться. Авось,— значитъ, случайность; изволь-ка существовать въ зависимости отъ этой случайности! Поневолѣ возьметъ раздумье! Природу называютъ кормилицей; эпитетъ „равнодушная“ подходитъ къ ней гораздо ближе. Намъ здѣсь виднѣй, какъ мало ей дѣла до нашихъ нуждъ, заботъ и треволненій. Ждешь дождя съ замираніемъ духа — стоитъ засуха; до зарѣзу нужны вёдра — льетъ дождь безъ перерыва, и такъ далѣе... Съ этой стороны позавидуешь, право, городскому жителю: живетъ себѣ, въ усъ не дуетъ; пошелъ дождь—ему досадно только, что приходится отложить прогулку. „У насъ, говоритъ онъ, май былъ восхитителенъ; представьте: весь мѣсяцъ—дивная погода, ни капли дождя!“ Ему въ голову не приходитъ, что то, что его радуетъ,—сокрушаетъ здѣсь наши сердца, часто даже заставляетъ проливать слезы...

V.

Разговоръ былъ внезапно прерванъ отдаленнымъ шумомъ на лѣстницѣ внутри дома; послышались учащенные шаги на ступенькахъ и дѣтскіе голоса. Собака мгновенно выскочила изъ-подъ стула и съ визгомъ понеслась въ комнаты.

Минуту спустя, изъ дверей балкона выбѣжали двѣ дѣвочки и мальчикъ, одѣтые одинаково, въ небѣленую парусину, съ широкими соломенными шляпами на головѣ; у каждаго была въ рукахъ плетеная корзинка.

Сначала всѣ бросились къ матери; но прежде чѣмъ наступила очередь отца, пришлось вступить въ борьбу съ Милюшей, который точно обезумѣлъ: визжалъ, лаялъ, производилъ въ избыткѣ радости такіе скачки, что часто тыкался мордой въ лицо то тому, то другому изъ дѣтей.

Нужно было появленіе старой няни, единственнаго во всемъ домѣ личнаго врага Милюши, чтобы охладить его восторги; у нея была своя любимица—Катя; она несла ее на рукахъ.

За няней въ дверяхъ показалось новое лицо, — сестра

Ивана Петровича. Можно было подумать, она была въ глубокомъ траурѣ. Черный цвѣтъ согласовался, впрочемъ, какъ нельзя лучше со смуглымъ цвѣтомъ ея южнаго лица, ея черными волосами съ синеватымъ отливомъ, бровями и даже пушкомъ на верхней губѣ. Мысль, что она такъ одѣвалась потому, что трауръ придавалъ топкость ея стану и шелъ ей къ лицу, показалась бы ей весьма забавною. Сходство между ею и братомъ было разительное; она, повидимому, унаслѣдовала даже его нравственныя качества; разница была въ томъ, что признаки энергіи и воли смягчались у нея большими черными, точно бархатными глазами, задумчиво смотрѣвшими изъ своихъ впадинъ. Задумчивость эта, очевидно, не была праздною; сквозь нее слишкомъ явно отражалось присутствіе живой мысли. Въ любви къ брату примѣшивалось фанатическое чувство съ самаго дѣтства; она не разлучалась съ нимъ со смерти матери. Когда братъ открылся ей первый разъ въ любви къ Александрѣ Васильевнѣ и намѣреніи жениться, — она рѣшилась было пойти въ монастырь. Чувство ревности, овладѣвшее ея сердцемъ, не было продолжительно; оно улеглось само собою, какъ только она убѣдилась въ счастливомъ выборѣ брата. Любовь молодой женщины къ мужу, кротость ея нрава, душевныя и нравственныя качества, не только внесли примиреніе въ сердце Ольги Петровны, но дали въ немъ мѣсто новому чувству къ той, которую считала она разлучницей; чувство это было — горячая преданность и дружба. Нѣсколько разъ потомъ представлялся ей случай выйти замужъ, встрѣчались отличныя партіи—она всякій разъ отказывалась, говоря, что не зачѣмъ искать счастья, когда Промыслъ послалъ ей совсѣмъ уже готовое. Она посвятила себя воспитанію дѣтей брата, и принялась за это съ увлеченіемъ и страстно, какъ во всемъ, за что ни бралась; страстность ея природы, горячность сердца и также убѣжденія, несмотря на свою замкнутость, выражались не только любовью къ брату, золовкѣ и ихъ дѣтямъ; ей какъ будто мало было этого: она простирала любовь ко всему, что жило, нуждалось въ помощи, страдало.

Не готовясь быть педагогомъ, она много училась, повинуясь собственному влеченію къ любознательности; къ ея знанію примѣшивались убѣжденія, которыми она руководилась, воспитывая своихъ племянницъ и племянника.

Одна изъ главныхъ ея заботъ состояла въ томъ, чтобы

внушать дѣтямъ чувство милосердія, пробуждать въ молодыхъ сердцахъ уваженіе и неприкосновенность ко всему, что̀ пользуется даромъ жизни. Изъ игръ исключены были сàки для ловленія бабочекъ, удочки для уженія рыбы; во время прогулокъ все ограничивалось корзинками для собиранія грибовъ и ягодъ. Она наблюдала, чтобы дѣти по возможности меньше обращались къ прислугѣ: сами не только убирали свои вещи, но убирали свою комнату, стлали себѣ постель, чистили платье. Она дѣлала все это спокойно, безъ насилія, исподволь. Стараясь дѣйствовать на нихъ примѣромъ, Ольга Петровна сама, вопреки просьбѣ золовки и брата, шила себѣ бѣлье, носила его толще, чѣмъ бы могла, не употребляла въ пищу мяса, всего, что̀ когда-нибудь жило живой жизнью, — питалась исключительно молокомъ и овощами.

Такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ она не настаивала, ограничиваясь такимъ правиломъ для себя собственно, братъ и золовка ей не противорѣчили. Въ остальныхъ ея взглядахъ они были съ ней согласны.

Такъ, напримѣръ, между Кирсановымъ и его женою рѣшено было не отдавать единственнаго сына, Сережу, ни въ какое учебное заведеніе, готовить его дома до совершеннолѣтняго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно пріучать его къ сельскому хозяйству.

— Служащихъ всякаго рода у насъ множество, говорилъ Иванъ Петровичъ въ оправданіе своего взгляда, — настоящихъ хозяевъ, знающихъ и любящихъ свое дѣло, — почти нѣтъ. Хорошій дѣятельный хозяинъ, старательно улучшающій свою часть — улучшаетъ извѣстную частицу государства, и, слѣдовательно, служитъ не только себѣ, но служитъ отечеству нисколько не хуже любого чиновника или офицера. Наконецъ, нашему брату, помѣщику, пора браться за умъ, пора заняться настоящимъ своимъ дѣломъ; безъ этого всякаго рода кулаки и эксплоататоры окончательно вырубятъ наши лѣса, разорятъ насъ и пустятъ по̀ міру вмѣстѣ съ крестьянами. Что же касается домашняго воспитанія сына — не вижу въ этомъ худого. Оно сохранитъ ему любовь къ роднымъ, къ семьѣ, любовь и привязанность къ родному гнѣзду, къ землѣ, на которой родился и выросъ. Съ такими чувствами люди не пропадаютъ!

Сережу въ семьѣ иначе не называли, смѣясь, какъ: „будущій хлѣбопашецъ“.

VI.

— Тетя Оля, куда мы пойдемъ сегодня? Въ какую сторону? спрашивали дѣти, окружая тетку.

— Вы знаете, каждому своя очередь выбирать прогулку; сегодня мой чередъ, отвѣчала она, поправляя шляпки то тому, то другому.

— Иванъ Петровичъ, проговорила Прокофьевна, — Савельичъ велѣлъ сказать: бѣговыя дрожки тебѣ поданы.

— Ты ѣдешь? спросила жена, видя, что мужъ тотчасъ же всталъ и взялся за фуражку, — подождалъ бы пока жара спадетъ.

— Припекать-то припекаетъ, да что дѣлать! Надо присмотрѣть, что творится у насъ на Выселкахъ; я нанялъ землекоповъ рыть канаву для осушки болота; другіе работники возятъ сѣно; надо еще кой-куда заглянуть... Ну, прощайте, дѣти! Набирайте побольше грибовъ! Прощайте всѣ!..

Онъ перецѣловалъ присутствующихъ и вышелъ.

— Александра Васильевна, выдь поди, заговорила опять няня.

— Зачѣмъ?

— Пришла къ тебѣ Анна, — вотъ что вдова-то; опять ребенокъ захворалъ; все съ нимъ убивается; а тутъ еще старика на подводѣ привезли изъ Сосновки, — должно-быть, зашибся... Сама пеняй на себя, мать мая,—сама ихъ повадила.

Александра Васильевна убрала работу, перекрестила дѣтей и ушла въ комнаты.

— Какъ не устанешь ты, няня, день-деньской держать на рукахъ Катюшу? сказала Ольга Петровна.—Тебѣ какъ не жаль няню?—свои ноги есть; смотри-ка, здоровыя какія икры, точно наливныя яблоки! подхватила она, принимаясь щупать икры дѣвочки.

Остальныя дѣти, смѣясь, обступили няню и также начали щупать икры Кати.

— Полно вамъ! Полно!.. Тьфу! тьфу!!.. чтобы не сглазить. Ну, что пристали!.. отбивалась Прокофьевна,—всегда ни вѣсть что тетушка выдумаетъ...

— Гулять, Катя, гулять съ нами! кричали дѣти.

— Какъ же, угоняешься за вами, долговязыми! У нея сегодня головка болитъ... Ступайте, она дома останется...

При послѣднихъ словахъ старушки, Катя, протянувшая было руки къ сестрамъ, залилась вдругъ слезами.

— Ай, слезы... слезы... запищала она, припадая лицомъ на грудь няни и обхватывая руками ея шею.

Катя въ настоящемъ случаѣ повторяла только слова матери, которая просила всегда немедленно удалять дѣвочку, когда замѣчала, что та собирается плакать. „Ай, слезы! слезы!“ обозначало у Кати: „Уноси скорѣй, няня, сейчасъ заплачу“.

— Ахъ ты, мой слезливый Богданъ, слезливый Богданъ! Пойдемъ, моя сахарная!.. Кошка-то наша, Машка, какъ обрадуется со своими котятками... Ты ихъ никакъ забыла... Пойдемъ, золотая... уговаривала старуха, гладя дѣвочку по головѣ и въ то же время заслоняя ее локтемъ отъ шаловливой Лизы, продолжавшей тормошить сестру.

Тетка, Сережа и Соня успѣли уже спуститься съ лѣстницы и отбивались отъ Милюши, окончательно обезумѣвшаго отъ радости.

Немного погодя, тетка, дѣти и собака скрылись подъ темнымъ сводомъ липовой аллеи, шумѣвшей отъ пчелинаго жужжанья, какъ сосновый боръ, слегка потревоженный вѣтромъ.

VII.

Аллея, какъ извѣстно, выходила дальнимъ концомъ на дорогу и рѣчку. Отсюда, взявъ влѣво, можно было пройти къ мельницѣ и плотинѣ, перекинутой съ одного берега на другой.

У плотины Ольга Петровна остановила свою команду.

— Тебѣ, Соня, старшей и благоразумной дѣвочкѣ, поручаю провести Лизу; я возьму Сережу...

— Я самъ, я самъ! закричалъ „будущій хлѣбопашецъ“,— я пойду съ Милюшей.

— Для того, вѣроятно, чтобы на самой серединѣ плотины Милюша началъ скакать и сбросилъ тебя въ воду... Впередъ, Милюша, маршъ!.. Давай руку, Сережа! закричала тетка, ухвативъ руку мальчика.

Миновавъ благополучно плотину, Ольга Петровна взяла влѣво и, обогнувъ крутой берегъ, покрытый орѣшникомъ, вступила съ дѣтьми въ широкую луговую долину.

Вдали, группы ветелъ обозначали повороты рѣчки. Мѣстами она открывалась, ослѣпительно сверкая на солнцѣ.

Трава недавно была скошена и отъ убранныхъ стоговъ, подымавшихъ свои острыя верхушки, долеталъ запахъ свѣжаго сѣна. По ту сторону рѣчки, но очень далеко, виднѣлось стадо, лежавшее на отдыхѣ; дальше мелькали бѣлыми крапинами гуси; перья и пухъ, попадавшіеся на лугу подъ ногами дѣтей, показывали, что гуси наканунѣ были на этой сторонѣ берега. Дальше, за рѣкою, мѣстность подымалась волнистыми косогорами и желтѣющими полями дозрѣвающей ржи.

Весь правый бокъ долины замыкался сплошнымъ высокимъ холмомъ, по которому неправильными косяками сбѣгали березовыя и сосновыя рощи. Между ними, по скатамъ холма, сверху донизу, прорѣзывались овраги съ ихъ извилистыми краями, окаймленными кустарникомъ. Одинъ изъ нихъ, самый старый и глубокій, былъ любимымъ мѣстомъ дѣтей.

Не трудно было теперь догадаться, что тетушка выбрала его цѣлью настоящей прогулки.

Но радостные крики, сопровождавшіе обыкновенно открытіе такого рода, были задержаны на этотъ разъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: старшая дѣвочка—Соня, шедшая впереди, неожиданно остановилась; простирая руки въ видѣ крыльевъ, она дала знать, чтобы за нею никто дальше не двигался.

— Что такое?.. Что?.. посыпались вопросы.

— Шш!.. Тсс!.. шептала Соня,—гдѣ Милюша?.. Чтобы только онъ не помѣшалъ... добавила она оглядываясь.

Насчетъ Милюши нечего было заботиться; лай собаки, гонявшейся вдалекѣ по лугу за галками и ласточками, едва доносился. Больше опасности было за спиною Сони, гдѣ все еще нѣтъ-нѣтъ прорывался сдержанный шопотъ и смѣхъ Лизы.

Онъ умолкъ, какъ только приблизилась тетка.

— Тсс!.. смотрите... Вотъ тамъ... тамъ... едва внятно продолжала шептать Соня, вытягивая шею и стараясь направить глаза присутствующихъ къ опушкѣ ближайшей березовой рощи.

Тамъ, немного ниже того мѣста, на которомъ они находились, въ травѣ, оставшейся нескошенной, торчавшей клочками, замѣтно было легкое колебанье. Секунду спустя, показалась головка птицы, за ней другая... Еще секунда, и на глинистомъ бугрѣ, едва прикрытомъ травой, выступили двѣ куропатки и между ними цѣлый выводокъ

птенцовъ. Рожденные нѣсколько недѣль тому назадъ въ густой чащѣ клевера и другихъ травъ, и постепенно изгоняемые оттуда косарями, птенцы настолько уже оперились и окрѣпли, что не встрѣчалось особенной надобности ихъ прятать; напротивъ, чувствовалась потребность знакомить ихъ со свѣтомъ и давать имъ погрѣться на солнцѣ. Птенцы съ видимымъ удовольствіемъ отдавались такому призыву; суетливо шныряя подъ прикрытіемъ отца и матери, они радостно били крылышками, стараясь опередить другъ друга и на ходу подбирая зерна.

Притаивъ дыханье, Ольга Петровна и дѣти не пропускали ихъ движеній. Но Сережа не выдержалъ; вынувъ украдкой изъ кармана платокъ, онъ тряхнулъ имъ по воздуху.

Мигъ одинъ—птичья семья собралась въ кучу; раздались пугливые голоса, и, прежде чѣмъ дѣти успѣли опомниться, испуганная стая разомъ поднялась, описавъ въ воздухѣ большой кругъ, и скрылась за рощей.

Присутствующія повернулись къ Сережѣ. Держа платокъ въ рукѣ, онъ стоялъ какъ озадаченный, недоразумѣвая, повидимому, какъ все это случилось.

— Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты это сдѣлалъ? спросила тетка голосомъ тихаго, сдержаннаго упрека.—Птички радовались, мы также, на нихъ глядя. У насъ ты отнялъ удовольствіе, ихъ напугалъ и потревожилъ, не имѣя на это никакого права...

— Тетя, дорогая тетя, не сердись на него, онъ больше не будетъ... заговорили обѣ дѣвочки, поглядывая на брата, который стоялъ весь красный, какъ печеный ракъ, и съ понурою головой.

— Я не сержусь, возразила тетка,—говорю только: онъ не имѣлъ права мѣшать не только нашему удовольствію, но пугать этихъ бѣдныхъ птицъ, которыя ничего ему не сдѣлали... Онъ прежде всего долженъ сердиться на самого себя, за свой необдуманный поступокъ... Подыми голову! добавила она, бережно обтирая ему потное лицо.—Мы вышли изъ дому нѣсколько рано; всѣмъ, я вижу, жарко... Теперь, дружнымъ шагомъ впередъ! Въ оврагѣ всѣмъ будетъ прохладнѣе!..

VIII.

Оврагъ этотъ не даромъ считался любимымъ мѣстомъ прогулки.

Когда-то въ дальнемъ его концѣ былъ родникъ и по дну бѣжалъ ручей; но отъ него оставался теперь только плитнякъ, глубоко засѣвшій въ глину. Остальная часть, отъ самаго дна, густо заросла орѣшникомъ, мелкимъ дубнякомъ, кустами дикой малины; надъ ними подымались сѣрые стволы старыхъ осинъ, съ ихъ трепетной листвой, и выдѣлялась темная зелень такихъ же старыхъ сосенъ. Путь по дну то и дѣло заслонялся корнями отжившихъ деревъ, колючими вѣтками ежевики, цѣплявшей вездѣ своими крутившимися усиками. Вѣтви ближайшихъ деревъ мѣстами встрѣчались и, скрещиваясь съ вѣтками дубняка и орѣшника, закруглялись сводомъ, бросавшимъ подъ собою густую тѣнь. Свѣжесть дѣлалась здѣсь чувствительной, вѣяло сыростью. Въ этой заглохшей мглѣ распускался вѣеромъ папоротникъ, носился крѣпкій запахъ зари, выставлялись—точно граненые—листья костеники, изъ-подъ которыхъ смотрѣли сердцевидныя, сплюснутыя красныя ягоды. Мѣстами деревья расходились, открывая то справа, то слѣва глинистые обрывы съ верхнимъ зубчатымъ краемъ, обвѣшаннымъ корнями. Въ тѣхъ участкахъ, куда проникало солнце, свѣшивались косматые пучки травъ, и между ними, на тонкихъ, гибкихъ стебелькахъ, наклоняли свои чашечки лиловые колокольчики.

Но прохлада оврага, изобиліе въ немъ ягодъ и грибовъ, не столько привлекали дѣтей, сколько его таинственная глушь, переносившая ихъ воображеніе въ чащу дикихъ, дальнихъ лѣсовъ, о которыхъ любила имъ читать и разсказывать тетушка.

Не успѣла она приладиться на давно привычномъ мѣстѣ и развернуть книгу, какъ уже дѣтскіе голоса послышались въ тридцати шагахъ. Лай собаки возвѣстилъ, что она успѣла къ нимъ присоединиться. Ольга Петровна—здѣсь по крайней мѣрѣ—нисколько не безпокоилась за своихъ питомцевъ. Кромѣ того, что оврагъ былъ безопасенъ, дѣти, бѣгая по немъ каждое лѣто, знали наизусть всѣ его изгибы и закоулки. Въ извѣстныхъ случаяхъ она намѣренно давала имъ полную свободу; ей хотѣлось этимъ способомъ пріучить ихъ исподволь къ нѣкоторой самостоятельности, къ личной отвѣтственности за неосмотрительность и оплошность. Дѣти брата, воспитанныя ею, были нѣсколько дѣтьми природы; съ ея точки зрѣнія, все это было такъ, какъ быть слѣдовало. Переносясь мысленно къ дѣтямъ, виднѣннымъ ею въ Петербургѣ, при-

поминая, въ большинствѣ случаевъ, ихъ блѣдный, истощенный видъ, — слѣдствіе замкнутой, сидячей жизни и также насильственнаго, преждевременнаго умственнаго труда; припоминая ихъ болѣзненную нервность, взыскательность и потребности, часто несвойственныя возрасту, она въ сотый разъ приходила къ убѣжденію, что дѣтство ея „простачковъ“ (такъ шутя называла она своихъ племянницъ и племянника) было безпримѣрно счастливѣе: они были здоровы тѣломъ, не знали причудливыхъ затѣй, были просты душою.

Время отъ времени она отрывалась отъ книги и прислушивалась къ ихъ голосамъ, то удалявшимся и пропадавшимъ, то раздававшимся надъ ея головой съ высоты окраинъ оврага. Слышалось, какъ осыпалась сухая глина, трещали мелкіе сучья и затѣмъ между кустами показывался то тотъ изъ дѣтей, то другой, съ разгорѣвшимися щеками и потнымъ лицомъ.

Всякій разъ тетушка должна была выслушать какую-нибудь новость, и всякій разъ новость сообщалась съ преувеличеніемъ, свойственнымъ избытку живости и воображенія. Милюша выслѣдилъ зайца, погнался за нимъ и его никакъ нельзя докликаться. Соня напала на цѣлую кучку рыжиковъ,—столько рыжиковъ, столько рыжиковъ,—набрала почти цѣлый коробъ! Сережа, бѣгая за бѣлкой, ужасно, ужасно исцарапалъ руку!

Одна изъ новостей, сообщенная старшей дѣвочкой, Соней, обратила на себя особенное вниманіе тетки.

— Тетя! крикнула Соня, торопливо спускаясь съ ближайшаго обрыва,—тамъ, за рощей, огромная туча... вся черная, черная... отсюда не видать!.. Вѣтеръ съ той стороны... Она непремѣнно идетъ въ нашу сторону...

— Гдѣ сестра и братъ?.. спросила вставая Ольга Петровна.

— Они туть недалеко... отвѣтила Соня, придерживаясь на скатѣ за вѣтку орѣшника.

— Зови ихъ скорѣй сюда, сказала тетка, принимаясь въ свою очередь аукать.

Минутъ десять спустя, команда Ольги Петровны была въ полномъ сборѣ. Но прежде чѣмъ собраться въ путь, пришлось еще долго утѣшать Лизу; второпяхъ, она опрокинула на скатѣ корзинку,—высыпались всѣ грибы и ягоды. Не успѣли они общими стараніями подобрать ихъ, какъ въ отдаленьи послышался громовой раскатъ.

— Скорѣй, дѣти, живо! заговорила тетка.—Отъ дома далеко; надо поспѣть, пока насъ не захватилъ дождь. Скорѣй, скорѣй!..

IX.

Только что вышли они изъ оврага, громъ прокатился снова, но уже совсѣмъ близко. Изъ-за холма быстро надвигалась косымъ крыломъ темно-сизая туча съ бурыми окраинами; подъ нею, въ глубинѣ, нарасталъ мракъ. Онъ затопилъ уже холмъ и, спускаясь ниже, побѣжалъ впередъ по лугу, захватывая съ каждымъ мигомъ больше пространства. Посреди наступившей тишины послышалось вдалекѣ, какъ зашумѣли вдругъ рощи; откуда ни возьмись, сорвался вихрь; секунду спустя, по всей долинѣ загудѣлъ вѣтеръ. Въ темнотѣ, потоплявшей окрестность, неслись клочья сѣна, оторванные отъ стоговъ, неслись въ безпорядкѣ галки, усиленно махавшія крыльями, летѣли вѣтки прибрежныхъ ветелъ, которыхъ трепалъ вѣтеръ, обращая ихъ листья посеребреной изнанкой. Перекаты грома повторялись все чаще; то тутъ, то тамъ сверкала молнія, обливая лиловымъ свѣтомъ рощу или часть луга; въ похолодѣвшемъ воздухѣ начали капать крупныя капли дождя.

— Скорѣй, скорѣй, дѣтушки! Вонъ тамъ стогъ сѣна, скорѣй къ нему! говорила тетка, пропуская впередъ дѣтей.

Ускоряя шагъ, они съ трудомъ придерживали на головѣ шляпы.

Подгоняемыя вѣтромъ, они подбѣжали къ стогу и только что успѣли заслониться отъ вѣтра,—раздался новый ударъ грома, и дождь полилъ сильнѣе. Укрыться отъ него можно было не иначе, какъ высвободивъ сѣно изъ нижней части стога; всѣ дружно принялись за работу. Дождь, превратившійся въ ливень, могъ теперь лить сколько было угодно; Ольга Петровна и жавшіяся къ ней дѣти, подобравъ ноги, смотрѣли изъ своей засады на длинныя струи воды, катившія мимо нихъ съ боковъ стога. Всѣмъ было даже весело; выраженіе веселости задерживалось только безпокойствомъ насчетъ Милюши; онъ пропалъ съ тѣхъ поръ, какъ погнался за бѣлкой; вѣроятно, рыщетъ теперь, весь мокрый, въ тщетной надеждѣ напасть на ихъ слѣдъ. Неизвѣстно, насколько бы Ольгѣ Петровнѣ удалось успокоить своихъ питомцевъ, увѣряя,

что Милюша не пропадетъ, что ему ничего не сдѣлается, напротивъ, его обмоетъ дождемъ и убавитъ въ немъ блохъ, если бъ неожиданно, у ихъ ногъ, не показалась вдругъ морда собаки съ ея бѣлыми, моргающими глазами, заслоненными вкривь и вкось мокрыми клочьями шерсти.

— Прочь, прочь!.. Дѣти, оставьте его,—онъ всѣхъ насъ перепачкаетъ, повторяю вамъ: дождь ему въ пользу... Прочь, Милюша! говорила тетя въ отвѣтъ на радостныя восклицанія.—Теперь вы успокоились?... Давайте-ка лучше пѣть пѣсни, благо всѣ довольны.

— Какую?.. Какую?..

— А хоть бы ту... помните, которую поетъ иногда няня, когда идетъ дождь?

— Знаю! знаю! воскликнула Соня и тоненькимъ голосомъ пропѣла:

Дождикъ, дождикъ, перестань,
Мы поѣдемъ на Іордань:
Богу молиться,
Христу поклониться...

— Я знаю другую, вмѣшался Сережа,—меня научилъ нашъ пастухъ...

— Ну, ну... заговорили всѣ въ одинъ голосъ.

Сережа, желавшій, вѣроятно, быть вполнѣ вѣрнымъ въ подражаніи пастуху, склонилъ на-бокъ голову и запѣлъ неестественнымъ басомъ:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ лѣнъ
Поливай ведромъ!..

Громъ продолжалъ гремѣть, но раскаты его какъ бы начали удаляться; вмѣстѣ съ тѣмъ струи воды, катившія мимо ихъ ногъ по бокамъ стога, замѣтно стали рѣдѣть. Когда вмѣсто нихъ стало только капать, Ольга Петровна и дѣти рѣшились выбраться изъ своей засады.

Тамъ, за холмомъ, гдѣ четверть часа тому назадъ двигалась туча, открывалась полоса чистаго неба; туча, съ ея зловѣщимъ, крутившимся краемъ, бѣжала теперь надъ полемъ ржи, желтѣвшимъ за рѣчкой.

Тетка и дѣти, подобравъ платья и шлепая по мокрой травѣ, направились цѣлиною черезъ лугъ къ берегу, надъ которымъ въ одномъ мѣстѣ возвышались ветлы; тамъ былъ старый мостъ, служившій для перегона стада на луговую

сторону. Этимъ путемъ скорѣе всего можно было придти къ дому.

X.

Вокругъ между тѣмъ становилось все свѣтлѣй и свѣтлѣй. Когда они вышли на мостъ, солнце захватывало уже часть луга, ослѣпительно сверкая на мокрой травѣ и мокрыхъ глянцовитыхъ листьяхъ ветелъ, по которымъ, звонко шлепая, скатывались дождевыя капли. Было нѣсколько трудно подыматься за мостомъ по скользкой глиняной дорогѣ съ колеями, наполненными водой; но подъемъ кончился, дорога пошла гладью между полями ржи; слѣва только — и то далеко — замыкали ихъ верхушки стараго сада и виднѣлась красная крыша господскаго дома.

Отъ тучи оставалось очень немного; сизой полосой дѣлилась она теперь впереди на дальнемъ горизонтѣ, и по временамъ оттуда проносилось глухое грохотанье; вся остальная часть неба изъ края въ край отливала, точно обмытая, свѣтлой прозрачной лазурью; въ воздухѣ разливалась мягкая увлаженная теплота. Рожь, взбудораженная вѣтромъ, прибитая дождемъ неровными волнами, отдавала хлѣбнымъ запахомъ; все вокругъ,—море колосьевъ съ мелькавшими между ними васильками и блѣдными пахучими цвѣтками вьющейся повилики, — снова какъ бы приходило въ себя, оживало и приподымало голову.

Въ то самое время, какъ Ольга Петровна входила съ дѣтьми на дворъ, съ другого конца двора, въ ворота, въѣзжалъ на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ Иванъ Петровичъ.

Ноги его до колѣнъ забрызганы были грязью; поля круглой шляпы и казакинъ насквозь пропитаны были водой; но прежде всего бросилось всѣмъ въ глаза его раскраснѣвшееся лицо, оживленное необыкновенною веселостью.

— Ага! крикнулъ онъ, отдавая вожжи молодому, сопровождавшему его, конюху, — васъ также, какъ я вижу, славно всѣхъ отдѣлало!.. Но что же вы скажете? а? Какова благодать!

Одновременно съ этимъ восклицаніемъ на крыльцѣ показалась его жена.

— Слава Богу, и вы здѣсь! Ты, Оля, была съ ними, но, понимаешь, поневолѣ брало безпокойство при видѣ этой грозы... этого ливня.

— Не ливень, голубушка моя, не ливень, — благодать Божія,—сущая благодать! Сердце не нарадуется! съ восхищеннымъ видомъ повторялъ Иванъ Петровичъ, отряхая платье.

Дѣти окружили мать и отца; кто показывалъ корзинку съ грибами, кто съ жаромъ разсказывалъ впечатлѣнія грозы и какъ они отъ ливня прятались въ сѣнѣ, какъ пѣли пѣсни.

Всѣ наконецъ вошли въ домъ.

Пока дѣти переодѣвались, пили молоко и ложились спать (въ правилахъ Ольги Петровны было укладывать ихъ очень рано), — солнце уже сѣло и наступили сумерки.

Перемѣнивъ платье, Иванъ Петровичъ вмѣстѣ съ женою отправился наверхъ проститься и благословить дѣтей. Оба спѣшили сойти внизъ, такъ какъ въ отсутствіи Ивана Петровича привезена была почта. Къ нимъ вскорѣ присоединилась Ольга Петровна.

На балконѣ, гдѣ въ полдень сидѣли Кирсановы, накрытъ былъ столъ съ кипѣвшимъ самоваромъ; лампа, прикрытая бумажнымъ голубымъ колпакомъ домашняго издѣлія, освѣщая чайный приборъ, горшокъ съ простоквашей, хлѣбъ, чашки и стаканы, — бросала слабый голубоватый отблескъ па ближайшія липы; остальная часть аллеи, уходя въ ночь, едва отдѣлялась верхушками отъ звѣзднаго неба; запахъ липоваго цвѣта распускался еще сильнѣе, чѣмъ утромъ; но уже не слышалось пчелинаго жужжанья.

— Ну-ка, давай, жена, почту! Газеты прочтемъ завтра! сказалъ Иванъ Петровичъ, въ которомъ бывшій дождь поддерживалъ веселость. — Оля прочтетъ намъ письмо сестры; посмотримъ, какъ имъ тамъ живется!

Ольга Петровна пригнулась къ лампѣ и прочла слѣдующее:

XI.

„Милая моя Alexandrine, — прости, что такъ долго не отвѣчала на твои два письма! Какъ ни странно покажется, но въ эти послѣдніе два мѣсяца положительно не было свободной минуты. Ты и мужъ твой отлично это поймете, когда скажу вамъ, что мы измѣнили нашему намѣренію провести лѣто въ деревнѣ (отправили туда только гувернантку съ Коко и Мери), сами наняли дачу

въ Петергофѣ; экономическими соображеніями противъ воли надо было пожертвовать въ пользу служебной карьеры мужа. Я писала тебѣ, что къ Новому Году онъ не былъ представленъ къ наградѣ; къ Святой произошло то же самое; въ маѣ онъ просился въ командировку, думая воспользоваться остаткомъ денегъ, чтобы провести мѣсяцъ въ Карлсбадѣ,—опять не удалось. Ему явно недоброжелательствуютъ. При такихъ условіяхъ, разумѣется, нельзя дальше оставаться на прежнемъ мѣстѣ; Поль рѣшился перейти въ другое министерство. Такъ какъ будущій министръ, съ которымъ Поль совсѣмъ незнакомъ, переѣхалъ на лѣто въ Петергофъ, — мы рѣшились тамъ же взять дачу, чтобы быть ближе къ вліятельнымъ лицамъ, чаще съ ними встрѣчаться и имѣть случай познакомиться съ самимъ министромъ и его семействомъ. Все это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ — и, могу сказать съ гордостью,—благодаря мнѣ. Мы, женщины, въ иныхъ случаяхъ отличные дипломаты! Встрѣтивъ на музыкѣ князя Липецкаго съ сестрой жены министра, я просила его меня представить. Мы разговорились.—„Давно, сказала она, между прочимъ,—меня интересовало познакомиться съ дамой, которая одѣвается такъ изящно“. (Если бъ ты видѣла мои послѣднія шляпки, привезенныя изъ Парижа секретаремъ посольства, барономъ Фукъ, ты сама сказала бы: „это не шляпки, а душки!“). На другой день я сдѣлала ей визитъ; въ тотъ же день она отвѣтила своимъ. Черезъ нее познакомилась я въ Монплезирѣ съ ея сестрой — женой министра, и представила послѣднему мужа, который тутъ же находился, потому что я заранѣе его предупредила о возможности такой встрѣчи. Мы сдѣлали визитъ; министръ и его жена отвѣтили тѣмъ же; такимъ образомъ началось знакомство, которому отчасти способствовалъ милый князь Липецкой, и то также, что мой Поль отлично играетъ въ винтъ, а министръ до него страстный охотникъ. Мы бываемъ теперь у нихъ по вечерамъ запросто, по-дачному. Но это только такъ говорится; всякій разъ встрѣчается у него чуть ли не все высшее петергофское общество, множество иностранныхъ дипломатовъ и лицъ близкихъ ко Двору. Такъ познакомились мы съ графомъ Павлиновымъ и его женою, съ маркизомъ Де-Носъ-Гренада, мужемъ и женой Поплавскими (онъ предсѣдатель какого-то важнаго комитета), съ камергеромъ Розинскимъ (очень милый человѣкъ) и т. д.

Ты скажешь: все это прекрасно; конечно такъ, если смотрѣть со стороны карьеры мужа; но ты представить себѣ не можешь, какъ при этомъ утомляются нервы; отъ однихъ визитовъ голова идетъ кругомъ; меня не оставляетъ мигрень. Главное: сколько расходовъ, Боже мой, сколько расходовъ! Пришлось нанять новыхъ лошадей и обмѣнять нашу карету на ландо; людямъ извѣстнаго положенія неловко иначе показываться по вечерамъ на музыкѣ; такъ ужъ принято въ Петергофѣ. Приглашенные два раза къ министру обѣдать, мы, по необходимости, должны были отвѣтить тѣмъ же. Надо было пригласить придворнаго повара, прикупить посуды и хрусталя, заказать букеты (теперь такъ уже принято, чтобы передъ каждымъ приборомъ былъ букетъ), мнѣ также надо было новое платье. Обѣдъ прошелъ, слава Богу, очень хорошо; но ты вообразить не можешь, сколько было хлопотъ изъ-за того только, чтобы составить списокъ приглашеннымъ, угодить одному, не обидѣть другого. Многіе изъ прежнихъ нашихъ знакомыхъ будутъ, конечно, на насъ въ претензіи; но возможно ли было, напримѣръ, пригласить тетушку Аглаю, когда мужъ ея, служившій съ министромъ въ то время, когда онъ былъ только директоромъ департамента, имѣлъ съ нимъ какую-то непріятность? Возможно ли было—согласись сама — пригласить нашего стараго Фокина? Его сестра воспитывалась съ женою министра у мадамъ Труба и съ тѣхъ поръ между ними существуетъ какая-то антипатія? Все это надо было основательно, тонко обдумать, чтобы не попасть впросакъ. За день до обѣда у меня, а у Поля особенно, нервы страшно разстроились отъ безпокойства. Ночью, въ постели, Поль неожиданно вскрикнулъ; я испугалась. „Что съ тобой?“ спрашиваю. Ему вдругъ приснилось, что офиціантъ, подавая женѣ министра желе, нагнулъ нечаянно блюдо, и желе скатилось ей на голову. Потомъ пришла видно моя очередь разбудить его такимъ же крикомъ; мнѣ померещилось во снѣ, что въ то самое время, какъ все было готово, лѣстница на нашей дачѣ (она и прежде, на-яву, меня безпокоила) неожиданно провалилась, между тѣмъ какъ шумъ каретъ возвѣщалъ о пріѣздѣ гостей... Всю ночь оба не могли почти заснуть. — Довольно, однакожъ, объ этомъ. Какъ твое здоровье, мужа, *строгой* Ольги и дѣтей? Мои два, слава Богу, здоровы. Гувернантка писала, у Мери открылась было корь, но оказалась ошибка; все кончилось лег-

кимъ жаромъ, слѣдствіемъ легкой простуды. Я, однакожъ, заболталась; уже десять минутъ, какъ Поль кричитъ снизу, что ландо подано и пора ѣхать на музыку. Погода у насъ отличная: весь іюль прошелъ безъ капли дождя, — подумаешь, право, мы не въ Петергофѣ, а въ Неаполѣ. Прощай, цѣлую васъ всѣхъ,—твоя сестра Nadine".

Ольга Петровна собрала листки письма и положила ихъ на столъ.

— Я бы дня не могла прожить такой жизнью! сказала она.

— Мнѣ жаль сестру, задумчиво проговорила Александра Васильевна.

— Мнѣ несравненно больше жаль дѣтей, замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — но, друзья мои, убѣдительно прошу: не будемъ дѣлать никакихъ заключеній, — сегодня, по крайней мѣрѣ... Предоставимъ каждому искать счастья тамъ, гдѣ оно ему мерещится... Судить—если встрѣтится въ этомъ надобность—послѣ успѣемъ... Теперь, право, не до того; вспомните: завтра начинаютъ жать, надо чѣмъ свѣтъ ѣхать въ поле! заключилъ онъ, вставая.

Нѣсколько минутъ спустя, балконъ опустѣлъ, столъ былъ убранъ, лампа погасла.

Въ домѣ, въ саду, въ окрестности все смолкло. Бодр-.ствовала только теплая лѣтняя ночь, мигая своими звѣздами...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

Пушкинъ.

Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Кольцовъ.

I.

. . . . . .

Тусклый сѣренькій день. — „Что это, — какъ будто осень?" — „Да, осень!" Многіе любятъ ее больше даже

остальныхъ временъ года. Нельзя не согласиться, она имѣетъ свою особенную прелесть.

Вначалѣ, до той поры пока не наступитъ полная распутица, когда дороги еще тверды, накатаны до глянца колесами телѣгъ возившихъ снопы, наступаютъ дни, иногда цѣлыя недѣли, — лучше которыхъ дѣйствительно не сыщется въ теченіе года. Солнце показывается рѣдко; небо большею частью сохраняетъ ровный, тускло-сѣрый оттѣнокъ; но онъ согласуется съ обнажеппымъ видомъ сжатаго поля, туманной мглою въ долинахъ, буро-желтымъ цвѣтомъ лѣса побросавшаго половину своихъ листьевъ; въ немъ мягче, какъ бы сквозь легкій паволокъ, обозначаются блѣдные всходы озимаго хлѣба и черныя полоски межей съ мелькающими надъ ними пучками сѣрой побѣлѣвшей полыни; онъ отвѣчаетъ также тишинѣ обнявшей окрестность. Птицы отлетѣли, насѣкомыхъ не слышно: муха не прожужжитъ въ воздухѣ. Въ такіе дни не бываетъ обыкновенно вѣтра; ни одинъ стебелекъ не колыхнется, недвиженъ даже пухъ, оставленный въ лугахъ гусями.

Когда въ эти беззвучные часы приготовленія къ отдыху очутишься одиноко, лицомъ къ лицу съ природой,—окрестная тишина, невольно, сама собою сообщается душѣ; тревожныя мысли постепенно отлетаютъ, рождается желаніе тихой жизни и также—отдыха.

Мирное теченіе мыслей не прекращается осенью даже когда приближаешься къ деревнѣ; тамъ, однакожъ, идетъ неумолкаемая работа. На улицѣ, правда, тише чѣмъ въ другое время, но задняя часть деревни изъ конца въ другой гремитъ подъ ударами цѣповъ: здѣсь молотятъ, тамъ вѣютъ. Въ чистомъ, посвѣжѣвшемъ воздухѣ явственно слышится какъ шуршитъ лопата, захватывая зерна, и какъ звонко они затѣмъ сыплются на гладко убитый токъ; изъ открытыхъ воротъ сараевъ вьется клубъ пылки и куколи, слегка отлетающій въ сторону. Торопливый бой цѣповъ и хлескъ лопатъ, подбрасывающихъ зерна, здѣсь точно такъ же какъ бы подсказываютъ желаніе скорѣй кончить работу, отдохнуть, наконецъ, отъ долгихъ трудовыхъ, заботливыхъ дней.

II.

Признаки осени, приготовленія къ зимѣ и отдыху виднѣются не только въ сараяхъ, на крышахъ избъ, покрытыхъ свѣжей соломой, но и на знакомомъ намъ бал-

конѣ подлѣ липовой аллеи: холщевая маркиза съ кумачными узорами уже снята; убраны также круглый столъ и стулья; двойныя рамы вставлены въ окна; дверь еще не заколочена, и то потому, что дѣтямъ удобнѣе проходить черезъ нее въ садъ, которымъ часто, противъ воли, ограничивается теперь ихъ прогулка.

Но съ нѣкоторыхъ поръ самый садъ потерялъ для нихъ свою занимательность. Въ аллеѣ, вмѣсто тѣснаго зеленаго свода, тянется сплошная сѣть черныхъ вѣтвей, мѣстами только заслопенныхъ желтыми, вялыми листьями; слабое движеніе воздуха — и они безсильно падаютъ на мокрую траву или отлетаютъ, забиваясь въ колеи и застилая дорогу.

Еще три недѣли тому назадъ, въ аллеѣ противъ балкона стояла жаровня, обставленная съ двухъ сторонъ столами, покрытыми яблоками, ягодами, брусникой и стеклянными банками; передъ жаровней можно было застать Александру Васильевну съ засученными рукавами, фуляромъ на головѣ, державшую ручку большого мѣднаго таза съ кипѣвшимъ въ немъ сахарнымъ сиропомъ; какъ только кончалось время ученья, можно было также застать здѣсь всѣхъ дѣтей: старшія суетились, подбирая сухія вѣтки, отправлялись въ домъ и кладовую исполнять разныя порученія матери. Лиза и Катя ограничивались глазѣньемъ, надеждой получить въ концѣ частичку сахарной пѣны, окрашенной фруктовымъ сокомъ.

Дальная часть сада, гдѣ были фруктовыя деревья, отдавалась ежегодно въ аренду; для караула и также продажи яблокъ на мѣстѣ, арендаторъ нанималъ старика. Онъ помѣщался въ длинномъ шалашѣ, крытомъ соломой; при входѣ въ него, весь лѣвый бокъ, снизу до верху, занятъ былъ *падалью*, — яблоками недозрѣлыми, сброшенными вѣтромъ въ траву; по дну, на соломѣ, рядами складывались яблоки по сортамъ; въ правомъ углу помѣщались караульщикъ и его внучка — дѣвочка лѣтъ десяти; у входа въ шалашъ бѣгала привязанная къ длинной веревкѣ собака. Между караульщикомъ и дѣтьми вскорѣ завязалась тѣсная дружба. Кромѣ того, что старикъ былъ словоохотливъ, любилъ разсказывать о походахъ и сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ, когда былъ солдатомъ, онъ былъ большой затѣйникъ: мастеръ вырѣзывать изъ дерева маленькія мельницы, вертѣвшіяся на вѣтрѣ, строить домики съ трубой для дыму, телѣжки для куколъ.

Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы тотъ или другой изъ дѣтей не получали какого-нибудь подарка.

Дѣти не оставались въ долгу: всякій разъ какъ они приводили Дуню (такъ звали внучку караульщика) въ домъ, дѣвочка возвращалась съ полными руками: новымъ платочкомъ, платьемъ, башмаками. Ольга Петровна давала полную волю своимъ питомцамъ посѣщать старика и слушать его разсказы, и волей этой, надо сказать, радостно пользовались.

Всѣмъ было уютно забиться въ шалашъ съ его крѣпкимъ, но свѣжимъ яблочнымъ запахомъ, смотрѣть, какъ старикъ мастеритъ какую-нибудь штуку, и прислушиваться къ его бесѣдѣ. Одно развѣ мѣшало удовольствію: Милюша, не отстававшій отъ нихъ ни на шагъ, возненавидѣлъ почему-то собаку караульщика,—приревновалъ должно-быть, такъ какъ дѣти всякій разъ приносили ей остатки отъ завтрака. Милюшу гнали, стращали, уговаривали всячески,—ничего не помогало.

Но вотъ, однимъ сѣрымъ утромъ, въ садъ наѣхали подводы, яблоки были уложены въ рогожи. Когда старикъ и его внучка пришли прощаться съ господами, столько было написано горя на дѣтскихъ лицахъ, что Александра Васильевна и тетка, желая ихъ утѣшить, предложили старику оставить Дуню до слѣдующаго года. Но дѣдъ не согласился.

Прошла такимъ образомъ пора варенья, уѣхали старикъ и его внучка, — неохотно стало заглядывать въ самый садъ. Кромѣ него, не много уже оставалось мѣстъ для прогулки, и о любимомъ оврагѣ думать было нечего; тамъ трудно было бы теперь пробираться между ворохами упавшаго листа. Туманъ надъ рѣкой часто также застилалъ луговую долину, превращая ее въ сѣрое озеро, надъ которымъ то тутъ, то тамъ, какъ острова, показывались скирды сѣна; одни гуси могли тамъ прогуливаться, не рискуя схватить простуду.

Оставались роща и дорога по той сторонѣ рѣчки между жнивьемъ. Но и въ рощѣ уже не весело: куда ни пойдешь, вездѣ хруститъ подъ ногами опавшій листъ, сквозятъ голые сучья деревъ, почернѣвшіе отъ дождя; то тутъ, то тамъ раздается жалобный писк снѣгиря, вѣстника скораго снѣга; когда идешь по дорогѣ,—то же самое возвѣщаетъ низкій полетъ журавлей, двигающихся треугольникомъ въ сѣромъ, тускломъ небѣ; въ ихъ крикѣ

нѣтъ ничего утѣшительнаго: онъ звучитъ разлукой, чѣмъ-то прощальнымъ...

III.

Наступила пора дождей,—нельзя было почти выходить изъ дому.

Хорошо было то, по крайней мѣрѣ, что каждый день теперь дѣти на цѣлые четыре часа оставались съ матерью. Тетушка передавала ихъ Александрѣ Васильевнѣ, потому что сама на это время уходила въ длинный бревенчатый флигель, куда собирались крестьянскіе мальчики и дѣвочки. Школу можно было назвать ея созданьемъ: въ началѣ ея устройства, она отказалась отъ денежныхъ пособій, предлагаемыхъ братомъ и золовкой. Флигель, учебныя книжки, скамьи — все было сдѣлано на ея собственныя деньги. Въ этой настойчивости, сдѣлать все непремѣнно на свои средства, лежало точно какое-то обѣщаніе.

Въ сумерки возвращалась она домой, и всякій разъ на ея лицѣ можно было прочесть довольное чувство. Къ тому же времени возвращался обыкновенно Иванъ Петровичъ, часто вымоченный съ головы до ногъ, усталый, озабоченный. Мудренаго нѣтъ! Не мало приходилось ему исколесить на бѣговыхъ дрожкахъ; не мало также пришлось исходить пѣшкомъ! Требовалось присмотрѣть за наемными молотильщиками, съѣздить въ Выселки, гдѣ строился новый скотный дворъ, отправиться потомъ въ дальній лѣсъ, часть котораго предназначалась для срубки. Дождь, не перестававшій лить нѣсколько сутокъ и вездѣ задерживавшій работу, не мало причинялъ досады дѣятельному хозяину.

При встрѣчѣ жены, сестры и дѣтей, спѣшившихъ въ прихожую, какъ только со двора раздавался стукъ бѣговыхъ дрожекъ, — заботливое выраженіе исчезало съ лица его; оно непритворно смѣнялось всегда выраженіемъ внутренняго радостнаго чувства.

Вечеркомъ, послѣ того какъ дѣти уходили спать, Иванъ Петровичъ, его жена и сестра сходились обыкновенно въ небольшой теплой комнатѣ, служившей въ старые годы, при покойной теткѣ, гостиной, но теперь превращенной въ рабочій кабинетъ. Александра Васильевна и Ольга Петровна принимались за работу; Иванъ Петровичъ садился къ столу, чертилъ планы, бралъ книгу, читалъ вслухъ, или всѣ трое запросто бесѣдовали.

Такъ проходилъ вечеръ. Однообразіе нарушалось по субботамъ, когда мыли дѣтей,—операція, въ которой всегда участвовали мать и тетка; и еще въ тотъ день, когда изъ уѣзднаго города привозили почту.

Она доставлялась въ большомъ клеенчатомъ мѣшкѣ съ кожаной перевязью; вскрытіемъ мѣшка всегда завѣдывала Александра Васильевна.

— Письмо отъ сестры! произнесла она, подымая конвертъ.

— Давай, давай! живо заговорилъ Иванъ Петровичъ.— Давно не писала: интересно знать, что̀ они тамъ подѣлываютъ?

— Веселятся, должно-быть, по обыкновенію! замѣтила Ольга Петровна.

— Погоди заключать! Можетъ-быть, плачутъ! сказалъ братъ.

Александра Васильевна развернула письмо и принялась читать.

IV.

„Chère Alexandrine, спѣшу предупредить: не пиши по старому адресу; мы перемѣнили квартиру; живемъ теперь на Сергіевской улицѣ. Твой мужъ, который хорошо помнитъ Петербургъ, непремѣнно скажетъ: „охота была переселяться въ самую аристократическую и дорогую улицу...“ Можешь ему отъ меня отвѣтить: аристократизмъ улицы нимало не прельщалъ меня и Поля. Мы, правда, платимъ дороже, но взамѣнъ имѣемъ удобства, какими прежде не пользовались. Въ старой квартирѣ уже одна лѣстница была ни на что не похожа. Нашъ Коко (замѣть, ему въ маѣ минуло всего пятнадцать лѣтъ) долго упрямился приглашать къ себѣ своихъ товарищей; я и отецъ пристали: „почему, да почему?“ Онъ намъ откровенно наконецъ признался: „наша лѣстница, говоритъ, такъ отвратительна, что мнѣ совѣстно передъ ними!“ Рано самолюбивъ, ты скажешь; но теперь они всѣ такіе! Если взять въ соображеніе удобства новой квартиры, легко можно примириться съ ея цѣною. Дорога̀ не столько квартира — до̀рого ея устройство. Домъ новый; окна и двери несравненно выше, чѣмъ въ прежнемъ; пришлось перемѣнить портьеры и оконные занавѣсы и заодно перебить той же матеріей мебель въ гостиной и столовой. Все это, конечно, расходы и расходы, но какъ быть — иначе невозможно! Сами вездѣ бываемъ — надо также къ

себѣ принимать, какъ это подчасъ ни бываетъ тягостно для кармана. Наши денежныя дѣла, надо надѣяться, поправятся, какъ только мой Поль перейдетъ въ новое министерство. Это уже окончательно рѣшеное дѣло. Надняхъ у мужа было объясненіе съ теперешнимъ его патрономъ, — объясненіе, послѣ котораго дальше у него нельзя оставаться; судите сами: Поль рѣшился наконецъ просить у него прибавки жалованья и говоритъ ему: „получая всего, съ тѣмъ, что имѣю изъ деревни, семнадцать тысячъ въ годъ, вы понимаете, съ этимъ, имѣя жену, дочь и сына, которыхъ надо воспитывать, невозможно, въ извѣстномъ положеніи, жить въ Петербургѣ“; что жъ, ты думаешь, тотъ на это отвѣтилъ? „Не понимаю, говоритъ, у меня три сына и двѣ дочери, я никогда не проживалъ болѣе десяти тысячъ — и могу васъ увѣрить, хорошо воспитывалъ дѣтей и самъ всегда жилъ прилично“. Но это еще не все; минуту спустя онъ прибавилъ: „я, говоритъ, охотно исполнилъ бы вашу просьбу, если бъ мы были въ Турціи...“ Мужъ удивился, спрашиваетъ: „Почему?“ — „Потому, отвѣтилъ тотъ, — что въ Турціи служащимъ денегъ обыкновенно не платятъ, тогда какъ у насъ платить надо...“ Бѣдный мой Поль вернулся домой весь разстроенный; на немъ лица не было; насилу я его успокоила. И какъ не утѣшить мужа, который только и думаетъ, какъ бы угодить женѣ, всегда предупредителенъ и деликатенъ! Недѣлю послѣ того, какъ мы возвратились изъ Петергофа, сажусь въ карету (мы обмѣняли на нее ландо, который въ городѣ не такъ нуженъ) — не слышу подъ собой шума мостовой, качусь какъ по бархату: это былъ сюрпризъ моего Поля! Не сказавъ мнѣ слова, онъ велѣлъ обтянуть шины колесъ гуттаперчей! Дѣти вернулись изъ деревни къ первому сентября. Я не совсѣмъ довольна Мери: какая-то блѣдная и кислая; гувернантка увѣряетъ, что это отъ молочной пищи; не вѣрю; это всего скорѣй происходитъ отъ несвоевременнаго развитія и роста; по Кокѣ совершенный молодецъ. Съ нѣкоторыхъ поръ его узнать нельзя: въ умѣньи держать себя, въ манерахъ начинаетъ проглядывать настоящій джентльменъ...“

На этомъ мѣстѣ чтеніе письма было прервано неожиданнымъ появленіемъ старой няни. Войдя въ кабинетъ, она торопливо проговорила:

— Батюшка Иванъ Петровичъ, у насъ тамъ на мельницѣ не ладно... Прибѣжалъ Аѳанасій, сказываетъ: наводокъ, вода черезъ плотину пошла...

Иванъ Петровичъ быстро поднялся съ мѣста и пошелъ къ двери. Жена и сестра начали его упрашивать остаться, убѣждая, не лучше ли прежде послать за мельникомъ и разспросить его; няня присоединилась къ нимъ, говоря, что дождь льетъ ливмя и ночь темная— зги не видать; Иванъ Петровичъ ничего не хотѣлъ слушать; сообщеніе Прокофьевны, по всему было видно, встревожило его не на шутку; упрашивая со своей стороны жену и сестру не безпокоиться, онъ началъ суетливо одѣваться.

V.

Не успѣлъ онъ сдѣлать двадцати шаговъ по двору, какъ подъ лѣвую его руку просунулась другая рука, и кто-то подлѣ него зашлепалъ по водѣ.

— Что ты дѣлаешь, Саша, зачѣмъ это?.. Дождь льетъ какъ изъ ведра... Тьма кромѣшная... Какая ты, право!.. проговорилъ Кирсановъ съ укоромъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прижимая къ себѣ локтемъ женину руку.

— Сердись сколько хочешь — одного не пущу... Богъ знаетъ, что тамъ на мельницѣ... Начнешь суетиться... Нѣтъ, нѣтъ... Не пущу, не пущу!..

Мельница находилась недалеко, за садомъ; но темень, ихъ окружавшая, была такъ велика, что даже послѣ того, какъ они къ ней присмотрѣлись, надо было подошвами ощупывать дорогу, чтобы не попасть въ колеи, превращенныя въ шумящіе ручьи. Дождь, движимый порывами вѣтра, ходилъ изъ стороны въ сторону, билъ по лицу, замедляя шаги; оба поминутно скользили, и только поддерживая другъ друга, могли кое-какъ подвигаться къ рѣчкѣ; она просвѣчивала въ темнотѣ между совершенно черными берегами; сколько можно было различить съ перваго взгляда, вода въ ней была выше и шире обыкновеннаго; быстрота теченія сопровождалась глухимъ рокотаньемъ. Къ шуму вѣтра и ливня, хлеставшаго по ближайшимъ ветламъ, присоединились со стороны мельницы крики нѣсколькихъ голосовъ, подтверждавшіе, что тамъ дѣйствительно происходило что-то несовсѣмъ ладное.

Ускоря по возможности шаги, Иванъ Петровичъ и его

жена приблизились къ плотинѣ. Тутъ встрѣтили они цѣлую толпу; по голосамъ только можно было узнать людей; стояли: мельникъ, его жена, работники и крестьяне, прибѣжавшіе изъ деревни. Всѣ надрывались, крича и суетясь, подлѣ плотины, черезъ которую съ грохотомъ валила вода, превращаясь ниже въ пѣну, бѣлѣвшую среди мрака.

Въ первую минуту изъ-за темноты и ливня ничего нельзя было разобрать; раздавались только крики и отрывчатые возгласы:

— Эй, Филиппъ! Филиппъ!.. Пропасть должонъ... Какъ разъ снесетъ... Брось, брось, говорятъ! Эй, Филиппъ!!.. Господи Милосердый!!.. Эка оказія! твердилъ между тѣмъ мельникъ, хлопая ладонями по полушубку.

У Ивана Петровича было отличное зрѣніе; но сколько онъ ни напрягалъ глазъ въ ту сторону, откуда слышались крики, — ничего не могъ разглядѣть въ темнотѣ; слышалось только, какъ грохотала вода, скатываясь куда-то въ бездну.

— Что такое? Что? Кому кричите? проговорилъ онъ, входя въ толпу.

Нѣсколько человѣкъ, перебивая другъ друга, объяснили, что Филиппъ — одинъ изъ работниковъ, вопреки увѣщаній, забрался на середину плотины и, рискуя каждую минуту—спаси Господи!—быть увлеченнымъ стержнемъ, усиливается поднять тварню, чтобы пропустить воду.

— Какъ! вскричалъ Иванъ Петровичъ, — человѣкъ гибнетъ, а вы тутъ тарабарите да суетитесь безъ толку...

— Батюшка, Иванъ Петровичъ, никто его не неволилъ, самъ пошелъ, говорили одни. — Эй, Филиппъ! Филиппъ! надрывались другіе съ удвоенной силой.—Можетъ-статься Богъ поможетъ ослобонить тварню-то...

— Богъ съ ней! Душа человѣческая дороже, — ребята, сюда! кричалъ Иванъ Петровичъ, — становись въ цѣпь! Живо, рука за руку... Шестъ скорѣй... Переднему шестъ въ руки... Такъ! Дружно! Эй, молодецъ! эй, Филиппъ! подхватилъ онъ, тщетно стараясь разсмотрѣть того, къ кому обращался, — держись крѣпче! Крѣпче держись!..

Цѣпь живо составилась. Одинъ изъ крестьянъ вызвался идти впередъ; ему подали шестъ. Держа его въ

правой рукѣ, онъ вошелъ въ воду и началъ взбираться на плотину, сначала робко, потомъ смѣлѣй; за нимъ, гуськомъ, держась руками одинъ за другого, пошли остальные.

Прошла минута тягостнаго ожиданія; у Александры Васильевны колотило сердце и замиралъ духъ.

Внезапно вдалекѣ изъ мрака послышался голосъ:

— Держусь!.. Ступай назадъ, ребята!..

Немного погодя, на берегъ вышелъ одинъ, за нимъ другіе и, наконецъ, показался Филиппъ.

— Ничего, ваше благородіе, проговорилъ онъ, подходя къ Ивану Петровичу,—маленечко того... подмочило, а то ничего...

Едва договорилъ онъ послѣднія слова, раздался страшный трескъ, плотина рухнула—и вода съ яростнымъ гуломъ покатила между уцѣлѣвшими сваями.

Кирсановъ судорожно вздрогнулъ. Онъ сдѣлалъ шагъ къ мельнику, оплошность котораго была всему виною, но, почувствовавъ подъ рукою руку жены, тотчасъ же овладѣлъ собою. Обратясь къ Филиппу и остальнымъ крестьянамъ, бывшимъ на плотинѣ, онъ уже спокойнымъ, ласковымъ голосомъ велѣлъ имъ всѣмъ придти къ себѣ на слѣдующее утро.

VI.

Ливень продолжалъ лить; вѣтеръ шумѣлъ въ деревьяхъ; темнота попрежнему мѣшала различать дорогу.

Мужъ и жена, поддерживая другъ друга, нѣсколько минутъ молча направлялись къ дому.

— Помнишь ли, ты говорила: „авось! авось! все поправится“, стараясь ободрить меня, когда я жаловался на засуху, проговорилъ Иванъ Петровичъ, — вотъ тебѣ еще примѣръ тому, какъ на авось разсчитывать... Всѣ мы такъ недавно еще радовались, думали: годъ, слава Богу, минулъ благополучно; тревоги и заботы кончились; авось, можемъ теперь успокоиться... Вотъ тебѣ и авось! Недосмотръ мельника, неожиданный ливень, глупый случай— и всѣ наши надежды унесло, какъ ту плотину... Сколько опять съ нею новыхъ хлопотъ, сколько новыхъ расходовъ!..

— Ты только забылъ, что благодаря этому глупому случаю, какъ ты его называешь, ты спасъ жизнь человѣку, тихо проговорила жена.

— Правда, не сердись, не буду больше жаловаться, вымолвилъ Кирсановъ измѣнившимся голосомъ.

Обогнувъ уголъ сада, они различили сквозь темноту и дождь нѣсколько огней и пошли на нихъ смѣлѣе, чѣмъ шли прежде.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Кольцовъ.

Я помню, какъ дѣтьми съ румяными щеками
По снѣгу хрупкому мы бѣгали съ тобой,
Насъ добрая зима косматыми руками
Ласкала и къ огню сгоняла насъ клюкой...
Полонскій.

I.

Иванъ Петровичъ вставалъ очень рано; онъ просыпался какъ только занимался день.

Открывъ глаза, онъ нѣсколько удивился сильному свѣту на стѣнахъ и особенно на потолкѣ. Подумавъ сначала, не проспалъ ли онъ, но въ ту же минуту догадавшись въ чемъ дѣло, онъ съ величайшей осторожностью поднялся съ постели, наскоро набросилъ халатъ и, весьма довольный тѣмъ, что жена спала крѣпкимъ сномъ, на цыпочкахъ прокрался къ окну.

Окно выходило на дворъ, окруженный сараями, амбарами и заборомъ, отдѣлявшимъ дворъ отъ огорода. Крыши строеній, огородныя гряды, край забора и самый дворъ были покрыты пушистымъ слоемъ снѣга, выпавшимъ за ночь; послѣднія снѣжныя хлопья вились еще кое-гдѣ въ воздухѣ, отдѣляясь на сѣромъ небѣ.

Бережно отворивъ дверь, Кирсановъ спустился въ кабинетъ. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что зима смѣнила дождливую осень. Низменный полетъ журавлей, гусей, собиравшіеся стадами въ лугахъ подлѣ рѣчки, не обманули ожиданій: зима дѣйствительно стала ранѣе, чѣмъ въ послѣдніе два года.

II.

Одною изъ главныхъ теперешнихъ его заботъ была плотина; ее надо было выстроить совершенно заново; берега,

сильно подмытые паводкомъ, требовалось также укрѣплять. Наступающіе холодъ и морозы, связывая землю и покрывая воду льдомъ, позволятъ скорѣе и удобнѣе вести работу. Съ конца октября Иванъ Петровичъ цѣлые дни проводилъ на мельницѣ или въ лѣсу, присматривая, какъ рубили деревья для свай и различныхъ скрѣпленій для плотины.

Въ домѣ, между тѣмъ, жизнь текла обычнымъ порядкомъ. Александра Васильевна каждый день просиживала четыре часа съ дѣтьми. Ольга Петровна уходила на это время въ свою школу. Она возвращалась обыкновенно до сумерекъ, брала дѣтей и отправлялась съ ними къ отцу на мельницу или оставалась съ ними на дворѣ, гдѣ устроенъ былъ катокъ и ледяныя горы. Вечеромъ, до того часа, когда подавали самоваръ и дѣтей укладывали спать, семья собиралась въ столовой, единственной просторной комнатѣ.

По мѣрѣ того, какъ вырастали дѣти, укоренялся обычай не позволять имъ оставаться праздными. Выборъ занятій предоставлялся врожденному вкусу каждаго, но непремѣнно всѣ должны были что-нибудь дѣлать. Соня и Лиза шили крошечные чепчики и выводили замысловатые фестоны на свивальникахъ для крестниковъ, которыхъ было у нихъ много на деревнѣ. Сережа, послѣ знакомства со старымъ садовымъ караульщикомъ, старался до поту лица надъ деревянной, весьма сложной постройкой, съ рѣзными балконами и украшеніями.

Работа прерывалась тогда только, когда слишкомъ уже сильно затрагивалось любопытство тѣмъ, что вслухъ читала тетка. Въ такихъ случаяхъ оживлялись даже сонливые глаза старой няни, часто сидѣвшей тутъ же, съ Катей на колѣняхъ. Прислушиваясь къ похожденіямъ въ дикихъ лѣсахъ, встрѣчамъ съ дикими, стадами слоновъ, громадными змѣями и тиграми, она откидывалась назадъ, крестилась, прижимала сильнѣе къ себѣ свою любимицу, какъ бы желая ее предохранить отъ приближенія дикаго звѣря, иногда вставляла такое замѣчаніе, отъ котораго раздавался вокругъ веселый смѣхъ.

Въ прежніе годы, однообразіе зимняго времени оживлялось тѣмъ, что заѣдетъ бывало тотъ или другой изъ сосѣдей; но такихъ близкихъ сосѣдей теперь не было. У кого деревню продали съ публичнаго торга; кто оставилъ ее, не бывъ въ силахъ, по слабости характера, спра-

виться съ новыми порядками; кто, заблаговременно вырубивъ лѣсъ до послѣдней тычинки, самъ скорѣй ее продалъ и переселился въ городъ. Ихъ замѣнили новые владѣльцы, большею частью кулаки, съ которыми Кирсановы не водили знакомства, не встрѣчались даже, развѣ когда дѣла непремѣнно этого требовали.

III.

Несмотря на то, что жизнь ограничивалась исключительно „своими", можно положительно сказать: никто не чувствовалъ скуки.

Тому, кто не жилъ въ деревнѣ, считая ее своимъ роднымъ гнѣздомъ, не былъ къ ней кровно привязанъ и не любилъ ее всѣмъ сердцемъ, тому, конечно, трудно понять, чѣмъ можетъ довольствоваться, зимою особенно, коренной сельскій житель. Онъ съ дѣтства ко всему здѣсь привязанъ, все ему дорого, — дороги предметы, дороги люди, его окружающіе. Встрѣчаемые на улицѣ бѣлые какъ лунь старики носили его на рукахъ, когда онъ былъ ребенкомъ. Ихъ внучатъ онъ самъ теперь ласкаетъ и беретъ на руки. Сближеніе съ народомъ замѣтно дѣлается чувствительнымъ зимою, когда никого почти нѣтъ въ разбродѣ, всѣ почти налицо, всѣ скучены въ своихъ избахъ, густо прикрытыхъ соломой и полузанесенныхъ снѣгомъ. Самые случаи такого сближенія встрѣчаются зимою чаще, чѣмъ въ другое время. Рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы Александрѣ Васильевнѣ или Ольгѣ Петровнѣ не приходилось сталкиваться съ живою жизнью, прійти на помощь больному, навѣстить родильницу.

IV.

На дворѣ глухая морозная ночь. Въ господскомъ домѣ тепло. Двѣ лампы, прикрытыя бумажнымъ колпакомъ, обливаютъ свѣтомъ руки хозяевъ дома, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ любоваться дѣтскими головками, хлопотливо наклоненными надъ работой.

Внезапно кто-то проходитъ мимо оконъ, скрипя по снѣгу. Въ сѣняхъ слышится говоръ.

— Что тамъ? обращаются съ вопросомъ къ старой нянѣ, бережно отворившей дверь.

— Пришла Антонова сноха... Плохъ, говоритъ... Лѣкарства проситъ...

— Какъ же такъ?.. Вчера ему было гораздо лучше, говоритъ Александра Васильевна, подымаясь съ мѣста.

— Останься, Саша, подхватываетъ Ольга Петровна, поспѣшно вставая,—сегодня моя очередь...

— Съ Богомъ, когда такъ! говоритъ Иванъ Петровичъ, отрываясь на минуту отъ чтенія.

Ольга Петровна, закутанная съ головою въ сибирскій яргакъ, въ неуклюжихъ мѣховыхъ сапогахъ, пробирается со двора на улицу, сопровождаемая снохою Антона; фонарь въ рукахъ бабы, бросая на снѣгъ свѣтлую рѣшетчатую звѣзду, колеблемую при каждомъ шагѣ, усиливаетъ только окружающую темень. Приходится идти осторожно: чуть въ сторону отъ пробитой тропы, сейчасъ утонешь въ снѣгу по колѣна. Наканунѣ была метель; снѣгъ, несомый по улицѣ и въ то же время отбиваемый отъ избъ напоромъ въ нихъ вѣтра, наслоился передъ ними высокими сугробами. Попасть въ избу иначе нельзя, какъ взобравшись сначала почти въ уровень съ косякомъ и потомъ вдругъ круто спустившись къ воротамъ.

Изъ окна Антоновой избы блеснулъ свѣтъ; но его поминутно заслоняли. Глухой говоръ раздавался изнутри.

— Что это? спросила Ольга Петровна.

— Народъ, матушка, сбѣжался, думаютъ—помираетъ... отвѣчала сноха, суетливо входя въ сѣни и направляя фонарь къ низенькой двери, кругомъ обтыканной паклей, побѣлѣвшей отъ измороси.

Дверь отворилась, выпустивъ густой клубъ сѣдого пара, точно изъ бани. Несмотря на привычку посѣщать зимою крестьянскія избы, Ольга Петровна невольно отшатнулась. Прямо съ мороза едва можно было перевести духъ отъ тучнаго, жарко нагрѣтаго воздуха. Изба биткомъ была набита народомъ, преимущественно бабами и ребятами.

Ольга Петровна поспѣшно освободилась отъ яргака. Фонарь, поставленный снохою у входа въ лавку, освѣтилъ прежде всего голову теленка съ большимъ выпученнымъ глазомъ. Привязанный за шею веревкой, тѣснимый толпою, теленокъ вертѣлся во всѣ стороны и положительно давился. Посреди шушуканья, отрывочныхъ восклицаній, оховъ и аховъ, слышался старческій, разбитый голосъ Антоновой хозяйки; она нараспѣвъ, жалобно голосила, какъ по покойникѣ.

V.

Въ деревнѣ всѣ хорошо знали Ольгу Петровну. Ей тотчасъ же очистили дорогу.

Огарокъ на столѣ и двѣ желтенькія свѣчи въ углу передъ образами тускло горѣли въ сгущенномъ воздухѣ, распуская вокругъ себя мерцанье молочнаго цвѣта. Подойдя ближе къ больному, можно было однакожъ разсмотрѣть его черты.

Антонъ лежалъ головою къ образамъ на лавкѣ, прикрытый соломой; въ углубленіи его глазъ стояла густая тѣнь, изъ которой выдвигалась заостренная профиль исхудалаго лица и ниже — кончикъ сѣдой бороды. Ноги его недвижно, какъ у мертваго, вытягивались вдоль лавки. Тутъ же виднѣлась голова его старухи, прикрытая темнымъ платкомъ; изъ-подъ него выходили стоны и жалобныя причитанья. Къ ней тотчасъ же присоединилась сноха, провожавшая Ольгу Петровну. Она стала подлѣ и, приложивъ правую ладонь къ щекѣ, склонивъ на-бокъ голову, принялась, какъ бы по заказу, вторить старухѣ.

Ольгу Петровну не первый разъ возмущалъ обычай причитать надъ трудно-больнымъ, какъ надъ покойникомъ. Она понимала очень хорошо, что обычай этотъ доказываетъ, какъ мало вообще народъ избалованъ надеждой, какъ, не привыкнувъ обманывать себя успокоительными мечтаніями, онъ непосредственно, безъ размышленія, отдается своему горю, считая его неисправимымъ, конечнымъ. Она знала, что преждевременныя слезы и голошенье, — мимо истинной скорби, — вызваны также отчасти опасеніемъ, чтобы люди не осудили родныхъ въ равнодушіи къ умирающему; тѣмъ не менѣе, всякій разъ не могла она побѣдить въ себѣ горькаго, досадливаго чувства.

— Не стыдно ли вамъ, бабы... чего не видали?.. Хоть бы ребятъ-то не приводили, по крайней мѣрѣ... говорила она полушопотомъ, обращаясь то къ той, то къ другой.— Больному безъ того тяжко, а вы крикомъ кричите ему подъ ухо, что онъ умеръ... Не грѣхъ ли вамъ! Ступайте-ка по домамъ, да ребятъ уводите... Имъ дѣлать здѣсь нечего...

Многія послушали ее и стали уходить.

Въ первую минуту ее удивила внезапная перемѣна въ положеніи больного. Наканунѣ, говорила Александра Васильевна, ему было гораздо лучше. Хотя, какъ во-

дится, дали знать спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ занемогъ, была еще возможность помочь ему; теперь врядъ ли оставалась надежда. Вопреки вчерашнему приказанію Александры Васильевны положить больного въ дальній уголъ и не сымать компрессовъ, — онъ сутки цѣлыя пролежалъ больнымъ бокомъ подъ самымъ окномъ, въ которое дуло какъ сквозь рѣшето; компрессы были также сняты.

На вопросъ, почему такъ сдѣлали, сноха отвѣчала:

— Самъ велѣлъ, матушка... Тяжко, говоритъ... Положите, говоритъ, подъ образа... Сняли что̀ вечоръ барыня велѣла прикладывать и положили его сюда... Ослушаться не посмѣли...

Ольга Петровна подошла къ больному и приложила ладонь къ его сердцу; не чувствуя больше его колебанья, она перекрестилась. Напрасно было утѣшать старуху: она могла теперь причитать вволю: все было кончено!..

VI.

Ольга Петровна покинула избу съ невыразимо тяжелымъ чувствомъ. Настоятельно потребовавъ, чтобы сноха не сопровождала ее какъ прежде, — она взяла изъ ея рукъ фонарь, не замѣтивъ второпяхъ, что въ немъ погасъ огарокъ,—и вышла на улицу.

Желая вѣроятно скрыть отъ семьи только что пережитое впечатлѣніе, она остановилась на нѣсколько минутъ подлѣ калитки господскаго дома. Прислонившись спиною къ перекладинѣ, она обернулась къ пройденной ею дорогѣ, въ ту сторону, гдѣ находилась деревня. Кругомъ зги не было видно; снѣгъ обозначался только тѣмъ, что хрустѣлъ подъ ногами; въ десяти шагахъ онъ уходилъ въ ночь, постепенно утрачивая свой бѣлесоватый отблескъ. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ смутно мелькали огоньки; не будь ихъ, — могло казаться, что не только тутъ, подъ бокомъ, въ деревнѣ, но за многія сотни верстъ въ окружности нѣтъ живого существа, все вымерзло и вымерло. Чуть слышно пронесется звукъ... Что это?.. Собаки или волки взвыли неожиданно далеко-далеко за рѣкою?..

Если бъ края капора, покрывавшаго до самыхъ глазъ голову Ольги Петровны, могли въ эти минуты распахнуться и свѣтъ внезапно освѣтилъ бы ея лицо, легко было бы убѣдиться, какъ мало окрестная тишина вносила спокойствія въ ея душу. Не отрывая задумчивыхъ глазъ

отъ мигающихъ огоньковъ, она съ печалью переносилась мысленно къ другимъ деревнямъ, разбросаннымъ вокругъ въ необозримыхъ пространствахъ; деревни эти считались тысячами и всѣ точно такъ же были теперь занесены снѣгомъ съ непроглядною ночью надъ ними... Вездѣ было одинаково глухо и дико, точно особенное какое-то царство, отрѣзанное безъ сообщенія съ другимъ свѣтлымъ міромъ... Бѣжать скорѣй, бѣжать отъ этого мрака!.. „Нѣтъ, думала Ольга Петровна,—нѣтъ, такъ могутъ говорить или слабыя духомъ, или невѣрующія въ будущность человѣческаго успѣха, или, наконецъ, тѣ, которыя ничѣмъ не связаны съ судьбой отечества и народа... Нѣтъ, не бѣжать отъ этого мрака, но остаться въ немъ, стараясь всѣми силами побѣдить его и разсѣять...“

Она отворила калитку, оглянула, проходя мимо, флигель, гдѣ была ея школа, и вошла въ домъ.

VII.

. . . . . .

За нѣсколько дней до Рождества, въ сумерки, передъ крыльцомъ господскаго дома остановились пошевни съ сидѣвшимъ въ нихъ Иваномъ Петровичемъ. Мѣховая шапка, шуба, борода и усы бѣлѣли отъ снѣжной пыли. Приказавъ кучеру обогнуть домъ и остановиться у задняго крыльца, онъ отряхнулъ съ себя снѣгъ, вышелъ изъ пошевней и прямо направился въ прихожую, гдѣ ждала его вся семья.

Нельзя было не замѣтить, какъ, цѣлуя дѣтей, онъ въ то же время обмѣнивался съ женой и сестрой какими-то таинственными взглядами. Нельзя было также не замѣтить особеннаго одушевленія на дѣтскихъ лицахъ; радость видѣть отца — была сама по себѣ; помимо этого, глаза жадно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Ясно было: всѣ чего-то ждали, думали: вотъ-вотъ, сію минуту, сейчасъ все откроется: но любопытство ихъ не было удовлетворено; оно тѣмъ не менѣе не успокоилось; съ той минуты, какъ отецъ и мать вошли въ кабинетъ, до той минуты, когда надо было отправиться спать, имъ положительно не сидѣлось на мѣстѣ. Всякій разъ, какъ въ коридорѣ раздавались шаги и что-то переносили изъ заднихъ комнатъ въ кабинетъ, всѣ чутко прислушивались, начинали скакать и вдругъ, безъ всякой видимой причины, бросались цѣловать тетю Олю.

На слѣдующій день любопытство усилилось еще тѣмъ, что двери кабинета и большой столовой были наглухо заперты. Много нужно было терпѣнія, чтобы водворять между ними спокойствіе; не успѣвала Ольга Петровна посадить одного, какъ уже другой прокрадывался къ двери, стараясь прислушаться и заглянуть въ замочную скважину.

У Кирсановыхъ канунъ Рождества праздновался всегда съ большой торжественностью. За недѣлю, Иванъ Петровичъ отправлялся обыкновенно въ губернскій городъ дѣлать покупки для елки, и надо сказать, всякій разъ переходилъ границы той программы, которую заблаговременно составлялъ совмѣстно съ женой и сестрой. „Не сердитесь, что дѣлать,—сердце не камень!“ говорилъ онъ смѣясь, когда обѣ входили въ кабинетъ, гдѣ всѣ столы, диванъ, стулья, оказывались заставленными подарками для дѣтей, прислуги, крестьянскихъ ребятишекъ и дѣвочекъ, отличившихся въ школѣ сестры.

Въ день елки, къ шести часамъ вечера, трудно было пробраться въ толпѣ дворовыхъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, тѣснившихся въ прихожей и двухъ сосѣднихъ съ ней комнатахъ. Впереди становилась Ольга Петровна съ племянникомъ и племянницами, и тутъ же всегда можно было видѣть старую Прокофьевну съ Катей на рукахъ.

Посреди сдержаннаго шопота и нетерпѣливаго топтанья ногъ, внезапно раздавались три звонко дребезжавшіе удара въ мѣдный тазъ, дверь въ столовую растворялась настежь, — и елка показывалась во всемъ своемъ блескѣ, съ сотнями зажженныхъ свѣчей, цвѣтными фонарями, серебряными нитками, ниспадавшими сверху донизу, золочеными орѣхами и пряниками всѣхъ возможныхъ видовъ, конфетами и подарками, разложенными на нѣсколькихъ столахъ.

Сдержанное шушуканье смѣнялось говоромъ удивленья, и толпа валила въ столовую, обступая елку рядами восторженно-радостныхъ лицъ...

. . . . . .

VIII.

Вскорѣ послѣ Новаго года получено было письмо изъ Петербурга отъ сестры Александры Васильевны.

„Пишу вамъ наскоро, дорогіе друзья“, сообщала она, „пишу съ тѣмъ, чтобы вы раздѣлили съ нами нашу радость: къ Новому году, мой Поль получилъ наконецъ лен-

ту! Можете судить, въ какомъ мы всѣ восхищеньи! Онъ такъ давно желалъ этого; сколько разъ его такъ несправедливо обходили! Но это еще не все: помнишь, три года тому назадъ, какъ горевалъ онъ, и конечно я вмѣстѣ съ нимъ, когда, благодаря чину, надо было ему разстаться съ камеръ-юнкерскимъ мундиромъ. Теперь оба мы утѣшились: Полю открылась надежда сдѣлаться камергеромъ и мнѣ, слѣдовательно, предстоитъ имѣть входъ ко Двору (но, пока, это еще подъ секретомъ). Всѣмъ этимъ обязаны мы новому нашему начальнику. Я бы попросту назвала его „душкой", какъ называли у насъ въ институтѣ любимыхъ учителей, — если бы такое названіе не отзывалось чѣмъ-то дѣтскимъ. Мой Поль отъ него въ восхищеньи: милъ, привѣтливъ, любезенъ! Служба притомъ у него самая легкая; главнымъ образомъ, требуется только не утомлять его деталями; такъ уже у него принято, и всякій разъ, какъ кто-нибудь является съ докладомъ, секретарь или дежурный чиновникъ предупреждаетъ заранѣе, чтобы передавать въ короткихъ словахъ сущность дѣла, не утомляя деталями. Я этому совершенно сочувствую; вѣроятно и мужъ твой, какъ человѣкъ дѣловой, будетъ моего мнѣнья; оно и понятно: умъ администратора, не затрудняемый мелочами,—сохраняетъ свою свѣжесть, яснѣе видитъ сущность дѣла; что же касается подчиненныхъ—ихъ трудъ и служба въ значительной степени облегчаются. Я нѣсколько разочаровалась въ его женѣ; съ тѣхъ поръ какъ мой Поль служитъ у ея мужа, въ ея отношеніяхъ ко мнѣ сталъ чувствоваться оттѣнокъ чего-то протекторскаго, — словомъ, задираетъ носъ и величается; я руковожусь дипломатическимъ пріемомъ: не показываю ей вида и любезна съ ней попрежнему; но придетъ время, мы поквитаемся! Зиму провели мы, вращаясь постоянно въ какомъ-то круговоротѣ: утромъ—благотворительные комитеты (въ одномъ меня выбрали предсѣдательницей, въ двухъ другихъ я только членъ), дешевыя столовыя (я участвую въ двухъ); съ четырехъ часовъ визиты; вечеромъ обѣдъ или балъ. Было очень весело, но оба мы ужасно устали. Докторъ совѣтуетъ мнѣ непремѣнно ѣхать лѣтомъ въ Франценсбадъ; моего Поля—посылаютъ въ Виши. Дѣти, слава Богу, здоровы. Кокò, къ сожалѣнью, лѣнится и не перешелъ въ другой классъ; но это потому, что кто-то внушилъ ему мысль оставить гимназію, перейти въ кавалерійское училище и затѣмъ поступить въ гвардію. Мы

думали опредѣлить его по окончаніи курса въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ и, благодаря нѣкоторой протекціи, открыть ему путь къ дипломатической карьерѣ,—онъ слышать не хочетъ: ему уже теперь мерещится гусарскій полкъ, гдѣ служили его двое дядей и дѣдушка. Намъ хотѣлось къ Рождеству сдѣлать елку, но оба отказались, прося, вмѣсто того, дать имъ денегъ. Какъ видишь, дѣти стали теперь практичны и не отстаютъ отъ взрослыхъ. Ахъ, эти деньги! деньги!.. Кому онѣ не нужны? Къ концу года намъ было очень трудно; бѣдный мой Поль долженъ былъ обратиться въ Дворянскій банкъ и заложить нашу Будиловку. Говорятъ, это очень выгодно: приходится платить въ годъ какой-то ничтожный процентъ, между тѣмъ какъ капиталъ остается на рукахъ и можно имъ распорядиться съ большимъ успѣхомъ. Вы всѣ, конечно, будете насъ за это бранить, твой мужъ въ особенности... Но осуждать очень легко; другое сказали бы, попробовавъ пожить въ Петербургѣ нашей жизнью..."

— Сохрани меня и помилуй Богъ! произнесъ Иванъ Петровичъ, и даже перекрестился.

— Меня также! проговорила Александра Васильевна.

— Меня и спрашивать нечего, само-собой разумѣется! заключила Ольга Петровна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года,
Синѣя блещутъ небеса.

Пушкинъ.

Заодно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Кольцовъ.

I.

Въ мартѣ получено было изъ Петербурга и отъ того же лица новое письмо.

Вотъ его содержаніе:

„Милая Alexandrine, — вамъ изъ газетъ вѣроятно уже извѣстно, что нашъ министръ долженъ былъ неожиданно оставить министерство и получилъ новое назначеніе. Но

вы не знаете главной новости; мы сами узнали ее всего четыре дня тому назадъ: министерствомъ будетъ управлять прежній начальникъ Поля,—тотъ самый, съ которымъ онъ долженъ былъ разстаться, примѣтивъ въ немъ явное къ себѣ нерасположеніе. Послѣ того, что произошло между ними, Полю невозможно продолжать службу въ томъ же вѣдомствѣ. Что дальше будетъ, — не знаемъ; пока, очень тяжело. Все это до такой степени взволновало моего бѣднаго Поля, — онъ захворалъ и теперь лежитъ въ постели. Всѣ эти дни я положительно не выходила изъ кареты; мечусь по городу, стараясь переговорить съ тѣмъ и другимъ изъ знакомыхъ вліятельныхъ лицъ, которыхъ всегда такъ трудно застать, когда въ нихъ нуждаешься, — стараюсь узнать ихъ мнѣніе, расположить ихъ къ намъ, — словомъ, подготовить насколько возможно благопріятно почву для будущаго. И все это, милый мой другъ, надо дѣлать съ такимъ видомъ, какъ будто чувствуешь себя совершенно спокойною, даже веселою, какъ будто пріѣхала съ тѣмъ, чтобы сдѣлать визитъ и разсказать забавный анекдотъ. Роль слезливой, встревоженной просительницы — сейчасъ испортитъ все дѣло. Здѣсь, болѣе или менѣе, всѣ о чемъ-нибудь просятъ, и вліятельныя лица такъ къ этому привыкли, что не обращаютъ на просьбы никакого вниманія, — развѣ въ тѣхъ случаяхъ только, когда касается близкихъ родственниковъ или лицъ постороннихъ, но которымъ выгодно оказывать протекцію. Съ этой стороны Петербургъ ужасенъ! Здѣсь могутъ быть счастливы только философы, которые увѣряютъ, что имъ ничего не нужно потому, что они богаты, у которыхъ, кромѣ того, нѣтъ ни самолюбія, ни благороднаго тщеславія, заставляющихъ искать извѣстнаго положенія на службѣ съ тѣмъ, чтобы занять извѣстное положеніе въ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, — мой Поль долженъ занять какое-нибудь мѣсто; оно необходимо столько же для насъ, сколько для дѣтей; безъ этого, намъ положительно нечѣмъ будетъ скоро сводить концы съ концами и воспитывать дѣтей. Къ непріятности нашего положенія, прибавилась, какъ на зло, еще домашняя непріятность: Кокò, по своему добродушію, былъ завлеченъ нѣсколькими товарищами, которые собирались по вечерамъ въ какой-то ресторанъ;—бѣдный мой мальчикъ, опасаясь огорчить меня и отца, не рѣшился прямо сказать намъ, что сдѣлалъ маленькій долгъ; но

неопытности, онъ далъ расписку какому-то плуту; прошло три мѣсяца,—платить было нечѣмъ; Кокò, по довѣрчивости, далъ другую расписку; такимъ образомъ, изъ пятидесяти рублей сдѣлалось двѣсти, которые надо было тотчасъ же уплатить, чтобы вся эта исторія не дошла до начальства. Все это, ты поймешь, прибавило къ разстройству моего Поля и моему собственному. Мери начинаетъ насъ утѣшать; блѣдность ея прошла; она растетъ, выпрямляется и обѣщаетъ быть хорошенькой... Но, слышу, звонятъ... Докторъ къ мужу; посѣщеніе, признаться, весьма непріятное; мы должны ему за двадцать визитовъ и придется просить подождать еще уплату денегъ. Прощай, цѣлую всѣхъ.—Nadine".

II.

Послѣ чтенія этого письма, пришлось долго утѣшать Александру Васильевну. Въ этомъ дѣятельно помогала брату Ольга Петровна, любившая настолько свою золовку, насколько была равнодушна къ бѣдствіямъ петербургскихъ родственниковъ. Иванъ Петровичъ раздѣлялъ на ихъ счетъ мнѣніе сестры, — но у него было меньше времени ими заниматься и мысленно переноситься въ Петербургъ. Онъ весь былъ поглощенъ другими, болѣе близкими интересами.

На первомъ мѣстѣ была мельница. Въ общей сложности, плотина обошлась дороже, чѣмъ онъ думалъ. Забивались новыя сваи, плитнякъ для укрѣпленія береговыхъ плечъ рыли въ снѣгу и возили изъ дальняго оврага, навозъ для запруды возили изъ деревни, доски — изъ города. Хлопотъ былъ полонъ ротъ, какъ говорится. Иванъ Петровичъ вздохнулъ свободнѣе, когда въ первый разъ пущена была вода и три маховыя колеса дружно завертѣлись, обдавая сѣдой пѣной бока мельничнаго амбара. Онъ окончательно успокоился только въ послѣднихъ числахъ марта, послѣ того какъ рѣка взломала ледъ, плотина выдержала его напоръ, разбросавъ его вмѣстѣ съ водою по берегамъ рѣчки, и, наконецъ, когда послѣдняя вступила въ берега свои.

Одно не удалось ему: увлеченный во время ночного наводка удальствомъ работника Филиппа, восхищаясь потомъ, при работѣ, его ловкостью и смѣткой, — онъ задумалъ было смѣнить мельника и посадить на его мѣсто Филиппа. Дальнѣйшія наблюденія убѣдили Ивана Петро-

вича въ необходимости отказаться отъ такого намѣренія. На Филиппа не было никакой возможности положиться; работалъ онъ превосходно, говорилъ крайне разсудительно; но стоило ему получить расчетъ — онъ вдругъ куда-то исчезалъ, пропадалъ иногда на цѣлую недѣлю, и возвращался всегда оборванный, — часто съ подбитымъ глазомъ. Иванъ Петровичъ старался всячески вразумить его, посылалъ къ женѣ и сестрѣ, которыя также старались его усовѣстить; Филиппъ всякій разъ слезно каялся, клалъ земные поклоны, благодарилъ, но съ первымъ же полученіемъ денегъ не выдерживалъ, пропадалъ снова, и приходилось его разыскивать. Оставалось только пожалѣть и безнадежно махнуть рукою.

III.

И то сказать надо: Кирсанову, менѣе чѣмъ когда-нибудь, былъ теперь досугъ останавливаться на одномъ предметѣ. Приближался апрѣль; вмѣстѣ съ нимъ, одна за другой подходили новыя заботы. Пока не о чемъ было слишкомъ безпокоиться; напротивъ, — все, куда только ни обращались глаза—должно было радовать дѣятельнаго хозяина. По всѣмъ скатамъ полей, обращеннымъ къ солнцу,—ровной пушистой скатертью зеленѣла озимь; на другихъ откосахъ, тамъ гдѣ почва подымалась бугромъ, начинала щетиниться новая травка; снѣгъ оставался только въ лѣсахъ, оврагахъ и еще кое-гдѣ по межамъ; подогрѣваемый сверху мартовскимъ солнцемъ, снизу—отходившей землей, онъ вездѣ осаживался, выставляя наружу черные засохшіе стебли прошлогоднихъ растеній; въ рыхломъ разъѣденномъ снѣгу, вокругъ каждаго стебля, можно было уже замѣтить пустое пространство, черезъ которое проходилъ воздухъ подогрѣтой земли. Въ лугахъ, по берегу рѣчки встрѣчались еще ледяныя глыбы, но стоило къ нимъ прикоснуться, онѣ разсыпались звонкими мокрыми иглами. Ночью и на зарѣ было еще холодно: земля стыла, снѣгъ сжимался, вода въ колеяхъ покрывалась тонкимъ кружевомъ льда. Но восходило солнце — и все оживало: колеи превращались въ ручьи; снѣгъ видимо дѣлался ноздреватымъ, таялъ, увеличивая съ каждымъ часомъ черныя проталины, надъ которыми заливались уже жаворонки, между тѣмъ какъ по самой проталинѣ важно расхаживалъ грачъ, первая хлѣбная птица. Ранній прилетъ птицъ возвѣщалъ теплую, дружную весну.

IV.

Утро Благовѣщенія было особенно великолѣпно.

Иванъ Петровичъ не утерпѣлъ и чѣмъ свѣтъ вышелъ изъ дому. Солнце восходило въ чистомъ, безоблачномъ небѣ; оно уже грѣло, несмотря на раннюю пору. Не довѣряя теплотѣ, чувствуемой на лицѣ, Иванъ Петровичъ нѣсколько разъ засучивалъ рукавъ и выставлялъ голую руку на воздухъ; но и на руку вѣяло также мягкой теплотой. Онъ пошелъ дальше по улицѣ деревни. Подлѣ ближайшей избы засталъ онъ убѣленнаго годами старика въ одной рубашкѣ. Заслоняя ладонью глаза, старикъ щурился къ восходу.

— Что, братъ, Демьянъ, каковъ денекъ для праздника! окликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Да, батюшка, благословилъ Господь... Думать такъ надо: скоро пахать поѣдемъ!..

Въ сосѣднихъ избахъ отворенныя ворота позволяли разсматривать другихъ стариковъ, хлопотавшихъ подлѣ бороны и сохи. На выгонѣ, за околицей, слышалось блеянье овецъ и мычанье коровъ, накануѣ выпущенныхъ на вольный воздухъ, на свѣжую траву.

Иванъ Петровичъ вышелъ въ поле, самъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, отчего такъ особенно было у него сегодня радостно на сердцѣ. Онъ обошелъ два поля; внимательно осмотрѣлъ въ одномъ озими, въ другомъ удостовѣрился, насколько земля держала ногу и позволяла начать пахоту. Онъ готовился перейти въ третье поле, но взглянулъ на солнце и едва могъ повѣрить, что такъ незамѣтно скоро прошло время.

Былъ уже десятый часъ утра. Желая укоротить путь къ дому, онъ направился задами деревни. Немного погодя онъ вошелъ къ себѣ на дворъ.

V.

Передъ крыльцомъ увидѣлъ онъ жену, сестру, старую Прокофьевну, двухъ прислужницъ, дѣтей, и между ними прыгающаго и лающаго шершаваго Милюшу. Ихъ всѣхъ тѣсно обступала толпа крестьянскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ. Прислужницы держали въ рукахъ сита съ печеными изъ тѣста жаворонками, которымъ, для бо́льшаго сходства, въ глаза и носъ воткнуты были зерна овса. Александра Васильевна и ея золовка одѣляли ими крестьян-

скихъ дѣтей, при чемъ няня, державшая на одной рукѣ Катю, приподымала всякій разъ на воздухъ свободную руку и вскрикивала тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ:

— Жаворонки прилетѣли!.. Жаворонки прилетѣли,— весну принесли!..

Возгласы пріумолкли тогда только, какъ въ ситахъ не осталось уже жаворонковъ и крестьянскія дѣти стали расходиться.

— Куда ты такъ долго уходилъ? обратилась Александра Васильевна къ мужу, какъ только онъ подошелъ къ крыльцу и дѣти бросились къ нему навстрѣчу.—Мы давно тебя ждемъ... Безъ тебя дѣти ни за что не соглашались...

— Что вы еще тамъ затѣяли?.. Что такое?.. добродушно повторялъ Иванъ Петровичъ, дѣлая видъ недоумѣнья, но въ то же время спѣша войти въ домъ, опережаемый дѣтьми и Милюшей, котораго почему-то не рѣшился онъ на этотъ разъ отогнать.

Всѣ направились въ кабинетъ. Онъ выходилъ угломъ: два окна смотрѣли въ садъ, гдѣ чернѣли влажные стволы липовой аллеи и подъ ними виднѣлся еще кое-гдѣ снѣгъ. Изъ двухъ другихъ оконъ открывался знакомый уже видъ на дорогу, берегъ рѣчки съ возвышавшимися надъ нею старинными ветлами; за ними тянулся лугъ, дальше спускались откосы, мѣстами покрытые лѣсомъ—пока еще сѣрымъ.

Въ двухъ шагахъ отъ перваго окна поставленъ былъ столъ; на немъ красовались большой тазъ, ручная метелка, клещи, долото, молотокъ, гвозди; обрывки бумажекъ и куски замазки, которыми залѣплены были на зиму оконныя рамы,—валялись подлѣ на полу. Операція открытія въ домѣ перваго окна на воздухъ, очевидно, была уже подготовлена; для ея окончанія, какъ водилось всякій годъ, ждали только Ивана Петровича.

Всѣмъ этимъ дѣломъ, по давно установленному правилу, предоставлялось завѣдывать старой нянѣ; она относилась къ нему самымъ ревнивымъ образомъ. Такъ и теперь было; никого не допуская помочь ей выдвинуть заржавленную задвижку, она сама принялась хлопотать надъ нею; задвижка наконецъ подалась, скрипнула, и первыя двѣ половинки окна отворились. Открытіе двухъ вторыхъ половинокъ потребовало еще больше времени: во-первыхъ, мѣшали дѣти; въ нетерпѣніи своемъ они совались впередъ, напирали на старуху, стѣсняя ея движенія; во-вторыхъ, слѣдовало прежде всего бережно смести

въ тазъ песокъ съ бумажными коробочками, наполненными солью; слѣдовало потомъ тщательно вычистить подоконникъ.

Провозившись еще минуту, Прокофьевна проговорила: „Господи благослови!“, перекрестилась, уперлась ладонями въ раму, — обѣ половинки вдругъ раскрылись, и въ кабинетъ волною хлынулъ весенній, обогрѣтый солнцемъ, воздухъ. Онъ былъ встрѣченъ восторженными криками. Тутъ уже никого нельзя было удержать, — даже благоразумную старшую Соню; о Сережѣ, — „будущемъ хлѣбопашцѣ“, и Лизѣ—говорить нечего; Александрѣ Васильевнѣ пришлось скорѣе взять на руки Катю, чтобы не затолкали ее вмѣстѣ съ Прокофьевной, у которой въ первомъ порывѣ суеты чепецъ совершенно сдвинулся на сторону; каждый рвался впередъ, каждому хотѣлось быть первымъ, чтобы сказать потомъ, что ему первому удалось подбѣжать къ окну.

Въ эту минуту, впрочемъ, никто изъ старшихъ не думалъ сдерживать дѣтскаго восторга. У всѣхъ какъ-то мягко было на сердцѣ; всѣмъ было слишкомъ хорошо, чтобы мѣшать порывамъ радостнаго чувства.

И въ самомъ дѣлѣ, отчего было однимъ—не выражать своего восторга, другимъ — не радоваться, когда все вокругъ смотрѣло такъ радостно, такъ весело! Когда все, что было передъ глазами, сіяло и нѣжилось, охваченное лучезарнымъ блескомъ!

Легко дышалось въ воздухѣ, приносившемъ запахъ обогрѣтой земли; надъ нею, безъ напряженія слуха, слышалось какъ заливались жаворонки; рѣчка сверкала зеркаломъ; за нею, въ зеленѣющихъ лугахъ, бѣлѣли стада гоготавшихъ гусей; ближе — щебетали воробьи, хлопотливо перелетая съ соломинкой въ носикѣ; доносилось отдаленное журчанье ручьевъ, катившихъ по холмамъ послѣдніе снѣжные остатки. Повсюду ходилъ одушевленный трепетъ, все вокругъ какъ бы открывало глаза и, весело осматриваясь, тянулось къ солнцу, возвращавшему жизнь.

На землѣ, въ воздухѣ, въ самомъ небѣ — носилось какое-то ликованье, что-то радостное и праздничное...

И праздникъ былъ также на душѣ тѣхъ, кто стоялъ теперь у открытаго окна. Одни радовались ему безотчетно; онъ радовалъ другихъ, открывая имъ въ душѣ просторъ для счастливыхъ надеждъ и мечтаній...

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

I.

Дѣтство.—Строгая бабушка.—Французскіе глаголы.—Старый камердинеръ Николай.—Поѣздка въ Москву.—Гимназія.—Пансіонъ Монигетти.—Случайный кандидатъ въ инженеры.—Пріѣздъ въ Петербургъ.

Въ кругу русскихъ писателей врядъ ли много найдется такихъ, которымъ въ дѣтствѣ привелось встрѣтить столько неблагопріятныхъ условій для литературнаго поприща, сколько было ихъ у меня. Во всякомъ случаѣ, сомнѣваюсь, чтобы кому-нибудь изъ нихъ съ такимъ трудомъ, какъ мнѣ, досталась русская грамота. Мать моя хотя и говорила по-русски, но была природная южная француженка; отецъ былъ малороссіянинъ; я лишился его, когда мнѣ было пять лѣтъ. Воспитаніемъ моимъ почти исключительно занималась бабушка (со стороны матери), шестидесятилѣтняя старуха, но замѣчательно сохранившаяся, умная, начитанная, вольтерьянка въ душѣ, насквозь пропитанная понятіями, господствовавшими во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія. Событія, которыхъ она была свидѣтельницей въ Парижѣ во время террора, какъ бы закалили ея характеръ, отличавшійся, вообще, твердостью и энергіей. Матушка благоговѣла передъ нею, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, боялась ея; она обращалась съ бабушкой не какъ тридцатилѣтняя вдова и хозяйка дома, а подобострастно, съ покорностью дѣвочки-подростка. Когда бабушка была не въ духѣ, матушка ходила на цыпочкахъ, бережно, безъ шума затворяла дверь; случалось, на бабушку нападетъ стихъ веселости,—она затягивала дре-

безжащимъ голосомъ арію изъ „Dame Blanche“ или куплетъ изъ давно слышаннаго водевиля,—матушка тотчасъ же къ ней подсаживалась и начинала подтягивать.

Концерты эти не были, однакожъ, продолжительны,—какъ та, такъ и другая не любили сидѣть сложа руки. Въ хорошую погоду бабушка, въ зеленомъ абажурѣ надъ глазами, съ заступомъ въ рукѣ, проводила часть дня въ палисадникѣ, копала грядки, сажала и пересаживала цвѣты, обрѣзывала лишнія вѣтки; въ дурную погоду ее неизмѣнно можно было застать сидящую на одномъ и томъ же креслѣ, подлѣ окна, съ вязаньемъ и длинными спицами между пальцами. Матушка неустанно суетилась по хозяйству, но, главнымъ образомъ, занималась лѣченіемъ больныхъ. Извѣстность ея, какъ искусной лѣкарки, не ограничивалась нашею деревней,—больные приходили и пріѣзжали чуть ли не со всѣхъ концовъ уѣзда. Наплывъ больныхъ сопровождался обыкновенно негодующими возгласами матушки: „Гдѣ мнѣ взять столько лѣкарствъ?.. У меня нѣтъ времени!..“ и т. д.; но мало-по-малу голосъ смягчался, уступая воркотнѣ, слышалось: „Ну, покажи, что у тебя?..“—и кончалось миролюбиво—совѣтами, накладываніемъ пластырей и примочекъ. Кончалось часто тѣмъ, что больному, вмѣстѣ съ лѣкарствами, отпускался картофель, мѣшочекъ ржи, разное старое тряпье. Уступчивость и мягкость характера матери были необходимымъ противовѣсомъ строптивости и крутости бабушки.

Сфера, въ которой протекли первые годы моего дѣтства, не имѣла ничего общаго съ бытомъ сосѣдей-помѣщиковъ того времени. Тѣ, которые составляли въ уѣздѣ аристократію и были богаты, отличались кичливостью и видѣлись только между собою; у другихъ домъ былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, пировали круглый годъ, благо крестьяне, помимо другихъ повинностей, обязаны были поставлять къ барскому столу яйца, куръ, барановъ, грибы, ягоды и проч.; содержали охоту, многочисленную дворню, шутовъ, приживальщиковъ обоего пола, сочиняли праздники, пикники, играли въ карты,—словомъ, жили въ свое удовольствіе, не заботясь бо̀льшею частью о томъ, что имѣніе заложено и перезаложено въ опекунскомъ совѣтѣ. Одинъ изъ такихъ домовъ врѣзался мнѣ въ память. Матушка не любила выѣзжать, но разъ сочла необходимымъ отправиться съ визитомъ и взяла меня съ собою. Домъ помѣщика поразилъ меня своею громадностью;

онъ былъ деревянный, въ два этажа, съ просторными выбѣленными комнатами безъ всякихъ украшеній. Обѣдало въ этотъ день множество всякаго люда; игралъ оркестръ изъ крѣпостныхъ. Вниманіе мое исключительно было посвящено маленькому низенькому столику въ одномъ изъ угловъ залы; за этимъ столомъ сидѣли шутъ и шутовка въ желтыхъ халатахъ и колпакахъ, съ напитыми на нихъ изъ краснаго сукна изображеніями звѣрей. Шутовку звали Агашкой. Матушка предупреждала меня, что Агашку считаютъ очень опасной, и приказала мнѣ не подходить къ ней; нѣсколько разъ поджигала она господскій домъ, была звѣрскимъ образомъ наказана, но помѣщика она забавляла, и онъ не хотѣлъ съ ней разстаться. Весь остатокъ дня меня занимала только Агашка; она свободно расхаживала по всѣмъ комнатамъ, размахивая руками и что-то бормоча; стоило ей показаться въ дверяхъ, какъ я замиралъ отъ страха и сломя голову бросался къ матери. Помѣщикъ этотъ, Д. С. К., извѣстенъ былъ во всемъ околоткѣ своею неукротимою строгостью. Когда онъ выѣзжалъ на улицу деревни, въ сопровожденіи крѣпостного Грызлова, своего экзекутора, или, вѣрнѣе, домашняго палача, ребятишки стремглавъ ныряли въ подворотни, бабы падали ничкомъ, у мужиковъ ознобъ пробѣгалъ по тѣлу. Его боялись всѣ домашніе, начиная съ жены. Побѣждая въ себѣ робость, намолившись и накрестившись въ образной, жена рѣшалась иногда просить мужа отпустить ее въ Москву для свиданія съ родственниками.

— Хорошо, соглашался иногда Д. С.—Эй, позвать ко мнѣ Грызлова!

— Грызловъ, говорилъ Д. С.,—Марья Ѳедоровна въ Москву собирается; нужны деньги... Проѣзжая по деревнямъ, я видѣлъ много тамъ этой мелкоты, шушеры накопилось,—распорядись!..

Это значило, что Грызлову поручалось объѣхать деревни Д. С., забрать по усмотрѣнію лишнихъ дѣтей и дѣвокъ, продать ихъ, а деньги доставить помѣщику. Это происходило въ самый разгаръ крѣпостного права, когда еще не вышло указа, дозволявшаго продавать крѣпостныхъ людей не иначе, какъ цѣлыми семействами.

Разсказы эти и все, что приходилось тогда слышать о жизни помѣщиковъ, производили на меня сильное впечатлѣніе. Въ нашемъ домѣ тѣни не было ничего подобнаго. Крестьяне наши были отпущены на оброкъ еще при

жизни отца, полагавшаго, вѣроятно, что женщинѣ, да еще иностранкѣ, не управиться съ барщиннымъ положеніемъ. Гости бывали у насъ очень рѣдко, да и очень близкихъ сосѣдей было не много; чаще другихъ наѣзжали двѣ старушки и одна пожилая дѣвица, да и то когда уже больше некуда было дѣваться. Имъ скучно было бесѣдовать—да и о чемъ?—съ бабушкой, плохо понимавшей русскій языкъ; не болѣе интересно было сидѣть и съ матушкой, слушавшей всегда разсѣянно, занятой какимъ-нибудь хозяйственнымъ предметомъ, отъ котораго ее отрывали, или выслушивать ея разсказы о томъ, какъ хорошо дѣйствуетъ ревень на новорожденныхъ младенцевъ, или о томъ, какъ на-дняхъ Гризетка,—любимая кошка матушки,—принесла шестерыхъ котятъ,—и представьте: у одного изъ нихъ на лбу бѣлая звѣздочка, точно нарисованная! Накушавшись чаю и варенья, сосѣдки торопливо уѣзжали, думая, вѣроятно, на обратномъ пути: „Чудачки же, право, эти француженки!“

Не весело было и мнѣ, одинокому мальчугану, въ такой обстановкѣ.

Пяти лѣтъ бабушка посадила меня за книжку. Книжка эта была французская азбука, присланная изъ Парижа подругой дѣтства матери; азбука украшалась раскрашенными картинками, на которыя я набросился съ такою жадностью, что по цѣлымъ днямъ не разставался съ книжкой и украдкой уносилъ ее къ себѣ въ постель.

Читать выучился я скоро; съ чистописаніемъ шло гораздо хуже: меня по цѣлымъ недѣлямъ заставляли выводить палочки между строками; пока каждая палочка не шла параллельно одна другой, меня ни за что не допускали къ кривымъ линіямъ изъ убѣжденія, что преждевременная рисовка послѣднихъ портитъ руку. Французы, несмотря на живость своего темперамента, ужасные педанты и рутинеры во всемъ, что касается воспитанія и образованія дѣтей; разъ приняты такія-то правила въ учебникахъ и руководствахъ, Боже упаси ихъ нарушать, хотя бы они явно противорѣчили природнымъ наклонностямъ ребенка. Рутина преслѣдовала меня во всемъ, даже въ пищѣ. Я терпѣть не могъ молоко,—меня заставляли его пить подъ предлогомъ, что чай сушитъ грудь, кофе не принято давать дѣтямъ и, кромѣ того, надо всегда стараться подавлять первые порывы воли, которые сначала ничего больше, какъ капризы, причуды, но при по-

тачкѣ могутъ развиться въ неукротимое своеволіе. Меня насильно заставляли ѣсть сырую морковь, въ увѣренности, что она очищаетъ кровь, и т. д. Когда я отъ чего-нибудь упорно отказывался и начиналъ плакать, меня немедленно ставили въ уголъ и для бо̀льшаго назиданія надѣвали на голову бумажный колпакъ съ большими ушами.

Все это, конечно, дѣлалось съ благими намѣреніями. Матушка моя была добрѣйшая женщина, но, какъ я уже замѣтилъ, она находилась вполнѣ подъ вліяніемъ бабушки, не смѣла ей противорѣчить даже въ тѣхъ случаяхъ, когда внутренно была другого мнѣнія. Благія эти намѣренія приводили, однакожъ, къ тому, что они съ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ развивали во мнѣ раздражительность и непріязненное чувство къ бабушкѣ.

Послѣ того, какъ я сталъ довольно бѣгло читать, бабушка заставила меня учить глаголы: „Etre“ и „Avoir“. Не мало слезъ было пролито, прежде чѣмъ я достигъ въ этомъ упражненіи того, чего требовала моя строгая наставница; когда требовалось спрягать подъ рядъ отъ словъ: Je suis до конца глагола, дѣло шло еще изрядно, но когда бабушка, закрывъ книжку, неожиданно заставляла спрягать въ разбивку ту или другую часть глагола, я заминался, путался, становился часто совсѣмъ втупикъ и начиналъ учащенно моргать глазами. Бабушка молча направляла указательный палецъ на уголъ; я начиналъ плакать. „Si c'est comme cela, говорила бабушка,—если ты не перестанешь, ты простоишь въ углу до обѣда и тебя не пустятъ гулять“. Больше всего доставалось мнѣ за таблицу умноженія,—на французскомъ языкѣ, конечно. Помню очень хорошо, какъ бабушка, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, сказала при мнѣ матушкѣ, что она весьма сожалѣетъ, но кажется ей, что она произвела на свѣтъ совершеннаго идіота.

Въ извѣстные часы, обыкновенно по вечерамъ, когда матушка и бабушка усаживались другъ противъ друга за работой, меня сажали между ними на табуретъ, и происходило чтеніе. Иногда читала матушка, но больше, для практики, заставляли меня. Изъ тогдашнихъ помню только два сочиненія: собраніе повѣстей Беркена „Berquin l'ami pes enfants“ и швейцарскаго Робинсона. Припоминаю также, какъ по поводу Беркена бабушка любила повторять исторію о томъ, что послѣ того, когда Беркенъ

опасно захворалъ и ждали его кончины, толпа молодыхъ дѣвушекъ, его воспитанницъ, собралась подъ его окномъ; одна изъ нихъ заиграла на арфѣ, другія запѣли хоромъ одну изъ пѣсенъ, сочиненныхъ наставникомъ; Беркенъ при этомъ залился слезами — и слезы эти спасли ему жизнь. Исторія эта не казалась мнѣ тогда вовсе сентиментальной. Швейцарскій Робинсонъ не только пришелся мнѣ больше по сердцу, но увлекъ меня совершенно. Онъ первый разъ пробудилъ мое дѣтское воображеніе, одушевилъ мое любопытство, вынесъ за предѣлы родительскаго дома и деревни.

До восьми лѣтъ въ моихъ рукахъ не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я отъ дворовыхъ, крестьянъ и больше отъ стараго отцовскаго камердинера Николая; онъ любилъ меня, какъ будто я десять разъ былъ его роднымъ сыномъ, какъ будто отецъ мой, передъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, завѣщалъ ему утѣшать меня, любить и ласкать. О немъ можно сказать то же, что́ Филаретъ говорилъ о русскомъ народѣ: *въ немъ свѣту мало, но теплоты много.* По цѣлымъ часамъ караулилъ онъ, когда меня пустятъ гулять, бралъ на руки, водилъ по полямъ и рощамъ, разсказывалъ разныя приключенія и сказки. Не помню, конечно, его разсказовъ, помню только его ласковое, сердечное обращеніе; за весь холодъ и одиночество моей дѣтской жизни я отогрѣвался только—когда былъ съ Николаемъ. Когда рѣшено было везти меня въ Москву и наступила минута разставанья съ Николаемъ, я, какъ изступленный, съ крикомъ бросился ему на шею, истерически рыдалъ, кричалъ и такъ крѣпко обхватилъ его руками, что пришлось силой меня оторвать.

Кому пришла мысль везти меня въ Москву и отдать въ гимназію, не знаю; мысль, по всей вѣроятности, внушена была бабушкой,—ея совѣты были закономъ для матери.

Никогда не забуду этого перваго моего переѣзда изъ деревни въ Москву. Была осень. Мы спускались съ кручи къ Окѣ, чтобы переѣсть затѣмъ на паромъ. За Окой, въ глубинѣ горизонта, надвигались неправильными рядами сизыя тучи, между которыми мѣстами просвѣчивали багровыя полосы неба; было ли то дѣйствіе внезапнаго пробужденія отъ спа, или крайнее нервное разстройство послѣ разлуки съ Николаемъ, или, наконецъ, галлюцинація,

но мнѣ показалось, что просвѣты на небѣ только продолженіе видимаго пространства Оки, тучи на немъ, острова и мы всѣ—съ людьми, лошадьми, тарантасомъ—спускаемся въ безбрежный океанъ и въ немъ должны будемъ погибнуть. Я началъ биться и кричать и перепугалъ матушку, которой не мало стоило усилій удержать меня на мѣстѣ и уговорить. Бабушка, ѣхавшая съ нами, отворачивалась, какъ бы желая показать свое неодобреніе потачкѣ капризамъ и причудамъ внука. Мы ѣхали на своихъ; къ ночи остановились на полпути въ деревнѣ. Когда всѣ улеглись, меня посѣтила буквально та же галлюцинація, и я также поднялъ ужасный крикъ. „Ce Dimitre vraiment devient fou, Dieu me pardonne!“ послышался досадливый голосъ бабушки. Къ утру только я совершенно успокоился, когда мы выѣхали въ поле и показались деревни.

Прежде чѣмъ помѣстить меня въ гимназію, слѣдовало отыскать семейство, въ которомъ, въ свободное отъ классовъ время, я могъ бы найти убѣжище и питаніе. Нашелся нѣмецъ, содержавшій за извѣстную плату нѣсколькихъ вольно-приходящихъ гимназистовъ. Прежде всего, онъ потребовалъ отъ матушки серебряный *куверть*, ложку, вилку и ножикъ. Тогда это было въ обычаѣ; не знаю, удержался ли онъ до теперешняго времени. О пребываніи моемъ въ гимназіи распространяться нечего: я пробылъ въ ней всего два мѣсяца. Переходъ изъ женскихъ рукъ въ мужскія былъ для меня очень чувствителенъ. Непривычный къ обществу мальчиковъ, я тѣмъ больше чуждался ихъ, что они не переставали надо мною трунить, кричали подъ ухо: „команъ ву франсе...“, нахлобучивая при этомъ шапку на глаза. Въ классахъ и съ репетиторомъ было и того хуже; плохо читая по-русски и еще съ иностраннымъ акцентомъ, еще плоше умѣя писать по-русски, я постоянно терялъ голову; чувство какого-то страха не покидало меня; я положительно не понималъ того, чего отъ меня требуютъ, и разражался обыкновенно слезами, дававшими поводъ глумленію и насмѣшкамъ товарищей. Кончилось тѣмъ, что со мной сдѣлалась чуть ли не нервная горячка; матушка пріѣхала и взяла меня скорѣе изъ гимназіи. Серебряный *куверть* пропалъ, такимъ образомъ, совершенно даромъ.

Надобно было, однакожъ, подумать о продолженіи или, вѣрнѣе, о началѣ моего образованія. Матушка стала разыскивать, справляться. Въ Москвѣ въ то время существо-

валъ на Петровкѣ извѣстный французскій модный магазинъ г-жи Монигетти; у содержательницы магазина было три сына; желая дать имъ образованіе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая, чтобъ оно обошлось дешевле, она придумала брать къ себѣ на домъ воспитанниковъ; за извѣстную годовую плату они пользовались помѣщеніемъ, столомъ и урокомъ. Матушка случайно напала на слѣдъ этого пансіона, сообщила бабушкѣ о своемъ открытіи и, получивъ отъ нея полное одобреніе, немедленно вступила въ переговоры. Дѣйствительно, нельзя было придумать ничего лучшаго: во-первыхъ, не забудется французскій языкъ и, во-вторыхъ, сохранится во всей чистотѣ нравственность, такъ какъ я поступаю не столько въ пансіонъ, сколько въ семейство порядочныхъ, вполнѣ надежныхъ людей.

Матушка не ошиблась въ обоихъ предположеніяхъ. Г-жа Монигетти была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно надъ мужемъ, но, въ сущности, имѣла доброе сердце и обращалась съ нами по-родительски. Не слѣдовало ей только противорѣчить; она сама говорила, что тогда горчица подступаетъ ей къ носу; голосъ ея, въ такихъ случаяхъ, раздавался по всему дому, и все мгновенно затихало, какъ передъ бурей; но „горчица отходила отъ носа“ — и снова все шло обычнымъ порядкомъ. Мужъ ея, родомъ итальянецъ, содержалъ въ томъ же домѣ погребъ иностранныхъ винъ и отличался голубиною кротостью нрава; онъ занималъ въ квартирѣ жены крошечную комнату и рѣдко показывался, проводя свободное время въ обществѣ соотечественниковъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, артистовъ всякаго рода, пріѣзжавшихъ въ Москву. Къ уходу за нами приставлена была пожилая женщина, Катерина, образецъ доброты, типъ слугъ стараго времени. Она вынимала насъ изъ ванны, кутая въ теплую простыню, уносила на рукахъ и укладывала въ постель, заботливо прикрывая одѣяломъ.

Послѣ гимназіи, куда я попалъ какъ рыба, вынутая изъ воды, я почувствовалъ себя здѣсь какъ рыба, снова опущенная въ воду. Кромѣ трехъ сыновей Монигетти, постороннихъ воспитанниковъ было шестеро. Четверо изъ нихъ принадлежали семействамъ французскихъ коммерсантовъ, основавшихся въ Москвѣ съ двѣнадцатаго года; русскихъ было только двое: я и Поповъ, поступившій потомъ въ отдѣленіе восточнаго факультета при министер-

ствѣ иностранныхъ дѣлъ, назначенный послѣ окончанія курса консуломъ въ Яссы, потомъ генеральнымъ консуломъ въ Марсель и окончившій дипломатическую карьеру посломъ въ Пекинѣ. Всѣ мы были почти одного возраста, кромѣ старшаго сына Монигетти, которому было уже пятнадцать лѣтъ; онъ готовился для поступленія въ академію художествъ и впослѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ рисовальщикомъ и архитекторомъ. Несмотря на разность нашихъ спеціальностей и состояній, мы жили весьма дружно; говорю „состояній“ потому, что даже въ нашемъ дѣтскомъ кругу исключительно, кромѣ меня и Попова, оно имѣло большое значеніе; всѣмъ давали деньги на театръ, удовольствія, покупку сластей во время прогулокъ; у дѣтей Монигетти, которымъ родные и знакомые имѣли обыкновеніе дарить деньги въ дни именинъ и рожденья, были даже накоплены маленькіе капиталы. Я былъ всѣхъ бѣднѣе. Матушка, при всей своей добротѣ, считала лишнимъ давать мнѣ деньги; по ея понятіямъ, деньги въ рукахъ дѣтей пріучаютъ къ мотовству. Но, помню, я этимъ не очень огорчался; при крайней моей наивности, зависть не успѣла еще коснуться моей души. У меня тогда была одна страсть, доходившая до маніи: строить крошечные театры, вырѣзывать для нихъ кулисы, разрисовывать декораціи. Страсть эта, совершенно меня поглотившая, внезапно открылась послѣ перваго посѣщенія театра, гдѣ давали „Фрейшюца“ („Волшебнаго стрѣлка“). Стоило мнѣ завладѣть коробочкой, — будь она въ три вершка,—я освобождалъ у нея бокъ, вырѣзывалъ въ двухъ другихъ бокахъ узенькія полоски для вставки кулисъ и принимался тотчасъ же за декораціи. Къ вечеру театръ былъ уже готовъ и происходило представленіе неизмѣнно одного и того же содержанія: „Пожаръ въ деревнѣ“, — продолжавшееся много три минуты и кончавшееся тѣмъ, что кулисы, декораціи и часто самое зданіе предавались пламени. Въ классной комнатѣ, гдѣ были также наши кровати, пахло горѣлымъ; входилъ г. Франсуа де-Метраль, и я получалъ обыкновенно нахлобучку, но столь легкую, что на слѣдующій же день воздвигалъ новый театръ и снова представлялъ „Пожаръ въ деревнѣ“.

Г. де-Метраль, главный руководитель въ нашемъ образованіи и жившій въ томъ же домѣ, родомъ изъ французской Швейцаріи, былъ видный, рослый, бѣлокурый красавецъ лѣтъ тридцати пяти; румянецъ во всю щеку

на открытомъ веселомъ лицѣ, живая походка, звонкій голосъ; такая наружность не могла, конечно, принадлежать строгому, сухому педанту; онъ имъ и не былъ, но, прежде всего, былъ бонвиванъ, жуиръ, весельчакъ, тщательно скрывавшій свои похожденія отъ г-жи Монигетти. Мы всѣ очень его любили, несмотря на привычку прогуливать линейку по нашимъ плечамъ. Онъ преподавалъ едва ли не всѣ предметы, въ числѣ которыхъ главнымъ была миѳологія. Преподаваніе происходило, конечно, на французскомъ языкѣ. Разъ въ недѣлю являлся учитель нѣмецкаго языка, но больше для виду, для счета. Разъ также, на одинъ часъ, приходилъ русскій учитель, чахлый старенькій чиновникъ; только мнѣ и Попову вмѣнялось въ обязанность присутствовать при урокѣ, состоявшемъ въ диктовкѣ, которую къ слѣдующему уроку слѣдовало переписать на-бѣло. Два раза въ недѣлю насъ всѣхъ гурьбою водили въ Строгановское училище рисованія. Изъ всѣхъ насъ я особенно отличался. Въ первый же годъ я сдѣлалъ такіе успѣхи, что директоръ школы, венгерецъ (не помню его имени), обратилъ на меня вниманіе. Упоминаю объ этомъ съ тѣмъ, чтобы указать на прирожденную мою склонность къ художеству; она выказалась сама собою, безъ всякой подготовки, выказалась инстинктивно въ такое время, когда остальныя способности не думали еще пробуждаться. Кто знаетъ, если бъ тогда уловили во мнѣ эту склонность и дали ей надлежащее направленіе, изъ меня, можетъ-быть, вышелъ бы порядочный художникъ. Но судьбѣ угодно было распорядиться мною другимъ образомъ.

Артистическое наше образованіе дополнялось урокомъ танцевъ, сопровождавшимся всегда нѣкоторою торжественностью; приглашались знакомые, зажигались жирандоли съ восковыми свѣчами; намъ надѣвали новыя курточки, башмаки, и мы выводились въ залу. Къ семи часамъ являлся старый, лысый скрипачъ и вскорѣ входилъ танцмейстеръ г. Бодри, во фракѣ съ необыкновенно высокими буфами на плечахъ, завитымъ хохломъ и вывороченными, какъ у гуся, ногами. Раскланявшись съ изысканною граціей на всѣ стороны, онъ устанавливалъ насъ въ рядъ; сначала учили насъ какъ входить въ комнату, какъ шаркать ногой, соблюдая при этомъ, чтобы голова оставалась неподвижной, какъ подходить къ дамской ручкѣ и отходить, не поворачиваясь правымъ, но непремѣнно лѣвымъ

плечомъ; затѣмъ начинались танцы; французская кадриль едва входила въ моду; танцовали больше экосезъ, гросфатеръ и обращали вниманіе на характерные танцы: гавотъ, матлотъ и еще какой-то особенно сложный, называвшійся „Швейцарка на берегу озера“. Характернымъ танцамъ учили, впрочемъ, только дѣтей хозяевъ дома и приготовляли ихъ въ видѣ сюрпризовъ въ дни именинъ отца и матери.

Лѣтомъ насъ переселяли въ Петровскій паркъ; тамъ у Монигетти была собственная дача. Здѣсь намъ положительно давалась полная свобода бить баклуши, — развѣ когда г. де-Метраль, нагулявшись до-сыта въ Москвѣ, неожиданно пріѣзжалъ на дачу и сажалъ насъ за диктовку. Но г. де-Метралю это скоро надоѣдало, и онъ уѣзжалъ, передавая насъ на руки дядькѣ. Мы отправлялись въ Петровское-Разумовское, ходили купаться во Всесвятскомъ пруду, наполненномъ на половину водой, на половину разными водорослями, лягушками и піявками.

Дядьки эти (menins, какъ ихъ называли) смѣнялись у насъ очень часто. У г-жи Монигетти не было на нихъ счастливой руки. Изъ нихъ я помню только троихъ: одинъ, тучный, тяжеловѣсный баварецъ, молчаливый и постоянно тоскующій, будившій насъ по ночамъ тяжелыми вздохами; онъ оставилъ насъ и вскорѣ открылъ булочную. Гуляя, мы часто къ нему заходили угощаться миндальными крендельками. Другой, нѣкто Гибнеръ, провелъ съ нами годъ; гуляя на масленицѣ въ Подновинскомъ, мы зашли въ балаганъ и застали его тамъ кассиромъ. Третій, Крамеръ, имѣлъ обыкновеніе, какъ только мы укладывались спать и онъ, кряхтя, ложился на свою постель, разсказывать такіе анекдоты и похожденія, что его стоило бы за нихъ если не повѣсить, то вытолкать взашей. Такъ, кажется, и случилось.

У Монигетти я пробылъ три года. Въ этотъ періодъ времени мои умственныя способности не двинулись ни на одинъ градусъ; взамѣнъ этого чистота нравственнаго чувства или, скорѣе, воображенія, на которую такъ разсчитывала матушка, нѣсколько поколебалась; пробудилось любопытство къ предметамъ, которые прежде не приходили мнѣ въ голову. Въ сущности, я оставался почти такимъ же ребенкомъ, какимъ былъ въ деревнѣ. Во мнѣ не было даже признака сознанія того, что̀ значитъ въ самомъ дѣлѣ учиться, быть внимательнымъ къ тому, что̀ читаешь, отда-

вать себѣ отчетъ въ прочитанномъ. Какимъ образомъ выучился я въ это время читать по-русски и особенно писать, т.-е. выводить перомъ русскія слова, до сихъ поръ не могу объяснить себѣ. Я не былъ въ состояніи сочинить и написать по-русски самаго простого дѣтскаго письма; письма къ матери писалъ я не иначе, какъ по-французски.

Къ концу моего пребыванія у г-жи Монигетти, пансіонъ ея сталъ самъ собою распадаться. Старшій ея сынъ былъ отправленъ въ Петербургъ, въ академію художествъ, второй поступилъ въ иностранную книжную лавку для изученія этой отрасли торговли; двое изъ иностранныхъ воспитанниковъ уѣхали за границу для окончанія образованія. Поповъ также отправленъ былъ въ Петербургъ для опредѣленія въ институтъ восточныхъ языковъ.

Около этого времени матушка моя ѣздила въ Петербургъ. По возвращеніи ея я узналъ, что меня записали кандидатомъ въ главное инженерное училище. Не помню, какое дѣйствіе произвело на меня это извѣстіе. Помню только, что, прощаясь съ г-жей Монигетти, я почтительно цѣловалъ ея руку, но не пролилъ ни одной слезинки. Меня самого тогда это удивило.

Въ кандидаты инженернаго училища попалъ я совершенно случайно. Матушка моя, отправляясь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы отдать меня въ пансіонъ или кадетскій корпусъ, сидѣла въ дилижансѣ съ московскою дамой, г-жей Толстой, ѣхавшей съ опредѣленною цѣлью: сдѣлать сына инженеромъ. Дамы разговорились. Узнавъ отъ собесѣдницы, что инженерная служба не такъ тягостна, какъ военная, и инженерное училище считается первымъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ Россіи, матушка тутъ же рѣшила послѣдовать ея примѣру. Г-жа Толстая присовокупила, что для поступленія въ училище требуется экзаменъ, и она ѣдетъ хлопотать о томъ, чтобъ отдать сына для приготовленія къ капитану Костомарову, котораго ей спеціально рекомендовали. Въ Петербургѣ матушка отправилась вмѣстѣ съ г-жей Толстой къ Костомарову просить о принятіи вмѣстѣ съ Толстымъ и меня, на что Костомаровъ охотно согласился.

Мѣсяца два спустя, на масленицѣ, меня привезли въ Петербургъ. Мы остановились въ меблированныхъ комнатахъ на Исаакіевской площади, загороженной тогда вокругъ, вплоть до Большой Морской, заборами. Въ самый

день нашего пріѣзда поднялся около насъ и на улицѣ страшный переполохъ; пронесся слухъ, что на площади, недалеко отъ насъ, горитъ балаганъ Легата, въ которомъ, разсказывали, погибло нѣсколько сотъ человѣкъ.

Первый мой визитъ, вмѣстѣ съ матушкой, къ Костомарову произвелъ на меня, сколько помню, удручающее впечатлѣніе. Я увидѣлъ передъ собою пожилого, высокаго офицера съ большими черными усами, съ серьезнымъ, даже, сколько мнѣ тогда показалось, суровымъ лицомъ. Мы вошли, вѣроятно, въ то время, когда онъ давалъ урокъ своимъ воспитанникамъ; за столомъ, покрытымъ тетрадями и книгами, сидѣло человѣкъ пять,—не дѣтей, а зрѣлыхъ юношей. Они испугали меня болѣе даже, чѣмъ самъ капитанъ. Сердце мое замирало при мысли, что эти взрослые незнакомцы будутъ моими товарищами, придется оставаться съ ними, жить вмѣстѣ съ ними. Утѣшался я тѣмъ только, что со мной будетъ Толстой, съ которымъ я успѣлъ познакомиться и подружиться, несмотря на разницу нашего умственнаго развитія. Толстой провелъ свое дѣтство въ Москвѣ, въ домѣ умнаго, образованнаго отца, былъ пятнадцати лѣтъ вполнѣ развитой мальчикъ, успѣлъ прочесть множество русскихъ книгъ, хорошо былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ и грамотой.

Разлука съ матушкой была трогательная; я не кричалъ истерически, какъ при прощаніи съ Николаемъ, но слезъ, все-таки, не мало было пролито.

Первое впечатлѣніе, сдѣланное на меня Костомаровымъ, было ошибочно: онъ оказался добрѣйшимъ, мягкимъ человѣкомъ. Жена его отличалась тѣми же качествами. Тѣ изъ насъ, которые еще живы, узнавъ ее, вѣроятно, и теперь добромъ ее поминаютъ. Насчетъ новыхъ моихъ товарищей я также ошибся: они были добрые, смирные ребята, исключительно почти занятые мыслью учиться и съ успѣхомъ выдержать экзаменъ. Ихъ усердіе не мало также возбуждалось тѣмъ, что Костомаровъ приготовлялъ своихъ питомцевъ такимъ образомъ, что они выдерживали поступной экзаменъ всегда первыми; ихъ въ училищѣ такъ и звали: *Костомаровцами*; каждый лѣзъ изъ кожи, чтобы не ударить лицомъ въ грязь и поддержать репутацію уважаемаго наставника.

Послѣ того, что я до сихъ поръ сказалъ о себѣ, легко понять, какъ трудно было мнѣ привыкать къ новой жизни, имѣвшей такъ мало общаго съ прежнею,—жизни, гдѣ го-

ворили и думали только по-русски, гдѣ на ученье смотрѣли какъ на самое серьезное дѣло въ жизни, гдѣ самое ученье преподавалось только на русскомъ языкѣ. Учитель русскаго языка не могъ считаться изъ выдающихся, но былъ человѣкъ добросовѣстный, старательный. Сжалившись, вѣроятно, надо мной, онъ принялся за меня съ особымъ усердіемъ, заставлялъ писать подъ диктовку, исправлялъ мою рукопись, разъясняя ошибки. Къ концу перваго года я замѣтно сдѣлался внимательнѣе, сталъ лучше понимать уроки. Не давалась мнѣ окончательно одна математика. К. Ф. Костомаровъ усугублялъ свои старанія, давалъ мнѣ отдѣльно уроки, но ничего не помогало. Не разъ, вѣроятно, думалъ онъ: „Ну, этотъ навѣрняка провалится на экзаменѣ, да и меня посадитъ!“

Два года спустя я, тѣмъ не менѣе, поступилъ въ училище.

Не помню рѣшительно, какъ происходилъ экзаменъ, не помню, о чемъ меня спрашивали, какъ я отвѣчалъ; помню только, передо мною сидѣло нѣсколько офицеровъ и начальникъ училища, генералъ Шаренгорстъ, которому я былъ прежде представленъ матушкой. По всей вѣроятности, вывезли меня два предмета: французскій языкъ и рисованіе. „Какъ онъ хорошо говоритъ по-французски! Какъ хорошо!“—раздавался въ ушахъ моихъ голосъ Шаренгорста. На экзаменѣ изъ рисованія я провелъ на бумагѣ нѣсколько перекрестныхъ штриховъ, долженствовавшихъ, какъ показывали въ Стрэгановскомъ училищѣ, опредѣлять мѣсто каждому орнаментному завитку, и бойко началъ набрасывать самый орнаментъ; въ эту минуту подошелъ ко мнѣ инспекторъ Ломновскій, взялъ отъ меня начатый рисунокъ и, показывая его остальнымъ экзаменаторамъ, воскликнулъ: „Посмотрите, господа, какъ рисуетъ! Молодецъ, видно, что хорошо учился!“

Такъ или иначе, но я былъ принятъ въ числѣ другихъ пятнадцати; изъ нихъ трое были Костомаровскіе.

Насъ повели сначала въ лазаретъ для осмотра, потомъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли до нага (я корчился, какъ дѣвочка, едва удерживая отъ стыда слезы). Часъ спустя мы были въ казенномъ бѣльѣ, куртках съ погонами и тугимъ застегнутымъ воротникомъ, крайне неловко подпиравшимъ подбородокъ. Насъ поставили въ ранжиръ по росту и долго заставляли чего-то ждать. Вошелъ, наконецъ, ротный командиръ, полковникъ Ферѣ.

человѣкъ заспаннаго, сумрачнаго вида, съ краснымъ, опухшимъ лицомъ. Онъ обвелъ насъ мутными глазами и вдругъ скомандовалъ: „Направо, маршъ!“ Напирая другъ другу на пятки, сбиваясь отъ непривычки на шагу, мы направились къ рекреаціонной залѣ, по которой расхаживали наши будущіе товарищи.

II.

Инженерное училище въ 1835—1840 годахъ.—Рябцы.— Ѳ. Ѳ. Радецкій.—Баронъ Розенъ.—Тотлебенъ.

Первый годъ въ училищѣ былъ для меня сплошнымъ терзаніемъ. Даже теперь, когда меня раздѣляетъ отъ этого времени больше полустолѣтія, не могу вспомнить о немъ безъ тягостнаго чувства; и этому не столько способствовали строгость дисциплинарныхъ отношеній начальства къ воспитанникамъ, маршировка и ружистика, не столько даже трудность ученья въ классахъ, сколько новые товарищи, съ которыми предстояло жить въ однѣхъ стѣнахъ, спать въ однѣхъ комнатахъ. Представить трудно, чтобы въ казенномъ и, притомъ, военно-учебномъ заведеніи могли укорениться и существовать обычаи, возможные развѣ въ самомъ дикомъ обществѣ. Начальство не могло этого не знать; надо полагать, оно считало зло неизбѣжнымъ и смотрѣло на него сквозь пальцы, заботясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы внѣшній видъ былъ исправенъ и высшая власть осталась имъ довольна.

Комплектъ учащихся состоялъ изъ ста двадцати воспитанниковъ или *кондукторовъ*, какъ ихъ называли, чтобъ отличать отъ кадетъ. Въ мое время треть изъ нихъ составляли поляки, треть—нѣмцы изъ прибалтійскихъ губерній, треть—русскіе. Въ старшихъ двухъ классахъ были кондукторы, давно брившіе усы и бороду; они держали себя большею частію особнякомъ, присоединяясь къ остальнымъ въ крайнихъ только случаяхъ. Отъ тѣхъ, которые были моложе, новичкамъ положительно житья не было. Съ перваго дня поступленія новички получали прозвище *рябцовъ*,—слово, производимое, вѣроятно, отъ рябчика, которымъ тогда военные называли штатскихъ. Смотрѣть на рябцовъ, какъ на парій, было въ обычаѣ. Считалось особенною доблестью подвергать ихъ всевозможнымъ испытаніямъ и униженіямъ.

Новичокъ стоитъ гдѣ-нибудь, не смѣя шевельнуться; къ нему подходитъ старшій и говоритъ задирающимъ го-

лосомъ: „Вы, рябецъ, такой-сякой, начинаете, кажется, кутить?“ — „Помилуйте... я ничего...“ — „То-то ничего... Смотрите вы у меня!“ и—затѣмъ щелчокъ въ носъ или повернутъ за плечи и ни за что, ни про что угостятъ пинкомъ. Или: „Эй, вы, рябецъ, какъ васъ?.. Ступайте въ третью камеру; подлѣ моей койки лежитъ моя тетрадь, несите сюда, да смотрите живо, не то расправа!“ Крайне забавнымъ считалось налить воды въ постель новичка, влить ему за воротникъ ковшъ холодной воды, налить на бумагу чернилъ и заставить его слизать, заставить говорить непристойныя слова, когда замѣчали, что онъ конфузливъ и маменькинъ сынокъ.

Въ классахъ, во время приготовленія уроковъ, какъ только дежурный офицеръ удалялся, поперекъ двери изъ одного класса въ другой ставился столъ; новички должны были на четверенькахъ проходить подъ нимъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны ихъ встрѣчали крученными жгутами и хлестали куда ни попало. И Боже упаси было заплакать или отбиваться отъ такого возмутительнаго насилія. Сынъ доктора К., поступившій въ одно время со мною, началъ было отмахиваться кулаками; вокругъ него собралась ватага и такъ исколотили, что его пришлось снести въ лазаретъ; къ его счастью, его научили сказать, что онъ споткнулся на классной лѣстницѣ и ушибся. Пожалуйся онъ, разскажи какъ было дѣло, онъ, конечно, дорого бы поплатился.

И все это происходило въ казенномъ заведеніи, гдѣ надъ головой каждаго висѣлъ Дамокловъ мечъ строгости, взыскательности самой придирчивой; гдѣ за самый невинный проступокъ—разстегнутый воротникъ или пуговицу—отправляли въ карцеръ или ставили у дверей на часы съ ранцемъ на спинѣ и не позволяли опускать ружье на полъ.

Въ одномъ изъ помѣщеній училища находилась канцелярія, сообщавшаяся съ квартирой ротнаго командира Ферѣ; въ канцеляріи засѣдалъ письмодитель изъ унтеръ-офицеровъ, по фамиліи Игумновъ. Зайдешь, бывало, въ канцелярію узнать, нѣтъ ли письма, не приходилъ ли навѣстить родственникъ. Случайно въ дверяхъ показывался Фере; онъ мгновенно указывалъ пальцемъ на вошедшаго и соннымъ голосомъ произносилъ: „Игумновъ, записать его!“ Игумновъ исполнялъ приказаніе, и вошедшій ни за что, ни про что долженъ былъ отсиживать въ училищѣ праздничный день.

Безусловно винить начальство за допущеніе своеволія между воспитанниками было бы несправедливо. Не надо забывать, что въ то время оно находилось болѣе чѣмъ мы сами подъ гнетомъ страха и отвѣтственности; на шалости, происходившія у себя дома, въ закрытіи, смотрѣли снисходительно, лишь бы, какъ я уже замѣтилъ, въ данный моментъ воспитанники были во всемъ исправны: не пропустили на улицѣ офицера, не отдавъ ему чести, выходной билетъ былъ бы на мѣстѣ между второй и третьей пуговицей, отличились бы на ординарцахъ или на разводѣ или молодцами прошли бы на майскомъ парадѣ. Надо сказать также, начальство ничего не знало о томъ, что происходило въ рекреаціонной залѣ,—оно туда почему-то рѣдко заглядывало. Тамъ, между тѣмъ, помимо истязанія рябцовъ, совершались другія предосудительныя сцены; распѣвались пѣсни непристойнаго характера и въ томъ числѣ знаменитая „Ѳепя“, кончавшаяся припѣвомъ:

„Ахъ ты, Ѳепя, Ѳепя,
Ѳепя ягода моя!..“

Разъ въ годъ, наканунѣ Рождества, въ рекреаціонную залу входилъ письмоводитель Игумновъ въ туго застегнутомъ мундирѣ, съ задумчивымъ, наклоненнымъ лицомъ. Онъ становился на самой серединѣ залы, выжидалъ, пока обступятъ его воспитанники, кашлялъ въ ладонь и, не смотря въ глаза присутствующимъ, начиналъ глухимъ, монотоннымъ голосомъ декламировать извѣстное стихотвореніе Жуковскаго:

„Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали...“ и т. д.

Покончивъ съ декламаціей, Игумновъ отвѣшивалъ поклонъ и съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ медленно выходилъ изъ залы.

Всякій разъ послѣ этого собиралась подписка въ пользу Игумнова; одному изъ старшихъ поручалось отдать ему деньги.

Разноплеменность въ составѣ персонала училища не давала себя чувствовать, или, по крайней мѣрѣ, настолько слабо выражалась, что была почти незамѣтна; ее сглаживали чувство строгой зависимости, распространявшейся на всѣхъ одинаково, трудъ и сложность занятій въ классахъ, отчасти также общій гоноръ, царившій въ мое время въ училищѣ; гоноръ основывался на преимуществѣ передъ другими военно-учебными заведеніями, не допускавшемъ

въ училищѣ тѣлеснаго наказанія. Такое преимущество въ значительной степени приподымало духъ каждаго, составляло его гордость.

Обращеніе съ жалобой къ дежурному офицеру за дурное обращеніе старшихъ считалось равносильнымъ фискальству, шпіонству. Въ теченіе четырехъ лѣтъ, какъ я находился въ училищѣ, разъ былъ такой случай, и тотъ, сколько казалось, основывался больше на догадкахъ, чѣмъ на фактѣ. Одинъ изъ кондукторовъ, прежде меня поступившій въ училище, сдѣлался любимцемъ ротнаго командира Фере, котораго всѣ боялись и огуломъ не любили. Вопреки привычкѣ Фере—никогда почти не говорить съ воспитанниками, онъ сталъ часто звать къ себѣ на квартиру любимца; спустя нѣсколько времени, любимцу нашили унтеръ-офицерскія нашивки, что̀ дѣлалось за особенные успѣхи по фронтовой части и отличное поведеніе. Этого достаточно было, чтобы возбудить подозрѣніе; стали распространять слухи, что любимецъ ничего больше, какъ фискалъ и доносчикъ. Не помню, какъ составился и созрѣлъ противъ него заговоръ; я въ немъ не участвовалъ. Помню только слѣдующую сцену. Это было ночью. Любимецъ, въ качествѣ унтеръ-офицера, былъ дежурнымъ; онъ проходилъ черезъ большую камеру, гдѣ спало насъ шестьдесятъ человѣкъ; зала тускло освѣщалась высокими жестяными подсвѣчниками съ налитою въ нихъ водою и плавающимъ въ ней сальнымъ огаркомъ. Едва показался любимецъ, огни мгновенно были погашены; нѣсколько человѣкъ, ждавшихъ этой минуты, вскочили съ постелей, забросали любимца одѣялами и избили его до полусмерти. На шумъ и крикъ вбѣжалъ дежурный офицеръ; со всѣхъ концовъ посыпался на него картофель, безъ сомнѣнія, заранѣе сбереженный послѣ ужина. „Господа, — кричалъ офицеръ, — я не подъ такими картофелями былъ, подъ пулями—и не боялся!..“ Снаряды продолжали сыпаться. Офицеръ побѣжалъ къ ротному командиру, который, отъ страха, вѣроятно, не явился, но отправился будить начальника училища Шаренгорста. На слѣдующее утро всю роту выстроили по камерамъ; пришелъ генералъ Шаренгорстъ и, по обычаю, началъ здороваться; ему не отвѣчали. Вскорѣ за нимъ пріѣхалъ начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ Геруа. Проходя по камерамъ, онъ началъ также здороваться; никто не откликнулся. Не ожидая, вѣроятно, такого упорнаго неповино-

венія и приписывая его опасной стачкѣ, онъ, не дойдя до послѣдней камеры, круто повернулся на каблукѣ и вышелъ, сопровождаемый начальствомъ училища, которое шло повѣся носъ и какъ бы пришибленное. Результатъ былъ тотъ, что всю роту заперли въ училищѣ на неопредѣленное время. Арестъ разрѣшился только необходимостью выступать въ лагерь.

Коснувшись дикаго обычая истязать рябцовъ, не могу пропустить случая, до сихъ поръ живо оставшагося въ моей памяти. Одинъ изъ кондукторовъ старшихъ двухъ классовъ вступился неожиданно за избитаго, бросился на обидчика и отбросилъ его съ такою силой, что тотъ покатился на паркетъ. На заступника наскочило нѣсколько человѣкъ, но онъ объявилъ, что первый, кто къ нему подойдетъ, поплатится ребрами. Угроза могла быть дѣйствительна, такъ какъ онъ владѣлъ замѣчательной физическою силой. Собралась толпа. Онъ объявилъ, что съ этой минуты никто больше не тронетъ новичка, что онъ считаетъ подлымъ, низкимъ обычай нападать на беззащитнаго, что тотъ, кому придетъ такая охота, будетъ съ нимъ имѣть дѣло. Не мало нужно было для этого храбрости. Храбрецъ этотъ былъ Радецкій, тотъ самый Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, который впослѣдствіи былъ героемъ Шипки. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ его честь, въ рѣчи, которую я сказалъ ему, было упомянуто объ этомъ смѣломъ и великодушномъ поступкѣ его юности.

Въ числѣ воспитанниковъ моего времени, также отличившихся впослѣдствіи, были: Тотлебенъ, К. П. Кауфманъ, Достоевскій и Паукеръ.

Умягченію нравовъ въ училищѣ много также способствовалъ новый ротный командиръ баронъ Розенъ, смѣнившій Фере.

Баронъ Розенъ служилъ на Кавказѣ, былъ храбрый боевой офицеръ съ Георгіемъ въ петлицѣ. Одного этого было довольно, чтобы воспитанники отнеслись къ нему сочувственно. Онъ заслуживалъ также сочувствіе своимъ смѣлымъ, но откровенно-добродушнымъ отношеніемъ съ нами. Онъ то и дѣло заходилъ въ роту, былъ веселъ, говорилъ со всѣми, шутилъ. „Господа, — повторялъ онъ часто, — мы служимъ вмѣстѣ, должны отвѣчать другъ за дружку; будьте исправны, будьте молодцы; вы меня не выдавайте, я васъ не выдамъ!“ Онъ сдѣлался вскорѣ до такой степени любимымъ и популярнымъ, что стоило ему

приказать что-нибудь, все безпрекословно исполнялось. Между дежурными офицерами у насъ тоже были два любимца: Д. А. Скалонъ, ворчливый, но добрѣйшій человѣкъ, и еще А. И. Савельевъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ ученымъ нумизматомъ.

Баронъ Розенъ сильно подтягивалъ училище только во фронтовомъ отношеніи. Мы, впрочемъ, мало этимъ тяготились. Сначала очень были скучны первые приготовительные пріемы къ маршировкѣ, такъ-называемая *выправка*. Насъ ставили въ рядъ; унтеръ-офицеръ становился впереди и командовалъ: „Ра-а-зъ!“ — мы должны были вытягивать правую ногу и носокъ; затѣмъ шла команда: „Два-а-а!“—слѣдовало медленно подымать ногу и стоять въ такомъ журавлиномъ положеніи, пока не скомандуютъ: „Три!“ При малѣйшемъ колебаніи туловища унтеръ-офицеръ кричалъ: „Отставь!“ — и снова начиналось вытягиваніе ноги и носка. Но когда намъ дали ружье, мы всѣ — и я въ томъ числѣ — были очень довольны и съ увлеченіемъ принялись выдѣлывать ружейные пріемы. Ученье часто происходило на плацу передъ Михайловскимъ замкомъ. Баронъ Розенъ всегда присутствовалъ, но предоставлялъ командовать офицерамъ, ограничиваясь короткими замѣчаніями. Болѣе всѣхъ горячился добрѣйшій Д. А. Скалонъ. Когда фронтъ становился лицомъ къ солнцу, глаза начинали щуриться и штыки колебаться, онъ положительно выходилъ изъ себя, топалъ ногами и кричалъ съ пѣной у рта: „Смирно! Во фрунтѣ нѣтъ солнца!.. Нѣтъ солнца во фрунтѣ! Смирно, говорю вамъ!..“

Прошелъ годъ, я держалъ ружье, выдѣлывалъ артикулы и маршировалъ не хуже другихъ. Послѣ майскаго парада и окончанія экзаменовъ, всѣ нетерпѣливо ждали выступленія въ лагерь.

Переходъ изъ Петербурга въ Петергофъ, несмотря на ранецъ, лядунку, кирку и лопату (необходимые доспѣхи сапера), которые при каждомъ шагѣ немилосердно били по ляжкѣ, можно было бы назвать прогулкой, если бъ не носили тогда на головѣ огромныхъ киверовъ, украшенныхъ на макушкѣ краснымъ помпономъ; но и съ киверомъ можно было бы примириться, если бъ, во время этого перехода, онъ не служилъ кладовой, до верху набитой апельсинами, пирожками, булками, сыромъ, леденцами и другимъ съѣстнымъ снадобьемъ; отъ этого запаса дня три потомъ трудно было поворачивать шею.

Въ лагерное время прекращались всякія классныя занятія. Занимались только тактикой, военными эволюціями, приготовленіемъ къ линейнымъ ученіямъ и маневрамъ, которыми командовалъ обыкновенно самъ государь Николай Павловичъ. Свободнаго времени оставалось много; намъ давали волю гулять по всему лагерю. Нѣкоторые были посмѣлѣе, переходили границы лагеря, украдкой бѣгали купаться на шлюзы подъ Бабьими-горами, тогда еще имѣвшими видъ болота; знаменитыя „Озерки“ только что начинали строиться; архитекторъ Штакеншнейдеръ не приступалъ еще къ постройкѣ бельведера.

Въ этихъ прогулкахъ и вообще другихъ похожденіяхъ,— помню очень хорошо, — никогда не принималъ участія Тотлебенъ. Онъ готовился тогда переходить въ старшій классъ. Его во всякое время можно было застать сидящимъ на валу канавки, огибавшей нашу палатку, съ книгой въ рукѣ или съ кусочками дерева, изъ которыхъ онъ искусно вырѣзывалъ перочиннымъ ножемъ маленькія модели брустверовъ. Онъ, говорили, учился вообще туго; ему не мало также стоило труда овладѣть вполнѣ русскимъ языкомъ; ему помогали въ этомъ твердость характера, упорство и усердіе. Я былъ товарищемъ его брата, Адольфа, поступившаго въ училище въ одинъ годъ со мной; два года спустя, я ѣздилъ съ нимъ къ старшему брату, уже произведенному въ офицеры, въ саперы, и жившему въ Царскомъ Селѣ на скромной, бѣдной квартирѣ. Любимымъ его занятіемъ было тогда играть на гитарѣ и, сколько помню, постоянно разыгрывать одну и ту же пьесу: финалъ изъ оперы *Жизнь за Царя*—„Славься! Славься!“ Шумъ толпы и звукъ колоколовъ онъ довольно искусно изображалъ, стукая суставами пальцевъ въ коробку гитары. Съ тѣхъ поръ мы встрѣтились всего разъ, уже тридцать лѣтъ спустя, и оба значительно уже посѣдѣвшіе.

Въ бытность нашу въ кадетскомъ лагерѣ насъ иногда выравнивали по взводамъ и вели въ нижнюю часть петергофскаго парка къ Самсону; тамъ устанавливали насъ въ томъ же порядкѣ противъ одного изъ бассейновъ, куда стекаетъ вода, ниспадающая по ступенямъ мраморной лѣстницы; на верхней площадкѣ, передъ дворцомъ, помѣщались придворные, окружавшіе государыню Александру Ѳеодоровну. Нѣсколько минутъ спустя выходилъ государь и здоровался съ нами. Выровнявъ наши ряды, онъ

отходилъ въ сторону и командовалъ: „Разъ! Два! Три!“ По третьей командѣ мы бултыхались въ бассейнъ и, цѣпляясь другъ за дружку, сбиваемые водой, старались взобраться по ступенькамъ каскада до верхней площадки; первымъ тремъ, опередившимъ другихъ, императрица собственноручно дарила призы, состоявшіе большею частью изъ издѣлій петергофской гранильной фабрики. Возвращались мы въ лагерь уже не въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ шли оттуда, а вразбродъ, кому какъ вздумается, лишь бы скорѣе придти въ палатку и переодѣться.

Помню очень хорошо, я всегда съ сожалѣніемъ разставался съ лагерною жизнью. Маневры, линейныя ученья, вообще фронтовая часть были для меня пріятною забавой, сравнительно съ предстоящимъ принужденіемъ сидѣть въ классахъ, приготовляться къ лекціямъ и экзаменамъ. Я все еще не выходилъ изъ полусознательнаго туманнаго состоянія ума, мѣшавшаго быстро и ясно схватывать то, что̀ читалъ преподаватель съ каѳедры; любопытство мое гораздо больше возбуждали наружность преподавателя, его голосъ, движенія, манера, чѣмъ то, о чемъ онъ говорилъ. Многіе изъ нихъ требовали, чтобы ученики записывали за ними лекціи; я положительно не могъ этого дѣлать по непривычкѣ скоро писать и отчасти по нетвердости въ русской грамотѣ. Предметы сколько-нибудь положительные, наглядные, осязательные, какъ, наприм., фортификація, артиллерія, географія, давались мнѣ очень легко; я отвѣчалъ на нихъ иногда весьма изрядно и получалъ хорошіе баллы; но едва касалось какой-нибудь математической выкладки, вычисленія, мозгъ мой словно вдругъ застилался туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики, Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало; я наклонялся къ столу и едва смѣлъ перевести духъ отъ страха; нѣтъ-нѣтъ и — вдругъ онъ меня вызоветъ къ доскѣ! Каждый разъ, какъ это случалось, я ни живъ, ни мертвъ подходилъ къ доскѣ, старательно вытиралъ ее губкой, не забывая самыхъ дальнихъ угловъ; Кирпичевъ диктовалъ задачу; я каллиграфически ее вырисовывалъ, но когда дѣло доходило до рѣшенія, я смиренно признавался, что не могу этого исполнить, и получалъ нуль, за что въ слѣдующее воскресенье не выпускали меня въ наказаніе изъ училища.

Самое страшное время, не только для меня, но и для всѣхъ насъ, были годичные экзамены; сколько помнится,

они происходили въ маѣ. Въ училищѣ преподавалось около пятнадцати самыхъ разнородныхъ предметовъ; каждый изъ нихъ надо было пройти отъ начала до конца за весь годъ и приготовиться къ нему въ теченіе двухъ, иногда одного дня. Чрезмѣрное умственное напряженіе, просиживаніе почи безъ сна, безъ сомнѣнія, дѣйствовали крайне вредно на здоровье. Въ теченіе этого времени никто почти не говорилъ другъ съ другомъ, ходили всѣ какъ шальные или сидѣли не двигаясь, придерживая въ ладоняхъ голову, наклоненную надъ книгой. Отъ экзамена зависѣлъ переходъ въ слѣдующій классъ, — переходъ, приближавшій къ освобожденію изъ училища, къ свободѣ, и это, вѣроятно, придавало силы побѣждать трудность.

Какъ результатъ перваго года, проведеннаго въ училищѣ, долженъ сказать, рѣшительно не понимаю, какъ я, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ крайне запоздалымъ, — какъ могъ я пережить въ этой атмосферѣ, гдѣ товарищи были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство.

III.

Знакомство съ Достоевскимъ. — „Мечты и звуки“. — Знакомство съ Некрасовымъ. — Случай, послужившій поводомъ къ моему выходу изъ училища.

Разъ въ воскресенье отправился я изъ училища, желая навѣстить бывшаго моего наставника К. Ф. Костомарова. Я пришелъ утромъ, въ то время, когда его питомцы (ихъ былъ новый комплектъ и, попрежнему, человѣкъ пять) не занимались. Меня тотчасъ же всѣ радостно обступили; я былъ для нихъ предметомъ живѣйшаго любопытства, могъ сообщить о житьѣ-бытьѣ училища, въ которое они должны были вступить будущею весной.

Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находился юноша лѣтъ семнадцати, средняго роста, плотнаго сложенія, бѣлокурый, съ лицомъ, отличавшимся болѣзненною блѣдностью. Юноша этотъ былъ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Онъ пріѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Мих. Мих. Послѣдній не держалъ экзамена въ инженерное училище, опредѣлился въ кондукторскую саперную роту, былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ на службу въ Ревель. По возвращеніи оттуда, слу-

стя уже нѣсколько лѣтъ, М. М. вышелъ въ отставку, открылъ папиросную фабрику, занимался одновременно переводами сочиненій Гёте, написалъ комедію „Старшая и меньшая“ и послѣ возвращенія изъ ссылки Ѳ. М. сдѣлался редакторомъ журнала *Эпоха*.

Сближеніе мое съ Ѳ. М. Достоевскимъ началось едва ли не съ перваго дня его поступленія въ училище. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полустолѣтія, но хорошо помню, что изо всѣхъ товарищей юности я никого такъ скоро не полюбилъ и ни къ кому такъ не привязывался, какъ къ Достоевскому. Казалось, онъ сначала отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же, несмотря на врожденную сдержанность характера и отсутствіе юношеской экспансивности — откровенности. Ему радостно было встрѣтить во мнѣ знакомаго въ кругу чужихъ лицъ, не упускавшихъ случая грубо, дерзко придираться къ новичку. Ѳ. М. уже тогда выказывалъ черты необщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста; вскорѣ нашлось такое мѣсто и надолго стало его любимымъ: глубокій уголъ четвертой камеры съ окномъ, смотрѣвшимъ на Фонтанку; въ рекреаціонное время его всегда можно было тамъ найти и всегда съ книгой.

Съ неумѣренною пылкостью моего темперамента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостью и податливостью характера, я не ограничился привязанностью къ Достоевскому, но совершенно подчинился его вліянію. Оно, надо сказать, было для меня въ то время въ высшей степени благотворно. Достоевскій во всѣхъ отношеніяхъ былъ выше меня по развитости; его начитанность изумляла меня. То, что сообщалъ онъ о сочиненіяхъ писателей, имя которыхъ я никогда не слыхалъ, было для меня откровеніемъ. До него я и большинство остальныхъ нашихъ товарищей читали спеціальные учебники и лекціи, и не только потому, что постороннія книги запрещалось носить въ училище, но и вслѣдствіе общаго равнодушія къ литературѣ.

Кончина Пушкина въ 1837 г. была чувствительна между нами, я убѣжденъ, одному Достоевскому, успѣвшему еще въ пансіонѣ Чермака (въ Москвѣ) прочесть его творенія; предосторожности, принятыя во время перенесенія тѣла великаго поэта изъ его квартиры, легко могло статься, приняты были также по отношенію къ учебнымъ

заведеніямъ; приказано было, по возможности, скрыть событіе и наблюдать, чтобы меньше о немъ говорили.

Мнѣ потомъ не разъ случалось встрѣчаться съ лицами, вышедшими изъ пансіона Чермака, гдѣ получилъ образованіе Достоевскій; всѣ отличались замѣчательною литературною подготовкой и начитанностью.

Первыя литературныя сочиненія, читанныя мной на русскомъ языкѣ, были мнѣ сообщены Достоевскимъ; это были: переводъ „Котъ Муръ“ Гофмана и „Исповѣдь англичанина, принимавшаго опіумъ“ Матюрена, — книга мрачнаго содержанія и весьма цѣнимая тогда Достоевскимъ. „Астрологъ“ Вальтеръ-Скотта и особенно „Озеро Онтаріо“ Купера окончательно пристрастили меня къ чтенію. Читая въ „Озерѣ Онтаріо“ сцену прощанія Шать-Файндера съ Маделью, я заливался горькими слезами, старался отворачиваться и украдкой утирать слезы изъ опасенія, чтобы этого не замѣтили и не подняли меня на смѣхъ. Литературное вліяніе Достоевскаго не ограничилось мной; имъ увлеклись еще три товарища: Бекетовъ, Витковскій и Бережецкій; образовался, такимъ образомъ, кружокъ, который держался особо и сходился, какъ только выпадала свободная минута. Любовь къ чтенію смѣнила у меня на время страсть къ рисованію, которымъ я усердно занимался до того времени. Читалось безъ разбору все, что̀ ни попадало подъ руку и что̀ тайкомъ приносилось въ училище. Разъ, помню, я имѣлъ даже терпѣніе прочесть до конца всего „Josselin“, скучнѣйшую и длиннѣйшую поэму Ламартина, и не менѣе скучный переводный англійскій романъ „La Mapelle d'Dayton“. Описаніе жизни знаменитыхъ живописцевъ, помѣщенное въ одномъ изъ сочиненій Карамзина, привело меня въ восторгъ. Я вступалъ въ горячій споръ съ Достоевскимъ, доказывая, что Рафаэль Санціо значитъ Рафаэль *святой*, такъ прозванный за его великія творенія; Достоевскій доказывалъ, что *Санціо* обозначаетъ только фамилію художника, съ чѣмъ я никакъ не хотѣлъ согласиться. Воображеніе, болѣе и болѣе увлекаемое чтеніемъ, не могло имъ ограничиться.

Послѣ чтенія пьесы Шиллера „Разбойники“ я тотчасъ же принялся сочинять пьесу изъ итальянскихъ нравовъ; прежде всего, я позаботился пріискать названіе: „Замокъ Морвено“. Написавъ первую сцену, я тутъ же остановился; съ одной стороны, помѣшало безсиліе воображенія, съ другой — неумѣнье выражать на русскомъ языкѣ то, что̀ хотѣлось.

Чтеніе и мысли, которыя оно пробуждало, не только мѣшали мнѣ слѣдить за уроками, но замѣтно охлаждали къ класснымъ занятіямъ. Достоевскій, сколько помнится, учился также не важно; онъ приневоливалъ себя съ тѣмъ, чтобы окончить курсъ и переходить изъ класса въ классъ безъ задержки. Послѣднее не удалось ему, однакожъ; при переходѣ въ одинъ изъ классовъ, онъ не выдержалъ экзамена и долженъ былъ въ немъ остаться еще годъ; неудача эта потрясла его совершенно; онъ сдѣлался боленъ и пролежалъ нѣсколько времени въ лазаретѣ.

Въ 1839 или въ началѣ сорокового года находились мы въ рекреаціонной залѣ; вошелъ въ нее дежурный офицеръ Ферморъ, придерживая въ рукахъ пачку тоненькихъ брошюръ въ блѣдно-розовой оберткѣ. Предлагая намъ покупать ихъ, онъ разсказывалъ, что авторъ стиховъ, заключавшихся въ брошюрахъ, молодой поэтъ, находится въ стѣсненномъ денежномъ положеніи. Брошюра имѣла такое заглавіе: „Мечты и звуки“; имя автора замѣнялось нѣсколькими буквами.

Это происходило въ самый разгаръ моего литературнаго увлеченія. Стихи неизвѣстнаго писателя, сколько помнится, не произвели на меня и Достоевскаго особеннаго [illegible]атлѣнія. Но для меня довольно было тогда слова „поэтъ“ и знать, что такой поэтъ существуетъ здѣсь, въ Петербургѣ, чтобы пробудить любопытство, желаніе хотя бы глазкомъ взглянуть на него. Послѣднее, къ великой моей радости, не встрѣтило затрудненія. Одинъ изъ моихъ товарищей, Тамамшевъ, племянникъ Фермора, знакомъ былъ съ поэтомъ; онъ сообщилъ, что настоящее имя поэта „Некрасовъ“ и обѣщалъ свести меня къ нему въ первый свободный праздникъ. Можно себѣ представить, какъ радостно было принято предложеніе. Мы отправились въ первое воскресенье. Что-то похожее на робость овладѣло мной, когда мы стали подходить къ дому, гдѣ жилъ Некрасовъ. Домъ этотъ находился на углу Колокольной улицы и Дмитровскаго переулка; надо было проходить черезъ дворъ и подняться по черной лѣстницѣ. На звонъ, дверь отворилъ намъ слуга, довольно чисто одѣтый; мы вошли въ небольшую свѣтлую прихожую, перегороженную стеклянною перегородкой, за которой помѣщалась кухня. Въ слѣдующей комнатѣ, довольно просторной и свѣтлой, бросался, прежде всего, въ глаза безпорядокъ; подоконники, полъ, кровать,

небольшой столъ были завалены ворохомъ бумагъ, газетъ и книгъ; на одномъ изъ подоконниковъ изъ-подъ газетъ выглядывало нѣсколько тарелокъ. Насъ встрѣтилъ молодой человѣкъ, средняго роста, худощавый, говорившій глухимъ, сиплымъ голосомъ; онъ былъ въ халатѣ; на головѣ его красовалась шитая цвѣтными шнурками ермолка, изъ-подъ которой свѣшивались длинные, жиденькіе волосы каштановаго цвѣта.

Чѣмъ объяснилъ я ему нашъ неожиданный приходъ, какъ принялъ насъ Некрасовъ, что говорилось при этомъ,— рѣшительно не помню; надо думать, впечатлѣніе не настолько было сильно, чтобы врѣзаться въ памяти.

Кромѣ стиховъ въ извѣстной брошюрѣ, Некрасовъ успѣлъ уже тогда написать нѣсколько разсказовъ, въ числѣ которыхъ повѣсть „О пропавшемъ безъ вѣсти піитѣ“. Но гонораръ въ то время платили только извѣстнымъ литераторамъ; остальные должны были считать за счастье, когда удостоивали печатать ихъ произведенія; если имъ платили, то настолько скудно, что жить однимъ литературнымъ трудомъ едва ли было возможно. Практическій умъ Некрасова помогъ ему обойти затрудненія: онъ свелъ знакомство съ Куликовымъ, главнымъ режиссеромъ русской труппы, и сталъ работать для театра. Изъ пьесъ его помню только водевиль: „Шила въ мѣшкѣ не утаишь,— дѣвушку подъ замкомъ не упрячешь“. Онъ тогда же переве лъ пятиактную драму: „La nouvelle Fanchon“ подъ названіемъ: „Материнское благословеніе“. Какимъ образомъ ухитрился онъ это сдѣлать, не зная буквально слова по-французски, остается непонятнымъ. Сколько нужно было воли, терпѣнія, чтобы, частью пользуясь объясненіями случайно заходившихъ знакомыхъ, частью по лексикону довести до конца такую работу.

По странному сцѣпленію случайностей и аналогій, въ томъ самомъ домѣ, на углу Колокольной и Дмитровскаго переулка, гдѣ жилъ Некрасовъ, помѣщалась, пятнадцать лѣтъ спустя, въ бель-этажѣ, редакція журнала *Современникъ*, котораго Некрасовъ былъ тогда полнымъ хозяиномъ.

Знакомство мое съ Некрасовымъ и разсказы о моемъ свиданіи съ нимъ встрѣчены были Достоевскимъ съ полнымъ равнодушіемъ; ему, вѣроятно, не нравились его стихи въ извѣстной брошюрѣ; онъ находилъ, что не изъ чего было мнѣ такъ горячиться.

Годъ отъ году, между тѣмъ, я неохотнѣе, хуже учился.

Съ одной стороны, какъ уже я упоминалъ, увлекало меня чтеніе, съ другой—любовь къ художеству, которая снова овладѣла мною. Матушка моя, не подозрѣвая, насколько послѣднее увлеченіе вредило моимъ занятіямъ, давала мнѣ средства посѣщать въ праздничные дни академію художествъ и брать уроки рисованія и живописи у художника Томарипскаго. Знакомство съ товарищами моего учителя, ихъ независимость, свобода жизни, помимо занятій любимымъ предметомъ, еще сильнѣе давали всякій разъ чувствовать суровый гнетъ въ стѣнахъ Михайловскаго замка и разжигали желаніе скорѣе отъ него освободиться, вырваться на волю. Пройдя какимъ-то образомъ во второй классъ, предшествующій послѣднему, я пришелъ къ сознанію, что дальше идти нѣтъ мнѣ возможности. Логариѳмы окончательно меня сокрушили; зная, что впереди меня ожидаютъ еще какія-то страшныя дифференціальныя исчисленія, я рѣшился во что бы ни стало упросить матушку взять меня изъ училища. Врядъ ли согласилась бы она на это, но случай помогъ мнѣ достичь моего желанія.

Матушка пріѣхала въ Петербургъ навѣстить меня. Въ субботу, въ шесть часовъ вечера, меня отпустили къ ней изъ училища. Вечеръ былъ осенній, насмурный, сѣялъ мелкій дождь. Я повернулъ съ Невскаго въ Большую Морскую и подходилъ къ Кирпичному переулку, гдѣ теперь домъ Конопова. Въ то время тамъ стояло довольно жалкое деревянное двухъ-этажное зданіе; наверху помѣщался дѣтскій театръ, въ нижнемъ этажѣ находился магазинъ картинъ и древностей. Въ ту самую минуту, какъ я поровнялся съ дверью этого магазина, подлѣ меня остановился на вытяжкѣ какой-то военный и скороговоркой произнесъ: „Вы пропустили великаго князя!“ Поднявъ глаза, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ коляску съ опущеннымъ фартукомъ, изъ-подъ котораго выставлялась треугольная шляпа; въ ту же секунду послышался голосъ: „Поди сюда, поди сюда!“ Узнавъ голосъ великаго князя, я потерялъ голову, паническій страхъ овладѣлъ мною; не отдавая себѣ отчета въ своемъ дѣйствіи, я сломя голову бросился въ стеклянную дверь картиннаго магазина; въ немъ никого не было, я бросился дальше, попалъ въ кухню, гдѣ что-то чистила кухарка, но не успѣла она крикнуть, какъ я уже стремительно летѣлъ черезъ дворъ и, самъ не помню, какъ очу-

тился въ мебельномъ магазинѣ, выходившемъ на Мойку. Нѣмецъ, хозяинъ магазина, выслушавъ мой разсказъ и, вѣроятно, тронутый моимъ положеніемъ, провелъ меня по внутренней лѣстницѣ къ себѣ на квартиру и передалъ семейству. Мало-по-малу я успокоился, думая, авось великій князь не замѣтилъ моей формы, но онъ былъ на этотъ счетъ зорокъ. Когда совершенно смерклось, я рѣшился выйти на улицу и спѣшилъ къ матери. Не желая ее испугать, я скрылъ причину моего поздняго прихода.

Мы улеглись спать. Ночью, часа въ два, звонокъ. Сторожъ, посланный изъ училища, объявилъ, что надо сейчасъ же отправляться въ Михайловскій замокъ, что случилось что-то и всѣхъ сторожей разослали по городу собирать кондукторовъ. Матушка встревожилась; продолжая скрывать отъ нея причину неожиданнаго сбора, я чувствовалъ себя только не совсѣмъ бодрымъ. Придя въ замокъ, я нашелъ тамъ уже человѣкъ до шестидесяти товарищей; всѣ ходили въ волненіи и бранились. Съ каждою минутой являлись новыя лица и спрашивали съ недоумѣніемъ: „Что случилось?“ Разсказывали, что кто-то изъ кондукторовъ пропустилъ великаго князя, не сдѣлавъ ему фронта; великій князь приказалъ къ десяти часамъ собрать всю роту и самъ обѣщалъ пріѣхать; въ случаѣ же, если найдется виноватый, приказано было привести его къ этому часу въ Михайловскій дворецъ. Счастливая мысль пришла мнѣ въ голову: я подумалъ, что если великій князь узналъ только форму мундира, но не успѣлъ разглядѣть моего лица, и я буду продолжать скрываться, все училище, пока не отыщется виновный, непремѣнно запрутъ въ стѣнахъ замка на долгое время, но рано или поздно виноватый непремѣнно отыщется, ему, безъ сомнѣнія, не простится товарищами его поступокъ, онъ пятномъ ляжетъ на всю мою жизнь. Никому не говоря о своемъ рѣшеніи, я отправился къ ротному командиру, барону Розену, и разсказалъ все, какъ было. Онъ этому обрадовался, похвалилъ меня и тотчасъ же отдалъ приказаніе распустить всѣхъ по домамъ.

Часамъ къ девяти утра на меня надѣли новый мундиръ, и баронъ Розенъ повелъ меня во дворецъ. Ждали мы около часа, въ теченіе котораго баронъ Розенъ не переставалъ ободрять меня и раза два даже перекрестилъ. Мимо насъ то и дѣло суетливо проходили генералы и адъютанты. Я стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ,

дверь пріотворилась, кто-то подозвалъ Розена и что-то шепнулъ ему. „Пойдемте!“—сказалъ Розенъ. Онъ ввелъ меня въ большую комнату, въ глубинѣ которой стоялъ великій князь; по бокамъ его стояли генералы и офицеры.

Я остановился передъ великимъ княземъ шагахъ въ трехъ.

— Этотъ шалопай былъ вчера пьянъ! сказалъ великій князь, указывая на меня.

— Ваше высочество, проговорилъ баронъ Розенъ,—этотъ кондукторъ отличается у насъ хорошимъ поведеніемъ; онъ никогда ни въ чемъ худомъ не былъ замѣченъ.

Осмѣлиться противорѣчить такимъ образомъ великому князю было въ то время равносильно геройству. Недаромъ Розенъ былъ у насъ такъ любимъ и популяренъ.

Не знаю, приняты ли были во вниманіе слова ротнаго командира, или великій князь находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа и его смягчилъ видъ испуга на лицѣ моемъ, но онъ заговорилъ замѣтно уже смягченнымъ голосомъ:

— Представьте, вчера этотъ шалопай не сдѣлалъ мнѣ фронта; я подозвалъ его,—что жъ вы думаете?—онъ бросился отъ меня въ магазинъ и удралъ. Я послалъ за нимъ тотчасъ же Ростовцева, который ѣхалъ со мною, но нигдѣ не могли его отыскать, онъ точно... точно испарился!..

Послѣднее слово положительно спасло меня; оно, должно-быть, понравилось великому князю. Онъ началъ повторять его: „Испарился... да, испарился... Повторяю вамъ: онъ точно испарился...“ Наконецъ, онъ засмѣялся и, обратясь къ Розену, приказалъ посадить меня подъ арестъ и не выпускать впредь до разрѣшенія.

Въ то же утро приказаніе было исполнено. Великій князь, конечно, забылъ обо мнѣ; начальство не смѣло ему напомнить. Не знаю, сколько бы пришлось просидѣть, если бъ, къ счастью, не заболѣло у меня горло и меня не перевели въ лазаретъ. Въ тотъ же день, матушка, въ испугѣ, пришла навѣстить меня. Я сталъ умолять ее взять меня изъ училища, увѣряя, что здѣсь меня, навѣрное, вгонятъ въ чахотку, что я не желаю вовсе быть инженеромъ, что настоящее мое призваніе—быть художникомъ. Матушка, наконецъ, согласилась, подала прошеніе, и я былъ уволенъ.

IV.

Академія художествъ.—А. А. Шуданъ.—К. П. Брюловъ.—Т. Г. Шевченко. — Кулисы Большого театра. — Неудачный дебютъ. — Отъѣздъ изъ Петербурга. — Случайная встрѣча съ директоромъ театровъ А. М. Гедеоновымъ.

Матушка моя выказывала мнѣ всегда много доброты, даже баловала меня, когда не находилась подъ вліяніемъ бабушки. Она словомъ не попрекнула меня за то, что я обманулъ ея надежды и не сдѣлался инженеромъ. Она повела меня къ портному, заказала нѣсколько перемѣнъ платья, купила бѣлья,—словомъ, экипировала отъ головы до ногъ, и сама потомъ отправилась въ академію отыскивать мнѣ помѣщеніе. Благодаря ей, нашлась комната, которую удѣлилъ изъ своей квартиры и отдавалъ въ наемъ одинъ изъ дядекъ при академистахъ, жившихъ тогда въ академіи на положеніи казенныхъ воспитанниковъ и ходившихъ въ мундирахъ; я былъ совершенно счастливъ. Матушка напрасно только оставила меня такъ скоро одного на полной свободѣ; но ее давно безпокоила мысль о томъ, что бабушку также нельзя оставить одну въ деревнѣ. Сърѣзня сердце, она простилась со мной и уѣхала.

Въ первое время я съ горячностью продолжалъ учиться живописи у Томаринскаго и посѣщалъ классы. Но кончался урокъ, запирались классы, и я положительно не зналъ, куда дѣваться, что съ собой дѣлать. Товарищъ мой по московскому пансіону, старшій Монигетти, успѣлъ уже окончить курсъ и былъ отправленъ въ Италію; къ другому товарищу, Попову, можно было попасть только въ праздничные дни. На мое счастье, рядомъ со мною, у того же дядьки, нанималъ вторую комнату нѣкто А. А. Шуданъ, человѣкъ уже не первой молодости, замѣчательно добрый, принявшій во мнѣ почему-то сердечное участіе. Шуданъ имѣлъ званіе академика по архитектурѣ, но былъ бѣденъ, потому что отличался полнымъ отсутствіемъ практичности и неумѣньемъ подслуживаться, не допускавшимъ его, какъ это дѣлали многіе его товарищи, забѣгать къ профессорамъ и строителямъ-архитекторамъ и получать отъ нихъ работу. Онъ буквально жилъ, сочиняя, тайно, разумѣется, архитектурныя программы для лицъ, добивающихся званія академика. Онъ вдругъ привязался ко мнѣ, крайне былъ полезенъ совѣтами и постоянно сдерживалъ меня отъ глупыхъ поступковъ, которые я могъ

дѣлать по неопытности, благодаря также моему увлекающемуся характеру. Несмотря на ограниченность его денежныхъ средствъ, онъ любилъ покупать книги, охотно снабжалъ меня ими, часто даже настоятельно требовалъ, чтобы я прочелъ то или другое сочиненіе; онъ, между прочимъ, познакомилъ меня съ „Донъ-Кихотомъ“. Чтеніе комедій Мольера неожиданно пробудило во мнѣ дремавшую литературную жилку: я принялся переводить комедію „Сганарель“, но долженъ былъ остановиться при самомъ началѣ, обезкураженный неумѣньемъ свободно управлять бѣглою русскою фразой.

Въ то время вся академія фанатически была увлечена Брюловымъ; онъ сосредоточивалъ на себѣ все вниманіе, ни о чемъ больше не говорили, какъ о немъ. Всѣ академисты, отъ мала до велика, горѣли однимъ желаніемъ: попасть въ ученики къ Брюлову. Съ умиленнымъ чувствомъ выслушивался разсказъ о томъ, какъ послѣ каждаго новаго портрета или картины Брюлова мой однофамилецъ В. И. Григоровичъ, секретарь академіи, вымаливалъ у Брюлова позволеніе взять новое его произведеніе къ себѣ на квартиру, запирался на ключъ и двое сутокъ просиживалъ передъ нимъ, не отрывая отъ него глазъ. Всему этому добродушно вѣрили и самъ разсказчикъ, и его слушатели. Я былъ отъ Брюлова въ экстазѣ и также мечталъ попасть къ нему въ ученики, забывая, что къ нему поступали только зрѣлые ученики, а я былъ только начинающій. Узнавъ, что Брюловъ часто посѣщаетъ вмѣстѣ съ учениками скромный ресторанъ въ четвертой линіи Васильевскаго острова, я сдѣлался постояннымъ его посѣтителемъ, но, къ огорченію моему, ни разу его тамъ не нашелъ. Встрѣчая въ коридорахъ академіи Брюлова, всегда сопровождаемаго учениками, я замиралъ, руки мои холодѣли, языкъ прилипалъ къ гортани. Наружность его не имѣла, однакожъ, ничего внушительнаго: онъ былъ маленькаго роста, толстый, съ выдающимся животомъ, на коротенькихъ ножкахъ; сѣрые глазки его, окруженные припухшими красными вѣками, смотрѣли пасмѣшливо; лобъ его, совершенно прямой, отвѣсный, украшался бѣлокурыми кудрями; онъ постоянно носилъ сѣрую коротенькую жакетку, придававшую его круглой маленькой фигурѣ довольно комическій видъ; но таково уже было тогда настроеніе, что все казалось въ немъ прекраснымъ, даже величественнымъ; многіе увѣряли, что наружность Брю-

лова, особенно голова съ ея кудрями, близко напоминаетъ по своему характеру Зевеса Олимпійскаго.

Въ числѣ учениковъ Брюлова находился въ то время Т. Г. Шевченко, съ которымъ, самъ не знаю какъ, я близко сошелся, несмотря на значительную разницу лѣтъ. Т. Г. было тогда лѣтъ тридцать, можетъ-быть, больше; онъ жилъ въ одной изъ линій Васильевскаго острова и занималъ вмѣстѣ съ какимъ-то офицеромъ крошечную квартиру. Я посѣщалъ его довольно часто и постоянно заставалъ за работой надъ какою-нибудь акварелью—единственнымъ его средствомъ къ существованію. Сколько помню, Шевченко былъ тогда постоянно въ веселомъ настроеніи духа; я ходилъ слушать его забавные разсказы и смѣялся дѣтскимъ, простодушнымъ смѣхомъ.

Но о моей жизни въ академіи не стóитъ долго распространяться: то, что я изъ нея вынесъ, описано большею частью въ давнишней моей повѣсти „Неудавшаяся жизнь“. Академическій бытъ того времени еще лучше моего описанъ въ книгѣ М. Ѳ. Каменской, урожденной графини Толстой, дочери бывшаго президента академіи. Тамъ, между прочимъ, прелестно разсказано, какъ авторъ, тогда еще ребенокъ, поймалъ, въ сообществѣ съ другими дѣтьми, дѣвочку пяти лѣтъ, дочь сторожа, и они затащили ее въ комнату, откуда вышли работники, золотившіе рамы; дѣвочку раздѣли до нага, вымазали сахарною водой, вызолотили съ головы до ногъ сусальнымъ золотомъ и пустили въ такомъ видѣ прогуливаться по коридорамъ. Тогда это было вполнѣ возможно; въ академическихъ коридорахъ не было ни внутреннихъ, ни наружныхъ дверей, они были раскрыты на всѣ вѣтры, и всякій, кому было угодно, могъ безпрепятственно входить въ зданіе. Въ этихъ коридорахъ, говорили, не совсѣмъ даже было безопасно проходить по ночамъ; не разъ открывалось, что сторожа держали на своихъ квартирахъ безпаспортныхъ.

Учитель мой, Томаринскій, имѣлъ случай доставать иногда даровые билеты въ Большой театръ и всякій разъ приглашалъ меня идти вмѣстѣ. Я съ одинаковымъ радостнымъ волненіемъ входилъ всегда въ театральную залу. Давалась ли опера, шелъ ли балетъ,—для меня было безразлично; спектакль самъ по себѣ производилъ на меня чарующее дѣйствіе; сколько помню, меня не столько всегда занимало то, что̀ происходило на сценѣ, сколько всякій разъ манило на самую сцену, въ таинственный, закрытый

міръ кулисъ, актеровъ и актрисъ, нравы которыхъ, преувеличенные воображеніемъ, подстрекали въ высшей степени мое любопытство. На-яву и во снѣ я сталъ бредить однимъ театромъ. Но какъ осуществить мечту — попасть за кулисы? Какимъ образомъ достигнуть заманчивой цѣли? Вопросы эти не давали мнѣ покоя. Кто-то научилъ меня обратиться къ Роллеру, старшему декоратору и машинисту Большого театра, попросить его давать мнѣ уроки декоративной живописи и этимъ способомъ имѣть, можетъ-быть, случай попасть за кулисы. Не долго думая, я собралъ въ папку лучшіе мои рисунки и спѣшно отправился въ Большой театръ. Мнѣ сказали, что зала, гдѣ пишутся декораціи, находится подъ стропилами театральной крыши. Подымаясь по безконечной темной лѣстницѣ, я долженъ былъ нѣсколько разъ останавливаться; у меня захватывало духъ отъ смѣлости моего похожденія. Я очутился, наконецъ, подъ стропилами, въ обширномъ свѣтломъ пространствѣ, полъ котораго былъ покрытъ полотнами разной величины; по нимъ расхаживало въ мягкихъ башмакахъ нѣсколько человѣкъ съ длинными палками, кончавшимися кистями; макая кисти въ тутъ же поставленные горшки съ красками, они бойко водили ими по полотнамъ. Мнѣ указали на Роллера, высокаго, строгаго вида человѣка, говорившаго съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я робко къ нему подошелъ и, высказавъ мое желаніе, поспѣшно развернулъ передъ нимъ папку; внимательно осмотрѣвъ рисунки, онъ похвалилъ ихъ и тотчасъ же, принявшись за прерванную работу, сказалъ, что если у меня есть желаніе учиться декоративной живописи, я могу приходить въ залу хоть съ завтрашняго дня. Я былъ въ восхищеніи.

Откуда-то доносились звуки оркестра и время отъ времени раздавалось пѣніе. Сдѣлавъ невольно нѣсколько шаговъ въ ту сторону, я приблизился къ низенькой рѣшеткѣ, отдѣлявшей декораціонную залу отъ темной бездны, увѣшанной декораціями съ перекрещивавшимися во всѣ стороны веревками и навѣсными переходами; въ неизмѣримой глубинѣ, за рѣшеткой, посреди темноты, выдвигался ярко освѣщенный край рампы, и то и дѣло передъ нею выставлялись чьи-то носки и края одежды. Неожиданно грянулъ оркестръ, и явственно послышались голоса пѣвцовъ. Сердце мое сильно забилось. Желаніе мое проникнуть на сцену исполнилось скорѣе и легче, чѣмъ я ожи-

далъ. Когда Роллеръ ушелъ, другой декораторъ, Шеньянъ, направился къ рѣшеткѣ и, отворивъ подлѣ нея маленькую дверь, готовился войти въ нее. „Развѣ здѣсь есть другой ходъ?“ — спросилъ я. — „Да, ходъ на сцену, мнѣ надо тамъ переговорить кое съ кѣмъ“...—„Возьмите меня съ собою!“ — вырвалось у меня. Онъ охотно согласился; мы вступили въ темный лабиринтъ таинственныхъ переходовъ и узенькихъ лѣстницъ. Я былъ точно въ лихорадкѣ отъ возбужденнаго любопытства. Когда мы очутились за кулисами, репетиція только-что кончилась, и артисты спѣшили со сцены; въ темнотѣ мнѣ никого не привелось разсмотрѣть. Впечатлѣніе было, тѣмъ не менѣе, настолько сильно, что я нѣсколько дней ни о чемъ больше не говорилъ съ Томаринскимъ и Шуданомъ. Декораціонную залу я посѣщалъ каждый день, одушевляемый надеждой спуститься на сцену послѣ ухода Роллера. Осуществленію моихъ надеждъ много способствовалъ Шеньянъ, добрѣйшій и добродушнѣйшій изъ нѣмцевъ; ему какъ будто понятно было мое любопытство. Не довольствуясь спускаться со мною за кулисы во время репетицій, онъ вскорѣ повелъ меня вечеромъ во время представленія балета. Тутъ я окончательно потерялъ голову. Послѣ этого я не пропускалъ уже ни одного спектакля. Первое время меня разъ или два спросили, кто я и что я здѣсь дѣлаю, но мнѣ стоило объявить, что я занимаюсь у Роллера, и меня оставили въ покоѣ.

Слушая мои разсказы, добрый Шуданъ качалъ головою и отечески старался охладить мое увлеченіе; я притворялся, что слушаю его совѣты, но наступалъ вечеръ, и я, вмѣсто того, чтобы отправляться въ классы, сломя голову бѣжалъ въ театръ. У меня начинались тамъ кое-какія знакомства, казавшіяся мнѣ во сто разъ интереснѣе моихъ академическихъ пріятелей. Вскорѣ случилось то, чего неизбѣжно надо было ожидать; помимо общаго обаянія, производимаго на меня кулисами и ихъ персоналомъ, явилась другая причина, притягивавшая меня къ театру. Разъ стоялъ я вмѣстѣ съ другими на актерскомъ подъѣздѣ въ то время, какъ артисты выходили послѣ представленія. Одной изъ воспитанницъ школы недостало мѣста въ каретѣ, и ее заставили ждать вмѣстѣ съ классною дамой обратнаго возвращенія экипажа. Я случайно былъ подлѣ и заговорилъ съ нею. Въ слѣдующее представленіе мы встрѣтились уже какъ знакомые; мѣсяцъ спустя я

былъ влюбленъ, какъ можетъ влюбляться въ первый разъ девятнадцатилѣтній живой юноша, предоставленный самому себѣ, пользующійся полною свободой, безъ контроля семьи и зрѣлыхъ близкихъ людей. Въ самый разгаръ моей страсти наступилъ Великій постъ; спектакли прекратились; возможность встрѣчаться за кулисами исчезла. Я пришелъ въ такое отчаяніе, что добрый Шуданъ, отъ котораго я ничего не скрывалъ, не шутя за меня испугался; онъ уже не давалъ мнѣ совѣтовъ продолжать ходить въ классы, видя ихъ безполезность, но употреблялъ всѣ средства, чтобы меня успокоить.

Я ободрился тогда только, когда узналъ, что въ театральномъ училищѣ находится театръ и что въ немъ дозволяется пробовать силы всѣмъ желающимъ поступить въ актеры. Въ увлеченіи моемъ и также съ привычкой своеволія, я готовъ былъ на все рѣшиться, чтобы только достигнуть цѣли—попасть въ театральное училище и видѣться съ предметомъ любви; я отправился къ управляющему училищемъ съ твердымъ намѣреніемъ добиться дебюта. Онъ, прежде всего, освѣдомился, могу ли я прочесть что-нибудь изъ Озерова. Не зная ни одного стиха изъ трагедій Озерова, я просилъ позволенія прочесть что-нибудь изъ Пушкина, и когда онъ согласился, продекламировалъ довольно бойко первый монологъ изъ „Моцарта и Сальери“; управляющій, повидимому, остался доволенъ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ взять роль Шале въ пьесѣ „Дуэль при кардиналѣ Ришелье“, назначилъ приблизительно день спектакля и сказалъ, что дастъ знать, когда будетъ время явиться на первую репетицію. Начались репетиціи; цѣль была, такимъ образомъ, достигнута; я могъ возобновить свиданія съ любимою воспитанницей. Насталъ, наконецъ, день спектакля. Я игралъ ниже всякаго описанія. Мнѣ было отказано въ слѣдующемъ дебютѣ за отсутствіемъ всякой способности къ сценѣ. Потомъ, уже въ зрѣломъ возрастѣ, не разъ случалось мнѣ участвовать въ домашнихъ спектакляхъ и исполнять различныя роли. Живость моего характера, способность живо разсказывать, ясно и выразительно читать на публичныхъ чтеніяхъ — вселяли многимъ увѣренность, что я непремѣнно долженъ быть хорошимъ актеромъ; на практикѣ выходило совсѣмъ другое. Я старательно разучивалъ роль, но игралъ всякій разъ отвратительно. При выходѣ на сцену мною овладѣвала какая-то нервная суетливость; изъ памяти улетучи-

вался характеръ изображаемаго лица; меня, главнымъ образомъ, озабочивала одна лишь мысль: не забыть роли, не стать втупикъ въ самую патетическую минуту.

Послѣ моего неудавшагося дебюта, двери училища были для меня закрыты. Новая эта разлука была настолько чувствительна, что, во избѣжаніе ея повторенія, я чуть не рѣшился жениться на любимой дѣвушкѣ, какъ только ее весною выпустятъ на волю.

Рѣшимость мою изложилъ я матушкѣ въ трогательномъ письмѣ, слезно умоляя ее согласиться на мой бракъ и не мѣшать моему счастью.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Внушенный, безъ сомнѣнія, бабушкой, вѣроятно, ею даже продиктованный, онъ отличался энергіей и строгостью. Матушка объявляла, что не только не позволяетъ мнѣ жениться, но считаетъ самую мысль безумiемъ и съ настоящаго времени перестаетъ посылать мнѣ ежемѣсячное содержаніе. Матушка гораздо бы лучше сдѣлала, пріѣхавъ въ Петербургъ; она,— я узналъ потомъ, — совсѣмъ было на это рѣшилась, но удержана была бабушкой, увѣрившей ее, что все это пустяки, которыми не стоитъ тревожиться, что достаточно прекратить мнѣ высылку денегъ, чтобъ я одумался и пересталъ бѣсноваться.

Я положительно не зналъ, что̀ предпринять. За совѣтомъ къ Шудану я уже не могъ обратиться; онъ оставилъ академію послѣ того, какъ знакомый помѣщикъ пригласилъ его къ себѣ въ деревню строить часовню. Вскорѣ послѣ него я также выѣхалъ изъ академіи и нанялъ комнату, отдававшуюся въ наемъ при квартирѣ стараго золотильщика. За комнату было уплачено за мѣсяцъ впередъ; у меня оставалось еще нѣсколько денегъ, но ихъ едва ли было достаточно, чтобы прожить слѣдующій мѣсяцъ. Разсчитывать на то, что хозяинъ квартиры будетъ ждать уплаты, было несбыточно.

Кстати объ этомъ хозяинѣ; это былъ типъ своего рода, у него на все были оригинальные взгляды. Въ то время, какъ я жилъ у него, любимымъ предметомъ его разговора была Тальони, сводившая тогда съ ума петербургскую публику; хозяинъ мой никакъ не могъ переварить общаго восторга; онъ постоянно утверждалъ: „Вѣрьте мнѣ, все это у нея одинъ обманъ, отводъ глазъ... Теперь даже все это открылось; платили столько денегъ, чтобы смотрѣть, какъ подпрыгнетъ да въ воздухѣ такъ долго мается;

что жъ бы вы думали? — все это былъ одинъ обманъ... Стали это провожать ее, какъ она уѣзжала,—смотрятъ, а это у ней все крылья были подвязаны"... Напрасно старался я дознаться, гдѣ нашли у нея крылья, въ какомъ именно мѣстѣ, отвѣтъ былъ одинаковъ: „крылья подвязаны, да и все тутъ". На вопросъ мой, почему, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ не женился, объясненіе было слѣдующее: „Собирался я сколько разъ, да все какъ-то не выходило; въ первый разъ попалась было хорошая дѣвушка и приданое за ней было изрядное, да узналъ я, что она побочная дочь, я и не согласился". — „Не все ли равно?— говорилъ я.— Сами же вы увѣряли, что она хорошая дѣвушка". — „Нѣтъ, невозможно, — возражалъ онъ съ горячностью,— невозможно, помилуйте-скажите: побочная дочь... — Потомъ такой былъ случай, — продолжалъ онъ: — встрѣтилась другая дѣвица, также хорошая, приданаго семьсотъ рублей, опять пришлось отказать: у нея на лѣвомъ глазу бѣльмо открылось"... — „Такъ что жъ такое?"—„Нѣтъ, помилуйте, никакъ невозможно! При нашемъ мастерствѣ какъ-нибудь повздоришь, зацѣпишь невзначай за правый глазъ, она совсѣмъ ослѣпнетъ; что̀ я буду тогда со слѣпой-то дѣлать? Никакъ невозможно!.." Но о немъ довольно.

Время отъ времени посѣщалъ я моего товарища по пансіону Монигетти, С. И. Попова, кончавшаго тогда курсъ въ институтѣ восточныхъ языковъ.

Навѣстивъ его въ этотъ горькій періодъ моей юности, я встрѣтился у него съ его родственникомъ и моимъ знакомымъ, Бахметьевымъ, молодымъ помѣщикомъ. Я откровенно высказалъ имъ трудность моего положенія. Бахметьевъ заходилъ къ Попову съ тѣмъ, чтобы проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ въ деревню, въ Саратовскую губернію; онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, и я радостно, не долго думая, согласился. Дня два спустя мы уѣхали.

Въ деревнѣ Бахметьева я скучалъ невообразимо. Вокругъ насъ, не считая стараго сада, разстилались неоглядныя степь и болота. Бахметьевъ по цѣлымъ днямъ пропадалъ, гоняясь за дрофами и стрепетами; я ему не сочувствовалъ, имѣя врожденное отвращеніе къ охотѣ, не постигая возможности находить удовольствіе въ истребленіи бѣдныхъ птицъ и зайцевъ. Сентиментальность, привитая мнѣ отчасти въ дѣтствѣ, воспитаніемъ между жен-

щинами, нѣжно любившими собакъ, кошекъ и птицъ, была тутъ ни при чемъ; освободившись отъ нея впослѣдствіи, я точно такъ же всю мою жизнь оставался ненавистникомъ охоты не *по необходимости*, а изъ одного удовольствія.

Время свое у Бахметьева я проводилъ, бродя по полямъ, бесѣдуя съ попадавшимися крестьянами и выслушивая разсказы дворовыхъ, сообщавшихъ любопытныя, большею частью дикія черты изъ стараго мѣстнаго помѣщичьяго быта. Житье у Бахметьева было для меня, однакожъ, несовсѣмъ безполезно; оно успокоило мои нервы и дало возможность прочесть нѣсколько интересныхъ книгъ, случайно открытыхъ въ комодѣ. Вычитавъ на корешкѣ стараго переплета имя Вольтера, о которомъ часто упоминала бабушка, я съ жадностью прочелъ „Кандида“, который мнѣ, однакожъ, не понравился; остальныхъ книгъ не помню.

По прошествіи двухъ мѣсяцевъ, Бахметьевъ соскучился не меньше меня; онъ рѣшился оставить деревню и предложилъ доставить меня обратно до Петербурга. На полдорогѣ, въ Москвѣ, Бахметьевъ остановился и занялъ номеръ въ гостиницѣ Шевріе. Въ день нашего пріѣзда мы обѣдали въ ресторанѣ той же гостиницы. Я въ этотъ день былъ въ особенномъ разговорномъ настроеніи и неумолкаемо смѣнялъ одинъ разсказъ другимъ. Къ концу обѣда Бахметьевъ уѣхалъ навѣстить какую-то родственницу, и я остался одинъ.

Недалеко отъ меня, за отдѣльнымъ столомъ, сидѣлъ пожилой господинъ. Онъ неожиданно обратился ко мнѣ и съ безцеремонностью старыхъ людей, бесѣдующихъ съ юношами, принялся разспрашивать, гдѣ я такъ хорошо научился говорить по-французски; когда я сказалъ ему, онъ приступилъ къ дальнѣйшимъ разспросамъ и кончилъ, убѣждая меня, что молодому человѣку нельзя жить безъ дѣла, что необходимо начать служить гдѣ-нибудь. „Я охотно запишу васъ въ мою канцелярію, проговорилъ онъ въ заключеніе.—Пріѣдете въ Петербургъ, спросите канцелярію директора Императорскихъ театровъ и явитесь ко мнѣ“.

Этотъ обязательный старикъ былъ никто другой, какъ А. М. Гедеоновъ, пріѣзжавшій въ Москву, чтобы принять подъ свое управленіе казенные московскіе театры.

Недѣли двѣ спустя я возвратился въ Петербургъ и поступилъ въ канцелярію Гедеонова.

Я тотчасъ же написалъ объ этомъ матушкѣ, утаивъ только слово *театръ* и въ общихъ чертахъ сообщая о поступленіи на службу. Отвѣтъ былъ самый ласковый и благопріятный; въ немъ извѣщалось, между прочимъ, о возобновленіи ежемѣсячной присылки денегъ.

V.

Канцелярія директора театровъ А. М. Гедеонова.—А. Л. Неваховичъ. — Лонгиновъ. — Переводные драма и водевиль. — В. Р. Зотовъ.—Ѳ. А. Кони. — Каратыгинъ. — Мартыновъ. — Пѣвецъ Леоновъ. — Издатель Плюшаръ. — Первыя литературныя попытки.— Разлука съ канцеляріей.

Канцелярія А. М. Гедеонова, помѣщавшаяся въ комнатѣ, предшествующей кабинету директора, состояла всего изъ пяти лицъ: четырехъ канцелярскихъ чиновниковъ и правителя дѣлъ Е. М. Семенова, сидѣвшаго въ сторонѣ за особымъ столомъ. Послѣдній былъ крошечный человѣкъ, тощаго вида, какъ голодный чижикъ, женатый на родной сестрѣ трагика Каратыгина, почти такой же рослой и мужественной, какъ ея братъ; смиреніе, кротость, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣловитость, были отличительными чертами Семенова. Главную роль между нами игралъ, однакожъ, А. Л. Неваховичъ, начальникъ по репертуарной части и близкое лицо Гедеонову. Обязанности его не ограничивались въ то время составленіемъ репертуара, но обнимали всѣ части по управленію театральной администраціи, кромѣ конторы.

А. Л. Неваховичъ былъ сынъ извѣстнаго варшавскаго банкира и, въ то же время, драматическаго писателя. Унаслѣдовавъ послѣ отца милліонное состояніе, А. Л., въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, благодаря безчисленнымъ поручительствамъ за пріятелей, благодаря отчасти врожденной широтѣ натуры и также игрѣ въ карты, остался ни при чемъ. Ему было тогда уже лѣтъ подъ сорокъ. Наружность его представляла соединеніе однѣхъ выпуклыхъ формъ; въ ней все круглилось, начиная съ туловища и кончая шаровидною головой, едва прикрытою пухомъ волосъ, но оживленной умными черными мигающими глазками. Онъ не ходилъ иначе, какъ во фракѣ. Я въ жизнь не встрѣчалъ болѣе разсѣяннаго, суетливаго, подвижного человѣка. Онъ бросался къ столу, спѣша написать дѣловое письмо, но едва успѣвалъ набросать первую строчку, внезапно какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, летѣлъ со всѣхъ

ногъ къ выходной двери, неожиданно останавливался, какъ бы снова о чемъ-то вспомнивъ, и возвращался къ столу съ озабоченнымъ видомъ; стоило въ эту минуту войти кому-нибудь въ канцелярію, онъ вскакивалъ, бѣжалъ навстрѣчу къ вошедшему съ радостнымъ восклицаніемъ, и тутъ же, заслышавъ голосъ директора, стремительно катилъ къ нему въ кабинетъ. Когда у него заводились деньги, онъ, по старой привычкѣ къ транжирству и по своей безпечности, разсовывалъ ихъ куда ни попало, давалъ въ лучшихъ ресторанахъ роскошные обѣды, приглашая на нихъ безъ разбору каждаго, кто первый подвертывался подъ руку. Самъ онъ ѣлъ также безъ разбору, но весьма много, и къ концу ѣды только всегда вздыхалъ, приговаривая:

— Господи, когда подумаешь, много ли человѣку нужно?!.

Черезъ него познакомился я съ его братомъ, М. Л., настолько же сухимъ и желчнымъ, насколько старшій братъ отличался полнѣйшимъ добродушіемъ; М. Л. не думалъ еще тогда издавать „Ералашъ“, но усердно практиковался въ рисовкѣ карикатуръ.

Занятія въ канцеляріи были не сложны; чуть-чуть являлось серьезное дѣло, его поручали Семенову. На меня возложена была переписка въ двухъ экземплярахъ недѣльнаго репертуара и еще ежедневнаго доклада министру двора, состоявшаго неизмѣнно изъ слѣдующихъ строкъ: „Резервуаръ Большого театра наполненъ водою“, а въ зимнее время прибавлялось: „и она не замерзла“.

Къ десяти часамъ, аккуратно, являлся съ докладомъ къ директору управляющій конторой, А. Д. Кирѣевъ, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, строгаго, холоднаго вида, весьма образованный, большой любитель литературы и, сколько помнится, близко знакомый съ Лермонтовымъ. Докладъ никогда не продолжался болѣе часа. Со свойственнымъ ему тактомъ, Кирѣевъ никогда не переходилъ границы своихъ прямыхъ обязанностей; онъ зналъ только свою контору. Онъ не прикасался къ дѣламъ училища и держалъ себя совершенно въ сторонѣ отъ управленія труппой; онъ рѣдко даже посѣщалъ театръ; его никогда не видѣли на сценѣ. Административная часть вообще отличалась тогда замѣчательною простотой. У Гедеонова, въ числѣ его слугъ, находился арапъ, родившійся въ Россіи; желая наградить его за вѣрную службу, Гедеоновъ на-

значилъ его старшимъ бутафоромъ и говорилъ, что онъ отлично ведетъ свое дѣло; какъ теперь вижу передъ собою огромнаго роста рыжаго начальника по монтировочной части Николаева; онъ былъ прежде не болѣе, какъ фельдфебель Преображенскаго полка.

Нерѣдко дверь директорскаго кабинета отворялась, выходилъ изъ нея Гедеоновъ, шаркая мягкими подошвами, и говорилъ намъ: „Вамъ сегодня, кажется, печего дѣлать... Можете, господа, убираться на всѣ четыре стороны!“

Мы отправлялись въ театръ, преимущественно въ Большой, когда тамъ шла репетиція балета.

Ничего, конечно, не было хорошаго для юноши моихъ лѣтъ толкаться утромъ и вечеромъ за кулисами. Но я уже выше замѣтилъ, что подлѣ меня не было человѣческой души, которая настолько приняла бы во мнѣ участія, чтобы вмѣшаться въ мою жизнь, стараться вразумить меня, сдерживать мои порывы, руководить мною. Достоевскій находился еще въ училищѣ, Поповъ отправлялся въ Яссы. Врядъ ли, впрочемъ, я послушался бы тогда кого-нибудь; я успѣлъ уже вкусить сладость полной независимости. Одно только предохраняло меня сколько-нибудь погрязнуть въ безсмысленной пустотѣ, окружавшей меня: охота къ чтенію. Соблазнъ закулисной жизни, тѣмъ не менѣе, у меня бралъ верхъ. Когда давали балетъ, я не могъ утерпѣть и проводилъ вечеръ, толкаясь за кулисами, а къ концу спектакля на актерскомъ подъѣздѣ. Тутъ всегда можно было встрѣтить всѣхъ записныхъ театраловъ: графа П. А. Шувалова, С. А. Грейга, князя Д. А. Щербатова и другихъ военныхъ и штатскихъ. Въ числѣ послѣднихъ особенно отличался М. Н. Лонгиновъ, носившій еще тогда студенческій мундиръ; послѣднее не мѣшало ему кричать громче другихъ, протискиваться впередъ, бойко говорить съ незнакомымъ сосѣдомъ, какъ со старымъ пріятелемъ. Его смѣлость и подвижность были изумительны; онъ поспѣвалъ всюду, послѣ двухъ-трехъ встрѣчъ онъ становился на короткую ногу и, независимо отъ лѣтъ и положенія, вступалъ на „ты“. Несмотря на молодость, онъ считался главою театраловъ. Они собирались въ пріисканной Лонгиновымъ квартирѣ на Никольской площади; тамъ велись оживленныя бесѣды, но подъ условіемъ штрафа, если кто-нибудь коснется предмета, не имѣющаго отношенія къ балету, говорились рѣчи

на темы, предлагаемыя обыкновенно Лонгиновымъ, пѣлись пѣсни и куплеты, сочиняемые опять тѣмъ же воспріимчивымъ, несокрушимымъ весельчакомъ и душою общества Лонгиновымъ.

Тридцать пять лѣтъ спустя, на Большой Морской я встрѣтилъ этого самаго М. Н. Лонгинова послѣ того, какъ онъ оставилъ тульское губернаторство и былъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Я едва узналъ его: обрюзглый, съ бурою желтизной въ лицѣ, мрачный, раздраженный, озлобленный противъ всѣхъ, ненавидящій все, что̀ сколько-нибудь близко прикасалось къ печати... И это былъ тотъ самый неумолкаемый весельчакъ и „добрый малый“ Лонгиновъ, считавшій когда-то за счастье встрѣтиться съ литераторомъ, добивавшійся чести попасть въ литературный кружокъ, съ упоеніемъ помѣщавшій въ журналы свои библіографическія замѣтки, сочинявшій различные нецензурные стихи и даже цѣлыя поэмы, и читавшій ихъ, захлебываясь отъ счастья при малѣйшемъ одобреніи слушателей.

Что̀ было поводомъ къ такому превращенію, не знаю; но, глядя на него, приходило желаніе не встрѣчаться съ нимъ больше.

Сближеніе съ кулисами и, особенно, частыя посѣщенія Александринскаго театра, невольно внушили мнѣ желаніе принять болѣе близкое участіе въ сценической дѣятельности. Прочитавъ драму Сулье: „Eulalie Pontois“, я принялъ намѣреніе перевести ее на русскій языкъ. Незнакомый съ условіями драматической литературы, требующей быстраго разговорнаго языка, я лѣзъ изъ кожи, закручивая длинные періоды и риторическія трескучія фразы. Ошибки эти были исправлены на репетиціяхъ, и пьеса подъ названіемъ „Наслѣдство“ дана была, кажется, въ бенефисъ г-жи Валбуховой. Войдя во вкусъ, какъ говорится, я принялся, для другого бенефиса, за переводъ водевиля: „Шампанское и опіумъ“. Но водевиль былъ пересыпанъ куплетами, а такъ какъ я со дня рожденія не могъ написать стиха, пришлось обратиться къ сотруднику. Въ канцеляріи я имѣлъ нѣсколько разъ случай встрѣчаться съ В. Р. Зотовымъ, уже тогда много писавшимъ для театра. Онъ неоднократно приходилъ справляться у Неваховича, принята ли его новая историческая драма „Новгородцы“. В. Р. Зотовъ былъ первый настоящій литераторъ, съ которымъ мнѣ привелось встрѣтиться; онъ

охотно согласился на мое предложеніе, несмотря на то, что работа эта отнимала у него время и не приносила ему ровно никакой выгоды (за новыя пьесы, игранныя въ бенефисъ, дирекція не платила авторамъ; послѣ бенефиса онѣ дѣлались собственностью дирекціи, которая платила только по условію извѣстнымъ писателямъ). Въ моемъ сотрудникѣ нашелъ я самаго привѣтливаго человѣка и вскорѣ познакомился съ его семействомъ. Онъ занималъ небольшую квартиру на каналѣ подлѣ Большого театра, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ этажомъ выше жилъ И. И. Сосницкій. Бывая у Зотовыхъ, я никогда не видѣлъ, чтобы въ этомъ многочисленномъ семействѣ сидѣлъ кто сложа руки; начиная отъ отца, тогда уже преклоннаго старца, и кончая младшею дочерью, всѣ работали и, кажется, исключительно занимались литературой; полное согласіе и самыя искреннія дружескія отношенія связывали всѣхъ членовъ этого почтеннаго семейства; посторонніе встрѣчали въ немъ радушіе и гостепріимство; всѣ какъ-то были всегда въ ровномъ, хорошемъ настроеніи духа. В. Р. Зотовъ былъ когда-то начальникомъ русской труппы; дѣти его, имѣвшія случай бывать въ театрахъ съ первыхъ лѣтъ возраста, сохранили любовь къ театру до зрѣлаго возраста; не проходило зимы, чтобы у Зотовыхъ по нѣсколько разъ не устраивались домашніе спектакли. Малые размѣры комнаты не позволяли ставить сцену; дѣйствіе происходило на паркетѣ, и рампа отдѣлялась отъ зрителей много если на полтора аршина. Это не мѣшало, однакожъ, давать сложныя для постановки пьесы, какъ, напримѣръ, „Горе отъ ума“ (безъ пропусковъ), „Свою семью“ Хмѣльницкаго, „Ревизора“ и „Женитьбу“ Гоголя. Главнымъ режиссеромъ, распорядителемъ и актеромъ былъ всегда В. Р. Послѣ спектакля, на сценѣ и въ сосѣднихъ комнатахъ накрывались столы, и угощенье продолжалось до поздней ночи.

В. Р. Зотовъ, принимавшій участіе въ изданіи „Пантеона русскихъ театровъ“, посовѣтовалъ мнѣ отдать въ печать мой переводъ драмы „Наслѣдство“. Обрадованный тѣмъ, что трудъ мой явится въ печати и еще съ именемъ переводчика, я поспѣшилъ отправиться къ Ѳ. А. Кони, редактору „Пантеона“. Ѳ. А., вѣроятно, предупрежденный Зотовымъ, встрѣтилъ меня очень любезно. Это былъ небольшого роста, худощавый человѣкъ, въ черномъ, какъ смоль, парикѣ, съ черными, быстрыми, умными гла-

зами, смотрѣвшими сквозь стекла золотыхъ очковъ. Онъ охотно взялся печатать мой переводъ. Ѳ. А. Кони имѣлъ тогда большое значеніе на сценѣ и между артистами, какъ редакторъ театральнаго журнала и какъ авторъ. Его водевили, пересыпанные веселыми куплетами, имѣли успѣхъ и давались безпрерывно. Помимо таланта водевилиста, онъ извѣстенъ былъ также какъ острякъ. За экспромптъ, сказанный имъ гдѣ-то:

„Не жди, чтобы цвѣла страна,
Гдѣ плохо слушаютъ разсудка,
И гдѣ завцентъ все отъ сна
И отъ сваренія желудка...“

и еще другой, сказанный по случаю неудачной попытки гр. Воронцова захватить Шамиля:

„Могучъ, воинственъ и грозенъ
Въ клубъ англійскій гр. Воронцовъ вступилъ;
Хоть онъ Шамиля не сразилъ,
Зато теперь сраженъ имъ Позенъ!“

Ѳ. А. Кони, говорили, поплатился тѣмъ, что призванъ былъ къ извѣстному Л. В. Дубельту. Ѳ. А. Кони теперь забыли. Но не забыты ли послѣ него болѣе крупные дѣятели литературы, какими были, напримѣръ, Полевой, основатель, можно сказать, русской журналистики, — „этотъ богатырь журналистики“, какъ называлъ его Бѣлинскій, Полевой историкъ, критикъ, романистъ, драматургъ; не забыты ли почти также Вельтманъ, авторъ „Похожденій изъ міра житейскаго“, „Кощея“, „Сердца и думки“ и т. д., и еще многіе другіе, способствовавшіе росту и развитію русской литературы?

Репетиціи моихъ двухъ переводныхъ пьесъ сблизили меня съ артистами. Я познакомился съ В. А. Каратыгинымъ и его братомъ П. А., Максимовымъ первымъ, Мартыновымъ и Самойловымъ, игравшимъ тогда почти исключительно въ роляхъ съ переодѣваніями. Я благоговѣлъ передъ В. А. Каратыгинымъ; недостатковъ его я не замѣчалъ. Благодаря молодости и горячности, критическое чувство замѣнялось непосредственнымъ энтузіазмомъ. Вообще, надо сказать, критика была къ В. А. Каратыгину крайне несправедлива; камертонъ недоброжелательства былъ данъ Бѣлинскимъ, до конца сохранившимъ пристрастіе къ Мочалову. Бѣлинскій иначе не называлъ Каратыгина, какъ сухимъ декламаторомъ, актеромъ безъ вдохновенія. Мочаловъ, котораго я много разъ потомъ

видѣлъ, былъ дѣйствительно способенъ воодушевляться, но воодушевленіе проявлялось у него порывами, какъ бы по капризу. Васъ предупреждали, что надо его видѣть въ такой-то пьесѣ и въ такой-то сценѣ онъ будетъ великолѣпенъ; игра его въ самомъ дѣлѣ производила сильное впечатлѣніе; рядомъ съ этимъ, въ другихъ сценахъ не вѣрилось, чтобы это былъ тотъ самый актеръ, — до того былъ онъ безцвѣтенъ и скученъ; случалось пропускать два-три спектакля, пока Мочалову придется роль по душѣ и дастъ ему возможность вдохновиться. Каратыгинъ, при меньшей способности воодушевляться, давалъ, по крайней мѣрѣ, отъ начала до конца полное впечатлѣніе того лица, которое изображалъ. Всякую роль изучалъ онъ одинаково добросовѣстно; зритель всегда уходилъ удовлетвореннымъ. Въ „Королѣ Лирѣ“, „Гамлетѣ“, „Людовикѣ XI“, „Кларѣ д'Обервиль“ онъ былъ превосходенъ. Не его вина, если ему приходилось бо́льшею частью играть въ господствовавшемъ тогда репертуарѣ Кукольника, Полевого, Ободовскаго. Замѣчательный талантъ Каратыгина высказывается уже тѣмъ, что, начавъ свое поприще съ классической подготовки, играя Озерова, гдѣ, прежде всего, требовалась приподнятая декламація и условная пластика, онъ вскорѣ могъ совладать съ пріемами романтической драмы, игралъ совершенно свободно, не менѣе естественно, чѣмъ теперь играютъ. Онъ крайне строго относился къ себѣ и къ искусству. Разъ, помню, встрѣтилъ я его на улицѣ съ кипой книгъ подъ локтемъ. На вопросъ мой: что̀ это за книги, онъ съ восхищеннымъ видомъ отвѣтилъ, что только что купилъ давно ожидаемую имъ исторію герцоговъ Бургундскихъ, сочиненіе Баранта. Оно было нужно ему, чтобы ближе познакомиться съ эпохой Людовика XI. Его бранили,—и на этотъ разъ справедливо,—за исполненіе роли Чацкаго. Онъ брался за нее, говорили, изъ жадности, желая получить лишнія разовыя, но это относится къ личнымъ слабостямъ человѣка.

Его братъ, П. А., былъ средній актеръ, но, подобно московскому Ленскому, писалъ веселые водевили и комедіи и отличался остроуміемъ. Остроты и каламбуры сыпались изъ него, какъ орѣхи изъ мѣшка. На похоронахъ Полевого Булгаринъ хотѣлъ непремѣнно, вмѣстѣ съ другими, нести его гробъ. „Полноте, Ѳаддей Венедиктовичъ, зачѣмъ вамъ? Вы уже при жизни довольно его поносили!“ громко замѣтилъ ему Каратыгинъ. Товарищъ его, Гри-

горьевъ первый, написалъ пьесу „Житейская школа“. П. А. такъ о ней отозвался:

„Житейскую школу я всю прочиталъ,
И только лишь въ томъ убѣдился,
Что авторъ комедіи жизни не зналъ
И въ школѣ нигдѣ не учился“.

Въ трагедіи „Смерть Ивана Грознаго“ играли поочередно Самойловъ и Васильевъ. Каратыгинъ по этому поводу выразился: „Василія Васильевича (Самойлова) я видѣлъ; Павла Васильевича (Васильева) также видѣлъ; но Ивана Васильевича, признаться, не видалъ“. Въ то время провинціальные актеры, желавшіе поступить на казенную сцену, дебютировали въ Александринскомъ театрѣ лѣтомъ и обыкновенно въ роли Гамлета. П. А. увѣрялъ, что нынче каждый хамъ лѣтомъ (Гамлетомъ) хочетъ непремѣнно дебютировать, и т. д. П. А. былъ ненавистникъ новаго реальнаго направленія, начинавшаго проявляться въ сороковыхъ годахъ въ русской литературѣ; онъ винилъ въ этомъ Гоголя и изощрялъ свое остроуміе, чтобы трунить надъ его послѣдователями. Имъ сочиненъ былъ даже водевиль подъ названіемъ „Натуральная школа“, въ которомъ одинъ изъ актеровъ отлично загримировался Панаевымъ; заключительныя слова водевиля были слѣдующія: „Литераторы новой школы, я васъ презираю!“

Вся тогдашняя труппа, впрочемъ, не сочувствовала Гоголю, исключая Сосницкаго и его жены, превосходно передававшихъ роли городничаго и городничихи. Максимовъ первый и Мартыновъ гораздо охотнѣе играли въ водевиляхъ Каратыгина, Кони, Коровкина и друг., чѣмъ въ „Ревизорѣ“ и „Женитьбѣ“, хотя первый весьма недуренъ былъ въ Хлестаковѣ, а второй въ роли, кажется, Бобчинскаго. Нерасположеніе къ Гоголю всего страннѣе было встрѣтить въ Мартыновѣ, артистѣ, дѣйствительно, одаренномъ выдающимся сценическимъ дарованіемъ; уже самая тонкость чутья—принадлежность крупнаго таланта—должна была, казалось бы, подсказать ему, что ни одинъ авторъ до Гоголя не давалъ ему столько матеріала для развитія его комическаго таланта. Но Мартыновъ воспитывался въ театральномъ училищѣ въ то время, когда на литературное образованіе не обращали почти никакого вниманія; вся забота сосредоточивалась на приготовленіи хорошихъ танцовщицъ и танцоровъ; выйдя на волю, онъ

не имѣлъ времени доучиться. Пользуясь его возраставшимъ успѣхомъ на сценѣ, его заставляли играть чуть ли не каждый день, не обращая никакого вниманія, что такая усиленная дѣятельность могла имѣть пагубное вліяніе на его здоровье. Я преднамѣренно коснулся чутья Мартынова, потому что въ началѣ своей карьеры онъ часто имъ только руководился, лишенный возможности обдумывать и изучать то или другое лицо пьесы. Ему случалось выходить на сцену, успѣвъ только бѣгло просмотрѣть роль; но уже и этого было для него достаточно, чтобы создавать иногда своеобразный типъ. Разъ онъ совсѣмъ не зналъ роли; вооружившись передъ выходомъ длиннымъ чубукомъ, онъ явился на сцену и черезъ каждую фразу, подсказанную суфлеромъ, сталъ производить долгія затяжки, придавая, въ то же время, своему лицу и всей фигурѣ натянутый, недовольный видъ; вышелъ отъ головы до ногъ типъ строптиваго, неуживчиваго департаментскаго чиновника. Чутье подсказало ему также замѣчательную сцену въ пьесѣ Чернышева „Не въ деньгахъ счастье“. Изображая скрягу, отказавшагося отъ дочери и передъ смертью неожиданно смягчившагося и признавшаго дочь, Мартыновъ внесъ оттѣнокъ, о которомъ не помышлялъ авторъ: обнимая дочь въ порывѣ раскаянія, скряга-отецъ начинаетъ опасаться, что ее снова хотятъ отнять у него; онъ бѣшено обхватываетъ ее, комкаетъ подъ собою и пугливо, какъ звѣрь, озираясь вокругъ, начинаетъ произносить какіе-то дикіе, невнятные звуки... Вся эта сцена, импровизированная Мартыновымъ, производила всякій разъ потрясающее впечатлѣніе. Обаяніе его, какъ актера, было такъ сильно, что стоило ему показаться на сценѣ, и, прежде чѣмъ онъ начиналъ играть, публика была уже наэлектризована. Никогда не забуду я его бенефиса; давали, между прочимъ, одноактную пьеску: „Дочь русскаго актера“; Мартыновъ игралъ роль отца; когда онъ, въ концѣ, обнявъ дочь, приблизился къ рампѣ и пропѣлъ куплетъ:

„Дитя мое, мой часъ пробилъ;
Я думалъ, мнѣ дадутъ прибавку,
И вдругъ нежданно получилъ
Съ печатью чистую отставку.
Но не забудутся во мнѣ
Талантъ и геній исполинскій,
И послѣ смерти обо мнѣ
Вздохнетъ театръ Александринскій!“—

страшно, право, было оставаться въ креслахъ. Зрители партера поднялись со своихъ мѣстъ, какъ одинъ человѣкъ; всѣ бросились къ оркестру; поднялся невообразимый шумъ, крики; стучали стульями и палками; изъ ложъ со всѣхъ концовъ летѣли букеты. Стѣны Александринскаго театра, навѣрное, въ этотъ вечеръ должны были гдѣ-нибудь дать трещину.

Театральныя мои знакомства не ограничивались артистами Александринскаго театра.

Изъ оперныхъ артистовъ я ближе всего познакомился, благодаря, опять-таки, французскому языку, съ Л. И. Леоновымъ (Charpentier), французомъ по рожденію. Онъ занималъ тогда амплуа перваго тенора въ русской оперѣ. Знакомство наше превратилось вскорѣ въ тѣсную дружбу; онъ сталъ упрашивать меня переѣхать къ нему на квартиру, такъ какъ семейство его на долгое время поселилось за границей. Я охотно согласился. До меня Леоновъ точно такъ же пригласилъ къ себѣ на жительство А. И. Плюшара, того самаго Плюшара, который, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, предпринялъ изданіе энциклопедическаго лексикона. Послѣ внезапной кончины отца, лексиконъ, начавшійся подъ самыми счастливыми условіями, остановился на какой-то буквѣ и дальше не пошелъ, благодаря тому, говорили, что Плюшаръ-сынъ зажилъ вдругъ на широкую ногу и посадилъ на мель и себя, и самое изданіе.

Плюшаръ, котораго Погодинъ звалъ почему-то *Плюхàрдіемъ*, олицетворялъ типъ обѣднѣвшаго вивера, жуира; полное разстройство его дѣлъ не вылѣчило его отъ старыхъ привычекъ; не владѣя далеко прежними средствами, онъ продолжалъ посѣщать театры, занимая всегда мѣсто въ первомъ ряду креселъ, обѣдалъ въ лучшихъ ресторанахъ и одѣвался франтомъ съ иголочки. Въ бесѣдахъ съ нами онъ выказывалъ плохо сдержанную желчь; бѣдствія и неудачи свои приписывалъ онъ невѣжеству русской публики, не дозрѣвшей до оцѣнки важности энциклопедическаго лексикона и не поддержавшей его въ свое время. Благодаря старымъ связямъ его отца, знакомству съ Кукольникомъ, Гречемъ, Булгаринымъ и книгопродавцами, онъ еще кое-какъ держался, печатая различныя мелкія изданія.

Въ то время, какъ я поселился у Леонова, Плюшаръ только что затѣялъ изданіе книжекъ: „Сто одна повѣсть

и сорокъ сороковъ анекдотовъ". Мое знаніе французскаго языка было находкой для практическаго издателя: находка была тѣмъ выгоднѣе, что мнѣ въ голову не приходила мысль о гонорарѣ. Я уже былъ счастливъ тѣмъ, что могу принять участіе въ литературной работѣ, видѣть мой трудъ въ печати, познакомиться съ литераторами. Первая переведенная мною повѣсть называлась: „Плавучій маякъ". Плюшаръ увѣрялъ меня, что переводъ мой очень хвалилъ Кукольникъ; безъ всякаго сомнѣнія, Кукольникъ въ глаза не видалъ перевода, но Плюшару надо было меня задобрить, возбудить мое дальнѣйшее рвеніе, въ чемъ онъ не ошибся. Я съ жаромъ сталъ переводить не только повѣсти, но и приложенные къ нимъ анекдоты.

Разъ Плюшаръ вошелъ ко мнѣ въ комнату вмѣстѣ съ неимовѣрно длиннымъ-длиннымъ и тощимъ господиномъ, у котораго отъ сухоты кожа лупилась на всемъ лицѣ, на ушахъ и на шеѣ. Это былъ Алексѣй Николаевичъ Гречъ, сынъ Н. И. Греча. Гречъ взялъ со стола мою рукопись, взглянулъ на нее, перевелъ потомъ глаза на меня и сказалъ, обратясь къ Плюшару: „А! такъ вотъ кто у васъ переводчикъ!" Хотѣлъ ли онъ этимъ похвалить переводчика, или, наоборотъ, выразить, что переводъ плохъ, не знаю, но только я остался очень доволенъ новымъ знакомствомъ. Я потомъ нѣсколько разъ заходилъ къ А. Н. Гречу и всегда поражала меня у этого рослаго человѣка страсть ко всему крошечному, микроскопическому: его чернильница, письменныя принадлежности, головная щетка, бритвенный несессеръ имѣли видъ совершенныхъ игрушекъ. Плюшаръ разсказывалъ, что когда А. Н. Гречу минуло тридцать лѣтъ и онъ первый разъ выбрился, операція эта сопровождалась семейнымъ торжествомъ: отецъ, мать, тетки,—всѣ ходили въ радостномъ волненіи, обнимались и восклицали со слезами на глазахъ: „Алеша выбрился! Алеша выбрился!" Онъ жилъ въ домѣ отца, занималъ отдѣльное помѣщеніе, которое дѣлилъ съ другомъ своимъ, художникомъ Тимомъ, только задумавшимъ изданіе „Художественнаго Листка". А. Н. Гречъ занимался сочиненіемъ и изданіемъ крошечныхъ дѣтскихъ книжекъ; въ такомъ же точно форматѣ издалъ онъ книжку: „Весь Петербургъ въ карманѣ". Я ни разу не встрѣчалъ у него его отца, но, взамѣнъ этого, встрѣчалъ я нѣсколько разъ Булгарина, аккуратно каждый день пріѣз-

жавшаго въ извѣстный часъ въ редакцію „Сѣверной Пчелы“, помѣщавшейся въ томъ же домѣ. У Греча познакомился я также съ довольно курьезнымъ французомъ г. Ипполитомъ Оже, авторомъ четырехтомнаго романа въ русскомъ вкусѣ: „Waninka“, написаннаго подъ впечатлѣніемъ двухнедѣльнаго пребыванія автора въ Москвѣ. Г. Оже принадлежалъ къ группѣ сотрудниковъ Дюма: гг. маркизу де-Шервиль, Бенедикту Ревуаль, Маке и другимъ, доказывавшимъ только размѣръ таланта ихъ патрона, умѣвшаго придать ихъ рукописямъ огонь, живость, интересъ; работая уже отъ себя собственно, сотрудники эти оказывались крайне безцвѣтными и не имѣли никакого успѣха.

А. Н. Гречъ принесъ мнѣ однажды французскую повѣсть, поручая перевести ее, но только не цѣликомъ, а сдѣлать въ ней по моему усмотрѣнію сокращенія, которыя позволили бы издать ее въ маленькомъ томикѣ. Трудъ былъ для меня новый, но я взялся за него съ тою горячностью, съ какою брался тогда за все. Повѣсть эта — верхъ нелѣпости; она издана была Гречемъ подъ названіемъ: „Эрленсбунскій священникъ“.

Русская грамота давалась мнѣ все еще съ большимъ трудомъ; но его мало-по-малу побѣждала практика и, главнымъ образомъ, мое юношеское неутомимое усердіе. Работа была мнѣ по душѣ и увлекала меня.

Знакомство съ литераторами постепенно охлаждало меня къ театральной канцеляріи. Спустя нѣкоторое время я пересталъ посѣщать ее тѣмъ охотнѣе, что прежній ея составъ значительно измѣнился. Два старые товарища изъ нея вышли: А. Л. Неваховичъ, вмѣстѣ съ пѣвицей Корбари, уѣхалъ въ провинцію давать представленія итальянской оперы; старыхъ товарищей замѣнили новые. Въ числѣ послѣднихъ опредѣлился, между прочимъ, нѣкто К., человѣкъ восточнаго происхожденія, бывшій когда-то красавецъ, пожиратель сердецъ, но носившій теперь черную бороду съ просѣдью и такія же бакены, закрывавшія ему половину лица. Онъ представлялъ въ своемъ родѣ личность, не лишенную интереса для наблюдателя. Умный, извѣданный жизненнымъ опытомъ, онъ изощрялъ свои способности на то, чтобы изобрѣтать подходы для заниманія денегъ. Онъ входилъ иногда въ канцелярію въ восторженномъ настроеніи, горячо жалъ руки, обнималъ даже и съ воодушевленіемъ начиналъ говорить о Шекспирѣ. „Я,—говорилъ онъ,—сегодня ночью въ сотый разъ

прочелъ „Гамлета“. Боже, какая глубина! Шекспиръ не человѣкъ,—нѣтъ, это какой-то Монбланъ въ человѣчествѣ, это—океанъ, да, необъятный океанъ, обхватывающій васъ кругомъ“. Послѣ такой тирады онъ вдругъ отводилъ намѣченнаго заранѣе слушателя въ сторону, наклонялся къ его уху и скороговоркой произносилъ, и непремѣнно всякій разъ по-французски: „Prêtez moi, je vous prie, cinq roubles“, обѣщая также всякій разъ во вторникъ и непремѣнно къ двѣнадцати часамъ возвратить долгъ. Въ другой разъ онъ являлся въ мрачномъ, подавленномъ состояніи духа, тяжело опускался въ кресло и начиналъ такимъ образомъ: „Нѣтъ, господа, воля ваша, въ Петербургѣ жить невозможно! Взгляните въ окно: снѣгъ вокругъ, какъ саванъ; съ неба валитъ не то дождь, не то какой-то чичеръ... Все это на меня дѣйствуетъ вотъ до какой степени: жена скоро должна родить (эту новость сообщалъ онъ нѣсколько разъ въ году)... дѣти больны... Докторъ не выходитъ изъ дома... И при всемъ этомъ, вѣрите ли, нѣтъ силы, недостаетъ духу отправиться въ такую гнусную погоду въ почтамтъ, предъявить повѣстку и получить деньги (онъ немедленно, съ брезгливымъ видомъ вынималъ изъ бокового кармана затрепанную повѣстку)... вотъ она... Но нѣтъ, силъ недостаетъ; въ душѣ какая-то тоска, нервы разслабли... Видъ этого снѣга меня совершенно сокрушаетъ“. Онъ такимъ же порядкомъ и такъ же неожиданно отводилъ въ сторону слушателя и снова по-французски просилъ одолжить ему до вторника сколько-нибудь денегъ. Когда удавалось ему собрать такимъ образомъ у разныхъ лицъ нѣкоторую сумму, его въ обѣденное время можно было безошибочно застать въ лучшемъ ресторанѣ. Онъ садился за особый столъ, требовалъ непремѣнно самого хозяина и принимался за составленіе меню. „Нѣтъ, нѣтъ,—возражалъ онъ на предложеніе ресторатора,—нѣтъ, теперь не сезонъ для тюрбо... Устрицы у васъ теперь только фленсбургскія, я люблю только остендскія“ и т. д. Обѣдъ заказывался самый утонченный, изысканный. Наливая въ рюмку вино, онъ приподымалъ ее противъ свѣта и долго держалъ ее на воздухѣ, прищуривая глазъ; разжевывая трюфли, смакуя кушанье и попивая глотками тонкое вино, онъ весь преображался: лицо его лоснилось, ноздри расширялись и вздрагивали, въ восточныхъ глазахъ съ поволокой изображалось выраженіе полнаго блаженства.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ службы онъ задолжалъ всей дирекціи, не выключая капельдинеровъ. Въ то время не только цирки, но балаганы должны были выплачивать дирекціи театровъ извѣстный процентъ. Разсказывали, К., пользуясь случаемъ посѣщать даромъ балаганы, ухитрился занять денегъ даже у великана, котораго показывали въ одномъ изъ балагановъ.

VI.

Встрѣча съ Некрасовымъ. — Первые оригинальные разсказы.— Песоцкій и празднованіе его свадьбы. — Некрасовъ, какъ издатель.—*Физіологія Петербурга.*—Вторичное сближеніе съ Достоевскимъ.

Не помню хорошенько, въ 1842 или 1843 году отправился я въ ипподромъ Сулье, на Измайловскомъ плацу. Тамъ, въ большомъ пространствѣ, загороженномъ досками, давались конныя ристалища, скачки въ раззолоченныхъ колесницахъ, которыми управляли наѣздницы въ яркихъ римскихъ костюмахъ, происходили различныя гимнастическія и акробатическія представленія. Я занялъ скромное мѣсто подлѣ какого-то молодого человѣка, который вдругъ назвалъ меня по имени; присмотрѣвшись, я узналъ въ немъ Некрасова. Мы встрѣтились какъ старые знакомые. Когда я сказалъ ему, что занимаюсь литературой, онъ сдѣлался словоохотливъ и пригласилъ меня къ себѣ на дачу. Меня почему-то потянуло къ нему. На другой же день отправился я по адресу на парголовскую дорогу. Дача была не больше, какъ простая изба, отдаваемая въ наемъ огородникомъ.

Я стѣснялся спросить, что онъ именно теперь пишетъ, но видѣлъ на столѣ множество листовъ исписанной бумаги. Онъ говорилъ, что мало работаетъ, бо́льшую часть дней проводитъ на охотѣ съ ружьемъ. Не помню, конечно, въ чемъ состояла наша бесѣда и какъ мы разстались. Осенью, встрѣтившись на Невскомъ, мы снова разговорились, и онъ снова пригласилъ меня къ себѣ. Съ тѣхъ поръ мы часто стали видѣться. Онъ жилъ въ домѣ каретника Яковлева за Аничковымъ мостомъ и занималъ въ немъ небольшую квартиру; въ одной изъ комнатъ было большое угловое итальянское окно, смотрѣвшее на Невскій.

Денежныя обстоятельства Некрасова должны были быть тогда весьма незавидны. Я не разъ заставалъ его за ру-

кописью, порученною ему какимъ-то старикомъ для исправленія въ ней языка; рукопись трактовала о различныхъ способахъ ухода за пчелами. Такая работа не могла приносить ему много и надобно было нуждаться въ деньгахъ, чтобы за нее взяться.

Примѣръ молодого литератора, жившаго исключительно своимъ трудомъ, дѣйствовалъ возбудительно на мое воображеніе. Жить также своимъ трудомъ, сдѣлаться также литераторомъ казалось мнѣ чѣмъ-то поэтическимъ, возвышеннымъ, — цѣлью, о которой только и стоило мечтать. Я не давалъ себѣ покоя, придумывая сюжеты для оригинальной повѣсти. Сотни разъ, набросавъ сгоряча начало, прежде чѣмъ успѣлъ обдумать конецъ, я сокрушался, обезкураженный, и бросалъ работу. Леоновъ, лѣнивѣйшій изъ смертныхъ, изумлялся моему терпѣнію и трудолюбію; Плюшаръ покачивалъ головой и постоянно повторялъ: „Vous ne ferez absolument rien!“ Страстное желаніе написать что-нибудь свое, усилія, которыя я употреблялъ для этого, не оправдали предсказаній Плюшара. Въ этотъ періодъ времени я написалъ одинъ за другимъ два разсказа: „Театральная карета“ и „Собачка“, оба крайне дѣтскаго содержанія, вымученные, лишенные всякой наблюдательности, почерпнутой изъ жизни. Благодаря А. Н. Гречу, разсказы эти, тѣмъ не менѣе, были напечатаны въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“, редакторомъ котораго былъ тогда, кажется, Краевскій.

Самому идти въ редакцію я почему-то побоялся, несмотря на то, что время отъ времени посѣщалъ другую редакцію: „Пантеона и репертуара“; но Ѳ. А. Кони, своею привѣтливостью и добротой, съ перваго раза, когда еще печатался у него мой переводъ драмы „Наслѣдство“, успѣлъ побѣдить мою робость къ редакторамъ и литературнымъ авторитетамъ. У него я познакомился съ Песоцкимъ, бывшимъ или будущимъ, не помню, редакторомъ „Пантеона“. Песоцкій былъ только что объявленъ женихомъ и явился къ Кони звать его на свадьбу. Онъ женился на дочери повара великаго князя Михаила Павловича и былъ въ восторгѣ, что женится на француженкѣ, хотя самъ, подобно Анучкину въ „Женитьбѣ“ Гоголя, не зналъ этого языка. Наружность Песоцкаго близко напоминала расфранченнаго московскаго купчика средней руки: на полномъ красномъ лицѣ мигали безцвѣтные глазки, прикрытые очками; тѣло его, крутое какъ огурчикъ, сжи-

малось со всѣхъ сторонъ платьемъ въ обтяжку. Кони познакомилъ насъ, и я также удостоился приглашенія.

Свадьба эта во всѣхъ подробностяхъ до сихъ поръ живо сохранилась въ моей памяти; она отчасти рисуетъ нравы литературнаго общества того времени.

Тутъ находились многія знаменитости и между ними на первомъ планѣ Н. А. Полевой и генералъ Данилевскій, авторъ „Войны двѣнадцатаго года“. За обѣдомъ говорились рѣчи. Первую рѣчь сказалъ Полевой, обращаясь къ Данилевскому и превознося его личные доблестные подвиги на полѣ брани, коснулся также значенія его сочиненія о двѣнадцатомъ годѣ. Данилевскій отвѣчалъ, сказавъ что-то въ родѣ того, что ему тѣмъ пріятнѣе это слышать, что слышитъ это отъ человѣка, имя котораго какъ колокольный звонъ разносится по всей Руси святой... Въ самую эту минуту, какой-то офицеръ, вѣроятно успѣвшій уже выпить лишнее, громко чему-то засмѣялся; литераторъ Межевичъ, шаферъ жениха, вскочилъ и задорно крикнулъ: „Милостивый государь, въ то время, какъ воздается почесть талантамъ, вы смѣетесь,—это и дерзко, и неприлично!“ Со всѣхъ сторонъ послышались крики, застучали ножами по тарелкамъ, началась суматоха. Но обѣдъ былъ уже конченъ, и общество поднялось съ своихъ мѣстъ. Куда дѣлся этотъ офицеръ—неизвѣстно, но уже его потомъ нигдѣ не было видно. Вскорѣ появился Плюшаръ, прося всѣхъ дать дорогу и суетливо повторяя: „Messieurs, mesdames, le général Gretch! Le général Gretch!..“ За Плюшаромъ выступалъ, не безъ торжественности, высокій, тощій старикъ съ курносымъ носомъ и на немъ золотыми очками; онъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, а сбоку, изъ-подъ обшлага, выглядывала звѣзда. Плюшаръ, игравшій на свадьбѣ роль церемоніймейстера, прежде всего, представилъ Гречу Ольхина, бывшаго курьера министерства финансовъ и вдругъ какимъ-то чудомъ сдѣлавшагося издателемъ русскихъ авторовъ. Ольхинъ низко кланялся, выдвигая, вмѣстѣ съ тѣмъ, жену, толстую расфранченную женщину. Гречъ сдѣлалъ шагъ впередъ, потрепалъ ее безцеремонно за подбородокъ и проговорилъ старческимъ, дребезжавшимъ голосомъ: „Да она у тебя, братецъ, еще молоденькая!“ — привѣтствіе, послѣ котораго Ольхинъ, казалось, расплылся отъ счастья.

Церемоніймейстеръ Плюшаръ заранѣе позаботился составить партію для Греча и повелъ его къ карточному

столу. Начались танцы; главную роль въ нихъ играла дочь Данилевскаго, хорошенькая блондинка, лѣтъ семнадцати. Къ концу кадрили произошло нѣкоторое смятеніе: ближайшіе пріятели Песоцкаго, который отъ избытка счастья совершенно терялъ голову и на всѣ вопросы отвѣчалъ, громко выкрикивая: „Вина! давайте вина!“—изъ сосѣдней комнаты вынесли Песоцкаго на рукахъ и торжественно пронесли черезъ залу. Вторая или третья кадриль была также неожиданно прервана появленіемъ Булгарина, явившагося въ какомъ-то сѣромъ кунтушѣ со шнурами на груди. Онъ прямо втесался въ середину кадрили, затопалъ подошвами и заговорилъ хриплымъ, баистымъ, прерывающимся отъ одышки голосомъ: „Что это у васъ за танцы? То ли дѣло какъ бывало у насъ въ наше время... Семениха-то выйдетъ, да пойдешь:

Ой, ерши, ерши, ерши,
Ой, держи, держи, держи!..“—

и началъ выдѣлывать какіе-то неуклюжіе повороты туловищемъ и притоптывать толстыми, какъ бревна, ногами.

Не задолго послѣ этого торжества, Леоновъ отправился за границу, сдавъ свою квартиру, Плюшаръ куда-то переѣхалъ, а я нанялъ на Гороховой комнату отъ жильцовъ. У меня было столько охоты къ литературнымъ занятіямъ, что, несмотря на мои неудачныя попытки, я нимало не падалъ духомъ. Некрасовъ поддерживалъ такое стремленіе, обѣщая дать мнѣ работу. Спустя нѣсколько времени онъ принесъ мнѣ полдюжины французскихъ брошюрокъ, заключавшихъ цѣлый трактатъ о танцахъ „польки“ и „редовы“, вошедшихъ тогда въ моду; Некрасовъ просилъ меня составить изъ нихъ книжку, названіе которой онъ заранѣе придумалъ: „Полька въ Петербургѣ“. Работа была мнѣ не по вкусу; я ждалъ отъ него чего-нибудь болѣе живого, литературнаго; но я согласился, такъ какъ Некрасовъ приглашалъ меня, въ то же время, къ участію въ періодическомъ изданіи юмористическаго сборника „Зубоскалъ“, которое было у него въ проектѣ. „Зубоскалъ“, къ которому я написалъ предисловіе и для котораго изготовлена была заглавная виньетка, былъ запрещенъ до появленія перваго выпуска. Одна неосторожная фраза въ объявленіи: „Зубоскалъ“ будетъ смѣяться надъ всѣмъ, что достойно смѣха“, послужила поводомъ къ остановкѣ изданія. Но Некрасовъ былъ человѣкъ упорный, настойчивый; запрещеніе „Зубоскала“ не охладило

его издательскую дѣятельность. Вскорѣ придумалъ онъ новую книжку: „Первое апрѣля“. Я снова написалъ къ ней предисловіе и небольшой разсказъ „Штука полотна“.

Объ эти книжки—„Полька въ Петербургѣ“ и „Первое апрѣля“—дали мнѣ случай познакомиться съ двумя литераторами, и оба раза при одинаковыхъ условіяхъ. Вечеромъ какъ-то зашелъ я къ театралу К. И. Огареву въ ту минуту, когда какой-то господинъ блѣднаго вида и съ большими отвислыми бакенами разносилъ въ пухъ и прахъ людей, способныхъ писать и печатать такую гадость, какъ „Полька въ Петербургѣ“. Огаревъ поспѣшилъ представить меня, какъ автора, этому господину; это былъ поэтъ Губеръ, переводчикъ „Фауста“. „Первое апрѣля“ доставило мнѣ случай познакомиться съ Тургеневымъ. И. И. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ ошибочно упоминаетъ о нашемъ знакомствѣ по этому поводу; ему весьма легко было ошибиться: лѣтъ за пятнадцать до того, какъ онъ думалъ писать свои воспоминанія, я разсказалъ ему о моей забавной встрѣчѣ съ Тургеневымъ; по прошествіи такого долгаго промежутка времени не мудрено было ему запамятовать случай и перемѣшать лицъ. Я шелъ по Невскому съ Некрасовымъ; насъ догналъ высокій господинъ смѣющагося вида и тотчасъ же началъ трунить надъ изданіемъ „Перваго апрѣля“, особенно подымая на смѣхъ разсказъ „Штука полотна“. Некрасовъ указалъ на меня, какъ на сочинителя разсказа. Тургеневъ удивленно взглянулъ на меня, разсѣянно пожалъ мнѣ руку и продолжалъ смѣяться надъ книжкой.

Съ Панаевымъ я познакомился позже, когда онъ уже жилъ съ Некрасовымъ и оба готовились издавать „Современникъ“.

Тургеневъ не возбудилъ во мнѣ никакого интереса. Онъ только что напечаталъ тогда первую свою поэму „Параша“, и я не читалъ ея. Онъ, къ тому же, принадлежалъ вмѣстѣ съ Анненковымъ, Панаевымъ, Кавелинымъ и др., къ кружку Бѣлинскаго, который только что переѣхалъ въ Петербургъ и съ которымъ я не былъ тогда знакомъ, какъ не былъ знакомъ съ другими лицами этого кружка; въ качествѣ молодого, только что начинающаго и пока еще неудачнаго литератора, я не смѣлъ думать попасть въ него. Но объ этомъ будетъ дальше. Мнѣ хочется въ моемъ разсказѣ по возможности держаться хронологическаго порядка.

Около этого времени въ иностранныхъ книжныхъ магазинахъ стали во множествѣ появляться небольшія книжки, подъ общимъ названіемъ „Физіологіи“; каждая книжка заключала описаніе какого-нибудь типа парижской жизни. Родоначальникомъ такого рода описаній служило извѣстное парижское изданіе: „Французы, описанные сами собою“. У насъ тотчасъ же явились подражатели. Булгаринъ началъ издавать точно такія же книжечки, давъ имъ названіе „Комары“; въ каждой изъ нихъ помѣщался очеркъ типа петербургской жизни; одинъ изъ нихъ—„Салонница“—былъ удачнѣе другихъ. Булгаринъ гордился тѣмъ, что внесъ въ русскій лексиконъ новый терминъ; терминъ „салонница“, дѣйствительно, сохранился.

Некрасову, практическій умъ котораго былъ всегда насторожѣ, пришла мысль начать также издавать что-нибудь въ этомъ родѣ; онъ придумалъ изданіе въ нѣсколькихъ книжкахъ: „Физіологія Петербурга“. Сюда, кромѣ типовъ, должны были войти бытовыя сцены и очерки изъ петербургской уличной и домашней жизни. Некрасовъ обратился ко мнѣ, прося написать для перваго тома одинъ изъ такихъ очерковъ.

Согласившись, я долго не зналъ, на чемъ остановиться. Проходя разъ въ дождливый осенній день по Обуховскому проспекту, я увидѣлъ стараго шарманщика, съ трудомъ тащившаго на спинѣ свой инструментъ. До этого еще мое вниманіе не разъ приковывали эти люди,—итальянцы по бо́льшей части,—добывающіе такимъ ремесломъ насущный хлѣбъ. Ихъ можно было встрѣтить каждый день на любомъ изъ большихъ дворовъ Петербурга; они являлись съ шарманками, кукольною комедіей, собиравшею вокругъ себя дѣтское населеніе дома, съ пѣвцами, плясунами и акробатами, ходившими на рукахъ и дѣлавшими salto mortale на голой мостовой; сколько помнится, они тогда никому не мѣшали—ни жителямъ, ни общественному порядку,—напротивъ, много прибавляли къ одушевленію сѣраго, унылаго города. Слѣдя за ними глазами, я часто спрашивалъ себя, какими путями могли они добраться до насъ изъ Италіи, сколько должны были перенести лишеній въ своемъ странствованіи, ка̀къ они у насъ устроились, гдѣ и какъ живутъ, довольны ли или съ горечью вспоминаютъ о покинутой родинѣ и т. д. Попавъ на мысль описать бытъ шарманщиковъ, я съ горячностью принялся за исполненіе. Писать наобумъ, дать волю своей фантазіи,

сказать себѣ: „и такъ сойдетъ!“—казалось мнѣ равносильнымъ безчестному поступку; у меня, кромѣ того, тогда уже пробуждалось влеченіе къ реализму, желаніе изображать дѣйствительность такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ представляется, какъ описываетъ ее Гоголь въ „Шинели“,—повѣсти, которую я съ жадностью перечитывалъ. Я, прежде всего, занялся собираніемъ матеріала. Около двухъ недѣль бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ трехъ Подъяческихъ улицахъ, гдѣ преимущественно селились тогда шарманщики, вступалъ съ ними въ разговоръ, заходилъ въ невозможныя трущобы, записывалъ потомъ до мелочи все, что видѣлъ и о чемъ слышалъ. Обдумавъ планъ статьи и раздѣливъ ее на главы, я, однакожъ, съ робкимъ, неувѣреннымъ чувствомъ приступилъ къ писанію.

Около этого времени я случайно встрѣтился на улицѣ съ Достоевскимъ, вышедшимъ изъ училища и успѣвшимъ уже перемѣнить военную форму на статское платье. Я съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнимать его. Достоевскій также мнѣ обрадовался, но въ его пріемѣ замѣтна была нѣкоторая сдержанность. При всей теплотѣ, даже горячности сердца, онъ еще въ училищѣ, въ нашемъ тѣсномъ, почти дѣтскомъ кружкѣ, отличался не свойственною возрасту сосредоточенностью и скрытностью, не любилъ особенно громкихъ, выразительныхъ изъявленій чувствъ. Радость моя при неожиданной встрѣчѣ была слишкомъ велика и искренна, чтобы пришла мнѣ мысль обидѣться его внѣшнею холодностью. Я немедленно съ воодушевленіемъ разсказалъ ему о моихъ литературныхъ знакомствахъ и попыткахъ и просилъ сейчасъ же зайти ко мнѣ, обѣщая прочесть ему теперешнюю мою работу, на что онъ охотно согласился.

Онъ, повидимому, остался доволенъ моимъ очеркомъ, хотя и не распространялся въ излишнихъ похвалахъ; ему не понравилось только одно выраженіе въ главѣ „Публика шарманщика“. У меня было написано такъ: когда шарманка перестаетъ играть, чиновникъ изъ окна бросаетъ пятакъ, который падаетъ къ ногамъ шарманщика. „Не то, не то,—раздраженно заговорилъ вдругъ Достоевскій,—совсѣмъ не то! У тебя выходитъ слишкомъ сухо: пятакъ упалъ къ ногамъ... Надо было сказать: пятакъ упалъ на мостовую, *звеня* и *подпрыгивая*...“ Замѣчаніе это,—помню очень хорошо,—было для меня цѣлымъ откровеніемъ. Да,

дѣйствительно: *звеня* и *подпрыгивая* выходитъ гораздо живописнѣе, дорисовываетъ движеніе. Художественное чувство было въ моей натурѣ; выраженіе: пятакъ упалъ не просто, а *звеня* и *подпрыгивая*,—этихъ двухъ словъ было для меня довольно, чтобы понять разницу между сухимъ выраженіемъ и живымъ, художественно-литературнымъ пріемомъ.

Рукопись „Шарманщиковъ“ очень понравилась Некрасову. Она уже печаталась, когда утромъ, зимою, раздался сильный стукъ въ мою дверь; отворивъ ее, я увидѣлъ Некрасова съ толстою книжкой въ рукахъ.

— Григоровичъ, сказалъ онъ, спѣшно входя въ комнату, — вчера умеръ нашъ знаменитый баснописецъ Крыловъ... Я принесъ вамъ сочиненіе Бантышъ-Каменскаго, матеріалы для біографіи Крылова; садитесь и пишите его біографію, но не теряйте минуты... Я уже прежде, чѣмъ быть у васъ, заѣхалъ въ литографію и заказалъ его портретъ.

„Дѣдушка Крыловъ“, — книжка, написанная мною въ десять дней, не многимъ отличалась въ литературномъ отношеніи отъ предшествовавшихъ „Первое апрѣля“ и „Полька въ Петербургѣ“.

Всѣ эти мелкія, плохія книжонки сбывались Некрасовымъ книгопродавцу Полякову, издававшему ихъ почти лубочнымъ образомъ, но умѣвшему сбывать ихъ съ замѣчательною ловкостью. Этотъ Поляковъ былъ въ своемъ родѣ плутъ не послѣдняго сорта. Разсказы о его продѣлкахъ до сихъ поръ у многихъ сохранились въ памяти. Исторія, какимъ образомъ онъ завелъ книжную лавку, весьма даже замѣчательна. Бывъ старшимъ приказчикомъ въ какой-то книжной лавкѣ, онъ, закрывая ее вечеромъ, уносилъ ежедневно подъ полою по одному тому, выбирая ихъ такимъ образомъ, чтобы разрознивать полное собраніе сочиненій такого-то автора. Такъ продолжалъ онъ долгое время. Хозяинъ умеръ, наслѣдники принялись за оцѣнку библіотеки, которая оказалась разрозненной; лавка пошла съ торговъ за безцѣнокъ. Поляковъ купилъ ее, вставилъ одинъ за другимъ недостающіе томы и пошелъ торговать съ легкой руки.

За „Шарманщиками“, которые похвалилъ Бѣлинскій, я написалъ для второй книжки „Физіологіи Петербурга“ разсказъ „Лотерейный балъ“. Я принесъ его для прочтенія Некрасову и засталъ у него А. Станкевича, брата

того Станкевича, который былъ товарищемъ по Московскому университету Герцена, Огарева, Боткина и друг. А. Станкевичъ, написавшій впослѣдствіи нѣсколько недурныхъ повѣстей, остановился на нѣсколько дней у Некрасова.

— Станкевичъ! воскликнулъ Некрасовъ, когда окончилъ чтеніе разсказа,—мы съ вами потомъ сосчитаемся, дайте Григоровичу сто рублей, онъ на этотъ разъ отличился!

Эти сто рублей (ассигнаціями, конечно) были первый гонораръ, полученный мною за мой литературный трудъ.

Въ теченіе этого времени я чаще и чаще видѣлся съ Достоевскимъ. Кончилось тѣмъ, что мы согласились жить вмѣстѣ, каждый на свой счетъ. Матушка посылала мнѣ ежемѣсячно пятьдесятъ рублей; Достоевскій получалъ отъ родныхъ изъ Москвы почти столько же. По тогдашнему времени, денегъ этихъ было бы за глаза для двухъ молодыхъ людей; но деньги у насъ не держались и расходились обыкновенно въ первыя двѣ недѣли; остальныя двѣ недѣли часто приходилось продовольствоваться булками и ячменнымъ кофеемъ, который тутъ же подлѣ покупали мы въ домѣ Фридерикса. Домъ, гдѣ мы жили, находился на углу Владимірской и Графскаго переулка; квартира состояла изъ кухни и двухъ комнатъ съ тремя окнами, выходившими въ Графскій переулокъ; послѣднюю комнату занималъ Достоевскій, ближайшую къ двери—я. Прислуги у насъ не было, самоваръ ставили мы сами, за булками и другими припасами также отправлялись сами.

VII.

Первая литературная работа Достоевскаго.—Мое знакомство съ Бѣлинскимъ. — Романъ „Бѣдные люди". — Приливъ и отливъ. — Письмо Бѣлинскаго къ Анненкову.—Достоевскій и я перестаемъ жить вмѣстѣ.—Кружокъ братьевъ Бекетовыхъ.—Я оставляю Петербургъ и поселяюсь въ деревнѣ.

Когда я сталъ жить съ Достоевскимъ, онъ только что кончилъ переводъ романа Бальзака „Евгенія Гранде". Бальзакъ былъ любимымъ нашимъ писателемъ; говорю: „нашимъ" потому, что оба мы одинаково имъ зачитывались, считая его неизмѣримо выше всѣхъ французскихъ писателей. Не знаю, какъ потомъ думалъ Достоевскій, но я до сихъ поръ остался вѣренъ прежнему мнѣнію и ча-

сто перечитываю нѣкоторыя изъ твореній Бальзака. Не могу припомнить, какимъ образомъ, черезъ кого, переводъ „Евгеніи Гранде“ попалъ въ журналъ „Библіотека для Чтенія“; помню только, когда книга журнала попала къ намъ въ руки, Достоевскій глубоко огорчился, и было отъ чего: „Евгенія Гранде“ явилась едва ли не на треть въ сокращенномъ видѣ противъ подлинника. Но таковъ ужъ, говорили, былъ обычай у Сенковскаго, редактора „Библіотеки для Чтенія“. Онъ поступалъ такъ же безцеремонно съ оригинальными произведеніями авторовъ. Послѣдніе были настолько смирны, что молчали, лишь бы добиться счастья видѣть свою рукопись и свое имя въ печати.

Увлеченіе Бальзакомъ было причиной, что Бѣлинскій, къ которому въ первый разъ повелъ меня Некрасовъ, сдѣлалъ на меня впечатлѣніе обратное тому, какое я ожидалъ. Настроенный Некрасовымъ, я ждалъ, какъ счастья, видѣть Бѣлинскаго; я переступалъ его порогъ робко, съ волненіемъ, заблаговременно обдумывая выраженія, съ какими я выскажу ему мою любовь къ знаменитому французскому писателю. Но едва я успѣлъ коснуться, что сожитель мой,—имя котораго никому не было тогда извѣстно,—перевелъ „Евгенію Гранде“, Бѣлинскій разразился противъ общаго нашего кумира жесточайшею бранью, назвалъ его мѣщанскимъ писателемъ, сказалъ, что если бы только попала ему въ руки эта „Евгенія Гранде“, онъ на каждой страницѣ доказалъ бы всю пошлость этого сочиненія. Я былъ до того озадаченъ, что забылъ все, что̀ готовился сказать, входя къ Бѣлинскому; я положительно растерялся и вышелъ отъ него какъ ошпаренный, негодуя противъ себя еще больше, чѣмъ противъ Бѣлинскаго. Не знаю, что̀ онъ обо мнѣ подумалъ; онъ, вѣроятно, смотрѣлъ на меня какъ на мальчишку, не умѣвшаго двухъ словъ сказать въ защиту своего мнѣнія.

Достоевскій, между тѣмъ, просиживалъ цѣлые дни и часть ночи за письменнымъ столомъ. Онъ слова не говорилъ о томъ, что̀ пишетъ; на мои вопросы онъ отвѣчалъ неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я пересталъ спрашивать. Я могъ только видѣть множество листовъ, исписанныхъ тѣмъ почеркомъ, который отличалъ Достоевскаго: буквы сыпались у него изъ-подъ пера точно бисеръ, точно нарисованныя. Такой почеркъ видѣлъ я впослѣдствіи только у одного писателя: Дюма-отца. Какъ только Достоевскій переставалъ писать, въ его рукахъ

немедленно появлялась книга. Онъ одно время очень пристрастился къ романамъ Ф. Сулье, особенно восхищали его „Записки демона“. Усиленная работа и упорное сидѣнье дома крайне вредно дѣйствовали на его здоровье; они усиливали его болѣзнь, проявлявшуюся нѣсколько разъ еще въ юности, въ бытность его въ училищѣ. Нѣсколько разъ, во время нашихъ рѣдкихъ прогулокъ, съ нимъ случались припадки. Разъ, проходя вмѣстѣ съ нимъ по Троицкому переулку, мы встрѣтили похоронную процессію. Достоевскій быстро отвернулся, хотѣлъ вернуться назадъ, но, прежде чѣмъ успѣли мы отойти нѣсколько шаговъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ настолько сильный, что я съ помощью прохожихъ принужденъ былъ перенести его въ ближайшую мелочную лавку; насилу могли привести его въ чувство. Послѣ такихъ припадковъ наступало обыкновенно угнетенное состояніе духа, продолжавшееся дня два или три.

Разъ утромъ (это было лѣтомъ) Достоевскій зоветъ меня въ свою комнату; войдя къ нему, я засталъ его сидящимъ на диванѣ, служившимъ ему также постелью; передъ нимъ, на небольшомъ письменномъ столѣ, лежала довольно объемистая тетрадь почтовой бумаги большого формата, съ загнутыми полями и мелко исписанная.

— Садись-ка, Григоровичъ; вчера только что переписалъ; хочу прочесть тебѣ; садись и не перебивай, сказалъ онъ съ необычною живостью.

То, что онъ прочелъ мнѣ въ одинъ присѣстъ и почти не останавливаясь, явилось вскорѣ въ печати подъ названіемъ „Бѣдные люди“.

Я былъ всегда высокаго мнѣнія о Достоевскомъ; его начитанность, знаніе литературы, его сужденія, серьезность характера дѣйствовали на меня внушительно; мнѣ часто приходило въ голову, какъ могло случиться, что я успѣлъ уже написать кое-что, это кое-что было напечатано, я считалъ уже себя нѣкоторымъ образомъ литераторомъ, тогда какъ Достоевскій ничего еще не сдѣлалъ по этой части? Съ первыхъ страницъ „Бѣдныхъ людей“ я понялъ, насколько то, что было написано Достоевскимъ, было лучше того, что я сочинялъ до сихъ поръ; такое убѣжденіе усиливалось по мѣрѣ того, какъ продолжалось чтеніе. Восхищенный до нельзя, я нѣсколько разъ порывался броситься ему на шею; меня удерживала только его нелюбовь къ шумнымъ, выразительнымъ изліяніямъ;

я не могъ, однакожъ, спокойно сидѣть на мѣстѣ и то и дѣло прерывалъ чтеніе восторженными восклицаніями.

Результатъ этого чтенія болѣе или менѣе извѣстенъ читающей публикѣ. Исторія о томъ, какъ я силой почти взялъ рукопись „Бѣдныхъ людей“ и отнесъ ее Некрасову, разсказана самимъ Достоевскимъ въ его „Дневникѣ“. Изъ скромности, вѣроятно, онъ умолчалъ о подробностяхъ, какъ чтеніе происходило у Некрасова. Читалъ я. На послѣдней страницѣ, когда старикъ Дѣвушкинъ прощается съ Варенькой, я не могъ больше владѣть собою и началъ всхлипывать; я украдкой взглянулъ на Некрасова: по лицу у него также текли слезы. Я сталъ горячо убѣждать его въ томъ, что хорошаго дѣла никогда не надо откладывать, что слѣдуетъ сейчасъ же отправиться къ Достоевскому, несмотря на позднее время (было около четырехъ часовъ утра), сообщить ему объ успѣхѣ и сегодня же условиться съ нимъ насчетъ печатанія его романа.

Некрасовъ, изрядно также возбужденный, согласился, наскоро одѣлся, и мы отправились.

Долженъ признаться, я поступилъ въ настоящемъ случаѣ очень необдуманно. Зная хорошо характеръ моего сожителя, его нелюдимость, болѣзненную впечатлительность, замкнутость, мнѣ слѣдовало бы разсказать ему о случившемся на другой день, но сдержанно, а не будить его, не тревожить неожиданною радостью и, вдобавокъ, не приводить къ нему чуть ли не ночью незнакомаго человѣка; но я самъ былъ тогда въ возбужденномъ состояніи; въ такія минуты здраво разсуждаютъ болѣе спокойные люди.

На стукъ нашъ въ дверь отворилъ Достоевскій; увидавъ подлѣ меня незнакомое лицо, онъ смутился, поблѣднѣлъ и долго не могъ слова отвѣтить на то, что говорилъ ему Некрасовъ. Послѣ его ухода я ждалъ, что Достоевскій начнетъ бранить меня за неумѣренное усердіе и излишнюю горячность, но этого не случилось; онъ ограничился тѣмъ только, что заперся въ своей комнатѣ, и долго послѣ того я слышалъ, лежа на своемъ диванѣ, его шаги, говорившіе мнѣ о взволнованномъ состояніи его духа.

Послѣ знакомства съ Некрасовымъ и черезъ него съ Бѣлинскимъ, который прочелъ рукопись „Бѣдныхъ людей“, съ Достоевскимъ произошла замѣтная перемѣна. Во время печатанія „Бѣдныхъ людей“ онъ постоянно нахо-

дился въ крайне нервномъ возбужденіи. Со свойственною ему несообщительностью, онъ не говорилъ мнѣ о томъ, какъ сошелся съ Некрасовымъ и что дальше было между ними. Стороною только доходили до меня слухи о томъ, что онъ требовалъ печатать „Бѣдныхъ людей“ особымъ шрифтомъ и окружить рамкой каждую страницу; я не присутствовалъ при этихъ разговорахъ и не знаю, справедливо это или нѣтъ; если и было что-нибудь похожее, тутъ, вѣроятно, не обошлось безъ преувеличенія.

Могу сказать только съ увѣренностью, что успѣхъ „Бѣдныхъ людей“ и еще больше, кажется, неумѣренно-восторженныя похвалы Бѣлинскаго положительно вредно отразились на Достоевскомъ, жившемъ до той поры замкнуто, въ самомъ себѣ, встрѣчавшемся, да и то не часто, съ немногими товарищами, не имѣвшими ничего общаго съ литературой. Возможно ли было такому человѣку, даже при его умѣ, сохранить нормальное состояніе духа, когда съ перваго шага на новомъ поприщѣ такой авторитетъ, какъ Бѣлинскій, преклонился передъ нимъ, громко провозглашая, что появилось новое свѣтило въ русской литературѣ? Вскорѣ послѣ „Бѣдныхъ людей“ Достоевскій написалъ повѣсть „Господинъ Прохарчинъ“ или „Господинъ Голядкинъ“, не помню хорошо названія. Чтеніе назначено было у Некрасова; я также былъ приглашенъ. Бѣлинскій сидѣлъ противъ автора, жадно ловилъ каждое его слово и мѣстами не могъ скрыть своего восхищенія, повторяя, что одинъ только Достоевскій могъ доискаться до такихъ изумительныхъ психологическихъ тонкостей.

Увлеченіе Бѣлинскаго не сдѣлало бы еще, можетъ-быть, такого дѣйствія на Достоевскаго, какъ тотъ внезапный, рѣзкій поворотъ на его счетъ въ мнѣніи Бѣлинскаго и его кружка. Вотъ что около этого времени писалъ Бѣлинскій къ Анненкову: „Не знаю, писалъ ли я вамъ, что Достоевскій написалъ повѣсть: „Хозяйка“,— ерунда страшная! Въ ней онъ хотѣлъ помирить Марлинскаго съ Гофманомъ, подбавивши немного Гоголя. Онъ еще написалъ кое-что послѣ того, но каждое его новое произведеніе — новое паденіе. Въ провинціи его терпѣть не могутъ, въ столицѣ отзываются враждебно даже о „Бѣдныхъ людяхъ“; я трепещу при мысли перечитать ихъ. Надулись же мы, другъ мой, съ Достоевскимъ-геніемъ!“ Писалъ это Бѣлинскій, честнѣйшій изъ людей, но склонный къ увлеченію, — писалъ совершенно искренно,

какъ всегда, по убѣжденію. Бѣлинскій не стѣснялся громко высказывать свое мнѣніе о Достоевскомъ; близкіе люди его кружка ему вторили.

Неожиданность перехода отъ поклоненія и возвышенія автора „Бѣдныхъ людей“ чуть ли не на степень генія къ безнадежному отрицанію въ немъ литературнаго дарованія могла сокрушить и не такого впечатлительнаго и самолюбиваго человѣка, какимъ былъ Достоевскій. Онъ сталъ избѣгать лицъ изъ кружка Бѣлинскаго, замкнулся весь въ себя еще больше прежняго и сдѣлался раздражительнымъ до послѣдней степени. При встрѣчѣ съ Тургеневымъ, принадлежавшимъ къ кружку Бѣлинскаго, Достоевскій, къ сожалѣнію, не могъ сдержаться и далъ полную волю накипѣвшему въ немъ негодованію, сказавъ, что никто изъ нихъ ему не страшенъ, что дай только время, онъ всѣхъ ихъ въ грязь затопчетъ. Не помню, что послужило поводомъ къ такой выходкѣ; рѣчь между ними шла, кажется, о Гоголѣ.

Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, вина была на сторонѣ Достоевскаго. Характеръ Тургенева отличался полнымъ отсутствіемъ задора; его скорѣе можно было упрекнуть въ крайней мягкости и уступчивости. Послѣ сцены съ Тургеневымъ произошелъ окончательный разрывъ между кружкомъ Бѣлинскаго и Достоевскимъ; онъ больше въ него не заглядывалъ. На него посыпались остроты, ѣдкія эпиграммы, его обвиняли въ чудовищномъ самолюбіи, въ зависти къ Гоголю, которому онъ долженъ бы былъ въ ножки кланяться, потому что въ самыхъ хваленыхъ „Бѣдныхъ людяхъ“ чувствовалось на каждой страницѣ вліяніе Гоголя.

Въ послѣднемъ обвиненіи, — если можно это считать обвиненіемъ молодому начинающему литератору, — была доля правды. Лицо старика Дѣвушкина въ „Бѣдныхъ людяхъ“ невольно приводитъ на память чиновника Поприщина въ „Запискахъ сумасшедшаго“; сцена, когда дочь директора роняетъ платокъ и Поприщинъ, бросившись подымать его, скользитъ на паркетѣ и чуть не разбиваетъ себѣ носъ, напоминаетъ сцену, когда у Дѣвушкина, въ присутствіи начальника, отрывается пуговица, и онъ, растерявшись, старается поднять ее. Не только въ пріемѣ частаго повторенія одного и того же слова, но въ постройкѣ самыхъ фразъ, въ ихъ духѣ замѣтно проглядываетъ вліяніе Гоголя. „Также читалъ очень пріятное

изображеніе, описанное курскимъ помѣщикомъ; курскіе помѣщики хорошо пишутъ!" — „Хотѣлъ бы разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки, какъ они, что̀ они" и т. д. „Хотѣлось бы быть генераломъ для того, чтобъ увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разные экивоки"...— „Настасья Петровна; хорошее имя: Настасья Петровна; у меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна" (Чичиковъ у Коробочки).—„Не то я тебя, знаешь, березовымъ вѣникомъ, чтобъ для вкусу-то... Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобъ еще былъ получше..." (Плюшкинъ). —„А вотъ черти-то тебя и припекутъ, и припекутъ! Скажутъ: а вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина обманывала, и припекутъ, припекутъ!.." и т. д. Складъ этихъ фразъ, ихъ духъ, если можно такъ выразиться, часто встрѣчаемый въ первыхъ произведеніяхъ Достоевскаго, не можетъ служить ему большимъ упрекомъ. Слѣдовало бы тогда винить все тогдашнее литературное молодое поколѣніе; всѣ въ одинаковой степени были увлечены Гоголемъ; почти все, что̀ писалось въ повѣствовательномъ родѣ, было отраженіемъ повѣстей Гоголя, преимущественно повѣсти „Шинель". Въ послѣдующихъ произведеніяхъ Достоевскаго не замѣтно уже тѣни подражанія; онъ становится совершенно самостоятельнымъ.

Не помню, о чемъ-то разъ зашелъ у меня съ Достоевскимъ горячій споръ. Результатъ былъ тотъ, что рѣшено было жить порознь. Мы разъѣхались, но, однакожъ, мирно, безъ ссоры. Бывая оба часто у Бекетовыхъ, мы встрѣчались дружелюбно, какъ старые товарищи. Около Бекетовыхъ мало-по-малу образовался цѣлый кружокъ; мы вступили въ него, благодаря старшему изъ братьевъ, А. Н., бывшему нашему товарищу по училищу. Братья его, Н. Н., извѣстный теперь профессоръ химіи, и А. Н., не менѣе извѣстный профессоръ ботаники, были тогда еще студентами. Всякій разъ встрѣчалось здѣсь множество лицъ, большею частью такихъ же молодыхъ, какъ мы были сами; въ числѣ ихъ особенно часто являлся А. Н. Плещеевъ, тогда также студентъ.

Я видѣлъ на вѣку своемъ не мало людей просвѣщенныхъ, любезныхъ, привѣтливыхъ, выбивавшихся изъ силъ, чтобы составить у себя кружокъ, и имъ это не удавалось; Бекетовы не прикладывали никакого старанія, кружокъ былъ имъ даже въ тягость, потому что мѣшалъ занятіямъ,

тѣмъ не менѣе, кружокъ составился. Всѣхъ въ равной степени притягивала симпатія къ старшему брату, Алексѣю Николаевичу. Это была воплощенная доброта и прямодушіе въ соединеніи съ развитымъ умомъ и горячею душой, возмущавшеюся всякою неправдой, отзывавшеюся всякому благородному, честному стремленію.

Собирались большею частью вечеромъ. При множествѣ посѣтителей (сходилось иногда до пятнадцати человѣкъ), бесѣда рѣдко могла быть общею; рѣдко останавливались на одномъ предметѣ, развѣ ужъ выдвигался вопросъ, который всѣхъ одинаково затрогивалъ; большею частью разбивались на кучки и въ каждой шелъ свой отдѣльный разговоръ. Но кто бы ни говорилъ, о чемъ бы ни шла рѣчь, касались ли событій въ Петербургѣ, въ Россіи, за границей, обсуждался ли литературный или художественный вопросъ, во всемъ чувствовался приливъ свѣжихъ силъ, живой первъ молодости, проявленіе свѣтлой мысли, внезапно рожденной въ увлеченіи разгоряченнаго мозга; вездѣ слышался негодующій, благородный порывъ противъ угнетенія и несправедливости. Споры бывали жаркіе, но никогда не доходило до ссоры, благодаря старшему Бекетову, умѣвшему тотчасъ же примирить, внести миръ и согласіе. Многому помогала также молодость, съ одинаковою легкостью воспламеняющаяся и забывающая свои увлеченія. Часто, наговорившись и накричавшись досыта, кто-нибудь предлагалъ прогулку; всѣ радостно принимали предложеніе. Разъ мы всею компаніей согласились сдѣлать большую экскурсію — отправиться пѣшкомъ въ Парголово и провести ночь на Поклонной горѣ надъ озеромъ; каждый долженъ былъ запастись какимъ-нибудь провіантомъ; на долю Бекетовыхъ пришлось нести мѣдный чайникъ для варки кофе и принадлежности.

Мнѣ до сихъ поръ памятно это похожденіе. Во все время пути и въ теченіе всей ночи, проведенной на берегу озера, веселость била ключомъ, счастье было въ сердцѣ каждаго. Оно высказывалось пѣснями, остротами, забавными разсказами, неумолкаемымъ хохотомъ. Парголовское озеро, я думаю, никогда не видало съ тѣхъ поръ такого ликованія.

Участіе въ общественной бесѣдѣ всегда существеннѣе въ пользу умственнаго развитія, чѣмъ разговоры вдвоемъ, какъ бы ни былъ уменъ собесѣдникъ и внимателенъ слушатель. Главнымъ двигателемъ служитъ здѣсь личное са-

молюбіе; необходимость постоянно держать умъ на-сторожѣ, не казаться глупѣе другихъ, слѣдить за мыслью, готовиться въ присутствіи другихъ поддержать ее или оспорить,—все это въ значительной степени пробуждаетъ сознаніе, обостряетъ умъ, „встряхиваетъ мозги“, какъ говорится.

Кружку Бекетовыхъ я многимъ обязанъ. До того времени, какъ я сдѣлался постояннымъ его членомъ, мои мыслительныя способности облекались точно туманомъ. Бесѣды съ Достоевскимъ никогда не переходили предѣловъ литературы; весь интересъ жизни сосредоточивался на ней одной. Читалъ я, правда, много, но читалъ безъ всякаго выбора, все, что попадало подъ руку, читалъ исключительно романы, повѣсти, жизнеописанія художниковъ. Я ни надъ чѣмъ не задумывался сколько-нибудь серьезно; общественные вопросы меня нисколько не интересовали. Впечатлительный и страстный, я очертя голову бросался въ жизнь, отдаваясь минутному увлеченію. Многое, о чемъ не приходило мнѣ въ голову, стало теперь занимать меня; живое слово, отрезвляющее умъ отъ легкомыслія, я впервые услышалъ только здѣсь, въ кружкѣ Бекетовыхъ.

Успѣхъ моего умственнаго развитія выразился уже тѣмъ, что моему самолюбію было больно за мою отсталость противъ многихъ изъ бывшихъ товарищей; литературными моими попытками и тѣмъ, что онѣ печатались, нечѣмъ было гордиться; я вполнѣ уже сознавалъ ихъ незначительность и незрѣлость. Послѣднюю мою повѣсть „Сосѣдка“, написанную въ промежутокъ этого времени, я почти стыдился признать за свою. Я чувствовалъ, что дальше такъ идти нельзя, что каждый, пожалуй, опередитъ меня, и я останусь затеряннымъ. Внутренній голосъ подсказывалъ мнѣ, что во мнѣ что-то есть, что я могу что-то сдѣлать, могу пойти впередъ, но для этого нужны другія условія, нужно, прежде всего, разстаться съ праздною жизнью и оставить Петербургъ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Написавъ матушкѣ о моемъ намѣреніи, я въ 1846 году, съ наступленіемъ весны, уѣхалъ въ деревню.

VIII.

Возвращеніе домой.—Повѣсть „Деревня“.—Неудача.—Валерьянъ Николаевичъ Майковъ.—Дѣлаюсь сотрудникомъ „Отечественныхъ Записокъ“.—А. А. Краевскій.—Знакомство съ Вл. Ив. Далемъ (Луганскимъ).—Е. П. Гребенка.

Подъѣзжая къ родному гнѣзду, я не узнавалъ себя. Я никакъ не воображалъ, чтобы мнѣ такъ легко обошлась разлука съ Петербургомъ и такъ радостно было снова увидѣть деревню, гдѣ протекло мое дѣтство. Все, что казалось мнѣ тогда тягостнымъ, досадливымъ, и, прежде всего, деспотизмъ и недоброжелательство бабушки, исчезло какъ бы само собою. Теплое чувство къ матери пробуждалось во мнѣ въ первый разъ съ такою силой. Мнѣ нетерпѣливо хотѣлось обнять ее и поблагодарить за снисхожденіе къ моимъ бросаніямъ изъ стороны въ сторону, къ моимъ отступленіямъ противъ ея желаній,—за все, что она для меня сдѣлала. Я ждалъ минуты, когда увижу стараго Николая, посившаго меня на рукахъ, и другихъ дворовыхъ, которые меня ласкали. Сердце мое окончательно размягчилось, когда, при въѣздѣ на послѣдній пригорокъ, передо мной открылась долина рѣчки Смедвы, сама Смедва блеснула въ своихъ изгибахъ, замкнутыхъ зеленѣющими склонами съ ихъ рощами, когда въ глубинѣ обрисовался темный старый садъ съ его липовыми аллеями и подлѣ него крыша нашего дома.

Когда тарантасъ въѣхалъ на дворъ, матушка стояла на крыльцѣ и махала платкомъ; изъ-за ея плеча выглядывалъ чепецъ бабушки; Николай, окончательно посѣдѣвшій, бѣлый, какъ лунь, и дворовые окружили меня. Послѣ обниманій и цѣлованій мы вошли въ домъ, показавшійся мнѣ несравненно меньше, чѣмъ казался въ дѣтствѣ. Начались разспросы. Послѣ того, какъ я объявилъ бабушкѣ о родѣ моихъ занятій и намѣреніи продолжать ихъ, она окинула меня удивленнымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ и проговорила: „C'est bien, travaille! Travaille!“ — и отправилась въ палисадникъ. Матушка отвела меня въ комнату, заблаговременно для меня приготовленную. Она выходила окнами частью въ садъ, частью на поворотъ дороги, огибавшей Смедву, осѣненную съ этой стороны столѣтними ветлами.

Не помню, чтобъ я когда-нибудь чувствовалъ себя болѣе счастливымъ.

Я сознавалъ, что пришелъ конецъ моимъ мытарствамъ,

что пора одуматься, пора придти въ себя, приняться за настоящую работу и доказать, что мои порывы къ литературѣ не были мимоходными капризами, но признакомъ врожденнаго призванія. Тишина, меня окружавшая, производила на меня обаятельное дѣйствіе; я къ ней прислушивался, какъ къ сладчайшей музыкѣ.

Благословенная эта тишина нѣжила меня, но не давала, однакожъ, подходящей темы для выдающейся повѣсти, которую во что бы ни стало я хотѣлъ сочинить. Напрасно бродилъ я по цѣлымъ днямъ въ поляхъ и лѣсахъ, любовался картинами природы, напрасно цѣлыми ночами напрягалъ воображеніе, пріискивая интересный сюжетъ, — сюжетъ не вырисовывался, и если приходилъ, то непремѣнно напоминалъ „Хуторокъ“ Кольцова или страданія маленькаго „Оливера Твиста“ Диккенса—двухъ любимыхъ моихъ авторовъ въ то время, сочиненія которыхъ я привезъ съ собою.

Какъ всегда почти бываетъ въ человѣческой жизни, случай, — этотъ хозяинъ, надъ которымъ нѣтъ власти, — выручилъ меня. Къ матушкѣ привезли больную молодую бабу. За обѣдомъ матушка разсказала ея исторію. Ее противъ воли выдали замужъ за грубаго молодого парня, котораго также приневолили взять ее въ жены; онъ возненавидѣлъ ее, чему не мало способствовали его сестры, началъ ее бить въ трезвомъ и пьяномъ видѣ и заколотилъ почти до смерти; баба была въ злѣйшей чахоткѣ и врядъ ли могла пережить весну. Она говорила, что ей легче умереть, чѣмъ жить; ее сокрушала только судьба дочки, двухлѣтней дѣвочки; онъ и ее заколотитъ на смерть, говорила она. Разсказъ этотъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Сюжетъ повѣсти былъ найденъ. Я тотчасъ же принялся его обдумывать и приводить въ повѣствовательную форму.

Знакомый съ простонароднымъ русскимъ языкомъ только по рѣдкимъ книгамъ, которыя удавалось читать, я сталъ усердно изучать его практически, проводилъ часы на мельницѣ, бесѣдуя съ помольцами, разговаривалъ съ нашими крестьянами, стараясь прислушаться къ складу ихъ рѣчи, записывалъ выраженія, казавшіяся мнѣ особенно характерными и живописными. Первыя главы повѣсти „Деревня“ стоили мнѣ неимовѣрнаго труда. Французскій языкъ, которымъ меня питали до тринадцатилѣтняго возраста, все еще по временамъ давалъ себя чувствовать; я

долго иногда пытался, пріискивая ту фразу, которая должна была выпукло и пластично выразить то, что хотѣлось сказать. Князь Вяземскій совершенно справедливо замѣчаетъ, что не довольно писателю имѣть дарованіе, мысли, свѣдѣнія, нужно еще *искусство писать*; безъ этого дара писатель—какъ стрѣлокъ, не попадающій въ цѣль. Сколько умныхъ людей, у которыхъ умъ, вмѣстѣ съ перомъ, притупляется; живой умъ на бумагѣ становится иногда вялымъ, веселый—скучнымъ, ѣдкій—приторнымъ.

Но въ характерѣ моемъ, при всей его живости, было много терпѣнія и трудолюбія; работа, къ тому же, мнѣ нравилась, увлекала меня. Я чувствовалъ, что чѣмъ дальше подвигается повѣсть, тѣмъ свободнѣе освоиваюсь я съ языкомъ. Каждую главу передѣлывалъ я, переписывалъ по нѣскольку разъ, вымарывая, переправляя въ ней все, что чуть-чуть казалось нескладнымъ; работа эта не только не отягощала меня, но доставляла мнѣ истинное наслажденіе. Я и теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, точно такъ же работаю, испытывая то же самое чувство.

Послѣ четырехмѣсячнаго усидчиваго писанья повѣсть была, наконецъ, готова, переписана на-бѣло, и я повезъ ее въ Петербургъ, полный самыхъ радостныхъ надеждъ.

Въ нетерпѣніи прочесть ее Некрасову, я отправился къ нему въ самый день моего пріѣзда. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, между Аничковымъ и Семеновскимъ мостами, въ большой квартирѣ, которую раздѣлялъ съ Панаевымъ. Оба они, кажется, пріобрѣли уже право у Плетнева на изданіе „Современника“. Я засталъ Некрасова въ большихъ хлопотахъ; онъ объявилъ, что сегодня не имѣетъ времени прослушать мою повѣсть, но просилъ оставить рукопись, сказавъ, что самъ прочтетъ ее. Радостное чувство, одушевлявшее меня, нѣсколько отуманилось, но дѣлать было нечего, я согласился. Я часто сталъ навѣдываться о судьбѣ моей повѣсти. Въ одинъ изъ такихъ дней я встрѣтилъ у Некрасова Панаева; онъ съ перваго раза показался мнѣ очень симпатичнымъ. Прошло два мѣсяца нетерпѣливаго ожиданія, Некрасовъ все еще не успѣвалъ прочесть моей рукописи. Разъ, былъ ли онъ не въ духѣ, или, попросту, я надоѣлъ ему моимъ приставаньемъ, онъ возвратилъ мнѣ рукопись, сказавъ, что не находитъ удобнымъ печатать ее въ „Современникѣ“.

Я вышелъ отъ него, какъ пришибленный, съ трудомъ удерживая слезы.

„Не можетъ быть, чтобы повѣсть настолько уже была плоха, чтобы нельзя было ее печатать, думалъ я, комкая рукопись въ карманѣ пальто,—могутъ встрѣтиться мѣста, которыя неудачны, не нравятся; то, что я писалъ прежде, было несравненно слабѣе и, все-таки, печаталось". Я чувствовалъ, при всей моей скромности, что, кромѣ новизны изображенія простонароднаго быта, въ повѣсти есть сцены, взятыя живьемъ съ натуры,—сцены, которыя непремѣнно должны тронуть читателя, не даромъ же, описывая ихъ, я приходилъ въ нервное состояніе и слезы навертывались на глазахъ моихъ; не могъ же я до такой степени обманываться. Я подумалъ подъ конецъ, что Некрасовъ, за недосугомъ времени и желая отъ меня отдѣлаться, попросту не читалъ моей рукописи.

Въ тотъ же день вечеромъ зашелъ я вмѣстѣ съ моею рукописью къ Бекетовымъ. Изъ прежняго кружка оставалось уже не много; я узналъ, что въ это время успѣлъ образоваться новый кружокъ, куда перешли тѣ изъ товарищей, которые были постарше; въ числѣ ихъ находились Достоевскій, Плещеевъ, Ханыковъ и многіе другіе. Главою кружка былъ Петрашевскій, имя котораго я услыхалъ здѣсь въ первый разъ. На мое счастье, я засталъ у Бекетовыхъ новое лицо, Валерьяна Николаевича Майкова, брата поэта, молодого человѣка, участвовавшаго въ „Отечественныхъ Запискахъ", перешедшихъ къ Краевскому. Насъ познакомили. Узнавъ о моей неудачѣ въ редакціи „Современника", Майковъ и Бекетовы приняли во мнѣ живое участіе; всѣ заинтересовались повѣстью, и я приступилъ къ чтенію. Горькое чувство, наполнявшее мое сердце, звучало въ моемъ голосѣ; я читалъ нервно, приподнятымъ голосомъ, подчеркивая мѣста, казавшіяся мнѣ болѣе удачными. Благодаря этому, можетъ-быть, повѣсть сдѣлала на слушателей неожиданно хорошее впечатлѣніе. Майкову она такъ понравилась, что онъ тутъ же взялъ отъ меня рукопись, обѣщая помѣстить ее въ „Отечественныхъ Запискахъ". Я былъ внѣ себя отъ счастія. Недѣли двѣ-три спустя я узналъ отъ Бекетовыхъ, что Майковъ былъ у нихъ утромъ и просилъ передать мнѣ, что повѣсть принята и будетъ напечатана въ декабрьской книжкѣ. Дожидаться было не долго, — ноябрь былъ уже на исходѣ. Наконецъ, насталъ желанный день. Открывъ декабрьскую книжку, я нашелъ въ ней мою повѣсть, напечатанную цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій.

Успѣхъ ея, благодаря, вѣроятно, новизнѣ предмета (до того времени не появлялось повѣстей изъ простонароднаго быта), превзошелъ мои ожиданія; ее хвалили не только знакомые, но похвалилъ даже критикъ „Сѣверной Пчелы“, Брандъ, вообще не благосклонный къ литераторамъ молодого поколѣнія.

— Смотрите же, говорилъ мнѣ Майковъ, встрѣтивъ меня у Бекетовыхъ, — когда коснется гонорара, прямо требуйте сорокъ рублей за листъ; всѣ сотрудники теперь такъ условились, чтобы меньше сорока рублей не брать.

Получивъ отъ Краевскаго приглашеніе зайти къ нему утромъ, я отправился. Наружность А. А. была много разъ описана; въ этой маленькой фигурѣ съ сѣрыми, нѣсколько выдающимися глазами, не было ничего внушительнаго, но, тѣмъ не менѣе, мною вдругъ овладѣла робость.

— Вы написали хорошую повѣсть, она всѣмъ нравится, проговорилъ онъ отрывисто, — намъ надо теперь свести счеты; какія ваши условія?

Вспомнивъ слова Майкова, я хотѣлъ сказать: сорокъ рублей за листъ, но, испугавшись громадности цифры, смутился и наскоро проговорилъ:

— Тридцать шесть рублей съ листа, Андрей Александровичъ.

Въ пріятельскомъ кружкѣ мнѣ долго потомъ не давали проходу съ этими тридцатью шестью рублями.

Печатаніе повѣсти „Деревня“ дало поводъ объясненію, которое мнѣ во всѣхъ подробностяхъ разсказывалъ В. П. Боткинъ вскорѣ послѣ нашего знакомства. Нѣсколько дней спустя послѣ выхода декабрьской книжки „Отечественныхъ Записокъ“, собрались пить чай къ Тургеневу; тутъ были Анненковъ, Панаевъ, Некрасовъ, Боткинъ и другіе. Вошелъ Бѣлинскій, и съ тою горячностью, которая всегда его отличала, началъ преувеличенно хвалить мою повѣсть, говоря, что собирается написать о ней статью въ „Современникѣ“. Ему сталъ также горячо возражать Некрасовъ. Началось живое объясненіе и кончилось тѣмъ, что Бѣлинскому явственно было высказано, что, прежде всего, журналъ „Современникъ“ не ему принадлежитъ, и похвалы о томъ, что печатается въ „Отечественныхъ Запискахъ“, не могутъ быть допущены въ „Современникѣ“. Бѣлинскій, все-таки, похвалилъ повѣсть, но это была уже не статья, а скорѣе замѣтка; въ ней сказано было, что я не имѣю никакой способности къ повѣстямъ, но обладаю

дарованіемъ для физіологическихъ очерковъ. Не обошлось, конечно, безъ насмѣшекъ со стороны ненавистниковъ реальнаго направленія литературы; въ „Ералашѣ“ я былъ изображенъ въ видѣ франта, роющагося въ навозной кучѣ, между тѣмъ какъ изъ ближайшаго окна баба выливаетъ мнѣ на голову шайку помоевъ; внизу была надпись такого рода: „Неудачное отыскиваніе Акулинъ въ деревнѣ“.

Авторитетъ Бѣлинскаго, уваженіе и любовь къ нему людей ему близкихъ, изъ которыхъ я зналъ только Некрасова и нѣсколько Панаева, не допускали меня сердиться на него за его отзывъ. Былъ ли я описанъ ему умышленно въ неблагопріятномъ видѣ, или другое что, но только въ обхожденіи Бѣлинскаго со мною замѣтна была нѣкоторая холодность. Увлеченный его статьями, его авторитетомъ, я, можетъ-быть, продолжалъ бы заходить къ нему въ надеждѣ сгладить невыгодное впечатлѣніе, но меня удерживали лица, его окружавшія, изъ которыхъ многія были мнѣ не симпатичны, удерживала также— сказать ли?—моя скромность. Въ кружкѣ Бѣлинскаго находились лица, внушавшія мнѣ даже нѣкоторый страхъ; ихъ знаніе, бойкость рѣчи, рѣзкость сужденій, вопросы, которые между ними обсуждались, — все это, чувствовалъ я, было не по моимъ силамъ. Некрасовъ и Панаевъ не были образованнѣе меня; но первый бралъ смѣлостью и самоувѣренностью. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Бѣлинскій съ самаго начала полюбилъ Некрасова за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, за тотъ смѣлый практическій взглядъ не по лѣтамъ...“ и т. д. Панаева Бѣлинскій любилъ за его доброту и мягкость; ихъ связывало, кромѣ того, старое знакомство еще въ Москвѣ и то также, что Бѣлинскій былъ ему многимъ обязанъ. Оба были, наконецъ, редакторы-хозяева „Современника“, въ которомъ Бѣлинскій принималъ живѣйшее участіе. Послѣднее обстоятельство въ значительной степени умаляло къ Некрасову и Панаеву высокомѣрный тонъ, отличавшій въ кружкѣ Бѣлинскаго многихъ лицъ, приводившихъ цитаты изъ Гегеля, развивавшихъ съ увѣренностью различныя философскія теоріи, слушавшихъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ въ Берлинѣ и Парижѣ, долго жившихъ за границей, что тогда рѣдко кому удавалось и

всегда придавало такому лицу нѣкоторое значеніе въ глазахъ соотечественниковъ.

Бѣлинскій, человѣкъ въ высшей степени пылкій и впечатлительный, искренно привязанный къ друзьямъ, нерѣдко, однакожъ, переносилъ свои увлеченія то къ одному изъ нихъ, то къ другому; отсюда происходила та перемѣнчивость, то внезапное пристрастіе, въ которомъ его упрекали лучшіе его пріятели.

Примѣромъ, до чего увлекался иногда Бѣлинскій, можетъ служить его письмо къ Анненкову, по случаю напечатанія послѣднимъ пьесы „Кирюша“: „А что, дражайшій мой авторъ „Кирюши“, что̀ бы вамъ тряхнуть еще повѣсцою? Написали одну весьма порядочную, стало-быть, можете написать и другую еще лучше“. Анненковъ, польщенный совѣтомъ, написалъ вторую повѣсть: „Она погибнетъ“. Бѣлинскій писалъ ему: „Между обыкновенными разсказчиками вы необыкновенный разсказчикъ; не то, чтобъ у васъ было мало таланта, чтобы быть поэтомъ, а родъ вашего таланта не такой, какой нуженъ поэту; для разсказчика же у васъ гораздо больше таланта, чѣмъ сколько нужно“.

Обѣ эти повѣсти Анненкова до того, между тѣмъ, были плохи, что, благодаря имъ, народилась въ тогдашнемъ литературномъ кружкѣ новая поговорка; вмѣсто того, чтобы сказать: „на комъ грѣха нѣтъ, у каждаго есть своя слабость,“ долгое времяговорили: „что дѣлать, у всякаго человѣка есть свой „Кирюша“ и своя „Она погибнетъ“.

Бѣлинскій самъ, впрочемъ, часто признавался въ своей слабости къ увлеченіямъ. Панаевъ, самый, быть-можетъ, искренно-преданный изъ друзей его, передаетъ такимъ образомъ слова Бѣлинскаго: „Я и теперь часто каждый день разсчитываюсь съ какимъ-нибудь своимъ прежнимъ убѣжденіемъ и постукиваю его, а прежде такъ у меня было, что̀ ни день, то новое убѣжденіе. Вотъ ужъ не въ моей натурѣ засѣсть въ какое-нибудь узенькое опредѣленьице и блаженствовать въ немъ“.

Упоминаю здѣсь о склонности Бѣлинскаго къ быстрымъ переходамъ и увлеченію не съ тѣмъ, конечно, чтобы ставить ихъ ему въ упрекъ. Увлекаться могутъ только люди, у которыхъ въ душѣ священная искра, — люди, одаренные богатою, одушевленною натурой, способные сильно испытывать впечатлѣнія и горячо принимать ихъ къ сердцу или мозгу. Такіе люди, при всей своей неровности,

всегда оставляютъ послѣ себя результатъ въ томъ или другомъ родѣ, смотря по своей спеціальности; во всякомъ случаѣ, отъ нихъ больше пользы, чѣмъ отъ людей ко всему равнодушныхъ, прямолинейныхъ, обсахаренныхъ въ узкомъ эгоизмѣ, прикрывающихъ его видомъ благоразумія и строгой разсудительности.

Узнавъ, что В. И. Даль (Луганскій), прочитавъ мою повѣсть, выразилъ желаніе познакомиться со мною, я поспѣшилъ къ нему. Онъ занималъ тогда должность директора канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго и жилъ въ домѣ министерства, въ Театральной улицѣ. Я отправился къ нему вечеромъ, такъ какъ мнѣ сказано было, что утромъ онъ никого не принимаетъ. Встрѣтилъ онъ меня безъ всякихъ особенныхъ изъявленій, но ласково, безъ покровительственнаго оттѣнка. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, ходилъ дома не иначе, какъ въ длинномъ коричневомъ суконномъ халатѣ, пристегнутомъ у пояса; меня особенно поразила худоба его лица и длиннаго, заостреннаго носа, дѣлившаго на двѣ части впалыя щеки, не совсѣмъ тщательно выбритыя; подъ выпуклыми щетинистыми бровями свѣтились небольшіе, но быстрые, проницательные глаза стальнаго отлива. Наружность его,— я скоро въ этомъ убѣдился,—отвѣчала его характеру, нѣсколько жесткому, педантическому, далеко не общительному. Встрѣтивъ гдѣ-то Тургенева, тогда еще молодого человѣка, онъ уговорилъ его поступить къ нему на службу въ канцелярію. Тургеневъ, никогда не думавшій служить, но не имѣвшій духа отказаться по слабости характера, согласился. Нѣсколько дней спустя послѣ вступленія въ канцелярію, Тургеневъ пришелъ часомъ позже и получилъ отъ Даля такую нахлобучку, послѣ которой тотчасъ же подалъ въ отставку.

Мною Даль заинтересовался собственно потому, что повѣсть моя была изъ простонароднаго быта, который всегда занималъ его, какъ занимало вообще все, касавшееся быта народа, языка, сказокъ, пословицъ. У него по этой части скоплены были сокровища, и можно было чему-нибудь поучиться. Пользуясь своимъ положеніемъ, онъ разсылалъ циркуляры ко всѣмъ должностнымъ лицамъ внутри Россіи, поручая имъ собирать и доставлять ему мѣстныя черты нравовъ, пѣсни, поговорки и проч. Онъ охотно давалъ мнѣ возможность пользоваться такимъ матеріаломъ у себя на дому; онъ сажалъ меня въ кабинетѣ, и я по цѣлымъ

часамъ переписывалъ все, что казалось мнѣ особенно характернымъ. Семейство его, состоявшее изъ нѣсколькихъ дочерей и одного сына, положительно его побаивалось, какъ боялись, впрочемъ, всѣ, находившіеся въ его зависимости. Сынъ, котораго Даль звалъ почему-то „Ерусланомъ“, поступилъ потомъ въ академію художествъ и выказалъ замѣчательный талантъ, какъ архитекторъ. Онъ особенно отличился по части русской церковной древности; для ближайшаго знакомства съ нею онъ много ѣздилъ по дальнему Сѣверу Россіи, гдѣ во многихъ мѣстахъ сохраняются еще деревянныя древнія постройки; къ сожалѣнію, онъ умеръ въ молодыхъ годахъ, оставивъ послѣ себя только рисунки и проекты, хранящіеся въ библіотекѣ академіи художествъ.

У В. И. Даля одно время явилось не только расположеніе, но настоятельная потребность писать крошечные народные разсказы или „повѣстушки“, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ пёкъ ихъ, какъ блины, задавшись задачей, чтобы каждый разсказъ непремѣнно умѣстился въ концѣ, на четвертой страницѣ листа. Какъ онъ ухитрялся, не понимаю, но дѣйствительно въ концѣ четвертой страницы листа оставалось всегда ровно столько мѣста, чтобъ умѣстить послѣднюю строчку разсказа. Собраніе этихъ повѣстушекъ вышло потомъ въ печати подъ названіемъ: „Два сорока былинокъ“. У Даля по четвергамъ часто встрѣчалъ я Сахарова, автора сказаній о русскомъ народѣ, человѣка грузнаго, молчаливаго, отъ котораго не много можно было чего-нибудь добиться; сочиненія его, какъ это часто, впрочемъ, бываетъ, оказались гораздо интереснѣе самого автора. У Даля познакомился я также съ Е. П. Гребенкой и время отъ времени заѣзжалъ къ нему. Но уже въ то время домъ Гребенки начиналъ измѣнять характеру простодушной провинціальной простоты, которою, говорили, онъ прежде отличался. Самъ Гребенка продолжалъ быть, попрежнему, радушнымъ и привѣтливымъ, но хозяйка дома, наслышась отъ мужа о посѣщаемыхъ имъ литературныхъ салонахъ князя Одоевскаго и графа Соллогуба, выбивалась изъ силъ, желая устроить у себя нѣчто подобное. Разъ какъ-то зашелъ я утромъ; Гребенки не было дома; ко мнѣ навстрѣчу выслали его дочь, прелестную дѣвочку лѣтъ четырехъ; прежде чѣмъ я успѣлъ сказать ей что-нибудь, она уставила на меня хорошенькіе черные глазки и проговорила: „Мамаша въ бодоарѣ!“ Въ

будуарѣ! Мало того: потребовалось расписать этотъ будуаръ въ помпеянскомъ вкусѣ, какъ у Соллогуба, и это въ квартирѣ изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ! Заведены были пріемные дни; комнаты накуривались духами до одуренія. Литераторовъ собиралось не много; одинъ Кукольникъ являлся чаще другихъ по старой памяти. Общество состояло бо́льшею частью изъ военныхъ и франтовъ средней руки; между послѣдними самая видная роль принадлежала г. Спиглазову, бывшему артиллерійскому офицеру, открывшему папиросную фабрику. Г. Спиглазовъ одѣвался съ переслащенною изысканностью, занималъ постоянно самыя видныя мѣста и принималъ граціозныя, интересныя позы. Онъ до того занятъ былъ своею красотой и побѣдоносными свойствами, что, пожелавъ завладѣть сердцемъ знаменитой тогда примадонны Фрецолини, написалъ ей письменное объясненіе въ своихъ чувствахъ, прибавивъ въ концѣ: „Знайте, милостивая государыня, девизомъ моимъ всегда было: „Vouloir—c'est pouvoir!"

IX.

Повѣсть „Антонъ Горемыка". — Цензура. — Заступничество А. В. Никитенка.—Князь В. Ѳ. Одоевскій.—Салонъ графа М. Ю. Вельегорскаго.—Ѳ. И. Тютчевъ.—Графъ В. А. Соллогубъ.

Вторая моя повѣсть: „Антонъ Горемыка", написанная слѣдующимъ лѣтомъ и также въ деревнѣ, была гораздо удачнѣе первой. Успѣхъ ея объяснялся тѣмъ, что въ ней глубже затрогивалось горькое положеніе крестьянина подъ гнетомъ крѣпостного права, которое было тогда еще въ полной силѣ. У меня, къ тому же, было больше опытности, планъ былъ основательнѣе обдуманъ, съ простонароднымъ языкомъ и бытомъ я успѣлъ ближе познакомиться.

Повѣсть эта, тѣмъ не менѣе, стоила мнѣ такого же труда, если еще не больше, чѣмъ первая. Бывали не только часы, но дни, когда, при всемъ усиліи, я не могъ положительно написать строчки. Я приходилъ въ совершенное отчаяніе, искренно убѣжденный, что лишился способности писать. Такое состояніе знакомо болѣе или менѣе каждому писателю настолько же, насколько знакомо также то неожиданное нервное возбужденіе, когда пишется легко и свободно, безъ всякаго принужденія.

Послѣднее можно было бы назвать настроеніемъ, расположеніемъ, пожалуй, вдохновеніемъ, если бъ слова эти что-

нибудь опредѣляли. Какъ объяснить, въ самомъ дѣлѣ, таинственный процессъ, внезапно охватывающій человѣка во время его работы? Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что опытный писатель часто бьется, какъ рыба объ ледъ, въ безсиліи собрать мысли, въ безполезномъ стараніи набросать ихъ на бумагу, сочинить иногда складно самое незатѣйливое простое письмо, и вдругъ, безъ всякаго повода, безъ всякой видимой, внѣшней причины, къ тому же лицу возвращается вся бодрость духа, мысли проясняются, впечатлѣнія складываются въ живые образы, слова, которыя надо было высказать, напрашиваются какъ бы сами собою?

Поэма, романъ, повѣсть рѣдко выходятъ въ свѣтъ такими, какъ ихъ придумалъ авторъ въ первоначальномъ видѣ. Писателю съ призваніемъ какъ бы заранѣе дана программа того, что онъ *долженъ* исполнить, и, рядомъ съ этимъ, какъ бы тайно вложена въ него сила, заставляющая исполнить то, что ему предназначено; если произведеніе пишется въ періоды нервнаго возбужденія, эта внутренняя сила немедленно вступаетъ въ права свои; она часто отбрасываетъ то, что задумано было прежде, и въ результатѣ является неожиданно нѣчто новое, о чемъ не было помысла. Пробужденная творческая способность настолько могущественнѣе воли писателя, что во время ея прилива пишется точно подъ чью-то настоятельную диктовку, и все, что выходитъ тогда изъ-подъ пера, отмѣчается чѣмъ-то живымъ, образнымъ, наблюдательнымъ. Тактъ писателя въ томъ, чтобы при исправленіи рукописи умѣть сохранить въ ней эту свѣжесть и живость, выраженныя какъ бы помимо его воли.

Тѣ только произведенія изящной словесности цѣпятся высоко и долго переживаютъ вѣкъ, авторы которыхъ, по мѣрѣ своихъ силъ, старались „возвести ихъ въ перлъ созданія“, какъ выразился Гоголь. Литературные перлы достигаются не только силой избраннаго таланта, но также трудомъ неимовѣрнымъ, — такимъ трудомъ, передъ которымъ намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, остается только благоговѣйно склонить голову. Между рукописями Гоголя находятся три громадныя кипы бумаги большого формата: это—„Мертвыя души“, три раза переработанныя и переписанныя его рукою. А сколько еще исписано было другихъ листовъ и клочковъ бумаги!.. Возьмите повѣсть Лермонтова „Тамань“: въ ней не найдешь слова, которое можно

было бы выбросить или вставить; вся она отъ начала до конца звучитъ однимъ гармоническимъ аккордомъ; какой чудный языкъ, какъ легко, кажется, написано! Но загляните въ первую рукопись: она вся перемарана, полна вставокъ, отмѣтокъ на отдѣльныхъ бумажкахъ, наклеенныхъ облатками въ разныхъ мѣстахъ. Рукописи Пушкина обличаютъ такой же трудъ; Тургеневу и Толстому не легко также доставалась работа. Тургеневъ такъ выражался: „Когда я пишу, я всегда испытываю точно роды". Гёте не довѣрялъ первымъ порывамъ вдохновенія, не удовлетворялся въ своихъ произведеніяхъ первою редакціей и по нѣскольку разъ принимался за передѣлку, въ видахъ постепеннаго усовершенствованія написаннаго; въ пьесѣ „Гецъ фонъ-Берлихингенъ" онъ выбрасываетъ нѣсколько превосходныхъ сценъ потому только, что онѣ кажутся ему не соотвѣтствующими всему цѣлому; не разъ высказываетъ онъ мысль, что художникъ обнаруживаетъ себя въ *ограниченіи*, т. е. отбросѣ лишняго, и возможномъ сокращеніи въ пользу силы какъ выраженій, такъ и самого произведенія. Между французскими писателями можно привести въ примѣръ Мериме, Флобера, Бальзака. Бальзакъ,—на что ужъ, кажется, большой писатель!—мученически терзался недовѣріемъ къ своей работѣ; онъ до того исправлялъ первую корректуру, что приходилось набирать ее снова; при второй корректурѣ было то же самое; за нею слѣдовали третья, четвертая и т. д. Біографы Бальзака утверждаютъ, что многія его произведенія не приносили ему четвертой доли тѣхъ денегъ, во что̀ обходились ему корректуры. Если бы возможно было отвлеченное понятіе изобразить геометрически, этотъ послѣдній родъ литературы слѣдовало бы назвать *вертикальнымъ*, такъ какъ онъ проходитъ въ глубь силою своего внутренняго содержанія. Другой родъ литературы, представителемъ которой служитъ у французовъ Дюма, получилъ бы тогда названіе *горизонтальной*,—быстрой, мѣстами блестящей, но скользящей по поверхности.

Литераторы сороковыхъ годовъ имѣли, впрочемъ, полную возможность писать неторопливо, холить свою работу; бо̀льшая часть изъ нихъ состояла изъ людей болѣе или менѣе обезпеченныхъ. Вознагражденіе за литературный трудъ не было для нихъ вопросомъ жизни; оно прибавляло только къ существующимъ денежнымъ средствамъ. Къ этому слѣдуетъ также присоединить, что условія

жизни были другія; замѣтно было меньше стремленія къ комфорту, къ удобствамъ, несмотря на то, что къ тому и другому пріучали съ дѣтства домашняя обстановка и воспитаніе. Постепенно распространяющаяся дѣятельность печати, возникновеніе съ той поры множества журналовъ, ежедневныхъ газетъ, срочныхъ изданій всякаго рода, по необходимости вызвали потребность въ спѣшной работѣ. Мало-по-малу образовался обширный классъ литературныхъ дѣятелей, для которыхъ литература служила уже единственнымъ средствомъ существованія; волей-неволей надо было покоряться новымъ требованіямъ, пріучиться къ быстрой работѣ. Противъ такихъ тружениковъ грѣшно быть взыскательнымъ; не думаю, чтобы нашелся между ними хоть одинъ, которому вынужденная лихорадочная работа была по сердцу; она необходима для удовлетворенія иногда суровымъ требованіямъ семейной жизни.

Но все это мимоходомъ, и я прошу извинить меня за длинное отступленіе. Возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

Въ то время, какъ писалась вторая повѣсть, я узналъ изъ писемъ объ исторіи Петрашевскаго и горькой судьбѣ Достоевскаго и Плещеева.

Повѣсть мою предназначалъ я для „Современника“; передъ отъѣздомъ моимъ въ деревню и потомъ письменно Некрасовъ настойчиво выражалъ желаніе, чтобы я печаталъ ее у него въ журналѣ. Меня, главнымъ образомъ, привлекала къ „Современнику“ группа лицъ, составлявшихъ тогда его редакцію; тутъ были: Тургеневъ, Дружининъ, Гончаровъ, Боткинъ, Панаевъ.

Съ повѣстью „Антонъ Горемыка“ произошелъ казусъ, который сразу было подкосилъ меня на корню. Некрасову и Панаеву она очень понравилась, но не понравилась цензурѣ, которая остановила ея печатаніе; она нашла, что бѣдственное состояніе крестьянина представлено въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Къ счастью моему, близкимъ лицомъ къ „Современнику“ былъ А. В. Никитенко, имѣвшій сильный голосъ въ цензурномъ комитетѣ. Онъ горячо взялся за спасеніе погибающаго. Удивляюсь, какъ въ своихъ воспоминаніяхъ забылъ онъ упомянуть объ этомъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ объ его готовности выручать изъ бѣды литераторовъ. Хлопоты его привели къ тому, что повѣсть рѣшились пропустить, но подъ не-

премѣннымъ условіемъ выбросить изъ нея послѣднюю главу. Она кончалась у меня тѣмъ, что крестьяне, доведенные до крайности злоупотребленіями управляющаго, зажигаютъ его домъ и бросаютъ его въ огонь. А. В. Никитенко, не сказавъ никому ни слова, сочинилъ конецъ, въ которомъ управляющій остается неприкосновеннымъ, а возмутившіеся крестьяне, передъ тѣмъ, чтобы быть отправленными на поселеніе, каются въ своихъ дѣйствіяхъ и просятъ у міра прощенія.

Благодаря этому, повѣсть, за мелкими цензурными вымарками, благополучно вышла въ печати.

Съ этого времени кругъ моихъ знакомыхъ какъ между литераторами, такъ и въ свѣтскомъ обществѣ значительно расширился.

Въ числѣ новыхъ знакомыхъ не могу не упомянуть князя Вл. Ѳед. Одоевскаго. Его любовь къ литературѣ, его привѣтливое, ровное обращеніе со всѣми, безъ различія ихъ званія и общественнаго положенія, собирали на его вечера все, что сколько-нибудь выдвигалось въ наукѣ и литературѣ. Сюда являлись также дамы и мужчины большого свѣта, привлекаемые не столько любознательностью, сколько любопытствомъ и оригинальностью провести вечеръ въ кругу лицъ, имена которыхъ знакомы были имъ по слуху и отличавшихся болѣе или менѣе своеобразнымъ жаргономъ и манерами. Собранія этого рода были тогда новостью. Мысль князя Одоевскаго соединить, слить свѣтское общество съ обществомъ литераторовъ и ученыхъ рѣдко удавалась. Свѣтскія дамы, обезкураженныя первыми попытками сближенія, оставались охотнѣе при своихъ кавалерахъ; большая часть литераторовъ и ученыхъ, робко косясь въ ихъ сторону, старалась незамѣтно юркнуть мимо, въ кабинетъ хозяина дома, и только тамъ, въ дыму сигаръ и неумолкаемаго говора, чувствовала себя въ своей сферѣ.

Кн. Вл. Ѳед. Одоевскій, — человѣкъ съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ и, кромѣ того, многосторонним образованіемъ, — отличался, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтскою наивностью,—чертою, надъ которой многіе смѣялись, но въ глазахъ другихъ располагавшею къ нему еще симпатичнѣе. Часто самое ничтожное явленіе принимало въ его умѣ многознаменательное значеніе и давало поводъ къ сложнымъ выводамъ и неожиданнымъ заключеніямъ. Разъ при мнѣ зашла рѣчь о только-что появившихся въ

Петербургѣ общественныхъ каретахъ. Кн. Вл. Ѳед. Одоевскій нашелъ такое нововведеніе не только полезнымъ для петербургскихъ жителей, но утверждалъ, что съ распространеніемъ его по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ Россіи оно будетъ имѣть важное значеніе для всего русскаго народа; задумчиво наклонивъ голову и таинственно понизивъ голосъ по своему обыкновенію, онъ приводилъ такой аргументъ, что дилижансы, отправляющіеся въ извѣстный часъ, пріучатъ мало-по-малу русскаго человѣка разсчитывать время, чего прежде онъ не дѣлалъ по своей безпечности.

Способность все усложнять отражалась даже въ устройствѣ его квартиры: посерединѣ большой гостиной Румянцевскаго музеума, когда онъ былъ тамъ директоромъ, помѣщался рояль; къ нему съ одного боку приставлялись ширмы, оборотная ихъ сторона прислонялась къ дивану, обставленному столиками и стуликами разнаго фасона; одинъ бокъ дивана замыкался высокою жардиньеркой; нѣсколько дальше помѣщался большой круглый столъ, покрытый ковромъ и окруженный креслами и стульями. Отъ входной двери шли опять ширмы, отдѣлявшія уголъ съ диваномъ, этажерками и полочками по стѣнамъ. Гостиная представляла совершенный лабиринтъ; пройти по прямой линіи изъ одного конца въ другой не было никакой возможности; надобно было проходить зигзагами и дѣлать неожиданные повороты, чтобы достигнуть выходной двери.

Любовь къ наукѣ и литературѣ дополнялась у кн. Одоевскаго любовью къ музыкѣ; но и здѣсь его преимущественно занимали усложненія, трудности контрапункта, изученіе древнихъ классическихъ композиторовъ. Владѣя небольшимъ состояніемъ, онъ израсходовалъ значительную сумму денегъ на постройку громаднаго органа, спеціально предназначеннаго для исполненія фугъ Себастіана Баха, отчего и дано было ему названіе „Себастіанòнъ“. Лонгиновъ, всюду поспѣвавшій и вездѣ находившій поводъ къ глумленію, не замедлилъ перекрестить Себастіанонъ въ „Савоську“. Особенною сложностью отличалось также у кн. Одоевскаго кулинарное искусство, которымъ онъ, между прочимъ, гордился. Ничего не подавалось въ простомъ, натуральномъ видѣ. Требовались ли печеныя яблоки, они прежде выставлялись на морозъ, потомъ въ пылающую печь, потомъ опять морозились и уже подавались вто-

рично вынутыя изъ печки; говядина прошпиговывалась всегда какими-то спеціями, отымавшими у нея естественный вкусъ; подливки и соусы приправлялись ѣдкими эссенціями, отъ которыхъ духъ захватывало. Случалось нѣкоторымъ изъ гостей, особенно близкимъ хозяину дома, выражать свое неудовольствіе юмористическими замѣчаніями; кн. Одоевскій выслушивалъ нападки, кротко улыбаясь и таинственно наклоняя голову. Другъ кн. Одоевскаго, Соболевскій, человѣкъ замѣчательнаго остроумія, написалъ на него стихотвореніе, которое я здѣсь выписываю; оно превосходно обрисовываетъ одну изъ сторонъ характера кн. Одоевскаго:

„Случилось разъ, во время оно,
Что съ дерева упалъ комаръ,
И вотъ ужъ въ комитетъ ученый
Тебя зовутъ, князь Вольдемаръ.
Услышавъ этотъ дивный казусъ,
Зарывшись въ книгахъ, ты открылъ,
Что въ Ротердамѣ жилъ Эразмусъ,
Который въ парикѣ ходилъ.
Одушевясь такимъ примѣромъ,
Ты тотчасъ самъ надѣлъ парикъ
И, съ свойственнымъ тебѣ манеромъ,
Главой таинственно поникъ.
„Хотя въ извѣстномъ отношеньи,—
Такъ началъ ты,—комаръ есть тварь,
Но въ музыкальномъ разсужденьи
Комаръ есть, въ сущности, звонарь...
И если онъ, паденьемъ въ полѣ
Не причинилъ себѣ вреда,—
Предать сей казусъ Божьей волѣ
И тварь избавить отъ суда!“

„On n'est jamais trahi que par les siens“, — говоритъ французская пословица, которую можно перевести такъ: „друзья на то и существуютъ, чтобы выдавать друзей своихъ“.

Въ тогдашнее время въ великосвѣтскомъ обществѣ существовалъ еще другой домъ, въ которомъ точно такъ же собирались лица большого свѣта и артисты; это былъ домъ графовъ Вельегорскихъ. Ихъ было два брата; одинъ, превосходно игравшій на віолончели, занималъ какую-то дѣйствительную должность при дворѣ и рѣдко показывался; второй, графъ Михаилъ Юрьевичъ, игралъ на фортепіано и сочинялъ романсы. Ему было тогда подъ шестьдесятъ. Тонкія черты, сохранившіяся, несмотря на ожирѣніе лица, съ перваго взгляда приводили на память портретъ знаменитаго композитора Россини; сходству

прибавлялъ завитой, нѣсколько встрепанный паричекъ, постоянно косившій въ ту или другую сторону; жирный двойной подбородокъ глубоко уходилъ въ галстукъ, обмотанный нѣсколько разъ вокругъ шеи и принимавшій издали видъ жабо. Онъ былъ средняго роста, тученъ, держался прямо, выступалъ плавно, сильно напиралъ въ разговорѣ на букву *р* и своею утонченною вѣжливостью, своею манерой напоминалъ французскихъ маркизовъ прошлаго столѣтія. Также, какъ кн. Одоевскій, онъ не дѣлалъ никакого отличія между лицами, посѣщавшими его гостиную; первый сановникъ и бѣдный піанистъ встрѣчались имъ совершенно одинаково. Музыкальный элементъ и преимущественно иностранный преобладалъ въ его домѣ. Онъ получалъ даже отъ министерства двора извѣстную сумму для покровительства и поддержки иностранныхъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ. Въ его гостиной, разъ въ недѣлю, въ назначенный день, можно было встрѣтить всѣхъ знаменитыхъ пѣвцовъ, композиторовъ, актеровъ и также свѣтскихъ и придворныхъ дамъ. Разговоръ происходилъ почти исключительно на французскомъ языкѣ. Постояннымъ посѣтителемъ этихъ вечеровъ былъ извѣстный поэтъ Ѳ. И. Тютчевъ, прославившійся также ѣдкостью своего остроумія. Можно было бы составить цѣлый томъ изъ того, что̀ сказано было Тютчевымъ, и томъ этотъ могъ бы съ успѣхомъ занять мѣсто между сочиненіями извѣстныхъ остроумцевъ прошлаго столѣтія, Шамфора и Ривароля. Но мы вообще мало дорожимъ своимъ добромъ, ничего почти не собираемъ и не приберегаемъ, и часто у насъ зря пропадаетъ то, что служитъ богатымъ вкладомъ въ иностранной литературѣ.

Запѣвалой на вечерахъ гр. Вельегорскаго былъ графъ Фредро, племянникъ польскаго драматическаго писателя,— натура въ высшей степени даровитая, артистическая, изобрѣтательная, подвижная; онъ здѣсь, какъ и вездѣ, куда ни являлся, сообщалъ веселость своими bons-mots, экспромптами, мастерствомъ разсказывать забавные анекдоты. Если бъ гр. Фредро можно было разложить химически, разлить его выжимку въ склянки и дать выпить одну десяти французамъ, другую десяти англичанамъ, каждый изъ пихъ непремѣнно бы заявилъ себя чѣмъ-нибудь въ томъ или другомъ родѣ; изъ гр. Фредро ничего не вышло: онъ умеръ въ глубокой бѣдности, не оставивъ слѣда своего существованія.

Другимъ запѣвалой въ домѣ гр. М. Ю. былъ его зять, графъ В. А. Соллогубъ, знакомый всѣмъ литераторъ, также замѣчательно одаренный, но также, сравнительно съ его блестящими способностями, меньше сдѣлавшій, чѣмъ бы слѣдовало ожидать. Гр. Соллогуба не долюбливали въ кругу литераторовъ; виной былъ его характеръ, отличавшійся крайнею неровностью въ обращеніи: сегодня — за панибрата, завтра — какъ бы вдругъ не узнаетъ и едва протягиваетъ руку. Къ нему можно было бы относиться снисходительнѣе за его горячую любовь къ отечественной литературѣ. Въ домѣ тестя онъ былъ полезенъ уже тѣмъ, что вносилъ туда русскій духъ, русскую рѣчь и интересъ къ русской литературѣ,—интересъ часто отсутствовавшій, благодаря наплыву иностранцевъ. Стоило явиться молодому даровитому писателю, гр. Соллогубъ не давалъ ему покоя, пока не приведетъ его въ гостиную гр. Вельегорскаго; явится ли новое выдающееся произведеніе, гр. Соллогубъ спѣшилъ познакомить съ нимъ общество и съ этою цѣлью собиралъ у тестя избранный кружокъ слушателей. Чтецъ онъ былъ превосходный: рѣдкій авторъ, читая свое произведеніе, могъ выразить всѣ тонкости, подчеркнуть съ такимъ искусствомъ счастливыя мѣста и мысли, какъ дѣлалъ это гр. Соллогубъ. Такимъ образомъ читалъ онъ, между прочимъ, комедію Островскаго „Банкротъ“ („Свои люди—сочтемся“) до появленія ея въ печати.

Домашняя обстановка у гр. Вельегорскихъ была не такъ затѣйлива, скромнѣе, чѣмъ у кн. Одоевскаго, даромъ что первые были значительно богаче. Вечеромъ къ ужину часто подавался початой окорокъ или ребифъ, простой медокъ и жареный картофель съ лукомъ. Но въ то время даже въ высшемъ свѣтѣ не было той взыскательности, какая существуетъ теперь, благодаря случайному богатству и тщеславію лицъ, случайно также сдѣлавшихся членами высшаго общества; простоту обстановки не думали осуждать; напротивъ, съ нею исчезала натянутость, всѣмъ было какъ-то легче и веселѣе.

X.

И. А. Гончаровъ.—Семейство Майковыхъ.—Ужинъ въ Москвѣ у П. Ф. Павлова.—П. П. Огаревъ.—В. П. Боткинъ.—Редакція „Современника“ и редакція „Отечественныхъ Записокъ“. — А. А. Фетъ.—А. А. Краевскій.

Въ кругу литераторовъ, составлявшихъ редакцію „Современника“, я скорѣе всего сошелся съ В. П. Боткин-

нымъ и А. В. Дружининымъ, только что напечатавшимъ повѣсть „Полинька Саксъ“. Съ И. А. Гончаровымъ я познакомился нѣсколько раньше у Майковыхъ. Гончаровъ считался у Майковыхъ „своимъ“; ихъ связь была давнишняя; она началась еще въ тридцатыхъ годахъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ и поступивъ на службу въ таможенное вѣдомство, Гончаровъ и не подозрѣвалъ въ себѣ будущаго писателя. Скромность мнѣнія о себѣ доказывается тѣмъ, что рукопись перваго его романа „Обыкновенная исторія“ пролежала у пріятеля Панаева, М. А. Языкова, болѣе года, не вызвавъ никакого протеста со стороны автора.

Послѣ того, какъ „Обыкновенная исторія“ была напечатана, съ Гончаровымъ произошло то же превращеніе, какъ съ Достоевскимъ послѣ выхода въ свѣтъ „Бѣдныхъ людей“. Неожиданность успѣха, похвалы Бѣлинскаго вскружили ему голову. Но Гончаровъ былъ едва ли не на десять лѣтъ старше Достоевскаго; онъ успѣлъ обжиться между людьми, научился управлять своими чувствами настолько, чтобы скрывать развившееся болѣзненное самолюбіе; этому отчасти помогала также холодность его темперамента. На видъ онъ продолжалъ казаться скромнымъ, говорилъ мягко и вкрадчиво. Въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ мы его знали, никто изъ насъ никогда не слыхалъ отъ него похвалы чужому произведенію; когда въ его присутствіи хвалили что-нибудь явившееся въ литературѣ, онъ обыкновенно отмалчивался. По мѣрѣ того, какъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ Тургенева имя его пріобрѣтало больше извѣстности, Гончаровъ сталъ явно ему недоброжелательствовать и отъ него отдаляться.

Его исторія съ авторомъ „Записокъ охотника“ лучше всего доказываетъ, въ какой степени успѣхи Тургенева тревожили Гончарова.

Разъ, — кажется, у Майковыхъ, — разсказывалъ онъ содержаніе новаго предполагаемаго романа, въ которомъ героиня должна была удалиться въ монастырь; много лѣтъ спустя вышелъ романъ Тургенева „Дворянское гнѣздо“; главное женское лицо въ немъ также удалялось въ монастырь. Гончаровъ поднялъ цѣлую бурю и прямо обвинилъ Тургенева въ плагіатѣ, въ присвоеніи чужой мысли, предполагая, вѣроятно, что мысль эта, драгоцѣнная по своей новизнѣ, могла явиться только ему, а у Тургенева недостало бы настолько таланта и воображенія,

чтобы дойти до ноля. Дѣло приняло такой оборотъ, что пришлось назначить третейскій судъ, составленный изъ Никитенка, Анненкова и третьяго лица,—не помню кого. Ничего изъ этого, конечно, не вышло, кромѣ смѣху; но съ тѣхъ поръ Гончаровъ пересталъ не только видѣться, но и кланяться съ Тургеневымъ.

Во всей русской литературѣ не найдется человѣка счастливѣе Гончарова. Бранью осыпали Пушкина и Гоголя; въ шестидесятыхъ годахъ вошло въ моду поносить Тургенева, и какъ еще! Съ легкой руки Бѣлинскаго, Гончаровъ во всю свою жизнь слышалъ однѣ только похвалы. Избалованный критикою и опасаясь, вѣроятно, чтобъ на будущее время она не принялась толковать по-своему его произведенія, онъ подъ конецъ самъ взялся объяснять ихъ значеніе. Обломову онъ придалъ тотъ смыслъ, что въ немъ хотѣлъ изобразить тяжеловѣсную сонливость русской натуры и недостатокъ въ ней внутренняго подъема. Задача характера Обломова цѣликомъ, между тѣмъ, выражена въ лицѣ помѣщика Тентетникова во второй части „Мертвыхъ душъ“; не будь Тентетникова, не было бы, можетъ-быть, и Обломова. Въ безусловномъ поклоненіи произведеніямъ Гончарова скрывается доля какого-то непонятнаго лицемѣрія, — боязнь смѣло высказать свое мнѣніе. Сколько разъ случалось мнѣ говорить съ приверженцами Гончарова и просить ихъ откровенно сказать, много ли разъ перечитывали они отъ начала до конца „Обыкновенную исторію“ и „Обрывъ“; бо̀льшая часть признавалась, что ни разу не перечитывала этихъ романовъ; другіе признавались, что начинали перечитывать, но показалось какъ будто что-то скучновато... Въ результатѣ, изо всего написаннаго Гончаровымъ остается „Сонъ Обломова“—дѣйствительно прекрасное литературное произведеніе; но развѣ въ сочиненіяхъ Толстого и Тургенева не найдется произведеній настолько же прекрасныхъ въ литературномъ и художественномъ отношеніи?

Лѣтъ за десять до своей кончины Гончаровъ, какъ будто чѣмъ-то обиженный и недовольный отношеніемъ со стороны литературныхъ товарищей, сталъ отъ нихъ отдаляться; къ нему также замѣтно охладѣли; въ послѣдніе годы онъ пересталъ даже посѣщать старинныхъ своихъ друзей Майковыхъ и окончательно замкнулся.

Въ семействѣ Майковыхъ я не засталъ уже въ жи-

выхъ сына Валерьяна Николаевича, пристроившаго съ такою готовностью первую мою повѣсть; другой сынъ, Аполлонъ Николаевичъ, вернувшійся изъ путешествія по Италіи, пользовался уже большою извѣстностью, какъ поэтъ; третій сынъ, Леонидъ Николаевичъ, теперешній академикъ, только что надѣлъ тогда гимназическую форму.

Рѣдко можно было встрѣтить болѣе патріархальное семейство. Отецъ Ник. Апол. принадлежалъ къ числу людей, о которыхъ говорятъ: „не отъ міра сего“, но только въ лучшемъ смыслѣ. Какъ теперь вижу его прекрасное старческое лицо, съ падающими вдоль щекъ длинными посѣдѣвшими волосами, перевязанными на лбу ниткой, чтобъ они не мѣшали ему работать; день свой проводилъ онъ въ мастерской передъ мольбертомъ съ кистью въ рукѣ: письмо его отличалось мягкостью и колоритомъ, напоминавшимъ старыхъ венеціанскихъ мастеровъ. Лучшими его произведеніями можно считать плафоны въ домѣ княгини Юсуповой. Умъ и артистическія наклонности матери семейства, Евг. Ник., много способствовали къ передачѣ дѣтямъ эстетическаго чувства и любви къ литературнымъ занятіямъ. Въ то время, какъ я сталъ бывать у Майковыхъ, вся семья отъ мала до велика находилась подъ обаяніемъ итальянской оперы, только что открывшей свои представленія. И точно, было чѣмъ увлечься. Труппу составляли такіе великіе артисты, какъ Жулія Борзи, г-жи Віардо, Рубини, Лаблашъ, Тамбурини и другіе пѣвцы и пѣвицы съ менѣе громкими именами, но также весьма хорошіе. Но музыка шла своимъ чередомъ, литература— своимъ; разъ въ недѣлю, вечеромъ, въ небольшой, но изящно убранной гостиной Майковыхъ можно было всегда встрѣтить тогдашнихъ корифеевъ литературы; многіе являлись съ рукописями и читали свои произведенія. Вечеръ кончался ужиномъ, приправленнымъ интересною одушевленною бесѣдой.

Зиму 1847 года провелъ я въ Петербургѣ и написалъ для „Современника“ разсказъ „Бобыль“. Трудность, съ какою достался мнѣ этотъ небольшой разсказъ, убѣдила меня, насколько уже деревенская тишина и спокойствіе домашней жизни успѣли избаловать меня; баловство это сдѣлалось современемъ такою необходимостью, что, несмотря на всѣ мои старанія и опытъ, я никогда уже не могъ потомъ страницы написать въ Петербургѣ.

Проѣздомъ черезъ Москву я отправился съ письмомъ

отъ Даля къ М. П. Погодину и у него встрѣтился съ П. Ф. Павловымъ, который настоятельно потребовалъ, чтобъ я навѣстилъ его.

П. Ф. Павловъ, начавшій свое поприще чуть ли не статистомъ въ балетѣ, написалъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, три повѣсти, надѣлавшія много шуму по ихъ содержанію и вслѣдствіе ихъ временнаго запрещенія. Въ него, говорили, влюбилась весьма экзальтированная барышня Янишъ и сама предложила ему руку и сердце; у нея была страсть писать стихи, но что было еще лучше для П. Ф. Павлова, она владѣла значительнымъ состояніемъ. Женившись, Павловъ сдѣлался членомъ англійскаго клуба, сталъ вести большую игру и зажилъ московскимъ бариномъ въ домѣ жены, на Рождественскомъ бульварѣ.

Меня представили хозяйкѣ дома, дамѣ высокаго роста, костлявой, съ лицомъ, напоминавшимъ скорѣе лицо энергическаго мужчины, чѣмъ женщины. Не прошло получаса послѣ обычныхъ любезностей, она уже читала мнѣ и двумъ-тремъ сидѣвшимъ тутъ лицамъ свои стихотворенія, отличавшіяся больше красивыми созвучіями словъ, чѣмъ поэтическимъ содержаніемъ. Читала она нараспѣвъ, сохраняя меланхолическую позу, но въ сильныхъ мѣстахъ неожиданно выпрямлялась и судорожно потряхивала головой. Она искренно была увѣрена, что возвышенныя, исключительно-даровитыя натуры, къ какимъ себя причисляла, не долговѣчны, и часто напоминала о скоромъ своемъ концѣ. Разсказывали, что Грановскій, которому надоѣло слушать такого рода сѣтованія, сказалъ ей однажды: „Каролина Карловна, когда же вы, наконецъ, умрете?“ Дня два спустя я приглашенъ былъ на вечеръ и остался ужинать. Къ ужину явилось еще нѣсколько новыхъ лицъ. Н. Ф. Павловъ, человѣкъ маленькаго роста, необыкновенно живой, сѣденькій, съ больными, постоянно моргавшими глазами, и каждую минуту подносившій къ носу щепотку табаку, знакомилъ меня съ каждымъ, не забывая при этомъ называть мои повѣсти и выхвалять ихъ не въ мѣру. Къ концу ужина хозяева предложили тостъ за мои дальнѣйшіе успѣхи; присутствующіе вторили хозяевамъ. Не ожидая такой овація и чрезвычайно ею польщенный, я не переставалъ чокаться и, самъ не замѣчая, осушалъ бокалъ за бокаломъ; кончилось тѣмъ, что у меня отъ непривычки къ такимъ угощеніямъ помутилось въ глазахъ, и я потерялъ сознаніе настолько, что не

помнилъ, какъ я вышелъ изъ гостепріимнаго дома и кто провожалъ меня. Случай этотъ былъ первый и единственный въ моей жизни.

Утромъ просыпаюсь въ незнакомой комнатѣ; лучъ солнца бьетъ изъ окна. Передо мною, на кровати, прислонившись спиною къ пирамидѣ подушекъ, сидитъ незнакомый господинъ съ мелко-курчавыми бѣлокурыми волосами и такою же бородой. Передъ нимъ, на гладко-выровненномъ одѣялѣ, большой подносъ, уснащенный котлетами и чайнымъ приборомъ.

— А! восклицаетъ онъ мягкимъ голосомъ,—вы проснулись, и хорошо сдѣлали... Вчера я и Боткинъ пріѣхали къ Павловымъ къ концу ужина, — вы были прекрасны, нечего сказать! Я захватилъ васъ оттуда и привезъ къ себѣ... Знаете ли, и Боткинъ здѣсь! — закончилъ онъ, указывая на сосѣднюю дверь.

Господинъ этотъ былъ не кто другой, какъ Николай Платоновичъ Огаревъ, извѣстный поэтъ и другъ Герцена.

Вскорѣ вошелъ Боткинъ, и я поѣхалъ къ нему завтракать.

При жизни отца В. П. Боткинъ пользовался болѣе чѣмъ скромнымъ помѣщеніемъ въ небольшой надворной пристройкѣ; онъ занималъ въ ней тѣсную комнатку внизу и другую надъ нею, служившую ему спальней. Утонченный сибаритъ и эпикуреецъ впослѣдствіи, долго не находившій сигаръ по вкусу, Боткинъ съ удовольствіемъ тянулъ тогда изъ коротенькаго чубука Жуковъ табакъ или „Жуковйну“, какъ говорили. Онъ провелъ меня черезъ дворъ въ большой домъ, куда собиралась вся многочисленная семья къ завтраку и обѣду.

Отца Боткина мнѣ случилось видѣть всего раза два, и то мелькомъ, и потому не могу сказать, оправдывалъ ли онъ репутацію семейнаго деспота. Наконецъ, это и не интересно. Бывая потомъ у Боткина, всякій разъ проѣздомъ изъ деревни, и уже послѣ кончины ихъ отца, я имѣлъ случай убѣдиться, что если въ домѣ былъ деспотъ, то это былъ самъ Василій Петровичъ Боткинъ. Однажды, за обѣдомъ, на которомъ, кромѣ меня, присутствовало нѣсколько университетскихъ пріятелей Боткина, одинъ изъ братьевъ ни съ того, ни съ сего вмѣшался въ разговоръ. „Вы глупы, Ваничка, глупы! Чего вы суетесь? Молчали бы лучше!“ проговорилъ В. П., обращаясь въ его сторону. Онъ пользовался въ семьѣ не только пра-

вами старшаго брата, но и руководителя въ воспитаніи остальныхъ членовъ семейства. Вся семья была ему дѣйствительно многимъ обязана. Умный, съ тонкимъ, развитымъ вкусомъ, много учившійся, много пережившій въ кругу образованныхъ и талантливыхъ людей, какъ Герценъ, Грановскій, Станкевичъ, Коршъ и друг., и онъ много способствовалъ развитію братьевъ, заставляя ихъ учиться, направляя въ разныя учебныя заведенія. Одного не могъ онъ сдѣлать: уравнять сколько-нибудь свой собственный характеръ; его неожиданные переходы отъ нѣжности къ рѣзкости, отъ умиленія къ безпричинному быстрому раздраженію поистинѣ были изумительны. Онъ, напримѣръ, искренно былъ привязанъ къ Панаеву и любилъ его, а, между тѣмъ, на каждомъ шагу казнилъ его. „Ты, Ваня, милый, милый...“—говорилъ онъ, нѣжно гладя его ладонью по плечу, и вдругъ, точно вспомнивъ о чемъ-то, отходилъ и подхватывалъ съ озлобленнымъ шипѣньемъ въ голосѣ: — „но ты, братъ, и Некрасовъ — оба вы невѣжды, ничему не учились, ничего вы не знаете... Но тебя я люблю; у тебя, Ваня, доброе сердце, ты милый, милый, я люблю тебя!“ и снова голосъ переполнялся елеемъ и начиналось нѣжное ласканье по плечу.

Увидавъ разъ на столѣ Панаева раскрытый томъ какого-то древняго классика, переведеннаго на французскій языкъ, Боткинъ пришелъ въ восхищеніе и началъ обнимать его, но не прошло минуты, онъ вдругъ зашипѣлъ и началъ браниться, увѣрялъ, что томъ этотъ положенъ тутъ вовсе не ради любознательности, а только для виду, изъ одного хвастовства.

Ко всѣмъ этимъ выходкамъ такъ ужъ всѣ привыкли, что никто не думалъ обижаться; всѣ только смѣялись.

Недаромъ Тургеневъ прозвалъ Боткина „Анчаромъ“; не помню всей эпиграммы, помню только послѣднія строчки:

. . . . . .

„Къ нему читатель не спѣшитъ,
И журналистъ его боится,
Одинъ Панаевъ набѣжитъ
И, корчась въ мукахъ, далѣ мчится...“

Но къ Боткину я не разъ еще возвращусь.

Поселившись въ деревнѣ, я одну за другою написалъ нѣсколько повѣстей для „Современника“, „Москвитянина“ и „Библіотеки для Чтенія“, уже подъ редакціей Дружинина. Ближайшія мои связи были, все-таки, съ „Совре-

менникомъ", благодаря старому знакомству съ Некрасовымъ, симпатіи къ Панаеву и другимъ лицамъ кружка, о которыхъ я упоминалъ прежде. Всѣ мы были почти однихъ лѣтъ, интересовались однимъ и тѣмъ же предметомъ. Рѣдкій день не сходились мы въ редакціи, помѣщавшейся тогда на Невскомъ, наискосокъ отъ Надеждинской, какъ разъ противъ деревяннаго надворнаго дома, въ которомъ жилъ Булгаринъ.

Главный недостатокъ редакціи состоялъ въ томъ, что не было у нея настоящаго главы, настоящаго руководителя. Некрасовъ былъ, безспорно, умнѣе всѣхъ насъ въ практическомъ отношеніи, но этого было еще не достаточно; ему недоставало образованія настолько, чтобы вести какъ слѣдуетъ такое предпріятіе. Онъ не зналъ ни одного иностраннаго языка и не былъ вовсе знакомъ съ иностранною литературой. Панаевъ также не пользовался авторитетомъ; онъ, кромѣ того, былъ слишкомъ мягкаго, уступчиваго нрава, легко поддававшагося всякому вліянію; Тургеневъ жилъ за границей или въ деревнѣ и наѣзжалъ случайно; о Воткинѣ думать было нечего, онъ всегда тщательно избѣгалъ всякой отвѣтственности и уже по одному эгоизму не взялъ бы на себя такой роли. Дружининъ сдѣлался редакторомъ „Библіотеки для Чтенія", взявъ себѣ въ помощники молодого литератора-поэта, П. И. Вейнберга. „Современникъ", можно сказать, держался своимъ первоначальнымъ успѣхомъ и товарищескими отношеніями между редакторами и сотрудниками. Чтобы окончательно прикрѣпить послѣднихъ къ „Современнику", практическій умъ Некрасова придумалъ слѣдующее: со многими изъ насъ,—въ томъ числѣ и со мною,—заключено было нотаріальное условіе, въ силу котораго постоянные сотрудники получали, сверхъ заработной платы, извѣстный процентъ съ каждаго напечатаннаго ими листа.

Когда въ зимнее время случалось персоналу редакціи сходиться вмѣстѣ и всѣ болѣе или менѣе чувствовали себя въ хорошемъ настроеніи, происходило нѣчто такое, чего мнѣ ни на какой литературной сходкѣ, ни въ какомъ собраніи не приводилось потомъ видѣть. Неровности характера и мелкія временныя несогласія какъ бы оставались при входѣ вмѣстѣ съ шубами. Къ серьезнымъ литературнымъ преніямъ присоединялись острыя замѣчанія, читались юмористическія стихотворенія и пародіи, разсказывались забавные анекдоты; хохотъ шелъ неумол-

каемый. Когда Тургеневъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, невозможно было найти болѣе веселаго, остроумнаго собесѣдника. Разъ, посреди оживленнаго разговора, Панаевъ, который въ это время ухаживалъ за какою-то важною кокоткой, но пока не могъ еще добиться взаимности, сдѣлался неожиданно молчаливымъ и впалъ въ глубокую задумчивость; замѣтивъ это, Тургеневъ далъ знакъ молчанія, указалъ глазами на Панаева и, обратясь къ нему, продекламировалъ меланхолическимъ тономъ:

„Ты любишь, русскій, ты любимъ,
Понятны мнѣ твои страданья..."

Взрывъ хохота прервалъ его. Панаевъ, какъ умный человѣкъ, не обидѣлся и смѣялся вмѣстѣ съ нами.

Редакція „Отечественныхъ Записокъ" имѣла совсѣмъ другой характеръ. Между сотрудниками не существовало товарищеской связи; многіе изъ нихъ не были даже между собой знакомы. Сюда нельзя было приходить, когда вздумается, собираться и проводить время въ праздныхъ бесѣдахъ; сотрудники являлись каждый отдѣльно, только по дѣлу и въ извѣстные часы. Вечера, имѣвшіе цѣлью сближеніе сотрудниковъ, начались у А. А. Краевскаго нѣсколько позже. На эти вечера, — для ихъ оживленія, вѣроятно,—приглашались дамы, принадлежавшія къ артистическому кругу и бо̀льшею частью все однѣ и тѣ же. Положеніе этихъ дамъ было весьма не завидно; онѣ усаживались обыкновенно въ залѣ на диванѣ у входной двери, въ надеждѣ провести нѣсколько часовъ въ интересной бесѣдѣ съ литераторами, но послѣднее никогда почти не удавалось. Литераторы входили, торопливо какъ-то, въ бокъ, раскланивались и стремительно шмыгали въ кабинетъ редактора, помѣщавшійся въ глубинѣ залы; изъ растворенной двери кабинета вырывался къ потолку клубъ табачнаго дыма, проносился громкій говоръ, дверь захлопывалась, и дамы оставались однѣ.

Женское общество имѣло всегда свойство привлекать меня; я познакомился съ дамами Краевскаго и, прежде чѣмъ пройти къ нему въ кабинетъ, всегда къ нимъ подсаживался.

Разъ сидимъ мы, входная дверь растворяется и пропускаетъ величественную фигуру кирасира; шагнувъ впередъ, онъ торопливо со мною поздоровался, брякнулъ шпорами, сдѣлалъ поклонъ дамамъ и, выгнувъ молодецки спину, быстро направился въ кабинетъ.

— Кто это? спросила меня хорошенькая моя сосѣдка г-жа Л.

— Это Фетъ?

— Кто такой Фетъ?

— Извѣстный нашъ поэтъ.

— Въ какомъ родѣ? продолжала разспрашивать любознательная дама.

— Какъ бы вамъ объяснить? Въ самомъ тонкомъ, неуловимо-поэтическомъ родѣ...

— Это какъ Вальтеръ-Скоттъ?

— Да, приблизительно, отвѣчалъ я, поглядывая на двухъ другихъ дамъ, которыя едва удерживались отъ смѣху.

Съ А. А. Краевскимъ я познакомился въ 1846 году; съ тѣхъ поръ я не прерывалъ съ нимъ знакомства до года его кончины; знакомство наше продолжалось, сталобыть, болѣе сорока лѣтъ. Въ теченіе этого долгаго періода времени я никогда не могъ объяснить себѣ въ точности, на чемъ собственно основывалась къ нему ненависть Панаева и лицъ, ему близкихъ. Недоброжелательство Некрасова имѣло причиной соперничество, не больше, было отраженіемъ того, что̀ чувствовали лица его лагеря. Тутъ, безъ сомнѣнія, замѣшивались личныя домашнія причины, которыя были мнѣ неизвѣстны.

Въ тѣхъ слухахъ, которые распространяли въ извѣстномъ кружкѣ насчетъ Краевскаго, было много пристрастнаго и преувеличеннаго. Главнымъ обвинительнымъ пунктомъ выставлялось всегда то, что Краевскій былъ угнетателемъ, эксплуататоромъ Бѣлинскаго. Если считать угнетеніемъ, что Краевскій выдавалъ Бѣлинскому въ годъ только шесть тысячъ и не больше, обвиненіе падаетъ само собою. Во-первыхъ, шесть тысячъ въ то время имѣли такое же значеніе, какъ теперь двѣнадцать; говорили, что Краевскій не въ состояніи былъ понимать Бѣлинскаго,— и это несправедливо. Надо было высоко цѣнить его сотрудничество, чтобы стараться, какъ старался Краевскій, пригласить его въ свой журналъ и платить шесть тысячъ въ такое время, когда самъ Краевскій не успѣлъ еще выпутаться изъ долговъ и принужденъ былъ ежемѣсячно выпускать толстый томъ „Отечественныхъ Записокъ“, въ которыхъ каждый листъ оплачивался сотрудникамъ. Разладъ Бѣлинскаго съ Краевскимъ произошелъ вовсе не изъ-за шести тысячъ; этому помогли друзья, возбуждавшіе

его противъ Краевскаго и желавшіе переманить его на свою сторону.

Говоря по совѣсти, въ обращеніи Краевскаго мало было привлекательнаго: то, что называется привѣтливостью, у него вполнѣ отсутствовало; говорилъ онъ мало, отрывисто, не любилъ праздныхъ словъ, прямо, безъ обиняковъ, безъ любезностей приступалъ къ дѣлу,—словомъ, не обладалъ качествами, располагающими съ перваго взгляда къ человѣку. За этою нѣсколько бирюковатою внѣшностью скрывалось, однакожъ, очень доброе сердце. Краевскаго прославили кремнемъ, скаредомъ, жаднымъ къ деньгамъ; но развѣ тѣ, которые ставили это ему въ вину, сами считали деньги презрѣннымъ металломъ и отъ нихъ когда-нибудь отказывались? Краевскій, какъ всѣ люди, достигшіе благосостоянія трудомъ, зналъ цѣну деньгамъ и не бросалъ ихъ, но отъ этого далеко еще до жадности и скаредничества. Я знаю за нимъ не мало добрыхъ дѣлъ; знаю лицъ, которыя распускали про него самыя гнусныя клеветы и, въ то же время, не стыдились прибѣгать къ нему. Обращаюсь къ совѣсти тѣхъ изъ нихъ, которые еще живы: часто ли случалось уходить имъ отъ Краевскаго съ пустыми руками?

XI.

Романъ „Проселочныя дороги“.—Новыя цензурныя затрудненія.—Мои сосѣди по деревнѣ: С. П. Мосоловъ и семейство графа N.—Романъ „Рыбаки“ и дальнѣйшія литературныя работы.

Съ каждымъ годомъ я болѣе и болѣе привязывался къ своему углу въ деревнѣ. Когда работа завлекала и затягивалась, нерѣдко случалось мнѣ проводить въ немъ часть зимы, иногда — цѣлую зиму. Многое поэтому изъ того, что совершалось въ эти періоды времени въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, было мнѣ неизвѣстно или доходило до меня частью изъ писемъ, частью по слухамъ; упоминать объ этомъ значило бы повторять то, что было сказано въ воспоминаніяхъ другихъ лицъ, и разсказывать о томъ, чему я лично не былъ свидѣтелемъ.

. . . . . .

Мнѣ давно хотѣлось попробовать свои силы въ работѣ большаго размѣра. Я набросалъ планъ пространнаго романа изъ провинціальнаго быта, сообщилъ объ этомъ письменно Краевскому и вскорѣ получилъ отвѣтъ съ

просьбой помѣстить романъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, на что я охотно согласился.

Писать вторую часть романа въ то время, какъ печатается первая часть, было для меня невозможно; одна мысль объ этомъ парализировала мои способности, лишала меня той энергіи, которая необходима, когда дѣло идетъ о большой, продолжительной работѣ. Я рѣшилъ написать весь романъ и печатать его не прежде, какъ окончу послѣднюю главу. Я писалъ его болѣе года, въ теченіе зимы и лѣта не выѣзжая изъ деревни.

Съ печатаніемъ романа „Проселочныя дороги“ вышла почти такая же исторія, какъ съ повѣстью „Антонъ Горемыка“,—цензура остановила его послѣ первой части; предлогъ на этотъ разъ былъ тотъ, что дворянство выставлялось здѣсь въ слишкомъ карикатурномъ видѣ и этого допустить было невозможно. Послѣ долгихъ и неуспѣшныхъ переговоровъ Краевскаго съ цензоромъ, меня надоумили обратиться лично къ Мусину-Пушкину, тогдашнему попечителю и управляющему цензурой. Мусинъ-Пушкинъ, человѣкъ мрачнаго и желчно-раздраженнаго вида, принялъ меня, однакожъ, довольно милостиво. Убѣдившись, вѣроятно, изъ моихъ объясненій, насколько я былъ далекъ отъ намѣренія осмѣивать русское дворянство, онъ согласился дозволить печатаніе романа, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы я вставилъ страницу, въ которой было бы сказано, что всѣ лица романа принадлежатъ исключительно къ поэтическому вымыслу, не больше, какъ преувеличенная карикатура противъ существующей дѣйствительности. Страница была написана, приложена къ тексту, и романъ продолжалъ печататься.

Но этимъ еще не кончилось. Съ печатаніемъ почти каждой главы приходилось ѣздить въ Екатерингофъ на дачу къ Фрейгангу, тогдашнему цензору „Отечественныхъ Записокъ“. Его метода состояла въ томъ, чтобы преслѣдовать все, что сколько-нибудь давало жизнь, одушевляло описываемое лицо или даже картину природы. „Солнце, склоняясь къ западу, ярко освѣщало купола церквей“. „Гм... ярко... говорилъ Фрейгангъ,—скажите, пожалуйста, зачѣмъ тутъ: ярко?.. Слово это, повѣрьте, ничего не прибавляетъ... У васъ и безъ того такъ прекрасно описано... подхватывалъ онъ топомъ весельчака,—или еще здѣсь: у него носъ похожъ былъ на перезрѣлую сливу... Фи, перезрѣлая слива! Неужто вамъ самимъ не противно? Фи, фи!..

Воля ваша, я не могу этого пропустить. Замѣните это чѣмъ-нибудь другимъ. У васъ, мой любезнѣйшій, одинъ господинъ названъ Солонѣевымъ,—это невозможно; я лично знакомъ съ двумя Солонѣевыми. Они могутъ принять на свой счетъ, могутъ оскорбиться... Придумайте другую фамилію. Чтобы покончить съ этимъ, я зачеркну Солонѣева. Но оставимъ это... Сейчасъ два часа... Смотрите отсюда съ балкона на взморье... Сію минуту г-жа Дюръ выйдетъ на берегъ купаться, какъ нѣкая Фринея... Возьмите со стола бинокль...“

Фрейгангъ, думая умаслить авторовъ своимъ веселымъ видомъ, своими шуточками и паясничествомъ, достигалъ всегда обратнаго результата: его мелочная, безсмысленная и безапелляціонная придирчивость дѣйствовала на каждаго раздражительнѣе, чѣмъ суровые, молчаливые приговоры другихъ цензоровъ.

Единственнымъ, вполнѣ просвѣщеннымъ и расположеннымъ къ литературѣ былъ цензоръ Бекетовъ (однофамилецъ нашего товарища по инженерному училищу); его посчастливилось достать „Современнику“. Разумное отношеніе къ печати, часто смѣлость Бекетова объяснялась отчасти также его близкимъ родствомъ съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ романа „Проселочныя дороги“ началъ распространяться слухъ, будто я описалъ въ немъ самымъ безцеремоннымъ образомъ помѣщиковъ своего уѣзда и насмѣшками отплатилъ имъ за ихъ хлѣбъ-соль. Слухъ этотъ вышелъ изъ московскаго литературнаго кружка, куда случайно затесался одинъ изъ жителей уѣзда; онъ думалъ этою сплетней подыграться, угодить своимъ знакомымъ, зная ихъ нерасположеніе къ петербургскимъ литераторамъ.

Не въ оправданіе, но для возстановленія истины долженъ сказать: во всемъ романѣ нѣтъ ни одного лица, *цѣликомъ* списаннаго съ натуры. Я былъ настолько уже опытенъ, чтобы знать, что портреты, взятые прямо съ живыхъ лицъ, никогда не удаются въ литературѣ; существующее лицо можетъ дать намекъ на характеръ, но только намекъ; вполнѣ жизненные типы и характеры получаются отъ сліянія намека съ однородными ему чертами, встрѣченными у разныхъ лицъ. Не могъ я также отплатить насмѣшкой за мнимое хлѣбосольство по другой причинѣ: знакомство мое въ уѣздѣ было самое огра-

ниченное; много если я бывалъ у трехъ сосѣдей, съ которыми видѣлся всего разъ или два въ годъ.

Чаще всего я ѣздилъ въ дальній конецъ уѣзда, къ Мосоловымъ, жившимъ, подобно мнѣ, своею особою жизнью и также мало съ кѣмъ водившимъ знакомство. Помимо личныхъ симпатій, меня привлекала къ нимъ артистическая атмосфера, страстная любовь къ художеству хозяина дома. С. Н. Мосоловъ владѣлъ знаменитою картинною галлереей въ Москвѣ, на Лубянкѣ; отправляясь въ деревню, онъ бралъ съ собою только собраніе своихъ гравюръ, также весьма цѣнное. Привязанный къ своей коллекціи, какъ къ родному дѣтищу, онъ рѣдко выѣзжалъ изъ дому; но стоило ему получить извѣстіе изъ Лейпцига или Парижа о продажѣ собранія гравюръ, онъ немедленно укладывался и летѣлъ за границу. Въ жару аукціона, ему ничего не стоило заплатить тысячу талеровъ за рѣдкій оттискъ гравюры Рембрандта, любимаго его мастера. Въ деревнѣ у него былъ печатный станокъ; видя, какъ онъ и его сынъ гравировали крѣпкою водкой и печатали, я невольно соблазнился примѣромъ, началъ у нихъ учиться и награвировалъ нѣсколько копій съ Остада и Бега. Сынъ С. Н. Мосолова сдѣлался потомъ настоящимъ граверомъ; его изданіе съ эрмитажныхъ картинъ Рембрандта знакомо всѣмъ любителямъ какъ въ Россіи, такъ и за границей.

Другое семейство, куда я также довольно часто ѣздилъ, было семейство стараго аристократа, графа N. Его имѣніе находилось отъ меня всего въ восьми верстахъ. Я прежде не посѣщалъ его, такъ какъ онъ и его семья рѣдко наѣзжали въ деревню, а когда наѣзжали, то на самый короткій срокъ. Ихъ взглядъ на сельскій бытъ и самый образъ жизни въ деревнѣ отличались большою оригинальностью.

Первая забота послѣ пріѣзда состояла въ томъ, что каждый членъ семейства отгораживалъ въ своей комнатѣ довольно значительное пространство, обтянутое кисеей, чтобы предохранить себя отъ пауковъ, комаровъ, пчелъ, мухъ и другихъ безпокойныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ. Успокоивъ себя на этотъ счетъ, всѣ принимались дѣятельно *хозяйничать*: обивать бесѣдки парусиной съ украшеніями, вырѣзанными изъ кумачу, составлять изящные букеты и разставлять ихъ по комнатамъ, составлять изъ плюща и другихъ вьющихся растеній маленькія красивыя арки и т. д.

Старика графа занимали больше серьезныя статьи по хозяйству: хороши ли будутъ въ нынѣшнемъ году дыни? Начинаютъ ли подрумяниваться персики? Много ли нынѣшній годъ родится спаржи?

Когда старый графъ выходилъ изъ своего кисейнаго прикрытія и садился у окна, за спинкой его кресла всегда можно было видѣть его управляющаго, маленькаго, сѣденькаго старичка, носившаго неизмѣнно синій сюртукъ и туго накрахмаленный бѣлый галстукъ. „Есть ли у насъ достаточно цыплятъ, Иванъ Васильевичъ?“ спрашивалъ графъ.—„Чего у насъ нѣтъ, ваше сіятельство, чего у насъ нѣтъ!“ восхищенно и вздрагивая всѣми членами отвѣчалъ всегда управляющій.—„Зачѣмъ, Иванъ Васильевичъ, вы всегда такъ говорите графу? спрашивалъ я его, когда мы оставались вдвоемъ.—Вы вѣдь очень хорошо знаете, что у васъ нѣтъ того, что графъ требуетъ“.—„Знаю-съ, очень хорошо знаю-съ, отвѣчалъ всегда Иванъ Васильевичъ,—но, вѣрите ли, какъ только вспомню, что графъ изволитъ кушать чай съ государемъ, на меня такой страхъ нападаетъ,—самъ не помню, что́ говорю... стараюсь только успокоить его сіятельство...“

Разъ пріѣзжаю я къ N. въ воскресный день. Весь народъ въ праздничныхъ одеждахъ и наполняетъ садъ; по аллеямъ разставлены новыя складныя лѣстницы; по ихъ ступенькамъ подымаются и спускаются бабы и дѣвчонки; на сосѣднихъ лужайкахъ разостланы простыни съ ворохами липоваго цвѣта; по аллеямъ, съ озабоченнымъ видомъ, прогуливаются дамы въ широкихъ соломенныхъ шляпахъ и ихъ дѣти; наконецъ, тяжело расхаживаетъ самъ графъ.

— Что это? спрашиваю я, обводя глазами все пространство аллеи.

— Хорошъ сельскій житель, воскликнулъ графъ, указывая на меня дамамъ, — хорошъ: спрашиваетъ, что это? Развѣ вы не знаете, продолжалъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ, — что липовый цвѣтъ — важная хозяйственная статья дохода? Липовый цвѣтъ, когда просохнетъ, лучшее потогонное средство, и въ немъ нуждаются всѣ аптеки... Хорошъ, хорошъ сельскій житель, нечего сказать!..

Я узналъ потомъ отъ управляющаго, что изъ собраннаго липоваго цвѣта съ трудомъ проданъ былъ фунтъ за полтинникъ въ зарайскую аптеку; остальное свалено въ сарай, гдѣ и сгнило.

Когда я коснулся того, что сегодня праздникъ и въ эти дни народъ обыкновенно не работаетъ, на меня ожесточенно напали дамы; меня обвинили въ закоснѣломъ предубѣжденіи противъ наивной и, слава Богу, существующей еще патріархальности народа, ищущаго только случая, какъ бы угодить своимъ господамъ.

Передъ отправленіемъ въ Москву, куда призывала его коронація императора Александра II, старый графъ разсказалъ намъ случай съ нимъ, который настолько характеризуетъ его самого, что я тогда же записалъ его и теперь рѣшился вставить въ свои воспоминанія. „Государь императоръ Николай Павловичъ былъ всегда ко мнѣ милостивъ, такъ началъ графъ. — Разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ немедленно явиться во дворецъ. Одѣваюсь, ѣду. Зовутъ въ кабинетъ. „Сейчасъ, сказалъ мнѣ государь, — получено извѣстіе изъ Рима: жена твоя опасно заболѣла... Но успокойся: я предупредилъ твоего брата; все готово къ твоему отъѣзду; поѣзжай съ Богомъ, не теряя времени. Когда пріѣдешь въ Римъ и успокоишься, — надѣюсь, все кончится благополучно,—ты отправишься въ Ватиканъ и лично отъ меня передашь папѣ эту бумагу“, добавилъ государь, передавая мнѣ объемистый конвертъ. На слѣдующій день я былъ въ дорогѣ. Болѣзнь жены не выходила у меня изъ головы; понимаете, въ какомъ я находился состояніи (извѣстно было, что между нимъ и графиней существовалъ давнишній разладъ). Подъ вліяніемъ безпокойства я ѣхалъ, нигдѣ не останавливаясь; такъ доѣхалъ я до Флоренціи. При выѣздѣ изъ этого города, у самыхъ воротъ, встрѣчаю я молоденькую красавицу-флорентинку съ корзиной, наполненной вишнями: вишни необыкновенныя: сочныя, крупныя, точно сливы. Я всегда любилъ фрукты; я остановилъ коляску, купилъ всю корзинку и положительно началъ объѣдаться. Спустя нѣкоторое время я подумалъ, однакожъ: если я буду такъ продолжать, то испорчу себѣ, во-первыхъ, желудокъ; во-вторыхъ, и самыя вишни скоро исчезнутъ. Я вынулъ тогда маленькую записную книжку и принялся высчитывать, сколько вишенъ слѣдуетъ съѣсть въ часъ, чтобъ ихъ достало до Рима. Болѣзнь жены продолжала, однакожъ, сильно меня тревожить: она положительно отравляла удовольствіе путешествія...

„Я уже подъѣзжалъ къ Риму, какъ вдругъ, на какомъ-то поворотѣ, навстрѣчу летятъ двѣ коляски съ молодыми

людьми, поющими пѣсни; это были наши русскіе художники; они отправлялись въ загородную экскурсію; двое изъ нихъ узнали меня, остановили своихъ лошадей и быстро соскочили, спѣша сообщить мнѣ пріятную новость: имъ извѣстно было изъ посольства, что графиня совершенно вышла изъ опасности; не далѣе какъ наканунѣ ей разрѣшено было встать съ постели. Успокоенный на этотъ счетъ, я присоединился къ молодежи и отправился съ ними. Знаете, я самъ тогда былъ молодъ (ему уже было тогда за сорокъ лѣтъ) и легко увлекался; къ тому же, это были такіе славные ребята, такіе весельчаки... Мы, на радостяхъ, признаться, изрядно тогда подкутили. Доброе итальянское винцо, этотъ козій сыръ съ пикантнымъ вкусомъ,—все это, понимаете, располагало... Безпокойство насчетъ графини, все-таки, меня не оставляло. Переночевавъ въ загородной остеріи, я на другой день рано утромъ поѣхалъ въ Римъ. Слава Богу, я нашелъ тамъ все благополучнымъ: графинѣ было гораздо лучше. Я наскоро вытерся льдомъ, взялъ конвертъ, порученный государемъ, и, не теряя минуты, отправился въ Ватиканъ. Меня ввели въ просторную комнату,—какъ теперь помню,—выкрашенную сѣрою краской; полузакрытыя ставни распространяли повсюду пріятный полусвѣтъ; было прохладно; въ комнатѣ носился запахъ лимона... Вошелъ папа; я почтительно подалъ ему конвертъ; онъ усадилъ меня въ ближайшее кресло, раскрылъ конвертъ и началъ читать. Не знаю, что произошло со мною; былъ ли я очень утомленъ послѣ дороги, вчерашняя ли встрѣча съ художниками, только глаза мои сомкнулись, ноги вытянулись, и я крѣпчайшимъ образомъ заснулъ передъ святымъ отцомъ...“

На этомъ разсказъ его остановился; что дальше происходило, онъ не сообщалъ слушателямъ.

Романъ „Проселочныя дороги“ не имѣлъ успѣха. Я самъ былъ имъ недоволенъ. Я попадѣялся черезчуръ на свои силы, вообразивъ, что могу писать, не стѣсняя себя безпрестанными поправками и переписываніемъ по нѣскольку разъ одного и того же, какъ я дѣлалъ это до сихъ поръ; много виновато было также мое неумѣнье въ распредѣленіи матеріала; болѣе опытный литераторъ выкроилъ бы изъ него два-три романа. Но нѣтъ худа безъ добра. Неудача возбудила во мнѣ неодолимое желаніе написать новый романъ и на этотъ разъ отложить вся-

кую самонадѣянность, возвратиться къ старой моей методѣ. Сюжета нечего было долго искать: онъ былъ передъ глазами и самъ напрашивался.

Въ послѣдніе годы въ нашемъ Приокскомъ краѣ усиленное развитіе фабричнаго миткалеваго производства замѣтно вредило не только хлѣбопашеству, но нарушало въ крестьянскомъ семейномъ быту патріархальные нравы, которые я засталъ еще въ юности. Въ деревняхъ стали появляться молодые щеголи, въ жилеткѣ поверхъ рубашки, въ фуражкѣ съ козырькомъ, высокихъ сапогахъ, съ гармоніей въ рукахъ и папироской въ зубахъ, не имѣвшіе ничего общаго съ ихъ отцами и дѣдами; въ деревняхъ начались развратъ, пьянство, неповиновеніе родителямъ. Героемъ моего новаго романа выбралъ я знакомаго мнѣ стараго рыбака, закоснѣлаго въ своихъ привычкахъ и вѣрованіяхъ, и противупоставилъ ему лицъ новаго поколѣнія; борьба между этими двумя противуположностями должна была служить завязкой романа. Чтобы привести мой сюжетъ въ тотъ оконченный литературный видъ, какой мнѣ хотѣлось, я употребилъ на него также около года. Успѣхъ „Рыбаковъ“ вознаградилъ меня за трудъ выше моихъ ожиданій.

Романъ этотъ, послѣ него нѣсколько повѣстей и, наконецъ, романъ „Переселенцы“ окончательно упрочили мое литературное положеніе.

XII.

А. Н. Островскій и его кружокъ. — Аполл. Алекс. Григорьевъ. — А. Ѳ. Писемскій. — Поѣздка къ Тургеневу въ Спасское-Лутовиново.—Фарсъ, сочиненный общими силами.—Домашній спектакль у Тургенева въ деревнѣ.

Изъ московскихъ литераторовъ я былъ знакомъ только съ Погодинымъ, Павловыми и Боткинымъ. Послѣ чтенія комедіи „Банкротъ“ и особенно пьесы „Не въ свои сани не садись“, мнѣ хотѣлось познакомиться съ А. Н. Островскимъ. Съ этою цѣлью остался я лишній день въ Москвѣ и пошелъ разыскивать его по адресу.

Онъ жилъ тогда въ приходѣ Николы въ Воробинѣ, во второмъ этажѣ деревяннаго дома, выходившаго однимъ фасомъ на улицу, другимъ на дворъ, окруженный торговыми банями.

Несмотря на то, что было еще рано, — часовъ около одиннадцати утра,—я засталъ у него нѣсколько близкихъ

его пріятелей: Эдельсона, Алмазова, Аполлона Алекс. Григорьева и И. Ѳ. Горбунова, извѣстнаго теперь артиста и литератора-разсказчика, но тогда еще совсѣмъ молодого человѣка.

Островскій встрѣтилъ меня съ замѣтно сдержанною привѣтливостью; остальныхъ я точно стѣснилъ моимъ неожиданнымъ приходомъ. Но въ это утро я какъ нарочно былъ въ ударѣ, и сдержанность пріема не только не охладила меня, но, напротивъ, какъ бы возбудила мои нервы. Я съ увлеченіемъ началъ разсказывать о впечатлѣніи, сдѣланномъ на меня пьесой „Банкротъ“ при чтеніи на вечерѣ у графа Вельегорскаго, и пьесой „Не въ свои сани не садись“, недавно мною прочитанной. Живость моего разсказа, казалось бы, должна была благопріятно подѣйствовать на слушателей, молодыхъ людей почти однихъ лѣтъ со мною, но вышло наоборотъ. На меня смотрѣли какъ на человѣка, упавшаго съ луны и выдающаго за новость то, что давно извѣстно цѣлому свѣту; похвалы мои двумъ комедіямъ выслушивались какъ младенческій лепетъ, какъ жалкое, запоздалое эхо того восторга, который давно пробуждалъ геній Островскаго. Равнодушіе слушателей сопровождалось даже оттѣнкомъ ироніи, улыбками и взглядами, которыми обмѣнивались присутствующіе.

Одинъ изъ нихъ сообщилъ мнѣ впослѣдствіи, что неблагопріятному впечатлѣнію способствовали не только неумѣренная живость, съ какою я передавалъ мои впечатлѣнія, но даже моя одежда, клѣтчатыя панталоны и штиблеты, прикрывавшія мои лаковые башмаки. Въ ихъ глазахъ я, собственно какъ литераторъ, представлялъ мало интереса; во мнѣ видѣли только петербургскаго франта, олицетвореніе жителя Петербурга, — города, въ которомъ вообще нѣтъ *разумнаго спокойствія;* фраза эта была изобрѣтена лицами изъ кружка Островскаго. Ничѣмъ еще не заявивъ себя въ литературѣ, товарищи Островскаго были, тѣмъ не менѣе, высокаго мнѣнія о себѣ; они считали себя центромъ чего-то, какого-то новаго движенія, возвѣстителями новаго слова. Всѣ они безусловно, однакожъ, преклонялись передъ Островскимъ, который, къ сожалѣнію, охотно поддавался восхваленіямъ кружка и мало-по-малу въ немъ обсахаривался.

На меня съ перваго раза непріятно подѣйствовала рѣзкость ихъ сужденій и приговоровъ. Восхваленіе другъ

друга, пристрастіе и самомнѣніе переходили въ этомъ кружкѣ границы Геркулесовыхъ столбовъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличался Аполл. Алекс. Григорьевъ. Эпиграмма, сочиненная его пріятелемъ Алмазовымъ, довольно вѣрно его характеризуетъ:

„Мраченъ ликъ, взоръ дико блещетъ,
Умъ отъ чтенья извращенъ...
Рѣчь парадоксами хлещетъ...
Се—Григорьевъ Аполлонъ!
Кто жъ тебя въ свое изданье
Безъ контроля допустилъ?
Ты, невинное созданье,
Достоевскій Михаилъ!“

(Мих. Мих. Достоевскій, сдѣлавшись редакторомъ журнала „Эпоха“, пригласилъ Григорьева помѣщать у него критическія статьи).

Мнѣ разсказывали, что Аполл. А. Григорьевъ, говоря о комедіяхъ Островскаго, выпалилъ, между прочимъ, такою фразой: „Шекспиръ настолько великій геній, что можетъ уже стать по плечо русскому человѣку!“ Указывая на молчавшаго Островскаго, онъ въ другой разъ восторженно воскликнулъ: „Смотрите, смотрите, какое цицероновское молчаніе!“ Ему также приписывали мнѣніе, что, въ сравненіи съ пьесами Островскаго, „Горе отъ ума“ не комедія, а картины нравовъ въ сценахъ, написанныхъ стихами. Актеръ П. М. Садовскій, пріятель Островскаго и его друзей, былъ превосходный комикъ; его стали увѣрять, что онъ не понимаетъ значенія своего таланта, что въ немъ скрывается замѣчательный трагическій талантъ; основываясь на этомъ, его заставили играть короля Лира. Садовскій повѣрилъ и оказался въ этой роли ниже всякой критики. Выраженіе *играть роль нутромъ*, т.-е. не довольствоваться вѣрнымъ изображеніемъ характера, обрисованнаго авторомъ, и внѣшностью типа, но проникнуться нравственною глубиной изображаемаго лица, „сообщить плоть и кровь духовно-конкретному созданію драматической поэзіи“, какъ выразился печатно Эдельсонъ, одинъ изъ друзей Островскаго. Совѣту этому слѣдовалъ до конца своей жизни только актеръ Бурдинъ; игра „нутромъ“ не помогла ему, сколько извѣстно, выйти изъ посредственности.

Моя живость, истолкованная недостаткомъ „разумнаго спокойствія“ и легкомысліемъ, была, по мнѣнію кружка Островскаго, совершенно, впрочемъ, естественнымъ явле-

ніемъ со стороны человѣка, у котораго мать француженка. Національность моей матери была даже печатно приведена Аполл. Григорьевымъ при разборѣ романа „Рыбаки“, какъ доказательство, что въ романѣ этомъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего русскаго, что я, вообще, при всемъ стараніи, нахожусь, по крови моей, въ невозможности постичь духъ русскаго народа.

Такое же мнѣніе выражено было мнѣ разъ А. Ѳ. Писемскимъ послѣ напечатанія повѣсти его „Плотничья артель“. „Оставили бы, право, писать о мужикахъ, — сказалъ онъ мнѣ, — гдѣ вамъ, джентльменамъ, заниматься этимъ? Предоставьте это намъ; это же наше дѣло, — я самъ мужикъ!“ Въ послѣднемъ заключеніи онъ показался мнѣ совершенно правымъ, и я не возражалъ ему. Кстати о Писемскомъ. Онъ здѣсь является не совсѣмъ симпатичнымъ, но что же дѣлать; пришлось вспомянуть и не хочется выбросить изъ строчки. Лѣтомъ какъ-то пріѣхалъ я въ Петербургъ; я никогда не оставлялъ въ это время деревни, не имѣя въ рукахъ готовой работы. Узнавъ о болѣзни Панаева, я отправился навѣстить его. Онъ временно нанималъ небольшую квартиру въ Малой Конюшенной; я засталъ его съ обвязаннымъ лицомъ, опухнувшимъ отъ воспаленія губы. При немъ находился В. П. Боткинъ, нарочно пріѣхавшій изъ Москвы за нимъ ухаживать. Оба разсказали мнѣ, что Писемскій, не взлюбившій Панаева, хотя послѣдній не далъ ему къ этому никакого повода, и никогда къ нему не ходившій, началъ посѣщать его теперь каждый почти день. Придетъ и, глядя на Панаева, скажетъ: „Сдается мнѣ, сегодня опухоль у васъ какъ будто увеличилась противъ вчерашняго... Я замѣчаю: больше даже красноты“. Завтра придетъ и скажетъ: „Знаете ли, шутить этимъ нельзя... Вы все говорите: воспаленіе,—смотрите, не ракъ ли у васъ?“ Послѣзавтра новый варіантъ: „У меня былъ знакомый,—скажетъ,—также вотъ было совершенно то же, что у васъ, кончилось, однакожъ, антоновымъ огнемъ,—губу-то, вѣдь, вырѣзали“... И такъ далѣе онъ продолжалъ утѣшать больного, который и безъ того страдалъ изрядною мнительностью. Мнѣ также, вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминается забавная черта, характеризующая внезапную переходчивость Боткина отъ одного расположенія духа къ другому.

Панаевъ и Боткинъ оставили меня обѣдать. Во время всего обѣда Боткинъ ухаживалъ за Панаевымъ съ нѣж-

ностью матери. Онъ обращался къ больному не иначе, какъ называя его „Ваней“, не позволяя ему прикасаться ни къ чему горячительному, говорилъ, что нарочно приказалъ приготовить курицу съ рисомъ, и упрашивалъ пользоваться только тѣмъ, что мягчитъ, отнимаетъ жаръ. Меня онъ убѣждалъ отправиться немедленно послѣ обѣда въ водолѣчебное заведеніе, находившееся также въ Малой Конюшенной, и настоятельно совѣтовалъ приступить немедленно къ лѣченію. Зная его раздражительность, я не противорѣчилъ, и, окончивъ обѣдъ, мы вышли изъ квартиры. Искренно жалѣя Панаева и, съ другой стороны, тронутый ухаживаньемъ Боткина, я тутъ же на лѣстницѣ выразилъ мои безпокойства за больного. „Какъ?.. Что-съ?“ воскликнулъ неожиданно Боткинъ и, выбранивъ меня хорошенько, разразился, къ моему удивленію, жесточайшею бранью противъ Панаева. Ив. Ив. Панаевъ былъ добрѣйшей души человѣкъ и не заслуживалъ сотой доли брани Боткина. Брань, надо сказать, нисколько не служила выраженіемъ неудовольствія противъ Панаева; она выражала только минутное эгоистическое раздраженіе, внезапно вспыхнувшее у Боткина при мысли, что вотъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться лѣтомъ, жить гдѣ-нибудь на дачѣ подъ Москвою, онъ добровольно, изъ одной пріязни, осудилъ себя сидѣть въ душномъ городѣ и возиться съ больнымъ, какъ какая-нибудь мамка.

. . . . . .

Сколько помнится, въ 1855 году Дружининъ, Боткинъ и я согласились совершить поѣздку въ деревню къ Тургеневу, который, послѣ кончины матери, упрашивалъ насъ пріѣхать къ нему въ Спасское-Лутовиново. Къ назначенному сроку мы съѣхались въ Москвѣ, переночевали у Боткина и на другой день выѣхали въ тарантасѣ на тульскую дорогу. Во все время пути Боткинъ, такъ часто мѣнявшій расположеніе духа, такъ неожиданно переходившій отъ сахара къ перцу и отъ меда къ горчицѣ, находился въ самомъ елейномъ настроеніи. Онъ все время съ нѣжностью говорилъ о Тургеневѣ, радовался его избавленію изъ-подъ суроваго гнета родительницы, радовался его теперешнему благосостоянію. Мы вторили ему и вмѣстѣ съ нимъ мысленно переносились къ тому, что̀ насъ ожидало: старинный, обширный барскій домъ, полный, какъ чаша, нескончаемый паркъ, лѣса на нѣсколько верстъ въ окружности и, наконецъ, перспектива увидѣть эту сосѣдку-кра-

савицу, о которой Тургеневъ говорилъ, что при первомъ взглядѣ на нее умъ нашъ помрачится и мы всѣ попадаемъ ницъ, какъ подкошенные стебли.

Ожиданія наши, къ сожалѣнію, не вполнѣ оправдались. Послѣ пожара стараго дома осталась только часть его, куда перенесли все, что можно было спасти; паркъ оказался садомъ, но, правда, очень большимъ, съ древними деревьями и пространнымъ прудомъ; на всемъ лежала печать запущенности, не мѣшавшей, впрочемъ, живописности въ цѣломъ. Вокругъ дома и деревни разстилалась плоская черноземная земля; надо было отправляться версты за двѣ, чтобы встрѣтить холмы и лѣса. Сосѣдка-красавица произвела на насъ обратное дѣйствіе противъ того, что мы ожидали: она была во всѣхъ статьяхъ скорѣе дурна собою, чѣмъ красива.

Разочарованіе наше продолжалось, впрочемъ, не долго. Радушная встрѣча, искренняя радость Тургенева, удовольствіе видѣть его въ собственномъ домѣ,—все это возвратило намъ отличное расположеніе духа. Боткинъ поворчалъ немного; не обошлось, конечно, безъ того, чтобъ онъ не подтрунилъ надъ хозяиномъ дома, но послѣ купанья въ пруду и отличнаго обѣда съ блюдомъ грибовъ, зажаренныхъ въ сметанѣ, онъ вдругъ умилостивился и нѣсколько разъ подходилъ къ Тургеневу, лаская его по плечу и пріискивая ему разныя милыя названія.

По утрамъ Тургеневъ удалялся въ свой маленькій кабинетъ, гдѣ находилась также его постель, загороженная ситцевыми ширмами; мы расходились по своимъ комнатамъ съ книгой или занимались писаніемъ писемъ. Къ завтраку и обѣду являлся всегда дядя Тургенева, человѣкъ старый, но крупный, служившій когда-то въ кавалеріи, большой весельчакъ и жуиръ, взявшій на себя всѣ хлопоты по хозяйству и, какъ оказалось, распоряжавшійся имъ на болѣе широкую ногу, чѣмъ бы слѣдовало; онъ приходилъ обыкновенно съ женою, молодою женщиной, годившеюся ему во внучки. Тургеневъ какъ будто стѣснялъ ихъ своими наѣздами въ деревню.

Послѣ обѣда къ подъѣзду подавали длинныя-длинныя дрожки, такъ-называемыя *разлюли*, мы всѣ усаживались, не выключая Дьянки, любимой собаки Тургенева и неразлучной его спутницы, и отправлялись въ лѣсъ. Никогда, я думаю, лѣсъ Тургенева не оглашался такими взрывами хохота, какъ тогда, во время [illegible] прогулокъ.

Боткинъ положительно захлебывался отъ прилива сладкихъ чувствъ. Разъ только внезапно измѣнилъ онъ своему настроенію и налетѣлъ на меня какъ соколъ на жертву. Думая провести кратчайшимъ путемъ, я всѣхъ завелъ въ высокую, полную росы траву, и Боткину представилось, что онъ промочилъ себѣ ноги. Боже, какіе эпитеты посыпались на мою голову! Но мы вышли на красивую лужайку, отѣненную большими деревьями, и все тотчасъ же какъ рукой сняло. Боткинъ бросился на траву, вытянулся на спинѣ и нѣжно-млѣющимъ голосомъ началъ читать стихотвореніе Кольцова:

„Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье"... и т. д.

По вечерамъ мы собирались въ диванной и кто-нибудь изъ насъ громко читалъ новую статью изъ толстыхъ журналовъ, присылаемыхъ изъ Москвы и Петербурга. Вечеръ проходилъ иногда въ бесѣдѣ, приправляемой оживленнымъ споромъ.

Не помню, кто-то изъ насъ коснулся деревенской красавицы, которую такъ живо описывалъ намъ Тургеневъ и которая насъ такъ разочаровала. Боткинъ привязался къ этому случаю и сталъ язвить Тургенева, увѣряя, что привычка его усиливать всегда краски противъ того, что̀ есть въ дѣйствительности, часто ставитъ его въ комическое положеніе. Слово за словомъ, пришли къ заключенію, что такая слабость легко приводитъ къ послѣдствіямъ, которыя могли бы служить отличнымъ мотивомъ для сценическаго представленія. Я предложилъ присѣсть сейчасъ и набросалъ планъ пьесы; мысль была единогласно одобрена, и Тургеневъ сѣлъ записывать; мы, между тѣмъ, кто лежа на диванѣ, кто расхаживая по комнатѣ, старались, перебивая другъ друга, развивать сюжетъ, придумывать дѣйствующихъ лицъ и забавныя между ними столкновенія. Кавардакъ вышелъ порядочный. Но на другой день, послѣ исправленій и окончательной редакціи, вышелъ фарсъ настолько смѣшной и складный, что тутъ же рѣшено было разыграть его между собой. Сюжетъ фарса не отличался сложностью: выставлялся добрякъ-помѣщикъ, не бывавшій съ дѣтства въ деревнѣ и получившій ее въ наслѣдство; на радостяхъ онъ зоветъ къ себѣ не только друзей, но и всякаго встрѣчнаго; для бо̀льшаго соблазна, онъ каждому описываетъ въ яркихъ краскахъ неслыханную прелесть сельской жизни и обстановку своего

дома. Прибывъ къ себѣ въ деревню съ женою и дѣтьми, помѣщикъ съ ужасомъ видитъ, что ничего нѣтъ изъ того, что онъ такъ краснорѣчиво описывалъ: все запущено, въ крайнемъ безпорядкѣ, всюду почти одни развалины. Онъ впадаетъ въ ужасъ при одной мысли, что назвалъ къ себѣ столько народу. Гости, между тѣмъ, начинаютъ съѣзжаться. Брань, неудовольствіе, ссоры, столкновенія съ лицами, враждующими между собою. Жена, потерявъ терпѣніе, въ первую же ночь уѣзжаетъ съ дѣтьми. Съ каждымъ часомъ появляются новыя лица. Несчастный помѣщикъ окончательно теряетъ голову, и когда вбѣжавшая кухарка объявляетъ ему, что за околицей показались еще три тарантаса, онъ въ изнеможеніи падаетъ на авансценѣ и говоритъ ей ослабѣвшимъ голосомъ: „Аксинья, поди скажи имъ, что мы всѣ умерли!..“

Тургеневъ самъ вызвался играть помѣщика; онъ добродушно согласился даже произнести выразительную фразу, внесенную въ его роль и сказанную будто бы имъ на пароходѣ во время пожара: „Спасите, спасите меня, я единственный сынъ у матери!“ Боткинъ взялъ роль ластуна, брюзгливаго, ворчливаго статскаго совѣтника; Дружининъ долженъ былъ играть роль желчнаго литератора; мнѣ предоставлена была роль врага Дружинина, преслѣдующаго его всюду и на этотъ разъ рѣшившагося съ нимъ покончить.

Тургеневъ не остановился на этомъ: увлеченный мыслью домашняго спектакля въ Спасскомъ, онъ сталъ увѣрять, что одного фарса мало будетъ, необходимо передъ тѣмъ разыграть что-нибудь классическое; въ тотъ же вечеръ принесъ онъ намъ пародію на сцену Эдипа и Антигоны изъ Озерова; она оканчивалась такимъ образомъ:

Антигона *(сентиментально).*
Почто я зрю печали на лицѣ твоемъ, родитель?
Эдипъ *(рыдая).*
Ахъ, я Эдипъ!..
Антигона *(цѣлуя его въ лысину).*
Родитель, полно пыть...
Прекрасную тираду ты лучше прочитай,
Гдѣ въ пламенныхъ стихахъ
Ты сожалѣлъ о падшихъ волосахъ...
Эдипъ *(внезапно одушевляясь).*
Изволь, о дочь моя, изволь...
Ты зри главу мою... главу... зри... зри...
Антигона *(въ страхѣ и въ сторону).*
Онъ роль свою забылъ, несчастный старикашка...
Уйдемъ отсель скорѣй, папашка... и т. д.

Эдипа долженъ былъ представлять Тургеневъ, я—Антигону.

По этому случаю графиня М. Н. Толстая (сестра Льва Ник., сосѣдка Тургенева) прислала намъ цѣлый ларецъ браслетовъ, колецъ и діадему, долженствовавшіе украшать костюмъ Антигоны. Изъ Мценска привезли красокъ, кистей и нѣсколько стопъ бумаги. Я принялся клеить и писать декораціи; для Эдипа приготовилъ я изъ трепаной пакли парикъ и бороду.

Намѣреніе потѣшить только самихъ себя и двухъ-трехъ близкихъ сосѣдей совсѣмъ не удалось. Слухъ о *спектаклѣ* въ Лутовиновѣ быстро распространился по уѣзду; со всѣхъ концовъ посыпались письма съ просьбой получить приглашеніе. Тургеневъ все время страшно суетился; въ отвѣтъ на протесты съ нашей стороны, онъ увѣрялъ, что отказать просьбамъ—значило бы перессориться со всѣмъ уѣздомъ, и поминутно повторялъ извѣстную французскую фразу:

— Le vin est tiré il faut le boire!

Вечеромъ, въ день спектакля, съѣхалось столько публики, что половина принуждена была слушать стоя.

Сцена изъ Эдипа не произвела никакого эффекта, несмотря на то, что Тургеневъ, въ своемъ парикѣ и бородѣ, дѣлавшихъ его похожимъ на короля Лира, очень хорошо изобразилъ разслабленнаго, выжившаго изъ ума старца. Фарсъ имѣлъ больше успѣха; мы лѣзли изъ кожи; Боткинъ былъ великолѣпенъ въ роли ворчливаго статскаго совѣтника. Сцена, когда желчный литераторъ (Дружининъ) бросаетъ зажженную спичку на солому, служившую ему постелью, и говоритъ: „Пускай горитъ, онъ накормилъ насъ тухлыми яйцами!“ — и когда на крикъ: „пожаръ!“—выбѣжалъ самъ помѣщикъ (Тургеневъ) и произнесъ свою знаменитую фразу: „Спасите, спасите, я единственный сынъ у матери!“ — вызвала дружные аплодисменты. Но, вообще, сколько можно было замѣтить, большинство публики осталось не вполнѣ удовлетвореннымъ спектаклемъ.

Эти пять-шесть недѣль, проведенныя въ Спасскомъ, считаю я въ числѣ лучшихъ моихъ воспоминаній.

Мнѣ случалось потомъ снова заѣзжать къ Тургеневу. Послѣдній разъ, лѣтомъ въ 1881 году, я засталъ у него семью Якова Петровича Полонскаго. Тургеневъ всегда особенно любилъ и цѣнилъ Я. П. Полонскаго; связь ихъ

была давнишняя, едва ли не съ юности; онъ любилъ все, что̀ было близко Полонскому, и радовался видѣть его семью у себя дома. Я, съ своей стороны, тоже радовался встрѣчѣ, такъ какъ раздѣлялъ къ семьѣ Полонскаго чувства Тургенева. Мы проводили время въ бесѣдахъ и прогулкахъ. Иванъ Сергѣевичъ былъ, попрежнему, разговорчивъ, привѣтливъ, часто шутилъ, но уже той веселости, — той полной веселости, которая оживляла насъ въ старое время, я уже въ немъ не замѣтилъ. Время отъ времени въ чертахъ его проявлялся плохо-скрываемый оттѣнокъ меланхолическаго, какъ будто даже горькаго чувства. Оно и понятно: не считая жены и дѣтей Я. П. Полонскаго, мы были въ тѣхъ уже годахъ, когда легче вспоминать о веселыхъ дняхъ, чѣмъ ихъ испытывать.

Кто бы могъ подумать, однакожъ, что злосчастному фарсу, сочиненному нами ради потѣхи въ Спасскомъ, суждено было еще разъ явиться на сценѣ,—и гдѣ же?— въ Петербургѣ!

Но я забѣгаю впередъ.

XIII.

Поѣздка въ Гдовскій уѣздъ. — А. В. Дружининъ. — Графъ Л. Н Толстой. — Домашній спектакль въ домѣ архитектора Штакеншнейдера.

Въ концѣ іюля Боткинъ, Дружининъ и я простились съ Тургеневымъ и выѣхали изъ Спасскаго. Боткинъ остался въ Москвѣ; я и Дружининъ продолжали вмѣстѣ путь до Петербурга. У меня на рукахъ была новая повѣсть: „Пахарь“, обѣщанная Некрасову для „Современника“. Въ Петербургѣ я остался всего нѣсколько дней и уѣхалъ вмѣстѣ съ Дружининымъ къ нему въ деревню, за Нарву, въ Гдовскій уѣздъ.

Всѣ помѣщики, видно, на одинъ покрой; къ личному самолюбію они присоединяютъ еще щекотливое самолюбіе владѣльца. Дружининъ описывалъ мнѣ свою деревню (Марьинское) такъ краснорѣчиво, что можно было думать, она находится не въ сѣверной полосѣ Россіи, а на южномъ берегу Крыма или по сосѣдству съ Ниццей. „Жаль,—говорилъ онъ,—мы не поспѣли къ іюню: въ это время нашъ садъ и все пространство вокругъ дома покрыто розами!“

Дорога, особенно послѣ Нарвы, во всякомъ случаѣ, не

отвѣчала преддверію земного рая; все время показывались унылые сосновые перелѣски, и колеса тарантаса то и дѣло наѣзжали на корни, при чемъ насъ бросало въ разныя стороны, какъ орѣхи, которыхъ встряхиваютъ въ мѣшкѣ; въ воздухѣ, надъ низменною болотною почвой, отдавало кислотой и сыростью; на пахотныхъ поляхъ, вмѣсто земли, было точно посыпано золою; каждую десятину окружалъ ворохъ сложеннаго булыжника и, все-таки, онъ отовсюду выглядывалъ изъ сѣрой почвы; видно было, что всю эту мѣстность когда-то покрывала вода и по ней плавали льдины, приносившія съ сѣвера обломки скалъ и гранита.

Домъ въ Марьинскомъ былъ старинный, деревянный; насъ помѣстили подлѣ, въ небольшомъ флигелѣ. За домомъ спускался къ пруду большой яблонный садъ. Мы пріѣхали вечеромъ и тотчасъ же отправились къ хозяйкѣ дома, матери Дружинина, представлявшей исчезающій теперь типъ привѣтливыхъ, милыхъ старушекъ, сохранившихъ въ преклонные годы необыкновенную живость и веселость. Къ ея пріѣзду на окно, подлѣ ея стула, ставилась всегда стеклянная банка съ водою и плавающимъ въ ней вьюномъ; старушка утверждала, что всѣ барометры врутъ безпощадно, пустая выдумка и только на вьюна можно вполнѣ положиться, такъ какъ одинъ онъ безошибочно указываетъ перемѣну погоды. Добрая старушка, предполагая, что дорога насъ утомила (вьюнъ не сообщалъ этого, но это было вѣрно), потребовала, чтобы мы раньше легли спать. Мнѣ было постлано на диванѣ. Не успѣлъ я заснуть, какъ меня облѣпила цѣлая туча комаровъ. Утромъ, взглянувъ на себя въ зеркало, я ужаснулся: лицо мое и руки были красны и въ волдыряхъ, точно ихъ обварили. Вошелъ Дружининъ, осторожно, на цыпочкахъ, убѣжденный, что я сплю какъ богатырь; увидавъ меня, онъ разсердился.

— Можно ли такъ дѣлать? воскликнулъ онъ, указывая на ситцевую оконную занавѣску, которую я забылъ наканунѣ задернуть. — Теперь, какъ нарочно, тотъ періодъ, когда появляются комары; въ другое время ни комаровъ, ни мухъ, никакой этой гадости никогда не бываетъ въ нашихъ мѣстахъ.

Мы пошли пить чай къ старушкѣ.

— Постой, постой, мой батюшка... дай посмотрѣть на тебя!.. остановила она меня, какъ только я переступилъ порогъ. — Ну, такъ, такъ и есть, что я говорила: всего

одну ночь переночевалъ у насъ, и цвѣтъ лица сталъ ужъ лучше, гораздо свѣжѣе, чѣмъ былъ прежде...

Передъ завтракомъ мы пошли купаться; съ перваго шага въ воду нога моя стала вязнуть, и я скорѣе вышелъ на берегъ.

— Что съ вами? безпокойно спросилъ Дружининъ.

— Въ пруду вязко.

— Въ какомъ пруду? Гдѣ вы видите прудъ?.. Это озеро... И вовсе не вязко, на днѣ чистый песокъ.

Въ теченіе дня я по ошибкѣ произнесъ нѣсколько разъ слово „прудъ“, и всякій разъ Дружининъ спѣшилъ меня исправить, вскрикивая, съ оттѣнкомъ неудовольствія: озеро, озеро, озеро!..

Владѣльцы Марьинскаго были не только влюблены въ свою деревню, но пристрастны ко всему Гдовскому уѣзду. Пристрастіе выразилось, между прочимъ, въ томъ, что Дружининъ написалъ для журнала садоводства, издаваемаго въ Москвѣ Пикулинымъ, двѣ большія статьи, озаглавленныя: „Флора и Помона Гдовскаго уѣзда“.

Я зналъ помѣщика, добраго и кроткаго человѣка, но до того щекотливаго ко всему, что̀ касалось его помѣстья, что надо было безусловно всѣмъ восхищаться, рискуя, въ противномъ случаѣ, нажить себѣ врага; онъ на-смерть поссорился съ сосѣдомъ изъ-за того, что тотъ сказалъ ему, что встрѣтилъ у околицы его мужика въ нетрезвомъ видѣ.

Помѣщикъ этотъ невольно пришелъ мнѣ на память въ Марьинскомъ. Сто̀ило ни въ чемъ не противорѣчить, находить все безукоризненнымъ, чтобы поддерживать благодушное состояніе духа хозяевъ дома.

Въ деревнѣ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ лѣтомъ отдыхать, Дружининъ работалъ съ тѣмъ же рвеніемъ, какъ въ Петербургѣ. Съ девяти часовъ, тотчасъ же послѣ утренняго чая, садился онъ къ письменному столу и, усиленно пригибаясь на лѣвый бокъ, писалъ вплоть до завтрака, прерываясь на нѣсколько минутъ, чтобы пройтись по комнатѣ. Послѣ завтрака онъ отдыхалъ часъ и снова продолжалъ писать, пока насъ не позовутъ обѣдать. Примѣръ такого трудолюбія пристыдилъ меня за мое бездѣйствіе. У меня былъ планъ большой повѣсти, но мнѣ не хотѣлось начинать ее, такъ какъ я не успѣлъ бы покончить ее въ Марьинскомъ. Долгіе перерывы въ литературной работѣ всегда во вредъ ея единству и общему тону,

къ тому же, привычка заниматься у себя дома, видѣть вокругъ себя знакомую обстановку много также способствовала моему временному бездѣйствію. Мы какъ-то разговорились о Тургеневѣ и припомнили наше представленіе въ Спасскомъ; рукопись фарса оказалась у Дружинина. Я, отъ нечего дѣлать, воспользовался ею и сочинилъ разсказъ: „Школа гостепріимства“, напечатанный потомъ въ „Современникѣ“, къ великому негодованію тогдашняго критика „Отечественныхъ Записокъ“, Дудышкина, который отозвался о немъ, какъ о предметѣ низменнаго литературнаго рода, забывъ, вѣроятно, что даже такой великій писатель, какъ Диккенсъ, не брезгалъ иногда фарсомъ.

Слѣдя, съ какимъ неутомимымъ усердіемъ писалъ Дружининъ, я постоянно удивлялся его невозмутимому спокойствію; мнѣ никогда не приходилось его видѣть въ томъ болѣе или менѣе возбужденномъ нервномъ состояніи, которое свойственно всѣмъ пишущимъ людямъ. Лицо его, нѣсколько болѣзненнаго вида, съ маленькими, глубоко запрятанными глазами и коротенькими, тщательно приглаженными усиками, сохраняло неизмѣнно-одинаковое выраженіе. Занимался ли онъ переводомъ шекспировской трагедіи, сидѣлъ ли надъ критическою статьей, повѣстью или фельетономъ Чернокнижникова, онъ съ одинаковымъ спокойствіемъ духа исписывалъ листы своимъ ровнымъ, мелкимъ почеркомъ, и всегда почти безъ помарокъ. Онъ писалъ, казалось, не вслѣдствіе настоятельной внутренней потребности, но какъ бы понукаемый обязательствомъ, долгомъ, хотя ничего этого, въ сущности, не было.

Дружининъ родился для кабинетной жизни и мирныхъ умственныхъ занятій; если бъ онъ не былъ литераторомъ, изъ него непремѣнно вышелъ бы ученый. Пылкость воображенія, кипучія страсти, живыя стремленія, физическая подвижность, — словомъ, все, что̀ волнуетъ кровь и бросаетъ въ сторону на пути жизни, отсутствовало въ его природѣ. Онъ отличался между всѣми нами крайнимъ консерватизмомъ, но консерватизмъ его былъ скорѣе слѣдствіемъ его разсудительно-холоднаго ума и также отчасти эгоистическаго чувства. Въ теченіе перваго года послѣ обнародованія освобожденія крестьянъ онъ опасался безпорядковъ и, сколько казалось, больше для своего Марьинскаго, къ которому былъ привязанъ всею душой.

Общество литераторовъ предпочиталъ онъ всякому дру-

гому; любилъ литературныя сходки и пренія; съ этою цѣлью завелъ онъ у себя вечера, кончавшіеся обильнымъ ужиномъ. Онъ выказывалъ особую заботливость, чтобы вечера эти были какъ можно оживленнѣе, веселѣе, замѣтно раздражался, когда это не удавалось, старался поднять общій духъ, усиливался быть веселымъ, но старанія его въ послѣднемъ случаѣ можно было уподобить стараніямъ птицы, которая хочетъ летѣть съ подрѣзанными крыльями. Природной веселости въ немъ не было на маковую росинку. Онъ этому не вѣрилъ; доказательствомъ служатъ нѣкоторые его разсказы и похожденія Чернокнижникова, писанные въ томъ убѣжденіи, что читатель не усидитъ на мѣстѣ отъ хохота.

Когда онъ находилъ, что слишкомъ уже засидѣлся и заработался и *надо*, наконецъ, себя развлечь, онъ приходилъ къ кому-нибудь изъ насъ; медленно расхаживая по комнатѣ и задумчиво подергивая кончики усовъ, онъ произносилъ, обыкновенно меланхолически, постоянно одну и ту же фразу: „Не совершить ли сегодня маленькое, легкое безобразіе?“ Безобразіе состояло въ томъ, что на зовъ его собирались два-три старые товарища (онъ служилъ прежде въ финляндскомъ полку); къ нимъ присоединялось два-три литератора, и вся компанія отправлялась на дальній конецъ Васильевскаго острова, гдѣ, спеціально для увеселеній, Дружининъ одно время нанималъ небольшое помѣщеніе въ домѣ гаваньскаго чиновника Михайлова. Лучшаго мѣста для увеселеній дѣйствительно нельзя было придумать: изъ оконъ квартиры, наискось влѣво, виднѣлись ворота Смоленскаго кладбища! Единственнымъ украшеніемъ комнатъ служила гипсовая Венера Медицейская, купленная Дружининымъ въ академіи художествъ и поставленная на серединѣ главной комнаты; къ увеселенію приглашался всегда самъ хозяинъ Михайловъ, старецъ лѣтъ семидесяти, которому Дружининъ далъ названіе „сатира“, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы придать празднествамъ античный вакхическій оттѣнокъ.

Букетъ увеселенія состоялъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы присутствующіе, держа другъ друга за руки, водили хороводы вокругъ Венеры и пѣли веселыя пѣсни. Дружининъ старался всѣми силами поднять тонъ, топалъ ногами, отпускалъ разныя скоромныя шуточки, сердился, когда кто-нибудь умолкалъ, но во всемъ этомъ проглядывало что-то искусственное, гальваническое, вызванное не нату-

ральнымъ побужденіемъ веселиться, а холоднымъ соображеніемъ человѣка, надумавшаго, что долго засиживаться вредно для здоровья, надо иногда во что бы ни стало принять порцію увеселеній, и чѣмъ они эксцентричнѣе, тѣмъ дѣйствіе ихъ будетъ лучше.

Онъ не замѣчалъ, что порывы веселости пробуждались на этихъ вечерахъ не столько его усиліями, но чаще всего его лицомъ и вообще его наружностью, сохранявшею все время самое унылое, тоскливое выраженіе. Ему кто-то удачно далъ названіе „тоскующаго весельчака“; онъ зналъ это и не обижался, находя, вѣроятно, такое прозвище справедливымъ.

Вообще говоря, Дружининъ заслуживалъ въ полномъ смыслѣ также другого названія: отличнаго, вѣрнаго товарища; на его слово можно было всегда положиться. Если въ многочисленныхъ томахъ его сочиненій не найдется выдающагося капитальнаго литературнаго произведенія, онъ оставилъ послѣ себя другимъ путемъ видный слѣдъ въ русской литературѣ: ему первому пришла мысль основать общество литературнаго фонда, и онъ былъ его учредителемъ,—заслуга не маловажная, достойная того, чтобы память о немъ сохранилась надолго.

Вернувшись изъ Марьинскаго въ Петербургъ, я встрѣтился съ графомъ Л. Н. Толстымъ; знакомство мое съ нимъ началось еще въ Москвѣ, у Сушковыхъ, когда онъ носилъ военную форму. Онъ жилъ въ Петербургѣ на Офицерской улицѣ, въ нижнемъ этажѣ небольшой квартиры, какъ разъ окно въ окно съ квартирой литератора М. Л. Михайлова. Съ нимъ, кажется, онъ не былъ знакомъ. Наемъ постояннаго жительства въ Петербургѣ необъяснимъ былъ для меня; съ первыхъ же дней Петербургъ не только сдѣлался ему не симпатичнымъ, но все петербургское замѣтно дѣйствовало на него раздражительно.

Узнавъ отъ него въ самый день свиданія, что онъ сегодня званъ обѣдать въ редакцію „Современника“, и, несмотря на то, что уже печаталъ въ этомъ журналѣ, никого тамъ близко не знаетъ, я согласился съ нимъ ѣхать. Дорогой я счелъ необходимымъ предупредить его, что тамъ не слѣдуетъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ и преимущественно удерживаться отъ нападокъ на Ж. Зандъ, которую онъ сильно не любилъ, между тѣмъ какъ передъ нею фанатически преклонялись въ то время многіе изъ членовъ редакціи. Обѣдъ прошелъ благополучно; Толстой

былъ довольно молчаливъ, но къ концу онъ не выдержалъ. Услышавъ похвалу новому роману Ж. Зандъ, онъ рѣзко объявилъ себя ея ненавистникомъ, прибавивъ, что героинь ея романовъ, если бъ онѣ существовали въ дѣйствительности, слѣдовало бы, ради назиданія, привязывать къ позорной колесницѣ и возить по петербургскимъ улицамъ. У него уже тогда выработался тотъ своеобразный взглядъ на женщинъ и женскій вопросъ, который потомъ выразился съ такою яркостью въ романѣ „Анна Каренина".

Сцена въ редакціи могла быть вызвана его раздраженіемъ противъ всего петербургскаго, но скорѣе всего— его склонностью къ противорѣчію. Какое бы мнѣніе ни высказывалось и чѣмъ авторитетнѣе казался ему собесѣдникъ, тѣмъ настойчивѣе подзадоривало его высказать противуположное и начать рѣзаться на словахъ. Глядя, какъ онъ прислушивался, какъ всматривался въ собесѣдника изъ глубины сѣрыхъ, глубоко запрятанныхъ глазъ, и какъ иронически сжимались его губы, онъ какъ бы заранѣе обдумывалъ не прямой отвѣтъ, но такое мнѣніе, которое должно было озадачить, сразить своею неожиданностью собесѣдника. Такимъ представлялся мнѣ Толстой въ молодости. Въ спорахъ онъ доходилъ иногда до крайностей. Я находился въ сосѣдней комнатѣ, когда разъ начался у него споръ съ Тургеневымъ; услышавъ крики, я вошелъ къ спорившимъ. Тургеневъ шагалъ изъ угла въ уголъ, выказывая всѣ признаки крайняго смущенія; онъ воспользовался отворенною дверью и тотчасъ же скрылся. Толстой лежалъ на диванѣ, по возбужденіе его настолько было сильно, что стоило не мало трудовъ его успокоить и отвезти домой. Предметъ спора мнѣ до сихъ поръ остался незнакомъ.

Зима эта была первою и послѣднею, проведенною Л. Н. Толстымъ въ Петербургѣ; не дождавшись весны, онъ уѣхалъ въ Москву и затѣмъ поселился въ Ясной-Полянѣ.

Выше я замѣтилъ, что злосчастный фарсъ, сочиненный въ Спасскомъ, былъ разыгранъ въ Петербургѣ. Случилось это въ зиму того лѣта, когда мы жили у Тургенева. Въ артистическихъ кружкахъ Петербурга распространился слухъ, что Тургеневъ, имя котораго пользовалось громкою извѣстностью, написалъ пьесу. Въ семействѣ архитектора Штакеншнейдера, жившаго тогда въ своемъ домѣ на широкую ногу, затѣвался домашній спектакль. Чего же

лучше, какъ угостить публику такою новинкой? Съ Тургеневымъ Штакеншнейдеры не были знакомы; его, къ тому же, еще не было въ Петербургѣ. Обратились къ Дружинину; тотъ началъ отказывать и, наконецъ, раздражившись неотвязчивыми просьбами, отдалъ рукопись, умолчавъ почему-то о нашемъ сотрудничествѣ. Роли живо разобрали любители. Хозяева дома, не присутствуя на репетиціяхъ, разсылали, между тѣмъ, приглашенія, стараясь собрать по возможности избранную публику; приглашенъ былъ, между прочимъ, Н. И. Гречъ. Тургеневъ въ это время только вернулся изъ Спасскаго. Въ день представленія Дружининъ, желая, вѣроятно, подшутить надъ Тургеневымъ, уговорилъ его ѣхать вмѣстѣ къ Штакеншнейдерамъ.

Появленіе Тургенева въ залѣ было тотчасъ же всѣми замѣчено; хозяева дома были въ восхищеніи; они начали его упрашивать занять кресло въ первомъ ряду, но тотъ, къ счастью, отказался и сѣлъ на скромномъ мѣстѣ подлѣ Дружинина. Случилось такъ, что передъ самымъ началомъ спектакля актеры, желая, вѣроятно, придать себѣ больше смѣлости, выпили много лишняго; при поднятіи занавѣса многіе изъ нихъ были совершенно пьяны и понесли страшную чепуху; одинъ изъ нихъ, игравшій роль брюзгливаго статскаго совѣтника, украсилъ почему-то свою грудь цѣлымъ рядомъ орденскихъ звѣздъ; вмѣсто реплики, онъ неловко толкнулъ товарища; тотъ споткнулся и повалился на полъ, увлекая за собою стулъ; другіе сочли нужнымъ вступиться; на сценѣ произошла чистѣйшая свалка. Публика пришла въ смущеніе. Можно себѣ представить, что̀ долженъ былъ испытывать Тургеневъ, когда Дружининъ шепнулъ ему, что всѣ считаютъ его авторомъ пьесы, и въ подтвержденіе указалъ на многихъ лицъ, которыя приподымались съ мѣстъ, отыскивая глазами автора. Гречъ, сидѣвшій въ первомъ ряду и какъ нарочно надѣвшій въ этотъ вечеръ свою звѣзду, привсталъ и, съ негодованіемъ указывая публикѣ на сцену, произнесъ: „Полюбуйтесь, мм. гг., вотъ она натуральная школа!“

Тургеневъ, стараясь скрыться за спинками креселъ, что̀ было не легко для его роста, и частью заслоняясь ближайшими сосѣдями, пробрался, наконецъ, къ выходной двери.

Когда̀ напоминали ему въ пріятельскомъ кругу объ этомъ спектаклѣ, онъ бросался на ближайшій стулъ, за-

крывалъ лицо руками и начиналъ стонать какъ отъ жесточайшаго ревматизма. Неумѣстная шутка Дружинина не прошла ему даромъ. Тургеневъ отплатилъ ему слѣдующею эпиграммой:

„Дружининъ корчитъ европейца,—
Какъ ошибается бѣднякъ!
Онъ трупъ россійскаго гвардейца,
Одѣтый въ англійскій пиджакъ".

Дружининъ посердился, но не долго; онъ самъ сознавался въ своей винѣ передъ пріятелемъ; неудовольствіе Тургенева противъ Дружинина прошло еще скорѣе. Въ теченіе зимы ихъ хорошія отношенія снова возобновились.

XIV.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.—Его разрывъ съ Некрасовымъ.—Черты изъ жизни и характера И. С. Тургенева.—Прежній составъ редакціи „Современника", замѣненный новыми лицами.

Недостатокъ воли въ характерѣ Тургенева и его мягкость вошли почти въ поговорку между литераторами; несравненно меньше упоминалось о добротѣ его сердца; она, между тѣмъ, отмѣчаетъ, можно сказать, каждый шагъ его жизни. Я не помню, чтобы встрѣчалъ когда-нибудь человѣка съ бо́льшею терпимостью, болѣе склоннаго скоро забывать направленный противъ него неделикатный поступокъ. Разъ только въ жизни у него достало настолько характера, чтобы сохранить до конца непріязненное чувство къ липу, съ которымъ прежде находился онъ на пріятельской ногѣ,—лицо это былъ Некрасовъ.

Причина ихъ размолвки мнѣ настоящимъ образомъ неизвѣстна; разсказы о ней слишкомъ разнообразны и пристрастны, чтобы можно было съ достовѣрностью на чемъ-нибудь остановиться. Несомнѣнно одно только: въ натурѣ Тургенева не было ничего агрессивнаго, не было признака того, что̀ называется задоромъ; его, напротивъ, можно было упрекнуть въ излишней уступчивости, даже противъ тѣхъ, кто не стоилъ его мизинца, не могъ равняться съ нимъ ни въ какомъ отношеніи.

Нельзя предполагать, чтобы поводомъ къ размолвкѣ между нимъ и Некрасовымъ служила со стороны Тургенева денежная причина; безкорыстіе Тургенева можно причислить къ отличительнымъ чертамъ его характера. За нѣсколько времени до ссоры съ Некрасовымъ онъ продалъ ему изданіе „Записки охотника" за тысячу рублей;

сообщая объ этомъ Герцену письмомъ отъ 22 іюля 1857 г.*), онъ не только не жалуется, но радуется, что Некрасовъ перепродалъ это изданіе за двѣ съ половиной тысячи и нажилъ на немъ, такимъ образомъ, полторы тысячи. Можно привести цѣлый рядъ случаевъ, доказывающихъ, съ какою безпечностью Тургеневъ относился къ денежному вопросу.

Тропутый положеніемъ бѣднаго семейнаго родственника, Ив. Серг. предложилъ ему заняться управленіемъ имѣнія; желая окончательно успокоить его и упрочить его судьбу, Ив. Серг. поспѣшилъ выдать ему, на случай своей смерти, вексель въ пятьдесятъ тысячъ. Два года спустя, благодарный родственникъ представилъ вексель ко взысканію, поставивъ своего благодѣтеля въ трагическое положеніе. Ив. Серг. ограничился только тѣмъ, что попросилъ его оставить Спасское и передалъ его управленіе другому лицу. Послѣ кончины матери Тургенева, жена его брата, пользуясь отсутствіемъ Ив. Серг., явилась къ нему въ домъ, забрала оставшееся послѣ покойницы серебро и драгоцѣнности и увезла ихъ. Вернувшись домой, Ив. Серг. не нашелъ ни одной ложки и долженъ былъ снова всѣмъ завестись. Изъ чувства деликатности къ брату, который,— думалъ онъ,—могъ не знать о поступкѣ жены, Тургеневъ шагу не сдѣлалъ, чтобы вернуть такъ незаконно отнятое у него имущество. А исторія его съ г. Маляревскимъ, мужемъ пріемной дочери брата Тургенева, оставившаго ей послѣ своей смерти восемьсотъ тысячъ, изъ которыхъ сто тысячъ долженъ былъ получить Ив. Серг.? Пріѣзжаетъ Тургеневъ въ Москву, чтобы получить свою долю наслѣдства, и ѣдетъ къ г. Маляревскому; тотъ объявляетъ ему, что на его долю приходится всего двадцать тысячъ. „Какъ такъ?“ спрашиваетъ удивленный Тургеневъ.—„А такъ, — отвѣчаетъ г. Маляревскій, — я нахожу, что для васъ и этого слишкомъ еще много!..“ — „Ну, отвѣчаетъ Ив. Серг.,—на этотъ счетъ позвольте мнѣ думать иначе!“ На этомъ дѣло и кончилось. А сколько, въ явный убытокъ себѣ, роздано было имъ дворовымъ и крестьянамъ земли и разныхъ сельскихъ угодьевъ?

Если бъ возможно было составить списокъ деньгамъ, которыя Тургеневъ роздалъ при своей жизни всѣмъ тѣмъ, кто къ нему обращался, сложилась бы сумма больше той,

*) „Письма К. В. Кавелина и И. С. Тургенева къ Герцену“. М. Драгоманова. Генуя, 1892 г.

какую онъ самъ прожилъ. Приписывать его щедрость не добротѣ сердца, а распущенности, мелочному тщеславію могутъ только тѣ, которые, судя по себѣ, не допускаютъ въ другихъ возможности честныхъ, великодушныхъ побужденій; когда такая возможность слишкомъ уже очевидна, они набрасываются съ яростью голодныхъ собакъ на какую-нибудь другую сторону лица и на ней стараются выместить свою злобу.

Разрывъ съ Некрасовымъ и „Современникомъ“ объяснялся публикѣ редакціей, какъ результатъ исключительно идейныхъ разногласій и убѣжденій; иниціатива разногласія приписывалась самой редакціи. Изъ переписки Тургенева съ Герценомъ видно, между тѣмъ, что разрыву способствовалъ Герценъ, а иниціатива разрыва принадлежитъ самому Тургеневу. Вотъ что писалъ онъ Герцену 9 января 1861 года: „Съ „Современникомъ“ и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что̀, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ имъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли и помѣстили его на самомъ концѣ. Что тутъ дѣлать?“ Авторское самолюбіе врядъ ли играло здѣсь какую-нибудь роль; имя Тургенева стояло тогда на главномъ планѣ, и желаніе оскорбить его, поставивъ его имя въ концѣ объявленія, не достигало цѣли, не могло оскорбить его. Наконецъ, все это произошло уже послѣ разрыва. Поводомъ къ нему должна была служить болѣе важная причина, иначе Тургеневъ, съ его уступчивостью и мягкостью, не былъ бы способенъ въ теченіе столькихъ лѣтъ не измѣнить своему непріязненному чувству.

У Тургенева было авторское самолюбіе; у кого же его нѣтъ? Онъ, кажется, имѣлъ на него право, но оно никогда не доходило до того болѣзненнаго состоянія, какъ это было, напримѣръ, у Гончарова, Достоевскаго и т. д. Съ нимъ свободно, безъ всякаго стѣсненія, можно было высказывать мнѣніе о его произведеніяхъ, не рискуя поселить въ немъ враждебнаго чувства. Самолюбіе, надо думать, питается другими корнями, чѣмъ самомнѣніе, потому что съ этой послѣдней стороны Тургеневъ представлялъ исключеніе между своими собратами. Рѣдко его произведеніе печаталось прежде, чѣмъ онъ не прочтетъ его кому-нибудь изъ близкихъ людей, не посовѣтуется; замѣчанія возбуждали иногда споръ, но принимались

всегда безъ признака самолюбиваго укола; рукопись потомъ сверху до низу перечитывалась, исправлялась и часто переписывалась заново.

Строгій къ самому себѣ, онъ не только былъ снисходителенъ къ другимъ, но часто открывалъ въ ихъ произведеніяхъ несуществующія достоинства. Стоило ему прочесть повѣсть или разсказъ и покажись ему сгоряча, что въ томъ или другомъ есть проблескъ дарованія, онъ носился съ ними всюду, торжественно провозглашалъ нарожденіе новаго таланта, спорилъ, разражался противъ недостатка чуткости къ художественнымъ пріемамъ и, въ концѣ концовъ, когда убѣждался или ему ясно доказывали несостоятельность предмета его увлеченія, онъ охотно сознавался въ своемъ заблужденіи и самъ надъ собою добродушно подтрунивалъ. Въ увлеченіяхъ этого рода часто руководило имъ также чувство добра, желаніе поддержать начинающаго или, наконецъ, помимо литературы, просто придти на помощь, выручить человѣка изъ бѣдственнаго положенія.

Гдѣ бы онъ ни жилъ,—въ Парижѣ или Петербургѣ, — нельзя было къ нему зайти безъ того, чтобы не встрѣтить множество молодежи обоего пола; разъ въ Петербургѣ, направляясь въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ жилъ, мнѣ пришлось проходить по коридору мимо цѣлаго ряда такихъ посѣтителей и посѣтительницъ, сидѣвшихъ на подоконникахъ въ ожиданіи очереди. Его терпимость и снисхожденіе въ этихъ случаяхъ могли основываться на мягкости характера, готоваго скорѣе стѣснить себя, чѣмъ рѣшиться на отказъ, но, во всякомъ случаѣ, не на желаніи *популярничать*, какъ распускали слухъ его недоброжелатели. Тѣ, которые къ нему обращались, по бо̀льшей части платили ему неблагодарностью, другіе принадлежали почти исключительно къ людямъ скромнаго общественнаго положенія, наконецъ, сколько бы ихъ ни было и къ какому бы классу они ни причислялись, что̀ могли бы они прибавить къ популярности Тургенева, которая росла годъ отъ году безъ всякой помощи, благодаря только его таланту?

Въ терпимости и снисхожденіи Тургеневъ доходилъ иногда до самоуниженія, возбуждавшаго справедливую досаду его искреннихъ друзей.

Одно время онъ былъ увлеченъ Писемскимъ. Писемскій, при всемъ его умѣ и талантѣ, олицетворялъ типъ

провинціальнаго жуира и не могъ похвастать утонченностью воспитанія; подчасъ онъ былъ нестерпимо грубъ и циниченъ, не стѣснялся плевать — не по американски, въ сторону, а по русскому обычаю—куда ни попало; не стѣснялся разваливаться на чужомъ диванѣ съ грязными сапогами, — словомъ, ни съ какой стороны не долженъ былъ нравиться Тургеневу, человѣку воспитанному и деликатному. Но его прельстила оригинальность Писемскаго. Когда Ив. Серг. увлекался, на него находило точно затменіе, и онъ терялъ чувство мѣры.

Разъ былъ онъ съ Писемскимъ гдѣ-то на вечерѣ. Къ концу ужина Писемскій, имѣвшій слабость къ горячительнымъ напиткамъ, впалъ въ состояніе, близкое къ невмѣняемости. Тургеневъ взялся проводить его до дому. Когда они вышли на улицу, дождь лилъ ливмя. Дорогой Писемскій, котораго Тургеневъ поддерживалъ подъ руку, потерялъ калошу; Тургеневъ вытащилъ ее изъ грязи и не выпускалъ ее изъ рукъ, пока не довелъ Писемскаго до его квартиры и не сдалъ его прислугѣ вмѣстѣ съ калошей.

Съ его большимъ умомъ, разностороннимъ образованіемъ, тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, широтой и свободой мысли, Тургеневъ могъ бы быть,—и, по-настоящему, долженъ бы былъ быть въ свое время, — центромъ литературнаго кружка; вокругъ него охотно бы стали группироваться остальныя литературныя силы; къ сожалѣнію, это не осуществилось,—не осуществилось потому, что для представителя кружка у него недоставало твердости, выдержки, энергіи, необходимыхъ условій въ руководителѣ. Онъ самъ добродушно величалъ себя „овечьей натурой“. Онъ, кромѣ того, не былъ способенъ къ практической дѣятельности, доказательствомъ чего служатъ его собственныя запутанныя дѣла; наконецъ, даже при лучшихъ нравственныхъ условіяхъ, Тургеневъ не могъ бы играть преобладающей роли въ литературномъ кружкѣ: онъ наѣздомъ только бывалъ въ Россіи и никогда бы не рѣшился оставить Парижъ и семейство г-жи Віардо. Онъ и его братъ оправдывали предсказаніе матери, говорившей имъ обоимъ: „Жаль мнѣ васъ; вы не будете счастливы, вы оба *однолюбцы*“, т. е. будете всю жизнь привязаны къ одной женщинѣ.

Но слабость характера отличала Тургенева только въ дѣлахъ житейскихъ. Извѣстно, какъ много нужно силы

воли, энергіи, твердости, чтобы долгое время неотступно преслѣдовать одну и ту же задачу, бороться противъ нервнаго и физическаго утомленія, заставить себя довести до конца продолжительный умственный или художественный трудъ. Съ этой стороны, Тургеневъ,—авторъ многихъ длинныхъ литературныхъ произведеній, — подтверждаетъ только фактъ двойственности въ артистическихъ натурахъ съ выдающимся творческимъ талантомъ. Такія натуры какъ бы вмѣщаютъ въ себѣ два отдѣльныя существа, не только не схожія между собою, но бо́льшею частью совершенно противуположнаго характера: одно выражается внѣшнимъ образомъ и принадлежитъ жизни; другое скрывается въ тайникѣ души и служитъ только творчеству; послѣднее чаще всего лучше перваго. Пушкинъ превосходно выразилъ эту двойственность, сказавъ:

„Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ:
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть-можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ“ и т. д.

Но это не вполнѣ можно отнести къ Тургеневу. Когда усыплялось его творчество и самъ онъ малодушно погружался „въ заботы суетнаго міра“, онъ и тогда не казался ничтожнымъ; его большой умъ и образованіе нигдѣ и никогда не допустили бы его до такой роли.

Ивана Сергѣевича часто упрекали въ томъ, что онъ не стѣснялся, когда приходилъ случай, сочинить эпиграмму на пріятеля, сдѣлать на его счетъ какое-нибудь комическое или ѣдкое сравненіе, и приписывали это двуличію его характера. Тургеневъ дѣйствительно былъ мастеръ на эпиграмму. Въ прекрасной статьѣ о немъ Я. П. Полонскаго: „Тургеневъ у себя“ приведено нѣсколько такихъ образчиковъ. Для краснаго словца онъ, правда, не щадилъ иногда пріятеля, но отсюда далеко еще до обвиненія его въ фальшивости и двуличіи. Легко такъ говорить тѣмъ, кому Богъ отказалъ въ остроуміи. Награди ихъ Богъ наблюдательностью, способностью подмѣчать смѣшную сторону,—и главное, способностью моментально

облечь подмѣченное въ живую форму, — они заговорили бы совсѣмъ другое. Желательно было бы взглянуть на смертнаго, награжденнаго такими свойствами, который отказался бы отъ нихъ добровольно и сказалъ бы себѣ: не высказывай своихъ наблюденій, скрой ихъ въ груди своей, придержи языкъ изъ христіанскаго чувства, изъ опасенія хотя бы на секунду досадить ближнему... На такую добродѣтель способенъ бы былъ развѣ только Христосъ, олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей. Не въ оправданіе, а въ примѣръ, приведу Пушкина, который не утерпѣлъ, чтобы не написать на двери друга своего Жуковскаго:

„Изъ савана одѣлся ты въ ливрею,
На пудру промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ
И руку жмешь камерлакею...
Бѣдный пѣвецъ!.."

Другой поэтъ, Ѳ. И. Тютчевъ, не стѣснялся называть своего друга кн. Горчакова „фасадомъ великаго человѣка" и „Нарцызомъ собственной чернильницы" и т. д. Соболевскій, другъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, написалъ на него приведенную выше эпиграмму:

„Случилось разъ во время дно
Свалился съ дерева комаръ" и т. д.

Для перечисленія подобныхъ примѣровъ потребовались бы не страницы, но цѣлые томы; изъ этого слѣдуетъ только, что даже у хорошихъ людей больше эгоизма, чѣмъ христіанской добродѣтели, и ничего больше. Кто же въ этомъ не грѣшенъ?

У Тургенева, какъ у всякаго выдающагося человѣка, было много недоброжелателей и клеветниковъ. Извѣстіе о его кончинѣ, отразившееся скорбью во всей Россіи, его похороны, собравшія на улицахъ весь Петербургъ и сопровождаемыя массами людей, которымъ дорога русская слава, были лучшимъ отвѣтомъ его клеветникамъ и завистникамъ, старавшимся уронить его значеніе въ глазахъ русской читающей публики. Кончу о немъ словами Я. П. Полонскаго, — словами, вырвавшимися изъ сердца: „Кто въ Тургеневѣ потерялъ не только знаменитаго роднаго писателя, но и друга, тотъ никогда не забудетъ, какъ много потерялъ онъ, насколько сталъ онъ бѣднѣе и безпомощнѣе".

Разрывъ Тургенева съ Некрасовымъ и уходъ его изъ „Современника" сильно отразились на характерѣ редакціи

этого журнала. Въ каждомъ кружкѣ есть непремѣнно лицо болѣе или менѣе интересное, симпатическое, привлекательное; такимъ былъ въ „Современникѣ“ Тургеневъ. Его не стало, и старые пріятели мало-по-малу одинъ за другимъ начали удаляться. Въ составъ редакціи входили, къ тому же, новыя лица, принадлежавшія другому поколѣнію, ничѣмъ нравственно не связанныя съ прежними сотрудниками. Во главѣ журнала, какъ критикъ, дававшій камертонъ направленію, находился Добролюбовъ, весьма даровитый молодой человѣкъ, но холодный и замкнутый. Главный редакторъ и хозяинъ журнала, Некрасовъ, посвящалъ ему тѣ свободные часы, которые оставались у него послѣ вечеровъ и ночей, проводимыхъ за картами въ англійскомъ клубѣ и въ домахъ, гдѣ велась крупная игра. Громадные выигрыши и проигрыши, поддерживая въ немъ одинаково нервное возбужденіе, отвлекая его умъ къ другимъ интересамъ, мѣшали ему вести дѣла съ прежнимъ вниманіемъ. Ив. Ив. Панаевъ изъ редактора превратился какимъ-то образомъ въ простого сотрудника, получавшаго гонораръ за свои ежемѣсячные фельетоны. Добрѣйшій этотъ человѣкъ, мягкій, какъ воскъ, всегда готовый услужить товарищу, когда-то веселый, безпечный, любившій пріятельскую компанію, находился теперь постоянно въ мрачномъ, раздраженномъ до болѣзненности состояніи духа. .

. . . . . .

XV.

Морское путешествіе.—Причины, заставившія оставить деревню и переселиться въ Петербургъ.—Новый родъ дѣятельности.—Возвращеніе къ литературнымъ занятіямъ.

Въ 1858 году получилъ я въ деревнѣ письмо отъ Ив. Ив. Панаева; онъ передавалъ мнѣ порученіе, сдѣланное ему А. В. Головнинымъ, бывшимъ министромъ просвѣщенія, но тогда управлявшимъ канцеляріей морского министерства. Порученіе состояло въ томъ, чтобы спросить меня, не соглашусь ли я, по примѣру Гончарова, сдѣлать кругосвѣтное плаваніе, съ тѣмъ, чтобы описаніе путешествія помѣщалось въ „Морскомъ Сборникѣ“.

Неожиданность предложенія смутила меня, но не надолго. Возможность объѣхать свѣтъ, увидѣть незнакомыя страны, куда давно влекло воображеніе, испытать рядъ новыхъ впечатлѣній, — все это было слишкомъ соблазнительно, чтобы не воспользоваться такимъ случаемъ. Не-

дѣлю спустя (это было въ іюнѣ) я отправился въ Петербургъ. И. И. Панаевъ, которому А. В. Головнинъ поручилъ вербовку литераторовъ, имѣя въ виду поднятіе интереса „Морского Сборника“, пришелъ въ восторгъ отъ моего согласія: первымъ удовольствіемъ Панаева было, когда открывалась ему возможность услужить кому-нибудь или сдѣлать пріятное.

Во время представленія различнымъ властямъ, я узналъ, что въ началѣ августа долженъ буду занять каюту на кораблѣ „Ретвизанъ“. Но скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошелъ іюль, августъ, а корабль не былъ готовъ къ отплытію и стоялъ въ кронштадтской гавани.

Я пользовался свободными днями, посѣщая моихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ графа Г. А. Кушелева-Безбородко, проводившаго лѣто на своей дачѣ въ Полюстровѣ. Странный видъ имѣлъ въ то время этотъ домъ или, скорѣе, общество, которое въ немъ находилось. Оно придавало ему характеръ караванъ-сарая или, скорѣе, большой гостиницы для пріѣзжающихъ. Сюда, по старой памяти, являлись родственники и рядомъ съ ними всякій сбродъ чужестранныхъ и русскихъ пришлецовъ, игроковъ, мелкихъ журналистовъ, ихъ женъ, пріятелей и т. д. Все это размѣщалось по разнымъ отдѣленіямъ обширнаго, когда-то барскаго, дома, жило, ѣло, пило, играло въ карты, предпринимало прогулки въ экипажахъ графа, нимало не стѣсняясь хозяиномъ, который, по безконечной слабости характера и отчасти болѣзненности, ни во что не вмѣшивался, предоставляя каждому полную свободу дѣлать что̀ угодно. При видѣ какой-нибудь слишкомъ уже неблаговидной выходки или скандала, — что̀ случалось нерѣдко, — онъ спѣшно уходилъ въ дальнія комнаты, нервно передергивался и не то раздраженно, не то посмѣиваясь, повторялъ: „Это, однакожъ, чортъ знаетъ что такое!“ — послѣ чего возвращался къ гостямъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Вчужѣ больно было видѣть, какъ безпутно разматывалось огромное состояніе, доставшееся ему въ наслѣдство. У гр. Кушелева я присутствовалъ на свадьбѣ извѣстнаго престидижитатора Юма, вѣнчавшагося съ сестрою жены графа, урожденной Кроль. Шаферами со стороны Юма были, между прочимъ, присланные государемъ Александромъ II два флигель-адъютанта: графъ А. Бобрин-

скій (учредитель золотого банка) и графъ А. К. Толстой, авторъ трагедіи: „Смерть Іоанна Грознаго“ и многихъ другихъ сочиненій. На этой свадьбѣ познакомился я съ Алекс. Дюма. Во время поѣздки въ Парижъ, гр. Кушелевъ, узнавъ о намѣреніи Дюма сдѣлать путешествіе по Россіи, пригласилъ его, проѣздомъ, остановиться у него въ Полюстровѣ. Дюма, не успѣвшій еще хорошенько осмотрѣться, былъ, кажется, нѣсколько удивленъ безтолковщиной, его окружавшей.

Онъ радъ былъ встрѣчѣ со мной и просилъ дать ему случай познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ настоящихъ русскихъ литераторовъ. Я назвалъ ему Панаева и Некрасова, жившихъ тогда на дачѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ. Онъ радостно принялъ предложеніе къ нимъ ѣхать. И. И. Панаевъ, котораго я предупредилъ, также былъ очень доволенъ. Мы условились въ днѣ и вдвоемъ отправились на пароходѣ. Я искренно думалъ угодить обѣимъ сторонамъ, но ошибся въ расчетѣ: поѣздка эта не обошлась мнѣ даромъ. Не называя прямо по имени, меня впослѣдствіи печатно обвиняли, будто я, никому не сказавъ слова, съ бухта-барахты, сюрпризно привезъ Дюма на дачу къ Панаеву и съ нимъ еще нѣсколько неизвѣстныхъ французовъ. Прочитавъ обвиненіе, я сталъ припоминать, какъ было дѣло, и пришелъ къ заключенію, что оно происходило нѣсколько иначе. Привезти гостя и, притомъ, иностранца, да еще извѣстнаго писателя къ лицамъ незнакомымъ, не предупредивъ ихъ заблаговременно, было бы съ моей стороны не только легкомысленнымъ, но крайне невѣжественнымъ поступкомъ по отношенію къ хозяевамъ дома, которыхъ мы могли застать врасплохъ, и, наконецъ, противъ самого Дюма, рискуя явиться съ нимъ въ домъ въ такое время, когда хозяева могли отсутствовать. Трудно предположить также, чтобы Панаевъ, предупрежденный мною, забылъ сообщить объ этомъ у себя дома. По случаю этой поѣздки досталось также и Дюма. Разсказывается, какъ онъ нѣсколько разъ потомъ, и также сюрпризомъ, являлся на дачу къ Панаеву въ сопровожденіи нѣсколькихъ незнакомыхъ французовъ, — однажды привезъ ихъ цѣлыхъ семерыхъ, — и безъ церемоніи остался ночевать, поставивъ, такимъ образомъ, въ трагическое положеніе хозяевъ дома, не знавшихъ, чѣмъ накормить и гдѣ уложить эту непрошеную ватагу... Подумаешь, что здѣсь рѣчь идетъ не о цивилизованномъ, умномъ французѣ, въ

совершенствѣ знакомомъ съ условіями приличія, а о какомъ-то дикомъ баши-бузукѣ изъ Адріанополя. Я былъ всего одинъ только разъ съ Дюма на дачѣ у Панаева; въ тотъ же день, вечеромъ, мы уѣхали обратно на пароходѣ въ Петербургъ. Не знаю, сколько разъ удалось потомъ французскому писателю повторить свой визитъ; онъ не сообщалъ мнѣ объ этомъ; знаю только, что онъ давно ждалъ письма съ Кавказа и, получивъ его, немедленно выѣхалъ изъ Петербурга.

Въ концѣ августа получено было, наконецъ, извѣщеніе, что корабль „Ретвизанъ“ готовъ къ отплытію. Я поспѣшилъ въ Кронштадтъ, но здѣсь узналъ, что маршрутъ корабля совершенно измѣненъ противъ прежняго: вмѣсто того, чтобы идти вокругъ свѣта, ему назначено присоединиться къ эскадрѣ Средиземнаго моря и сопровождать в. к. Константина Николаевича. Вмѣсто Явы, Китая, Японіи, приходилось видѣть Испанію, Италію, Грецію и т. д. Что жъ, и это было не дурно! Я отправился. Путевыя мои записки отъ Петербурга до Генуи, помѣщавшіяся сначала въ „Морскомъ Сборникѣ“, собраны потомъ въ отдѣльный томъ. Я началъ было писать дальше о нашемъ пребываніи въ Аѳинахъ, Іерусалимѣ, Палермо и т. д., но остановился по разнымъ обстоятельствамъ.

Вернувшись въ Россію, я немедленно отправился въ деревню. У меня былъ готовый планъ для большого романа; мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ два поколѣнія: отживающихъ помѣщиковъ стараго закала и новыхъ, молодыхъ, мечтающихъ о сближеніи съ народомъ; мысль не отличалась новизною, но я хотѣлъ взять типами и деталями. Роману этому не суждено было осуществиться; онъ кончился первою частью, напечатанною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ подъ названіемъ „Два генерала“. Вторая часть застала меня въ большихъ непривычныхъ хозяйственныхъ хлопотахъ по имѣнію. Матушка передала мнѣ его управленіе, не имѣя возможности, за старостью лѣтъ, приводить въ дѣйствіе уставную грамоту, заниматься разверстаніемъ надѣловъ. Кто помнитъ это время въ деревнѣ, тому хорошо извѣстно, что тогда было не до писанія романовъ. Кто рвалъ на себѣ волосы съ горя, кто потиралъ руки отъ радости. Я, между тѣмъ, былъ счастливъ уже тѣмъ, что вскорѣ нашелся арендаторъ, соглашавшійся взять за порядочную плату всю землю, находившуюся на той сторонѣ рѣчки Смедвы, въ Зарайскомъ уѣздѣ. Я уже думалъ, что все, слава Богу, кончилось благополучно, и я могу теперь спо-

койно продолжать начатую работу. Не много надо было времени, чтобъ убѣдиться, насколько была преждевременна моя радость. Арендаторъ, вмѣсто того, чтобы распахивать землю и строить помѣщенія для скота, какъ было условлено по контракту, началъ съ того, что открылъ кабакъ, о чемъ прежде не было и помину. На протестъ мой онъ возразилъ, что снялъ землю и воленъ дѣлать на ней что ему вздумается. Начался рядъ безобразій; крестьяне поминутно приходили жаловаться. Когда пришелъ срокъ первой уплаты, арендаторъ объявилъ, что денегъ у него нѣтъ. Я поѣхалъ въ мой уѣздный городъ Каширу, съ цѣлью уничтожить условіе. Власти встрѣтили меня привѣтливо, искренно жалѣли, что я дался въ руки всѣмъ извѣстному мошеннику, но ничего, все-таки, не сдѣлали. „Земля снята арендаторомъ,—говорили они,—находится за рѣкой Смедвой и, слѣдовательно, въ Зарайскомъ уѣздѣ; вамъ надо съѣздить въ Зарайскъ; тамъ васъ всѣ знаютъ и сейчасъ все сдѣлаютъ“. Я поѣхалъ въ Зарайскъ. Снова живое соболѣзнованіе властей, снова назвали арендатора всѣмъ извѣстнымъ плутомъ, но снова ничего не сдѣлали. Арендаторъ былъ коломенскій мѣщанинъ Московской губерніи; слѣдовало, прежде всего, обратиться въ Коломну. Въ Коломнѣ буквально повторилось то же, что было въ Каширѣ и Зарайскѣ, но съ тѣмъ варіантомъ, что Коломнѣ слѣдовало списаться съ зарайскими властями, на которыхъ лежала прямая обязанность изгнать арендатора. Началась переписка: Коломна писала въ Зарайскъ, Зарайскъ справлялся съ Каширой, Кашира отвѣчала въ Зарайскъ и т. д. Арендаторъ, между тѣмъ, продолжалъ преспокойно сидѣть въ кабакѣ и чинить всякія безобразія. Онъ самъ, наконецъ, спился и добровольно оставилъ землю. Доходы съ имѣнія уменьшились болѣе чѣмъ на половину. Надо было предпринять что-нибудь рѣшительное. Разсчитывать только на литературный трудъ было для меня рискованно: я писалъ медленно, копотливо; плата была тогда умѣренная. Я помню очень хорошо, что когда въ „Современникѣ“ Тургеневу, Гончарову и мнѣ назначена была плата по шестидесяти рублей съ листа, въ редакціяхъ другихъ журналовъ поднялся страшный гвалтъ; говорили, что при такихъ безумныхъ платахъ нѣтъ больше возможности издавать журналъ, что это равно разоренію и т. д. Я рѣшился ѣхать въ Петербургъ и искать мѣста, которое не мѣшало бы мнѣ продолжать мои литературныя занятія.

Я обратился къ С. А. Гедеонову, сыну бывшаго директора театровъ и тогдашнему директору Императорскаго Эрмитажа.

Должность секретаря Эрмитажа была мнѣ предложена съ величайшею готовностью; полагалось при этомъ только условіе: прежде чѣмъ получить это мѣсто, я долженъ былъ сдѣлать описаніе всѣхъ отдѣленій Эрмитажа въ такой формѣ, чтобъ оно могло служить руководствомъ для посѣтителей. Часть осени и зиму провелъ я за этою работой. Когда она была окончена и напечатана подъ названіемъ „Прогулка по Эрмитажу“, я узналъ, что обѣщанное мнѣ мѣсто отдано дальнему родственнику тогдашняго начальника Гедеонова. Почти въ то же время происходили выборы въ секретари общества поощренія художествъ. Оно было мнѣ предложено, и я охотно согласился; новая обязанность приближала меня къ художественной сферѣ, близкой моему вкусу. Я думалъ найти время продолжать мои литературныя занятія, но ошибся. На свѣтѣ нѣтъ маленькаго дѣла; все зависитъ отъ того, насколько примешь его къ сердцу и будешь ему искренно преданъ. Дѣло, порученное мнѣ, заинтересовало меня съ самаго начала, и чѣмъ больше я входилъ въ него, тѣмъ больше оно меня завлекало. Планы различныхъ романовъ и повѣстей лежали пока подъ спудомъ; я и при другихъ, болѣе благопріятныхъ, условіяхъ никогда не могъ написать строчки въ Петербургѣ, теперь же и подавно нельзя было объ этомъ думать. Время отъ времени литературная жилка сильно давала себя чувствовать. При первой возможности я снова принялся за литературную работу. Если послѣднія мои произведенія слабѣе предыдущихъ, вина въ этомъ— моя отсталость, утрата привычки писать въ повѣствовательной формѣ; лѣта тутъ ни при чемъ. Мнѣ казалось всегда, что разъ человѣку дана извѣстная способность, она, какъ нѣчто духовное, не подвергается вмѣстѣ съ нимъ дѣйствію лѣтъ, потери силъ и зубовъ; надо только этому вѣрить и стараться самому не падать духомъ...

Я всегда съ чувствомъ глубочайшей благодарности обращаюсь къ Промыслу, направившему меня съ юности къ литературнымъ занятіямъ. Любовь къ литературѣ была моимъ ангеломъ-хранителемъ; она пріучила меня къ труду, она часто служила мнѣ лучше разсудка, предостерегая меня отъ опасныхъ увлеченій; ей одной, наконецъ, обязанъ я долей истиннаго счастья, испытаннаго мною въ жизни...

ПОРФИРІЙ ПЕТРОВИЧЪ КУКУШКИНЪ.

(ПРИКЛЮЧЕНІЯ МИРНАГО ГРАЖДАНИНА, ПРОЖИВШАГО ДО ПОЛНОЙ ЗРѢЛОСТИ У ТИХОЙ ПРИСТАНИ, НЕЖДАННО УПАВШАГО ВЪ ВОДУ, УНЕСЕННАГО ТЕЧЕНІЕМЪ И ЕДВА НЕ УТОНУВШАГО.)

I.

— Признаться сказать, батенька, я въ немъ ничего особеннаго не вижу; человѣкъ онъ добрый,—это точно...

— Добрый! Только-то? Гм... Добрые люди—вы, я, нашъ вице-директоръ, множество изъ нашихъ сослуживцевъ и знакомыхъ, всѣ мы добрые люди!.. Добрыми людьми, слава Богу, пока еще хоть прудъ пруди!.. Добрый!.. Гм... Я вамъ скажу: Кукушкинъ, батюшка,—особая статья. Да-съ! Такихъ людей днемъ съ огнемъ поискать надо. Семьсотъ семьдесятъ пять разъ пройдешь по Невскому проспекту, столько же по Большой Морской и другимъ главнымъ улицамъ, и такого человѣка,—нѣтъ, шутите-съ... и тогда не найдешь... Да-съ, не найдешь!..

— Вы, Иванъ Ивановичъ, увлекаетесь...

— Ну, конечно! Я это предвидѣлъ! Стоитъ мнѣ открыть ротъ, сейчасъ: „вы увлекаетесь, Иванъ Ивановичъ!“ Я уже, знаете, привыкъ къ этому... Скажу вамъ слѣдующее: если бъ я дѣйствительно увлекался, въ этомъ ничего не было бы удивительнаго, потому что въ человѣкѣ, о которомъ идетъ рѣчь, природа, вопреки своему обычаю, все соединила. Да-съ, все, даже съ избыткомъ: благородство чувствъ, возвышенныя мысли и, ко всему этому, талантъ...

— Талантъ?

— Вы этого не знали? Неудивительно,—вы поступили къ намъ въ департаментъ такъ еще недавно... Да-съ, талантъ... и еще какой! О-о, батюшка, первоклассный талантъ!.. Бывъ еще въ гимназіи мальчикомъ, онъ уже сочинялъ стихи,—и какіе! Почище того, что теперь пишутъ и печатаютъ... Да-съ, съ тѣхъ поръ онъ постепенно росъ и совершенствовался... Къ сожалѣнію, и въ немъ наше общее горе, онъ ничего не хочетъ печатать...

— Почему такъ?

— Не хочетъ подвергать себя критикѣ.

— Гордость, значитъ?

— Нисколько.

— Боязнь, стало-быть?

— Нѣтъ-съ, не гордость и не боязнь его удерживаютъ,—удерживаетъ его уваженіе къ отечественной литературѣ!.. Его чувства оскорблены возмутительными нападками критики противъ поэтовъ!.. Къ этому примѣшивается также скромность. Мало ли мы его уговаривали: печатай, да печатай,—нѣтъ-съ, не цѣнитъ онъ свой талантъ какъ бы слѣдовало,—не цѣнитъ!..

Бесѣда эта происходила между двумя сослуживцами, утромъ, въ ресторанѣ Доминика, за порціями, передъ однимъ—выпускной яичницы, передъ другимъ—осетрины съ гарниромъ.

Необходимо теперь коснуться наружности двухъ собесѣдниковъ. Я сейчасъ бы приступилъ къ этому, если бъ не стѣснялся соображеніями насчетъ выбора описательнаго метода.

Совершеннѣйшими образцами изображенія человѣческой физіономіи считались всегда наши паспорты; но поразительная ясность и краткость—главныя ихъ достоинства, признаваемыя даже безграмотными, очевидно, могутъ быть только результатомъ долгой практики; не обладая ею, я принужденъ отказаться отъ такого метода... Скрѣпя сердце, рѣшаюсь обратиться къ старому, избитому литературному пріему.

Сослуживецъ, не подозрѣвавшій въ Кукушкинѣ поэтическаго дара, Никаноръ Сергѣевичъ Фанфаровъ, былъ добродушнаго вида толстякъ, съ выраженіемъ беззаботной сытости въ лицѣ. Онъ говорилъ глухимъ басомъ, отличался небрежностью въ одеждѣ: бѣлье и галстукъ увядшаго, подержаннаго качества; на обшлагахъ сюртука пятна отъ неумѣренныхъ гастрономическихъ побужденій. Невни-

маніе къ внѣшности обозначалось еще явственнѣе на его шарообразной головѣ, покрытой встрепанными, черными завитками съ просѣдью. Физіономія дополнялась одутловатыми щеками, какъ будто за каждой скрывался грецкій орѣхъ; между ними круглился картофельный сочный носъ, а ниже выдвигались толстыя, сластолюбивыя губы.

Другой собесѣдникъ, горячій поклонникъ Кукушкина, Иванъ Ивановичъ Рожковъ, тѣхъ же почти лѣтъ какъ Фанфаровъ, представлялъ съ нимъ рѣзкій контрастъ. Еще немножко, и его можно было бы принять за недоноска,— до такой степени былъ онъ тщедушенъ, сухопаръ и малъ ростомъ. Одинъ изъ его товарищей по службѣ, находившій непонятное удовольствіе сказать о каждомъ что-нибудь непріятное, утверждалъ всегда, что если бы Рожкову случилось принять слабительнаго, отъ него ничего бы не осталось, кромѣ платья. Сокращенные размѣры не только не мѣшали, но, казалось, помогали Рожкову производить быстрыя движенія, подскакивать въ разговорѣ, выказывать всѣ признаки неукротимаго, живого темперамента; онъ ни о чемъ не могъ говорить безъ возбужденія; кипѣлъ, горячился, выходилъ изъ себя — до выскакиванія глазъ; случалось, начинался разговоръ въ двухъ-трехъ противоположныхъ углахъ комнаты, Иванъ Ивановичъ стремительно метался изъ конца въ конецъ и хотя часто невпопадъ, но непремѣнно вмѣшивался. Ни разу еще не случалось ему сидѣть въ конкѣ безъ того, чтобы не заговорить съ сосѣдомъ.

Не довольствуясь своимъ ораторскимъ даромъ и прытростью рѣчи, которая неслась какъ изъ лопнувшаго насоса, онъ находилъ еще нужнымъ дополнять ее выразительною мимикой. Говоря о предметѣ малаго размѣра или желая выразить ничтожество, онъ вдругъ весь съеживался, оставляя напоказъ передъ носомъ кончикъ ногтя на мизинцѣ; касалось ли дѣло чего-либо значительнаго, онъ такъ же неожиданно выпрямлялся, подымался на цыпочки, закидывалъ голову, пучилъ глаза и простиралъ руки, какъ птица, готовящаяся летѣть.

Живость била изъ него ключомъ. Коротенькій, вострый носикъ придавалъ ему видъ цесарскаго пѣтушка, готоваго каждую минуту броситься на соперника; недоставало только на его головѣ краснаго гребешка; его замѣняла густая щетка коротко остриженныхъ волосъ, торчавшихъ какъ у ежа, несмотря на то, что владѣлецъ то

и дѣло нервно проводилъ по нимъ ладонью, стараясь ихъ разгладить.

II.

Кукушкинъ (Порфирій Петровичъ), служившій предметомъ разговора въ ресторанѣ Доминика, только что готовился отпраздновать день сорокалѣтняго своего рожденія. Этимъ лишь приближался онъ къ сослуживцамъ Фанфарову и Рожкову; внѣшностью и характеромъ не имѣлъ онъ съ ними никакого сходства. Въ его коротенькой бородкѣ, цвѣта расчесанной пакли, такого же цвѣта бакенахъ и мягкихъ какъ пухъ волосахъ не проглядывало ни одной сѣдины; на маковкѣ просвѣчивала слегка небольшая лысина; она, впрочемъ, замѣтна была больше при солнцѣ, или когда онъ слишкомъ наклонялъ голову. Ростъ имѣлъ онъ средній, начиналъ полнѣть; въ послѣднее время жаловался на одышку и боль въ печени.

Задумчивый, можно сказать, тоскующій его видъ обличалъ въ немъ скорѣе меланхолика, мечтателя, чѣмъ человѣка, одержаннаго быстрыми практическими способностями. Послѣднее, связанное съ нѣкоторою юркостью въ чертахъ и во взглядѣ, замѣнялось у Кукушкина выраженіемъ простодушія и кротости; сейчасъ видно было, что передъ вами человѣкъ добрый, не способный ни на какой злой умыселъ. Но этимъ все и ограничилось. Надо правду сказать, легче было выслѣдить какую-нибудь рѣзкую черту характера на пятикопеечной булкѣ, чѣмъ на его тускло-блѣдноватомъ лицѣ и въ голубоватыхъ глазахъ, оттѣненныхъ свѣтлыми рѣсницами и напоминавшихъ двѣ фіалки, крѣпко разваренныя въ молокѣ. Главное его физическое отличіе заключалось въ бѣлизнѣ кожи; въ банѣ онъ бросался въ глаза между остальными моющимися; вокругъ пояса обходила только красная полоса, какъ у людей, носящихъ военную форму. Военнымъ онъ, однакожъ, никогда не былъ; — боевая жизнь противорѣчила стремленіямъ его природы, склонной къ мирнымъ, кабинетнымъ занятіямъ и тихой семейной жизни.

По выходѣ изъ филологическаго института, онъ опредѣлился въ министерство народнаго просвѣщенія и оставался въ немъ вплоть до женитьбы, случившейся ровно за двѣнадцать лѣтъ до настоящаго времени. Переходъ въ другое вѣдомство и облаченіе въ мундиръ совершились почти противъ его воли. Иначе нельзя было сдѣлать. Не-

обходимо было уступить требованіямъ многочисленнаго женскаго персонала, начиная съ жены, тещи, старшей сестры жены, Аменаиды Васильевны, — увядшей дѣвы съ тучей мелкихъ завитковъ на лбу, совершенно лысымъ затылкомъ и глазами на выкатѣ, постоянно искавшими предметъ для увлеченія.

Въ желаніи дамъ видѣть Порфирія Петровича въ мундирѣ ничего нѣтъ удивительнаго; оно объясняется само собою: теща была вдова плацъ-майора; она—съ семнадцатилѣтняго возраста, дочери—со дня ихъ рожденія, бывъ постоянно окружены лицами, носившими военную форму, должны были, весьма натурально, сродниться съ нею; но пристрастія къ ней было бы, вѣроятно, еще недостаточно для желанія облачить въ мундиръ Порфирія Петровича, если бы не побуждали къ тому болѣе важныя причины. Теща, жена и свояченица, каждая въ своемъ родѣ, до такой степени были очарованы Кукушкинымъ, что въ первый годъ его супружества только и думали о томъ, чѣмъ бы придать ему больше красоты и вмѣстѣ съ тѣмъ мужественности. Онѣ остановились на мундирѣ въ томъ убѣжденіи, что къ Порфирію Петровичу, какъ блондину, лучше всего шли прямой, цвѣтной воротникъ, фуражка съ цвѣтнымъ обводомъ и кокардой и свѣтлыя пуговицы.

Противъ такого мнѣнія, насильственнаго, деспотическаго, какъ всякое женское мнѣніе, мирный Порфирій Петровичъ не въ силахъ былъ бороться. Онъ перешелъ въ вѣдомство, допускавшее штатское платье, но обязательно требовавшее мундира во время исполненія служебныхъ обязанностей.

Перекочеванье изъ одного министерства въ другое не только не повредило его служебной карьерѣ, но было ему выгодно. Его кротость и смиреніе, столь драгоцѣнныя для семейной жизни, не замедлили обратить на себя вниманіе зоркаго начальства. Завистливые сослуживцы (они вездѣ есть), увѣрявшіе, что Порфирій Петровичъ „*этимъ только и взялъ*“, жестоко ошибались. Ни одинъ изъ нихъ не могъ съ нимъ соперничать въ точности и аккуратности: доклады и отношенія, выходившіе изъ его отдѣленія, считались образцами чистоты и грамотности. Если его находили не словоохотливымъ и холоднымъ, это происходило вовсе не изъ гордости или высокаго о себѣ мнѣнія, какъ многіе утверждали, но вслѣдствіе сосредоточенности характера и постоянной умственной озабоченности, искав-

шей удовлетворенія и, вѣроятно, не находившей его между сослуживцами.

Лучшимъ доказательствомъ, насколько цѣнило его начальство, служитъ то, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ онъ былъ награжденъ тремя орденскими знаками. Станислава 3-й степени ему дали потому, что у него не было еще никакого ордена; Анну 3-й степени получилъ онъ потому, что уже имѣлъ Станислава 3-й степени; наконецъ, Станиславомъ 2-й степени былъ онъ награжденъ потому, что имѣлъ уже Станислава 3-й ст. и Анну.

III.

Получаемыя, такимъ образомъ, награды сопровождались всегда скромнымъ семейнымъ торжествомъ. Съ утра въ кухнѣ варили, пекли и жарили. Безъ кулебяки, по русскому обычаю, конечно, не обходилось. Въ торжествахъ принималъ всегда дѣятельное участіе Иванъ Ивановичъ Рожковъ, товарищъ дѣтства Кукушкина, другъ его семейства и, наконецъ, сослуживецъ. Первымъ дѣломъ Порфирія Петровича, какъ только поступилъ онъ на новое мѣсто, было пристроить туда же Ивана Ивановича Рожкова, отличавшагося крайнею скромностью требованій.

Каждый смертный, которому посчастливилось хоть на мизинчикъ выйти въ люди, непремѣнно имѣетъ такого друга-товарища, бо́льшею частью неудачника, человѣка, которому не повезло, не удалось пристать ни къ какой гавани, чаще всего ни къ чему не способнаго, хватающагося за все, что угодно, ничего не кончающаго, но одареннаго обыкновенно добрымъ, привязчивымъ сердцемъ, требующимъ вокругъ кого-нибудь обвиться, подобно плющу. Такія личности бываютъ двухъ родовъ: сентиментальныя и пылкія; Рожковъ принадлежалъ къ послѣднему роду. Сердечное влеченіе къ Кукушкину, начавшееся со школьной скамьи, превратилось впослѣдствіи въ поклоненіе, въ культъ. Порфиріемъ Петровичемъ и его семействомъ замыкался вещественный и нравственный міръ Рожкова. Его преданность была трогательна, примиряла съ человѣчествомъ. Когда у Кукушкина дѣлался флюсъ, а у его жены болѣли зубы, чему оба были подвержены, на Рожкова жалко было смотрѣть. Закручивая руки за спину, судорожно сжимая губы, суетливо переходилъ онъ изъ комнаты въ комнату, не находя себѣ мѣста; — онъ страдалъ за обоихъ.

Необычайная его подвижность находила удобное приложеніе въ его преданности; онъ за всѣхъ хлопоталъ, бѣгалъ, суетился; чтобы исполнить малѣйшее желаніе кого-нибудь изъ членовъ семьи, хотя бы купить леденцовъ для дѣтей, Иванъ Ивановичъ, не говоря ни слова, хитро только прищуривая одинъ глазъ и улыбаясь, летѣлъ съ конца Садовой въ дальнюю кондитерскую, если находилъ ее лучше другихъ.

Съ годами онъ сдѣлался неразлучнымъ членомъ семьи, быть-можетъ, вступилъ бы съ нею въ родственную связь, если бъ Аменаида Васильевна не нашла его слишкомъ уже тщедушнымъ и малаго роста;—такой мужъ, при всѣхъ его нравственныхъ качествахъ, не отвѣчалъ ея идеалу. Рожковъ былъ уже счастливъ и тѣмъ, что считался другомъ дома.

Онъ совершенно искренно признавался, что лучшими минутами его жизни были тѣ, когда Порфирій Петровичъ былъ оцѣняемъ и награждаемъ начальствомъ.

Трудно изобразить словами восторгъ Рожкова, одушевленіе въ его чертахъ, блескъ его глазъ въ то утро, когда Кукушкинъ, возвратясь домой послѣ полученія Станислава 2-й степени, стоялъ тѣсно окруженный домашними. Иванъ Ивановичъ далъ ему трижды поцѣловаться съ тещей, поцѣловать жену, поднять поочередно для поцѣлуя каждаго изъ троихъ дѣтей, обнять Аменаиду Васильевну, припавшую къ его груди, и только послѣ этого подошелъ къ нему; съ горячностью схватилъ онъ его руку и, почти задыхаясь отъ напора взволнованныхъ чувствъ, проговорилъ, моргая увлажненными глазами:

— Позволь теперь и мнѣ, товарищу твоего дѣтства, другу твоей семьи, — позволь, Порфирій, и мнѣ тебя поздравить!..

— Можешь быть увѣренъ, возразилъ съ такимъ же глубокимъ чувствомъ Кукушкинъ, пожимая крѣпко его руку,—можешь быть увѣренъ, все это... (тутъ онъ опустилъ глаза и слегка прикоснулся пальцемъ къ новому ордену)... все это не въ состояніи измѣнить нашихъ дружескихъ отношеній...

Такое явное выраженіе дружбы вырвалось изъ груди Порфирія Петровича совершенно невольно, — въ эту минуту онъ, очевидно, сильно былъ растроганъ вниманіемъ къ нему начальства съ одной стороны, съ другой—горячимъ сочувствіемъ семьи и ея любовью. Рожковъ хотѣлъ

также прибавить что-то насчетъ преданности, но голосъ его оборвался отъ прилива чувствъ; онъ успѣлъ только отвернуться, чтобы скрыть свои слезы.

Затѣмъ немедленно приступлено было къ кулебякѣ.

IV.

Завтракъ этотъ не заслуживаетъ описанія. При дальнѣйшемъ развитіи разсказа (если только читатель дочтетъ его до конца), предстоитъ еще другой завтракъ, на которомъ придется подробнѣе остановиться. Достаточно сказать, что тотъ, кому бы вздумалось заключить о скромныхъ финансовыхъ средствахъ хозяина дома на томъ основаніи, что пили его здоровье Голицынскимъ шампанскимъ, вмѣсто настоящаго, тотъ недалеко отсталъ бы отъ истины. Подобно значительному большинству своихъ соотечественниковъ, Порфирій Петровичъ могъ бы, на радостяхъ, поставить ребромъ послѣднюю копейку, занять даже на этотъ случай нѣкоторый кушъ, нимало не стѣсняясь послѣдствіями, но его удерживало благоразуміе разсчетливаго семейнаго человѣка.

Къ тремъ тысячамъ жалованья, ежегодной денежной наградѣ,—„*изъ остатковъ*“, какъ говорилось въ отчетѣ,—прибавлялись еще проценты отъ капитала въ девять тысячъ, полученнаго за женою, и также незначительная пенсія тещи, вдовы плацъ-майора, что въ общей сложности составляло въ годъ около четырехъ съ половиною тысячъ. Съ такими доходами семейному человѣку въ Петербургѣ, — особенно, когда въ семьѣ преобладаетъ женскій элементъ, — невозможно думать о покупкѣ пары рысаковъ и собственнаго экипажа;—попеволѣ приходится вести тѣсную дружбу съ бухгалтеріею.

Затруднепія Кукушкина усложнялись еще неразсчетливостью жены, которая почти ежегодно прибавляла въ бюджетъ новый расходъ на мальчика или дѣвочку; она старалась увѣрить, что сама была тутъ ни при чемъ, что на то была Божья воля, но никто не принималъ серьезно ея оправданій: вина всецѣло падала столько же на нее, сколько и на Порфирія Петровича.

Уже замѣчено кѣмъ-то, что меланхолики чаще другихъ людей ставятъ своихъ женъ въ интересное положеніе; съ ними могутъ только соперничать развѣ лица духовнаго званія. Не успѣвала Софья Васильевна отдохнуть отъ родовъ,—смотришь, ее снова начинало тошнить.

Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ супружества произведено было, такимъ образомъ, девять дѣтей, — обстоятельство, значительно измѣнившее наружность Софьи Васильевны; изъ миловидной блондинки, прозванной въ семействѣ за свѣжесть *пышечкой*, образовалось истомленное существо полупрозрачнаго вида, утратившее бо́льшую часть волосъ, замѣняемыхъ теперь днемъ накладкой, а ночью чепцомъ. Она до сихъ поръ была страстно влюблена въ мужа; глаза ея маслились не только когда она на него смотрѣла, но когда о немъ говорили. Изъ девяти человѣкъ дѣтей оставалось въ живыхъ только трое: два мальчика, Леонидъ и Аполлонъ, и дѣвочка, любимица отца, окрещенная именемъ благовѣрной отроковицы Музы. Жена, теща и свояченица были сначала удивлены желаніемъ отца дать дочери такое имя, но обаяніе его между членами семейства было настолько велико, что никто не рѣшился ему противорѣчить. Въ тайну такого желанія былъ посвященъ только крестный отецъ—Рожковъ.

Но и съ тремя дѣтьми не мало сопрягалось хлопотъ и расходовъ. Едва Муза освободилась отъ кори, Аполлонъ занемогъ разливомъ золотухи; прошла у Аполлона золотуха,—у Леонида открылась свинка. Несмотря на постоянное лѣченіе, частые роды и крестины, Кукушкинъ велъ свои дѣла такъ аккуратно, что не имѣлъ копейки долгу. Этому, надо правду сказать, много способствовали и члены семейства.

Бываютъ, говорятъ, счастливыя супружества, но превосходныхъ никто еще не встрѣчалъ. Утверждаютъ также, что полное супружеское счастье существовало только между венеціанскимъ дожемъ и Адріатическимъ моремъ. Семейство Кукушкиныхъ краснорѣчиво противорѣчило такимъ скептическимъ предположеніямъ. Трудно было сыскать семью болѣе тѣсно связанную, болѣе дружную: всѣ любили другъ друга, всѣхъ одинаково связывало не только чувство любви, но какого-то умилительнаго обожанія къ главѣ семейства.

Потребность къ обожанію со стороны жены и свояченицы, возбуждаемая несомнѣнными качествами Порфирія Петровича, была также прямымъ слѣдствіемъ ихъ институтскаго образованія. Оно способствовало также къ опредѣленію, съ юныхъ лѣтъ, природныхъ наклонностей и вкусовъ обѣихъ сестеръ. Старшая, Аменаида Васильевна, выказывала бо́льшія артистическія способности; несомнѣн-

нымъ доказательствомъ этому служитъ сохранившаяся нарисованная карандашомъ голова римскаго военачальника Люція-Вера, которую учитель рисованія называлъ почему-то „Люциферомъ“.

Возрастъ нисколько не помѣшалъ ея стремленіямъ къ изящному; они выражались, главнымъ образомъ, въ ручныхъ работахъ, между которыми шитыя подставки подъ лампы, окруженныя мохомъ изъ зеленой шерсти, занимали не послѣднее мѣсто.

Младшая сестра отличалась больше въ физикѣ, химіи, космографіи, педагогикѣ, исторіи и географіи, и хотя часто сбивалась въ годахъ царствованія Петра Великаго и точномъ опредѣленіи мѣстъ, омываемыхъ Волгой, но въ этомъ слѣдуетъ скорѣе винить ослабѣвшую память послѣ столькихъ родовъ, чѣмъ неосновательность многосложнаго преподаванія.

Матушка ея была добродушнѣйшая, кроткая старушка, любившая, послѣ родныхъ и внучатъ, двухъ кошекъ, которыхъ сама выкормила и выходила. Но кошки — неблагодарныя животныя: ласкамъ благодѣтельницы онѣ предпочитали ящики съ плющемъ, поставленные по обѣимъ сторонамъ двери въ гостиную; плющъ, въ свою очередь, ненавидѣлъ кошекъ, сообщавшихъ ему желтоватый, окислый видъ и лишавшихъ его натуральнаго запаха.

Быть постоянно предметомъ хроническаго обожанія можетъ, подъ конецъ, кого угодно вывести изъ терпѣнія, но Порфирій Петровичъ относился къ такому чувству съ обычною кротостью, ограничиваясь снисходительною улыбкой, поцѣлуемъ въ лобъ, нѣжнымъ пожатіемъ руки, легкимъ прикосновеніемъ ладони по дѣтской щекѣ, послѣ чего торопливо, какъ бы боясь потерять минуту времени, брался за книгу и уже не отрывалъ отъ нея глазъ,—даже на ходу, когда отправлялся въ кабинетъ. Если вамъ случалось встрѣчать въ омнибусѣ, въ вагонѣ конки, даже на улицѣ человѣка, углубленнаго въ чтеніе и часто въ разсѣянности наступающаго на чужія ноги, то можете быть увѣрены, человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ Порфирій Петровичъ Кукушкинъ.

Любовь его къ чтенію руководилась, однакоже, самымъ строгимъ выборомъ, доказывающимъ неоспоримымъ образомъ, насколько такой выборъ,—мимо умственнаго направленія,—имѣлъ вліяніе на благотворное развитіе высокихъ нравственныхъ качествъ, насажденныхъ природой въ душѣ

Порфирія Петровича. Его преимущественно увлекали книги, писанныя краснорѣчивымъ языкомъ, съ содержаніемъ и характерами романтическаго, возвышеннаго подъема: „Коса красавицы“, долженствовавшая „обвить нѣсколько разъ земной шаръ“,—въ стихотвореніи Бенедиктова,—казалась ему верхомъ поэтическаго вымысла. „Взгляни на этотъ чинаръ, такъ гордо поднявшій свою вершину надъ скалой! Она служила ему колыбелью, она взлелѣяла и возрастила его, когда онъ былъ простымъ жолудемъ; онъ выросъ и разсѣкъ ее на-двое могучими своими корнями!..“—въ повѣсти Марлинскаго,—служили ему образцомъ слога и глубины мысли.

„— Здравствуй, великая царица Тедмора!—Здравствуй, великій Антаръ, сынъ Раббія!—послышался голосъ за пурпуровою занавѣской“, — въ повѣсти Каменскаго, — повторялъ онъ какъ нѣчто музыкальное, достойное быть перенесеннымъ на ноты.

Съ юности до зрѣлаго возраста Кукушкинъ сохранялъ поклоненіе къ идеалу и вѣру въ жреческое призваніе поэтовъ. Новѣйшая литература была ему какъ-то не по душѣ; онъ относился къ ней безъ пренебреженія, но холодно; она его не воодушевляла; она, по его мнѣнію, измѣнила высокому своему призванію пророческаго пѣснопѣнія; покинувъ высоты прежняго своего пребыванія, она снизошла къ описанію низменныхъ событій ежедневной прозаической жизни, уже потому не заслуживающихъ быть предметомъ литературы, что куда ни пойдешь—ихъ вездѣ и каждый день можно видѣть сколько угодно. Газеты читалъ онъ больше по необходимости, чтобы не стать втупикъ передъ сослуживцами, когда рѣчь касалась живыхъ, современныхъ вопросовъ о производствахъ, перемѣнахъ службы, пріѣздѣ или отъѣздѣ именитыхъ лицъ и т. д. Встрѣчая критическія статьи, онъ никогда не прочитывалъ ихъ сразу, признаваясь чистосердечно, что отъ такого чтенія у него всегда мутитъ въ головѣ и холодѣютъ конечности рукъ.

Такое мнѣніе о современной литературѣ и газетахъ очень цѣнилось въ департаментѣ, гдѣ прежде служилъ Кукушкинъ, и нѣтъ сомнѣнія, онъ современемъ удостоился бы значительныхъ повышеній, если бы съ одной стороны женитьба, съ другой—мягкость характера и податливость не заставили его перейти неожиданно въ другое вѣдомство.

Постоянная углубленность въ чтеніе, замкнутость въ самомъ себѣ, молчаливость—въ значительной мѣрѣ дѣйствовали на воображеніе членовъ семейства. Въ ихъ глазахъ Порфирій Петровичъ принималъ видъ какого-то высшаго существа, таинственно выглядывающаго изъ-за облака. Часто, сидя между своими, ему случалось задуматься и, подавляя вздохъ, устремлять глаза въ какую-то невѣдомую даль, какъ бы отыскивая въ ней отзывъ чему-то высшему. Едва замѣчалось въ немъ такое настроеніе,— все вокругъ умолкало. Рожковъ мгновенно прерывалъ оживленный разговоръ, теща, предупрежденная выразительною пантомимой, останавливала свое вязанье, жена опускала глаза, Аменаида Васильевна поспѣшно уводила дѣтей. Когда послѣ этого онъ подымался съ мѣста и, какъ бы внезапно осѣненный мыслью, уходилъ въ кабинетъ, жена бережно затворяла за нимъ дверь, Рожковъ, указывая присутствующимъ на кабинетъ, принимался выдѣлывать пальцами вокругъ лба пояснительные, быстрые жесты. Опъ подходилъ на цыпочкахъ къ каждому изъ присутствующихъ и, наклоняясь къ уху, приподымая многозначительно брови, произносилъ торопливымъ шопотомъ:

— Не будемъ тревожить... Я знаю, онъ снова намѣренъ подарить чѣмъ-то новенькимъ... Вчера прочелъ мнѣ отрывокъ—чудо что такое! Просто, геніальная вещь!..

V.

Въ послѣднемъ заключеніи Иванъ Ивановичъ Рожковъ, увлекаемый пристрастіемъ, свойственнымъ дружбѣ, могъ переходить за предѣлы истины; съ нимъ это часто случалось. Несомнѣнно было, однакоже, что у Порфирія Петровича время отъ времени пробуждалась потребность излить на бумагѣ внезапный наплывъ чувствъ и мыслей. Потребность эту затруднительно было бы назвать собственно приливомъ вдохновенія; даже въ такіе часы Кукушкинъ сохранялъ обычное спокойно-разсудительное состояніе духа, вполнѣ владѣлъ собою и пульсъ его бился ровно.

Единственнымъ признакомъ усиленнаго умственнаго и нервнаго напряженія могло служить то, что его въ эти часы особенно сильно бросало въ испарину; но это могло происходить отъ того также, что Порфирій Петровичъ держался привычки сидѣть за работой въ стеганомъ халатѣ на заячьемъ мѣху, подаренномъ ему тещей. Какъ

бы то ни было, потребность сочинять была настоятельна и требовала удовлетворенія. Она всегда выражалась въ стихотворной формѣ и преимущественно въ классическомъ, строго возвышенномъ характерѣ, къ которому, какъ уже сказано, имѣлъ онъ всегда большую склонность.

Онъ съ дѣтства любилъ сочинять стихи и съ этой стороны, если хотите, не многимъ отличался отъ сотенъ тысячъ мальчиковъ: разница между нимъ и ими была, однакоже, огромная: она состояла въ томъ, что сотни тысячъ мальчиковъ перестаютъ съ лѣтами быть стихотворцами, тогда какъ Кукушкинъ, не взирая на возрастъ, продолжалъ упорно *щекотать музу*, какъ говорится, и упражнялся въ риѳмахъ. При поступленіи въ гимназію у него были уже три толстыя тетрадки, наполненныя стихотвореніями. Въ то время стихотворенія эти извѣстны были только его товарищу Рожкову, и онъ одинъ ими восхищался: отсюда и началась ихъ дружба. Извѣстно, что дружба между двумя человѣками скрѣпляется особенно сильно, когда одинъ изъ друзей чистосердечно признаетъ надъ собой превосходство другого и ему подчиняется.

Кукушкинъ продолжалъ сочинять стихи въ филологическомъ институтѣ, сочинялъ въ канцеляріи министерства просвѣщенія, сочинялъ у себя дома: Рожковъ, со своей стороны, продолжалъ ими такъ же горячо восторгаться. Дружба между товарищами постепенно росла и укрѣплялась на самыхъ прочныхъ основаніяхъ.

Семейныя узы и заботы, новый родъ службы нимало не мѣшали Кукушкину отдаваться любимому занятію; напротивъ, восторги преданнаго друга, удесятеренные восторгами жены, тещи и романтической Аменаиды Васильевны, постоянно его ободрявшіе, какъ бы окрыляли его духъ, придавали ему новыя силы. Онъ измѣнилъ только роду поэзіи, находя весьма основательно, что первый родъ его стихотвореній, какъ, напримѣръ, „Забытая фіалка", „Ручеекъ", „Къ ней", „Мотылекъ", „Сѣрые глазки", съ посвященіемъ „Моей невѣстѣ", „Вѣтка жасмина" и множество другихъ въ томъ же родѣ, шли больше къ юности: зрѣлый возрастъ ими не удовлетворялся; требовалось больше содержательности со стороны мысли и больше обработки со стороны формы. Въ первыя шесть лѣтъ супружества, проведенныя въ безмятежномъ состояніи счастливца, пользующагося всѣми благами семейной жизни съ прибавкой поклоненія, были, такимъ образомъ,

сочинены и торжественно прочитаны, при взрывѣ рукоплесканій всей семьи, цѣлый рядъ новыхъ стихотвореній подъ названіемъ: „Нашъ вѣкъ“, „Эльбрусъ“, „Синеусъ и Труворъ“, „Цѣль жизни“, „Хаосъ“, „Яcодхара“ (жена Будды,— примѣчаніе автора), „Созерцатель“ и, наконецъ, „Океанъ“.

Послѣднее произведеніе сопрягалось для автора и его семейства съ тягостнымъ воспоминаніемъ. Порфирій Петровичъ, никогда не бывавшій въ Кронштадтѣ и во всю свою жизнь два или три раза ѣздившій въ Петергофъ по желѣзной дорогѣ, имѣлъ весьма слабое понятіе о морской стихіи. Необходимо, между тѣмъ, было съ нею познакомиться; мало того: проникнуться впечатлѣніями, которыя она должна была дать уму и душѣ. Всякій согласится, что человѣку точному, добросовѣстному нельзя было поступить иначе. По случаю наступившей глухой осени, пароходные рейсы уже прекратились. Порфирій Петровичъ, не сказавъ слова о своемъ намѣреніи, утаивъ его даже отъ Рожкова, отправился дѣлать свои наблюденія на дальній мысъ Крестовскаго острова.

Было очень холодно; дулъ прямо изъ Шлиссельбурга порывистый вѣтеръ, уносившій послѣдніе листья. Кукушкинъ достигъ уже цѣли своего путешествія, когда небо, и безъ того пасмурное, заволокло окончательно тучами и пошелъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ дождей, о которыхъ петербургскій житель такъ обыкновенно выражается: „ну, пошла теперь эта наша кислота...“

Тусклая, непривѣтливая природа сообщала, весьма натурально, мрачный колоритъ чувствамъ поэта. Дождикъ лилъ теперь съ удвоенною силой, вѣтеръ завывалъ какъ голодная собака, потерявшая своего хозяина; ноги Порфирія Петровича стояли въ лужѣ, но онъ, повидимому, не обращалъ на это должнаго вниманія; полный своей задачи, онъ не трогался съ мѣста. Скрестивъ на груди руки, устремивъ пытливый взоръ въ пространство залива, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ плеску волнъ, онъ усиливался запечатлѣть въ памяти разнообразные оттѣнки всего того, что совершалось передъ его глазами.

Остается искренно сожалѣть, что волею судебъ Порфирій Петровичъ не достигъ безсмертія, потому что лучшимъ моментомъ для изображенія его фигуры на памятникѣ былъ бы именно этотъ моментъ; но онъ пропалъ безслѣдно и не воспользовался имъ ни одинъ талантливый художникъ.

Семейство, между тѣмъ, металось въ страшномъ безпокойствѣ. Рожковъ, побѣжавшій отыскивать друга, возвратился два часа спустя, объявляя съ отчаяніемъ, что поиски оказались тщетными.

Былъ уже десятый часъ вечера, когда у входной двери раздался звонокъ; всѣ бросились навстрѣчу, но тутъ же съ ужасомъ отступили при видѣ Порфирія Петровича: вода, какъ изъ жолоба, текла съ полей его шляпы и ручьями струилась по его платью; онъ едва могъ произнести нѣсколько словъ, прося, чтобы ему скорѣе дали напиться чего-нибудь горячаго. Часъ спустя, онъ лежалъ въ постели, жалуясь на ознобъ. На другой день онъ ничего уже не могъ говорить, только бредилъ что-то несвязное. Будь онъ одинокій холостякъ, онъ можетъ-быть бы не выдержалъ; нѣжный уходъ родныхъ и преданность Рожкова, не покидавшаго изголовья больного, не замедлили поставить его на ноги.

VI.

Если стихотворныя произведенія Порфирія Петровича не появлялись въ печати,—винить въ этомъ можно только самого автора, но никакъ не родныхъ его и тѣмъ менѣе Ивана Ивановича Рожкова. Послѣдній неотступно убѣждалъ Кукушкина подѣлиться съ публикой хоть частью, хоть чѣмъ-нибудь изъ его сочиненій.

— Смиреніе паче гордости! горячился Рожковъ.—Сто разъ говорилъ тебѣ, Порфирій, и еще разъ скажу: ты самъ не знаешь цѣны своимъ произведеніямъ! Ты, напримѣръ, совсѣмъ отказался отъ первыхъ твоихъ стихотвореній, называешь ихъ мелочью, плодами дѣтскаго вдохновенія, между тѣмъ, ихъ-то, прежде всего, и слѣдовало бы напечатать, да, прежде всего, потому что эти бездѣлицы,—какъ тебѣ, душенька, угодно ихъ называть,—настоящіе перлы... да-съ, перлы! Въ нихъ есть то, чего ты, извини меня, голубушка, при всемъ твоемъ талантѣ, никогда больше не повторишь! Они дышатъ свѣжестью, чѣмъ-то невиннымъ, чистымъ, какъ дыханіе голубя или новорожденнаго младенца... Возьми хоть стихотвореніе „Забытая фіалка“; слушая его, обоняешь словно ея запахъ. Пфа, пфа!.. На губахъ чувствуешь какъ будто капли росы.

Поэзія—даръ небесъ и самолюбіе—одна изъ человѣческихъ слабостей, несмотря на разность ихъ происхожденія, находятся, какъ извѣстно, въ близкомъ родствѣ;

трудно предположить, чтобы кто-нибудь сомнѣвался въ этой истинѣ, установленной вѣками. Порфирій Петровичъ, въ угоду своему другу, готовъ былъ, пожалуй, согласиться съ его мнѣніемъ; ему не хотѣлось только прямо высказать свою мысль. Минуты двѣ сидѣлъ онъ погруженный въ тихую задумчивость и, наконецъ, проговорилъ:

— Если ты ужъ непремѣнно этого хочешь, я готовъ согласиться: свѣжесть дѣйствительно въ нихъ есть... Но зато сколько еще незрѣлости!

— Душечка ты моя! съ жаромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ нѣжностью въ голосѣ подхватывалъ Иванъ Ивановичъ.— Въ этой-то незрѣлости и заключается ихъ прелесть...

— Ты увлекаешься, Иванъ...

— Ну, такъ и есть, увлекаюсь!.. Я ждалъ этого.

— Спорить, ты знаешь, не въ моей натурѣ, кротко возражалъ Кукушкинъ, — скажу только: послѣднія мои стихотворенія несравненно лучше... Вотъ эти... эти... точно, можно было бы напечатать...

— Такъ печатай же, чортъ возьми! Чего ты ждешь? Печатай! Для начала выпусти хоть нѣсколько...

Когда такіе разговоры происходили въ семьѣ, всѣ немедленно присоединялись къ Ивану Ивановичу.

— Печатай, печатай!.. Хоть не всѣ, хоть нѣсколько выпусти! убѣждалъ горячо каждый изъ членовъ семейства поодиночкѣ, а иногда всѣмъ хоромъ съ дѣтьми включительно.

Порфирій Петровичъ соглашался, но, нѣсколько времени спустя, начиналъ колебаться и снова овладѣвала имъ нерѣшительность, выводившая Ивана Ивановича изъ всякаго терпѣнія.

Дѣло въ томъ, что родные, точно такъ же какъ и Рожковъ, не бывъ сочинителями, не могли подозрѣвать, что сердце Порфирія Петровича, какъ всякаго писателя, раздвоено было самою природой на двѣ половины: одна принадлежала ему собственно, семьѣ, людямъ, другая— дѣтищамъ его фантазіи, его твореніямъ. Любовь къ дѣтищамъ этого рода настолько обыкновенно сильна, что самое легкое прикосновеніе къ нимъ, самая невинная выходка равносильна удару отравленнаго кинжала.

Къ этому прибавляется также другой, тѣмъ болѣе странный видъ скорби, что его рождаетъ совершенно противуположное чувство, именно: когда никто не помышляетъ даже прикасаться къ плодамъ вдохновенія.

Послѣднее испыталъ на себѣ Кукушкинъ. Въ первый годъ его службы въ министерствѣ просвѣщенія онъ искусился напечатать, ради опыта и безъ своего имени, два стихотворенія. Прислушиваясь безпокойнымъ авторскимъ ухомъ къ тому, что̀ о нихъ скажутъ, онъ, наконецъ, убѣдился, что они прошли въ литературѣ такъ же безслѣдно, какъ двѣ капли воды, упавшія въ Ладожское озеро. Такое невниманіе глубоко его огорчило; нѣсколько дней ходилъ онъ совершенно разстроенный, мрачный, не говорилъ даже съ Рожковымъ и съ этого времени принялъ твердую рѣшимость никогда и ничего больше не печатать. Онъ выдержалъ, благодаря отчасти упрямству, свойственному мягкимъ натурамъ. Такъ въ персикѣ, нѣжнѣйшемъ изъ плодовъ, запрятана косточка почти несокрушимаго упорства. Когда такимъ свойствомъ надѣлено лицо высокаго служебнаго или общественнаго положенія, льстецы съ усердіемъ распространяютъ слухъ о замѣчательной твердости характера и крѣпкой воли, такъ что, подъ конецъ, само лицо пропитывается такимъ убѣжденіемъ. То же самое произошло съ Пофиріемъ Петровичемъ. Здѣсь только льстецы были честнѣе первыхъ, потому что не лукавили, а дѣйствовали, хотя и пристрастно, но по убѣжденію, не допуская въ обожаемомъ существѣ ничего такого, что могло мѣшать его украшенію.

Кукушкинъ скрывалъ отъ окружающихъ настоящія свои чувства; но главною, единственною преградой для печатанія былъ непобѣдимый страхъ, внушаемый ему газетною критикой.

Съ нѣкотораго времени особенно она преслѣдовала съ такимъ ожесточеніемъ поэтовъ, что при чтеніи ея отзывовъ у Порфирія Петровича, — онъ самъ признавался, — мутило въ головѣ и холодѣли оконечности рукъ.

Встрѣтивъ разъ на улицѣ одного изъ критиковъ, онъ поспѣшилъ перейти на другую сторону изъ опасенія, чтобы тотъ не узналъ въ немъ какъ-нибудь, по лицу, стихотворца и на другой же день не осмѣялъ его въ газетѣ. Въ ту же ночь увидѣлъ онъ этого критика во снѣ и мгновенно проснулся весь мокрый, точно вынутый изъ воды.

Ему нѣсколько разъ приходила мысль познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ извѣстныхъ литераторовъ и узнать ихъ мнѣніе насчетъ его стиховъ; но всякій разъ удерживало два чувства: недовѣріе къ искренности сужденій

и еще пеловкость, что-то похожее на робость, внушаемую авторитетами людямъ, не имѣвшимъ прежде съ ними никакого соприкосновенія.

Былъ ли онъ, наконецъ, тронутъ столь давнишними нѣжными просьбами родныхъ или побѣжденъ энергическими убѣжденіями преданнаго Рожкова; подѣйствовалъ ли на бодрость его духа тотъ неоспоримый фактъ, что чѣмъ яростнѣе было гоненіе критики на поэтовъ, тѣмъ больше ихъ размножалось и, слѣдовательно, критика въ дѣйствительности была не такъ еще опасна, но въ борьбѣ между сомнѣніями и томительнымъ, хотя скрытнымъ желаніемъ, видѣть, наконецъ, свои творенія напечатанными, — послѣднее взяло верхъ. Кукушкинъ рѣшился сдѣлать выборъ лучшихъ вещей изъ числа послѣднихъ произведеній и издавать ихъ пока безъ имени автора, выставивъ вмѣсто него три звѣздочки.

Не успѣлъ онъ досказать послѣднихъ словъ своего намѣренія, какъ уже увидѣлъ себя окруженнымъ всею семьей и началъ переходить изъ однихъ объятій въ другія. Радость была на всѣхъ лицахъ.

Рожковъ, со свойственною ему быстротой, принялъ тотчасъ же на себя всѣ хлопоты по изданію: переговоры съ бумажнымъ фабрикантомъ, разысканіе надежной типографіи, наблюденіе за печатаніемъ, брошюровкой и, наконецъ, помѣщеніе будущей книги въ магазины для продажи.

Оставалось теперь рѣшить названіе книги. Порфирій Петровичъ предлагалъ: „Осеннія думы“, но общимъ голосомъ названіе найдено было недостаточно выразительнымъ и, притомъ, печальнымъ; „Незабудки и ландыши“, предложенное Аменаидой Васильевной, найдено было черезчуръ сентиментальнымъ. Теща готовилась также подать свое мнѣніе, но ее предупредилъ Иванъ Ивановичъ, неожиданно воскликнувъ:

— Нашелъ, нашелъ! „Лучи и тѣни!“

На этомъ и остановились.

Каждый почти день Рожковъ являлся съ какою-нибудь пріятною вѣстью:

— Сейчасъ изъ типографіи; первый листъ уже напечатанъ, а вотъ и корректура! говорилъ онъ суетливо, подавая конвертъ оторопѣвшему Кукушкину.

— Бога ради, дѣлай на корректурѣ отмѣтки какъ можно яснѣе, чтобы потомъ, Боже упаси, не вышло опечатокъ!

заботливо предупреждалъ онъ послѣ того, какъ оба вышли въ кабинетъ и Порфирій Петровичъ, развернувъ передъ собою на столѣ корректурный листъ, намѣревался приступить къ исправленіямъ.

Заботливое предупрежденіе Ивана Ивановича было совсѣмъ не лишнее. Черты автора изображали волненіе, передававшееся рукѣ, отъ руки переходившее къ пальцамъ и отъ пальцевъ къ перу, которое дрожало какъ въ лихорадкѣ.

Мѣсяцъ спустя, въ прихожей Кукушкиныхъ раздался такой сильный и учащенный звонъ колокольчика, отъ котораго вздрогнули всѣ члены семейства, и двѣ кошки, смиренно лежавшія на колѣняхъ тещи, стремительно бросились подъ диванъ. Прежде еще, чѣмъ присутствующіе успѣли очнуться, на порогѣ двери показался Рожковъ или, вѣрнѣе, его голова съ торчащими кверху волосами, потому что остальная часть туловища скрывалась за связкой книгъ, которую, кряхтя и отдуваясь, поддерживалъ онъ снизу обѣими руками, а сверху крѣпко нажималъ подбородкомъ.

— Кричите всѣ: ура! Вотъ она, наконецъ, наша книжица! Вотъ она! надрывался онъ, бережно опуская свою ношу на ближайшій столъ.

Первою книжкой быстро завладѣла Аменаида Васильевна, прижимая ее къ груди.

— Ахъ, Соня! Какъ ты должна быть счастлива! проговорила она, обращаясь къ сестрѣ, успѣвшей схватить руку мужа и поднести ее къ губамъ.

— Дѣти, продолжалъ, между тѣмъ, кричать Рожковъ,— Аполлонъ, Леонидъ, Музочка, всѣ сюда! Видите вы эту книжку? Видите? Всмотритесь въ нее хорошенько и не забудьте: книгу эту сочинилъ вашъ родной отецъ, вы всегда должны имъ гордиться! Онъ наша слава!.. Одно, долженъ сказать, мѣшаетъ моей радости: зачѣмъ здѣсь эти три звѣздочки вмѣсто имени?.. Зачѣмъ онѣ здѣсь? Къ чему?.. Не скроешь, душенька моя, все равно не скроешь!.. Завтра же всѣ заговорятъ, узнаютъ, добьются... Имя твое загремитъ, будетъ на всѣхъ устахъ.

— Полно, Иванъ... Дружеское чувство увлекаетъ тебя, повторялъ Порфирій Петровичъ, старавшійся скрыть волновавшія его чувства. Чтобъ успѣшнѣе достигнуть цѣли, онъ поспѣшилъ поднести книжку тещѣ. Старушка трижды перекрестила его, нѣжно обхватила ладонями его голову, пригнула къ себѣ и поцѣловала въ лобъ.

За спиною Порфирія Петровича послышались легкія всхлипыванія; Рожковъ выставилъ передъ собою трехъ дѣтей, готовился что-то сказать, но замахалъ платкомъ и началъ громко сморкаться.

VII.

Никто до сихъ поръ, даже самъ Фламаріонъ, не далъ сколько-нибудь положительнаго объясненія насчетъ существованія таинственныхъ отношеній между нашею планетой и заоблачнымъ міромъ, и если отношенія эти дѣйствительно существуютъ, то чѣмъ они для насъ знаменуются. Все заставляетъ предполагать, однакожъ, что между тремя звѣздочками, выставленными надъ стихотвореніями Кукушкина, и настоящею звѣздой, напутствовавшей ему со дня его рожденія, находилась какая-то невѣдомая связь, потому что едва появились первыя, какъ уже небесная звѣзда, освѣщавшая столько лѣтъ ласковымъ своимъ свѣтомъ земной путь Порфирія Петровича, замѣтно стала заслоняться туманомъ и меркнуть.

День, когда первый разъ увидѣлъ онъ напечатаннымъ сборникъ своихъ стихотвореній, былъ, можно сказать, послѣднимъ безмятежнымъ днемъ его существованія. То, что онъ чувствовалъ въ эту минуту, можно сравнить съ тѣмъ, что чувствуетъ мать, оглядывая только что рожденнаго ею младенца; но сладкія минуты почти тутъ же отравлены были мыслью: „Боже, Боже мой, что скажутъ теперь газеты?“ Къ ночи, передъ тѣмъ, чтобы ему лечь спать, мысли эти съ обычнымъ ехидствомъ стали къ нему подбираться, „отгоняя сонъ отъ его изголовья“, какъ говорилось въ старину въ повѣстяхъ, особенно цѣнимыхъ Кукушкинымъ. На слѣдующій день онъ ни о чемъ больше не могъ думать.

Его старанія показывать домашнимъ спокойное, улыбающееся лицо доказывали только необычайную силу его духа и самообладанія, но могли обманывать только дѣтей; крайняя озабоченность въ чертахъ лица предательски выдавала его въ глазахъ жены и свояченицы; обѣ недоумѣвали, тѣмъ больше, что Рожковъ находился, повидимому, въ такомъ же безпокойномъ состояніи духа.

Каждый день утромъ, уходя на службу, Порфирій Петровичъ покупалъ, безъ исключенія, всѣ выходившія газеты и на ходу не отрывался отъ чтенія, рискуя сотни разъ быть раздавленнымъ.

Иванъ Ивановичъ дѣлалъ съ своей стороны то же самое.

Недѣлю спустя, часамъ къ четыремъ пополудни, Порфирій Петровичъ возвратился домой до такой степени удрученный, подавленный, что перепугалъ всѣхъ домашнихъ; онъ готовился уже все свалить на сильную головную боль и выразилъ желаніе прилечь на полчаса до обѣда въ кабинетѣ, но Рожковъ, ворвавшись въ эту минуту, какъ бѣшеный, съ пучкомъ скомканныхъ газетъ, все испортилъ.

— Я возмущенъ! до глубины души возмущенъ! кричалъ онъ, то яростно потрясая въ воздухѣ газетами, то бросая ихъ на столъ и свирѣпо ударяя по нимъ кулакомъ.—Я не понимаю, что смотритъ правительство!.. Всѣ газеты давно слѣдовало бы снести на Царицынъ лугъ, свалить въ одну кучу вмѣстѣ съ ихъ критиками и сжечь,— сжечь, чтобы пепла не осталось!..

— Что такое?.. Боже мой! что случилось? заговорили перепуганныя жена, свояченица и теща, перебѣгая отъ Кукушкина къ Рожкову.

Могло статься, что въ эту минуту щеки Порфирія Петровича были блѣднѣе обыкновеннаго и губы его судорожно вздрагивали; но онъ и здѣсь нашелъ силы подавить свои чувства.

— Ничего, успокойтесь, пожалуйста... рѣшительно ничего, проговорилъ онъ, хотя нѣсколько глухимъ, но достаточно бодрымъ голосомъ. — Иванъ, вы знаете, всегда увлекается и преувеличиваетъ... Видите, я спокоенъ. Совершенно спокоенъ... заключилъ онъ, поспѣшно увлекая пріятеля въ кабинетъ. — Зачѣмъ все это? Боже мой, зачѣмъ?.. Вотъ ты всегда такъ, продолжалъ онъ, когда дверь кабинета затворилась,—я хотѣлъ скрыть отъ нихъ... Напрасно только всѣхъ перетревожилъ... Ты видишь, я спокоенъ, совершенно спокоенъ...

Насколько онъ дѣйствительно такимъ себя чувствовалъ или, вѣрнѣе, старался такимъ казаться, настолько, если не больше, Рожковъ кипѣлъ и пѣнился отъ негодованія.

Его особенно возмущали отзывы двухъ газетъ: въ одной говорилось такимъ образомъ: „Книжка стиховъ подъ названіемъ „Лучи и тѣни“ имѣетъ передъ книжками того же рода то преимущество, по крайней мѣрѣ, что въ ней поэтическое содержаніе соединяется съ практическимъ при-

ложеніемъ: благодаря ея объему и вѣсу, она съ удобствомъ можетъ, напримѣръ, замѣнить подсвѣчникъ; стоитъ только провертѣть въ серединѣ дыру и вставить въ нее стеариновый огарокъ...“ Во второй газетѣ каждое стихотвореніе разбиралось отдѣльно; отзывы заключались въ коротенькихъ отмѣткахъ:—*Океанъ*: „авторъ поступилъ бы правильнѣе, назвавъ свое стихотвореніе попросту“ *Вода*.—*Эльбрусъ* „близко напоминаетъ Дудергофскую горку подъ Краснымъ Селомъ“.—*Ясотхара* „невольно вызываетъ восклицаніе Гамлета“: *Что ему Гекуба?*—*Хаосъ*: „совершенно вѣрное изображеніе хаоса изъ длинныхъ стиховъ и деревянныхъ риѳмъ“. — *Цѣль жизни*: „одна изъ цѣлей — не писать стиховъ, когда нѣтъ таланта“, и т. д. Статья кончалась слѣдующею фразой: „Въ общей сложности всѣ эти стихотворенія отзываются чѣмъ-то затхлымъ: ихъ точно сочинялъ отъ бездѣлья почтенный старичокъ — послѣдователь графа Хвостова, и они скрывались до ихъ появленія въ свѣтъ въ какомъ-нибудь сыромъ подвалѣ...“

— А мнѣ нѣтъ еще и сорока лѣтъ! съ горькою улыбкой замѣтилъ Порфирій Петровичъ.

Погруженный въ кресло, онъ сидѣлъ, вытянувъ ноги, вытянувъ по тому же направленію обѣ руки и опустивъ на грудь голову.

Рожкову, ошеломленному нѣсколько суматохой, поднятой въ семьѣ неукротимою его горячностью, не сидѣлось, между тѣмъ, на мѣстѣ; онъ бросался изъ конца комнаты въ другой, садился, снова подпрыгивалъ, производилъ вызывающіе жесты, напоминая болѣе чѣмъ когда-нибудь разъяреннаго пѣтушка. Возбуждаемый съ одной стороны состраданіемъ къ оскорбленному поэту, съ другой—негодованіемъ къ его врагамъ, онъ вдругъ энергически разразился:

— Свиньи! Однимъ словомъ, свиньи! воскликнулъ онъ, неистово тормоша ладонью волосы... — И какая возмутительная недобросовѣстность! какое безстыдство! Рвутъ, какъ бѣшеныя собаки, новыхъ поэтовъ, постоянно ставятъ имъ въ примѣръ великихъ ихъ предшественниковъ, и что же? Является именно то, что близко подходитъ къ этимъ послѣднимъ, являются стихотворенія, въ которыхъ чувствуется... это... это... какъ бы сказать... это парéніе... словомъ, не похожее на то, что сочиняютъ теперешніе поэты... Потому что, Порфирій, въ твоихъ стихахъ дѣйствительно есть что-то классическое; ты часто спорилъ

противъ этого, но, извини меня, душенька, ты классикъ! Я всегда это утверждалъ и буду утверждать до окончанія вѣка... И что же, въ концѣ-концовъ? Они, эти собаки, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, встрѣтить книгу восторженными похвалами,—нашли предметъ для глумленія! Боже, какъ низко упала наша печать! Но постой, этимъ не все еще сказано; посмотримъ, какъ отзовется публика... Она, я убѣжденъ, оцѣнитъ, отдастъ полную справедливость... Ты только, прошу тебя, успокойся; главное, плюнь и успокойся!..

Въ отвѣтъ на это Кукушкинъ попросилъ Рожкова принести ему полотенце, намоченное уксусомъ; когда это было исполнено, онъ попросилъ обвязать ему голову и затѣмъ, тяжело вздыхая, опустился на диванъ.

Выйдя изъ кабинета на цыпочкахъ, Иванъ Ивановичъ засталъ старшихъ членовъ семейства, тревожно ожидавшихъ его возвращенія.

— Что, к... ъ онъ? Что съ нимъ? приступили къ нему съ разныхъ сторонъ.

— Тсс... Бога ради, тише. Главное, не старайтесь утѣшать его, — прибавите только раздраженія... Всѣ поэты раздражены, всѣ рѣшительно! Понятно, нервные люди! У Порфирія нервы расходились, нервы—ничего больше! Подождемъ, что̀ публика скажетъ; я убѣжденъ, она оцѣнитъ,—все тогда какъ рукой сниметъ!..

Рожковъ въ короткихъ и выразительныхъ словахъ дополнилъ то, что уже отчасти знали дамы, прочитавшія извѣстные отзывы изъ газетъ, оставленныхъ на столѣ. Онъ заботливо перебѣгалъ отъ одной къ другой, стараясь ихъ также успокоить; особенно трудно было ему достичь такой цѣли съ Аменаидой Васильевной: она положительно была внѣ себя отъ выходки критиковъ.

На слѣдующій день, Рожковъ, томимый еще съ утра желаніемъ возвратить семейству хоть сколько-нибудь радостнаго чувства, прибѣжалъ объявить о сбывшемся предсказаніи: книга „Лучи и тѣни“ имѣетъ неслыханный успѣхъ! Ее берутъ нарасхватъ! Въ одномъ только магазинѣ, куда онъ ходилъ справляться, уже продано 27 экземпляровъ!..

Иванъ Ивановичъ не ошибся: извѣстіе это для семьи было чѣмъ-то въ родѣ оливковой вѣтви, принесенной голубицей жителямъ Ноева ковчега. Къ общему удивленію, на одного лишь Порфирія Петровича извѣстіе это не произ-

вело ожидаемаго дѣйствія; онъ выслушалъ его съ полнымъ равнодушіемъ, даже не улыбнулся.

Отдавая полную справедливость доброму намѣренію Рожкова, онъ зналъ очень хорошо, что все, что разсказалъ его другъ, было сущею выдумкой.

Еще раньше, чѣмъ Иванъ Ивановичъ, Кукушкинъ, отправлялся въ тотъ же день на службу, заходилъ въ тотъ же самый магазинъ, о которомъ говорилъ пріятель; тамъ узналъ онъ о продажѣ всего двухъ экземпляровъ, изъ коихъ всего только одинъ былъ проданъ въ С.-Петербургѣ; другой отправленъ былъ въ Самару къ извѣстному чудаку, давно условившемуся съ книгопродавцемъ, чтобы ему высылали безъ разбора всѣ вновь выходившія стихотворныя сочиненія.

VIII.

Какъ бы ни отзывались скептики о несовершенствахъ человѣческой природы, нельзя не согласиться, что нѣкорые отдѣлы ея отличаются весьма мудрымъ устройствомъ. Хоть бы взять, напримѣръ, то свойство, что горе и радости, посѣщающія человѣка, никогда не заживаются въ немъ окончательно, но постоянно смѣняются, уподобляясь отчасти временнымъ посѣтителямъ въ гостиницахъ для пріѣзжающихъ; одинъ пріѣзжающій останавливается только на сутки, другой — проживаетъ иногда цѣлый годъ и больше, но, въ общей сложности, каждый, уплативъ свой счетъ, очищаетъ мѣсто другому. Сравненіе, признаюсь, банально, но оно удобно подходитъ къ настоящему случаю.

Горькое настроеніе, овладѣвшее Порфиріемъ Петровичемъ послѣ столькихъ разочарованій и ударовъ, нанесенныхъ его самолюбію, мало-по-малу подчинилось успокоительному вліянію времени, — стало ослабѣвать и облегчаться. Время, конечно, сдѣлало свое дѣло, но къ возвращенію душевнаго спокойствія не мало также помогло то обстоятельство, что имя автора не было выставлено на книгѣ „Лучи и тѣни“. Кукушкинъ не вполнѣ, можетъ быть, раздѣлялъ къ собственнымъ произведеніямъ энтузіазмъ Рожкова, но, во всякомъ случаѣ, любилъ ихъ и зналъ имъ цѣну. При успѣхѣ онъ, вѣроятно, пожалѣлъ бы о выставленныхъ надъ ними трехъ звѣздочкахъ; теперь онъ былъ доволенъ, что поступилъ такъ, а не иначе. Изъ сослуживцевъ, потѣшавшихся надъ газетными отзы-

вами, никто, по крайней мѣрѣ, не могъ подозрѣвать, что стихотворенія, вызвавшія столько глумленій, принадлежали перу начальника отдѣленія ихъ департамента; положеніе его въ противномъ случаѣ было бы тягостно, можно даже сказать невыносимо. Одинъ Фанфаровъ могъ догадываться; но Рожковъ былъ на-сторожѣ, держалъ ухо востро. При первомъ намекѣ онъ поспѣшилъ разсѣять его сомнѣнія, объявивъ, что стихи, о которыхъ шла рѣчь, сочинены его давнишнимъ хорошимъ знакомымъ, — помѣщикомъ, проживающимъ въ Калугѣ, въ собственномъ имѣніи. Передавая этотъ разговоръ Порфирію Петровичу, Рожковъ вызвалъ на его губахъ улыбку удовольствія и въ свою очередь самъ почувствовалъ нѣкоторое нравственное облегченіе.

Развеселить пріятеля окончательно онъ не старался; онъ зналъ, что даже въ юности, когда оба были студентами, такія старанія обыкновенно ни къ чему не служили.

Кукушкинъ, — какъ уже выше объяснено, — принадлежалъ къ числу людей молчаливыхъ и робкихъ мечтателей, тайно связанныхъ съ тоскливымъ желаніемъ высказать *что-то* мимо того, что̀ говорится на службѣ, дома, между знакомыми, и, ничего еще не сказавши, заблаговременно огорчающихся при мысли, что это *что-то* навѣрно не встрѣтитъ сочувствія, не будетъ оцѣнено и понято какъ слѣдуетъ равнодушною толпой. Онъ былъ не оцѣненъ и не понятъ... Но что жъ такое, не онъ одинъ! Сколько такихъ примѣровъ!.. Не надо только поддаваться малодушному унынію; слѣдуетъ вооружиться всепобѣждающимъ терпѣніемъ, продолжать бодро идти своею дорогой и оставаться твердымъ въ своихъ убѣжденіяхъ!

Однимъ изъ явныхъ признаковъ его возвращенія изъ угнетеннаго состоянія было уже то, что Софья Васильевна оказалась снова въ интересномъ положеніи. Бодрость духа, очевидно, къ нему возвратилась. Признакомъ ея было также желаніе чаще заниматься въ кабинетѣ, просиживать цѣлые часы съ перомъ рукѣ, наклоненнымъ надъ бумагой. Просьба купить ему банку свѣжихъ чернилъ особенно сильно отразилась на Рожковѣ: въ глазахъ Ивана Ивановича просьба эта свидѣтельствовала неоспоримымъ образомъ, что другъ его снова воспрянулъ душою и тѣломъ. Въ избыткѣ радостнаго чувства, онъ нѣжно цѣловалъ руки Софьи Васильевны, ея сестры и матери, послѣ

чего побѣжалъ въ дѣтскую и тамъ поочередно перецѣловалъ всѣхъ дѣтей. Задумчиво-сосредоточенный видъ главы семейства мало-по-малу тоже пересталъ пугать окружающихъ; его смѣнило прежнее чувство благоговѣнія, заставлявшее всѣхъ ходить на цыпочкахъ мимо кабинета и скорѣе уводить дѣтей, когда они шумѣли.

Иванъ Ивановичъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Кукушкинъ, почувствовавъ приливъ новыхъ силъ, постепенно освобождавшихъ его отъ колебаній и сомнѣній, дѣйствительно усидчиво надъ чѣмъ-то трудился. Онъ счелъ только нужнымъ почему-то снова перемѣнить родъ поэзіи. Ему пришла мысль,—счастливая или нѣтъ, онъ самъ не отдавалъ себѣ пока яснаго отчета, — испытать свои силы въ драматической формѣ и заимствовать сюжетъ изъ древней русской исторіи. Прочитавъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ всѣ театральныя пьесы отъ Хераскова и Озерова до Кукольника и Ободовскаго включительно, посѣтивъ нѣсколько разъ Александринскій театръ, не только какъ прежде, для удовольствія, но съ твердо опредѣленною цѣлью дать себѣ ясный отчетъ въ силѣ и средствахъ отечественныхъ актеровъ, — Порфирій Петровичъ, со свойственною ему добросовѣстностью, приступилъ къ исполненію задуманнаго плана, пятиактной трагедіи „Игорь“, долженствовавшей быть написанной въ стихахъ александрійскаго размѣра. Избранный имъ эпиграфъ:—„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“,—какъ нельзя болѣе подходилъ къ сюжету.

Дѣло происходило лѣтомъ на дачѣ: свободнаго времени было больше, чѣмъ зимой. Кукушкинъ не отрывался отъ работы. Насколько она была успѣшна, можно судить со словъ Рожкова:

— Такую вещь сочинилъ, я вамъ скажу, просто ахнуть! шепталъ онъ, таинственно припадая къ уху жены, тещи и свояченицы,—да-съ, ахнутъ!.. Посмотримъ, что на этотъ разикъ заговорятъ эти господчики щелкоперы. Чу! только никому пока ни слова! Не показывайте даже и виду... Это пока секретъ... Онъ такъ желаетъ...

Къ зимѣ „Игорь“ былъ готовъ и даже переписанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

Никто изъ присутствующихъ, конечно, не забудетъ тотъ достопамятный вечеръ, когда Кукушкинъ, самъ на себя не похожій, — до того въ меланхолическихъ чертахъ его просвѣчивало какое-то торжественное сіяніе,—сидѣлъ не-

редъ лампой и читалъ своего „Игоря“. Кромѣ домашнихъ, присутствовали еще знакомые,—Фанфаровъ и секретарь Сельдереевъ, любители отечественной словесности, хотя послѣдній предпочиталъ, надо думать, всему на свѣтѣ свои ногти, потому что, какъ при чтеніи, такъ и во всякое другое время, не переставалъ ихъ грызть съ какою-то остервенѣлою страстью.

Успѣхъ былъ невообразимый. Послѣ каждаго дѣйствія восторженныя восклицанія и дружное хлопанье въ ладоши привѣтствовали автора, но въ то же время будили тещу, засыпавшую въ концѣ каждаго дѣйствія. Пробужденія почтенной старушки были, впрочемъ, всегда кстати. Въ эту самую минуту, по знаку хозяйки дома, дверь отворялась и прислуга являлась съ чаемъ и печеньемъ. Въ концѣ пятаго акта произошелъ даже эпизодъ, которому позавидовалъ бы любой писатель; сцена, когда Игоря разрываютъ между двумя березами, до того была сильно изображена, что съ Аменаидой Васильевной сдѣлалось что-то въ родѣ истерическаго припадка; она начала икать и нежданно упала на руки Фанфарова, который, въ качествѣ холостяка, положительно пришелъ въ затрудненіе, что̀ съ ней дѣлать. Освѣженная нѣсколькими глотками воды, она скоро пришла въ себя и восторженно бросилась обнимать растроганнаго поэта. Примѣру ея послѣдовали всѣ присутствующіе.

— Ну, братъ Порфирій, провозгласилъ Рожковъ, у котораго отъ напора восхищенія глаза выскакивали изъ головы, — ты сочинилъ, душенька моя, такую вещь, такую вещь, которая... словомъ сказать, которая дастъ себя знать!.. Не дождусь я, кажется, перваго представленія!.. Воображаю себѣ, что̀ будетъ съ нашими милыми дамами, когда онѣ будутъ сидѣть въ ложѣ; когда вдругъ двѣ-три тысячи человѣкъ хоромъ грянутъ во все горло: автора! автора! подайте намъ сюда автора! Порфирій, по обыкновенію, сконфузится,—заранѣе предвижу... Но шутишь, братецъ; самъ директоръ врывается въ ложу; хочешь, не хочешь, выходи! Занавѣсъ снова взвивается, и нашъ Порфирій Петровичъ появится вдругъ на сценѣ, окруженный всею труппой... А публика-то, публика, между тѣмъ... грохотъ снизу, грохотъ сверху, со всѣхъ сторонъ... Браво! брависсимо!..

— Полно тебѣ, полно... Что впередъ загадывать? снисходительно улыбаясь, проговорилъ Порфирій Петровичъ.

— Ты правъ, загадывать впередъ нечего. Одно скажу: посмотримъ, что скажутъ тогда эти... гм! гм!—да-съ, посмотримъ!.. заключилъ онъ, бросая вокругъ вызывающіе взгляды.

Онъ на слѣдующій же день хотѣлъ завладѣть двумя экземплярами, чтобы нести ихъ въ театральную цензуру, но Кукушкинъ поспѣшилъ отклонить такую услугу.

Подъ предлогомъ необходимыхъ исправленій, но на самомъ дѣлѣ изъ опасенія, чтобы Рожковъ съ его горячностью, — и въ случаѣ какихъ-либо педоразумѣній, — не испортилъ дѣла, онъ, въ то же утро, потихоньку уложивъ двѣ рукописи въ новенькую папку, лично понесъ ихъ въ цензуру.

IX.

Любезность и исполнительность театральной цензуры удивили Порфирія Петровича, тѣмъ больше удивили, что, находясь столько лѣтъ на службѣ, онъ очень хорошо зналъ, насколько вообще не въ обычаѣ быстрота какого бы то ни было исполненія. Онъ едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Не прошло недѣли, онъ уже извѣщенъ былъ, что къ пропуску его трагедіи не встрѣчается никакихъ препятствій. Она была возвращена почти безъ помарокъ: въ трехъ только мѣстахъ вычеркнуто было слово „ангелъ“; въ двухъ—выраженіе „святое чувство“ замѣнено было „высокимъ чувствомъ“ и въ одномъ мѣстѣ окончаніе стиха: „клянусь я небомъ и Творцомъ“, зачеркнутое красными чернилами, получило слѣдующее окончаніе: „клянусь дѣтьми я и отцомъ“.

Утрата нѣсколькихъ словъ, конечно, была чувствительна авторскому чувству, но Кукушкинъ охотно примирился съ этимъ, подумавъ, не безъ содроганія, что вся трагедія могла быть запрещена.

Оставалось теперь отнести ее въ театральную дирекцію для постановки на сцену. Онъ исполнилъ это также тайно отъ своего друга. Очарованный любезностью дирекціи, обѣщавшей дать отвѣтъ черезъ недѣлю, Порфирій Петровичъ возвратился домой бодрый, веселый, какимъ давно его не видали. Но прошла недѣля,—отвѣта не было; прошла еще недѣля,—дирекція не нарушала молчанія. Томимый ожиданіемъ, Кукушкинъ началъ справляться, дѣлая всякій разъ огромный крюкъ, когда возвращался изъ должности. Отвѣтъ былъ неизмѣнно одинъ

и тотъ же: „Разсматриваютъ!“ Такъ прошло два мѣсяца. Порфирій Петровичъ часто сталъ прикладывать ладонь къ сердцу въ полной увѣренности, что у него начинаетъ развиваться аневризмъ. Столь ожидаемый отвѣтъ пришелъ, наконецъ.

Дирекція, возвращая обратно рукопись „Игоря“, весьма сожалѣла о невозможности поставить пьесу, такъ какъ репертуаръ для русской сцены составленъ уже за три года впередъ и въ немъ находятся какъ разъ двѣ трагедіи изъ русской исторіи, семь драмъ и нѣсколько бытовыхъ комедій. Расходы для трехъ балетовъ и шести новыхъ оперъ, постановка которыхъ обязательна каждый годъ для дирекціи, лишаетъ ее и на будущее время возможности поставить трагедію „Игорь“, требующую, по своему существу, особенно роскошныхъ декорацій и сложныхъ бутафорскихъ принадлежностей.

— Тутъ что-нибудь да не такъ! Тутъ, вѣрно, интрига, интрига со стороны драматическихъ писателей, вѣроятно, также и актеровъ! Пьесу твою прочли и испугались! Головой ручаюсь, дѣло здѣсь въ гнусной интригѣ! воскликалъ воспріимчивый Рожковъ, стараясь утѣшить своего друга.

Порфирій Петровичъ не возражалъ; онъ былъ до такой степени подавленъ неожиданнымъ отказомъ дирекціи, что не находилъ даже силъ на этотъ разъ скрывать своихъ чувствъ передъ собравшеюся семьей.

— Ты не долженъ принимать такъ къ сердцу, Порфирій, всѣ мы объ этомъ тебя просимъ, всѣ: видишь? продолжалъ воодушевленно Иванъ Ивановичъ, указывая выразительнымъ жестомъ на жену, тещу и свояченицу, взиравшихъ съ испугомъ на опечаленное лицо поэта.—Дирекція отказываетъ, она не знаетъ, что дѣлаетъ; она сама себя бьетъ! Фактъ тотъ: такая вещь, какъ твой „Игорь“, не можетъ, не должна оставаться въ твоемъ письменномъ столѣ!.. Мы всѣ такого мнѣнія, всѣ рѣшительно!.. Спроси, если хочешь, Фанфарова... спроси Сельдереева, ты обязанъ, да, обязанъ ее напечатать, утвердительно говорю, безъ всякаго теперь увлеченія, и всѣ то же скажутъ, иначе грѣхъ будетъ на твоей душѣ, грѣхъ передъ публикой и отечественною литературой!..

Не соглашаясь явно, но въ тайникѣ души,—въ тайникѣ, спеціально предназначенномъ для авторскихъ чувствъ,— Порфирій Петровичъ раздѣлялъ отчасти мнѣніе Рожкова.

Не обѣщая ничего положительнаго, онъ рѣшился послѣдовать совѣту.

Вооружившись рукописью, Кукушкинъ отправился съ нею въ редакцію толстаго журнала, на который тутъ же подписался, въ надеждѣ смягчить этимъ способомъ будущія свои отношенія къ редактору.

X.

Но такъ ужъ, видно, на свѣтѣ установлено, что неудачи и всякаго рода гадости никогда поодиночкѣ не сваливаются на человѣческую голову. Не знаю, на чемъ основана легенда и насколько вѣрно существованіе бѣднаго Макара, на котораго будто бы всѣ шишки валились; несомнѣнно только, что доля Порфирія Петровича была нисколько не лучше; шишки замѣнялись здѣсь рядомъ непріятностей, одна другой чувствительнѣе для нѣжнаго, впечатлительнаго сердца.

Редакторъ журнала, не взглянувъ даже на рукопись „Игоря", отказался отъ нея напрямикъ подъ предлогомъ, будто публика оставляетъ обыкновенно неразрѣзанными страницы журнала, какъ только встрѣчаетъ на нихъ театральныя пьесы.

— А тутъ трагедія и, вдобавокъ, еще въ стихахъ... Нѣтъ, благодарю покорно, заключилъ редакторъ.

Въ другомъ журналѣ согласились помѣстить „Игоря", но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ каждомъ номерѣ печатать одно лишь только дѣйствіе и продлить, такимъ образомъ, печатаніе на пять мѣсяцевъ. Кукушкинъ принужденъ былъ самъ отказать, такъ какъ этимъ нарушалась цѣлость впечатлѣнія.

Въ третьемъ журналѣ Кукушкину улыбнулась было надежда. Редакторъ, продержавъ рукопись двѣ недѣли, сказалъ ему:

— Я прочелъ вашу рукопись два раза...

— Какъ два раза? радостно проговорилъ Порфирій Петровичъ.

— Да, спокойно возразилъ редакторъ,—два раза... Въ первый разъ, признаться вамъ сказать, не только характеръ дѣйствующихъ лицъ, но и самое содержаніе показались мнѣ не совсѣмъ ясными...

Кукушкинъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но смутился, взялъ рукопись и вышелъ, не проговоривъ ни слова.

Въ редакціи четвертаго журнала произошло нѣчто худ-

шее, и будь на мѣстѣ Кукушкина его другъ Иванъ Ивановичъ, конечно, не обошлось бы безъ исторіи; здѣсь пришлось имѣть дѣло не съ редакторомъ, а съ его секретаремъ, который безъ обиняковъ, даже съ дерзостью во взглядѣ объявилъ, что находитъ его трагедію черезчуръ длинною.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Порфирій Петровичъ.

— Очень просто. Для нея было бы выгоднѣе ограничиться однимъ эпиграфомъ: „Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“. Чего же лучше?

Какъ ни смиренъ былъ авторъ „Игоря“, имъ овладѣло желаніе отвѣтить на такую дерзость пощечиной, но мысль о скандалѣ, который можетъ повредить ему на службѣ, мысль о послѣдствіяхъ тогда для семейства возвратили ему все его благоразуміе; онъ вырвалъ рукопись изъ рукъ секретаря, поспѣшно вышелъ, хлопнувъ съ размаха дверью, и такъ же поспѣшно зашагалъ по улицѣ.

Трудность его положенія усложнялась на этотъ разъ еще тѣмъ, что въ самый этотъ день жена его была именинница, и ему, какъ любящему мужу и образцовому семьянину, необходимо было возвратиться домой съ улыбающимся, по возможности, веселымъ лицомъ.

Дома у него, между тѣмъ, все готовилось къ завтраку. Дамы были разодѣты по-праздничному: теща въ новомъ чепцѣ; жена, по случаю интереснаго положенія, въ широкомъ шелковомъ капотѣ цвѣта умирающей блохи; ея сестра, напудренная до бѣлизны альпійскихъ снѣговъ, слегка подрумяненная, вся въ завиткахъ-барашкахъ, хлопотала подлѣ стола, украшеннаго посерединѣ букетомъ, поднесеннымъ Рожковымъ; дѣти, Аполлонъ и Леонидъ, въ матросскихъ курточкахъ и Музочка въ розовомъ кисейномъ платьицѣ, были очень милы.

Рожковъ, показывавшій въ послѣднее время, вопреки своему обычаю, недовольный видъ и въ самомъ дѣлѣ обиженный Кукушкинымъ, отстранившимъ его отъ хлопотъ по цензурному комитету и театральной дирекціи, дѣйствовавшимъ тайно съ непонятнымъ къ нему недовѣріемъ, еще съ утра на все махнулъ рукой, находя, что въ Кукушкинской семьѣ въ такой день всѣ должны быть веселы. Ему, какъ другу дома, веселость вмѣнялась тѣмъ больше въ обязанность, что даже на лицахъ постороннихъ гостей, какъ Фанфарова и Сельдереева, просвѣчивали

явные знаки прекраснаго расположенія духа. Видя въ этомъ со стороны сослуживцевъ сочувствіе къ общей радости, Рожковъ обращался къ нимъ съ особенною любезностью; ему въ голову не приходило, что знаки сочувствія могли также относиться къ запаху кулебяки, время отъ времени проносившемуся изъ кухни.

При видѣ входившаго Порфирія Петровича, лица, ожидавшія его въ гостиной, устремились къ нему съ поздравленіями. Онъ настолько сладилъ съ собою, что никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ его разстройства. Послѣднее могло происходить отъ того также, что при первомъ его шагѣ въ комнату начались поцѣлуи и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ лицо его заслонялось то чепцами жены и тещи, то головками дѣтей, то прической Аменаиды Васильевны, то взъерошенными волосами на головѣ Ивана Ивановича. Не успѣло лицо его окончательно освободиться, какъ Софья Васильевна любезно провозгласила:

— Господа, прошу пожаловать: кулебяка на столѣ и васъ ожидаетъ!

XI.

Завтракъ начался при самыхъ счастливыхъ условіяхъ: кулебяка была превосходна, душоная говядина съ жаренымъ картофелемъ также удалась чрезвычайно. Словомъ, все шло хорошо, пока Фанфаровъ, нѣсколько отягченный обильною закуской и двумя кусками кулебяки, не обратился къ хозяину дома съ вопросомъ:

— Когда же, скажите, многоуважаемый Порфирій Петровичъ, когда увидимъ мы вашу пьесу въ Александринскомъ театрѣ?

— Вы никогда ее тамъ не увидите, принужденно, глухимъ голосомъ отвѣтилъ Кукушкинъ,—дирекція отказалась поставить ее на сцену.

— Отказалась за неимѣніемъ средствъ; постановка обошлась бы слишкомъ дорого, поспѣшилъ сдѣлать оправдательную вставку Рожковъ.

— Жаль, очень жаль, подхватилъ молчавшій до сихъ поръ Сельдереевъ, — я говорилъ нашему вице-директору; онъ очень интересовался...

— Что жъ? Если не удалось въ театрѣ, можно безъ него обойтись, сказалъ Фанфаровъ, — возьмите, да и напечатайте пьесу въ любомъ журналѣ.

— Не то же ли самое и я совѣтовалъ? Чего ждешь? нетерпѣливо воскликнулъ Рожковъ.

Порфирій Петровичъ рѣшился было умолчать о своихъ неудачахъ въ редакціяхъ; онъ, вѣроятно, до конца выдержалъ бы благоразумное свое намѣреніе, но разговоръ коснулся неожиданно наболѣвшаго мѣста, попалъ въ самую сердцевину раны, нанесенной утромъ, и онъ не выдержалъ.

— Въ журналахъ пьесъ не берутъ, сказалъ онъ съ рѣзкостью, вовсе ему не свойственною.

— Вотъ славно! замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, — полагаю, стóитъ тебѣ заикнуться—изъ рукъ вырвутъ! Дай имъ только понюхать твоего „Игоря“, какъ собаки всѣ вцѣпятся! Зайди въ любую редакцію... или мнѣ поручи... попробуй только... скажи слово... попробуй...

Въ душѣ Порфирія Петровича происходила, очевидно, сильная борьба; крупныя капли пота выступили на его лбу и вискахъ; усилія его надъ собою ни къ чему, однакожъ, не послужили.

— Пробовалъ! болѣзненно вырвалось изъ груди его.

— Пробовалъ?!. Когда же? спросилъ Иванъ Ивановичъ, нахмуривая брови при мысли, что дѣло и здѣсь точно такъ же обошлось безъ него.

— Не все ли равно когда? нехотя возразилъ Кукушкинъ.—Одни находятъ: театральныя пьесы невыгодно печатать,—публика не читаетъ ихъ въ журналахъ... Другіе предлагали раздѣлить пьесу на нѣсколько номеровъ... съ этимъ я не могъ согласиться... Словомъ, никто не хотѣлъ печатать... всѣ отказались...

Извѣстіе это настолько всѣхъ поразило, что въ первыя двѣ-три секунды никто не могъ выговорить слова; присутствующіе, какъ бы не довѣряя собственнымъ ушамъ, удивленно переглядывались. Рожковъ довершилъ общее пораженіе; онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и нежданно крикнулъ:

— Отказались печатать „Игоря“, ха-ха-ха!.. Я въ восхищеніи, мало того: я въ восторгѣ, не помню себя отъ радости!

— Что вы? Какъ такъ? Отъ васъ мы этого не ожидали... Вы ли это говорите, Иванъ Ивановичъ? послышалось со всѣхъ сторонъ на разные голоса.

— Да-съ, имѣю честь доложить, это я говорю, я, и повторяю: я въ восторгѣ! Да-съ, въ восторгѣ, потому что,

выходитъ на повѣрку, я былъ правъ, убѣждая Порфирія наплевать на всѣ эти журналишки и газетишки, прахъ ихъ возьми! Очень понятно, почему они отказались печатать твоего „Игоря“, подхватилъ онъ, обращаясь уже къ своему другу, — ты не ихъ клики; ты, братецъ, человѣкъ деликатный, не шарлатанъ какой-нибудь, который беретъ смѣлостью и нахальствомъ... Одному надо удивляться: какъ ты, съ твоимъ умомъ и твоимъ талантомъ, не хотѣлъ этого понять...

Кукушкинъ началъ было возражать, просить пріятеля сѣсть и успокоиться, но этимъ окончательно раззадорилъ Ивана Ивановича.

— Нѣтъ, извини, не сяду и не успокоюсь, пока не выскажу все, что у меня давно сидитъ вотъ здѣсь, — и онъ ударилъ себя кулакомъ подъ самое сердце.— Скромность была всегда твоимъ недостаткомъ; вмѣсто того, чтобы пользоваться талантомъ, даннымъ тебѣ отъ Бога, ты постоянно, по какому-то непонятному упрямству, скрывалъ его... Пора съ этимъ покончить! Начну съ вопроса: почему, скажи на милость, всѣ эти редакторы и разные такіе-другіе издатели лучше тебя? Крестятъ ихъ особо отъ другихъ людей, что ли? Или, можетъ-быть, ужъ такъ рождаются они со звѣздою на лбу? Или производятъ ихъ въ редакторы за какія-нибудь особыя государственныя заслуги?.. Ничего этого, вѣдь, нѣтъ! Задумалъ сдѣлаться редакторомъ — и сдѣлался! Очень просто. Желалъ бы я теперь знать: почему ты, Порфирій Кукушкинъ, человѣкъ съ твоимъ даромъ, человѣкъ просвѣщенный, не можешь сдѣлаться такимъ же редакторомъ? Почему, напримѣръ, не можешь ты издавать своего собственнаго журнала, подобно тому, какъ они издаютъ? Почему, скажи на милость? Служба нисколько не мѣшаетъ; совмѣстничество здѣсь ни при чемъ. Служба сама по себѣ, журналъ, какъ частное дѣло, самъ по себѣ. Сколько разъ ты самъ выражалъ неудовольствіе противъ теперешнихъ журналовъ; я уже не говорю о читающей публикѣ: она, бѣдная, просто стонетъ, задыхается, требуетъ обновленія, требуетъ свѣжаго, здороваго воздуха; снабди ее этимъ свѣжимъ воздухомъ... Снабди! Снабди!.. Удовлетвори ея желанію!.. Наконецъ, сами литераторы,—настоящіе литераторы, разумѣется, — недовольны журналами!.. На-дняхъ еще встрѣтился я на конкѣ съ однимъ изъ нихъ; я съ нимъ незнакомъ, но все равно слышалъ, что онъ гово-

рилъ: онъ изъ себя выходилъ! Мало того, онъ говорилъ, что всѣ молодые таланты жалуются, раздѣляютъ его чувства! Воспользуйся этимъ хоть разъ, будь дипломатомъ! Начни издавать журналъ; все молодое поколѣніе схватится за него, какъ за якорь спасенія,—это несомнѣнно... Смѣшно было бы даже сомнѣваться...

— Не увлекаешься ли ты, Иванъ? перебилъ Кукушкинъ слегка ироническимъ тономъ.

— Ну, такъ и есть! Иванъ Иванычъ Рожковъ не можетъ безъ увлеченія. Я ждалъ, ты это скажешь, проговорилъ обиженно Рожковъ. — Положимъ, я увлекаюсь, но здѣсь я не одинъ; правъ я или нѣтъ, спроси у присутствующихъ.

— Издавайте журналъ, братецъ! Издавайте! крикнула Аменаида Васильевна. — Дѣти, кричите вмѣстѣ со мной: папа, издавай журналъ!..

— Издавай, издавай, папа! прозвучали тоненькіе дѣтскіе голоса, и нѣсколько маленькихъ ручекъ поднялись на воздухъ.

Софья Васильевна воспользовалась минутой и подъ скатертью выразительно пожала руку мужу. Сельдереевъ ничего не могъ выговорить, потому что въ самую эту минуту усиленно работалъ языкомъ, стараясь пропустить въ горло остатокъ сладкаго пирога; Фанфаровъ, допивъ пятую рюмку мадеры, замѣтилъ только:

— Журналъ самъ по себѣ бы ничего... это точно; главная задача, говорятъ, издавать очень дорого стоитъ.

— А подписка? воскликнулъ Рожковъ, обиженное чувство котораго вытѣснилось единодушнымъ одобреніемъ его мысли. — Вы, батюшка, малость только забыли: подписку!.. Ее достаточно, кажется, гарантируетъ насущная потребность новаго журнала... Тутъ не только рискъ, но выгода; скажемъ лучше: обогащеніе! Стоитъ взглянуть на редакторовъ: они живутъ, какъ банкиры; катаются въ собственныхъ экипажахъ!.. Легко себѣ представить, что предстоитъ тому, кто теперь явится съ новымъ, свѣжимъ органомъ, отвѣчающимъ этой общей потребности!.. Будь у меня капиталъ, я не задумавшись отдалъ бы его Порфирію, сказавъ: „Возьми!“ Къ сожалѣнію, у меня его нѣтъ; но, взамѣнъ его, вотъ мои двѣ руки, моя преданность, смѣло скажу: моя практичность, которую, могу сказать, высосалъ я съ молокомъ изъ груди матери... Даю именно то, чего недостаетъ у нашего друга, какъ, впро-

чемъ, у всѣхъ этихъ поэтовъ и мыслителей. Каждому свой удѣлъ на землѣ! Однимъ Богъ далъ крылья, чтобы, такъ сказать, витать на высотахъ, другимъ, т. е. намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, даны крѣпкія ноги, чтобы попирать ими землю и заниматься земными дѣлами. Господа, я предлагаю всѣмъ присутствующимъ осушить бокалъ, во-первыхъ, въ честь именинницы и дорогого ея семейства; во-вторыхъ, за здоровье автора „Игоря“; въ-третьихъ, за процвѣтаніе будущаго журнала, котораго такъ давно, такъ нетерпѣливо ждетъ вся просвѣщенная Россія! Ура! господа, ура!..

Трудно изобразить словами единодушіе, съ какимъ были приняты эти три тоста не только взрослыми, но и дѣтьми, постоянно возбуждаемыми восторженною теткой. Къ концу завтрака Фанфàровъ не переставалъ громко хохотать безъ всякой причины; Сельдереевъ, вообще мало разговорчивый, принялся разсказывать анекдоты, не замѣчая, что, дойдя до середины разсказа, начиналъ опять съ начала; Иванъ Ивановичъ представлялъ собою лошадь, сажая поочередно на спину каждаго изъ дѣтей и становясь на четвереньки; Аменаида Васильевна, граціозно изгибая талію, разливала кофе. Хозяйка дома и ея матушка, сидя на своихъ мѣстахъ, — одна по слабости въ ногахъ, другая по случаю интереснаго положенія,—привѣтливо всѣмъ улыбались. Порфирій Петровичъ расхаживалъ между ними; голова его была нѣсколько приподнята; онъ отвѣчалъ охотно на вопросы и даже улыбался. Но въ его отвѣтахъ и улыбкахъ явно, однакожъ, проглядывала разсѣянность; собираясь что-то сказать, онъ неожиданно отводилъ глаза и задумывался; высоко приподнявшіяся брови, морщины, набѣгавшія на лобъ, обличая сильный напоръ и броженіе мыслей, отвлекали его поминутно за предѣлы окружающаго.

XII.

Было въ самомъ дѣлѣ о чемъ подумать. Шутка сказать: издавай собственный журналъ! Рожковъ, конечно, увлекался. Несомнѣнно, однакожъ, что въ томъ, что̀ было имъ сказано, заключалось много правды. „Почему въ самомъ дѣлѣ не начать издавать журнала? Не Боги горшки обжигаютъ, тѣ же люди!“ думалъ Порфирій Петровичъ, лежа въ постели и потомъ раздумывая о томъ же предметѣ всѣ слѣдующіе дни.

Со стороны денежнаго вопроса не встрѣчалось никакихъ препятствій. Когда Кукушкинъ коснулся девяти тысячъ приданаго, Софья Васильевна даже обидѣлась.

— Не умнѣе ли меня ты въ тысячу разъ, не лучше ли знаешь, какъ полезнѣе ими распорядиться? сказала она, глядя на него увлаженными глазами.

Рожковъ дѣйствительно подверженъ былъ крайностямъ, не умѣлъ держаться середины, хваталъ всегда черезъ край, но это только такъ въ разговорахъ; недостатки эти въ значительной степени перевѣшивались его преданностью, его испытанною, безукоризненною честностью; онъ присоединялъ къ этому практичность, высосанную имъ изъ груди матери, какъ онъ выражался. И это была правда. Отнять у него это качество было невозможно. Онъ дѣйствительно могъ бы справиться съ хозяйственною частью изданія.

Убѣжденіе въ потребности новаго освѣжающаго литературн о органа безъ задирающей полемики, но посвященнаго о вопросамъ чистаго искусства и эстетики, говорило само за себя; но, надо прибавить, не мало также подбивало въ пользу изданія журнала оскорбленное авторское самолюбіе. Напечатать „Игоря“ отдѣльно—значило бы подвергнуть его тѣмъ же отзывамъ и глумленіямъ, попросту: зарѣзать его, какъ было съ книгой „Лучи и тѣни“. Печатать „Игоря“ въ собственномъ журналѣ—другое совсѣмъ дѣло. Все, что выходитъ въ журналѣ, пріобрѣтаетъ всегда болѣе или менѣе значеніе, авторитетность. Журналъ, наконецъ,—если ужъ на это пошло,—можетъ въ свою очередь показать зубы, можетъ разнести и расказнить нападающаго недоброжелателя.

Несмотря на соблазнительную роль редактора, имя котораго печатается крупными буквами, повторяется каждый мѣсяцъ и даетъ, такимъ образомъ, извѣстность, вѣсъ и положеніе въ свѣтѣ и въ литературѣ; несмотря на то, что всѣ домашніе, подстрекаемые явно и тайно Рожковымъ, называли теперь Порфирія Петровича не иначе, какъ „господинъ редакторъ“, и настоятельно уговаривали приступить къ изданію журнала,—онъ все еще колебался.

Въ одномъ остался онъ твердъ или, вѣрнѣе, заупрямился: въ вопросѣ, предложенномъ Иваномъ Ивановичемъ, о необходимости перемѣнить квартиру, нанять помѣщеніе на видномъ мѣстѣ, такъ, чтобы вывѣска редакціи днемъ издали бросалась всѣмъ въ глаза, а вечеромъ освѣщалась

электрическимъ фонаремъ. Съ тою же твердостью выдержалъ онъ осаду своего друга насчетъ покупки новой мебели и сообщенія кабинету артистической обстановки; условія величайшей важности, увѣрялъ Рожковъ; по его мнѣнію, условія эти придаютъ блескъ ореолу редактора, дѣйствуютъ внушительно не только на сотрудниковъ, мало вообще избалованныхъ роскошью, но и на частныхъ лицъ, посѣщающихъ редакцію.

Признавая такія предположенія весьма практичными, Порфирій Петровичъ находилъ ихъ преждевременными. Надо было подумать сначала о другихъ несравненно болѣе важныхъ вопросахъ. Необходимо было, во-первыхъ, основательно обдумать и установить программу журнала; во-вторыхъ, придумать ему названіе и, наконецъ, мало ли еще что предстояло обдумать! Каждый день, возвратясь домой изъ службы, Порфирій Петровичъ запирался въ кабинетъ и просиживалъ въ немъ до глубокой ночи. Опасенія семьи насчетъ переутомленія оказались, къ счастью, напрасными. Результатомъ самоотверженнаго труда было то, что программа была сочинена и журналу придумано названіе „Свѣточъ“,—названіе всѣми радостно встрѣченное.

Но и Рожковъ, какъ можно себѣ представить, не тормозилъ рукъ или, вѣрнѣе, ногъ. Здѣсь скорѣе можно было опасаться переутомленія.

Не давая себѣ отдыха, онъ бѣгалъ по типографіямъ и бумажнымъ фабрикамъ, вездѣ наводилъ справки, составлялъ предварительные расчеты, исписывалъ цѣлыя страницы различными практическими соображеніями и цифрами.

— Чего ты ждешь? приставалъ онъ къ своему другу,— золотое время уходитъ! Подавай прошеніе о разрѣшеніи издавать журналъ; программа готова, названіе придумано. У меня многое уже совсѣмъ налажено; бумага для объявленія куплена...

— Боже мой, какъ у тебя все это скоро!.. Не даешь духъ перевести! говорилъ Порфирій Петровичъ.—Ты забываешь едва ли не самое важное: отыскать сотрудниковъ, уговориться съ ними...

— Получи только разрѣшеніе, сотрудники навалятъ толпою; они только того и ждутъ. Завтра принесу тебѣ книжку съ адресами всѣхъ литераторовъ и ученыхъ... Они встрѣтятъ тебя съ распростертыми объятіями!

Послѣдній ли этотъ разговоръ способствовалъ къ рѣшимости Кукушкина—неизвѣстно; но дѣло въ томъ, что прошеніе было, наконецъ, подано.

Первый шагъ этотъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Главное управленіе по дѣламъ печати навело сначала справки въ министерствѣ просвѣщенія—первое служебное мѣсто Кукушкина, обратилось потомъ къ настоящему его начальству и, получивъ со всѣхъ сторонъ увѣренія, что проситель принадлежитъ къ числу самыхъ образцовыхъ чиновниковъ и, притомъ, людей благонамѣренныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, не сдѣлало никакихъ затрудненій къ разрѣшенію изданія журнала „Свѣточъ“ подъ отвѣтственною редакціей надворнаго совѣтника Порфирія Петровича Кукушкина.

Такое рѣшеніе, при отсутствіи обычныхъ усложненій, положительно тронуло всѣхъ членовъ семьи. Не ясно ли оно доказывало, что высокія качества Порфирія Петровича цѣнимы были не только въ кругу семейства, но извѣстны были правительству и также имъ цѣнимы? Принимая поздравленія и поцѣлуи, онъ самъ, повидимому, былъ польщенъ выраженными ему вниманіемъ и довѣріемъ. При всемъ томъ, радости, — что называется, настоящей радости, — не было въ немъ замѣтно. Она заслонялась предстоящею стѣснительною обязанностью знакомства со множествомъ новыхъ лицъ, вести переговоры съ гг. литераторами и учеными. Чѣмъ бо́льшею извѣстностью пользовалось ихъ имя, тѣмъ сильнѣе ощущалось чувство не то чтобы совсѣмъ робости, но какой-то неловкости, утраты увѣренности, весьма, впрочемъ, понятныхъ со стороны человѣка, жившаго постоянно въ семьѣ, составленной, къ тому же, преимущественно изъ женскаго персонала, который передъ нимъ преклонялся, считалъ его чѣмъ-то въ родѣ кумира.

Встрѣтились сряду два дня праздничныхъ, и Порфирій Петровичъ воспользовался ими для первыхъ визитовъ.

XIII.

Безпокойство Кукушкина насчетъ того, какъ его будутъ принимать, доказывало только его неопытность въ обращеніи съ лицами литературнаго и ученаго круга.

Первый литераторъ, котораго онъ посѣтилъ, встрѣтилъ его очень любезно. Послѣ обычныхъ вступительныхъ фразъ, литераторъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Позвольте узнать... м... м...

— Порфирій Петровичъ! поспѣшилъ досказать гость.

— Скажите, Порфирій Петровичъ, прежде всего, мнѣ хотѣлось бы узнать, съ какою собственно цѣлью предпринимаете вы издавать журналъ?

— Желаніе удовлетворить насущной потребности, тихимъ голосомъ и скромно опуская глаза, началъ Кукушкинъ, предвидѣвшій такой вопросъ и заранѣе приготовившій отвѣтъ. — Нельзя не согласиться, продолжалъ онъ,—въ послѣднее время наши журналы не... не совсѣмъ отвѣчаютъ такой потребности. Невольно какъ-то чувствуется желаніе чего-то новаго, свѣжаго... больше, такъ сказать, выхода... изъ реальнаго направленія... бо́льшаго стремленія къ идеалу... Чувствуется потребность нѣсколько приподнять, освѣжить нашу литературу... поднять ее на извѣстную высоту...

— Прекрасно, сказалъ литераторъ, съ любопытствомъ останавливая глаза на посѣтителѣ, — но такая цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ цѣлою группой талантовъ.

— О, они есть... ихъ даже много... Они только не высказываются, не выставляютъ себя...

— Скажите, пожалуйста, Порфирій Петровичъ, перебилъ литераторъ, еще пристальнѣе осматривая собесѣдника,—сами вы прежде писали?

— Писалъ-съ... и печаталъ... Журналъ собственно я рѣшился предпринять, имѣя въ виду отвлечь читателя отъ грубаго матеріализма... Цѣль моя — издавать такой журналъ, который содѣйствовалъ бы, конечно, насколько возможно, къ возвышенію чувствъ и мыслей читающей публики, давалъ бы ей, опять-таки по возможности, свѣжую, здоровую пищу, который, поучая и доставляя эстетическое наслажденіе, не оскорблялъ бы нравственнаго чувства, могъ бы безъ опасенія переходить изъ рукъ отца въ руки матери, отъ нея въ руки дочери... Цѣль эта дала мнѣ смѣлость посѣтить васъ... просить не отказать въ вашемъ содѣйствіи.

Порфирій Петровичъ остановился, чтобы отереть потъ, выступившій крупными каплями на его лбу; ему, къ тому же, нечего было договаривать; главная мысль была, кажется, ясно высказана. Съ послѣдними словами онъ привсталъ и почтительно поклонился.

— Благодарю васъ за вниманіе, произнесъ литераторъ,—

но долженъ вамъ сказать слѣдующее: у каждаго изъ насъ есть въ литературѣ старыя связи; если я напишу что-нибудь, я, прежде всего, попятно, отдамъ написанное въ журналъ такого направленія, которое мнѣ сочувственно, это во-первыхъ; во-вторыхъ, гдѣ редакторъ человѣкъ мнѣ близкій, давній пріятель... Сами согласитесь: во имя чего я сталъ бы отдавать преимущество журналу...

— Во имя потребности освѣжить... началъ было Кукушкинъ, но литераторъ снова перебилъ его:

— Не чувствую въ себѣ для этого столько силъ, сказалъ онъ съ прискученнымъ видомъ.

— Не откажите, по крайней мѣрѣ, поставить ваше имя въ объявленіи.

— А если я ничего не успѣю для васъ написать?

— А можетъ-быть... какъ-нибудь... изъ прежнихъ что-нибудь найдется... нѣжно проговорилъ Кукушкинъ.—Имя ваше въ объявленіи придастъ значеніе... возвыситъ, такъ сказать... Поддержите!..

— Печатайте, пожалуй, печатайте... За будущее только не ручаюсь... Во всякомъ случаѣ, заключилъ литераторъ,— очень радъ познакомиться съ вами... Желаю вамъ успѣха!

Порфирій Петровичъ вышелъ отъ него значительно ободренный противъ того, какимъ себя чувствовалъ при входѣ къ нему. Жаль было, конечно, не получить готовой рукописи; но для начала хорошо уже было заручиться для объявленія столь извѣстнымъ именемъ.

Второй литераторъ, котораго посѣтилъ онъ въ этотъ день, принялъ его не только привѣтливо, но поразилъ своею любезностью. Узнавъ, что первая книжка „Свѣточа“ выходитъ черезъ мѣсяцъ, литераторъ взялся съ величайшею готовностью доставить новому редактору не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, начало обширнаго историческаго романа.

— Можете даже, если хотите, напечатать въ объявленіи его заглавіе: „Гришка Отрепьевъ“. Онъ еще не совсѣмъ созрѣлъ, но это все равно; печатайте: романъ въ четырехъ частяхъ. Раньше двухъ недѣль, къ сожалѣнію, не могу справиться... У меня теперь каждый мѣсяцъ одновременно печатаются въ трехъ разныхъ журналахъ: два романа и одна большая повѣсть. Вы понимаете, при такихъ условіяхъ, мнѣ дорога́ каждая минута... Я не для того это говорю, чтобы разстаться съ вами... поспѣшилъ онъ прибавить, удерживая Кукушкина, который взялъ

шляпу и привсталъ съ мѣста, — но, судите сами, кромѣ писанія, необходимо еще бывать въ обществѣ, заглядывать въ театры, видѣться съ собратами по литературѣ, просматривать наши газеты и журналы... впрочемъ, мы кончили; остается условиться насчетъ гонорара.

— Это совершенно отъ васъ зависитъ, проговорилъ Порфирій Петровичъ.

— Двѣсти рублей съ листа, что мнѣ платятъ въ другихъ журналахъ.

— Очень хорошо-съ, поспѣшилъ согласиться Кукушкинъ, обрадованный пріобрѣтеніемъ такого дѣятельнаго сотрудника.

Остатокъ утра и часть дня употреблены были на визиты другимъ литераторамъ. Вездѣ, чего онъ прежде никакъ не ожидалъ, встрѣтилъ онъ болѣе или менѣе радушный пріемъ.

Многіе не соглашались съ его взглядомъ насчетъ, какъ онъ выражался, *потребности чего-то новаго, освѣжающаго, стремленія, такъ сказать, къ идеалу*; другіе оспаривали мнѣніе его объ упадкѣ литературы, находя въ реальномъ ея направленіи выходъ на истинный путь; третьи, наконецъ, безъ всякихъ объясненій, радовались новому журналу, видя въ немъ конкуренцію другимъ журналамъ, которыми, по извѣстнымъ имъ причинамъ, были недовольны; но всѣ съ одинаковою охотой дали согласіе на помѣщеніе ихъ имени въ объявленіи, какъ только узнали, что оно будетъ печататься въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ и разослано во всѣ концы обширной Россіи.

Одинъ изъ нихъ только нарушилъ нѣсколько хорошее впечатлѣніе, составленное другими. Соглашаясь доставлять ежемѣсячно „Свѣточу“ хронику петербургской жизни подъ общимъ заглавіемъ: „Литературные блины“ — блинъ первый, блинъ второй и т. д. и подъ псевдонимомъ „Невскій карась“, онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы гонораръ выданъ былъ впередъ авансомъ за первые два фельетона. Отказать — значило бы лишиться полезнаго сотрудника; Порфирій Петровичъ, скрѣпя сердце, согласился. Весь слѣдующій день посвященъ былъ обходу ученаго міра и проведенъ былъ почти цѣликомъ на Васильевскомъ островѣ. Здѣсь встрѣтилъ онъ меньше привѣтливости, но, взамѣнъ этого, больше солидности и сочувствія къ освѣженію и очищенію отечественной литературы. Къ вечеру возвратился онъ домой, унося въ порт-

фелѣ готовую ученую статью „О способахъ истребленія сусликовъ въ степныхъ губерніяхъ“. Статья была, правда, нѣсколько спеціальна, но, все-таки, могла имѣть мѣсто въ журналѣ серьезнаго нравственнаго направленія.

XIV.

Успѣхъ этихъ двухъ дней отразился въ семействѣ Порфирія Петровича совершеннымъ ликованіемъ.

— Вотъ оно, дружище, что значитъ быть редакторомъ! Былъ ты, душа моя, жолудемъ, — золотымъ жолудемъ, — теперь выросъ въ цѣлый дубъ!.. не переставалъ повторять Иванъ Иванычъ.—Всѣ принимаютъ теперь съ распростертыми объятіями, всѣмъ сталъ нуженъ, всѣ рвутся въ сотрудники. „Не откажи только, сдѣлай милость!“ Я, впрочемъ, все это предвидѣлъ, предупреждалъ тебя; ты одинъ не хотѣлъ вѣрить изъ врожденной твоей скромности... Объявленіе „Свѣточа“ выйдетъ, значитъ, у насъ на славу! Только ахнутъ... ахнутъ... и—ничего больше!..

Объявленіе вышло, въ самомъ дѣлѣ, очень эффектно, благодаря стараніямъ Ивана Ивановича, потребовавшаго, чтобы черезъ каждую черную строчку одна была напечатана чернилами краснаго цвѣта.

Составомъ перваго номера „Свѣточа“ можно было, въ самомъ дѣлѣ, похвастать. Въ отдѣлѣ беллетристики, занявшемъ шесть листовъ печати, цѣликомъ вошелъ „Игорь“. Для того же отдѣла два литератора прислали: одинъ очень милый разсказъ—„Куриная слѣпота“, другой—„Обозрѣніе гипнотическихъ и истерическихъ явленій въ минувшемъ году“.

Въ научномъ отдѣлѣ видное мѣсто заняла статья: „О средствахъ истребленія сусликовъ“; отдѣлъ критики обогатился статьей, доставленной съ Васильевскаго острова: „Басни и сказки Хемницера съ точки зрѣнія народнаго ихъ значенія“. Порфирій Петровичъ остался только не совсѣмъ удовлетворенъ „Первымъ блиномъ“ „Невскаго карася“. „Блинъ“ самъ по себѣ былъ интересенъ и очень живо написанъ, но въ немъ мѣстами встрѣчались выраженія, не совсѣмъ отвѣчавшія, по мнѣнію редактора, стройному, изящно-нравственному тону „Свѣточа“. Измѣнить что-нибудь онъ, однако, не рѣшался, опасаясь раздражить автора; послѣдній предупреждалъ, что не допускаетъ никакихъ передѣлокъ, считая ихъ посягательствомъ на священное авторское право.

Благодаря аккуратности Кукушкина (служба прибавила къ его прирожденному свойству), благодаря, съ другой стороны, неусыпной дѣятельности Рожкова, первый номеръ „Свѣточа“ вышелъ, по обѣщанію въ объявленіи, перваго числа.

Не зачѣмъ здѣсь списывать семейное торжество и роскошный завтракъ, ознаменовавшіе этотъ день. И то, и другое подробно изложены во второмъ „Блинѣ“ „Невскаго карася“. Стоитъ отыскать этотъ второй номеръ „Свѣточа“, чтобъ убѣдиться въ талантливости автора, умѣвшаго на нѣсколькихъ страницахъ сочетать трогательныя семейныя изліянія и чувства съ качествомъ яствъ и перечисленіемъ напитковъ. Достаточно сказать: на завтракѣ участвовали, кромѣ Фанфарова и Сельдереева, два литератора (приглашено было еще трое, но они почему-то не явились), авторъ статьи объ истребленіи сусликовъ и прежній сослуживецъ Кукушкина изъ министерства просвѣщенія, нѣкто Худосокинъ, приглашенный Порфиріемъ Петровичемъ въ качествѣ секретаря редакціи. Завтракъ окончился рѣчью Ивана Ивановича, вызвавшей громъ рукоплесканій, но литераторы этимъ не удовлетворились; подхвативъ оратора на руки, они начали дружно подбрасывать его подъ самый потолокъ. Аменаида Васильевна вскрикнула, готовясь къ истерикѣ, но тутъ же великодушно отказалась отъ своего намѣренія при видѣ испугавшихся не въ шутку сестры и матери и бросилась ихъ успокаивать.

Найдутся, можетъ-быть, лица, особенно заинтересованныя рѣчью Рожкова. Мы снова отсылаемъ ихъ къ статьѣ „Невскаго карася“ во второй номеръ „Свѣточа“. Они найдутъ ее тамъ, напечатанной цѣликомъ, безъ всякаго пропуска.

XV.

Нѣсколько дней спустя послѣ выхода перваго номера „Свѣточа“, знакомые Рожкова при встрѣчѣ невольно обращались къ нему съ вопросомъ: „Что съ вами? здоровы ли вы, Иванъ Иванычъ?..“ До такой степени поражало всѣхъ превращеніе бойкаго, задорнаго пѣтушка, готоваго каждую минуту лѣзть на приступъ, — въ пѣтушка, побитаго въ лоскъ сильнымъ соперникомъ. Въ самой походкѣ его,— быстрой, порывистой, обличавшей избытокъ огня и подвижности,—произошла замѣтная перемѣна. Онъ выступалъ нерѣшительно, притомъ, съ опущенною головою и гла-

зами, упорно прикованными къ кончикамъ сапогъ; вострый носикъ морщился, какъ бы обоняя непріятный запахъ; руки, круто закинутыя за спину, оставались безъ движенія, между тѣмъ какъ два большіе пальца ладоней не переставали быстро, безпокойно вращаться одинъ вокругъ другого.

Предполагать, что все это было слѣдствіемъ подкидыванія на воздухъ, остановившимъ пищевареніе послѣ завтрака, было бы крайне опрометчиво. Во-первыхъ, Иванъ Ивановичъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ, озабоченный приготовленіемъ мысленно своей рѣчи; во-вторыхъ, если бъ онъ даже ѣлъ и пилъ, не уступая въ усердіи остальнымъ гостямъ, то и тогда не могло бы случиться ничего подобнаго: его желудокъ, находившійся въ совершенно правильной пропорціи съ остальными частями крошечнаго его тѣла, могъ вмѣщать слишкомъ мало пищи, чтобы, даже при болѣе энергическомъ сотрясеніи, она въ состояніи была произвести въ немъ столь сильный переворотъ. Тутъ, очевидно, дѣло было не въ желудкѣ; причины такого внезапнаго превращенія слѣдовало искать въ болѣе благородномъ источникѣ. Для тѣхъ, кто ихъ зналъ, онѣ доказывали краснорѣчивѣе всякихъ Цицероновъ, какъ, въ самомъ дѣлѣ, была велика его дружба къ Кукушкину, какъ горячо принималъ онъ къ сердцу его интересы. Къ этому, надо сказать, примѣшивалось также много недовольства самимъ собой и значительная доля раскаянія.

Негодуя постоянно противъ скромности своего друга, тормозившей проявленіе его поэтическаго дара, понукаемый горячимъ желаніемъ показать этотъ даръ всему свѣту и открыть ему достойный путь къ славѣ, Иванъ Ивановичъ не переставалъ упрекать себя теперь въ своемъ необузданномъ радѣніи: не перешелъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, границъ увлеченія, уговаривая Порфирія Петровича приступить къ изданію собственнаго журнала?

Такія мысли невольно рождались въ головѣ его при взглядѣ на списокъ подписчиковъ на „Свѣточъ“, остановившійся на цифрѣ сорокъ семь, изъ коихъ сорокъ принадлежали къ числу иногороднихъ. Упреки, обращенные къ самому себѣ, постепенно росли и обострялись по мѣрѣ того, какъ приходили счеты, требовавшіе уплаты за первый номеръ „Свѣточа“. Рожковъ предвидѣлъ ихъ заранѣе, зналъ, что все здѣсь совершенно правильно и точно, и, тѣмъ не менѣе, при видѣ общей цифры расхода, четко

выписанной на бумагѣ, дыханіе спиралось въ его груди и въ глазахъ начинали вращаться милліоны радужныхъ кружковъ. Счеты ясно показывали, что всѣ двѣнадцать номеровъ журнала „Свѣточъ“ обойдутся въ теченіе года, среднимъ числомъ, въ тридцать тысячъ. Все бы это еще ничего, если бы подписка,—проклятая подписка!—такъ жестоко не обманула ожиданій. Журналы и газеты тоже молчали, хоть бы пикнули о выходѣ „Свѣточа“!

Рожковъ основательно считался не только въ семьѣ Кукушкина, но и между знакомыми, самымъ добрымъ, незлобивымъ человѣкомъ, готовымъ, кажется, во время дождя раскрыть зонтикъ надъ гусемъ или уткой; желчи въ немъ было ровно настолько, чтобы свободно помѣститься въ кедровомъ орѣшкѣ, но тутъ, при мысли о молчаніи журналовъ и газетъ, она вылилась вся до послѣдней капельки.

— И говорятъ еще, журналисты живутъ не въ ладу, не въ согласіи и между ними идетъ постоянная распря! негодовалъ Иванъ Ивановичъ.—Все это, очевидно, только для отвода глазъ, для внѣшности! Покажись только кто-нибудь не изъ ихъ лагеря, всѣ возстанутъ какъ одинъ человѣкъ, всѣхъ соединитъ зависть, страхъ конкуренціи... Давай, дескать, дадимъ другъ другу слово молчать... Ну, и молчатъ!.. Молчаніе дѣйствительнѣе брани; оно не дастъ ходу „Свѣточу“, придушитъ его въ самомъ зародышѣ!..

Въ настоящее время невозможно было думать, развѣ имѣя каменное сердце, приступать со счетами и болѣе или менѣе практическими соображеніями къ Порфирію Петровичу. Озабоченный выше всякаго описанія составленіемъ второго номера „Свѣточа“, онъ послѣдніе дни даже похудѣлъ и осунулся. Дѣло въ томъ, что и здѣсь шло также не совсѣмъ ладно.

Изъ трехъ знакомыхъ литераторовъ двое не прислали обѣщанныхъ рукописей; одинъ отозвался болѣзнью, другой, на посланное ему письмо отъ редактора, рѣзко отвѣтилъ, что „литераторовъ ошибочно считать булочниками изъ московской пекарни, и произведенія ихъ не пирожки, которые можно печь когда угодно“. Третій только сдержалъ слово, доставивъ день-въ-день, ровно за двѣ недѣли, первыя шесть главъ романа: „Гришка Отрепьевъ“. Второй „Блинъ“ „Невскаго карася“ хотя и пришелъ къ сроку, но секретарь редакціи Худосокинъ, въ виду край-

ней смѣлости нѣкоторыхъ мыслей и выраженій, принужденъ былъ отправиться къ автору и просить его сдѣлать кое-какія сокращенія, на что послѣдній никакъ не соглашался. Авторъ статьи „Объ истребленіи сусликовъ“ прислалъ новый трудъ: „О моли и вредѣ, приносимомъ ею въ жилищахъ“. Статья была такъ же обстоятельно написана, какъ и первая, но опять-таки слишкомъ длинна, спеціальна и мало интересна для публики. Для оживленія второго номера Порфирій Петровичъ рѣшился помѣстить въ немъ нѣсколько прежнихъ своихъ стихотвореній,—тѣхъ *перловъ*, какъ называлъ ихъ всегда Рожковъ; но это прибавляло всего четыре страницы, между тѣмъ какъ, согласно разосланному объявленію, каждый номеръ долженъ былъ заключать до тридцати листовъ; недоставало еще цѣлыхъ десяти листовъ.

Поставленный въ такія непредвидѣнно-тягостныя условія, Кукушкинъ каждый день, выходя изъ служебнаго мѣста, садился на извозчика и катилъ изъ одного конца города въ другой, въ надеждѣ выпросить у кого-нибудь необходимый матеріалъ. Узнавая отъ швейцара, что тотъ или другой литераторъ дома, онъ быстро, не обращая уже вниманія на одышку, взбѣгалъ въ третій или четвертый этажъ и, осторожно позвонивъ, чтобы заблаговременно не раздражить хозяина квартиры, приступалъ къ нему съ своею просьбой. Разъ только удалось ему получить интересную статью: „О пользѣ размноженія общественныхъ садовъ въ столицѣ въ видахъ гигіеническихъ условій“. Если бъ числу ступеней, измѣренныхъ имъ въ эти дни, отвѣчало число подписчиковъ на „Свѣточъ“, онъ къ новому году не только свелъ бы концы съ концами, но отложилъ бы, навѣрное, изрядный капиталъ. Часто, уже поздно, весь въ поту и голодный, возвращался онъ къ семьѣ, растревоженной его долгимъ отсутствіемъ и его измученнымъ видомъ. Никто не смѣлъ, однакожъ, приступить къ нему съ разспросами; присутствующіе только съ грустью переглядывались и тяжело вздыхали. А тутъ случилась еще нежданная непріятность...

XVI.

Порфирій Петровичъ сидѣлъ въ кабинетѣ надъ корректурами. За дверью послышался голосъ Аменаиды Васильевны:

— Брррателъ! Mon frère!..

Аменаида Васильевна имѣла привычку злоупотреблять буквой *р*, картавить и переходить внезапно съ русскаго языка на французскій, какъ только въ домѣ появлялся незнакомый мужчина; зная такую слабость свояченицы, Кукушкинъ тотчасъ же догадался, что за дверью дожидается посѣтитель мужского пола.

— Кто тамъ? нетерпѣливо спросилъ онъ.

— Брррatецъ... Mon frère... васъ господа офицеры спрашиваютъ...

— Войдите! отозвался Кукушкинъ.

Аменаида Васильевна отворила дверь и любезно посторонилась, приглашая гостей въ кабинетъ.

Порфирій Петровичъ увидѣлъ передъ собою двухъ рослыхъ кавалеристовъ, придерживавшихъ каску въ правой рукѣ и огромный палашъ въ лѣвой; у одного изъ нихъ изъ каски выглядывалъ растрепанный номеръ „Свѣточа“.

Порфирій Петровичъ, не сомнѣвавшійся, что они явились съ предложеніемъ статей о военномъ дѣлѣ, поспѣшилъ запереть дверь и просилъ ихъ садиться.

— Благодаримъ васъ, сказалъ тотъ, у кого въ каскѣ находился номеръ „Свѣточа“, — мы къ вамъ по дѣлу и всего на минуту. Скажите, пожалуйста, вы редакторъ этого журнала? прибавилъ онъ, раскрывая книжку „Свѣточа“ на загнутой страницѣ съ отмѣткой карандашомъ нѣсколькихъ строкъ, принадлежавшихъ перу „Невскаго карася“.—Вы редакторъ? повторилъ офицеръ, возвышая голосъ.

— Такъ точно.

— И отвѣтственный? спросилъ другой офицеръ.

— Такъ точно, возразилъ Кукушкинъ.

Рѣзкій тонъ обоихъ офицеровъ, ихъ возбужденный видъ ясно показали Порфирію Петровичу, что онъ ошибся въ первомъ своемъ предположеніи насчетъ статей; предчувствіе чего-то недобраго мгновенно прокралось въ его душу.

— Если вы отвѣтственный редакторъ, милостивый государь, вы должны отвѣчать за каждое слово, напечатанное въ вашемъ журналѣ; здѣсь, въ этой статейкѣ, встрѣчаются слѣдующія строчки... вотъ онѣ... Кавалеристъ откашлялся и раздраженно прочелъ слѣдующее: „Въ маскарадѣ присутствовало, между прочимъ, нѣсколько военныхъ въ коротенькихъ мундирахъ, изъ-подъ которыхъ рисовались крутыя бедра, обращавшія на себя общее вниманіе“...

Тутъ прямой намекъ на кавалеристовъ, милостивый государь, заключилъ кавалеристъ, энергически засовывая въ каску книжку „Свѣточа“.

— Позвольте, господа...

— Нечего тутъ позволять, милостивый государь, задорно проговорилъ офицеръ, — общество кавалеристовъ считаетъ себя оскорбленнымъ такимъ дерзкимъ намекомъ; оно прислало насъ требовать отъ васъ публичнаго извиненія...

— И удовлетворенія! добавилъ другой офицеръ, стукнувъ палашомъ.

Трудно представить, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы въ эту самую минуту за дверью не раздался пронзительный женскій крикъ, заставившій Кукушкина броситься, сломя голову, въ сосѣднюю комнату.

Аменаида Васильевна, заинтересованная въ высшей степени прибытіемъ двухъ офицеровъ, уговорила сестру подойти къ двери кабинета. Съ послѣдними словами, сказанными офицеромъ, крикъ вырвался изъ груди Софьи Васильевны, и не удержи ее сестра, она упала бы на полъ. Когда Порфирій Петровичъ вбѣжалъ въ комнату, жена лежала уже на диванѣ въ страшной истерикѣ.

— Вотъ, господа, ваше дѣло!.. Полюбуйтесь! съ горячностью воскликнулъ Кукушкинъ, обращаясь къ офицерамъ, которые за нимъ слѣдовали.

Кавалеристы переглянулись, торопливо извинились и вышли въ прихожую, гремя палашами.

Когда все успокоилось и Кукушкинъ, посылая ко всѣмъ чертямъ „Невскаго карася“, вернулся въ кабинетъ болѣе блѣдный, чѣмъ обыкновенно, его жена, оставшись наединѣ съ сестрою и матерью, стала отзываться въ первый разъ не совсѣмъ лестно насчетъ „Свѣточа“; самая роль редактора, сопряженная для мужа съ опасностью жизни, — какъ она сейчасъ могла въ этомъ убѣдиться,— потеряла въ ея глазахъ значительную долю прелести.

Худъ ли, хорошъ ли былъ составъ второго номера „Свѣточа“, онъ, однакожъ, печатался и, наконецъ, вышелъ, запоздавъ всего одною недѣлей. Иванъ Ивановичъ былъ очень доволенъ появленіемъ въ свѣтъ прежнихъ стихотвореній, прозванныхъ имъ *перлами*; но можно сказать: одно это его только и радовало. Даже въ этой радости замѣтно проглядывало что-то вынужденное, насильственное, какъ будто ее надавливалъ сверху цѣлый слой тя-

гостныхъ ощущеній и до своего проявленія необходимо было ихъ превозмочь. Его дѣйствительно сильно удручала горькая необходимость приступить, наконецъ, къ Порфирію Петровичу съ хозяйственными вопросами, усложнявшимися теперь счетами за второй номеръ „Свѣточа“ и также тягостными разоблаченіями насчетъ скудности подписки, объясняемой не иначе, какъ интригой, стачкой со стороны соединенныхъ журналовъ.

XVII.

Выраженіе крайней озабоченности, не сходившее съ лица Порфирія Петровича, не бывавшая въ немъ прежде разсѣянность не могли, конечно, ускользнуть отъ вниманія его сослуживцевъ, вообще, наблюдательныхъ по отношенію къ лицамъ, поставленнымъ надъ ними хотя бы однимъ чиномъ выше. Они смотрятъ на ихъ успѣхи безъ явной зависти, но, все-таки, не безъ нѣкотораго сожалѣнія. Точный, аккуратный во всѣхъ своихъ дѣлахъ, вполнѣ оправдывавшій въ глазахъ начальства мнѣніе образцоваго чиновника, Кукушкинъ, несмотря на новыя сложныя редакторскія занятія, не пропускалъ дня, чтобы въ извѣстные часы не сидѣть въ своемъ отдѣленіи. Но этимъ, къ сожалѣнію,—и, можно сказать, противъ воли его,—ограничивались въ послѣднее время его служебныя обязанности. Бумаги, быстрота которыхъ была обязательна (такихъ, правда, было немного, но, все-таки, время отъ времени онѣ встрѣчались), задерживались; въ изложеніи отчетовъ и отношеній попадались пропуски; замѣчались ошибки, требовавшія вторичной переписки набѣло.

Вице-директоръ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ Селистрѣповъ-Семистрѣпскій, добрѣйшій человѣкъ, большой цѣнитель отечественной словесности, самъ когда-то сочинявшій стихи, считавшій себя не безъ гордости отличнымъ чтецомъ, читавшій трагедію „Игорь“ громко передъ своимъ семействомъ, смотрѣлъ сквозь пальцы на промахи начальника отдѣленія, цѣня въ немъ,—мимо заслугъ,—его талантъ и призваніе къ литературѣ. По всему есть конецъ. Конецъ этотъ былъ вызванъ вторымъ номеромъ „Свѣточа“, аккуратно посылаемымъ редакторомъ вице-директору въ самый день выхода книжки.

Около второго часа пополудни въ отдѣленіе Кукушкина вошелъ Фанфáровъ.

— Васъ, Порфирій Петровичъ, вице-директоръ зачѣмъ-то спрашиваетъ, сказалъ онъ, косясь на окно.

Порфирій Петровичъ поднялся съ мѣста, оправилъ галстукъ и неторопливо направился черезъ рядъ большихъ, тусклыхъ залъ, пересѣченныхъ по всѣмъ направленіямъ столами съ сидѣвшими чиновниками, частью наклоненными надъ бумагами, но бо́льшею частью ходившими взадъ и впередъ съ закуренными папиросками; отъ дыма, копоти и того также, что не только окна этихъ залъ, но самыя форточки никогда не отпирались, воздухъ былъ до того густо насыщенъ, что когда, за годъ передъ тѣмъ, одному изъ молодыхъ чиновниковъ вздумалось отворить форточку, то у всѣхъ остальныхъ сдѣлался флюсъ.

Кукушкинъ засталъ вице-директора въ креслахъ, читающаго газету.

— Здравствуйте, Порфирій Петровичъ! Прошу покорно, садитесь!

Порфирій Петровичъ поздоровался и занялъ указанный стулъ.

— Я попросилъ васъ, Порфирій Петровичъ, съ тѣмъ, чтобы переговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ, началъ Селистро́новъ-Семистро́нскій самымъ дружелюбнымъ тономъ.—Вы знаете, какъ я высоко цѣню ваши достоинства; директоръ считаетъ васъ въ числѣ образцовыхъ чиновниковъ нашего вѣдомства, но,—извините меня,—съ нѣкоторыхъ поръ въ отдѣленіи вашемъ встрѣчаются упущенія, которыя бросились въ глаза директору. Онъ недоволенъ. Я, сколько могъ, старался объяснить ему ваши новыя занятія по редакторству прекраснаго вашего журнала, но онъ слышать ничего не хочетъ... Онъ, вы знаете сами, нѣсколько строптивъ характеромъ, — въ немъ это есть... скрывать нечего... Онъ твердитъ одно: „журналъ или служба!“ А „смѣшивать два эти ремесла“... хе-хе-хе, — какъ сказалъ Грибоѣдовъ, — онъ не признаетъ возможнымъ; уперся, — ничего не подѣлаешь... Такъ и просилъ передать вамъ; скажите, говоритъ, ему: или издавать журналъ, или служба! Его, главнымъ образомъ, знаете, вооружила статья этого шутника „Невскаго карася“, случайно попавшаяся ему на глаза.

Вице-директоръ раскрылъ номеръ „Свѣточа“, перевернулъ нѣсколько страницъ и прочелъ пріятнымъ горловымъ теноромъ: „...Когда вышелъ проектъ уничтожить Екатерининскій каналъ, думали засыпать его одними

статскими совѣтниками, но тутъ же отказались, найдя, что почва будетъ слишкомъ рыхлая и сваи не будутъ въ ней крѣпко держаться...“

— Рѣзко, воля ваша, рѣзко! подхватилъ вице-директоръ.—Я не обижаюсь... я стою выше этого... но другіе... другіе что скажутъ?.. Рѣзко, сами согласитесь... очень рѣзко!..

— Я не виноватъ... секретарь редакціи просмотрѣлъ, глухо пробормоталъ Порфирій Петровичъ, опуская глаза.

— Онъ просмотрѣлъ, а вы отвѣчаете; все равно, какъ у насъ на службѣ... старшій всегда отвѣчаетъ... И такъ, Порфирій Петровичъ, прошу васъ, подумайте о томъ, что я передалъ вамъ со словъ директора... Жаль будетъ потерять журналъ такого прекраснаго направленія, какъ вашъ „Свѣточъ“, но въ тысячу разъ прискорбнѣе было бы всѣмъ намъ лишиться такого почтеннаго, такого полезнаго, вполнѣ достойнаго сослуживца, какъ вы... Обсудите хорошенько, обдумайте, заключилъ Селистрóновъ-Семистрóнскій.

Порфирій Петровичъ, нетерпѣливо дождавшись четырехъ часовъ въ своемъ отдѣленіи, вышелъ изъ департамента, сѣлъ на извозчика и крикнулъ ему: „пошелъ!“ такимъ голосомъ, что тотъ испуганно обернулся.

Думая, прежде всего, о женѣ и дѣтяхъ и не желая дать имъ времени всмотрѣться въ его лицо, онъ спѣшно, почти на ходу, поцѣловалъ ихъ и такъ же спѣшно прошелъ въ кабинетъ.

Тамъ ожидалъ его Иванъ Ивановичъ. Передъ нимъ на столѣ лежала довольно объемистая развернутая папка съ бумагами.

XVIII.

При видѣ входившаго друга, Иванъ Ивановичъ стремительно бросился ему навстрѣчу.

— Я къ тебѣ... Все кажется ладно! торопливо и почти безсознательно заговорилъ Иванъ Ивановичъ, томимый убѣжденіемъ, что все было весьма скверно. Онъ старался припять веселенькій, заигрывающій тонъ. Но это ему не удалось; голосъ его оборвался на первыхъ словахъ и пальцы рукъ начали производить движенія, какъ бы разыгрывая весьма трудный пассажъ на фортепіано

— Обѣдать? разсѣянно спросилъ Порфирій Петровичъ.

— Да... И вотъ... Вотъ также насчетъ этихъ сче-

товъ, нерѣшительно проговорилъ Рожковъ, указывая на папку.

— Счеты... Да... да... Но я чувствую сегодня какую-то тяжесть въ головѣ... Не лучше ли отложить до завтра? произнесъ Кукушкинъ съ видомъ изнеможенія.

— Душенька ты моя, я бы радъ-радёхонекъ хоть черезъ недѣлю, но требуютъ уплаты... Пойми: требуютъ! не столько проговорилъ, сколько простоналъ Иванъ Ивановичъ.

Кукушкинъ подошелъ къ столу, сѣлъ въ кресло и началъ просматривать счеты.

Онъ не менѣе Рожкова предвидѣлъ появленіе этихъ счетовъ, вѣрилъ точно такъ же въ ихъ правильность, и, все-таки, взглянувъ на общую цифру расхода, равнявшагося почти пяти съ половиною тысячамъ, закрылъ невольно глаза, заслонившіеся неожиданно туманомъ. Онъ перешелъ къ дивану, прислонился затылкомъ къ его спинкѣ, хотѣлъ что-то сказать, привсталъ даже, и вдругъ, точно у него подкосились ноги, опустился всею своею тяжестью на прежнее мѣсто.

Какъ бо́льшею частью бываетъ въ такихъ случаяхъ, испуганный Иванъ Ивановичъ, вмѣсто того, чтобы поспѣшить развязать ему галстукъ и открыть жилетъ, сломя голову вылетѣлъ изъ комнаты за водою и крикомъ своимъ такъ перепугалъ жену и остальныхъ домашнихъ, что минуту спустя всѣ уже тѣснились подлѣ Порфирія Петровича, сидѣвшаго, попрежнему, на диванѣ съ опущенною головой и руками.

— Вотъ, проговорилъ онъ, отхлебнувъ воды, поданной ему Аменаидой Васильевной,—вотъ, всѣ вы говорили: издавай журналъ... выпусти, да выпусти... Вотъ я и выпустилъ... Все больше-ты, Иванъ...

— Мало меня повѣсить!.. Повѣсить мало! воскликнулъ Рожковъ съ такимъ отчаяніемъ и такъ сильно ударивъ себя въ грудь, что Софья Васильевна и ея сестра поспѣшили ухватить его за руки.

Послѣ обѣда, который прошелъ почти молча,—молчали даже дѣти, повинуясь строгимъ взглядамъ тетки, — спокойствіе болѣе или менѣе водворилось между членами почтеннаго семейства.

Порфирій Петровичъ, запершись въ кабинетѣ съ Ивановичемъ, выдалъ ему довѣренность на полученіе изъ девяти тысячъ женнина приданаго извѣстной суммы

для уплаты поданныхъ счетовъ. Онъ просилъ его также заѣхать скорѣе въ типографію, остановить наборъ и печатаніе третьяго номера „Свѣточа“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, немедленно распорядиться отправкой обратно денегъ сорока семи подписчикамъ.

Иванъ Ивановичъ, присмирѣвшій, сдѣлавшійся вдругъ кроткимъ, какъ ягненокъ, молча, смиренно выслушавъ своего друга, вышелъ изъ кабинета, заботясь о томъ только, чтобы пробраться въ прихожую никѣмъ не замѣченнымъ.

Спустя два мѣсяца Кукушкинъ, узнавъ объ открывшейся вакансіи въ управленіи его вѣдомства, обратился къ вице-директору съ просьбою похлопотать о переводѣ его на это мѣсто, на что тотъ охотно согласился. Просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ слѣдующую же весну Порфирій Петровичъ былъ переведенъ въ одну изъ западныхъ губерній съ оставленіемъ, пока, въ прежнемъ чинѣ, но съ увеличеніемъ жалованья.

Фанфаровъ разсказывалъ, что трудно, почти невозможно было присутствовать въ вокзалѣ варшавской желѣзной дороги при прощаньи Ивана Ивановича съ другомъ его дѣтства и его семействомъ. Всѣ плакали. Когда раздался послѣдній свистокъ и вагоны тронулись, Рожковъ не въ силахъ уже былъ махать платкомъ; онъ разразился какимъ-то дѣтскимъ рыданіемъ и, быстро перебирая своими маленькими ножками, побѣжалъ безъ оглядки изъ вокзала, не переставая произносить какія-то невнятныя слова, изъ которыхъ можно было только разобрать часто повторяемыя отрывочныя восклицанія: „Повѣсить надо!.. Мало меня повѣсить!..“

Говорятъ, онъ вскорѣ также подалъ прошеніе о переводѣ его, — даже съ уменьшеніемъ жалованья, если это нужно, — въ тотъ городъ, куда переселились Кукушкины.

Не знаю, насколько можно вѣрить Фанфарову, но онъ положительно утверждалъ, что просьба Рожкова будетъ уважена.

ВСТРѢЧА.

(РАЗСКАЗЪ.)

На-дняхъ, часовъ около четырехъ пополудни, выходя изъ своей квартиры и готовясь опустить ногу на первую ступень лѣстницы, я столкнулся почти носъ къ носу съ господиномъ, который, окинувъ меня любопытнымъ взглядомъ и приподнявъ слегка цилиндръ, проговорилъ, улыбаясь:

— А я къ вамъ...

Будь этотъ господинъ моложе, я бы извинился подъ первымъ предлогомъ и попросилъ бы его отложить посѣщеніе до другого раза; но его бѣлая борода, тощее морщинистое лицо и особенно одышка, показывавшая, какъ трудно было ему подняться на лѣстницу, — остановили меня. Я отворилъ двери квартиры и просилъ его зайти.

Когда незнакомецъ сбросилъ съ плечъ довольно истертую шубенку, передо мною обрисовалась длинная костлявая фигура, близко напоминавшая классическія изображенія Донъ-Кихота—съ тою, однакожъ, разницей, что, вмѣсто рыцарскихъ доспѣховъ, на незнакомцѣ были фракъ, бѣлый галстукъ и черные узкіе панталоны, придававшіе его ногамъ еще больше длины и сухощавости; на ходу онъ неизбѣжно долженъ былъ въ нихъ запутываться. Незнакомецъ торопливо освободилъ голову отъ цилиндра, при чемъ его бѣлые сухіе волосы поднялись торчмя, какъ будто ихъ толкнула скрытая внутри пружина. Его маленькіе мигающіе глаза ни на секунду не отрывались отъ

моего лица, отыскивая на немъ, вѣроятно, впечатлѣніе, сдѣланное на меня неожиданнымъ посѣщеніемъ.

Я предложилъ ему войти и указалъ кресло.

— Вы, я вижу, меня не узнали? проговорилъ онъ мягкимъ, задобривающимъ голосомъ и по-французски.

Наружность незнакомца принадлежала къ числу тѣхъ неопредѣленныхъ физіономій, которыя забываются часъ спустя послѣ того, какъ ихъ увидишь; кажется всегда, какъ будто встрѣчаешь ихъ первый разъ.

— Признаюсь... отвѣчалъ я, — не могу вдругъ припомнить...

— Памировъ... Па-ми-ровъ! проговорилъ гость, отчеканивая каждую букву и всматриваясь въ меня еще пристальнѣе.

На губахъ его мелькнула кисловатая улыбка человѣка, желавшаго произвести нѣкоторый эффектъ, но не достигшаго цѣли.

Фамилія его дѣйствительно не произвела на меня ожидаемаго дѣйствія,—но едва коснулась моего слуха, память моя мгновенно прояснилась, я узналъ въ гостѣ старинаго, очень стараго знакомаго.

Но прежде чѣмъ продолжать бесѣду съ г. Памировымъ, необходимо коснуться времени, когда мы первый разъ встрѣтились. Если считать съ настоящаго дня—этому будетъ ни болѣе, ни менѣе какъ сорокъ лѣтъ. Да, сорокъ лѣтъ тому назадъ!..

У Памирова, вмѣсто совершенно бѣлыхъ, строптивыхъ пучковъ на головѣ, вились тогда бѣлокурые, всегда раздушенные волосы, тщательно раздѣленные на двѣ половины безукоризненнымъ проборомъ — операція, для которой каждое утро являлся французъ-парикмахеръ. Онъ и тогда, помнится, имѣлъ привычку закидывать назадъ голову, при чемъ прищуривался съ видомъ плохо скрываемаго пренебреженія, когда входило незнакомое лицо, не принадлежавшее *„его обществу“*, какъ онъ выражался. При первомъ знакомствѣ съ такими лицами, онъ имѣлъ обыкновеніе подавать только два пальца, и, помню, разъ или два ему порядочно за это досталось. Но уроки такого рода ничему не служили; они, напротивъ, какъ бы прибавляли ему спеси, заставляли быть осторожнѣе, строже къ выбору новыхъ знакомыхъ. Онъ былъ насквозь проникнутъ высокимъ мнѣніемъ о своемъ родѣ, о самомъ себѣ и своемъ положеніи въ свѣтѣ.

Родъ Памировыхъ не принадлежалъ, однакожъ, къ числу именитыхъ древнихъ родовъ; ни одно лицо этого рода ничѣмъ особенно не отличилось на какомъ бы то ни было поприщѣ, а хотя бы и отличилось—глупо было бы этимъ гордиться, не имѣя лично за собой никакихъ заслугъ. Отецъ его извѣстенъ былъ только тѣмъ, что, благодаря участію въ откупахъ, пріобрѣлъ хорошее состояніе; но тутъ опять-таки гордиться было нечѣмъ.

Высокое мнѣніе о себѣ и своемъ положеніи въ свѣтѣ—объяснить было также трудно; оно основывалось, главнымъ образомъ, на томъ, что онъ находился въ числѣ маленькихъ и малоспособныхъ чиновниковъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ. Отсюда, можетъ-быть, почерпнулъ онъ мнѣніе, что всякій, переступающій порогъ этой канцеляріи, долженъ считать себя отмѣченнымъ особымъ преимуществомъ, юношей высшей пробы, совершеннѣе во всѣхъ отношеніяхъ остальныхъ чиновниковъ Россійской имперіи. Онъ даже прямо высказывалъ намъ такое мнѣніе, прибавляя, что „порядочные люди могутъ служить только въ иностранной канцеляріи“.

Памировъ не замедлилъ сдѣлаться въ нашемъ кругу предметомъ забавы и мистификацій.

Ему, шутя, говорили:

— Послушайте, Памировъ, вы съ нѣкоторыхъ поръ стали что-то поздно являться въ канцелярію... Смотрите: министръ это замѣтилъ; онъ недоволенъ...

— Фю... фю... желалъ бы я знать, онъ-то что дѣлаетъ!.. съ улыбкой пренебреженія возражалъ Памировъ.

Это не помѣшало ему почувствовать себя на высотѣ блаженства, когда министръ, встрѣтивъ его однажды на улицѣ и узнавъ въ немъ своего чиновника, ласково кивнулъ ему мимоходомъ. Свидѣтель этой встрѣчи, также служившій въ канцеляріи, разсказывалъ, что ничего не могло быть потѣшнѣе, какъ наблюдать, съ какимъ самодовольнымъ видомъ Памировъ продолжалъ потомъ свою прогулку, какъ гордо оглядывалъ всѣхъ, попадавшихся навстрѣчу.

— Знаете что, Памировъ, увѣряли его въ другой разъ,—носятся слухи, васъ хотятъ представить въ камеръ-юнкеры...

— Да, да, слышалъ, отвѣчалъ онъ, пріосаниваясь, — объ этомъ начинаютъ болтать въ городѣ!..

Кто-то изъ насъ, шутя, отдаваясь самымъ сумасброд-

нымъ мечтаніямъ, выразилъ желаніе сдѣлаться со временемъ министромъ просвѣщенія.

— Вотъ чего захотѣли! вмѣшался Памировъ,—объ этомъ даже я не позволяю себѣ мечтать!..

Говорили при немъ объ итальянской оперѣ и восхищались пѣніемъ Маріо.

— По-моему, сказалъ Памировъ, — онъ унизилъ себя, сдѣлавшись пѣвцомъ; ему не слѣдовало забывать, что прежде всего—онъ графъ Кандія!

Въ жесточайшіе морозы онъ выходилъ гулять не иначе, какъ съ цилиндромъ на головѣ; онъ увѣрялъ, что шапки и картузы носятъ только „хамы“. Онъ находилъ возможнымъ посѣщать только балетъ и французскій театръ; садился всегда въ первый рядъ, умышленно запаздывалъ къ началу представленія, являлся во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, подражая джентльменамъ, отправляющимся послѣ театра въ свѣтскія гостиныя, и не подозрѣвая, конечно, что то же самое продѣлываютъ биржевые зайцы и маклеры, желающіе, чтобы ихъ также приняли за свѣтскихъ людей. Онъ въ руки не бралъ русскихъ книгъ, читалъ исключительно французскіе романы и, помнится, отзывался о Диккенсѣ — начинавшемъ тогда сильно распространяться — какъ о вульгарномъ писателѣ, котораго не читаютъ въ Англіи въ высшемъ свѣтѣ.

Памировъ опредѣлился въ иностранную канцелярію по протекціи; по протекціи могъ также быть современемъ назначенъ въ какое-нибудь посольство, — что нимало не помѣшало бы ему оставаться такимъ же глупымъ и пошлымъ фатомъ, какъ прежде.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашего знакомства, я уѣхалъ въ деревню, потерялъ его изъ виду и совершенно забылъ о его существованіи.

Прошло лѣтъ двадцать.

Гуляя однажды въ концѣ зимы по Большой Морской, я встрѣтился съ юнымъ N—сыномъ моего пріятеля и сосѣда по деревнѣ. Пріѣхавъ наканунѣ изъ Москвы, онъ шелъ отыскивать мою квартиру. Послѣ первыхъ привѣтствій и объясненій, я обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ поживаете? Какъ проводите время въ Бѣлокаменной?

— Прошлую зиму жилось особенно весело, отвѣчалъ юный N, — танцовали до упаду; балы почти каждую недѣлю!

— У кого же? Сколько слышно, въ Москвѣ балы даетъ теперь только губернаторъ—да и то одинъ въ зиму; большіе барскіе дома, въ которыхъ прежде пировали, почти исчезли; изъ владѣльцевъ—одни переселились въ Петербургъ, другіе перебрались за границу, продавъ свои чертоги богатому купечеству... Веселитесь вы, стало-быть, у этихъ послѣднихъ...

— А Памировъ! воскликнулъ N.

— Какой Памировъ?

— Вы, кажется, прежде о немъ разсказывали, когда бывали въ деревнѣ у отца.

— Помню! Помню... Развѣ онъ такъ богатъ?

— Очень богатъ! подхватилъ N, — послѣ смерти отца, и вскорѣ затѣмъ кончины матери, онъ, какъ единственный сынъ, получилъ въ наслѣдство болѣе двухъ тысячъ душъ и еще сколько-то денегъ — не помню цифры... Его предлагали выбрать въ уѣздные предводители — но онъ хотѣлъ быть выбранъ въ губернскіе... Не поладилъ съ дворянствомъ, оставилъ деревню, переѣхалъ въ Москву, женился на красавицѣ... Но они не сошлись характерами и вскорѣ разъѣхались... Вообще говоря, нравомъ онъ не то, чтобы... Ужасно гордъ и тщеславенъ! Но балы даетъ отличные! Къ концу всегда великолѣпный ужинъ—souper assis, на маленькихъ отдѣльныхъ столикахъ; передъ каждой дамой непремѣнно букетъ ландышей... Трюфли величиной съ яблоко, заливныя стерляди чуть не въ аршинъ; оркестръ отборный, прислуга въ чулкахъ и башмакахъ—словомъ, полное великолѣпіе! Самъ хозяинъ не отличается особою любезностью: холодно-учтивъ—и только. Во время танцевъ и ужина не принимаетъ почти участія; расхаживаетъ, закидывая голову, неимовѣрно важенъ! Очень, знаете, напоминаетъ принцевъ въ балетахъ! Надъ нимъ всѣ втихомолку подсмѣиваются, но ѣздятъ къ нему, потому что у него единственное мѣсто, гдѣ встрѣчаешься со всѣми и гдѣ можно веселиться и ужинать!

Заключеніе юнаго N. нисколько меня не удивило. Я успѣлъ уже приглядѣться къ нравамъ и обычаямъ такъ-называемаго „свѣта“. Я зналъ, что лица, приглашенныя на балъ, обѣдъ или ужинъ, чаще всего принимаютъ въ соображеніе не столько достоинства гостепріимныхъ хозяевъ, сколько удобства ихъ дома и качества ихъ повара.

Прошло еще двадцать лѣтъ... Васъ удивляютъ такіе огромные скачки? Они кажутся такими большими сравни-

тельно только съ краткостью человѣческой жизни; впрочемъ, самая жизнь кажется короткой. Доказательствомъ ея продолжительности служитъ то, что, по истеченіи сорока лѣтъ, я и Памировъ встрѣтились,—правда, жестоко пострадавшіе отъ времени, — но настолько еще бодрые, что я не могъ забыть Памирова, а онъ, со своей стороны, нашелъ возможнымъ потрудиться отыскать мой адресъ и взобраться на мою лѣстницу.

Не могу опредѣленно сказать, что̀ именно ощущалъ я при видѣ свидѣтеля моей юности,—и, даже, ощущалъ ли что-нибудь...

Не знаю, случалось ли вамъ встрѣчаться съ лицами послѣ полувѣковой разлуки и съ тѣхъ поръ, какъ сидѣли съ ними на школьной скамьѣ, или разстались безбородыми юнцами, и неожиданно сталкиваетесь совершенно уже сѣдыми и лысыми? Какія чувства пробуждаютъ у васъ такія встрѣчи? Все зависитъ, неправда ли, отъ прежней, болѣе или менѣе тѣсной связи, отъ воспоминаній и впечатлѣній, оставленныхъ той или другой личностью? Къ тому надо прибавить: воспоминанія и впечатлѣнія, отдаленныя отъ насъ пятьюдесятью годами, утрачивая свою ясность, значительно ослабляютъ занимательность. Но если, при всемъ напряженіи памяти, встрѣчаемое лицо ничего ровно не напоминаетъ о минувшей связи,—тогда что?.. Тогда, надо признаться, не только ничего не чувствуешь, но даже испытываешь чаще всего нестерпимую скуку. Скука рождается особенно при встрѣчѣ двухъ противоположныхъ типовъ: черезчуръ бойкаго, или слишкомъ уже сентиментальнаго и робкаго. Первый несравненно хуже.

Вы идете по улицѣ; передъ вами неожиданно останавливается въ упоръ господинъ, разражающійся громкимъ хохотомъ и восклицаетъ:—„Ба! ба! ба! кого вижу!!.. Вотъ такъ сюрпризъ! Не помнишь?.. Севрюжкинъ!.. Неужели не узналъ? И ты, братъ, перемѣнился! Былъ спичка—смотри какъ разнесло! Только по носу и можно узнать: такимъ же косякомъ, какъ прежде... Ну, женатъ? Хозостъ?.. Гдѣ живешь? Ну, братъ, здорово, здорово!“ и т. д.

Второй типъ встрѣчаетъ васъ иначе. Вы замѣчаете уже нѣсколько минутъ какого-то господина, тусклаго вида, который мнется и пристально на васъ посматриваетъ, какъ бы желая обратить на себя ваше вниманіе; и между тѣмъ, всякій разъ, какъ вы оборачиваетесь въ его сто-

рону, глаза его застѣнчиво опускаются, онъ дѣлаетъ видъ, будто собирается уйти; вы сторонитесь, даете ему дорогу. Онъ тогда тихо, колеблющимся голосомъ говоритъ вамъ:

— Ты... кажется... не хочешь меня узнать...

— А! какъ же!.. какъ же!.. Очень радъ!.. восклицаете вы, рѣшительно теряясь въ догадкахъ.

— Тетюшкинъ!.. Помнишь?.. продолжаетъ онъ.—Сколько времени не видались... О-хо-хо-хо-хо!! А я, братецъ, давно отъ всего отсталъ... Поселился подлѣ Бобруйска, въ деревнѣ, въ глуши... Имѣю шестерыхъ дѣтей... Старшій, Петръ, уже офицеръ и женатъ; второй, Вася — морякъ... Съ дѣтства имѣлъ пристрастіе къ морю... Три дочери замужемъ; куча внучатъ; очень счастливъ въ семьѣ; жена прекрасная женщина... Будешь проѣзжать по Варшавской желѣзной дорогѣ, заѣзжай къ намъ въ Бобруйскъ... Будемъ тебѣ очень рады...

Вы изъявляете, конечно, полную готовность и съ чувствомъ жмете ему руку.

Памировъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, но представлялъ нѣчто среднее пропорціональное между двумя названными типами...

Продолжая въ меня всматриваться, онъ правою ладонью не переставалъ ласкать цилиндръ, очевидно, не только пережившій зиму, но достаточно настрадавшійся въ минувшую дождливую осень.

— А я къ вамъ съ просьбой... прервалъ онъ, наконецъ, молчаніе:— я слышалъ, вы хорошо знакомы—даже близки, мнѣ говорили — съ X*... Ne voudriez vous pas... Не можете ли вы — по старой памяти... Vous rappelez vous?.. Сдѣлать мнѣ одолженіе... Un petit service... Мнѣ хотѣлось бы найти у него занятіе... Словомъ, поступить къ нему на службу...

— Вы знаете, служба тамъ самая разнообразная, сказалъ я, — необходимо быть приготовленнымъ къ какой-нибудь спеціальности...

— Что такое спеціальность! Спеціальность!.. La spécialité!.. воскликнулъ онъ съ улыбкой. — Я думаю, X* прежде всего нужны: des hommes comme il faut!.. Люди извѣстнаго положенія, извѣстнаго круга... Впрочемъ, я готовъ исполнять какія ему понадобятся порученія. Tout ce qu'il voudra! Лишь бы опредѣлиться. Я обращался въ прежнее мое министерство — la chancellerie — помните?.. Просилъ не Богъ знаетъ чего! — просилъ назначить меня

хоть консуломъ куда-нибудь на югъ... больше для укрѣпленія нервовъ; они у меня что-то въ послѣднее время расшатались... Хотѣлось также, признаться, подышать другимъ воздухомъ; здѣсь оставаться прискучило; j'en ai assez!.. Но, on n'est j'amais trahi que par les siens,—мнѣ было отказано,—refus complet!.. Приходится оставаться здѣсь и, какъ ни странно кажется въ мои лѣта и въ моемъ положеніи, приходится поступить на службу. Мои желанія, mes prétentions, надо вамъ сказать, самыя скромныя... я удовольствовался бы теперь... vu les circonstances... какими бы нибудь тремя тысячами жалованья и квартирой... Конечно, только нѣсколько удобной, приличной... tant soi peu confortable...

— Какъ, для начала? вырвалось у меня невольно.

— Да... faute de mieux!.. Вы находите: много?..

— Помилуйте! такое жалованье получаютъ только опытные столоначальники...

— Vraiment?.. Въ такомъ случаѣ я согласился бы даже на двѣ тысячи...

— Этого вамъ также не дадутъ...

— Ну... тысячу... квартиру...

— И этого не дадутъ.

— Mon Dieu! Mon Dieu... Какъ же быть?..

— Ужъ право не знаю...

— Это ужасно... Pour un gentilhomme... Сами согласитесь... Ужасно!.. Ayant des habitudes... Съ извѣстными привычками...

Онъ выронилъ цилиндръ, поднялъ его съ быстротой, какой я не ожидалъ отъ него, и снова принялся полировать его правой ладонью.

Не желая его окончательно обезкураживать, я обѣщалъ навести справки и дать знать, какъ только откроется что-нибудь подходящее.

Онъ поспѣшно вынулъ изъ бокового кармана крошечную, истертую сафьяновую книжечку и подалъ мнѣ свою карточку.

На ней прежде всего бросалась въ глаза крупная дворянская корона; ниже выведено было красивымъ французскимъ шрифтомъ: „M-r Athanase de Pamiroff".

— На карточкѣ нѣтъ вашего адреса... сказалъ я.

— Да... c'est une idée à moi... я васъ прошу не безпокоиться отдавать мнѣ визитъ. Я положительно никого не могу принять въ теперешнемъ моемъ помѣщеніи; мнѣ

рекомендовали, — я довѣрился и попалъ въ какой-то taudis — трущобу... Кругомъ Богъ знаетъ кто; pas un homme de notre monde,—какая-то все сволочь! Совѣстно даже встрѣчаться на лѣстницѣ... На-дняхъ я переѣзжаю. И еще разъ прошу не безпокоиться... Я лучше къ вамъ зайду узнать... Но, я васъ задерживаю... Вы собирались уйти... Ради Бога, извините меня... Впрочемъ, прибавилъ онъ, вставая, — скоро пять часовъ, выйдемте вмѣстѣ... Five o'clock! — я въ это время имѣю обыкновеніе выпить чашку чая... Five o'clock! Знаете, старая привычка!

Мы вышли вмѣстѣ и скоро разстались. Я однако его не послушалъ. Справившись на другой день въ адресномъ столѣ, я отправился его отыскивать.

Онъ жилъ въ Гороховой, въ одномъ изъ тѣхъ огромныхъ домовъ съ двумя-тремя дворами, на которыхъ, несмотря на всѣ предосторожности санитарныхъ комиссій, царятъ постоянно вонь и нечистота, доставляемыя не столько почвой, сколько самими жильцами. Мнѣ надо было отыскать № 62. Дворниковъ должно было быть нѣсколько, но, по обыкновенію, ни одинъ не отыскался. Посреди двора топталась закутанная баба, кричавшая надорваннымъ пискливымъ голосомъ: „Селедки голландски... Селедки хорошія!“ но спрашивать у нея было безполезно.

Надъ одной дверью, на длинной жестянкѣ съ линялыми кривыми цифрами, разобралъ я, наконецъ, требуемый номеръ и сталъ подыматься по лѣстницѣ. Она какъ бы служила продолженіемъ заднему двору; съ первыхъ ступеней бросалась въ носъ кислота, отъ которой ѣло глаза; зловонію не мало способствовалъ запахъ, выходившій изъ маленькихъ желтыхъ шкапчиковъ, устраиваемыхъ жильцами для сохраненія провизіи въ надлежащей свѣжести; поминутно приходилось отбрасывать ногою всякій соръ, окурки, обрѣзки картофеля и бумаги и сторониться, чтобы дать дорогу стремительно сбѣгавшей кошкѣ. На поворотѣ каждаго этажа, подлѣ дверей, обитыхъ зеленой клеенкой съ вылѣзавшей наклей, стояла лахань, наполненная водой съ плавающими на ней золою, углями, яичной скорлупой и рыбьимъ пузыремъ.

Въ четвертомъ этажѣ отыскалъ я 62-й номеръ; на двери была прибита надпись: „Меблированныя комнаты“. Я потянулъ проволоку, служившую ручкой звонку; послышался дребезжащій звукъ, похожій на упавшую разбитую склянку.

— Кто тамъ? спросилъ женскій голосъ, и прежде чѣмъ я успѣлъ дать отвѣтъ, дверь отворилась.

— Кого вамъ надо? спросила грязнаго вида женщина, не успѣвшая съ постели оправить волосъ.

Я назвалъ Памирова.

— А чтобъ тебя нелегкая! крикнула она неожиданно, бросаясь къ плитѣ, на которой уходило изъ кастрюли кипѣвшее молоко.

Изъ кухни, наполнившейся вдругъ чадомъ, шелъ вправо длинный темный коридоръ, освѣщаемый керосиновой вонючей лампочкой; стѣны и двери, оклеенныя обоями съ разводами, покрыты были царапинами, мѣстами отпечатывалась на нихъ вся пятерня и безпрестанно попадались бурыя полосы отъ зажигаемыхъ мимоходомъ спичекъ.

Я вторично обратился къ женщинѣ.

— Вамъ господина Памирова? ихъ, кажись, дома нѣтъ, сказала она, — а коли что надо, спросите хозяйку, она знаетъ... Каролина Карловна! крикнула женщина, обращаясь къ коридору.

Скрипнула гдѣ-то дверь, послышалось шлепанье туфель, и въ кухнѣ показалась пожилая, бѣлобрысая, курносая женщина въ ситцевомъ распашномъ капотѣ. Она точно такъ же, какъ ея кухарка, не успѣла еще съ постели приправить волосъ.

— Кашпадинъ Памировъ — она усла! проговорила хозяйка.

Съ первыхъ звуковъ можно было узнать одну изъ тѣхъ петербургскихъ чухонокъ, которыя выговариваютъ: „рашки“ вмѣсто „тряпки“, „ливки“ — вмѣсто „сливки“, „рямо“—вмѣсто „прямо“, и т. д.

— А вы, кашпадинъ, пріятель мой шильца? подхватила она, уставляя на меня заспанные глаза.

— Да... знакомый...

— Когда ейный шнакомый, поговорить пошалста зпимъ; нада платить швой комнатъ; дала одна сататка; два мѣшца жила; вошмнадцать рубль должна кашпадинъ Памировъ... Этта шавшимъ не на карошь манеръ... Она утра ушла, и мадамъ его ушелъ.

— Какая мадамъ? спросилъ я, удивленный.

— Онъ простой вейка...

— Вейка? спросилъ я, окончательно озадаченный.

— Швея, вмѣшалась кухарка,—а то просто такъ себѣ...

Господинъ Памировъ называетъ ее мадамой, ну и мы также, въ смѣхъ, значитъ...

Я обѣщалъ передать жильцу просьбу хозяйки и поспѣшилъ направиться къ двери.

„Вотъ тебѣ и soupers assis, и какъ кстати тоже эти five o'clock!!..“ думалъ я, спускаясь съ лѣстницы.

Несмотря на чувства, внушаемыя Памировымъ, мнѣ стало его жаль. Нѣсколько времени спустя, я могъ бы найти ему скромное мѣсто; но когда письменно извѣстилъ его объ этомъ для предварительныхъ переговоровъ, оказалось, онъ уже не жилъ въ меблированныхъ комнатахъ. Черезъ полицію узналъ я о его выѣздѣ изъ Петербурга. Куда онъ выѣхалъ, что съ нимъ сталось—я не находилъ больше желанія наводить справокъ.

Оглавленіе XII тома.

	стр.
Рождественская ночь. Разсказъ.	5
Мой дядя Бандуринъ. Разсказъ	33
Замшевые люди. (Запоза.) Комедія въ 5 дѣйствіяхъ. . . .	63
Городъ и деревня. Повѣсть	162
Литературныя воспоминанія.	209
Порфирій Петровичъ Кукушкинъ.	342
Встрѣча. Разсказъ.	396

ПЕРЕП. КИРХНЕРА. С.П.Б. МАЛ. МОРСКАЯ 14.